

НИВА

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1876

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТЕРБУРГЪ

П. П. МАРКСОМЪ

КРЕЙЕРМАНЪ.

П. МАРКОВЪ

На Большой Морской
и углу Невского просп.
д. Росмана, № 9.

№ 27

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 5 Іюля 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Живарева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за ІЮЛЬ съ 38 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 24 чертежами.

Соликамскъ.

Городъ Соликамскъ лежитъ подлѣ 59°36' сѣверной широты и 74°8' восточной долготы въ разстояніи 1,585¼ верстъ отъ Москвы и 206½ отъ губернскаго города Перми, на 239' надъ

нихъ выходцевъ селиться здѣсь. О времени основанія Соликамска существуютъ различныя мнѣнія, но вѣроятнѣе всего годомъ основанія его, можно принять 1430 годъ, когда выходцы

Колоколамн дѣтскаго собора.
Церковь Рождества.

Церковь Богоявленія.
Домъ земства.

Дѣтскій соборъ.

Городъ Соликамскъ. Рисов. Потѣхинъ, гравир. Бергъ.

поверхностью моря. Соликамскъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ губерніи. Началомъ своимъ онъ обязанъ открытію въ немъ самомъ, или около него, соляныхъ разоловъ, привлечшихъ раз-

изъ Балахны, Усть-Сысольска и Сольвычегодска, посадскіе люди Калмыковы и др., и завели тутъ варницы на р. Усолкѣ. Слухи о богатствѣ разоловъ у Камской соли, нынѣшній Соликамскъ, быстро

распространялись и вотъ, въ 1558 г., именитый гражданинъ, какъ говорятъ о немъ въ старинныхъ актахъ, Григорій Анкиевъ Строгановъ, просить у царя Иоанна Васильевича Грознаго себѣ тамъ земли. 11 апрѣля того же года царемъ дана ему грамота, на громадное количество пусто лежащихъ земель, расположенныхъ по р. Камѣ, вокругъ г. Соликамскя. Получивъ эту грамоту, Строгановъ началъ заселять эти пустынные мѣста и занялся соленомышленностью. По писцовой книгѣ Яхонтова, составленной въ 1579 году, въ Соликамскѣ считалось 16 варницъ и нѣсколько церквей, слѣдовательно, уже въ то время онъ имѣлъ значеніе, если не торговаго города, то хорошо населеннаго пункта, что много значило тогда въ такой далекой и пустой мѣстности, какова была Пермь, не отличающаяся и нынѣ густотою населенія. По описи Кайсарова въ 1624 г. въ Соликамскѣ показано варницъ 37, въ лѣтописи Берга подъ 1743 годомъ записано, что было варницъ 44 при 96 солеразсолныхъ подъемныхъ трубахъ.

Въ первый разъ городъ Соликамскъ упоминается въ лѣтописяхъ, въ 1581 году по поводу набѣга на Чердынь Кулукъ Салтана, сына Тюменскаго царя Ивана. Въ этомъ году князь Кичень началъ на Соликамскъ, тогда уже укрѣпленный башнями и деревяннымъ острогомъ. Въ послѣдствіи кругомъ города былъ сдѣланъ глубокий ровъ и земляной валъ, слѣды которыхъ и до сихъ поръ замѣтны. Въ древнія времена Соликамскъ подвергался неоднократнымъ нападеніямъ разныхъ Сибирскихъ народовъ — памятниками набѣговъ остались могилы убитыхъ, въ память которыхъ поставлены каменные кресты и часовни, и постановлено два крестныхъ хода. Въ одной изъ церквей города — Спасской и до сихъ поръ сохранилась деревянная доска, на которой написаны имена убитыхъ защитниковъ города, похороненныхъ близъ этой церкви. Городъ подвергался частымъ опустошительнымъ пожарамъ. Кромѣ пожаровъ Соликамскъ постигали и другія общественныя бѣдствія: неурожаи, наводненія. Въ 1783 году много умерло съ голоду и смертность доходила до 100 человѣкъ въ день. Необыкновенныя явленія природы, «знаменія» случались надъ Соликамскомъ: въ 1698 г. 17 августа и 1705 года 15 іюня подъ вечеръ около 4—5 часовъ пополуночи, съ юго-запада появилась темная туча, какъ самый густой, черный дымъ. Эта туча налегла на городъ и окрестности, и наступила совершенная темнота такъ, что люди вблизи не могли различать другъ друга; мгла эта продолжалась 1/2 часа и потомъ приняла красноватый оттѣнокъ, уподобляясь огненной тучѣ — явленіе это возбудило всеобщій ужасъ. Одинъ лѣтописецъ говоритъ, что изъ этой огненной тучи сыпался пепелъ съ искрами, но вреда никакого не причинилъ. Въ 1737 г. ночью на 7, 11 и 13 декабря небо освѣтилось яркимъ багровымъ цвѣтомъ, самый свѣтъ принялъ багроватый оттѣнокъ. Страшные морозы были въ 1733 и 1740 г., въ которые погибло много людей. Соликамскъ уже въ концѣ XVI столѣтія былъ важнымъ промышленнымъ городомъ на европейской сторонѣ Урала, такъ какъ черезъ него проходилъ главный торговый путь изъ Москвы въ Сибирь и даже Китай. Съ самаго своего основанія Соликамскъ входилъ въ составъ Великой Перміи, которая до 1708 состояла въ зависимости отъ Новгородскаго приказа въ Москвѣ. Съ 1710 года по указу Императора Петра I Соликамскъ вошелъ въ составъ Сибирской губерніи и сдѣлался уѣзднымъ городомъ. Когда въ 1719 году, по указу тоже императора, губерніи были раздѣлены на провинціи, — въ Соликамскѣ открыта провинція въ составѣ Сибирской губерніи, и къ нему были приписаны Чердынь и Кунгуръ. Съ 1722 по 1735 г. Соликамскъ былъ провинціальнымъ городомъ, который въ 1728 г., вмѣстѣ съ Чердынью и Кунгуромъ, перечислены въ Казанскую губернію. Въ 1738 г. въ Соликамскѣ учреждено городское правленіе и воеводская канцелярія. Въ 1781 г. открыто Пермское наместничество, въ которомъ Соликамскъ сталъ уѣзднымъ городомъ Пермской области. Съ 1505 по 1613 г. Соликамскомъ управляли наместники; всѣхъ ихъ было 13. Съ 1613 по 1781 годъ городъ управлялся воеводами, которыхъ всѣхъ было 74 съ 1781 по введеніе нынѣшней преобразованной полиціи, городомъ заведывали городничіе, которыхъ было 14.

Что въ городѣ Соликамскѣ съ давнихъ временъ процвѣтали ремесла видно изъ того, что въ 1710 году по указу государя, изъ города требовали въ Петербургъ на вѣчное жительство плотниковъ, столяровъ, каменщиковъ и другихъ ремесленниковъ.

Городъ Соликамскъ служилъ, и даже до настоящаго времени служитъ, мѣстомъ ссылки людей строптивыхъ и порочныхъ. Въ 1710 въ Соликамскъ было прислано 100 человѣкъ завоеванныхъ шведовъ; въ 1720 году прислали въ ссылку князя Василія Владиміровича Долгорукова, который возвращенъ обратно въ 1724 году, въ 1747 начали высылать сюда воровъ и разбойниковъ, въ 1769 году прислано 200 поляковъ. Въ Соликамскѣ окончилъ жизнь извѣстный любимецъ Бирона и врагъ Мниха, оберъштальмейстеръ двора императрицы Анны Иоанновны, гвардіи полковникъ графъ Левенвальдъ. Достоверно неизвѣстно, когда онъ привезенъ и когда умеръ, извѣстно только, что онъ былъ недолгимъ и позволялъ впускать къ себѣ однихъ дѣтей. Графъ Левенвальдъ отказалъ даже принять графиню Рюмину-Бестужеву, когда ее провозили въ Сибирь. Говорятъ, что онъ скончался, за нѣсколько часовъ до пріѣзда курьера, везшаго указъ о его прощеніи. Дома, гдѣ жилъ графъ Левенвальдъ нынѣ нѣтъ,

а осталось лишь мѣсто гдѣ онъ былъ. Домъ въ недавнее время разобранъ и изъ кирпичей его построенъ общественной городской домъ.

Въ 1722 году въ Соликамскъ былъ присланъ изъ С.-Петербургской академіи учитель Стенанъ Ждановъ для ученія дѣтей арифметической и геометрической наукамъ. Въ 1724 году изъ Соликамска велѣно прислать 1300 кедровъ для сада Его Величества въ Петербургъ.

Изложивъ въ бѣгомъ очеркѣ нѣкоторые историческіе факты, которыхъ былъ свидѣтелемъ Соликамскъ, остается сказать нѣсколько словъ о томъ, что представляетъ собою Соликамскъ въ настоящее время. Городъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ мелкой рѣчки Усолки и раздѣленъ ею почти на двѣ равныя части — одна нагорная, сухая часть расположена по лѣвой сторонѣ и составляетъ лучшую часть города, другая низменная, болотистая — по правой сторонѣ рѣчки. Городъ построенъ правильно, улицы прямыя широкія, но не мощены и никогда не освѣщаются. Большая часть города застроена неприглядными деревянными домиками. Два, три десятка частныхъ деревянныхъ зданій заслуживаютъ вышій названіе домовъ, далѣе же, по всѣмъ направленіямъ, а въ особенности по правой сторонѣ рѣчки слѣдуютъ дома, которые по мѣрѣ удаленія отъ центра, постепенно теряютъ видъ городскихъ построекъ. Каменныхъ домовъ очень мало. Два вида, здѣсь изоброженныхъ, составляютъ самую лучшую часть города. Одинъ видъ представляетъ садовую улицу гдѣ расположены дома многихъ именитыхъ горожанъ, зданіе уѣзднаго училища гдѣ вмѣстѣ и помещеніе для зрителя, занимающаго почти половину всего дома, и казначейство казарменнаго стѣла. Другой видъ базарной площади съ прилегающими къ ней лавками, церквями и зданіями. На болѣе возвышенномъ мѣстѣ стоитъ Святотроицкій лѣтній соборъ, который началъ строиться на пожертвованныя 200 руб., ассигнаціями князьями Петромъ и Иоанномъ Алексѣевичемъ и сестрой ихъ Софією Алексѣевной; пожертвованной суммы не достало на окончательную постройку храма и въ томъ мѣстѣ до которыхъ была произведена постройка, на пожертвованныя деньги, постановлена мраморная корона*). Онъ началъ строиться въ 1688 г., оконченъ на частныя пожертванія и освященъ 28 іюля 1697 г. Внутренность храма довольно хорошо украшена, особеннаго вниманія заслуживаетъ складной образъ Николая Чудотворца очень древней работы, который, какъ гласитъ преданіе, подаренъ городу царемъ Иоанномъ Васильевичемъ Грознымъ въ 1550 г. когда онъ былъ подъ Казанью. Входы въ соборъ съ южной и западной сторонъ представляютъ собою рядъ колонадъ, возвышеній, уступовъ. При соборѣ трехъ этажная колокольня со шпилемъ, всего вышиною 32 сажени. Церковь Рождества, далѣе церковь Богоявленія, самая древняя изъ всѣхъ церквей города, въ одномъ корпусѣ двѣ — лѣтняя и зимняя; — первая освящена въ 1691 г. а вторая въ 1695 г., много образовъ хорошей живописи и ризница богата крупнымъ жемчугомъ, жертвованнымъ разными лицами. Домъ земства, тоже одно изъ стариннѣйшихъ зданій города и отличается своими толстыми, но непрочными стѣнами, такъ какъ стѣны не сдѣланы изъ кирпича, а между стѣнами, въ одинъ кирпичъ каждая, навалены мусоръ. Кромѣ зданій, указанныхъ на рисункѣ, есть еще нѣсколько церквей и зданій, о которыхъ не лишнее сказать нѣсколько словъ. Крестовоздвиженскій зимній соборъ построенъ въ 1698 г. въ немъ много старинныхъ образовъ греческой и венеціанской работы. Церковь лѣтняя Нерукотвореннаго Спаса — время постройки неизвѣстно; на стѣнахъ написаны довольно искусно — приччи. Бывшій монастырь, а нынѣ зимняя приходская церковь Архангела Михаила, освящена въ 1725 г. ризница богата жемчугомъ — одно облаченіе для священника и одно для дьякона, по поясъ усыпаны крупнымъ жемчугомъ. Церковь Вознесенія, Покрова, Преображенія, построены между 1687 и 1713 годами издѣланиемъ частныхъ лицъ; церковь на кладбищѣ Жень Муромосицъ построена въ 1750 г. на деньги, пожертвованныя солепромышленникомъ Суриповымъ. Около нея есть каменная часовня, почти разрушившаяся, которая, по преданію, построена 300 лѣтъ тому назадъ. Наконецъ, Вознесенскій монастырь построенъ въ 1608 г. Не смотря на древнее основаніе города и развитіе въ немъ торговли, промысла солеваренія, жители его очень бѣдны. Всѣхъ жителей до 3500, въ томъ числѣ до 100 человѣкъ ссыльно-поселенцевъ. Большинство жителей находится поденными работниками при солеваренныхъ заводахъ. Въ городѣ 25 кузницъ, 9 кожевенныхъ заводовъ, два мѣдныхъ заведенія. Женщины въ лѣтнее время исключительно занимаются уходомъ за капустой, которую распродаютъ въ громадномъ количествѣ не только окрестнымъ крестьянамъ, но даже пріѣхавшимъ издалека верстъ за 50 — 100. Какъ подобаешь порядочному городу, въ немъ есть клубъ, банкъ, уѣздное мужское, уѣздное женское, духовное и приходское училища, есть земская и городская управа; гостиницъ или постоялыхъ дворовъ нѣтъ ни одного. Торговые люди города не предприимчивы, не рискуютъ и не ведутъ обширной торговли, а ограничиваются только торгомъ въ своихъ лавочкахъ. Въ городѣ армарокъ не бываетъ и только разъ въ недѣлю, по суббо-

*) Что видно на рисункѣ.

тамъ,—базаръ, на который окрестные жители привозятъ разные съѣстные продукты; кто не запасется ими, въ этотъ день, тому придется голодать цѣлую недѣлю. Почти всѣ жители города съ большими предразсудками — одинъ недавній примѣръ, какъ это было въ 1872 г., вполне доказываетъ справедливость высказаннаго: дѣло въ томъ, что дятель залетѣлъ на собор-

ную колокольню и началъ стучать въ колоколь; пошелъ звонъ, жители переполошились, видя въ этомъ предзнаменованіе чего то худого. Всѣ отъ мала до велика вышли на улицу, гоняли птицу до изнеможения и, наконецъ, лишили жизни.

С. Г.

ВЪ НОВЫЙ ПУТЬ

(Записки молодой дѣвушки).

I.

Длинные косые лучи заходящаго солнца тянулись по листвѣ нашего тѣнистаго садика; вдали на улицѣ погромыхивали экипажи, а я сидѣла въ гостиной у окна и грустно раздумывала о недавней ссорѣ отца съ матерью. Виною ихъ ссоры—наша бѣдность.

Я сознаю, что мнѣ надо работать, чтобъ выдти изъ этого ужаснаго положенія. Цѣлый мѣсяцъ, съ тѣхъ поръ, какъ я оставила гимназію, эта мысль не покидаетъ меня, но какимъ образомъ доставать деньги? Я хотѣла идти въ гувернантки, но мама говоритъ, что я ея единственное утѣшеніе и не хочетъ разстаться со мною, а тетюшка не можетъ встрѣтиться съ мыслью, что дочь княжны Севериной, ея сестры, пойдетъ въ гувернантки. Она не знаетъ, что такое бѣдность! Только тотъ, кто самъ проходилъ по ней, кто до сыта не наѣдался, чтобъ оставить другимъ членамъ семьи лишній кусокъ, кто перетряхивалъ свои лоскутья для того, чтобъ у брата былъ новый галстухъ, а у отца новые сапоги, тотъ пойметъ меня. Больше всего я ненавижу нашу бѣдность, съ претензіями на изящный и аристократическій образъ жизни, который уже мы были не въ состояніи болѣе вести.

Я рѣшилась искать себѣ какой нибудь работы и, благодаря содѣйствію бывшей компаньонки моей матери, Екатерины Семеновны Лардье, получила чрезъ нѣкоего архитектора Ровинскаго рекомендацію въ страховое общество „Основа“. Лардье жила гувернанткой при дѣтихъ Ровинскаго и, зная очень хорошо о положеніи нашихъ дѣлъ, хлопотала обо мнѣ.

Ровинскій самъ отвезъ меня въ правленіе общества „Основа“.

Пріѣхавъ туда, мы поднялись по высокой лѣстницѣ во второй этажъ, и, пройдя нѣсколько отдѣленій, вошли въ кабинетъ главы правленія. Насъ встрѣтилъ человекъ лѣтъ сорока пяти, почти сѣдой, хотя еще бодрый и красивый. Это былъ Минкевичъ, глава правленія.

Ровинскій познакомилъ меня съ нимъ.

— Прошу покорно сѣсть, отрывисто проговорилъ Минкевичъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ и указалъ мнѣ на стулъ около большого стола, стоящаго посреди комнаты, на которомъ лежало множество бумагъ.

Ровинскій помѣстился противъ меня. Минкевичъ сѣлъ между нами.

— Вы знаете иностранные языки? обратился ко мнѣ Минкевичъ, попрежнему отрывисто.

Я отвѣчала утвердительно.

— Потрудитесь написать что-нибудь, проговорилъ онъ, пододвигая мнѣ листокъ бумаги и подавая перо.

— На какомъ языкѣ? спросила я.

— Все равно, хоть по русски.

Я написала: страховое общество „Основа“ и подала Минкевичу листокъ.

Онъ поглядѣлъ на мой почеркъ и пріятно улыбнулся.

— Вы вѣрно много писали? спросилъ онъ меня.

— Да, приходилось.

— И такъ, прошу васъ начать ваши занятія у насъ съ 1-го іюля, стало быть, черезъ два дня.

Я вздохнула свободно: экзаменъ ограничился тремя написанными мною словами.

— Къ намъ постоянно прибываютъ дамы, началъ Минкевичъ, обращаясь къ Ровинскому, что я поддерживаю, такъ какъ вообще очень доволенъ дамами, занимающимися у насъ.

Тутъ я поднялась съ мѣста, видя, что аудіенція кончилась.

— Стало быть, я явлюсь сюда черезъ два дня, сказала я, обращаясь къ Минкевичу.

— Да, но потрудитесь тогда сначала войти ко мнѣ, замѣтилъ онъ, протягивая мнѣ руку на прощаніе.

II.

Наступило и важное для меня 1-е іюля, день моего искуса въ „Основѣ“, моихъ первыхъ шаговъ въ этомъ неизвѣстномъ для меня мірѣ. Съ сильно бьющимся сердцемъ поднялась я въ тотъ день на лѣстницу каторы, прошла по комнатѣ, предшествующей кабинету Минкевича, гдѣ множество любопытныхъ глазъ моихъ тогда еще будущихъ сослуживцевъ устремились на меня, и вошла въ кабинетъ. Минкевичъ сидѣлъ у стола и писалъ, увидѣвъ меня, онъ поднялъ голову, поклонился и рукою указалъ мнѣ на стулъ. Четверть часа просидѣла я въ томительномъ ожиданіи. Минкевичъ внимательно писалъ и, наконецъ, вставъ съ мѣста, вышелъ изъ комнаты, не сказавъ мнѣ ни слова.

Еще прошло минутъ десять. Старая отъ нетерпѣнія и волненія, я безпрестанно смотрѣла на часы. Наконецъ появился Минкевичъ и за нимъ небольшой, блѣднотлицый человекъ, съ густыми каштановыми, чрезвычайно широко расчесанными и вьющимися волосами.

Минкевичъ обратился ко мнѣ.

— Г. Крысицкій, сказалъ онъ, указывая на вошедшаго съ нимъ господина, дасть вамъ занятіе. Прошу за нимъ послѣдовать.

Я встала и пошла за Крысицкимъ. Черезъ многіе переходы мы поднялись по высокой лѣстницѣ во второй этажъ и наконецъ достигли комнаты, въ которую меня ввелъ Крысицкій. Тамъ, за большими письменными столами, сидѣло трое мужчинъ и одна женщина, четвертый мужчина помѣщался у единственнаго окна комнаты, снимая на вощеную бумагу какой-то планъ, лежащій на пюпитрѣ. Этотъ господинъ обернулся ко мнѣ, когда я вошла, и долго не сводилъ съ меня своего любопытнаго взгляда.

— Позвольте васъ познакомить съ г-жею Талицкой, поступившей къ намъ въ отдѣленіе, представилъ меня Крысицкій моимъ сослуживцамъ.

Я подала всѣмъ руки, сѣла за пустой столъ, сняла шляпу и оглянулась отыскивая глазами, куда ее положить.

— Вотъ сюда, замѣтивъ мое движеніе, указала мнѣ на гвоздь, вбитый за мною на стѣнѣ, молодая женщина, сидѣвшая около стола, за которымъ я находилась. Ея мягкій голосъ и привѣтливая улыбка расположили меня въ ея пользу.

Крысицкій подошелъ ко мнѣ и, облокотившись на столъ, положилъ передо мною длинный листъ довольно тонкой бумаги, на которомъ было напечатано латинскимъ шрифтомъ на нѣмецкомъ языкѣ: Aufgabe, Листъ этотъ былъ раздѣленъ на мелкія графы, во главѣ которыхъ стояли печатныя слова: № Police, Name des Versicherten, Ort, Bezirke, Gegenstand, т. е. какіе-то

непонятные для меня номера, имя страхователя, мѣстность, округъ и предметъ страхованія, затѣмъ начало страхованія и конецъ, годъ, мѣсяцъ и число. Всѣ эти графы были наполнены мелко-исписанными словами и цифрами, все это странно пестрѣло передъ моими непривычными глазами, а въ ухахъ раздавались неясныя рѣчи Крысицкаго, довольно плохо объяснявшагося по русски.

Вотъ видите, говорилъ онъ мнѣ, указывая на печатное слово Краков, стоявшее на верху листа, это бордеро Краковскаго Общества Перестрахованія, иначе сказать, переданныя намъ по этому документу, замѣйте, не страхованія просто, а перестрахованія. Страховыя общества взаимно перестраховываютъ различныя, недостаточно безопасныя страхованія для того...

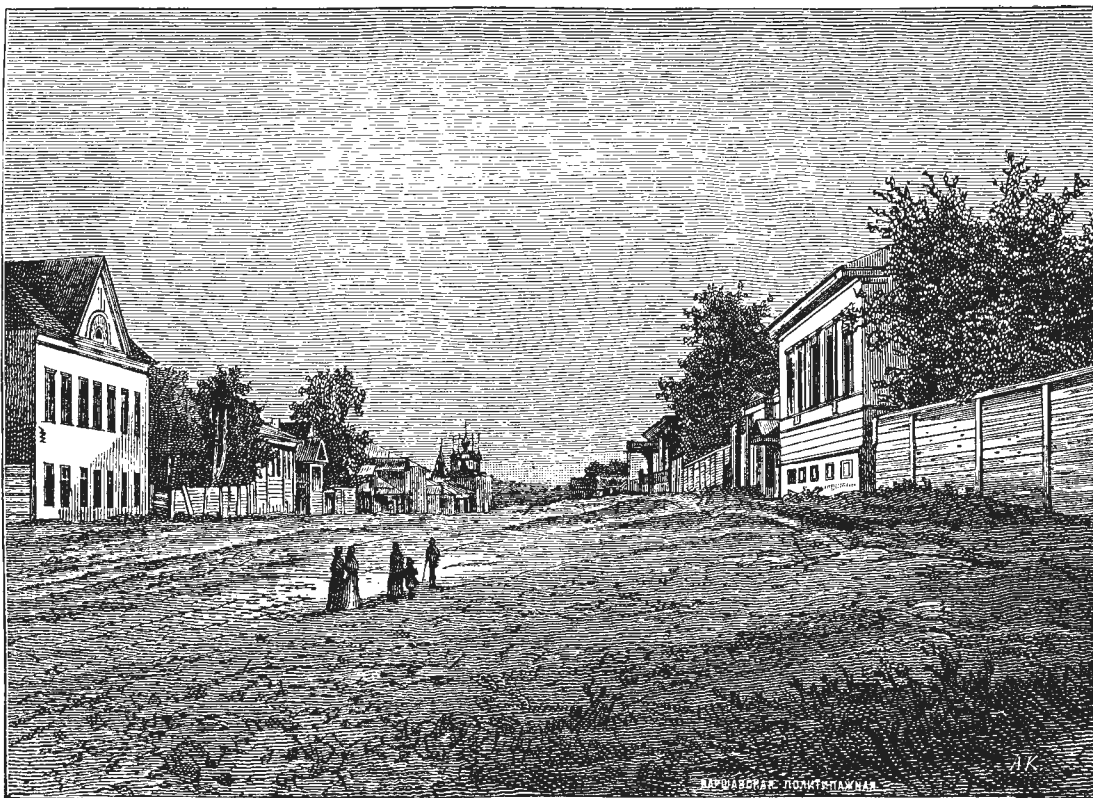
— Чтобы окончательно не прогорѣть, вмѣшался тутъ господинъ, работавшій надъ планомъ и добродушно засмѣялся.

Блѣдное лицо Крысицкаго выразило нѣчто въ родѣ улыбки и онъ продолжалъ, обращаясь ко мнѣ:

тому вы будете справляться, когда понадобится. Теперь начните работу.

Я стала дѣлать выписки изъ бордеро. Крысицкій молча слѣдилъ за моей работой и, повидимому, былъ ею доволенъ. Онъ вскорѣ оставилъ меня одну за моей работой, но я часто отвлекала его отъ конторки своими разпросами, такъ какъ меня иногда затрудняли слова написанныя по польски.

Работа прервалась завтракомъ, за которымъ я разговорилась съ молодой женщиной, сидѣвшей рядомъ съ моимъ столомъ. Я узнала, что она дѣвушка, по фамилии, Заблонская, и уже шесть мѣсяцевъ служить въ „Основѣ“. Она знала всѣ порядки конторы, объяснила мнѣ, что я могу послать артельщика за завтракомъ въ гостиницу, въ отвѣтъ на что я ей показала кусокъ бѣлаго хлѣба и колбасы, принесенные съ собою. Отъ нея я узнала, что отдѣленіе, помѣщавшееся въ третьемъ этажѣ, гдѣ мы были, называется преимущественно дамскимъ, такъ какъ почти всѣ женщины, работающія въ

Городъ Соликамскъ. Садовая улица. Рис. Потѣхинъ, гравир. Ковнецкій;

— Именно для того, чтобъ не понесли слишкомъ раззорительныхъ убытковъ и существуютъ перестрахованія, такъ что и барышъ, и убытокъ дѣлятся между обществами. Получая подобныя заграничныя бордеро, мы дѣлаемъ изъ нихъ извлеченія на особыхъ листахъ, это будетъ вашимъ занятіемъ. Вписавъ, что слѣдуетъ въ означенныя здѣсь графы (говоря это, онъ положилъ передо мною большой листъ разлинованной бумаги), вы будете класть эти листы въ различныя папки (тутъ онъ мнѣ указалъ на громадныя синія картонныя тетради, лежавшія на этажеркѣ; на нихъ стояли надписи: Австрія, Венгрія, Галиція). Разумѣется, вы должны будете наблюдать, чтобъ страхованія, принадлежація одной странѣ, не попали бы въ другую, такъ какъ много городовъ и мѣстечекъ одного имени, но въ разныхъ странахъ. Чтобъ помочь путаницѣ, которая иногда происходитъ отъ того, что въ бордеро иногда бываетъ только означенъ городъ и имя страхователя, а мѣстность не означена, имѣется у насъ географическій лексиконъ. по ко-

„Основѣ“, находятся въ немъ и также, что наше отдѣленіе называется отдѣленіемъ комплексовъ и что Крысицкій его начальникъ. По окончаніи завтрака вошелъ Крысицкій, и мы принялись за работу.

Въ списываемомъ мною бордеро значилось между прочимъ мѣстечко Липникъ, мѣстность котораго не была означена. Взявъ географическій лексиконъ, я нашла его въ Галиціи, но не удовольствовалась этимъ и не прежде, какъ получивъ насчетъ этого подтвержденіе отъ Заблонской и другого господина, сидѣвшаго въ нашемъ отдѣленіи, рѣшилась помѣстить его въ Галиціи.

Такъ продолжала я свою работу, чувствуя усталость въ рукахъ отъ непривычки безпрестанно брать и класть тяжелыя тетради, въ которыхъ заключались выписки изъ бордеро. Наконецъ пробило пять часовъ, и я могла оставить свою работу. Я встала и начала завязывать картонныя папки, чтобъ положить ихъ на мѣсто.

— Дайте, я это сдѣлаю, вы еще не знаете, обратилась ко мнѣ Заблонская съ своею мягкой улыбкою.

Я отдала ей папки, стала надвѣвать шляпу и видѣла, какъ Крысицкій подошелъ къ Заблонской и сталъ съ нею шептаться, бросая на меня недоброежелательные взгляды. До меня долетали польскія слова „солидарность“ и „деликатность“, очевидно произнесенныя на мой счетъ. Отъ этого полупонятаго разговора кровь бросилась мнѣ въ лицо. Я не хотѣла злоупотреблять ни чьей деликатностью; твердо подошла я къ своему

Крысицкій растерялся и очень любезно поклонился мнѣ на прощаніе, но я ему отвѣтила довольно сухо.

Я вышла изъ конторы грустная и усталая, съ сознаниемъ тяжело прожитаго дня. Противъ меня уже интриговали, относились ко мнѣ враждебно, а я еще не сдѣлала ничего, достойнаго преслѣдованія, меня совсѣмъ не знали. Мнѣ было горько и обидно.

На слѣдующее утро, отправляясь въ „Основу“, я рѣ-

Карта населенія Европейской Турціи. Составилъ Лежанъ, грав. К. Вейерманъ.

столу и стала связывать тетради между собою и укладывать въ нихъ листы.

— Я вамъ сказала, что все сдѣлаю за васъ, тихо и мягко обернулась ко мнѣ Заблонская.

— Благодарю васъ, но я не желаю, чтобъ вы трудились за меня, это было-бы не деликатно.

Я съ намѣреніемъ сдѣлала сильное удареніе на послѣднемъ словѣ, отъ чего Заблонская покраснѣла, а

шла совсѣмъ перемѣнить свою тактику и изъ покорной ученицы, какою я явилась въ первый день моего поступленія въ контору, взять на себя болѣе увѣренности и апломба. Въ такомъ настроеніи я спокойно вошла въ отдѣленіе комплексовъ и сѣла за столъ. Заблонская привѣтливо улыбнулась, здороваясь со мною, но въ этой привѣтливости я готова была видѣть ехидство, послѣ ея шептаній обо мнѣ съ Крысицкимъ; послѣдній-

же строго указаль мнѣ на одинъ изъ написанныхъ мною наканунѣ листовъ, гдѣ на заглавіи красовался „Липникъ“.

— Это что? протянулъ онъ, вы поставили этотъ городъ въ Галиціи, когда—онъ въ Силезіи.

— По географическому лексикону Липникъ находится въ Галиціи, отвѣчала я.

— Посмотримъ, продолжалъ онъ, перелистывая лексиконъ и нашедши то, на что я указывала, прикусилъ себѣ губу. Но есть другой городъ того-же названія, въ Силезіи, продолжалъ онъ, быстро перевертывая листы книги. Вотъ онъ! съ триумфомъ указаль онъ мнѣ на одинъ изъ листовъ лексикона.

— Ну, ужь, Иванъ Осиповичъ, вмѣшался тутъ господинъ, снимавшій планъ, они (онъ сдѣлалъ знакъ головою въ мою сторону) могли легко не знать этого, такъ какъ и Марья Францовна, и Фаминицкій подтвердили имъ тоже самое.

— Я думалъ, что дѣло идетъ о Липникѣ въ Галиціи, сказала Фаминицкій, опуская глаза.

— Вы думали! сердито замѣтилъ ему Крысицкій и обернулся ко мнѣ: надо будетъ переписать листъ, сухо сказалъ онъ.

Я тотчасъ-же принялась переписывать листъ. Работа въ этотъ день шла у меня быстрѣе, чѣмъ наканунѣ, я стала осваиваться съ нею, нервы мои успокоились, и я не обращала вниманія на косые взгляды Крысицкаго. Наступилъ часъ завтрака, руки и перья отдыхали, изъ разныхъ отдѣленій являлись къ намъ посѣтители. Промежду нихъ я замѣтила довольно красиваго и очень разговорчиваго молодого человѣка, котораго называли Антоновымъ. Онъ, какъ и всѣ, оглядывалъ меня съ любопытствомъ.

— Я какъ-то слышалъ, что Амалия Федоровна снова поступаетъ къ вамъ въ отдѣленіе, говорилъ Антоновъ Крысицкому,

Тотъ покосился на меня.

— Да... не знаю... если будетъ ваканція. Я говорилъ объ этомъ Минкевичу, но развѣ у насъ обращаютъ вниманіе на дѣльныя просьбы? Амалия Федоровна отлично работаетъ и была-бы намъ очень полезна, объяснялъ Крысицкій.

Я поняла, что эту госпожу желали помѣстить на мое мѣсто.

— У насъ вѣдь все идетъ не по людски, сердито продолжалъ Крысицкій, начинающихъ сажаютъ въ комплексы вмѣсто того, чтобъ помѣстить въ бордеръ...

— Конечно, бордеръ самая лучшая школа для новичковъ, пиши себѣ подъ диктовку, да и только, вставилъ Антоновъ.

— Разумѣется того не посадятъ въ бордеръ, кто имѣетъ высокую протекцію! ѣдко выговорилъ Крысицкій, снова косясь на меня. Это былъ опять камень въ мой огорождъ. Я крѣпилась, но Крысицкій становился мнѣ ненавистенъ.

— Знаете: Войбоковскій вернулся изъ Нижняго, началъ затѣмъ Антоновъ.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ какимъ-то вошедшимъ очень высокимъ и черноволосымъ господиномъ, при видѣ котораго всѣ почему-то разошлись. Антоновъ вышелъ, а остальные вернулись къ своимъ занятіямъ.

Черноволосый господинъ заговорилъ съ Крысицкимъ по-русски съ иностраннымъ акцентомъ о своей поѣздкѣ въ Нижній-Новгородъ. Рассказывая, онъ внимательно разглядывалъ меня. Я прилежно писала, но почувствовала, что эти взгляды становятся мнѣ докучны, хоть я и старалась ихъ не замѣчать.

— Это вновь поступившая дама? Спросилъ онъ обо мнѣ Крысицкаго по-нѣмецки и довольно громко.

— Да, отвѣтилъ тотъ и сталъ о чемъ-то тихо говорить съ нимъ.

Черноволосый господинъ вскорѣ подошелъ къ моему столу и сѣлъ возлѣ него на стулъ.

— Какъ идетъ работа? очень развязно спросилъ онъ меня по-нѣмецки.

Этотъ вопросъ показался мнѣ неумѣстнымъ любопытствомъ со стороны неизвѣстнаго господина, и я сухо отвѣтила ему:

— Такъ идетъ, какъ можетъ идти у людей, еще непривыкшихъ къ своему дѣлу.

— А вѣдь дѣло не веселое, замѣтилъ незнакомецъ. Я съ удивленіемъ подняла на него глаза и снова молча принялась за работу.

— Не правда-ли? продолжалъ онъ допытываться.

— Я здѣсь не для того, чтобъ веселиться, нехотя отвѣчала я, удивляясь его навязчивости, но онъ не проницалъ.

— Не хотите-ли перейти въ то отдѣленіе, гдѣ я захожусь? тихо продолжалъ онъ, перегибаясь ко мнѣ черезъ столъ и прямо глядя мнѣ въ лице своими большими, смѣлыми, голубыми глазами.

— Зачѣмъ? что я тамъ стану дѣлать? спросила я, стараясь догадаться, къ чему клонился этотъ разговоръ.

— Вы будете дѣлать то, что здѣсь дѣлаетъ г. Крысицкій, вести журналъ—хотите?

— Мнѣ, право, все равно, что ни дѣлать, сказала я, желая отвязаться отъ него.

Онъ молча всталъ и вскорѣ вышелъ изъ нашего отдѣленія.

— Кто этотъ господинъ? спросила я, у Заблонской, когда онъ ушелъ.

— Войбоковскій, отвѣтила она, продолжая писать.

III.

На слѣдующій день я только что успѣла войти въ отдѣленіе, сѣсть за столъ и разложить свои письменныя принадлежности, какъ появился черноволосый господинъ и прямо подошелъ ко мнѣ.

— Здравствуйте, сказалъ онъ по-нѣмецки, протягивая мнѣ руку.

Я подала ему свою и собралась писать, но онъ меня остановилъ.

— Оставьте это дѣло, у васъ будетъ другое, болѣе легкое и пріятное. Пойдемте со мною, сказалъ онъ.

— Но, проговорила я въ недоумѣніи, мое настоящее дѣло поручено мнѣ г. Минкевичемъ, какъ-же я могу его мѣнять?

Незнакомецъ улыбнулся.

— Я начальникъ всѣхъ здѣшнихъ отдѣленій: бордеръ, статистики, контроля, комплексовъ, пожарнаго отдѣленія, и могу по своему усмотрѣнію переводить съ мѣста на мѣсто всѣхъ, служащихъ подъ моимъ вѣдѣніемъ лицъ.

Я вдругъ поняла все его поведеніе и слова, и мнѣ стало очень смѣшно за самое себя.

— Я этого не знала, сказала я, неволью улыбаясь и, вставая съ мѣста, все здѣсь для меня такъ ново...

— О, вы скоро тутъ со всѣмъ освоитесь, любезно замѣтилъ Войбоковскій.

Онъ провелъ меня мимо трехъ молодыхъ дѣвушекъ, занимавшихся въ тѣсной комнаткѣ статистикой, подъ вѣденіемъ своего особаго начальника отдѣленія, бѣлокураго, флегматичнаго молодого человѣка. Каждое отдѣленіе имѣло, такъ сказать, своего подначальника, но главнымъ надъ всѣмъ былъ Войбоковскій. Изъ отдѣленія статистики мы вошли въ кабинетъ Войбоковскаго, убранный очень изящно, изъ котораго была еще дверь въ просторную, свѣтлую комнату съ двумя окнами, выходящими на улицу. Въ ней было трое мужчинъ, когда мы туда вошли; въ одномъ изъ двоихъ, сидящихъ за конторками, я узнала словоохотливаго Антонова, другой, худощавый брюнетъ, былъ мнѣ неизвѣстенъ; третій, сидѣвшій въ углу за столомъ, былъ пожилой бѣлокурый господинъ, съ умнымъ, веселымъ взглядомъ и очень

симпатичною наружностью, четвертый столъ стоявшій направо отъ входа у стѣны, долженъ былъ быть занятъ мною, какъ оказалось.

— Вы будете тутъ заниматься, указаль мнѣ на него Войбоковскій, вы станете вести журналъ входящихъ и исходящихъ бумагъ по этой книгѣ (при этихъ словахъ онъ развернулъ большую и толстую книгу лежащую на столѣ), входящія бумаги будете помѣчать номерами и записывать подъ тѣми-же номерами въ книгу и также вкратцѣ вписывать въ журналъ содержаніе получаемыхъ и отсылаемыхъ писемъ. Тутъ (онъ показалъ на этажерку, стоявшую подлѣ стола, на которой лежало множество синихъ картонныхъ папокъ) хранятся письма и бумаги, поступающія въ дѣла. Я буду васъ просить класть ихъ по числамъ и номерамъ. Пересмотрите и познакомьтесь съ книгами на досугѣ, эти папки въ страшномъ беспорядкѣ, прошу васъ привести ихъ въ порядокъ. Не давайте этихъ бумагъ никому, кромѣ какъ мнѣ и господину Гильмант, который вамъ покажетъ, какъ надо вести журналъ. Первая почта пришла, и я сейчасъ принесу вамъ бумаги.

Съ этими словами онъ пошелъ въ свой кабинетъ и тотчасъ-же вернулся оттуда съ большою кипю писемъ, бѣлыхъ и разноцвѣтныхъ листовъ, которые онъ положилъ передо мною.

— Г. Гильманъ, обратился Войбоковскій къ худому брюнету, сидѣвшему за конторкой противъ моего стола, прошу васъ объяснить г-жѣ Талицкой, какъ ей надо вписывать бумаги въ журналъ.

Гильманъ подошелъ ко мнѣ, сѣлъ около меня и сухо, какимъ-то глухимъ несхотнымъ тономъ, сталъ объяснять, что я должна дѣлать. Я начала записывать всѣ эти заграничныя предварительныя и окончательныя бордерѣ, донесенія о пожарахъ, нѣмецкія, русскія и англійскія письма, дневные отчеты заключенныхъ и уничтоженныхъ страхованій и прочія премудрости страховаго дѣла, къ общему удовольствію мрачнаго Гильмана и Войбоковскаго.

— Отлично, сказалъ послѣдній, заглядывая въ журналъ, гдѣ и писала.

— Вы сжато и ясно выражаете содержаніе писемъ, такъ и надо; когда внесете и занумеруете всѣ бумаги, потрудитесь разнести ихъ по отдѣленіямъ. Бумаги помѣченныя буквой В. приносятся ко мнѣ, Р. г. Риверсъ (онъ указаль глазами на пожилого господина, находившагося въ одной комнатѣ со мною), К. Крысицкому, Б. Брокеру, въ отдѣленіе контроля и Бордеро.

Я сдѣлала, какъ мнѣ было сказано, разнесла бумаги по отдѣленіямъ. Вошедши въ кабинетъ Войбоковскаго, я было хотѣла отдать ему бумаги и уйдти, но онъ остановилъ меня вопросомъ: какъ мнѣ нравится мое новое занятіе?

— Оно нетрудно, былъ мой отвѣтъ.

— О да, оно пріятнѣе комплексовъ, которые такъ скучно писать.

— Тамъ меня только иногда затрудняло незнаніе польскаго языка, но я не могу сказать, чтобы занятіе было скучное.

— Однако, все-таки, вести журналъ не такъ утомительно, какъ писать комплексы. Вы вѣрно довольны, что я перевелъ васъ отъ Крысицкаго?

— О, да!

Войбоковскій улыбнулся.

— Надѣюсь, что мы останемся довольны другъ другомъ, весело сказалъ онъ. Тутъ вы будете подъ моимъ непосредственнымъ начальствомъ.

Я вышла изъ кабинета очень довольная обходительностью моего начальника, совершенно, къ моему счастью, непохожаго на крамольнаго Крысицкаго.

Почта приходила еще два раза въ день, бумагъ было много и мнѣ было довольно дѣла; затѣмъ я занялась исходящими бумагами т. е. письмами отсылаемыми изъ

правления „Основы“, въ различныя агентства, заграничныя и русскія страховыя общества. Все это надо было занумеровать, вписать въ журналъ, копировать и потомъ отправить съ артельщикомъ на почту. Къ четыремъ часамъ у меня уже не было дѣла, и мнѣ стало скучно. Я грустно раздумывала о томъ, что мнѣ нечего дѣлать и съ нетерпѣніемъ ждала пяти часовъ. Вдругъ передо мной явился Войбоковскій.

— Нашъ экспедиторъ окончилъ свои занятія на нынѣшній день, привѣтливо обратился онъ ко мнѣ.

— То есть, я? спросила я его.

— Да, вы, и потому можете идти домой.

— Какъ я вамъ благодарна! невольно вырвалось у меня искреннее слово ему въ отвѣтъ.

Онъ улыбнулся, протянулъ мнѣ руку на прощаніе, сказалъ: до свиданія! и вышелъ въ кабинетъ.

Меня положительно тронуло участіе Войбоковскаго ко мнѣ, бѣдному новичку. Онъ понималъ мое затруднительное положеніе и съ такою добротою помогаль мнѣ выдти изъ него, что я не могла не быть ему за это благодарной.

На слѣдующее утро, пришедши въ «Основу», я едва успѣла отпереть свой столъ и вынуть оттуда журналъ, какъ передо мною точно выросла изъ земли высокая, костлявая и некрасивая барыня, съ сильно уже посѣдѣвшими, бѣлокурыми, взбитыми и наудренными волосами, Ея нарядъ, изъ блѣдно-голубого шелка и сѣраго гренадина, бьющій на кокетливость и эффектъ, говорилъ о желаніи нравиться и молодиться. Поджавъ свои блѣдныя губы и сердито сверкая своими впалыми сѣрыми глазами, она отрывисто спросила меня:

— Давно-ли вы заняли мое мѣсто?

— Два дня; меня сюда перевели изъ отдѣленія комплексовъ, отвѣчала я.

— Кто?

— Войбоковскій.

Барыня сердито фыркнула.

— Вотъ сюрпризъ! воскликнула она. Поѣдешь въ деревню на три дня—пріѣзжаешь—мѣсто занято! куда же меня помѣстятъ?

— Васъ, Ольга Сергѣевна, помѣстятъ въ статистику, обратился къ ней Гильманъ, стараясь придать своему деревянному тону отѣнокъ любезности.

— Какая скука! мнѣ съ вами такъ было здѣсь хорошо, господа. Я понимаю, для чего меня перемѣщаютъ! вдругъ взвизгнула она, меня считаютъ опасной для вашихъ сердецъ!

И съ этими словами она залилась раскатистымъ смѣхомъ.

— Наши сердца вамъ отданы навсегда, шутливо произнесъ Антоновъ, строча на своей конторкѣ донесеніе о пожарѣ, Минкевичъ, вѣрно, нашель, что вы вашею любезностью отрываете насъ отъ работы.

— Смотрите, Антоновъ, не умрите безъ меня съ горя, продолжала Ольга Сергѣевна, подходя къ конторкѣ Антонова и дѣлая ему глазки.

Я обернулась и посмотрѣла на Ольгу Сергѣевну.

— Уменя есть вещи въ столѣ, которыя, вѣрно, принадлежатъ вамъ, сказала я ей, желая, чтобы она ушла поскорѣе, не хотите-ли ихъ взять?

Ольга Сергѣевна подлетѣла ко мнѣ.

— Ахъ, да! у меня тутъ лежатъ разныя вещи... записки, стихи, разныя сувениры... лепстала она, роаясь въ ящикъ и вынимая оттуда свои вещи. Adieu, ne pleurez pas! жеманно обернулась она затѣмъ къ Гильману и Антонову и наконецъ ушла изъ нашего отдѣленія.

— Ольга Сергѣевна! крикнулъ вслѣдъ ей Гильманъ, оставьте дверь въ ваше отдѣленіе отворенною, я буду любоваться на васъ.

Комната, гдѣ занимаются статистикой, отдѣляется отъ нашей лишь кабинетомъ Войбоковскаго, такъ что Гиль-

манъ этимъ пользовался, чтобъ переговариваться съ Ольгой Сергѣевной. Съ появленіемъ нашего начальника отдѣленія шутки эти прекратились, и всѣ принялись за работу. Въ этотъ день Войбоковскій снова разрѣшилъ мнѣ пдти домой до окончанія присутствія въ „Основѣ“, снова пришелъ самъ мнѣ сказать объ этомъ. Такое вниманіе меня трогаетъ. Когда я уходила домой, Гильманъ и Антоновъ проводили меня любопытными и пытливыми взорами, но мнѣ до этого нѣтъ дѣла, пусть ихъ думаютъ, что хотятъ.

IV.

— Вы коротко знаете Войбоковскаго? спросила меня однажды Ольга Сергѣевна.

— Совсѣмъ почти не знаю, былъ мой отвѣтъ.

— Странно! почему-же онъ къ вамъ такъ внимателенъ?

— Справьтесь объ этомъ у него, если это васъ интересуетъ, съ досадой отвѣтила я, направляясь къ своему отдѣленію, но Вржеславская—фамилія Ольги Сергѣевны—со смѣхомъ схватила меня за руку.

— У! какая вы строгая, Елизавета Петровна! воскликнула она, съ вами нельзя и пошутить! отчего-же не поговорить о Войбоковскомъ? онъ женатый человѣкъ и потому отпѣтый. Вы знаете его жену?

— Нѣтъ, но позвольте, Ольга Сергѣевна, мнѣ пора за дѣло.

Я пошла въ свое отдѣленіе, гдѣ къ моему пріятному удивленію нашла Ровинскаго.

Онъ дружески поздоровался со мною.

— Довольны-ли вы барышней? спросилъ онъ Войбоковскаго, указывая на меня глазами.

— Какъ барышней? мнѣ сказали, что вы замужемъ, обратился ко мнѣ Войбоковскій.

— Это неправда, отвѣтила я.

— Въ самомъ дѣлѣ? Каково? Какъ Ольга Сергѣевна стала сочинять, со смѣхомъ проговорилъ Войбоковскій.

Я удивилась, услыхавъ про эту продѣлку Ольги Сергѣевны.

Изъ разговоровъ Антонова я случайно узнала, что Ольга Сергѣевна влюблена въ Войбоковскаго, что она не смотря на свои года, большая кокетка, ничего почти не дѣлаетъ въ „Основѣ“ и только держится на мѣстѣ, благодаря своей смѣлости и ловкости, которыми она умѣетъ умаслить Минкевича, директоровъ и Войбоковскаго. Дѣйствительно, эта пожилая вдовица порхала какъ бабочка изъ отдѣленія въ отдѣленіе, кокетничала съ мушкетерами и старалась работать какъ можно меньше.

Какъ-то разъ она впорхнула къ намъ въ отдѣленіе съ бумагою въ рукахъ, и остановивъ на мнѣ свой враждебный взглядъ, насмѣшливо спросила:

— Отчего Войбоковскій не далъ вамъ переписывать это условіе съ земельными банками, а заставилъ насъ это дѣлать? намъ и безъ того много дѣла въ статистику; вѣдь вы сдѣлались его секретаремъ?

— Я исполняю то, что мнѣ поручаютъ, спокойно отвѣтила я, съ остальными-же вопросами, лично касающимися Войбоковскаго, я уже просила васъ прямо обращаться къ нему.

Ольга Сергѣевна умолкла, и подбѣжавъ къ Гильману, стала со смѣхомъ отнимать у него счета и хохотать во всю мочь.

Въ это время пріѣхалъ Войбоковскій, и игры прекратились.

Въ теченіе дня нашъ начальникъ принесъ мнѣ нѣсколько листовъ исписанной бумаги: это были условія, съ которыми носилась Ольга Сергѣевна, переписанныя въ нѣсколькихъ экземплярахъ дамами статистики.

— Прошу васъ пересмотрѣть эти условія, сказалъ мнѣ Войбоковскій, въ нихъ есть кое-какія орфографическія ошибки, а вы такъ хорошо знаете русской азбуку, что я поручаю вамъ ихъ исправить.

Я начала просматривать условія. Мрачный Гильманъ подошелъ ко мнѣ, молча посмотрѣлъ на мое занятіе и вышелъ изъ комнаты. Въ эту минуту, Антоновъ, оставшійся со мною вдвоемъ (Риверсъ тоже вышелъ) таинственно сказалъ мнѣ:

— Берегитесь, на васъ сейчасъ будетъ нападеніе.

— На меня? съ удивленіемъ спросила я.

— Да, на васъ, Гильманъ—о, я его знаю! пошелъ доносить о вашемъ занятіи въ статистику. Ольга Сергѣевна, дама его сердца, приказала ему наблюдать за вами, и онъ отправился отдавать ей отчетъ въ вашихъ дѣйствіяхъ. Я говорю вамъ это для того, чтобъ вы были готовы отразить нападеніе, которое не замедлитъ произойти. Вы можете себѣ представить, какая буря поднимется въ сердцахъ дамъ статистики отъ оскорбленнаго самолюбія, отъ того, что вамъ, новичку, дали исправлять ихъ произведенія.

— Но вѣдь не могу-же я не дѣлать того, что мнѣ поручаетъ Войбоковскій...

— Совершенно справедливо, но отличіе всегда возбуждаетъ зависть; вамъ завидуютъ, но что-же изъ этого? зависть самое лучшее доказательство, что есть чему завидовать.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

НАРОДЫ ТУРЦИИ И ИХЪ ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ.

Надъ прекрасными, богатыми странами Балканскаго полуострова тяготѣетъ съ давнихъ временъ какое-то проклятіе. Для науки и искусства, для истиннаго прогресса рода человѣческаго этотъ уголокъ земли сдѣлалъ мало, а въ настоящее время почти ничего не дѣлаетъ. Съ одной стороны Балканскій полуостровъ служилъ ареной для всевозможныхъ смутъ и войнъ, съ другой—былъ поставщикомъ «пушечнаго мяса». Въ древности отличными воинами считались Фракійцы, Македоняне, Мезиры и др., въ наше время такую же славою пользуются албанцы, босняки, словаки, маджары и др.

Въ наиболѣе отдаленныя времена эти земли были населены самыми разнородными племенами; Филиппъ и Александръ Македонскій выгнали покорить эти племена и захваченными въ плѣнъ пополняли ряды своихъ полчищъ. Потомъ владычествовали тутъ римляне и, въ свою очередь, вели ожесточенную борьбу съ могущественными готами. Наконецъ, когда гунны двинулись на западъ и вызвали великое переселеніе народовъ, придунайскія земли и часть земель по ту сторону Балканъ были въ теченіи пяти вѣковъ ареной кровавой борьбы различныхъ народностей. Германскія, тюркскія и славянскія племена вытѣснили и смѣняли другъ друга: готы, герулы, гепиды, авары, хозары, печенѣги, болгары, валахи, маджары и множество славянскихъ племенъ записаны въ лѣтописяхъ Балканскаго полуострова, какъ опустошители, грабители и временные завое-

ватели страны. Наконецъ, въ XIV вѣкѣ, пришли османы и сдѣлались владѣтелями всѣхъ земель полуострова; отсюда они вели свои наступательныя войны съ европейскими государями и потянули пол-Европы.

Какъ могущественна и обширна была когда-то османская имперія! Послѣдователи пророка овладѣли тѣми странами, гдѣ въ теченіи многихъ вѣковъ уже исповѣдывалось христіанство. Классическія земли апостоловъ: Коринфъ и Эфесъ, Никея, городъ Синаденъ, Антиохія, Никомидія и Александрія подпали подъ ихъ власть. Даже колыхель христіанства, гробъ Господень, Палестина и Иерусалимъ, за неприкосновенность которыхъ возсталъ и вооружилось все западное рыцарство, покорилось невѣрнымъ. Османамъ суждено было положить конецъ владычеству Римской имперіи, они обратили въ мечеть Софійскую церковь, гдѣ почти тысячу лѣтъ прославляли имя Христа и святыхъ. Въ то самое время, какъ на Константскомъ соборѣ спорили о религіозныхъ догматахъ, когда примиреніе греческой церкви съ римско-католическою оказалось невозможнымъ, когда подготовлялся разрывъ съ папствомъ (было уже 40 милліоновъ протестантовъ!) османы побѣдоносно проникли въ самое сердце Европы. Римскій императоръ бѣжалъ изъ своей резиденціи (Вѣны), церковь св. Стефана чуть было не была обращена въ мечеть, подобно Аіа-Софій въ Византіи.

Въ то время падишаху повиновались всѣ земли отъ африканской

пустыни до Каспійскаго моря и отъ Индійскаго океана до Атлантическаго. Венеція и германскіе императоры были данниками Порты. Ей принадлежали три четверти береговой полосы Средиземнаго моря, Нилъ, Евфратъ, большая часть Дуная—были турецкими рѣками, Архипелагъ и Черное море сдѣлались внутренними водяными бассейнами Турціи... И что же? едва прошло два вѣка—и могущество этой обширной имперіи стало на

прошлаго столѣтія), для того чтобы слово «янычары» никого не пугало.

Современная Турція представляетъ только тѣнь прежняго исполинскаго государства; она ослаблена, распадается, влачить свое жалкое существованіе только потому, что государства Европы терпятъ ее. Алжиръ, прежде вассальное государство Турціи, теперь, какъ извѣстно, принадлежитъ Франціи; Греція ос-

Румынка. Рисов. Фолькъ, ерс гравир. Бренд'Амуръ.

дать. 12-го сентября 1683 года германскіе и польскіе герои уничтожили подъ стѣнами Вѣны войско Кара-Мустафы. Знамя пророка въ послѣдній разъ развѣвалось въ сердцѣ Европы. Однако, этотъ ударъ не былъ окончательнымъ ударомъ, нанесеннымъ славѣ подумѣсяца; страхъ передъ османами не совершенно еще исчезъ въ христіанской Европѣ, такъ что нужны были еще побѣды принца Евгенія надъ турками (въ началѣ

вобождена, Египетъ только слабыми узми соединенъ съ Портой, Монтенегро—самостоятельна, Румынія и Сербія—выжидаютъ только благоприятной минуты, чтобы порвать послѣднія звѣнья цѣпи, связывающей ихъ съ Турціей. Да и въ самой Турціи броженіе умовъ не прекращается, смуты непрерывны. «Восточный вопросъ» и разрѣшеніе его стали снова злобой дня. Положительно можно сказать, что если силою европей-

скаго вмѣшательства миръ на Балканскомъ полуостровѣ будетъ восстановленъ, то удержится онъ не долго, ибо роковой восточный вопросъ снова вырвется на волю изъ тисковъ дипломатіи и заявитъ себя опять взрывомъ и будетъ заявлять себя болѣе и болѣе страшными взрывами и угрожать спокойствію Европы до тѣхъ поръ, пока не будетъ разрѣшенъ естественнымъ путемъ, т. е. пока не будутъ удовлетворены народы, находящіеся подъ игомъ турокъ.

Рядомъ съ фанатическими османами, изъ которыхъ, впрочемъ, весьма немногіе въ состояніи предугадать свою неизбежную судьбу въ будущемъ, райи (порабощенное христіанское народонаселеніе) напрыгаютъ силы свои въ послѣдней боѣбѣ; греки, албанцы, румыны, сербы и болгары, давнымъ давно умершіе политической смертью, нынѣ, въ силу историческаго хода событий, снова воскресли и выступили на авансцену.

Этнографическая карта европейской Турціи представляетъ такую пестроту населенія, какую едва ли можно встрѣтить въ какомъ либо другомъ государствѣ. Такъ какъ не можетъ быть и рѣчи о существованіи въ Турціи правильныхъ ревизій и статистическихъ изслѣдованій о количествѣ народонаселенія, то въ настоящее время и не имѣется абсолютно вѣрныхъ цифръ, относительно численности жителей, принадлежавшихъ къ извѣстной національности и вѣроисповѣданію въ османской имперіи. Прилагаемыя здѣсь таблицы представляютъ только приблизительно вѣрныя цифры. Нужно замѣтить, что Румыніи не принята во вниманіе при составленіи этихъ таблицъ.

Народности Европейской Турціи.
(по численности).

Сербовъ	1,869,000	22,2 %
Болгарь	1,837,000	21,9 %
Грековъ	1,049,000	12,5 %
Албанцевъ	1,245,000	14,8 %
Валаховъ	225,000	2,7 %
Турокъ	1,096,000	25,0 %
Евреевъ	77,000	0,9 %
Всего	8,398,000	100,0 %

(По вѣроисповѣданію).

Принадлежащихъ къ восточной церкви	4,393,000	52,3 %
Римскихъ католиковъ	318,000	3,8 %
Христіанъ	4,712,000	56,1 %
Магометанъ	3,609,000	43,0 %
Евреевъ	77,000	0,9 %
Всего	8,398,000	100,0 %

Изъ вышеприведенныхъ таблицъ видно, что турки или, какъ они сами себя называютъ, османы, составляютъ только 25,0 % всего населенія Европейской Турціи, остальныя же 75,0 % другія племена; такая несообразность смягчается нѣсколько тѣмъ обстоятельствомъ, что часть порабощенныхъ народностей, находясь долгое время подъ владычествомъ турокъ, приняла мусульманское вѣроисповѣданіе. Изъ приложенной здѣсь карты видно, что турки въ собственномъ своемъ государствѣ и гдѣ на большомъ пространствѣ не составляютъ сплошной, преобладающей массы населенія; въ перемѣжку съ греками и болгарами они населяютъ относительно незначительныя пространства и скучены главнымъ образомъ по большимъ городамъ. Читателямъ извѣстно, какъ османы (въ XIV в.) явились завоевателями въ Европу и какъ, послѣ паденія Константинополя (1453 г.), утвердилось господство турокъ. Вслѣдъ за побѣдоносными войсками цѣлыя массы этого племени, принадлежащая къ монгольской расѣ, вторглись въ Европу изъ Азіи и заняли плодороднѣйшія равнины и самыя важныя стратегическія пункты фракійско-греческаго полуострова, всюду, изгоняя или порабацая себѣ туземное славянское или греческое населеніе. Въ Фессаліи толпа османовъ поселилась въ равнинахъ близъ Фарсала, среди густаго греческаго населенія; въ Албаніи и Эпирѣ, гдѣ часть туземнаго населенія, чтобы спастись отъ послѣдствій завоеванія, приняла исламъ, турки утвердились только въ нѣкоторыхъ городахъ, также въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ аристократія перешла въ исламъ. Въ Болгаріи тоже часть населенія приняла магометанскую вѣру. Болѣе всего турки распространились въ восточной части Болгаріи, въ Добруджѣ, гдѣ болгарское населеніе сильно смѣшалось съ турецкимъ. Въ Македоніи, на границѣ Греціи и Болгаріи, турецкій элементъ тоже силенъ; въ окрестностяхъ же столицы турецкое населеніе, напротивъ, не представляетъ густой массы.

Изъ этого этнографическаго распредѣленія видно, какъ невыгодно положеніе турокъ съ точки зрѣнія владычества ихъ надъ побѣжденными. Въ наше время существуетъ общее мнѣніе, что турки не могутъ принадлежать къ семьѣ европейскихъ народовъ и не должны быть властителями славянскихъ племенъ, проявляющихъ гораздо болѣе способности къ культурѣ и

развитію, чѣмъ «правовѣрные». Исламъ положительно мѣшаетъ дальнѣйшему развитію послѣднихъ. Болѣе трехъ вѣковъ минуло послѣ побѣды ислама надъ Римской имперіей, и мы видимъ христіанскую Европу великой и могущественной—востокъ же, роскошный востокъ, втиснутый своей религіей въ узкія рамки, и до нашихъ дней пребываетъ въ варварствѣ.

Сербы, босняки, герцеговинцы, черногорцы и болгары населяютъ Балканскій полуостровъ отъ Дравы и Дуная до Эгейскаго моря, отъ Адриатическаго моря до Чернаго; они занимаютъ большую часть земель полуострова. Въ силу физическихъ условій этой страны, перерѣзанной горами, въ прежнія времена сильно затруднялось сообщеніе между отдѣльными племенами, населяющими ее. Съ одной стороны трудность сообщенія, съ другой—характеръ славянъ—объясняютъ то, что они не соединились и не образовали государства, пока еще были свободны и самостоятельны. Вслѣдствіи, когда они подпали подъ тяжкое иго турокъ, о соединеніи не могло быть и рѣчи; къ различнымъ обстоятельствамъ, парализовавшимъ силы народа, присоединилось еще варварство фанатическаго побѣдителя.

Болгары, занимающіе востокъ и середину Турціи, не настоящіе славяне; это смѣсь племенъ славянскаго и финскаго; послѣднее явилось на Балканскомъ полуостровѣ въ VII в., пріидя съ береговъ Волги. Отъ финскаго племени этотъ народъ получилъ свое названіе, а отъ славянъ—языкъ. Въ IX в. болгары приняли христіанство, а въ X в. создали обширное государство при царѣ Симеонѣ и вели непрерывную войну съ греками. Блестящій періодъ южно-славянскихъ государствъ продолжался недолго, такъ Болгарское и Сербское государства были, такъ сказать, только мимолетнымъ явленіемъ. Этими народамъ не доставало силы, создающей государство, чувство гражданственности у нихъ было слабо развито, хотя въ герояхъ, подобныхъ сербскому князю Душану, не было недостатка.

Земли болгаръ простираются отъ Дуная, отдѣляющаго ихъ отъ Румыніи, до береговъ Эгейскаго моря и отъ Чернаго до восточной Албаніи. Послѣ покоренія турками болгаръ, побѣжденные перестали существовать какъ самостоятельный народъ. Турецкое иго уничтожило и послѣдніе слѣды невысокой болгарской цивилизаціи. Впрочемъ, полное отчужденіе отъ какихъ бы то ни было цивилизующихъ элементовъ могло бы въ умственномъ отношеніи убить и такую народность, которая стояла бы на болѣе высокой ступени развитія, чѣмъ болгары. Почти полугодовой гнетъ и нищета сдѣлали свое дѣло: болгары, вслѣдствіе миролюбиваго характера, слынутъ теперь трусами.

Однако, за послѣднія десятилѣтія движеніе стало замѣтно и между болгарами, пробужденіе многихъ славянскихъ племенъ зашло за живое и ихъ. Въ настоящее время въ восточномъ вопросѣ фигурируютъ и болгары; грекамъ и османамъ не слѣдуетъ пренебрегать ими. «Молодая Болгарія» даетъ себя знать и тѣмъ, и другимъ. Болгарскіе юноши учатся въ европейскихъ университетахъ, загѣмъ возвращаются на родину и становятся вожаками своего народа; они воспеваютъ въ немъ желаніе создать независимую Болгарію. Сербія и Россія оказываютъ имъ нравственную и матеріальную поддержку, и знамя возстанія не разъ уже развивалось въ Болгаріи. Въ 1867 году многому надѣлалъ походъ болгарскихъ легионеровъ. 150 человекъ въ національныхъ костюмахъ, въ полномъ вооруженіи, въ строгомъ порядкѣ перешли (подъ предводительствомъ Димитрія Изевова) Дунай, близъ Сигетова; они задалежь мыслью подняты Балканскій полуостровъ на турокъ... Кончилось тѣмъ, что эта храбрая кучка, лозунгомъ которой были «свобода или смерть», уничтожена была черкесами и турками въ равнинѣ Дуная. Съ тѣхъ поръ броженіе умовъ въ Болгаріи не прекращается и возстаніе Герцеговины и Босніи взволновало болгаръ.

Взглянемъ теперь на положеніе грековъ въ Турціи. Греки обитаютъ преимущественно по берегамъ Чернаго, Мраморнаго и Эгейскаго морей, на Колхидскомъ полуостровѣ до пограничной своей линіи. На западѣ они живутъ въ перемежку съ албанцами, захватывая побережье Ионическаго моря. Помня свою прошлую политическую жизнь и не забывая, что Константинополь принадлежалъ когда-то имъ, они мечтаютъ занять мѣсто османовъ и господствовать на Балканскомъ полуостровѣ. Стремленія славянъ, и въ особенности болгаръ, не впадаютъ имъ, это не входитъ въ ихъ расчеты, а потому въ настоящее время греки, также какъ и турки, относятся враждебно къ славянамъ.

«Греки, говоритъ Брадашка, для турка далеко не то, что славянинъ; турки, нѣкоторымъ образомъ, даже раздѣлили съ греками власть свою надъ славянами. Они предоставили эллинамъ духовное господство, ну, и эллины пользуются своею властью такъ безсовѣстно, что она становится часто тяжелѣе турецкаго гнета, поэтому болгаринъ ненавидитъ греческаго пона больше, чѣмъ турка и это тамъ не въ рѣдкость». Изъ фанара, греческаго квартала въ Константинополѣ, выходятъ духовные оиды и покупаютъ вакантныя мѣста епископовъ въ Болгаріи. Отъ болгарскаго епископа не требуется ни образованія, ни благочестія, словомъ—мѣсто епископа получаетъ тотъ, кто больше заплатитъ; эти епископы, въ свою очередь, продаютъ мѣста священниковъ въ своихъ епархіяхъ. Нѣкоторые богатые священники скупаютъ мѣста до двадцати и потомъ перепродаютъ

ихъ, взимая жидовскіе проценты... Тяжело бѣдному болгарско-му народу при такомъ порядкѣ вещей...

Фанариотскіе епископы являюся въ Болгарію, даже не зная языка этой страны, но за то проявляютъ чувство глубочайшаго презрѣнія ко всему болгарскому. Ненавидя все болгарское, и желая помочь осуществленію замысловъ грековъ, относительно господства на Балканскомъ полуостровѣ, они стараются ограничить болгарскій народъ, или, по крайней мѣрѣ, держать его въ нищетѣ и невѣжествѣ. Съ этою цѣлью они навязываютъ болгарамъ фанариотскихъ учителей, чтобы изгнать народный языкъ изъ богослуженія и школы. Рѣзче всего проявилъ эту ненависть греческій епископъ Неофитосъ въ Трновѣ, гдѣ онъ съ легкимъ пошествомъ драгоценныхъ болгарскихъ манускриптовъ (эти манускрипты заключали въ себѣ исторію страны отъ VII до XVI в.). Неудивительно послѣ этого, что болгары ненави-

дятъ свое греческое духовенство, живущее въ ладахъ съ турками.

Греки, покровительствуемые турками, имѣютъ еще и другое преимущество передъ славянами. Живя по большей части у береговъ моря, они занимаются торговлей, сталкиваются безпрерывно съ иностранцами, а потому гораздо развитѣе славянскаго пастуха и земледѣльца, почти отрѣзанныхъ отъ внѣшняго міра. Греки, кромѣ того, имѣютъ точку опоры въ независимомъ греческомъ королевствѣ, которое шевелитъ въ немъ воспоминанія о быломъ могуществѣ и наполняетъ его сердце осуществимыми упованиями. Вотъ почему многие считаютъ грековъ настоящими наследниками турокъ, хотя преобладающее население Балканскаго полуострова—все таки славянское, а не греческое.

(Продолженіе будетъ).

РУМЫНКА.

(Нравоописательный очеркъ).

Темноволосая, черноокая красавица-румынка—не чужая въ семьѣ красавицъ другихъ народовъ Европы и съ нѣкоторыми изъ нихъ имѣетъ родственныя черты. Приближаясь по своему внѣшнему типу къ итальянкѣ, она полна южной, страстной ибги испанки; наконецъ—какъ гречанка, рано давая пышный цвѣтъ, она также рано и отцвѣтаетъ. Было время, и не очень еще давно, что румынка ходила только въ своемъ родномъ, живописномъ костюмѣ, говорила только на своемъ звучномъ языкѣ, танцевала только свою молдавскую «хорру»—теперь не то—иные дни, иные нравы... Парижскія моды, французскій языкъ, кадрили, смѣнили отечественное, изгнали расшитые, затканые наряды женщинъ, почтенныя, восточнаго покроя одежды мужчинъ, надѣли на нервныхъ парижскихъ «confessions», а на послѣднихъ—короткіе сюртуки и цилиндры—словомъ—въ короткое время, придали странѣ новую наружность, вытѣснили старину.

Не все, однако, въ этой странѣ было красиво и хорошо. Тяжелое ярмо крѣпостнаго права давило народъ; еще болѣе невыносимый гнетъ полного, безотраднаго рабства тяготѣлъ надъ цыганами—если по спинамъ крестьянъ-румынъ ходилъ кнутъ, то цыгане, сверхъ кнута, пробовали и кое что посерьезнѣе—въ доброе старое время, въ веселую пору раздолья, шитьемъ изъ сѣсенной жизни, бояринъ—случалось—ставилъ его подъ дерево и учился надъ нимъ стрѣльбѣ въ цѣль...

Все это, конечно, уже принадлежитъ къ области прошлаго. Отмѣна (въ 40-хъ годахъ) крѣпостнаго права и рабства цыганъ, усовершенствованія, внесенныя въ систему народнаго образованія, сооруженіе желѣзной дороги, обновленіе Румынію, поставили ее на другой, лучшей путь, путь къ цивилизаціи и благосостоянію.

Возвращаясь къ нашему главному предмету, румынской женщинѣ, мы должны замѣтить, что для того, чтобы лучше ознакомиться съ нею, необходимо составить себѣ хотя приблизительное понятіе о ея отечествѣ, объ обществѣ и средѣ, въ которыхъ она воспитывается и живетъ.

Что касается простоты жизни—о ней сказать многого не придется: здѣсь, какъ и всюду, ея существованіе замкнуто въ тѣсный кругъ быденныхъ заботъ, труда и лишеній. Сельское население Румыніи небогато—прежній гнетъ фанариотовъ, послышавшихъ Портою, крѣпостная зависимость—оставили слѣды и эти слѣды еще не успѣли изгладиться совершенно. Объ этомъ явлено говорить убогая наружность деревни—рядъ деревянныхъ, крытыхъ соломой, курныхъ избъ, бѣдная церковь, бѣдное хозяйство, тощія коровенки... Слѣдуетъ, однако, сказать, что развитію благосостоянія препятствуетъ отчасти и лѣнь самого крестьянина,—однимъ изъ главныхъ видовъ наслажденія для него служить часто практикуемое «douce far niente», безмятежное лежаніе часъ лучами солнца, льющимися на него съ благословеннаго ярко-голубого неба его родины, затѣмъ другая причина—это упорство, съ которымъ онъ стоитъ за первобытныя пріемы въ своемъ хозяйствѣ; водка, арака также играетъ не малую роль. Ко всему тому цаломнимъ еще объ одномъ условіи, задерживающемъ ходъ развитія экономическаго его быта. Дѣло въ томъ, что въ прежнія времена, когда существовало крѣпостное право, зависимость его отъ помѣщика ограничивалась постановленіемъ, въ силу котораго крестьянинъ считался не собственностью своего господина, а только человекомъ, состоявшимъ у него въ наймѣ; по прошествіи каждой четверти года онъ могъ отойти отъ него; но легко видѣть, что право это, въ сущности, было только чѣсто воображаемымъ правомъ—не говоря уже о томъ, что уходящему крестьянину пришлось бы бросить свой домъ, и все свое обозаведеніе, свое достояніе и идти по міру, не говоря уже объ этомъ—вѣковыя отношенія скрѣпили еще другимъ образомъ узки, приковывавшія его къ боярину—онъ у него находился въ неоплатномъ долгу; понятно, поэтому, что желавшіе воспользоваться своимъ правомъ обращались въ одному только средству—побѣгу. Полагаемъ, что не малой части крестьянъ и до сихъ поръ руки спутаны такими долгами,—нужно ли объяснять, какое вліяніе

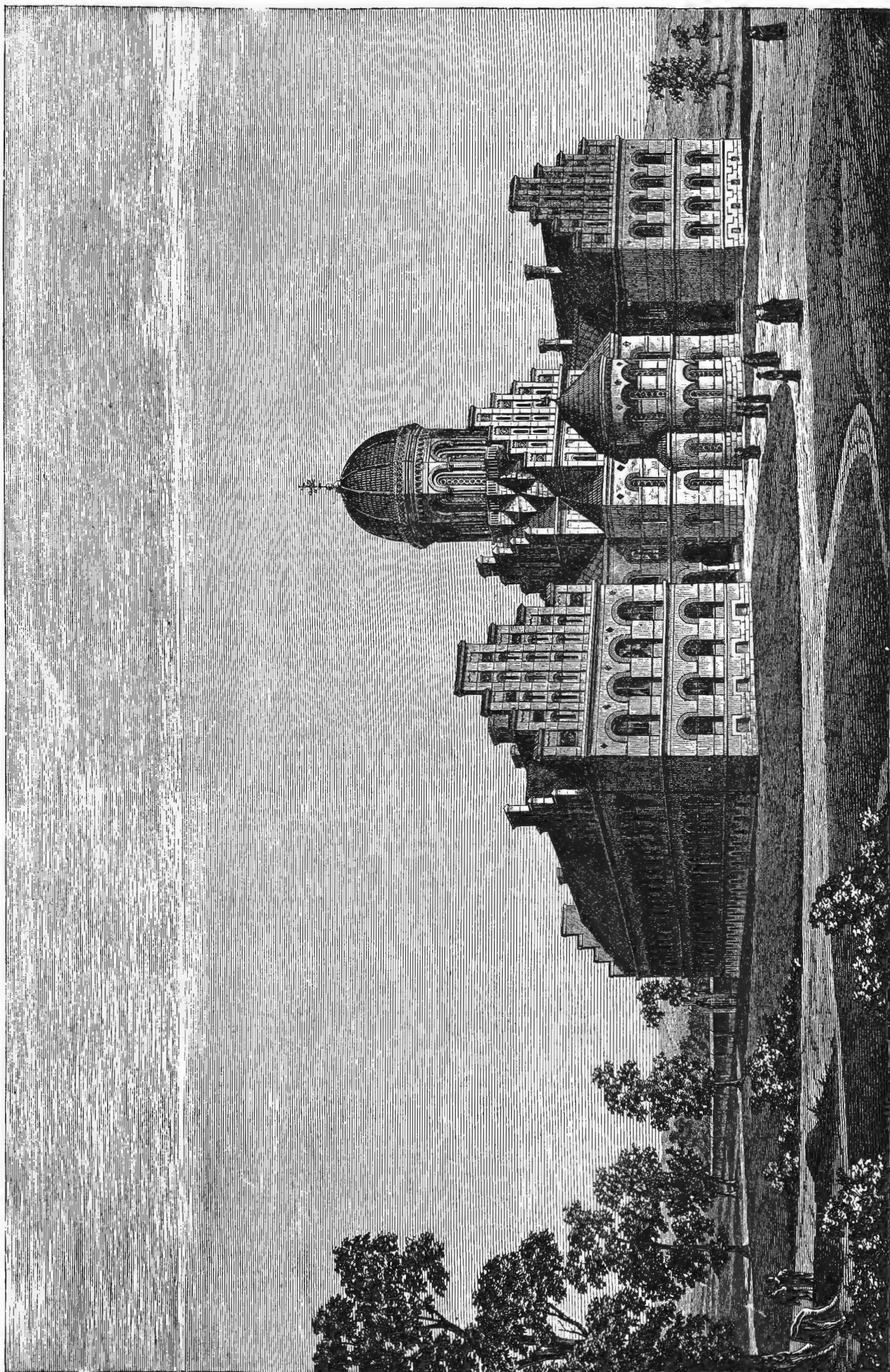
это обстоятельство можетъ имѣть на матеріальный бытъ крестьянина.

Обаяніе боярина, сельскаго господина, еще не почезло, и часто можно видѣть, какъ торопливо, съ боязливой поспѣшностью, сворачиваютъ съ дороги телѣги поселянъ, когда, на встрѣчу имъ, во весь опоръ несется боярскій поѣздъ. 16 почтовыхъ лошадей мчатъ экипажъ, спереди и сзади скачетъ прислуга въ національныхъ костюмахъ, съ громадными пистолетами (никогда не стрѣляющими) за поясомъ; внутри же важно сидитъ бояринъ, рядомъ съ нимъ его жена, а напротивъ нихъ—любимый камердинеръ-французъ. Все снимаетъ шапки и кланяется.

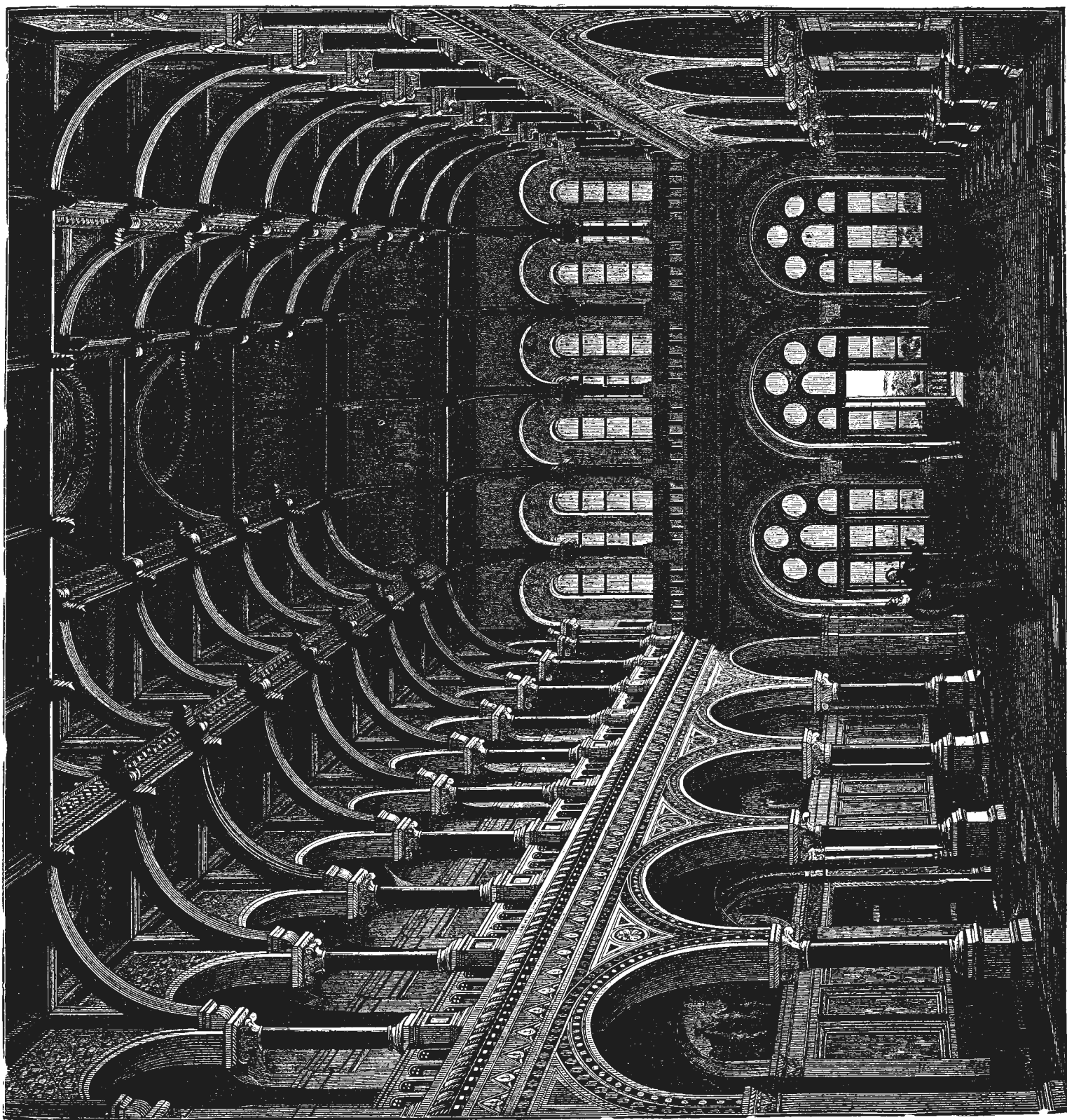
Но вотъ праздникъ Пасхи. Все вокругъ уже улыбается веселою весеннею улыбкой. Высыпали и старъ, и младъ въ поле «на горы». Русскій человекъ увидѣлъ бы здѣсь свои родныя качели, они такъ и называются «русскими». Молодые дѣвушки въ яркихъ нарядахъ, съ первыми весенними цвѣтами въ волосахъ и молодые парни качаются, прижавшись другъ къ другу... Поютъ, пляшутъ; опять знакомые русскому уху звуки и родной хороводъ. Дѣйствительно, народныя напѣвы румынъ—грустная, заунывная мелодія, протяжнымъ ритмомъ рассказывающая перенесенныя невзгоды... Подъ эти пѣсны медленно движется на зеленѣющемъ фонѣ дуга пестрый кругъ танцующихъ... Красивъ стройный, смуглый паренъ, съ черными выщипанными волосами, свободно падающими на открытую шею; на немъ бѣлая рубаха, открытая на груди, полотняные шаровары; за кожанымъ поясомъ заткнута ножъ, трубочка, кистецъ съ табакомъ и кошелекъ съ его убогой казною, на плечо накинута куртка бараньей шерети, мѣхомъ вверхъ, ноги обуты въ высокіе, доходящіе до коленъ, сапоги; но, хороша и молодая румынка—ея темныя волосы заплетены въ косы, ниспадающія изъ подъ наверхунаго на голову нестраго платка, расшитая рубашка, такъ же какъ и у мужчинъ, оставляетъ грудь подолготрягою, узкая юбка цвѣтной матеріи (да еще мѣховая кофта въ дурную погоду) заканчиваютъ костюмъ.

Румынскіе городки и города нѣсколько напоминаютъ наши, русскіе; знакомое, свое видимъ мы въ этихъ деревянныхъ домикахъ и каменныхъ палатахъ, скучившихся подъ сѣнью златоглавыхъ церквей. Сходство это, впрочемъ, не является однимъ «оптическимъ обманомъ», оно имѣетъ свое опредѣленное основаніе. Дѣло въ томъ, что въ румынской архитектурѣ, на ряду съ древне-византійскимъ стилемъ, къ которому относятся стариннѣйшіе храмы и зданія, существуетъ типъ русскихъ построекъ, господствующій въ строеніяхъ, относительно позднѣйшаго времени.

Старыя боярскія жилища—обыкновенно массивныя каменные зданія. Наружный входъ прямо ведетъ въ большую залу, по сторонамъ которой расположены отдѣльныя комнаты; отсюда подымается каменная лѣстница въ верхній этажъ, расположенный по тому же плану, какъ и нижній; вокругъ этого главнаго корпуса идутъ различныя домашнія постройки—кухня, флигеля для низшей прислуги, конюшни и проч. Часто надъ воротами громаднаго двора выстроена сторожевая башня. Замѣтимъ кстати, что турки, во время своего владычества надъ страной, не допускали существованія укрѣпленныхъ замковъ. Во время же возстаній, роль крѣпостей всегда играли обнесенныя высокой стѣной монастыри. До начала нашего столѣтія, убранство боярскаго дома было весьма не затѣйливо, и притомъ господствовалъ восточный вкусъ. Вся мебель состояла изъ дивановъ, медныхъ кругомъ всей комнаты, по стѣнѣ. Теперь все это можно встрѣтить только въ нѣкоторыхъ парижскихъ и кофейняхъ. Въ домахъ богатыхъ и знатныхъ бояръ, высшая власть надъ слугами мужскаго пола была сосредоточена въ рукахъ дворецкаго, а во главѣ женской—стояла особая довѣренная, нѣчто въ родѣ экономки. Въ былыя времена, къ обязанностямъ ихъ относились и распоряженія о наказаніи нерадивыхъ. Нынѣ же зачатки цивилизаціи уже изгнали подобную расправу изъ хоромъ—она уже немислима. Какъ всюду, во всякой странѣ—и въ Румыніи первымъ проводникомъ цивили-

Здание православной духовной семинарии въ Черновицахъ. Съ фотогр. рѣзалъ на деревѣ, Р. Веницкий.

Одна изъ залъ въ православной духовной семинаріи въ Черновицахъ. Съ фотогр. рѣзалъ Кистчингъ.

зации служить высшей классъ, т. е. бояре. Но—и это, конечно, въ порядкѣ вещей—они ознакомили страну не съ сущностью, а съ замачливою ея вишностью. Если при этомъ принять во вниманіе, что источникомъ свѣта для румынъ служилъ и служилъ веселый Парижъ—то понятно, что знакомство съ людьми западной цивилизации вышло нѣсколько поверхностно. Зато высшее румынское общество офранцузилось въ сильной степени: французскія моды, французскій языкъ, французская кухня—приобрѣли тамъ полное право гражданства—изрѣдка, въ толпѣ фраковъ и сюртуковъ мелькнетъ (преимущественно на старикахъ) національный костюмъ, и отъ времени до времени, въ антракты между 2 кадрилими, покажется «хорра» — но это бываетъ не часто. Насколько можно видѣть изъ свѣдѣтельствъ путешественниковъ, проѣхавшихся изъ Яссы въ Букарештъ (Boukareschtî)—городъ удовольствій), заглянувшихъ и въ менѣе значительные города и присмотрѣвшихъ къ нѣмнѣйшей физиономіи общества, къ его внутреннему содержанию, приходится, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ, констатировать фактъ почти полного отсутствія серьезной образованности, солидныхъ знаній. Многие, болѣе строгіе судьи-наблюдатели, находятъ даже, что приобрѣтенная вишность цивилизации — не болѣе, какъ весьма непрочный, поверхностный слой, блестящій доскѣ, слабо прикрывающій природныя еще склонности, соотвѣтствующія грубому, турецкому прошлему. По этимъ отзывамъ, румынская «интеллигенція» и въ религиозномъ отношеніи стоитъ не высоко. Новая оболочка не могла, однако, вытѣснить истинной добродѣтели румынъ—гостеприимства. Чуть ли не каждый день богатый бояринъ закармливаетъ на убой толпу гостей. Столъ его, хотя и потерпѣвъ сильное вторженіе французскаго меню, которое полновластно господствуетъ въ его кухнѣ, но все таки, еще иска, представляетъ образчики туземной гастрономіи, между которыми большую роль играетъ пилать, а также, между прочимъ, національное, общенародное блюдо «мамалиге» — ржаной пуддингъ, обсыпанный сыромъ и т. д.

Румынъ большой любитель увеселеній, и богатые бояре чрезвычайно много тратятъ на балы. Къ сожалѣнію не дешево

обходится имъ страсть къ картамъ, какъ прежде къ рулеткѣ. Много теперь по странѣ одиноко и молчаливо стоятъ запущенныхъ барскихъ домовъ, заглохшихъ парковъ, уныло говорящихъ о прежнемъ богатствѣ, о прежнемъ величій... Знакомыя картины!..

Всѣми этими удовольствіями бояре и боярыни пользуются, конечно, зимой. Сезонъ бываетъ, обыкновенно, чрезвычайно оживленнымъ, представляя безконечный рядъ баловъ и празднествъ всякаго рода, которыми, въ особенности, снѣшатъ наслаждаться молоденькія дѣвушки, очень рано выдаваемые замужъ. Изъ всего того, что до сихъ поръ мы сказали о румынскомъ обществѣ, можно понять, что женщина этой среды едва ли напоминаетъ въ нравственномъ отношеніи, твердыхъ, строго безукоризненныхъ древнихъ римлянокъ (понятно, первой эпохи). Румынка—граціозная, кокетливая куколка, ея сфера — наряды, балы, любовь. Серьезное, степенное, положительное не ладитъ съ нею; ни воспитаніе, ни общество не насаждаютъ и не возвращаютъ въ ней этихъ чертъ.

Великій постъ прерываетъ только собственно шумныя удовольствія—ихъ смѣняютъ поѣздки за городъ къ знакомымъ, живущимъ по деревнямъ, или же въ монастыри, гдѣ проводятъ по нѣскольку дней. Замѣчательно, какъ характеристическая черта прошлаго страны—монастыри служили въ прежнее время мѣстомъ заключенія невѣрныхъ женъ и провинившихся чиновниковъ.

Лѣтомъ въ городскомъ палацѣ боярыня наступаетъ полное затихнѣе. Онъ самъ—въ имѣніи, а жена на водахъ, или же оба вмѣстѣ (или порознь) заграничей.. Къ числу лѣтнихъ удовольствій относятся вечернія поѣздки за городъ. Во многихъ городахъ съ этою именно цѣлью разбиты особые парки, сады, или выстроены ряды вокзаловъ, гдѣ лѣтний румынъ—естественный врагъ маціона—не рѣдко въ полной неподвижности проводитъ часы своей «sieste».

Такъ течетъ безпечная домашняя жизнь этого общества, служа характеристической рамкой беззаботной румынской красоты.

Черновицы.

Буковина—небольшая область австрійской имперіи, вообще малозвѣстна, такъ какъ рѣдко посѣщается путешественниками; и еще потому она для многихъ terra incognita, что объ ней писано весьма немного. Между тѣмъ, для насъ, русскихъ, эта мѣстность имѣетъ особый интересъ, такъ какъ большинство жителей ея, — православные и русскаго происхожденія. Здѣсь же обитаетъ нѣсколько тысячъ Литованъ, то есть русскихъ раскольниковъ переселившихся изъ внутренней Россіи и сохранившихъ до сихъ поръ въ чѣлости родной говоръ и бычачи. Исторія Буковины не богата событіями; въ древности она составляла часть Троянскій Дакіи, подпавъ подъ власть турокъ, она въ 1775 году перешла во владѣніе Австріи. Название свое, Буковина, какъ полагаютъ, получила преимущественно отъ избылія въ ней буковыхъ дѣсовъ. Главный городъ Буковины, Черновицы расположенъ на гористыхъ берегахъ широкаго и прозрачнаго Прута и окруженъ живописною мѣстностью; повсюду видѣны дѣсы и скалы, и общій видъ города съ большимъ числомъ красныхъ, грандіозныхъ зданій, со множествомъ башенъ и куноловъ производитъ приятное впечатлѣніе. Городъ быстро развивается; по переписи, произведенной австрійскимъ правительствомъ въ 1869 году, въ немъ оказалось уже 33,884 жителей и нынѣ онъ занимаетъ, вмѣстѣ съ своими четырьмя предѣлами, пространство въ квадратную географическую милю. Нѣмецкое вліяніе здѣсь всего болѣе замѣтно на устройствѣ гостиницъ, которыя ими содержатся въ необыкновенной опрятности. Нѣмцамъ же обязанъ городъ устройствомъ многочисленныхъ и изящныхъ караульныхъ домовъ. Въ торговлѣ и промышленности преобладаютъ молдаване и евреи. Послѣдніе забрали въ свои руки все торговля дѣла города и дѣлаютъ особенно блестятельные гешефты во время бывавшихъ здѣсь ежегодно, въ июнѣ и октябрѣ, двухъ большихъ мѣстныхъ ярмарокъ. Древнѣйшія письменныя извѣстія о Черновицахъ относятся къ XVI столѣтію: въ 1520 году Черновицы значатся еще небольшою деревней, состоящей подъ управленіемъ одного изъ молдавскихъ старостъ. Начало къ увеличенію этого поселенія и къ возведенію его на стени города положено молдавскими государями Василіемъ Лулулой и Григоріемъ Гикой (1634—1670 г.) а въ 1711 году при заключеніи господаремъ Дмитріемъ Кантемиромъ союза съ императоромъ Петромъ Великимъ, Черновицы уже были городомъ весьма замѣательнымъ. Нынѣ въ Черновицахъ сосредоточиваются все присутственные мѣста для главнаго управленія Буковиной. Церквей православныхъ въ городѣ три, изъ которыхъ одна служитъ кафедральной соборомъ; кромѣ того, въ городѣ находятся: одна римско-католическая церковь, одна лютеранская, одна греко-уніатская и еврейская синагога. Черновицы служатъ мѣстомъ пребыванія православнаго митрополита, подѣлѣніемъ котораго состоитъ

православная духовная консисторія и богословскій институтъ (Theologische Lehranstalt), служащій главнымъ расадникомъ православныхъ священниковъ Буковины. Этотъ институтъ основанъ въ 1826 году, но уже со времени присоединенія Буковины къ Австріи австрійское правительство приняло мѣры чтобы поднять низкій уровень образованія мѣстнаго православнаго духовенства. Въ монастырѣ Хореча была основана первая духовная семинарія. Въ 1800 году она была перенесена въ Черновицы а потомъ преобразована въ нынѣ существующій богословскій институтъ. Въ этомъ высшемъ духовномъ училищѣ курсъ продолжается четыре года. Первоначально все предметы читались по нѣмецки и по латини, но съ 1849 года лекціи читаются на языкѣ румынскомъ. Такъ какъ въ богословскомъ институтѣ учащаяся молодежь только слушаетъ лекціи, но не пользуется ни помѣщеніемъ, ни столомъ, то при институтѣ существуетъ особая семинарія въ которой 50 студентовъ получаютъ полное содержаніе. Лучшіе изъ воспитанниковъ посылаются на счетъ епархіальнаго фонда въ Вѣну, для довершенія своего богословскаго образованія, въ тамошнемъ университетѣ гдѣ существуетъ особая кафедра по предмету каноническаго права православной восточной церкви. Воспитанники Черновицкой семинаріи обучаются также церковному пѣнію. Въ дни праздничные они поютъ въ кафедральномъ соборѣ и прекраснымъ пѣніемъ, совсемъ непохожимъ на греческой носовой на пѣвъ, могутъ соперничать съ лучшими хорами нашихъ отечественныхъ храмовъ. Вообще въ Черновицахъ русской человекъ какъ дома; родной языкъ, родная вѣра, родные обычаи—сближаютъ его съ далекой родиной и заставляютъ позабыть, что онъ на чужбинѣ. Наружный и внутренний видъ зданія черновицкой духовной семинаріи, переименованной, какъ сказано выше, въ богословскій институтъ изображены въ настоящемъ номерѣ «Нивы». Зданіе, какъ можно видѣть изъ рисунка, имѣетъ весьма широкіе размѣры и отличается чрезвычайно красивымъ видомъ. Свообразная архитектура постройки, съ поднимавшимися вверхъ фронтонами главнаго фасада, служащими какъ бы продолженіемъ зданія и оканчивающимися уступами, придаетъ ему грандіозный видъ. Другой рисунокъ представляетъ внутренний видъ одной изъ залъ той же семинаріи. Здѣсь, также какъ и въ наружномъ видѣ,—много красоты и величественности. Высокая въ два свѣта зала имѣетъ еще хоры, которые идутъ кругомъ всей комнаты подѣрживаемые колоннадою. Хоры, въ свою очередь, имѣютъ тоже колонны, каждый промежутокъ между которыми образуетъ полукруглый сводъ. Потолокъ опирается на два яруса какъ бы выгнутыхъ балокъ, что въ особенности придаетъ этой залѣ много красоты и грандіозности.

А. Невельской.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Итакъ рубиконъ перейдемъ! 20-го іюня, генералъ Черняевъ взялъ турецкій лагерь на Бабиной Главѣ, у Ниша, причѣмъ турки бѣжали съ такою поспѣшностью, что побросали пушки и багажъ, затѣмъ имъ взята Акпаланка. Въ то же время генералъ Аллиничъ овладѣлъ вѣдными укрѣпленіями Бѣлины, черногорцы имѣли дѣло у Подгорицы. «До сихъ поръ, по словамъ «Международнаго агентства» сербы имѣютъ успѣхъ повсюду».

По всемъ свѣдѣніямъ, на долю генерала Черняева выпадаютъ главнѣйшія и важнѣйшія военныя операціи, предъ нимъ лежатъ широкій, хотя и трудный путь по Болгаріи и дальше...

Тяжелыя минуты переживаетъ Мурадъ V. Вотъ какъ изображаютъ положеніе дѣлъ въ Константинополѣ: правительство находится въ больномъ затрудненіи. Не малую причину тому служатъ сооты. Европа сильно заблуждалась на ихъ счетъ. Она видѣла въ нихъ передовыхъ, просвѣщенныхъ людей мусульманскаго элемента Турціи, желавшихъ возрожденія Оттоманской имперіи посредствомъ осуществленія современныхъ началъ правосудія, равенства властей и равенства всѣхъ гражданъ въ отношеніи обязанностей и правъ. Благодаря болѣе, чѣмъ недостаточному образованію, ограничивающему кругъ ихъ понятій узкими педантическими воззрѣніями, внушающими презрѣніе къ христіанамъ, сооты оказываютъ упорное сопротивленіе единственной системѣ, которая, доставляя христіанамъ гражданское и политическое равенство, могла бы можетъ быть сколько нибудь, унять вражду этихъ послѣднихъ, представляющихъ, какъ извѣстно, большинство, большинство грозное... Съ самаго начала можно уже предвидѣть, что Митхадъ-Паша не можетъ рассчитывать на поддержку сооты, что они оставятъ его—такъ и случилось. Лучшимъ доказательствомъ невѣжества сооты служатъ тѣ обстоятельство, что, требуя конституціи, они были убѣждены въ томъ, что дѣло идетъ о способѣ спасенія имперіи въ составленному ими о томъ себѣ идеалу. Идеалъ же этотъ заключался въ необходимости строгаго примѣненія «шері», отступленіе отъ котораго и привело, по ихъ мнѣнію, имперію къ настоящему ея положенію. Поэтому, какъ только они увидѣли, что на сцену вступилъ вопросъ о равноправности христіанъ, они тотчасъ же измѣнили направленіе. Нѣкоторые, впрочемъ, ему остались еще вѣрны, но это не болѣе какъ, исключеніе, и они составляютъ только незначительную группу въ массѣ большинства, держащагося «шері». Значительное число сооты отравились по провинціямъ, съ цѣлью устроить тамъ организованное противодѣйствіе намѣренію правительства доставить христіанамъ равныя права съ мусульманами. Вотъ этимъ-то именно обстоятельствомъ и объясняется отсутствіе прадѣ, выражающихъ собою тѣ либеральныя стремленія, которыя возбудили столько надеждъ. Но это еще не все. Самыя обстоятельства, самыя способности вѣтупленія Мурада V на престолъ пошатнулъ въ странѣ авторитетъ и обаяніе султанской власти. Въ Стамбулѣ уже начали открыто говорить, что, если Мурадъ V-му дали тронъ, то можно и отнять его. Этотъ взглядъ уже высказывается на отнюдь не населенія къ правительству, и онъ окрытилъ подъ впечатлѣніемъ умерщвленія министровъ: во всякой другой странѣ это злодѣйство вызвало бы взрывъ взрывъ общаго негодованія—здѣсь же, напротивъ, отнеслись какъ бы съ восторгомъ къ тому, что называютъ «мужествомъ» черкеса. Само правительство поступая съ крайнею безтактностью, увеличиваетъ серьезность своего положенія, не умѣя скрывать опасеній своихъ. Во дворцѣ впускаютъ не иначе, какъ послѣ строгаго обыска

и допроса. Караулы всюду усилены. Министры принимаютъ всевозможныя предосторожности противъ новаго покушенія. Къ общимъ причинамъ недовольства присоединяется много частныхъ. Такъ, напримѣръ, неуплата до сихъ поръ несвѣданаго жалованья чиновникамъ. Другая причина — менѣе основательная — заключается въ нарушеніи новымъ правительствомъ обычая раздавать деньги по случаю новаго воцаренія. Въ Гераганѣ и Долма-Бахче найдены деньги, это всемъ извѣстно, но правительство, не желая дѣлать непроизводительныя траты, сберегаетъ эти суммы, что, въ особенности, является наиболѣе понятнымъ въ виду настоящихъ событій. Но эти благоразумныя мѣры чрезвычайно не нравятся безчисленнымъ поставщикамъ и тѣмъ же чиновникамъ. Иностранныя газеты, передавая эти подробности, говорятъ, что султанъ сильно опечаленъ такимъ положеніемъ дѣлъ, опасности котораго ему ясны. Близко стояція къ нему лица утверждаютъ, что онъ высказываетъ искреннія сожалѣнія по поводу всего, что происходитъ. Мурадъ V непремѣнно желалъ бы выполнить общія, данныя имъ Европейскимъ державамъ и весьма склоненъ къ мѣрамъ, эманципирующимъ христіанъ. Но—тутъ мы встрѣчаемъ характеристику новаго государя Турціи—намѣренія его, по отзывамъ знающихъ людей, прекрасны, къ сожалѣнію у него нѣтъ рѣшительности въ характерѣ, что является послѣдствіемъ гаремной жизни. Въ немъ проявляется общая, отличительная черта турокъ высшаго класса—отсутствіе устойчивости и энергіи воли.

Осязательнымъ признакомъ слабохарактерности Мурада V-го служить, между прочимъ, то обстоятельство, что, по видимому, во дворцѣ возстанавливается порядокъ, дѣйствовавшій при Абдулѣ Азизѣ. Нынѣшня султанша-валидѣ (т. е. мать царствующаго султана), имѣющая большое вліяніе на своего сына, желаетъ занять въ управленіи дѣлами то же мѣсто, какое принадлежало и матери бывшаго султана. Для нея уже составляется оффиціальныя штатъ. Два чиновника министерства иностранныхъ назначены секретарями въ ней. Ея каведжи-бенку (каведжи-башни) пожалованъ орденъ Меджидіе 3-й степени; слѣдуетъ замѣтить, что этотъ каведжи-башни лицо весьма невысокое—не болѣе, какъ камердинеръ. Нѣкоторые изъ свуховъ тоже получили ордена. Все это сильно напоминаетъ прошлое царствованіе, когда, напримѣръ, Абдул-Азизъ, въ веселый часъ, раздавалъ ордена поварамъ и даже поваренкамъ.

Сначала надѣялись, что новое правительство помпудеть арестованныхъ болгаръ. Этотъ актъ милосердія имѣлъ бы за себя, кромѣ другихъ основаній, еще то оправданіе, что многие изъ пнеурентовъ (при извѣстной мягкости болгаръ) были побуждены къ возстанію звѣрствами, совершенными баши-бузугами (что подтверждается оффиціальными донесеніями агентовъ иностранныхъ державъ въ Филиппополь и Адрианополь). Цѣлые города и деревни вырваны (болгары насчитываютъ до 35-ти тысячъ жертвъ, турки же до 18-ти тысячъ), разграблены и выжжены. Примѣры, характеризующіе эти злодѣянія — безчисленны и ужасны. Въ Ямбали, напримѣръ, баши-бузуги разграбили домъ одного изъ почетнѣйшихъ жителей, Хаджиліе и, связавъ его, на глазахъ у него же, петязали его 14-ти лѣтнюю дочь, которая не вынесла позора и истязаній и умерла. Собираемая въ Филиппополь статистическія данныя показываютъ, что въ одномъ этомъ округѣ сожжено 43 деревни, представлявшихъ общее число 5,800 домовъ. Большая часть жителей перебиты, а красивѣйшія изъ женщинъ уведены для продажи въ гаремы... Но—метители и освободители уже не далеко!...

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Книжный магазинъ Базунова, принявъ годовую подписку на журналъ «Нива» отъ подписчиковъ 60 лицъ, уплатилъ въ контору журнала только половину полученной имъ суммы, т. е. полугодовую подписку. Подписались чрезъ магазинъ Базунова слѣдующія лица: (№№ по порядку отъ 18446 по 18506).

Г. Каменскій, ст. Брянскъ. Г. Уарновскій, ст. Заплазы. Библиотека Благор. Собр. Г. Красноярск. Г. Саянск. Г. Оренбургъ. Г. Киришска, ст. Брянскъ. Г. Хрущевъ, ст. Старый-Осколь. Г. Штернбергъ, г. Оренбургъ. Г. Озмидовъ, ст. Рудня. Клубъ Благород. Собр. г. Смоленскъ. Г. Ладинскій, г. Гельсингфорсъ. Земск. Публичн. Библиотека, г. Мадриискіе. Г. Тереховъ, г. Лопиза. Г. Лайвевичъ, г. Старадубъ. Библиотека Главн. Конт. Шполонск. им. м. Школа. Г. Уманецъ, г. Новомиловъ. Г. Сулиминскій, г. Желеховъ. Г. Жуковъ, г. Чембарь. Г. Галацкий, г. Поръчье. Г. Шевченко, г. Медитонск. Г. Ветчининъ, г. Тазовъ. Г. Орловъ, г. Нарва. Г. Добровольскій, г. Елизаветградъ. Г. Ленскій, г. Борисоглебскъ. Г. Оленникъ, ст. Ерактурская. Г. Чирковъ, г. Шеркна. Г. Корниловъ, г. Зайсанскій Постъ. Г. Лебедевъ, г. Омскъ. Г. Реймаръ, г. Туркестанъ. Г. Вострицкій, г. Владиміръ. Г. Ситковъ, г. Марихамъ. Г. Майеръ, г. Велижъ. Библиот. 78 пѣх. Новичинск. п. чр. г. Грозный. Библиот. Новогородск. крѣпост. батал. чр. м. Новый Дворъ. Г. Явленскій, г. Частоховъ. Казенная П. лата г. Баку. Г. Вестушевъ, г. Изюмъ. Г. Язовлевъ, г. Орскъ. Библиот. 88 пѣхот. Тобольск. полка, г. Петровск. Г. Добродѣевъ, г. Орскъ. Г. Гиндинъ, г. Старый-Осколь. Г. Любумовъ, г. Брянскъ. Библиот. № 3 Оренб. казачьяго полка, г. Чекметъ. Г. Клопинъ, г. Ялта. Г. Калмыковъ, г. Курганъ. Г. Позневъ, ст. Сомина. Г. Горбачевъ, г. Екатеринбургъ. Г. Мансуровъ, чр. г. Грозный. Г. Струковъ, г. Екатеринбургъ. Офиц. библиот. запаса эк. 7 гусарскаго полка, слоб. Бутурминска. Губерн. Земск. Управа, г. Новгородъ Губерн. Земск. Управа, г. Новгородъ. Г. Янинъ, г. Тобольскъ. Г. Бурдинъ, г. Шадринскъ. Г. Смирновъ, г. Челябинскъ. Г. Конопольскій, укр. Чиназъ. Г. Запѣвскій, г. Верхнеуральскъ. Г. Фоминъ, ст. Ольховый-Рогъ. Г. Козинъ, г. Нижній-Новгородъ. Моревъ, г. Дмитровскъ.

Издатель журнала «Нива» имѣетъ честь увѣдомить гг. вышепо-

именованныхъ своихъ подписчиковъ, что сумма, слѣдующая за второе полугодіе «Нивы» удержана магазиномъ Базунова и въ настоящее время, по закрытіи магазина, представляется большое затрудненіе къ ея полученію. Это затрудненіе, можетъ быть вполнѣ безнадѣжное, и должно бы, по справедливости, пасть на гг. подписчиковъ, дофрившихъ подписную сумму означенному магазину, въ которомъ «Нива» никогда не имѣла своей конторы; но издатель Нивы, дорожа вниманіемъ своихъ подписчиковъ, имѣетъ честь увѣдомить означенныхъ лицъ, что, **высылка имъ журнала «Нива» за второе полугодіе прекращена не будетъ**, и премію они также получатъ наравнѣ съ другими.

А. Ф. МАРКСЪ.

О ПЕЧАТКА: Въ № 26, въ статьѣ: «Князь Антиохъ Кантемиръ» вкрались важныя печатки. Упомятаемые тамъ года: 1822, 1823, 1825 и 1829 — слѣдуетъ замѣнить 1722, 1723, 1725 и 1729-ми.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

- 1) Г. Саратовъ. Кругу читателей «Нивы». Портретъ Чарльза Дарвина былъ помѣщенъ въ № 20 журнала «Нива» за 1871 годъ.
- 2) Г. С. Р.—въ. Портретъ и біографія Жюль Зандъ были приготовлены для № 26, но не помѣщены по невѣжью мѣста; они будутъ помѣщены въ слѣдующемъ № 28 «Нивы».
- 3) Ст. Обречинская, г. Яхонтову. Редація «Нивы» получила журналъ «Пчела» по № 13, но о срокъ выхода слѣдующихъ №№ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.
- 4) Ростовъ, Л. Д. Портретъ и біографія генералъ-маіора М. Г. Черняева уже приготовлены къ печати и войдутъ въ слѣдующій № 28 «Нивы».

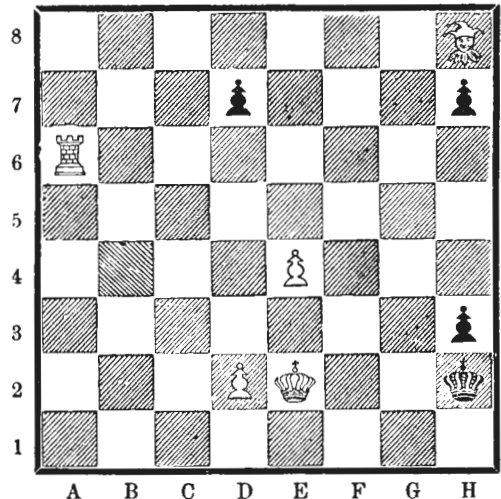
Юмористические очерки.

— Послушай, ты помни, что если еще позволишь себя на столько-же вырости, какъ въ послѣдніе полгода, то я тебѣ откажу отъ должности. Смотри-же!

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

РѢШЕНІЕ

задачи въ «Нивѣ» № 25.

Бѣлые.

- 1) Ферзь D 8 — D 5×
- 2) Ферзь D 5 беретъ Ковя B 7×
- 3) D 7 — D 8 поставится Ковя, дающій ×
- 4) Ковя F 4 — D 5××

Черные.

- 1) Король C 6 — B 6
- 2) Король B 6 беретъ Ферзя B 7
- 3) Король B 7 — B 6

СОДЕРЖАНИЕ. Соликамскъ (съ 2-мя рисунками). С. Г.—Въ новый путь (записки молодой дѣвушки). Е. Т.—Народы Турціи и ихъ взаимныя отношенія (съ картой).—Румынка (съ рисункомъ).—Черновцы (съ 2-мя рисунками). А. Невельского.—Политическое обозрѣніе.—Отъ издателя.—Почтовый ящикъ.—Юмористическіе очерки (съ рисункомъ).—Шахматная задача.—Объявленія.—Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСІЯ МОДЫ за ІЮЛЬ съ 38 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 24 чертежами.

Редакторъ Д. Стахѣвъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НАСЛѢДНИКИ.

Повѣсть въ двухъ частяхъ, заключающая въ себѣ подробное и обстоятельное описаніе жизни, дѣятельности, страданій, радостей, увлеченій и доблестныхъ поступковъ одного весьма почтеннаго и весьма ученаго, но отчасти легкомысленнаго статскаго совѣтника и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, достойныхъ вниманія читателя.

Д. П. Стахѣва.

Два тома, болѣе 600 стр. убористой печати. Цѣна 2 руб. пересылка за два фунта. Критическій разборъ этой повѣсти въ Русскомъ Вѣстникѣ за июль 1875 года. 2—1

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

КАРЛЬ БАУХЪ.

по Большой Морской домъ Росмана № 9.

приготавливаетъ искусственные зубы, по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ рачительствомъ за прочностію и удобствомъ, и принимаетъ всякаго рода повинку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. № 42.

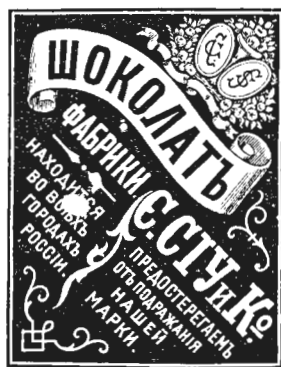
ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и рассказы В. В. Арестовскаго (автора «Петербургскихъ Трущобъ»), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. П. Петрова и В. Ключикова. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событиями и замѣчательнѣйшими дѣятелими Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе Шильятема. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 г. 1 р. съ пересылкою.

45—37

ОБЪЯВЛЕНІЯ,

помѣщенныя въ журналѣ «Нива», могутъ найти самое громадное распространѣніе, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и между иногородними подписчиками. «Нива» расходуется въ количествѣ 25,000 экземпляровъ. За строку попарейля (37 буквъ) платится 25 коп. Подробный тарифъ на объявленія напечатанъ въ № 17 «Нивы». 6—3

Зубной врачъ ВАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—15

26—15

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ Н. Каразина, съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовныя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 для подписчиковъ «НИВЫ» на 1876 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи. № 2.

НАСТОЯЩАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ

для вскормленія грудныхъ дѣтей. ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи

Александръ Венцель

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестины, на которыхъ находится СИНИЙ ПИТЕМЦЕЛЬ и ПОДПИСЬ

ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія). 26—6

Цѣна ЖЕСТИНКИ 85 к. безъ пересылки, всѣхъ 1 1/4 ф.

Присталъ сестеръ бѣлый съ желтыми пятнами, большой. 7 ул., д. № 42, кв. № 3, отъ 6 час. вечера. № 38.

Сибирскія, противъ зубной боли, капли, Л. Гиршгорна. Во всѣхъ извѣстныхъ аптекахъ въ С.-Петербургѣ; также у Руляковскаго и Гольма, въ Кавалерской ул., на углу Демидова пер. и въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, у Полицейскаго моста, въ д. Башмакова. Въ Харьковѣ: въ отдѣленіи этого общества, у Лопанскаго моста, въ д. Бодаевского. Цѣна 75 коп. 4—4

2 руб. 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—44

РѢЗЦЫ ДЛЯ ВЫРѢЗКИ ВЫКРОЕКЪ.

Инструментъ этотъ, необходимый для всѣхъ, желающихъ заготовлять бѣлье или костюмы, по приложеннымъ въ «Нивѣ» выкройкамъ парижскихъ модъ, можно вынискать чрезъ редакцію «Нивы». Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 коп. 4—4

НИВА

№ 28

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ В ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 12 Іюля 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 4 р. II. Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Жива-
варева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во все другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., доставкой 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднимъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

Юрій Федоровичъ Самаринъ.

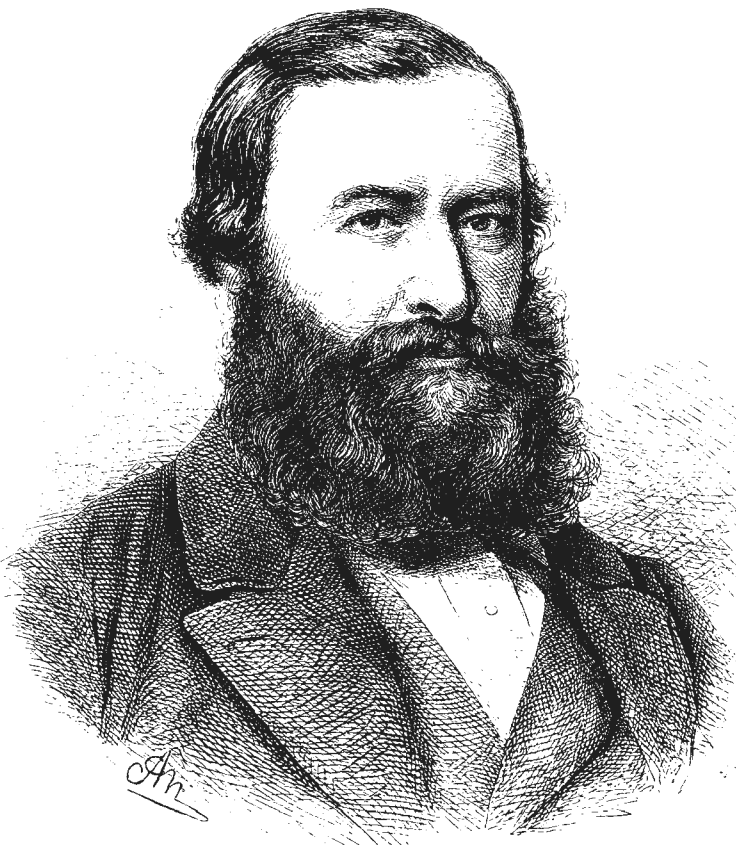
Отечество наше понесло недавно чувствительную утрату: 19-го марта умеръ въ Берлинѣ Юрій Федоровичъ Самаринъ. Онъ скончался въ тамошней больницѣ, послѣ операціи на правой рукѣ, операціи, имѣвшей смертельный исходъ: развинная гангренозная рожа свела въ могилу Юрія Федоровича. Тѣло его было привезено въ Москву и 30-го числа того-же мѣсяца предано землѣ въ Даниловскомъ монастырѣ, за семейною рѣшеткою Самариныхъ, почти рядомъ съ могилкой другой, свѣтлой, энергичной личности — славянофила Хомякова.

Въ Петербургѣ и Москвѣ много было произнесено надгробныхъ словъ и рѣчей въ честь и память умершаго, а въ засѣданіи Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета проф. здѣшняго университета А. Д. Градовскій предложилъ ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи объявить повсемѣстную подписку для установленія, въ честь Ю. О. Самарина, преміи за лучшія сочиненія по русской исторіи. Тотъ же Петербургск. отдѣлъ Славянск. комитета вмѣнилъ себѣ въ долгъ сохранить «въ назиданіе всему русскому обществу» черты строго-правдиваго внутренняго образа Юрія Федоровича Самарина — сохранить ихъ для потомства, т. е. издать отдѣльной книжкой все рѣчи, произнесенныя въ честь и память покойнаго. Надъ изданіемъ такой книжки потрудился академикъ Я. К. Грогъ, и она уже находится въ продажѣ. Къ книжкѣ приложенъ портретъ Ю. О. Самарина. Но кто же былъ Юрій Федоровичъ Самаринъ? спросятъ, мо-

жетъ быть, тѣ, которые, за недосугомъ и служеніемъ злобѣ дня, не знали и не знаютъ, что творится вокругъ нихъ... Князь—графъ—министръ—пу, наконецъ, не былъ ли этотъ Самаринъ храбрымъ генераломъ?.. Нѣтъ, что-то не слышно было въ рядахъ нашихъ воиновъ такой фамилии...

Юрій Федоровичъ Самаринъ — былъ истымъ русскимъ человекомъ, русскимъ гражданиномъ, общественнымъ дѣятелемъ «въ полномъ и лучшемъ значеніи этого слова», какъ выразился князь А. И. Васильчиковъ въ рѣчи своей: «не изъ тѣхъ (дѣятелей), которые только держатъ рѣчи и сочиняютъ пресекты, но изъ другихъ, которые и словомъ, и дѣломъ, и своими познаніями и умомъ, и своимъ участіемъ къ пробуждающейся общественной жизни принесли дѣйствительно пользу отечеству и своей братьи не только меньшей, но и большей...» Нынче, какъ извѣстно, довольно развелось «общественныхъ дѣятелей», и хорошо тоже извѣстно, что именно заставляетъ ихъ класть свою ленту на алтарь отечества. Для нихъ холодный расчетъ прежде всего: «потружусь, положу ленту, а получу, можетъ быть, двѣ ленты, да еще съ процентами, ну, и мавзолей, пожалуй, поставятъ...»

Свои ленты Юрій Федоровичъ отдавалъ безвозвратно, процентами съ нихъ не пользовался, о мавзолей не помышлялъ: вся жизнь его прошла въ безкорыстномъ служеніи наукѣ и дѣлу. Въ сердцѣ Самарина не было мѣста ни властолюбію, ни честолюбію. Для удовлетворенія этихъ чувствъ (приводимъ слова

Юрій Федоровичъ Самаринъ. Рисов. и грав. А. Нейманъ.

изъ рѣчи князя Васильчикова), людямъ даровитымъ, какъ Самаринъ, и притомъ поставленнымъ по рожденію на высшихъ ступеняхъ общества, нужно немного меньшаго усилія надъ своею совѣстью: нужно только пожертвовать нѣкоторой частію своихъ убѣжденій, уступить болѣе или менѣе, смотря по обстоятельствамъ, духу, или духамъ, вѣющимъ съ извѣстныхъ сторонъ, — и только...» Вотъ этой-то уступки «смотря по обстоятельствамъ» Самаринъ и не дѣлалъ никогда, не жертвовалъ «нѣкоторой частію своихъ убѣжденій, однимъ словомъ — не продавалъ себя. Душа его какъ была чистою, такъ чистою и осталась...» Да, но онъ могъ быть независимымъ; вѣдь онъ былъ богатъ... богатъ не станетъ продавать душу свою дьяволу...» Такъ, конечно, могутъ возразить многие, причемъ горько улыбнутся, но вѣдь и на это есть возраженіе: а гдѣ предѣлы корыстолюбія, алчности человѣка? Человѣкъ, обладающій миліономъ рублей, желаетъ еще милліона. Да это и понятно: съ увеличеніемъ средствъ расширяется и кругъ желаній. При 500,000 руб. у васъ было желаній на милліонъ; заполучили вы этотъ милліонъ — захотѣлось уже разныхъ разностей на полтора милліона и т. д. Вспомните сказку Пушкина о рыбацкѣ и рыбацкѣ. Юрій Федоровичъ не обращая къ «сударынь-рыбацкѣ», хотя и стоялъ близко къ бушующимъ волнамъ... «Едва-ли не самое вліятельное участіе принялъ онъ въ совершеніи такихъ великихъ дѣлъ, какъ освобожденіе крестьянъ въ Россіи или введеніе новаго положенія въ Польшѣ...» Потрудившись и положивъ свою лепту, онъ (по словамъ кн. Васильчикова) уходилъ всякій разъ въ пріютъ частной жизни, гдѣ опять предавался не праздности свѣтской жизни, но усиленнымъ и плодотворнымъ своимъ трудомъ въ скромномъ званіи члена дворянскихъ и земскихъ собраний, гласнаго городской думы и члена училищнаго совѣта. Другой ораторъ, проф. А. Д. Градовскій, говорилъ въ своей рѣчи: «Можно смѣло сказать, что Юрій Федоровичъ оставилъ свой благотворный слѣдъ почти на всѣхъ отрасляхъ общественной и государственной дѣятельности. Нынѣшніе и будущіе общественные дѣятели должны уже или будутъ должны признать его своимъ учителемъ во многихъ отношеніяхъ».

Ю. Ф. Самаринъ въ 1838 г. кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ (по историко-филологическому факультету, кандидатомъ) и желалъ посвятить себя служенію наукѣ, думая занять въ послѣдствіи профессорскую кафедру, но, какъ говоритъ о. Ключаревъ (бывшій духовникъ Самарина), на то не было воли его отца, и Юрій Федоровичъ покорился этой волѣ безпрекословно: пріѣхавъ въ Петербургъ и поступивъ на государственную службу, въ сенатъ. Въ 1852 г. онъ вышелъ въ отставку, служилъ потомъ въ ополченіи и затѣмъ посвятилъ все силы свои, всецѣло отдавъ душу свою — дѣлу освобожденія крестьянъ, земству и городскому хозяйству Москвы. Живѣйшее участіе принималъ онъ въ законодательныхъ работахъ совместно съ покойнымъ Милютинымъ и кн. Черкасскимъ. Какъ публицистъ, Юрій Федоровичъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ; много было затронуто имъ и разъяснено сложныхъ, трудныхъ политическихъ вопросовъ; совѣты его при реформахъ въ бывшемъ царствѣ Польскомъ принимались съ благодарностью, а такъ называемый Балтійскій вопросъ — ему одному обязанъ своимъ существованіемъ. Литературная дѣятельность Самарина, продолжавшаяся болѣе 30 лѣтъ, преимущественно проникнута критическимъ и политическимъ характеромъ. Юрій Федоровичъ обладалъ замѣчательнымъ критическимъ даромъ, способностью историка-исследователя и былъ въ тоже время блестящимъ ораторомъ. Книга его «Иезуиты въ Россіи» замѣчательна во многихъ отношеніяхъ, а особенно — въ практическомъ: Самаринъ принялъ на себя громадный трудъ рассмотреть сочиненія иезуитовъ (ихъ учебники, поученія) для того, чтобы наглядно воспроизвести, собственными словами послѣдователей Лойолы, безнравственную доктрину ихъ. Выше было упомянуто, что съ 1852 г. Самаринъ уже не служилъ больше въ казенной службѣ, а такъ какъ онъ былъ

на виду, то его, конечно, приглашали въ редакціонныя коммисіи, гдѣ онъ и работалъ — но не въ качествѣ присяжнаго чиновника. Юрій Федоровичъ исполнялъ только свой гражданскій долгъ, зная что то дѣло, за которое онъ взялся, можетъ быть какъ слѣдуетъ исполнено только гражданнымъ, человѣкомъ безъ свѣтлыхъ пуговицъ. Тутъ будетъ у мѣста привести нѣсколько строкъ изъ одного письма Самарина (отрывокъ этотъ былъ прочтенъ А. Д. Градовскимъ въ засѣданіи Петербургск. Отдѣла Славянск. Комитета 25 марта). Вотъ онъ: «Теперь задача состоитъ не въ томъ, чтобы измѣнять и передѣлывать учрежденія... нужно творить не учрежденія, а людей. Тутъ одинъ путь: непосредственно, прямого дѣйствія человѣка на человѣка въ той ограниченной сферѣ, въ которой личное вліяніе можетъ дѣйствовать. Приходится дѣлать и обжигать людей, какъ кирпичи. Можетъ быть я ошибаюсь, принимая свое личное призваніе за главную задачу времени; но крайней мѣрѣ таково мое глубокое убѣжденіе».

А Д. Градовскій объясняетъ этимъ, почему Самаринъ предпочиталъ «ограниченную сферу» какой нибудь думы или собранія болѣе широкому поприщу, на которое онъ имѣлъ право по своимъ достоинствамъ. И въ самомъ дѣлѣ, его личное вліяніе воздѣйствовало на многихъ и многихъ. Каждый, сблизившись съ нимъ, прибавляетъ г. Градовскій, невольно брать его за образецъ, желая быть подлѣ него, работать съ нимъ... На эту сторону дѣятельности Юрія Федоровича не можетъ быть раскрыта вполнѣ теперь; нужно ждать, пока вскроется его огромная переписка. Тогда мы поймемъ, какъ Самаринъ «лѣпилъ и обжигалъ» людей.

Вотъ что говорилъ о немъ А. О. Ключаревъ:

«Порядкомъ своей жизни Юрій Федоровичъ напоминалъ древнихъ аскетовъ, т. е. христіанъ, жившихъ среди міра, но въ отчужденіи отъ него и въ служеніи Богу и ближнимъ. Ради свободы духовной и умственной дѣятельности онъ отказался отъ супружества и семейнаго счастья; при богатствѣ онъ чуждъ былъ доставляемыхъ имъ чувственныхъ наслажденій... Часто утренняя заря заставляла его съ перомъ въ рукѣ, и онъ оканчивалъ горячія думы о благѣ своей родины горячею молитвою о ней къ Богу».

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о Самаринѣ, какъ о славянофилѣ. М. О. Кояловичъ называетъ его однимъ изъ замѣчательныхъ славянофиловъ. Юрій Федоровичъ по своимъ филологическимъ убѣжденіямъ принадлежалъ къ тому направленію, которое въ нашей литературѣ начало развиваться въ пятидесятыхъ годахъ, и представителями котораго были близкіе ему люди — покойные Хомяковъ и Кирѣевскій. Сознаніе русской народности, которую Самаринъ различалъ, но не отдѣлялъ отъ обще-славянской, было у него, какъ извѣстно (по словамъ кн. Васильчикова), не поверхностное увлеченіе, но плодъ, и зрѣлый плодъ, многолѣтнихъ изученій. Оно было въ немъ глубже и шире, чѣмъ у другихъ, потому что онъ изучалъ народъ не только по наукѣ, но и на практикѣ, не только въ исторіи, но въ самой жизни, не только въ присутствіяхъ и коммисіяхъ, но и въ деревнѣ, гдѣ проводилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ году, въ ополченіи, гдѣ командовалъ ротой, въ должностяхъ мирового судьи и гласнаго, гдѣ онъ работалъ неутомимо, до послѣднихъ дней своей трудовой жизни. Всесторонне, во всю необъятную ширину, въ Кіевѣ и Самарѣ, въ Варшавѣ и Ригѣ, отъ Вислы до Волги, изучалъ онъ бытъ народа. Самаринъ былъ однимъ изъ лучшихъ друзей русскаго народа.

Въ заключеніе приведемъ послѣднія слова надгробной рѣчи, сказанной проф. каноническаго права въ Петербургскомъ университетѣ М. И. Горчаковымъ (27 марта):

«Помолимся и мы, братія, и воспоемъ новопреставленному рабу Божию, боярину Юрію, за отечество и вѣру мужественно подвизавшемуся и жизнь свою на семь подвиговъ положившему — *вѣчная память!*»

ВЪ НОВЫЙ ПУТЬ

(Записки молодой дѣвушки).

(Окончаніе).

Въ это время въ комнату влетѣла Ольга Сергѣевна и подошла ко мнѣ. Я невозмутимо продолжала просматривать бумаги.

— Вотъ какъ! вы сдѣлались корректоромъ! злобно проговорила она.

— Корректурa нужна тамъ, гдѣ есть ошибки, а я или кто другой будетъ поправлять ихъ, — для васъ должно быть все равно, отрѣзала я такъ рѣшительно, что она отъ меня отстала.

— Намъ только остается всѣмъ бѣжать изъ „Основы“! вдругъ воскликнула она, собственно не обращаясь ни къ кому.

— Почему это? спросилъ Антоновъ.

— Жить нельзя отъ интригъ и униженій, которымъ насъ подвергаетъ наше милое начальство! продолжала яростная вдовица, по крайней мѣрѣ вся статистика разбѣжится. Не такъ-ли, Софья Александровна? обратилась она къ входившей въ это время въ комнату Рейсъ, которая молча въ отвѣтъ пожала плечами и подошла ко мнѣ.

— Много вы нашли у насъ ошибокъ? вполголоса и сердито начала Рейсъ, облакачиваясь на столъ и нагибаясь ко мнѣ.

— Нѣтъ не много, отвѣтила я, а въ этомъ экзем-

плярь и совѣмъ нѣтъ, незнаю, кто изъ васъ писалъ эту бумагу — какой славный почеркъ!

— Это я писала, смягчаясь замѣтила она, но потомъ продолжала съ небольшою досадою: какой странный Войбоковскій! зачѣмъ онъ далъ вамъ исправлять эти условія?

— Васъ это обижаетъ? спросила я ее въ свою очередь, — будь я на вашемъ мѣстѣ — я бы не обидѣлась. Въ дѣлахъ службы надо отлагать въ сторону всякія мелочи и имѣть одну цѣль — успѣхъ самого дѣла. Я себя считаю скромнымъ винтикомъ въ сложной машинѣ общаго дѣла, и если бы мою работу поручили просмотрѣть кому-нибудь изъ служащихъ со мною, я бы не обидѣлась — пусть исправятъ мои ошибки, если я ошиблась, если нѣтъ, тѣмъ лучше для меня. Я очень жалѣю, Софья Александровна, что мое настоящее занятіе возбудило во всѣхъ васъ неудовольствіе противъ меня. Вы должны знать, что я не могу отказываться отъ поручаемаго мнѣ дѣла. Будемте лучше жить дружно и мирно, какъ подобаетъ хорошимъ товарищамъ. Намъ надо поддерживать другъ друга, такъ какъ мы, служащія женщины, идемъ по новому пути. Не станемъ-же сбиваться съ него ради какихъ-нибудь пустыхъ размолвокъ, а лучше докажемъ, что мы серьезно можемъ заняться порученнымъ намъ дѣломъ.

Черные, красивые глаза моей собесѣдницы смягчились.

— Вы правы, тихо сказала она, раздоры мѣшаютъ всякому дѣлу. Вы, конечно, не могли отказаться отъ занятія, порученнаго вамъ Войбоковскимъ, у котораго все основано на пристрастіи и фантазіи...

— О, нѣтъ! невольно воскликнула я.

— Вы думаете? увидите, продолжала Рейсъ, съ улыбкой посмотрѣвъ на меня. Войбоковскій уменъ, онъ, безспорно, способный человѣкъ, но легкомысленный, порывистый, безпорядочный и несправедливый.

— Онъ, напротивъ, добръ и снисходителенъ, какъ никто, съ жаромъ сказала я, онъ принялъ во мнѣ такое участіе съ самаго поступленія моего въ „Основу“, что я не могу не быть ему благодарной и буду всегда заступаться за него.

— И заступаетесь очень горячо — это подозрительно! лукаво замѣтила Рейсъ.

— Совѣмъ нѣтъ, спокойно возразила я, я чувствую къ нему признательность, если хотите, дружбу, и только.

— Молодой, красивый и холостой другъ — многіе не вѣрятъ въ возможность имѣть такого друга для молодыхъ женщинъ, въ томъ-же тонѣ продолжала Рейсъ.

— За то я вѣрю! но... вы сказали, что Войбоковскій холостой, онъ вѣдь женатъ? спросила я.

— Какъ? Войбоковскій женатъ? удивилась Рейсъ.

— Разумѣется.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Ольга Сергѣевна.

Рейсъ разсмѣялась.

— Нѣтъ, это ни на что не похоже! воскликнула она и насмѣшливо обернулась къ болтавшей съ Антоновымъ вдовицѣ: Ольга Сергѣевна, зачѣмъ вы выдаете Войбоковскаго за женатаго?

— А кому я его выдавала? невозмутимо спросила та.

— Да вотъ, Елизаветѣ Петровнѣ.

— Елизавета Петровна ошиблась, я никогда ей этого не говорила.

— Нѣтъ, вы мнѣ это сказали, вступилась я, возмущенная ея ложью.

— Можетъ быть, шутя, не помню, заключила она, пожимая плечами и отворачиваясь отъ меня.

Въ этотъ день всѣмъ служащимъ выдавали жалованье. Я получила сорокъ рублей вмѣсто обѣщанныхъ пятидесяти. Эти сорокъ рублей доставили мнѣ удоволь-

ствіе и нѣкоторую гордость: я первый разъ сама заработала деньги. По окончаніи занятій Войбоковскій вышелъ вмѣстѣ со мною изъ конторы. Погода была теплая, освѣженная только что выпавшимъ дождемъ.

— Я хочу прогуляться, сказалъ онъ мнѣ. Въ какую сторону вы идете?

— Черезъ Кузнецкій мостъ, по Неглинной.

— И я тоже, такъ пойдемте вмѣстѣ — хотите?

Я согласилась. Войбоковскій пошелъ со мною и велѣлъ своему кучеру ѣхать за собой шагомъ; красивый сѣрый рысакъ важно выступалъ около насъ.

— Bonne chance! послышался вдругъ за нами голосъ Ольги Сергѣевны.

Войбоковскій обернулся и съ улыбкой кивнулъ ей головой.

— Веселая барыня, Ольга Сергѣевна, сказалъ онъ мнѣ, немного болтливая, но очень добрая. Въ „Основѣ“ ее всѣ любятъ, кромѣ Минкевича, который говоритъ, что держитъ ее изъ состраданія, потому что у нея четверо дѣтей и никакихъ средствъ къ жизни, кромѣ того, что она получаетъ изъ конторы. Я считаю ее немного пустою, но положительно не способною ни на что дурное.

Я молча удивлялась его непроницательности.

— Вамъ она не нравится, продолжалъ Войбоковскій, поглядѣвъ на меня.

— Нѣтъ, къ тому-же и она меня терпѣть не можетъ.

Онъ какъ-то странно улыбнулся.

— Это ужъ слишкомъ сильно, возразилъ онъ. Ольга Сергѣевна, право, добрая душа. Я, впрочемъ, замѣтилъ, что вы ни съ кѣмъ какъ-то не сходитесь въ „Основѣ“.

— Меня вообще у васъ въ „Основѣ“ не особенно любятъ...

— Что вамъ за дѣло? не обращайтесь на это вниманія, весело проговорилъ Войбоковскій. Я вами очень доволенъ и передамъ Минкевичу свое мнѣніе о вашихъ занятіяхъ. Будьте увѣрены, я васъ не дамъ въ обиду и сумѣю оградить отъ всякихъ неприяностей.

— О, да! я вѣрю въ васъ! горячо воскликнула я.

— Какой вы милый, хорошій ребенокъ, Елизавета Петровна! ласково заговорилъ Войбоковскій, взглянувъ на меня такъ мягко и нѣжно, что мнѣ почему-то вдругъ сдѣлалось легко и радостно на душѣ, какъ никогда не было.

— Вы точно все освѣщаете своимъ присутствіемъ, продолжалъ онъ, съ вами въ „Основу“ какъ будто прокрался солнечный лучъ. Увидѣвъ васъ, скажешь про себя: вотъ счастливое, молодое, умное, увѣренное въ самой себѣ и въ своихъ силахъ существо. Мнѣ, погруженному въ бумажныя, сухія дѣла, въ соображенія о пониженіяхъ или пониженіяхъ страховою преміи и тому подобныя вещи, необыкновенно пріятно встрѣчать такихъ личностей какъ вы, полныхъ жизни. Вы какъ будто созданы не для сухой работы за счетами и книгами, а для того, чтобы украсить чью-нибудь жизнь. Будь я на мѣстѣ вашего отца, я-бы не допустилъ васъ блѣднѣть и утомляться въ конторѣ.

— Мой отецъ и такъ не очень доволенъ моею службою въ „Основѣ“, но мирится съ нею, такъ какъ это необходимо.

— Какъ-бы я желалъ познакомиться съ вашими родителями! вдругъ сказалъ Войбоковскій.

— Они будутъ очень рады познакомиться съ вами.

— А вы желаете, чтобы я пріѣхалъ къ вамъ въ домъ? скажите откровенно.

— Да, разумѣется! воскликнула я и вдругъ остановилась.

Войбоковскій поглядѣлъ на меня такъ странно, что у меня отъ этого взгляда кровь бросилась въ лицо.

— Благодарю васъ, съ чувствомъ сказалъ онъ, пожимаю мою руку. Завтра я уѣзжаю въ Харьковъ... и когда вернусь сюда, то сочту долгомъ постучаться въ двери вашего дома, если позволите.

— Я буду очень, очень этому рада, проговорила я, прощаясь съ нимъ въ началѣ Петровскаго бульвара.

V.

Очень пустынной казалась мнѣ контора „Основы“ послѣ отъѣзда Войбоковскаго, да и дѣла были не въ томъ порядкѣ, какъ при немъ, хотя Риверсъ (исполнявшій за отсутствіемъ Войбоковскаго его должность) бранился направо и налево, но ни что не помогало. Держава ослабла, какъ выразился Антоновъ, чувствовалось отсутствіе руководителя. Такъ прошло нѣсколько дней. Однажды, вернувшись домой изъ конторы, я застала у насъ Екатерину Семеновну. Она съ какимъ-то таинственно-веселымъ видомъ поздоровалась со мною.

— Ну, что у васъ дѣлается въ „Основѣ?“ спросила она меня, взглядывая на маму, которая отвѣчала ей полу-улыбкой.

— Все тоже, отвѣчала я, мною пока довольны, я довольна своими занятіями...

— Да полно, не замазывай мнѣ глаза, я все знаю! живо воскликнула Екатерина Семеновна.

— Что-же вы знаете?

— А то, что твой начальникъ, Войбоковскій, въ тебя влюбленъ.

— Въ меня!

Я остановилась въ раздумьи. Это сообщеніе не особенно поразило меня. До сихъ поръ я не анализировала характеръ отношеній Войбоковскаго ко мнѣ, хоть и сознавала, что расположеніе его имѣло отбѣнокъ нѣжности. Послѣднія слова Екатерины Семеновны произвели во мнѣ тревогу, не лишнюю радостнаго чувства. Расположеніе мое къ Войбоковскому не созрѣло еще въ любовь, но могло въ нее перейти, я это чувствовала и сознаю теперь.

— Да кто вамъ это сказалъ? спросила я потомъ Екатерину Семеновну.

— Онъ самъ все рассказалъ Сергѣю Михайловичу Ровинскому, когда обѣдалъ съ нимъ въ Эрмитажѣ, накануне своего отъѣзда въ Харьковъ. Онъ тебя любитъ, хочетъ познакомиться съ твоими родителями и жениться на тебѣ—поняла?

Я ничего не отвѣтила и сѣла на стулъ, пораженная этимъ финаломъ, котораго, признаюсь, не ожидала.

Мама нахмурилась.

— Кто этотъ Войбоковскій, откуда онъ явился? проходимецъ можетъ быть какой! говорила мама, блѣдная отъ волненія. Мы бѣдны, и потому дочь моя принуждена работать, но выдавать ее замужъ за каждаго встрѣчнаго я не намѣрена!

Разговоръ на этомъ прекратился, и Екатерина Семеновна вскорѣ затѣмъ ушла.

Послѣ ея ухода мама долго волновалась и выговаривала, какъ ей неприятно, когда чужіе люди мѣшаются въ ея семейныя дѣла, бросаютъ ей въ лице ея бѣдность и хотять втереть проходимцевъ въ ея, хотя небогатую, но порядочную и благовоспитанную семью и т. д. Я молчала, зная, что, когда нервы у мамы расколются, тогда не слѣдуетъ говорить, но мнѣ стало очень грустно, такъ грустно, что, убѣжавъ въ свою комнату, я заплакала...зачѣмъ мама бранила Войбоковскаго, который былъ такъ добръ ко мнѣ?

Дни шли за днями, работы въ „Основѣ“ было много. Весною и осенью страхованій бываетъ, говорятъ, больше, чѣмъ теперь, въ августѣ, но за то пожары свирѣпствуютъ, а послѣдствіе этого грустнаго факта прпбавляется работа въ нашемъ отдѣленіи. Кромѣ постояннаго занятія съ журналомъ, мнѣ дали еще писать предварительныя донесенія о пожарахъ со сче-тамъ убытковъ и долей, падающихъ на общество перестрахованій. Такъ шло время до возвращенія Войбоковскаго. Я очень обрадовалась, увидавъ его. Онъ былъ по прежнему дружески ласковъ со мною, но намъ какъ-то уже не приходилось такъ по долгу разгова-

ривать, какъ прежде: онъ былъ очень занятъ дѣлами, накопившимся во время его отсутствія.

Однажды, окончивъ свои дѣла въ конторѣ, я сходила съ лѣстницы, собираваясь идти домой, какъ вдругъ на одной изъ площадокъ ея, передъ дверью правленія, увидала на скамьѣ Войбоковскаго. Онъ сидѣлъ, опершись одною рукою на спинку скамьи, а въ другой держалъ бумаги. Увидавъ меня, онъ быстро всталъ и подошелъ ко мнѣ, говоря:

— Вы уходите? счастливая! а я, представьте, долженъ ждать Минкевича, который куда-то уѣхалъ, чтобъ передать ему эти бумаги...

— Вы такъ заняты все это время, что должны сильно утомляться, сказала я, смотря на его нѣсколько потмоленное лице.

— Такъ занятъ, что даже почти не имѣю времени

Жоржъ Зандъ. Съ фотогр. рисов. п грав. Гоярскій.

сказать съ вами двухъ словъ. Когда-же, однако, вы позволите мнѣ прѣхать къ вамъ?

Я на минуту смутилась отъ этого вопроса. Мама возненавидѣла не только Войбоковскаго, ни разу не давъ его въ глаза, но и самое имя „Основы“, что возбуждало не мало столкновений между нами. Она терпѣла мои занятія въ конторѣ, такъ какъ я зарабатывала деньги, но я была увѣрена, что Войбоковскій, прѣхавъ къ намъ, не былъ-бы принятъ вовсе или очень дурно. Вотъ что меня смущало. Эти мысли, стрѣлой пролетѣли у меня въ головѣ, такъ что я, послѣ минутнаго колебанія, сказала спокойно:

— Да когда хотите, я всегда вамъ буду рада... Войбоковскій замѣтилъ, однако, эту минуту колебанія. Онъ пристально и молча поглядѣлъ на меня, его лицо стало сурово и холодно. Я досадовала на себя за свое неумѣнне притворяться.

Войбоковскій сухо простился со мною, и я отправилась домой съ тяжелымъ сердцемъ. Послѣ вышеприведеннаго разговора между мною и Войбоковскимъ, мнѣ уже не случалось говорить съ нимъ, какъ прежде; кромѣ необходимыхъ фразъ по части служебныхъ обязанностей, мы не вели разговоровъ. Онъ, разумѣется, не былъ у насъ, и все больше и больше сталъ отдаляться отъ меня...

VI.

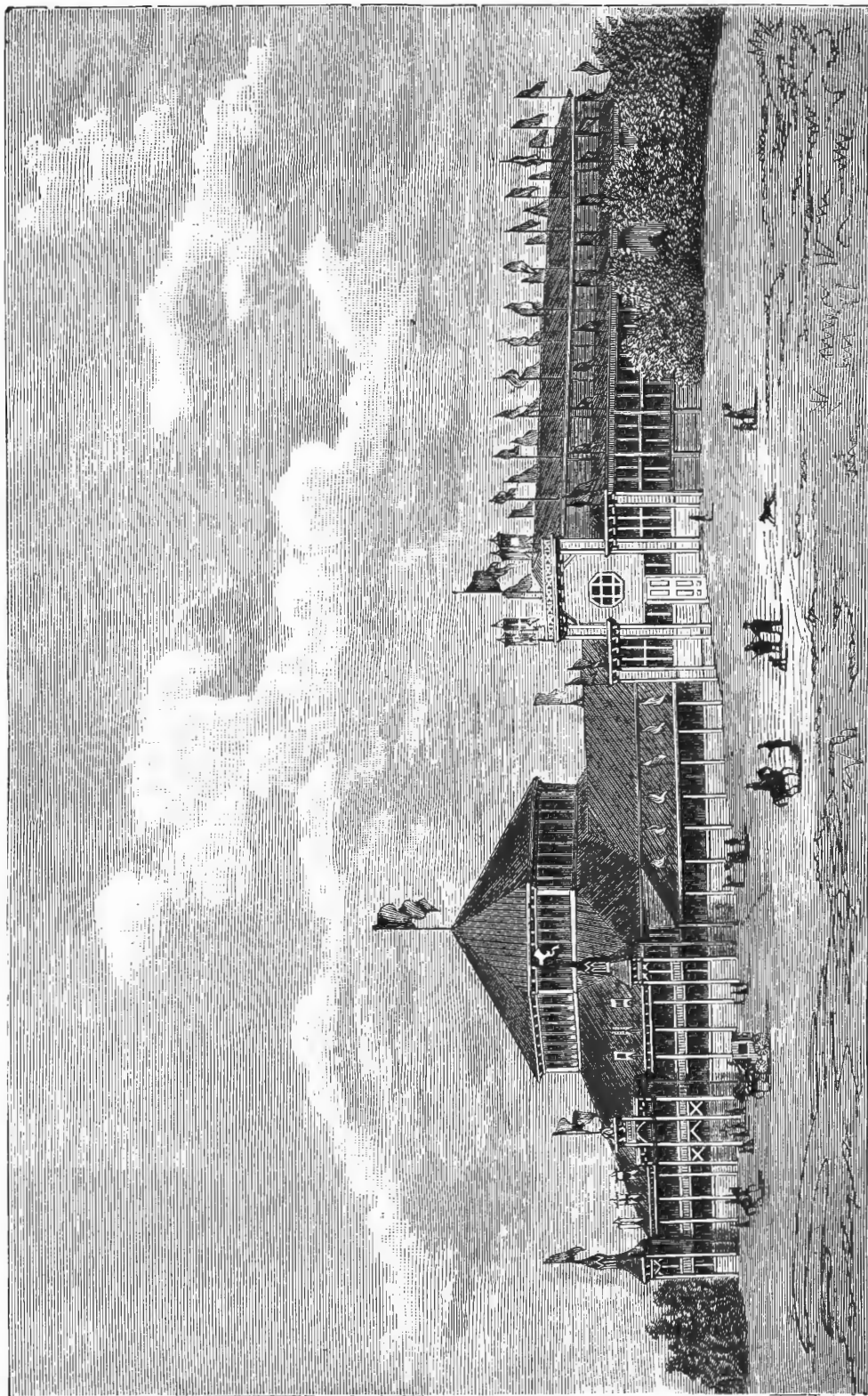
Стоялъ теплый сентябрьскій, точно лѣтній день. Солнце ярко свѣтило въ окна нашего отдѣленія. Нагнувшись надъ своимъ журналомъ, я быстро вписывала полученныя съ почты бумаги, стараясь пристальной работой заглушить тягостное чувство тоски, охватившее меня съ нѣкоторыхъ поръ. Въ это время въ кабинетъ Войбоковскаго кто-то вошелъ, и затѣмъ дверь нашего отдѣленія въ кабинетъ была затворена, повидимому для конфиденціальныхъ разговоровъ. Вскорѣ Войбоковскій вошелъ въ наше отдѣленіе. Я не обратила на это вниманія и продолжала писать, какъ вдругъ почувствовала на своемъ плечѣ чью-то руку. Я вздрогнула и обернулась: Войбоковскій съ прежнимъ ласковымъ видомъ наклонился надо-мною.

— Пожалуйста, дайте дѣла Риги, да? сказалъ онъ

мнѣ, но своей привычкѣ прибавляя не всегда кстаги послѣднее слово.

Я встала и подала ему съ этажерки синюю папку, на которой краснымъ карандашомъ было написано: Riga.

— Что вы блѣдны сегодня—больны? спросилъ онъ меня совсѣмъ прежнимъ тономъ, принимая папку изъ моихъ рукъ.

Зданіе выставки промышленности въ Гельсингфорсѣ. Съ фотограф. рѣзакъ на деревѣ Гейерманъ.

— Нѣтъ, но мнѣ грустно, откровенно созналась я. Войбоковскій дружески взялъ меня за руку.

— Вы мнѣ расскажете причину вашей грусти, да? объщаете? быстро говорилъ онъ, а теперь я спѣшу къ своему гостю. Это нашъ агентъ въ Ригѣ.

Съ давно неизвѣстнымъ мнѣ ощущеніемъ мира и радости я вернулась на свое мѣсто и бодро принялась

работать. Такъ прошло нѣсколько минутъ, вдругъ дверь изъ кабинета съ шумомъ растворилась, и Войбоковскій почти вбѣжалъ къ намъ въ отдѣленіе.

— Гдѣ письмо о фабрики Вѣрманна? рѣзко спросилъ онъ меня.

— Такихъ писемъ было нѣсколько, изъ Петербурга и изъ Риги, отвѣчала я.

— Да тутъ нѣтъ одного! вспылчиво крикнулъ Войбоковскій, и васъ просилъ завести порядокъ, а между тѣмъ ничего не найдешь, стыдъ передъ людьми—и все изъ за васъ!

Я была поражена этими словами и нервно стала пересматривать Петербургскую папку.

— Не это-ли письмо? спросила я, найдя одно изъ безчисленныхъ писемъ отъ фабрики Вѣрманна и подавая его Войбоковскому.

Онъ пробѣжалъ его глазами.

— Разумѣется! съ досадой пропзнесъ онъ и строго прибавилъ: зачѣмъ вы его туда положили?

— По рѣшенію Г. Гильманъ, отвѣчала я, вы сами мнѣ сказали, чтобъ я обращалась къ нему за разрѣшеніемъ вопросовъ, которые меня затрудняютъ.

— Это неправда! Гильманъ не могъ вамъ этого сказать! воскликнулъ Войбоковскій. Гильманъ въ это время повернулся ко мнѣ, блѣдный отъ злости.

— Я не помню, чтобъ я вамъ объ этомъ сказалъ, проговорилъ онъ на своемъ ломаномъ русскомъ языкѣ.

Я презрительно пожала плечами: оправданіе было-бы униженіемъ, но тутъ меня выручилъ Риверсъ.

— За то я помню! съ жаромъ воскликнулъ онъ, подходя ко мнѣ и бросая негодующій взглядъ на Гильмана. Стенанъ Іосифовичъ! твердо продолжалъ онъ, обращаясь къ Войбоковскому, вы, кажется, можете повѣрить мнѣ, если не вѣрите Елизаветѣ Петровнѣ, вполне достойной довѣрія, которая въ теченіи своей трехмѣсячной службы въ „Основѣ“, ничего другого не выказала, кромѣ добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей. Неизвѣстно, почему Г. Гильманъ забылъ, но я помню, что Елизавета Петровна при мнѣ спросила его: куда положить письмо полученное на дняхъ изъ Петербурга о фабрику Вѣрманна, въ Рижскую или Петербургскую папку? и онъ при мнѣ, повторяю, сказалъ, что въ послѣднюю. Войбоковскій сурово поглядѣлъ на сконфуженнаго Гильмана.

— Прошу васъ больше не повторять такихъ ошибокъ, рѣзко сказалъ онъ ему, и затѣмъ, не глядя на меня, замѣтилъ Риверсу: мнѣ кажется, что Елизавета Петровна могла-бы уже на столько знать ходъ дѣлъ, чтобъ не нуждаться въ чужихъ совѣтахъ—пора-бы!

— Да, какже, пора! разгорячился Риверсъ, неустрашимо говорившій все, что приходило ему въ голову и потому очень уважаемый, даже начальствомъ „Основы“, какіе вы скорые, господа! такую сложную вещь, какъ страховое дѣло, понять и усвоить до тонкости въ три мѣсяца невозможно, когда на его изученіе посвящаютъ цѣлые года!

Войбоковскій ничего ему не отвѣтилъ и вышелъ изъ комнаты. Во мнѣ между тѣмъ совершился крутой переворотъ. Поступая на службу въ „Основу“, я имѣла серьезное и единственное желаніе — работать какъ можно лучше и добросовѣстнѣе. Я не искала ни чьихъ знакомствъ и симпатій, а старалась только хорошо работать и совершенно этимъ довольствовалась. Постоянной добротой и вниманіемъ ко мнѣ Войбоковскій сумѣлъ расположить меня въ свою пользу, онъ былъ мнѣ близокъ, но теперь вдругъ сталъ совсѣмъ чуждъ послѣ того, какъ сказалъ мнѣ, что я говорю неправду. За часъ передъ этимъ, я страдала отъ переменъ его обращенія со мной, и вдругъ все это исчезло, ничего не осталось во мнѣ, кромѣ глухого раздраженія. Я чувствовала, что меня и его раздѣлила какая-то пропасть... Отправка писемъ задержала меня въ этотъ день довольно долго

въ конторѣ. Я дописывала адреса на письмахъ и видѣла, какъ одинъ за другимъ, всѣ служащіе оставляли наше и прочія отдѣленія. Артельщикъ Назаръ, стоя за моимъ стуломъ въ ожиданіи писемъ, переминался съ ноги на ногу отъ нетерпѣнія.

Окончивъ свои занятія, я стала надѣвать шляпу и перчатки; въ это время неожиданно вошелъ въ комнату Войбоковскій, котораго я считала давно уже уѣхавшимъ изъ конторы.

— А, вы еще не ушли, очень радъ, сказалъ онъ, подходя ко мнѣ.

Я вопросительно взглянула на него.

— Что вамъ угодно? спросила я.

— Ахъ, какой официальный тонъ! кажется, присутствіе кончилось. Скажите, почему вы грустны?

— Я совсѣмъ не грустна.

— Ну, были грустны, нетерпѣливо произнесъ онъ и затѣмъ тихо прибавилъ: развѣ такъ говорятъ съ друзьями?

— Съ друзьями? насмѣшливо спросила я, и продолжала холоднымъ тономъ: друзьямъ, во первыхъ, вѣрять, а вы мнѣ сегодня при всѣхъ сказали, что я лгу.

Войбоковскій издалъ нетерпѣливое восклицаніе.

— Какія женщины ехидныя и капризныя созданія! процѣдилъ онъ сквозь зубы. Я молча поклонилась ему и направилась къ двери.

Войбоковскій нагналъ меня на подорогѣ.

— Знаете-ли, началъ онъ какъ-то торжественно, я не обращаю вниманія ни на какія сплетни, пущенныя про васъ, но вы сами поддерживаете ихъ, безпрестанно мѣняя со мною свое обращеніе. Но сегодня вечеромъ я все узнаю отъ Ровинскаго... Я сдѣлала невольное движеніе: мнѣ не хотѣлось, чтобъ Ровинскій могъ сказать Войбоковскому, что онъ, Войбоковскій, мнѣ нравится. Я знала, что Екатерина Семеновна передала Ровинскому мое мнѣніе о Войбоковскомъ и даже изъ усердія кое-что присочинила.

— Вы боитесь? насмѣшливо оглядывая меня, спросилъ Войбоковскій.

— Я ничего не боюсь, спрашивайте, что хотите, заключила я, выходя изъ комнаты.

Несмотря на мое наружное спокойствіе, во мнѣ кипѣла тревога: мнѣ хотѣлось знать, что будутъ говорить обо мнѣ Войбоковскій съ Ровинскимъ, и потому въ тотъ же день я отправилась вечеромъ къ Екатеринѣ Семеновнѣ и рассказала ей все. Она обѣщала мнѣ узнать у Ровинскаго то, что я желала и просила придти за отвѣтомъ на слѣдующій вечеръ, что я и сдѣлала.

— Другъ мой, сказала она мнѣ съ серьезнымъ лицомъ, у васъ въ „Основѣ“ заварилась порядочная каша, садись и слушай. Войбоковскій встрѣтился вчера вечеромъ, какъ онъ тебѣ сказалъ, съ Сергѣемъ Михайловичемъ у знакомыхъ и оттуда, заманивъ его въ ресторанъ ужинать вдвоемъ, сталъ спрашивать о тебѣ, но тотъ уклончиво отвѣчалъ ему, зная, что твоя мать противъ этого сближенія съ Войбоковскимъ. Видя, что Сергѣй Михайловичъ уклоняется отъ разговоровъ о тебѣ, твой прекрасный начальникъ вспылить, наскзалъ ему дерзостей въ родѣ такихъ: что онъ видитъ теперь какого дурака онъ разыгралъ, повѣривъ Сергѣю Михайловичу свои чувства къ тебѣ, что видно правду говорить въ „Основѣ“, увѣряя будто Ровинскій влюбленъ въ тебя, а ты въ него это все сплетничаетъ тамъ у васъ, старая корга и кокетка Вржеславская изъ ревности къ Войбоковскому, какъ узналъ Сергѣй Михайловичъ. Войбоковскій объяснилъ, что онъ всему этому вѣрить, Сергѣй Михайловичъ сталъ, конечно, горячо защищать тебя, разсердился не на шутку, и пошла потѣха. Дѣло чуть не дошло до дуэли, они совсѣмъ разсорились.

Нареканія Войбоковскаго меня не удивили: я уже перестала считать его справедливымъ человѣкомъ, но

все таки, неприятно пораженная рассказом Екатерины Семеновны, и подумала, что по случаю этой истории мнѣ придется, пожалуй, оставить „Основу“, а мнѣ этого вовсе не хотѣлось.

Въ тотъ же день за обѣдомъ отецъ сказалъ мнѣ, что, такъ какъ я непременно желаю заниматься механическимъ трудомъ и зарабатывать деньги (последнее слово онъ произнесъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ), то не лучше ли мнѣ перейти въ контору нотариуса Б., его знакомаго и пріятеля.

— Жалованье тоже, что и у тебя въ конторѣ, говорилъ отецъ, но работа только съ десяти часовъ до трехъ, а не до вечера, какъ въ „Основѣ“. Имѣи больше свободнаго времени, чѣмъ теперь, ты получишь возможность что нибудь прочесть, иначе вѣдь просто отуйѣешь, занимаясь счетомъ денегъ „Основы“ и механическимъ записываніемъ бумагъ. Мама съ радостью ухватила за эту мысль и начала бранить „Основу“, уговаривая меня ее оставить. На это я отвѣчала, что пока, безъ причины, не намѣрена оставлять свое мѣсто, такъ какъ уже нѣсколько ознакомилась съ страховымъ дѣломъ. Мама обозвала меня упрямницей, но попросила подумать о переходѣ въ контору нотариуса, что я ей обѣщала. У меня же, отъ этой надежды не остаться безъ дѣла какъ-то отлегло отъ сердца.

VII.

На слѣдующій день въ „Основѣ“ я застала одного изъ служащихъ въ Контрольномъ отдѣленіи, маленькаго господина Бушевича, роющагося въ моихъ бумагахъ.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросила я его.

Онъ сконфузился.

— Я писалъ письмо въ Харьковское Главное Агентство и желалъ бы просмотрѣть копію, снятую съ него, заминаясь отвѣтилъ онъ.

Я видѣла, что онъ жметъ.

— Въ такомъ случаѣ вы бы должны были обратиться ко мнѣ, а не разбирать мои бумаги въ моемъ отсутствіи, замѣтила я ему. За малѣйшій беспорядокъ въ этихъ бумагахъ отвѣчаю я, и потому прошу васъ не трогать ихъ безъ меня.

Бушевичъ пробормоталъ что-то сквозь зубы и поспѣшилъ скрыться.

Съ какимъ-то тяжелымъ чувствомъ, не похожимъ на прежнія пріятныя ощущенія, которыя мною испытывались въ ожиданіи работы, опустила я на стулъ.

По корридору раздались знакомые мнѣ шаги Войбоковскаго, и сердце мое неприятно сжалось.

Онъ вошелъ въ наше отдѣленіе холодный, серьезный, сухо кивнулъ мнѣ головой и сказалъ:

— Вы переходите въ бордеръ, а г. Бушевичъ становится вмѣсто васъ вести журналъ.

Я поняла, что это перемѣненіе было признакомъ немилости ко мнѣ со стороны Войбоковскаго, но рѣшилась все вытерпѣть, кромѣ явной несправедливости.

— Когда же я начну свои занятія въ бордерѣ? спросила я Войбоковскаго, пристально глядѣвшаго на меня.

— Сегодня вы будете присматриваться, а завтра начнете работать,

Съ этими словами Войбоковскій вышелъ, а я отправилась въ отдѣленіе бордеристовъ.

— Я поступаю къ вамъ въ бордеръ, объяснила я моимъ новымъ новымъ сослуживцамъ, входя къ нимъ въ комнату и на минуту прерывая диктовку одного изъ служащихъ, Павлова.

— Ну, вы не въ выигрышѣ, замѣтила мнѣ хорошенькая блондинка бордеристка, работа наша хотя и не сложная, но очень тяжелая.

— Зачѣмъ вы согласились переходить сюда? спросила меня другая молодая женщина, работавшая въ бордерѣ.

— Развѣ можно спорить съ начальствомъ въ этомъ случаѣ? спросила я ее въ свою очередь.

— Да, Войбоковскій иногда бываетъ крутъ, жалобно произнесъ очень некрасивый бордеристъ, по фамилии Цѣховскій, и затѣмъ снова принялся писать подѣ диктовку Павлова.

Работа была слѣдующая: диктовались страхованія, поступившія въ общество и въ свою очередь передаваемые въ различныя общества перестрахованія. Въ длинные листы вписывались начало, конецъ, предметы страхованія, преміи и суммы, затѣмъ все это считалось и свѣрялось между собою и бухгалтеріею. Работа эта была дѣйствительно тяжела, занимала много времени, затягиваясь иногда до восьми и девяти часовъ вечера.

Мама пришла въ сильное негодованіе, когда я ей рассказала, что меня перевели въ бордеръ и объяснила ей, какого рода это занятіе.

— Я увѣрена, что перемѣненіе это—просто притѣсненіе! воскликнула она, ты должна оставить „Основу“, Лиза.

Я, однако, снова отправилась въ контору, съ намѣреніемъ по прежнему старательно исполнять свои обязанности. Въ отдѣленіи бордеръ я нашла новую перемѣну: Павловъ былъ переведенъ въ контроль на мѣсто Бушевича, а Цѣховскій долженъ былъ диктовать. Онъ плохо исполнялъ свое дѣло, путалъ слова, суммы и названія мѣстностей, такъ что, благодаря перемаркамъ, бордеръ наше было очень некрасиво и нечисто написано. Послѣ шестичасовой непрестанной работы, передъ всѣми нами лежали измаранные листы.

— Готово бордерѣ? спросилъ, появляясь передъ закрытіемъ присутствія начальника бордеристовъ, Броккаръ.

— Готово, но его нельзя посылать въ общества перестрахованій въ такомъ видѣ, сказала я, протягивая ему листъ.

— Почему это все перемарано? нахмурившись спросилъ онъ меня.

— У всѣхъ такъ перемарано, смотрите, рѣзко отчеканила хорошенькая блондинка.

Господину Цѣховскому досталось таки отъ Броккара. Первый, правда, подвелъ насъ подъ неприятную исторію, но онъ такъ испугался, что мнѣ стало жаль его. Броккаръ ушелъ разсерженный, а мы сидѣли и разсуждали о будущности нашего испорченнаго бордерѣ.

— Придется все переписать и просидѣть тутъ до девяти часовъ, вздыхала блондинка.

Вскорѣ вошелъ Войбоковскій, а за нимъ Броккаръ. Молча и строго подошелъ къ намъ нашъ начальникъ, порывисто схватилъ исписанные листы, переглядѣлъ ихъ, бросилъ на столъ, лаконически сказавъ: переписать! но, дойдя до моихъ листовъ, онъ, почти не глядя, сердито разорвалъ ихъ на мелкіе клочки.

Я не ожидала такой выходки и нервно разсмѣялась.

Войбоковскій, пораженный моимъ смѣхомъ, остановился у края стола, гдѣ я сидѣла. Я перестала смѣяться и тихо, почти шопотомъ, но явственно и презрительно проговорила, глядя на него.

— Какъ вы низко поступили!

Войбоковскій побѣдѣлъ какъ мѣлъ и молча, поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Послѣ его ухода всѣ мои сослуживцы возопіяли противъ явно несправедливаго поступка Войбоковскаго относительно меня. У всѣхъ было испорчено бордерѣ, отчего же пострадали одни мои несчастные листы? Мнѣ не съ чего было списывать; рассказавъ мои листы, Войбоковскій вдвое усложнилъ мою работу. Какой жалкій человекъ можетъ быть способенъ на такое пошлое мщеніе изъ-за причинъ, совершенно постороннихъ дѣлу? Но я не унывала, что мнѣ было за дѣло? Послѣ послѣдняго поступка со мною Войбоковскаго, я рѣшилась оставить „Основу“, гдѣ я была теперь, очевидно, осуж-

дена терпѣть самыя грубыя несправедливости. Однако прежде всего надо было переписать бордеро и сидѣть въ ожиданіи, пока другіе кончатъ переписывать, чтобы списать съ ихъ листовъ. Приходилось ждать долго, а это вовсе не было приятно, но тутъ мнѣ на помощь подошелъ Цѣховскій, предлагая диктовать бордеро.

— Я вамъ испортилъ все дѣло, я долженъ и поправитъ, смиренно говорилъ онъ.

Правда, онъ испортилъ все дѣло, но столько доброты и участія было въ его словахъ, что я до сихъ поръ не иначе, какъ съ благодарностью вспоминаю объ этомъ добромъ человѣкѣ, старавшемся облегчить мой трудъ.

Я освободилась отъ своей работы лишь въ одиннадцатомъ часу вечера и, вернувшись домой, нашла всѣхъ въ тревогѣ. Мама волновалась и объявила, что не пуститъ меня больше въ это проклятое мѣсто, гдѣ съ людьми обращаются безчеловѣчно, и я ее успокоила лишь тѣмъ, что рѣшила на другой же день идти отказать отъ своихъ занятій въ „Основѣ“.

Мнѣ однако не удалось этого сдѣлать: на слѣдующій день у меня страшно болѣла голова, и только черезъ день я могла отправиться въ „Основу“.

Я пришла въ контору довольно поздно, вошла въ кассу, гдѣ получила жалованье за мѣсяць и отправилась къ Войбоковскому. Увидѣвъ меня, онъ измѣнился.

— Вы получили вчера мою записку? спросила я, подходя къ нему.

— Да; вы писали, что больны и не можете придти, строго началъ онъ, все это прекрасно, но вы сдѣлали разстройство въ дѣлахъ, за васъ некому было писать бордеро, надо было другихъ отрывать отъ занятій, а это очень неприятно.

— Я пришла вамъ сказать, что оставляю „Основу“, былъ мой отвѣтъ на эту рацею.

Войбоковского передернуло; онъ молча и какъ-то несмѣло взглянулъ на меня, Я слегка поклонилась и вышла изъ комнаты. Затѣмъ я отправилась въ кабинетъ Минкевича. Тамъ я нашла двоихъ служащихъ въ „Основѣ“, о чемъ-то бесѣдовавшихъ съ главою конторы. За все время моего пребыванія въ „Основѣ“ я изрѣдка и мелькомъ видала Минкевича, который иногда быстро и величественно проходилъ по отдѣленіямъ, не обращая ни на кого вниманія. Теперь я была встрѣчена имъ очень любезно.

Что вамъ угодно? съ улыбкой спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Я пришла сказать вамъ, что ухожу изъ „Основы“, сказала я.

— Почему? быстро спросилъ онъ.

— Меня перевели въ бордеро, а эта работа слишкомъ утомляетъ меня.

— Да, добродушно засмѣялся Минкевичъ, глядя вслѣдъ уходившимъ отъ него мужчинамъ, бордеро—тяжелый трудъ. Вчера, напримѣръ, бордеристы писали до двухъ часовъ ночи. Меня одно удивляетъ: какъ это Войбоковскій допускаетъ васъ уходить... Онъ мнѣ всегда такъ хвалилъ вашу работу и прилежаніе...

Минкевичъ пристально посмотрѣлъ на меня изъ-за своихъ очковъ и, перегнувшись черезъ столъ, за которымъ сидѣлъ, спросилъ меня какъ-то конфиденціально.

— Вы мнѣ расскажете все, не такъ-ли?

По этимъ словамъ я догадалась, что вѣсть о вчерашнемъ поступкѣ Войбоковского со мною дошла до него, но я не хотѣла жаловаться.

— Мнѣ нечего вамъ рассказывать, коротко отвѣтила я.

— Такъ, стало быть, вы уходите?

— Да, потому что не желаю оставаться въ бордеро. Когда я сюда поступала, то соглашалась работать съ десяти часовъ утра до пяти, но не сидѣть всю ночь.

Минкевичъ пожалъ плечами.

— Войбоковскій имѣетъ право перемѣщать подвѣдомственныхъ ему лицъ изъ отдѣленія въ отдѣленіе — я этому помѣшать не могу—но мнѣ очень жаль, что вы уходите.

Тутъ Минкевичъ очень любезно протянулъ мнѣ руку на прощаніе.

Какъ-то машинально вышла я изъ его кабинета, сошла съ лѣстницы въ швейцарскую, надѣла бурнусъ и вышла на улицу. Захлопнувшаяся за мною съ большимъ шумомъ входная дверь конторы заставила меня вздрогнуть. Я хотѣла кликнуть извозчика, но вдругъ голосъ мой оборвался, и я заплакала. Натянувъ вуаль на лицо, я почти побѣжала по тротуару; стыдясь своихъ слезъ. О чемъ я плакала? трудно сказать. Я не оставалась безъ куска хлѣба—впереди у меня было такое же выгодное занятіе, какъ и въ „Основѣ“; всѣ неприятности съ моимъ удаленіемъ кончились для меня, я этимъ была довольна, но мнѣ все таки было чего-то жаль... Не хорошаго ли чувства, недавно внушаемаго мнѣ Войбоковскимъ, который теперь такъ низко упалъ въ моихъ глазахъ?...

Е. Т...

ЖОРЖЪ ЗАНДЪ.

Жоржъ Зандъ—настоящее имя Аврора Дюпенъ, баронесса Дюдеванъ. Она родилась въ 1804 г. и происходитъ изъ богатой банкирской семьи. Бабушка ея была побочною дочерью Мориса Саксонскаго, французскаго маршала. Отецъ служилъ во французской арміи во времена республики и первой имперіи.

Будущая романистка осиротѣла четырехлѣтнимъ ребенкомъ и воспитывалась сначала въ замкѣ Погонь, близъ города La Chatre, въ департаментѣ Эндръ, подъ руководствомъ бабушки, типичной по своимъ понятіямъ представительницы XVIII-го вѣка. Маленькая Аврора была отдана потомъ въ Августинскій монастырь Парижъ, гдѣ пробыла до 1820 года. Шестнадцатилѣтней дѣвушкой она возвратилась въ замокъ и принялась за чтеніе книгъ. Любимыми ея писателями сдѣлались Руссо, Раблэ, Шекспиръ, Байронъ и Виргилій.

Въ 1822 году она вышла замужъ за барона Дюдеванъ и проживъ съ нимъ десять лѣтъ, разошлась. Отъ этого брака осталось двое дѣтей: сынъ и дочь.

Въ 1832 году баронесса, покинувъ мужа, уѣзжаетъ въ Парижъ и живетъ тамъ очень бѣдно, зарабатывая насущный хлѣбъ живописью на табакеркахъ à la Waremburg. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда, она сходится со студентомъ юридическаго факультета Жюлемъ Сапдо и вмѣстѣ съ нимъ издаетъ, по совѣту Делятуша, книгу *Rose et Blanche*, подъ псевдонимомъ Жюль Зандъ. Романъ *Indiana*, написанный уже одной баронессой Дюдеванъ, подъ псевдонимомъ Жоржъ Зандъ, ставитъ ее

сразу на видное мѣсто въ литературѣ. Молодые и старые литераторы склоняются передъ новымъ талантомъ, Шатобрианъ, Ламартинъ, Гюго, де-Мюссе, Кинэ, Бальзакъ и Лампэ становятся друзьями молодой писательницы, признавая въ ней первыя классныя литературныя способности. Новые романы: *Valentine*, *Lélia*, *Lettres d'un voyageur*, *André*, *Simon*, еще болѣе упрочили ея славу.

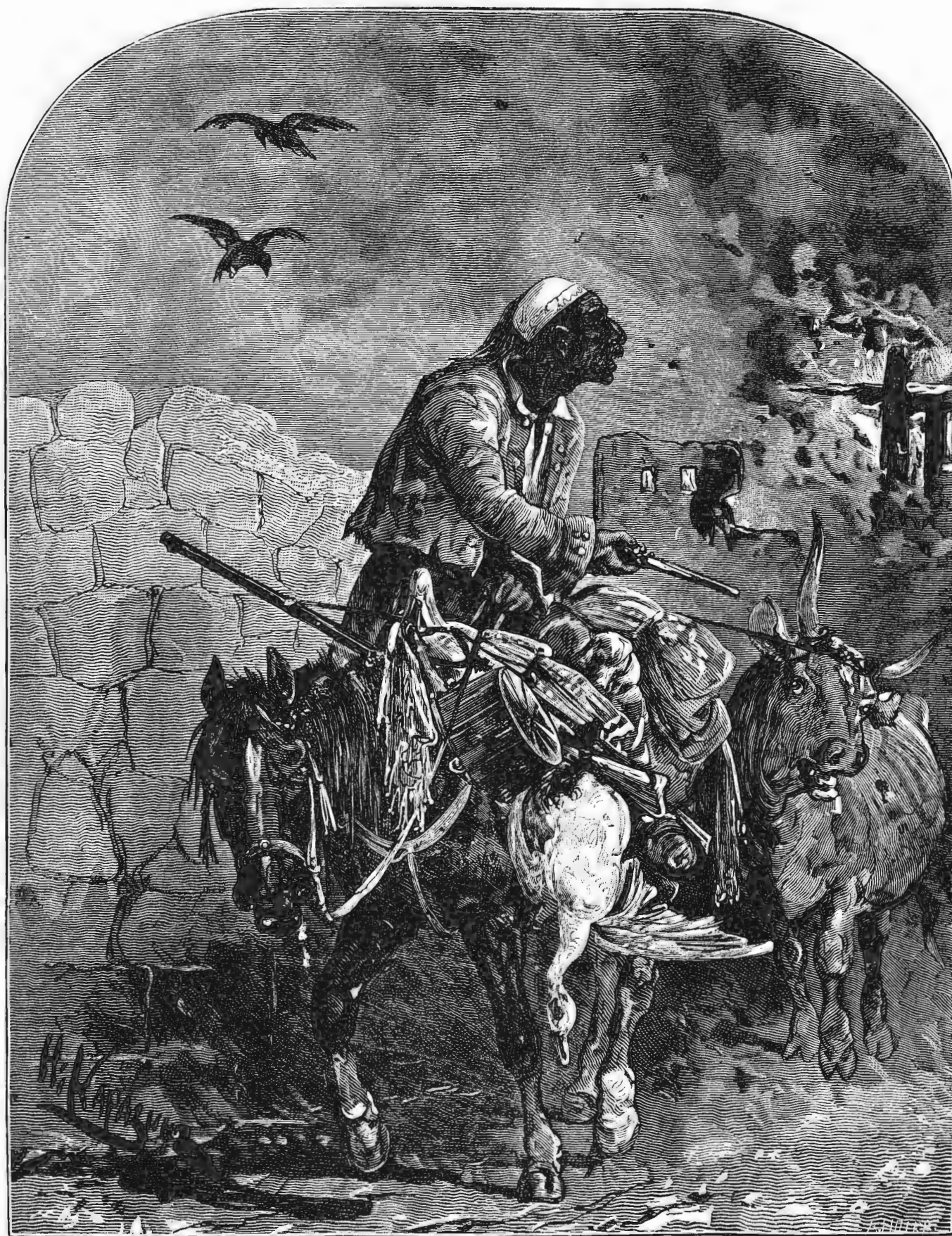
Заслѣмъ, поселившись въ Парижѣ, послѣ путешествія по Италиі, она издаетъ новую серію романовъ: *Marquise*, *Metella* и др.

Въ 1835 году она начинаетъ бракоразводное дѣло съ мужемъ и повѣренному ея, Мишелю де-Буржъ, удается выиграть процессъ. Судъ рѣшилъ отдать обоимъ дѣтей на попеченіе матери.

Жоржъ Зандъ была въ тѣсной дружбѣ съ Пьеромъ Леру и публичнымъ религиозно-соціальнымъ утопистомъ Ляменэ. Подъ влияніемъ ихъ она написала: *Lettres à Marcie*, *Spiridion* и *Sept cordes de la Lyre*, въ которыхъ были развиты мечты о духовно-нравственномъ возрожденіи народовъ.

Въ сообществѣ Шюссена она совершила путешествіе на Балкарскіе острова и подъ его влияніемъ были написаны: *Consuelo* и *Comtesse de Rudolstadt*. Въ 1848 году она становится горячій защитницей республики, издаетъ *Introduction aux Bulletins de la République* и *Lettres au peuple* и пишетъ статьи во многія газеты и преимущественно въ *Peuple Constituant*, которой главнымъ редакторомъ былъ Ляменэ.

Въ теченіе сорокалѣтней литературной дѣятельности, Жоржъ

Сербско-турецка война. Ваши-бузукъ, возвращающійся съ грабежа. Рис. Н. Карзинъ, гравир. Боярскій.

Зандъ написано около 80 томовъ. Лучшими ея произведениями во Франціи считаются: *Petite Fadette*, *François le Champi*, *Marc au diable*. Изъ театральныхъ ея пьесъ самымъ большимъ успѣхомъ пользовались: *le Marquis de Y. Penier*, *Braux Messieurs de Boix-doré*, *Vacances de Pondofphe* и *Don-Juan de village*.

Жоржъ Зандъ жила постоянно въ деревнѣ, въ своемъ замкѣ Ноганъ; въ Парижѣ она бывала рѣдко. Жила она весьма открыто, проживая ежегодно всѣ доходы съ своего имѣнія и литературныхъ трудовъ, т. е. около ста тысячъ франковъ. Земли замка приносили ей сорокъ тысячъ франковъ, литературныя же работы—шестьдесятъ. Нѣкоторыя изъ редакцій платили ей постоянное жалованье: такъ въ *Revue de deux mondes* она получала 14,000 франковъ въ годъ; *Temps* платилъ ей нѣсколько больше.

Всѣ эти доходы проживались въ замкѣ Ноганъ, гдѣ всегда почти собиралось довольно многочисленное общество, состоявшее преимущественно изъ первоклассныхъ звѣздъ артистическаго и литературнаго міра. Въ замкѣ Ноганъ, напр. часто бывали: Лястъ, Шопенъ, Вьярдо, знаменитый живописецъ Делакруа, нѣкоторыя извѣстныя пѣвицы, актеры и пр.

У Жоржъ Зандъ было правило: не начинать развязки романа до тѣхъ поръ, какъ не будетъ уже написано четыреста тысячъ буквъ, считать которая ей было чрезвычайно легко, благодаря правильности почерка. Рукописи свои послѣ отпечатанія Жоржъ Зандъ получала изъ типографій обратно, и теперь всѣ онѣ въ изящномъ переплетѣ бережно сохраняются сыномъ писательницы.

Произведения свои она писала безъ всякаго предварительнаго плана, развивала постепенно одно какое-нибудь обстоятельство и выводила изъ него рядъ послѣдствій; когда ей казалось, что въ ходѣ такого развитія нѣтъ логической связи, она рвала все написанное безъ малѣйшаго сожалѣнія и принималась снова писать.

Она обладала большимъ умѣньемъ читать вслухъ. Разъ читала она своимъ гостямъ какую-то повѣсть изъ *Revue de deux mondes*. Всѣмъ слушателямъ очень понравился рассказъ, изложенный изящнымъ и живымъ языкомъ. Прервавъ чтеніе, Ж. З. вышла на минуту изъ комнаты, и одинъ изъ слушателей, взявъ книгу, продолжалъ читать. Всѣ были изумлены тѣмъ, что продолженіе повѣсти дѣлалось очень скучнымъ. Оказалось, что Ж. З., читая, тутъ же прибавляла отъ себя много интересныхъ подробностей и сглаживала шероховатость языка.

Въ послѣдніе годы своей жизни Ж. З. никогда поздно съ гостями не засиживалась. Ровно въ двѣнадцать часовъ она прощалась со всѣми, хотя бы гостей было полно салонъ, и удалялась въ спальню. Здѣсь, окончивъ свой ночной туалетъ, она садилась за письменный столъ и раньше шести часовъ утра никогда отъ него не вставала.

Такъ проводила она всю свою жизнь въ Ноганѣ; рѣдко выезжая даже къ сосѣдямъ или въ близъ лежащій Шагръ, гдѣ она пользовалась большимъ уваженіемъ.

Два, три раза въ годъ, она посѣщала Шатрскій театръ, гдѣ у нея была своя ложа. Въ дни ея посѣщенія пьесу обыкновенно не начинали, пока она не пріѣдетъ въ театръ, куда она являлась всегда въ парадномъ нарядѣ. Вообще Ж. З. много заботилась о своей наружности, доводя чистоту до педантизма. Дома и въ дорогѣ ни пятнышка, ни пылинки, ни лишней складочки—никогда не было замѣтно во всемъ ея туалетѣ. Въ парядахъ замѣтна была склонность къ пестротѣ и античнымъ покроямъ. Преобладающею чертою ея характера была застѣнчивость и стыдливость; въ присутствіи людей, которыхъ она видѣла въ первый разъ, Ж. З. обыкновенно становилась не словоохотливой, что тѣ сначала принимали за гордость или высокомеріе и только лучше познакомившись съ нею, убѣждались въ своей ошибкѣ. Для того, чтобы яснѣе взглянуть на внутренній, прекрасный образъ Жоржъ Зандъ, приведемъ выдержки изъ письма И. С. Тургенева («Новое время» № 105) по поводу смерти Ж. Зандъ.

«Когда, лѣтъ восемь тому назадъ, пишетъ онъ, я впервые сблизился съ Жоржъ Зандъ, восторженное удивленіе, которое она нѣкогда возбудила во мнѣ, давно исчезло, я уже не поклонялся ей: но невозможно было вступить въ кругъ ея частной жизни и не сдѣлаться ея поклонникомъ, въ другомъ, быть можетъ, лучшемъ смыслѣ. Всякій тотчасъ чувствовалъ, что находился въ присутствіи безконечно-щедрой, благоволищей натуры, въ которой все эгоистическое давно и до тла было выжжено неугасаемымъ пламенемъ поэтическаго энтузіазма, вѣры въ идеалъ; которой все человѣческое было доступно и дорого, отъ которой такъ и вѣяло помощью, участіемъ... И надо всѣмъ этимъ—какой-то бессознательный ореолъ, что-то высокое, свободное, героическое...

Умерла она въ ночь съ 7-го на 8-е июня, въ Ноганѣ, на 72 году своей жизни отъ паралича въ кишкахъ. Страшная, мучительная болѣзнь постигла ее, но она до послѣдней минуты мужественно боролась съ ней, стараясь не обнаруживать ужасныхъ страданій; а агонія длилась болѣе недѣли... Но вотъ наконецъ все было кончено—и чистая, благородная, любящая душа оставила изнуренное тѣло. Дубовый гробъ, подъ покровомъ чернаго бархата съ серебрянымъ крестомъ, несли крестьяне, не пожелавшіе уступить никому (особенно «городскимъ господамъ») право и честь донести до могилы ту, которую онѣ всегда называли своей «милой матушкой»... Дѣйствительно, Жоржъ Зандъ была благодѣтельницей этого уголка. За гробомъ шли: А. Дюма, Ренанъ, Г. Флоберъ, Принцъ Наполеонъ (онъ крестный отецъ внучки покойной) и др., близко знавшіе Ж. Зандъ, а за ними—густая толпа окрестныхъ поселянъ. Жоржъ Зандъ еще задолго до смерти заявила желаніе, чтобы могила ея была такъ же проста, какъ и у крестьянъ; поэтому на небольшой холмикъ, подъ которымъ покоится прахъ ея, будетъ положена обыкновенная каменная плита съ надписью: *Ci git George Sand* (Здѣсь лежитъ Жоржъ Зандъ).

ВЫСТАВКА ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ ГЕЛЬСИНГФОРСѢ.

Въ Финляндіи до сихъ поръ еще не было общей промышленной выставки произведеній всего края. Десять лѣтъ тому назадъ, въ средѣ мѣстной интеллигенціи, возникла мысль объ устройствѣ выставки, но голодъ, посѣтившій край нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и другія неблагоприятныя обстоятельства, долго препятствовали осуществленію этой мысли.

Наконецъ, благодаря особенной ревности финляндскаго экономическаго общества въ Або, въ концѣ прошлаго года было собрано по частной подпискѣ 400,000 марокъ (около 100,000 рублей) что вмѣстѣ 150,000 марками отпущенными финляндскимъ сенатомъ, составило достаточную сумму для сооруженія необходимыхъ зданій и покрывтія другихъ издержекъ.

Въ началѣ лѣта нынѣшняго года зданіе было уже готово. Оно построено въ городскомъ саду (Врунетъ паркъ) изъ одного только дерева и состоитъ изъ трехъ галлерей, расположенныхъ въ формѣ буквы П. Не смотря на довольно значительную величину (70,000 кв. футовъ), зданіе это отличается большою легкостью, и свѣтло желтоватый цвѣтъ стѣнъ его мягко отражается на густой зелени тѣнистыхъ вѣковыхъ деревьевъ парка.

Въ теченіи всего іюня мѣсяца въ тѣломъ и мирномъ Гельсингфорсѣ замѣтно было нѣкоторое оживленіе: экспоненты привозили въ зданіе свои произведенія. Къ первому іюля все было готово: всѣ отдѣлы заполнены, ящики убраны, соръ выметенъ, и финляндцы негерпѣливо ожидали открытія первой общефинской выставки, посредствомъ которой, по словамъ мѣстнаго сенатора Борна, Финляндія должна вступить въ число европейскихъ странъ.

Наконецъ насталъ желанный день 1-е іюля, день давно ожидаемаго открытія выставки.

Въ 12 часовъ дня экспоненты и публика начала собираться въ зданіе выставки. Довольно значительный хоръ, состоящій изъ одѣтыхъ въ бальные наряды дамъ и дѣвицъ, вмѣстѣ съ оркестромъ мѣстнаго шведскаго театра, помѣщался на возвышеніи въ главномъ кругломъ залѣ, гдѣ были тоже отведены мѣста для многочисленныхъ представителей мѣстной аристо-

кратіи. Ровно въ часъ въ залѣ появился финляндскій генераль-губернаторъ, графъ Адлербергъ 3-й, и при его вхождѣ оркестръ, вмѣстѣ съ хоромъ, исполнилъ торжественный маршъ. По окончаніи его, предсѣдатель выставочнаго комитета, сенаторъ Борнъ, прочелъ на шведскомъ языкѣ отчетъ по устройству выставки.

По окончаніи чтенія отчета, хоръ залпѣ сочиненную мѣстнымъ поэтомъ приличествующую случаю арію.

Когда прозвучали послѣднія ноты этой аріи, графъ Адлербергъ произнесъ краткую рѣчь на французскомъ языкѣ, въ которой объявлялъ объ открытіи выставки.

Раздались звуки національнаго финскаго гимна, и на флажкахъ зданія взвились флаги и началась пальба изъ пушекъ, вся публика поднялась со своихъ мѣстъ и разсѣялась по галереямъ, осматривая выставленные въ превосходныхъ шкапахъ произведенія.

Выставленные предметы раздѣлены на 14 классовъ, а классы на группы; всѣхъ группъ 62. Классъ I-й, искусства: архитектура, скульптура и живопись; классъ II-й, горное дѣло; классъ III-й, лѣсное дѣло и судостроеніе; классъ IV-й, агрономія и садоводство; классъ V-й, машины, предметы транспортныя; классъ VI-й, работы изъ металловъ; классъ VII-й, глинныя, фаянсовыя и стеклянныя издѣлія; классъ VIII-й, матеріи, одежды, мѣха, обувь и разныя кожаныя издѣлія, классъ IX-й, бумажное производство; классъ X-й, деревянныя, кожаныя и другія издѣлія (къ этому же классу отнесены: мебельныя и обойныя работы); классъ XI-й, химическое производство и питательныя вещества; классъ XII-й, педагогическія пособия, физическія, музыкальныя и друг. аппараты и инструменты; классъ XIII-й, гравированіе, стереотипія и типографское дѣло; классъ XIV-й, деревенскія работы.

Изъ сообщаемыхъ «Правительственнымъ Вѣстникомъ» свѣдѣній видно, что Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества, Наслѣдникъ Цесаревичъ съ супругою и Герцогиней Эдинбургскою изволили посѣтить выставку при единодушномъ выраженіи восторга многочисленной публики.

Военныя силы Сербии.

(Къ картинѣ: „Выходъ Сербскихъ войскъ изъ Бѣлградской крѣпости“).

Не такъ давно еще тихая, мирная Сербія приняла въ настоящую минуту иной видъ... Часъ великой борьбы славянъ съ иконнымъ врагомъ настала, и вся страна, весь народъ, заволновался, объятый воинственнымъ пламенемъ. Часъ этотъ уже предвидѣлся, и ворота Бѣлградской крѣпости не разъ, въ продолженіи послѣдняго времени, раскачивались широко настѣжь предъ войсками, шедшими къ границамъ родины, готовясь грудью встрѣтить угнѣтителей. Усилія дипломатіи, колебанія, порожденные ими, отдаляли минуту, но стихійная сила событій должна была взять свое и привести къ неизбѣжной борьбѣ. 18-го (30-го) іюня князь Миланъ, при колокольномъ звонѣ, пушечныхъ выстрѣлахъ, при восторженныхъ кликахъ народа, выѣхалъ изъ столицы къ своимъ войскамъ. Онъ объявлялъ, что идетъ защищать родную землю, защищать угнетенныхъ христіанъ.

Взглянемъ же на средства къ борьбѣ, какими Сербія располагаетъ. Приведемъ сначала цифры, значащіяся такъ сказать «по штатамъ» военнаго министерства княжества. Нужно замѣтить, что организаціей своей арміи Сербія обязана князю Михалу Обреновичу III, прилагавшему всѣ старанія къ созданію регулярной арміи; онъ пользовался услугами французскаго полковника Мондено и дилетанта военнаго дѣла, Миллюа Блазнаваде. Ныѣшняя армія, преобразованная въ 1862, 1864 и 1870 гг. (дополненія 1871 г.), раздѣлена на постоянную армію и народное ополченіе. Постоянная армія служитъ только кадромъ для народнаго ополченія (народнаго войска) и наполняется ежегодно 1500 рекрутами имѣющими не болѣе 20-ти лѣтъ отъ роду; наборъ производится ежегодно. Отъ воинской повинности изъяты единственные сыновья, лица, у которыхъ брать уже на службѣ и воспитанники духовныхъ семинарій. Замѣщеніе допускается, и срокъ службы 3-хъ лѣтъ; для жандармовъ 2-хъ лѣтъ.

Постоянная армія состоитъ изъ 3-хъ батальоновъ линейной пѣхоты и стрѣлковаго (по 500 человекъ)	2,000 ч.
1 эскадронъ кавалеріи	100 ч.
Полуэскадронъ княжеской гвардіи	50 ч.
1 полевая крупновеская батарея	122 ч.
4 полевыхъ баттарей (по 122 ч.)	488 ч.
3 горныхъ баттарей (по 50 ч.)	150 ч.
1 мерзерская горная баттарей	50 ч.
Кадръ для 21 баттарей (для ополченія по 24 ч.)	504 ч.
1 батальонъ піонеровъ (3 роты по 134 ч.)	402 ч.
1 батальонъ понтонеровъ (3 роты по 134 ч.)	402 ч.
1 рота артиллерійскихъ лаборантовъ	263 ч.
1 отдѣленіе обоза	75 ч.
1 отдѣленіе жандармовъ	300 ч.
1 отдѣленіе полиціи	300 ч.
1 отдѣленіе пограничной стражи	350 ч.
Итого	5,556 ч.

Народное ополченіе составляетъ основаніе силъ Сербіи, служба обязательна для всѣхъ, отъ 20 до 50 лѣтъ; отъ нея избавлены только духовенство и неспособные, ополченіе дѣлится на 2 п; изъ нихъ къ 1-му принадлежатъ граждане отъ 20 до 35 лѣтъ; ихъ числится до 90 тысячъ, а къ 2-му отъ 35 до 50 лѣтъ; этихъ насчитывается до 85 тысячъ ч.

Ополченіе 1-го призыва составлено изъ:	
80 батальоновъ пѣхоты	67,360 ч.
33 эскадрона кавалеріи	4,950 ч.
41 артиллерійскія роты	7,840 ч.
19 ротъ инженеровъ	2,850 ч.
15 ротъ санитарныхъ	2,160 ч.
19 взводовъ мастеровыхъ	570 ч.
19 взводовъ рабочихъ	570 ч.
19 взводовъ провіантскихъ	950 ч.
118 ротъ обоза	15,688 ч.
Итого 102'938 ч.	

Народное ополченіе 2-го призыва составлено изъ:	
80 батальоновъ пѣхоты	48,400 ч.
18 ротъ обоза) кадры 4,036 ч.
33 эскадрона кавалеріи	
28 баттарей артиллеріи	
19 піонерныхъ ротъ	
Итого	52,436 ч.

Такимъ образомъ, численность всей сербской арміи опредѣляется приблизительно около 160 тысячъ человекъ. Войска раздѣлены на 23 бригады, которымъ назначены особые сборные пункты. Военный бюджетъ превышаетъ 10 милліоновъ динаровъ (*).

До времени, Сербія выставила не всѣ свои силы. По всѣмъ свѣдѣніямъ, идущимъ изъ разныхъ источниковъ, численность ихъ опредѣляется въ 125 тысячъ ч., не считая тутъ же волонтеровъ, которые будутъ дѣйствовать, какъ партизаны, поддерживать операциіи корпусовъ регулярной арміи. Въ настоящее время, корпусъ офицеровъ въ сербской арміи состоитъ изъ 4 генераловъ, 24 офицеровъ генеральнаго штаба, 46 инженеровъ, 113 артиллерійскихъ офицеровъ, 200 пѣхотныхъ, 43 кавалерійскихъ и 29 въ санитарныхъ отрядахъ, всего 469 ч. Въ томъ же числѣ находятся и 70, недавно произведенныхъ, по совѣту генерала Черняева, офицеровъ изъ унтеръ-офицерскаго званія. Самая армія состоитъ изъ 2 призывовъ—перваго 72 тысячи и втораго 42 тысячи ч. Войска перваго призыва снабжены полнымъ обмундированіемъ, остальные же имѣютъ одни лишь форменныя фуражки. Резервы 3-го и послѣдняго призыва въ сборѣ. Вооруженіе сербской пѣхоты слѣдующее: 1-й призывъ вооруженъ ружьями системы Пибоди, 2-й—системы Гринау, 3-й—прежней системы; часть людей въ каждой ротѣ снабжена шапечнымъ инструментомъ. Въ артиллеріи—тяжелыя, легкія и горныя орудія, частью новыхъ конструкторій и нарѣзныя, частью гладкоствольныя. Осадная артиллерія, сосредоточена при Чачанѣ. Резервный артиллерійскій полкъ состоитъ изъ 36 орудій и мортирной баттарей. Прислуга вооружена ружьями и саблями, а унтеръ-офицеры—револьверами. Кавалеріи 4 тысячи человекъ.

Во главѣ арміи стоятъ 3 генерала: Захъ, 60-ти лѣтній, бодрый человекъ, родомъ чехъ, бывший профессоръ Бѣлградской военной школы, опытный теоретикъ; извѣстный русскій генералъ М. Г. Черняевъ, личность и таланты котораго пользуются заслуженною репутаціею не въ одной Россіи; Алимничъ, сербъ по происхожденію, отличавшійся въ прежнихъ войнахъ. Вся армія раздѣлена на 3 корпуса и одинъ отрядъ, расположенный на восточной границѣ княжества, къ р. Дунаю и притоку послѣдняго р. Тимоку, съ цѣлю прикрытія этой части сербскихъ границъ отъ турецкихъ отрядовъ, сосредоточенныхъ у Видина. Южная армія, подъ начальствомъ генерала Черняева, находится въ Моравской долині (она теперь перешла уже къ наступленію; по позднѣйшимъ извѣстіямъ, генералъ Черняевъ взялъ уже турецкій лагерь на Бабиной горѣ, у Ниша). Алексинацъ, главная квартира этой арміи, и стоящіи позади ея въ 8 верстахъ пунктъ—Демиградъ—укрѣплены. Этотъ корпусъ состоитъ изъ лучшихъ сербскихъ силъ, именно: постоянной арміи и 1-го призыва милиціи. Численность его опредѣляется въ 45 до 50 тысячъ ч., онъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 26 батальоновъ 1-го и 2-го призывовъ, 3 полевыхъ баттарей, 2 горныхъ баттарей, 4 осадныя орудія—всего 28 орудій, 4 эскадрона кавалеріи, 1 батальонъ піонеровъ и обозъ. При этомъ корпусѣ будетъ находится князь Миланъ, военный министръ Николничъ, нѣсколько сенаторовъ и депутатовъ, волонтеры и черногорскій военный уполномоченный. 2 корпусъ, называемый западно-моравскою дивизіею, находится подъ начальствомъ генерала Заха. Въ составъ ея входятъ: 26 пѣхотныхъ батальоновъ 1-го и 2-го классовъ, 3 полевыхъ, 2 горныхъ баттарей, около 36 пушекъ, 4 эскадрона кавалеріи; общую численность полагаютъ въ 22 тысячи ч., штабъ-квартира въ Чачанѣ, по рѣкѣ западной Моравѣ. Независимо отъ этого корпуса, впереди его, какъ бы соединяя его съ корпусомъ генерала Черняева, расположены 3 отряда волонтеровъ: у Ужицы 6 тысячъ подъ командой капитана Ковачевича, архимандрита Дучича и попа Жарко, другой — на Дринѣ, въ 3 тысячи и подъ командой полковника Грѣя Мишковича и 3-й — у Крушеваца въ 4 тысячи ч.; они уже перешли Дрину. 3-й корпусъ съ западной стороны княжества—2 дивизіи подъ начальствомъ генерала Раико Алимничя; каждая изъ нихъ въ 3 бригады; численность равняется 26 тысячами ч. и около 4 тысячъ волонтеровъ.

Если, такимъ образомъ, дѣйствительная численность сербскихъ боевыхъ силъ представляется, въ настоящій моментъ, менѣе значительнымъ противъ списочнаго ихъ состоянія, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, какъ то, что, въ случаѣ нужды, княжество можетъ развить всѣ свои силы, такъ и главное, то, что съ нею за одно дѣйствуютъ инсургенты Болгаріи (Видинскій округъ возсталъ), Герцеговины и Босніи, Черногоріи. Съ нею за одно всѣ симпатіи, всѣ помыслы массы Балканскихъ славянъ, славянъ сосѣднихъ, съ нею за одно все общественное мнѣніе цивилизованной Европы.

Рчерки Сербии.

I.

Мѣстность, занимаемая Сербіей, напоминаетъ при-альпійскія страны. По всѣмъ ея направленіямъ тянутся отроги горныхъ

вѣтвей, образующихъ у вершины треугольника княжества самую возвышенную мѣстность, гдѣ вершины достигаютъ 6 ты-

(* Русскій Миръ, 1876 г. № 180. «Вооруженія силъ Сербіи и Черногоріи».

Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ. Рис. и грав. А. Нейманъ.

сячь футовъ высоты. Отсюда, съ одной стороны, открывается видъ на все сербское княжество, а съ другой—на памятное для Сербіи Косово поле. Съ западныхъ склоновъ горъ свѣтлой, извиистой лентой вытекаетъ Морава; образовавъ изгибъ, она соединяется съ болгарскою Моравой и течетъ далѣе, къ Дунаю. Долина ея раздѣляетъ Сербію на 2 половины; въ восточной части населеніе преимущественно румынское, въ западной—исключительно сербское. Здѣсь, въ сердцѣ княжества, суровый, величавый характеръ мѣстности смягчается мягкою зеленью дубовыхъ, чинаровыхъ, сосновыхъ рощъ и дубравъ, отчего все пространство носитъ у народа названіе «шумады», потому что тамъ «шумятъ ели». Въ этой сторонѣ раскинуты историческіе города сербовъ. Тополи—колыбель и могила перваго освободителя Сербіи, князя Кара-Георгія (Георгія Чернаго), далѣе Червучи, вторая родина Обреновичей, за нею Таво и Врчешница, гдѣ раздался первый кликъ Милоша къ богу, наконецъ,

нѣсколько поодаль—первая столица, Крагуевацъ. Западнѣе—вѣтви горъ, богатые минеральнымъ содержаніемъ, отчего и получили названіе «Рудничкихъ». Еще римляне эксплуатировали рудники, но теперь, по причинѣ нѣкотораго застоя промышленности въ княжествѣ, они остаются нетронутыми и заброшенными. Новая жизнь, въ которую вступаетъ теперь славянское княжество, вызоветъ и новую дѣятельность, умножитъ отрасли ея. Восточная часть княжества отличается плодородіемъ почвы; все побережье Моравы покрыто толстымъ слоемъ чернозема и только въ болѣе отдаленныхъ отъ нея мѣстностяхъ, разноцвѣтная глина смѣшивается мѣстами съ верхнимъ пластомъ земли. Въ изобиліи попадаются густые лѣса, въ перемежку съ фруктовыми садами, особенно же силою растительности отличаются мѣста, прилегающія къ Дунаю.

Во всей своей нетронутой старинѣ, безъ малѣйшей чужеземной примѣси, нравы и обычаи сербовъ сохранились въ сторонѣ, орошаемой

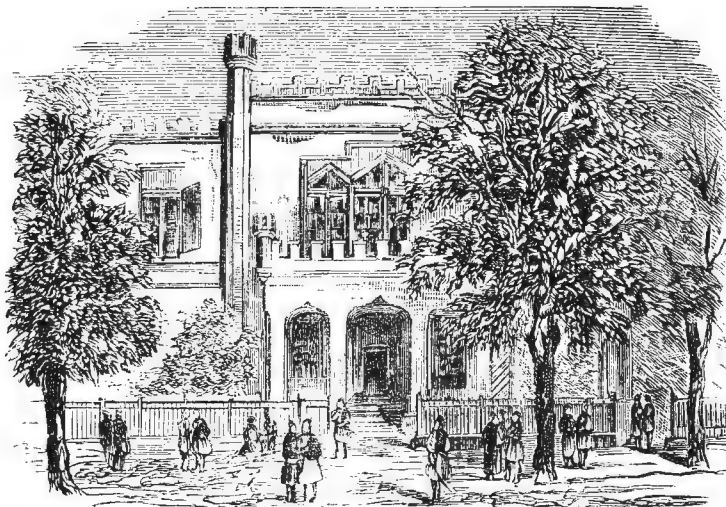

Дворецъ князя Милана въ Вѣлградѣ. Рис. Кауфманъ, гравир. Боярскій.

Дриной и Моравой, въ тѣхъ горныхъ долинахъ и густыхъ лѣсахъ, гдѣ живою, сильною струею бьетъ народная жизнь, откуда вышли первые бойцы за свободу и независимость сербской земли, первые герои этой борьбы. У береговъ же Дуная, со стороны Венгрии и Румынии, чуждые элементы значительно уже повлияли на первобытный, національный характеръ и измѣнили многія своеобразныя черты. Поэтому, только въ лѣсной Шумадьѣ и можно видѣть настоящую сербскую жизнь, его чистый, народный типъ, его домашній бытъ и условия, среди которыхъ онъ живетъ.

Сербъ отличается рѣзкими чертами лица и могучимъ строеніемъ тѣла. Высокій ростъ, широкія плечи, выдающіяся кости лица, прямой носъ — вотъ отличительныя признаки этого типа. Густые волосы, большею частью свѣтлыхъ оттѣнковъ. Теперь сербы отпускаютъ длинныя волосы, но еще не такъ давно, во время войны за независимость, они брили часть головы. Бороду носятъ только черное и бѣлое духовенство.

Сербскія женщины красивы, но въ отношеніи граціи, подвижности, преимущественно остаются на сторонѣ черногорки. Замѣчательно, что сербянки считаютъ черный цвѣтъ волосъ — самымъ красивымъ, и потому въ городахъ онѣ почти всѣ красятъ ихъ въ этотъ цвѣтъ. Женскій нарядъ представляетъ большое разнообразіе — покроемъ, измѣняются почти въ каждомъ округѣ, въ каждомъ уѣздѣ. Въ деревнѣ онъ состоитъ изъ длинной до ногъ, полотняной, вышитой разноцвѣтной шерстью сорочки, затѣмъ, столь же длиннаго, съ разрѣзомъ спереди, безъ рукавовъ и съ вышивками, платья, пояса, преимущественно яркихъ цвѣтовъ, фартука и свѣтлой «гиги», — шерстяной накидки. Женщины побогаче носятъ жемчужныя ожерелья, серьги, браслеты. Прически не менѣе разнообразны. Въ окрестностяхъ Бѣлграда дѣвушки дѣлаютъ съ лѣвой стороны проборъ и волосы заплетаютъ въ 2 косы, украшаемыя иногда цвѣтами и монетами; лобъ покрытъ короткими локонами. Во многихъ мѣстностяхъ, и въ нѣкоторыхъ горо-

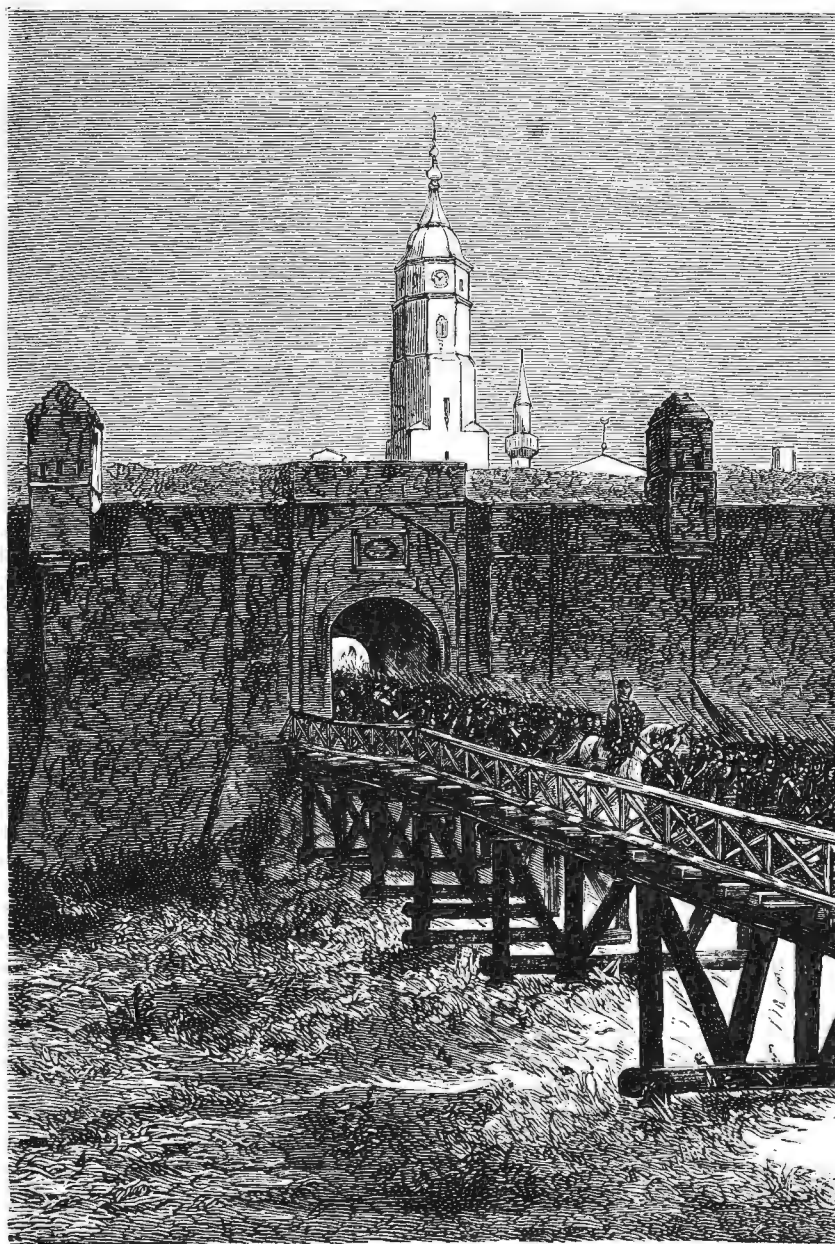

Зданіе министерства иностранныхъ дѣлъ въ Бѣлградѣ. Рисов. Боде, грав. Боярскій.

да, правильная голова, высокій лобъ, выдающіяся кости лица, прямой носъ — вотъ отличительныя признаки этого типа. Густые волосы, большею частью свѣт-

украшены нитями коралловъ или золотыхъ колецъ. По родамъ въ большомъ ходу бѣллыя и румяныя — вообще, въ этомъ отношеніи, требованія сербскаго обычая мало въ чемъ уступа-

Къ статьѣ: Военныя силы Сербіи.

Сербско-турецкая война. Выходъ сербскихъ войскъ изъ бѣлградской крѣпости. Рис. Кауфманъ, грав. Боярскій.

дакъ, дѣвушки носятъ на головѣ красную феску, обвивая ее вокругъ косой, замужнія же замѣняютъ феску украшеніемъ въ родѣ высокаго клобука, покрытаго монетами; отъ него, къ нижней части лица, идутъ ленты, которыя завязываются у подбородка, въ иныхъ мѣстахъ головной уборъ сербскихъ женщинъ напоминаетъ тотъ, что носятъ итальянки — на макушкѣ бѣлый платокъ, концы котораго узкими складками доходятъ до пояса.

Нарядъ горожанокъ представляетъ соединеніе восточнаго элемента съ западнымъ. На головѣ они носятъ маленькую шапочку, которую окружаетъ діадема изъ 2-хъ перелетающихъ косъ; у замужнихъ эти шапочки представляютъ соединеніе восточнаго элемента съ западнымъ. На головѣ они носятъ маленькую шапочку, которую окружаетъ діадема изъ 2-хъ перелетающихъ косъ; у замужнихъ эти шапочки представляютъ соединеніе восточнаго элемента съ западнымъ. По городамъ въ большомъ ходу бѣллыя и румяныя — вообще, въ этомъ отношеніи, требованія сербскаго обычая мало въ чемъ уступаютъ парижскому реценту: городская кокетка и франтиха обыкновенно красятъ волосы въ черныя цвѣтъ, удлиняютъ брови темной тушью, лицо покрываетъ розовымъ порошкомъ и губы подкрашиваютъ карминомъ. Въ костюмѣ горожанки преобладаетъ восточный характеръ. Грудь покрыта почти совершенно прозрачною, бѣлой вышитой сорочкой, на которую надѣвается шелковый платокъ, концы котораго, перевязанные на крестъ, охватываютъ станъ; на плечи наброшена свѣтлая шелковая кофта, съ широко разрѣзанными рукавами, оставляющими открытыми руки и вышитый рукавъ сорочки, юбка европейскаго фасона, стягивается у талия нарчевымъ поясомъ, съ длинными концами. Зимой — шубы, соответствующія покрою платья. Европейскія моды начинаютъ свое дѣло уже и здѣсь.

Лѣтній костюмъ сербскаго крестьянина весьма простъ и менѣе разнообразенъ, чѣмъ женскій. На головѣ онъ, почти всегда и всюду, носитъ низенькую красную шапочку (схожую съ феской). Широкия въ складкахъ шаровары (гаміе) ниспадаютъ до ступни, длинная холстинная сорочка, (косуля) спускается до коленъ, опоясывается онъ обыкновенно красными суконнымъ кушакомъ и

сверху стягивается ремнемъ, къ которому привѣшивается спереди пару пистолетовъ и металлическій помполъ, а сзади патронташъ; у правой руки виситъ короткій, въ кожаныхъ ножнахъ, ножъ (посъ). Въ дорогу онъ обыкновенно набрасываетъ родъ короткаго плаща (гуниакъ) и, кромѣ постоянного оружія, беретъ еще длинное албанское ружье (джевердаръ), обувь состоитъ изъ пестрыхъ чулокъ и плетеныхъ изъ ремней башмаковъ (опанцы). Городской нарядъ (въ которомъ преобладаетъ темно-синій цвѣтъ) гораздо роскошнѣе и красивѣе. На вышитую затѣйливыми узорами сорочку надѣвается алый жилетъ съ золотыми прошивками, затѣмъ богато-расшитый спереди, отороченный дорогимъ мѣхомъ кафтанъ, стянугий у талии поясомъ изъ турецкой шали яркихъ цвѣтовъ, изъ-подъ него спускаются темно-синіе шаровары турецкаго покроя, съ черною тесьмой, вправленные въ бѣлые чулки; на ногахъ обыкновенно кожаные башмаки. За поясомъ сзади, опять-таки, пистолеты въ серебряной ояравѣ, сзади патронташъ, справа ножъ. Красная феска съ длинной темно-синей кистью служитъ головнымъ уборомъ.

II.

Лучшимъ украшеніемъ сербскаго народа служатъ тѣ нравственныя его свойства, та духовная цѣльность народнаго характера, которая составляетъ силу націи, ея моральную крѣпость, негнущую еще разлагающимъ вліяніемъ нашего вѣка. Нравы его и обычай представляютъ еще много патриархальнаго, много наивнаго. «Задруга»—семейство находится въ полномъ подчиненіи естественнаго главы—отца, распорядкагося имуществомъ своей задруги, остающагося въ полномъ владѣніи рукою дочерей и выбирающаго женъ для своихъ сыновей. Народъ, стоящій еще на этой степени культуры, естественно, платитъ большую дань суевѣрію—традиціонный цѣль вѣдьмъ и домовыхъ населяютъ густыя дубравы, глубокія, мрачныя пещеры, темныя закоулки и держатъ его еще въ тѣсномъ кругѣ массы повѣрій.

Вообще, политически-юному народу этому нужно много еще страха съ себя, чтобы выдти на широкую торную дорогу къ всестороннему благосостоянію, матерьяльному и нравственному. Надо сказать, что если онъ до сихъ поръ еще мало оказалъ успѣховъ въ дѣлѣ общаго, народнаго просвѣщенія, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, и его матерьяльный бытъ, условия жизни, не завидны. Такія, наиримѣрь, необходимыя, простѣйшія принадлежности самаго незатѣливаго комфорта, какъ стекло—составляетъ въ Сербіи рѣдкость, и въ деревняхъ, обыкновенно, очень рѣдко можно встрѣтить окна стеклянныя—дѣломъ онѣ остаются открыты, а зимой заклеиваются бумагой.

Бѣдность эта, этотъ недостатокъ, является прямымъ послѣдствіемъ промышленнаго застоя, который, въ свою очередь, есть ничто иное, какъ результатъ народнаго пренебреженія къ промысламъ; они относятся съ презрѣніемъ къ такого рода дѣятельности, предоставляя ее всецѣло румынамъ, итѣцамъ.

Нельзя, конечно, строго судить за это сербскій народъ, сравнительно еще недавно томившійся подъ тяжелымъ игомъ. Дѣйствительно, Сербія какъ самостоятельное государство, еще очень молодо. Самыя границы ея опредѣлены впервые на основаніи условій бухарестскаго мира въ 1834 году, а неприкосновенность ихъ гарантирована только парижскимъ трактатомъ 1856 года. Въ силу этого трактата и другихъ международныхъ соглашеній, Сербія, признана независимымъ княжествомъ, состоящимъ подъ властью султана, которому обязана выплачивать ежегодную дань въ 41,552 дуката. Взамѣнъ этого, она получила право избирать князя, устанавливать законы, содержать собственное войско и пользоваться національнымъ флагомъ и гербомъ (лучистый серебряный крестъ въ красномъ щитѣ, окруженномъ лавровыми листьями, подъ нимъ княжеская корона съ крестомъ и державой). Съ 1867 года выведены турецкіе гарнизоны изъ сербскихъ крѣпостей, и на валахъ ихъ остался только турецкій флагъ, рядомъ съ сербскимъ. Княжеская власть, послѣ смерти Георгія Чернаго, предоставлена народомъ Милошу Обреновичу (въ 1817 г.). Вначалѣ, власть эта была неограниченною, но влостѣдствіи, по желанію народа, условия ея подверглись измѣненію, и нынѣ княжество управляется на западно-европейскіи началахъ, на основаніи устава 1838 года. Согласно съ органическими законами, власть княжеская наследственная, и въ случаѣ прекращенія династіи, князь имѣетъ право назначить, по соглашенію съ сенатомъ, наследника престола. Официальный титулъ государя по сербски «Кюласъ», съ предикатомъ «святлостъ».

III.

Въ силу устава, — князь единственный представитель верховной власти, неприкосновенный, государь, глава церкви и

начальникъ надъ войскомъ. Исключительно обладая правомъ почина, онъ руководитъ дѣйствіями сената и скупщины, съ которыми раздѣляетъ власть законодательную, въ его же рукахъ сосредоточена и власть исполнительная, избранія министровъ и т. д. Прочія функціи государственнаго управленія распределены между сенатомъ, высшей счетной палатой и скупщиной. Сенатъ «совѣтъ» учрежденъ въ 1838 г. и состоитъ, подъ предсѣдательствомъ пожизненнаго президента, изъ вице-президента, наследника (престола по достиженіи имъ 18-ти лѣтняго возраста) и 17-ти членовъ, назначаемыхъ княземъ. Состоя при государѣ въ качествѣ постоянного представителя народныхъ интересовъ, сенатъ разсматриваетъ всѣ проекты по юридическимъ и финансовымъ вопросамъ, участвуетъ въ законодательныхъ трудахъ и имѣетъ право контроля государственнаго управленія.

Высшая счетная палата «главна контрола» проверяетъ государственный бюджетъ Скупщина «народна скупщина», т. е. палата народныхъ представителей, собирается каждыя 3 года. Кромѣ права разсматривать и утверждать предлагаемые правительствомъ проекты, имѣетъ право почина а также и контроля правительственныхъ дѣйствій за истекшее трехлѣтіе. Министерство, съ 1862 года, состоитъ изъ 7 департаментовъ. Министры отвѣтственны предъ княземъ и сенатомъ. Они готовятъ проекты и вносятъ ихъ на обсужденіе; они принимаютъ участіе въ преніяхъ, но безъ права вотированія. Всѣ княжескія распоряженія скрѣпляются подписью президента сената и министерства. Далѣе идетъ система мѣстнаго управленія. Вся страна раздѣлена на 17 уѣздовъ (окружѣ), 60 округовъ (срез) и 1059 общинъ (общтина). Во главѣ этихъ административныхъ единицъ поставлены: начальники уѣзда, окружный начальникъ (капетанъ); община же пользуется полною автономіей, управляясь избранными ею: общиннымъ старшиной, членами общиннаго совѣта (общтинары), общиннымъ судомъ (общтински судъ).

Извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ на сербскій престолъ вступилъ нынѣ царствующій князь Миланъ IV Обреновичъ (род. 22-го августа 1852 г.) Почти мальчикомъ былъ онъ привезенъ въ Бѣлградъ изъ Парижа, гдѣ получилъ воспитаніе. Въ день 2-го іюля 1868 г. происходило коронованіе. Торжественна была минута, когда послѣ церемоніи возложенія короны, юный государь, среди глубокаго молчанія присутствовавшихъ министровъ, сенаторовъ, членовъ скупщины и другихъ, своимъ молодымъ голосомъ громко произнесъ:

Я, Миланъ IV Обреновичъ, князь сербскій, принимая власть, клянусь Господомъ и всѣмъ, что здѣсь на землѣ для меня можетъ быть священнаго, на св. крестѣ и евангеліи, что буду хранить въ неприкосновенности конституцію и управлять на основаніи законовъ, указанныхъ сею конституціею и что всегда, во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ и въ каждомъ моемъ шагѣ буду единственно имѣть въ виду благо народа. Давая торжественную присягу предъ лицомъ Бога и народа, я призываю въ свидѣтели нашего Творца, Которому мнѣ придется дать отвѣтъ на страшномъ судѣ и истинность моей клятвы скрѣплю, цѣлуя св. евангеліе и крестъ спасителя нашего Иисуса Христа. Такъ да поможетъ мнѣ Господь».

Народъ сербскій не имѣлъ поводовъ съ тѣхъ поръ жаловаться на своего князя, свято исполняющаго свое обѣщаніе.

Личность князя Милана представляетъ много привлекательнаго. Высокая образованность соединяется въ немъ съ природной добротой, не исключяющей энергію, составляющую отличительную черту родоваго характера Обреновичей. Вообще, сербы могутъ по справедливости гордиться своей царственной четой. Молодая княгиня Наталья Петровна Кешко—наша соотечественница, какъ извѣстно,—идеалъ женской красоты и добродѣтели. Съ сочувствіемъ, съ глубокимъ уваженіемъ, должны относиться мы къ этой молодой женщинѣ, къ той душевной тревогѣ, съ которою она слѣдитъ теперь за подвигами своего мужа, ставшаго во главѣ народа за святое, великое дѣло славы.

Уединенно скрываетъ она тяжелое чувство въ опустѣвшемъ дворцѣ, чувство, которымъ должна жертвовать новой родиной.

Гнѣздо юной четы—Бѣлградскій дворецъ, изображенный на нашемъ рисункѣ—красивое зданіе. Не представляя всего богатства дворцовъ большихъ государствъ, онъ заключаетъ, однако, въ себѣ, насколько возможно, всѣ условия комфорта, въ сочетаніи съ требуемомъ положеніемъ его обитателей относительно роскошию.

Скоро, однако—мы убѣждены въ томъ,—придетъ время, когда дворецъ этотъ оживится радостными празднествами, приѣзжающими торжество праваго дѣла.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора редакціи покорнѣе проситъ своихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній пе-

чатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыхъ марками на типографскіе расходы.

БАШИ-БУЗУКИ.

Фанатическая, вооруженная чернь Турции, известная под именем башки-бузуков, отличается такой свирепой жестокостью, такой беспощадной лютой, что все варварские набег диких азиатских племен на Европу не могут сравниться с теми способами умирения славянской раи, которые употребляются теперь мусульманами на Балканском полуострове.

Каждый день телеграф приносит нам известия о сотнях перерезанных стариков, о десятках тысяч женщин, проданных в рабство, о тюрьмах, наполненных невинными людьми, умирающим в них с голоду, о трупах, кучами лежащих на улицах и гниением своим заражающих воздух, о разграбленных и сожженных селах и городах.

Все это дѣла рукъ башки-бузуковъ.

Они вырѣзали въ Филиппопольскомъ санджакѣ все болгарское население, изрубили всѣхъ старцевъ и мужчинъ, не удавшихся въ горы, обратили въ рабство 60,000 (!) женщинъ, чтобы продать ихъ на малоазійскихъ рынкахъ.

Они превратили въ пустыню самые цвѣтущіе болгарскіе уѣзды. Турецкія власти вполне поощряютъ этотъ способъ умиротворения возставшихъ, или только подозрѣваемыхъ въ намѣреніи возстать; правители округовъ раздають оружіе башки-бузукамъ и черкесамъ, которые съ самаго начала волненія въ Болгаріи совершили тысячи убійствъ, грабежей, насилій, пожаровъ и всяческихъ злодѣйствъ.

Изъ донесеній иностранныхъ агентовъ въ Адрианополь и Филиппополь, сообщаемыхъ нашими газетами, известно, что при первыхъ признакахъ волненія въ южной Болгаріи, со всѣхъ сторонъ были созваны башки-бузуки, и всѣмъ мусульманамъ, всему худшему сброду населенія: цыганамъ, черкесамъ (цѣлые годы были потрачены на обезоруженіе ихъ), было роздано оружіе, и все это было послано не противъ инсургентовъ, которые не показывались, а противъ цвѣтущихъ городовъ и мирныхъ деревень. Войска получали приказаніе убивать всякаго, оказывающаго малѣйшее сопротивленіе. Сначала сопротивленіемъ признавались заботы о томъ, чтобы избавиться отъ ограбленія и отъ всѣхъ насилій, совершавшихся башки-бузуками, а затѣмъ перестали даже искать и эти поводы, а достаточно было быть болгаринномъ. Цѣль заключалась уже не въ разыски-

ваніи виновныхъ, а просто въ избіеніи христіанъ, въ томъ, чтобы удовлетворить съ давнихъ поръ накопившееся чувство ненависти. Болгары гибли сотнями и тысячами, подробности жестокостей ужасны: въ Перушицѣ, Босакѣ, Вѣтринѣ были умерщвлены цѣлыя поселенія. Женщины и дѣвушки подвергались всевозможнымъ оскорбленіямъ. Много изъ нихъ тоже умерщвлено, а еще больше того уведено въ рабство.

Убивали дѣтей, убивали поселянъ, бѣжавшихъ при приближеніи войскъ; убивали тѣхъ, которые не покидали своихъ жилищъ, тѣхъ, кто прятался; убивали тѣхъ, кто выдавалъ свое оружіе—за то, что имѣли его, и тѣхъ, кто имъ не обладалъ,—за то, что не хотѣлъ, будто бы, его выдать. Что же касается грабежа, то онъ былъ организованъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: такіе города, какъ Ямболъ и Сливно, были разграблены совершенно; по всей странѣ расхищались вооруженныя банды, забирая у жителей деревень все, что находили и, при одной попыткѣ къ сопротивленію, убивая и выжигая все. Такое положеніе скрывалось оттоманскимъ правительствомъ насколько возможно, и это было нетрудно, въ виду отсутствія въ странѣ иностранцевъ; сверхъ того, всѣ письма вскрывались и уничтожались, а корреспонденты турецкихъ газетъ сообщали самыя лживыя известія. Къ несчастію, анархія эта сдѣлалась хронической и не можетъ быть скрытаема долге; правительство само уже не въ состояніи справиться съ тѣмъ опаснымъ элементомъ, который имѣло неосторожность вызвать.

Рисунокъ, помѣщенный нами, представляетъ одну изъ подобныхъ сценъ: огонь уничтожаетъ христіанскую хижину, дикій варваръ уводитъ съ свирѣпою улыбкой торжества послѣднюю корову поселянина, трупъ котораго можетъ быть уже испепеленъ въ пламени пожара, этимъ же башки-бузукомъ произведеннаго.

Но, въ виду совершающихся въ послѣднее время въ Сербіи событій, смѣемъ высказать надежду, что нарѣзныя сербскія пушки очистятъ навсегда славянскія земли отъ подобныхъ грабителей, и имя башки-бузуковъ, сдѣлавшись достояніемъ исторіи, останется только синонимомъ свирѣпаго разбойника, а извѣстная отъ нихъ раія увѣнчается лаврами своихъ спасителей, которые вступили теперь въ бой «во имя справедливости и цивилизаціи».

Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ.

Въ каждомъ известіи, въ каждой телеграммѣ, приходящей съ театра только что начавшейся борьбы, русскій человекъ жадно ищетъ одного родного, русскаго имени, имени человека, известнаго уже по своему блестящему прошлому,—человѣка, который, въ настоящую минуту, служитъ олицетвореніемъ вѣковыхъ симпатій нашего народа, вѣкового его стремленія—подать руку помощи увѣнченнымъ братьямъ...

Не говоря о высокихъ нравственныхъ достоинствахъ М. Г. Черняева, какъ частнаго человека—въ этомъ отношеніи его репутація твердо установлена въ отечествѣ,—онъ, по своимъ, доказаннымъ на дѣлѣ, и выходящимъ изъ уровня, военнымъ способностямъ, боевой опытности, и высокому мужеству, вполне стоитъ на высотѣ принятой имъ на себя миссіи.

Дѣйствительно—значительную часть своей жизни, генералъ Черняевъ провелъ на поляхъ сраженій. Гдѣ бы, начиная съ 50-хъ годовъ, ни работали русскіе штыки, гдѣ бы ни гремѣли русскія пушки—всюду мы видимъ его въ переднихъ рядахъ. Съ дѣтства уже готовился онъ къ военному поприщу. Михаилъ Григорьевичъ родился въ 1828 г. и происходить изъ стариннаго дворянскаго рода. 12-ти лѣтъ онъ былъ помѣщенъ въ бывшій дворянскій полкъ, откуда, по успѣшномъ окончаніи курса, былъ выпущенъ въ 1848 г., въ лейбъ-гвардію павловскій полкъ. Въ 1851 г. онъ кончилъ курсъ наукъ въ Николаевской военной академіи, а затѣмъ, пройдя чрезъ образцовыя кавалерійскую и артиллерійскую части, назначенъ, въ 1853 г., на службу по генеральному штабу въ 4-й пѣхотный корпусъ, открывшій тогда военныя дѣйствія на Дунаѣ. Съ того времени, вплоть до 1867-го года,—года своей первой отставки, Михаилъ Григорьевичъ почти безъ перерыва велъ боевую жизнь, лично участвуя во всѣхъ значительныхъ, отмѣченныхъ исторіей дѣлахъ. Такъ, онъ находился въ отрядѣ полковника Карамзина, когда этотъ отрядъ наткнулся (въ 1854 г.), при городѣ Караклы на главныя турецкія силы и былъ, съ своимъ начальникомъ, почти на половину изрубленъ неприятелемъ; затѣмъ, мы видимъ М. Г. въ рядахъ геройскихъ защитниковъ Севастополя,—гдѣ онъ принимаетъ участіе въ большой вылазкѣ 24-го октября 1854 г., при отбитіи штурма 27-го августа; впрочемъ если бы намъ пришлось говорить подробно о дѣятельности г. Черняева здѣсь, то мы должны были бы привести едва ли не всю исторію осады, такъ какъ, въ формулярномъ спискѣ генерала сказано, что съ 7-го ноября 1854 г. по 28 августа 1855 г. онъ участвовалъ «во всѣхъ дѣлахъ, про-

исходившихъ въ этотъ періодъ времени на лѣвой половинѣ оборонительной линіи».

По окончаніи севастопольской войны Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, въ чинѣ подполковника генеральнаго штаба, былъ назначенъ состоять при отдѣльномъ Оренбургскомъ корпусѣ. Въ 1858 г., ему въ первые довелось приблизиться къ границѣ тѣхъ мѣстностей, исторія присоединенія которыхъ къ Россійской имперіи навсегда останется неразрывно-связанною съ его именемъ. Въ этомъ году онъ былъ командированъ въ распоряженіе командующаго Сыръ-Дарьинскою линіею и участвовалъ въ экспедиціи на судахъ Аральской флотиліи, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Бутакова, въ устьѣ Аму-Дарьи, къ хивинскому городу Кунграду. Но часть его дѣла здѣсь еще не настала—въ 1859 г. онъ былъ переведенъ въ главный штабъ казаской арміи—въ это время на Кавказѣ предпринимались серьезныя приготовленія для покоренія горцевъ.

Служба Черняева тамъ представляетъ почти постоянное, непрерывное участіе въ дѣлахъ и походахъ лѣваго крыла кавказской арміи (въ Терекской области); онъ участвовалъ въ бояхъ при Ведени, Гашарь-Дюкѣ, въ штурмѣ Бена, въ движеніи нашихъ войскъ въ Аргунскомъ округѣ и цѣломъ рядѣ другихъ дѣлъ, (на Кавказѣ онъ получалъ за отличіе чинъ полковника). По окончательномъ завоеваніи края, Михаилъ Григорьевичъ не на долго остался въ дали отъ любимаго дѣла. Проведя около 2-хъ лѣтъ при штабѣ въ занятіяхъ по разработкѣ различныхъ вопросовъ военной администраціи и организаціи, онъ, немедленно, какъ только начались военныя дѣйствія въ средней Азіи—поспѣшилъ туда.

Здѣсь мы видимъ рядъ изумительныхъ дѣлъ и подвиговъ, доставившихъ Россіи цѣлую область, а Черняеву—имя, которому отечественная исторія отвѣдетъ заслуженное мѣсто. Слѣдуетъ замѣтить, что въ 1862 г. наши предѣлы вдавались въ степь съ южно-оренбургской стороны—по Сыръ-Дарьѣ до форта Джулекъ, бывшаго пограничнымъ пунктомъ съ коканскими владѣніями, а со стороны западной Сибири—неопредѣленною линіей Алашавскаго округа, съ городомъ Вѣрнымъ и Залийскимъ краемъ Пространство между этими 2 пунктами оставалось постоянно открытымъ для набѣговъ коканцевъ. Въ 1864 г. правительство рѣшило занять пограничныя коканскія владѣнія между Сыръ-Дарьинскою линіею и Алашавскимъ округомъ. Занятіе было предложено совершить одновременно—и со стороны Сыръ-Дарьин-

ской линии, и со стороны Алашавскаго округа, съ тѣмъ, чтобы оба отряда соединились въ Туркестанѣ. Оренбургскимъ отрядомъ командовалъ полковникъ Веревкинъ, Алашавскимъ—полковникъ Черняевъ. Въ маѣ 1864 г. М. Г. Черняевъ двинулся изъ подъ укрѣпленія Мерке. Весь путь его былъ ни что иное, какъ цѣль побѣды надъ, буквально, болѣе, чѣмъ въдесятеро сильнѣйшимъ непріателемъ. 6-го июня онъ взялъ первый укрѣпленный городъ Аулие-Ата; отсюда, съ отрядомъ всего въ 1298 человекъ, онъ пошелъ на соединеніе съ частью отряда полковника Веревкина направлявшагося изъ Туркестана. Съ необыкновенной быстротой и удачей совершилъ М. Г. переходъ въ 300 верстъ по безводной степи, при 40 градусахъ жары. Соединившись съ туркестанскимъ отрядомъ подполковника Лерхе и капитана Мейера, въ числѣ 300 ч., Черняевъ съ этими ничтожными силами выступилъ противъ 18-ти тысячнаго скопища коканцевъ, загородившаго ему дорогу въ Чекментъ и 22-го іюля разбилъ его на голову; затѣмъ, сдѣлавъ рекогносцировку Чекмента, возвратился назадъ до Арыса, и въ сентябрѣ того же года, назначенный къ тому времени начальникомъ туркестанскихъ войскъ (новококанская линія)—взялъ Чекментъ. Силы Черняева и тутъ состояли всего изъ 10½ ротъ пѣхоты, 8 батарейныхъ и 4 легкостанковыхъ орудій, 3 ракетныхъ станковъ, 5 мортиръ, 2½ сотенъ казаковъ и 1 тысяча милиционероу изъ вновь покоренныхъ нами киргизъ. Гарнизонъ же крѣпости состоялъ изъ 10-ти тысячъ ч., не считая жителей. Цитадель была расположена на неприступной возвышенности и вооружена сильной артиллеріей, съ огромными запасами разрывныхъ и другихъ снарядовъ. Паденіемъ Чекмента была нанесенъ первый жестокой ударъ среднеазиатскимъ ханствамъ. Ничтожными средствами и въ теченіе короткаго времени, завоеванъ для Россіи, обширный край съ 1½ миллионнымъ населеніемъ. Далѣе, таже участь постигла Ніазбекъ, Чиназъ и, наконецъ, Ташкентъ. Изумительнымъ, геройскимъ подвигомъ своимъ, взятымъ, въ ночь съ 14-го на 15-е іюня 1865 г., города Ташкента, генералъ Черняевъ вписалъ одну изъ славныхъ страницъ въ военную лѣтопись русскаго народа. Съ горстью людей (1951 ч.) М. Г. Черняевъ не поколебался идти на штурмъ укрѣпленнаго города, съ 100 тысячнымъ населеніемъ, могущаго въ каждомъ атакованномъ пунктѣ сосредоточить по крайней мѣрѣ 30 тысячъ человекъ при 50-ти орудіяхъ, ожидая въ то же время нападенія съ тыла бухарскаго эмира съ его скопищами. Генералъ не отступилъ предъ этими затрудненіями, и блистательная побѣда была наградою смѣлому полководцу. Не смотря на отчаянное сопротивленіе, онъ занялъ цитадель и штыками очистилъ баррикадированныя улицы и сады. Трофеями дѣла были 16 большихъ знаменъ, 63 орудія (изъ нихъ 48 мѣдныхъ) множество ружей, 2 тысячи пудовъ пороху и т. д. Вслѣдъ за этимъ колоссальнымъ дѣломъ послѣдовало занятіе Запирчинскаго края, съ Тюй-Тюбе и Пекентомъ, и, наконецъ, Ходжента. Демонстрація со стороны бухарцевъ вызвала дальнѣйшее движеніе къ Джизаку, но, вслѣдствіе соглашенія съ эмиромъ, давшимъ обязательство выполнить все наши требованія, Джизакъ и Ходжентъ не были заняты, и войска наши возвратились, въ февралѣ 1866 г., въ Чиназъ. Вы видимъ, генералъ Черняевъ, менѣе,

чѣмъ въ 2 года, съ горстью солдатъ, съ ничтожными средствами, присоединилъ къ Россіи почти весь нынѣшній Туркестанскій край!

Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что не увлеченіе завоевателя, не безцѣльная отвага руководили М. Г. Черняевымъ въ его дѣйствіяхъ. Каждое движеніе его, имѣло свою заранѣе обдуманную и опредѣленную цѣль и значеніе. Не говоря уже объ общей идее всего плана, не касаясь его государственнаго смысла, скажемъ только, что взятіе Ташкента, наприимѣръ, было предпринято генераломъ Черняевымъ съ цѣлью овладѣть однимъ изъ главнѣйшихъ тогда пунктовъ, гдѣ сосредоточивались поддерживавшіеся бухарскимъ эмиромъ среднеазиатскія скопища. Присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ Ташкента, естественно, повело за собой занятіе и присоединеніе Запирчинскаго края, какъ житницы перваго, получавшаго отсюда припасы и, слѣдовательно, для него абсолютно необходимаго. Движеніе къ Ходженту объясняется тѣмъ, что этотъ городъ, служа ключемъ къ Ферганской долинѣ, имѣетъ, въ то же время, значеніе опорнаго пункта для владѣнія плаваніемъ по Сыръ-Дарьѣ.

Генералъ Черняевъ приостановилъ ходъ своихъ побѣдъ, потому что тогда дальнѣйшее движеніе считалось черезчуръ смѣлымъ. Многие также допускали иллюзію спокойнаго соседства Бухары. Не такъ думалъ М. Г. и, безъ сомнѣнія, быстро довелъ бы среднеазиатскій вопросъ до того положенія, въ какомъ онъ находится нынѣ, если бы не измѣнилось его служебное положеніе *). Въ мартѣ 1866 года на его мѣсто военнаго губернатора былъ назначенъ генералъ-маіоръ Романовскій, и М. Г. исполнивъ свое призваніе, вскорѣ оставилъ созданную имъ Туркестанскую область. Лѣтомъ того же года онъ получилъ 11 мѣсячный отпускъ для излеченія болѣзни въ Россію и за границу, а 15-го мая 1867 года уволенъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ. Въ томъ же 1867 году онъ снова поступилъ на службу по генеральному штабу, а 20-го іюня прошлаго года вторично вышелъ въ отставку.

Въ послѣднее время генералъ Черняевъ приобрѣлъ въ собственности газету «Русскій Миръ». Открыто и честно высказывая свои мнѣнія, въ которыхъ громко звучитъ чувство истинно русскаго человека, которому дороги благосостояніе и величіе его русскаго отечества, М. Г., вмѣстѣ съ тѣмъ, съ первыхъ же моментовъ возстанія славянъ противъ вѣковаго гнета, выступилъ съ горячею, смѣлою рѣчью на защиту несчастныхъ нашихъ братьевъ. Тѣ благопріятныя условія, въ которыя стала нынѣ газета, показываютъ, что и убѣжденія М. Г., и сочувствіе къ балканскимъ христіанамъ нашли откликъ въ средѣ русскаго общества.

Но не на однихъ только словахъ доказываетъ этотъ человекъ свое участіе къ великому дѣлу освобожденія славянъ отъ турецкаго ига. Его новый подвигъ имѣетъ значеніе и для насъ, для всего русскаго народа. Повторимъ то, что сказали въ началѣ этого очерка—генералъ Черняевъ олицетворяетъ въ эту минуту исконное, завѣтное стремленіе русскихъ людей—протянуть братьямъ братскую руку помощи.

Политическое обозрѣніе.

Лишь нѣсколько дней прошло съ того момента, какъ раздался первый выстрѣлъ и была пролита кровь, обогрившая первые шаги славянъ на ихъ пути къ свободѣ, къ освобожденію своихъ братьевъ, и уже сквозя пороховой дымъ, точно кольцомъ обвившій Сербію, можно разглядѣть, хотя и очень неясно — что въ Европѣ не все гладко, не все во взаимныхъ отношеніяхъ державъ «обстоитъ благополучно», какъ по своему казенно-стереотипному артикулу обязана докладывать и докладывать ничѣмъ не смущающаяся дипломатія. Нейтралитетъ Англіи!... Помните, предъ самымъ началомъ непріязненныхъ дѣйствій мы высказывали предположеніе о томъ, что британскій кабинетъ, настаивая на «предоставленіи Турціи полной свободы дѣйствій», т. е., другими словами, требуя допущенія державами войны,—положительно рассчитывалъ на торжество оттоманской имперіи, которой, отчасти, уже успѣлъ оказать посильную, въ этихъ видахъ, помощь. Все происходящее нынѣ достаточно уже подтверждаетъ сдѣланное нами предположеніе.

Вся европейская печать свидѣтельствуетъ въ настоящее время, что еще съ прошлой осени Россія настаивала на предоставленіи Герцеговинѣ и Босніи автономіи, на подобіе той, какою пользуются въ обихъ вассальныхъ княжествахъ Оттоманской имперіи. Требованіе это, по словамъ той же прессы, было повторено нашимъ кабинетомъ, и при происходившихъ недавно, предъ началомъ борьбы, переговорахъ съ Великобританіей. С. Джемскій кабинетъ согласился, въ принципѣ, на эту мѣру, но не иначе, какъ только послѣ того, что Портъ будетъ «предоставлена свобода дѣйствій», и опять таки, не иначе, какъ только въ случаѣ побѣды славянъ, побѣды, которая докажетъ что турецкое правительство не въ силахъ само устроить свои дѣла, безъ вмѣшательства Европы. Сопоставляя же съ этой комбинаціей расчетъ министерства Дизраэли на торжество «импе-

раторской арміи»—можно ясно видѣть, насколько Великобританское правительство желаетъ самоуправленія провинцій. Россія исполнила свой долгъ—она, до рѣшительнаго момента, настаивала на дарованіи Герцеговинѣ и Босніи свободы, не доводя дѣла до войны—отвѣтственность не на ней! Все это, понятно, не можетъ не отозваться на «добромъ согласіи», между тѣмъ правительствомъ, которое, дѣйствуя изъ-подъ руки, прибѣгаетъ къ подобнымъ уловкамъ и тѣмъ, которое, напротивъ, и говорить, и дѣйствуетъ прямо, открыто, безъ заднихъ мыслей. Пресса, характеризую, такимъ образомъ, политику обихъ державъ, приводитъ, между прочимъ, слухъ о соглашеніи между Германіей, Франціей и Италіей, имѣющемъ цѣлью воспрепятствовать Великобританіи и Россіи принять участіе въ войнѣ... Этотъ слухъ опровергаютъ пока, какъ опровергаютъ тоже цѣлый рядъ другихъ, имѣющихъ нѣкоторую связь съ нимъ, слуховъ, наприимѣръ, о секретныхъ переговорахъ маршала Макъ-Магона съ королемъ Италіи по восточному вопросу, о прибытіи въ Туринъ одного иностраннаго уполномоченнаго по этому же вопросу лица—но въ политикѣ вообще, часто опровергается сначала то, что затѣмъ всплываетъ въ видѣ неопровержимой истины, наружу. .

Изложенное нами, полагаемъ, указываетъ на то, что борьба на балканскомъ полуостровѣ нѣсколько не оправдала,

* Боевая заслуга генерала Черняева, по достоинству цѣнились и награждалась начальствомъ. Онъ получалъ слѣдующія отлічія: за участіе при защитѣ Севастополя—орд. св. Владимира 4-й ст. съ бантомъ. За отбитіе штурма 27-го августа 1855 года—золотую полусаблю съ надписью «за храбрость». Подвиги его въ Средней Азіи доставили ему слѣдующія награды: 30-го апрѣля 1864 года орд. Владимира 3-й ст. съ мечами, 11-го іюня—чинъ генералъ-маіора, 6-го ноября удостоенъ орд. Георгія 3-й ст., и въ тотъ же день—Станислава 1-й ст. съ мечами, за взятіе Ніазбени—орд. Анны 1-й ст. съ мечами. За 2-хъ дневный штурмъ Ташкента—золотую шагу съ бриллиантами, и, наконецъ, 11-го іюля 1865 года, за дѣло съ коканцами—Высочайшее благоволеніе.

по крайней мѣрѣ «наружно», высказанныхъ великобританскимъ правительствомъ ожиданій и увѣреній—борьба эта оказывается вовсе не столь «изолированной» отъ остальной Европы, съ которою тѣсно связана тысячами видимыхъ нитей. Мы подозреваемъ, чтобы не сказать убѣждены, что кабинетъ Дизраэли рассчитывалъ на болѣе быстрый ходъ компаніи, разсчитывалъ, что турки, въ достаточномъ количествѣ снабженные англійскими деньгами и весьма прочимъ, покончатъ съ Черногоріей и Сербіей въ нѣсколько ударовъ и, доказавъ тѣмъ свою способность устраивать свои внутреннія дѣла, устранятъ необходимость европейскаго вмѣшательства и необходимость автономіи, которая будетъ замѣнена благодѣтельными (и легко примѣнимыми) реформами... турецкими реформами!

Повторяемъ, намъ кажется, чтобы не сказать—мы убѣждены—что кабинетъ Дизраэли ошибся въ разсчетъ...

Всѣ извѣстія съ театра войны, исходя изъ различныхъ источниковъ, единогласно констатируютъ фактъ успѣховъ сербовъ. Въ то время, какъ они на сѣверо-восточной своей границѣ постоянно стѣсняютъ всѣ попытки турокъ проникнуть въ глубь страны, во всѣхъ другихъ мѣстахъ войска ихъ, ступивъ на турецкую территорию, сохраняютъ наступательное положеніе. По отзывамъ компетентныхъ въ дѣлѣ людей—маневръ генерала Черниева признается чрезвычайно искуснымъ, въ томъ отношеніи, что онъ, взягіемъ турецкаго лагеря при Бабиной Главѣ, у Ниша, и занятіемъ Софійской дороги, преградилъ оттоманскимъ силамъ путь къ Нишу. Алимичъ взялъ Бѣлину и подвигается внутрь Босніи, Захъ наступаетъ съ своей стороны, черногорскія войска приближаются къ Гацко, герцеговинскіе и боснійскіе инсургенты развлекаютъ силы Мухтара-Паши... поднимаются Болгары...

Посмотримъ, къ чему приведетъ, неудавшіяся уже на первыхъ порахъ, планъ Дизраэли.

Отъ Главнаго Управленія Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій со стороны Сербіи и Черногоріи противъ турокъ, самый театръ войны долженъ значительно расширится, и число раненыхъ, нуждающихся въ помощи, можетъ возрасти до громадныхъ размѣровъ.

Въ виду предстоящей необходимости усилить и развить свою дѣятельность соразмѣрно съ ощущаемою въ ней потребностью, главное управленіе общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, руководимое тѣлымъ и горячимъ участіемъ къ судьбѣ страждущихъ, являемымъ Августѣйшею своею покровительницею, Государынею Императрицею, обращается ко всѣмъ своимъ учрежденіямъ съ настоятельною просьбою усилить, насколько возможно, денежныя и матеріальныя сборы въ пользу несчастныхъ жертвъ въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи, и увѣрено при этомъ, что сердце каждаго русскаго сочувственно отзовется къ столькимъ страданіямъ. Главное Управленіе общества въ С.-Петербургѣ помѣщается по Большой Морской, въ домѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Многіе изъ гг. подписчиковъ „Нивы“ обращаются въ контору журнала съ просьбою о выдачѣ имъ преміи „Спящая красавица“ разѣе опредѣленнаго срока, (см. 19 №) т. е. октября мѣсяца. Контора журнала, не имѣя въ настоящее время въ своемъ распоряженіи полнаго числа картинъ для выдачи гг. подписчикамъ и не находя возможнымъ выдавать премію только нѣкоторымъ изъ нихъ, заявляетъ, что, во избѣжаніе могущихъ быть затрудненій, разошлетъ означенную премію всѣмъ годовымъ подписчикамъ **одновременно.**

РѢШЕНІЕ.

шахматной задачи въ «Нивѣ № 27.

Бѣлыя.

- 1) Е 2 — F 2
- 2) Слозь Н 8 — Е 5X
- 3) Ладья А 6 — Н 6
- 4) Ладья Н 6 беретъ Пѣшка Н 3 и дають XX

Черныя.

- 1) D 7 -- D 6
- 2) D 6 беретъ Слозь Е 5
- 3) Король Н 2 — Н 1

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) Поступившіе въ редакцію, въ посылку семействъ пострадавшихъ отъ востанія въ Босніи и Герцоговинѣ отъ Я. В. изъ Ржева 10 р., отъ Г. Охотникова изъ Ельца 70 к., отъ Ф. Ф. Шпилева изъ Остроты 1 р., и отъ Ф. В. Лебедева изъ Бѣлгорода 3 р., а всего 14 р. 70 к., сданы въ Главное Управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ 1-го іюля 1876 г. въ чемъ имѣется квитанція Управленія за № 472.

2) Въ г. Карачай (Кубанск. обл.), И. А. Бонд—еву. Вы пишете: „... я могу посвятить себѣ настѣни писателя и доставить вамъ множество еще важнѣйшихъ статей политики и легиратуры, и готовъ изъяснить желаніе въ постоянныя сотрудники Вашего изданія“ Искренній Вамъ совѣтъ: оставьте «легиратуру» и, пожалуйста, навсегда.

3) Подписчику „Нивы“, свещ. С. Л.—цному. Стихотвореніе ваше, прекрасное по мысли. неудобно для печати по своей ооржѣ.

4) Лебединъ (Харьк. губ.), Н. Ф. Гр. д.—сному. „Симпатичность и дружелюбие“ „прелестной Нивы“, которая она, по Вашимъ словамъ, „съ избыткомъ расточаетъ своимъ подписчикамъ и вообще читателямъ“, не позволяютъ ей принять Вашихъ стиховъ. Качество ихъ Вы сами чрезвычайно жѣтко охарактеризовали въ стихотвореніи, озаглавленномъ: „а прогосъ къ И—ву“

Что ни ниши, какъ ни умудрайся,
А все же, не годиш(ь)ся въ поэты;
И хоть по году углубляйся,
Да составивъ куплеты — (,) —
То все же выйдеть чепуха.
И сказать ужъ безъ грѣха,
Что твои пресловутые стихи —
Хуже незабвенной дѣмянковой уха!“

Эти *лучше* стихи изъ всей тетради въ 65 страницъ и представляютъ вѣрную оцѣнку Вашихъ собственныхъ произведеній, на переписку которыхъ Вы навѣрно истратили всѣ „два короба терпѣнья“, присланныя Вами самому себѣ.

5) А. Лю—цному. Стихотвореніе «Вдова» не можетъ быть напечатано.

6) Калезинъ (Тв. г.) студ. Н. В. Нов—ову. Ваши стихотворенія не будутъ напечатаны въ «Нивѣ»; періодическихъ корреспонденцій тоже не возьмемъ.

7) Москва, Казанская улица. Е. Н. Коз—ву. Присланныя вами стихотворенія страдаютъ необычайною туманностью.

«Выраютъ тяжка пробужденія
Средь веселія толпы,—
Когда во мракѣ заблужденія
Утрачешь силы и мечты;
И не видишь назоченья
На мигъ вволюванной души.»

Чувствительно и непоэтно!

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Grand Hotel National

Leopoldstadt, Taborstrasse въ Вѣнѣ.

Имѣю честь обратить вниманіе господъ ѣдущихъ на минеральныя воды и, вообще, путешественниковъ на мою гостиницу, удобно расположенную и имѣющую хорошій ресторанъ. Говорятъ по русски, а также есть разные русскіе журналы и газеты.

Цѣны комнаты очень умѣренныя.

3—3

F. W. Mayer, владѣлецъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ,

помѣщенные въ журналъ «Нива», могутъ найти самое громадное распространеніе, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и между иногородними подписчиками.

«Нива» расходуется въ количествѣ 25,000 экземпляровъ. За строку нонпарейла (37 буквъ) платится 25 коп. Подробный тарифъ на объявленія напечатанъ въ № 17 „Нивы“.

6—4

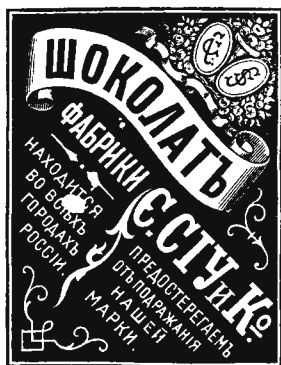
ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы В. В. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1876 года 90 к., съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть времени Екатерины II. П. Петрова и В. Ключикова. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы“ 1876 года 75 к., съ перес.

Про что щелбала ласточка. Сочиненіе Шиллагена. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1876 г. 1 р. съ пересылкою.

45—38

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

КАРЛЬ БАУХЪ.

по Большой Морской домъ Росмана № 9,

приготавливаетъ искусственные зубы, по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ ручательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. № 42.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ Н. Каразина, съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интереснѣе, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовья картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ „НИВЫ“ на 1876 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

Зубной врачъ ВАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—16

Последнее сочиненіе покойной Жюль-Зандъ, «Замокъ Персмонъ», цѣна 75 коп., недавно вышло изъ печати и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а также на станціяхъ Московской, Нижегородской и Варшавской желѣзныхъ дорогъ и въ складѣ на Невскомъ просп., д. № 49, близъ Владимирской улицы. 3—1

1-й заемъ 1864 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ

23-й тиражъ 1-го Юля 1876 г

ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 13 ноября 1866 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займъ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го іюля 1876 года Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
81	28	500	3635	11	500	8248	10	500	11870	24	25000	14184	8	500
86	6	5000	3973	44	500	8304	49	500	11958	34	500	14306	3	500
87	9	500	3887	28	500	8487	47	500	12027	50	500	14328	28	1000
146	22	500	3914	13	500	8600	24	500	12056	13	500	14439	35	500
190	4	500	3923	6	500	8787	24	1000	12112	1	500	14519	40	500
323	31	500	4052	4	500	8792	5	500	12153	26	40000	14669	19	500
330	25	500	4096	15	500	8838	9	500	12167	9	500	14775	11	500
466	7	500	4097	48	500	8945	42	500	12283	45	500	14987	10	5000
470	30	500	4139	38	500	8970	29	500	12303	21	500	14997	17	500
648	42	1000	4156	41	500	9049	6	500	12433	24	500	15126	23	500
684	14	500	4344	37	500	9149	45	500	12609	3	500	15169	21	500
734	39	500	4368	18	500	9158	21	1000	12616	47	500	15294	5	500
783	1	500	4529	11	500	9208	44	500	12721	50	500	15384	13	500
811	46	500	4530	43	500	9217	43	500	12765	29	500	15508	45	500
947	39	500	4562	39	500	9310	2	500	12828	2	500	15422	31	5000
969	44	500	4574	17	500	9411	2	500	12863	35	500	15470	20	500
990	41	500	4626	39	500	9475	14	500	12886	26	500	15651	2	500
994	45	500	4633	8	500	9510	6	500	12994	25	500	15680	17	500
998	9	500	4681	16	500	9644	4	500	13017	43	500	15891	7	500
1015	17	500	4826	24	500	9742	6	500	13278	11	500	16123	9	1000
1026	47	500	4847	26	1000	9742	23	1000	13285	3	500	16181	9	500
1037	2	500	4892	18	500	9909	14	500	13402	17	500	16191	18	200000
1065	21	500	4901	46	500	9929	44	500	13404	14	500	16192	31	500
1182	26	500	5001	47	500	9947	13	500	13404	34	500	16343	28	500
1268	49	500	5009	5	500	10000	23	500	13412	21	500	16457	16	500
1306	49	500	5023	50	500	10007	40	500	13427	8	10000	16491	37	500
1337	11	500	5064	28	1000	10020	9	500	13582	43	1000	16553	33	5000
1379	15	500	5279	35	500	10054	7	500	13671	7	500	16580	48	1000
1402	7	500	5655	49	500	10179	32	500	13682	18	500	16732	23	500
1560	42	500	5745	41	500	10257	2	500	13729	47	500	16849	6	500
1648	36	500	5811	22	500	10268	29	500	13757	6	500	16881	5	500
1654	42	500	5964	15	500	10271	3	500	13988	6	5000	16959	43	1000
1685	46	500	6010	17	500	10313	43	500	14157	50	5000	17077	25	8000
1695	35	500	6060	3	500	10315	34	500	14173	5	500	17174	27	500
1820	46	500	6064	22	500	10326	19	500						
1908	8	8000	6092	1	500	10334	38	500						
2186	12	500	6114	9	500	10336	19	500						
2186	17	500	6152	50	500	10339	40	500						
2254	15	500	6174	9	500	10364	9	500						
2280	23	500	6194	36	500	10366	16	500						
2290	41	500	6429	34	500	10335	10	500						
2362	1	500	6512	45	500	10727	39	500						
2423	3	500	6584	46	500	10736	13	500						
2423	34	500	6914	43	500	10902	11	500						
2466	1	500	6916	6	1000	11023	50	500						
2564	41	500	7006	39	500	11042	1	500						
2568	14	500	7113	12	500	11135	16	500						
2577	27	500	7127	14	500	11172	29	500						
2768	46	500	7293	26	500	11173	12	500						
2831	41	1000	7294	1	500	11207	29	500						
2880	41	500	7307	9	500	11226	31	500						
2903	28	500	7327	14	500	11236	2	500						
2907	1	500	7341	24	10000	11254	7	500						
3179	22	500	7370	2	500	11326	35	8000						
3225	27	500	7502	16	500	11412	36	500						
3254	9	1000	7522	38	1000	11449	48	500						
3255	16	8000	7538	13	500	11477	1	8000						
3284	31	5000	7610	11	500	11525	32	500						
3316	21	500	7750	4	1000	11747	18	500						
3423	21	500	7778	20	500	11748	18	500						
3430	18	10000	7959	50	1000	11750	22	500						
3496	3	500	7972	11	500	11750	32	1000						
3520	22	500	7988	15	5000	11770	37	500						
3568	44	500	8039	20	500	11848	8	500						
3617	40	500	8090	48	1000	11859	38	500						
3626	23	500	8224	1	500	11870	15	500						

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкъ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го октября 1876 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутреннего 5% съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка, 1-го іюля 1876 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

851, 922, 979, 1041, 3419, 3580, 3749, 3814, 3823, 4780, 4943, 5548, 5910, 6660, 6732, 7357, 8216, 8748, 8754, 8902, 8980, 9180, 9241, 9522, 10266, 10301, 10569, 11061, 11760, 11801, 11833, 11899, 12058, 12473, 12517, 12997, 13171, 13210, 13481, 13496, 14491, 14792, 15783, 16809, 17097, 17433, 17842, 18132, 18475, 18797, 18870, 18935, 19082, 19360, 19528, 19906.

Всего 56 серій, составляющія 2,800 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го октября 1876 г. въ Государственномъ Банкъ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Юрій Федоровичъ Самаринъ (съ портретомъ) — Въ новый путь. Записки молодой дѣвушки (окончаніе). — Жоржъ Зандъ (съ портретомъ). — Выставка въ Гельсингфорсѣ (съ рисункомъ). — Военная сила Сербіи. Къ картинѣ: «Выходъ Сербскихъ войскъ изъ Битраградской крѣпости» (съ рисункомъ). — Очерки сербій (съ 2-мя рисунками). — Башни-бузунъ (съ рисункомъ). — Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ (съ портретомъ). — Политическое обозрѣніе. — Отъ Главнаго Управленія Общества пощенія о раныахъ и больныхъ воиновъ. — Заявленіе. — Рѣшеніе шахматной задачи. — Почтовый ящикъ. — Объявленія. — Тиражъ 1-го внутреннего съ выигрышами займа.

Редакторъ Д. Стахѣвъ.

НИВА

Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни.

№ 29 1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
 Выданъ 19 Июля 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 г.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ: 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ: 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Живарева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и по всея другіе города и мѣсточки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

Наслѣдный итальянскій принцъ Гумбертъ и супруга его, принцесса Маргарита.

Наслѣдный итальянскій принцъ, Гумбертъ-Карль-Эммануиль-Иоаннъ-Марія-Фердинандъ-Евгеній родился въ Туринѣ, 14 марта 1844 г., гдѣ и провелъ первые годы юности. По старинно-

Гумбертъ, когда возгорѣлась война съ Австріей, отправился съ отцомъ въ военный лагерь, гдѣ и познакомился съ кровавой драмой войны. Въ сраженіяхъ онъ обнаружилъ рѣдкую въ его

Итальянскій наслѣдный принцъ Гумбертъ.
 Графъ Вейерманъ.

Маргарита савойская, супруга принца Гумберта, наслѣдника итальянскаго престола. Съ фотогр. графъ Пейне.

му обычаю Савойскаго дома, старшій сынъ долженъ быть всегда сопутствовать отцу, если онъ отправляется на войну, и вотъ, въ силу этого обычая, случилось такъ, что пятнадцатилѣтній принцъ

годы неустранимость. Впослѣдствіи, когда отецъ его сдѣлался королемъ Италіи, принцу Гумберту приходилось неоднократно выступать и на арену политической дѣятельности, и онъ всегда

выполнял весьма успешно возлагаемые на него поручения. Когда в 1866 г. война с Австрией снова возгорелась, принц Гумберт стоял во главе отборного итальянского войска и вместе с братом своим, Амедео, водил это войско в битвы, причем действовал так отчаянно смело, что один из батальонов принужден был отодвинуть храбрца, чтобы спасти его от верной смерти. Хотя сражение при Кустодц и было проиграно итальянцами, но, в конце концов, ставку этой кровавой игры выиграл победитель. По заключении мира, наследный принц жил попеременно во Флоренции, Неаполе и Венеции. В 1868 году было объявлено об обручении принца Гумберта с двоюродной его сестрой, принцессой Маргаритой Савойской (род. 20 ноября 1851 г.), дочерью его дяди, герцога Фердинанда генуэзского, брата Виктора Эмма-

нула, а свадьба за тем была отпразднована и бракосочетание их, с истинно царскою пышностью, при громадных, радостных кликах народа. Принцесса Маргарита—одна из очаровательнейших принцесс Европы, она славится умом и сердечной добротой. Хотя портрет ее уже был помещен в «Ниве» (№ 33, 1875 г.), но теперь, помещая портрет наследника итальянского престола, мы выставили рядом обоих супругов, имея в виду то обстоятельство, что с января текущего года «Нива» приобрела до 10,000 новых подписчиков, коими помещен портрет супруги итальянского наследного принца на страницах «Нивы» будет, по всей вероятности, признано вполне целесообразным и не безинтересным, тем более что 12 го Июля высокие гости, принц и принцесса приехали в нашу столицу.

Встревоженный городъ.

(Картины губернской жизни).

I.

Губернский городъ N—городъ, какъ городъ. Живутъ въ немъ разнаго чина и званія люди, и каждыи исполняетъ свое назначеніе, но извѣстному выраженію: „чиновникъ служи, купецъ торгуй, шатунъ шатайся“. Жизнь города, вообще, идетъ своимъ чередомъ. Откровенно говоря, многіе „изъ благородныхъ“ жалуются на однообразіе и скуку, такъ какъ давно другъ къ другу приглядѣлись и надоѣли. Новыхъ лицъ въ городѣ почти не появляется, а если и бывають изрѣдка такіе, то о нихъ тотчасъ-же дѣлается извѣстнымъ все, что интересно для любознательнаго челоуѣка, и даже все то, что, казалось-бы, вовсе неинтересно и никому не нужно. Такое быстрое распространеніе „новостей“, имѣя свои выгоды стороны для горожанъ, въ то же время весьма печально по своимъ послѣдствіямъ: новость скоро исчерпывается, теряетъ свою свѣжесть—и впереди опять скука и однообразіе.

Однажды случилось нѣчто совершенно противоположное этому.

Приѣхалъ въ городъ N неизвѣстный господинъ и остановился въ гостиницѣ. Прошелъ день, приѣзжій ходилъ гулять, осматривалъ городъ; потомъ, какъ и быть тому слѣдовало, возвратился обратно въ свой номеръ, незаявивъ себя ничѣмъ особеннымъ.

Слѣдующій затѣмъ день, прошелъ также, какъ и предыдущій. Ходилъ гулять, осматривалъ городъ, завтракалъ, спалъ и, вообще, „отдыхалъ“. Слуга въ гостиницѣ робко спросилъ его о паспортѣ, но онъ отвѣтилъ „послѣ“. На третій день слуга уже сталъ поглядывать на него изъ подлѣбья и началъ почему-то сторониться, тогда какъ въ первые два дня всегда подсакивалъ при каждомъ вопросѣ близко и выражалъ всей своей фигурой готовность въ ту же минуту исполнить все, „что только будетъ угодно приказать“. Теперь онъ сталъ опасаться приѣзжаго и при его вопросахъ отвѣчалъ издали, точно боялся, что онъ его укуситъ или схватитъ за шиворотъ, или... ну словомъ, думалъ о немъ что-то, а что—и самъ не зналъ. Доложилъ онъ, конечно, завѣдывавшему гостиницей, что приѣзжій досихъ поръ не предъявилъ своего вида, но тотъ былъ, вѣроятно, смѣлѣе и сообразительнѣе: спросилъ только, какъ на видѣ — богатъ или нѣтъ, и получивъ въ отвѣтъ, что должно быть богатъ, потому что платье у него все дороже, спокойно порѣшилъ: „не тронь и не тревожь: мазуриковъ богатыхъ не бываетъ, ну а ежели что „какъ грѣхомъ“ и выйдетъ — не наше дѣло“. Но лакей все таки недоумѣвалъ, и трусилъ. Недоумѣніе его разъяснилось только на третій день, когда приѣзжій послѣ завтрака велѣлъ раскупорить оставшіяся еще нераскупореннымъ ящички, и оказавшіяся въ немъ полный форменный мундиръ, да еще съ кучей шитаго золота на воротникѣ и лацканахъ, нѣсколько уяснилъ, что за личность приѣзжій.

Приѣзжій внимательно оглядѣлъ мундиръ во всѣхъ частяхъ и бережно собственными руками развѣсилъ его въ гардеробъ, а шпагу и трехъуголку уложилъ на окнѣ въ той комнатѣ, которая служила спальней. Въ этотъ третій день онъ тоже ходилъ гулять и даже ѣздилъ на извозчикѣ, осматривая, можетъ быть, дальнія части города. Его, разумѣется уже замѣчали многіе изъ мѣстныхъ жителей не разъ, и не разъ о немъ кой гдѣ разговаривали, спрашивая, кто онъ, и, конечно, распросы разжигали только любопытство и больше ни къ чему не вели.

Въ продолженіи этого третьяго дня онъ тоже „отдыхалъ“ и только послѣ обѣда нѣсколько поразнообразилъ свой отдыхъ темъ, что вынулъ изъ письменнаго стола дорожную и что-то считалъ, записывая цифры карандашкомъ на бумажкѣ. Считалъ онъ, вѣроятно, сколько еще дней остается у него до срока, въ который слѣдуетъ куда-то „явиться“. Больше по дорожной что-же еще считать, какъ не поверстный срокъ, который, говоря, между прочимъ, для чиновниковъ и теперь, при обилии желѣзно-дорожныхъ сообщеній, по прежнему ограничивается 50-ю верстами проѣзда въ сутки и вѣроятно, въ такомъ положеніи будетъ оставаться до времени воздухоплаванія.

По расчету выходило, что сроку еще три дня, но на обѣду третій день оказывался понедѣльникъ, день, какъ извѣстно, тяжелый. Приѣзжій, провѣривъ еще нѣсколько разъ свои вычисленія, и убѣдившись, что день „явки“ все-таки съ понедѣльника никакъ не сходитъ, рѣшилъ явиться двумя днями раньше, а именно въ субботу, лишь-бы только избѣжать понедѣльника. Значитъ по его же собственному рѣшенію, на слѣдующій день утромъ онъ долженъ, наконецъ, открыться предъ начинающими интересоваться его личностью жителями города N, а пока все-таки сохранялъ тайненность, какъ видно потому, что это доставляло ему не малую долю удовольствія. Вечеромъ онъ одѣлся въ черную пару платья, осмотрѣлся со всѣхъ сторонъ въ зеркало, повертывался, то бокомъ, то грудью, то спиной, причемъ разумѣется, закидывалъ голову назадъ, осматривая спину. Предварительно этого осмотра обѣ свѣчи были имъ поставлены на края подзеркальнаго стола, и когда осмотръ былъ тщательно оконченъ, онъ поднесъ обѣ свѣчи близко къ своему подбородку и осмотрѣлъ его, соображая, есть-ли надобность въ бритвѣ или можно обойтись безъ него. Рѣшилъ, что можно, и отправился въ театръ, распорядившись, чтобы къ его возвращенію былъ готовъ самоваръ.

Театръ былъ тутъ-же, близко около гостиницы, стояло только перейти улицу и завернуть за уголъ сосѣдняго дома. Онъ еще днемъ, возвращаясь съ прогулки, прочелъ на афишѣ, что въ этотъ вечеръ дается трагедія „Смерть Іоанна Грознаго“ и предположилъ быть на ея представленіи. Билета онъ тогда не взялъ, вѣроятно наполь неприличнымъ приближеніе

своей собственной персоны къ театальной кассѣ и поручилъ потомъ покупку билета лакею, даже колебался еще, стоитъ-ли, молъ, идти, и неостаться-ли лучше у себя въ номерѣ въ пріятномъ обществѣ самовара. Между тѣмъ, если-бы онъ, проходя утромъ мимо театра, подошелъ къ кассѣ, то уже ни въ какомъ случаѣ не испыталъ бы чувства колебанія, идти или оставаться дома, а безповоротно порѣшилъ-бы, что нибудь одно. Онъ, или обругалъ бы весь театръ, въ полномъ его составѣ, „скоморохами“, или же, напротивъ, отнесся-бы къ театру и къ его верховному руководителю-антрепренеру, и къ начальству города съ величайшимъ уваженіемъ, какъ къ развивателямъ народной массы, завлекающимъ ее въ храмъ Мельпомены при помощи особаго, ими самими измышленнаго, способа. Способъ этотъ заключается въ слѣдующемъ. Въ окнѣ кассы, выходящемъ прямо на улицу, была выставлена подъ стекляннымъ колпакомъ (позаимствованнымъ, видимо, изъ подстоловыхъ часовъ) какая-то шапка, щедро осыпанная разноцвѣтными камнями. Шапка служила дополненіемъ къ афишѣ, и самымъ заманчивымъ дополненіемъ. Положимъ, и въ афишѣ приманка была разсыпана щедрой рукой. Піеса озаглавливалась не просто: „Смерть Іоанна Грознаго“ а съ прибавленіемъ: „или коварныя замыслы хитраго царедворца“, что уже само собою придавало особенную жгучесть пьесѣ, какъ кайенскій перецъ кушанью; кромѣ того, къ каждому акту было присочинено особое заглавіе, болѣе или менѣе сильное и краткое, ограничивавшееся хотя и однимъ словомъ каждое, но словомъ вѣскимъ, словомъ отъ котораго по кожѣ читателя пробѣгаютъ мурашки. Въ заглавіи значилось: „Ужасы казни! Ярость голодной толпы! и т. п., подкрѣпленное, къ вѣщшему трепету читателя, достаточнымъ количествомъ удивительныхъ знаковъ. Но увя! всего этого было недостаточно для губернскаго зрителя. Онъ обтерпѣлся, и антрепренеръ не въ силахъ пробрать его страшными словами. Жгучія слова прошли для него безслѣдно, и онъ, видимо, хочетъ пройти мимо... но шапка, выставленная на видномъ мѣстѣ у кассы, его останавливаетъ. Она такъ великолѣпно украшена самоцвѣтными камнями, что губернскому зрителю невозможно не обратить на нихъ вниманія, невозможно пройти мимо и не взглянуть на эту шапку. Взглянулъ и—побѣжденъ! Онъ еще нечувствовалъ этого въ ту минуту, когда подходилъ къ кассѣ, онъ думалъ, что идетъ только спросить, что это за штука за такая выставлена, но потомъ, получивъ справедливый упрекъ въ незнаніи отечественной исторіи, и освѣдомившись, что это вовсе не штука, а шапка Мономаха, и что именно въ ней такой-то извѣстнѣйшій мѣстный трагикъ будетъ играть роль Грознаго, заражался сильнѣйшимъ и ничѣмъ уже неотразимымъ желаніемъ быть въ этотъ вечеръ въ театрѣ и брать билетъ.

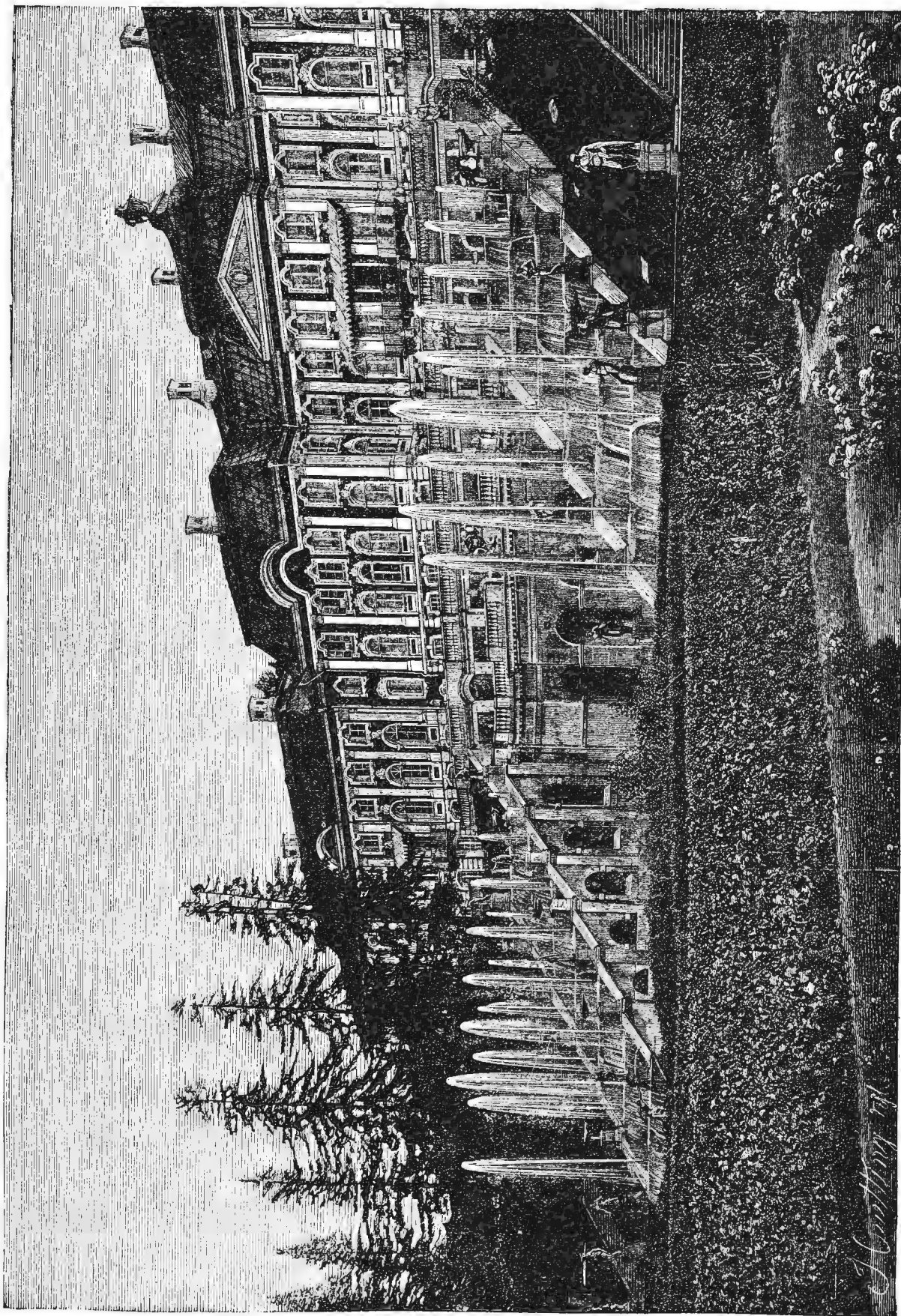
Антрепренеръ, какъ видно, хорошо зналъ человѣческое сердце и въ особенности сердца публики губернскаго города N. Но времена теперь не тѣ, говаривалъ онъ, вздыхая, пріятелямъ, давая этимъ вздохомъ понять, что почитателей чпстаго искусства становится все меньше. Онъ правъ. Заманчивое дополненіе къ афишѣ теперь по неволѣ ограничивается какой нибудь выставкой шапки, да и то, можетъ быть, съ нѣкоторымъ рискомъ, потому, что на все пошли новые порядки. Не то было прежде. Все это антрепренеръ зналъ и не разъ съ грустью вспоминалъ то, еще не очень давнее время, когда заѣзжая труппа актеровъ утромъ въ день открытія театра развѣзжала „съ дозволенія начальства“ по городу верхами въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, при звукахъ полковой музыки, и разъ даже въ сопровожденіи пушки, въ виду, разумѣется, большаго разжиганія въ публикѣ страсти къ чистому искусству. Тогда театръ ломился отъ массы зрителей, карманы антрепренера наполнялись деньгами, и

православный народъ рукоплескалъ при видѣ освѣщенной бенгальскимъ огнемъ мрачной фигуры Пана Твардовскаго, увлекаемаго чертами подъ полъ сцены, гдѣ собственно по густотѣ мрака и по обилію мусора предполагался настоящій адъ. Зрители оглашали театръ съ верху до низу хлопавьемъ, гамомъ и шумомъ, забывая въ своемъ художественномъ увлеченіи о грозящей имъ самимъ опасности очутиться уже не подъ поломъ сцены, а дѣйствительно покончить свою жизнь подъ развалинами временно отведеннаго для театра, полугнилого казеннаго зданія.

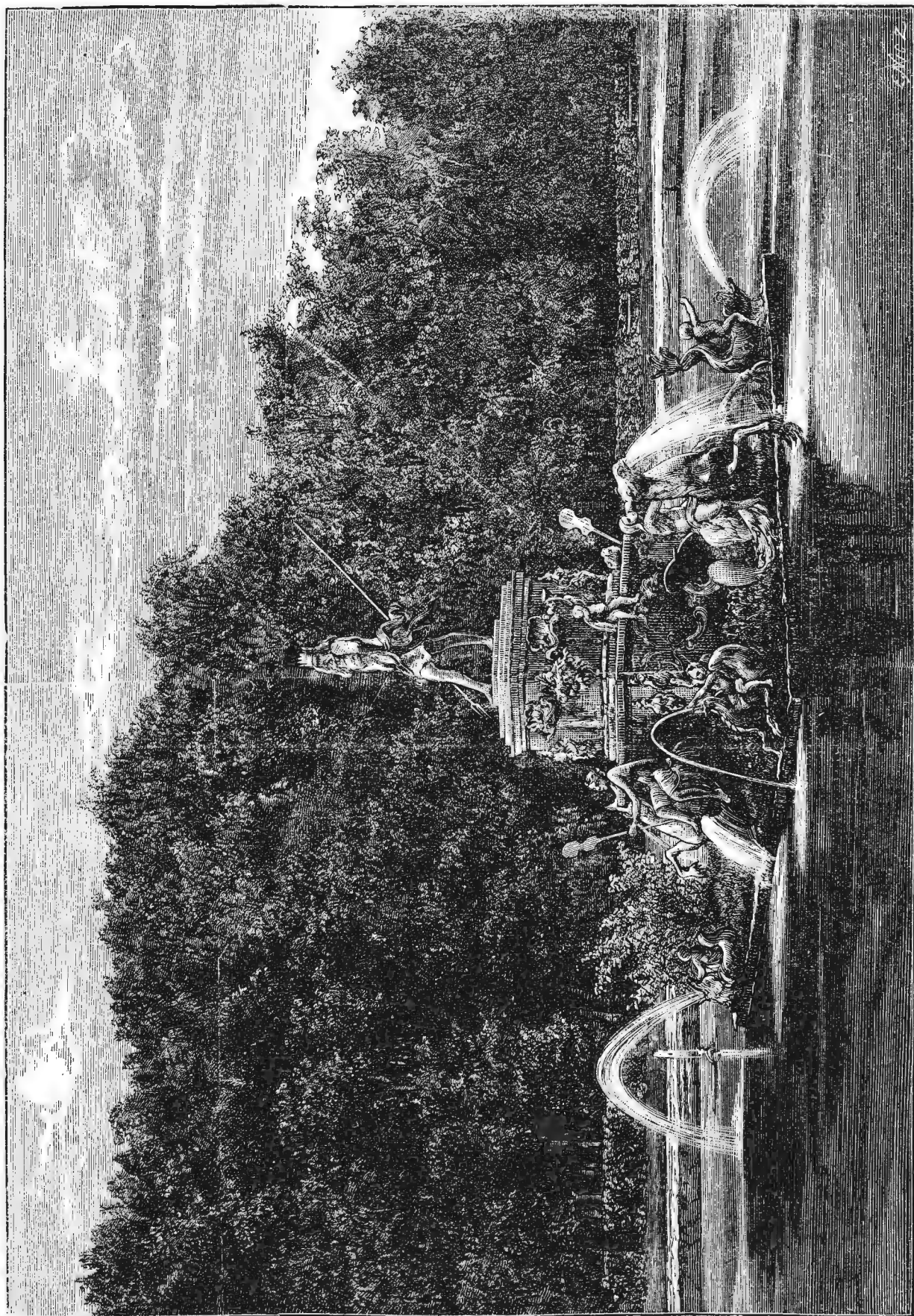
II.

Городъ N имѣлъ постоянный каменный театръ, построенный на собственные средства мѣстнаго дворянства. Участія купечества въ этомъ дѣлѣ не было. Двое, впрочемъ, дѣлали заявленія по этому поводу. Одинъ, — что „движимый чувствами и имѣя рвеніе“, готовъ выстроить „все“ на свой счетъ, но при условіи, получить при этомъ въ аренду на 99 лѣтъ какія то городскія земли. Такое рвеніе и движеніе чувствъ почему-то признано было явнымъ посягательствомъ на грабежъ, и предложеніе отвергнуто. Онъ преспокойно ухмыльнулся, и уходя, какъ ни въ чемъ не бывало, сказалъ: „наше вамъ-съ“... Другой никакихъ посягательствъ на грабежъ не обнаружилъ; но за то заломилъ за жертву чинъ статскаго совѣтника и орденъ на шею. Ему предложили только орденъ. „Нѣтъ-съ, говорить, дешево, — себѣ дороже“. Такимъ образомъ безкорыстными жертвователями оказались одни дворяне, за что и были своевременно возвеличены въ губернскихъ вѣдомостяхъ похвалами, въ которыхъ краснорѣчивый редакторъ необыкновенно ловко повернулъ объ инициативѣ начальника губерніи, о преданности къ престолу, о стремленіи къ распространенію просвѣщенія и добрыхъ нравовъ. Словомъ, такъ хорошо все выразилъ, и такъ, кромѣ того, сильно и не стѣсняясь „отдѣлалъ“ купцовъ, что въ тотъ же годъ былъ представленъ за отличіе къ чину и получилъ денежное пособіе „по бѣдности“. Куницы, разумѣется, почесались, но потомъ порѣшили, что „наплевать, и ничего не подѣлаешь“.

Итакъ, городъ N имѣлъ постоянный каменный театръ. Пріѣзжій былъ пріятно изумленъ той обстановкой и тѣмъ порядкомъ, которые онъ замѣтилъ при входѣ на театральный подъѣздъ. Все было, по его мнѣнію, прилично: и жандармы, и фонари, и обиліе полицейскихъ, и ихъ замѣчательная распорядительность, благодаря которой по временамъ отлетали на почтительное разстояніе отъ подъѣзда какія-то темныя фигуры въ халатахъ и барахтались въ снѣгу. Оказалось, что въ этотъ вечеръ ожидали въ театрѣ начальника губерніи, чѣмъ и объяснилась особенная распорядительность полиціи. По этой же причинѣ замедлилось нѣсколько и начало спектакля. Раекъ, разумѣется, какъ тому слѣдовало быть, неистовствовалъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи поднятія занавѣса; похлопывали по временамъ и въ партерѣ, и въ ложахъ, видимо тоже томясь ожиданіемъ, но уже не съ такою яростію, какъ въ райкѣ. Иной, осторожный, хлопнетъ разъ, другой, да и притихнетъ, да еще потомъ и удостоиврится, украдкой глянувъ по сторонамъ, не сдѣлалъ ли онъ этимъ хлопавьемъ преступленія; нѣкоторые похлопывали улыбаясь; какъ будто хотѣли этимъ показать, что они вовсе не протестуютъ, а только такъ, пошучиваютъ. Пріѣзжій шелъ по партеру, не обращая ни на кого вниманія. Встрѣчавшіеся ему на пути молча сторонились, съ любопытствомъ осматривая при этомъ новое лицо. Одинъ, зазѣвавшійся что-то на раекъ, не замѣчалъ, что загоразиваетъ собою дорогу; пріѣзжій очень деликатно, однимъ только указательнымъ пальцемъ и молча коснулся его локтя, прося этимъ движеніемъ дать дорогу; тотъ быстро повернулся, и понявъ

Презбываніе итальянскаго наследнаго принца и его супруги въ Петергофѣ. Главный фасадъ петергофскаго большого дворца, большой гротъ и каскады (видъ со стороны нижняго сада). Съ фототр. грав. Квинтингъ.

Прѣбываніе итальянскаго наследнаго принца и его супруги въ Петергофѣ. „Нептунъ“ въ верхнемъ саду (видъ съ боку). Съ фотогр. рѣзаль Пичч.

въ чемъ дѣло, посторонился, при чемъ замѣтилъ ироническую, но, впрочемъ, довольно легкую усмѣшку на лицѣ пріѣзжаго. Выйдя, наконецъ, на болѣе свободное мѣсто у перваго ряда и удостовѣрившись въ тождествѣ номера билета и кресла, пріѣзжій положилъ на него шляпу и, обратившись спиной къ сценѣ, сталъ неторопясь протирать носовымъ платкомъ стекла бинокля, при чемъ безукоризненная бѣлизна платка и темновато-красный цвѣтъ его перчатокъ необыкновенно хорошо гармонировали съ блескомъ слоновой кости бинокля.

Протирая стекла онъ, по временамъ, посматривалъ на ложи и партеръ, неудобная, конечно, своимъ взглядомъ райка. Потомъ, неторопясь, поднесъ бинокль къ глазамъ, посмотрѣлъ куда-то, впрочемъ очень, очень не долго; и за симъ, почему-то глубоко вздохнувъ, опустился въ кресло. Можетъ быть вспомнилъ ему Петербургъ, театры, Эльдорадо и прочія столичныя прелести (по всему было видно, что онъ петербургскій, такъ съ перваго-же взгляда на него „все общество“ рѣшило) и въ головѣ его, хотя и вплотную занятой серьезными дѣлами по исполненію государственной службы, мелькнула какая нибудь посторонняя по службѣ мысль, породившая, можетъ быть, грусть, сожалѣніе, тоску, наконецъ, о какой нибудь Сюзеттѣ или Альфонсинѣ, любуясь которыми въ часы своихъ отдыховъ отъ службы у Берга или въ Буффѣ, онъ, мечталъ, какъ велика будетъ сумма наградныхъ къ празднику, и какъ онъ ею распорядится. Можетъ быть мечты его осуществлялись, и теперь онъ вздохнулъ, и кто знаетъ, не повторилъ-ли стиховъ безсмертнаго поэта, что „самъ, безумецъ, счастье утратилъ“...

Но зачѣмъ намъ доискиваться причины его вздоха? Довольно и того, что вздохъ этотъ подмѣченъ и даетъ возможность сказать, что и въ сердцахъ людей, всецѣло посвятившихъ себя государственной службѣ, сохраняется и тлѣетъ искра того жгучаго пламени, подъ влияніемъ котораго не только вся сумма полученной награды къ празднику, но и всякія другія суммы, какъ-то пособія, прибавки, надбавки, столовыя, квартирныя, разъѣздныя и пр. и пр., могутъ вдругъ исчезнуть, какъ дымъ, какъ сонъ, какъ сладкая мечта!..

Наконецъ, началась въ оркестрѣ та, душу томящая, невыносимая настройка инструментовъ: взвизгивали скрипки, полискивали по временамъ флейты, точно передразнивая другъ друга; контрбасъ похрапывалъ, напоминая фырканье испуганнаго коня; то вдругъ все смолкало, и общую тишину неожиданно нарушалъ густой звукъ трубы, въ которую кто-то легонько дунулъ и сейчасъ-же отдернулъ губы, удивленный, что она такъ страшно, противъ его ожиданія, рявкнула; потомъ опять начиналась пискотня и визжапье, къ которому вслѣдъ за тѣмъ приставали всѣ инструменты, и уже смѣло дули каждый что хотѣлъ, во очію представляя публикѣ весь ужасъ того положенія, въ какомъ можетъ находиться народъ, когда не будетъ имѣть надъ собою главы. Такъ именно подумалъ пріѣзжій, хмурясь и досадуя, на эту, какъ онъ сравнилъ, анархію звуковъ.

Но вотъ прошагалъ поспѣшно къ крайнему стулу перваго ряда полиціймейстеръ, публика завертѣла головами въ сторону по направленію къ губернаторской ложѣ, догадываясь, что наступилъ конецъ ея ожиданій, и оркестръ грянулъ увертюру, о которой сидѣвшій рядомъ съ пріѣзжимъ зритель, какъ видно мѣстный острякъ, сказалъ своему сосѣду что эта увертюра къ оперѣ: „семь слѣпыхъ и одинъ хромой“. Сосѣдъ неудержимо возликовалъ, и чтобы умѣрить свой смѣхъ уткнулся носомъ въ плечо остряка; полиціймейстеръ, какъ видно недовольный этимъ, тревожно повернулся на своемъ стулѣ и искоса пугливо глянулъ на губернаторскую ложу, опасаясь, вѣроятно, незамѣчаетъ-ли этого безпорядка начальство.

Взвился потомъ занавѣсъ и началось представленіе

трагедіи, и кончился первый актъ, и, какъ тому слѣдовало быть, поднялся шумъ аплодисментовъ, раекъ завылъ, зораль, точно его представители вдругъ почувствовали себя на крышѣ пылающаго зданія, когда, увлеченные до самозабвенія, они неистово, до хрипоты въ горлѣ, кричатъ, размахивая въ воздухѣ руками, и дикіе ихъ голоса сливаются съ шумомъ и трескомъ валящихся бревень,—словомъ все было, какъ слѣдуетъ, и публика потянулась вслѣдъ за симъ къ буфету.

Пріѣзжій, выждавъ, пока толпа, стѣснившаяся между рядами кресель, нѣсколько уменьшилась, тоже поднялся съ кресла и пошелъ вслѣдъ за другими, не зная, собственно, и самъ, куда идти и зачѣмъ. Ему было какъ-то не по себѣ. Представленіе, разумѣется, не понравилось, и къ тому-же публика не особенно большое вниманіе оказала ему, пріѣзжему, между тѣмъ какъ онъ для того собственно и въ театрѣ пошелъ, чтобы внутренне полюбоваться собой въ то время, какъ „провинція“ будетъ со всѣхъ сторонъ, засматриваться на него. Она, пожалуй, и посматривала на него, но не такъ много, какъ онъ предполагалъ.

Тутъ, къ увеличенію досады, при выходѣ послѣ перваго акта, какой-то господинъ, видимо въ избыткѣ удовольствія, и главное, необыкновенно просто, безъ всякихъ признаковъ почтительности, обратился къ нему съ замѣчаніемъ: „а вѣдь, чудесно, не правда-ли?“ Его даже передернуло при этомъ вопросѣ, такъ же онъ обиденъ своимъ простымъ тономъ. Пріѣзжій, оглинуль спрашивавшаго съ выраженіемъ полного изумленія къ его неумѣстной смѣлости, и хотѣлъ показать пренебреженіе къ нему молчаніемъ; но сознавъ, что это неприлично и можетъ рекомендовать его самого, какъ человѣка дурного тона, сухо и нахмурившись отвѣтилъ: „Н-да, пожалуй... для кого какъ... и посторонился, давая этимъ движеніемъ указаніе своему случайному собесѣднику идти впередъ и выражать тамъ, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, свои восторги. Теперь собесѣдникъ, въ свою очередь удивился, увидя передъ собой такую важность, и нѣсколько съезжившись, точно его вдругъ охватилъ сильнѣйшій сквозной вѣтеръ (робкій, видимо былъ человѣкъ), поспѣшилъ воспользоваться даннымъ указаніемъ и улепетнулъ впередъ. Это отчасти благопріятно подѣйствовало на расположеніе духа пріѣзжаго; а то онъ подумывалъ было: не уйдти ли домой. Впрочемъ, онъ не ушолъ-бы во время антракта. Навѣрное можно сказать, не ушолъ-бы, потому что люди его сорта, если хотягъ выйдти изъ театра до окончанія спектакля, то выходятъ въ болѣе благопріятное время, когда еще не окончился актъ, и публика чинно сидитъ на мѣстахъ. Тогда, конечно, и выходитъ значительно удобнѣе и кромѣ того, они (въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда судьба заноситъ ихъ изъ столицы въ провинцію) умѣютъ при этомъ случаѣ, показать, и показать съ достоинствомъ, какъ порядочные люди выходятъ вовремя представленія изъ залы театра, а именно: тихо, скромно, ненарушая тишины, но въ тоже время показывая и выраженіемъ лица, и грустнымъ склоненіемъ нѣсколько въ бокъ головы явное сожалѣніе отомъ, что они не могутъ ограничиться тѣми скромными требованіями отъ искусства, какими ограничивается публика. Вообще же говоря, въ этомъ случаѣ, между выходящими, есть большія подраздѣленія. Одни выходятъ тихо, скромно, даже на кончикахъ пальцевъ, и иной разъ по-смѣиваются при этомъ, тоже тихонько. Другіе—совсѣмъ не тихо, а полнымъ ходомъ и надменно закинувъ голову вверхъ, говоря этимъ: „дрянь, сволочь, смотрѣть нехочу!“ Третьи, напротивъ, хотя и идутъ не тихо, но уже слишкомъ склоняютъ головы къ низу и идя смотрятъ подъ ноги. Эти помирнѣе и иной разъ уходятъ до окончанія акта только потому, что имъ, дѣйствительно, какъ говорится „не втерпѣжъ“. Нѣкоторые-же, выходя, хотя тоже надменно закидываютъ голову къ

верху, но несутъ ее не прямо, а повертываютъ во всѣ стороны, разумѣется, уже никакъ не для того, чтобы показать этимъ явное и полнѣйшее пренебреженіе къ піесѣ, а просто желаютъ убѣдиться, обращаетъ-ли на нихъ публика вниманіе. Эти ужъ очень легкомысленный народъ, больше изъ молодыхъ, между ними даже среднихъ лѣтъ люди встрѣчаются весьма рѣдко, а что касается чиновъ, то такая легкомысленность дальше чина коллежскаго секретаря не доходитъ.

Пріѣзжій, идя вслѣдъ за другими, дошолъ до буфета. Тамъ противъ всякаго ожиданія было свѣтло и чисто, и не слишкомъ тѣснилась публика. Оказалось, что курильная комната помѣщалась особо и имѣла другой входъ. Это пріѣзжему очень понравилось, какъ чело-вѣку, который и въ Петербургѣ всегда избѣгалъ курильной комнаты, гдѣ впрочемъ антрактовъ видны бываютъ (въ великомъ, конечно, множествѣ) человѣческія ноги, а все остальное скрывается въ общей массѣ густой стѣнной стоящаго дыма.

Кромѣ комнаты, гдѣ помѣщался, собственно буфетъ съ заманчивыми для многихъ желудковъ батареями бутылокъ и графиновъ, и съ вѣчно лоснящейся физиономіей толстаго буфетчика, всегда любезно улыбающагося при видѣ денегъ и хмурающагося при фразѣ: „за мной заишите“, — оказывалась еще комната, какъ видно для болѣе избранной публики, въ устахъ которой фраза: „за мной запишите“ вызываетъ на лицѣ буфетчика нахмуреннаго выраженія, а напротивъ, заставляетъ его молча и повѣсколку разъ отвѣшивать низкіе поклоны. Пріѣзжій сначала остался въ первой комнатѣ, такъ какъ вовсе не подозрѣвалъ о существованіи второй. Онъ сѣлъ за отдѣльный столикъ и спросилъ чаю. Публика, вѣроятно, насытившись табачнымъ дымомъ, стала понемногу подбираться къ буфету, гдѣ уже тѣснилось чело-вѣкъ пять шесть и разговаривали, нѣкоторые закусывали, и съ такимъ аппетитомъ, какъ будто ихъ уже нѣсколько дней не кормили. Разговоръ касался піесы, одни хвалили, что „хорошо“, другіе-же утверждали, что „нехорошо“, отчего происходили споры, вертѣвшіеся сначала только въ предѣлахъ этихъ двухъ словъ, а потомъ перешедшіе на оцѣнку личныхъ способностей каждаго въ дѣлѣ сужденія очемъ бы то нибыло.

— Ты, братецъ мой, ровно ничего непонимаешь, говорилъ, напри-мѣръ, одинъ, и напрасно суешь носъ не въ свое мѣсто. Другой горячо доказывалъ, что, напротивъ, его соперникъ ничего не понимаетъ и нетолько напрасно суеть носъ не въ свое мѣсто, а даже вообще весь, вмѣстѣ и съ носомъ, не стоитъ пятиалтыннаго. Такимъ образомъ споръ нѣсколько отклонялся въ сторону, и неявились на выручку третій, дѣло могло зайти еще дальше, но этотъ третій, явившись посредникомъ, умѣлъ свести все на то, что антрепренеръ скотина, и что по этому случаю слѣдуетъ выпить. Почему именно, при такомъ опредѣленіи достоинства антрепренера слѣдовало выпить, это осталось неразъясненнымъ.

— Нѣтъ, это какова подлость, а! кричалъ потомъ въ другой части комнаты кто-то, успѣвшій, видимо, хватить куражу около батареи бутылокъ, — шапку, каналья, выставилъ, — а гдѣ она? а? Вѣдь это, значить мошенничество, обманъ!

— Подожди, — будетъ въ свое время! успокоивалъ его другой; будетъ и шапка и все...

— Нѣтъ, вы только представьте себѣ, громко продолжалъ недовольный, — какова штука! шапку каналья... а?..

Разговоръ дѣлался живѣе и интереснѣе. Нѣкоторые стали подразнивать протестовавшаго, онъ болѣе горячился, что возбуждало смѣхъ; кто-то даже замѣтилъ при этомъ, что настоящее представленіе здѣсь, а не на сценѣ... Но вдругъ все притихло и смолкло, какъ бываетъ передъ грозой, когда птицы, до того времени весело щебетавшія и носившіяся въ воздухѣ, вдругъ за-

таются въ своихъ гнѣздахъ и пугливо спрячутся въ дальній уголъ, испуганныя страшнымъ раскатомъ грома. Впрочемъ, сравненіе это только отчасти можетъ быть примѣнено въ настоящемъ случаѣ, собственно только для того, чтобы яснѣе представить наступившую тишину, такъ какъ появленіе въ буфетѣ одного изъ высшихъ губернскихъ сановниковъ не произвело и не могло, разумѣется „по повѣнному времени“ произвести особеннаго испуга.

Сановникъ шолъ медленно, очень даже медленно, совсѣмъ тихо, по куриному, и не потому чтобы онъ былъ старъ, а такъ какъ то, можетъ быть такъ ужъ вообще большіе сановники въ губерніи ходятъ, а можетъ быть потому, что говорили, идя, о чемъ-то полицмейстеру, который шолъ почти рядомъ съ нимъ, т. е. не совсѣмъ рядомъ, а нѣсколько, такъ вершочка на три позади, чтобы удобнѣе было полунаклониться корпусомъ впередъ, и придерживая лѣвой рукой шпагу, внимать словамъ особы. Публика стѣснилась въ сторону, давая дорогу. Сановникъ, проходя, милостиво дѣлалъ едва замѣтныя движенія головой, по временамъ даже до такой степени малыя, что это были вовсе и не кивки, а такъ только, одни милостивые взгляды; кому-то съ легкой улыбкой протянулъ лѣвую руку, которую удостоившійся такой чести почтительно, чуть не съ благоговѣніемъ, принялъ въ обѣ свои руки и сдѣлалъ при этомъ глубокой поклонъ.

Впечатлѣніе, произведенное приходомъ сановника отразилось на лицахъ публики различно. Одинъ, до того времени совершенно свободно и на отлетъ размахивавшій своей фуражкой, при входѣ сановника взялъ ее въ обѣ руки, и прижавъ къ груди, полунаклонился, и испуганно взглядывая изъ подъ лобя на сановника, старался поймать тотъ моментъ, когда будетъ удобнѣе сдѣлать замѣченнымъ свой поклонъ. Другой, видимо болѣе независимый, можетъ быть контрольный чиновникъ, которымъ въ этомъ случаѣ самъ Богъ покровительствуетъ, заложилъ правую руку въ карманъ жилета и выступивъ на первый планъ, отставилъ нѣсколько впередъ ногу, для того, чтобы въ свое время свободно и съ ловкостью расшаркнуться. Иные тупо, безъ всякаго выраженія на лицахъ смотрѣли на особу. На дальнемъ планѣ, т. е. въ общей группѣ стѣснившейся толпы, конечно, было мало перемѣны въ позахъ, тамъ даже перешептывались, продолжая прерванный приходомъ особы разговоръ.

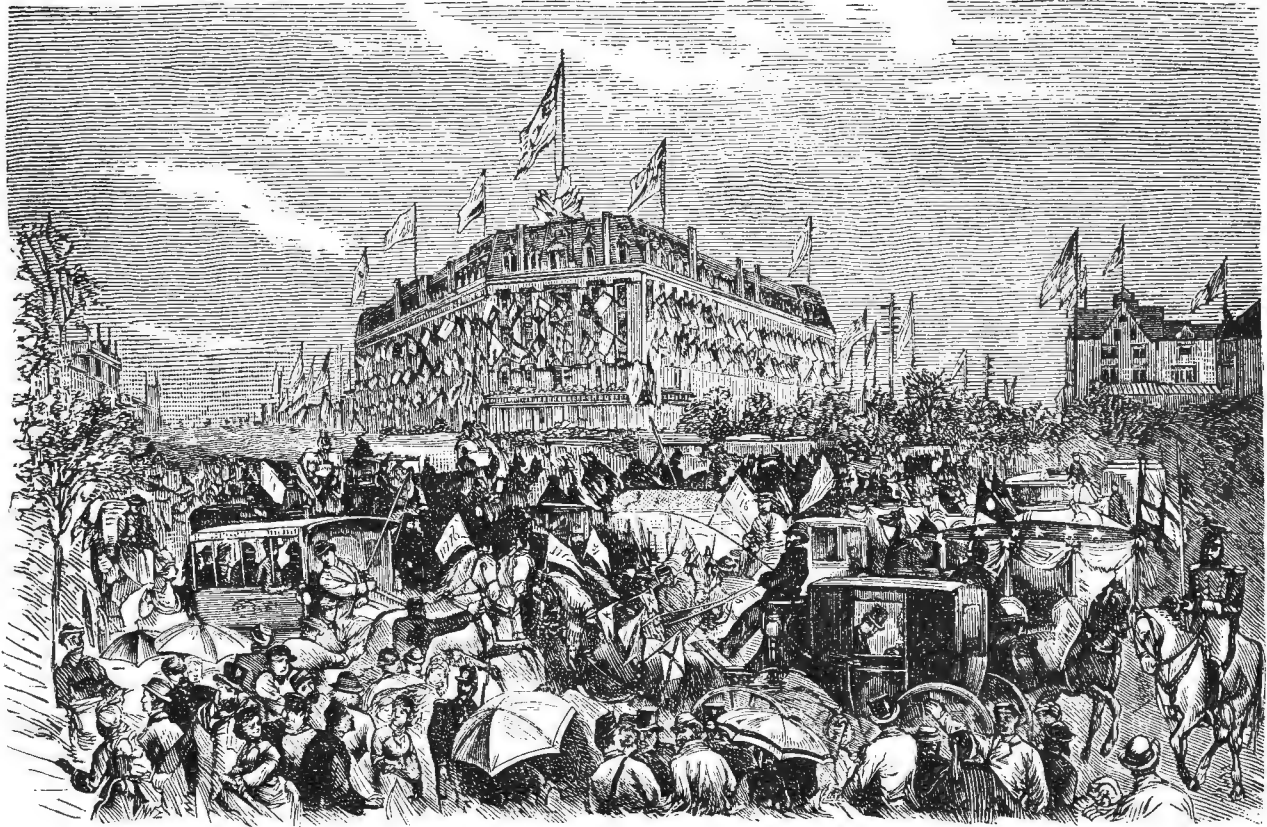
— Н—да-съ!.. Вообще... вяло и сонно какъ-то пропустилъ сквозь зубы сановникъ, осматривая комнату и поводя глазами по стѣнамъ и потолкамъ, изъ чего можно было заключить, что буфетъ только что заново отдѣланъ и потому удостоился его посѣщенія.

— Вообще... Да!.. Надо поощрять ..

Онъ прошолъ въ сосѣднюю комнату, которую только теперь замѣтилъ пріѣзжій, остававшійся во все время шествованія сановника, на своемъ мѣстѣ около столика за стаканомъ чая. Онъ, какъ видно, сразу понялъ, кто этотъ вошедшій, и не желая кланяться, но въ то же время не желая быть невѣжливымъ, отвернулся лицомъ къ окну, какъ бы не замѣчая его прихода. Потомъ, вѣроятно, сообразилъ, что ему, какъ пріѣзжему лицу, никому неизвѣстному въ городѣ, стѣсняться нечего, а тѣмъ болѣе отвѣшивать поклоны, поднялся съ своего мѣста и тоже пошолъ въ сосѣднюю комнату. Нѣкоторые изъ публики, вѣроятно, составляющіе высшій слой мѣстнаго общества, потянулись туда-же; большая часть посѣщила выйдти совсѣмъ изъ буфета, а оставшіеся нѣсколько чело-вѣкъ говорили уже не громко, почти шопотомъ. Вошедшіе потомъ два три лица, тоже вѣроятно, изъ крупныхъ мѣстныхъ особъ, свободно и громко разсуждая о чемъ-то, прошли прямо въ сосѣднюю съ буфетомъ комнату. Пріѣзжій, войдя туда, сталъ себѣ похаживать, заложивъ руки за спину, около стѣны, какъ чело-вѣкъ, которому нѣтъ ни до кого ни-

какого дѣла. Вошедшія крупныя особы обмѣнялись съ савонникомъ прівітствіями и потому всѣ сгруппировались около него въ такихъ положеніяхъ, какъ будто

что это за лицо, когда пріѣхалъ и гдѣ остановился; между тѣмъ на одну даже малѣйшую секунду не задумался и сдѣлалъ совершенно ясный, точный и полный

Всемирная выставка въ Филадельфій. Одна изъ улицъ, ведущихъ къ зданію выставки. Грав. Воарскій.

вслѣдъ за симъ долженъ былъ начаться серьезный разговоръ въ родѣ того, что: „я пригласилъ васъ, господа, чтобы сообщить вамъ пренепрія нос извѣстіе и т. д.“

Но серьезнаго разговора не произошло, ибо только что савонникъ хотѣлъ что-то начать въ родѣ: „вообще и да-а“, какъ взглядъ его упалъ на пріѣзжаго, который успѣлъ напустить на себя большую задумчивость, и не обращая, конечно, на окружающихъ никакого вниманія, медленно расхаживалъ по комнатѣ отъ одной стѣны до другой. Его серьезное, нахмуренное и во всѣхъ отношеніяхъ приличное лицо, его превосходно сшитая фрачная пара, его умѣнье съ достоинствомъ держать себя, и, наконецъ его широкій лобъ и начинавшая лысина, щедро освѣщаемая свѣтомъ лампъ, висѣвшихъ по стѣнамъ, обратили на себя вниманіе савонника. Оня, какъ только глянулъ на пріѣзжаго, такъ тотчасъ же повернулся лицомъ въ другую сторону, ища глазами полиціймейстера, а тотъ, какъ человѣкъ, отлично знающій свое дѣло, понималъ, что савонникъ извоплъ заинтересоваться, и потому, не дождавшись вопроса, сдѣлалъ надлежащій „докладъ“. Но замѣчательно: онъ и самъ видѣлъ пріѣзжаго въ первый разъ, не зналъ,

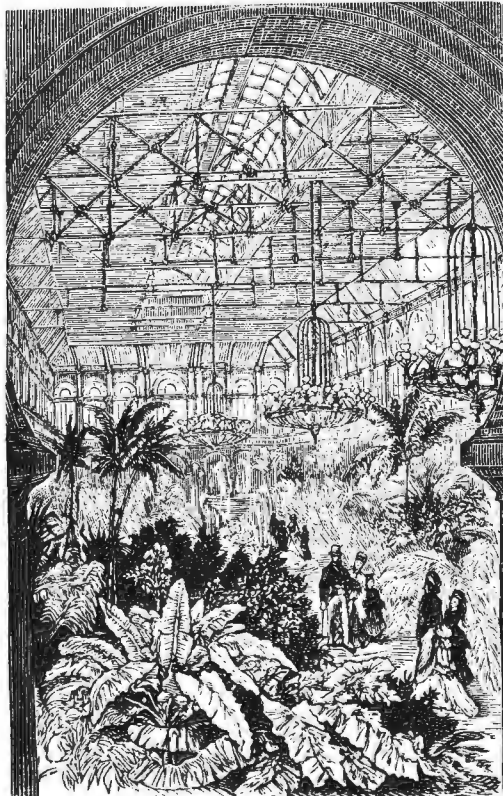
докладъ, даже ту самую гостиницу упомянулъ, въ которой остановился пріѣзжій. Навикъ и сметка великое дѣло: и совреть другой человѣкъ, да такъ ловко и вѣрно, что только руками разведешь. Полиціймейстеръ былъ, видимо, изъ числа такихъ ловкихъ людей и какъ разъ „на своемъ мѣстѣ“, точно огъ рожденія готовился къ этой должности. И въ самомъ дѣлѣ, существующее выраженіе, что „поэты рождаются, а историки дѣлаются“ можно смѣло перефразировать, что „полиціймейстеры рождаются, а чиновники дѣлаются“.

Савонникъ бытъ совершенно удовлетворенъ докладомъ и, сопровождаемый тѣми же лицами, вышелъ. На этотъ разъ полиціймейстеръ, проводивъ его только до дверей, тотчасъ же вернулся назадъ и подошелъ къ пріѣзжему.

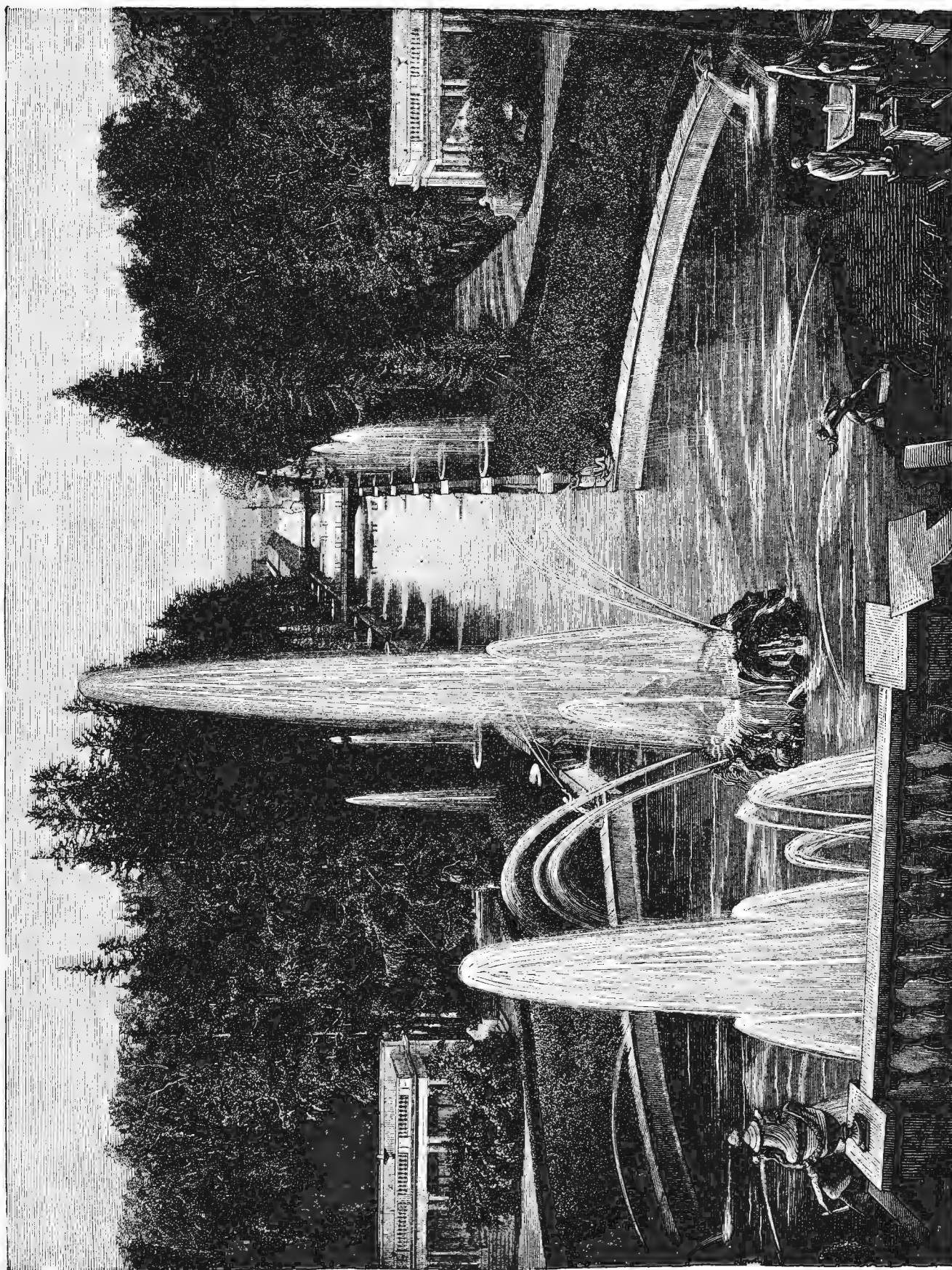
Тотъ сидѣлъ въ креслѣ, поглядывая на свои лаковые сапоги. Онъ подсѣлъ рядомъ, и, откинувшись на спинку кресла, тотчасъ же, безъ всякаго предварительнаго поклона или прівітствія, какъ человѣкъ, сознающій свое начальническое значеніе, спросилъ:

— Вы, кажется, недавно въ городѣ?

— Да, сухо отвѣтилъ пріѣзжій, и тоже въ свою очередь не кланяясь, даже явно не обращая

Всемирная выставка въ Филадельфій. Отдѣленіе садоводства. Грав. Воарскій.

Пребывание итальянского наследного принца и его супруги в Петергофѣ. Фонтанъ „Самсонъ“ въ нижнемъ саду и канале, ведущій къ морю (видъ со стороны дворца). Съ фотогр. грав. Квинтцъ.

вниманія на полиціймейстера, всталъ съ своего мѣста и пошолъ изъ буфета.

Полиціймейстеръ, какъ говорится, опѣшилъ и сразу потерялъ значительную часть своей начальнической важности. Его, разумѣется, кольнуло въ сердце и раскаяніе, и досада и въ тоже время бользнь— „не особа-ли“? Онъ торопливо поднялся съ кресла и, догнавъ пріѣзжаго, уже другимъ тономъ, болѣе заискивающимъ, и съ почтительной улыбкой спросилъ, идя съ нимъ рядомъ.

— Вы, вѣроятно, не изволили еще предъявить своего гйда?

— Да—а, по прежнему сухо отвѣтилъ пріѣзжій, намѣренно посматривая вверхъ и по сторонамъ, желая показать этимъ, что не придаетъ никакого значенія личности своего собесѣдника.

— Проѣздомъ? или... еще болѣе заискивающимъ тономъ спросилъ полиціймейстеръ, уже поддавался обаятельному вліянію важности пріѣзжаго.

Они шли по корридору. Пріѣзжій вмѣсто отвѣта замѣтилъ.

— Какъ у васъ здѣсь свѣжо!..

Полиціймейстеръ кашлянулъ, замѣтно приготавливаясь къ чему-то рѣшительному.

— Позвольте мнѣ, началъ онъ, уже совершенно преобразившись изъ начальника въ подчиненнаго, позвольте, какъ полиціймейстеру здѣшняго города, освѣдомиться, съ кѣмъ имѣю честь говорить...

Пріѣзжій надменно оглянулъ его и хотя съ улыбкой, но съ большимъ сознаниемъ собственнаго достоинства, отвѣтилъ:

— Я въ настоящее время зритель піесы.

Они подходили къ дверямъ, ведущимъ въ партеръ. Противъ ожиданія полиціймейстера, пріѣзжій вдругъ остановился и предъявилъ капельдинеру билетъ на свое платье.

— Вы меня извините, нахмуриваясь отвѣтилъ онъ полиціймейстеру,—ужасно голова разболѣлась,—я ухажу! Въ свое время, когда будетъ предстоять въ этомъ надобность, вы получите обо мнѣ надлежащія свѣдѣнія..

За минуточку передъ тѣмъ онъ вовсе и не думалъ играть въ таинственность, и обратись къ нему полиціймейстеръ не то, чтобы почтительно, а попроще, не по начальнически, онъ ему сразу, хотя можетъ быть тоже важничая, объявилъ бы свое званіе. Но тотъ самъ былъ виноватъ и теперь расплачивался за свою оплошность. До встрѣчи съ нимъ, пріѣзжій также не имѣлъ намѣренія уходить изъ театра послѣ перваго акта, онъ, можетъ быть, просидѣлъ бы и второй и третій, но случайная встрѣча съ полиціймейстеромъ дала его мыслямъ совсѣмъ другое направленіе. Сначала, оскорбленный его начальническимъ вопросомъ, онъ хотѣлъ только показать, что не обращаетъ на него вниманія, и пошолъ съ намѣреніемъ занять свое мѣсто въ первомъ ряду креселъ; но потомъ, замѣтивъ, что „производитъ впечатлѣніе“, не могъ удержаться, чтобы не воспользоваться случаемъ поиграть въ таинственность и уйти изъ театра въ такую благоприятную для выхода минуточку. Полиціймейстеръ уже не сомнѣвался, что „налетѣлъ на особу“ и потому, почтительно раскланиваясь, совершенно покорнымъ тономъ заискивающаго человѣка спросилъ:

— Позвольте, по крайней мѣрѣ, освѣдомиться, гдѣ изволили остановиться...

— Въ гостинницѣ Варшава...

Съ этими словами пріѣзжій величественно закутался въ свою шубу и, съ важностію сдѣлавъ кивокъ головой, вышелъ изъ театра къ крайнему удивленію полиціймейстера, который ужасно какъ-то вдругъ растерялся и съ минуту потомъ стоялъ въ корридорѣ, совсѣмъ не зная, что ему нужно дѣлать и куда идти.

— Ваше—скородіе! подскочилъ къ нему услужливо какой-то унтеръ, стоявшій у платя—тамъ игра пошла ужь...

— Молчи, дуракъ! крикнулъ онъ на него, озадаченный предыдущей сценой, и сейчасъ же потребовалъ къ себѣ самаго расторопнаго подчиненнаго. Тотъ немедленно явился, ибо у театра, по случаю посѣщенія его сановникомъ, тѣснилась почти вся полиція. Полиціймейстеръ пошепталъ ему что-то; тотъ, выслушавъ шопотъ, выразительно кивалъ головой въ знакъ того, что хорошо понимаетъ въ чемъ дѣло. Но должно быть онъ нехорошо понималъ, такъ какъ полиціймейстеръ, при первомъ его словѣ, вдругъ что-то сильно замахалъ руками и сморщился, какъ бы говоря: „не то, не то, дубина!“ и даже легонько потопалъ поочередно обѣими ногами, но впрочемъ тотчасъ же успокоился и опять сталъ шептать, оглядываясь по временамъ назадъ—не подслушиваетъ-ли, молъ, кто лишній. Послѣ этого подчиненный долженъ быть уже понялъ, что именно ему поручаютъ, ибо былъ тотчасъ же отпущенъ „въ исполненію командировки“. Отправивъ его, полиціймейстеръ возвратился на свое кресло, казалось, ничѣмъ не озабоченный и повидимому спокойно просидѣлъ второй актъ. Но потомъ, когда въ слѣдующемъ антрактѣ подчиненный его вызвалъ въ корридоръ и доложилъ ему все, что узналъ въ гостинницѣ отъ прислуги (объясняться съ самимъ пріѣзжимъ ему было строго запрещено), полиціймейстеръ сильно отуманился.

— Это еще что за испытанія Богъ посылаетъ, въ печальномъ изумленіи вздыхалъ онъ, не слыша и не видя, что дѣлается на сценѣ: кто его знаетъ, думалъ онъ, что это за человѣкъ... и съ чего такая таинственность... а ну какъ да чтонибудь этакое!..

Онъ чувствовалъ себя въ отвратительномъ состояніи духа и вертѣлся на креслѣ, точно на гвоздяхъ сидѣлъ. На сценѣ въ это время бушевалъ Грозный. Актеръ, изображавшій его, ревелъ какъ разъяренный звѣрь. Крикъ его проникалъ, такъ сказать, въ самыя сердца зрителей, радовалъ ихъ и тѣшилъ пріятной надеждой, что вотъ, вотъ произойдетъ на сценѣ, если не убійство, то, по крайней мѣрѣ, драка, которую, подъ именемъ богатства сценическихъ движеній и эффектовъ, всегда съ удовольствіемъ восхваляетъ большинство публики.

Начался потомъ шумъ рукоплесканій, крикъ, стукъ. Ничего этого какъ будто и не замѣчалъ полиціймейстеръ, озабоченный своими думами. Его не столько занималъ самъ пріѣзжій, про котораго онъ даже подумалъ въ утѣшеніе себя: чортъ его, молъ, возьми, кто бы онъ ни былъ; а главное—тревожило раскаяніе, что „поспѣшилъ докладомъ“. И чортъ меня сунулъ сказать, что это пріѣзжій купецъ изъ Петербурга, и съ чего такъ вдругъ сболтнулось, когда въ немъ купеческаго и тѣни нѣтъ! терзался онъ, упрекая себя за свои же собственные полиціймейстерскія способности—давать на всякій вопросъ отвѣтъ.

Д. Стахѣвъ.

(Продолженіе будетъ).

ПЕТЕРГОФЪ, ЕГО ПАРКЪ И ФОНТАНЫ.

Петергофъ, небольшой городокъ въ окрестностяхъ Петербурга, паркъ котораго, наполненный всевозможными произведеніями искусства, поражаетъ своимъ великолѣпіемъ и служитъ любимымъ мѣстомъ гулянья для петербургскихъ жителей, — основанъ Петромъ Великимъ, въ 1707 году.

По завоеваніи Финскаго залива у Шведовъ, Петръ захотѣлъ

обезпечить за собою прочную власть надъ этою, нужною для него, частью Балтійскаго моря. Для этого онъ предпринялъ постройку грозной крѣпости Кронштадта, на островѣ Котлинѣ, при истокѣ Невы. Постройка требовала его личнаго за всемо наблюденія, и онъ безпрестанно ѣздилъ изъ вновь возникшей своей столицы, Петербурга, въ возникающую крѣпость. Чтобы

сдѣлать эти перевезды болѣе удобными, Петръ приказалъ построить на томъ мѣстѣ, съ котораго онъ переправлялся на Котлинъ, двѣ «деревянные свѣтлицы» и «заѣзжий дворъ», съ особымъ строеніемъ для различнаго рода рабочихъ. Вскорѣ на этомъ же мѣстѣ рабочіе и окрестные жители общими усиліями срубили деревянную церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, которую Петръ часто, во время своего пребыванія въ Петергофѣ, посѣщалъ, и даже не разъ самъ читалъ въ ней апостолъ. Мѣстоположеніе это ему понравилось и онъ велѣлъ, для себя собственно, построить тамъ «путную палатку» въ голландскомъ вкусѣ и назвалъ ее Монплезиромъ. Изъ этого Монплезира онъ часто любовался на постепенно возвышавшіяся, какъ бы росшія изъ воды, грозныя твердыни Кронштадта. Въ 1709 году Петръ далъ повелѣніе строить въ Петергофѣ «забавные дворцы каменною изрядною архитектурною работою», а еще позднѣе были построены «палатки маленькія по данному теку» (образцу). Эти мелкія, но роскошныя постройки и были первоначальнымъ зерномъ Петергофа, впоследствии быстро разросшагося, великолѣпно украсившагося и превратившагося въ волшебный уголокъ ереди непривѣтливой финской природы балтійскаго побережья.

Въ это время, въ домашней жизни Петра Великаго произошло довольно важная перемена: онъ торжественно отпраздновалъ свою свадьбу съ Екатериною 19-го февраля 1712 года, и потому тѣ мелкія постройки въ его лѣтней резиденціи — Петергофѣ, какія были до этого времени, оказались тѣнеными. По этому случаю въ 1715 году было повелѣно Петромъ «домъ заложить каменный и подвести отъ него каналъ къ морю» — этотъ домъ есть главный нагорный дворецъ въ Петергофѣ. Въ этомъ же 1715 году Петръ поручилъ находившимся за границей русскимъ прилежно собирать планы, фасады и перспективы самыхъ роскошныхъ тамошнихъ садовъ и парковъ для Петергофа и въ декабрѣ того же года пригласилъ на русскую службу архитектора Леблона и механика Ламбота со своими рабочими. Архитекторъ, графъ Растрелли-отецъ, тоже принималъ участіе въ украшеніи Петергофа: онъ чертилъ планы парковъ, бесѣдокъ, рисунки статуй и проч. Вместе съ возведеніемъ дворцовъ и «палатокъ каменныхъ» дѣятельно шли работы по разбивкѣ и насаженію парка, который долженъ былъ удивить современниковъ роскошью.

И дѣйствительно къ его устройству было приложено много стараній: деревья для парка сотнями и тысячами свозили изъ разныхъ концовъ Россіи и изъ-за границы. Въ Амстердамѣ были куплены липовыя деревья; изъ Данцига и Ревеля были привезены ветлы, барбарисъ и розовые кусты; яблоня изъ Швеціи; 40,000 ильмовыхъ деревьевъ и кленовъ изъ Московской губерніи; 6,000 буковъ изъ Ростова. Даже изъ Сибири требовали присылки кедровъ и изъ Крыма — по штукѣ всѣхъ растущихъ тамъ деревьевъ!

Въ то же время тысячи рабочихъ трудились надъ устройствомъ водопроводовъ для фонтановъ. Петръ давалъ подробныя инструкціи, какъ и гдѣ строить фонтаны и каскады; между прочимъ онъ писалъ: «Додѣлать кашкаду другую, гротъ и въ ономъ столѣ съ брызганіемъ и арганъ, буде мочно, также въ бассейнѣ фонтану, по уступамъ у обеихъ кашкадъ, статуи и горшки; гротъ малиный вверху, на одной сторонѣ прохода, а въ другой что иное, по разсужденію архитектора; у сихъ двухъ мѣстъ, такожъ у большаго грота сдѣлать водотеченіе, когда понадобится, чтобы входы закрыла вода». «Кашкаду мраморовую противъ малой Марлинской, съ малымъ гротомъ и дикою горою противъ модели. Узорчатый мостъ съ крытымъ водянымъ ходомъ». «Передъ большою кашкадою наверху дѣлать исторію Еркулову (Геркулесову), который дерется съ гадомъ седмглавымъ, называемымъ гидрою, изъ которыхъ головъ будетъ идти вода по кашкадамъ». «На верху у малой Марлинской кашкады дѣлать телегу Нептунову съ четырьмя морскими лошадьми, у которыхъ изо рта пойдетъ вода и будетъ литься по кашкадамъ и по уступамъ дѣлать тритоны, якобы играли въ трубы морскія и дѣйствовали бы тѣ тритоны водою и образовали бы разныя игры водяныя».

Такихъ распоряженій, касающихся даже самыхъ мелкихъ подробностей, Петръ издалъ множество, при чемъ за всѣмъ старался приглядѣть собственными глазами. Статуи для фонтановъ отливали въ Петербургѣ и Римѣ по русскимъ чертежамъ, а для обдѣлки мрамора были выписаны мастера нарочно изъ-за границы. Наконецъ, въ августѣ 1721 года, фонтаны и водопроводъ были готовы, и Петръ отправился на Ропшинскую мызу, чтобы *собственноручно*, заступомъ прокопать слой земли, раздѣлившій вновь построенный водопроводъ съ рѣкою Кавашею. Вода хлынула изъ рѣки въ водопроводъ, и на другой день въ роскошномъ Петерговскомъ паркѣ зажурчали и забили вверхъ многочисленные фонтаны, зашумѣли по мраморнымъ ступенямъ «кашкады». Кромѣ дворцовъ, фонтановъ, статуй и проч. въ Петерговскомъ паркѣ были и другія диковинки: въ большомъ гротѣ «забавнаго дворца» была устроена «колокольня, которая водою ходитъ», приводившая въ немалое удивленіе посѣтителей. Она состояла изъ нѣсколькихъ стеклянныхъ колоколовъ, подобранныхъ гаммами; по колоколамъ ударяли пробочные молоточки, приводившіеся въ движеніе водою и, такимъ образомъ, составлялись пріятныя для слуха мелодіи и аккорды.

Петръ Великій любилъ отдыхать отъ многочисленныхъ трудовъ въ своей лѣтней резиденціи — Петергофѣ и часто пировалъ тамъ со своими приближенными и сподвижниками, а, иногда и съ иностранными послами. Послѣ сытнаго обѣда и отдыха, царь и вельможи надѣвали фартухи, брали въ руки кто заступъ, кто кирку, кто ножицы и отправлялись въ садъ, чтобы въ потѣ лица поработать до вечера. Ужинъ, обильный яствами, и въ особенности питіями, награждалъ труженниковъ за утомительную работу въ саду. Ночью надъ паркомъ взлетали разноцвѣтныя раветы, фейерверки, лопались и осыпали деревья искрами; фонтаны освѣщались бенгальскими огнями.

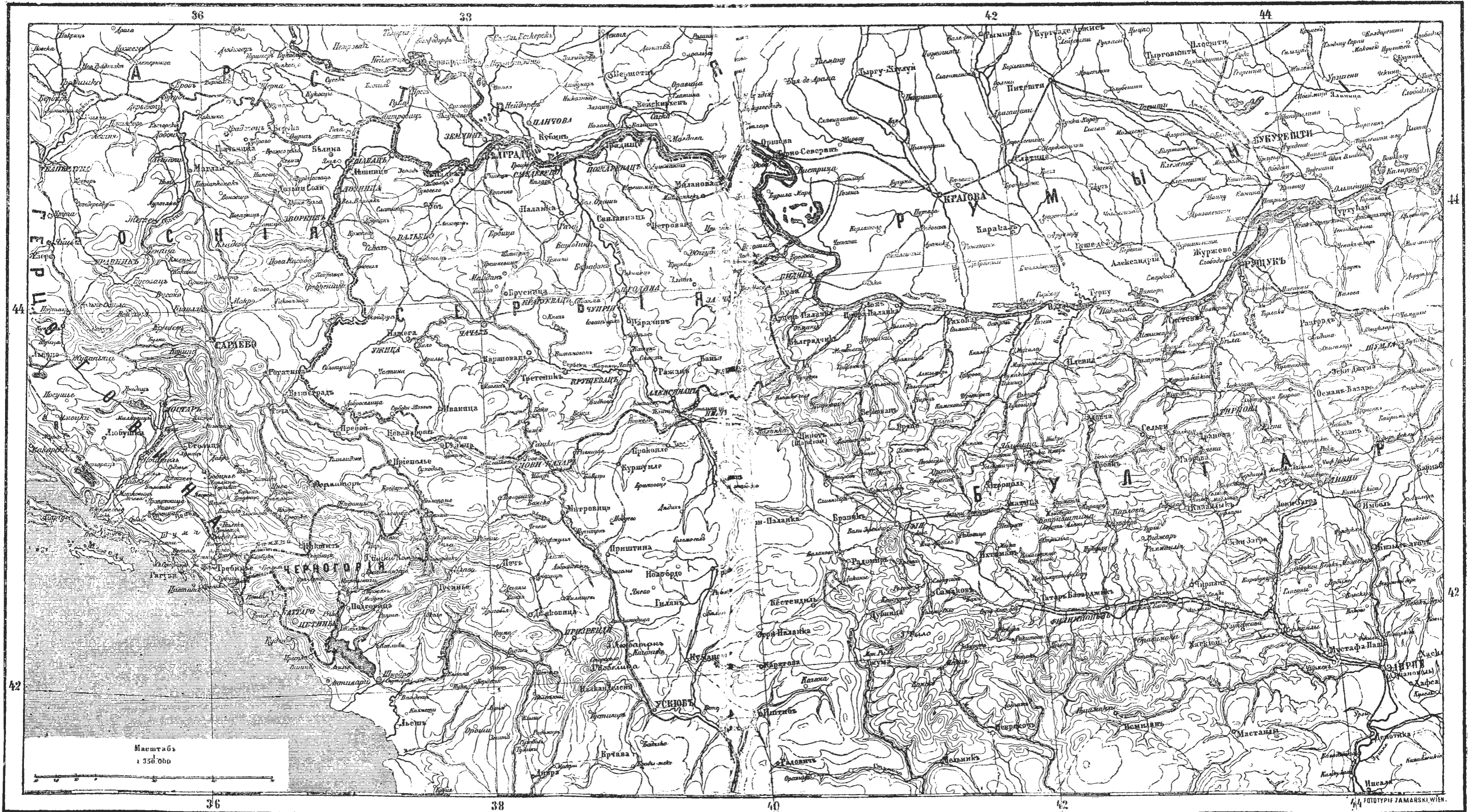
Слѣдующіе за Петромъ Государи и Государыни тоже прилагали не мало заботъ объ украшеніи Петерго夫скаго сада и дворцовъ. Екатериною I, супругою Петра, былъ поставленъ, на мѣсто замышлявшейся Петромъ «исторіи Еркуловой» фонтанъ «Самсонъ», раздирающій пасть льву». Группа эта имѣетъ символическое значеніе: она изображаетъ безуспѣшную борьбу шведовъ съ русскими, поразившими ихъ на голову при Полтавѣ въ день св. *Самсонія*. Левъ же, раздираемый Самсономъ, представляетъ Швецію, такъ какъ животное это изображается на ихъ государственномъ гербѣ. Огромная бронзовая статуя Самсона, отлитая Екимовымъ по модели скульптора Козловскаго и поставленная на пьедесталѣ изъ большихъ каменныхъ глыбъ, находится въ «Нижнемъ саду», по срединѣ круглаго бассейна, называемого «ковшомъ», какъ разъ передъ главнымъ фасадомъ большаго Петерго夫скаго нагорнаго дворца. Отъ ковша до самаго моря тянется каналъ, вырытый при Петрѣ; вдоль всего канала устроено множество фонтановъ и «маскароновъ», т. е. смѣшанныхъ рожищъ съ открытымъ ртомъ или маскою, изъ которыхъ льется вода. Струя воды, выбрасываемая львиною пастью, поднимается, какъ говорятъ, на такую высоту, на какую только можетъ при всѣхъ усиліяхъ нагнетающаго механизма, словомъ — достигаетъ maximum'a высоты и силы. Кругомъ Самсона множество мелкихъ и крупныхъ фонтановъ: гладиаторы, тритоны, лягушки и пр.

Весь Петерго夫скій паркъ раздѣляется на двѣ главныя части: «*Верхній садъ*» и «*Нижній садъ*». Нижний садъ расположенъ ближе къ морю, по берегу Финскаго залива, и тянется вдоль берега болѣе, чѣмъ на двѣ версты, а въ ширину имѣетъ до 300 саженей. Кромѣ Самсона въ нижнемъ саду есть и другія сооруженія, обращающія на себя вниманіе, напр. «Марли», хороненный каменный дворецъ (построенный по образцу такого же дворца, находящагося въ окрестностяхъ Парижа), въ которомъ хранятся многія вещи, принадлежавшія Петру Великому; «Золотая гора», «Марлинскій каскадъ», «Львиный каскадъ», построенный въ видѣ древняго греческаго храма со множествомъ стройныхъ колоннъ, между которыми бьютъ фонтаны; «Эрмитажъ» на самомъ берегу моря, сохранившійся отъ Петра неизмѣнно. Фонтаны: «Адама» и «Евы»; «Монплезиръ» — любимое мѣсто отдохновенія Петра, и множество другихъ фонтановъ и затѣй.

Изъ затѣй, имѣющихъ цѣлью неожиданно и пріятно изумить зрителя, мы упомянемъ о слѣдующихъ: «Фаворитный фонтанъ», приводимый въ круговращательное движеніе водою. Въ кругломъ бассейнѣ плаваютъ утки и помѣщена собака, какъ бы гонящаяся за ними; посерединѣ стоитъ фигура крестьянина со свирелью. Когда фонтанъ пущенъ, то утки начинаютъ плавать вокругъ бассейна, а собака гоняется за ними съ лаемъ. Фонтанъ «Грибокъ», вокругъ ножки котораго (4 арш. вышиною), подъ шапкою разставлены скамейки для гуляющихъ. Изъ шапки грибка, по данному сигналу, неожиданно начинаетъ литься вода; и сидѣнціе на скамейкахъ оказываются какъ бы заключенными въ сплошной водяной колоколъ. «Дубокъ» и «Едка», цинковыя подобныя вѣтхъ деревъ, чрезвычайно похожія, изъ листьевъ и вѣтокъ которыхъ брызгаетъ вода и, наконецъ, такъ-называемыя «шутки», неожиданно перекидывающія струи воды черезъ скамейки, на которыхъ сидятъ неподозрѣвающіе ничего посѣтители... Словомъ, что ни шагъ, то что нибудь новое, прелестное и оригинальное!...

Верхній садъ расположенъ гораздо выше нижняго, отчего и получилъ это названіе. Изъ нижняго сада въ верхній ведутъ нѣсколько широкихъ бѣлыхъ мраморныхъ лѣстницъ. На самомъ краю уступа, раздѣляющаго оба сада, построенъ большой Петерго夫скій нагорный дворецъ, заложенный Петромъ Великимъ по случаю своей свадьбы и окончательно, роскошно отдѣланный послѣдующими государями, и въ особенности Елизаветою Петровною. Первоначальное зданіе, выведенное по чертежу Леблона, Елизавета Петровна поручила архитектору, графу Растрелли, расширить и украсить. Растрелли пристроилъ къ нему два боковые флигеля и соорудилъ домашнюю церковь во имя св. Петра и Павла. На крышѣ изъ бѣлой жести съ золотыми украшениями онъ помѣстилъ огромнаго трехглаваго орла въ 16 пудовъ вѣсу.

Во дворцѣ чрезвычайно много комнатъ, отдѣланныхъ наираскошнѣйшимъ образомъ и наполненныхъ дорогими картинами. Особенно замѣчательны: *кабинетъ Государя Императора*, стѣны котораго покрыты сверху до низу рѣзнымъ дубомъ. Нѣкоторыя части рѣзной работы исполнены Петромъ *собственноручно*. *Китайская комната* съ настоящими китайскими обоями и мебелью, *Бллая Петровская зала* съ Гобеленовскою картиною, изображающей Петра, застигнутаго бурей, и многія другія.

Карта театра славяно-турецкой войны.

Противъ передняго фасада, изображеннаго на нашемъ рисункѣ, по уступу расположены большіе гроты и два главные каскада въ видѣ колоссальныхъ лѣстницъ, по 7 ступеней въ каждой. Каждая ступень по краямъ украшена позолоченными статуями, представляющими копии съ античныхъ, вазами и чашами съ бьющею изъ нихъ водою. Въ нишахъ большаго грота также разставлено нѣсколько бронзовыхъ статуй отличной работы, а на площадкѣ передъ гротомъ бьетъ фонтанъ, вода котораго падаетъ въ видѣ плетеной корзинки. Вся вода, выбрасываемая этими фонтанами и каскадами изливается черезъ урны статуй Невы и Волхова въ «ковшѣ», посерединѣ котораго бьетъ могучая струя Самсона, величайшаго изъ всѣхъ Петергофскихъ фонтановъ.

Видъ на все это со стороны нижняго сада просто волшебенъ: всѣ эти мраморы, золотыя статуи, эмаль, безчисленныя струи воды, пересѣкающіяся и дробящіяся въ разныхъ направленіяхъ и красивыхъ сочетаніяхъ, зелень—все это невольно переноситъ воображеніе въ роскошныя сказочныя сады «Тысячи и одной ночи».

Со стороны верхняго сада видъ на дворецъ уже не такъ роскошенъ какъ снизу; и весь верхній садъ значительно уступаетъ нижнему въ размѣрахъ. Онъ построенъ четверугольникомъ передъ заднимъ фасадомъ Петергофскаго дворца и изрѣзанъ въ различныхъ направленіяхъ правильными аллеями и бассейнами. По самой серединѣ четверугольника находится большой бассейнъ, служащій резервуаромъ для фонтановъ нижняго сада. По бассейну, въ разныхъ мѣстахъ, правильно разбросаны фигурки дельфиновъ, выбрасывающія воду, а на серединѣ бассейна величественно возвышается фонтанъ «Нептунъ», изображенный на нашемъ рисункѣ. Это не та «телега Нептунова», о которой писалъ Петръ въ своей подробной инструкціи, а группа, поставленная Императоромъ Павломъ Петровичемъ въ 1799 году. «Телега же Нептунова» или не была вовсе построена, или не сохранилась до нашего времени. Гигантская бронзовая статуя Нептуна, миеологическаго бога морей, была приобретена Павломъ I въ Нюрнбергѣ за 60,000 гульденовъ, что по тогдашнему составляло около 30,000 рублей серебромъ, и привезена въ Петергофъ. Статуя изображаетъ Нептуна, увѣнчаннаго зубчатою короною и держащаго въ рукахъ трезубецъ—эмблему его власти надъ морями. Высокій пьедесталъ, на которомъ стоитъ божество, окруженъ со всѣхъ сторонъ фигурами разныхъ, тоже мифологическихъ существъ, тритоновъ, дельфиновъ, и проч. Всѣ эти фигуры извергають въ различныхъ направленіяхъ воду; но сама статуя Нептуна остается суха и воды не извергаетъ. Мѣстность, окружающая этотъ фонтанъ, очаровательна: съ одной стороны видъ на большой Петергофскій дворецъ и на окруженные зеленью бассейны съ горками изъ дикаго камня, обмываемыми чистою, какъ хрусталь водою; съ противоположной стороны — прекрасная бронзовая статуя Аполлона Бельведерскаго, на пье-

десталѣ изъ тивдійскаго мрамора. Съ двухъ же остальныхъ сторонъ—густая зелень парка скрываетъ отъ глазъ другія сокровища искусства, щедрою рукою разсыпанныя по Петергофу его Августѣйшими покровителями.

Изъ достопримѣчательностей, находящихся выше *нижняго сада* мы упомянемъ на острова «Царицынъ» и «Ольгинъ» на озерѣ въ Колонистскомъ паркѣ. Павильонъ «Царицына острова» украшенъ многими статуями и группами, между которыми особенно замѣтенъ фонтанъ «Нарциссъ» со статуею красавца Нарцисса, вѣчно глядящагося въ прозрачныя воды бассейна. Еще обращаетъ на себя вниманіе молодой дубъ, выросшій изъ жолудя, снятаго съ могилы Вашингтона американцами и поднесеннаго «въ знакъ величайшаго уваженія Императору Всероссийскому», какъ о томъ гласитъ надпись на бронзовой къ дощечкѣ на дубѣ. Онъ посаженъ былъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1842 г. Величественное зданіе «Бельведера» на высотахъ «Бабьего-гона» (исковерканное шведское названіе *Paringondo*), видимо издали, должно быть причислено также къ достопримѣчательностямъ Петергофа, равно какъ и готическая церковь въ Александрин, построенная въ видѣ средневѣковой рыцарской часовни, со стрѣльчатыми сводами, круглыми разноцвѣтными окнами и множествомъ острокопечныхъ башенокъ, стройно убѣгающихъ вверхъ. Всѣ находящіяся тамъ зданія и дворцы перечислить невозможно въ такой небольшой статьѣ, также, какъ невозможно и осмотрѣть ихъ за одинъ разъ. Общее же впечатлѣніе, производимое на зрителя этимъ какъ бы уголкомъ земного рая—поразительно и заставляетъ зрителя предполагать, что онъ попалъ въ какое-то волшебное царство фей! Таковы результаты тѣхъ заботливыхъ попеченій о возможномъ украшеніи Петергофа, которыя прилагались къ нему нѣсколькими поколѣніями русскихъ Государей и Государынь!

9 июля наслѣдній итальянскій принцъ Гумбертъ съ супругою прибыли въ Петергофъ и были торжественно встрѣчены въ воксалѣ Е. В. Государемъ Императоромъ и Императрицею, Е. В. Цесаревною и Е. В. принцессою Эдинбургскою, при звукахъ итальянскаго народнаго гимна.

Затѣмъ царственные особы отправились въ коляскахъ къ петергофскому дворцу, и въ ту минуту, когда экипажи подѣхали къ нему—разомъ были пущены всѣ фонтаны.

Очаровательнѣйшая окрестность Петербурга предстала во всемъ своемъ блескѣ и великолепіи.

Принцъ и принцесса остановились въ петергофскомъ дворцѣ, который предоставленъ въ ихъ распоряженіе на все время пребыванія ихъ въ Петергофѣ.

12-го числа высокіе гости прѣхали въ Петербургъ.

А. Васильевичъ.

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ФИЛАДЕЛЬФІИ.

Филадельфія—одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ. Построенный въ видѣ параллелограмма, онъ состоитъ изъ правильныхъ улицъ, пересѣкающихъ другъ друга подъ прямымъ угломъ. Филадельфія распадается на 2 главныхъ части—на «Сити», т. е. собственно городъ, древнѣйшее ядро его и на 4 предмѣстья, вошедшія въ его составъ съ 1854-го г. Городъ обладаетъ многими прекрасными общественными зданіями, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательна (мраморная) академія (*Girard college*), предназначенная для дароваго воспитанія бѣдныхъ сиротъ. Основатель этой академіи, французъ Жираръ, поселившійся въ Филадельфію очень молодымъ, оставилъ городу имущество, которое въ настоящее время цѣнится почти во 100 миллионѣвъ долларовъ. Далѣе идутъ институтъ Франклина, прежній домъ городского управленія, «домъ независимости», въ которомъ была провозглашена независимость штатовъ. Городъ Филадельфія въ этотъ торжественный для союза годъ былъ еще весьма незначительнымъ изъ американскихъ городовъ, что видно изъ слѣдующаго ряда сравнительныхъ цифръ населенія: въ 1683 г.—600 ч., въ 1700 г.—5 тысячъ ч., въ 1760 г.—20 тысячъ ч., въ 1790 г.—42,520 ч., въ 1800 г.—70,287 ч., въ 1810 г.—96,664 ч., въ 1820 г.—108,166 ч., въ 1830 г.—167,188 ч., въ 1840 г.—258 тысячъ ч. въ 1850 г.—408,762 ч., а въ 1860 г.—568,034 ч. Въ настоящее же время въ Филадельфію насчитывается до 800 тысячъ ч. жителей. Въ день открытія выставки, народъ громадными толпами повалилъ къ зданію ея, сооруженному какъ извѣстно, въ Фермоунтъ-паркѣ, въ 6 верстахъ отъ города. Улицы, нестрѣвншія сотнею тысячъ флаговъ, большихъ и малыхъ, были буквально загромождены этими массами, какъ стихійная сила стремившимся къ зданію выставки. Вагоны конножелезныхъ дорогъ, всякаго рода экипажи (всѣ въ флагахъ, какъ и зданія) брались съ боя; кареты омнибусы, открытыя коляски, пѣшеходы, всадники—все это смѣшалось въ одинъ пестрый, хаотическій потокъ, неудержимо рвущійся по направленію къ Фермоунтъ-парку. Съ 7-ми часовъ утра, на 3-хъ желѣзныхъ дорогахъ, чрезъ каждыя 5 минутъ, подходили поѣзды изъ Нью-Йорка, Вашингтона, Питсберга, Балтимора и всѣхъ промежуточныхъ станцій, тяжело на-

груженные любопытными, желавшими посмотреть на торжество открытія, а затѣмъ и на самую выставку. По словамъ правленія желѣзныхъ дорогъ, съ 9-го на 10-е мая подвезено къ Филадельфію 125 тысячъ человекъ, съ 9-ти часовъ утра, чрезъ 54 турникета народъ не переставалъ прибывать въ ограду выставки. Въ настоящее время, конечно, движеніе на главныхъ улицахъ, ведущихъ къ выставкѣ, нѣсколько поуменьшилось, но не смотря на это, оно, все-таки, весьма велико, о чемъ читатели могутъ составить себѣ понятіе изъ прилагаемаго нами рисунка. изображающаго уличное движеніе въ пунктахъ, находящихся вблизи выставки.

Предѣлы нашего бѣлаго очерка не позволяютъ, намъ, конечно, вдаваться въ подробное и обстоятельное описаніе всемирной выставки, тѣмъ болѣе потому, что мы уже не разъ имѣли случай представлять, нашимъ читателямъ многія о ней свѣдѣнія, («Нива» 1874 г. № 4, 1875 г. № 44, и 1876 г. № 4 и 23). Ограничимся здѣсь общимъ очеркомъ отдѣловъ выставки. Она состоитъ изъ «главнаго зданія» (*Main Building*) и отдѣльных павильоновъ. Главное зданіе представляетъ прямоугольникъ въ 1880 фут. длины и 464 фута ширины, высота его внутри — 70 футовъ. По угламъ зданія устроены башни 75 футовой вышины. Въ серединѣ, крыша образуетъ родъ купола, увукрашеннаго декораціями, флагами и бордюрами. Въ «*Main Building*» помѣщено до 35-ти государствъ. Наиболѣе разнообразія представляетъ отдѣлъ Соединенныхъ Штатовъ (площадь 189,232 кв. фут.)—вся производительность союза наша здѣсь мѣсто. Книги, химическіе продукты, сало, жиръ, мыло, желѣзные изделия, жемъ, хлопчатобумажныя, шерстяныя ткани, одежда, отъ шапокъ и до чулокъ включительно, затѣмъ—грозная коллекція пистолетовъ, ружей, скорострѣльныхъ пушекъ системы Гэтлинга, далѣе—приборы и части аппаратовъ, относящихся до газоваго производства, за ними, снова смягчающія впечатлѣніе—шелкъ и ткани изъ него, пенька, ленъ, мѣха, ковры и т. д. Нѣтъ ничего изъ области промышленности, техники и мануфактуры, что не являлось бы здѣсь свидѣтельствомъ о широкой производительности, о могучей дѣятельности американцевъ. За отдѣломъ союза, слѣдуетъ отдѣлъ Великобританіи

и Ирландіи (площадь 51,776 фут.) Этотъ отдѣлъ чрезвычайно красиво убранъ и обставленъ. Много изящества придаютъ ему прекрасная мебель, группы бронзы, разнообразной посуды, стекло и фарфоръ, множество эффектно драпированныхъ ковровъ и суконъ. Но зато въ отношеніи ювелирнаго дѣла, англичане, выставившіе тяжеловѣсныя украшенія изъ дорогихъ металловъ, алмазовъ и безвкусно усыпанныхъ камнями—должны уступить своимъ сосѣдямъ, французамъ.

Само собою разумѣется, что мастера въ области изящнаго и здѣсь не измѣнили себѣ. Отдѣлы ихъ сразу подкупаютъ посетителя роскошнымъ вкусомъ самыхъ произведеній, и искусствомъ расположить всѣ предметы. Посреди декораций изъ неподражаемо прекрасныхъ gobelens, необыкновенно красиво разставлены граціозныя издѣлія изъ бронзы, окруженные мягкой рамкой разнообразнѣйшихъ «articles de Paris»—шелкъ, бархатъ, различныя матеріи поражаютъ калейдоскопомъ цвѣтовъ, оттѣнковъ, сочетаній. Мы уже не говоримъ о такихъ продуктахъ (весьма понравившихся американцамъ), какъ шампанское и другія вина. Въ нѣмецкомъ отдѣлѣ (27,705 фут.) внушительно возвышаются почтенныя, серьезные шкапы съ книгами, и рядомъ, веселая глазъ зрителя фарфоровыя и фаянсовыя произведенія знаменитой королевской берлинской фабрики. Слабая сторона здѣсь—опять таки ювелирныя издѣлія.

Особое богатство австрійской выставки (27,070 фут.) составляютъ группы богемскихъ хрустальныхъ и стеклянныхъ издѣлій, музыкальныхъ инструментовъ, предметовъ роскоши, извѣстныхъ издѣлій изъ кожи. Очень хороша живопись на стеклѣ. Еще далѣе идутъ Канада и колоніи Великобританіи, съ ихъ минералами, англо-индійскій отдѣлъ съ его хлопчатой бумагой, рисомъ, бамбукомъ и драгоценностями; Ямайка, конечно, съ ромомъ; затѣмъ Швеція (17,755 фут.) образцы ея минеральныхъ богатствъ, предметы военнаго дѣла (вообще эта страна прирѣкла немного), Норвегія, выставившая собраніе камней и серебрянныхъ рудъ, различныя сѣверныя мѣха и т. д. Относительно нашего, русскаго отдѣла, мы можемъ сказать, что открывшійся только недавно, онъ произвелъ большое впечатлѣніе и сразу сталъ на одно изъ первыхъ мѣстъ. Наши малахитовыя, серебряныя и другія издѣлія вызвали восторгъ, кото-

рымъ еще до сихъ поръ полны столбцы мѣстныхъ газетъ. Затѣмъ турецкій отдѣлъ, итальянскій, украсившійся великими произведеніями своихъ великихъ мастеровъ, вокругъ которыхъ граціозными вишнетками рисуются филигранныя, каралловыя издѣлія и прелестнымъ рельефомъ выходятъ съ темныхъ фоновъ своихъ изящныя мозаики Флоренціи. Японскій отдѣлъ единогласно признается однимъ изъ лучшихъ, завоевавъ себѣ эту репутацію превосходно, тонко отчеканенной бронзой, знаменитымъ своимъ фарфоромъ и лаковыми издѣліями, а также и вкусомъ установки, онъ превзошелъ даже своего собрата—китайскій, не смотря на его замѣчательныя, по отчетливости, произведенія изъ кости, на шелковыя матеріи,—онъ превзошелъ его тѣмъ, что не дается до сихъ поръ неподвижной громадѣ—прогрессомъ, и эта, раздѣляющая обѣ страны, черта рѣзко обозначилась на выставкѣ.

Насъ ожидаетъ еще рядъ отдѣловъ—египетскій, на фронто-нѣ котораго читается остроумная надпись: «самая древняя нація привѣтствуетъ самую юную»; бельгійскій, весь, какъ красавица, одѣтый въ кружево, голландскій, бразильскій и другіе, но лучше отдохнемъ въ томъ отдѣлѣ выставкѣ, въ которомъ мы всего болѣе приближаемся къ природѣ. Чѣмъ то освѣжающимъ обдаетъ насъ, когда, послѣ безконечнаго ряда галлерей, набитыхъ сверху до низу произведеніями рукъ человѣческихъ, вы очутитесь среди царства цвѣтовъ и растений, разнообразнѣйшія формы которыхъ изумрудною зеленью выступаютъ со всѣхъ сторонъ, подъ яркимъ свѣтомъ солнечныхъ лучей, обливающихъ ихъ съвозъ стеклянную крышу навальона. Здѣсь вы находитесь буквально въ саду всей Америки—все, что только ея природа, въ разныхъ широтахъ, въ разныхъ мѣстностяхъ, даетъ—все собрано здѣсь въ богатый, прекрасная букетъ, поражающій васъ роскошью и оригинальностью. Долго остаешься здѣсь, долго любуешься то на причудливыя побѣги, то на лианы, то на граціозно возвышающіяся изъ среды ихъ пальмы, всевозможныхъ родовъ и видовъ... Отдыхаешь здѣсь и, подъ журчаніе фантановъ, забываешь о выставкѣ, будучи въ центрѣ самой выставки и отдаешься впечатлѣніямъ окружающей природы. Такова ея сила. Даже въ искусственной обстановкѣ она умѣетъ исключительно овладѣть человѣкомъ!

КЪ КАРТѢ ТЕАТРА СЛАВЯНО - ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ.

Нашъ журналъ (какъ читатели, вѣроятно, уже замѣтили) въ послѣднее время, въ виду возгорѣвшейся борьбы славянъ съ мусульманами на востокѣ, стремится дать по возможности полныя и интересныя свѣдѣнія о востокѣ вообще, о южныхъ славянскихъ земляхъ, ихъ бытѣ, характерѣ, взаимныхъ отношеніяхъ и, наконецъ, ихъ военныхъ силахъ, государственномъ и общественномъ устройствѣ.

Объ этомъ предметѣ въ «Нивѣ» было уже помѣщено много статей, которыя, по обыкновенію, сопровождалась иллюстраціями, а гдѣ нужно,—и картами.

Такъ въ № 27 была помѣщена «этнографическая карта европейской Турціи», а въ настоящемъ номерѣ помѣщается—«карта театра славяно-турецкой войны».

Помѣщеніемъ ея на страницахъ «Нивы» мы имѣемъ въ виду дать возможность нашимъ многочисленнымъ подпис-

чикамъ слѣдить за событіями этой войны *по картѣ*, что, безъ сомнѣнія, гораздо цѣлесообразнѣе и интереснѣе, такъ какъ читатель можетъ разомъ видѣть всѣ пункты и ихъ географическое, относительно другъ друга, положеніе.

Имѣя передъ собою подобную карту, можно безъ посторонней помощи судить, въ какомъ направленіи двигаются войска и оцѣнять стратегическое значеніе и достоинство маневровъ воюющихъ.

Необходимо замѣтить только, что правописанію названій нѣкоторыхъ городовъ сообразно произношенію, иногда нѣсколько измѣняется, напр. *Алексинацъ* названъ на нѣкоторыхъ картахъ *Алексиначемъ*, *Паишъ*—*Паешъ* и т. п. Точно также не надобно ставить въ вину, если нѣкоторыхъ пунктовъ, на картѣ не окажется, ибо *тѣтъ никакой возможности* занести на карту *всѣ*, даже самыя незначительныя деревни и мѣстечки, а при нихъ иногда происходятъ серьезныя битвы.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

На ряду съ развитіемъ военныхъ дѣйствій и, можно сказать, параллельно имъ, происходитъ дѣятельный обмѣнъ сношеній между державами. Велѣдъ за недавнимъ свиданіемъ Государя Императора съ австрійскимъ императоромъ въ Рейхштадтѣ, въ настоящій моментъ событія на Балканскомъ полуостровѣ и возможные послѣдствія ихъ обсуждаются императорами Францемъ-Иосифомъ и Вильгельмомъ. По всей вѣроятности второе соглашеніе будетъ тожественно съ первымъ, которымъ, по слухамъ, установлены какъ невмѣшательство въ непріязненныя дѣйствія, такъ и общее соглашеніе всѣхъ «христіанскихъ» державъ Европы» (т. е. иными словами—безъ участія Порты), на тотъ случай, если въ войнѣ наступитъ затишье, или же, на оборотъ—если она приведетъ къ рѣшительному результату.

Съ понятнымъ волненіемъ произносимъ мы это слово, слово, которое холодно и равнодушно звучитъ въ устахъ агентовъ западной дипломатіи, безучастно, если не непріязненно относящейся къ мужественному народу, поднявшему мечъ на угнетателей, безучастно взвращающей на льющуюся рѣкой геройскую кровь!

Не страхъ за исходъ борьбы—борьбы неравной—говоритъ въ насъ, а то чувство, съ какимъ братъ слѣдитъ за братомъ на поляхъ кровавыхъ битвъ...

Послѣ временнаго какъ бы затишья, снова произошло нѣсколько, именно, «кровавыхъ» сраженій, изъ нихъ самымъ важнымъ было дѣло подл. Великимъ Изворомъ, 7-го іюля. Считае-

мъ начала кампаніи силятся овладѣть сербскимъ городомъ Зайчаромъ, открывающимъ путь въ глубь княжества. Этотъ городъ расположенъ неподалеку отъ границы, отъ которой его отдѣляетъ мѣстечко Великій Изворъ (теперь сожженный). Оттоманскія войска, дѣйствующія здѣсь подъ начальствомъ Османа-Паши, опираются на сильную турецкую крѣпость Виддинъ, на Дунаѣ, служащую имъ операціоннымъ базисомъ. Цѣлый рядъ наступовъ Османа-Паши на Зайчаръ не имѣлъ успѣха, и онъ расположился въ Великомъ-Изворѣ. Цѣль сербовъ, естественно, заключается въ томъ, чтобы вытѣснить турокъ изъ этого мѣста, перейти границу, уничтоживъ дѣйствующій противъ нихъ корпусъ, овладѣть Виддиномъ, что могло бы предпрѣшить участь всей войны. Въ этихъ видахъ, 7-го іюля сербскія войска (въ числѣ 10 тысячъ противъ гораздо сильнѣйшаго непріятеля), тремя колоннами, двинулись на турокъ. Лѣвымъ флангомъ командовалъ Лвшанинъ, центръ велъ Черняевъ (пришедшій съ юга, изъ-подъ Ниша, на помощь тимокской арміи Лвшанина), правый флангъ дѣйствовалъ подъ начальствомъ маіора нашей службы Кирѣева. Но это первое значительное наступленіе сербской арміи не имѣло желаемого успѣха. Атака Лвшанина была неудачна; Кирѣевъ съ своею колонной прорвалъ уже нѣсколько турецкихъ линій, но, смертельно раненый пулею въ грудь, палъ геройскою смертью во главѣ своихъ солдатъ; отрядъ его смѣшался; и въ этотъ же самый моментъ къ оттоманскимъ вой-

пить, а затѣмъ послѣдовало правильное отступленіе по всей линіи предъ еще болѣе усилившимся непріятелемъ. Всѣ прежнія позиціи вполнѣ сохранены. Не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ вида, что это есть не болѣе какъ неудавшееся «нападеніе», и въ этомъ своемъ значеніи есть фазисъ наступательнаго движенія сербской арміи на турецкую.

Борьба становится съ каждымъ днемъ серьезнѣе. Деньги, офицеры и различныя другія вспомогательныя средства, предоставленныя Портѣ кабинетомъ Дизраэли, дали туркамъ возможность развить значительныя силы. Съ другой стороны имъ оказываются недвухемысленная помощь—тайными недоброжелателями Россіи, и явными врагами славянъ. Западныя державы холодно

смотрятъ на отчаянную борьбу славянъ, съ холоднымъ разчетомъ ожидаютъ побѣды оттомановъ, желая, чтобы и теперь, какъ нѣкогда, дѣло окончилось новымъ «Коссовымъ полемъ». На кого же можетъ надѣяться оставленная всеми Сербія, выступившая безъ колебаній на защиту человѣческихъ правъ славянъ, поставившая все на карту, ради историческаго ихъ будущаго.

Къ кому же она, со всѣхъ сторонъ окруженная врагами, жаждущими гибели ея, къ кому же она можетъ теперь обратиться своей взоръ, полный упованія, полный исконныхъ надеждъ?..

Въ этотъ грозный, торжественный часъ, сочувствіе русскихъ людей вѣроятно не обманетъ ея ожиданій... *).

Черкесъ Хассанъ-Бей, убійца турецкихъ министровъ

Извѣстно, что Митхадъ-паша, президенту турецкаго государственнаго совѣта, принадлежала инициатива знаменитой манифестации совѣтъ, которая была первымъ актомъ послѣдовавшей затѣмъ драмы.

Митхадъ-паша вошелъ потомъ въ соглашеніе съ Мегеметъ-Рунди-пашой, новымъ великимъ визиремъ, уважаемымъ Абдуль-Азисомъ, военнымъ министромъ, Гуссейномъ-Авни-пашой, и министромъ иностранныхъ дѣлъ, Рашидъ-пашой, а также Мурадъ-эфенди, старшимъ сыномъ Абдуль-Азиса, и подготовилъ переворотъ, окончившійся сверженіемъ съ престола и тайнственною смертію Абдуль-Азиса.

Это событіе, еще не изгладившееся изъ памяти и надѣлавшее шуму во всемъ мірѣ, намъ кажется очень темнымъ и загадочнымъ. Точно также было бы невозможно забыть скоро и ту безобразную рѣзню, которая произошла въ домѣ Митхада-паши въ ночь 15 іюня. Девять министровъ были заняты совѣщаніями, когда одинъ черкесъ, по имени Хассанъ-Бей, прежній адъютантъ Юсуфа-изеддина, сына покойнаго султана, и братъ третьей жены Абдуль-Азиса, внезапно появился въ залѣ совѣта и гинулся рѣзать и убивать направо и налево.

Гуссейнъ-Авни-паша былъ убитъ изъ револьвера и пронзенъ кинжаломъ, затѣмъ злодѣй всадилъ пулю въ лобъ министра иностранныхъ дѣлъ и тяжело ранилъ морекоего министра.

Разъяренный Хассанъ, защищаясь противъ старавшихся схватить его, убилъ одного адъютанта, одного жандарма (*зантіе*), слугу и ранилъ нѣсколько другихъ лицъ, находившихся тутъ же.

Во время этой кровавой сцены, длившейся три четверти часа, черкесъ нѣсколько разъ пытался поджечь домъ, но это ему не удалось, такъ какъ домъ былъ каменный.

Хассанъ, самъ покрытый ранами, былъ препровожденъ въ сараскератъ (военное министерство), гдѣ его тотчасъ же судили.

На другой день утромъ онъ былъ повѣшенъ на большой площади сараскерата.

*) Со всѣхъ сторонъ стекаются въ славянскій комитетъ пожертвованія въ видѣ единовременныхъ и семейныхъ взносовъ. Каждая пожертвованная копѣйка являет-ся драгоцѣнной лентой—копѣйки превращаются въ рубли!..

Казнь была чрезвычайно быстра, потому что Хассанъ получилъ опасную рану во время рѣзни.

Нѣкоторые журналы утверждаютъ даже, что Хассанъ былъ уже не болѣе, какъ трупъ, когда его поднимали на импровизированную висѣлицу—тутовое дерево.

Что было причиною этого посягательства на жизнь министровъ? Говорили, что личная месть къ военному министру, приказавшему Хассану воротиться изъ Константинополя къ арміи, въ Багдадъ. Но не слѣдуетъ забывать и того замѣчательнаго факта, что Митхадъ-паша, находившійся тутъ же и бывший политическимъ противникомъ обоихъ убитыхъ министровъ, вышелъ изъ этой передряги цѣлъ и невредимъ.

Эта темная исторія не должна, впрочемъ, казаться намъ очень удивительною, такъ, какъ Турція уже не разъ видѣла подобныя быстрыя и ничѣмъ не объясняемая перемены правительства и министровъ. Турецкая политика не очень стѣсняется въ этихъ случаяхъ, и потому мы можемъ ожидать въ это смутное время *вскакивать*, даже болѣе, чѣмъ этотъ удивительныхъ и темныхъ, случаевъ.

Шумное восшествіе Мурада V на престолъ падишаховъ, и затѣмъ вдругъ такая неожиданная скудость какихъ бы то ни было извѣстій о немъ, наводятъ, конечно, на множество размышлений и представляютъ обширное поле для всевозможныхъ догадокъ. Говорятъ, что Мурадъ V хотѣлъ было даже отказатьсь отъ престола, видя невозможность устроить Турцію, разстроенную его предшественниками... Можетъ быть... Повторяемъ, что въ настоящее смутное время въ Турціи, *можно ждать всего*.

Черкесъ Хассанъ-Бей, убійца турецкихъ министровъ. Граф. Боярскій.

СОДЕРЖАНІЕ: Наслѣдный итальянскій принцъ Гумбертъ и супруга его, принцесса Маргарита (съ 2-мя портретами).—Встревоженный городъ. (Картины губернской жизни). Д. Стахѣва.—Петергофъ, его парк и фонтаны (съ 3-мя рисунками) А. Васильевича.—Всемирная выставка въ Филадельфіи (съ 2-мя рисунками)—Нѣ мартъ театра славяно-турецкой войны (съ картою).—Политическое обозрѣніе.—Черкесъ Хассанъ-Бей, убійца турецкихъ министровъ (съ портретомъ)—Объявленія.

Редакторъ Д. Стахѣвъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОВИВАЛЬНАЯ БАВКА

Екатерина Константинова, живущая въ Москвѣ, подлѣ Смоленской аптеки, въ Смирновскомъ переулкѣ, въ д. Лабазова. Имѣетъ отдѣльную комнату для женщнъ, которыя могутъ являться безъ вида на жительство, и принимаетъ дѣтъ на воспитаніе. № 45.

Продается **ренрутская зачетная квитанція**, Стрѣльна, близъ вокзала, дача Шенберга, кв. № 4. № 46.

ОБЪЯВЛЕНІЯ,

помѣщенныя въ журналъ «Нива», могутъ найти самое громадное распространеніе, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и между многородными подписчиками.

«Нива» расходится въ количествѣ 25,000 экземпляровъ. За строку nonpareil (37 буквъ) платится 25 коп. Подробный тарифъ на объявленія напечатанъ въ № 17 «Нивы». 6—5

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

КАРЛЬ БАУХЪ.

по Большой Морской домъ Росмана № 9.

приготавливаетъ искусственные зубы, по новейшей американской методѣ, съ многорукотнымъ ручательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. № 42.

Последнее сочиненіе покойной Жюль-Зандъ, «Замокъ Персмонъ», цѣна 75 коп., недавно вышло изъ печати и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а также на станціяхъ Московской, Нижегородской и Варшавской желѣзныхъ дорогъ и въ складѣ на Невскомъ просп., д. № 49, близъ Владимірской улицы. 3—2

2 руб. 12 коп. портретовъ—уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—46

НИВА

Иллюстрированный
Журналъ

Литературы,

политики и современной жизни.

№ 30

1876

Выходитъ еженедельными №№ въ два листа съ 4—6 рисунками и ежемѣсяч. даровымъ приложеніемъ парижскихъ модъ
Выданъ 26 Іюля 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) и листа чертежей (отъ 24 до 36) выкроекъ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 г.

Подписная цѣна „Нивы“ на 1876 годъ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ 4 р. II. Съ доставкой въ С.-Петербургъ 5 р. III. Безъ доставки въ Москву: черезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Живарева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во все другіе города и мѣстечка Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкой 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

Генераль-Адъютантъ Николай Павловичъ Игнатьевъ,
русскій посолъ въ Константинополѣ.

Русскій посолъ при Константинопольскомъ Дворѣ, генераль-адъютантъ Николай Павловичъ Игнатьевъ, не смотря на свою молодость, давно уже доставилъ своему имени почетное мѣсто въ лѣтописяхъ отечественной дипломатіи. Сынъ заслуженнаго ветерана прошлаго царствованія, еще въ 60-хъ годахъ занимавшаго мѣсто петербургскаго генераль-губернатора, Николай Павловичъ получилъ воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ, откуда и вышелъ въ гвардію. Служебная карьера его шла необыкновенно быстро, и онъ надѣлъ генеральскіе эполеты почти въ юношескомъ возрастѣ. Почти съ первыхъ же шаговъ на поприщѣ своей дипломатической дѣятельности онъ сразу выказалъ свои дарованія. Предѣлы настоящей замѣтки не дадутъ намъ возможности привести здѣсь весь перечень важныхъ заслугъ нашего посла при Оттоманской Портѣ, заслугъ, пользующихся

Русскій посолъ при константинопольскомъ дворѣ, Генераль-Адъютантъ Николай Павловичъ Игнатьевъ.

всеобщей извѣстностью — кто, напримѣръ, не знаетъ объ его участіи въ нашихъ сношеніяхъ съ Китаемъ, участіи, выразившемся въ заключеніи торговаго трактата между Россіей и Китаемъ, весьма выгоднаго для насъ, въ устраненіи многихъ стѣснительныхъ условій, бывшихъ до того времени въ нашихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ, и въ разрѣшеніи свободнаго проѣзда нашихъ торговыхъ каравановъ не только въ Монголію, но и въ центральные города Китая, гдѣ въ настоящее время существуетъ уже не мало русскихъ торговыхъ домовъ, какъ - то: въ Тянь-Дзинь, Ханькоу и Шанхай. Послѣ своего перваго дипломатическаго порученія — посольства къ китайскому двору — Николай Павловичъ былъ назначенъ директоромъ Азиатскаго Департамента въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, а затѣмъ уже былъ сдѣланъ посланникомъ при Константино-

польскомъ дворѣ и вскорѣ подучилъ высшій въ дипломатической иерархїи титулъ посла. Собственно, своею репутацией, замѣчательнаго дипломата, репутацией достойнаго представителя Россіи—генералъ Игнатьевъ болѣе всего обязанъ именно дѣятельности своей въ Константинополѣ. Постъ русскаго посла здѣсь представляеть—кому это можетъ не быть извѣстно—неимовѣрныя трудности.

Особый, вслѣдствіе историческихъ, географическихъ и этнографическихъ причинъ и условій, характеръ взаимныхъ отношеній Россіи и Турціи, симпатіи къ нашему отечеству милліоновъ турецкихъ славянъ, зоркое вниманіе, съ которымъ вся Европа постоянно неуспѣшно слѣдитъ за каждымъ шагомъ нашимъ тамъ—все это отражается на положеніи русскаго посланника въ Стамбулѣ. Генералъ Игнатьевъ оправдалъ все возлагавшіяся на него надежды, и блестящимъ образомъ выполнилъ задачу. Дѣйствительно, въ Константинополѣ, гдѣ на Россію привыкли взирать какъ на традиціоннаго врага, глубоконепріязненное чувство къ которому питается и поддерживается, какъ воспоминаніями о тѣхъ страшныхъ пораженіяхъ, въ которыя обходилось Портѣ вѣковое съ нами сосѣдство, такъ и, главнымъ образомъ, признакомъ историческаго стремленія русскаго народа,—въ этомъ городѣ, въ этомъ центрѣ фанатической ненависти ко всему русскому, генералъ Игнатьевъ съумѣлъ, не взирая на все соперничество, все интриги его «товарищей» по дипломатическому корпусу, не только занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди представителей другихъ державъ по отношенію къ Портѣ, но, гораздо болѣе того—скорѣ съумѣлъ приобрести самъ преобладающее вліяніе, сокративъ въсь нашихъ соперниковъ почти до ничтожества. Вместе съ тѣмъ по-

солъ нашъ, насколько то возможно при слабости центральной власти въ Турціи, всегда являлся надежнымъ и энергическимъ защитникомъ правъ и высшихъ интересовъ нашихъ балканскихъ единоверцевъ: ему Болгарская церковь, и только ему, обязана улучшеніемъ своего положенія, своимъ освобожденіемъ изъ-подъ тягостной ферулы и гнета грековъ; критяне тоже не мало обязаны ему... Высоко поставивъ значеніе Россіи въ искони враждебной намъ Турціи, генералъ Игнатьевъ сохранилъ и поддержалъ во всей ея силѣ и свѣжести исконную привязанность славянъ къ ихъ общей матери-покровительницѣ, нашей отчизнѣ.

Изъ сообщаемыхъ газетами свѣдѣній видно, что генералъ-адъютантъ Н. П. Игнатьевъ въ скоромъ времени выѣзжаетъ изъ Константинополя въ Петербургъ, будучи уволенъ въ Высочайше разрѣшенный ему 28 дневный отпускъ.

При настоящемъ чрезвычайно запутанномъ положеніи восточныхъ дѣлъ, можно по поводу отъѣзда нашего посла изъ Константинополя высказать не мало предположеній одно другаго вѣроятнѣе, но все это будутъ только одни предположенія, о которыхъ до времени ихъ осуществленія, мы полагаемъ, нечего и разсуждать. Можно навѣрное сказать только то, что имѣеть ли пріѣздъ нашего посла въ Петербургъ политическое значеніе, или ограничивается лишь его частными дѣлами—въ томъ и другомъ случаѣ несомнѣнно, что пріѣздъ этотъ все-таки послужитъ къ разъясненію многихъ подробностей по вопросу о восточныхъ дѣлахъ, такъ какъ личное разъясненіе всегда имѣло и будетъ имѣть значительное преимущество предъ разъясненіями письменными, какъ бы онѣ ни были ясно и подробно излагаемы.

Восточные отголоски.

I.

Я убѣжала—схватить не успѣли,
Скрылась въ лѣсу отъ двуногихъ волковъ...
Врядъ-ли родные мои уцѣлѣли...
Страшно увидѣть родительскій кровъ!..
Нѣтъ, не стерпѣла, пошла я,
Лучше бы мнѣ не ходить!..
Въ мирѣ осталась одна я...
Гдѣ-же, о, Мать Пресвятая,
Голову мнѣ преклонить?!

II.

Среди уснувшихъ вѣчнымъ сномъ
На смрадномъ полѣ битвы,
Бродя, искала я ея —
Но тщетны все молитвы!
И не узнать, гдѣ она лежитъ...
Смирись передъ судьбою!
Зачѣмъ искать?.. ни одного
Нѣтъ труна съ головою...

III.

Вся дымится деревенька,
Вѣтеръ пламя раздуваетъ,
А потомъ, какъ все погибнетъ—
Онъ-же пепель разметаеть.
Чась тому назадъ черкесы
Здѣсь смирjali безоружныхъ—
Женщинъ, дѣвушекъ, младенцевъ,
Старцевъ дряхлыхъ и недужныхъ.
У пожарища не видно
Ни души: кругомъ все тихо,
Не слышать стенанья даже,
Лишь огонь гуляетъ лихо.
Гдѣ-жь болгары—погорѣльцы?
Гдѣ они? Куда бѣжали?..
Въ завываньи вѣтра слышны
Слезы скорби и печали...

IV.

«Черкесы! Спасайся кто можетъ!
Бѣги! Все бросай, уходи!»..
Но—поздно! Нагрянула шайка,
Телѣга гремитъ впереди:
Обрызганы кровью колеса...
Вотъ, сброшены съ телѣги покровъ,
Въ телѣгѣ той женскихъ и дѣтскихъ
Отрѣзанныхъ куча головъ.

V.

Съ гикомъ и крикомъ разсыпалась шайка;
Остановилась телѣга; нагайка
Въ воздухѣ рѣзко свистѣтъ...
(Гяуровъ спины привычны къ ударамъ!)

Блѣднымъ, какъ смерть, и безмолвнымъ болгарамъ
Съ страшной телѣги джигитъ
Голосомъ зычнымъ кричить:
—«Гей, вы, проклятые псы, подходите!

Сирава и слѣва все въ рядъ!
Вотъ какъ караетъ мятежныхъ,—глядите—
Нашъ повелитель Мурадъ!»...

VI.

Надъ Стамбуломъ ходятъ тучи.
Ночь. Все стихло... Видъ унылый...
На рукахъ турчанки мальчикъ
Раскричался.—«Спи, мой милый!
Завтра куклу непременно

Подарю тебѣ».—«Большую?
Ахъ, скажи, живую, мама?»
—«Да, болгарку молодую.
Дамъ въ придачу кнутикъ тоже,
Кнутикъ шелковый, изрядный,
Чтобъ была послушна кукла...
Спи-же, спи, мой ненаглядный!»

VII.

Сладко спитъ Мехметъ-Али,
Ночь посвистываетъ шибко,
И играетъ на губахъ
У него порой улыбка...

«Ненавистнаго креста
Нѣтъ пидѣ! Мечу пророка
Все покорно... Такова
Мошь священнаго востока!

Мы владыки подъ луной,
Мы! И дѣвы всей вселенной
Только намъ принадлежатъ,
Намъ, по праву—неизмѣнно!

Ну, а если гдѣ пибудъ
Вспыхнетъ дерзкое возстанье—
Кровью мы его зальемъ
Всеѣмъ подвластнымъ въ назиданье.

III.

ВСТРЕВОЖЕННЫЙ ГОРОДЪ.

(Картины губернской жизни)

(Продолженіе)

III.

Опустѣвшее въ первомъ ряду кресло было замѣчено публикою, и самая личность пріѣзжаго, на котораго все таки, несмотря на интересъ пьесы, было ею обращено достаточное вниманіе, получила вслѣдствіе этого еще болѣе болѣе интересъ. Первые, конечно, задумались сосѣди по мѣсту и перебросились одинъ съ другимъ нѣсколькими вопросами, не знаете-ли, молъ, кто это такой представительный человѣкъ, откуда и зачѣмъ пріѣхалъ, и, главное, отчего это онъ такъ вдругъ неожиданно исчезъ изъ театра. Потомъ кто-то изъ третьяго ряда, заинтересованный тѣмъ же вопросомъ, приподнялся съ мѣста и потянулся всѣмъ корпусомъ чрезъ кресло втораго ряда, беззащитно наваливаясь при этомъ кому-то на плечи и тыкая пальцемъ въ спину пріятеля, сидѣвшаго въ первомъ ряду. Почувствовавшій на своихъ плечахъ неожиданный грузъ сначала было отшатнулся въ бокъ, обиженный, что ему такъ безцеремонно взерошили кто-то своими локтями прическу, но потомъ, разглядѣвъ, что этотъ „кто-то“ свой человѣкъ, преспокойно выждалъ конца его переговоровъ съ сидѣвшимъ въ первомъ ряду, тоже видимо своимъ челомъ, котораго тыкать въ спину пальцемъ ничуть невозбраняется. Переговоры ни къ чему не привели, и личность челомъ, неожиданно оставившаго театръ, получила все болѣе болѣе интересъ и, такъ сказать, росла въ глазахъ публики, оставаясь въ тоже время совершенно неопредѣленной.

Этотъ интересъ, разумѣется, увеличивался отъ того, что къ неразрѣшенному вопросу все болѣе и болѣе присоединялось спрашивавшихъ, такъ что въ буфетѣ во время антракта объ этомъ только и разговоръ былъ. Другой, совсѣмъ даже и не замѣтившій ни входа, ни выхода неизвѣстнаго лица, видя что другіе чѣмъ-то интересуются, о чемъ-то другъ друга спрашиваютъ, и даже спорятъ, сводя, какъ водится, споръ на личныя качества cadaго въ дѣлѣ сужденія о чемъ бы то ни было, тоже присоединился и вставлялъ свою фразу: „ахъ, да, канальство, интересно бы узнать, что это за личность“. Одинъ заявлялъ, что видѣлъ его вчера, какъ онъ шолъ мимо гимназіи и долго что-то стоялъ на углу улицы, всматриваясь во что-то; другіе перебывали рассказъ ироническимъ замѣчаніемъ: „Эва! Вчера!.. Мы еще третьяго дня его видѣли“. Приэтомъ они объясняли, въ чемъ онъ былъ одѣтъ и какъ важно держалъ себя. Но когда имъ задавали вопросъ: „Ну, такъ что же изъ этого?“ они повторяли обидѣвшись: „что же изъ этого“ и заключали, что они, разумѣется, ничего пока рѣшительнаго сказать не могутъ, но тѣмъ не менѣе кое о чемъ догадываются. Получившіе такой отвѣтъ въ свою очередь передразнивали ихъ, и изъ всего этого рождались только новыя поводы къ спорамъ и враждѣ.

— Да что же мы, господа, путаемся въ этомъ вопросѣ, догадался наконецъ кто-то, — самое лучшее обратиться къ полиціе-мѣстеру, онъ навѣрное знаетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, кому же и знать болѣе! Ну, конечно, Семень Егоровичъ знаетъ.

— Семень Егоровичъ все знаетъ.

— Разумѣется, надо Семена Егоровича спросить, еще бы онъ-то не зналъ!

Только что показавшійся въ буфетѣ Семень Егоровичъ, намѣревавшійся наскоро пропустить какую-нибудь рюмку похмельной или тминной, какъ на него со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы и совершенно для него неожиданныя, какъ иногда вдругъ вмѣсто

дождя ударить изъ тучи градъ и начнетъ барабанить по стекламъ и крышамъ.

— Семень Егоровичъ, кто это давеча, послѣ перваго акта, во фракѣ исчезъ изъ театра.

— Семень Егоровичъ! кто это такой важный!..

Семень Егоровичъ сначала было отмахнулся рукой, переживая на скоро бутербродъ, и хотѣлъ этимъ отдѣлаться отъ вопроса; но надоѣдливые пріятели непереставали его осаждать. Онъ избралъ другую тактику, а именно, притворился, что не понимаетъ, о комъ спрашиваютъ, и самъ сталъ задавать на вопросы встрѣчные вопросы: кто? гдѣ? когда? потомъ заключилъ весь разговоръ тѣмъ, что послалъ пріятелей къ чорту и уходя сказалъ: „ничего въ толкъ не возьму, ну васъ!.. Такъ пріятели съ носомъ и остались.

Они, собственно, ничего отъ этого не терали, даже, напротивъ, выиграли, такъ какъ предметъ, возбудившій ихъ интересъ, не утрачивалъ значенія и своею неизвѣстностію оживлялъ скуку и однообразіе провинціальной жизни. Они и заинтересовались-то пріѣзжимъ именно по той простой причинѣ, въ силу которой и прежде, и теперь и долго-долго впоследствии будутъ еще интересоваться въ провинціи каждымъ новымъ лицомъ, какъ вносящимъ въ нее своимъ появленіемъ нѣкоторые признаки чего-то новаго, чего-то другаго, хотя даже своею наружностію, своимъ костюмомъ, наконецъ, хотя самымъ фактомъ своего появленія. А тутъ, въ настоящемъ случаѣ, какъ же было не заинтересоваться, — человѣкъ живетъ нѣсколько дней въ городѣ, ни съ кѣмъ не знакомится, держитъ себя съ необычайной важностію и даже изъ театра послѣ перваго акта ушелъ, — да послѣ этого чѣмъ же еще-то интересоваться русскому челомъ!

И здѣсь опять-таки существуютъ большія подраздѣленія.

Въ то время, когда для возбужденія интереса въ жителяхъ губернскаго города достаточно появленія въ театрѣ новаго лица въ модномъ фракѣ и „съ важными манерами“, для столицы въ этомъ случаѣ требуется что-нибудь болѣе крупное, или украшеніе на фракѣ въ видѣ звѣздъ, но непременно во множественномъ числѣ (одной не удививш) или же халатъ какой-нибудь персидскій или бухарскій, и говоря словами Москвы „что нибудь почуднѣе“. Если губернскаго жителя весь поглощается интересомъ по случаю драки въ клубѣ, то для интереса столичнаго жителя нужно, чтобы эта драка произошла между крупными особами, ибо онъ къ обыкновеннымъ дракамъ давно присмотрѣлся и по части интереса не ставитъ ихъ въ грошъ. Если губернскимъ жителямъ доставляетъ матеріалъ для разговоровъ какой-нибудь вензель, горѣвшій по случаю торжественнаго дня у губернаторскаго дома, то для жителей уѣзднаго города достаточно въ этомъ случаѣ плошекъ, которыя они созерцаютъ, разгуливая въ такія дни, въ великомъ множествѣ, по улицамъ и понюхивая запахъ горящаго сала. Столичный житель въ этомъ случаѣ, разумѣется, самымъ злѣйшимъ образомъ надсмѣется „надъ провинціалами“ и надмѣнно заявитъ, что всѣ они отсталые люди и интересуются чортъ знаетъ чѣмъ; а между тѣмъ, самъ онъ, можетъ быть только нѣсколько дней тому назадъ зазѣвался, какъ, поскользнувшись, упала на Невскомъ лошадь, или какъ разнощикъ, проходя по мосту, уронилъ нечаянно съ лотка въ воду апельсинъ, и со всѣмъ забылъ, что его въ числѣ другихъ зазѣвавшихся и загорожившихъ проѣздъ по улицѣ, городской „убѣдительно просилъ“ идти своей дорогой.

ПРЕДВОДИТЕЛИ И ГЕРОИ СЛАВЯНСКАГО ВОСТАНІЯ.

Мелентій Перовичъ.

Болгарскій герой Степанъ
Караджа.

Стоянъ Ковачевичъ.

Петръ (Пеція) Петровичъ.

Милованъ Вошковичъ.

Ильо Марковъ, одинъ изъ вождей
болгарскаго востанія.

Другое дѣло-отношенія полиціймейстера къ прїзжему. Въ этомъ случаѣ обстоятельства, заставившія его заинтересоваться и даже немного тухнуть, были весьма сложныя: прїзѣдъ новаго лица въ городъ и лица, которое такъ странно себя съ перваго разу зарекомендовало, совпадалъ съ сенатскими ревизіями въ другихъ губерніяхъ, — словомъ, тутъ являлся серьезный вопросъ, а не простой интересъ скучающихъ людей, которые дорвались до случая почесать языки.

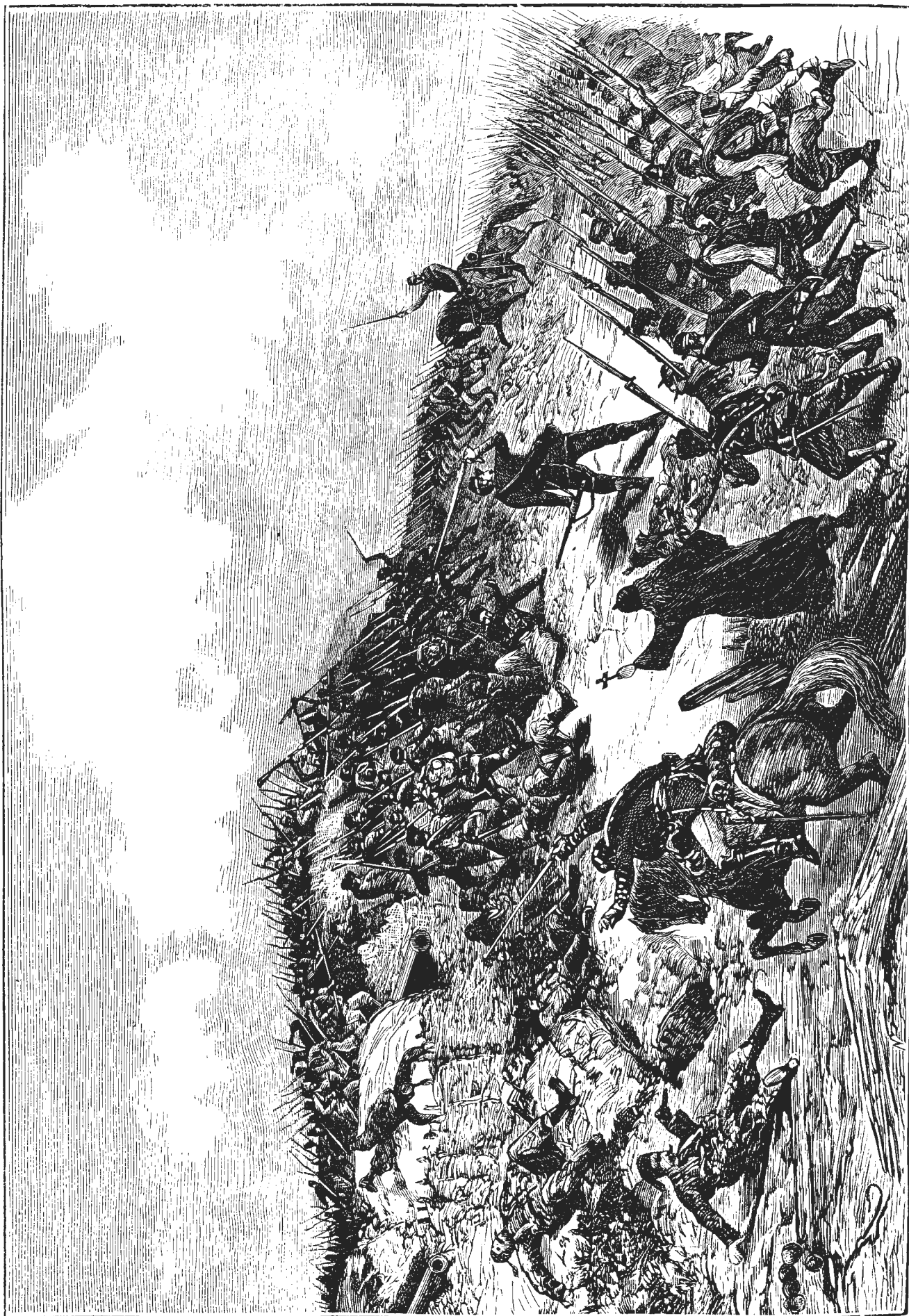
Потомъ въ буфетѣ порѣдѣло Публика, эта, по словамъ Гейне, дѣвчонка вострушка, у которой только и заботъ объ обновкахъ, отхлынула смотрѣть піесу и, можетъ быть даже тотчасъ же и забыла о томъ, изъ-за чего, за минуту передъ тѣмъ, готова была вести борьбу на жизнь и на смерть. Осталось въ буфетѣ человѣкъ пять, шесть, находившихъ сосѣдство бутылочной батареи болѣе пріятнымъ, чѣмъ „скучная катавасія“, какою они именовали піесу.

— Кому это, госнода, вы тутъ перемываете бока? спросилъ кто-то вновь вошедшій, видимо чело-вѣкъ просвѣщенный, давно уразумѣвшій, что если собрались гдѣ три четыре человѣка, то непременно когонибудь разбирають по косточкамъ, опредѣляя преимущественно степень его глупости.

— „Да вотъ, не замѣтили-ли вы въ первомъ ряду...“ и т. д.

— А! протянулъ вошедшій, и небрежно закинувъ ногу на ногу, тутъ-же въ буфетѣ закурилъ папиросу.

Буфетчикъ съ заискивающей улыбкой замѣтилъ, что „здѣсь нельзя“, но получилъ въ отвѣтъ: „ну, вотъ еще новости!“, потомъ при слѣдующемъ замѣчаніи, онъ былъ совершенно разбитъ убѣдительнонѣшимъ доводомъ, что „его—ство въ буфетѣ больше не придетъ“, и сталъ просить уйдти „по крайней мѣрѣ“ въ сосѣдную комнату. Всѣ собесѣдники перешли туда и всѣ закурили папиросы, заливаясь при этомъ самымъ невиннѣйшимъ дѣтскимъ смѣхомъ. Имъ было именно такъ дѣтски прї-

Взятие укреплёния при „Бабиной Главѣ“ подъ предводительствомъ генерала М. Г. Черняева. Съ эскиза М. И., рѣзаль Перегорскій.

ятно, такъ весело и отъ души смѣялось, что они не могли отъ смѣха выговорить слова и только взгляды-вали одинъ на другого, любуясь, какъ они свободно покуриваютъ въ запрещенномъ мѣстѣ.

Выйдя изъ театра и проводивъ глазами экипажъ сановника, полиціимейстеръ проворно вскочилъ въ свои сани, и пара карачевыхъ помчала его съ необычайной быстротой по пустыннымъ улицамъ города. Лошадки были маленькія, но статныя и бойкія, коренникъ такъ быстро перебиралъ ногами, а пристяжка такъ ловко выгибала шею и рвалась впередъ, что ничего не оставалось желать въ этомъ случаѣ болѣе лучшаго, развѣ только по части кучерскаго голоса чувствовались нѣкоторые недостатки. Но въ этомъ случаѣ исправить ихъ не представлялось возможности, по неимѣнію въ полиційской командѣ другого болѣе голосистаго солдата, а понимать кучера на свой счетъ было, конечно, безразсудно. Оставалось покориться обстоятельствамъ и ждать, авось „Богъ милостивъ“ потомъ какъ нибудь выищется подходящій человѣкъ.

Изъ театра полиціимейстеръ еще куда-то заѣхалъ, гдѣ то по дорогѣ остановился около будки городского, только что было приготовившагося „соснуть маненько“ въ своей каморкѣ, и крикнулъ, вызывая его. Заслыша знакомый грозный голосъ, городской вскочилъ, какъ оглушонный громомъ, выбѣжалъ на улицу, остановился предъ санями полиціимейстера, вытянувъ руки по швамъ, и стараясь, не мигая, смотрѣть прямо въ глаза начальнику, какъ человѣкъ, имѣющій совершенно чистую совѣсть. Прослушавъ обычные слова: „я васъ, канальи... и т. д.“ и проводивъ глазами быстро умчавшіяся сани, городской лѣниво почесалъ у себя въ затылкѣ и ушелъ опять, въ свою конуру, гдѣ такъ пріятно пахивало махоркой и кислыми щами, запахи, которыхъ никакія реформы и даже сама всемогущая рука времени не въ силахъ изгнать изъ русскаго царства.

Возвратившись, наконецъ, домой, полиціимейстеръ послѣднее сбросилъ съ себя всю, какъ онъ называлъ, „аммуницію“ и облачившись въ старенькое военное пальто, сѣлъ за ужинъ. Подъ его искуснымъ ножомъ ловко повертывались на тарелкѣ куски жареной индѣйки и послѣ двухъ, трехъ поворотовъ оказывались потомъ въ рукахъ и мгновенно вслѣдъ за этимъ превращались въ обглоданныя косточки. Въ тоже время и вскорѣ одна за другой были выпиты двѣ-три рюмки очищенной, которая, такъ-же, какъ и всѣ другія „питія“, по старости памяти, изъ уваженія-ли, изъ боязни-ли городскихъ обывателей или изъ чувства благодарности, или чортъ ихъ, съ позволенія сказать, знаетъ по какимъ обстоятельствамъ оказывались всегда на его столѣ „сами собой“, на что онъ, какъ человѣкъ по горло занятый службой, не обращалъ никакого вниманія. Не смотря на то, что онъ ѣлъ съ аппетитомъ и съ такимъ-же аппетитомъ выпилъ потомъ какого-то винограднаго, собственно, какъ онъ говорилъ, „пополоскаты во рту кисленькимъ“, не смотря даже на то, что свернутая вслѣдъ за тѣмъ и ловко всунутая въ мундштукъ солидныхъ размѣровъ папироска „скороспѣлка“ доставила ему не малое удовольствіе,—не смотря на все это вмѣстѣ взятое, онъ былъ не въ духѣ и по временамъ что-то сильно покрякивалъ. Изъ этого всѣ домашніе въ особенности весь штатъ его подчиненныхъ обыкновенно заключали, что „баринъ строгъ“.

Онъ покрякивалъ на разные манеры. Когда начальство задавала ему головоломку, онъ, возвратившись домой, быстро шагаль по залу и крихтѣлъ громко на высокихъ нотахъ, напоминая кашель старухи, когда она, переводя духъ отъ этого кашля, прихватываетъ руками грудь и на дискантовой нотѣ выводитъ свое „охъ батюшки-и“. Крихтѣлъ онъ такъ до тѣхъ поръ, пока въ свою очередь не превращался изъ подчиненнаго въ начальство и не передавалъ головоломку „по принадлежности“ своему подчиненному. Когда же обстоятельства

головомоекъ принимали болѣе серьезный характеръ, онъ уже не быстро, а медленно расхаживалъ, и не по залу, а по своему кабинету, и не крихтѣлъ, а просто кашлялъ, отрывисто и рѣзко, при чемъ по временамъ глубоко вздыхалъ и ухалъ какъ-то, видимо подъ тяжестью мрачныхъ думъ. Въ это время къ нему уже, какъ говорится, близко не подходилъ,—человѣкъ дѣлался сильно гнѣвный: оборветъ на первомъ словѣ и изругаетъ скверными словами, кто бы ни подошелъ, хоть жена, хоть дочери (онъ имѣлъ двухъ дочерей). Напротивъ, когда ни какихъ головоломекъ не было, а такъ только предстояли впереди какія либо глубокія соображенія и что нибудь тревожило его въ не очень большихъ размѣрахъ, онъ покрякивалъ тихонько себѣ подъ носъ и на низкихъ нотахъ, видимо въ отвѣтъ на свои собственные мысли, и хотя вздыхалъ при этомъ, но не сильно, и, разумеется, уже совсѣмъ не ухалъ, такъ какъ причинъ, вызывающихъ уханье, совсѣмъ не было.

Такъ въ описываемое время онъ, окончивъ ужинъ, былъ занятъ соображеніями. Все шло уже къ надлежащему концу. Онъ закурилъ свою папиросу, „позолотилъ“, по его словамъ, во рту и хотѣлъ отправиться ко сну, моля Бога, чтобы ночь прошла благополучно и не случилось бы гдѣ пожара.

Въ это время, уже въ ночномъ капотѣ, вошла въ залъ его супруга.

Конечно, она была уже не первой молодости, когда старшая дочь имѣла официальныхъ двадцать семь лѣтъ, да подъ секретомъ хранилось на всякій случай въ сюрпризъ жениху лѣтъ пять-шесть. Семенъ Егоровичъ при входѣ супруги что-то поморщился, предчувствуя, можетъ быть опытнымъ своимъ сердцемъ, что приходъ супруги ничего добраго не предвѣщаетъ, тѣмъ болѣе, что и приходитъ ей, казалось было не зачѣмъ, ибо они давно уже, въ виду великовозрастія своихъ дочерей, спали на разныхъ половинахъ. Онъ хотѣлъ ее, тоже на скорую руку поцѣловать, ссылаясь на утомленіе, и отправиться на покой; но супруга пришла совсѣмъ не за поцѣлуемъ, а собственно для разъясненія того же вопроса, который занималъ и публику. Супругъ Семена Егоровича было даже указано то самое кресло, которое такъ неожиданно оставилъ „представительный и необыкновенно важно державшій себя человѣкъ“. На бѣду она и сама видѣла его въ то время, когда онъ вошелъ въ театръ и осматривалъ въ бинокль ложи. Ей, какъ матери двухъ дочерей, пришло, конечно, въ голову, не посылаетъ ли Господь жениха. И вотъ всѣ эти обстоятельства были причиной того, что супруга, войдя въ комнату, тотчасъ-же обратилась къ Семену Егоровичу съ вопросомъ: „кто это... и т. д.“ Семенъ Егоровичъ, уже догадывавшійся въ чемъ дѣло, невыдержалъ и при первыхъ же словахъ вопроса вспылалъ. Жена отшатнулась отъ него, удивленная непонятной причиной гнѣва, она, разумеется, не могла понять, что этимъ вопросомъ уже успѣли ея супругу достаточно надоесть въ театрѣ.

— Что я вамъ въ самомъ дѣлѣ, чортъ-что-ли какой! скоро и горячо отвѣчалъ онъ, кинувъ на столъ, прямо на обглоданныя кости индѣйки салфетку: кто да кто!.. ну пойдите къ нему, спрашивайте сами... Весь свѣтъ что-ли я обязанъ знать!... Чортъ знаетъ, что это такое! тѣфу!..

Онъ былъ хотя и горячъ, но скоро остывалъ. Послѣ этой вспышки, сдѣлавъ по комнатѣ два-три быстрыхъ перехода отъ одной стѣны къ другой, онъ подошелъ къ женѣ, подставилъ ей свою щеку и извинился, сознавъ, что она въ самомъ дѣлѣ ни въ чемъ предъ нимъ не виновата.

— Ну, ну, извини. Виноватъ... Черти надоели въ театрѣ съ этимъ же вопросомъ... А я и самъ незнаю, кто онъ..

Онъ посиѣшно проглотилъ еще рюмку „кисленькаго“ и ушелъ въ кабинетъ.

Жена постояла нѣсколько времени посреди комнаты, подумала что-то, соображая можетъ быть о трудныхъ обязанностяхъ ея мужа, а можетъ быть и о таинственномъ приѣзжѣ, потомъ зѣвнула, заслонивъ ротъ рукою, и безучастно глянувъ, какъ прислуга убирала со стола посуду, пошла на свою половину.

Ночью случился пожаръ, но гдѣ-то далеко на краю города, и въ силу этого уважительнаго обстоятельства дѣло обошлось безъ полиціймейстера. Сообразительный подчиненный рѣшилъ, что изъ пустяковъ будить начальство пока не слѣдуетъ, а тамъ дальше по ходу дѣла, будетъ видно, какъ поступить. И дѣйствительно, сгорѣла какая-то мѣщанская избушка и сгорѣла скоро, только и осталось отъ всего одна печка, съ закопченной и мѣстами развалившейся трубой, вдругъ оказавшейся одинокой среди пепелища. Любопытная толпа даже и поглазѣть не успѣла на пожаръ, такъ что нѣсколько казаковъ уныло и какъ-то сонно зѣвали по сторонамъ, не видя возможности, за отсутствіемъ толпы, выказать свою распорядительность, покричать, помахать плетью, напирать на толпу и заботясь о ея безопасности даже въ верстовомъ разстояніи отъ мѣста пожара.

Утромъ только узналъ полиціймейстеръ о бывшемъ пожарѣ и поблагодарилъ, что напрасно не беспокоили. Онъ не спросилъ о томъ, „недокладывали-ли Его—ству“, зная, что подчиненные народъ смѣтливый и не сунуть впередъ носа туда, куда не слѣдуетъ. Однако для предстоящаго доклада освѣдомился о ходѣ дѣла и узналъ, что „все благополучно“, изба сгорѣла, и владѣлица ея, мѣщанка, справлявшая въ этотъ вечеръ поминъ по родителямъ, оказалась „въ пьяномъ видѣ“, и въ весьма веселомъ состояніи духа, даже съ визгивымъ пѣніемъ и съ покушеніями на пляску, препровождена для вытрезвленія въ сосѣднюю избу. Полиціймейстеръ слушалъ докладъ. Подчиненный съ сдержанной улыбкой, рассказывалъ ему о подробностяхъ несчастія мѣщанки, и художественно обрисовалъ нѣсколькими словами ея сгорбленную и пошатывающуюся фигуру, съ развѣвающимся въ лѣвой рукѣ платкомъ, которымъ она помахивала, затягивая надтреснутымъ голосомъ „разгорюйся, растоскуйся“ и взвизгивая въ порывѣ пьянаго чему-то восторга. Выслушавъ все, полиціймейстеръ только покачалъ головой и нахмурился, можетъ быть, по добротѣ своей, души, соболѣзнуя, какъ тяжело будетъ похмѣлье погорѣвшей мѣщанки.

Въ другое время онъ самъ - бы, можетъ быть, этому посмѣялся; но теперь онъ былъ не въ духѣ. Обстоятельства вчерашняго вечера не выходили изъ его головы. Онъ наскоро, потомъ, подписалъ кой какія бумаги, два три предписанія о скорѣйшемъ и немедленномъ взыскаіи съ кого-то какихъ-то денегъ въ размѣрѣ 10,000 р. и о продажѣ вслучаѣ неуплаты имущества, оцѣненнаго по описи въ 13 руб. 71³/₄ коп.; нѣсколько бумагъ, при которыхъ препровождались „по принадлежности“ въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, ломъ, топоръ и солидныхъ размѣровъ колья, — орудія, характеризующія собою преступленія на Руси, гдѣ утонченныя измышленія запада не получили еще въ этомъ случаѣ надлежащаго примѣненія. Потомъ, собравшись ѣхать съ докладомъ, завернулъ въ полицейское управленіе, помѣщавшееся въ одномъ дворѣ съ его квартирой. Тамъ тоже подписалъ нѣсколько бумагъ и сдѣлалъ какія-то личныя распоряженія о чловѣкѣ, неизвѣстнаго званія, съ вечера подобранномъ гдѣ-то на улицѣ и отличавшемся большимъ развитіемъ особыхъ примѣтъ на лицѣ въ видѣ синяковъ и подтековъ подъ глазами. Потомъ обратилъ вниманіе на сидѣвшую въ общей пріемной женщину съ груднымъ ребенкомъ, уныло ожидавшую своей участи быть отправленной въ деревню по официальному требованію мужа „для сов-

мѣстнаго съ нею по закону жительства“. Женщина покушалась было начать снова свою „просьбу“ и заплакала; но полиціймейстеръ, хотя и очень спѣшилъ къ докладу все таки удѣлилъ ей нѣсколько мгновеній и выразилъ свое соболѣзнованіе брошеннымъ на ходу утѣшеніемъ: — „знаю, знаю я его, — пьяница; но нельзя нельзя, матушка: мужъ глава“ и вышелъ на улицу. Только что онъ хотѣлъ садиться въ сани, какъ слѣдомъ за нимъ выбѣжалъ на улицу съ перомъ за ухомъ и съ бумагой въ рукѣ запыхавшійся и сильно озабоченный чиновникъ, высокій и сухой, одинъ изъ тѣхъ дѣльцовъ, которые служатъ правой рукой у начальства, отлично хорошо знаютъ дѣло и работаютъ ночи на пролетъ, но всю жизнь остаются въ черномъ тѣлѣ, по той уважительной причинѣ, что при первомъ случаѣ освобожденія изъ тисковъ нужды начинаютъ сильно пьянствовать и пропиваются до послѣдней нитки.

— Что тамъ еще? хмурясь спросилъ полиціймейстеръ, и уже сидя въ саняхъ, быстро просмотрѣлъ бумагу, по которой „во исполненіе предписанія“ кого-то слѣдовало освободить изъ подъ ареста.

— Еремѣевъ! наставительно замѣтилъ онъ, сердито сунувъ бумагу назадъ, вы опять излишнее усердіе начинаете выказывать. Смотрите, взитокъ нетерплю, узнаю — прогоню..

— Помилуйте-съ... „Воисполненіе предписанія“... Могу-ли я!.

— Ну, ну, знаю. Невелика бѣда, посидитъ лишній день!..

И уѣхалъ, неподписавъ бумаги. Изъ чего слѣдуетъ заключить, что онъ самъ тертый калачъ и, какъ говорится, держитъ ухо остро.

IV.

Несмотря на то, что бойкая пара лошадей быстро мчала его по улицѣ, онъ нѣсколько разъ отрывисто повторялъ: „пош-шоль, пош-шоль“ и не замѣчалъ, какъ встрѣчавшіеся ему напути обыватели отвѣщивали низкіе поклоны. Онъ спѣшилъ къ докладу. Подкатилъ къ подъѣзду дома, занимаемаго сановникомъ, посиѣшно выскочилъ изъ саней, подернулъ плечами, поправляя на себѣ шинель, посиѣшно прошелъ потомъ чрезъ прихожую, гдѣ толпились, переступая съ ноги на ногу, нѣсколько мужчинъ и женщинъ, съ бумагами въ рукахъ, вѣчно ищущіе въ чемъ-то защиты и въ большемъ общій надѣленные отъ Господа Бога вѣрой въ правосудіе. При его входѣ вся эта томнящаяся ожиданіемъ толпа отступила въ сторону, старухи вздохнули произнося: „охъ, господи“, мужчины прокашлялись и съ завистью поглядѣли, какъ вслѣдъ за полиціймейстеромъ дверь, ведущая въ залъ, снова затворилась.

Онъ вошелъ въ залъ и, въ свою очередь, сталъ томительно посматривать на дверь кабинета сановника и посматривалъ долго, похаживая по залу изъ угла въ уголъ.

Такимъ образомъ оказывалось, что завистливые взгляды мужчинъ и вздохи женщинъ изъ прихожей были совершенно напрасны, и нечему было завидовать: всѣмъ одинаково въ свое время предстояло вздыхать, ждать и томительно посматривать на таинственныя двери. Если-бы они могли умственнымъ окомъ своимъ проникнуть чрезъ пространство, отдѣлявшее губернской городъ N отъ столичнаго города, и заглянуть тамъ въ надлежащія мѣста, то убѣдились бы и утѣшились въ своемъ томленіи, узнавъ, что и самъ сановникъ въ свою очередь и въ свое время, гдѣ слѣдуетъ, такъ же уныло похаживаетъ изъ угла въ уголъ, и то лицо, у дверей котораго онъ томительно посматриваетъ на блестящую ручку дверного замка, тоже въ свое время и гдѣ слѣдуетъ, вздыхая, расхаживаетъ въ пріемныхъ, измѣряя своими шагами длину и ширину комнатъ отъ одного угла до другого. Таковъ уже положенъ предѣлъ „его-же непрейдеши“.

Сановникъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ. Онъ былъ въ бархатномъ темносиномъ цвѣта халатѣ и въ туфляхъ, украшенныхъ цвѣтами и золотымъ шитьемъ. Такія туфли, пожалуй, не постиглись-бы надѣть самъ глава католиковъ, стоило только вышить на нихъ надлежащія изображенія, а затѣмъ можно было смѣло протянуть ногу, закрыть глаза и даже, если угодно спать, въ полной увѣренности, что за благоговѣйными поцѣлуями дѣло не остановится, благодаря той высокой почтительности, которой исполнены сердца католиковъ по отношенію къ своему главѣ. Но несмотря на прекрасныя туфли и дорогой халатъ, гармонировавшіе съ общей роскошью обстановки кабинета, съ запахомъ благовонной гаванской сигары и ароматомъ душистаго чая, сановникъ былъ не въ духѣ. Сигара лежала недокуренной на пепельницѣ и аромат ея, такъ сказать, ни закончику пропадалъ, втунѣ извиваясь тоненькой сизоватой дымкой около бумагъ, разбросанныхъ по столу, и чай стылъ въ хрустальномъ стаканѣ. Самъ сановникъ сильно хмурился и что-то сердито и отрывисто по временамъ говорилъ самъ себѣ, подписывая бумаги, которыя ему подкладывалъ стоявшій передъ нимъ подчиненный, вытаскивая ихъ по очереди изъ большой кучи, придерживаемой у своего сердца правой рукой.

Подчиненный по своей внѣшности, напоминалъ корку высохшаго лимона, на которой появилась уже плесень, вѣрный знакъ вліянія времени и воздуха. Несмотря на его изящно спитый вицъ-мундиръ и на проборъ чрезъ всю голову отъ шеи до лба, извѣстный у франтовъ подъ названіемъ „невскаго проспекта“, не смотря на открытый жилетъ, давшій свободное мѣсто на груди для ордена, и на узенькіе франтоватые брюки, онъ не казался франтомъ, все какъ-то ступовывалось и забывалось при взглядѣ на испитое зеленовано-желтое лицо, ввалившіяся щеки и мутные глаза. Отъ него, какъ говорится, за три версты несло отношеніями и предписаніями, и надѣнь онъ брюки хоть того уже и сдѣлай на головѣ еще два проспекта, останется въ концѣ концовъ все тотъ-же „рапортъ и предписаніе“.

Отчасти онъ, пожалуй, смахивалъ на петербургскаго департаментскаго чиновника, но только отчасти. Петербургскій въ этомъ случаѣ ушелъ далеко отъ губернскаго. Зато въ дѣлѣ работы губернскій выносивше, иной везетъ на себѣ столько, что петербургскихъ пятеро не смогутъ.

Петербургскій въ этомъ случаѣ относится къ губернскому, какъ хорошая ломовая лошадь къ орловскому рысаку. Онъ статенъ, быстръ на бѣгу, но въ возъ запрячь его нельзя; ему свойственно показывать свою удалъ по расчищенной дорогѣ, чтобы не встрѣчалось на пути, какъ говорится, ни сучка ни зазоринки, знай себѣ разсыпай цвѣты департаментскаго краснорѣчія съ неизбѣжнымъ: „принимая въ соображеніе, имѣя въ виду“. Петербургскій въ службѣ старается скрыть свое настоящее званіе, и, уходя со службы, оставляетъ вицъ-мундиръ въ швейцарской ибо не любить клички: „рябчикъ“. Глядя на другого, подумаешь, сіятельный вельможа, а то и того больше. Губернскій до этого не дошелъ и на вицъ-мундиръ смотритъ, какъ на украшеніе, ни мало неподозрѣвая, что въ немъ-то именно и таится начало обидной клички: рябчикъ.

Докладчикъ сановника по должности своей могъ быть сравненъ съ тѣми помощниками дирижоровъ въ оркестрѣ, на обязанности которыхъ лежить мунштровать и обучать хоръ, для того, чтобы главному капельмейстеру оставалось только сѣсть на свое мѣсто и, помахивая палочкой, преподавать высшіе оттѣнки музыкальной мудрости.

Сановникъ сначала подписывалъ спокойно и ничуть не гнѣвался и не ворчалъ, а напротивъ слушая докладъ

о томъ, какую онъ именно бумагу подписываетъ, произносилъ даже во время подписыванія одобрительныя слова. Хотя эти слова и были краткія, но онъ произносилъ ихъ такъ протяжно, что слово одобренія, начинавшееся произноситься во время подписыванія одной бумаги, переносилось на другую бумагу, такъ что, напримѣръ, фраза: „это очень хорошо,“ распадалась на двѣ части: „это очень хо“ произносилось при подписываніи одной бумаги, а „рошо“ уже заканчивалось въ то время, когда онъ на скоро черкалъ рукой по другой бумагѣ. Черканье, собственно, обозначало его фамилію и обозначало такимъ своеобразными, особенными, ему присущими знаками, что ихъ, съ достовѣрностію можно сказать, не прочиталъ-бы ни одинъ изъ самыхъ завзятыхъ знатоковъ по части разбора гіероглифовъ, даже и самъ писавшій не въ состояніи-бы былъ объяснить, что именно означаетъ въ отдѣльности каждое слово, потому что словъ не было, а шли только какія-то палки, начинаясь съ маленькой и постоянно увеличиваясь и переходя потомъ въ росчеркъ. Но этотъ росчеркъ ни въ какомъ случаѣ не напоминалъ собою легкомысленнаго росчерка юнкера какого нибудь инженерландскаго полка, который, въ лестномъ ожиданіи своего зачисленія на дѣйствительную службу, еще на школьной скамьѣ практикуется въ этомъ случаѣ, и именуя себя всевозможными военными чинами, отъ прапорщика до фельдмаршала включительно, Богъ знаетъ какими завитками росчеркивается. Напротивъ, росчеркъ сановника былъ твердый, рѣшительный и безъ завитковъ, онъ скорѣе напоминалъ кисть художника, когда онъ, разсердившись на неудачу въ работѣ, возьметъ, да и махнетъ кистью прямо по написанной рожѣ, посылая, такъ сказать, всю работу къ чорту. Между тѣмъ, не смотря на небрежность подписи и росчерковъ, въ общемъ выходило что слѣдуетъ, и каждый, получавшій такія бумаги, отменно хорошо зналъ, кто именно на нихъ такъ рѣшительно мазнулъ перомъ, и иной съ немалымъ чувствомъ зависти посматривалъ на такую подпись, тая въ глубинѣ своей души надежду на возможность когда нибудь такъ-же смѣло росчеркнуться.

Чѣмъ далѣе шла работа по подписыванію бумагъ, тѣмъ меньше сановникъ произносилъ одобрительныхъ словъ и тѣмъ сердитѣе дѣлались его росчерки. Подчиненный все подавалъ да подавалъ бумаги и объяснялъ ихъ содержаніе; но и въ его объясненіяхъ по мѣрѣ теченія времени тоже происходила большая перемѣна. Сначала онъ подробно объяснялъ содержаніе бумагъ, но потомъ замѣчая, что во время объясненія одной бумаги и именно на самомъ интересномъ его мѣстѣ, сановникъ, не поворачивая головы, уже тянетъ руку за другую, онъ обрывалъ рѣчь на полусловѣ и начиналъ говорить объ этой другой уже короче. Но сановникъ опять тянулъ руку за новой бумагой. Онъ сталъ объяснять еще короче, потомъ еще короче, а потомъ уже дошло до того, что сановникъ и спрашивая не сталъ „о чемъ“, а только взглядывалъ на заголовокъ бумаги и потомъ черкалъ рукой на надлежащемъ мѣстѣ. Между тѣмъ, куча, придерживаемая подчиненнымъ около сердца, пичуть не уменьшалась. Она, казалось, была неистощима, какъ та бутылка фокусника, изъ которой сколько не выливай вина, оно все-таки не изсякаетъ. Сановникъ уже сталъ хмуриться и искоса бросать сердитые взгляды на кучу, видимо подозрѣвая ее въ излишней навязчивости. Смѣтливый подчиненный сразу догадался по этимъ взглядамъ, что слѣдуетъ „сократить усердіе“, и на скоро сунулъ большую часть кучи на сосѣдній столъ, замѣтивъ, какъ будто самому себѣ: „это неподлежитъ“.

— Что это вы отложили? мрачно спросилъ сановникъ, можетъ быть желая убѣдиться, дѣйствительно-ли чаша мимо идетъ.

— Неподлежитъ! коротко отвѣтилъ тотъ, подкладывая новую бумагу.

Сановникъ сталъ опять подписывать и уже дружески любяще посмотрѣлъ на лѣвый бокъ подчиненнаго, замѣтивъ, что куча значительно поубавилась въ своемъ объемѣ. Но вдругъ съ нимъ случилось полнѣйшее превращеніе. Небрежно дотога времени принимавшій и отбрасывавшій послѣ подписи бумаги, онъ, при одномъ

нѣскольکو выпрямился и, заслонивъ ротъ рукой, кашлянулъ раза два, потомъ сдѣлалъ шагъ въ сторону, видимо сознавая всю важность предстоящей минуты, и то, что ему во время чтенія этой бумаги „неподлежитъ“ стоять близко.

Въ минуты раздумья. Съ картины Кабанеля, рѣзаль на деревѣ Шиблеръ.

какомъ-то словѣ подчиненнаго, вдругъ выпрямился на своемъ стулѣ и принялъ бумагу въ руки только тогда, когда перо отложилъ далеко въ сторону. Онъ отнесся къ этой бумагѣ съ особенною бережностію, и положивъ ее на столъ, даже отдвинулся отъ нея вмѣстѣ съ кресломъ и произнесъ нѣсколько разъ: гм, гм; подчинен-

Произнося: гм, гм, сановникъ вытащилъ изъ кармана халата носовой платокъ, отеръ имъ тщателью руки и, приблизивъ кресло къ столу, сталъ внимательно читать. дочитавъ листъ до конца, онъ осторожно взялъ его двумя пальцами за самый кончикъ и также осторожно и бережно перевернулъ на другую сторону,

стараясь, чтобы не помялся листъ. Прочитавъ написанное на другой страницѣ и поставивъ гдѣ-то очень аккуратно и тщательно запятую, засыпалъ ее золотистымъ съ разноцвѣтными блестящими песочкомъ и сталъ читать бумагу сначала. Потомъ опять нѣсколько разъ онъ произнесъ: „гм, гм“ и затѣмъ уже подписалъ бумагу, подписавъ совсѣмъ иначе, чѣмъ подписывалъ предъидущія бумаги, а именно, неторопясь и тщательно выводя каждую букву и никакого, даже самаго маленькаго, росчерка не сдѣлалъ.

Замѣтно было, по его отношенію къ этой бумагѣ, что она предназначалась къ отправкѣ куда-то въ особое мѣсто, гдѣ росчерковъ не любятъ и откуда сановникъ въ свою очередь получаетъ бумаги съ росчерками, смотря на которые хранить въ тайнѣ своей души надежду на возможность когда нибудь также расчеркнуться. Окончивъ эту подпись и вздохнувъ, какъ вздыхаетъ человѣкъ окончившій, наконецъ, трудное дѣло, сановникъ рѣшительно отодвинулся отъ стола и сказалъ: „ну, эти послѣ“, что видимо относилось къ тѣмъ не подписаннымъ бумагамъ, уменьшенную часть которыхъ

подчиненный намѣревался спустить въ этотъ день съ рукъ. Потомъ онъ всталъ съ кресла и, кивнувъ головой на набросанную на столъ кучу подписанныхъ бумагъ, небрежно замѣтилъ: „возьмите это“.

— Уфъ! Уфъ! отпыхивался онъ потомъ, запахивая халатъ, потягиваясь и выпрямляя спину, измученную его долгимъ сидѣньемъ за работой.

— Вслѣдствіе отношенія Департамента... началъ было что-то подчиненный, но на первыхъ-же словахъ былъ остановленъ короткой фразой: „ну, послѣ, послѣ“.

Онъ проворно собралъ бумаги всѣ въ одну общую кучу, увѣренный, что не спутаетъ чего не слѣдуетъ, и, молча откланявшись, вышелъ по мягкимъ коврамъ комнаты. Вышелъ онъ тихо и совершенно не слышно, только пуговица на хвостѣ вицмундира задѣла нечаянно о притолку двери и произвела нѣкоторый звукъ, да потомъ пѣз зала послышались удаляющіеся шаги, шаги осторожные, на кончикахъ пальцевъ, и выдававшіе себя лишь скрипомъ сапогъ.

Д. Стахѣвъ.

(Продолженіе будетъ).

ПРЕДВОДИТЕЛИ И ГЕРОИ СЛАВЯНСКАГО ВОСТАНІЯ.

Теперь, когда Черногорія и Сербія возстали съ оружіемъ въ рукахъ противъ мусульманскаго ига, и когда соединенныя успѣлы христіанскаго населенія Балканскаго полуострова направились къ тому, чтобы добыть во что бы то ни стало свою независимость, и приобрѣтають болѣе и болѣе сочувствіе у всѣхъ образованныхъ народовъ, — нельзя не вспомнить о той горсти героевъ, которые столько времени, безъ всякихъ средствъ, клеймимые позорнымъ именемъ бунтовщиковъ, первые поднялись за правое и святое дѣло и боролись за него до послѣдней капли крови. Эта горсть героевъ — были герцеговинцы. Суровые сыны горъ, люди наслѣдственной храбрости, они своею настоячивостью и немовѣрными успѣхами своего оружія подготовили и воодушевили общественное движеніе. Ихъ энергическіе предводители: Любичичъ, Пейко Павловичъ, Лазаръ Сочича и другіе не принимали никакихъ предложеній для примиренія и до конца имѣли своимъ девизомъ только одно — смерть или полное освѣщеніе. Ихъ портреты были помѣщены въ № 12 «Нивы», на рисунокъ «Военный совѣтъ въ лагерѣ Пейко Павловича». Представляя въ настоящее время портреты четырехъ *мазарей* герцеговинцевъ, именно: Милована Божковича, Милентія Перовича, Петра (Пеція) Петровича и Стояна Ковачевича мы позволяемъ себѣ сообщить вѣкоторыя, хотя и скудныя свѣдѣнія объ этихъ замѣчательныхъ личностяхъ.

Архимандритъ Милентій Перовичъ былъ также однимъ изъ передовыхъ бойцовъ въ борьбѣ за независимость Герцеговины. Такая *ecclesia militans* здѣсь не рѣдкость, и часто здѣшній священнослужитель идеетъ противъ враговъ вѣры и отечества съ крестомъ въ одной рукѣ и съ оружіемъ въ другой. Милентій Перовичъ, бывшій архимандритъ уничтоженнаго турками Джужскаго монастыря, хотя и не предводительствовалъ отдѣльнымъ отрядомъ, тѣмъ не менѣе принималъ самое живое участіе въ востаніи и при всякомъ случаѣ придавалъ ему характеръ ре-

лигиозной войны и тѣмъ еще болѣе воодушевлялъ поборниковъ святаго дѣла. Передъ сраженіемъ близъ Джужскаго монастыря, Милентій отслужилъ обѣдню, благословилъ отрядъ, а потомъ лично участвовалъ въ бою и три раза отбрасывалъ съ своими воинами яростныя нападенія турокъ. Турки хорошо понимали его огромное вліяніе на герцеговинцевъ, и за главу 39-ти лѣтняго архимандрита судили 500 пѣстрою награды. Дѣйствительно Милентій во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ являлся пламеннымъ патриотомъ, непреклоннымъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Когда австрійскій генералъ, Родичъ, во время своихъ переговоровъ съ вождями востанія, грозилъ, что австрійское правительство, въ случаѣ неокорства герцеговинцевъ, приметъ крайнія мѣры, то обращаясь къ Милентію онъ сказалъ: «Берегитесь, мы затворимъ границу и запретимъ подвозы». — Тогда мы будемъ драться зубами, но не уступимъ, отвѣчалъ ему Милентій.

Петръ (Пеція) Петровичъ отставной австрійскій офицеръ. Онъ явился на помощь славянамъ однимъ изъ первыхъ и съ тѣхъ поръ принималъ участіе во всѣхъ значительныхъ схваткахъ съ турками. По описанію видѣвшаго его лично корреспондента «Русскаго Мира» П. Петрова, это «свѣтлый блондинъ, съ маленькими усиками, съ полнымъ, бѣлымъ, красноречивымъ лицомъ; только глаза его, сѣро-стальные, металлическаго блеска, съ упорнымъ рѣзкимъ взглядомъ, свидѣтельствуютъ о силѣ воли и энергіи этого человѣка».

Стоянъ Ковачевичъ и Милованъ Божковичъ имѣютъ имена также не менѣе громкія и съ самаго начала востанія были однимъ изъ передовыхъ его дѣятелей. Стоянъ Ковачевичъ предводительствовалъ сначала отрядомъ Зубцовскаго округа, а потомъ состоялъ подъ начальствомъ другихъ главнѣйшихъ вождей. Особенно отличился онъ въ сраженіи при Триовицѣ, помогая Пейко Павловичу и Зимовичу.

Ильо Марковъ, одинъ изъ вождей болгарскаго востанія.

Коммисары Порты предлагали перемиріе воставшимъ болгарамъ, но предводители послѣднихъ отвергли это предложеніе, требуя полной самостоятельности. Это было еще 8 го іюня. Конечно, согласиться на перемиріе было уже невозможно: черкесы слишкомъ безчинствовали въ мирныхъ болгарскихъ селеніяхъ. Въ то время, когда европейскія державы спорили и не соглашались предоставить Сербіи самой предупредить поголовное избиеніе глуровъ, въ то именно время Митхадъ-паша напустилъ черкесовъ, башки-бузуковъ, цыганъ и курдовъ на Болгарію, гдѣ эти варвары разорили до 250 селеній, жители которыхъ избиты, уведены въ рабство, а ихъ имущество разграблено. Значительное количество болгарскихъ дѣтей, взятыхъ въ плѣнъ черкесами, проданы и до сихъ поръ продаются ими въ неволю... Изъ Филиппополя пишутъ, что предложеніе этого «товара» превышаетъ спросъ, такъ что тамъ можно купить сколько угодно молодыхъ дѣвушекъ по 3—4 лиры, Болгаръ, убитыхъ не въ бою уже теперь насчитывается 15,000 (мужчинъ, женщинъ и дѣтей). Вся страна наводнена вооруженными мародерами, которые облагаютъ самыми тяжкими поборами наиболѣе зажиточныхъ христіанъ, угрожая въ противномъ случаѣ донести о ихъ принадлежности къ востанію... Въ рядахъ болгарскихъ повстанцевъ находится нѣсколько извѣстныхъ партиза-

новъ-стариковъ, участвовавшихъ въ прежнихъ востаніяхъ. Знаменитый партизанъ *Ильо Марковъ*, 65-ти лѣтній старецъ, тоже поднялся на своего давнишняго заклятаго врага — да и какъ сидѣть сложа руки такому бравому молодцу? Взгляните на портретъ его, выставленный въ настоящемъ № «Нивы», — передъ вами плечистый, стройный мужчина, которому на видъ лѣтъ 40 — не больше. Вотъ краткая біографія его: Ильо Марковъ, будучи еще юношей, работалъ однажды въ полѣ, вмѣстѣ съ матерью своей и братомъ. Поле это находилось неподалеку отъ ихъ родной деревеньки Бераво, въ сѣверной Македоніи. Кругомъ все было тихо; бѣдные труженики и не предчувствовали близкой бѣды... Вдругъ изъ кустарника, окаймлявшаго поле, вылетѣлъ бѣлый дымокъ, за нимъ — другой, третій, раздался ружейные выстрѣлы и, братъ Ильо, Станко, упалъ мертвымъ. Оставшійся въ живыхъ, хотя и раненый, Ильо убилъ одного изъ нававшихъ, а это были — турецкіе жандармы, т. е. полицейскіе, слѣдовательно — болгаринъ совершилъ тяжкое преступленіе: поднялъ руку на начальство. Не считая себя смпреннымъ бараномъ, Ильо отбился отъ полицейскихъ и скрылся въ лѣсу, рѣшивъ не возвращаться въ деревню. Однако, за что-же турецкіе блюстители порядка и благочинія убили Станко Маркова и затѣмъ стрѣляли они по мирнымъ труженикамъ? Не бы-

до-ли тутъ несчастной ошибки? Нѣтъ, ошибки не было, потому что эти турки только «шутки ради» подстрѣлили Станко и ранили Ильо: охотясь за темными личностями, за ворами и разбойниками, турецкіе полисмены, въ видахъ развлечения, иногда позволяютъ себѣ стрѣльнуть въ перваго попавшаго мирнаго поселянина. Укрывшись въ лѣсу, Ильо задумалъ отомстить туркамъ *вообще*, такъ какъ смерть брата, погибшаго «такъ себѣ—здорово живешь», задѣло его за живое. Но одинъ въ полѣ не воннѣ, и вотъ, вскорѣ къ Ильо примкнули родственники и еще нѣсколько человекѣкъ, пожелавшихъ тоже свести кое-какіе счеты съ «веселыми стрѣлками», поклонниками пророка. Маленькое войско Ильо Маркова стало быстро увеличиваться, и когда оны увидѣли, что подъ его начальствомъ находится уже нѣсколько сотъ человекѣкъ—раздѣлилъ свое войско на отряды, назначилъ кому вести ихъ и, отправивъ эти кучки въ сосѣдніе округи, самъ съ пятнадцатью храбрецами принялся охотиться на турокъ, началъ отплачивать имъ за всѣ совершенныя и совершаемыя ими безчинства. Ильо свилъ себѣ гнѣздо въ горахъ, откуда и дѣлалъ свои набѣги. Турки стали серьезно побаваться этой кучки головорѣзовъ, а особенно — предводителя ея. Ильо нагналъ такого страха на «правовѣрныхъ» хозяевъ своей родины, что они иногда отказывались сами отъ какой нибудь крупной мерзости—просто изъ боязни передъ нимъ. Конечно, турки старались изловить его, снаряжали военныя экспедиціи съ этою цѣлью, но толку не было: происходили жаркія схватки и—Ильо всегда оставался побѣдителемъ. Не даромъ-же имя его и те-

перь воспѣвается въ болгарскихъ народныхъ пѣсняхъ!.. Мѣстный папа, видя что съ такимъ мятежнымъ подданнымъ ничего не подѣлаешь—приказалъ схватить и заарестовать жену и ребенка Ильо Маркова. Схватили и заарестовали, а черезъ нѣсколько дней—выпустили, и вотъ почему: папа узналъ, что Ильо очень ужъ разсердился, еще крѣпче засѣлъ въ горахъ, совсѣмъ освирипѣлъ, такъ что сталъ обращаться съ турками втрое хуже, чѣмъ прежде... Но мало по малу войско Ильо Маркова убывало,—кто самъ ушелъ, кого вражеская рука уложила на вѣки вѣчные, и вотъ, наконецъ, самъ оны попался въ плѣнъ, только не на долго—убѣжалъ въ свое гнѣздо среди дѣсистыхъ горъ; снова былъ пойманъ и снова убѣжалъ, опять схватили—опять вырвался... «Плохо дѣло», подумалъ Ильо и кое-какъ пробравшись въ Сербію (это было въ 1860 г.) уединенно зажилъ въ Крагуевацѣ. Въ востаніяхъ 1862—67 гг. оны не принималъ участія, такъ какъ полагалъ, что тогда не стоило начинать дѣла—ни время, ни обстоятельство не могли, по его мнѣнію, благоприятствовать успѣху, но *теперь* маститый Ильо Марковъ думаетъ не такъ: оны разсчитываетъ на энтузіазмъ земляковъ своихъ, вѣрять и надѣется, что взойдетъ же наконецъ красное солнышко надъ многострадальной Болгаріей!.. Если малая турецкая пуля не свалитъ этого прекраснаго старика—навѣрно новую славную пѣсню будутъ пѣть въ честь его тамъ, гдѣ теперь земля упитана кровью, слезами и покрыва золой и пепломъ сожженныхъ деревень...

Болгарскій герой Степанъ Караджа.

Болгарскій народъ, томимый теперь подъ тяжкимъ турецкимъ игомъ, былъ въ древности сильнымъ народомъ, и болгарская исторія богата славными для нея страницами и эпизодами.

Въ 559 году подъ предводительствомъ Забергана, болгары подошли въ огромномъ числѣ съ конницею и пѣхотою къ греческой Византіи (Константинополю) и навели ужасъ на императора Юстиніана.

Византія была однако спасена знаменитымъ Велизаріемъ, который отразилъ болгаръ (это была его послѣдняя побѣда). Вообще, вся древняя исторія болгаръ представляетъ почти непрерывный рядъ войнъ съ греками, въ которыхъ успѣхъ склонялся то на ту, то на другую сторону.

Въ 860 году болгарскій царь Богаръ принялъ отъ грековъ христианскую вѣру и былъ нареченъ Михаиломъ—имя тогдашняго греческаго императора. Вскорѣ послѣ крещенія Богара, (въ 867 году) греческій императоръ послалъ въ Болгарію православныхъ епископовъ и священниковъ для утверженія болгаръ въ христианской вѣрѣ. Войны на нѣкоторое время затихли, но вскорѣ снова возгорѣлись съ прежнею силою.

Въ 1015 году греческій императоръ Василии II взялъ въ плѣнъ и замучилъ болгарскаго царя Самуила и ослѣпилъ 15,000 болгаръ, за что и прозванъ былъ Болгарогубцемъ. Послѣ этого болгары болѣе полутора вѣка были подъ греческимъ игомъ, пока, наконецъ, въ 1185 г. не были освобождены героемъ Асаномъ, положившимъ начало болгарской королевской династіи Асанидовъ. Болгарскій царь Кало-Яни принялъ католицизмъ и получилъ за это отъ папы Иннокентія III королевскій титулъ, но, не смотря на это, когда крестоносцы, подъ предводительствомъ Балдуина, взяли въ 1203 году Константинополь и обошлись гордо съ этимъ болгарскимъ царемъ, Кало-Яни не поколебался выйти на нихъ съ оружіемъ. Болгарскій король разбилъ крестоносцевъ на голову и взялъ въ плѣнъ самаго знаменитаго Балдуина.

Въ свою очередь, Кало-Яни (иначе: Иоаннъ, Иоанникій), былъ измѣннически убитъ кинжаломъ во время сна.

Въ 1389 году, послѣ несчастной битвы на «Косовомъ полѣ», Болгарія подпала подъ власть турокъ, и до сихъ поръ терпятъ отъ нихъ неслыханныя жестокости.

Взятіе турецкаго укрѣпленія при „Бабиной Главѣ“ сербскими войсками, подъ предводительствомъ генерала М. Г. Черняева.

Событія на востокѣ становятся все болѣе и болѣе опредѣленны, принимаютъ все болѣе и болѣе грандіозные размѣры. Сербско-турецкая война въ настоящее время поглощаетъ вниманіе всѣхъ образованныхъ народовъ, каковы бы ни были ихъ симпатіи. Въ этой ожесточенной битвѣ, гдѣ, съ одной стороны, угнетенная славянскія народности изо всѣхъ силъ стараются сбросить съ себя тяжкое ярмо турецкаго гнета, а съ другой—фанатическая Турція съ неустовою, тупою злобою старается еще крѣпче затянуть петлю зависимости на шею славянина—въ этой борьбѣ на жизнь и на смерть, самымъ виднымъ и симпатичнымъ лицомъ является генералъ М. Г. Черняевъ, искусный полководецъ, взявшійся руководить военными дѣйствіями южно-моравской сербской арміи.

Гравюра наша изображаетъ атаку турецкихъ позицій при Бабиной Главѣ войсками генерала Черняева. Подвигаясь къ Акъ-Паланкѣ, Черняевъ искуснымъ маневромъ отвлекъ внима-

Такой многовѣковой гнетъ не могъ не отразиться и на характерѣ народа: прежде храбрый и умный, болгаринъ отупѣлъ, сталъ робокъ и низкопоклонливъ.

Теперешніе болгары считаются очень трусливымъ народомъ, но между нами всегда были личности, ярко выдававшіяся своимъ рѣшительнымъ характеромъ, горячею любовью къ угнетенной родинѣ и жаждою освободить ее отъ турецкаго ига. Одною изъ такихъ личностей является изображенный здѣсь герой болгарскій, Степанъ Караджа, имя котораго пользуется большою популярностію и упоминается съ любовью у простаго болгарскаго народа.

Степанъ Караджа родился въ 1843 году въ Тульчѣ, болгарскомъ городѣ, близъ устья Дуная.

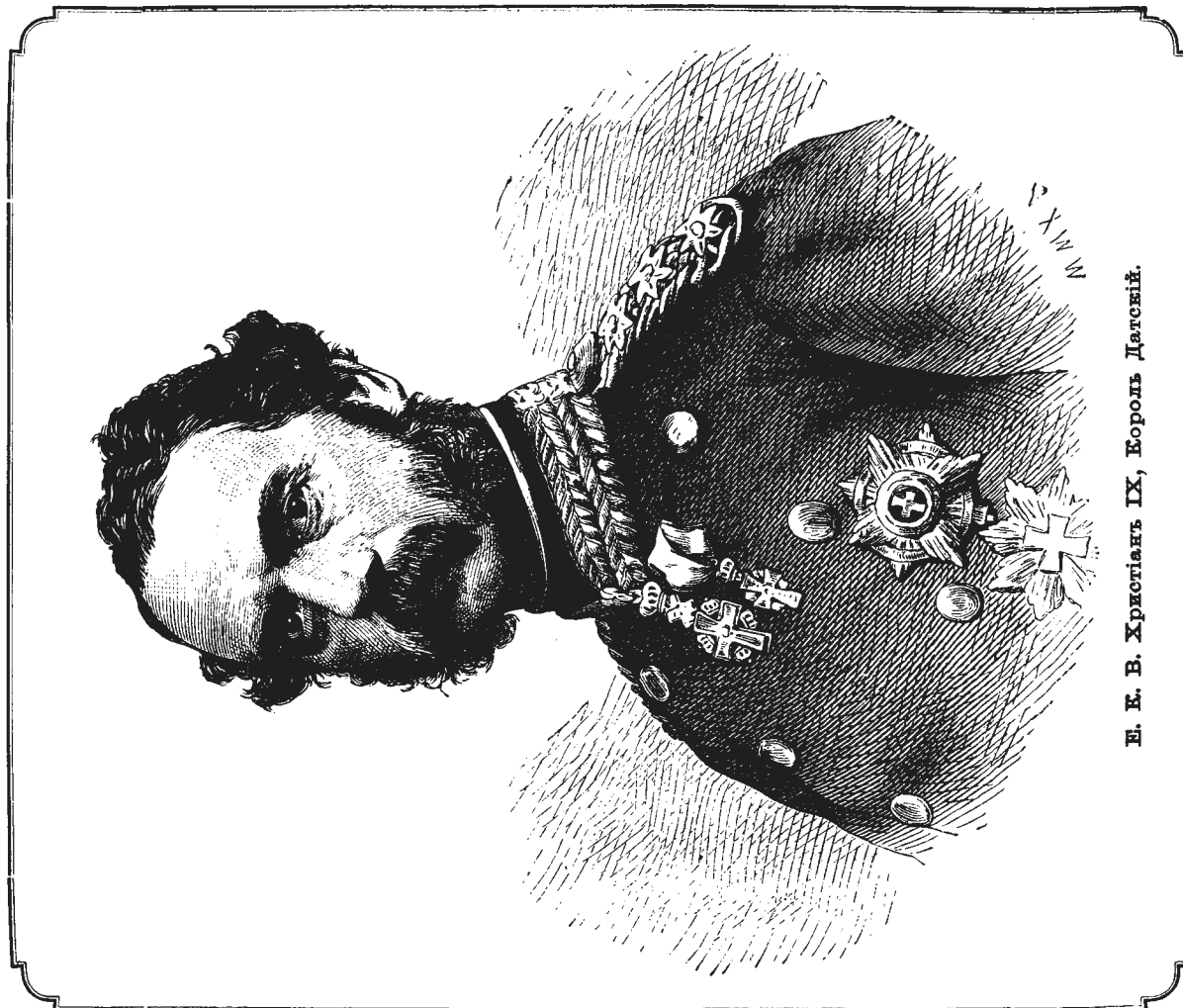
Въ 1862 году Степанъ Караджа былъ въ болгарскомъ войскѣ, составленномъ въ Бѣлградѣ Раковскимъ и Илей-воеводою. Войско это отличилось во время бомбардированія Бѣлграда турками, гдѣ дружными усиліями славянъ турки, наконецъ, были прогнаны, и сербскія владѣнія очистились отъ турецкихъ войскъ. Послѣ этого Караджа возвратился въ Румынію и нѣкоторое время жилъ спокойно, но въ 1866 году, вмѣстѣ съ другимъ героемъ болгарскимъ, такимъ же, какъ и оны бойцомъ за свободу родины, Хаджи-Димитріемъ и горстью момковъ оны снова дѣлалъ попытки облегчить участь родины. Въ 1868 году бухарестскіе эмигранты составили войско и, подъ предводительствомъ Хаджи-Димитрія и Караджи, опять вынулись на турокъ. Исходъ этой попытки извѣстенъ. И Степанъ Караджа, и Хаджи-Димитрій геройски погибли въ ожесточенной битвѣ за освобожденіе Болгаріи. Но за то имена ихъ съ благоговѣніемъ произносятъ каждый истый, преданный родиѣ болгаринъ.

Исходъ настоящей борьбы противъ турокъ—еще неизвѣстенъ... Неужели, послѣ столькихъ жертвъ, попытокъ и усилій—имъ придется снова надѣть турецкое ярмо и снова подвергаться еще большимъ притѣсненіямъ и злодѣйствамъ?...

Rus.

ніе турокъ отъ мѣста дѣйствительной опасности. Наступленіе Іовановича и Джорджевича ввело въ заблужденіе Шефкетъ-пашу.

Благодаря быстротѣ, съ какою было произведено искусное фланговое движеніе генерала Черняева, войска, подъ личнымъ его начальствомъ, сдѣлавъ въ теченіе сутокъ съ небольшимъ около 50 верстъ, появились 21 утромъ, передъ сильною позиціею и лагеремъ турецкихъ войскъ при Бабиной Главѣ. Войска бригады подполковника Хорватовича, шедшія въ авангардъ, тотчасъ стали развергиваться противъ турецкой позиціи. Къ 11 часамъ подошли главныя силы, и артиллерія сербовъ открыла огонь, направляя его главнымъ образомъ противъ укрѣпленія, расположеннаго на командующей высотѣ, и противъ защищавшихъ его войскъ. Артиллерійскій огонь продолжался около двухъ часовъ, причемъ, по свидѣтельству очевидцевъ, стрѣльба отличалась замѣчательною мѣткостью. Вслѣдъ за ар-

Е. К. В. Христианъ ІХ, Король Датскій.

Е. К. В. Луиза, Королева Датская.

Сербскій князь и его супруга, послѣ причащенія святыхъ таинъ, цѣлуютъ крестъ предъ отъѣздомъ князя на театръ военныхъ дѣйствій. Съ наброска И. К. грав. Коподя.

тилери́йскимъ огнемъ была пушена пѣхота, которая и заняла какъ укрѣпленіе, такъ и поддерживавшіе его стрѣлковыя рвы, хотя въ тоже время, на лѣвомъ флангѣ сербовъ, въ разстояніи около пяти-шести верстъ, у сел. Пашъ (или Пашъ) оказалась значительная партія черкесовъ, но, встрѣченная двумя батальонами и двумя сотнями сербскихъ добровольцевъ (волонтеровъ),

она, послѣ перестрѣлки, отошла назадъ, не потревоживъ центра и праваго фланга. Турки отступили съ позиціи при Вабиной Главѣ, оставивъ въ рукахъ сербовъ оружіе, запасъ патроновъ, лошадей и проч.

Рус.

ВЪ МИНУТЫ РАЗДУМЬЯ.

(Картинка изъ жизни древнихъ грековъ, Кабанеля).

Картинка эта невольно переноситъ васъ въ міръ иной, въ далекое прошлое, и передъ вами встаютъ яркіе образы... Люди и «дѣла давно мнувшихъ дней!»... Недаромъ Греція вдохновляла такихъ поэтовъ, какъ Байронъ и Шиллеръ. О древнихъ грекахъ можно сказать, что они «съ природой одною жизнью дышали». Греки признавали своими богами небо, солнце, мѣсяцъ, землю и многое другое. Аполлонъ (солнце), по ихъ мифію, ходилъ, думалъ, чувствовалъ, любилъ, даже сердился, совершенно какъ человѣкъ. Однако, греческая религія требовала, чтобы смертный жилъ не для неба, а для здѣшней жизни. Греки вѣровали въ загробную жизнь, но они считали ее печальнымъ продолженіемъ земного существованія. Вообще вѣра ихъ была для этого свѣта; человѣкъ долженъ былъ трудиться для себя, для своего семейства, для общаго блага и, конечно, наслаждаться всѣмъ, что даетъ жизнь. Ясная лазурь неба, великолѣпная растительность, ароматный воздухъ— все это располагало соотечественниковъ Аристотеля и Перикла въ минуты отдыха, досуга—къ сладкимъ мечтаніямъ, къ радужнымъ грезамъ... Передъ вами молодые грекъ и гречанка. Какія спокойныя позы, и сколько граціи въ этой прекрасной дочери юга, лѣнливо опустившей прелестныя свои руки на семиструнную лиру!... Оба они въ раздумьи... Она даже какъ будто печальна. Быть можетъ, красавица эта беззвучно произноситъ одно изъ стихотвореній женщины—поэта Сафо? Что-жь, вѣдь и во время оно знали, что такое любовь, ревность, измѣна, тоска, страданія сердца...

Въ стихотвореніи А. Майкова «Сафо», гречанка говоритъ:

Зачѣмъ вѣнкомъ изъ листьевъ лавра
Себѣ чело я обвила
И лиру миргомъ убрала?
Такъ, мнѣ оракулъ Эпидавра
Предрекъ не даромъ чашу муки:
Ты мнѣ не вѣ, энъ, милый другъ!
Ты очарованъ новой страстью
У ногъ красавицы другой.
Но овладѣть она тобой,
Скажи, какой умѣла властью?...
Ничто, ни мысль, ни чувство въ ней
Границъ холодныхъ не преступитъ:
Она безмысленныхъ очей
Не озаритъ огнемъ страстей
И вдругъ стыдливо не потунитъ;
Не можетъ доконовъ убрать
Небрежно, но уловкой тайной,
Ни по плечамъ, какъ бы случайно,
Широко ризы разметать...

Можетъ быть и эта задумчивая гречанка, сбросивъ съ своихъ роскошныхъ черныхъ волосъ вѣнокъ, ревнуетъ сидящаго съ нею и неслышно говоритъ: «Ты мнѣ не вѣренъ, милый другъ!»...

Ф. К. В. датскій король Христіанъ IX и супруга его, королева Луиза.

Въ виду состоявшаго въ субботу 17 сего іюля приѣзда въ нашу столицу ихъ величествъ, короля и королевы датскихъ, прилагаемъ въ настоящемъ номерѣ ихъ портреты, и нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ, а также о ихъ королевствѣ, Даніи.

Король Христіанъ IX родился 8 апрѣля 1818 года. Въ 1842 году, 26 мая, онъ вступилъ въ бракъ съ принцессой Гессенъ-Кассельской, Вильгельминой-Луизой (родилась 7 сентября, 1817 года). На престолъ Даніи король Христіанъ IX вззошелъ 15 ноября 1863 года.

Датскій королевскій домъ связанъ съ русскимъ императорскимъ тѣсными узами родства. Супруга нашего Государя Наслѣдника Цесаревича, Марія Теодоровна, какъ известно, есть четвертое дитя короля Христіана (ея прежнее имя: Дагмара-Марія-Софія-Фредерика), а дочь Великаго Князя Константина Николаевича, Ольга Константиновна, находится въ супружествѣ съ сыномъ короля Христіана, Вильгельмомъ, нынѣ королемъ Греціи (подъ именемъ Георга I). Кромѣ того, первый сынъ датскаго короля, Фридрихъ, имѣетъ супругою единственную дочь шведскаго короля, Луизу, а второе дитя короля, дочь Александра,—замужемъ за сыномъ королевы Викторіи, принцемъ уэльскимъ, Альбертомъ-Эдуардомъ. Изъ этого видно, что король Христіанъ находится въ близкомъ родствѣ съ дворами: русскимъ, греческимъ, шведскимъ и англійскимъ. Помимо упомянутыхъ дѣтей, у датскаго короля есть еще дочь, принцесса Тира, 23 лѣтъ и сынъ, Вольдемаръ, 18 лѣтъ.

На встрѣчу ихъ величествъ, короля и королевы датскихъ, изволили выѣхать на пароходѣ по Финскому заливу, ихъ Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ и супруга его, Марія Теодоровна. Они плыли на яхтахъ «Цесарезна» и «Славянка» до острова Гохланда, гдѣ и произошла встрѣча ихъ съ высокими гостями.

Пользуясь симъ случаемъ—приѣзда высокихъ гостей въ нашу столицу не можемъ не напомнить нашимъ читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Даніи.

Королевство Данія, какъ известно, занимаетъ сѣверную половину полуострова Ютландіи и около лежащія острова, изъ которыхъ важнѣйшіе: Зеландія, Фіонія, Борнгольмъ, Лангеландъ, Лаландъ и много другихъ, мельчайшихъ. Почти весь материкъ полуострова Ютландіи и всѣхъ острововъ, кромѣ Борнгольма, представляетъ наносную, вѣками скопившуюся почву, обязанную своимъ происхожденіемъ прибою волвъ. Со стороны моря материкъ защищенъ плотинами и довольно плодороденъ, но страдаетъ полнымъ отсутствіемъ металловъ. Коренное населеніе Даніи скандинавскаго происхожденія, и въ немъ сохраняются еще и передаются устно древнія скандинавскія *сати*, сборникъ которыхъ извѣстенъ подъ названіемъ «Эдды».

Природа Даніи вообще сурова и непривѣтлива, климатъ холодный и сырой. Зимой для корма скота иногда недостаетъ травы, и скотъ нигается тогда сушеными и мелкоистолченными рыбьими костями. Въ числѣ скудныхъ заработковъ мѣстнаго населенія, собраніе гагачьяго пуха по крутымъ приморскимъ скаламъ, тоже приноситъ нѣкоторый доходъ суровому съ виду, угрюмому, но трудолюбивому и доброму датчанину.

Къ этому краткому очерку страны, представители власти надъ которою находятся въ настоящее время въ нашей столицѣ, считаемъ нужнымъ присовокупить, что ихъ Величества, король и королева датскіе пользуются среди своего народа искреннею любовью и уваженіемъ, какъ исполнители добродѣтельныя правители, заботящіеся о благѣ своихъ подданныхъ.

Съ королемъ и королевой датскими прибыли король и королева греческіе. Всѣ царственные гости одновременно, встрѣченные Государемъ Наслѣдникомъ и его супругою прибыли затѣмъ въ Петергофъ, гдѣ и были принѣствованы Ихъ Императорскими Величествами и членами Императорскаго дома. Портреты короля и королевы греческихъ были помѣщены въ «Нивѣ» за 1871 г. въ № 45.

Нелюбовъ.

Отъѣздъ сербскаго князя Милана къ войску.

Нынѣшній сербскій князь, Миланъ IV Обреновичъ,—еще очень молодой человѣкъ—ему всего только 25 годъ (онъ родился 27 августа 1852 года), на сербскій престолъ вступилъ въ 1868 г. Последнія событія въ славянскихъ земляхъ Босніи и Герцеговинѣ заставили и Сербію, находящуюся въ вассальной зависимости отъ Высокой Порты, поднять оружіе на исконныхъ враговъ славянства и вообще христіанства—турокъ

Великодушный князь Миланъ Обреновичъ вступился за еди-

новѣрныхъ и единоплеменныхъ братьевъ—славянъ, терпѣвшихъ и даже до сихъ поръ терпящихъ невыразимыя жестокости и несправедливости отъ турокъ.

Со времени начала возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ положеніе Сербіи стало невыносимымъ. И вотъ уже годъ, какъ Порты окружила Сербію отъ устья Тимока до устья Дрины желѣзнымъ кольцомъ; уже цѣлый годъ Сербія, не ведя войны, несла на себѣ всѣ ея тяжести и жертвы. Сербія слушалась

советовъ гарантующихъ державъ. Но, не смотря на это, Порта отпранила къ сербской границѣ орды азіятскихъ варваровъ, и было бы слабостью оставаться далѣе въ предѣлахъ умѣренности. «Мы указали, говоритъ князь Миланъ, турецкому правительству средства успокоить возставшія провинціи и освободить Сербію изъ ея невыносимаго положенія; мы объявили Портѣ, что вступимъ во имя мира и гуманности въ возставшія провинціи; отъ Порты зависитъ теперь положить конецъ ко-вопропозитію. Братья! съ нами вмѣстѣ идуть наши храбрые родичи, Черногорцы, подъ начальствомъ моего геройскаго брата Николая; нашу сторону держатъ храбрые герцеговинцы и босняки; насъ ожидаютъ наши болгарскіе братья и *благородные греки* тоже не заставятъ въроатно долго ждать себя! Бейте непріятеля, но шадите положившихъ оружіе, плѣнныхъ, немощныхъ, дѣтей и женщинъ—мы не варвары.

Уважайте границы Австріи, которая благосклонно защищаетъ столько нашихъ братьевъ изъ Герцеговины и приобрѣла себѣ право на нашу благодарность».

Вотъ въ какихъ, приблизительно, выраженіяхъ объявилъ князь Миланъ своему народу, войску и иностраннымъ державамъ о своемъ вмѣшательствѣ въ войну. Въ этомъ манифестѣ видна твердая вѣра въ правоту предпринимаемаго дѣла и вмѣстѣ съ этою вѣрою свѣтлыя надежды на помощь и участие... Многимъ изъ этихъ надеждъ, какъ показали послѣдующія событія, не суждено, кажется, сбыться, но, тѣмъ не менѣе, дѣла сербовъ пока идуть хорошо. Объявивъ войну, князь Миланъ самъ вѣхалъ въ главную квартиру, торжественно принеся сначала

молитву къ Богу о дарованіи побѣды. Наша картинка изображаетъ князя Милана Обреновича, колѣнопредклоненнаго передъ св. крестомъ въ рукахъ сербскаго митрополита. Рядомъ съ нимъ его юная супруга, Наталья Петровна, тоже склонилась благоговѣнно голову, слушая напутственное слово митрополита.

«Ты, любящій Христа народъ сербскій, идешь во имя Господа на бой, дабы защищать свое племя и имя, говоритъ митрополитъ, дабы защищать свою землю, свободу и святую православную вѣру.

Вспомни, дорогой народъ, твою старую славу и свободу, Вспомни твою милую родину, на которой дикій безбожникъ безнаказанно сотворилъ столько зла и которую онъ обратилъ въ пустыню...

Во имя сего благославлю васъ симъ крестомъ Христовымъ на браанный походъ: да неослабвають отважныя сердца ваши; не уступайте предъ непріятелемъ, вѣруя, что съ вами Богъ, который ниспослетъ вамъ духъ Обилча, Марка Кралевича, Велька, Синджелича, Милоша и другихъ сербскихъ героев, и намягу, что за насъ молятся Немоничи. Въ ваши руки отдаю знамя Обреновичей, да поведетъ оно въ священный бой, на побѣду враговъ...

Будьте благословенны всѣ, грядущіе во имя Господне. Аминь». Вотъ отрывки изъ рѣчи, сказанной митрополитомъ. Затѣмъ Миланъ простился съ народомъ, молодою супругою Натальею и при громкихъ крикахъ народа и войска сѣлъ на пароходъ, чтобы уѣхать въ главную квартиру при арміи.

Rus.

Политическое обозрѣніе.

Въ послѣднее время съ театра войны приходили недобрый вѣсти, смѣнявшіяся иногда томительною неизвѣстностью. Съ одной стороны—неудачная атака позицій Османа-Паши у Великаго Извора, съ другой—отступление южной сербской арміи отъ Бабиной-Главы и Ак-Паланки, наконецъ — поражение, нанесенное Мухтаромъ-Пашой черногорцамъ, слухи о возможности вступленія турокъ въ предѣлы Сербіи, вступленія, которое сопровождалось бы всѣми ужасами нашествія варваровъ—вотъ рядъ извѣстій, сообщенныхъ телеграфомъ. Но—все это нынѣ уже измѣнилось: 18-го іюля въ газетѣ «Русскій Миръ» обнародована слѣдующая радостная депеша, которую приводимъ въ ея текстѣ, желая передать читателямъ то непосредственное впечатлѣніе, которое сообщаютъ ея безыскусственныя выраженія, ея восторженный тонъ: 16-го, въ 6^{1/2} часовъ утра, напали на насъ турки подъ командой Мухтара-Паши подъ Вербицей. Тотчасъ мы выстроились, заняли хорошую позицію и вступили въ бой. Жестокій бой длился цѣлый часъ. Черногорцы бросились въ атаку и разбили турокъ. Сю минуту привели ко мнѣ Осман-Пашу живымъ и много плѣнныхъ. Бой еще продолжается. Да здравствуютъ мои черногорцы!

Князь Николай.

Затѣмъ получено свѣдѣніе объ окончаніи «продолжавшагося боя», конецъ вполнѣ увѣнчалъ начало: Мухтаръ-Паша разбитъ на голову, изъ всего его корпуса уцѣлѣли только 4 батальона, остальное разбѣяно; вмѣстѣ съ Османомъ-Пашой (турецкимъ генераломъ) взяты въ плѣнъ 300 регулярныхъ солдатъ, взято главное знамя и нѣсколько другихъ знаменъ, круповека орудія и багажъ! Побѣда эта, по нашему мнѣнію, будетъ имѣть весьма важныя матеріальныя (не говоря уже о нравственныхъ) послѣдствія—чуть къ Мостару, т. е. главному городу Герцеговины, открытъ, такъ какъ турки уже не могутъ противопоставить тутъ серьезныхъ препятствій, послѣ столь жестокаго пораженія.

Почти одновременно съ этимъ, сербы имѣли серьезный успѣхъ на Тимокѣ. Въ прошлый разъ, объясняя читателямъ значеніе турецкихъ военныхъ операцій у Зайчара, мы говорили, что Османъ-Паша, опирающійся на Виддинъ, вступилъ на сербскую территорию и укрѣпился въ Великомъ-Изворѣ, откуда сербскому корпусу Лышанина, геройски отбывшему цѣлый рядъ приступовъ на Зайчаръ, не удавалось до сихъ поръ вытѣнить оттоманскія войска и принудить ихъ отступить за пограничную линію. Теперь это достигнуто: Османъ-Паша разбитъ и прогнанъ—сербская земля, отъ Великаго Извора до самой границы очищена отъ непріятеля!

Мы ожидали этого, ожидаемъ еще и другихъ успѣховъ, мы твердо убѣждены въ томъ, что побѣда покупается не однимъ численнымъ превосходствомъ, не однимъ болѣе совершеннымъ оружіемъ. Она чаще, гораздо чаще, склоняется на сторону тѣхъ, кто идетъ въ битву съ твердою рѣшимостью побѣдить или умереть за свое правое дѣло; а сербы, и славяне, какъ одинъ человекъ, объаты однимъ, общимъ, пламеннымъ чувствомъ одушевленія не выдать своей родины врагу, освободить отъ ея невыносимаго ига своихъ единоплеменниковъ по крови и по вѣрѣ. Насколько сильно одушевлено населеніе Сербіи, мы можемъ видѣть на самыхъ столбцахъ чертоваго «Times'a», котораго трудно заподозрить въ желаніи подкрашивать факты.

Такъ, корреспондентъ органа Лондонскаго Сяти пишетъ изъ

Парачина (отъ 24-го іюля), что всена селеніе охвачено необыкновеннымъ воодушевленіемъ. Всѣ рвутся идти въ дѣло—не смотря на то, что резервы еще не созданы—люди, состоящіе въ немъ, являются до созванія его и прямо поступають волонтерами. Лошади для кавалерійскихъ полковъ, для прочихъ частей, скотъ и многое другое, необходимое для войскъ, подучается не реквизиціей, а достается народомъ «даромъ». Торговцы, купцы, предварительно внеся суммы по военному займу, сами, затѣмъ, или вступили въ ряды, или въ комиссаріаты, или пошли служить въ лазареты. Война эта считается войною за дѣло Христа и отечества. Эти пламенные патриоты не могутъ допустить той, дикой, по ихъ мнѣнію мысли, чтобы весь христіанскій міръ не проникъ сочувствіемъ къ нимъ, поднявшимъ мечъ противъ враговъ христіанскаго міра.

Кто-же будетъ сравнивать это чистое чувство, этотъ высокій энтузіазмъ сербскаго народа съ тѣми побужденіями, подъ вліяніемъ которыхъ двигается на славянъ мусульманская орда, орда, новинующаяся въ збужденному въ ней фанатическому изувѣрству, а всего болѣе преднамѣренно «расшевеленному» въ ней голосу животныхъ страстей, жажды добычи. Или мы, въ самомъ дѣлѣ, будемъ вѣрить въ чистыя, идеальныя побужденія баши-бузукъ и черкесовъ! А что турецкія «регулярныя войска не лучше иррегулярныхъ—лучшимъ тому доказательствомъ намъ служатъ ихъ дѣйствія въ Болгаріи, гдѣ оттоманскій генералъ Шефетъ-Паша помогаетъ, съ своими низамами, баши-бузукамъ жечь и грабить мирныя деревни, гдѣ турецкіе офицеры (въ Татарбазарджикѣ) открыто продаютъ вещи, награбленныя у умерщвленныхъ ихъ солдатами людей! (всему этому были свидѣтелями нѣсколько десятковъ иностранцевъ, представившихъ потомъ формальныя донесенія во всѣ иностранныя посольства въ Константинополь).

Подобные факты, полагаемъ, въ достаточной мѣрѣ, объясняютъ «воодушевленіе» мусульманъ, идущихъ на бой «за вѣру». Не лишнимъ, въ этомъ отношеніи, считаемъ указать и на свидѣтельство корреспонденцій, получаемыхъ изъ Константинополя газетой «Agence Générale Russe», — въ одной изъ нихъ, между прочимъ, говорится: «Каждому волонтеру выдается, 2 ливра, которые онъ получаетъ немедленно по занесеніи его въ списки. Понятно, что, при теперешней общей бѣдности въ Турціи, охотниковъ до этихъ ливровъ является не мало», при чемъ далѣе, добавлено, что масса эта, конечно, состоитъ изъ сброда, въ нравственномъ отношеніи оставляющаго желать многого.

Да! вылазцыя развалины разграбленныхъ, оборованныхъ городовъ и деревень Болгаріи, рѣки неповинной крови, сотни женщинъ и дѣвушекъ, распроданныхъ въ гаремы—все это, лучше, достовѣрнѣе, выражаетъ то, что влечетъ доблестныхъ «воповъ Магомета» идти противъ враговъ пророка.

Между тѣмъ, несчастному намѣстнику пророка на землѣ, по видимому, грозитъ участь его предшественника, всемогущаго калифа и султана Абдуль-Азиса. По крайней мѣрѣ—министры «громко, во всеуслышаніе» выказываютъ свои соболѣзнованія о разстройствѣ его умственныхъ способностей, а это для него дурной знакъ—министры тоже жалѣли и его дядю и ихъ сестра дѣвня особенно шумно раздавались предъ его изложеніемъ и смертью. Телеграфъ уже сообщилъ слухъ о томъ, что Мурадъ «смертельно боленъ!» Въ послѣднее время, много рассказывалось о странностяхъ султана, странностяхъ въ которыхъ усмот-

ЖИВНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 31 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выдастъ 2 Августа 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за АВГУСТЪ съ 32 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 24 чертежами.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины
И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ИЗЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и
мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.

Николай Алексѣевичъ Кирѣевъ

Николай Алексѣевичъ Кирѣевъ, нѣсколько дней тому назадъ геройски «положилъ душу свою за братьевъ своихъ славянъ». Этотъ, славно но безвременно сошедшій въ могилу, человекъ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которымъ какъ бы свыше дано умѣть сбросить съ себя тѣсную оболочку эгоизма, выдти изъ исключительнаго, узкаго круга личныхъ интересовъ, забыть ихъ ради интересовъ общихъ. Черта эта въ немъ тѣмъ болѣе достойна была уваженія, что онъ, родившись и получивъ воспитаніе въ свѣтской средѣ, не приговоренный, слѣдовательно, къ серьезной дѣятельности, самъ, личной работою палъ собой, развилъ въ себѣ черту эту, самъ найдя въ своемъ честномъ сердцѣ, въ своей чистой душѣ, зародышъ благородной склонности къ служенію обществу, далъ этому росту взойти пышнымъ, богатымъ цвѣтомъ.

Николай Алексѣевичъ

Николай Алексѣевичъ Кирѣевъ. Съ фотогр. грав. Боярскій.

вичъ происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи, получилъ образованіе въ нажескомъ корпусѣ, откуда поступилъ въ лейбгвардіи конный полкъ. По выходѣ въ отставку (въ чинѣ штаб-ротмистра), онъ посвятилъ всю жизнь вопросу народности и однимъ изъ первыхъ способствовалъ обрушенію нашихъ западныхъ окраинъ. Главнѣйшая же его заслуга предъ русскимъ обществомъ, несомнѣнно есть его дѣятельность въ качествѣ члена славянскаго благотворительнаго комитета. Въ эту дѣятельность, одушевленную его глубокимъ, горячимъ убѣжденіемъ и вѣрой въ великость самаго дѣла, вложилъ онъ всю энергію молодыхъ своихъ силъ. Въ самую горячую пору работы комитета — онъ всегда былъ въ передовыхъ рядахъ усерднѣйшихъ, неустанныхъ работниковъ. Извѣстны, на примѣръ его труды въ то время, когда впервые раздалися воли и стоны герцеговин-

ских бѣглецовъ, лишившихся крова, одежды, пищи, когда комитетъ впервые обратился съ воззваніемъ о помощи несчастнымъ. Дѣятельность Николая Алексѣевича, положительно забывавшаго о себѣ, не ограничивалась тогда однимъ Петербургомъ, организованіемъ здѣсь всѣхъ видовъ сбора пожертвованій—на него было возложено порученіе дѣйствовать въ провинціи. Во всѣхъ посѣщенныхъ имъ губерніяхъ оставилъ онъ слѣды своихъ энергическихъ усилій, своего неусынаго и плодотворнаго труда—всюду сумѣлъ онъ возбудить сочувствіе къ дѣлу, которое считалъ дѣломъ своей жизни, всюду умѣлъ онъ вдохнуть горячее участіе къ страдальцамъ-братьямъ, не упуская въ то же время вселять убѣжденіе, что они «наши братья». Но всего этого ему показалось мало—и вотъ, предвидя, что скоро начнется роковая борьба, онъ (весной) поспѣшилъ въ Сербію, чтобы послѣ мирнаго труда поработать славянству на бранномъ полѣ.

Какъ извѣстно, Николай Алексѣевичъ вступилъ въ сербскую армію подъ именемъ «Хаджи Гирея». Ставъ во главѣ волонтеровъ въ качествѣ «заповѣдника добровольскихъ четъ» (т. е. начальствующаго надъ сформированными ротами волонтеровъ), онъ, съ первыхъ же шаговъ своей новой службы отличился молодецкимъ дѣломъ близъ Вѣлградчика. Когда въ главной квартирѣ получили были свѣдѣнія о томъ, что турки намѣреваются завладѣть Кады-Богасомъ и вошли въ ущелье, то туда былъ посланъ съ 5-ю батальонами Николай Алексѣевичъ. Орломъ налетѣлъ на турокъ Кирѣевъ, выбилъ изъ этого пункта, погналъ предъ собой и, занявъ Салашъ и Чуприно, не оставилъ на пути, а погналъ дальше, до Вѣлградчика и овладѣлъ всею позиціей... Но увы—ему не было суждено послужить дольше завѣтному дѣлу...

6-го іюля произошло сраженіе подъ Вратарницей. Планъ сербовъ заключался въ послѣдовательномъ нападеніи на турокъ въ одномъ районѣ и вытѣсненіи ихъ изъ села Великаго Извора, на самой сербской границѣ. Отрядъ подъ командой Кирѣева, долженъ былъ рано утромъ двинуться съ своей позиціи у Салаша къ турецкимъ укрѣпленіямъ у Раковицы, взять ихъ, и затѣмъ пройти впередъ и соединиться съ главными силами, ставъ между сербскимъ правымъ флангомъ и Адліей. Кирѣевъ, утромъ 6-го, оставивъ на занимаемой имъ позиціи 2 батальона пѣхоты при 2-хъ орудіяхъ, самъ съ другими тремя батальонами, четой добровольцевъ, 2 орудіями и эскадрономъ кав-

леріи, выступилъ въ Раковицы. Послѣ усиленнаго артиллерійскаго огня по неприятельскимъ укрѣпленіямъ, Н. А. повелъ свои войска на штурмъ, идя самъ впереди съ обнаженной саблей въ рукѣ. Сербы уже были вблизи укрѣпленія и готовились уже съ крикомъ «ура!» ворваться въ нихъ, какъ вдругъ Кирѣевъ, раненый пулей въ грудь, упалъ за-мертво пагахъ въ 40 отъ первыхъ стрѣлковыхъ ровниковъ. Смертельно раненый, онъ продолжалъ идти впереди своихъ солдатъ, пока другая пуля не положила его на мѣстѣ... Смерть любимаго начальника, въ котораго солдаты слѣпо вѣрили, такъ сильно подѣйствовала на нихъ, что они, вмѣсто того, чтобы окончательно броситься впередъ и овладѣть укрѣпленіями, отступили въ безпорядкѣ... Поле битвы осталось не за ними, не за ними осталось и тѣло ихъ героя-командира!...

Не смотря на всѣ усилія отыскать тѣло—его не нашли, а посланный, по окончаніи битвы, къ Осману-Пашѣ парламентаръ не только не былъ принятъ, но, по его приказанію, встрѣченъ выстрѣлами...

Въ заключеніе, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь задуманное слово о павшемъ героѣ, слово, которое мы читаемъ въ присланной «Русскому Міру» корреспонденціи изъ Вратарницы и которое прекрасно обрисовываетъ его:

«Покойный Н. А. Кирѣевъ, говорится въ этомъ письмѣ, принадлежалъ къ тѣмъ исключительнымъ, свѣтлымъ и чистымъ натурамъ, къ которымъ нельзя не питать особой симпатіи. Безъ малѣйшаго признака честолюбія или желанія играть видную роль, онъ поступилъ въ сербскую армію какъ простой волонтеръ, какъ простой боецъ во имя дорогой ему идеи, во имя святого дѣла. Своей простотой, добротой, прямодушіемъ, храбростью, опъ, повсюду, куда не являлся, какъ въ средѣ себя равныхъ, такъ и въ средѣ подчиненныхъ, умѣлъ приобрести полное довѣріе, любовь и уваженіе. Его геройская смерть во главѣ вѣрнннго его командованію отряда можетъ служить лучшимъ видимымъ выраженіемъ того, что русскіе не смотря на равнодушіе на борьбу славянскихъ братьевъ съ мусульманами. Всякій долженъ сказать: «миръ праху твоему, храбрый воинъ, честный русскій человѣкъ!»

«Да—миръ твоему праху! и гдѣ бы ни была твоя далекая, безвѣстная могила, она близка всѣмъ русскимъ сердцамъ!»

Маленькій мститель.

Эпизодъ изъ сербско-турецкой войны.

(Посв. М. Г. Черняеву).

Онъ идетъ, идетъ тропинкой горной;
Солнце жжетъ малюжку горячо;
Ночь душна и карабинъ тяжелый
Отдавилъ усталое плечо.

Не на праздникъ онъ спѣшитъ веселый—
Ужасъ, мракъ царятъ кругомъ давно—
И не дѣтской скорбію и гнѣвомъ
Это сердце юное полно.

Онъ спѣшитъ туда, гдѣ пули свистутъ,
Турокъ злой, доспѣхами звеня,
Давить тамъ родныхъ его копытомъ
Своего арабскаго коня.

За отца, сестру отмстить онъ хочетъ.
Вспомнилъ онъ, какъ пламенемъ объять,
Пошатнулся, рухнулъ домъ родимый...
И мрачнѣй глаза его горять.

Помнитъ онъ проклятыя, вопль и стоны...
Тамъ стрѣляютъ, здѣсь кричатъ, бѣгутъ...
Вотъ съ отцомъ его въ свирѣпой схваткѣ
Съ грудью грудь сцѣпился арнауть...

Паль отецъ его, облитый кровью;
Врагъ и съ трупа голову сорвалъ,
И схвативъ за волосы сѣдые,
Надъ собой высоко приподнялъ...

Мальчикъ плачетъ; онъ къ сестрѣ прижался.
«Мила, шепчетъ, встань ты, будетъ спать!»

Спой мнѣ гбсюю ту, что прежде пѣла...
Въ церковь мы пойдемъ съ тобой онять!»

Крѣпко спитъ, не слышитъ брата Мила—
Распустилась черная коса,
И изъ сердца юнаго на землю
Тихо каплетъ алая роса.

Онъ идетъ, идетъ тропинкой горной —
Вонъ: огни завидѣлись вдали —
Слышенъ ружей трескъ и громъ, и ржанье...
Вонъ на приступъ родичи пошли!

Видитъ онъ, какъ пдутъ рать за ратью.
Вотъ чуть слышный раздался сигнал...
Видитъ онъ, какъ на конѣ, средѣ дыма
Въ бой ведетъ отряды генераль.

Чуть дыша, за камнями припалъ онъ,
Карабинъ дрожитъ въ его рукахъ —
Вотъ, въ пыли, отрядъ турецкій мчитъ
На горячихъ, взмыленныхъ коняхъ.

Впереди, весь золотомъ облитый,
Арнаутъ несетъ, какъ гроза...
Мальчикъ вдругъ узналъ усмѣшку злую,
Вдругъ узналъ усталые глаза!

Задрожалъ онъ, цѣлитъ, гнѣвно плачетъ...
Выстрѣлъ грянулъ, пуля догнала:
И на землю всадникъ покатылся
Съ своего высокаго сѣдла...

Ө. Вергъ (Воевъ).

Встревоженный городъ

(Картины губернской жизни)

(Продолженіе)

V.

Теперь въ свою очередь вошелъ въ кабинетъ сановника полиціймейстеръ.

Объяснивъ все, что слѣдовало по порядку, и о пожарѣ, своевременно прекращенномъ дружнымъ дѣйствіемъ команды, и о бабѣ, которая, „сама себя не помнитъ“,

могла погибнуть въ пламени, но была отъ этого тоже своевременно „устранена“, полиціймейстеръ вскользь, какъ будто между прочимъ, но въ тоже время себя на умъ, въ виду тайныхъ соображеній, заявилъ.

— То лицо, ваше—ство, которымъ вы изволили заинтересоваться вчерашній вечеръ въ театрѣ...

— Ахъ, да! вдругъ перебилъ сановникъ, не давъ ему договорить.

Тотъ, конечно, смолкъ, почтительно выжидая, что будетъ угодно сказать начальству.

— Вы меня перебили...

— Виноватъ—съ!..

— Что-то я тамъ такое... замѣтилъ... припоминалъ онъ и завертѣлъ предъ своимъ носомъ указательнымъ пальцемъ, стараясь поймать ускользнувшую куда-то мысль.

— Что еще тамъ такое, чортъ побери! мелькнуло въ головѣ полиціймейстера: замѣтилъ! замѣтилъ! что тамъ замѣтилъ! думалъ онъ, совершенно непочтительно передразнивая въ своихъ думкахъ озаботившагося начальника. Ему, главное, хотѣлось поскорѣе порѣшить вопросъ о пріѣзжѣмъ, а между тѣмъ не ловко было прервать думы сановника.

— Впрочемъ я потомъ вспомню, отмахнулся тотъ отъ своихъ думъ и спросилъ:

— Ну—съ. Что еще?..

— Уфхаль, ваше—ство. Уфхаль—съ... сегодня поутру въ 6 часовъ по сибирскому тракту. Выбылъ—съ.

— Кто это? величественно приподнявъ голову и прищуриваясь спросилъ сановникъ.

— Тотъ самый—съ... купецъ.

— Но... къ чему вы мнѣ объ этомъ докладываете?

— Я, собственно... по той причинѣ, что вамъ угодно было заинтересоваться...

Послѣдовало не громкое: „гм, гм, да!“ и нѣкоторая пауза молчанія. Пользуясь ею, полиціймейстеръ поспѣшилъ докончить занимавшій его, въ виду особыхъ соображеній, вопросъ о пріѣзжѣмъ и весьма торопливо, видимо, чтобы не дать начальнику перебить свою рѣчь, доложилъ:

— Вчерашній вечеръ ваше—ство прибылъ въ городъ, одинъ весьма представительный человекъ, повидимому изъ административнаго класса...

— Кто? нахмуриваясь спросилъ сановникъ.

— Онъ въ настоящее время не предъявилъ еще своего вида.

— Но въ такомъ случаѣ, къ чему-же вы мнѣ объ этомъ докладываете? удивился сановникъ и даже сдѣлалъ шагъ назадъ, разводя руками.

— Я, собственно, по той причинѣ, что между этими двумя лицами есть нѣкоторое сходство... въ фигурѣ... Онъ тоже былъ въ театрѣ, но вы не изволили замѣтить...

— Но мало ли бываетъ въ театрѣ народу, на который я не обращаю вниманія,—тономъ еще большаго изумленія спросилъ сановникъ,—къ чему же вы мнѣ... и такъ, вдругъ... неизвѣстно для чего?...

— Чувствую, что проваливаюсь куда-то въ бездну, мысленно упрекалъ самъ себя Семенъ Егоровичъ и бѣгалъ глазами по комнатѣ изъ угла въ уголъ, отыскивая спасеніе.

— Это, вновь прибывшее лицо, началъ онъ, собравшись съ духомъ, принадлежить, насколько могу судить, по нѣкоторымъ предположеніямъ, къ значительнымъ особамъ.

— А—а! протянулъ сановникъ и поспѣшно захватилъ халатъ, точно предполагаемая значительная особа должна была сейчасъ появиться въ его кабинетѣ.

Семенъ Егоровичъ еще болѣе растерялся, видя что его слова произвели на сановника впечатлѣніе.

— Вѣроятно проѣздомъ и не на долго, да? голосомъ, сильно пониженнымъ, спросилъ сановникъ.

— Навѣрное не могу доложить... тоже понижая съ своей стороны голосъ отвѣчалъ полиціймейстеръ и чувствовалъ въ то же время, что его какъ будто куда-то засасываетъ въ тину все глубже и глубже.

— Вы узнали подробности, продолжалъ сановникъ, почти впадая въ шопотъ и подходя ближе къ Семену Егоровичу.

А Семенъ Егоровичъ окончателно упалъ духомъ, сознавъ, наконецъ, что можетъ Богъ знаетъ до чего запутаться въ своихъ намекахъ и недомолвкахъ, и вдругъ, точно его какая невѣдомая сила поддержала, онъ полнымъ голосомъ и рѣшительнымъ тономъ отвѣтилъ на шопотъ сановника.

— Я, ваше—ство, могу ошибаться...

Сановникъ вдругъ выпрямился во весь ростъ и надменно окинувъ взглядомъ Семена Егоровича, медленно и звучно проговорилъ:

— Безъ намековъ. Изложите по порядку все, что по разслѣдованіямъ узнали.

Семенъ Егоровичъ сдѣлалъ шагъ впередъ и придерживая рукой шлягу, доложилъ все то, что могло въ эту минуту придти ему въ голову, но впрочемъ докладъ его строго держался въ предѣлахъ тѣхъ свѣдѣній, которыя ему вчера доставилъ подчиненный, командированный для этого изъ театра въ гостиницу Варшава. Семенъ Егоровичъ только, такъ сказать, оформилъ этотъ докладъ и придавъ ему такой отбѣнокъ, что его собственная полиціймейстерская дѣятельность являлась въ этомъ докладѣ неусыпной.

Пока Семенъ Егоровичъ докладывалъ, сановникъ слушалъ молча и только все болѣе и болѣе хмурился, но когда докладъ былъ оконченъ, сановникъ строго и коротко обрѣзалъ Семена Егоровича.

— Вы отнимаете у меня время на вздоръ!..

— Ваше—ство... Осмѣливаюсь изложить оправданіе...

— Вздоръ, нечего слушать! На будущій разъ прошу быть осторожнѣе и не отнимать у меня время на такія разъясненія вашихъ личныхъ соображеній.

— Семенъ Егоровичъ опять почувствовалъ, что куда то проваливается и въ отвѣтъ на грозныя слова начальника, едва могъ отвѣтить: „слушаю—съ“.

— Есть дѣла поважнѣе вашихъ ничего не значущихъ личныхъ соображеній. Наконецъ, если бы дѣйствительно прибыло къ намъ какое-либо значительное лицо, то я бы о немъ прежде васъ имѣлъ свѣдѣнія, прямо изъ Петербурга.

— Такъ-то такъ, а вѣдь все-таки трухнуть изволили и сами, вдругъ мелькнуло въ головѣ Семена Егоровича. Разумѣется онъ этихъ словъ не произнесъ и только отвѣтилъ обычное „слушаю—съ“, которое, какъ извѣстно, при разговорѣ съ начальствомъ всегда оказывается кстати.

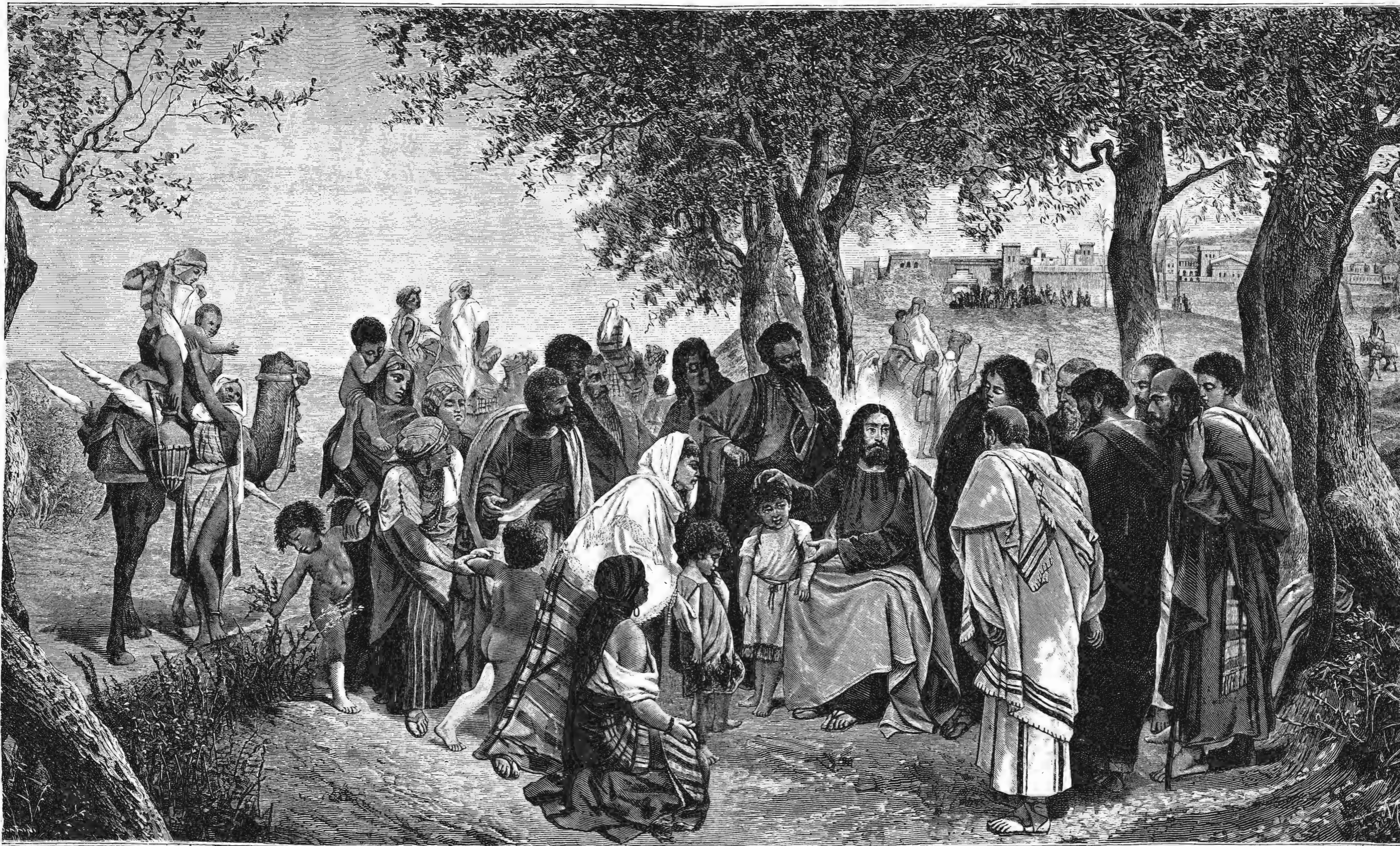
Наступила небольшая пауза, которую Семенъ Егоровичъ понялъ, какъ и подобало, въ смыслѣ окончанія „головомойки“ и по этому случаю радостно подумалъ: „а вѣдь все таки я благополучно вскользнулъ“.

На лицѣ его можно было прочитать, что хотя по поводу доклада о пріѣзжѣмъ, превратившемся изъ одного лица въ двухъ, онъ глупо велъ себя, но за то „поправилъ вчерашнюю ошибку“.

— Гм! Да!.. что я хотѣлъ сказать? снова спросилъ сановникъ, видимо еще не отдохнувшій отъ сдѣланнаго полиціймейстеру „внушенія“, и тщетно потому старавшійся припомнить не высказанную и все куда-то исчезающую изъ головы мысль.

— Что бы это въ самомъ дѣлѣ такое? думалъ въ свою очередь и полиціймейстеръ, освободившійся уже отъ своей заботы по поводу неудачнаго доклада.

Онъ быстро перебралъ въ памяти все то, что считалось въ послѣднее время предметомъ заботъ по части городского благоустройства, припомнилъ, что однодневная перепись городского населенія произведена бы-

Христосъ, благословляющій дѣтей. Картина Просперо Пиагги, рисов. Монгенатто, грав. Белларинъ.
 («Оставьте дѣтей приходить ко мнѣ, и небраните имъ». Маркъ 10, 13—16).

да въ прошедшемъ году, и потому заботиться о ней, какъ о дѣлѣ, благополучно въ свое время оконченномъ, пока не предстоитъ надобности, что дома обывателей перенумерованы, подпиши на углахъ улицъ, обозначающія ихъ названія, подновлены, нѣкоторыя даже сдѣланы совершенно новыя, такъ какъ старыя исчезли съ своихъ мѣстъ, будучи вѣроятно употреблены обывателями на домашнія надобности, и что, наконецъ, самоважнѣйшій вопросъ, составляющій сущность службы сановника, а именно, взысканіе недоимокъ съ сельскаго населенія, до него, какъ полиціймейстера города, совсѣмъ не относится, и если иногда вина неисправныхъ плательщиковъ отражается на его службѣ въ видѣ головомоекъ подъ сердитую руку, то къ этому онъ уже давно привыкъ, какъ къ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ службы, гдѣ иногда при зубной боли начальника, замираетъ и, такъ сказать, уходитъ въ пятки сердце подчиненнаго.

— Развѣ что въ общественномъ саду? подумалъ онъ, но теперь зима и не можетъ быть заботъ о немъ. Онъ вспомнилъ при этомъ, что проѣзжая мимо сада, давно уже видѣлъ, какъ искалѣчены тамъ скамейки и ругнулъ мысленно обывателей за то, что они, по совершенно даже имъ самымъ неизвѣстнымъ причинамъ, любятъ изломать и исковеркать то, что имъ вовсе не мѣшаетъ...

Но онъ сообразилъ, что сановникъ едва ли объ этомъ будетъ говорить, ибо и ему самому очень хорошо извѣстны обывательскія наклонности, которыхъ не въ силахъ искоренить никакая полиція въ мірѣ.

Сановникъ долго расхаживалъ по комнатѣ, занятый своими соображеніями. Полиціймейстеръ стоялъ и ждалъ. Но оказалось, что соображенія сановника относились вовсе не къ тому, что онъ хотѣлъ сказать полиціймейстеру и забывая, а къ той именно бумагѣ, которую онъ только что тщательно перечитывалъ и подписалъ безъ росчерка. Онъ вдругъ озаболѣлъ и потребовалъ къ себѣ правителя дѣлъ. Тотъ немедленно явился и начался дѣловой разговоръ. Полиціймейстеръ все стоялъ и ждалъ. Сановникъ, увлеченный дѣломъ, не обращалъ на него вниманія. Видно было по всему, что бумагѣ безъ росчерка придавалось значенія больше, чѣмъ всѣмъ докладамъ полиціймейстера, которые, какъ дѣла домашнія, могли быть исполнены во всякое другое время. Потомъ, почему то правитель дѣлъ поспѣшно ушелъ изъ кабинета. Сановникъ по уходѣ его оказался сильно озабоченнымъ.

— Чортъ знаетъ, что это у васъ такое дѣлается, вдругъ сердито и нахмурившись обратился онъ къ полиціймейстеру.

— Что угодно вашему превосходительству, почтительно обратился полиціймейстеръ, дѣлая шагъ впередъ и, по обыкновенію, придерживаясь лѣвой рукой за шагу.

— Это ни на что не похоже! Безобразіе, неряшество! Ухабы на ухабы—здѣтъ невозможно!..

— Климатическія условія страны, ваше превосходительство!

— Какія тамъ условія! Ваша обязанность, вашъ долгъ, вы неуклонно должны наблюдать...

Сановникъ разошелся и распекалъ до тѣхъ поръ, пока не возвратился въ кабинетъ правитель дѣлъ. Семень Егоровичъ молча слушалъ и былъ даже очень спокоенъ, зная, что ухабы, по причинѣ которыхъ нахлынула на него волна начальническаго гнѣва, находятся вовсе не на улицѣ города N, а тамъ, гдѣ-то въ бумагахъ, на которыхъ не принято дѣлать росчерковъ, и касаются до него только по порядкамъ службы.

По приходѣ правителя дѣлъ, сановникъ заботливо усѣлся опять за письменный столъ и попрежнему осторожно сталъ перечитывать бумагу, предполагаемую къ отправкѣ туда, гдѣ не любятъ росчерковъ.

— Вы можете идти, бросилъ онъ полиціймейстеру.

Семень Егоровичъ поспѣшно вынырнулъ изъ кабинета, довольный, что дешево отдѣлался. Онъ по опыту зналъ, что въ то время, когда отправляются бумаги съ осторожными подписями сановника, приходится выслушивать выговоры не только за ухабы, но пожалуй и за то, что погода въ городѣ дурная. Теперь онъ былъ вдвойнѣ радъ и вышелъ на крыльцо улыбающійся.

— Ну, чортъ его возьми, утѣшился онъ, впрыгивая въ сани, какой бы тамъ дѣшій не оказался въ этомъ пріѣзжемъ, а я въ сторонѣ.

VI.

Возвратившись наканунѣ вечеромъ въ свои комнаты, пріѣзжій нѣкоторое время чувствовалъ себя въ прекрасномъ расположеніи духа, и весель былъ, и доволенъ и ощущалъ даже во всемъ своемъ духовномъ существѣ какое-то особенное торжественное состояніе, какое ощущаютъ только одни счастливые полководцы, когда имъ удастся съ особенною ловкостью обмануть соперника. Но торжество счастливаго полководца имѣетъ начало въ томъ, что онъ побѣдилъ, при помощи тѣхъ или другихъ маневровъ, хитрости, или обмана, или силы, но побѣдилъ, разгромилъ, разбилъ въ куски тысячи человѣческихъ головъ,—и торжествуетъ, зная, что послѣ побѣды очень удобно вести дипломатическіе переговоры. Пріѣзжій торжествовалъ совсѣмъ по другой причинѣ. Никого онъ не побѣждалъ, и ни одна голова, а тѣмъ болѣе человѣческая, не пала жертвой его стратегической хитрости. Его злорадная улыбка и сдержанный самодовольный смѣхъ, смѣхъ, подъ влияніемъ котораго онъ видимо съ большимъ удовольствіемъ и не торопясь, медленно потиралъ и поглаживалъ себѣ одной рукой другую, вызывались совсѣмъ другими причинами, болѣе мирными и ничуть уже не кокрушительными въ смыслѣ стратегическомъ. Ему было пріятно, что въ такой случайной встрѣчѣ и совершенно нечаянно, противъ всякаго ожиданія, ему пришлось „показать себя“, оставить по себѣ такое „хорошее“ впечатлѣніе. Очарованный этимъ „хорошимъ“, онъ долго расхаживалъ по комнатѣ и съ удовольствіемъ представлялъ себѣ съ мельчайшими подробностями и во всѣхъ тончайшихъ отѣнкахъ и измѣненіяхъ весь разговоръ съ полиціймейстеромъ, припоминалъ, такъ сказать, всѣ фазисы постепеннаго перехода его изъ начальническаго тона въ тонъ подчиненнаго. Нравилось всего больше сопоставленіе его первой фразы съ послѣдней, его перваго начальническаго вопроса „свысока“ съ тѣмъ почтительно заискивающимъ „позвольте узнать“, произносимое которое, онъ вертѣлся предъ пріѣзжимъ въ полунаклонной позѣ и юлилъ, какъ говорится, точно коза передъ смертью.

Согласитесь, дѣйствительно, трудно было не обратить вниманія на такія перемѣны въ одномъ и томъ-же лицѣ и въ продолженіи самаго короткаго времени, какихънибудь пяти-шести минутъ. Понятно, пріѣзжій не могъ этого не замѣтить, понятно и то, что, по свойственной каждому смертному слабости, онъ не могъ не приписать самому себѣ, своему умѣнью держаться, появленіе въ полиціймейстерѣ быстро развившагося чувства почтительности и подчиненности. Пусть читатель припомнитъ, сколько разъ самъ онъ испытывалъ, хотя можетъ и въ не такой степени и втайнѣ, то самодовольное чувство, которое охватывало его въ подобныя минуты. Будь даже онъ большой начальникъ, давно уже присмотрѣвшійся и привыкшій ко всякаго рода почтительности, переходящей за послѣднія границы униженія, будь онъ миллионеръ, воображающій, по своей глупости, что люди, падая передъ нимъ на колѣни, чтутъ его личныя качества,—будь онъ даже того больше; но если обстоятельства поставятъ его когданибудь въ такое положеніе, когда человѣкъ, не имѣющій никакого

титъ свою ошибку и сдѣлается тише воды, ниже травы,—такой переходъ неизбежно доставитъ ему удовольствіе. Это удовольствіе, конечно, въ значительной болѣе степені, выпадаетъ на долю такого человѣка, который имѣетъ наклонность задираť свою голову вверхъ. Нужды нѣтъ, что самъ онъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ оказаться въ положеніи обезкураженнаго полиціймейстера и даже непременно окажется въ немъ когда нибудь въ силу того неизбежнаго закона, по которому всякая голова, задирающаяся вверхъ, непременно, гдѣ нибудь въ своемъ мѣстѣ наклоняется внизъ, и чѣмъ выше подъемъ, тѣмъ ниже ея наклоненіе. Тутъ есть, что-то роковое, что-то сходное съ тѣми послѣдствіями, подѣ влияніемъ которыхъ вѣрныя стражи дома, ранѣе независимо расхаживавшія по двору и даже ворчавшія на своихъ хозяевъ, вдругъ смиряется, прижимаетъ свой хвостъ и робко изъ подлбья посматриваетъ, по причинѣ тѣхъ печальныхъ обстоятельствъ, что изъ кухни пропала кусокъ мяса, и хозяинъ идетъ по двору съ палкой...

Таковы были наклонности нашего пріѣзжаго. Этимъ, пожалуй, какъ дополнительнымъ поводомъ, можно объяснить и то состояніе торжества съ какимъ онъ, по возвращеніи изъ театра, потиралъ себѣ руки. Словомъ—онъ имѣлъ наклонности кота поиграть съ мышкой, прежде чѣмъ ее загрызть. Сидя потомъ за вечернимъ чаемъ, онъ даже подсаждалъ, что поиграть въ танцевенность больше нельзя, по причинѣ окончанія поверстнаго срока. Если бы не это печальное обстоятельство—онъ непременно поигралъ бы и даже съ удовольствіемъ пробѣжался бы на счетъ бесполезности паспортовъ, безъ которыхъ, какъ извѣстно, ни одинъ порядочный мошенникъ не вступаетъ на скользкое поприще своей дѣятельности.

Размышляя такимъ образомъ о невозможности поиграть въ таинственность, пріѣзжій чрезъ нѣсколько времени послѣ чая сталъ какъ будто немного скучать не находя, чѣмъ бы заняться, такъ что пожалуй не прочь бы и пожалѣть, что рано ушелъ изъ театра. Но ему въ этотъ вечеръ благоприятствовало счастье и представился прекрасный случай снова потерять себѣ отъ удовольствія руки.

Онъ еще ранѣе замѣтилъ, что лакей, подавая самоваръ, косо на него посматриваетъ и что-то хочетъ сказать, но не рѣшается. Ему еще въ то время пришло въ голову, не прислалъ-ли полиціймейстеръ узнать о его званіи. Потомъ, когда лакей, робко напомнилъ о паспортѣ, онъ пытливо оглянулъ его и строго спросилъ, на какомъ основаніи напоминаютъ ему объ одномъ и томъ же нѣсколько разъ. Лакей, конечно, сослался на управляющаго гостинницей. Пріѣзжій ничего на это не отвѣтилъ. Самоваръ и чайный приборъ были наконецъ, убраны, но лакей снова вошелъ въ комнату пріѣзжаго, какъ бы подѣ предлогомъ поправить на столѣ скатерть, въ сущности-же по тому-же дѣлу о паспортѣ. Онъ поправилъ скатерть, но сказать ничего не рѣшился, только помялся на мѣстѣ, потомъ взглянулъ украдкой на пріѣзжаго, принявшаго въ его глазахъ какое то особое таинственное значеніе, вздохнулъ глубокимъ даже не сдержаннымъ вздохомъ и ушелъ, не рѣшаясь заговорить. Этотъ вздохъ былъ тоже замѣченъ и доставилъ пріѣзжему большое удовольствіе. По прошествіи нѣсколько минутъ послѣ ухода слуги отправился въ комнаты пріѣзжаго и самъ управляющій гостинницей.

Но прежде, чѣмъ отправиться туда и быть съ глазу на глазъ съ пріѣзжимъ, онъ долго не могъ рѣшить, идти ли, испуганный заранѣе и важностію своего постояльца, его видимо богатою обстановкой, а всего болѣе, конечно, тѣмъ, что полиція наводитъ о немъ тайныя справки. Теперь его теоретическія познанія по части отсутствія въ средѣ богатыхъ людей мазуриковъ, вдругъ натолкнулись на такія противорѣчія

въ практикѣ, которыхъ онъ никакъ понять не могъ. Просто затмѣніе какое-то нашло на человѣка: какъ такъ думалъ онъ, и важенъ, и мундиръ съ золотымъ шитьемъ, и вдругъ тайныя полицейскія дознанія! Пойми тутъ, кто хочетъ. Со времени посѣщенія его собственнаго кабинета полицейскимъ чиновникомъ онъ оробѣлъ, не зная, что предпринять и тутъ же постарался задобрить ласковыми обѣщаніями посланнаго и напомнилъ ему даже о томъ, какъ они всегда прежде ладилъ и „Богъ дастъ“ потомъ будутъ ладить съ своими начальниками по части всяческихъ недоразумѣній. По уходѣ чиновника, онъ долго соображалъ что-то, очевидно придумывая, какъ вести дѣло въ такомъ трудномъ случаѣ. Онъ отыскивалъ средство самому избѣжать переговоровъ, а средство не отыскивалось. Прикрикнулъ было на лакея, посылая его снова въ комнаты пріѣзжаго: но тотъ отказывался, заявляя не стѣсняясь, что „боится“. Онъ упрекнулъ его въ трусости, справедливо замѣтивъ, что „бояться ровно нечего: не звѣрь какой, не съѣсть“, но самъ однакожь не шолъ и тайнѣ подумалъ, „еще пожалуй засвѣтитъ въ ухо—судись потомъ безъ толку“. Лакей рѣшительно заявилъ, какъ моль, угодно, хоть отъ мѣста отказывайте, — а я не пойду. Значитъ, въ самомъ дѣлѣ жутко приходилось человѣку, когда онъ изъявлялъ готовность на такую рѣшительную мѣру. Нечего дѣлать, тронулся самъ управляющій; и ему, слѣдовательно, не было это легко, когда, подойдя къ двери занимаемыхъ пріѣзжимъ комнатъ, онъ не вдругъ растворилъ ее, а прежде осѣнилъ себя нѣсколько разъ, хотя и очень поспѣшно, крестнымъ знаменіемъ и пошепталъ что-то губами. При видѣ его, пріѣзжій уже совершенно ясно понялъ, что его случайная сцена съ полиціймейстеромъ не пропала даромъ. Онъ внутренне блаженствовалъ, представляя себѣ, какъ люди озоботились.

— Вамъ что? спросилъ онъ, какъ бы въ недоумѣніи.

— Я-съ... управляющій здѣшной гостинницей, робко отвѣтилъ вошедшій, кланяясь и поглаживая сѣдоватую бороду.

— Управляющій! Что же вамъ угодно? За квартиру же заплачено вамъ впередъ за мѣсяць...

— Это точно-съ... Покорно благодаримъ-съ... Но теперича, извольте видѣть, такая-съ статья.. Насчетъ, напримѣръ, вида...

— Опять тоже! Я сказалъ, послѣ. Къ чему же еще вопросы!..

Пріѣзжій сильно нахмурился, какъ человѣкъ обиженный. Управляющій помолчалъ, погладивъ опять бороду и потомъ сдѣлалъ шагъ къ стѣнѣ около дверей, какъ бы предвидя, что придется разговоръ вести долго, то чтобы на случай усталости можно было потомъ опереться о притолку. Сѣсть онъ не рѣшался.

— Теперича уже три дня... робко замѣтилъ онъ.

— Ну что-жъ изъ этого?..

— По закону-съ... Ваше... какъ назвать-съ не знаю, можетъ превосходительство, а можетъ какъ иначе-съ, наше дѣло въ этомъ, примѣрно, темное... Только начпортецъ, или видъ тамъ какой ни на есть, требуется, потому—порядки.

— Что же вы такъ встревожились, видъ, да видъ,—будто нельзя до завтра...

— Почему нельзя-съ! До завтра безпрекословно можно-съ... Только, извольте сами теперича судить... я, къ примѣру, не могу знать, что вы, къ примѣру, и по какимъ дѣламъ... Конечно—не наше дѣло-съ... Только господинъ полиціймейстеръ изволили прислать.

Управляющему гостинницей, не смотря на его пожилые года, сдѣлалось страшно и опять мелькнуло въ головѣ: „не засвѣтилъ бы въ ухо“.

Пріѣзжій вдругъ напустилъ на себя неприступнѣйшую гордость и, заложивъ руку за бортъ жилета, съ важностію отвѣтилъ.

— Я вамъ сказалъ до завтра... Прошу оставить меня въ покоѣ...

Разумѣется, отуманилъ человѣка. Тотъ бѣдняга голову потерялъ и всю ночь проворочался съ боку на бокъ, соображая, что же теперь дѣлать, какъ быть, бѣжать ли сейчасъ же въ полицію, или до утра оставить; посчиталъ, конечно, и то, въ какую сумму можетъ обойдтись его хозяину „эта бѣда—за грѣхи, можетъ быть, посланная Богомъ“.

А прїѣзжій, проводивъ его, едва удерживался, что бы не раскохотаться.

Все это произвело, какъ и слѣдовало ожидать, переполохъ. Сначала простому любопытству полиціймейстера было придано „особое“ значеніе, а потомъ явились на свѣтъ Божій такіа предположенія, что хоть уши затыкай. Предположенія разрослись до невѣроятной степени, тотчасъ же перешли изъ гостиницы на улицу и уже въ видѣ положительныхъ фактовъ очутились потомъ на базарѣ, въ гостинномъ дворѣ и пошли гулять по частнымъ домамъ.

VII.

Возвращаясь съ доклада, Семень Егоровичъ, по обыкновенію, летѣлъ на своей парѣ карачовыхъ съ подбающею ему быстротой. Коренникъ такъ частилъ ногами, что ихъ и замѣтно не было; казалось, онъ не онъ касается земли, а несется по воздуху; только въ то время, когда сани проскакивали въ ухабѣ, онъ срывалъ, бросаясь въ скакъ. Семень Егоровичъ при этомъ подергивалъ плечами, поправляя спускавшюся съ нихъ шинель, и произносилъ крѣпкое слово, очевидно въ назиданіе кучера, допустившаго въ бѣгѣ лошади такую несправность.

— Возьми глаза въ руки, каналья, не видишь, что ли дороги!“ внушалъ онъ не менѣе громко.

Потомъ, когда коренникъ снова летѣлъ рысью, онъ уже на совершенно низкихъ нотахъ и спокойнымъ голосомъ басилъ: пошоль, пошоль! По привычкѣ, онъ спѣшилъ куда-то, хотя спѣшить было рѣшительно незачѣмъ, потому что въ городѣ больше не было такой прїемной, гдѣ бы ему снова предстояло расхаживать изъ угла въ уголъ и практиковаться въ терпѣніи.

Положимъ, въ наше просвѣщенное время двери перваго сановника въ губерніи, по части развитія въ публикѣ терпѣнія, встрѣтили большую конкуренцію и уступили притомъ значительную часть своего величія дверямъ другихъ сановниковъ; но Семену Егоровичу до нихъ не было никакого дѣла. Онъ, какъ король, былъ убѣжденъ, что между нимъ и народомъ одна только власть для короля — Богъ, для него — сановникъ. И если горожане вели себя не предосудительно, пожары, буйства и воровство не выходили за предѣлы приличія, нищія не особенно назойливы и не особенно глупы для того, чтобы соваться подъ носъ въ непоказанномъ мѣстѣ, и если, наконецъ, его собственная вечерняя партія въ карты не была опустошительна для его кармана, онъ засыпалъ крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ человѣка, честно исполнившаго свой долгъ по отношенію къ обществу и государству. Въ противномъ случаѣ, когда, на примѣръ, буйство принимало характеръ уголовный или проигрышъ былъ слишкомъ великъ,—разумѣется, тревожился и заботился, какъ бы поскорѣе спихнуть дѣло о буйныхъ лицахъ и ихъ самихъ препроводить къ судебному слѣдователю или въ „другое вѣдомство“, вообще—съ рукъ долѣ, и какъ бы „отыгратъ“. На остальное все, на всѣ разлагающія о вредѣ нищенства, пьянства, воровства и т. п. имѣлъ самый твердый и положительный взглядъ: „попадется въ руки, поступлю по законамъ и препровожу по назначенію“.

Теперь онъ спѣшилъ на пирога къ мясниннику, на пирога, оживляющій тихое и спокойное теченіе про-

винціальной жизни и имѣющій такое же отношеніе къ публикѣ, какъ магнитъ къ желѣзу. Недавнія заботы Семена Егоровича о таинственности прїѣзжаго уже уступили въ его головѣ мѣсто прїятнымъ представленіямъ о предстоящемъ удовольствіи.

Онъ и не подозрѣвалъ, что его вчерашнее порученіе, разузнать о прїѣзжемъ, произвело въ городѣ большіе толки, и что, благодаря имъ, два купца и одинъ помѣщикъ, должествовавшіе явиться въ этотъ день на собраніи въ качествѣ членовъ думы и земской управы, до того заболтались по этому случаю, что забыли о своихъ обязанностяхъ и засѣданіе несостоялось „за неприбытіемъ узаконеннаго числа членовъ“.

На этотъ разъ Семень Егоровичъ, не смотря на всегдашнюю свою сообразительность, сдѣлалъ оплошность, не предупредивъ подчиненнаго, что интересуется прїѣзжимъ лично самъ, какъ частный человѣкъ, а не какъ официальное лицо. Подчиненный же понялъ, что, давая это порученіе, Семень Егоровичъ смотрѣлъ на дѣло чисто съ начальнической точки зрѣнія. Ничего, конечно, особеннаго отъ этой ошибки не произошло, и ему, само собою разумѣется, не было никакого дѣла до того, что гласные опоздали въ засѣданіе, ибо это до его вѣдомства не касалось; но тѣмъ не менѣе, когда онъ потомъ узналъ, что въ городѣ заговорили ни въсть что, озаботился и уже непосредственно потому, что его прямое начальство тоже имѣло два уха, чуткіе не менѣе другихъ провинціальныхъ ушей. Слѣдовательно, по этому случаю могъ явиться вопросъ, на который, по своей обязанности все знать (каторжная, говаривалъ онъ, обязанность!) онъ долженъ былъ приготовить ясный и точный отвѣтъ.

Узналъ онъ о городскихъ слухахъ на улицѣ.

Его остановилъ, крича во все горло и отчаянно махая кучеру обѣими руками помощникъ губернскаго почтмейстера, человѣкъ необыкновенно падкій до всякихъ новостей и, можетъ быть, по самой своей должности, имѣвшій къ ней влеченіе.

Онъ остановилъ его, какъ будто подъ предлогомъ доѣхать изъ конторы къ своей квартирѣ, а въ сущности совсѣмъ по другой причинѣ.

Посадивъ его въ сани и ощутивъ тотчасъ же запахъ сургуча, какъ извѣстно, постоянно сопутствующаго чиновникомъ почтоваго вѣдомства, Семень Егоровичъ, по обыкновенію, спросилъ: „какъ дѣла съ начальствомъ“, и ждалъ уже, что сейчасъ услышитъ отъ него жалобы на то, какъ губернской почтмейстеръ „все“ взвалилъ ему на шею, а самъ сидитъ себѣ цѣлыя дни въ своемъ кабинетѣ и больше ни чѣмъ не интересуется, кромѣ интимныхъ переговоровъ съ почтосодержателями.

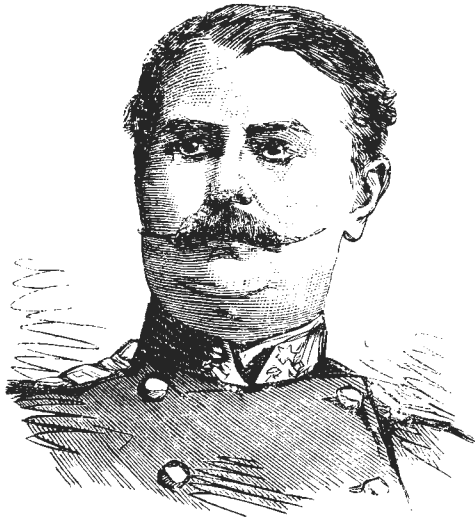
Зналъ Семень Егоровичъ, что и на помощника почтмейстера въ свою очередь жаловался его непосредственный подчиненный и, главное, въ томъ же тонѣ, какъ и онъ самъ, и упрекалъ его въ полнѣйшей монополіи по части отношеній и уваженій къ купечеству.

Поэтому Семень Егоровичъ, разумѣется, и не придавалъ бы жалобамъ своего спутника никакого значенія, а подшутилъ бы скорѣе на счетъ общепринятаго обыкновенія ѣздить при случаѣ на чужой шеѣ и заграбастывать гдѣ можно, хотя бы изъ подъ носа другихъ, болѣе вкусные куски.

Но помощникъ почтмейстера даже и отвѣта на вопросъ не далъ, а только отмахнулся рукою съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, какъ бы говоря: „Э! ну его совсѣмъ“, т. е. почтмейстера, и сейчасъ-же вслѣдъ за этимъ спросилъ съ большимъ любопытствомъ: „что, поймали молодца?“

При этомъ вопросѣ Семень Егоровичъ быстро повернулся въ его сторону всѣмъ корпусомъ и, какъ говорится, уставилъ на него глаза, не понимая, о какомъ это молодцѣ онъ спрашиваетъ.

ПРЕДВОДИТЕЛИ СЕРБСКИХЪ ВОЙСКЪ.

Полковникъ Лѣшанинъ.

Генералъ Ранко Алимпичъ.

Полковникъ Никифоръ Ивановичъ.

Полковникъ Милутинъ Ивановичъ.

Подполковникъ Коста Бутовичъ.

Полковникъ Мирговичъ.

— Поймали, я говорю, того... какъ онъ?... переспросилъ интересующійся собесѣдникъ.
 — Ты что городишь?... здоровъ-ли?
 — Да ну, ну, не притворяйся... Олышали ужъ!..

— Чего слышали, гдѣ? когда?... кого поймали?..
 — Да этого, какъ онъ... преступника? Каковъ каналья! а!.. какого тону напустилъ!..

(Продолженіе будетъ).

Д. Стахѣевъ.

ХРИСТОСЪ, БЛАГОСЛОВЛЯЮЩІЙ ДѢТЕЙ.

Евангелистъ Маркъ знаменательную сцену благословенія дѣтей Иисусомъ Христомъ описываетъ такъ: «И приношаху къ нему дѣти, да коснется ихъ: ученицы-же прешаху приносящимъ. Видѣвъ-же Иисусъ, негодова, и рече имъ: таѣхъ бо есть царствіе Божіе. Аминь глаголю вамъ: иже аще не приметъ царствія Божія яко отроча, не имать внити въ не. И объемъ ихъ, возложъ рущъ на ихъ, благословивша ихъ» (Маркъ 10, 13—16).

Въ этихъ немногихъ словахъ Св. Евангелія кроется глубочайшій смыслъ.—Таковыхъ есть царствіе Божіе—сказалъ нашъ Божественный учитель, такими, по настоящему должны быть и мы, чтобы приобщиться жизни вѣчной. Невинныя, простые, впечатлительныя души дѣтей не отражаются ли на ихъ открытыхъ и симпатичныхъ личикахъ? Какой благодарный сюжетъ для талантливаго художника!.. Христосъ, возлагающій руки на толящихся вокругъ Него дѣтей, находится какъ бы въ своей семьѣ. Эти невинныя созданія, на которыхъ не успѣла еще подѣйствовать суета-суетьъ житейскихъ, чувствуютъ великую любовь Бога къ человѣку; онъ въ настоящую минуту все въ этой любви—все братья во Христѣ т. е. именно такіе братья, которыми должны быть и мы между собою, чтобы имѣть возможность выполнить великую заповѣдь Господню: возлюбите ближняго своего, какъ самого себя.

Мы часто умиляемся тому, какъ богатый и знатный спускается къ бѣдному и простолюдину,—входитъ въ его положеніе и помогаетъ ему, и гораздо рѣже вспоминаемъ ту великую жертву человѣколюбія, которую Богъ принесъ для блага всего

рода человѣческаго. Христосъ снизошелъ къ дѣтямъ, обласкалъ ихъ и при этомъ замѣтилъ, что такіе то и есть Царствіе Божіе. Хотя и рѣдко, но встрѣчаются люди, въ которыхъ много дѣтскаго, много той душевной простоты, той теплоты и любви къ ближнему, на которую Христосъ обращалъ вниманіе учениковъ своихъ. Можно встрѣтить и теперь такихъ напр. людей, которые, по простотѣ своей, такъ доврчивы, что и мысли не допускаютъ, чтобы ихъ могъ кто нибудь обмануть... Такая доврчивость ихъ, обезоруживаетъ иногда самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ.

Только дѣтски-незлобивое сердце можетъ понять и воспринять ученіе Христа о безконечной кроткости, идеаломъ котораго былъ Онъ самъ.

И Онъ не разъ говорилъ ученикамъ своимъ и народу: «аминь глаголю вамъ: аще не обратитесь и будете яко дѣти не внидете въ царство небесное!»

Иже убо смирится яко отроча сіе, той есть болій въ царствіи небесныхъ!» (Матѣ. 18, 3, 4). И въ самомъ дѣлѣ: дитя, пока оно не замѣтвало отъ окружающихъ его людей порочныхъ наклонностей, чисто и невинно и стоитъ близко къ идеалу, начертанному Христомъ.

Имя дитяти служить синонимомъ всего чистаго, добраго, кроткаго. Возмущаетъ эту чистоту дѣтскаго сердца и прививаетъ ему порочныя наклонности—величайшее изъ преступленій! «А иже аще соблазнитъ единого отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ мя, уне есть ему, да обѣится жерновъ осельскій на выю его и потонетъ въ пучинѣ морстей» (Матѣ. 18, 6).

ПРЕДВОДИТЕЛИ СЕРБСКИХЪ ВОЙСКЪ.

Въ настоящемъ номерѣ «Нивы» мы помѣщаемъ портреты шести предводителей сербскихъ войскъ: Ранко Алимпича, Лѣшанина, Милутина Јовановича, Косты Вуговича, Шкифора Јовановича и полковника Мирковича. Въ совокупности съ портретами, помѣщенными въ прежнихъ номерахъ «Нивы», они образуютъ довольно полную галерею портретовъ героевъ, вождей, партизановъ, командировъ и офицеровъ, славянскаго возстанія и сербской войны.

Изъ полководцевъ, изображенныхъ въ настоящемъ номерѣ, особенно выдаются Ранко Алимпичъ, командующій дринскою арміею, и Милойко Лѣшанинъ, руководившій дѣйствіями тимокской арміи.

Генералъ Ранко Алимпичъ пользуется извѣстностью, какъ отличный стратегикъ; онъ получилъ основательное военное образованіе въ Германіи и считается полководцемъ, знакомымъ съ военнымъ дѣломъ не только теоретически, но и практически, на полѣ битвы. Будучи приверженцемъ законной династіи Обреновичей, Ранко Алимпичъ принималъ въ 1858 году дѣятельное участіе въ революціи противъ Александра Карагеоргиевича, не пользовавшагося народнымъ расположеніемъ и заподозрѣннаго даже въ подкупѣ. Теперь Ранко Алимпичу 46 лѣтъ; онъ былъ директоромъ артиллерійскаго училища и министромъ общественныхъ сооруженій. Человѣкъ серьезный и рѣшительный, внушающій къ себѣ почтеніе въ войскахъ и имѣющій большое вліяніе на солдатъ. Роль Ранко Алимпича въ послѣдней войнѣ довольно значительна. Дринскій корпусъ (около 26,000 человѣкъ войска и нѣсколько тысячъ волонтеровъ или добровольцевъ), генерала былъ сначала расположенъ у Дубле, въ углу, образуемомъ при впаденіи Дрины въ Саву.

Замѣчательна переправа, которую Алимпичъ совершилъ здѣсь, на глазахъ турокъ. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: На разсвѣтъ 21 іюня, большая половина войскъ этого корпуса переправилась почти безъ выстрѣла черезъ Дрину, у Бужуклюкскихъ острововъ (сѣверные Лѣшвицы). Не смотря на то, что мѣстность была совершенно открыта, турки, со свойственною имъ безтолковостью, проглядыли эту переправу и изготовились къ отпору только тогда, когда сербы уже крѣпко заняли лѣвый берегъ. Алимпичъ, слѣдуя по направленію, къ Бѣлнѣ,—встрѣтилъ довольно значительныя турецкія силы съ артиллеріею, расположенныя на высотѣ. Онъ повелъ сербовъ на турецкій отрядъ и, при содѣйствіи своей артиллеріи, сербы принудили противника отступить за стѣны Бѣлны. Но, вслѣдствіе ли прибытія къ туркамъ подкрѣпленій, или по другимъ соображеніямъ,—Алимпичъ не продолжалъ дальшаго наступленія, а отошелъ назадъ, оставаясь, впрочемъ, на лѣвомъ берегу Дрины. 23 іюня Алимпича встрѣтилъ на Поповомъ полѣ турецкій отрядъ, башн-бузукъ. Началось дѣло, окончившееся отступленіемъ турокъ въ Бѣлину.

По донесенію самаго Алимпича, во время этой битвы случилось слѣдующее происшествіе: башн-бузукъ, желая обмануть сербовъ, пошелъ въ бой съ бѣлымъ знаменемъ (означающимъ, какъ извѣстно, желаніе мира), на которомъ былъ изображенъ крестъ, и при крикахъ: «да здравствуетъ князь Милашъ Обреновичъ!» Обманъ, однако, не удался: колонна сербскихъ добровольцевъ истребила башн-бузукъ, захватила ихъ знамя, а также много плѣнныхъ, боевыхъ припасовъ и провианта. Разгоряченные сербы ворвались даже въ городъ, но отступили, встрѣченные не только войскомъ, но и жителями. Подобные обманы и глупо-наивныя уловки со стороны турокъ встрѣчались не разъ и впоследствии. Такъ газета «Narodni Listu» отъ 12 іюля рассказываетъ, что во время бомбардированія города Бѣлны Алимпичемъ, турки нѣсколько разъ выставляли бѣлый флагъ. Когда сербы, принявъ это за чистую монету, прекращали огонь—турки вдругъ давали залпъ и начинали усиленно лить изъ пушекъ. Наконецъ, Ранко Алимпичъ не велѣлъ больше обращать на эти сигналы вниманія и не шадить турокъ. Бѣлны была взята. Много рассказываютъ также о томъ въ высшей степени гуманномъ обращеніи, какимъ турки пользуются у сербовъ, хотя сами платятъ за это жестокостями и звѣрствомъ относительно сербовъ. Корреспондентъ одного французскаго журнала рассказываетъ слѣдующій случай, происшедшій въ Дринской арміи, у Ранко Алимпича: Однажды, на Дринѣ, у Бѣлны, въ ночной рекогносцировкѣ сербы захватили визама-босняка, т. е. славянина, принявшаго магометанство, стоявшаго на часахъ въ передовомъ посту. Плѣннаго, связаннаго по рукамъ, привели въ палатку начальника сербскаго отряда. Турокъ вошелъ съ опущенною головою, — онъ пригрозился къ смерти. «Ты знаешь, что тебя ожидаетъ?» спросилъ его сербскій майоръ. «Клянусь Аллахомъ, знаю», отвѣчалъ тотъ. Сербъ выхватилъ саблю, разрѣзалъ веревку, которою былъ связанъ плѣнный. «Вотъ, сказалъ онъ, какъ мы поступаемъ съ нашими братьями-мусульманами, которые попадаютъ къ намъ въ руки. Ты голоденъ?» Осторобѣвшій отъ удивленія турокъ молчалъ, офицеръ повторилъ вопросъ. «О да, отвѣчалъ несчастный, вотъ уже 4 дня, какъ я питаюсь дикими грибами и мукой, въ вымоченной въ водѣ». Плѣннаго босняка-магометанина накормили, тутъ же въ палаткѣ, перевязали двѣ раны, бывшія у него на груди, и положили въ лазаретъ.

Потомъ этотъ боснякъ со слезами на глазахъ говорилъ: «Когда я выздоровѣю — если вы повѣрите моему слову — отпустите меня на родину. Я хочу привести сюда мою жену и моихъ дѣтей и сдѣлать ихъ христианами. Я хочу тоже рассказать и другимъ мусульманамъ, какъ обходятся съ ними сербы, тогда какъ мусульманскія власти убѣждаютъ ихъ не отдаваться въ плѣнъ сербамъ, увѣряя, будто они будутъ пре-

дань мотой казни. Если бы турецкіе солдаты знали о таком обращеніи, они нарочно бы положили оружіе, и добровольно сдались бы въ плѣнъ къ сербамъ!...» Между тѣмъ турки, какъ вѣстѣ извѣстно, обращаются съ плѣнными сербами неслыханно жестоко.

Другой изъ командировъ сербской арміи, Лѣшанинчъ, управляетъ, совмѣстно съ Чолакантичемъ, тимокскою арміею, расположенною вдоль восточной границы.

Милойко Лѣшанинчъ, подобно предыдущему командиру, тоже обладаетъ солидною военно-научною подготовкою. Лѣшанинчъ былъ военнымъ министромъ въ кабинетѣ Ристича и, какъ администраторъ, отличается непоколебимымъ безкорыстіемъ, и большою распорядительною. Онъ, также, какъ и Ранко Админичъ, пользуется большою популярностію въ войскахъ, но Лѣшанину солдаты не только повинуются, какъ искусному полководцу, но и *любятъ* его. Въ образѣ дѣйствій Лѣшанина видно стремленіе къ наступательной оборонѣ, которая имѣетъ ту выгоду передъ обороною пассивной, что переноситъ бой на непріятельскую землю и поддерживаетъ бодрость духа и энтузіазмъ молодыхъ солдатъ.

Эпизодъ, который мы сейчасъ опишемъ, покажетъ намъ, какъ дѣйствуетъ Лѣшанинчъ. Въ корпусѣ Лѣшанина, между прочими офицерами, находится полковникъ русской службы г. Измайловъ. Въ началѣ іюля, полковникъ Измайловъ завязалъ со своимъ слабымъ отрядомъ незначительную схватку съ турецкими передовыми войсками и обратилъ ихъ въ бѣгство. Узнавъ о бѣгствѣ своихъ форпостовъ, турецкій командиръ Османъ-Паша двинулся съ значительными силами на отрядъ Измайлова. Измайловъ, вида невозможность бороться, отступилъ къ Зайчару и Великому Извору. Османъ-Паша съжегъ Изворъ и сильно стѣснилъ полковника Измайлова въ полуразрушенныхъ укрѣпленіяхъ Зайчара. Турки четыре раза бросались всюю массою въ штыки на незначительный отрядъ и четыре раза были отброшены обратно; но на пятый разъ сербы не устояли и ночью покинули Зайчаръ. Лѣшанинчъ, какъ только узналъ о положеніи сербовъ и отнятіи Зайчара — тотчасъ же двинулся къ Зайчару и, послѣ кровопролитной, дорого стоившей сѣбѣмъ стороны битвы, отнялъ у турокъ и Зайчаръ, и Изворъ и, кромѣ того, прогналъ ихъ далеко отъ сербской границы. Многочисленныя попытки Османа-Паши снова взять Зайчаръ были блистательно отражены значительно уменьшившимися войсками Лѣшанина. О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ корпуса полковника Милойко Лѣшанина имѣется много свидѣній. Последнимъ его дѣломъ считается, пока, рѣшительное отраженіе турокъ, имѣвшихъ намѣреніе перейти рѣку Тимокъ и вступить на сербскую территорию у Лопани и Вражеграна. Вступленіе турокъ на сербскую территорию, сопровождается бѣшеннымъ, особеннымъ безчеловѣчьемъ съ христианами, а потому сербскіе командиры ревниво оберегаютъ свои границы отъ вражескаго вторженія.

Милутинъ Іовановичъ, полковникъ, начальникъ главнаго штаба, бывший военнымъ министромъ. Одинъ изъ способнѣйшихъ сербскихъ офицеровъ. Милутинъ Іовановичъ извѣстенъ какъ знатокъ Турціи, которую усилъ основательно изучать, часто посѣщая ее съ различнаго рода военными порученіями. Іовановичъ находится въ корпусѣ генерала Михаила Григорьевича Черняева и дѣятельно помогать ему въ его первыхъ во-

енныхъ шагахъ въ Сербіи. 2-го іюля небольшая сербская колонна подъ предводительствомъ Милутина Іовановича вступила на турецкую территорию и заняла турецкое село Секашницу, близъ рѣки Моравы, верстахъ въ трехъ отъ сербской границы; точно также было занято и соседнее село Далунка. Въ послѣднемъ находился одинъ турецкій батальонъ, который сначала приготовился къ отпору и далъ нѣсколько залповъ, но потомъ, когда колонна Іовановича стала отвѣчать на огонь, турки отступили къ главному лагерю, не будучи преслѣдуемы сербами, такъ какъ главныя силы генерала Черняева не перешли еще границу, а Іовановичъ съ небольшою колонною не хотѣлъ вступать въ бой съ превосходными турецкими силами и дождался генералъ Черняева съ главными войсками. Черняевъ, какъ извѣстно, направилъ свое побѣдоносное шествіе къ Бабиной-Главѣ *).

Полковникъ Мирковичъ, храбрый сынъ извѣстнаго героя времени освобожденія Сербіи, Мирковича. Горячая любовь къ родинѣ, присущая каждому сербу, въ семействѣ Мирковичей переходитъ въ энтузіазмъ, способный подвигнуть ихъ на всякое геройское дѣло, на всякій самоотверженный поступокъ, лишь бы онъ служилъ ко благу горячо ими любимой родины. Мирковичъ воспитывался въ военномъ училищѣ, но не удовольствовался этимъ, а поѣхалъ дополнять свое образованіе за границу. Въ Сербію Мирковичъ воротился уже не только горячимъ патриотомъ, но и дѣльнымъ офицеромъ, обладающимъ фундаментальнымъ военнымъ образованіемъ. Онъ командуетъ отрядомъ въ Шумадыѣ, и, безъ сомнѣнія, храбрый сынъ героя-отца, Мирковичъ покроетъ новую славою свою фамилію.

Полковникъ Никифоръ Іовановичъ принадлежитъ также къ наиболѣе выдающимся офицерамъ сербской арміи. Получивъ образованіе въ артиллерійской школѣ, Никифоръ Іовановичъ, подобно предыдущему офицеру, поѣхалъ дополнять его за границу, особенно же во Францію, гдѣ и прослушалъ нѣсколько курсовъ у разныхъ профессоровъ. Въ послѣдней борьбѣ Іовановичъ прославился упорною восьмичасовою битвою въ *Вульцъ-горахъ*. Два нестройныхъ батальона баши-бузукъ и 800 человекъ редифовъ палили 2-го іюля на маленькой отрядъ Іовановича; началась упорная битва, продолжавшаяся *восемь часовъ* и имѣвшая несчастный исходъ для турокъ, которые были стремительно прогнаны съ большими потерями.

Подполковникъ Коста Вутовичъ командуетъ отрядомъ въ Крушевцѣ, на рѣкѣ Сербска Моравы. Этотъ офицеръ тоже обладаетъ хорошою военно-научною подготовкою: онъ былъ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ военного училища и знанія, приобретенныя имъ въ училищѣ, блестяще примѣнилъ къ дѣлу въ послѣдней войнѣ. Благодаря тому, что большинство сербскихъ офицеровъ, обладая солидными научными познаніями и образованіемъ, тѣмъ не менѣе строго подчиняются дисциплинѣ и главнокомандующему, сербская армія до сихъ поръ одерживаетъ верхъ во всѣхъ почти стычкахъ и большихъ сраженіяхъ, съ большимъ по количеству непріятелемъ. Нестройныя орды турокъ, яростно бросающіяся на невинныхъ имъ христианъ, всегда принуждены бѣгаютъ показывать тылъ, встрѣчая хотя пылокое, но тѣмъ не менѣе некусное сопротивленіе сербовъ, ведомыхъ умными и образованными офицерами.

Rus.

НАРОДЫ ТУРЦІИ И ИХЪ ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ **).

(Окончаніе).

II.

Другое могущественное славянское племя, на долю котораго теперь, во время политическихъ затрудненій на Балканскомъ полуостровѣ, вынута главная роль, это—сербы. Владѣнія ихъ занимаютъ почти весь сѣверо-западъ Турціи и земли между Унною, Савою, Дунаемъ и далматскимъ побережьемъ. Сосѣдями сербовъ на югъ являются албанцы, на востокъ—болгары и на сѣверо-востокъ—румыны. Вся эта полоса земли обозначена на географическихъ картахъ именами: Монтенегро (Черная гора), Герцеговина, Боснія и Сербія. Но только наименьшая часть сербскаго народа живетъ въ Турціи, большая же обитаетъ въ австрійскихъ владѣніяхъ; такъ кроаты, далматы, словаки и сербы, живущіе въ Венгріи, одного и того же происхожденія съ своими братьями въ Турціи; только турецкіе сербы принадлежатъ къ греко-восточной церкви, австрійскіе же большую часть—къ римско-католической. Всѣхъ сербовъ въ Австріи, Турціи и сербскомъ княжествѣ насчитывается слишкомъ 5 милліоновъ душъ.

Въ исторіи сербовъ были также блестящія эпохи. Этотъ народъ велъ продолжительную борьбу за свободу съ своими сосѣдями болгарами и греками, пока наконецъ со Стефаномъ Неманьей († 1200 г.), не наступили для нихъ лучшія времена. Изъ преемниковъ этого короля, болѣе всѣхъ прославился Стефанъ Душанъ «Сильный» (1336—1356), называвшійся царемъ, покорившій Македонию и Фессалию, подчинившій себѣ болгаръ и

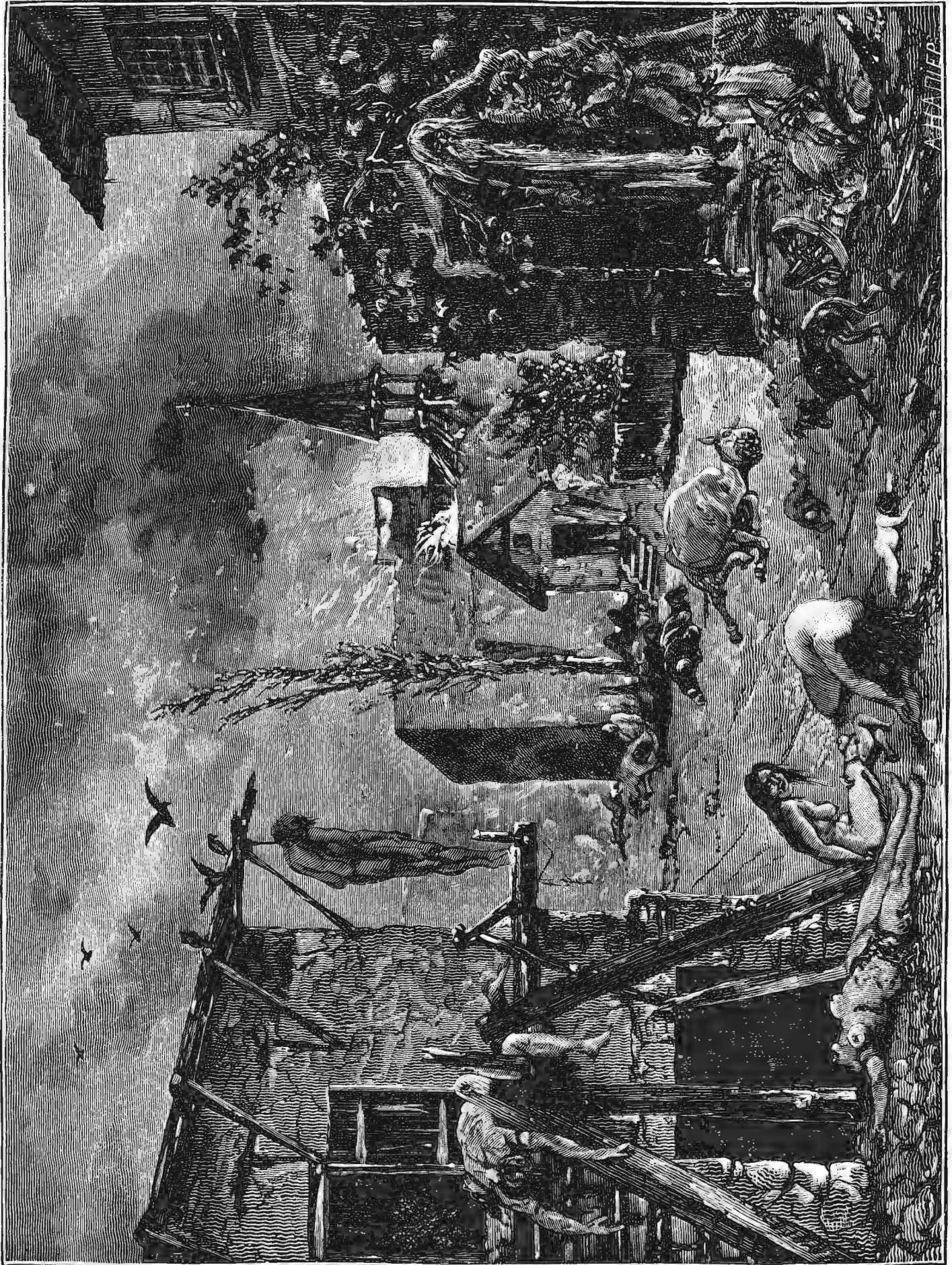
храбрый царь Лазаръ, послѣдній сербскій король, палъ при Амзельфельдѣ (15-го іюня 1389 г.), когда вѣстѣ съ сосѣдями завязалъ борьбу съ тѣснившими ихъ турками. Затѣмъ наступило время рабства, продолжавшееся до начала текущаго столѣтія, когда загорѣлись войны за независимость, окончившіяся возникновеніемъ княжества Сербіи.

«Революціи, говоритъ Канитцъ, всегда дорого обходятся. Главнымъ двигателемъ тутъ являются деньги. Однако, это правило не примѣнимо къ сербскимъ войнамъ за независимость. Рѣдкая любовь къ отечеству и достойное удивленія самопожертвованіе были единственными средствами сербовъ. У нихъ не было даже преданій, славнаго прошлаго, какъ у грековъ. Ни Олимпъ, ни тѣни эллинскихъ героевъ и поэтовъ не пропагандировали въ ихъ пользу. Да если бы даже исторія храбраго сербскаго народа и была болѣе извѣстна, то въ то время, когда почти вся Европа востекла кровью въ борьбѣ съ французскимъ императоромъ, сочувствіе западно-европейскихъ націй едва ли бы могло быть существенно полезнымъ сербамъ въ ихъ борьбѣ за свои священные права. За исключеніемъ той помощи, которую оказывала Россія (сама тѣснимая Наполеономъ) своимъ единовѣрцамъ-братьямъ на Дунаѣ, сербское возстаніе не получило матеріальной поддержки ни отъ подписки, открытой сербофилами, ни отъ богатыхъ банкирскихъ домовъ. Незначительное имущество каждаго составляло арсеналъ и кас-

* См. «Иванъ» № 30.

Турецкое укрепленное местечко Подгорица на границе Албании и Черногории. Грав. Цамарский.

Болгарская деревня послѣ разбойническаго набѣга башки-бузуковъ. Съ наброска нашего спеціальнаго корреспондента, рисов. Карлзницъ, рѣзакъ Паширъ.

су, изъ которой сербская борьба за независимость черпала свои силы. Если поговорка «каждый самъ за себя» применима и къ цѣлому народу, то сербскій народъ, разсчитывающій только на самого себя, заслуживаетъ полнаго уваженія Европы.

Предводителемъ сербовъ въ этой первой борьбѣ, не приведшей, какъ извѣстно, къ желанной цѣли, былъ Кара-Георгій (его биографія съ рисункомъ помѣщена въ № 23 «Нивы»). Только впоследствии, въ 1831 г. Милошъ Обреновичъ добился того, что Порта признала его наслѣдственнымъ, хотя и вассальнымъ княземъ Сербіи. Съ тѣхъ поръ Сербія сдѣлалась государствомъ «будущаго» по нижнему теченію Дуная. Въ этомъ княжествѣ въ настоящее время насчитывается слишкомъ миллионъ жителей и до 100,000 солдатъ, вмѣстѣ съ милиціей.

Почти одинаковую роль съ Сербіей играетъ маленькое княжество Монтенегро. Такъ называютъ эту страну итальянцы, туземцы же именуютъ свою землю Черногоріей. Это дикая, гористая страна, занимающая пространство въ 70 квадр. миль, съ 200,000 жителей, по преимуществу сербовъ, которые подъ управленіемъ своего родового княжескаго дома сумѣли сохранить свою независимость отъ турокъ и въ теченіе многихъ вѣковъ ведутъ съ ними постоянную борьбу, имѣющую характеръ буйныхъ разбойничьихъ набѣговъ. Со времени Петра Великаго Черногорія тѣсно связана съ родственной ей Россіей, подъ покровительство которой она отдалась въ 1710 году.

Совершенно независимая Черногорія и почти самостоятельная Сербія представляютъ центры, куда устремляются революціонные элементы подвластныхъ Турціи сербовъ; тамъ, въ этихъ центрахъ, они получаютъ нравственную и матеріальную поддержку. Поддача помощи облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что именно Сербія и Черногорія прикрываютъ Боснію и Герцеговину, состоятъ въ тѣсномъ союзѣ съ ними, и дорога, ведущая изъ Турціи въ возставшія провинціи, протекаетъ между Черногоріей и Сербіей.

Кромѣ незначительнаго числа албанцевъ, евреевъ и цыганъ, въ Босніи и Герцеговинѣ живутъ только южные славяне, чистые сербы. Турокъ, въ этнографическомъ значеніи этого слова, т. е. османовъ, живетъ тамъ всего нѣсколько заѣзжихъ семей; турокъ же по религіи, т. е. магометанъ, въ Босніи насчитывается 325,000, въ Герцеговинѣ 60,000, христіанъ же восточной въ первой 460,000, а во второй 75,000 человекъ. Кромѣ того, въ Босніи проживаетъ 135,000, а въ Герцеговинѣ 47,000 римскихъ католиковъ, слѣдовательно, христіанское населеніе тамъ по численности вдвое превосходитъ магометанское. Славяне-магометане въ Босніи и Герцеговинѣ составляютъ классъ землевладѣльцевъ, это бывшіе аристократы страны, которые послѣ покоренія провинцій въ 1463 году приняли исламъ ради сохраненія своихъ имуществъ и земель. Если по религіи они турки, то по языку, понятіямъ и нравамъ остались истыми славянами. Многоженства тамъ почти не встрѣчается, такъ какъ оно дорого стоитъ и нарушаетъ семейный миръ. Замужнія женщины только на улицѣ носятъ покрывало. Если женщина преднамѣренно покажется безъ покрывала чужому, то это считается достаточной причиной для развода; этотъ законъ стоитъ въ явномъ противорѣчій съ постановленіями старыхъ карательныхъ законовъ, гдѣ за тайный разговоръ или поцѣлуй опредѣлялся денежный штрафъ. Самымъ унижительнымъ въ положеніи раи является постановленіе, въ силу котораго каждый христіанинъ долженъ давать дорогу послѣднему магометанину или, если раія ѣхалъ верхомъ, слѣзая съ лошади и стоятъ до тѣхъ поръ, пока магометанинъ не пройдетъ.

Герцеговина—прекрасная, гористая страна и могла бы имѣть важное торговое значеніе на Адриатическомъ морѣ, если бы промышленность, ремесла, торговля, и даже земледѣліе, въ этой странѣ не были въ такомъ жалкомъ положеніи, если бы обитатели ея умѣли пользоваться сокровищами, скрытыми въ ихъ землѣ. Въ Герцеговинѣ почти всюду плодородная почва; страна эта изобилуетъ рѣками и минеральными источниками, прекрасными рощами и первобытными лѣсами, великолѣпными лугами и пастбищами. И среди такой роскошной природы живутъ суровый народъ, прозябающій въ нищетѣ и невѣжествѣ. Главнѣйшій виновникъ такого бѣдственнаго положенія народа—турецкое правительство. Если бы у турецкихъ сербовъ было другое правительство, то и онъ, подобно австрійскимъ сербамъ и кроатамъ, могли бы имѣть свою академію, университетъ, литературу, газеты и журналы.

Европейца, прѣзжающаго въ Боснію, глубоко возмущаетъ хозяйничанье турокъ въ этой странѣ. Здѣсь, на каждомъ шагѣ, видны слѣды гнета и притѣсненій. Поэтому неудивительно, что поработенное христіанское населеніе неоднократно вставало противъ своихъ тирановъ. Впрочемъ, въ послѣднее время нѣкоторые турецкіе чиновники пытались поднять страну—но безуспѣшно, потому что запустѣніе было ужь слишкомъ велико.

На западѣ, около Ионическаго моря, живутъ албанцы. На сѣверѣ страна ихъ граничитъ съ Черногоріей, на югѣ—съ Греціей. На югѣ албанцы до того сблизились съ греками, что ихъ трудно отличить другъ отъ друга; на сѣверо-востокѣ, напротивъ, они смѣшались съ сербами. Сами себя они называютъ шинетарами, турки же зовутъ ихъ арнаутомъ. По вѣроисповѣданію они распадаются на католиковъ, православныхъ и магометанъ. Народъ этотъ долженъ обладать значительной внутренней силой: живя съ давнихъ временъ по берегамъ моря, подвергаясь разнымъ превратностямъ судьбы, имѣя такихъ препріимчивыхъ сосѣдей, какъ греки и итальянцы, онъ, все-таки, удержался на своей землѣ.

До турецкаго господства славяне были могущественнѣе албанцевъ, и этимъ послѣднимъ приходилось уступать первымъ; но когда турки сокрушили силу славянъ, роли перемѣнились, и шинетары сдѣлались современнымъ естественнымъ союзникомъ турокъ противъ болѣе многочисленныхъ славянъ. Албанцы, слѣдуя правилу *cujus regio, ejus religio* (каковъ царь, такова и религія), почти все приняли исламъ, такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи ихъ интересы слились съ интересами турокъ противъ славянъ-христіанъ. Слѣдовательно, турки соединились съ албанцами и греками противъ славянъ, и албанцы, служащіе въ турецкой арміи въ качествѣ арнаутовъ (иррегулярные отряды), стали для нихъ драгоцѣнными союзниками. Воинственные и дикіе албанцы какъ бы созданы быть баша-бузуками; они славятся своими насиліями и разбоями, и миролюбивый славянинъ старается избѣгать столкновенія съ ними. Много земли отняли они у славянъ, преимущественно у сербовъ. Албанцы и до настоящаго времени остались тѣмъ, чѣмъ были въ древнія времена—рыбаками, солдатами, словомъ—невѣждами. Искусство, литература и науки имъ вовсе неизвѣстны, у нихъ до сихъ поръ нѣтъ даже своей азбуки. Объ умственныхъ способностяхъ этого народа еще нельзя судить, такъ какъ на этомъ поприщѣ онъ еще не выступалъ. Албанецъ трудолюбивъ у себя дома и храбръ на полѣ брани.

Число обитателей Турціи, принадлежащихъ къ романской расѣ, весьма незначительно. Мы не будемъ говорить здѣсь о Молдавіи и Валахіи, которая съ 1859 года образовала въ сѣверу отъ Дуная почти независимое княжество, Румынію, съ населеніемъ въ 4½ милліона. По часть румынъ живетъ и къ югу отъ Дуная, въ восточной Сербіи. Единоплеменники ихъ валахи, или цинцары, живутъ около горы Шиндусъ, не обозначенной на нашей картѣ. Для насъ не важно: говорятъ ли они на языкѣ родственномъ съ итальянскимъ, потому ли это римскихъ военныхъ колонистовъ или романизовавшіеся варвары, коренные обитатели горъ. Намъ достаточно знать, что они живутъ между Албаніей и Фессаліей и занимаются скотоводствомъ и горными промыслами. По своей малочисленности они не имѣютъ никакого политическаго значенія.

Кромѣ вышеупомянутыхъ народовъ, въ европейской Турціи коучетъ около 200,000 цыганъ, исповѣдующихъ исламъ, въ Добруджѣ существуетъ нѣсколько нѣмецкихъ колоній, колонистовъ этихъ турки называютъ «нѣмцы», а сербы зовутъ ихъ «швабами»; при устьяхъ Саламврии есть небольшая польская колонія; сирійскіе арабы обитаютъ около Базарджика, а вездѣшніе евреи расѣяны по всему Балканскому полуострову; они потомки евреевъ, изгнанныхъ Фердинандомъ и Изабеллой изъ Испаніи, и говорятъ на испанскомъ языкѣ.

Изъ всего, изложеннаго въ этой статьѣ, читатель можетъ усмотрѣть, что населеніе европейской Турціи представляетъ весьма пеструю массу. Различныя племена враждуютъ между собою, многія изъ нихъ видятъ въ сосѣдѣ своего врага; у каждаго племени есть свои особые, неключительные интересы и стремленія. Именно въ нестрогѣ пародонаселенія и заключается трудность разрѣшенія восточнаго вопроса. Съ момента объявленія Сербіею войны Турціи, кажется, начинается разрѣшаться пресловутый восточный вопросъ, прежде и теперь стоящій Европѣ многихъ слезъ и крови..

Мѣстечко Подгорица

Мѣстечко Подгорица лежитъ на самой границѣ Албаніи и Черногоріи, образуемой рѣкою Морачей. Названіе свое Подгорица получила отъ того, что расположена у подножія холма *Горицы*, на которомъ находится укрѣпленіе, занятое турками. Мѣстечко служитъ мѣстопребываніемъ турецкихъ властей (мудира и кади) и не столь грязно, какъ другіе турецкіе города, хотя улицы въ Подгорицѣ узки и дома разбросаны въ беспорядкѣ, какъ вообще въ турецкихъ городахъ. Въ окрестностяхъ Подгорицы замѣчательны развалины древней Локтен или Лок-

такъ что часто въ стѣнахъ какой нибудь лачуги вставлены камень съ частію барельефа или съ латинскою надписью.

Недалеко отъ Подгорицы, чрезъ рѣчку Морачу, перекинуть высокой каменный сводчатый мостъ, изображенный на нашемъ рисункѣ. Этотъ мостъ съ окружающими его укрѣпленіями находится въ рукахъ турокъ и служитъ главнымъ оборонительнымъ пунктомъ противъ внезапнаго нападенія черногорцевъ. Въ послѣднее время Подгорица сдѣлалась мѣстомъ заточенія христіанъ, которыхъ по распоряженію турецкихъ властей немало

Въ концѣ прошлаго іюня, при Подгорицѣ произошло сраженіе турокъ съ черногорцами, въ которомъ албанское племя Кучей, бывшее въ рядахъ турокъ и ими самими вооруженное, оказало явную измѣну, обративъ оружіе противъ турокъ и даже заставивъ ихъ отступити до рѣки Рыбинцы. Если бы неподоспѣли резервы, то дѣло турокъ было бы проиграно. Такого рода примѣры измѣны албанцевъ туркамъ еще можно объяснить тѣмъ, что Кучи съ давняго времени перешли изъ католицизма въ православіе и сочувствуютъ черногорцамъ болѣе, чѣмъ ми-

ридиты-католики. Кромѣ того, одна часть этого племени, а именно Драколовичи, уже давно вошли въ составъ Черногоріи, а потому легко могли переманить на свою сторону и другую часть, находящуюся подъ турецкимъ владычествомъ. Осгальное албанское войско пока еще занимаетъ аванпостъ въ Подгорицахъ. Изъ послѣднихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ по телеграфу корреспондентомъ «Русскаго Мира», видно, что 18 іюля вечеромъ у Подгорицы одержана черногорцами значительная побѣда. причѣмъ племя Кучей захватило двѣ пушки.

Болгарская деревня послѣ разбойническаго набѣга баши-бузуковъ.

Въ поясненіе этого рисунка признаемъ необходимымъ и вполнѣ сообразнымъ съ обстоятельствами настоящаго времени помѣстить на страницахъ «Нивы» дословно текстъ воззванія отъ С.-Петербургскаго отдѣла Славянскаго благотворительнаго комитета:

„Уже скоро годъ, какъ въ горахъ Герцеговины и Босніи, полувооруженные и часто совсѣмъ голодные, отряды возставшихъ съ очачаиныхъ христіанъ богатырски сопротивляются всѣмъ усиліямъ турецкаго регулярнаго войска покорить ихъ. Скоро годъ, какъ покинувшія родину ихъ семейства, нитаясь, между прочимъ, и тѣмъ, что доставляется имъ изъ Россіи, только что не умираютъ съ голоду, а многіе уже и умерли, такъ какъ приношеній на всѣхъ не хватало! Между тѣмъ, вернувшись домой, упростили своихъ возставшихъ отцовъ, мужей или братьевъ довериться обещаніямъ турокъ значаю бы добровольно пойти на вѣрну смерть. Тѣ, которые позволяли себя обольстить и вернулись,—всѣ попали на висѣлицу, подъ топоръ или на колъ. Митрополитъ сербскій уже повѣдалъ русскому народу о томъ, какъ звѣрски обращаются турки съ подневольными имъ христіанами. Но по послѣднимъ достовернымъ извѣстіямъ, ихъ звѣрство дошло до степени, еще болѣе неимоверной! Турки озлоблены тѣмъ, что возстаніе не прекращается, а напротивъ, заносится въ области въ область, и не хотятъ или не хотятъ понять, что оно и не можетъ прекратиться, пока они остаются все тѣми же вѣроломными ненавистниками христіанъ. Неспособные совладать съ христіанами въ честномъ открытомъ бою, они вторгаются въ мирныя христіанскія села, выжигаютъ до тла и жилища, и воздѣланныя христіанскимъ трудомъ поля, продаютъ христіанскихъ дочерей и женъ въ гаремы развратныхъ магометанъ, а стариковъ и дѣтей ввергаютъ въ огонь или распарываютъ имъ живого. Такъ поступаютъ они теперь въ Болгаріи, куда не могла не залетѣть искра отъ возстанія въ Герцеговинѣ и Босніи, и тѣмъ самымъ вынуждаютъ возстать тамъ уже всѣхъ и каждаго Шайки переселившихся къ туркамъ черкесовъ и не менѣе дикая турецкая вольница, носящая названіе баши-бузуковъ, бросились съ огнемъ и мечомъ по сотнямъ болгарскихъ селъ,—и отъ нихъ остались теперь только груды пепла и обезображенныхъ, безъ погребенія разлагающихся труповъ. До шестидесяти тысячъ мирныхъ жителей въ короткое время преданы самымъ ужаснѣйшимъ видамъ смерти и кровь ихъ понапрасну вопіетъ къ турецкому правосудію, ни мало не смущающемуся заступничествомъ за христіанъ долгогребившей Европы. Ужасающій видъ этихъ труповъ и этихъ развалинъ вызываетъ невольное бѣгство въ уцѣлѣвшемъ населеніи, оставшемся, въ полномъ смыслѣ слова, безъ крова и безъ куска хлѣба. Русскіе люди не мало уже послали своимъ бездомнымъ единоверцамъ—единоплеменникамъ изъ Герцеговины и Босніи, но да не устаеетъ ихъ дающая рука, да распахнетъ ихъ сердце и для принавшихъ къ нему болгаръ. Въ былое, далекое время, Болгарія, раньше насъ огласившаяся христіанскою проповѣдью Славянскихъ первоучителей, питала насъ хлѣбомъ духовнымъ, доставляя намъ произведенія своей христіанской нисемности. Мы едва ли расплатились съ нею за это просвѣтительное вліяніе тѣми приношеніями, какія со времени постигшаго ее магометанскаго ига привыкли мы посылать въ ея обдѣлѣнныя храмы, а затѣмъ и въ ея убогія школы. Не должно забывать и о томъ, что и самымъ намъ въ былое время пришлось выносить продолжительное иго невѣрныхъ. Но татары въ XIII, XIV и XV вѣкахъ не доходили до того, до чего въ наше время, на глазахъ у просвѣщенной Европы, доходитъ турки. Западъ въ ту пору не послѣдился на выручку нашей Руси, исключительно для него принявшей на себя одну всѣ удары азіатской орды. О крестовыхъ походахъ не думали болѣе и тогда, когда новые варвары, турки, поработили православ-

ныхъ славянъ и, водворившись въ столицѣ царя Константина, замѣнили на храмѣ святой Софіи нашъ христіанскій крестъ магометанскою луной. Земля русская только что раздѣлялась въ то время съ татарами. Съ тѣхъ поръ, какъ ей удалось, наконецъ, сломить ихъ ярмо, взоры поработенныхъ турецкихъ славянъ съ упованіемъ устремились къ ней. И по мѣрѣ того, какъ крѣпла и крѣпла Россія, она все болѣе и болѣе сознавала за собою обязанность заступаться за христіанъ на востокѣ, никогда не встрѣчая въ этомъ усердной поддержки на западѣ, который, напротивъ, постоянно подозрѣвалъ тутъ съ ея стороны какія-то своекорыстныя цѣли. За эти-то ложныя подозрѣнія намъ и пришлось, наконецъ, поплутиться мученическимъ вѣнцомъ Севастополя. Но въ настоящее время и тѣ, кто особенно усердно защищали всегда турокъ, какъ невинныхъ, будто-бы, жертвъ нашихъ придрокъ и нашихъ клеветъ,—и сами англичане, наконецъ, повѣствуютъ открыто въ своей свободной печати о неслыханномъ варварствѣ турокъ и невыносимомъ положеніи христіанъ...

При видѣ гоненій, разразившихся, наконецъ, и надъ Болгаріей и напомнившихъ времена древнихъ христіанскихъ мучениковъ, и сербскій князь Миланъ и черногорскій князь Николай не были въ состояніи долге сдерживать свое сердце и выступили съ войсками на помощь своимъ гонимымъ единоплеменникамъ и единоверцамъ. Люди русскіе, да не устаеетъ ваша помогающая рука! Вѣднѣй, уже давший свою трудовую копѣйку, по опыту зная, что значитъ нужда, пусть ее дасть опять и опять: одна копѣйка не разоритъ, а изъ мірскихъ копѣекъ собираются тысячи, даже десятки и сотни тысячъ рублей. Богачъ, уже давший, и давший щедро, пускай дасть еще и еще отъ своего неизсякающаго избытка. Богачъ, еще ничего не давший, потому что дать много жалъ, а дать мало совѣстно, пусть не совѣстится—дать хоть бездѣлицу, но пусть только дасть! Люди темные, незнающіе толкомъ этихъ болгаръ, какъ не знали герцеговинцевъ и босняковъ, но слышавшіе о христіанахъ, томлящихся въ Турціи, пусть дадутъ Христа ради свою «милостыню спасенную». Люди образованные, но при всемъ томъ еще мало знакомые со славянами вообще и турецкими въ частности, пусть носкорѣ пополняютъ въ запасъ своихъ познаній этотъ позорный пробѣлъ! Пора, наконецъ, не дозволить себѣ обольщать европейскимъ баснями о славянахъ, которые, будто-бы, до того отупѣли, что даже неми-го и чувствуютъ, когда ихъ кидаютъ въ огонь или сажаютъ на колъ! Пора, доучившись, хоть поздно, вразумить и другихъ, что славянское дѣло—святое и разумное дѣло, на которое стоитъ жертвовать. Люди, въ рачѣ вѣрующіе въ Бога, пусть дадутъ ради его святыхъ словъ, что всѣ одинаково его дѣти и между собою братья. Люди, безпрестанно толкующіе о человечествѣ, его преуславіи, о благихъ плодахъ образованности, пусть воймутъ, наконецъ, что все это лишь слова, если можно равнодушно спосить то, что дѣлается теперь на востокѣ. Если западъ фарисейски суетъ на видъ эти высреннія слова и въ тоже время, на дѣлѣ пропитанный себялюбіемъ, преспокойно ихъ попираетъ ногами, то пусть же ихъ снова подымаемъ мы,—младше въ европейской семьѣ пусть спасутъ ея образованность отъ позора и поруганія. Люди русскіе, не теряйте времени! Проникнитесь всѣ однимъ чувствомъ, одною мыслию, жертвуйте, кто сколько можетъ и хочетъ, только жертвуйте всѣ и каждый.

Приношенія какъ деньгами, такъ и вещами, корпіею и т. п. принимаются каждодневно отъ 11-ти до 5-ти часовъ у Чернышева моста, въ домѣ, гдѣ 6-я Гимназія, въ помѣщеніи Географическаго Общества“.

Библиографія.

Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Изв. Забѣлина. Москвѣ. 1876 г. Часть I-я. Цѣна 4 р.

Только что вышла книга, заглавіе которой мы выписали. Имя автора, уже извѣстнаго своимъ историческому изысканіямъ по отечественной исторіи, служить лучшимъ ручательствомъ достоверности книги. Дѣйствительно, въ вышедшій разъ г. Забѣлинъ подарилъ нашу историческую литературу прекраснымъ произведеніемъ, въ которомъ онъ пишетъ исторію не государства и не правительственнаго механизма, а исторію самой жизни народа, исторію развитія его мелочнаго, повседневнаго, частнаго быта, изъ котораго слѣдуютъ все содержимое для на-

Авторъ начинаетъ свои изслѣдованія съ самаго туманнаго далека; но предпринимательно онъ не могъ не коснуться многодѣтной полемики о происхожденіи Руси. Онъ цѣлою попоромою представляетъ мнѣнія рго и соѣта нормано-скандинавскаго происхожденія, онъ сводитъ и тѣ, и другія вмѣстѣ, онъ заставляеть ихъ вести борьбу, онъ самъ принимаетъ въ ней участіе, увлекается ею и выноситъ трофеи,—что норманы тѣ же славяне, то же родственное намъ племя, наша плоть и кровь и все, что значительныя вѣтви, какъ доблестъ приписывали норманству или, ближе, германскому началу—принадлежитъ намъ, самимъ себѣ—и славянскій мѣръ, со всѣми своими бытовыми чертами, вышетъ

германства. Понятно, что уже за одно это, патриотическое чувство вызывает благодарность автору за то, что он съумел наконец доказать, что и у нас есть не мало самобытного, не мало самодревнѣйшихъ явленій изъ склада народной славянской жизни, самобытныхъ признаковъ и проявленій народнаго искусства и творчества. Больно было сознавать, что наши ученые изъ слѣпного поклоненія нѣмецкой наукѣ втоптали въ грязь все наше прошлое, и все, чѣмъ живетъ въ настоящую минуту славянскій миръ, охотно приписывали давно минувшей пересадкѣ къ намъ отъ финновъ, нормановъ, даже отъ жмуди.

Всѣ тѣ смутныя воспоминанія, всѣ туманныя представленія о прошломъ, которыя сохранились въ народной памяти, г. Забѣлинъ освѣщаетъ историческими свидѣтельствами и находитъ корни ихъ происхожденія. Кому, напримѣръ, неизвѣстно, что у нашего народа существуетъ какое-то туманное представленіе объ Индіи, Индійскомъ пути, объ Индійскомъ морѣ. Въ настоящее время даже трудно сложить это представленіе въ какую-либо опредѣленную мысль или понятіе. Это какое-то смутное народное воспоминаніе о далекомъ прошломъ, воспоминаніе, не находящее себѣ возможнаго осязательнаго представленія въ существующемъ порядкѣ дѣйствительности. Между тѣмъ еще въ XV вѣкѣ русской человѣкъ, Аванасій Никитичъ, съ Верхней Волги, изъ Твери, отправляется странствовать, разумеется, руководствуясь стародавними преданіями объ Индійскомъ пути,

какія искони существовали у обитателей всѣхъ главныхъ городовъ по теченію Волги. Вотъ это смутное представленіе народа авторъ свѣдѣтъ историческими свидѣтельствами, которыя находитъ у арабскихъ писателей, отиѣтвившихъ еще въ X вѣкѣ путь, по которому проходили русскіе купцы на дальній востокъ.

Находя признаки родового идеала по сей день, авторъ во всеоружіи доказательствъ и тонкой исторической критики возстаётъ противъ мнѣнія, что будто бы у русскихъ славянъ не существовало родового быта. Его картина прошлаго неразрывно цѣпью связана и съ настоящею дѣйствительностью, а потому уже это одно заставляетъ ей приписать признаки полной достовѣрности и предпочесть сухомудреннымъ теоріямъ построеннымъ по шаблонамъ хитросплетенныхъ иноземныхъ наведеній.

Вообще книга Забѣлина вполне достойна вниманія общества. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ не имѣетъ ни силы, ни возможности входить въ особыя ученые изслѣдованія по всѣмъ вопросамъ, какіе могутъ возникать и нарождаться изъ самого заглавія его сочиненія. Онъ ограничивается только наиболѣе существенными сторонами русской жизни и имѣетъ намѣреніе провести свое обозрѣніе до ближайшихъ къ намъ временъ. Отмѣченная нами книга составляетъ только 1-ю часть труда автора. Онъ надѣется его продолжать неизмѣнно, тѣмъ болѣе, что изданіе его въ свѣтъ обезпечено В. А. Дашковымъ. Отъ души желаемъ успѣха автору.

Политическое обозрѣніе.

Турки вступили въ предѣлы Сербіи. Кровавымъ слѣдомъ отмѣченъ уже ихъ путь, освѣщенъ онъ пожарнымъ заревомъ... Главныя силы оттомановъ у юго-восточной границы княжества направлены къ Княжевацу, около котораго происходятъ теперь ожесточенныя битвы. Исходъ ихъ еще пока неизвѣстенъ, хотя, до сихъ поръ, побѣда склоняется на сторону сербскихъ войскъ, прорвавшихъ непріятельскій центръ у Мрамора. Съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы извѣстій, долженствующихъ повѣдать намъ о событіяхъ рѣшительнаго характера.

Событія эти, насколько можно судить по положенію, приписываемому державамъ въ настоящихъ обстоятельствахъ, могутъ имѣть рѣшающее значеніе не только по отношенію, собственно, къ дальнѣйшимъ военнымъ операціямъ, но по отношенію къ самой войнѣ, т. е. другими словами—рѣшительная побѣда той или другой стороны можетъ повести къ дипломатическому вмѣшательству державъ, въ видахъ пріостановленія военныхъ дѣйствій и созванія конгресса, который разрѣшитъ вопросъ путемъ переговоровъ и соглашеній. Вотъ мнѣніе, господствующее въ этотъ моментъ въ прессѣ.

Еще нѣсколько времени тому назадъ прошелъ слухъ о посредничествѣ и предложеніи державами перемирія. Мы не говорили о немъ до тѣхъ поръ, пока онъ не едѣлся столь распространенымъ, какъ теперь, когда онъ держится довольно упорно. Въ предположеніяхъ и комментаріяхъ нѣтъ, конечно, недостатка. Всѣ они вертятся на дальнѣйшей судьбѣ Герцеговины и Босніи. Такъ, говорятъ о присоединеніи первой къ Черногоріи и раздѣленіи второй между Австріей и Сербіей. Говорятъ еще о такомъ планѣ дѣленія этихъ провинцій, который, имѣя назначеніемъ поселить раздоръ между княжествами, отдалилъ бы еще на долгое время благословенный часъ свободы славянъ.

Тяжелъ удѣлъ славянъ. Тяжелой цѣной принуждены они добывать себѣ человѣческія права, давно уже признанныя за всеми другими народами. И съ возмутительнымъ эгоизмомъ поступаютъ эти народы въ отношеніи народа славянскаго. Развившись на почвѣ торгово-политическаго могущества не даютъ они,

не хотя бы они дать ему его мѣсто на общемъ пиру! Имъ—всѣ блага цивилизаціи, ему—одинъ гнетъ безысходный, одно рабство невыносимое... Онъ, одинокій, подавленный, стоитъ внѣ закона. Совершающійся въ области международныхъ понятій и взглядовъ прогрессъ, открывая торговый путь, свѣтлое будущее другимъ націямъ, обходитъ славянина, онъ его не знаетъ, онъ несетъ свои блага для свободныхъ членовъ человеческой семьи, — но не для отверженнаго раба-славянина! Въ силу этого «порядка» вещей,—обошелъ его и громко провозглашенный гуманно Европой, Европой XIX-го вѣка! (есть чѣмъ хвастаться!) принципъ національностей... Италия объединялась при общихъ восторженныхъ кликахъ этой Европы, Германія—при ея почитательномъ молчаніи—и то, и другое признано, конечно, вполне нормальнымъ явленіемъ. А славяне развѣ смѣютъ заикнуться о томъ же!

Нѣтъ! они жертвы искусственнаго аргумента о «равновѣсіи», они должны покорно склонить свои головы у подножія этой отвѣсной скалы, воздвигнутой предъ ними трудами человѣколюбія передовой части свѣта. Но вѣдь новосозданная имперія придала же вѣсамъ пресловутаго равновѣсія наклонное положеніе, и вѣ смолчали! Цивилизованные европейцы всегда преклоняются предъ совершившимся фактомъ.

Какими же нравственными началами живутъ тѣ, кто въ сферѣ нравственной не идетъ далѣе совершившагося факта?

Но искусственнымъ преградамъ не отвратить, не остановить того, что влечетъ за собою неудержимый потокъ исторіи.

СОДЕРЖАНІЕ: Николай Алекс'евичъ Кирѣевъ (съ портретомъ).—Маленькій мститъ. Эпизодъ изъ сербско-турецкой войны. (Посв. М. Г. Черныеву). Стихотвореніе. Ө Бѣга (Бо ва).—Встрѣженный городъ. (Картины губернской жизни). Д. Стахѣва.—Христосъ, благославляющій дѣтей (съ рисункомъ).—Предводители сербскихъ войскъ, (съ 6-ю портретами) Рус.—Народы Турціи и ихъ взаимныя отношенія (окончаніе).—Мѣстечко Подгорница (съ рисункомъ)—Болгарская деревня послѣ разбойническаго набѣга башки-бузуновъ (съ рисункомъ)—Видъ Юграфія.—Политическое обозрѣніе.—Объявленія.—Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за АВГУСТЪ съ 32 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 24 чертежами.

Редакторъ Д. Стахѣвъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскармленія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи
въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по
Валковской линіи, № 4. Единственный агентъ для
всей Россіи

Цѣна
ЖЕСТЯНКИ
85 и.
безъ пересылки, всѣхъ
1¼ ф.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отбѣваю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНИЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ
Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННОГО агента моего для всей Россіи.
№ 2. ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія). 26—7

Въ книжномъ магазинѣ Карла Риннера, на Невскомъ просп., д. № 14, въ С.-Петербургѣ, поступила въ продажу.
ПОЛНОЕ РУКОВОДСТВО къ ФОТОГРАФИИ МОНГОВЕНА. Съ 280 полт. въ текс. Перев. 6-го фр. изд. подъ ред. Гутковскаго. Цѣна 4 р., перес. за 3 фун.

Тамъ же предлагается:
О ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ въ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЖИЗНИ. М. МАНАССЕЙНОЙ. Изд. 2-е испр. испр. и доп. СПб. 1874 г. Цѣна 2 р., перес. за 2 ф. № 48.

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней.
Б. Морская д. 85. 26—17

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ чайнаго магазина Киселева.

Учебный географическій атласъ Юрдана вышелъ 14-мъ изданіемъ, совершенно переизданнымъ и усовершенствованнымъ, по самымъ лучшимъ и ценнымъ источникамъ, состоящій изъ 27 хромолитографированныхъ номеровъ (картъ) съ приложеніемъ большой карты Россіи съ большою частью Азіатской области и съ обозначеніемъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, въ весьма удобномъ форматѣ для употребленія.

Цѣна 1 руб. безъ перес.
Также вышло 9 изданіе „Историческій атласъ“ Юрдана, цѣна 1 руб. 25 коп. безъ пересылки.

Въ С.-Петербургѣ у Ф. Эйзера, литографія у Каменнаго моста, д. Ольвье № 42—29, также у всѣхъ значительныхъ книгопродавцевъ въ Россіи. 4—1

НАСЛѢДНИКИ.

Повѣсть въ двухъ частяхъ, заключающая въ себѣ подробное и обстоятельное описаніе жизни, дѣятельности, страданій, расцвѣтѣ и увлеченій и доблестныхъ поступковъ одного весьма почтеннаго и весьма уважаемаго, но отчасти легкомысленнаго статскаго совѣтника и нѣвѣго, имѣя другіхъ лицъ, достойныхъ вниманія читателя.

Д. И. Стахѣва.

Два тома, болѣе 600 стр. убористой печати. Цѣна 2 руб. пересылка за два фунта. Критическій разборъ этой повѣсти въ Русскомъ Вѣстникѣ за июль 1875 года. № 43. 2—2

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 32 1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выдавъ 9 Августа 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Жива-
рева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечка Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересыл-
кою иногороднымъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

У Ж И Ц А.

Среди узкой, извилистой котловины, окруженной съ одной стороны цѣпью скалистыхъ крутыхъ холмовъ (Зобуче) съ, другой—роскошной, изумрудной долиной, лежитъ сербскій городъ Ужица и, гордясь своимъ прелестнымъ мѣстоположеніемъ, самодовольно любитъ отраженіемъ своимъ въ прозрачныхъ, быстрыхъ водахъ рѣки Діетины, извивающейся серебряной лентой у его ногъ.

Мѣстоположеніе его дѣйствительно такъ поразительно хорошо, что восхищенный имъ путешественникъ совершенно забываетъ объ общихъ большинству сербскихъ городовъ недостаткахъ—о скучномъ однообразіи всѣхъ зданій и построекъ. Всѣ дома каменные, двухэтажные, съ одинаковыми фасадами и орнаментами наводятъ путника на мысль, что ихъ строилъ одинъ зодчій, въ одно время и по одному плану. Относительно Ужицы такое предположеніе будетъ отчасти справедливымъ, потому что онъ чрезвычайно быстро отстроился послѣ пожара 1812 года, когда турки во время его осады сожгли и разрушили до тла большую часть зданій.

Длинная, широкая улица ведетъ на главную городскую пло-

щадь, гдѣ сосредоточивается вся его торговля и промышленная жизнь. Въ каждомъ домѣ здѣсь имѣются лавочки и ремесленные заведенія, съ вѣчно открытыми окнами, на которыхъ съ

утра до вечера покоятся со сложными на восточный ладъ ногами—неискусные сербские ремесленники, или жераставлены лучшіе товары. Среди площади возвышаются развалины древней ратуши, византійскій стиль которой и не дурно сохранившійся еще куполь свидетельствуютъ о не турецкомъ ея происхожденіи. Въ сѣверной части города на небольшомъ холмѣ стоитъ полуразрушенная мечеть, покорно склоняя, покрытое морщинами и шрамами чело передъ высоко поднятыми, блестящими главами христіанскаго храма, подъ сѣнью котораго пріютились обширныя зданія окружного управленія и суда. Кромѣ почтовой и телеграфной станціи, въ городѣ имѣется еще гимназія и начальное женское училище.

Надъ городомъ, на обрывистомъ высокомъ утесѣ, торчатъ

руины старинныхъ турецкихъ укрѣпленій. Укрѣпленія эти были расширены султаномъ Селимомъ.

Въ пятидесяти сажняхъ отъ города, на самой высокой, не-

Крѣпость Ужица въ Сербіи. Съ фотогр. грав. Боларскій.

приступной горѣ, грозно господствуетъ надъ всею окрестностью сильный редутъ, воздвигнутый сербами во время перваго возстанія.

Недавно окончено сооруженіе двухъ каменныхъ мостовъ черезъ Діегину, начатыхъ по мнѣнію нѣкоторыхъ археологовъ еще во время римскаго владычества; на одномъ изъ этихъ мостовъ находится широкая плита изъ бѣлаго мрамора съ надписью, свидѣтельствующею, что мостъ сооруженъ 250 лѣтъ тому назадъ, нѣкимъ Асанъ-Бегомъ Касарчинемъ. Изъ другихъ древностей заслуживаютъ еще вниманія надгробные камни древне-римскихъ воиновъ, вросшіе теперь глубоко въ землю среди дворовъ.

Историческая лѣтопись Ужицы не богата событіями: расположенная вдали отъ большихъ дорогъ, не имѣя важнаго стратегическаго значенія, она больше оставалась въ сторонѣ отъ великой арены борьбы христіанской Европы съ мусульманскими ордами Азіи.

Тѣмъ не менѣе, ей все таки пришлось вынести нѣсколько штурмовъ и осадъ: такъ, въ 1737 году, когда вспыхнула австрійско-турецкая война, австрійскія войска, подъ начальствомъ Секкендорфа, осадили Ужицу и послѣ двадцати часового штурма ея укрѣпленій взяли ее приступомъ, но вскорѣ опять должны были отдать въ руки турокъ.

Во время сербскаго востанія 1855 года, инсургенты напрас-

но пытались нѣсколько разъ взять ее, и только два года спустя Георгію Черному удалось овладѣть ею и очистить отъ турокъ.

Въ 1813 году Ужица должна была раздѣлить жребій всѣхъ сербскихъ крѣпостей—принять въ нѣдра свои турецкіе гарнизоны и имѣть ихъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ. Въ 1862 году городъ и крѣпость были отданы сербамъ, которые на основаніи условія конвенціи принуждены были срыть укрѣпленія.

Подъ 1815 г. въ лѣтописи города кровавыми буквами записано еще слѣдующее событіе: въ крѣпостной башнѣ были тоже заключены въ качествѣ заложниковъ сербскіе *найскіе* (окружные) князья: Михаэль Радовичъ,—Златиборскій, Алексѣй Повоничъ—Ужичкій, Василій Радовичъ—Черногорскій и Радованъ Маслачъ—Карадагскій.

Плѣнники, узнавъ объ угрожающей имъ лютой смерти и желая спастись бѣгствомъ, спустились на связанныхъ своихъ понасахъ изъ вершины башни къ рѣкѣ Діегинѣ. Но только одному Радовичу удалось благополучно совершить это воздушное путешествіе и, бросившись въ рѣку, перелетѣть на другую сторону; остальные же, спускаясь, странно изрвали всѣ свои члены объ острые камни и скалы; у подошвы они упали полумертвые, гдѣ турки ихъ изрубилъ въ мелкіе куски.

В — цвѣй.

ВСТРЕВОЖЕННЫЙ ГОРОДЪ

(Картины губернской жизни)

(Продолженіе)

Семень Егоровичъ съ недоумѣніемъ отодвинулся отъ своего спутника нѣсколько въ бокъ, чтобы удобнѣе было всмотрѣться въ его лицо, и даже подумалъ, не спохмѣля-ли онъ городить что-то совсѣмъ не сообразное. Подумалъ онъ это потому, что помощникъ почтмейстера имѣлъ въ этомъ случаѣ маленькую слабость.

— Какого преступника? гдѣ? съ удивленіемъ спросилъ Семень Егоровичъ.

Собесѣдникъ, между тѣмъ, ни мало несомнѣвался, что преступникъ пойманъ и приставалъ, прося разъясненій и упрекая полиціймейстера въ скрытности; при чемъ прикрылъ лѣвый глазъ и пригрозилъ пальцемъ, говоря: „зна-а-ю! зна-а-ю! Диплом-а-ть!“ Семень Егоровичъ, будучи человѣкомъ вспыльчивымъ, даже разсердился и ругнулъ своего спутника по русски, говори, молъ, толкомъ, чортъ тебя возьми, а не мучь своими пустыми намеками! Когда потомъ разъяснилось, о комъ именно и по какому случаю пошли по городу нелѣпные толки, Семень Егоровичъ плюнулъ и еще крѣвче ругнулъ и помощника почтмейстера, и всѣхъ, кто городить вздоръ, при чемъ всего больше досталось кучеру, разумѣется, не потому что онъ тоже былъ въ ихъ числѣ, а такъ ужъ просто по той причинѣ, что сани въ это время припрыгнули въ ухабъ и представился, такъимъ образомъ, случай выместить на немъ свой гнѣвъ.

— Не видишь, чортова голова!.. Заснулъ скотина! на полати залѣзъ... Я васъ, чертей! и т. д.

Кучеръ только головой потряхивалъ, слушая, какъ его „баринъ жаритъ“, и можетъ быть для того, чтобы прервать потокъ его брани, по временамъ покрикивалъ и безъ того сторонившимся и раскланывавшимся прохожимъ: „берегись, эй!“

Подѣхали къ квартирѣ помощника почтмейстера.

— Ну, вылѣзай что-ли, баба! ругнулъ его Семень Егоровичъ.

Тотъ не обидѣлся, зная, что эта брань „по дружбѣ“, и какъ опытный чиновникъ, коротко знающій, отчего можетъ захватить человѣка бурная волна гнѣва, спросилъ, вылѣзая изъ саней: „распекъ что-ли“. Онъ подозрѣвалъ, что гнѣвъ Семена Егоровича ведетъ начало изъ кабинета сановника.

— Ну, тебя!.. Есть о чемъ говорить!

— И сильно взмылил? озабоченно продолжалъ пріятель.

— Эхъ, какой ты тупоголовый! не выдержалъ, наконецъ,

— Ну, ну, не буду, не буду, отмахиваясь руками зачастилъ пріятель, такъ и оставшійся не разубѣжденнымъ на счетъ причины гнѣва Семена Егоровича.

— Придешь что-ли къ имениннику? болѣе мирнымъ тономъ спросилъ Семень Егоровичъ, протягивая руку.

— Приду, приду. Затѣмъ и изъ конторы поторопился, отвѣтилъ тотъ дружелюбно, и замаявшись нѣсколько добавилъ: подождаль-бы минутку, я вѣдь только вицмундиръ другой надѣну.

— Эва, выдумалъ что!.. Дойдешь и пѣшкомъ, далеко-ли тутъ... Умень! я его, видишь, ждаль буду!

— Ну, хороше, хороше! не ворчи пожалуйста!..

На этомъ и разошлись.

— Будьте вы всѣ трою-распрокляты! Этакія сороки безхвостыя, примутся врать—удержу нѣтъ, ворчалъ Семень Егоровичъ, отправляясь дальше и соображая, въ какомъ видѣ дойдетъ эта исторія до кабинета сановника. Личность пріѣзжаго снова заняла въ его головѣ первенствующее мѣсто, и своею таинственностію покушалась омрачить прелесть предстоящаго удовольствія. Сани мчались уже далеко отъ квартиры помощника почтмейстера, уже самый домъ именинника, высокій и каменный, выдвинулся предъ глазами Семена Егоровича изъ массы другихъ мелкихъ домовъ, и кучеръ уже сталъ сдерживать бѣгъ лошадей, намѣреваясь повернуть сани въ широко раскрытыя ворота купеческаго дома, гдѣ на дворѣ видѣлись десятка два экипажей, доставившихъ своихъ хозяевъ „къ пирогу“,— какъ вдругъ Семень Егоровичъ велѣлъ повернуть назадъ и снова сталъ покрикивать кучеру: „пошолъ, пошолъ“. Онъ рѣшилъ захватить въ гостиницу и лично переговорить съ ея управляющимъ, а въ случаѣ надобности войти къ пріѣзжему и прямо, не стѣсняясь, какъ полиціймейстеру города, освѣдомиться о чемъ слѣдуетъ. Мѣра была совсѣмъ крайняя и лишняя и ни чѣмъ въ сущности не вызывалась—мало-ли разносятъ по городу превратныхъ толковъ; но Семень Егоровичъ имѣлъ на этотъ разъ свои уважительныя причины, и при томъ, будучи надѣленъ крутымъ и горячимъ нравомъ, не любилъ ничего таинственнаго, никакихъ неясностей. Прогналъ онъ снова мимо двухъ-этажнаго дома почтовой конторы, или, вѣрнѣе сказать, — губернскаго почтмейстера, вѣрнѣе потому, что если какому начальнику полагается казенная квартира, то онъ готовъ загнать подвѣдомственное ему управленіе хоть въ подвалъ, лишь

Семень Егоровичъ мимо собственной своей квартиры и остановился у подъезда гостиницы. Изъ саней онъ выпрыгнулъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ „объясниться“. Идя потомъ по лѣстницѣ, онъ болѣе часто и болѣе сновито, противъ обикновенія, оправлялъ на своихъ плечахъ шипель и храбрился; но это учащенное подергиваніе плечами и излишняя сновитость именно и выдавали его. Вчерашняя важность пріѣзжаго не потеряла еще въ его глазахъ своей обаятельной силы, и представивъ себѣ о ней, Семень Егоровичъ почувствовалъ что его „рѣшительное намѣреніе“ можетъ поколебаться отъ встрѣчи „можетъ быть особы“. Однакожь онъ рѣшился разузнать такъ или иначе о личности пріѣзжаго и такимъ образомъ разсѣять пелѣные городскіе толки.

Изъ разговора съ помощникомъ почтмейстера онъ, конечно, замѣтилъ, что они уже успѣли разростись до невѣроятной степени, и догадывался, что теперь, въ эту минуту, когда онъ поднимается по лѣстницѣ гостиницы, слетѣнія мчится по городу изъ дома въ домъ, изъ ушей въ уши, подобно тому, какъ въ сухое, жаркое лѣто пламя пожара мчится съ невѣроятной быстротой по соломеннымъ крышамъ крестьянскихъ избышекъ и охватываетъ, наконецъ, всю деревню, въ глазахъ безпомощныхъ владѣльцевъ, за часъ предъ тѣмъ бывшихъ довольными своей скудной долей и вдругъ оказавшихся безпріютными нищими.

VIII.

Семень Егоровичъ узналъ все, что было ему нужно и помчался на пироги. Садясь въ сани, онъ ругнулъ самого себя за то, что утратилъ съ годами значительную долю своей полиціимейстерской проницательности, ругнулъ конечно и пріѣзжаго, но вскорѣ успокоился совѣсьмъ, будучи доволенъ, что хоть и ошибся, за то разсѣялъ всѣ недоразумѣнія, томившія его со вчерашняго вечера.

У именинника былъ самый развалъ праздника. Пили, ѣли, разговаривали и спорили; но о чемъ собственно шли разговоры и споры—понять было невозможно. Сначала „празднества“ еще кой что можно было уразумѣть и отличить, напримѣръ, спокойный разсказъ старика казначея, о вѣрномъ средствѣ противъ гемороя, отъ громкаго говора двухъ купцовъ; выхвалявшихъ достоинство своихъ рысаковъ. Но потомъ, при дальнѣйшемъ развитіи „празднества“, ничего уже нельзя было разобрать, потому что говорить стали всѣ въ одно и тоже время, ни кто не слушалъ, что ему возражаютъ, и каждый, казалось, заботился только о томъ, чтобы высказать свою мысль, кстати или не кстати—все равно. Напримѣръ, въ то время, когда тучный членъ казенной палаты, извѣстный знатокъ по части составленія разнаго сорта наливокъ, разсказывалъ, какъ именно и въ какой пропорціи слѣдуетъ класть въ спиртъ ягоды, лѣсничій, уже сильно раскраснѣвшійся, вдругъ заявилъ, что послѣдняя реформа по ихъ министерству имѣетъ „громадное“ значеніе. На это знатокъ наливокъ, вмѣсто вопроса, въ чемъ заключилась самая реформа, не въ одномъ ли только переименованіи палаты въ управленіе, горячо возразилъ дрожащимъ старческимъ голосомъ: „да вы, батюшка, попробуйте“, и взявъ поклонника реформы за руку, потянулъ его вслѣдъ за собой. Оба другъ друга поняли и чрезъ минуту уже стояли у закуски съ рюмками въ рукахъ, раскланиваясь и изъясняя взаимныя пожеланія „добраго здоровья“. Въ другой группѣ на жалоо. редактора мѣстнаго справочнаго листка, что „статья рѣжутъ“ и авторы корреспонденцій, какъ древніе христіане, терпятъ гоненіе и даже анонимныя изъ нихъ розыскиваются „по признакамъ“ на мѣстахъ ихъ жительства въ селахъ и деревняхъ,—купецъ Полуфунтовъ, поклонникъ басистыхъ дыбцовъ, заявилъ, что „такъ и нужно“, и что главное, вонскал

И здѣсь, не смотря на видимое противорѣчіе въ мысляхъ того и другого, разговоръ какъ-то вязался, и редакторъ, и купецъ Полуфунтовъ чрезъ двѣ-три минуты тоже стояли у закуски съ рюмками въ рукахъ и чокались, желали взаимно одинъ другому „добраго здоровья“. Вообще свобода слова была полная. Хозяинъ заботился только о томъ, чтобы „все шло мирно“. Онъ, какъ опытный человѣкъ, зналъ, что не всѣ гости способны желать другъ другу добраго здоровья, и что есть между ними такіе, для которыхъ отъ спора, хотя бы о самомъ отвлеченномъ предметѣ, до брапи разстояніе слишкомъ маленькое, и потому чутко слѣдилъ за разговорами чакіхъ гостей. Лишь только онъ замѣчалъ гдѣ либо значительное возвышеніе голоса, какъ тотчасъ-же являлся на выручку и тинулъ кого нужно въ ту сторону, гдѣ стояла батарея бутылокъ съ закусками. Замѣчалъ онъ, напримѣръ, что два городовые нотаріуса, склонные къ „спорамъ“ уже по самой однородности ихъ доходовъ, что-то громко разговариваютъ,—въ ту же минуту принималъ противъ этого мѣры.

— Да позвольте! кричалъ и на него гость, стараясь выдернуть изъ его рукъ свой локоть, и не обращаясь къ нему лицомъ, снова принимался доказывать, что нужно своему противнику. Но хозяинъ, замѣчая, что и противникъ что то ужъ слишкомъ раскраснѣлся и, какъ говорится, деретъ горло на всю комнату, — подхватывалъ и его подъ локоть и тянулъ, такимъ образомъ, обоихъ къ батареѣ. Если въ числѣ спорящихъ оказывался еще третій, то не имѣя возможности тащить его куда слѣдуетъ, онъ напиралъ на него этими двумя и кивалъ ему головой по направленію къ закускѣ, приглашая такимъ образомъ принять участіе въ „охлажденіи“ спорщиковъ при помощи той или другой изъ многочисленныхъ бутылокъ батарее. Это возбуждало смѣхъ не только во всѣхъ троихъ, подталкиваемыхъ къ закускѣ, но и въ остальныхъ гостяхъ, и споръ самъ собой переходилъ совѣсьмъ на другой предметъ. Одни начинали говорить о необыкновенной силѣ хозяина, другіе—о его политическихъ способностяхъ, и—словомъ, вмѣсто споровъ, раздавался въ залѣ общій веселый смѣхъ.

Народу было много, больше все изъ чиновнаго міра, хотя хозяинъ былъ купецъ, но онъ былъ изъ числа тѣхъ купцовъ, которые по духу времени льнутъ больше къ благороднымъ, находя что имъ, „по ихъ капиталу“, это общество приличнѣе.

— Пожалуйте, пожалуйста, господа! что тамъ за споры, къ чему! пожалуйста, тянулъ онъ чрезъ нѣсколько времени къ закускѣ другихъ.

Въ сосѣднихъ комнатахъ, въ кабинетѣ и въ другой, рядомъ съ нимъ, уже угомонились отъ споровъ нѣсколько человѣкъ и „козыряли“. Кой гдѣ около оконъ стояли кучками, по два, по три лица, болѣе мирныхъ, за которыми хозяинъ по этому случаю не находилъ нужнымъ наблюдать. Тамъ дѣйствительно не было споровъ, и слышались вмѣсто того жалобы на скуку. Одинъ что-то разсказывалъ по поводу своей командировки въ уѣздъ и жаловался на грубость деревенскихъ нравовъ.

— Представьте себѣ, говорилъ онъ, въ ужасѣ разводя руками,—я ужъ было и фуражку съ кокардой надѣлъ: хотѣлъ его бить...

Другой, слушая и видимо нисколько не опасаясь за послѣдствія отъ грубости деревенскихъ нравовъ подѣ спасительною сѣнью кокарды, завидовалъ раскшачнику и жаловался на то, что ему давно непредставлялось случая съѣздить куда-нибудь за городъ: мертвое бы тѣло тамъ что ли, а то чортъ знаетъ что—ералашъ и преферансъ, преферансъ и ералашъ. Въ сосѣдней комнатѣ человѣкъ шесть-семь были серьезно заняты дѣломъ и не обращали вниманія ни на что, кромѣ картъ. Только тѣ изъ нихъ, которымъ положительно не везло, сердито оглядывались назалъ за спинки стульевъ, оты-

известно, всегда приносятъ къ карточному столу посторонніе зрители. По временамъ слышались отъ стола свирѣпые, отрывочные и неизвѣстно, что именно означающія слова: „Чортъ знаетъ! Была не была! Плаћхала! и т. п.“.

Въ залѣ двое изъ гостей, видимо дѣловые люди, стояли отъ всѣхъ въ сторонѣ и намѣренно даже забрались подалеже, въ самый темный уголокъ комнаты, чтобы удобнѣе было говорить о дѣлахъ. Одинъ, судя по костюму, былъ купецъ, а другой, несомнѣнно адвокатъ. Несомнѣнно потому, что адвоката всегда и вездѣ можно узнать съ перваго взгляда: на рукахъ его бриллантовые перстни, на груди золотая цѣпь, толстая до того, что смѣло можетъ быть употреблена для привязи даже самой злой собаки, на лицѣ выраженіе ума хитраго и гордости непомерной и такой же непомерной жадности къ деньгамъ, неизмѣримо превосходящей даже купеческую жадность. Купецъ стоялъ въ позѣ кающагося грѣшника, должно быть гдѣ нибудь подрался и или неудачно объявилъ несостоятельность, словомъ — что-то напроказилъ. Адвокатъ держалъ себя „высока“ и почти съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на своего клиента, какъ на человѣка необразованнаго и „торгаша“, на что, разумѣется, онъ имѣлъ полное основаніе, какъ владѣющій въ дѣлѣ эксплуатаціи ближняго болѣе благородными средствами и на болѣе широкомъ поприщѣ. Они скоро порѣшили условія и уже пожали другъ другу руки, но при вопросѣ адвоката: „чей расходъ на свидѣтелей“, снова что-то долго разговаривали, пока хозяинъ, замѣтившій ихъ удаление отъ другихъ гостей, не потянулъ обоихъ „къ обществу“, вѣрнѣе говоря — къ столу уставленному бутылками и графинами. Купецъ-клиентъ выпилъ очищенной и вздохнулъ, вѣроятно подѣтяжестію думъ о послѣдствіяхъ „дѣла“. Адвокатъ, какъ просвѣщенный человѣкъ, выпилъ винограднаго и хотя тоже вздохнулъ, но совѣмъ иначе, а именно такъ, какъ вздыхаетъ человѣкъ, только что устроившій хорошее дѣло. Послѣ выпивки онъ немедленно послѣшилъ раскланяться, не смотря на усиленные просьбы хозяина, и уѣхалъ, беззастѣнчиво оправдываясь тѣмъ, что „волка ноги кормятъ“, что, разумѣется, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Хозяинъ, казалось, отъ чистаго сердца упрасивавшій „остаться хоть на минуточку“, по его уходѣ, тотчасъ же шепнулъ на ухо пріятелю на счетъ ушедшаго гостя что-то такое, отъ чего пріятель долго смѣялся, качалъ головой и отмахивался обѣими руками, точно на него вдругъ налетѣлъ цѣлый рой пчелъ.

Въ гостиной на диванѣ сидѣли три гостя, очевидно уединившіеся для того, чтобы „побесѣдовать“ въ тишинѣ. Это были: старшій протоіерей мѣстнаго кафедральнаго собора, мировой судья и адвокатъ (это уже другой, потолще перваго и постарше). Они всѣ трое, хотя и говорили каждый о своемъ, но одинъ другого понимали, собственно потому, что въ основаніи разговора лежала одна и та же мысль, — всѣ трое жаловались. Протоіерей, медленно прихлебывая изъ стакана чай, жаловался на то, что „вѣра оскудѣла“, и что въ будни въ церкви нѣтъ ни души. Мировой судья жаловался, что дѣлъ много о дракахъ и именно, къ сожалѣнію, о мелкихъ, которыя почему-то ужасно его беспокоятъ, можетъ быть потому, что „неподлежать“ передать въ другія руки. Адвокатъ жаловался, что публика, прежде стѣнной валившая „въ новый судъ“, теперь носу туда не показываетъ, изъ чего, разумѣется, слѣдовало само собою, что его краснорѣчіе въ окружномъ судѣ пропадаетъ напрасну. Изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ жалобъ выходило у собесѣдниковъ одно и тоже заключеніе, что дѣла „вообще идутъ нехорошо“, и всѣ трое при этомъ такъ серьезно держали себя и такъ „глубоко“ хмурились, точно разрѣшали какой-нибудь въ высшей степени важный государствен-

ный вопросъ, а не просто заботились о своихъ личныхъ, мелкихъ дѣлишкахъ. Этихъ гостей хозяинъ не таскалъ за руки къ закускѣ, въ самомъ дѣлѣ считая ихъ бесѣду „министерской“, а самъ по временамъ приносилъ въ гостиную бутылку съ краснымъ виномъ и, подливая въ рюмки судьи и адвоката, каждый разъ покушался налить вина въ стаканъ протоіерея, при чемъ тотъ оспѣшно прикрывалъ стаканъ ладонью руки и молча, отрицательно качалъ головой, давая этимъ знать, что хмѣльного не употребляетъ.

Дамъ на именинномъ пирогѣ не было, а если и были пять-шесть, то уже уѣхали, не имѣя, во-первыхъ, надобности „охлаждаться отъ споровъ“ около бутылочной батареей, а во вторыхъ, не имѣя, можетъ быть, разрѣшенія отъ мужей садиться за карточные столы съ утра. Въ числѣ тѣхъ „своихъ“, которые составляютъ штатъ губернской администраціи, были на именинномъ пирогѣ еще нѣсколько лицъ, такъ сказать, сверхштатныхъ въ административномъ отношеніи. Между прочимъ, одинъ съ весьма значительнымъ чиномъ, даже выше генеральнаго (чего-бы еще, казалось, выше!), человѣкъ, по общему мнѣнію, безукоризненной честности и самыхъ строгихъ правилъ, что, между прочимъ, не мѣняло ему получать тысячъ семь или восемь содержанія за управленіе какими-то землями, на которыхъ никакого населенія не было, и никакихъ работъ никогда и никѣмъ не производилось. Другой, докторъ, получавшій казенное содержаніе за леченіе инородцевъ, о которыхъ, по отдаленности ихъ жительства отъ губернскаго города, онъ не имѣлъ пока еще понятія и ограничивался тѣмъ, что получалъ въ опредѣленное время прогонныя и точныя деньги для поѣздки въ ихъ населенія. На этихъ двухъ лицъ что-то косо поглядывалъ и сторонился далеко отъ нихъ, точно отъ личныхъ враговъ, контрольный чиновникъ, тоже бывшій въ числѣ гостей у именинника. Онъ, можетъ быть, досадовалъ, зная, что и жизнь они вели спокойную и завидную, и жалованья получали хорошія, и ничего при томъ не дѣлали, а начета на нихъ никакого сдѣлать было нельзя. Разумѣется, какъ не досадовать: случаи отличиться предъ глазами, вотъ онъ тутъ и есть, возьми только перо и строчи: „имѣя въ виду, и на основаніи“, а нѣтъ, основаній-то и не оказывается. Ищи другой случай отличиться, ройся въ пыли архивовъ, не разгибая спины по десяти часовъ, и засыпай съ томительной думой о томъ, гдѣ и на чемъ выказать свою контрольную дѣятельность; а они въ это время будутъ спокойно разгрызать свою партію въ преференсы и посмѣиваться: что, молъ, взяли, теперь не то, что въ первые годы введенія единства кассы, ловили неумѣлыхъ на каждой ошибкѣ: теперь всѣ отчетныя вѣдомости по формѣ, и всѣ оправдательные документы приложены!

Потомъ были еще на именинномъ пирогѣ... но о другихъ сверхштатныхъ лицахъ не очень удобно распространяться по той причинѣ, что такое описаніе заняло бы слишкомъ много мѣста и могло бы, кромѣ того, „по совмѣстности вопроса“ завести по ошибкѣ и въ самые штаты, куда, конечно, не слѣдуетъ совать носа... Не было, впрочемъ, на именинахъ ни одного изъ членовъ Окружного Суда. Они держались въ городѣ особо и съ остальнымъ чиновнымъ людомъ, какъ говорится, „не яшались“, сознавая, подобно тому, какъ въ настоящемъ случаѣ и виновникъ празднества сознавалъ, что имъ „по ихъ умственному капиталу“ это общество не прилично. Они жили своимъ кружкомъ и, по ихъ мнѣнію, болѣе просвѣщенной жизнью, хотя, при внимательномъ разсмотрѣніи жизни тѣхъ и другихъ, разницы между ними никакой не усматривалось. Мѣстное чиновничество вечера проводило за картами — и на ихъ вечерахъ тоже были карты, хотя, можетъ быть, самая игра велась болѣе въ просвѣщенномъ духѣ и курсъ ее былъ выше. Мѣстное чиновничество иногда отъ ску-

Во время жатвы. Картина Бугеро, рис. Дювилье, грав. Ансо.

ки дѣлало обѣды въ клубѣ по подпискѣ, придравшись къ какому нибудь случаю, и раскошелывалось для этого рублика по три каждый. Члены суда тоже дѣлал тамъ обѣды и платили уже не по три какихъ-нибудь рублишка, а по красненькой, справедливо признавая, что имъ, по ихъ положенію, обѣдать за три рубля „въ публичномъ мѣстѣ“ вовсе неприлично. Что касается поводовъ для этихъ обѣдовъ, то они имѣли ихъ значительно больше, чѣмъ остальное чиновничество города. То, напримѣръ, по случаю поѣздки „отдѣленія суда“ въ уѣздъ, то по случаю его возвращенія. По купечески выходить: „съ отъѣздомъ!.. гладкой дороги и попутнаго вѣтру! а потомъ: съ пріѣздомъ! Значитъ, наше вамъ-съ! давно невидались! Перекувыркнемъ-ка по чарочкѣ!“ Затѣмъ, имѣлись въ виду дни именинъ, праздничное значеніе которыхъ они, какъ просвѣщенные люди, и не признавали, можетъ быть, „по существу“, но отпраздновать все таки не считали лишнимъ, при чемъ, разумѣется, не упускали случая поиронизировать на этотъ счетъ.— „Представьте, молъ, господа, я сегодня именинникъ! ха! ха! Какъ это смѣшно!.. И въ самомъ дѣлѣ, господа, какъ это глупо и какъ старо! Патроновъ какихъ-то выдумали.. Чортъ знаетъ что!.. Но, однакожъ, господа, все-таки приходите обѣдать, такъ, запросто“. Между тѣмъ оказывалось, что на обѣдѣ запросто и шампанское, и прочее, и прочее, и хохотъ, въ особенности при провозглашеніи кѣмъ-нибудь, въ шутку, тоста за здоровье именинника. Выходило въ самомъ дѣлѣ необыкновенно ловко: и подсмѣются люди надъ глупымъ обычаемъ праздновать день ангела, и въ то же время отиѣнно хорошо отпразднуютъ.

Гости прибывали и, разумѣется, прежде всего велись хозяиномъ къ столу съ бутылками, точно къ какому-то жертвеннику для поклоненія. На этомъ жертвенникѣ никакой древній богъ не въ состояннн бы былъ разобрать перепутавшіяся между собою остатки жертвъ въ недопитыхъ рюмкахъ, беспорядочно разсованныхъ по всему столу и мѣстами даже на самыхъ тарелкахъ съ закусками. Опустѣвшіе графины и бутылки немедленно исчезали со стола и тотчасъ же замѣнялись другими, наполненными, видно было, что хозяинъ не скупился и заготовилъ для именинъ питій въ достаточномъ количествѣ. Слуги, торопливо сновавшіе около стола, уже не одинъ разъ захватывали въ кучу десятками недопитыхъ рюмки и являлись на смѣну ихъ съ новыми десятками чистыхъ, которыя, въ свою очередь, чрезъ какую нибудь четверть часа, гости разсовывали по столу куда ни попало, съ недопитой водкой, коньякомъ, наливкой и всякой всячиной, измышленной скучающимъ человѣчествомъ для услажденія своего духа и теперь разлитой по столу за недостаткомъ, вѣроятно, помѣщенія въ желудкахъ гостей.

Позднѣе другихъ появилась на именинахъ мѣстная медицинская знаменитость. Она завернула, по ея словамъ, только на одну минуту, спѣша къ больнымъ. Хозяинъ, получивъ обычное поздравленіе, тотчасъ же, вслѣдъ за „покорно благодарю“, взявъ гостя за руку и потянувъ, куда слѣдуетъ. Тотъ, видимо, заранѣе чувствуя, что ему откуда-то грозитъ опасность, началъ было упираться и пятиться отъ батгарей бутылокъ, какъ опытный, старый конь упирается и иятится и пугливо фиркаетъ, несмотря на усиленные понуканья хозяина, незамѣчающаго впереди себя крутого обрыва.

— Пожалуйте-съ! пожалуйста-съ! Нельзя—порядокъ! приставалъ хозяинъ, услужливо подавая гостю рюмку.

Гость вытащилъ изъ кармана длинный, длинный списокъ больныхъ, указывая почему-то такимъ документальнымъ образомъ на невозможность выпить даже одной рюмки водки.

— Не могу! Видите сколько визитовъ!..

Господь съ ними, не помрутъ, ежели вы теперича одну лишнюю минуточку побесѣдуете здѣсь..

— Не помрутъ! да я это, пожалуй, застрину здѣсь..

— Помилуйте! съ чего-же!.. Одна-то рюмочка..

— Эхъ, ей Богу!.. въ перѣшительности отвѣтилъ докторъ, вѣдъ, въ самомъ дѣлѣ невозможно, видите сколько больныхъ.

— Спрячьте вы эту самую запись! убѣдительно прошу васъ, спрячьте-съ..

— Ну, да одну-то рюмочку, впрочемъ, ничего..

— Пожалуйте-съ! покорнѣйше прошу!..

Докторъ вынулъ, крякнулъ, при чемъ, конечно, длинная хартія, какъ болѣе не нужная для документальныхъ доказательствъ, была спрятана въ карманъ. Послѣ вышивки онъ закурилъ, потомъ поспѣшно вынулъ изъ кармана папироску, чтобы сейчасъ же „затянувшись“, ѣхать къ больнымъ. Но только что онъ хотѣлъ распространяться, какъ хозяинъ уже налилъ другую рюмку и держалъ ее передъ нимъ, „убѣдительнѣйше“ прося повторить. Докторъ было завертѣлся въ разныя стороны, высматривая, нѣтъ-ли гдѣ мѣста, куда бы можно провалиться, чтобы избавиться отъ своей безхарактерности, но такого мѣста не оказалось. Онъ вынулъ вторую. Надо было закусить, а послѣ закуски, само собою разумѣется, надо было „затянуться“. Передъ третьей рюмкой онъ полѣзъ было снова въ карманъ за хартіей, но уже не вынулъ ее, уважая просьбу хозяина „не беспокоиться“. Послѣ четвертой, онъ уже молча вышивалъ рюмку за рюмкой, не торопясь закусывать какимъ нибудь маленькимъ кусочкомъ хлѣба и замѣтно начиналъ впадать въ тяжелое раздумье. Чрезъ нѣсколько времени онъ сидѣлъ на стулѣ, мрачный, и сосалъ папиросу, незамѣчая, что она давно потухла, Теперь уже самъ хозяинъ напоминалъ ему о пациентахъ и, вмѣсто угощенія, заботился о томъ, какъ бы его благополучнѣе „сплавить во свояси“, что оказывалось совсѣмъ не легкимъ дѣломъ, ибо теперь докторъ не выражалъ уже ни малѣйшаго желанія оставить „пріятное общество“. Сплавъ, наконецъ, удался при помощи хитрой выдумки хозяина, предложившаго гостю прокатиться „для воздуха“. Но и тутъ было встрѣтилось небольшое затрудненіе, ибо кучеръ доктора что-то очень подозрительно держалъ въ рукахъ возжи, вѣроятно тоже по случаю именинъ хозяина дома. Однакожъ отъ этого особенныхъ препятствій къ сплаву не произошло, и чрезъ нѣсколько минутъ докторъ лежалъ дома и на своей собственной кровати.

На смѣну сплавленнаго доктора, влетѣла въ домъ именинника новость о пріѣзжѣмъ. Влетѣла она вмѣстѣ съ однимъ старымъ интендантскимъ чиновникомъ, который уже лѣтъ пятнадцать „блаженствовалъ въ отставкѣ подъ судомъ“. Новость охватила всѣхъ не только своимъ внутреннимъ содержаніемъ, но самымъ даже появленіемъ вошедшаго, при обстоятельствахъ необыкновенно заинтересовывающихъ.

Вошедшій былъ человѣкъ тучный, владѣвшій хотя и хриплымъ, но ужасающимъ голосомъ, притомъ онъ даже и при спокойныхъ передвиженіяхъ съ одного мѣста на другое, всегда сапѣлъ такъ, что казалось гдѣ-то недалеко двигается тяжелый поѣздъ желѣзной дороги. Теперь же онъ шолъ въ домъ именинника съ большою поспѣшностью, слѣдовательно въ сопровожденіи болѣе усиленныхъ звуковъ, что само по себѣ произвело уже на гостей впечатлѣніе. Но когда онъ захрапѣлъ своимъ ужасающимъ голосомъ, размахнулъ хотя и короткими, но необыкновенно толстыми руками и выпятилъ впередъ животъ, имѣвшій колоссальные размѣры, публика, какъ волна, гонимая сплою вѣтра, хлынула къ нему на встрѣчу.

— Доримедондъ Гаврилычъ, закричали нѣкоторые, что

— Неслыхали? хрипѣлъ Доримедонтъ Гавриловичъ, не слыхали? повость-то какаѣ, а! новость-то!..

На звукъ его ужасающаго голоса поднимались гости изъ всѣхъ угловъ, такъ-же, какъ, вѣроятно, будутъ подниматься когда нибудь мертвые на звукъ архангельской трубы. Игравшіе въ карты оставили свои зеленыя поля, нѣкоторые даже съ радостію, пользуясь случаемъ „замять“ свой проигрышъ. Изъ гостиной, гости, оторванные, отъ „министерскаго“ разговора, тоже вышли въ залъ. Сначала выступилъ протоіерей, поспѣшно заправляя уши подъ клобукъ, только что надѣтый имъ по окончаніи „бесѣды“, во время которой онъ, пользуясь „благорасположеніемъ собесѣдниковъ“ сидѣлъ „съ обнаженной головой“. Потомъ выступилъ судья, чловѣкъ нѣсколько глуховатый и страдавшій стрѣльбой въ ушахъ. Онъ шолъ значительно поспѣшнѣе и на ходу торопился раскупорить уши, заложенные ватой. Послѣдній вышелъ адвокатъ съ нѣсколько кровожаднымъ выраженіемъ лица, какъ выходитъ изъ лѣсу волкъ, замѣтившій отбившуюся отъ стада овцу.

— Представьте! продолжалъ вошедшій,—представьте, тотъ господинъ, который былъ вчера въ театрѣ... кто былъ вчера въ театрѣ? вдругъ обратился онъ съ вопросомъ къ гостямъ,—кто былъ, господа?

— Я былъ! громко отвѣтилъ одинъ, протискиваясь впередъ, поближе къ Доримедонту Гавриловичу.

— Я тоже былъ... Ей Богу былъ, старался почему то увѣрить другою, точно его обвинили, что онъ не-небрегаетъ храмомъ Мельпомены.

— Ну, такъ что же? что же? нетерпѣливо пристава-ли остальные.

— А то-же, что тотъ самый господинъ, который, помните, сидѣлъ въ первомъ ряду и еще ушелъ изъ театра послѣ перваго акта...

— Ну? ну?.. поторавливали гости, охваченные уже предвкушеніемъ чего-то особенно интереснаго.

Но Доримедонтъ Гавриловичъ по своей тучности не могъ далѣе продолжать разсказа и рухнулъ всею тяжестію тѣла на близъ стоявшій стулъ, отчего тотъ затрещалъ, точно жалуясь на несоразмѣрно большой грузъ, вдругъ на него навалившійся.

— Ну, что же? что же?..

— Уфъ!.. Чортъ его возьми!.. Я ужасно усталъ...

— Но что же онъ-то сдѣлалъ... что же такое случилось?

— А вотъ что, продолжалъ Доримедонтъ Гавриловичъ, переводя духъ,—этотъ господинъ вовсе не господинъ, а—политическій преступникъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

Д. Стахѣвъ.

Во время жатвы.

(Картина Бугеро).

Картина изображаетъ молодую женщину, сидящую въ тѣни кустика: одною рукою она опирается о землю, въ другой держитъ яблоко; около нея на травѣ ребенокъ, она лубуется имъ, и по выраженію ея лица можно судить, что этотъ ребенокъ ей не чужой. Она видимо присѣла около него не на долго, будучи занята работою съ своими подругами, которыя видны на дальнемъ планѣ картины. Онъ жуетъ хлѣбъ, и молодая мать тоже была занята этой работою и оставила ее только для того, чтобы накормить своего ребенка. Ребенокъ накормленъ, молодая мать опять пойдетъ на работу и оставитъ свое милое дитя до тѣхъ поръ, пока оно снова не призоветъ, ее своимъ крикомъ. Здоровый и крѣпкій ребенокъ, накормленный молокомъ своей матери, да вдобавокъ получивъ на забаву румяное яблоко, не скоро оторветъ ее отъ дѣла. Ухватить онъ обѣими рученками румяное яблоко и прижметъ его къ своему крошечному роту, стараясь ухватить такими же румяными губками. Яблоко выпадаетъ изъ чловѣчкихъ рукъ и откатывается въ сторону, но дитя сейчасъ же его забываетъ и вмѣсто яблока уже беретъ свои кулачки, играетъ ноженками. Награвшись, онъ сладко и крѣпко заснетъ подъ синимъ небомъ и яркимъ солнцемъ, отъ котораго его закрываютъ листья деревъ. Птички летаютъ и поютъ свои пѣсни; рои насекомыхъ кружатся. Грудь

дышитъ легко, теплый вѣтерокъ ласкаетъ тѣло. Постелью ребенку служатъ золотые колоса, на ковѣ изъ зелени и цвѣтовъ. И взрастетъ онъ, свободно развиваясь среди этой прекрасной природы такимъ же сильнымъ и мощнымъ, какъ эта природа. Картина принадлежитъ извѣстному современному художнику Бугеро. Въ каждаго годныхъ отчетахъ о парижскихъ выставкахъ, помѣщаемыхъ въ нашихъ журналахъ, можно всегда встрѣтить имя Бугеро. Настоящая картина была имъ выставлена въ 1872 году. Бугеро преимущественно выбираетъ библейскіе сюжеты. Образомъ его работъ для насъ можетъ служить картина, находящаяся въ академіи художествъ, въ галереѣ графа Куселева-Безбородко. Картина эта представляетъ благословеніе Товія. Она отличается легкостію, необыкновенною мягкостію и нѣжностію тоновъ.

Почтателямъ школы, отвергающей отдѣлку каждаго деталя, отчетливостъ и гладкую чистоту мазковъ, не нравится у Бугеро гладкость его письма, но мы не можемъ не высказать то мнѣніе, что если смѣлость мазка можетъ быть хороша въ рукахъ искуснаго художника (напр. у Рембранта) такъ и гладко написанная картина съ тончайшею отдѣлкою всѣхъ деталей можетъ быть неподражаемо прекрасна, какъ наиримѣръ картины знаменитаго Рафаэля.

Изъ ТРЕГЕРА.

Цалѣцій зной... Томительно сгрядая
Мученія предсмертнаго тоской
И медленно коняся и увядая,
Какъ лилія кончила головой!

* * *

Кругомъ конитъ оставшей жизни мощь,
Кругомъ весна цвѣтущей лигованье,

Но ждетъ она таинственную ночь,
Ея росу, прокладу и молчанье.

* * *

Ее томитъ веселья свѣтлый день.
Скорѣй, скорѣй полуночныя грезы
И лучъ луны, и сладостную тѣнь,
И сладостно мечтательныя слезы...

Э. Бергъ (Боевъ).

СЕРБСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ МИХАИЛЬ

По одни боевые вожди славянъ стоятъ въ первыхъ рядахъ воиновъ за великое будущее своего племени,—не щадятъ своей крови, не щадятъ своихъ трудовъ, но и его вожди духовные.

Одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ въ ряду этихъ сподвижниковъ славянскаго дѣла, безспорно, принадлежитъ митрополиту сербскому Михаилу. Съ первыхъ же, можно сказать, дней герцеговинскаго движенія—этого продолжительнаго, кроваваго пролога разыгрывающейся на нашихъ глазахъ трагедіи, съ первыхъ же дней, митрополитъ Михаилъ явился представителемъ предъ Европою за несчастныхъ мучениковъ звѣрскаго, безпощаднаго

кововаго гнета. Много тщательно скрывавшейся до той поры правды раскрылъ онъ, много снялъ озъ незаслуженной клеветы съ пострадавшаго народа, который преданмѣренно чернили въ глазахъ цивилизованнаго міра—какъ будто мало и безъ того выносилъ несчастный народъ.... Честный голосъ этотъ, защищавшій чловѣческое достоинство подавленныхъ славянъ, вызвалъ о помощи—и былъ услышанъ. Откликнулась не одна родственная Россіи—нашлись люди съ сердцемъ и въ той самой странѣ, которая служитъ источникомъ столькихъ бѣдствій для Балканскихъ христіанъ. Въ Англіи (усиліями Лью-

приобрѣвшее громкую извѣстность, а именно: «христіанская лѣта помощи турецкимъ христіанамъ», избравшая своимъ почетнымъ покровителемъ, между прочимъ, митрополита сербскаго. Съ тѣхъ поръ неустанно бодрствуетъ высокопресвященный пастырь. неустанно трудится онъ святому дѣлу, поддерживая мужество своей паствы въ эти переживаемыя ею трудныя минуты, при-

давая ей новыя силы для новыхъ жертвъ, для новыхъ геройскихъ подвиговъ, не оставляя ее ни на минуту ни словомъ утѣшенія, ни словомъ вдохновляющаго ободренія.

Митрополитъ Михаилъ еще молодой человѣкъ, человѣкъ весьма образованный и пользующійся общимъ уваженіемъ, далеко распространеннымъ за предѣлы Сербіи.

ПРЕДВОДИТЕЛИ СЕРБСКИХЪ ВОЙСКЪ.

Въ дополненіе къ портретамъ шести предводителей сербскихъ войскъ, помѣщеннымъ въ 31 № «Ивы», представляемъ еще три портрета, а именно: полковника Николича, генерала Заха и полковника Милайковича.

Полковникъ Николичъ, сербскій военный министръ. Это—одна изъ популярнѣйшихъ личностей въ странѣ и арміи (вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ родственникъ князя, онъ пользуется большимъ вліяніемъ при дворѣ). Съ самаго начала герцеговинскаго возстанія, Николичъ посвятилъ себя подготовленію къ войнѣ, весь отдался лихорадочной дѣятельности. Плоды трудовъ его очевидно показали присутствіе въ немъ организаторскаго таланта. Въ прежнее время онъ былъ командиромъ бѣлградскаго гарнизона и адъютантомъ князя, а затѣмъ военнымъ министромъ при первомъ кабинетѣ Ристича, должностю котораго исполнялъ и въ министерствѣ Калывича. Недавно еще носились слухи о назначеніи его на мѣсто генерала Заха начальникомъ ибарской арміи, но слухи эти не оправдались, и онъ остается и понынѣ на своемъ посту, на которомъ принесъ; и конечно принесетъ еще много дѣйствительной, существенной пользы отечеству.

Если съ одной стороны мы видимъ, что мощное чувство патриотизма, охватившее сербскій народъ, поставило подъ знамена столь значительныя для небольшого княжества силы (на 1,300,000 жителей около 120,000 тысячъ солдатъ), то, съ другой—мы должны отдать справедливость искусству, съ которымъ этой новорожденной, такъ сказать, арміи, придана, въ короткое время, организація до такой степени удовлетворительная, что она въ состояніи бороться, и часто побѣдоносно, съ превосходящими ее численностью регулярными оттоманскими войсками, давно уже обучаемыми и обученными европейскими инженерами, руководящими ими и въ настоящую войну (гуманпыне и строгіе христіане-англичане засѣдаютъ нынѣ въ военномъ совѣтѣ въ Константинополѣ; австрійскіе офицеры находятся въ штабѣ почти каждаго изъ турецкихъ корпусовъ, дѣйствующихъ противъ христіанскихъ войскъ). Быстрой организаціей арміи, снаб-

женіемъ ея всѣмъ необходимымъ, мобилизаціей ея и вообще всѣми приготовленіями къ войнѣ, Сербія обязана своему военному министру—полковнику Тихомиру Николичу.

Генералъ Захъ, старый ветеранъ сербскихъ войскъ. Чехъ родомъ, онъ, какъ славянинъ, хотѣлъ, конечно, служить не итало-мадьярскому государству, а своему же славянскому и еще 25 ти лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ поступилъ въ сербскую военную службу. Во время возстанія 1848—49 гг., Захъ командовалъ въ Карпатскихъ горахъ отрядомъ славянскихъ партизановъ. Служба его принесла княжеству много пользы. Замѣчательный теоретикъ, онъ оказалъ въ свое время важныя услуги и какъ организаторъ войскъ, и какъ директоръ Бѣлградскаго военного училища (воспитанники котораго очень любили его). Дѣятельность по преподаванію въ этомъ училищѣ, по усовершенствованію его—была любимомъ его дѣятельностью. Онъ ревностно работалъ, вмѣстѣ съ воспитанниками, какъ съ своей семьей, дѣлая часто продолжительныя и далекия военныя, тактическія прогулки и т. д. Командованіе, которое было возложено на него въ послѣднее время, объясняется его глубокимъ знакомствомъ съ топографіей княжества. Но, такъ какъ, по своимъ познаніямъ и способностямъ, генералъ Захъ болѣе соответствуетъ требованіямъ штабной службы, то онъ и былъ недавно освобожденъ отъ начальствованія ибарской арміей и замѣненъ полковникомъ Чолакиничемъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ газетныхъ сообщеній было сказано, что генералъ Захъ раненъ и этимъ обстоятельствомъ объясняется оставленіе имъ начальствованія надъ ибарской арміей, но свѣдѣнія это еще требуютъ подтвержденія.

Полковникъ Милайковичъ, занимая одно изъ высшихъ мѣстъ въ военномъ министерствѣ, является достойнымъ помощникомъ Николича. Его извѣстная честность, широкая образованность и способности доставили ему довѣріе высшей власти. Строго выполняя свои прямыя обязанности, усердный Милайковичъ получалъ очень часто различныя порученія за гранду.

ГОРОДЪ СКУТАРИ.

Албанія, въ виду послѣднихъ событій, представляетъ особый интересъ, и мы думаемъ, что свѣдѣнія о такихъ мѣстностяхъ, какъ *Скутари*, лежащая въ центрѣ Албаніи, не покажутся излишними нашимъ читателямъ. Скутари по албански Скюдра, по турецки Искандерья, Искандери, одинъ изъ лучшихъ и живописнѣйшихъ городовъ Турціи, лежитъ на скутарійскомъ озерѣ (древнее *lacus labeatus*), при выходѣ изъ него рѣки *Вазны*, впадающей въ Адриатическое море. Составляетъ какъ бы уголь, омываемый съ одной стороны озеромъ, а съ другой—рѣкою Ваэною, Скутари укрѣпленъ здѣсь двумя отдѣльными бастіонами: *Дроушъ* и *Гельбатинъ* и представляетъ собою весьма солидную крѣпость на западной границѣ оттоманской имперіи.

Исторія Скутари довольно древняя. Еще во времена Александра Македонскаго городъ Скюдра, или Скутари, былъ построенъ Ходрискарами, которыхъ Страбонъ относитъ къ разбойничьимъ племенамъ. Впослѣдствіи онъ сталъ резиденціей иллирійскаго князя Генциуса, основавшаго въ этой мѣстности свое княжество, и въ то время уже считался достаточно крѣпкимъ по своему естественному положенію. Послѣ пораженія Генциуса Римлянами, Скутари сдѣлался римскою колоніею (*Colonia Claudia Augusta*), а по раздѣленіи римской имперіи, вошелъ въ восточную часть ея и сталъ главнымъ городомъ иллирійской провинціи.

Въ VIII вѣкѣ Гераклій уступилъ его сербамъ, которые владѣли имъ до 1368 года, а послѣ онъ перешелъ во владѣніе племенъ Ваншей находившихся подъ покровительствомъ Венеціанцевъ. Съ 1401 по 1497 годъ Скутари былъ предметомъ раздоровъ королей Венгріи родоначальниковъ иллирійскихъ владѣтелей Черногоріи, венеціанскихъ дождей и султановъ Турціи. И послѣдніе, не смотря на отчаянную оборону вождя Лоредина, овладѣли городомъ. Въ XVII и XVIII столѣтіи скутарійское укрѣпленіе служило много разъ мѣстомъ упрямыхъ сопротивленія некорранныхъ правителей Албаніи. Такъ, еще въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія, Мустафа-паша, послѣдній правитель въ родѣ Бушатли, угнетавшій страну своею жестокостью, возмущая противъ оттоманскаго владычества и провозгласилъ свою независимость отъ Порты. Посланный султаномъ Махмудомъ

паша разбилъ ихъ посадилъ самаго Мустафу въ цитадель, заставляя сидѣть и лишитъ жизни вмѣстѣ съ его приверженцами. Не смотря на двухкратное разрушеніе города во время вынесенныхъ имъ непріятельскихъ вторженій, Скутари сохранилъ нѣсколько прекрасныхъ памятниковъ, напоминающихъ его блестящее прошлое. Изъ нихъ особенно замѣчательна Ая-Софья, бывшій христіанскій храмъ, нынѣ обращенный въ мечеть.

Городъ хорошо распланированъ; имѣетъ предмѣстья; въ немъ много мечетей, христіанскихъ храмовъ и школъ. Городской базаръ выѣзжаетъ въ себѣ около 1500 лавокъ, а въ серединѣ его находится *базетанъ* т. е. зданіе для храненія особенно драгоценныхъ товаровъ. Какъ въ городѣ, такъ и въ близъ лежащей деревушкѣ *Польно*, ежегодно происходитъ ярмарка, куда стекаются для торговли албанцы, босняки, черногорцы и герцеговинцы. Число жителей города, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, доходитъ до 40,000 ч., изъ которыхъ большинство албанцы и арнауцы. Главныя занятія скутарійцевъ состоятъ въ выдѣлкѣ оружія и шерстяныхъ тканей, а важнѣйшая торговля города заключается въ отпускѣ корабельнаго дѣса изъ близъ лежащей гавани Польно.

Видъ съ древней цитадели *Розефы*, защищающей городъ и лежащей надъ нимъ на высотѣ 400 футовъ, замѣчательно хорошъ. Отсюда городъ представляется раскинутымъ на широкое пространство со множествомъ минаретовъ и кладбищъ, съ нѣлыми группами зданій, утопающихъ въ садахъ, между которыми выются неправильныя, кривыя, но широкія улицы и, ясно обрисовываются городскія площади. Двама свѣтлыми лептани изгибаются днѣ рѣки города, Кири и Ваэна. Далѣе, чуть виднѣется озеро Скутари, окаймленное высокими горами. Цитадель основана сербами, но главныя укрѣпленія въ ней сооружены венеціанцами, оставившими въ послѣдствіи Скутари много культурныхъ началъ, впрочемъ совершенно заглохшихъ при мусульманскомъ владычествѣ. Еще и нынѣ, подъ воротами цитадели, виднѣнъ левъ святого Марка, напоминающій о пребываніи въ ней венеціанцевъ. Крѣпость по своему положенію довольно неприступна и, снабженная достаточнымъ количествомъ провіанта, способна вынести продолжительную осаду. Воды въ ней нѣтъ недостатка, такъ какъ цистерны ея постоянно ею напол-

шается въ 10 или 12 часовъ, въ сырое же время года продолжительность пути опредѣлять весьма трудно. Все обширное, низменное пространство обращается въ сплошное, необозримое озеро и мелкія мѣста Ваэны становятся непроходимыми. Даже единственный мостъ на Ваэнѣ, существующій для сообщенія съ городомъ, при разливѣ рѣки дѣлается недоступнымъ ни пѣшему, ни конному, такъ какъ покрывается водою. Во время такого разлива, весь городъ представляеть собою одно огромное

долнами прекращается на много мѣсяцевъ. Обитатели этихъ горъ—мирдиты-католики, привыкшіе къ трудовой, полной лишений жизни, отличаются беззаветною храбростью и пламенною любовью къ своей гористой родинѣ. Геройской духъ этихъ горцевъ съ ихъ племенной ненавистью къ черногорцамъ были весьма полезны туркамъ въ ихъ долговременной борьбѣ съ послѣдними. Ненависть этихъ народностей даже кажется невѣроятною между христианами, тѣмъ не менѣе достоверно, что

Сербскій митрополитъ Михаилъ.

Генеральъ Захъ.

Полковникъ Николичъ.

Полковникъ Милаевичъ.

озеро, на которомъ купы домовъ съ садами кажутся отдѣльными островками, и лишь только одна Розефа, недоступная для волнъ, господствуетъ надъ всѣмъ городомъ.

Находясь близъ границы Черногоріи, Скутари постоянно былъ центромъ враждебныхъ отношеній албанцевъ къ черногорцамъ. За городомъ идетъ низменность, а далѣе начинаются отроги албанскихъ горъ, террасообразные, со свѣжными вершинами, на которыхъ бываетъ часто столь суровая зима, что сообщеніе съ

мирдиты-албанцы никогда не боролись сообща противъ турецкаго владычества и даже теперь мирдиты стоятъ въ рядахъ враговъ Черногоріи и Сербіи. Лишь по послѣднимъ извѣстіямъ, еще требующимъ подтвержденія, они какъ будто склоняются на сторону Черногоріи. Судя по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, можно заключить, что мирдиты только потому и склоняются на сторону турокъ, чтобы получить отъ нихъ вооруженіе, а получивъ, обращаютъ оружіе противъ нихъ же самихъ.

СТЫЧКА СЕРБОВЪ СЪ ЧЕРКЕСАМИ ПОДЪ ГИНЦОВЫМЪ.

Недавно еще Болгарія звалась «садомъ» Балканскаго полуострова... Недавно еще среди ея богатыхъ пашитей весело глядѣли на Божій міръ веселыя, зажиточныя деревни и села мирныхъ, трудолюбивыхъ болгаръ. Недавно, казалось бы, это такъ было,—а теперь, какъ будто цѣлая вѣчность отдѣляетъ несчастную Болгарію отъ этого недалекаго прошлаго. Въ сущности, спокойствіе и безопасность, которыми пользовались болгары, были только спокойствіемъ и безопасностью чисто внѣшними и кажущимся. Уже около 15-ти лѣтъ тому назадъ, какъ извѣстно, турецкое правительство, по совѣту одного изъ британскихъ государственныхъ дѣятелей, поселило въ эту обогащенную вѣковыми трудами болгарскихъ рукъ страну—черкесовъ, оставившихъ, подъ влияніемъ фанатизма, Кавказъ и отправившихся въ Турцію. Само собою понятно—какія послѣдствія могла и должна была принести эта мѣра. Неспособные къ труду, не имѣвшіе къ тому никакого расположенія и жившіе потому въ бѣдности и лишенияхъ, они съ самаго начала уже завидовали на достатокъ своихъ сосѣдей—христіанъ. Отсюда—во все продолженіе этихъ 15-ти лѣтъ, отдѣльные случаи грабежей сдѣлались явленіемъ вполне нормальнымъ. Но традиционнымъ и профессиональнымъ разбойникамъ и грабителямъ хотѣлось не того—имъ хотѣлось проявить свою дѣятельность въ широкихъ размѣрахъ. Благоприятный моментъ представился—и пошли работать злодѣйскія руки... Нѣтъ, конечно, возможности передать здѣсь всѣхъ варварствъ, всѣхъ неслыханныхъ жестокостей, совершенныхъ этими извергами... Поголовныя истребленія цѣлыхъ населеній, пачинали надъ женщинами и дѣвочками, сожигаемыя затѣмъ живьемъ, разрываніе людей по кускамъ, причѣмъ куски эти бросались на глазахъ истязуемаго собакамъ... человѣческой языкъ, человѣческое перо—не въ силахъ далѣе продолжать...

Въ числѣ тѣхъ немногихъ болгарскихъ деревень, которыя до послѣдняго времени какою-то чудомъ не посѣщались банши-бузуками и ихъ достойными сподвижниками—черкесами, была зажиточная деревня Гинцово.

Уютно и живописно расположилась она на холмистой мѣстности, по которой тамъ и сямъ разсыпались чистенькія домики поселянъ, то спрятавшіеся въ густой листвѣ обступившихъ ихъ деревь, то рельефно рисовавшихся на яркой зелени пригорка. Широко раскинулись богатые, родныя поля, ласково освѣщало солнце мирную картину... но налетѣли вороны: запылало село, раздалась выстрѣлы, страшные, раздирающіе душу крики, полилась кровь. Всюду начались ужасныя сцены... Страшный, необычный видъ приняло Гинцово. Однообразная, въ буркахъ и напачахъ толпа, какъ стая косматыхъ медвѣдей металась и сновала между домовъ, гдѣ уже шла работа. Вотъ съ краю показалась струя дыма—лизнулъ ярко-желтый огненный языкъ и за струей повалило густое облако. Но неудалось дикимъ звѣрамъ натѣниться тутъ—не успѣли они еще «по своему» приняться за дѣло, не успѣли еще, занявшись разграбленіемъ, хватать и убивать побѣжавшихъ въ дикомъ смугленіи жителей, какъ раздался конскій топотъ, и не въ далеку показался кавалерійскій отрядъ сербовъ. Орлами налетѣли Христовы воины на разбойничью орду—первый повалился изъ «злыхъ чеченъ» полетѣлъ съ лошади съ разрубленной головой, митомъ постигла та же участь кучку черкесовъ, бросившихся было на выстрѣчу сербамъ. Остальные, кто успѣлъ, стремглавъ помчались по всѣмъ направленіямъ. Многихъ еще нагнали сербы, многимъ отплатили за невинную кровь своихъ беззащитныхъ братьевъ. Деревня скоро была очищена отъ свирѣпой шайки.

ВОДОБОЯЗНЬ.

(Д-ра Генриха Рейха).

Уши и голову, слушая ихъ, подняла тутъ собака... Тамъ полуожергивъ лежалъ не движно покинутый Аргусъ; Но Одиссею близость почувствовать онъ, шевельнулся; Тронулъ хвостомъ и поджалъ въ изъявленіи радости уши; Близко жъ подползти къ господину и подняться не былъ Въ силахъ. И, вкось на него поглядывая, слезу отеръ Одиссей. (Одиссея, пѣсня 17).

Вѣрнѣйшій нашъ домашній другъ—собака подвержена въ высшей степени страшной болѣзни, отзываются иногда весьма губительно и на человѣка, вслѣдствіе чего распространеніе въ обществѣ болѣе точныхъ свѣдѣній о характерѣ этой болѣзни—кажется намъ дѣломъ весьма желательнымъ.

Переносится ли вообще бѣшеная болѣзнь, или такъ называемая водобоязнь, отъ животныхъ на людей—объ этомъ существуютъ различныя воззрѣнія. Извѣстный вѣнскій врачъ, Лоринзеръ говоритъ: существованіе т. наз. водобоязни (Hydrophobia) у человѣка, какъ специфическая болѣзнь, произведенная укушеніемъ бѣшеной собаки, принадлежить къ области сказокъ и мифовъ и пора, наконецъ, изгнать изъ народа ни на чемъ не основанное суевѣріе, будто бы человѣкъ можетъ заразиться слюною бѣшеннаго животного, и тѣмъ положить конецъ тому страшному сотрапсенію духа, которому подвергается каждый, кто имѣлъ только неприятность быть укушеннымъ собакою. По мнѣнію Лоринзера, бѣшеная болѣзнь у человѣка есть ничто иное, какъ тетаническія судороги (столбнякъ), возникающія, или самопроизвольно, или вслѣдствіе раздраженія пораженнаго члена, (какъ это особенно бываетъ у укушенныхъ собаками), дурнымъ обращеніемъ съ раной: вытравленіемъ, выжиганіемъ и вырѣзываніемъ ея. Въ доказательство этому Лоринзеръ приводитъ то обстоятельство, что при вскрытіи труповъ людей, умершихъ отъ гидрофобіи, мы не находимъ ровно никакихъ признаковъ, которые отличили бы эту болѣзнь отъ столбняка; далѣе, что изъ тысячи людей, укушенныхъ бѣшеными собаками, только крайне незначительное меньшинство заболѣваетъ водобоязню и какъ разъ только тѣ, которые пользовались медицинскою помощію. Фалке сообщаетъ слѣдующее: одной мясничей собакой укушены были 12 свиней, изъ которыхъ только одну пользовали по правиламъ искусства вѣдкимъ кали и мазью изъ шпанскихъ мушекъ. Эта свинья впала черезъ 14 дней въ бѣшенство; всѣ же остальные, которыхъ оставили на произволъ судьбы, остались цѣлы и невредимы. У одного молодого человѣка, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ былъ укушенъ собакою, вдругъ разразилась припадки гидрофобіи, окончившіеся смертію. При вскрытіи его трупа случайнымъ образомъ найдены были въ свѣжеемъ рубцѣ на подошвѣ нѣсколько весьма острыхъ осколковъ стекла, которые, раздражая сосѣдніе нервы, и были причиною тетаническихъ судорогъ. Не найдись эти осколки, эти судороги, оказавшіеся травматическаго происхожденія (т. е. слѣдствіемъ механическаго поврежденія цѣлости органа), были бы, вѣроятно, приписаны гидрофобіи.

Фалке однакожь замѣчаетъ далѣе, что онъ самъ не наблюдая этихъ 12 свиней укушенныхъ собакою, но что приводимый имъ фактъ былъ сообщенъ однимъ ветеринарнымъ врачомъ въ какомъ то медицинскомъ журналѣ и что, слѣдовательно, онъ не можетъ ручаться за его достовѣрность. Самъ же онъ стоитъ за то, что собаке бѣшенство не мифъ, и нисколько не желаетъ, что бы его причисляли къ отрицателямъ особаго, специфическаго яда у бѣшенныхъ собакъ. Наблюденія Фалке и другихъ врачей въ разныхъ ветеринарныхъ клиникахъ, особенно въ Берлинѣ, неоспоримо доказали существованіе этой формы болѣзни въ собачьей породѣ, а результаты прививанія слюны бѣшенныхъ собакъ здоровымъ—вполнѣ доказываетъ и заразительность ея для собакъ. Но этимъ еще нисколько не доказано оспариваемое Лоринзеромъ мнѣніе, что и человѣческой организмъ воспримчивъ для этого яда и что водобоязнь, какъ специфическая форма болѣзни, можетъ развиваться, будто бы, и у человѣка, вслѣдствія зараженія его крови слюною бѣшеннаго животного.

Въ пользу воззрѣнія Лоринзера говоритъ также существованіе въ народѣ цѣлой массы секретныхъ средствъ и курьезнѣйшихъ суевѣрій, препятствующихъ будто-бы наступленію водобоязни послѣ укушенія собакою. Далѣе, за это мнѣніе говоритъ также и то обстоятельство, что всѣ прочіе животныя яды, какъ напримѣръ звѣиный, сапной и трупной, вскорѣ, послѣ ихъ дѣйствія на человѣческой организмъ, вызываютъ въ немъ цѣлый рядъ рѣзкихъ реакцій, выражающихся въ воспаленіи лимфатическихъ сосудовъ, опуханіи и воспаленіи сосѣднихъ лимфатическихъ железъ; между тѣмъ какъ укушеніе собакою, хотя бы и достовѣрно считающейся бѣшеною, въ большинствѣ случаевъ не вызываетъ ровно никакихъ другихъ явленій, кромѣ тѣхъ, которыя часто имѣютъ мѣсто и при обыкновенныхъ ранахъ.

Заживленіе раны отъ укушенія собаки обыкновенно наступаетъ такъ быстро, что поддерживать въ ней нагноеніе, болѣе или менѣе продолжительное время, можемъ не иначе, какъ помощію вѣдкихъ, раздражающихъ веществъ—опять не въ примѣръ другимъ отравленнымъ ранамъ. Невѣроятно также и то довольно распространенное мнѣніе, что субстанція этого яда можетъ, будто бы, оставаться цѣлыя мѣсяцы и даже годы въ тѣлѣ человѣка, какъ бы въ скрытомъ состояніи, преле же тѣмъ вызываетъ появленіе болѣзненныхъ припадковъ. Если и приводятъ примѣры, что люди, давнымъ-давно укушенные собаками, вдругъ стали водобоязливы, то это объясняется весьма просто тѣмъ, что существуетъ огромное число людей, которыхъ кусали, царапали, или лизали собаки, о состояніи здоровья которыхъ послѣдствіи нельзя имѣть никакихъ вѣрныхъ данныхъ. И если подобныя личности случайно подвергаются припадкамъ жестокой конвульсіи, и дѣлаютъ при этомъ своимъ медикамъ признаніе въ томъ, что имѣли когда то столкновленіе съ собакою,—водобоязнь сей часъ и готова.

На происходившемъ въ ноябрѣ 1865 года въ Ганноверѣ съѣздѣ врачей и естествоиспытателей принято было мнѣніе, что водобоязнь не есть слѣдствіе укушенія бѣшеной собакой, но что она, подобно эпилепсін, столбняку и пр., составляетъ совершенно самостоятельную нервную болѣзнь.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что съ укушеніемъ бѣшеной, или небѣшеной собаки (это совершенно безразлично) слѣдуетъ обращаться мягко и вѣжно, какъ со всякою раню вообще, и отнюдь не злоупотреблять повторнымъ травленіемъ ея ядами веществами. Да и какой прокъ въ этихъ травленіяхъ въ позднѣйшее время? Выжиганіе можетъ еще, пожалуй, быть полезно развѣ только непосредственно за укушеніемъ съ цѣлью уничтожить ядъ и препятствовать его всасыванію. Но одно простое высасываніе раны или приставленіе къ ней банки—вполнѣ достаточно для этой цѣли и для успокоенія больного. Такимъ образомъ вопросъ о томъ, переходить ли бѣшеная болѣзнь отъ собакъ, или другихъ подверженныхъ этому недугу животныхъ и изъ человѣка,—въ настоящее время остается еще открытымъ.

Причины возникновенія этой болѣзни не разъяснены еще окончательно; въ настоящее время можно однакожъ принимать, что противуестественное кормленіе собакъ негодными для нихъ лакомствами и пряностями, постоянное содержаніе ихъ взаперти, на цѣпи, излишняя изнѣженность и безконечныя ласки и вообще слишкомъ близкое соприкосновеніе съ человѣкомъ: равно какъ съ другой стороны постоянное дразненіе и травленіе, дурная пища, дурное питье, ограниченіе свободы собакъ въ удовольствіи половымъ стремленіямъ,—все это составляетъ располагающія къ бѣшенству моменты. Быстрые и рѣзкіе переходы отъ холода къ жару и наоборотъ справедливо считаются обыкновенною возбуждающею причиною этой болѣзни.

Первые симптомы бѣшенства обманчивы и неясны, такъ что слѣдуетъ принимать за правило: относиться подозрительно ко всякой не вполнѣ здоровой собацѣ. По Гернату, предвѣстниками наступающей болѣзни должно считать угрюмое настроеніе духа и безпричинное безпокойство, выражающееся въ томъ, что собака поминутно мѣняетъ свое положеніе. Животное, то пытается убѣжать, то опять возвращается на свое мѣсто; прячется въ уголокъ комнаты, лѣзетъ подъ мебель, какъ бы боясь чего то; но не обнаруживаетъ еще склонности къ кусанію. Назовъ она является медленнo и неохотно, скорчиваясь и опуская голову. Безъ малѣйшаго повода она дѣлается опять неспокойною, глаза смотрятъ какъ то странно, и все существо ея выражаетъ какой то тоскливый страхъ.

Привязанность къ хозяину повидимому даже возрастаетъ; она кусается развѣ только тогда, когда ее бьютъ или дразнятъ; но большую частію бѣшенная собака сама избѣгаетъ всего того, что можетъ ее раздражать. Въ такомъ положеніи она можетъ оставаться отъ 24 до 48 часовъ у своего хозяина или среди членовъ его семейства безъ малѣйшей для нихъ опасности.

За періодомъ предвѣстниковъ, наступаетъ такъ называемый децаріумъ или періодъ бѣшеныхъ галлюцинацій. Съ перваго взгляда на животное видно, что оно занято образами своей фантазіи: оно лежитъ неподвижно, внимательно, какъ бы подкарауливая кого то; вдругъ она вскакиваетъ, и какъ бы гоняся за мухами, она ловитъ что-то пастию въ воздухъ, или съ дикимъ воемъ бросается на стѣну. Но достаточно нѣсколькихъ словъ хозяина, чтобы немедленно уговорить ее; наступаетъ нѣсколько минутокъ затишья; глаза медленно замыкаются, голова опускается, ноги подкашиваются подъ животъ, и вся она имѣетъ видъ будто каждую минуту готова упасть. Вдругъ она опять вскакиваетъ; новыя фантазіи начинаютъ ее занимать, и, дико озираясь кругомъ, она поднимается съ своей цѣпи и ловитъ мухъ въ воздухъ. Всѣ эти симптомы, замѣченные нами на дворняжкѣ, высунутой еще гораздо рѣзче у дресированныхъ и кусливыхъ собакъ; у послѣднихъ глаза принимаютъ необыкновенный, ослѣпительный блескъ, такъ что становятся похожими на два огненныхъ шара.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ болѣзни возрастаетъ и безпокойство собаки: она просто не находитъ себѣ мѣста. Но и въ этомъ періодѣ болѣзни она иногда вполнѣ сохраняетъ свою ласковость и рѣдко нападаетъ на другія существа,—обстоятельство, часто внушающее окружающимъ ложную увѣренность въ отсутствіи всякой опасности. Повторяемъ: больной собакъ никогда не слѣдуетъ слишкомъ много доврять.

Собственно водобоязнь есть заблужденіе и предрасудокъ. Бѣшенная собака не водобоязлива и никакого отвращенія къ водѣ не обнаруживаетъ; когда ей предлагаютъ пить—она не пьется, какъ думаютъ многіе, испуганно назадъ, напротивъ всегда приближается къ сосуду и охотно лижетъ жидкость, а въ первыхъ фазахъ болѣзни даже проглатываетъ ее. Даже когда съ дальнѣйшимъ развитіемъ болѣзни судорожное сжиманіе глотки, дѣлаетъ проглатываніе жидкости затруднительнымъ, почти невозможнымъ, она тѣмъ не менѣе каждый разъ возобновляетъ свои попытки напиться. Часто она опускаетъ всю свою морду въ воду и какъ бы грызетъ жидкость, которою она не можетъ завладѣть обыкновеннымъ путемъ.

Въ первыхъ фазахъ болѣзни, бѣшенная собака не всегда отказывается отъ предлагаемой ей пищи, хотя послѣдняя каждый разъ возбуждаетъ въ ней отвращеніе. Странное, но весьма характерное явленіе! Съ другой стороны, она тѣмъ охотнѣе

грызетъ, рветъ и глотаетъ предметы, совершенно несъѣдобные: солому своего логовища, постельное бѣлье, если она, какъ это часто бываетъ, спитъ у своего хозяина; наконецъ, сапоги, дерево, камни и стекло.

Увѣдиченное отдѣленіе слюны не составляетъ характеристическаго признака бѣшенства. Истеченіе слюны наступаетъ иногда во время пароксизмовъ, но ротъ остается при этомъ совершенно сухимъ и принимаетъ въ послѣднихъ періодахъ болѣзни синева-фиолетовое окрашиваніе. Сухость рта и зѣва подаетъ иногда поводъ къ весьма поразительному симптому: собака всовываетъ свои лапы въ ротъ, какъ будто бы она затрудняется проглотительною костью. Неопытный врачъ, который вздумаетъ рукою отыскать эту мнимую кость, можетъ дорого поплатиться за свою ошибку. Наступающая иногда рвота съ кровью есть только слѣдствіе проглатыванія вышеупомянутыхъ несъѣдобныхъ тѣлъ; прежде считали это явленіе симптомомъ другой болѣзни это заблужденіе стоило многимъ врачамъ жизни.

Лай бѣшеной собаки такъ характеренъ, что кому разъ только приходилось его услышать, тотъ никогда его не позабудетъ. Превнѣй громкій и звучный лай уступаетъ мѣсто глухому, силному вою, по качеству тона болѣе глубокому; вмѣсто нормальнаго испусканія ряда одинаковыхъ звуковъ, теперь однократно лаю полного горла слѣдуютъ три или четыре воя изъ глубины гортани, причѣмъ ротъ послѣ каждого звука не замыкается совершенно, какъ это бываетъ у здоровыхъ собакъ. Къ собакъ, лай которой принялъ болѣе глубокую модуляцію, слѣдуетъ всегда относиться подозрительно.

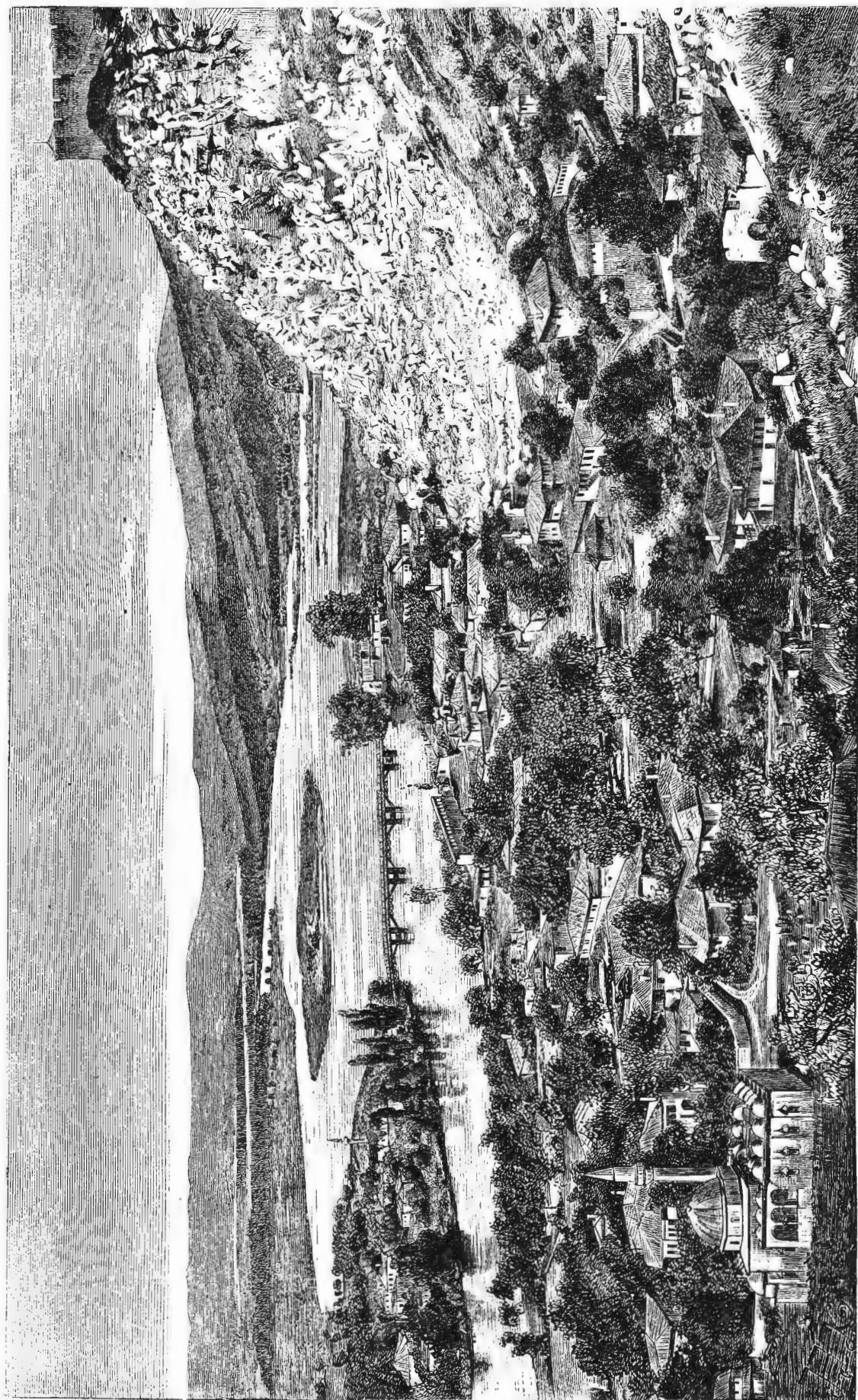
Другое, свойственное этой болѣзни явленіе это то, что при всевозможныхъ мученіяхъ, которыми причиняютъ собакъ, она остается безмолвна. Это происходитъ не отъ притупленія ощущенія,—такъ какъ собака пытается всегда освободиться отъ предметовъ, причиняющихъ ей боль,—скорѣе это происходитъ вслѣдствіе уменьшенія раздражительности. Какимъ бы пытками ее не подвергали, она не кричитъ.

Весьма своеобразно то впечатлѣніе, которое производитъ на бѣшеную собаку видъ какой бы то ни было собаки. Это впечатлѣніе до того сильно, что оно можетъ служить діагностическимъ признакомъ бѣшенства, и можно сказать, что собака есть самое вѣрное средство для открытія скрытаго еще бѣшенства. Подобное же впечатлѣніе производитъ присутствіе собаки и на всякое бѣшеное животное, какого бы рода оно ни было. При видѣ ея, она впадаютъ въ разъяренное бѣшенство, бросаясь на нее тѣмъ оружіемъ, которымъ надѣлила ихъ природа. Самый вѣрный такимъ образомъ діагностическій признакъ бѣшенства у собаки это то, что она безпричинно и внезапно нападаетъ на себѣ подобныхъ собакъ.

Съ наступленіемъ первыхъ припадковъ бѣшенства, собака обыкновенно убѣгаетъ изъ дому и находитъ свою смерть гдѣ нибудь внѣ дома; въ другихъ случаяхъ, обвинуясь какой-то роковой привязанности къ хозяину, она возвращается черезъ день или два домой, въ той стадіи своей болѣзни, когда ее овладѣваетъ непреодолимая страсть кусаться. Періодъ бѣшенства, въ тѣсномъ смыслѣ слова, характеризуется нѣсколькими отдѣльными припадками неистовства. Видъ животного возбуждаетъ ужасъ, даже когда оно находится взаперти; отъ малѣйшаго повода оно вскакиваетъ съ зловѣщимъ воемъ и сверкающими, какъ огонь, глазами, неистово грызетъ прутья своей кѣтки, скрежещетъ зубами и бросается на все, что ему показываютъ: кусокъ дерева, желѣзный пруть и т. п. За этимъ возбужденнымъ состояніемъ, въ непродолжительномъ времени слѣдуетъ глубокое изнеможеніе, собака удаляется въ глубину своего логовища, оставаясь нечувствительно ко всѣмъ раздраженіямъ; затѣмъ слѣдуетъ новый припадокъ бѣшенства, за которымъ опять наступаетъ изнеможеніе. Если ввести во время такого припадка въ кѣтку собаку противоположнаго пола, то не всегда послѣдуетъ немедленное нападеніе; иногда оно уступаетъ сначала мѣсто половому инстинкту, который выражается лизаніемъ и разнаго рода ласками. Несчастная жертва чувствуетъ приближающуюся опасность, вся трепещетъ, она не сопротивляется этимъ ласкамъ, прижимаясь къ углу.

Но вдругъ нападаетъ на нее бѣшенная собака, несчастная жертва рѣдко защищается, съ болѣзненнымъ визгомъ она старается только запрячь свою голову, на которую преимущественно направлены нападенія. Затѣмъ наступаетъ пауза, во время которой бѣшенная собака повторяетъ свои ласки, а потомъ опять припадокъ бѣшенства.

Въ свободномъ состояніи бѣшенная собака нападаетъ на всякое живое существо, которое попадаетъ ей только на дорогѣ, особенно же на собакъ. Но вскорѣ она страшно изнуруется отъ голода, жажды и самой болѣзни. Походка ея становится медленной и шаткой, хвостъ втянутъ, голова опущена, ротъ широко раскрытъ, отвислый языкъ синеватъ и покрытъ пилью. Въ этомъ состояніи она гораздо менѣе опасна, чѣмъ въ первыхъ стадіяхъ бѣшенства, такъ какъ она не имѣетъ болше силы отклоняться въ сторону отъ своего пути и нападать на свою жертву, если послѣдняя не стоитъ прямо и непосредственно предъ ея зубами; одного шага въ сторону достаточно для того, чтобы избѣгнуть опасности. Но вскорѣ истощеніе силъ заставляетъ ее остановиться, она забирется въ скрытое мѣсто, гдѣ надолго засыпаетъ. Горе тому, кому вздумается разбудить ее: въ этомъ

Городъ Сгутари при сгутарійскомъ озерѣ (на западной границѣ Турціи). Рисов. Келлеръ, грав. Замарскій.

Стычка сербовъ съ черкесами подъ Гиндовымъ. Съ наброска Н. К. рисов. Келлеръ, грав. Замарскій.

усиления она настолько укрупняется, что может сильно уку-
сить.

Конечь бешеной собаки—полный паралич. Шестинедельное
заочие, которому обыкновенно подвергают укушенных или
подозрительных собак, не вполне достаточно. Были случаи,
что бешенство обнаружилось только через три месяца после уку-
са. В Лейпциге принято в последнее время за правило соблю-
дать меры предосторожности в продолжении целых 12 недель.

Если допустить предположение, что и у людей может суще-
ствовать бешенство, как специфическая болезнь, вызванная
укусом бешеной собаки, то симптомами ее мы должны счита-
ть следующие явления. Кроме изменений в жавшей или от-
крытой еще ране на месте укушения, является затруднитель-
ность при глотании, которая, возрастая все больше и больше, до-
ходит до судорожного сжатия глотки и гортани, переходя-
щее потом в судороги всего тела, при чем большой поми-
путно отливается (от невозможности проглотить слюну) и
задыхается. Больным овладевает невыносимое чувство тоска-
ливого страха, за которым следуют галлюцинации, неистовые
припадки бешенства, а потом и смерть от удара или от за-
душения во время спящего и продолжительного припадка. Что
подобные болезни бросаются на своих окружающих и ку-
саются подобно животным—это справедливо в тех только
случаях, когда с ними обходятся слишком сурово, что, в
настоящее время, случается гораздо реже. Вскрытие трупов
людей, умерших от бешенства, не привели ни к каким
определьным результатам, которые выяснили бы природу
этой загадочной болезни, так как найденные в различных
случаях патолого-анатомическія изменения слишком мало под-
даются обобщению и больше частью скорее составляют след-
ствия этой болезни, чем ее причины.

Лечение прежде всего должно быть местное: тщательное обмы-
вание раны, обильное истечение крови, вырывание раны вмес-
те с окружающими ее частями, выжигание каленым жел-
сом, прижигание жидкими веществами, а в известных случа-
ях и ампутиция всего члена, если напр. собака изгрызла весь
палец в куски. Общее лечение должно быть преимущественно
успокоительное; и разумное психическое лечение несравненно
важнее здесь, чем всевозможныя медицинскія снадобы. Старый
лвнчій въ Швейцаріи сообщилъ не задолго до своей смерти
свой способъ леченія, посредствомъ котораго, по его увѣрені-
ямъ, ему удалось спасти отъ гидрофобіи множество людей и
животныхъ. Непосредственно за укушеніемъ нужно тщательно
обмывать рану теплымъ укусомъ и тепловатою водою, и высу-
шить ее хорошенько, влить туда нѣсколько капель соляной ки-
слоты. Въ многократно восхваленныхъ секретныхъ средствахъ
противъ водобоязни, главную составную часть составляетъ май-
ская букашка (*Meloe majalis* u. *meloe proscarabalis*) и добывае-
мая отъ нея маслянистая членосуставная жидкость, раство-
ренная въ меду. Эти секретныя средства вредны въ томъ отноше-
ніи, что изъ ложнаго довѣрія къ нимъ часто упускаются изъ
виду болѣе существенное местное леченіе; съ другой стороны,
они именно вълѣдствіе довѣрія къ нимъ народа, несомнѣнно по-
лезны тѣмъ, что дѣйствуютъ весьма успокоительно на настро-
еніе духа больного. Предложенный Маршети въ 1813 году въ
Москвѣ методъ леченія, состоявшій въ выжиганіи предполагае-
мыхъ имъ особыхъ пузырьковъ бешенства, находящихся будто
бы подъ языкомъ, давно уже потерялъ своей кредитъ и никѣмъ
не практикуется. Таже участь постигла и употребленіе дрока
красильнаго (*henista tinctoria*) какъ негодное и ни на чемъ не
основанное средство. Въ Мексикѣ употребляютъ противъ ги-
дрофобіи отваръ тропанилы, такъ называется разрывная въ
мелкія кусочки вѣтви изъ дерева *Bouvardia triphylla*.

Меры предосторожности, которыя слѣдуетъ принимать для
защиты собакъ, состоятъ, конечно, единственно въ томъ, чтобы
кусаливымъ собакамъ не давать свободно скитаться по улицамъ,
а держать ихъ на цѣпи; а собакъ заболѣвшихъ и ставшихъ
вълѣдствіе этого кусаливыми держать отдѣльно, поручивъ ихъ
немедленно наблюденію ветеринара. Ловленіе собакъ живодера-
ми служить скорее интересамъ самихъ живодеровъ, чемъ инте-
ресамъ публики.

Говорятъ, что эта ловля имѣетъ цѣлью уменьшить число без-
домныхъ собакъ; но если бы въ большихъ городахъ число ихъ
было дѣйствительно такъ велико, тогда слѣдовало бы ожидать,
что въ ночное время мы встрѣтимъ на улицѣ большую часть
этихъ бездомныхъ собакъ, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ мы
тогда чрезвычайно рѣдко натолкнемся на подобную собаку. Но
допустимъ даже, что въ какомъ нибудь городѣ очень много без-
пріютныхъ собакъ, то этимъ все таки не оправдывается еще
ихъ истребленіе, такъ какъ извѣстно, что бездомныя, на свобо-
дѣ живущія собаки подвержены всѣмъ болезнямъ вообще, а бѣ-
шенству въ особенности гораздо менѣе, чемъ комнатныя и цѣп-
ныя собаки. Въ восточныхъ городахъ, особенно въ Константи-
нополѣ, бездомныя собаки бродятъ тамъ по улицамъ цѣлыми
стаями, между тѣмъ какъ именно тамъ бешеная болезнь совер-
шенно неизвѣстна.

Ношеніе намордниковъ Гернатъ считаетъ вреднымъ для со-
баки, но и помимо этого намордники защищаютъ отъ укушенія
только тѣхъ собакъ, которыя вообще не кусаливы; бешеная же

чтобы убѣжать изъ дому, наврядъ ли явится къ своему госпо-
дину для наложенія намордника. Впрочемъ комнатныя собаки во
всякомъ случаѣ не носятъ намордниковъ, слѣдовательно домаш-
ніе и ихъ посетители ничѣмъ не защищены отъ укушенія по-
добныхъ собакъ. Воженіе собакъ на шнуркѣ еще менѣе пре-
дохраняетъ прохожихъ отъ опасности. Однажды случилось, что
собака подозрительная въ бешенствѣ и отравленная на верв-
кѣ или на шнуркѣ въ ветеринарную лечебницу, уснула въ пер-
вой же улицѣ укусивъ нѣсколько человѣкъ и между прочимъ
своего же жоатаго.

Разумное обращеніе съ собаками, съ соблюденіемъ должной
меры въ ограниченіи ихъ свободы—вотъ самое лучшее предо-
хранительное средство, чтобы сохранить намъ нашихъ любим-
цевъ изъ царства животныхъ.

Чтобы дать читателю болѣе округленное понятіе объ этой
загадочной болѣзни, мы считаемъ нелишнимъ сообщить вкста-
ти объ одномъ случаѣ, свидѣтелемъ котораго мы были. Не-
давно въ клинику профессора Боткина привезена была
молодая женщина, укушенная ровно четыре мѣсяца тому на-
задъ въ верхнюю губу своею же собакою, обнаружившею предъ-
тѣмъ явные признаки наступающей болѣзни. Той же уча-
сти подверглись мужъ и маленькій сынъ ея, котораго посла-
ли вмѣстѣ съ собакой къ ветеринару. Последніе къ счастью
остались до сихъ поръ совершенно здоровы и, какъ можно съ
большою вѣроятностію полагать, срокъ заболѣванія мино-
валъ уже для нихъ, особенно для мальчика, такъ какъ пе-
риодъ зарожденія всякой болѣзни у дѣтй вообще весьма коро-
токъ. Сначала женщина удручена была сильною тоскою и стра-
хомъ въ ожиданіи появленія страшнѣйшей болѣзни, но когда всѣ
ходиче въ народѣ сроки заболѣванія миновали, она предалась
своимъ обычнымъ занятіямъ, совершенно забывъ объ этой исто-
ріи. Днемъ предъ заболѣваніемъ она была даже въ гостяхъ, гдѣ
она съ свойственною молодымъ людямъ безпечностію приняла
участіе во всѣхъ развлеченияхъ и увеселеніяхъ. Профессоръ
Боткинъ видѣлъ въ этомъ фактѣ опроверженіе распространен-
наго нѣкоторое время тому назадъ мнѣніе, что водобоязнь
является будто бы слѣдствіемъ психическаго разстройства. На
слѣдующій день она почувствовала затрудненіе при глотаніи,
сопровождавшееся спазмами глотки и затылочныхъ
мышцъ, такъ что при малѣйшей попыткѣ проглотить что нибудь
она задыхалась, опрокинувъ голову назадъ. Вскорѣ появи-
лись и галлюцинаціи, причѣмъ страннымъ образомъ она сохранила
все свое сознаніе и сама подходила къ мѣсту, гдѣ казался
ей какой-то фантастическій звѣрекъ и каждый разъ улыбался,
когда убѣждалась въ его отсутствіи. На второй уже день на-
ступили бурные припадки бешенства и судорогъ, имѣвшихъ
своимъ послѣдствіемъ неизбѣжный печальный конецъ. Профес-
соръ Боткинъ высказалъ по этому поводу мнѣніе, противопо-
ложное тому, котораго придерживается Лоринзеръ и кото-
рое ведетъ свое начало со временъ Гипократа. Пр. Боткинъ
думаетъ, что ядъ собачьяго бешенства заразителенъ и для че-
ловѣка, хотя не всѣ укушенные, даже достовѣрно бешеными со-
баками, должны непременно заболѣть бешенствомъ: это зависить
отъ индивидуальности каждаго отдѣльнаго человѣка. Значи-
тельное въ этомъ отношеніи колебаніе въ статистическихъ
данныхъ, собранныхъ различными наблюдателями, Боткинъ
объясняетъ, во первыхъ, тѣмъ, что не всѣ собаки, кото-
рыхъ считаютъ бешеными, были ими на самомъ дѣлѣ, такъ
какъ симптомы этой болѣзни у собакъ въ настоящее время да-
леко не приведены еще въ надлежащую точность. Во вторыхъ,
это зависить еще отъ того, какое мѣсто было укушено собакою,
голое ли тѣло или покрыто одеждою или обувью; въ послед-
немъ случаѣ ядъ, находящійся въ слюнкѣ бешеной собаки, мо-
жетъ остаться на платьѣ или обуви, не причиняя укушенному
никакого вреда. Но и изъ укушенныхъ на голомъ тѣлѣ соба-
ками, признанными даже достовѣрно за бешеныхъ, далеко не
всегда должны заболѣть водобоязною; лучшимъ доказательствомъ
этого служить то, что опыты надъ прямымъ прививаніемъ сло-
ны бешеныхъ собакъ здоровымъ не всегда даютъ положитель-
ные результаты. Главную роль играетъ тутъ индивидуальное
предрасположеніе. Что касается зарожденія этой болѣзни, то, по
мнѣнію профессора Боткина, оно не только у людей но и у со-
баки никогда не возникаетъ самопроизвольно, безъ предва-
рительнаго укушенія бешенымъ животнымъ. Сильная жара или силь-
ный холодъ могутъ, пожалуй, играть роль предрасполагающихъ
моментовъ во не причиняя этой болѣзни. Что касается дурного со-
держанія собакъ и ограниченія ихъ свободы, то этимъ обстоятель-
ствамъ, на основаніи новѣйшихъ наблюдений, слѣдуетъ придавать
мало значенія. Если самки рѣже заболѣваютъ чѣмъ кобели, а
кастрированные собаки почти никогда—то это объясняется все-
ма просто тѣмъ, что благодаря различному образу жизни этихъ
животныхъ, послѣднія гораздо рѣже могутъ приходиться въ стол-
кновение съ бешеными собаками. Разказы о бездомныхъ соба-
кахъ въ Константинополѣ, теряютъ теперь свое значеніе такъ
какъ, по свидѣтельству очевидцевъ, въ новѣйшее время эта бо-
лезнь стала тамъ довольно частой, а ходячія тамъ въ народѣ
секретныя средства противъ гидрофобіи доказываютъ, что и
прежде она была тамъ не совсѣмъ безызвѣстна. Далѣе, профес-
соръ Боткинъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, полага-

эпидемически, что несколько не противорѣчитъ высказанному имъ мнѣнію о зарожденіи этой болѣзни только путемъ непосредственной передачи яда укушеніемъ бѣшеннаго животнаго, если примемъ во вниманіе ту громадную роль, которую играетъ при этомъ индивидуальное предрасположеніе.

Въ заключеніе, позволяеть себѣ воспользоваться частной запиской, по поводу протокола засѣданій общества калужскихъ врачей (1865, № 6).

«28-го января 1865 г. бѣшенный волкъ укусилъ въ деревнѣ Орли крестьянку 80-ти лѣтъ и оцарапалъ когтемъ лѣвое плечо ея сыну, Влаву Максимову, 30-ти лѣтъ. Мать его за дряхлостію не могла быть привезена въ больницу, а по осмотру Влаву Максимова—также сочли лишнимъ и его помѣстить въ больницу. Последствія были слѣдующія: 16-го марта умерла старуха мать и умерла тихо, но за 10 дней до смерти она жаловалась на боль въ ранахъ. 17-го числа Влава Максимовъ пошелъ въ дружгую избу молиться Богу (оба умершіе въ больницѣ отъ бѣшенства, до начала буйнаго періода, очень усердно молились Богу); 18-го онъ началъ буйствовать, почему отецъ и братъ его, Терентій, стали его вязать, причемъ онъ укусилъ послѣднему руку и оцарапалъ отцу. Рану на рукѣ Терентій тотчасъ прижегъ каленымъ желѣзомъ. Скоро, однако, Влава развязался и вылезъ чрезъ разобранный имъ потолокъ на дворъ и, вооруженный ножомъ, бѣгалъ по деревнѣ, гдѣ его скоро схватили, связали и привезли въ больницу. 19-го числа братъ его Терентій сталъ тосковать, что заставило подозрѣвать, что и онъ зараженъ, почему и его представили въ больницу. Когда его привезли, онъ былъ въ бреду и бредъ продолжался до ночи. Ночью онъ успѣлъ развязаться и перебралъ всѣ рамы въ больницѣ но и здѣсь его успѣли связать. Какъ первый, такъ и второй день, онъ ничего не ѣлъ и не пилъ. Братъ его Влава былъ помѣщенъ въ одной комнатѣ съ Терентіемъ и также былъ въ бреду. Братья не обращали никакого вниманія другъ на друга и между собою не говорили, но когда одинъ начиналъ молитву, другой ее продолжалъ. Лекарствъ не употребляли, отъ ѣды и питья также отказывались; тогда г. Б. началъ окуривать ихъ хлоромъ. Окуриваніе дѣлалось изъ смѣси calcar chlorat и patri sulphurici приблизительно по ровну, разводя водой, потомъ вливали ас. sulphuricum. Сначала запахъ хлора былъ для нихъ неприятенъ, но на другой и третій день Терентій просилъ уже самъ подно-

сить эту смѣсь къ носу. 26-го окуриваніе прекращено и вотъ краткая исторія ихъ болѣзни: ночь съ 20-го на 21-е они не спали; утромъ 21-го они съѣли немного щей и выпили по кружкѣ воды съ хлѣбомъ, часовъ въ 11 этого утра они были тихи, но заговаривались, и въ такомъ состояніи они были цѣлый день, вечеромъ 21-го попросили сѣту и ѣли его съ жаждою. Съ 21-го на 22-е къ утру они заснули часа на два, затѣмъ поѣли щей и кашу, выпили по двѣ кружки чая и потомъ опять покойно заснули, вечеромъ опять ѣли тоже и выпили чай; ночь съ 22-го на 23-е спали до 6-ти часовъ утра совершенно покойно. 23-го встать съ большимъ апетитомъ, имъ назначена 1-я порція и чай. 24-го, 25-го, 26-го, 27-го, 28-го, 29-го ѣдятъ и пьютъ хорошо, но еще слабы; всѣ отравленія организма совершенно правильны. Вотъ голый фактъ, объяснить который предоставляется времени и дальнѣйшимъ наблюденіямъ».

Г-нъ Б. къ этой выпискѣ изъ протокола прибавляетъ, что чрезъ полгода послѣ того онъ видѣлъ обоихъ братьевъ на сѣнокосѣ совершенно здоровыми.

«Цѣль моего настоящаго сообщенія (говоритъ г. Б.) та, чтобы вызвать повѣрку предлагаемаго леченія весьма простаго по своему способу, тогда какъ другіе, предлагавшіеся способы (напр. г. Левашева) требуютъ или слишкомъ сложныхъ приемовъ, или даже и вовсе неудобноисполнимы въ глухихъ мѣстностяхъ, гдѣ о медицинской помощи и думать нечего. Тогда какъ, при указываемомъ мною способѣ, нужно только отдѣльное помѣщеніе, въ которомъ бы хорошо удерживался пары хлора, такъ какъ окуриваніе это въ 1-й день производится настолько сильное, что и съ трудомъ могъ пробыть полчаса въ комнатѣ больныхъ; на другой день и по мѣрѣ того, какъ больные начали приходить въ себя, я уменьшалъ постепенно окуриваніе. Самую операцію леченія я производилъ такъ: бралъ большой кусокъ ваты, облитый хлороформомъ, который большой подносила одной рукой къ носу и сильно вдыхалъ въ себя, въ тотъ же моментъ бралъ въ ротъ глотокъ чаю или другой жидкости и проглатывалъ ее, хотя видимо съ большимъ трудомъ. Для того, чтобы сдѣлать второй глотокъ, нужно было повторить тотъ же приемъ».

Л. К.

СЛАВЯНСКАЯ БОРЬБА.

(Изъ сербскихъ пѣсенъ).

Много на этой полянѣ
Вырыто разныхъ могилъ...
Въ этихъ холодныхъ могилахъ
Много сخورено сплѣ.

* * *

Все это лучшія силы,
Родины гордость, оплотъ...
Видя, какъ въ рабскихъ оковахъ
Мучится бѣдный народъ,

* * *

Клятвой они обязались
Цѣпи неволи разбить,
Собственной кровью несчастной
Родинѣ волю купить.

* * *

Вышли съ рѣшеніемъ твердымъ—
Лучше въ бою умереть,

Нежели тяжесть неволи
Многіе годы терпѣть.

* * *

Бились дружно за волю,
Бились покуда могли,
Съ честью за дѣло святое
Въ битвѣ кровавой легли.

* * *

Сгибли бойцы, но идемъ
Крѣпко въ народѣ живуть:
Годы промчались, и дѣти
Павшихъ—на битву идуть.

* * *

Въ темныхъ горахъ закипѣла
Снова за волю борьба...
Боже! услыши молитву,
Стоишь славянина—раба!

А. Кругловъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Настоящее положеніе дѣлъ на театрѣ войны вынуждаетъ насъ повторить фразу, къ которой мы уже прибѣгали не разъ, говоря о ходѣ борьбы, а именно: указать снова на «отсутствіе положительныхъ, точныхъ, ясныхъ свѣдѣній съ мѣста военныхъ дѣйствій».

Съ одной стороны получены извѣстія о томъ, что турки овладѣли Княжевацомъ и ущемлемъ у Вратарницы, лежащимъ между этимъ пунктомъ и Зайчаромъ, что этотъ послѣдній отданъ безъ боя оттоманскимъ войскамъ, что полковникъ Хорватовичъ, мужественно защищавшій Княжевацъ цѣлыхъ 5 дней, отступилъ къ горной позиціи у Баньи и что Лѣшанинъ, вслѣдствіе паденія Княжеваца, въ свою очередь, отступилъ тоже. Съ другой стороны телеграфъ принесъ извѣстіе (депеша отъ 30-го іюля) о томъ, что 29-го іюля «подъ Княжевацомъ турки 5 разъ атаковали сербскія войска, но каждый разъ были отбиваемы съ огромными потерями. Сербы выказываютъ замѣчательную храбрость». Затѣмъ, 31-го іюля получено извѣстіе, что сербскія войска подъ начальствомъ русскаго полковника Беккера, вновь

взяли у нихъ 33 пушки и 3 тысячи пѣвинныхъ, и вслѣдъ за этимъ телеграмма отъ 1-го августа изъ Бѣлграда сообщаетъ, что Княжевацъ и Зайчаръ еще невзяты обратно сербами.

Намъ остается, слѣдовательно, ожидать дальнѣйшихъ подробностей въ разъясненіе всѣхъ этихъ разнорѣчивыхъ сообщеній. Въ послѣднее время свѣдѣнія о дѣйствіяхъ генерала Черниева весьма скудны. Удивляться этому, конечно, нечего. Генералъ, какъ извѣстно, съ трудомъ допускаетъ корреспондентовъ въ свою квартиру, не желая, понятно, чтобы этимъ (часто недобросовѣстнымъ) путемъ разглашались во всеобщее извѣстіе его планы и намѣренія. Въ знатоки и спеціалисты военнаго дѣла согласны съ тѣмъ, что главнокомандующій, въ извѣстные моменты военныхъ операцій, не только долженъ устранять возможность подобнаго разглашенія, но, наоборотъ, старается распространять о своихъ дѣйствіяхъ самыя разнорѣчивыя извѣстія, извѣстія, въ которыхъ истина была бы совершенно скрыта и затемнена... Все это, разумется, необходимо для успѣшнаго вы-

Само собою понятно, что за симъ, по прошествіи извѣстнаго времени, причины передвиженія войскъ разъясняются и можно судить, чѣмъ вызывалась, та или другая мѣра въ ихъ передвиженіи. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время уже извѣстны причины первоначальнаго наступательнаго движенія южно-моравской арміи Черняева, и затѣмъ отступление ея и перемѣна диспозиціи.

При первоначальномъ наступательномъ движеніи, генералъ Черняевъ имѣлъ въ виду слѣдующее: во 1-хъ, что въ Болгаріи произойдетъ (готовившееся издавна и вполне понятное въ виду неслыханныхъ злодѣйствъ турокъ) поголовное возстаніе, во 2-хъ, что генералъ Захъ двинется чрезъ Сѣницу и соединится съ черногорцами, и въ 3-хъ, что генералъ Алимничъ проникнетъ въ глубь Босніи, гдѣ, вслѣдствіе этого, славяне также возстанутъ массами. Если бы эти предположенія оправдались, то генералъ Черняевъ могъ бы дойти до Софіи и сопротивляясь тамъ всѣмъ подходящимъ къ туркамъ подкрѣпленіямъ. Въ такомъ случаѣ война не была бы перенесена на сербскую территорию. Къ сожалѣнію, ни одно изъ этихъ предположеній не оправдалось: болгары не поднялись; генералъ Захъ былъ отброшенъ, а Алимничъ, задержанный у Бѣлины, не могъ ни соединиться съ инсургентами сѣверной Босніи, ни распространить возстанія въ мѣстностяхъ, остающихся еще спокойными.

При такихъ обстоятельствахъ генералу Черняеву не осталось ничего болѣе дѣлать, какъ отказаться отъ своихъ позицій при Широѣ и Бабиной Главѣ и отступить, тѣмъ болѣе, что Лышанинъ, по своей оплошности, потерялъ важную позицію при Великомъ Изворѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что дѣйствіямъ сербскихъ силъ значительно вредила разрозненность между отдѣльными частями. Теперь это неудобство устранено, такъ какъ генералъ Черняевъ назначенъ главнокомандующимъ тимокско-моравской арміей.

Осуждать сербскіе планы военныхъ операцій мы, конечно, ни въ какомъ случаѣ не возьмемъ на себя смѣлости, ибо вполне убѣждены въ томъ, что со стороны сербскихъ военачальниковъ все совершалось послѣ достаточныхъ соображеній и подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ неотразимыхъ и внезапно возникающихъ условій, которыхъ въ военномъ дѣлѣ нельзя никакъ заранее предвидѣть, и нѣтъ возможности обойти или измѣнить.

Со дня разгрома арміи Мухтара-паши войсками князя Черногорскаго, теперь прошло уже болѣе двухъ недѣль и въ продолженіи этого времени князю Николаю не удалось окончательно порѣшить съ Мухтаромъ. Хотя путь къ Требинье изъ Рагузы и отрѣзанъ, но турки имѣютъ возможность подвести съ востока новыя войска или выдѣлить для этого часть ихъ изъ корпусовъ, стоящихъ на южной границѣ Сербіи. По извѣстіямъ изъ Цетинья (отъ 31-го іюля) князь Николай Черногорскій, съ частію черногорской арміи, идетъ, съ цѣлью недопустить соединеніе турецкихъ армій, на встрѣчу Вьелладинъ-пашѣ, приближающемуся съ подкрѣпленіями для Мухтара-паши.

Изъ Лондона, отъ 31-го іюля, телеграфируютъ, что «въ заведеніи Палаты Общинъ Дизраэли выставилъ на видъ, что Англія обязалась, вмѣстѣ съ другими державами, поддерживать неприкосновенность Турціи».

Неужели это справедливо и неужели послѣ всѣхъ ужасающихъ

звѣрствъ и невыразимыхъ, неслыханныхъ злодѣйствъ и жестокостей, совершенныхъ и совершаемыхъ теперь турками, европейскія державы будутъ поддерживать неприкосновенность этой дикой страны!

КЪ СВѢДѢНІЮ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Прилагаемая ниже таблица показываетъ номера серій и билетовъ перваго внутренняго съ выигрышами займа (1864 г.) на которые пали выигрыши, но они не взяты, по неизвѣстнымъ причинамъ.

№ серіи.	№ билета.	Сумма выигрыша.	Время тиража.	№ серіи.	№ билета.	Сумма выигрыша.	Время тиража.
00185	50	1000	2 янв. 1871 г.	08646	1	1000	1 іюля 1870 г.
01941	24	1000	— 1870 г.	09074	3	5000	2 янв. 1873 г.
02666	47	8000	— 1871 г.	09392	21	1000	1 іюля 1874 г.
02728	48	5000	— 1876 г.	11478	27	25000	3 янв. 1872 г.
02750	47	8000	1 іюля 1875 г.	12720	48	8000	1 іюля 1875 г.
02899	48	1000	2 янв. 1871 г.	13845	25	1000	— 1867 г.
03259	15	1000	— 1874 г.	13948	17	1000	3 янв. 1872 г.
03652	28	5000	— 1874 г.	14929	35	8000	1 іюля 1872 г.
03774	7	1000	— 1876 г.	14982	48	1000	— 1874 г.
04367	2	1000	— 1875 г.	15121	22	1000	2 янв. 1876 г.
04934	10	5000	1 іюля 1874 г.	15247	28	1000	— 1875 г.
04973	42	8000	2 янв. 1876 г.	15762	2	1000	3 янв. 1872 г.
05636	24	8000	—	16054	36	5000	2 янв. 1876 г.
06257	6	40000	2 янв. 1874 г.	16607	44	1000	1 іюля 1870 г.
06486	37	1000	1 іюля 1873 г.	16809	14	500	— 1866 г.
0749	28	1000	3 янв. 1872 г.	18163	44	5000	2 янв. 1876 г.
07526	9	1000	1 іюля 1873 г.	18975	42	1000	1 іюля 1868 г.
08247	16	1000	— 1875 г.	19457	8	5000	2 янв. 1870 г.
08475	37	1000	— 1874 г.				

Кромѣ этихъ, есть много не взятыхъ выигрышей въ 500 рублей, №№ которыхъ мы не приводимъ за недостаткомъ мѣста. Таблицы ихъ продаются въ Государственномъ банкѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Улица (съ рисункомъ). Б.—цаго.—Встревоженный городъ. (Картины губернской жизни). Д. Стахѣва.—Во время жатвы (съ рисункомъ). — Изъ Трегера (стихотвореніе). Ф. Берга (Босва).—Сербскій митрополитъ Михаилъ (съ портретомъ).—Предводители сербскихъ войскъ, (съ 3-ми портретами). Городъ Скутари (съ рисункомъ) — Стычка сербовъ съ черкесами подъ Гинцовымъ (съ рисункомъ). Водобоязнь. Л. К.—Славянская борьба (изъ сербскихъ пѣсень). А. Круглова — Политическое обозрѣніе.—Къ свѣдѣнію читателей.—Объявленія.

Редакторъ Д. Стахѣвъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

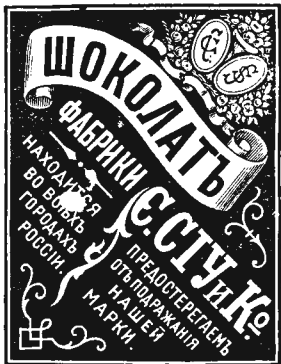
ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разказы В. В. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЪ“ 1876 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ. Историческая повѣсть временъ Екатерины II. П. Петрова и В. Ключникова. Повѣсть эта въ бездѣлительной формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелими Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „НИВЪ“ 1876 года 75 к. съ пересылкою.

Про что цѣбетала ласточка. Сочиненіе Шмилевскаго. Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р., для подписчиковъ „НИВЪ“ 1876 г. 1 р. съ пересылкою.

45-40

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

6-5

КАРЛЬ БАУХЪ,

по Большой Морской домъ Росмана № 9,

приготавливаетъ искусственные зубы, по новѣйшей американской методѣ, съ многотѣльнымъ ручательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч. на угнетенныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. № 42.

28-16

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ Н. Каразина, съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интереснѣе, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовныя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ „НИВЪ“ на 1876 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

Зубной врачъ ВАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26-18

НИВА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 16 Августа 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ:

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к.
- На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.

М. А. Марковъ.

Михаилъ Александровичъ Марковъ воспитаніе получилъ въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Одно изъ его юношескихъ стихотвореній попало въ руки литературному любителю Глѣбову; онъ показалъ его И. И. Дмитріеву, который выразилъ желаніе познакомиться съ молодымъ авторомъ; а извѣстный въ то время литераторъ В. А. Ушаковъ вызвался руководить его на новомъ поприщѣ. Будучи родственникомъ тогдашняго директора кадетскаго корпуса, Ушаковъ принялъ Маркова рѣшительно подъ свое покровительство, какъ близкаго родного и, замѣти въ немъ страсть къ театру и декламации, сталъ знакомить его научно и наглядно съ театральнымъ дѣломъ; представилъ его лучшимъ дѣятелямъ театральной литературы: князю Шаховскому, Ф. Ф. Кошкину, А. И. Писареву, познакомилъ съ актеромъ Мочаловымъ и нанялъ даже для него учителя.

Генераль-лейтенантъ М. А. Марковъ. Рис. и грав. А. Нейманъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ заботливый В. А. Ушаковъ предоставилъ ему умное литературное чтеніе и продолжалъ потомъ заботиться о немъ до конца жизни, радуясь, кажется, что нашелъ пригодный предметъ для заботъ своей добродушной природы. Таково было тогда стремленіе старыхъ писателей къ развитію и охраненію каждаго зародыша даже малѣйшихъ литературныхъ способностей!

Надобно правду сказать, что собственно для успѣховъ эстетики и развитія поэзіи было хорошее то время, тогда ни одна строка у молодежи не пропала безъ вниманія и оцѣнивалась всегда съ теплымъ участіемъ и покровительствомъ истинно-просвѣщенными добряками, а не выносились тотчасъ же на рынокъ для публичной продажи изъ построчной платы; тогда за статьи, печатаемыя въ періодическихъ изданіяхъ, никому не платилось; а между тѣмъ литературные

бойцы бодрствовали. Москва, подъ знаменемъ «Московского Телеграфа», вызвала много извѣстныхъ именъ и силъ на участіе въ борьбѣ съ петербургской прессой, и это была полемика благородная, остроумная, основанная на дѣйствительныхъ убѣжденияхъ каждаго писателя, а не заказанная, по командѣ редактора, за извѣстную плату.

По выходѣ, въ 1828 году, изъ корпуса офицеровъ въ гвардію, Марковъ сталъ печатать свои стихотворенія въ разныхъ издаваемыхъ тогда альманахахъ, а въ 1830 году издалъ самъ альманахъ для юношества, подъ названіемъ «Утренняя Заря» замѣчательный быстрой распродажей всего изданія. Во время похода противъ польскихъ мятежниковъ, въ 1831 году, Марковъ началъ писать большую повѣсть въ стихахъ: «Мятежники» и издалъ ее въ 1833 году. Повѣсть эта была одобрительно встрѣчена читающей публикой.

Съ 1834 года послѣдовало небывалое до того времени литературное явленіе: книгопродавецъ А. Ф. Смирдинъ сталъ издавать журналъ «Библиотека для чтенія» и началъ платить за статьи деньги. Маркову было предложено за его прозу по 200 рублей съ печатнаго листа (разумѣется ассигнаціями), онъ сдѣлался постояннымъ участникомъ смирдинскаго журнала, а въ 1835 году, съ половины лѣта въ продолженіи 5 мѣсяцевъ, велъ въ въ этомъ журналѣ отдѣлъ литературной лѣтописи. 1835 годъ «Библиотеки для чтенія» былъ началъ стихотвореніемъ Маркова, имя котораго потомъ часто встрѣчалось въ этомъ журналѣ между именами тогдашнихъ знаменитостей.

Въ 1838 году, Марковъ собралъ въ три небольшихъ томика разбросанныя по разнымъ изданіямъ его стихотворенія и повѣ-

сти и издалъ ихъ подъ названіемъ: «Мечты и Были», помѣстивъ въ 1-й части стихотворенія, а въ остальныхъ двухъ—прозу. Сочиненія Маркова были встрѣчены общимъ одобреніемъ.

Михаилъ Александровичъ былъ однимъ изъ немногихъ представителей старинныхъ литераторовъ, которые любили русское слово искренне и служили ему всѣми силами безкорыстно и преданно; нпногда не искали они въ трудахъ по изящной словесности выгоднаго себѣ заработка, считая способность служить изящному слову даромъ, непосланнымъ свыше, и не подлежащимъ, по достоинству своему, оцѣнкѣ со стороны матеріальной. Михаилъ Александровичъ написалъ, между прочимъ, нѣсколько драматическихъ произведеній, но они успѣха не имѣли. Скопчался онъ, въ чинѣ генераль-лейтенанта, 19-го мая 1876 года въ г. Вильно. Какъ знакъ нашего уваженія къ памяти умершаго поэта, потрудившагося въ свое время на пользу отечественной литературы, помѣщаемъ его портретъ и одно изъ его стихотвореній «Весна на Бугѣ».

Свѣтило полудня, какъ шаръ золотой,
Въ лучахъ благотворныхъ горитъ надъ землей;
Природа явилась въ зеленой порфирѣ,
Изъ розъ благовонныхъ надѣла вѣнецъ;
Все живію новой красуется въ мірѣ.
Безъ умолку свещетъ дубравный пѣвецъ,
Чаруя окрестность мелодіей чудной;
Лука засмѣялся, серебритъ потокъ;
И, рѣзвый долины явленецъ, мотылекъ
Вружится въ эфиръ, какъ листъ изумрудный.

ВСТРЕВОЖЕННЫЙ ГОРОДЪ.

(Картины губернской жизни)

(Окончаніе).

IX.

Животрепещущая новость о томъ, что вновь пріѣхавшій въ губернской городъ N господинъ, заинтересовавшій собою наканунѣ вечеромъ „всю благородную публику“ въ театрѣ, оказался, по сдѣланнымъ справкамъ, вовсе не господинъ, а политическій преступникъ, произвела видимо не только на „всю благородную публику“, бывшую на именинномъ пирогѣ, но и на самого рассказывающаго о ней, странное впечатлѣніе. Доримедонтъ Гавриловичъ, трубившій сначала ужасающимъ басомъ и оновѣщавшій „о новости“ нѣсколько даже грубоватымъ и пренебрежительнымъ тономъ, самъ измѣнилъ его, дойдя до того мѣста новости, гдѣ пріѣзжій превращался въ политическаго преступника, и проговорилъ эти послѣднія два слова таинственнымъ шопотомъ. При этомъ онъ даже оглянулся по сторонамъ, точно опасаясь чего-то.

Гости, столпившіеся тѣсной кучей вокругъ Доримедонта Гавриловича, тяжело дышавшаго, какъ по причинѣ своей неимовѣрной тучности, такъ и вслѣдствіе возбужденнаго душевнаго состоянія, тоже оглянулись по сторонамъ, инстинктивно подражая ему.

— Что же это такое за исторія, Доримедонтъ Гавриловичъ, какъ это случилось? приставали гости.

— Да какъ случилось? какъ случилось? передразнивалъ Доримедонтъ Гавриловичъ, случилось, должно быть, очень обыкновенно: спалили голубчика—ну и капуть.

Онъ все еще тяжело дышалъ и не могъ съ достаточною подробностію рассказывать о томъ, о чемъ видимо и самъ желалъ хорошенько объяснить. Въ дѣйствительности онъ, можетъ быть, и зналъ по поводу отсутствія настоящаго званія пріѣзжаго только то, что „это вовсе не господинъ“, ну, а ужъ „политическій преступникъ“ какъ нибудь самъ, случайно, попалъ ему на языкъ и затѣмъ уже подробности должны были сами собою обязательно явиться. Можно даже допустить, что чѣмъ больше прошло бы времени, пока Доримедонтъ Гавриловичъ „отдышется“, тѣмъ ярче, краснорѣчивѣе и занимательнѣе были бы подробности о политическомъ преступникѣ.

Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ,

можетъ быть, словамъ Доримедонта Гавриловича было бы дано меньше вѣры, чѣмъ случилось въ описываемую минуту, меньше потому, что онъ иной разъ сильно любилъ приврать, въ чемъ, впрочемъ, и самъ откровенно сознавался, говоря, что „безъ вранья и рѣчь не красна“. Но теперь какъ то вдругъ все объ этомъ забыли и именно вдругъ какъ-то все каждому его слову стали давать настоящую цѣну.

Впрочемъ, между гостями нашелся человекъ, который нѣсколько спокойнѣе и съ сознаниемъ собственнаго достоинства отнесся къ извѣстію, принесенному Доримедонтомъ Гавриловичемъ; человекъ этотъ, повидимому, не забылъ, что Доримедонтъ Гавриловичъ любить „испечпрятъ свою рѣчь блестящими лживаго краснорѣчія“ и потому къ извѣстію, принесенному имъ, отнесся съ нѣкоторою долею сомнѣнія.

Человекъ этотъ былъ о. протоіерей.

Онъ тихо отстранилъ рукою нѣкоторыхъ изъ близъ его тѣснившихся, и проходя ближе къ тому мѣсту, гдѣ возсѣдалъ, въ видѣ допотопнаго мастодонта, Доримедонтъ Гавриловичъ, перебилъ вопросы гостей.

— До меня объ этой новости, началъ онъ, обращаясь лицомъ въ ту и другую сторону и видимо приглашая этими поворотами головы всѣхъ ко вниманію,—до меня объ этой новости уже неоднократно въ теченіи послѣднихъ трехъ дней доходили слухи и, не скрою, весьма противоположные одинъ другому. Вслѣдствіе именно этихъ несчастныхъ противорѣчій, я никакъ не могъ надлежащимъ образомъ освѣдомиться, что это за таинственное лицо...

Не смотря на то, что о. протоіерей говорилъ очень ласковымъ и мягкимъ голосомъ и не переставалъ дѣлать движенія головой, обращая взгляды на всѣхъ его окружающихъ лицъ и призывая ихъ этимъ ко вниманію,—не смотря на все это, рѣчи его не суждено было продолжиться долѣе.

Публика при всемъ уваженіи къ своему духовному пастырю, не могла удержаться, чтобы не замаять самымъ безцеремоннѣйшимъ образомъ его рѣчи, видя что въ ней нѣтъ именно того, о чемъ она такъ жаждетъ знать.

Протоіерей попробовалъ было еще раза два повернуть головой въ ту и другую сторону, въ видахъ воз-

становленія тишины, но видя, что это рѣшительно не удается, поправилъ на груди крестъ и медленно отошелъ прочь, какъ человѣкъ обиженный.

— Доримедонтъ Гавриловичъ! Доримедонтъ Гавриловичъ! приставали всѣ къ Доримедонту Гавриловичу, — вѣдь это должно быть что нибудь въ самомъ дѣлѣ очень важное, когда вдругъ этакую, можно сказать, птицу изловили.

Доримедонтъ Гавриловичъ уже отдышался и снова началъ трубить на весь залъ своимъ ужасающимъ голосомъ.

Отецъ протоіерей попробовалъ было снова овладѣть вниманіемъ публики, если ужъ на этотъ разъ не всей, то хотя нѣкоторой ея частію, и началъ:

— Небезъосновательно смѣю предположить, что сообщаемое достопочтеннымъ Доримедонтомъ Гавриловичемъ должно быть разсматриваемо отчасти, какъ игра ума....

Но ему невозможно было бороться съ Доримедонтомъ Гавриловичемъ, во первыхъ, и потому, что отецъ протоіерей имѣлъ голосъ тихій и мягкій, говорилъ медленно и съ значительными остановками, а Доримедонтъ Гавриловичъ, какъ сказано было, басилъ необычайнымъ голосомъ и не смотря на свою тучность, говорилъ скоро. Пока отецъ протоіерей могъ сказать два три слова, Доримедонтъ Гавриловичъ выбрасывалъ ихъ двадцать.

— Игра ума! Игра ума! забасилъ онъ еще громче, нѣтъ, это вамъ доложу, не игра ума, а самыя точныя свѣдѣнія, полученныя, можно сказать, изъ первыхъ рукъ.

Такимъ образомъ и та небольшая часть публики, вниманіемъ которой намѣревался овладѣть о. протоіерей, была снова заполонена Доримедонтомъ Гавриловичемъ.

О. протоіерей только и замѣтилъ обиженнымъ голосомъ.

— Конечно, не могу оспаривать, но имѣю намѣреніе предположенія мои сохранить при себѣ...

Онъ снова поправилъ на груди у себя крестъ, и какъ ни было ему интересно знать, какія именно подробности хочетъ сообщить Доримедонтъ Гавриловичъ, онъ все таки преодолѣлъ любопытство и отошелъ отъ него въ другую часть комнаты.

Не успѣлъ Доримедонтъ Гавриловичъ рассказать подробностей, какъ явился на имянины помощникъ почтмейстера и высказалъ свои соображенія по поводу дипломатическихъ пріемовъ Семена Егоровича. Когда потомъ онъ объяснилъ, что полиціимейстеръ ѣхалъ съ нимъ, какъ говорилъ, къ имяниннику, а вмѣсто того угналъ куда-то въ другое мѣсто, и когда, наконецъ, вновь прибывшій гость заявилъ, что сейчасъ видѣлъ полиціимейстерскую пару у подъѣзда гостиницы „Варшава“, гдѣ собственно, былъ по общимъ отзывамъ захваченъ преступникъ—предположенія и разсужденія о немъ разрослись до той степени невѣроятностей, при выслушиваніи коихъ, по извѣстному мнѣнію, вянуть человѣческія уши. Начались, конечно, споры и неизбѣжный при этомъ громкій говоръ.

— Что? Что? Игра ума! торжествовалъ Доримедонтъ Гавриловичъ, направляя свою рѣчь къ стоявшему вдали о. протоіерею—вотъ вамъ и игра ума!

— Но позвольте, вступился наконецъ адвокатъ, имѣвшій кровожадное выраженіе лица,—вы же сами, Доримедонтъ Гавриловичъ доказывали, что это неизвѣстное лицо по изслѣдованіямъ оказалось политическимъ преступникомъ, а теперь, какъ можно заключить изъ подробки обстоятельности дѣла, показаніе ваше оказывается несправедливымъ.

— Какое показаніе? забасилъ Доримедонтъ Гавриловичъ, какое показаніе? Развѣ я на судѣ что-ли здѣсь? Да съ чего вы ко мнѣ съ такими словами пристааете? Я имѣю свои основанія, я слышалъ, я дѣлаю свое заключеніе...

— А—а! протянулъ адвокатъ, это уже новыя обстоятельства, которыя ранѣе не имѣлись въ виду.

— Новыя-ли, старыя-ли, чортъ возьми, все равно, кипятилась публика,—тутъ важенъ вопросъ вовсе не объ этомъ, а о томъ, кто именно это новое лицо.

Такъ или иначе, но авторитетъ Доримедонта Гавриловича пошатнулся. Публика отъ него отхлынула и распалась на нѣсколько частей. Въ одномъ углу толпились гости около адвоката, въ другомъ около о. протоіерея. Мировой судья подходилъ то къ той, то къ другой группѣ и ни тамъ, ни здѣсь не могъ хорошенько разслушать всего, о чемъ говорилось, хотя давно уже вытаскилъ изъ ушей всю вату. Переходъ его поочередно отъ одной группы къ другой именно тѣмъ и объясняется, что онъ страдалъ стрѣльбою въ ухахъ и плохо слышалъ.

Помощникъ почтмейстера присталъ къ одной изъ группъ и старался доказать, что это „не спроста“ и что тутъ непременно замѣшано почтовое вѣдомство.

Онъ приложилъ указательный палецъ ко лбу, прищурилъ лѣвый глазъ и таинственнымъ шопотомъ началъ было что-то излагать по поводу политики „дипломата“ Семена Егоровича и губернскаго почтмейстера; но его на первыхъ же словахъ перебилъ лѣсничій, давно раскраснѣвшійся по случаю имянинъ и увѣрившій убѣдительношимъ тономъ, что вся „эта исторія“ идетъ отъ лѣснаго департамента. Хотя языкъ его уже сильно заплетался и слова едва едва выговаривались, но этотъ маленькій недостатокъ онъ старался пополнить жестикомъ кулаціей. Нотариусы съ своей стороны говорили, не слушая ни лѣсничаго, ни помощника почтмейстера, и припоминали какое-то дѣло по совершенію купчей крѣпости, имѣвшее, будто бы, связь съ таинственнымъ пріѣздомъ чиновника отъ министерства юстиціи; членъ казенной палаты съ своей стороны доказывалъ, что пріѣзжій—должно быть чиновникъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а не юстиціи; протоіерей, хотя и не высказывалъ никакихъ предположеній въ смыслѣ опасенія за ревизію, но втайнѣ думалъ, что если ужъ ревизія какая, то непременно отъ консисторіи! Одни кушцы помалчивали и пугливо посматривали на громко кричавшихъ гостей, мысленно сваливая все на волю Божію, да Доримедонтъ Гавриловичъ басилъ на весь залъ, что никакой ревизіи ни отъ какого министерства нѣтъ и быть не можетъ, потому что по его уголовному дѣлу есть въ министерствѣ сильная рука, могущая „всегда и во всякое время“ его защитить.

Изъ всего этого безпорядочнаго говора нельзя было понять, для чего люди такъ горячо говорятъ и кричатъ въ то время, когда ихъ словъ никто не слушаетъ.

Странно было, между прочимъ и то, съ чего такъ всѣ вдругъ стали воображать, что это „непремѣнно ревизія“. И замѣчательно: если бы въ самомъ дѣлѣ вдругъ случилась ревизія, пріѣхалъ бы сенаторъ, то ни въ какомъ случаѣ его пріѣздъ не произвелъ бы такого переполоха, а прямо бы и сразу бы все опредѣлилось въ немногихъ словахъ: „пріѣхалъ, молъ, сенаторъ такой-то, и будетъ ревизовать“—и только. Одни, можетъ быть, испугались бы, другіе поморщились бы и собственно только въ видахъ предстоящихъ хлопотъ и дѣлъ, неизбѣжныхъ при всякой ревизіи. Но здѣсь было нѣчто совсѣмъ другое и совсѣмъ не одна боязнь и страхъ за послѣдствія какихъ либо своихъ дѣяній; здѣсь было нѣчто особое и всего болѣе имѣющее причинъ къ развитію любопытства и къ порожденію всяческихъ предположеній, именно была таинственность, неизвѣстность, именно она раздражала любопытство, она порождала предположенія, ссоры и всякія имъ подобныя явленія. Была скука и однообразіе провинціальной жизни, жажда новостей, впечатлѣніи; вотъ дорвались до нихъ—и пошла писать, даже до невѣроятнаго.

Именно, кажется, весь переполохъ произошелъ отъ

того, что дождалась люди случая, обрадовались и сами незамѣтили, въ своемъ увлеченіи новостью, что истрепали ее до послѣдней степени неузнаваемости.

Х.

— Вздоръ! Вздоръ! Я знаю все! Лично видѣлъ его

опять и вдругъ оживились и напустились на вошедшаго.

— Кто рассказывалъ? Что?

— Да тотъ, какъ его, пріѣзжій...

— Да кто же онъ-то, кто онъ такой?

— Рассказывалъ самъ лично. Сейчасъ мнѣ знакомый

Благородный или царственный орелъ. Рисов. Саржанъ, грав. Тришонъ.

и слышалъ, какъ онъ рассказывалъ... завизжалъ кто-то, вдругъ впохыхахъ входя въ залъ и сразу понявъ еще въ прихожей, что споръ идетъ именно о томъ предметѣ, о которомъ онъ только что хотѣлъ возвѣстить.

— Я слышалъ самъ лично, какъ онъ рассказывалъ... Новое лицо, новыя вѣсти, новыя соображенія. Всѣ

купецъ говорилъ.

— Да вы скажите толкомъ, кто онъ?

— Охъ, отстаньте пожалуйста, почему я знаю, кто онъ! говорятъ вамъ, что онъ говорилъ одному знакомому, а этотъ знакомый говорилъ купцу, а купецъ говорилъ мнѣ...

Библиотека "Руниверс"

Корыстный поцѣлуй. Съ картини Комана, рис Команъ, грав. Свитонъ-Тилли.

утѣшить публику, на сколько позволяли обстоятельства дѣла.

— Что ужь тутъ посмотрѣть, теперь уже ясное дѣло... уныло замѣтили нѣкоторые изъ гостей.

— Да-съ, не могу не сознаться и чистосердечно, что и впалъ въ большое заблужденіе, предполагая въ этомъ приѣзжемъ дѣйствительно весьма значительную особу! со вздохомъ проговорилъ о. протоіерей.

Но на его слова отвѣта никто не далъ.

Всѣ вдругъ какъ-то смолкли и приуныли, точно имъ совѣстно стало за свои недавніе споры и предположенія. Разумѣется, эта совѣстливость была непродолжительна.

Черезъ нѣсколько минутъ, все забылось, и жизни опять пошла „своимъ чередомъ“ съ неизмѣнными жалобами на скуку и однообразіе.

Д. Стахѣевъ.

Восточные отголоски *).

VIII.

На камнѣ, у пыльной дороги,
Болгарка въ лохмотьяхъ сидитъ;
То шепчетъ она, то застонетъ,
То на небо долго глядитъ...

* * *
«Мужа повѣсили... старшій мой сынъ
Замертво палъ подъ Бѣлной;
Схваченъ и проданъ мой мальчикъ второй...
Проданъ!.. Тоска и кручина!

* * *
Оба сыночка пропали,
Только и радость—одна
Дочка осталась... Съ печали,
Вижу, худѣетъ она.
Еле бѣдняжка ходила.
Я уложила ее...
Только все ныло, да ныло
Чуткое сердце мое —
Чуяло новое горе!...
Ночью явились они...
Выстрѣлы... крики... и вскорѣ
Вспыхнули ярко огни...

* * *
Спрячься, дитяtko!...
— «Не стонъ!
Погляди—ужь занятъ дворъ»...
Загорѣлись, вижу, очи
И она, схвативъ топоръ,
Подбѣжала къ самой двери, —
Я за нею... Въ этотъ мигъ
Ворвались башки-бузуки —
Вотъ ударъ и дикій крикъ!
Первый грузинъ повалился...
Снова звякнулъ нашъ топоръ...
Что потомъ—совѣмъ не помню —
Затуманился мой взоръ.
Сердце сжалось, кровь застыла —
Видно, смертный часъ насталь...
Но я слышала, какъ будто
Кто-то жалобно стоналъ.

Упокой со святыми, о, Господи,
Души рабъ Твоихъ Ты упокой!
Я на свѣтѣ теперь, одинешенька...
Быть пора мнѣ во землицѣ сырой...

Прекрати мои страданія,
Допусти меня туда,
Гдѣ печаль и воздыханія
Умолкаютъ навсегда!

IX.

Утро. Солнце свѣтитъ ярко.
На базарѣ шумно, людно;
Тутъ армяне, венгры, турки...
Къ торгашамъ пробраться трудно.

«Завоевано довольно!
Такъ вести войну—доходно!
А живого-то товару
Сколько дупенькѣ угодно.

За безцѣнокъ пару юныхъ
Герцеговинокъ, болгарокъ!
Есть и мальчики—на выборъ...
Не покупка, а подарок!

У одной изрядной кучки
Много публики—и взоры
Привлекаютъ тутъ сережки,
Кольца, женскіе уборы.
Все—военные трофеи—
То-то былъ грабежъ богатый!
«Слава вѣчная Аллаху!»...
И кричить черкесь мурзатый:
—«Эй! Вотъ, съ пальчикомъ колечко,
Ничего—въ крови немножко...
Ухо женское, а въ ухѣ
Драгоценная сережка.

Двѣ руки—съ браслетомъ обѣ,
Снять браслеты было трудно!»...
Ярко въ небѣ солнце свѣтитъ,
На базарѣ шумно, людно...

Щ.

Корыстный поцѣлуй.

(Съ картины Комана).

Предъ нами картинка, изображающая домашнюю сцену изъ той жизни, отъ которой насъ отдѣляютъ многія, отошедшія въ вѣчность столѣтія. Но прошли вѣка, измѣнились обычаи, нравы, костюмы—чувства же человѣческія остались неизмѣнны, и по прежнему живутъ въ сердцахъ людей, управляя вмѣстѣ съ разумомъ ихъ дѣйствіями и поступками. На картинѣ мы видимъ мать, пришедшую къ своей маленькой дочкѣ съ подаркомъ, который она скрываетъ покуда, держа за спиной.

Но зоркая дѣвочка уже смекнула въ чемъ дѣло, увидѣвъ изъ-за спины матери торчащую ножку куклы. Вся нагая, вскочила она на скамеечку, и, протягивая рученки къ лицу матери, торжественно поцѣлуетъ, горя желаніемъ получить скорѣе подарокъ. Какъ довольна она, видя такую взаимную любовь, и какъ наивельны ихъ взаимный обманъ!

Глядя на эту семейную картинку, припоминаются стихи Я. П. Полонскаго:

Радуйся, зиждительница рода!
Домъ твой—вѣтвь растущаго народа;
Въ той странѣ, гдѣ разоренъ твой домъ,
Города разлятятся, какъ Содомъ.
Собственнымъ достоинствомъ хранима,
Ты идешь,—молвой неуживима,
Радуйся блаженная жена!
Твой очагъ семейный согрѣваетъ
Свѣжихъ чувствъ и мыслей сѣмена,
Вѣчно новой жизни закипаетъ
Вкругъ тебя шумящая волна.
Все, что ты любовью и терпѣньемъ
Воспитала, отъ тебя уйдетъ—
Но уйдетъ съ твоимъ благословеньемъ
Съ памятью святыхъ твоихъ заботъ...

Архимандритъ Дучичъ, предводитель сербскихъ добровольцевъ.

Славянская борьба противъ турецкаго ига имѣетъ за собою, можно сказать, симпатіи всей лучшей части человѣчества, заставляетъ усиленно биться сердце всякаго, не погрязшаго окончательно въ мертвомъ меркантильномъ морѣ расчетовъ и вы-

годъ. Почти со всѣхъ концовъ земли стекаются къ страждущему народу пожертвованія деньгами и вещами.

* См. «Вѣра», № 30.

Цѣлыя толпы волонтеров стекаются отовсюду на поле славянской борьбы за свободу и свои человѣческія права.

Эти волонтеры или по сербски «добровольцы» — по истинѣ — лучшая часть человечества, люди, не боящіеся претворить слово въ дѣло и собственной кровью записать горячія симпатіи свои къ угнетеннымъ народамъ.

Въ сербскихъ войскахъ много подобныхъ добровольцевъ, принадлежащихъ ко всевозможнымъ націямъ. Добровольцы эти или примкнули и слились съ регулярными войсками, или дѣйствуютъ какъ партизаны, подъ командою вождей, тоже добровольно взявшихся за это трудное дѣло.

Къ такимъ вождямъ «добровольскихъ четъ» принадлежитъ интересная личность архимандрита Дучича, храброго монаха — воина, прославившагося, какъ искусный военачальникъ. Онъ командуетъ значительнымъ отрядомъ въ три тысячи слишкомъ человѣкъ добровольцевъ и состоитъ при корпусѣ генерала Михаила Григорьевича Черняева. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ офицеровъ, находящихся при отрядѣ архимандрита Дучича, наступательное движеніе этого отряда.

Изъ этого описанія читатель увидитъ, что для веденія войны при такихъ путяхъ сообщенія и неудобствахъ, какія встрѣчалъ отрядъ Дучича, нужны недюжинныя военачальническія способности. «Нашей первоначальной цѣлью была Свѣница или Нови-Базаръ. Дучичъ уже находится на границѣ, намъ же осталось еще пять часовъ ходьбы по весьма дурной и трудной дорогѣ, при безпрестанно льющемъ дождѣ.

Въ виду этого, смотря на это, расположившись у входа солдаты отлично, продовольствіе хорошо и изобильно. Дорога, однако, такова что можно свернуть себѣ шею; намъ приходится идти по тропинкамъ черезъ высія горы, мимо пропастей, угрожающихъ гибелью. Солдаты съ величайшимъ трудомъ карабкаются на утесы, по ихъ мужество, ихъ желаніе сразиться, одушевляеть даже отсталыхъ.

Войска идутъ гуськомъ, такъ что колонны имѣютъ видъ безконечныхъ цѣпей. Горы очень высоки, долины же чрезвычайно узки».

Изъ Иваницы въ Рашку отряду пришлось идти три дня; переходъ былъ страшенъ, погода постоянно бурная; повозки положительно не могли слѣдовать за войскомъ. Одна попытка везти повозку далѣе окончилась несчастно: и повозка, и лошади скатились въ пропасть и разбились.

Тропинки такъ узки, что по нимъ можетъ идти только одинъ человѣкъ, да и то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ опасностью жизни; отрядъ подвигался по одиночкѣ. Чтобы избавиться отъ грязи, многие отправились верхомъ; дорога чрезвычайно опасна. Одинъ всадникъ, ѣхавшій верхомъ, усталъ вмѣстѣ съ лошадыю; лошадь полетѣла въ бездну, а всадникъ имѣлъ настолько присутствія духа, что удержался за выступ скалы.

Кромѣ этихъ затрудненій встрѣчались и другія: отряду приходилось переходить въ бродъ вышедшіе изъ береговъ горные ручьи; вода доходила иногда до шеи лошадей; ручьи крайне быстры, но вода въ нихъ хороша и чиста. Горныя орудія перевозятся на хребтахъ лошадей.

5-го іюля Дучичъ завязалъ дѣло при Рашкѣ и Борѣ, и самъ лично принималъ участіе въ битвахъ. Вотъ разсказъ очевидца объ этой битвѣ: При лунномъ свѣтѣ это было страшно-прекрасное зрѣлище. Непосредственно передъ Рашкой мы услышали ружейные выстрѣлы; турки бѣжали изъ блокгауза и покинули на дорогѣ обозъ, провіантъ и знамена. Въ Рашкѣ мы нашли огромныя массы турецкихъ вещей, принесенныхъ туда изъ блокгауза. Книгъ, ковровъ, биссаговъ (вышитыхъ сѣдельныхъ чехловъ), зарфовъ (серебряныхъ кофейниковъ), шалей, оружія, табаку — всего было въ изобиліи. Вдругъ мы услышали, что турецкій блокгаузъ горитъ; послѣдній построенъ изъ камня и необыкновенно крѣпко; долго наши выстрѣлы ничего не могли подѣлать, наконецъ одна граната влетѣла въ блокгаузъ черезъ окно и зажгла его.

Затѣмъ 8 (20) іюля храбрый архимандритъ Дучичъ выдержалъ со своимъ отрядомъ упорное семичасовое сраженіе съ 4,000 регулярныхъ турецкихъ войскъ между Лимомъ и Увицею. Турки были обращены въ безпорядочное бѣгство и были преслѣдуемы Дучичемъ до самыхъ укрѣпленій Нова-Вароша. Турки, какъ, нападавшіе, потеряли гораздо большій уронъ, чѣмъ сербы. Послѣ этого и Нова-Варошъ началъ обстрѣиваться отрядомъ архимандрита Дучича.

Намъ не разъ уже приходилось описывать тѣ недостойныя уловки и подлости, къ которымъ турки часто прибѣгаютъ въ настоящей войнѣ, чтобы такъ или иначе истребить побольше ненавистныхъ имъ христіанъ *). Такъ и теперь, когда Дучичъ бомбардировалъ Нова-Варошъ, турки поставили на укрѣпленіи подѣ пушечныя ядра сербскихъ женщинъ и дѣтей! Многія изъ нихъ были поражены сербскими пулями, но Нова-Варошъ былъ наконецъ взятъ, и сербы лихо отплатили туркамъ за смерть женщинъ и дѣтей. Послѣ этого боя турки распустили ложный слухъ о своей мнимой побѣдѣ, но слухъ этотъ, какъ и многіе подобные же, на другой день опровергся, къ вящему стыду турокъ.

Главные силы архимандрита Дучича долго оставались у Нова-Вароша, тогда какъ мелкіе отряды изъ нихъ, временно выдѣляясь, ведутъ партизанскія схватки съ турецкими войсками, то отражая нападеніе, то препятствуя какому-нибудь движенію, то отнимая припасы и оружіе у турокъ.

Архимандритъ Дучичъ съ своимъ отрядомъ волонтеровъ составляетъ неопѣнимое сокровище для главнокомандующаго и подъ руководствомъ искуснаго стратегика можетъ совершать чудеса, тѣмъ болѣе, что подобно своему духовному предводителю, и добровольцы проникнуты энтузіазмомъ и львиною храбростью.

Въ одной изъ телеграммъ, именно отъ 30-го іюля (11-го августа), мы съ грустью читаемъ извѣстіе, что Архимандритъ Дучичъ тяжело раненъ. Дай Богъ, чтобы рана эта не была смертельною, потому что въ настоящія минуты подобные Дучичу бойцы необходимы для Сербіи и вообще для славянской борьбы.

Вис.

Архимандритъ Дучичъ, предводитель сербскихъ добровольцевъ. Рисов. и грав. Болгарскій.

БЛАГОРОДНЫЙ ИЛИ ЦАРСТВЕННЫЙ ОРЕЛЪ

(L'ÉAIGLE ROYAL)

Царь птицъ, орелъ, также и царь звѣрей, левъ, рѣзко отличается между пернатыми своимъ отважнымъ и гордымъ взглядомъ, величественною осанкою и неустрашимою смѣлостію. Къ этимъ качествамъ орла надо присоединить его силу, зоркость и хищность. Орлы принадлежатъ къ числу самыхъ большихъ птицъ, живущихъ на земномъ шарѣ, и уступаютъ въ величинѣ развѣ только древнимъ грифамъ, называемымъ нынѣ кондорами, то есть американскимъ орламъ, гнѣздящимся на высотахъ Кордильеровъ и Андесовъ. Тѣло орловъ коренастое, сложено крѣпко, когти ихъ необыкновенно сильны, такъ что пойманная птица или захваченное животное сжимаются могучими лапами орла, какъ желѣзными клещами. Голова орловъ

не очень велика, но за то обладаетъ сильнымъ и крѣпкимъ клювомъ, загнутымъ на концѣ въ видѣ крючка. На верхней челюсти, вмѣсто зуба, бываетъ выемка. Глаза орла огненные, смѣло и зорко глядящіе на предметъ его вниманія, крылья длинныя, доходящія съ маховыми перьями до конца хвоста, а отъ этого полетъ его высокій и сильный. Отличительный признакъ орловъ состоитъ въ томъ, что перья затылка и задней части шеи бывають заострены или удлиннены въ хохолъ.

Орлы обитають на всемъ земномъ шарѣ, но нѣкоторыя страны особенно изобилуютъ ими, по преимуществу же страны го-

* См. статью «Предводители сербскихъ войскъ», № 31 «Нивы».

Взятие Возлюбленной Матери на небо. Картина Мурильо, рис. на дереве Вальтер, грав. Богерть.

риптия, какъ, напримеръ, нашъ Кавказъ или вся Альпійская система, сообщившая даже этой породѣ хищныхъ птицъ названіе альпійскихъ орловъ. Впрочемъ, разнообразіе формъ орловъ заставляетъ убедиться, что не всѣ виды ведутъ одинаковый образъ жизни, и не всѣ живутъ въ одинаковыхъ мѣстностяхъ. Такъ мы знаемъ породы, живущія въ раздольныхъ лѣсахъ, или у береговъ морей, или даже на равнинахъ, но любимымъ мѣстопребываніемъ самыхъ большихъ и самыхъ хищныхъ орловъ являются высокие гребни горъ и неприступныя скалы надъ пропастями. Въ подобныхъ мѣстностяхъ орлы съ необыкновенною смѣлостью нападаютъ даже на такихъ враговъ, на которыхъ никогда бы не рѣшились напасть въ другомъ мѣстѣ, какъ напримеръ на быковъ, оленей и даже человѣка. Если орлы замѣчаютъ, что человѣкъ остановился на краю пропасти, то они съ быстротою молнии падаютъ на него и сильными ударами своихъ могучихъ крыльевъ стараются сбить въ пропасть, а если уже этотъ маневръ удался, то участь жертвы неизбежна: разбившись о камни и острые выступы пропасти, животное или человѣкъ достаются въ пищу смѣливой птицѣ.

Во времена покоренія русскими Кавказа былъ одинъ весьма замѣчательный случай съ солдатомъ, внезапно застигнутымъ у пропасти орломъ. Заблудившись въ горахъ, онъ нечаянно наткнулся на передовую черкесскій постъ и былъ замѣченъ черкесами, которые, ни мало не медля бросились на него. Опытный солдатъ, очень хорошо понимая съ кѣмъ имѣетъ дѣло, искалъ спасенія въ густой растительности ущелья, которая и скрыла его отъ глазъ враждебныхъ черкесовъ: случайно имѣя при себѣ веревку, онъ укрѣпилъ одинъ конецъ ея у корня дерева и началъ спускаться внизъ. Такъ миновала для него опасность отъ черкесовъ, но наступила бѣда, не менѣе ужасная и грозная. Орелъ, замѣтивъ съ высоты спускавшагося человѣка и, конечно, сообразивъ опасность его положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность овладѣть имъ, какъ добычей для своего обѣда, началъ свое нападеніе на веревку и учащенными ударами когтей и клюва старался перервать ее; намѣреніе орла уже было близко къ осуществленію: веревка сдѣлалась въ одномъ мѣстѣ такъ тонка, что еще одно или два усилія орлиного клюва порвали бы спасеніе несчастнаго солдата; но избавителемъ его явился другой орелъ, и два могучихъ соперника вступили за обладаніе лакомымъ блюдомъ въ ожесточенной бой, слепая ущелья крикомъ и шумомъ крыльевъ. Пользуясь этимъ, солдатъ уногреблялъ всѣ усилія, чтобы спуститься и наконецъ вышелъ на уступъ, откуда и возвратился къ своему полку.

На прилегаемомъ ргеункѣ, среди неприступныхъ утесовъ высокихъ горъ, мы видимъ орлиное гнѣздо, свитое изъ сухого хвороста и оберегаемое зоркимъ самцомъ; самка же летаетъ вокругъ положенныхъ яицъ, чтобы сѣсть на нихъ и высидѣть будущихъ орлятъ. Сѣвренія породы орловъ принадлежатъ къ птицамъ перелетнымъ и къ холодному времени удаляются въ страны теплыя, но и породы южныя, хотя приназаны къ мѣсту, но все таки ведутъ жизнь кочевую, оставаясь дома лишь во время вывода дѣтей, а то почти все время дня и ночи проводятъ въ хищничествѣ, удѣляя весьма мало для сна и отдыха; при этомъ дерзость орловъ доходитъ до того, что они, не стѣсняясь присутствіемъ злѣйшаго и опаснѣйшаго врага своего — человѣка, прилетаютъ въ села и, въ виду жителей, уносятъ барановъ, куръ, утокъ, поросятъ и другихъ домашнихъ животныхъ и птицъ.

Между чувствами первое мѣсто занимаетъ у орла зрѣніе, затѣмъ, у него превосходно развитъ слухъ, что доказывается тѣмъ, что плѣнный орелъ всегда бывалъ тихъ и спокоенъ при мелодической музыкѣ и, напротивъ, обнаруживалъ видимое безпокойство и отвращеніе при рѣзкихъ и громкихъ звукахъ. Вкусъ орла замѣтенъ въ томъ, что содержаемый въ клеткахъ зоологическихъ садовъ, онъ охотно ѣстъ брессанное ему мясо позвоночныхъ животныхъ, менѣе охотно мясо рыбъ и птицъ и, наконецъ, отвергаетъ положительно мясо разныхъ тавовъ: ящерицъ, лягушекъ, змѣй, жабъ и проч. Относительно обонянія нѣтъ положительныхъ доказательствъ, но сопоставляя его съ развитіемъ другихъ чувствъ, надо думать, что и обоняніе орла не оставлено природою безъ вниманія. Относительно умственныхъ способностей орла трудно произнести рѣшительный приговоръ, но судя по многимъ даннымъ, слѣдуетъ заключить, что онъ одаренъ большимъ умомъ. Такъ, напримеръ, свои хищническіе набѣги орелъ совершаетъ весьма обдуманно и соображается всегда съ обстоятельствомъ. Онъ всегда особенно бдитель въ мѣстахъ, гдѣ не встрѣчалъ отпора и ружейныхъ выстрѣловъ, но гдѣ застала его опасность, хотя бы одинъ разъ, онъ или не является вовсе или является въ неожиданное время, когда вполнѣ увѣренъ въ совершенной безопасности. Обдуманность въ его дѣйствіяхъ замѣчена не по отношенію къ одному человѣку, но и другимъ животнымъ и подѣ часъ перехитриваетъ онъ даже пресловутую лису. Но тотъ же самый человѣкъ, котораго такъ боятся орлы на волѣ, дѣлается его первымъ другомъ въ неволѣ. Плѣнные орлы, заключенные въ обширныя клетки зоологическихъ садовъ, выказываютъ необыкновенную радость при приближеніи къ нимъ директоровъ, надзирателей или садовыхъ сторожей, если они ласково сбращаются съ ними и, наоборотъ: бьютъ крыльями и даже клювомъ тѣхъ, которые дразнятъ и мучатъ ихъ и, не смотря на свой плѣнъ, об-

наруживаются къ своимъ мучителямъ какое-то гордое и осмысленное презрѣніе.

Орлы, подобно льву, имѣютъ много великодушія въ своемъ характерѣ и никогда не нападаютъ на животныхъ или птицъ безъ необходимости, то есть если ихъ не побуждаетъ къ тому голодъ, и никогда не походятъ на кровожадныхъ ястребовъ или коршунговъ, такъ безпощадно и безжалостно истребляющихъ единственно по кровожадности и небудучи никогда въ состояніи сѣсть столько сколько задумать беззащитныхъ жертвъ. Но и не всѣ породы орловъ одинаковы: ихъ раздѣляютъ многіе на два разряда — орловъ *благородныхъ* или такъ называемыхъ *натуральныхъ* орловъ и на орловъ *неблагородныхъ*. Къ разряду этихъ благородныхъ орловъ, или орловъ въ собственномъ смыслѣ это го слова, принадлежатъ три европейскія породы, а именно: *беркуты* (*aguila tulya*), *волавы* (*aguila chrysaetos*) и *империалы* (*aguila imperialis*).

Орлы не очень общительны и не любятъ общества не только другихъ птицъ, но даже и своей орлиной породы; исключеніе составляетъ для орла только одна подруга его жизни и дѣти, съ которыми уже онъ не разлучается и дѣлитъ все съ полнѣйшею сердечною радостію. Кстати, заговоривъ объ орлиномъ семействѣ, необходимо сказать, что эта птица, едва ли не единственная изъ всѣхъ породъ пернатыхъ, за исключеніемъ развѣ аиста, отличается самою безукоризненною супружескою вѣрностію. Избравъ себѣ одинъ разъ подругу жизни, орелъ живетъ съ ней вѣрно и неизмѣнно до самой своей смерти, не перемѣняя ни въ какомъ случаѣ на другую. Точно тоже чувство привязанности и таже вѣрность замѣчены въ самкѣ, которая, въ случаѣ смерти самца, отъ горя и тоски, рѣдко не еживаетъ его одной или двумя неделями.

Необыкновенный образъ жизни орловъ, какъ замѣчено, подвѣргается рѣдкимъ исключеніямъ: они соединяются обществу только зимой, для большихъ перелетовъ, или въ случаѣ обильной добычи, напримеръ, большого труна буйвола или другого крупнаго животного, обиліе въ какомъ либо мѣстѣ рыбы и т. п. но на такое сборище орловъ всетаки не слѣдуетъ смотрѣть какъ на дѣло, предпринятое дѣльнымъ обществомъ хищниковъ, ибо здѣсь только случайно соединяетъ ихъ общая цѣль, но никакъ не общительность, и едва голодъ удовлетворенъ, какъ эта каауниая дружба или мнимый союзъ птицъ исчезаетъ. Съ другими породами пернатыхъ орлы также не сходятся и хотя иногда летаютъ вмѣстѣ съ коршунами, грифами, сарычами, но о дружбѣ между ними не можетъ быть и рѣчи. Полетъ орловъ чрезвычайно красивъ и величественъ, не легко иногда бываетъ орлу подняться съ земли, особенно съ добычей, но едва поднялся онъ, какъ широкіе размахи крыльевъ уносятъ его далеко. Часто орелъ паритъ на большой высотѣ при чемъ онъ дѣлаетъ весьма рѣдкія движенія крыльями, и наблюдателю, слѣдящему за его полетомъ, кажется, что онъ носится въ воздушныхъ пространствахъ какъ будто по волѣ вѣтровъ. Замѣчательно, что если орелъ поднимается вверхъ, онъ летитъ противу вѣтра, а если спускается, то слѣдуетъ его направленно. На кружащемъ въ воздухѣ орлѣ можно видѣть, какъ онъ поворачиваетъ, поднимаетъ и опускаетъ свой хвостъ, дѣйствуя имъ, какъ настоящимъ рулемъ. Начиная на живую добычу, могучая птица бросается внизъ съ чрезвычайной быстротой и съ явственно слышимымъ шумомъ. При всей быстротѣ своей, орелъ все таки не на столько быстръ, чтобы легко ловить маленькихъ и извилисто порхающихъ птичекъ. Часто видали, какъ онъ, гонимый за ними, наконецъ изнемогалъ и оставлялъ этихъ воздушныхъ вырковъ съ видимою досадою, но онъ легко ловитъ голубей, дикихъ гусей и подобныхъ имъ птицъ, летавшихъ правильно безъ извилистыхъ порханій. На сколько величественъ орелъ на своемъ лету, настолько же онъ теряетъ свое благородный видъ на ходу; онъ какъ будто спотыкается, съ трудомъ переставляя одну ногу за другую, но за то онъ также бываетъ прекрасенъ, какъ и на лету, если сидитъ спокойно, держа въ прямо; сидѣе положеніе его имѣетъ что-то внушающее, обнаруживая всего яснѣе гордый покой душиного. Кроме человѣка орелъ не имѣетъ враговъ: для четвероногихъ животныхъ онъ недоступенъ, а между пернатыми есть единъ, но если у него нѣтъ настоящихъ враговъ, то есть нападающихъ ему недруги, какъ то вороны, сорокопуты, ласточки, которыя хотя нисколько неопасны сильному орлу, но выржая ему свою ненависть безпрестанными нападеніями, до того надоедаютъ ему, что онъ волею-неволею удаляется по своей, чтобы только отвязаться отъ этого несноснаго для его гордости сброда. Между мелкими птичками находятся даже такіе смѣльчаки, которые вылетъ свои гнѣзда въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ орлами, и орелъ позволяетъ имъ это именно потому, что не чувствуетъ возможности сладить съ этими маленькими трунами. Проворство этихъ маленькихъ птичекъ служитъ вѣрнымъ обезпеченіемъ противъ когтей царя птицъ. Дерзость ихъ доходитъ даже до того, что они врываются въ самое гнѣздо орла и часто клюютъ даромъ приготовленные имъ для своего семейства запасы, и орелъ при всей силѣ своей чувствуетъ полнѣйшее безеніе, чтобы наказать этихъ быстрыхъ и упертыхъ воршечекъ.

Орлиное гнѣздо соответствуетъ величинѣ птицы, оно быва-

еть всегда велико, просторно, привольно и строится у всех по одному и тому же типу; надо заметить однако же, что орлиный гнѣзда, при всей величинѣ и ширинѣ своей, бывають мелки, низки. Большия сучья деревь, толщиной въ человѣческую руку, служатъ основою гнѣзда, ихъ покрываютъ сверху толкія тонкія вѣтви; на днѣ же гнѣзда лежатъ всегда самыя тонкія и пѣкшія вѣтки, въ перемежку съ птичьимъ поухомъ и мягкою шерстью разныхъ живогныхъ: козь, овечь, куницъ, лисицъ и проч. Гнѣздо служитъ орлиному семейству многіе годы, но отецъ и мать ежегодно ремонтируютъ его новымъ поухомъ и шерстью. Самка обыкновенно кладетъ два и рѣдко три яйца, которыя высидиваетъ съ полнѣйшею материнскою любовью, а самецъ въ это время постоянно кружится въ воз-

духъ и оберегаетъ свою подругу отъ всякихъ случайностей. Птенцовъ выкармливаютъ общимъ пощечіемъ отецъ и мать, но когда они подростутъ, то родители въ полномъ смыслѣ слова выталкиваютъ ихъ въ жизнь, гдѣ они весело странствуютъ и хищничаютъ, пока не найдутъ себѣ пары и не начнутъ вести жизнь по образу своихъ родителей. Съ наступленіемъ поры любви орлы тѣшатся обыкновенно въ воздухѣ величественными играми, которыя собственно и служатъ средствомъ сближенія между самцами и самками.

Цвѣтъ орловъ бываетъ большею частію бурый, на крыльяхъ, черныхъ съ внутренней стороны и темнобурыхъ съ внешней, бывають у плечъ два большихъ бѣлыхъ пятна.

Н. Зуевъ.

ВЗЯТІЕ БОЖІЕЙ МАТЕРИ НА НЕБО, КАРТИНА МУРИЛЬО.

Въ настоящемъ номерѣ «Нивы», мы помѣщаемъ копію съ произведенія, которое составляетъ самую большую гордость испанской школы, и занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ Луврскомъ музеѣ, въ Парижѣ.

За «Взятіе Божіей матери на небо», Мурильо былъ справедливо прозванъ Кастильскимъ Рафаэлемъ. Дѣйствительно, въ этой картинѣ, глубокой смыслъ композиціи и сила колорита соединяются съ иѣжкостью и мягкостью контуровъ, восхищающихъ насъ въ великомъ итальянскомъ художникѣ.

Воспользуемся здѣсь случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о Мурильо: онъ родился въ Севильѣ 1-го января 1618 г. Будучи еще ребенкомъ, онъ выказывалъ удивительный талантъ къ живописи, но его учитель, Жуанъ Кастильскій, перѣхалъ въ Кадиксъ, и Мурильо, оставшись безъ руководителя, сталъ рисовать знамена и дешевыя картинки, отпущаемыя въ Америку. На шестнадцатомъ году отъ роду, въ немъ родилось непреодолимое желаніе посѣтить Италію, но недостатокъ средствъ дѣлалъ такое путешествіе совершенно невозможнымъ. Наконецъ, молодой Мурильо, собираетъ сколько возможно денегъ, покупаетъ холстъ, раздѣляетъ его на множество квадратиковъ, и рисуетъ на нихъ картинки божественнаго содержанія, цѣфты, плоды, и проч. Нашелся и торгошъ старыми картинками, который купилъ его произведенія, и съ скромной суммой отъ этой продажи, молодой человѣкъ пустился въ дорогу, безъ вѣдома родителей и знакомыхъ.

Онъ прѣхалъ прежде всего въ Мадридъ, обратился тамъ къ художнику Веласкесу, своему земляку, и сообщилъ ему свои планы. Веласкесъ принялъ его очень ласково, далъ ему прекрасныя свѣты, ободрилъ его и отговорилъ отъ поѣздки въ Римъ; кромѣ того, онъ оказалъ молодому художнику еще болѣе существенную услугу, доставивъ ему много работы въ Эскуріалѣ и разныхъ мадридскихъ дворцахъ.

Черезъ три года, въ 1645 г., Мурильо возвратился въ свой родной городъ Севилью. Первое время на него не обратили

тамъ особеннаго вниманія, но вскорѣ, всякая картина выходящая изъ подъ его кисти, поражала удивленіемъ всехъ, и онъ не замедлилъ пріобрѣсти болѣе чѣмъ независимое состояніе. Однако, онъ былъ далекъ отъ того, чтобы неглижировать своимъ талантомъ, какъ это часто дѣлають художники вошедшіе въ моду, напротивъ: онъ постоянно совершенствовался болѣе и болѣе.

Мурильо умеръ 3 апрѣля 1682 г., вслѣдствіе ушиба, полученнаго имъ при паденіи съ подмостковъ въ церкви одного монастыря въ Кадиксѣ, гдѣ онъ исполнялъ свою знаменитую композицію «Обрученіе св. Екатерины».

Приведемъ въ заключеніе одну черту изъ жизни великаго художника, показывающую все могущество искусства надъ впечатлительной его душой.

Рассказываютъ, что однажды, въ Севильѣ, Мурильо лежалъ, распростертый у подножія главнаго алтара въ церкви, забывшись въ высокомъ экстазѣ передъ «Святіемъ со креста» Кампана, картины, висѣвшей тогда надъ гробницей знаменитаго живописца. Когда пришла пора запереть церковь, сторожъ подошелъ къ Мурильо и просилъ его удалиться. Художникъ остается неподвижнымъ: — «Чего же вы ждете?» — спрашиваетъ сторожъ.

— Я жду, отвѣчалъ Мурильо, когда эти святые отвяжутъ Христа отъ креста.

Онъ до такой степени перенесся въ это время въ среду дѣйствія драмы, происходившей на Голгоѣ, что совершенно потерялъ сознание дѣйствительности. Въ С. П. Б. Эрмитажѣ, послѣдніе цѣнаціи богатѣйшемъ изъ всехъ галлерей Европы, картинамъ Мурильо, считается ихъ не менѣе 25. Нечего и говорить, что не всею онъ одинаковой силы, степени и достоинства. Первое мѣсто между ними занимаетъ какъ и въ Луврѣ, тоже «Вознесеніе Божіей Матери» съ превосходными группами ангеловъ и неземнымъ восторгомъ лица Богоматери.

ПАДЕНІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ВЪ 1453 ГОДУ.

Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, представитель Ислама въ Европѣ, султанъ Стамбула, а съ нимъ вмѣстѣ и вся Турція, была названа большимъ человѣкомъ. Въ дѣйствительности «большой человѣкъ» былъ таковымъ гораздо ранѣе того времени, когда въ Востѣ почившій Императоръ Николай 1-й впервые охарактеризовалъ этими словами состояніе дѣлъ турецкой Имперіи.

Еще до начала этого столѣтія полумѣсяцъ, эта эмблема турецкаго владычества, потерялъ способность быть «на прибыли» и преддѣлительная молитва въ день всеобщаго покаянія: «Да избавитъ насъ Богъ отъ избиенія Турками» не имѣла уже болѣе того значенія, какъ въ тѣ времена, когда бунчуки нашей развѣвались подъ стѣнами Вѣны, а острова Средиземнаго моря, вплоть до самой Сициліи, содрогались предъ турецкимъ флотомъ. Полумѣсяцъ умался да умался, большой все болѣе и болѣе началъ хирѣть. Разложеніе продолжалось своимъ путемъ: Египетъ, Сербія и родственная ей Черногорія, равно какъ и Румынія, едва еще связаны съ тѣломъ больного, Греція совсѣмъ отъ него отдѣлилась. Изъ Крымской компаніи онъ не вынесъ никакого поученія, европейская культура и международныя права оказались ему недоступными. Больной, у котораго подъ конецъ оказалась финансовая чахотка, въ безнадежномъ положеніи, и давно перешелъ бы къ усопшимъ и былъ бы погребенъ, если бы Европа, не будучи въ состояніи условиться насчетъ раздѣла наслѣдства, не прибѣгала къ безпрепятственнымъ гальванизированіямъ его угасающихъ жизненныхъ силъ. Опять настала кризисъ... но можно, по нѣкоторымъ основаніямъ, предположить, что этотъ кризисъ не послѣдній.

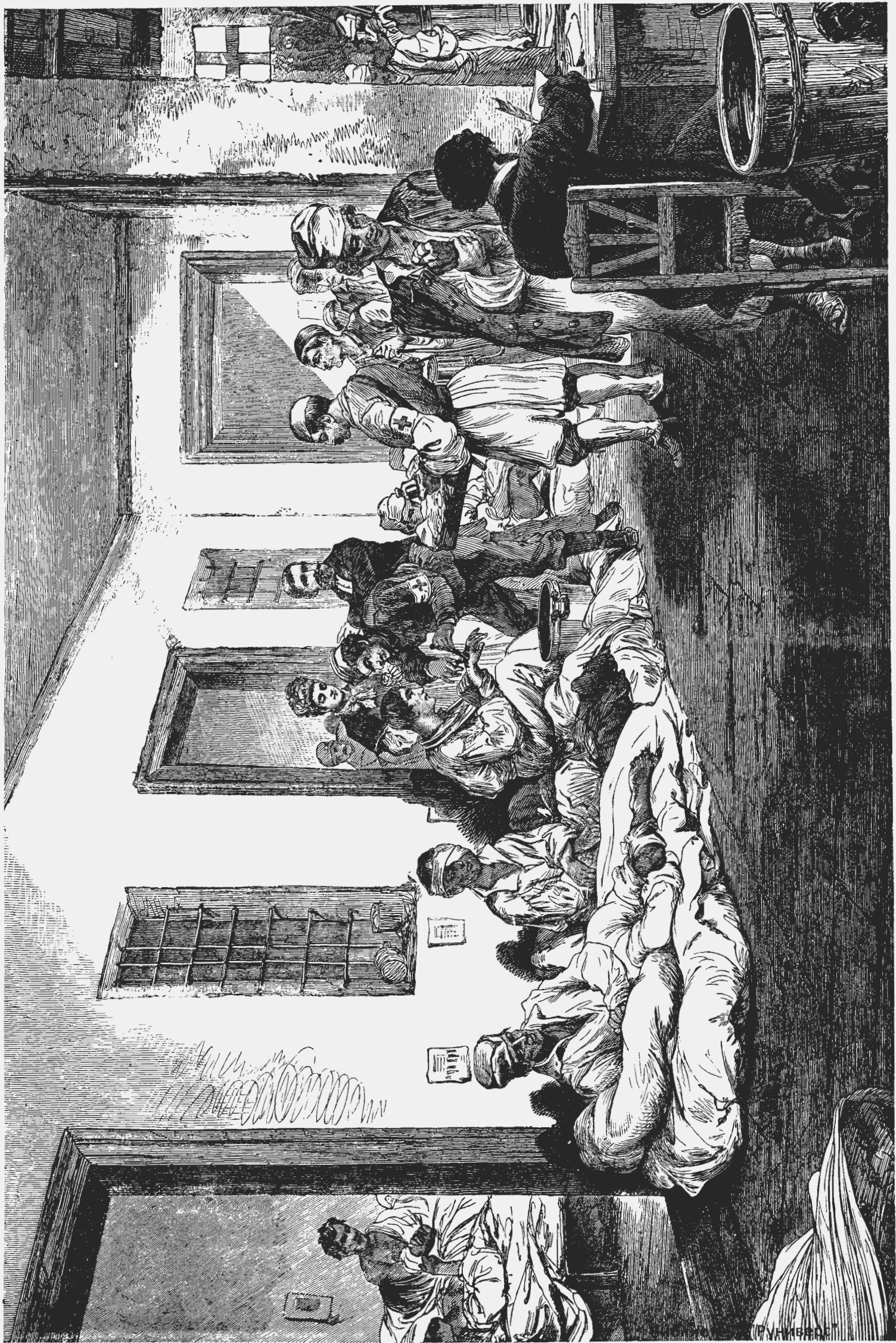
По всей вѣроятности дѣло на этотъ разъ ограничится отдѣленіемъ Босніи, а засимъ процессъ постепеннаго разложенія Турціи до тѣхъ поръ будетъ продолжаться, пока азіятская орда окончательно не покинетъ берега Европы. Чье знамя развѣвается тогда надъ Стамбуломъ, извѣстно только Веласкесу-

му. Мы довольствуемся тѣмъ, если на немъ будетъ знаменіе Креста. Оно несомнѣнно *будетъ*—но когда? это вопросъ, разрѣшеніе котораго въ настоящее время невозможно.

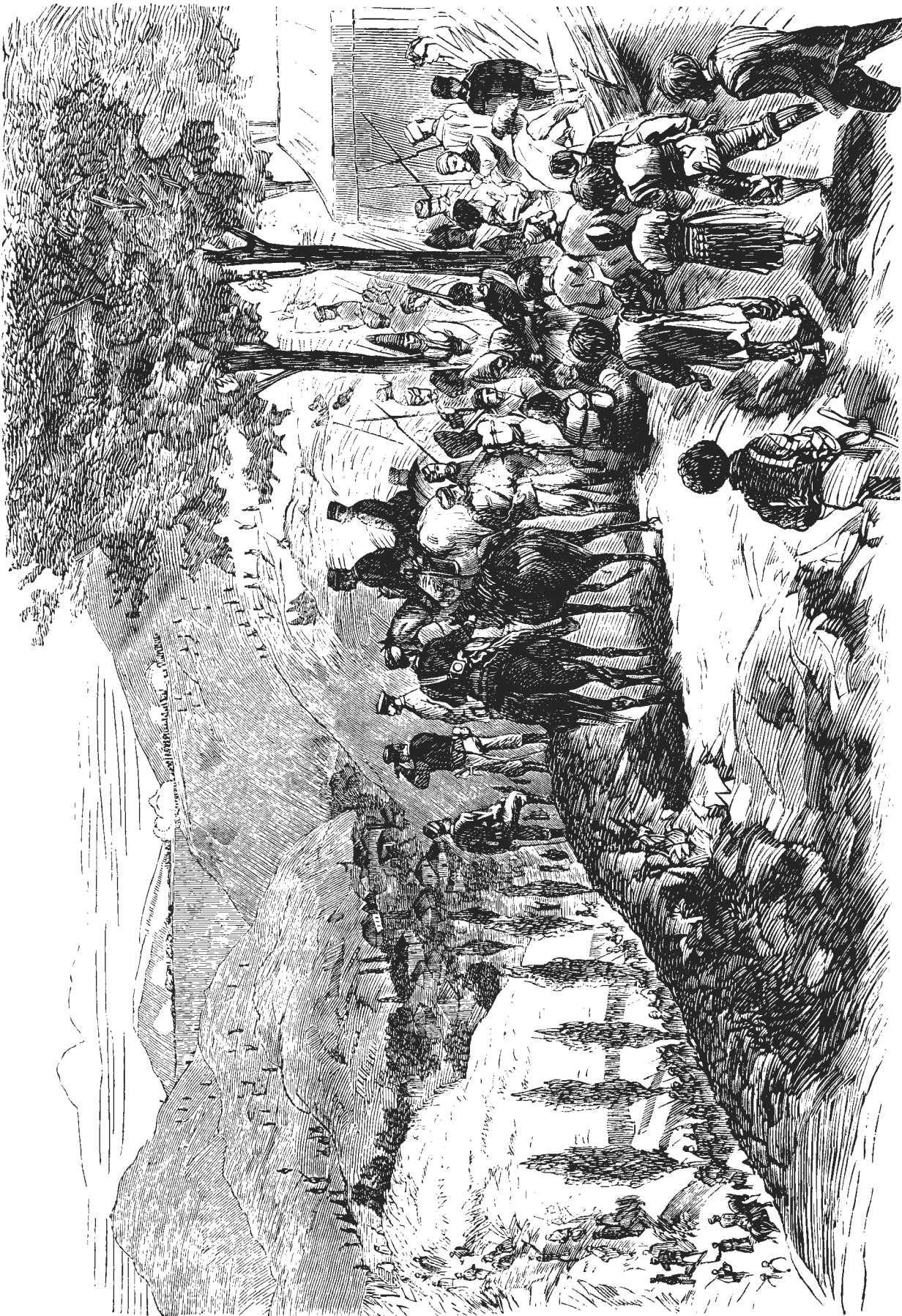
Но вернемся назадъ, къ тому давнопрошедшему, когда Исламъ, подиный коняхъ силъ, окончивалъ покореніе Восточной Римской имперіи, именно къ завоеванію Константинополя Мухамедомъ II въ 1453 году.

Османъ уже давно поселился въ Европѣ и господствовалъ надъ болѣею частью Балканскаго полуострова. Оружіе ихъ превратило Византійскую имперію въ три небольшихъ области, и каждая изъ нихъ имѣла своего владителя; области эти состояли изъ части Мореи, части Малой Азіи съ Трапезундомъ и Константинополемъ съ ихъ окрестностями и нѣкоторыми островами. Турецкимъ султаномъ былъ Мухамедъ, сынъ Мурада II; онъ имѣлъ резиденцію въ Адрианополѣ. Въ Константинополѣ царствовалъ императоръ Константинъ Драгосезъ, изъ рода Палеологовъ. Предмѣтье Галаты, на сѣверномъ берегу Золотого Рога, занимали генуэзцы. Неподлежало сомнѣнію, что и эти три области, составившія остатокъ огромнаго царства, простиравшагося когда то отъ Карфагена и Сициліи до Эвфрата и отъ средняго Дуная до Нильскихъ водопадовъ, будутъ завоснана современнѣе турками. Предвидя это, императоръ началъ искать помощи на западѣ, и ему удалось заручиться союзомъ съ венеціанцами, генуэзцами и съ папою. Послѣдній согласился на союзъ подъ условіемъ соединенія церкви греческой съ церковью римской. Императоръ согласился на такое условіе. Этотъ согласіемъ онъ отчуждалъ отъ себя большую часть священнослужителей, а заключеніемъ союза подавалъ поводъ Мухамеду начать непріязненные дѣйствія, замышленные имъ, по всей вѣроятности, въ первые же дни своего царствованія.

Въ Константинополѣ проживалъ османскій принцъ Орханъ, племянникъ Мухамеда; Мухамедъ платилъ императору за со-

Военный полевой госпиталь при Царичинѣ. Гис. Келлеръ, граф. Замарский.

Сербскі војска.

Дер. Казіаки.

Генералъ Черняевъ. Подковникъ Беккеръ.

Планине череска.

Болгаря.

Сраженіе при Казіакѣ 3 Іюля 1876 г. Съ наброска Н. К. рѣзалъ Наніеръ.

державі османскаго принца 300,000 асперовъ ежегодно. Въ Карамени вслѣхнулъ мятежъ, для усмиренія котораго Мухамеду пришлось лично выступити въ поле. Этимъ случаемъ воспользовался императоръ, онъ отправилъ къ султану посольство съ требованіемъ, удвоить означенную сумму, грозилъ, въ случаѣ отказа, выставить Орхана претендентомъ на османскій престолъ. Въ виду этой угрозы Мухамедъ съумѣлъ на время скрыть свой гнѣвъ; но, по водвореніи спокойствія въ Малой Азій, онъ немедленно занялся приготовлениями къ завоеванію Константинополя и уничтоженію Имперіи. Началъ онъ тѣмъ, что лѣтомъ 1452 г. на берегахъ Босфора, близъ Галаты, соорудилъ существующій еще нынѣ замокъ Румили-Гиссари, исполнскія орудія котораго съ 600 фунтовыми ядрами господствовали надъ проливомъ и прекращали всякое сообщеніе Константинополя съ Чернымъ моремъ. Въ то же время флотъ его появился въ Босфорѣ. Во время постройки замка Румили-Гиссари и при немъ крѣпости, между греческими крестьянами и турецкими солдатами возникъ споръ, кончившійся избіеніемъ крестьянъ. Императоръ, извѣстася объ этомъ, приказалъ занеръ ворота города и увѣдомилъ султана, что если война неизбежна, то онъ, уповавъ на Бога, намѣренъ защищаться. Отвѣтъ султана былъ простъ, онъ объявилъ императору войну и приказалъ обезглавить посланныхъ.

Обѣ стороны усердно начали готовиться къ войнѣ. Живущихъ внѣ города подданныхъ, Константинъ собралъ внутри крѣпостныхъ стѣнъ, укрѣпилъ ихъ, запаса наибольшимъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ и изъ туземцевъ устроилъ небольшое войско, къ коему присоединились нѣкоторые вспомогательныя войска изъ Венеціи, Генуи и Рима, равно и нѣсколько христіанскихъ бойцовъ изъ другихъ странъ. Мухамедъ, съ своей стороны, отправилъ войска въ Моремъ, дабы воспрепятствовать царствующимъ тамъ братьямъ императора, подать ему помощь, въ Болгаріи собралъ огромную армию и поручилъ одному бѣжавшему изъ Константинополя лучшему мастеру, родомъ венгерцу и по имени Орбану, вылить громадную пушку, назначеніе которой состояло въ разрушеніи городскихъ стѣнъ. Пушка эта сначала отправлена была въ упомянутый замокъ Румили-Гиссари, гдѣ въ ноябрѣ 1452 года она однимъ ядромъ потопила венеціанское судно, плывшее изъ Крыма съ ячменемъ въ Константинополь. Капитанъ судна, которому удалось съ экипажемъ спастись на сушу, по приказанію Мухамеда былъ посаженъ на колъ, большая часть экипажа обезглавлена, остальная отпущена.

Императоръ между тѣмъ не щадилъ усилий для успѣшной защиты; но уступчивость его требованіямъ Ватикана, относительно обѣщанія о присоединеніи церкви греческой къ римской, произвела сильное броженіе между греками и лишила его помощи многихъ своихъ подданныхъ. Когда 12 ноября 1452 г. провозглашенъ былъ Генотиконъ, т. е. соединеніе церкви греческой съ римской, и римскій католицизмъ объявленъ господствующей религіей, то даже высшіе сановники оказали сопротивленіе: такъ первый министр императора, великій герцогъ Лука Нотарасъ, объявилъ, что скорѣе согласенъ видѣть въ городѣ турецкую чалму, чѣмъ римскую митру. Обѣщанная римская помощь оказалась весьма скудною и не вознаградила потерю народнои симпатіи: папскимъ легатомъ Исидоромъ доставлено было императору всего 200 человѣкъ. Гораздо болѣе значенія имѣлъ небольшой отрядъ, прибывшій изъ Генуи подъ начальствомъ Іоанна Густиніани и помощъ Венеціанцевъ. Всего собралось 2000 иноземцевъ, рѣшившихся оборонять Константинополь отъ наступающаго султана. Число же туземныхъ бойцовъ, включая сюда и нѣсколькихъ вооруженныхъ монаховъ, простиралось до 5000 человѣкъ, такъ что для защиты обширныхъ крѣпостныхъ укрѣпленій въ распоряженіи императора стояло всего 7000 человѣкъ. Къ нимъ присоединился небольшой флотъ изъ 26 кораблей, который однако жь только въ исключительныхъ случаяхъ могъ отва-

житься выступити за предѣлы запертой цѣлюй гавани Золотого Рога. Къ довершенію всего, генуэзскіе союзники оказались неблагонадежными, что вскорѣ и подтвердилось.

Въ февралѣ 1453 г. турецкое войско, численностію до 150,000 человѣкъ подступило къ обреченному на гибель городу. Громадная пушка Орбана, вѣсившая 300 центнеровъ и бросающая каменныя ядра въ 12 центнеровъ, была отправлена ранѣе. Шестьдесятъ паръ воловъ съ трудомъ тащили ее по уравниной пионерскими дорожками, и четырехдневный переходъ отъ Адрианополя до Царьграда ей пришлось совершить въ два мѣсяца. Въ то же время прибылъ въ Босфоръ и черноморскій турецкій флотъ, состоящій изъ 145 кораблей, въ томъ числѣ 12 трехъ-банковыхъ галеръ. 23-го марта самъ султанъ выступилъ изъ Адрианополя, 5-го апрѣля вся турецкая армія находилась подъ стѣнами города, а 6-го, въ пятницу, торжественно объявлено было начало осады. Мухамедъ, съ 15,000 гвардейскими янычарами съ громадной пушкой Орбана и съ двумя меньшими орудіями, открылъ главную квартиру на Малитенской возвышенности, въ разстояніи почти одной мили отъ вратъ св. Романа; вразомъ отъ него, до Мраморнаго моря расположилась анатольская, влѣво—до Золотого Рога—Румелійская армія, а высоты по ту сторону Золотого Рога и за Галатою были заняты войсками подъ начальствомъ Цаганосъ-наши, зятя султана.

Въ тотъ же день императоръ Константинъ покинулъ свой дворецъ и занялъ почетный постъ у вратъ св. Романа, находившихся противъ главной квартиры султана, и доблестно защищалъ его, до самой своей смерти. Іоаннъ Густиніани, съ своими генуэзцами, геройски сражался пока не взнемогъ. Рождественскъ императора, Донъ Франциско де Толедо, также не покидалъ его. 3000 ратниковъ, изъ коихъ 500 были генуэзцы, защищали этотъ постъ, опаснѣйшій изъ всѣхъ. Остальная часть небольшого, оборонявшаго городъ войска, распределена была по огромному пространству стѣнъ. Нужно упомянуть еще объ одномъ опасномъ мѣстѣ, порученномъ германцу Іоанну Грантъ, и о защитѣ сѣверной части треугольнаго города Римлянами и хіотами подъ начальствомъ легата Исидора. Акрополь, нынѣшній сераль, былъ подъ защитою турка Орхана, а наль частью города, расположенною по южному берегу Золотого Рога, командовалъ великій герцогъ Нотарасъ.

11-го апрѣля постановка турецкихъ орудій была окончена. Двѣнадцать пушекъ большого размѣра угрожали съ отдаленныхъ пунктовъ, 14 батарей расположились вокругъ стѣнъ. Бомбардированіе началось, сначала безъ особеннаго усилія. Испанская пушка Орбана могла дѣйствовать всего семь разъ въ день, такъ какъ заряденіе ея требовало 2 часа, и послѣ краткаго упогребленія ее взорвало. Немедленно приступлено было къ отивкѣ новой, и, слѣдя совѣту одного венгерца, ксечто понимавшаго въ артиллерійскомъ искусствѣ, ее можно было снова пустить въ дѣло. До 18-го бой ограничивался небольшими схватками подъ стѣнами, канонада же продолжалась безъ перерыва; въ этотъ день турки предприняли штурмъ, но послѣ шестичасового боя были отброшены съ большимъ урономъ. Также и день 20-е апрѣля былъ побѣдоносенъ для христіанъ. Четыре корабля, одинъ императорскій и три генуэзскіе, нагруженные шпиченю, ячменемъ, масломъ, виномъ и другими припасами для продовольствія осажденныхъ, вышли изъ Мраморнаго моря и подошли къ восточной оконечности города. Весь турецкій флотъ двинулся имъ на встрѣчу, но не могъ овладѣть ими. Султанъ съ возрастающимъ бѣшенствомъ былъ свидѣтелемъ этой битвы, и когда корабли его подъ мѣткимъ огнемъ грековъ и генуэзцовъ, начали отступать, то онъ какъ бы желая подстрекнуть ихъ и забывши санъ свой, самъ бросился въ воду. Турецкіе корабли вторично произвели нападеніе и вторично были отброшены. Ночью же цѣнь, замыкающая Золотой Рогъ, сиялась и двѣ галеры, взявъ на буксиръ судна, такъ храбро отстоявши свой грузъ, благополучно ввели ихъ въ гавань.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

Полевой госпиталь при Парачинѣ.

Кромѣ главнаго госпиталя въ Бѣлградѣ, оказалось необходимымъ устроить еще нѣсколько походныхъ лазаретовъ по линиямъ расположенія главныхъ сербскихъ силъ. О недостаткахъ медицинскихъ пособій и докторовъ въ Сербіи наше общество знаетъ и уже принесло этому дѣлу значительную помощь. Все русское общество съ глубокимъ сочувствіемъ провожаетъ отправляющіеся одинъ за другимъ на поле битвы санитарные отряды; но значительную помощь въ исполненіи комплекта докторовъ оказали Сербіи, студенты 4-го и 3-го медицинскихъ курсовъ, прибывшіе въ армию изъ Парижа и Вѣны.

Гравюра представляетъ одинъ изъ такихъ походныхъ лазаретовъ въ Парачинѣ. Молодой докторъ общества краснаго креста производитъ операцію раненому, около него сестра милосердія и фельдшеръ. Другой докторъ осматриваетъ больныхъ. Группа раненыхъ расположена на полу на матрадахъ. Въ госпитальныхъ, повидимому, устроена весьма недурная вентиляція; кромѣ того, бочки съ карболовою кислотою и сигары, которыя дозволяется курить пациентамъ, совершенно уничтожаютъ миаз-

мы, столь быстро развивающіеся въ подобныхъ лазаретахъ, и, какъ указываютъ опыты, весьма легко зажигающіе гангреною оперированныя мѣста ранъ. Впрочемъ, подобные лазареты служатъ только временнымъ помѣщеніемъ для больныхъ: при первой возможности ихъ отправляютъ въ бѣлградскій госпиталь, гдѣ имъ дается болѣе существенная и дѣйствительная помощь.

Въ настоящее время, какъ видно изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ главнымъ управленіемъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, выѣхалъ въ Сербію изъ Петербурга уже второй эшелонъ санитарнаго отряда, состоящій изъ трехъ полевыхъ подвижныхъ лазаретовъ, именно: 1) Лазаретъ, образованный въ Петербургѣ С. П. Боткиннмъ на пожертвованія частныхъ лицъ; при немъ семь врачей и четыре фельдшера. 2) Лазаретъ, снабженный на пожертвованія московскихъ старообрядцевъ; при немъ три врача, одинъ провизоръ и семь фельдшеровъ. 3) Лазаретъ, составленный на пожертвованія г-жи Саложниковой и г. Малюшина; при немъ два врача, два фельдшера, двѣ сестры милосердія и экономка. Сверхъ того, въ тотъ же день отпра-

влились въ Сербію одинъ врачъ, четыре сестры милосердія и двѣ фельдшерши на средства петербургскаго дамскаго кружка. два врача и одинъ фельдшеръ на средства княгини Шаховской, графиня Беннигсенъ и г. Мекъ, и одинъ врачъ на средства петербургскаго Славянскаго комитета; всего же во второмъ эшелонѣ выѣхало 16-ть врачей, 12-ть фельдшеровъ и 8 фельдшерницъ и сестеръ милосердія; при нихъ 600 пудовъ пшеницы. Первый эшелонъ отправленъ былъ ранѣе, а именно 22 іюля, и почти въ такомъ же числѣ врачей и фельдшеровъ (19 врачей, 8 фельдшеровъ и 24 сестры общины «Утоли моя печаль» съ ихъ начальницею).

Само собою разумѣется, что помощь русскихъ своимъ братьямъ славянамъ не ограничивается этимъ, и помимо дѣятельности общества попеченія о больныхъ и раненыхъ, вездѣ, чуть

ли даже не въ каждомъ русскомъ городѣ, идутъ щедрія пожертвованія на святое дѣло.

Судя по газетнымъ извѣстіямъ, замѣчательны были проводы санитарныхъ отрядовъ. Толпы народа провожали отъѣзжающихъ «на братскую защиту», и массами тѣснились на станціи Варшавской желѣзной дороги, лишь-бы поклониться отъѣзжающимъ. Самое прощаніе было въ высшей степени трогательно: всѣ рыдали, женщины подносили дѣтей, къ сестрамъ милосердія, испрашивая ихъ благословенія; всѣ жали руки отъѣзжающимъ, махали имъ платками, отовсюду слышались всяческія пожеланія, и долго еще по отходѣ поѣзда толпы народы серьезно, сдержано слѣдили за удаляющимися вагонами... Воистину эти люди, посвятившіе себя уходу за ранеными, олицетворяютъ собою картину временъ апостольскихъ, временъ мучениковъ, готовыхъ на все, ради спасенія ближнихъ.

СРАЖЕНІЕ ПРИ КАЗІАКЪ.

Приближаясь къ передовымъ укрѣпленіямъ Бабиной Главы, моравская армія, состоящая подъ командою генерала Черняева (начальникомъ главнаго штаба котораго служилъ русской полковникъ Беккеръ) выдержала 3-го іюля упорное сраженіе съ турками при Казіакѣ. Черкесы имѣли тутъ чрезвычайно выгодную позицію, занимая господствующія надъ мѣстн-стью высоты и укрѣпившіе въ самомъ селеніи. Сербскія войска рвались сразиться съ черкесами и выбить ихъ изъ селенія. Генералъ Черняевъ, присутствовавшій при этой битвѣ лично и съ начальникомъ своего главнаго штаба, какъ это и изображено на нашей картинкѣ, отдалъ приказаніе зайти неприятелю въ тылъ. Съ большими усиліями, но быстро, исполненъ былъ этотъ маневръ, и сербы, не смотря на отчаянное сопротивленіе черкесовъ, выбили ихъ изъ позицій и взяли селеніе. Не надо, конечно, говорить, что ни имущество черкесовъ, ни жены ихъ, ни дѣти не подверглись никакой опасности и ничего не потеряли отъ сербскихъ войскъ, а, напротивъ, бѣдные еще получили посильную помощь, плѣнники же, томившіеся въ неволѣ, — выпущены на свободу. Сраженіе это взволновало болгарскихъ поселенъ Старой Планины, и войска генерала Черняева приобрѣли нѣсколькихъ новыхъ добровольцевъ—болгаръ. На первомъ планѣ прилагаемаго рисунка читатель видитъ самого генерала Черняева съ подозрною трубою въ рукахъ, а рядомъ съ нимъ — начальника его главнаго штаба полковника Беккера. Личность полковника Беккера и его военная карьера довольно интересны. Полковникъ русской службы, Беккеръ финско-русскаго происхожденія; онъ служилъ

у несчастнаго мексиканскаго короля Максимилиана и состоялъ въ мексиканскомъ войскѣ предводителемъ волонтеровъ. Передъ поступленіемъ своимъ въ сербскіе военачальники, Беккеръ былъ египетскимъ офицеромъ и назывался «Бекеръ-Бей». Хладнокровный и искусный военачальникъ, Беккеръ побывалъ во многихъ арміяхъ и вотъ, наконецъ, ему пришлось послужить дѣлу славянъ вмѣстѣ съ М. Г. Черняевымъ. За обими или блестящее военное прошлое, и дай Богъ, чтобы и настоящія ихъ усилія и жертвы увѣнчались должнымъ успѣхомъ.

До сихъ поръ результаты войны еще не выяснились достаточно, до сихъ поръ слѣдящій съ напряженіемъ за этою войною мѣръ не знаетъ — на чью сторону склонится успѣхъ... Положеніе дѣлъ въ Сербіи до послѣдняго времени не было особенно блестящею. Армія ея, раздѣленная на множество отрядовъ и растянутая на огромное пространство по границамъ, не могла успѣшно дѣйствовать противъ турокъ, руководимыхъ англійскими и австрійскими офицерами, и только одушевленіе и безпримѣрная храбрость сербовъ склоняли успѣхъ на ихъ сторону. Но теперь, съ назначеніемъ генерала Черняева главнокомандующимъ всею сербскою арміею, планъ войны измѣнился, получилъ единство дѣйствій и вообще поправился. Генералъ Черняевъ сосредоточиваетъ войска въ одномъ пунктѣ и готовится теперь къ генеральному сраженію. Съ трепетомъ ждемъ извѣстій объ результатахъ этихъ битвъ и возлагаемъ горячія и твердыя надежды на успѣхъ сербскаго оружія.

Rus.

БИБЛІОГРАФІЯ

Исторія царства Османлисовъ за послѣднее десятилітіе. Карла Шмейдлера. (Geschichte des Osmanischen Reiches im letzten Jahrzehnt von Dr. phil. W. F. Carl. Schmeidler) 1875.

Европейскихъ писателей, писавшихъ и пишущихъ о Турціи, можно раздѣлить на два разряда: туркофиловъ и безпристрастныхъ изслѣдователей. Первые стараются всевозможнымъ образомъ скрыть язвы этого, почему-то нѣжно любимаго ими, полуразвалившагося, полу-живого трупца, вспоминая (часто весьма не кстати) славныя времена арабской литературы и поэзіи, возникшей изъ вѣдръ ислама. Вторые, — излагая объективно и безпристрастно исторію господства Османлисовъ въ Европѣ, единодушно приходятъ къ тому выводу, что въ настоящее время существуютъ всѣ симптомы окончательнаго разложенія Турціи, что царство Османлисовъ, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой существуетъ теперь, продолжаться не можетъ и что всѣ его усилія ввести въ свою государственную жизнь разныя реформы и даже конституцію на европейскій ладъ — составляютъ просто-на-просто послѣднюю агонію, отчаянную борьбу за существованіе...

Карлъ Шмейдлеръ принадлежитъ къ безпристрастнымъ писателямъ о Турціи. Мало этого: во многихъ мѣстахъ своей книги онъ проникнутъ глубокимъ негодованіемъ на «дикую орду», господствующую въ одномъ изъ роковыхъ и плодороднейшихъ уголковъ Европы, орду, хотя и залакированную на европейскій манеръ, но на самомъ дѣлѣ звѣрски-полудикую. Даже внѣшняя фигура турка, напр. строеніе его черепа, черты лица, съ теченіемъ вѣковъ благообразились, благодаря смѣшенію ихъ съ различными другими народностями. Напримѣръ сожитіе съ греками и черкешенками, покупаемыми для гаремовъ, давало турку красивыхъ дѣтей; такимъ образомъ, по закону наследственности, выработался довольно красивый типъ турецкой женщины и мужчины. Далеко не пропорціонально съ этимъ улучшеніемъ типа культурное развитіе турка. Оно весьма весьма немногимъ ушло впередъ, чѣмъ было пять вѣковъ тому назадъ. Противъ вторженія общечеловѣческой культуры первый охранитель — коранъ.

Идея европейскаго равновѣсія—это та идея, которая заставляла европейскія державы поддерживать Турцію на перекорѣ,

или по крайней мѣрѣ противъ воли Россіи, утверждаетъ Шмейдлеръ. Но послѣ франко-прусской войны (1870—71 г.) эта идея была глубоко потрясена. Вѣякому государству, повидимому, развизаны были руки—преслѣдовать свои интересы. Послѣ паденія Наполеона III Франція утратила всякій интересъ поддерживать Турцію; Англія же, послѣ потери своего знаменитаго союзника по крымской компаніи, утратила большую часть своего авторитета въ восточномъ вопросѣ. Но съ неослабвающимъ вниманіемъ слѣдила за восточнымъ вопросомъ Австрія: она дрожала за цѣлость Турціи. И какъ ей было оставаться равнодушно! Въдѣ стремленія славянъ къ самостоятельности отняло бы у ней значительную часть ея силы!.. Вотъ это-то противодѣйствіе западныхъ державъ и Австріи славянскимъ стремленіямъ и распаденію Турціи до франко-прусской войны, — и это же противодѣйствіе со стороны только одной Австріи, съ 1871 года, и обусловливаетъ относительный интересъ исторіи Турціи за послѣднее десятилітіе. Въ послѣднія пять лѣтъ восточный вопросъ вступилъ въ новую фазу: разрѣшеніе этого вопроса, по мнѣнію Шмейдлера, составляетъ теперь только вопросъ времени. Это Гордіевъ узелъ, только ждущій энергической развязки, т. е. мечемъ. Назадъ тому пять лѣтъ еще могли бы говорить, что такимъ разрѣшеніемъ Гордіева узла было бы оскорблено международное право (международное право въ примѣненіи къ Турціи!..) Теперь это опасеніе не имѣетъ мѣста.

Книга Шмейдлера, не смотря на сравнительно небольшой объемъ—296 стран. довольно убористой печати—содержитъ въ себѣ полное изложеніе исторіи Османскаго господства въ Европѣ. Картина современной Турціи, т. е. картина ея разложенія нарисована весьма живо, рельефно, энергическими штрихами. Есть что-то роковое въ многочисленныхъ, страшныхъ конвульсивныхъ припадкахъ усилившейся болѣзни пресловутаго «болонго» челоуѣка. Совершенно истощенные финансы, отсутствіе кредита, мотовство, безпримѣрное въ новой исторіи, возмущенія въ Аравіи, смуты и преслѣдованія христіанъ въ Сиріи тифъ, голодъ и другія бѣдствія въ малой Азій, возрастающее ожесточеніе религіознаго фанатизма, вражда съ соседями — всѣ эти симптомы усиливались въ Турціи въ послѣднее десятилітіе съ поразяющею быстротою.

За то этот вид труппа, пытающегося жить во что бы то ни стало, но обнаруживающего только спазматическія движения вмѣсто здоровыхъ,—контрастируется свѣжими и мощными элементами, какіе представляютъ христіанскія провинціи Балканскаго полуострова. Съ замѣчательнымъ искусствомъ очерчиваетъ Шмейдлеръ прекрасное равновѣсіе государственно-экономическихъ элементовъ Сербіи, съ мужествомъ льва, возставшей, на нашихъ глазахъ, на защиту себя и своихъ братьевъ. По равновѣсію социальныхъ элементовъ, по словамъ Шмейдлера, Сербія представляетъ рѣшительно единственный примѣръ. Въ ней нѣтъ и не было ни крѣпостниковъ, ни крѣпостныхъ, ни дворянства, ни крестьянъ, а есть только одинъ классъ гражданъ. Сербъ (т. е. собирательное имя народа) владѣетъ своею землею какъ безраздѣльной собственностью.

Причину замѣчательной бѣдности Турціи государственнымъ людьми, и особенно въ новѣйшее время, Шмейдлеръ считаетъ неподвижную природу самого ислама и его сковывающія предписанія. Самымъ образованнымъ туркомъ, и государственнымъ чловекомъ въ европейскомъ смыслѣ слова авторъ считаетъ

Фуада-пашу. Эта многосторонняя европейская образованность поставила Фуада-пашу въ разрядъ первоклассныхъ европейскихъ дипломатовъ. За тѣмъ, считавшійся великимъ чловекомъ Аали-паша, по мнѣнію автора, не заслуживаетъ своей славы, хотя потеря Турціи, произведенная его смертью громадна, потому что этотъ чловекъ способенъ былъ внести порядокъ въ турецкую безурядицу.

Желающихъ, однако, познакомиться съ такимъ имѣющимъ современный интересъ предметомъ, какъ исторія Турціи въ последнее десятилѣтіе, отсылаемъ къ самой книгѣ Шмейдлера. Что касается общенсторическихъ фактовъ имѣющихъ ближайшее отношеніе къ Турціи и разработанныхъ съ надлежащею критикою,—то въ этомъ отношеніи лучше всего могутъ быть рекомендованы труды Шассера въ его исторіи XVIII вѣка и Гервинуса въ исторіи XIX вѣка, результатами которыхъ, а также трудами Цинкейзена, Розена, Гаммера-Пургштала и проч. пользовался г. Шмейдлеръ.

М. Стратилатовъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ настоящую минуту, въ общемъ направленіи политики происходитъ переломъ. Главный столпъ и вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ принципа «невмѣшательства», имѣвшаго скорѣе характеръ и значеніе дружественнаго для Турціи «вмѣшательства», — сэръ Беньяминъ Дизраэли сошелъ со сцены. Самое имя это исчезло подъ звучнымъ титуломъ графа Виконсфилда.

Мы уже имѣли случай высказать, что планъ Дизраэли былъ основанъ на предположеніи быстрыхъ побѣдъ оттомановъ, которые, согласно желанію и ожиданіямъ его, должны были покончить съ Сербіей въ нѣсколько ударовъ. Но—разсчитъ этотъ не оправдался. Между тѣмъ стечаніи стоны христіанъ, массаи избиваемыхъ турками, продолжали, и до сихъ поръ продолжаютъ доноситься до слуха возмущенной Европы. Въ виду такихъ неудачъ «далновидной и гуманной» политики Дизраэли, онъ сдѣлался невозможнымъ въ роли руководителя судебъ восточной (и не одной восточной) части Европы—и ему предложено спокойное кресло въ палатѣ пэровъ, съ графской короной въ видѣ золотой пилюлы.

Послѣдствія этой перемѣны уже начинаютъ оказываться. Такъ пресса (и оффиціозная) подтверждаетъ слухъ о томъ, что британскому агенту въ Бѣлградѣ поручено передать князю Милану, что если онъ обратится къ державамъ съ просьбой о посредничествѣ, то такое его желаніе будетъ встрѣчено благопріятно, и кабинетъ ея величества охотно приметъ на себя хлопоты по этому дѣлу. Само собою разумется, что князь отказался отъ любезнаго предложенія, рѣшившись вести войну до крайности. Но такой шагъ со стороны С.-Джемскаго кабинета прямо указываетъ, что принципъ «невмѣшательства» оставленъ имъ совершенно и что «старый Диззи» (народное прозвище, данное Дизраэли) не имѣетъ уже болѣе общаго съ политикой своего отечества. Если, съ одной стороны, ни перемирія, ни мира не желаетъ князь сербскій—то, съ другой, не желаютъ ихъ и сами турки. Они, въ особенности въ послѣднее время, высоко подняли голову и, считая уже себя окончательными побѣдителями, рѣшаютъ участь княжества. По отзывамъ иностранныхъ корреспондентовъ, въ Константинополѣ слѣдуетъ опасаться народнаго волненія въ тотъ моментъ, когда наступитъ горькое разочарованіе.

Турки слишкомъ рано празднуютъ побѣду. Въ сущности, они зашли очень недалеко внутрь Сербіи, они имѣли дѣло съ второстепенными силами славянской арміи. Главныя же силы, подъ начальствомъ генерала Черняева, занимаютъ линію Алексинацъ-Луково-Парачинъ, причѣмъ въ Алексинацѣ сербы угрожаютъ корпусу Мехмета-Али-Паши, въ Луковѣ—корпусу Эюба-Паши и въ Парачинѣ—корпусу Османа-Паши.

Армія генерала Черняева занимаетъ, къ тому же, чрезвычайно выгодную позицію въ горной мѣстности, представляющей естественныя средства обороны. Если же мы вспомнимъ, что бригада Хорватовича цѣлыхъ 5 дней выдерживала натискъ превос-

ходившихъ ея численностью оттоманскихъ войскъ у Княжеваца, то едва ли турки могутъ разсчитывать на какой либо успѣхъ при другихъ условіяхъ.

До сихъ поръ, въ усилія турокъ прорваться съ юго-запада остаются безуспѣшными. 2-го августа, отрядъ въ 5-ть тысячъ оттомановъ напалъ на войска Чолокантича у Янковой Клисесуры, но былъ имъ, послѣ 5-ти часового сраженія, разбитъ на голову, побѣдители, затѣмъ, окружили турокъ у Явора. Въ то же время черногорцы продолжаютъ свое дѣло. 3-го они, въ упорной и кровопролитной битвѣ у Кучима, уничтожили вторую турецкую армію, посланную противъ нихъ. Вотъ подробности этой битвы. Турецкій корпусъ, подъ начальствомъ Махмуда-паши, состоялъ изъ 20-ти тысячъ низамъ и баша-бузукровъ; черногорцевъ подъ командой Петровича, было 5-ть тысячъ. Турецкое войско было сломлено первымъ же натискомъ при крикахъ «ура!» Послѣдовала неслыханная сѣча, черногорцы и турки перемѣшались, дрались въ теченіе 3-хъ часовъ холоднымъ оружіемъ, турки были преслѣдованы отъ Медуна, чрезъ Диношъ, до Подгорицы. Убитыхъ и раненыхъ болѣе 10-ти тысячъ. Каждый черногорскій батальонъ истребилъ болѣе 1000 турокъ, мартиницкій—2 тысячи. Нѣкоторыя юнаки (герои) изрубили до 10-ти турокъ, Новакъ Милошъ, тѣлохранитель князя, изрубилъ 17. Захвачена чрезвычайно богатая добыча. Такого кровопролитнаго сраженія еще не происходило. Эта—по числу потерь, самая блестящая побѣда, изъ одержанныхъ до сихъ поръ. Черногорцы взяли множество знаменъ и оружія. По послѣднимъ извѣстіямъ, князь Николай выступилъ съ 10-ю батальонами къ Албаніи, возложивъ главное начальство въ Герцеговинѣ на Вукотича. Мухтаръ-паша окончательно запертъ въ Требинье и совершенно отрѣзанъ отъ остальныхъ—довольно слабыхъ—оттоманскихъ отрядовъ, дѣйствующихъ въ Герцеговинѣ. Мы съ особю радостью привѣтствуемъ появившееся на этихъ дняхъ извѣстіе о томъ, что «согласно рѣшенію сербекаго правительства и заключенному князьями Николаемъ Черногорскимъ и Миланомъ Сербскимъ договору, война будетъ энергически ведена до совершеннаго освобожденія сербской націи». Только единодушіе, только непреклонное стремленіе къ высокой цѣли доставятъ успѣхъ одинокимъ во всемъ мѣрѣ славянамъ...

СОДЕРЖАНІЕ: М. А. Мариновъ (съ по. третомъ).—Встревоженный городъ. (Картины губернской жизни). (Окончаніе) Д. Стахѣва.—Восточные отголоски (с. хотворенія) Ш.—Норыстный поцѣлуй (съ рисункомъ).—Архимандритъ Думичъ, предводитель сербскихъ добровольцевъ (съ портретомъ). Рус.—Благородный или царственный орелъ (съ рисункомъ). Н. Зуева.—Взятіе Боніе Матери на небо, картина Мурильо (съ рисункомъ).—Паденіе Константинополя въ 1453 году.—Половой госпиталь при Парачинѣ (съ рис.).—Сраженіе при Назіакѣ (съ рис.). Рус.—Библиографія. М. Стратилатова.—Политическое обозрѣніе.—Объявленія.—Почтовый ящикъ.

Редакторъ Д. Стахѣвъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.

№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.

Выдаетъ ссуду подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.

Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.

КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЬ:

на текущій счетъ	7 1/2%
на 3 мѣсяца	7 1/2%
на 6 и до 12 мѣсяцевъ	8 1/2%

Страхуютъ билеты обовъзъ внутр. 5% съ вынгр. займовъ по 20 коп., съ иномгородныхъ по 30 коп. за билетъ. 10—1

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ КАРЛА ИВАНОВИЧА ВАГНЕРА въ Ригѣ.

Имѣетъ честь увѣдомить гг. любителей, что новыя иллюстрированныя каталоги деревьевъ, растеній, цвѣточнымъ луковичкамъ и проч., на 1876 г., изданы и расматриваются безплатно по требованію. 8—1

2 руб. 12 коп. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—48

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Поступившіе въ редакцію, въ пользу семействъ пострадавшихъ отъ возстанія въ Боснии и Герцеговинѣ, собраніе М. М. Жуковскихъ, въ Кишиневѣ,—29 р. 60 к., отъ Г. П. Деляличъ-де-Лаваль, въ Петербургѣ, 13 р., отъ М. З. и У. У. Деляличъ-де-Лаваль, въ Петербургѣ,—12 р., отъ служащихъ ст. «Соездка» Моршанско-Сызранской ж. дороги—12 р., отъ А. Слесарева, въ Ольгополѣ,—3 р., и отъ розничныхъ торговцевъ гостиннаго ряда въ г. Бѣлгородѣ 100 р., а всего 169 р. 60 к., давая въ Главное Управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, въ чѣмъ имѣются квитанціи Управленія за №№ 527,786 и 989.

НИВА

Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни.

№ 34

1876

Выходит еженедельными №№ в два листа с 4—6 рисунками и ежемесячн. даровым приложением парижских модъ
 Выданъ 23 Августа 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) и листа чертежей (отъ 24 до 36) выкроекъ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 г.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

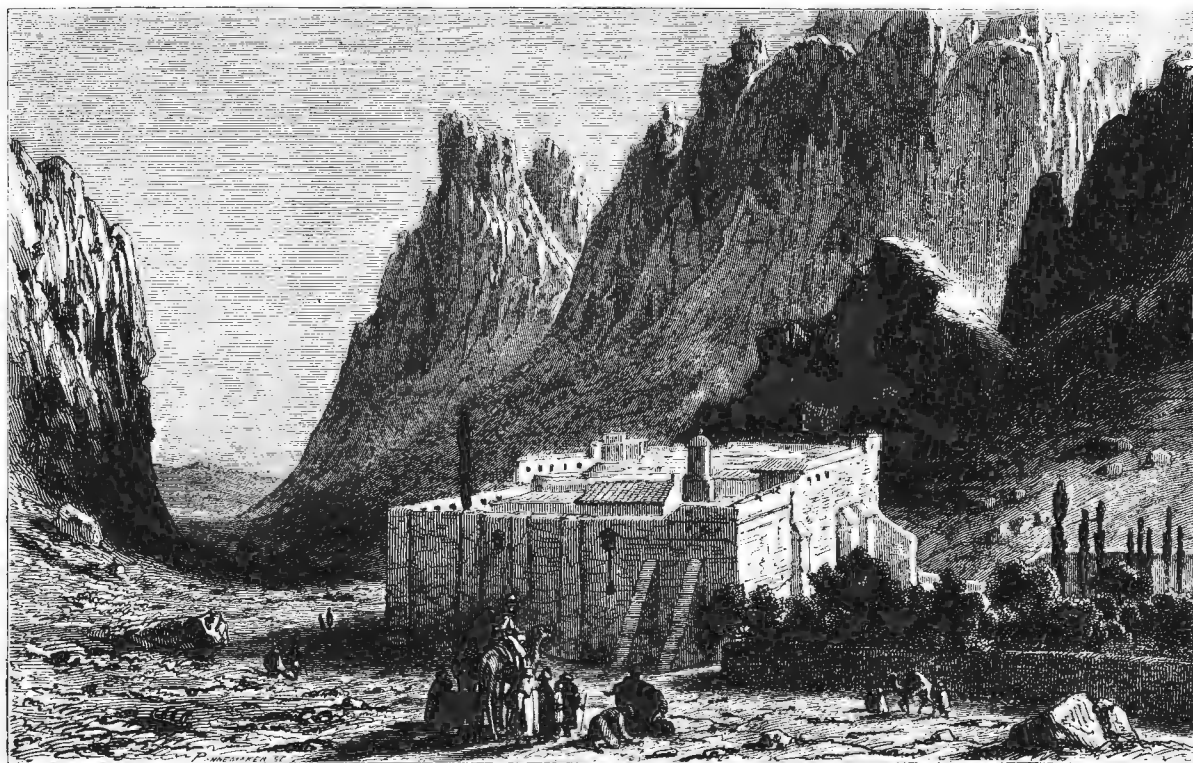
I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ: 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Живарева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другія города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

ГОРА СИНАЙ И СИНАЙСКІЙ МОНАСТЫРЬ

Гора Синай—это одно изъ тѣхъ святыхъ мѣстъ, съ воспоминаніемъ о которыхъ неразрывно связано наше представленіе о колыбели христіанства. Здѣсь совершилось то знаменитое въ исторіи ветхаго завета событіе, которое легло основ-

человѣчныхъ дѣйствійхъ которыхъ не только въ прежнее время, но даже теперь, въ настоящіе дни, доходятъ до насъ ужа-сающія вѣсти.

«Ужъ близко Николай у цѣли былъ, но Богъ еще отсрочилъ

Гора Синай и синайскій монастырь. Съ фотогр. грав. Паннемакеръ.

нимъ камнемъ въ послѣдующемъ развитіи христіанства. По истинѣ гора Синай—«Святое мѣсто», но увѣ! не только гора Синай, но и всѣ другія дороги для христіанства «святія мѣста»: Иорданъ, Вифлеемъ, Иерусалимъ—всѣ они принадлежатъ не христіанскому міру, а тѣмъ его врагамъ, о звѣрскихъ, без-

мигъ... Такъ говоритъ въ одномъ стихотвореніи нашъ поэтъ А. Н. Майковъ. Наступаетъ ли этотъ мигъ теперь, или, по словамъ евангелія, «будутъ послѣднія горше первыхъ»—предрѣшить никто не можетъ.

Будемъ пока жить воспоминаніемъ прошлаго.

Ип одна страна въ мірѣ не была столько разъ изслѣдована и описана, какъ *Палестина*, а вмѣстѣ съ нею *сѣверный Египетъ* и *Синайскій полуостровъ*. Еще въ началѣ среднихъ вѣковъ благочестивые пилигримы отправлялись туда на богомолье, и описанія ихъ путешествій, сдѣланныя на старинномъ языкѣ, не утратили еще и теперь своей прелести и интереса. Въ новое время литература о Святой Землѣ и сосѣднихъ съ нею мѣстностяхъ разрослась до громаднѣхъ размѣровъ; посвященные и непосвященные, ученые общества, именно въ Англіи, снаряжаютъ цѣлыя экспедиціи, снабженныя значительными средствами, для изслѣдованія со всевозможныхъ сторонъ и во всевозможныхъ отношеніяхъ театра библейской исторіи. Между вновь появившимися сочиненіями по этому предмету, особенно видное мѣсто занимаетъ книга лейпцигскаго профессора Эберса: «*Durch Gosen zum Sinai*», въ которой описывается переходъ дѣтей Израиля изъ Египта къ Синаю. А такъ какъ профессоръ Эберсъ занимается изслѣдованіемъ египетскихъ древностей, то исторія исхода является у него и съ точки зрѣнія египтологіи—онъ показываетъ намъ, какъ древне-египетскія грамоты, написанныя тысячи лѣтъ тому назадъ, іероглифами, подтверждаютъ до мельчайшихъ подробностей сказанія библіи касательно исхода евреевъ, причемъ онъ самъ идетъ по той же дорогѣ, по которой прошилъ нѣкогда подъ предводительствомъ Моисея дѣти Израиля, и доказываетъ, что каждая отдѣльная черта библейскаго описанія исхода израильтянъ въ состояніи выдержать историческую критику.

Прослѣдимъ нѣкоторые данныя.

Израильтяне жили въ *Гесемѣ*, занимавшемъ восточную часть дельты Нила и простиравшемся отъ нынѣшняго Каира на югъ до Средиземнаго моря; въ немъ было множество городовъ, между которыми самыми замѣчательными были: на сѣверѣ—Гелиополь, а на югѣ—Пелузіи, Рамзисъ и Танисъ. Въ этой плодородной мѣстности евреи жили съ такою поразительною быстротою, что грозили сдѣлаться опасными для господствующаго народа, египтянъ. Фараонъ поручилъ «гражданскимъ чиновникамъ и корпусу жандармовъ» строго наблюдать за пришельцами. Древнеегипетскіе памятники называютъ даже по имени нѣсколько деревенскихъ старостъ, а также заключаютъ въ себѣ изображенія и надписи, показывающія намъ евреевъ, занимающихся выдѣлкой и складкой кирпича, а подлѣ нихъ уюмянутыхъ выше чиновниковъ, которые наблюдаютъ надъ евреями, погоняютъ и бьютъ ихъ. Подъ однимъ изъ этихъ древнихъ изображеній находится слѣдующая надпись іероглифами: «Плѣнные, прикомандированные по приказанію Его Величества къ постройкѣ храма Аммона». Это представляетъ точное подтвержденіе 13 и 14 стиховъ II книги Моисея, гл. I, «И насиліе творяху египтяне сыномъ израильтевымъ нуждею, и болѣзненну тѣмъ жизнь творяху въ дѣлѣхъ жестокихъ, брениемъ и плинодѣланіемъ». Затѣмъ въ 5, 7 и 8 главахъ, рѣчь идетъ о томъ, что евреи должны были собирать отовсюду солому, которую они примѣшивали къ кирпичамъ, и дѣйствительно, въ Гесемѣ найдены древнеегипетскіе кирпичи, сдѣланные съ примѣсью рѣзаной соломы.

Изслѣдованіе египетскихъ древностей передаетъ намъ даже имена тѣхъ двухъ фараоновъ, въ царствованіе которыхъ пришлось пострадать израильтянамъ. Рамзесъ II, извѣстный у грековъ подъ именемъ Сезостриза, могущественный властелинъ, великій воинъ и строитель, былъ фараономъ-угнетателемъ, и время его юности совпадаетъ со временемъ юности Моисея.

Въ его царствованіе произошло гоненіе на евреевъ, у которыхъ было приказано отнимать и бросать въ рѣку всѣхъ новорожденныхъ мальчиковъ и чудесное спасеніе Моисея отъ воды Нила.

Моисей, какъ извѣстно, послѣ бѣгства въ Мадіамъ, является во дворецъ фараона (будучи уже 80 лѣтъ) съ требованіемъ, чтобы тотъ опустилъ по приказанію Божію евреевъ въ пустыню. Но фараонъ, отвергающій требованіе Моисея и приказывающій обременить израильтянъ еще тягчайшими работами, уже не великій Рамзесъ, какъ показываютъ намъ египтологи, а его слабый сынъ *Мернепта*. Онъ боялся, чтобы евреи не соединились съ его врагами на востокѣ и запретилъ имъ выходить изъ Египта. Тутъ слѣдуютъ небесныя казни, но Мернепта не уступаетъ до тѣхъ поръ, пока не исполняется страшная угроза Моисея и не умираетъ «всякъ первенецъ въ земли Египетскій, отъ первенца Фараонова и даже до первенца рабыни и до первенца всякаго скота». Одна надпись на колоссѣ Узортена I, сохраняющемся въ египетскомъ дворѣ берлинскаго музея, подтверждаетъ, что фараонъ потерялъ еще при жизни сына, называвшагося, подобно ему, Мернептою.

Наконецъ настаетъ исходъ, за которымъ ученый Эберсъ, держась библіи и египетскихъ памятниковъ, слѣдитъ до мельчайшихъ подробностей на мѣстѣ событий. Оказывается, что библейскія описанія сдѣланы съ изумительной топографической вѣрностью. Мернепта неохотно отпустилъ евреевъ въ пустыню для совершенія богослуженія; и затѣмъ, чтобы помѣшать ихъ полному бѣгству, онъ долженъ былъ употребить всѣ находящіяся въ его власти средства. Во II книгѣ Моисея (гл. 14, 6—8 ст.) говорится: «И поятъ шестьсотъ колесницъ израильтянъ, и вся кони египетскія, и тристаты надъ всѣми. И ожесточи Господь сердце Фараона, царя египетскаго, и рабовъ

его, и погна создаи сыновъ израильтянъ». Египетскіе памятники опять подтверждаютъ библейскія описанія, представляя многочисленныя изображенія воиновъ на колесницахъ, и такъ образомъ эти изображенія служатъ также фактическимъ подтвержденіемъ словъ Библіи.

Затѣмъ слѣдуетъ чудесный переходъ черезъ красное море именно черезъ самый сѣверный узкій конецъ его, *заливъ Суэцкій*. Эберсъ опредѣляетъ съ точностію это мѣсто и рассказываетъ обстоятельства, при которыхъ произошелъ переходъ, недалеко отъ Суэца. Тамъ-то именно и погибли египтяне, а спасенные евреи отправились утромъ дальше, расположились лагеремъ у монсеева колодца и проѣхали хвалебную пѣснь Богу.

Послѣ этого мы шагъ за шагомъ слѣдимъ за странниками во время ихъ перехода черезъ пустыню. Всѣ обозначенныя въ библіи станицы могутъ быть опредѣлены точнымъ образомъ еще и теперь.

Эго трудная, опасная пустынная дорога, гдѣ извѣжвившійся въ Гесемѣ народъ говоритъ съ испугомъ: «О, если бы мы погибли въ землѣ египетской! Тамъ мы сидѣли передъ котлами наполненными мясомъ, и ѣли хлѣбъ до сытости» (II книга Моисея 16. 3). Но въ тѣнстомъ тamarисковомъ лѣсу съ его тоненькими зелеными вѣтвями пародъ питается *манной*, которой въ книгѣ Эберса посвященъ особый отдѣлъ, опять съ точки зрѣнія египтологіи. Еще и нынѣ изъ этихъ богатыхъ сокомъ кустарниковъ пустыни выходитъ медообразная масса, которая падаетъ на землю тяжелыми каплями и собирается бѣдунами, употребляющими ее въ пищу. Уже много прежде, это вещество, извѣстное и теперь еще у аравитянъ подъ именемъ «манъ», считалось пустыннымъ хлѣбомъ евреевъ. И на древне-египетскихъ памятникахъ оно называется «Ману». На храмѣ въ Эдфу находится слѣдующая надпись: «Вълая манныя чрезвычайно похожа на крупинки анга». Крупинками же анга называются бѣлосѣбные кусочки смолы, выходящіе изъ аравійскихъ деревьевъ и употребляемые для куренія. Часто манныя лежатъ подъ тamarисковыми деревьями на подобіе снѣга, слѣдовательно это чрезвычайно точно согласуется съ библейскимъ сравненіемъ манны съ инеемъ (II кн. Моисея, 16, 14). И съ кустарниковъ падаетъ она въ видѣ дождя, тасть на солнцѣ, точь въ точь, какъ изображено въ библіи.

Все дальше и дальше шли евреи; тутъ поднялась передъ ними гора, открытая грудь и голова которой, замѣтныя еще издали, превышали всѣ сосѣднія вершины. Эта гора, извѣстная теперь подъ именемъ *Сербала* и лежащая на 6720 футовъ выше уровня океана—самая прекрасная и величественная гора на полуостровѣ. «Эго, пишетъ Эберсъ, гигантъ, который, предпочтительно передъ всѣми горами востока, можетъ требовать, его называли трономъ Божіимъ».

Горная группа, извѣстная нынѣ подъ именемъ *Синая*, гдѣ находится монастырь св. Екатерины, представляетъ, напротивъ того, собраніе вершинъ, которое, какъ цѣлое, не можетъ произвести никакого впечатлѣнія ни съ которой стороны. Правда, монастырскій Синай выше Сербала: онъ поднимается до 7363 футовъ, но его основаніе лежитъ на 5,000 футовъ выше моря, а основаніе Сербала всего на 2,000 футовъ. Изъ этого выходитъ, что Синай представляется зрителю горой въ 2,363 фута, а Сербаль—въ 4,720 футовъ.

Съ этими двумя горами соединяется спорный вопросъ: которая изъ нихъ была горою законодательства? Тинендорфъ, Грауль, Рюппель, Фраасъ, Пальмеръ и другіе ученые стоятъ за монастырскій Синай, а Лепсіусъ, Эберсъ и другіе—за Сербаль. Тѣ и другіе подтверждаютъ свое мнѣніе извѣстными доводами, и мы предоставимъ рѣшить ученымъ, на которой изъ этихъ двухъ вершинъ Богъ явилъ свое присутствіе въ громѣ, молніи и дымѣ и даровалъ десять заповѣдей ожидающему народу.

Синайскій монастырь (нѣкоторые называютъ его *Екатерининскимъ*, такъ какъ въ немъ хранятся мощи св. Екатерины)—одна изъ древнѣйшихъ обителей. Надпись на ново-греческомъ и арабскомъ языкахъ на мраморной доскѣ, вдѣланной въ стѣну монастырскую, гласитъ такъ: «Этотъ священный монастырь горы Синая, воздвигнутый на мѣстѣ, гдѣ Господь бесѣдовалъ съ Моисеемъ, построенъ Юстиніаномъ, смиреннымъ Императоромъ Римскимъ, на память вѣчную его и жены его Теодоры; оконченъ на тридцатомъ году ея царствованія и поставленъ былъ пугменомъ. Это отъ сотворенія міра 6121, а отъ Рождества Христова 527».

Монастырь построенъ въ видѣ четырехугольника, на крутой покатош, идущей отъ подошвы Хорива къ разрѣзу ущелья. Главный фасадъ его находится на той сторонѣ, гдѣ устроенъ *воздушный входъ*. Высота стѣнъ не одинакова и соотноствуется неровной поверхности мѣста, на которомъ онъ возвышается. Лицевыя стѣны кажутся выше прочихъ; онѣ имѣютъ высоты до 6 саж. и болѣе. Углы выступаютъ, и изъ нихъ нѣкоторые закруглены, въ видѣ угловыхъ башенокъ; западный уголъ выше прочихъ и имѣетъ до 8 саж. вышины. Кромѣ угловъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по стѣнамъ, для придачіи имъ болѣе крѣпости, выходятъ наружу четырехугольные выступы также въ видѣ башенъ. Въ одномъ или двухъ мѣстахъ поставлены небольшія пушки. У башни западнаго угла находится помѣщеніе эконома, хозяина монастыря по продовольственной части.

Разсвѣтъ. Картина Арбо, грав. Кличъ и Рошлицеръ.

Библиотека "Руниверс"

У него передъ глазами и долина эръ-Раха съ путемъ изъ Суэца, и садъ монастырскій, для обезпеченія котораго, а вмѣстѣ и подземнаго хода въ монастырь, отъ нападенія арабовъ, въ окнѣ его кельи поставлена одна изъ имѣющихся здѣсь пущечекъ. Нижняя часть стѣны, и въ особенности башень, сложена изъ огромныхъ камней (известняка и гранита), вѣшняя сторона которыхъ представляетъ плоскость отъ 6—7 квадратныхъ футовъ. Выше было упомянуто о «воздушномъ входѣ». Дѣйствительно, воротъ въ монастырской стѣнѣ нѣтъ, и только вверху лицевой стѣны находится просторное, въ видѣ двери, окно, прикрытое всячею деревянною будкою, служащею ему какъ бы колпакомъ; будка безъ дна и въ верхней части ея укрѣпленъ надежный блокъ, черезъ который перекинута толстая веревка. Желаящій посѣтить монастырь долженъ представить пугмену рекомендательное письмо (отъ архіепископа

Константинопольскаго или отъ намѣстника изъ Каира), т. е. привязать накетъ съ письмомъ къ концу спущенной веревки, а затѣмъ, когда пугмень разрѣшитъ принять гостя—изъ окна спускаютъ прочный канатъ съ петлей на концѣ (на подобіе ламки), въ которую туристъ и садится. Монахи воротомъ поднимаютъ гостя, и когда петля остановится у блока—одинъ изъ нихъ притягиваетъ ее къ себѣ и—поднявшійся пилигримъ вступаетъ въ монастырь. Само собою разумѣется, что монастырь имѣлъ ворота, но они задѣланы еще въ то время, когда арабы врываются въ обитель вслѣдъ за богомольцами-странниками и безчинствовали тамъ, требуя «бахшиша»... Да и теперь еще синайскимъ отшельникамъ приходится быть на сторожѣ и зорко поглядывать по сторонамъ, потому что бедуины не прочь учинить грабежъ, если только случай къ этому представится.

Г И М Н Ъ С Л А В Я Н А М Ъ .

Стихотвореніе Людовика Джакконе.
(Съ французскаго).

Слышу я бранные крики вдали,
Пушки гремятъ, не смолкая...
Тамъ, по гористымъ дорогамъ, въ пыли,
Двигается рать боевая—
То—Герцеговина встала, идти!...
Братья, склонимся предъ нею!
Если кровавая жертва нужна—
За христіанъ эта бьется страна,
Жертвуя кровью своею.

Тамъ, среди горъ неприступныхъ, лѣсовъ

Храбрыя дѣти Балкановъ
Подняли знамя, и грозный ихъ зовъ
Въ ужасъ приводитъ тирановъ:
Крикъ «независимости!» кровь леденитъ...

Эти призывные звуки

Будятъ другихъ; это лучъ золотой
Освобожденія отчизны родной...
Вѣрьте, развяжутся руки!

Крику оставшихъ въ горахъ и лѣсахъ
Вторить стoisкое эхо...
Все-то герои въ славянскихъ рядахъ,
Биться съ врагомъ имъ утѣха!
Словно на праздникъ, все на смерть идутъ,
Страхъ въ душѣ христіанской
Нѣтъ и не будетъ!.. Гляди, Магометъ,
Знамя теряетъ зеленый свой цвѣтъ
Въ алій крови мусульманской!

Въ первыхъ рядахъ—герцеговинцевъ
ратъ

Что ей и смерти объятья!
Сербія, встань и иди помогать—

Помощи ждуть твои братья.
И—засверкали въ Бѣлградѣ мечи,
Хлынули свѣжія силы...
Гранетъ гроза надъ зеленой чалмой,
Слышатъ османы—бьетъ часъ роковой!...
Шагъ до отверзтой могилы.

Слышите? Стонетъ уже и хрипитъ
Призракъ величія былого,—
Миръ мусульманскій являетъ намъ видъ
Дряхлаго тѣла, больного...
Дни сочтены его! Свѣточъ иней
Вспыхнулъ—славянское пламя
Ярко горитъ... Не загаситъ корань!
Видитъ Европа: въ десницѣ славянъ
Освобожденія знамя!

Щ.

З О Л О Т О Ш В Е Й К А .

(Быль изъ недавняго прошлаго).

I.

По набережной большой Невы, мимо Зимняго дворца, торопливо шла молодая дѣвушка съ узелкомъ въ рукахъ и спѣшила попасть на пароходъ, отвозившій пассажировъ отъ Зимняго дворца до Мытнаго перевоза. Дѣвущку старался догнать молодой человѣкъ франтовски одѣтый, догнавъ и заговорилъ съ ней.

— Куда вы, сударыня, спѣшите?

— А это васъ интересуетъ? отвѣчала дѣвушка.

— Еще бы! Знать, гдѣ живетъ такое божественное существо интересно каждому.

— Будто бы? Но вамъ едва ли удастся узнать, гдѣ я живу.

Въ это время молодые люди подошли къ пароходу, и дѣвушка торопливо взошла на него. Молодой человѣкъ послѣдовалъ за нею.

Увидѣвъ своего провожатаго возлѣ себя, молодая дѣвушка сказала ему серьезно:

— Я надѣюсь, что вы ѣдете на Петербургскую сторону не ради меня, и что съ того времени, когда я взойду на мытнинскую пристань, вы оставите меня въ покоѣ и не послѣдуете за мной.

— Извините за откровенность, отвѣчалъ молодой человѣкъ, приложивъ руку къ сердцу, но я долженъ вамъ сказать, что вы ошибаетесь. Я именно для васъ переѣзжаю на ту сторону.

Пароходъ причалилъ къ мытнинской пристани. Молодая дѣвушка соскочила съ него на пристань и скорымъ шагомъ пошла по набережной Петербургской стороны.

Молодой человѣкъ послѣдовалъ за нею въ отдаленіи и такимъ образомъ шелъ за ней до тѣхъ поръ, пока она не дошла до небольшого домика въ Колтовской. У воротъ домика дѣвушка остановилась и постучала въ калитку.

Молодой человѣкъ приблизился къ ней.

— Ради Бога уйдите, сказала она. Въ здѣшней сторонѣ не укроешься отъ любопытныхъ глазъ и всякій шагъ перетолковываютъ по своему, всегда въ невыгодную сторону для того, кто его сдѣлалъ. Наконецъ, васъ можетъ увидѣть изъ окна тетюшка моя, у которой я живу, а изъ за этого, совершенно напрасно, посыплются на меня разныя укоризны. Уйдите же, прошу васъ.

Молодой человѣкъ повиновался и поспѣшно отошелъ въ сторону.

Черезъ нѣсколько секундъ послѣ этого калитка отворилась, и дѣвушка вошла въ нее.

Не прошло и двухъ дней, какъ молодой франтъ снова появился у домика въ Колтовской, и началъ прохаживаться мимо оконъ по противоположной сторонѣ улицы.

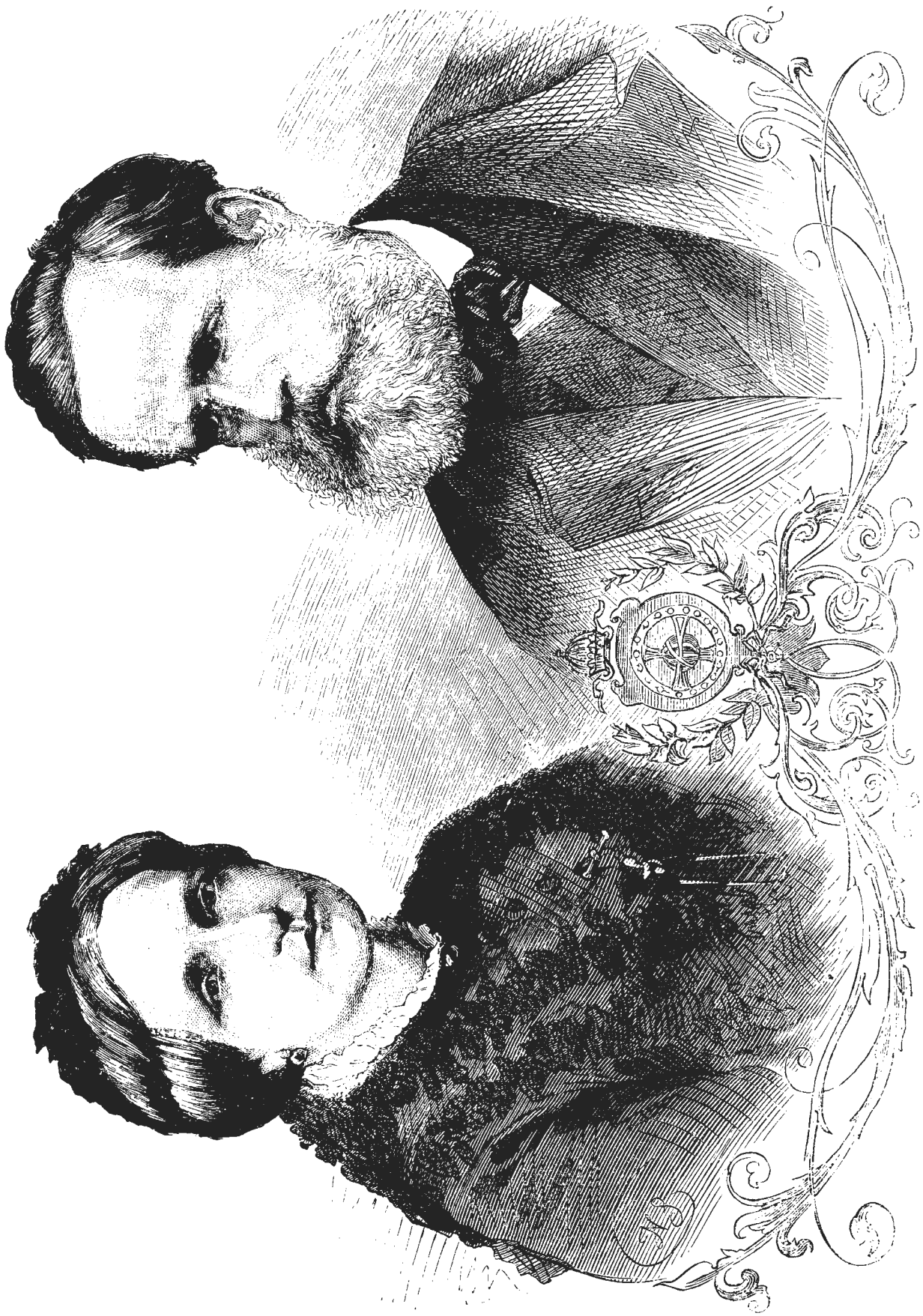
У одного окна домика сидѣла старушка и вязала чулокъ. Поднявъ глаза и посмотрѣвъ въ окно черезъ очки, она увидѣла шагавшаго по противоположной сторонѣ молодого франта. Въ Колтовской щегольски одѣтый господинъ составляетъ рѣдкое явленіе, а потому не остается не замѣченнымъ. Вотъ почему и старушка обратила вниманіе на прогуливавшася франта и, повернувшись къ молодой дѣвущкѣ, не вдалекѣ отъ нея вышивавшей въ пальцахъ, сказала:

— Посмотри, Олечка. Какой это франтъ прогуливается по тротуару и посматриваетъ на наши окна. Не знаешь ли ты, кто онъ?

Дѣвушка взглянула въ окно, покраснѣла и, на сколько была въ состояніи, равнодушно отвѣчала.

— Вѣроятно какой нибудь фланёръ, которому нечего дѣлать. Видно онъ никогда не видалъ Колтовской и пріѣхалъ нарочно, чтобы взглянуть на нашу сторону.

— Такъ за чѣмъ же онъ не отправляется дальше,

Тереза-Христиана-Марія.

Императоръ и императрица бразильскіе.

Донъ Педро II.

а только все прохаживается взадъ и впередъ напротивъ нашего дома, да поглядываетъ на наши окна.

— А ужъ объ этомъ, милая тетюшка, вы спросите у него самого, когда это васъ интересуеть, отвѣчала дѣвушка.

— А чтожь? Я не прочь. Да только какъ это сдѣлать?

— Ради Бога не дѣлайте этого, поспѣшно отвѣчала дѣвушка. Вы знаете какими сплетниками мы окружены. Сочинять чего и не бывало. Вѣдь это не Невскій и не Гороховая. Тутъ хуже, чѣмъ въ какомъ нибудь провинціальномъ городишкѣ.

— А если мы попросимъ его зайти къ намъ.

— Это для какой радости. Право, тетенька, вы любопытнѣе ребенка. Вы забываете, что мнѣ только девятнадцать лѣтъ, и что досужіе языки сосѣднихъ кумушекъ не преминутъ сплести такую бѣду, что мнѣ проходу не будетъ.

— Пожалуй. Какъ себѣ хочешь.

И старушка съ племянницей опять принялись каждая за свою работу.

Прошло еще два дня. Молодой человѣкъ опять появился на своемъ посту. Но напрасно посматривалъ онъ на окна домика. Ни въ одномъ изъ нихъ не видно было ни старушки, ни молодой дѣвушки.

Такія нашествія повторялись по два и по три раза въ недѣлю.

Но наконецъ, однажды молодой человѣкъ, отправившись въ извѣстную ему улицу въ Колтовскую, увидѣлъ впереди себя двухъ женщинъ, въ числѣ коихъ по легкой походкѣ и стройному стану онъ призналъ свою незнакомку. Онъ ускорилъ шаги, догнавъ дамъ обратился къ той, которая была постарше.

— Извините, сударыня, за мою смѣлость. Мнѣ нужно вышить гербъ нашей фамилии. Мнѣ сказали, что въ Колтовской, не далеко отъ Наличной улицы, живетъ золотошвейка. Позвольте васъ спросить не знаете ли вы ея адреса?

Дамы переглянулись. Ого! какую ты сплелъ исторію, подумала про себя младшая изъ нихъ.

— Вамъ сказали правду, милостивый государь, отвѣчала старшая. Моя племянница, которую вы видите передъ собой, та самая золотошвейка, о которой вамъ говорили. Угодно вамъ идти за нами?

— О! съ величайшимъ удовольствіемъ, сказала молодой человѣкъ, снова поклонившись.

Затѣмъ дамы отправились въ сопровожденіи молодого человѣка къ знакомому намъ домику и постучались въ калитку.

Имъ отворила пожилая женщина, исправлявшая всѣ должности въ домѣ: горничной, кухарки и дворника.

Изъ небольшой, но чистенькой передней, они вошли въ довольно просторную, свѣтлую, о двухъ окнахъ и весьма прилично меблированную комнату. Мебель была старомодная, красного дерева, но совершенно еще исправная. Въ правомъ углу помѣщалась кіота съ множествомъ образовъ. Подъ кіотой стояло кресло съ мягкой спинкой, а передъ кресломъ небольшой круглый столикъ. На креслѣ сидѣла постоянно старушка. Въ противоположномъ углу стояли пальцы, за которыми вышивала ея племянница.

Гость былъ пріятно пораженъ приличною обстановкою комнаты.

— Милости прошу, батюшка, обратилась къ гостю пріятливо старушка. Не побрезгайте нашимъ убожествомъ.

— Помилуйте сударыня. Какое убожество.

— Ну, Олечка, обратилась старушка къ племянницѣ, покажи имъ свою работу.

Дѣвушка открыла пальцы и показала еще недоконченное шитье шелками, золотыми и серебряными нитками.

— Восхитительно, сказала молодой человѣкъ, внимательно разсматривая работу. Да вы настоящая художница. Для кого вы работаете?

— По заказу отъ церкви, отвѣтила дѣвушка.

— И выгодна эта работа?

— Ну не скажу.

— И долго вы сидите надъ этимъ дѣломъ?

— Двѣ недѣли.

— Скажите. Значитъ работа эта конотливая?

— Ну, нельзя сказать, чтобы слишкомъ. Дѣло въ томъ, что надо бы сидѣть побольше за ней. а между тѣмъ домашнія хлопоты нерѣдко мѣшаютъ.

— Значитъ я могу передать вамъ свой заказъ?

— Почему же нѣтъ.

— А настоящая ваша работа не помѣшаетъ исполненію моего заказа?

— Если вамъ скоро нужно, то я могу и пріостановиться съ настоящей работой и заняться исключительно вашимъ заказомъ.

— Я бы этого желалъ.

Между тѣмъ въ это время вошла старушка, выходящая по хозяйству.

— Позвольте, батюшка узнать, какъ васъ звать, чествовать? спросила старушка молодого гостя.

— Меня зовутъ Борисомъ Александровичемъ, а фамилія моя князь Стародубскій. Но позвольте и мнѣ знать у кого я имѣю честь быть.

— Я вдова отставнаго капитана арміи Житинева, а племянница моя, родная дочь моего роднаго брата сенатскаго секретаря, Надворнаго Совѣтника Старопольскаго, сиротка послѣ отца и матери. Домикъ, въ которомъ мы живемъ, принадлежитъ племянницѣ, а содержимъ мы себя изъ моей пенсіи, да рукодѣльемъ.

Радужно распростились новые знакомцы.

— Ну, что? сказала старушка, обращаясь къ племянницѣ, вѣдь правду я сказала тебѣ по твоему сну, что насъ ожидаетъ нечаянная радость.

II.

Не прошло и двухъ дней, какъ князь явился къ своимъ новымъ знакомымъ въ Колтовской.

— Садитесь князь, сказала старушка.

— Благодарю, Анна Васильевна. Позвольте прежде всего покончить дѣло съ Ольгой Петровной. Нужно показать ей рисунокъ герба и разъяснить нѣкоторыя подробности. Хотя я убѣжденъ въ понятливости и дарованіяхъ вашей племянницы, тѣмъ не менѣе полагаю, что нѣкоторыя разъясненія будутъ излишніи.

— Объясняйте, батюшка, объясняйте. Умъ хорошъ, а два лучше.

Около часу продолжалось разъясненіе.

Такъ прошло утро и собесѣдники удивились, когда часы пробили четыре. Князь уѣхалъ.

— Прекрасный молодой человѣкъ, воскликнула почти вслѣдъ ему старушка.

Ольга ничего не сказала, но въ душѣ согласилась съ мнѣніемъ тетки.

Все чаще и чаще сталъ посѣщать князь старушку Житиневу и ея племянницу. Старушка была всегда рада дорогому гостю. Посѣщенія эти дѣлались, разумѣется, подъ предлогомъ наблюденія за работой. Разговоры князя съ Ольгой съ каждымъ разомъ дѣлались все интимнѣе и интимнѣе.

Мало по малу посѣщенія князя становились все продолжительнѣе, онъ оставался нерѣдко не только на обѣдъ, но и на вечерній чай.

Сосѣднія кумушки забили въ набатъ. Частыя посѣщенія князя взволновали мирныхъ Колтовянокъ. Женитьба князя на Ольгѣ стала у нихъ рѣшеннымъ дѣломъ. Пошли гаданья на картахъ и на кофейяхъ: скоро ли быть концу дѣла, будутъ ли молодые счастливы и кто надъ кѣмъ возьметъ верхъ.

Но всему бываетъ конецъ; по этому кончилось и вышиванье герба.

Взявъ работу и заплативъ за нее съ щедростью, князь Стародубскій не прекратилъ своихъ посѣщеній къ обитательницамъ маленькаго домика въ Колтовской. Ольга держала себя строго, не подавая князю повода ни къ малѣйшей вольности.

Уже около года длилось ихъ знакомство. Въ это время въ отношеніяхъ молодыхъ людей произошла значительная перемена. Князь хотя и не смотрѣлъ на Ольгу Старопольскую какъ на персону, съ которой можно легко сойтись, тѣмъ не менѣе не допускалъ и мысли о серьезности своихъ къ ней отношеній. Но Ольга была на сторожѣ и не рѣдко самымъ положительнымъ образомъ высказывала князю, что только въ предѣлахъ крайней благопристойности можетъ продолжаться его знакомство.

Съ своей стороны князь внутренно сознавалъ, что его отношенія къ Ольгѣ далеко рознятся отъ тѣхъ, въ которыхъ онъ до сихъ поръ бывалъ съ другими, но въ тоже время онъ не придавалъ этимъ отношеніямъ особой серьезности, или лучше, не хотѣлъ придавать, хотя сердце шептало ему совершенно иное. Даже кратковременная разлука съ Ольгой, на три, на четыре дня становилась ему все тяжелѣе и тяжелѣе, и онъ невольно, увлекаемый какъ бы невѣдомой для него силой, стремился въ маленькій домикъ въ отдаленномъ уголку Петербурга.

III.

— Скажи, пожалуйста, Борисъ, къ кому это ты такъ часто ѣздишь на Петербургскую сторону и у кого проводишь ты тамъ цѣлые вечера? съ такимъ вопросомъ обратилась однажды старая княгиня Стародубская къ своему сыну. Максимъ кучеръ докладывалъ мнѣ, что ты по два и по три раза въ недѣлю ѣздишь въ Колтовскую къ какой-то старушкѣ Житиновой, у которой молодая и красивая племянница?

— Которая вышла артистически нашъ гербъ вамъ на ридикюль, перебилъ молодой князь.

— Тѣмъ хуже. Значитъ она простая швея?

— Ну, не совсѣмъ. Она дворянка и дочь надворнаго совѣтника.

— А что такое надворный совѣтникъ?

— По военному—подполковникъ.

— Все это прекрасно; но вспомните, что вашъ отецъ былъ военный генераль-лейтенантъ и князь изъ стариннаго рода. Фамилія князей Стародубскихъ одна изъ древнѣйшихъ.

— Мамаша, мамаша! Удивительныя вещи говорите вы. Развѣ мы не всѣ равны предъ Богомъ.

— Пожалуста, вы мнѣ глупостей не говорите, а запомните навсегда, что я не допущу *messalliance* въ родѣ князей Стародубскихъ. Ты можешь сколько тебѣ угодно ухаживать за твоей любезной, сдѣлать ее своею *maîtresse*, но далѣе ни на шагъ. Впрочемъ, честиѣ было бы съ твоей стороны оставить дѣвушку въ покоѣ, да и самому избѣгнуть опасности. Ты же мужемъ ей никогда не можешь быть.

— Не понимаю, почему? Въ Ольгѣ встрѣтилъ я дѣвушку добрую, развитую, умную и образованную.

— Ахъ! ее зовутъ Ольгой. Имя недурное.

— Къ вашимъ услугамъ, отвѣтилъ князь, поклонившись. Повѣрьте, что эта дѣвушка, вслѣдствіе своего развитія и образованія, далеко выше, во всѣхъ отношеніяхъ, куколь нашего общества. Я увѣренъ, если бы вы ее увидѣли, вы бы навѣрное ее полюбили.

— И не надѣйся. Я слишкомъ уважаю обычаи и требованія своего общества.

Князь улыбнулся.

— Не улыбайся, мой другъ.

— Перестаньте, маменька. Я глубоко убѣжденъ, что

вы говорите противное вашимъ материнскимъ чувствамъ. Никогда не пожертвуете вы счастьемъ вашего сына, ради безсмысленнаго общественнаго предразсудка.

— Ты думаешь? Напрасно! А вотъ попробуй пойти противъ моей воли и ты увидишь, на что я способна.

Княгиня происходила изъ стариннаго аристократическаго рода; она совершенно добросовѣстно высказывала, что скорѣе увидитъ сына несчастнымъ, но не дозволитъ ему вступить въ неровный бракъ. Каково же было ея удивленіе, когда недѣли черезъ три послѣ достопамятнаго завтрака, сынъ ея объявилъ ей, что онъ женихъ той самой Ольги, на которой она запретила ему жениться, и что черезъ мѣсяць будетъ его свадьба.

Громовой ударъ, разразившійся у ногъ княгини, не поразилъ бы ее такъ сильно, какъ это извѣстіе.

Княгиня поняла, что ея сынъ не шутитъ и что нужно начать дѣйствовать, и дѣйствовать энергически. Она начала съ того, что упростила начальство князя отправить его въ командировку. Начальство согласилось, и князь получилъ назначеніе отправиться въ отдаленный провинціальный городъ. Какъ ни протестовалъ князь противъ командировки, въ виду предстоящей свадьбы, но приходилось повиноваться или подать въ отставку. Князь прибѣгнулъ къ этому послѣднему средству; но, увы, оно оказалось неэффективнымъ: отставки не приняли. Князю объявили, что ему будетъ дана отставка по окончаніи имъ порученія.

Послѣ этого оставалось одно, скорѣе ухватъ, чтобъ скорѣе воротиться, и князь ухватъ.

Тогда княгиня пустилась на хитрости. Она объявила сыну, что соглашается на его бракъ и позволяетъ выписать невѣсту въ тотъ городъ, въ который сынъ командированъ и можетъ тамъ обвѣнчаться. Ничего не подозревая, князь съ радостью принялъ предложеніе и написалъ невѣстѣ и ея теткѣ, чтобы онѣ пріѣхали къ нему. На дорогу выслалъ онъ имъ денегъ въ достаточномъ количествѣ.

Ольга, почему-то не вѣрившая, что княгиня, послѣ рѣшительнаго отказа сыну въ дачѣ благословенія на бракъ, согласилась на него добровольно, не хотѣла ѣхать по приглашенію жениха и высказалась въ этомъ смыслѣ передъ теткой. Но тетка разуверила ее. Ольга согласилась, но не совсѣмъ.

Между тѣмъ и княгиня собралась и пріѣхала въ тотъ городъ, въ которомъ пребывалъ князь. Назовемъ его хоть М*.

Недалеко отъ этого города находились обширныя помѣстья князя Стародубскаго, а близъ самого города, въ двухъ верстахъ отъ него—село, его же.

Въ этомъ селѣ былъ и барскій домъ, но княгиня не поселилась въ немъ, а молодой князь тоже не нашелъ удобнымъ жить тамъ потому, что дѣла по командировкѣ требовали почти постоянного его присутствія въ городѣ.

Въ барскомъ домѣ помѣстили старушку Житиневу съ племянницей, предоставивъ имъ въ распоряженіе и домъ, и прислугу его.

Княгиня очень часто приглашала къ себѣ Ольгу, ласкала ее, вывозила къ своимъ знакомымъ въ городѣ.

Не смотря на такія ласки, Ольга не довѣряла княгинѣ и въ этой недовѣрчивости не рѣдко признавалась князю въ интимныхъ разговорахъ. Князь каждый разъ старался ее разуверить.

Между тѣмъ кончилось шитье приданаго и князь сталъ настаивать на назначеніи дня свадьбы, тѣмъ болѣе, что оканчивались и занятія его по командировкѣ. Княгиня все оттягивала срокъ свадьбы; но наконецъ болѣе отдалать было невозможно. День свадьбы былъ назначенъ.

Наканунѣ этого дня княгиня жаловалась на головную боль и высказала сыну, что ей будетъ крайне непріятно

Болгарскіе бѣглецы въ Балканахъ.

Библиотека "Руниверс"

Счастливые дни. Картина Шанлена, граф. Паннемакеръ сынъ.

если къ завтрашнему дню она не поправится, такъ какъ это можетъ быть причиною отсрочки вѣнчанія.

— Радъ Бога, мамаша, постарайтесь не хворать. Выйдетъ просто скандалъ. Все готово и гости приглашены, и вдругъ все разстроится.

— Ну, гости еще не бѣда. Приглашены только тѣ знакомые, которые живутъ въ городѣ, а ихъ во всякое время заранее можно предувѣдомить, вѣдь вѣнчаться ты будешь въ 8 часовъ вечера.

— Хотя бы и такъ, а все же я желалъ бы избѣжать скандала и умоляю васъ не доводить до него.

— Какой ты странный, съ неудовольствіемъ отвѣтила княгиня. Развѣ я вольна въ своей жизни и смерти, развѣ хворать и не хворать зависитъ отъ меня? Все это въ волѣ Божіей, а Богу я приказывать не могу.

— Но Богъ милостивъ, сказалъ князь, и я надѣюсь, что все будетъ благополучно.

— Вотъ такъ-то лучше, сказала княгиня и, какъ бы въ изнеможеніи опустившись на подушки, закрыла глаза.

Князь тихонько вышелъ изъ спальни и отправился къ невѣстѣ.

(Продолженіе будетъ).

Н—ый.

ИМПЕРАТОРЪ И ИМПЕРАТРИЦА БРАЗИЛЬСКІЕ.

Императоръ Донъ Педро II, носящій титулъ «конституціонный императоръ и неизмѣнный защитникъ Бразиліи», родился 2 декабря 1825 года. Онъ сынъ умершаго въ 1834 году императора Донъ Педро I и супруги его Леопольдины-Каролины-Жозефины, урожденной эрцгерцогини австрійской. Донъ Педро II вступилъ на престолъ 7 апрѣля 1831 г. послѣ акта отреченія своего родителя, бразды же правленія принялъ только 23 іюля 1840 года, а короновался 18 іюля 1841 года. Въ 1843 г. онъ вступилъ въ бракъ съ Терезой-Христиной-Маріей (род. 14 марта 1822 г.), дочерью скончавшагося въ 1830 г. короля обѣихъ Сицилій, Франца I, и Инфантины испанской, Маріи Изабеллы. Отъ брака у нихъ родилось двѣ дочери: принцесса Донна Изабелла (род. 29 іюня 1846 г.) будущая императрица, и принцесса Донна Леопольдина (род. 13 іюля 1847 г.). Старшая изъ принцессъ въ 1864 г. вышла замужъ за принца Луи-Филиппа-Фердинанда-Гастона Орлеанскаго, сына герцога Немурскаго, вторая же, Донна Леопольдина, вступившая въ томъ же 1864 году въ супружество съ принцемъ Августомъ-Людвигомъ герцогомъ Саксонскимъ, скончалась въ февралѣ 1871 г. въ Вѣнѣ. Гробница ея находится въ католической церкви въ Кобургѣ.

Во время тридцати-шести-лѣтняго правленія Дона Педро II государственная жизнь въ Бразиліи сдѣлала громадные успѣхи, императоръ, пренебрегая личными интересами, всегда первый подавалъ голосъ за реформы, исходя изъ палаты депутатовъ, постоянно встрѣчалъ въ его лицѣ сильную поддержку. Такъ, въ сентябрѣ 1871 г., когда эманципация рабовъ была возведена въ законъ, императоръ былъ въ числѣ самыхъ горячихъ поборниковъ и сторонниковъ этого благодѣтельнаго закона. Относительно бразильскаго народа слѣдуетъ сказать, что энергичное осуществленіе такой капитальной реформы, какъ признаніе рабовъ свободными гражданами, до известной степени противорѣчитъ народному характеру бразильцевъ, которыхъ обыкновенно изображаютъ склонными къ праздности, лишенными энергии и слѣпо отдающимися своимъ страстямъ.

Смѣемъ высказать свое предположеніе о томъ, что подобная характеристика потомковъ португальцевъ, навѣрно, преувеличена.

Въ 1872 г. императоръ и императрица бразильскіе предприняли путешествіе по Европѣ и сосѣднимъ странамъ Азии и Африки. Европейская печать въ то время съ интересомъ слѣдила за августѣйшими путешественниками и передавала своимъ читателямъ многое, свидѣтельствующее о скромности и любезности высокопоставленной четы, особенно же о солидныхъ и многостороннихъ познаніяхъ и образованности императора. Онъ живо интересовался всѣмъ, что касалось науки, искусства и промышленности. Въ Лондонѣ, Берлинѣ и Парижѣ Донъ Педро осматривалъ фабрики, причемъ управители и рабочіе должны были объяснять ему все до мельчайшихъ подробностей; школы и университеты въ Германіи интересовали его не меньше. Подданные Донъ Педро II ожидали отъ этого путешествія благодѣтельныхъ результатовъ относительно политическаго и экономическаго развитія Бразиліи. Личность монарха ругалась имъ за это, и ожиданія ихъ вполне оправдались.

Газеты сообщаютъ, что императоръ Донъ Педро проѣдетъ въ теченіе августа мѣсяца чрезъ Колонтагенъ, Стокгольмъ и Финляндію въ Петербургъ. Въ первый разъ онъ посѣтитъ Россію, съ которою отчасти его величеству уже удалось познакомиться—именно на пышнейшей всемирной выставкѣ въ Филадельфіи: императоръ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ вечеръ, устроенный находящимися на выставкѣ русскими, и, какъ пишутъ, обворожилъ всѣхъ своимъ простымъ, радужнымъ обхожденіемъ. На другой день онъ осматривалъ русской военной отдѣлы и съ большимъ вниманіемъ слушалъ объясненіе выставленныхъ предметовъ и любезно благодарилъ представителей.

Императоръ путешествуетъ подъ именемъ графа Алькантара, и поэтому пріездъ его величества въ Петербургъ nebude сопровождаться ни какими официальными встрѣчами. Телеграммою изъ Стокгольма отъ 9 августа императоръ извѣстилъ здѣшняго бразильскаго посланника что намѣренъ прибыть въ Петербургъ 16 августа.

Скандинавскій художникъ Петръ Арбо и его картина «Разсвѣтъ».

Ровно десять лѣтъ тому назадъ, въ Стокгольмѣ праздновалось открытіе первой скандинавской выставки художествъ и промышленности. Въ то время мѣстный національный музей впервые открылъ свои палаты произведеній искусства, любителямъ коихъ данъ былъ случай обозрѣть все, что въ послѣднее истекшее время было произведено лучшими скандинавскими ваятелями и живописцами. На этой выставкѣ изъ немногочисленныхъ историческихъ картинъ всего болѣе обратила на себя вниманіе одна, изображавшая «Валькирію». «Валькирія» (*) изображена на ней съ сверкающимъ въ рукахъ копьемъ, неудержимо стремящаяся на буйномъ конѣ, во мракѣ, со взоромъ, полнымъ дикой радости, розыскивающая души навшихъ воиновъ, подлежащихъ суду Одина, отца боговъ. Картина эта, въ силу своихъ замѣчательныхъ художественныхъ достоинствъ, до сихъ поръ памятна всѣмъ, ее видѣвшимъ, хотя времени ея выставки прошло уже, какъ сказано выше, 10 лѣтъ. Вслѣдъ за своимъ появленіемъ она поступила въ собственность короля Карла. Въ настоящее же время, по смерти перваго ея владѣтеля, она находится въ томъ самомъ національномъ музеѣ, въ которомъ впервые была выставлена. Авторъ этой замѣчательной картины г. Петръ Арбо, еще болѣе усовершенствовавшійся въ своей художественной дѣятельности, задая за симъ мыслию изобразить въ нѣсколькихъ произведеніяхъ различные моменты изъ жизни Валькирій, заимствуя матеріалъ для этого изъ мифологическихъ сказаній. Къ числу замѣчательныхъ произведеній Петра Арбо относится также изображенная на нашемъ рисункѣ картина «Разсвѣтъ». Читатели наши могутъ сами судить до какой степени много силы и жизни въ этой картинѣ, какъ велика выразительность взятаго момента въ блѣдѣ лошади и

какъ много торжественности и въ то же время необычайной простоты въ фигурѣ всадника, съ свѣтлостью въ рукахъ, несущагося въ облакахъ. Но не слѣдуетъ причислять г. Арбо къ числу тѣхъ художниковъ, которые, за недостаткомъ художественной фантазіи, вынуждены прибѣгать къ повтореніямъ сюжета. Стоитъ взглянуть на жизнь и дѣятельность его, чтобы убѣдиться въ противномъ. Родился онъ въ 1831 г. въ Драмменѣ, и въ молодыхъ лѣтахъ отданъ былъ въ ученіе подъ руководство профессора Гельстеда въ Кебенагавнѣ. Здѣсь занятія въ продолжались до 1852 г. Въ этомъ году онъ отправился въ Дюссельдорфъ, куда тогда тянуло всѣхъ скандинавскихъ художниковъ. Въ Дюссельдорфѣ онъ имѣлъ счастье быть избраннымъ въ ученики профессора Карла Зона и до 1855 г. съ успѣхомъ посѣщалъ академію. Въ это время онъ написалъ нѣсколько портретовъ, занимался этюдами, набросками, не оставляя также и исторической живописи. Посѣтивъ однажды родину, онъ издалъ нѣсколько хромолитографическихъ картинъ изъ Норвежской исторіи, которая однакоже не имѣла успѣха. Пробывъ почти девять лѣтъ въ Дюссельдорфѣ, онъ въ 1861 г. покинулъ эту колыбель искусства и спустя 2 года очутился въ Парижѣ.

Нѣтъ сомнѣнія что Арбо, рѣшившись перенести свою дѣятельность въ тогдашній центръ европейской культуры, поступилъ весьма рационально, но, не смотря на то, рѣшительный поступокъ его былъ многими порицаемъ. Дюссельдорфская школа живописи пользовалась въ Скандинавіи каноническимъ уваженіемъ; отступить отъ нея считалось великимъ прегрѣшеніемъ. Но гений Арбо пренебрегъ этимъ, и именно въ Парижѣ онъ задумалъ приняться за изображеніе своихъ «Валькирій», въ настоящее время признаваемыхъ знатоками замѣчательнымъ художественнымъ произведеніемъ. Заслуги г. Петра Арбо, какъ талантливаго художника, были вслѣдъ за симъ признаны королемъ Карломъ, пожаловавшимъ его въ кавалеры ордена Ваза.

(*) Валькирія—скандинавскія мифологическія богини, изображающія воиновъ, подлежащихъ смерти на полѣ брани и рѣшающія участь битвы.

Съ тѣхъ поръ произведенія Арбо встрѣчаются во многихъ академіяхъ и на художественныхъ выставкахъ Скандинавіи.

Въ 1871 г. на долю Арбо выпало счастье оказать Швеціи большую услугу: онъ назначенъ былъ комиссаромъ соединенныхъ королевствъ при художественной выставкѣ въ Вѣнѣ. Хотя состоявшій подъ его вѣдѣніемъ скандинавскія произведенія и не были многочисленны и не отличались особыми достоинствами, тѣмъ не менѣе онъ сумѣлъ придать имъ нѣкоторое значеніе, и если на этой выставкѣ скандинавское искусство приобрѣло нѣкоторыя отличія, то этимъ оно обязано было именно г. Арбо! Самъ Арбо выступилъ съ картиною: «Битва при Стратфордъ

Брайджъ», принадлежащую, впрочемъ, не къ лучшимъ его произведениямъ.

Послано ли что либо г. Петромъ Арбо на Филадельфійскую выставку, намъ неизвѣстно; знаемъ только, что на этой выставкѣ онъ находится въ числѣ экспертовъ по отдѣлу изящныхъ искусствъ. Въ настоящее время г. Арбо находится еще въ полномъ цвѣтѣ силъ, и можно надѣяться, что скандинавское искусство обогатится еще многими его художественными произведениями.

Z.

БОЛГАРСКІЕ БЪГЛЕЦЫ ВЪ БАЛКАНАХЪ.

О томъ, что претерпѣли несчастные болгары отъ нашествія азіатскихъ ордъ разбойниковъ намъ нечего, кажется, распространяться. Здѣсь все: и надруганье надъ всѣмъ святымъ, что только вложено въ душу христіанство, и жестокость, хищность самого лютейшаго звѣря, злость, ехидство, хитрость въ выборѣ средствъ погнѣшить свои нечеловѣческія страсти, превосходящія всѣ мѣры свирѣлости, грубости и безсердечія этихъ отъявленныхъ отщепенцевъ рода человѣческаго. Идѣ только проходила толпа этихъ головорѣзовъ, тамъ смерть, позоръ, разграбленіе и пожаръ оставался слѣдомъ ихъ нашествія. Нѣтъ спасенія никому: ребенокъ въ глазахъ матери разбѣззася на куски и мясо его заставляли ѣсть несчастную мать, беременнымъ женщинамъ распарывали животы, чтобъ удовлетворить любопытству заклада о полѣ зародыша матери, восьмидесятилѣтнихъ стариковъ сажаютъ на колъ, дѣвушекъ безчестятъ и потомъ толпами сожигаютъ или продаютъ въ рабство... Сердце сжимается отъ ужасовъ, охватившихъ Болгарію! И это XIX вѣкъ! Грядущее поколѣніе отвернется и отомѣтитъ черною краскою настоящее отношеніе къ ней христіанства, допустившаго подобное безчеловѣчіе.

Достовѣрныя свѣдѣнія говорятъ, что погибло 60,000 народа. Часть и весьма малая часть спаслась въ Балканахъ. Изображенная гравюра представляетъ группу этихъ несчастныхъ бе-

глецовъ. Вы видите на ней отчаянное положеніе старухи, опустившей отъ упадка духа руки, вѣроятно потерявшая все, что только было дорого ея сердцу; вы видите молодую женщину, трепетно сжимающую своего ребенка и спасающую его вѣроятно съ неимоверными жертвами и усилиями, передъ вами около шатра другая женщина, на лицѣ которой ясными штрихами выражено и горе, и отчаяніе. Рядомъ съ нею, ложа руку на плечо и опустивши голову, безотрадно горюетъ молодая болгарка о невозвратимой утратѣ родительскаго дома, всего близкаго и дорогаго ея сердцу. Около убогаго котла, въ которомъ бѣглянки готовятъ себѣ скудную пищу, уныло стоятъ двѣ женскія фигуры, полныя тоски.

Смотря на эту грустную картинку, невольно думается:

«Ты долго-ль будешь за туманомъ
Скрываться, русская звѣзда,
Или оптическимъ обманомъ
Ты обличишься навсегда?
Ужель на встрѣчу жаднымъ взорамъ
Къ тебѣ стремящимся въ ночи,
Пустымъ и ложнымъ метеоромъ
Твои разсыплются лучи?..

(Стихотвореніе О. Тютчева стр. 234).

СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ.

(Картина Шапленъ).

Существуетъ мнѣніе, что Шапленъ во Франціи потому всего болѣе и имѣетъ успѣхъ, что его работы приходятся по вкусу французамъ второй Имперіи. Мнѣніе это основано на томъ, что, будто-бы, произведенія Шапленъ не столько производятъ впечатлѣніе на высшія духовныя стороны человѣческой природы, сколько дѣйствуютъ на низменныя животныя ея инстинкты. Въ этомъ, будто-бы, послѣднемъ вся ихъ прелесть и вліяніе на впечатлѣнія французской публики.

По нашему мнѣнію, все это отъ перваго слова до послѣдняго несправедливо. Въ картинахъ Шапленъ никогда не занимаютъ перваго мѣста сюжеты, основанные, собственно на изображеніи женскаго тѣла, а преобладаютъ всегда и имѣютъ весьма значительный при этомъ перевѣсъ экспрессія лицъ, выраженіе душевнаго состоянія избраннаго субъекта, выраженіе, подхваченное и въ постановкѣ всей фигуры, и въ ея характеристности, въ ея манерѣ и дѣйствіяхъ. Нельзя, конечно, не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ своихъ картинахъ и весьма, впрочемъ, нерѣдко, Шапленъ увлекается красотой женскаго тѣла, что и даетъ поводъ къ распространенію вышензложеннаго мнѣнія о его художественныхъ работахъ; но нельзя не замѣтить, что это увлеченіе у Шапленъ никогда не заходитъ такъ далеко, какъ у другихъ современныхъ художниковъ Франціи. Картины Шапленъ всегда изящны, нѣжны, всегда въ границахъ скромности, и полны душевнаго выраженія, чему можетъ служить подтвержденіемъ, картина «Счастливые дни» пред-

ставляемая нами читателямъ въ этомъ номерѣ «Нивы».

Мы полагаемъ, что успѣхъ, которымъ такъ заслуженно пользуется Шапленъ, именно въ томъ и заключается, что въ его картинахъ всегда сохраняется полная гармонія красоты тѣла съ выразительностію того или другого духовнаго состоянія избраннаго лица. Каждая фигура въ его картинахъ, полна этой гармоніи, каждая женская и дѣтская головка, при красотѣ физической, полна красоты духовной. При этомъ нельзя пройти молчалимъ, что самая манера письма, выборъ деталей, ихъ выполненіе—все это у Шапленъ изящно и художественно. Вотъ гдѣ тайна его успѣха, а не въ томъ угожденіи правамъ французовъ нашего времени. Противъ этого послѣдняго можно спорить еще и потому, что никогда первоклассные художники не гнались за тѣмъ, чтобы «угождать правамъ», а Шапленъ въ наше время несомнѣнно первоклассный художникъ. Къ нашей картинкѣ, самымъ своимъ названіемъ указывающей на состояніе духа изображенной на ней матери такъ же могутъ быть образцомъ тѣ нѣсколько строкъ изъ стихотворенія Я. П. Полонскаго, которые мы помѣстили въ прошедшемъ номерѣ «Нивы» къ картинѣ «Корыстный поцѣлуй». Въ самомъ дѣлѣ, какъ не сказать при мысли о значеніи семьи въ государственномъ и общественномъ отношеніи, что

«Въ той странѣ, гдѣ разоренъ твой домъ,
Города раслятся, какъ Содомъ...»

ОРАНГЪ-УТАНГЪ И ГОРИЛЛА ВЪ БЕРЛИНСКОМЪ АКВАРИУМЪ.

Едва ли можно найти въ какомъ нибудь другомъ отрядѣ млекопитающихъ такую уродливую форму, какъ въ обезьянѣ: въ ней все неправильно, несоразмѣрно, и, несмотря на это, именно обезьяна, представляющая намъ олицетвореніемъ тѣлеснаго безобразія, служитъ связующимъ звеномъ между человѣкомъ и животнымъ міромъ. При взглядѣ на обезьяну, нельзя не признать ее челоукообразнымъ звѣремъ. Такъ называемые «антропиды» являются самыми челоукообразными и въ то же время уродливѣйшими представителями всего семейства. Мы считаемъ обезьянъ карриатурами людей: наружность челоука представляетъ полную гармонію и прекраснѣйшее соотношеніе частей; въ обезьянѣ же видно только противное безобразіе, въ ней все искажено и негармонично. Довольно одного взгляда на тощее мохнатое туловище, длинныя болтающіяся руки, рукообразныя ступни, голову безъ шеи, тонкія бедра и голени безъ

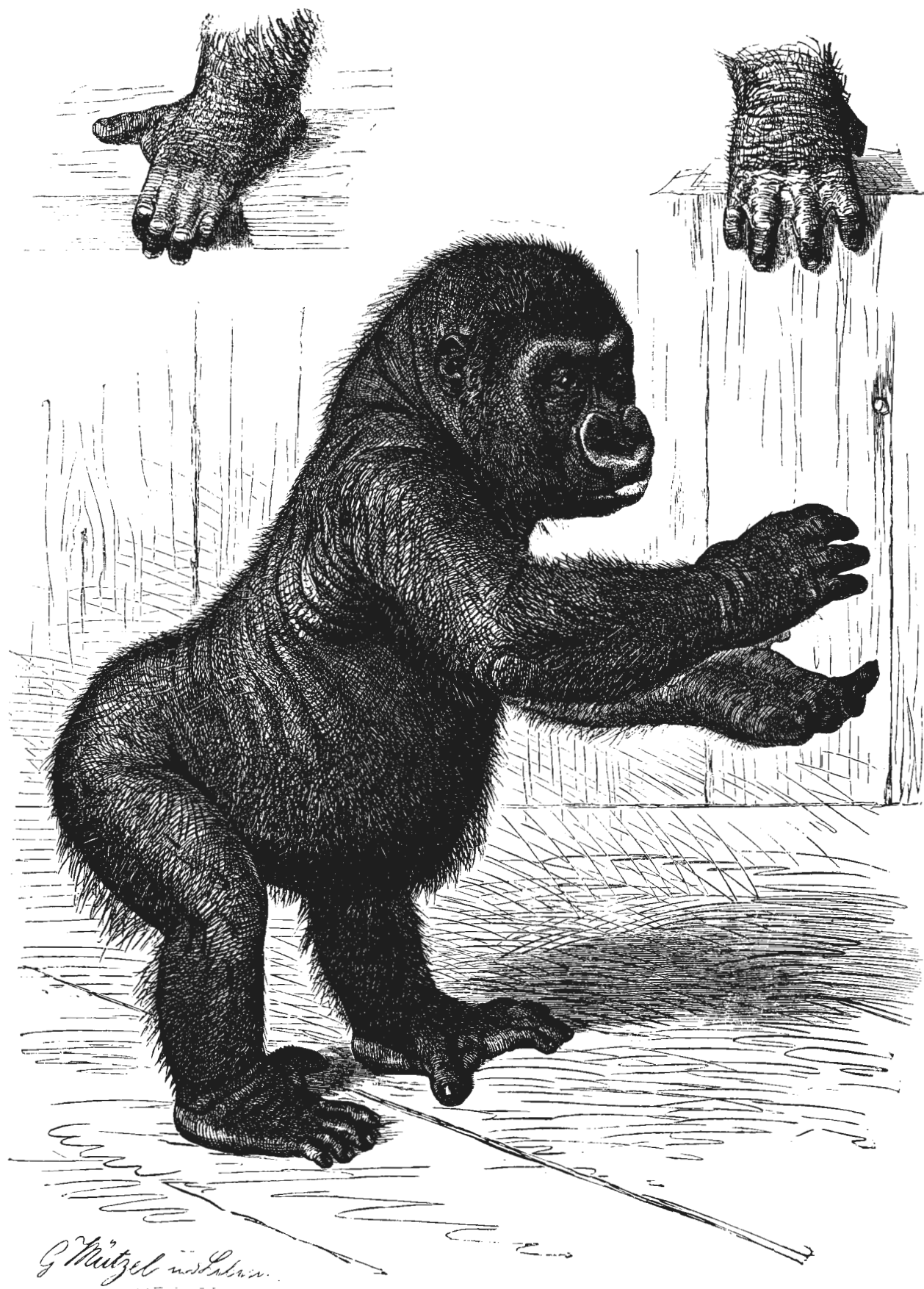
рукъ, согнутыя колѣни, выдающіяся челюсти, большіе кривые рѣзцы—довольно всего этого, для того, чтобы понять, почему невозможно перейти границу, которая отдѣляетъ челоука отъ антропиды—но все эти особенности все таки не въ состояніи уничтожить во внѣшности обезьяны сходства ея съ челоукомъ.

Великій естествоиспытатель Линней назвалъ «антропидовъ» за ихъ сходство съ челоукомъ «homo troglodytes» (челоукъ, живущій въ пещерахъ) въ противоположность «homo sapiens» (мудрый челоукъ).

Древніе народы считали челоукообразныхъ обезьянъ за дикихъ людей, за полулюдей. Такъ, карфагенянинъ Ганнонъ, начальствовавшій флотомъ, посланнымъ за 500 л. л. до Р. Х. къ западнымъ берегамъ Африки, рассказываетъ, что пройдя «Геркулесовы столбы» (нынѣшній Гибралтарскій проливъ), онъ открылъ на одномъ островѣ, неподалеку отъ африканскаго бере-

Оранг-утангъ. Съ натуры, рисов. Гофманъ.

Первый живой горилла въ Европѣ. Съ натуры, рисов. Мютцель, грав. Веберъ.

га, диких людей, покрытых волосами, которых сопровождали экспедицию толмачи называли *гориллами*. После долгих преследований удалось поймать трех самок, но увезти их с собою нельзя было, потому что эти дикія женщины кусались и царапались, вследствие чего онъ и были убиты. Не поддѣлать сомнѣнію, что дикіе, покрытые волосами люди, о которыхъ говорить Ганнонъ, были именно обезьяны высшей породы.

Особенный интересъ, съ которымъ зоологи всегда изучали обезьянъ, значительно еще усилился со времени появленія теоріи Дарвина о происхожденіи видовъ и человѣка. Однако до сихъ поръ любознательность нашихъ изслѣдователей не могла быть удовлетворена въ этомъ отношеніи, такъ какъ до послѣдняго времени перевозить въ Европу удавалось только самыхъ молодыхъ антропоидовъ. Много новаго и интереснаго доставляла наблюденія надъ ними нашимъ ученымъ изслѣдователямъ, но для полнаго знакомства съ уметвенною жизнью антропоидовъ необходимо наблюдать психическія явленія во взросломъ животномъ. Разсказы путешественниковъ о нравахъ и жизни обезьянъ часто противорѣчатъ одинъ другому; тутъ нерѣдко трудно бываетъ отличить вымыселъ отъ истины.

Директору берлинскаго акваріума, доктору Гермесу, удалось, наконецъ, добыть взрослога орангъ-утанга и тѣмъ самымъ оказать важную услугу наукъ.

Въ настоящее время извѣстны четыре вида антропоидовъ: горилла (*Troglodytes gorilla*), шимпанзе (*Troglodytes niger*), орангъ-утангъ (*Pithecus satyrus*) и гиббонъ (*Hylobates*). Свѣдѣнія наши объ образѣ жизни и нравахъ этихъ животныхъ самыя скудныя, далеко недостаточныя, чтобы составить полное понятіе объ уметвенныхъ способностяхъ «лѣсныхъ людей». Молодые шимпанзе, содержащіяся въ европейскихъ зоологическихъ садахъ, обнаруживали обыкновенно живой, сангвиническій темпераментъ, понятливость и сообразительность, довѣрчивость къ людямъ и самую преданную любовь къ своимъ сторожамъ. Молодые орангъ-утанги, напротивъ, при всей своей довѣрчивости и кротости, производятъ впечатлѣніе печальныхъ, грустныхъ существъ. По цѣлымъ часамъ сидятъ они неподвижно, какъ бы раздумывая о чемъ-то, относясь совершенно безучастно ко всему окружающему; во время ходьбы движенія ихъ такъ вялы, медленны, что кажется, будто двигаются они поневолѣ, крайне неохотно.

Многочисленныя наблюденія неоднократно подтверждали мнѣніе, что, съ возрастомъ, обезьяны гупѣютъ, но оказывается, что это мнѣніе въ послѣднее время встрѣило большое противорѣчіе въ наблюденіяхъ.

Орангъ-утангъ, обитатель большихъ азиатскихъ острововъ Суматры и Борнео, достигаетъ четырехъ съ половиною футовъ роста. Голова у него клинообразно заострена на маковкѣ, лобъ выпуклый, носъ плоскій, челюсти сильно выдаются впередъ, губы толсты, выпячены и морщинисты, большіе каріе глаза отличаются необыкновенно кроткимъ выраженіемъ у молодыхъ животныхъ, но и у старыхъ не лишены добродушнаго выраженія. Чрезвычайно короткая шея, широкія плечи, боченкообразное брюхо, длинныя конечности съ длинными же кистями и пальцами, длинная, косматая, ржаво-коричневаго цвѣта шерсть, покрывающая животное, все это придаетъ ему отталкивающій, каррикатурный видъ.

Вмѣстѣ со старымъ орангъ-утангомъ, самцомъ, берлинскій акваріумъ приобрѣлъ и маленькаго оранга. Строеніе черепа и фizioномія у обоихъ животныхъ до того различны, что почти не вѣрится, что это близкіе родственники, особи одного и того же вида. Пока орангъ-утангъ молодъ, его черепъ весьма походитъ на черепъ нашего ребенка, но съ возрастомъ звѣринный образъ получаетъ такое преобладаніе, что черепъ старой обезьяны очень мало напоминаетъ черепъ молодой. На нашей картинкѣ ясно видно различіе фizioномій у обоихъ животныхъ.

Когда орангъ-утангъ прибылъ въ Берлинъ и въ продолженіи нѣсколькихъ дней долженъ былъ жить въ слишкомъ тѣсной для него клеткѣ, онъ производилъ впечатлѣніе дикаго звѣря. Яростными взглядами слѣдилъ онъ за всѣми, кто къ нему приближался, мускулистыя, сильныя руки его, казалось, были всегда готовы на расправу. Ни малѣйшихъ слѣдовъ разумной духовной жизни не было замѣтно. Всѣ разсказы путешественниковъ объ уметвенныхъ способностяхъ этого животнаго начали казаться сильно преувеличенными, просто—вымышленными. Разочарованіе было такъ велико, что многіе изслѣдователи упустили даже изъ виду то обстоятельство, что именно у существъ, стоящихъ на довольно высокой степени развитія, гораздо труднѣе узнать характеръ, если они находятся въ неволѣ, что тягость заключенія, чуждая обстановка, могутъ сильно вліять на расположеніе духа арестанта. Но какъ только перевели этого орангъ-утанга въ новую, удобно устроенную клетку, все существо его вдругъ измѣнилось. Дикость взгляда исчезла, а если въ глазахъ его по временамъ можно было замѣтить недовѣріе къ окружающей обстановкѣ, то съ другой стороны—въ нихъ ясно свѣтилось природное добродушіе. Скоро всѣ убѣдились, что обезьяна рада была бы ободрушю, что она не прочь сойтись и съ человѣкомъ. Однако, сторожа все еще побаивались кривыхъ зубовъ и мускулистыхъ рукъ оранга и не довѣряли миролюбію его.

Когда, однако, орангъ-утангъ внушилъ большее довѣріе къ себѣ, доказавъ свой умъ и кротость, ему дали въ товарищи сначала небольшую собаку. Собачка, воображивъ, что находится въ обществѣ человѣка, приветствовала обезьяну дружескимъ лаемъ, и начала лизать ей морду. Орангъ показалъ себя вполне достойнымъ такой встрѣчи съ стороны собаки и обращался съ ней по-человѣчески.

Затѣмъ его свели съ шимпанзе, съ которымъ орангъ держалъ себя также великодушно. Съ чисто философскимъ спокойствіемъ онъ переносилъ возню и поддразниванія всегда готоваго на всевозможныя проделки шимпанзе.

Наконецъ, орангъ удостоился великой чести—его посѣтилъ человѣкъ. Животное вполне оправдало оказанное ему довѣріе и показало себя достойнымъ человѣческаго сообщества. Приходить ли къ нему посѣтитель съ апельсинами (орангъ съѣдаетъ ихъ штукъ по пятнадцати въ день) или безъ нихъ—все равно, орангъ-утангъ одинаково радъ гостю. Орангъ совершенно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ удостоилъ его своего общества. Онъ, котораго считали меланхоличнымъ и неприступнымъ, оказывается готовымъ на всякія проделки. Онъ выдѣлываетъ самыя элегантныя *saltomortale*, играетъ въ прятки, маскируется; для маскарадовъ своихъ онъ пользуется одѣяломъ или мѣшкомъ, пудрится опилками, которыми осыпанъ полъ его клетки, словомъ, доставляетъ зрителямъ много приятныхъ часовъ. Съ наступленіемъ ночи онъ приготовляетъ себѣ изъ имѣющейся у него соломы постель и тщательно укрывается одѣяломъ. Спитъ онъ совершенно такъ, какъ спятъ люди; если его потревожить во время сна, то онъ ворчитъ и сердится, какъ человѣкъ, котораго разбудили не во время. Когда утромъ приходитъ сторожъ съ завтракомъ, орангъ-утангъ дружески протягиваетъ ему правую руку и подставляетъ губы, чтобы облобызаться, однимъ словомъ, выражаетъ свои чувства по человѣчески.

До сихъ поръ орангъ-утангъ этотъ совершенно здоровъ и можно надѣяться, что онъ проживетъ еще долго и послужитъ объектомъ для дальнѣйшихъ интересныхъ наблюденій. На свободѣ, въ своихъ родныхъ лѣсахъ, орангъ-утангъ смиренъ и спокоенъ. Онъ не робокъ и не бѣжитъ отъ человѣка, но равнодушно смотритъ на него. Усматривая близкую опасность или будучи преслѣдуемъ, онъ ищетъ убѣжища на вершинѣ дерева, гдѣ и прячется за толстую вѣтвь или забирается въ листву; если и тамъ онъ не считаетъ себя въ безопасности, то перебѣгаетъ съ дерева на дерево, но не съ бѣшеною стремительностью, какъ другія обезьяны, а медленно, осторожно, съ оглядкой. Ранній пудокъ и стрѣлоу, онъ громко вскрикиваетъ, ломаетъ вокругъ себя вѣтви и бросаетъ ими въ непріятеля, съ цѣлью напугать его и заставить бросить преслѣдованіе.

Теперь обратимся къ гориллѣ. Горилла живетъ въ уединенныхъ и самыхъ темныхъ мѣстахъ глухихъ африканскихъ лѣсовъ, въ глубокихъ долинахъ, покрытыхъ рощами и на крутыхъ возвышенностяхъ. Онъ ведетъ жизнь постоянно бродяжническую; къ этому отчасти его побуждаетъ трудность находить свою любимую пищу. Хотя страшные клыки его могли бы давать ему возможность раздирать любое пойманное животное, однако горилла питается исключительно растительною пищею. Обезьяна эта—ужасная жора. Ея большое брюхо, ясно обрисовывающееся, когда она поднимется на ноги, отличаетъ ея прожорливость; толстое тѣло гориллы и необыкновенное мышечное развитіе дѣйствительно требуютъ изряднаго количества пищи.

Эта африканская живая каррикатура на человѣка естественно заинтересовала собою не только ученый міръ, но и всю интеллигентную часть европейской публики. Лѣтомъ въ прошломъ году пронесся слухъ, что находящійся въ дрезденскомъ зоологическомъ саду шимпанзе—вовсе не шимпанзе, а *горилла*. Слухъ этотъ распространился все болѣе и болѣе, возникли споры и образовались даже партіи. После смерти шимпанзе «Мафука» и анатомическаго изслѣдованія трупа этой обезьяны, споръ не прекратился, и партія, утверждавшая, что то былъ горилла, усумнилась даже въ правильности анатомическаго изслѣдованія. Теперь, когда д-ру Фалькенштейну, члену африканской экспедиціи, удалось привезти съ береговъ Лоанго живого гориллу—вопросъ этотъ разрѣшенъ окончательно. Стоитъ только взглянуть на любого шимпанзе и сравнить его съ изображеніемъ берлинскаго гориллы, чтобы увидѣть, что эти двѣ обезьяны принадлежатъ къ двумъ различнымъ видамъ.

Горилла была открыта въ 1847 году миссіонеромъ *Соваджемъ* на берегахъ рѣки Габуну. Обезьяна эта обратила на себя вниманіе своимъ высокимъ ростомъ, который у стараго самца превышаетъ ростъ человѣческой; разсказы о ея необыкновенной силѣ увеличили еще болѣе возбуждаемый ею интересъ. Чучелы, скелетъ и отдѣльныя заспиртованныя части тѣла гориллы были неоднократно доставляемы въ европейскіе музеи, но всѣ попытки привезти живого гориллу въ Европу до настоящаго времени были неудачны. Поймать взрослога гориллу, при необузданной силѣ и дикости этой обезьяны, нечего было и думать; молодые же переносили неволю всего нѣскольکو дней и затѣмъ умирали. Словомъ, д-ру Фалькенштейну первому удалось доставить благополучно живого гориллу въ Европу, именно въ Берлинъ. Эта обезьяна была поймана совсѣмъ маленькой въ первобытномъ

лѣсу Понта-негра туземцами и продана ими негоднѣнтамъ-путешественникамъ. Огъ этихъ послѣднихъ и получилъ ее д-ръ Фалькенштейнъ въ благодарность за леченіе (2-го октября 1875 г.). Маленькое животное находилось въ то время въ такомъ жалкомъ состояніи, что дни его, казалось, были уже сочтены; однако, благодаря рациональному и тщательному уходу д-ра Фалькенштейна, она поправилась, и выздоровѣвъ послѣ тяжелой болѣзни, сопровождавшейся мучительными судорогами, въ январѣ уже весело играла съ животными и людьми на станціи Хинкосо, гдѣ маленький «М.Пунго» (т. е. чортъ, какъ негры Лоанго называютъ гориллу), гулялъ на свободѣ. 5-го мая текущаго года д-ръ Фалькенштейнъ съ своими спутниками, гориллой и др. животными, между которыми были и шимпанзе съ коричневѣмъ цвѣтомъ лица, сѣли на пароходъ «Лоанда» и 21-го июня благополучно прибыли въ Ливерпуль, гдѣ ихъ ожидала почетная встрѣча со стороны мужей науки и публики. Старикъ Дарвинъ, не могшій по болѣзни явиться самъ, письменно привѣтствовалъ д-ра Фалькенштейна. Огъ береговъ Лоанго до Гамбурга юный «М.Пунго», за котораго въ Англии давали 2,000 фунтовъ стерлинговъ, путешествовалъ безплатно. Въ Гамбургѣ путешественники прибыли 26-го июня, а 29-го отправились въ Берлинъ. Въ Берлинѣ африканское общество помѣстило гориллу въ аквариумъ и потомъ уступило ее этому заведенію за 20,000 марокъ.

«М.Пунго», изображенный на нашемъ рисункѣ, имѣетъ около 2 лѣтъ, ростомъ онъ въ два съ половиною фута и теперь уже широкоплечъ, толстѣ, очень силенъ и обнаруживаетъ веселый, шаловливый нравъ; вѣситъ онъ около пуда. Короткая шерсть его черно-сѣраго цвѣта, мѣстами попадаются совершенно бѣлые волоски; голыя лицо и руки чернаго цвѣта. Замѣчательно вы-

ражаетъ онъ чувство удовольствія и радости, а именно въ такихъ случаяхъ онъ хлопаетъ въ ладоши или ударяетъ себя въ грудь. Рассказы Дю-Шалью о томъ, что старые гориллы въ гнѣвѣ тоже ударяютъ себя въ грудь—считались до сихъ поръ вымысленными, хотя знаменитый Оранъ и подтверждалъ это.

Относительно роста и тѣлосложенія горилла безспорно самая челоукообразная обезьяна, но такъ какъ именно въ устарѣвшей гориллѣ рѣзче всего проявляется звѣрь, то профессоръ Бишофъ правъ, считая еще нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, кто изъ антропоидовъ: горилла, шимпанзе или орангъ-утангъ челоукообразнѣе? Для рѣшенія этого вопроса недостаточно знакомства съ одною внѣшностью этихъ животныхъ, нужно познакомиться еще поближе съ умственными способностями и нравами этихъ животныхъ. Относительно образа жизни и нравовъ ихъ мы имѣемъ пока самыя ничтожныя данныя.

Рассказываютъ, что и маленький горилла уже необыкновенно силенъ: четверо сильныхъ людей не могли удержать одного гориллу, которому было только 2½ года. Взрослый горилла можетъ расплющить зубами ружейный стволъ и, какъ увѣряютъ, ломаетъ руками деревья отъ 4—6 дюймовъ въ діаметрѣ; горилла не употребляетъ для своей защиты искусственнаго оружія и сражается руками, причѣмъ пускаетъ въ дѣло и зубы. Дю-Шалью говоритъ, что часто видѣлъ черепа гориллъ, въ которыхъ огромныя клыки ихъ были выломаны, и негры объяснили ему, что потеря эта произошла во время дуэлей самцовъ за преобладаніе самкою. Африканскіе охотники ѣдятъ мясо гориллы. Шкура этого звѣря также толста и плотна, какъ бычачья кожа, но гораздо нѣжнѣе, чѣмъ у другихъ обезьянъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Не смотря на то, что въ теченіе почти 2-хъ мѣсячной кровавой борьбы славянъ съ турками, мы переживали тяжелыя минуты томительной неизвѣстности относительно ея исхода, не смотря на то, что приходившія иногда съ театра войны извѣстія (часто фабрикованныя съ злонамѣренною цѣлью) изображали дѣло сербовъ въ мрачномъ свѣтѣ, — не смотря на все это, мы твердо сохраняли вѣру въ торжество праваго дѣла и надѣялись, что стойкость, энергія и храбрость, непокинуть сербовъ въ тяжелую и рѣшительную минуту ихъ борьбы съ исконнымъ врагомъ. Ожиданія эти вполнѣ оправдались: великая шестидневная борьба сербовъ съ турками, подъ Алексинацемъ, безпримѣрная по своей продолжительности, окончилась совершеннымъ поражениемъ турокъ. Не смотря на отчаянныя усилія пробиться чрезъ Алексинацъ, съ цѣлью разграбить, разрушить, залить кровью всю сербскую землю, они не могли осуществить своихъ варварскихъ намѣреній и потерпѣли, напротивъ, совершенное поражение. Съ перваго же дня боя, (7-го августа), у турокъ со стороны Ниша было болѣе 50-ти тысячъ челоука. Все показывало, что турки рѣшились во чтобы то ни стало овладѣть позиціей сербовъ. Турецкій генералъ стянулъ сюда всѣ свободныя силы, ослабивъ даже нѣкоторыя другіе болѣе или менѣе важныя въ стратегическомъ отношеніи пункты. Генералъ Черняевъ, продолжая мужественную оборону Алексинаца, перешелъ по всей линіи Тимока къ энергическому нападенію. Двинутая имъ впередъ въ тылъ непріятели бригада Хорватовича овладѣла снова Княжевадомъ и Тресибабѣй Планиной, а затѣмъ, согласно опредѣленному плану, Хорватовичъ обошелъ, въ рѣшительный день битвы, лѣвый флангъ турецкой арміи. Въ этотъ же день турки, вынужденные принять сраженіе въ открытомъ полѣ, были окончательно опрокинуты и прогнаны за Мораву, гдѣ еще оставались въ окопахъ. Пораженіе это было бы еще рѣшительнѣе, если бы молодой сербскій войска, выказавшій во все продолженіе этой неслыханной доселѣ бойни, блистательное мужество, не были слишкомъ утомлены, почему и не могли преслѣдовать бѣжавшаго непріятели. Но, послѣдняя депеша отъ 14 августа извѣщаетъ, что полковникъ Раевскій, довершивъ поражение праваго крыла турокъ, продолжалъ преслѣдованіе. Такимъ образомъ бой между Алексинацемъ и Нишемъ продолжается. Не дешево, конечно, обошлась побѣда сербамъ, русскихъ добровольцевъ въ этой шестидневной битвѣ пало 31 челоука, но еще дороже стоятъ туркамъ ихъ попытки: они потеряли отъ 15-ти до 20-ти тысячъ убитыми и значительную часть артилеріи.

Со стороны Черногорія замѣтныхъ перемѣнъ еще не послѣдовало, Мухтаръ-паша продолжаетъ свое спокойное, но не вполнѣ

свободное пребываніе въ Требиньѣ, отрѣзанный почти отовсюду черногорцами, говоримъ «почти», такъ какъ ему любезно представлена возможность перейти на австрийскую границу, по направленію къ Рагузѣ. Положеніе его ухудшилось, конечно, вслѣдствіе поражения, понесеннаго Махмудомъ Пашой подъ Кучимомъ, близъ Подгорицы. Мушару (генералу) Мухтару, поэтому, остается только или сдаться, или уйти въ Австрію. Князь Николай окончательно основалъ свою главную квартиру въ Даниловградѣ.

Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, сербскій князь хотя и принялъ предложеніе консуловъ начать переговоры о мирѣ, но военныя дѣйствія не будутъ прекращены до соглашенія въ основаніяхъ мира. Теперь стало совершенно ясно, что съ ухудшеніемъ военныхъ шансовъ Турціи европейскіе ея друзья начинаютъ усиленно хлопотать въ пользу мира, надѣясь заключить его раньше, чѣмъ турецкія войска будутъ окончательно выброшены изъ предѣловъ Сербіи. Нельзя не удивляться этимъ хлопотамъ о мирѣ, какъ будто онъ можетъ къ чему нибудь повести послѣ того, что пришлось перетерпѣть многострадальнымъ славянамъ, будто возможно представить себѣ дальнѣйшее существованіе Турціи, той самой Турціи, правительство которой допустило такіа неслыханныя, безчеловѣчныя звѣрства въ Болгаріи и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были ея дикія орды баши-бузукъ и черкесовъ. Миръ, полагаемъ, возможенъ только на условіяхъ совершеннаго освобожденія изъ подъ власти Турціи всѣхъ христіанскихъ областей, такъ много отъ нея страдавшихъ.

Изъ Греціи идутъ слухи о томъ, что она вооружаетъ теперь всѣ свои военныя силы, чтобы быть, на всякій случай, готовой къ войнѣ. Порта между тѣмъ дѣлаетъ все, чтобы раздражить греческое населеніе. Еще въ то время, когда греческое правительство энергично протестовало противъ колонизаціи Фессаліи 80,000 черкесовъ, оно намекнуло довольно ясно, что ему, даже съ напряженіемъ всѣхъ силъ, невозможно будетъ удержать по рывъ національнаго чувства грековъ. Не смотря на это, угнетеніе въ Македоніи возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Назначеніе извѣстнаго еще со времени критскаго возстанія генералъ-маіора Коронеоса начальникомъ національной гвардіи, — дало страннѣ гарантію въ томъ, что вскорѣ эта гвардія будетъ преобразована по образцу прусскаго ландвера. Въ настоящее время Коронеосъ занятъ въ министерствѣ внутреннѣхъ дѣлъ вмѣстѣ съ президентомъ министерства составленіемъ соотвѣтствующаго законопроекта. Тѣмъ не менѣе, національная гвардія будетъ призвана къ оружію еще раньше открытія засѣданій палаты. Если дѣло дойдетъ до войны, то чрезъ нѣсколько дней Греція можетъ выставить до 100,000 челоука войска.

С М Ъ С Ъ .

Укрѣпляющая желудокъ эссенція изъ ежевики. Взять полфунта совершенно спѣлой ежевики и размять ее въ ступкѣ; затѣмъ истолочь ¼ фун. пряныхъ кореньевъ, 2 унц. корицы и

3 унц. гвоздики, перемѣшать все это вмѣстѣ съ ежевикой и медленно сварить эту массу на умѣренномъ огнѣ; потомъ пропустить сокъ чрезъ мѣшечекъ изъ чистаго холста и прибавить

на каждую мѣру этого сока фунтъ сахара. Наконецъ эссенцію эту проварить вновь, снять ее съ огня и, давъ остыть, прибавить къ ней двѣ мѣры коньяку высшаго сорта. Взрослые могутъ принимать этой эссенціи одну рюмку, а дѣти, соображаясь съ возрастомъ ихъ, отъ одной чайной до столовой ложки. Будучи смѣшана съ водой эссенція эта служитъ приятнымъ прохладительнымъ напиткомъ.

Краска для зданій. Недорогую желтую краску для зданій можно приготовить слѣдующимъ образомъ: известковое молоко нужно смѣшать съ растворомъ желѣзнаго купороса. Первоначально зеленоватая краска, послѣ окраски ею зданія когда просохнетъ, — приметъ желтый цвѣтъ. Чѣмъ больше прибавить къ извести раствора желѣзнаго купороса, тѣмъ темнѣе становится краска, которая, говорятъ, хорошо держится на стѣнѣ, и гораздо красивѣе, чѣмъ краска, смѣшанная съ известью или охрой; кромѣ того и приготовленіе описаннымъ выше способомъ желтой краски обходится недорого.

Новое изобрѣтеніе.

До сихъ поръ при игрѣ на роялѣ поднятіемъ фортовой педали всѣ тоны безъ различія получали одинаковое продолженіе, а опусканіемъ ея всѣ опять разомъ замолкали. Въ настоящее время фортепьянный мастеръ Фридрихъ Шиллеръ (Б. Морская № 17), изобрѣлъ новую педаль prolongement, допускающую фиксировать цѣлый рядъ тоновъ, аккордовъ, пассажей и пр.,

освобождая въ ту же секунду ноги и руки играющаго для упрощенія фиксированнаго основного аккорда. И при всѣхъ неоспоримыхъ достоинствахъ новой педали, обогащая инструментъ небывалыми эффектами, механизмъ ея гениально простъ, употребленіе и примѣненіе ея къ дѣлу дается въ нѣсколько минутъ каждому.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Назначенное на этотъ номеръ окончаніе статьи «Взятіе Константинополя», по недостатку мѣста отложено до № 35 «Нивы».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

- 1) Пенза. А. С. Б. Стихи Ваши напечатаны не будутъ, собственно по обилію у насъ этого матеріала. На вопросъ же Вашъ о ихъ достоинствѣ отбываемъ откровенно: такихъ стиховъ доставляется намъ массой и повѣрите, Вы лучше отдаете употребленіе изъ свободнаго отъ Вашихъ домашнихъ обязанностей времени, если займетесь чтеніемъ полезныхъ книгъ.
- 2) Ст. Медвѣденна. А. Н. М. Присланные снимки намъ не подходятъ, какъ дѣлю сіяшюмъ судное понятіе о народной жизни.
- 3) Нижний Новгородъ. Я. В. Боговяленскому. Принять не можемъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Гора Синай и синайскій монастырь (съ рисункомъ) — Гимнъ славянамъ. Стихотвореніе Людовика Дажаконе (съ французскою) — Золотошвейка (Выль изъ недавняго прошлаго). Н — ый. — Императоръ и императрица бразилскія (съ двумя портретами). — Скандинавскій художникъ Петръ Арбо и его картина «Разсвѣтъ» (съ рисункомъ). Z. — Болгарскіе обгледы въ Балканахъ (съ рисункомъ). — Счастливые дни. (Картина Шаллена) (съ рисункомъ). — Оранже-утангъ и горилла въ берлинскомъ январіумѣ (съ двумя рисунками). — Политическое обзоріе. — Сѣль. — Новая изобрѣтенія. — Заявленіе. — Почтовый ящикъ — Объявленія.

Редакторъ Д. Стахѣвъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Съ іюля выходитъ въ Петербургѣ, по воскреснымъ днямъ,

новая политическая и литературная газета

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Издаваемая и редактируемая Г. К. ГРАДОВСКИМЪ (Гаммом).

СОДЕРЖАНІЕ послѣднихъ двухъ номеровъ, вышедшихъ 25-го іюля и 1-го августа:

1. № 3. **ГОТОВЫ ЛИ МЫ КЪ ВОЙНѢ?** — Извѣстіе о военно-конской повинности. — **СЕРБСКОМУ НАРОДУ!** — Стихотвореніе Н. В. Сим — снаго. — **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА** — Борьба юго-славянъ, Юрія Б. — Послѣднія извѣстія съ театра войны. — **ФЕЛЬЕТОНЪ, Гаммы:** Какъ мы преусиляли, да не преусили. — Ни назадъ, ни впередъ. — Пора взглянуть, пока громъ не грянулъ. — Возвѣщенный впечатлѣніи морской газетѣ. — Какую помощь русской народъ желалъ бы оказать славянамъ. — Что подлѣтъ съ «политикомъ». — Новые и старые друзья славянской идеи. **ОБЛАСТНЫЕ ОЦЕРКИ:** Исторія ливенскаго «лажучителя» и «еретика». — Секретное отдѣленіе въ московской синодальной бібліотекѣ. — «La gascol et les sectes en Russie». — Страны религиозныя и экономическая въ новомъ движеніи раскола. — Необходимость коренной реформы въ православномъ духовенствѣ. — Poleмическая дѣятельность казанской духовной академіи противъ раскола. — Любопытный доводъ. — **ХРОНИКА.** — Изъ газетъ и журналовъ. **БИБЛОГРАФІЯ** (пять новыхъ книгъ).

II. № 4. **РУССКІЙ НАРОДЪ И ЕВРОПА.** — Изъ внутренняго обозрѣнія: правила объ отпускѣ нижнихъ чиновъ въ запасъ. — Убытка отъ волковъ. — Пожертвованія. — **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.** — Борьба юго-славянъ Юрія Б. — Новѣйшія извѣстія съ театра войны. — **ФЕЛЬЕТОНЪ, Гаммы.** — Три письма. — Какъ заводится общественное настроеніе? — Вытѣсеніе образованныхъ людей изъ захолустныхъ уголковъ провинціи. — Ближайшія нашъ моды. — Поминки русскимъ людямъ въ Западной краѣ. — Скитальческая жизнь. — За Богомъ правда не пропадетъ. — Одинъ изъ обнаружателей печатнаго слова. — Куда завела насъ логика? — Необходимая оговорка. — **ДЫХАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕССЪ РАСТЕНІЙ,** Н. М. — **ХРОНИКА.** — Изъ газетъ и журналовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

Съ доставкою и пересылкою: на 1 годъ, 5 руб., на 1/2 года, 3 руб., на 4 мѣс. (съ 1-го сентября) 2 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ главной конторѣ при «книжномъ магазинѣ для иногороднихъ» М. П. Надѣина (С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 44).

Иногородные адресуютъ исключительно въ С.-Петербургъ, въ редакцію газеты «Русское Обозрѣніе» (Бассейная, № 8). № 52.

Продается имѣніе.

Минской губерніи, Борисовскаго уѣзда, на рѣкѣ Березинѣ, въ 20-ти верстахъ отъ г. Борисова, гдѣ станція Московско-Варшавской желѣзной дороги. Въ имѣнии находится жилой домъ въ 9 комнатъ, всѣ хозяйственныя постройки, выстроенныя болѣею частью вновь; кромѣ того два фольварка, мельница, сукновальня и двѣ корчмы. Оброчныя статьи могутъ принести до 1000 руб. въ годъ дохода. Всей земли 2,332 десятины, изъ нихъ подъ усадьбами, садомъ и огородами 12 дес., пахотной 318 дес., сѣнокосу 182 дес., выгону 6 дес., неудобной 41 дес. и лѣсу береженаго 1793 дес. Лѣсъ при рѣкѣ Березинѣ и состоитъ изъ сосны, ели, дуба, ясеня, ольхи, березы и осины. Отъ равнины лѣса количество сѣнокосовъ легко можетъ быть удвоено. Все имѣніе, кромѣ лѣса, отдавалось въ аренду за 2000 р. въ годъ. Виленскимъ Земельнымъ Банкомъ имѣніе это съ лѣсомъ оценено въ 35,998 руб., но по случаю продается за 30,000 руб. За подробнѣйшими свѣдѣніями слѣдуетъ обращаться ко владѣльцу имѣнія Владим. Александ. Максимова, въ г. Вильну, на Островоротной улицѣ, въ домѣ Баркенбергъ. № 51.

**САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
КАРЛА ИВАНОВИЧА ВАГНЕРА
въ Ригѣ.**

Имѣетъ честь уведомлять гг. любителей, что новыя иллюстрированныя каталоги деревьевъ, растеній, цвѣточныхъ луковичекъ и проч., на 1876 г., изданы и раскладываются бесплатно по требованію. 5—2

**БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.**

№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.

Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.

Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.

КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЬ:

на текущій счетъ	7 %;
на 3 мѣсяца	7 1/2 %;
на 6 и до 12 мѣсяцевъ	8 1/2 %.

Страхуетъ билеты обоихъ внутр. 5% съ вынгр. займовъ по 20 коп., съ иногороднихъ по 30 коп. за билетъ. 10—2

Вышла въ свѣтъ и разсылается подписчикамъ новая книга, составленная законоучителемъ 1-й гимназіи и 1-го реальнаго училища въ С.-Петербургѣ, священникомъ **Михаиломъ Соколовымъ,**

„ЗАКОНЪ БОЖІЙ“

(свящ. исторія, молитвы, богослуженіе, заповѣди, изрѣченія св. писанія) для одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ, народныхъ школъ, городскихъ училищъ, приготовительныхъ классовъ духовныхъ училищъ, гимназій иprogимазій, для полковыхъ школъ и для поступающихъ со льготами 4-го разряда. Цѣна книги 35 к., пересылка за 14 лотовъ.

Нагляднымъ пособіемъ въ этому курсу служатъ, одобренныя учебнымъ комитетомъ свят. синода и удостоенныя честью посвященія имени ея императорскаго высочества гсударыни цесаревны Маріи Федоровны 50 картинъ по священной исторіи (размѣръ 9—13 верст.), рисованныя художникомъ В. Крюковымъ и издаваемыя Товариществомъ заведенія метакромотини Ракочій, Сидорскій и комп.

3-й выпускъ картинъ печатается и будетъ разсылаться подписчикамъ въ концѣ августа этого года, вслѣдъ за 3-мъ выпускомъ приступлено будетъ немедленно къ печатанію 4-го выпуска, 5-й выпускъ выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ декабря мѣсяца этого года.

Подписка на картины и книги продолжается и принимается исключительно въ С.-Петербургѣ, Троицкія пер., д. № 27, въ конторѣ заведенія метакромотини, въ которомъ заготовлены въ значительномъ количествѣ иконописныя лицевыя святыя, состав. авад. Солицевымъ, образа двудесятыхъ праздниковъ, иконы для школъ, для благословеній и церквей. Принимаются заказы: на церковныя принадлежности. Объ картинахъ изданія метакромотини въ журнальномъ постановленіи учебнаго комитета Св. Синода сказано: «Издаваемыя заведеніемъ метакромотини картины священной исторіи вполне заслуживаютъ одобренія и поощренія, такъ какъ по красотѣ отдѣлки, размѣру картинъ, правильности рисунка и выразительности фигуръ не оставляютъ желать чего либо лучшаго; поэтому учебный комитетъ находитъ весьма полезнымъ преимущественно предъ всѣми другими изданіями картинъ по закону Божію рекомендовать это изданіе во всѣ учебныя заведенія, какъ духовнаго, такъ и гражданскаго вѣдомства».

№ 53.

Учебный географическій атласъ Юрдана вышелъ 14-мъ изданіемъ, совершенно переделаннымъ и усовершенствованнымъ, по самымъ лучшимъ и ученымъ источникамъ, состоящій изъ 27 хромолигнотрафированныхъ номеровъ (и ртг.) съ приложеніемъ большой карты Россіи съ болѣею частью Азіатской области и съ обозначеніемъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, въ весьма удобномъ форматѣ для употребленія.

Цѣна 1 руб. безъ перес.

Также вышло 9 изданіе „Историческій атласъ“ Юрдана, цѣна 1 руб. 25 коп. безъ пересылки.

Въ С.-Петербургѣ у Ф. Эйлера, литографія у Каменнаго моста, д. Оливье № 42—29, также у всѣхъ значительныхъ книгопродавцевъ въ Россіи. 4—3

ЖИВЪ

№ 35

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Изданъ 30 Августа 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ:

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.

Юванъ Ристичъ.

Къ числу лицъ, пользующихся наибольшею известностью въ настоящее время, безспорно принадлежатъ Юванъ Ристичъ. Благодаря рѣшительной силѣ воли, неустанному труду, непреклонному упорству и желѣзной послѣдовательности, Ристичъ, еще не достигнувъ пятидесятилѣтняго возраста, занялъ такое положеніе, которое сосредоточиваетъ на немъ вниманіе всей Европы. Подобно большинству выдающихся дѣятелей современной Сербіи, Ристичъ окончилъ свое образованіе въ Германіи и Франціи. Самыя основательныя познанія онъ приобрѣлъ въ Берлинѣ. По своемъ возвращеніи на родину, Ристичъ, благодаря основательности своихъ познаній и умѣнью примѣнить ихъ къ дѣйствительной жизни, въ скоромъ времени успѣлъ поступить на государственную службу. покойный князь Михаилъ тотчасъ же оцѣнилъ способности Ристича и послалъ его въ Константинополь, въ качествѣ представителя Сербіи. Ристичъ оправдалъ возложенное на него довѣріе и наиболѣе въ то время, когда возникли разногласія ме-

Юванъ Ристичъ, сербскій министръ иностранныхъ дѣлъ.
Съ фотогр. рѣзалъ Боярскій.

жду Портою и Сербіей, кончившійся бомбардированіемъ Бѣлграда, 17 Юня 1862 года. Въ то время, какъ родственникъ Ристича, Магазиновичъ, (объявившій въ нынѣшнемъ году отъ имени Сербіи войну Турціи), сражался на баррикадахъ, воздвигнутыхъ при входѣ въ Бѣлградъ, противъ занятой турками крѣпости, самъ Ристичъ такъ искусно и такъ хитро исполнилъ тайныя порученія своего князя, что, въ концѣ концовъ, турки не только уступили, безъ всякаго дальнѣйшаго кровопролитія Бѣлградъ, но и предоставили князю, за небольшую выкупную сумму, весь турецкій кварталъ и отказались, отъ права, держать гарнизоны какъ въ Бѣлградѣ, такъ и въ другихъ укрѣпленныхъ мѣстахъ Сербіи, вслѣдствіе чего, сграна была освобождена отъ послѣдняго видимаго знака подданства, и ей оставалось только платитъ дань, что во всякомъ случаѣ, не могло вредить ея внутреннему развитію. Ободренный подобнымъ успѣхомъ, князь Михаилъ далъ Ристичу, спустя нѣсколько лѣтъ, еще болѣе важное, еще болѣе труд-

рету и приказалъ ѣхать въ городъ на квартиру свою, гдѣ жилъ съ матерью.

Не того ожидала княгиня и потому, когда молодой князь въ сопровожденіи гостей вошелъ въ залу, она чуть не упала въ обморокъ.

V.

Отношенія тещи и невѣстки были сначала крайне натянуты. Старая княгиня долго не могла простить Ольгѣ, что она, по ея выраженію, отняла у нея сына. Но мало по малу кротость и снисходительность молодой женщины успѣли обезоружить гордую и своенравную, не терпѣвшую противорѣчій аристократку. Время отъ времени привязанность къ невѣсткѣ достигла въ старой княгинѣ того, что ей скучно становилось, если она не видѣлась съ нею въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Обыкновенно обѣ эти женщины вмѣстѣ, иногда въ сопровожденіи князя, а иногда и безъ него, посѣщали знакомыхъ своихъ; но бывало, что Ольга выѣзжала и одна. Въ такихъ случаяхъ старая княгиня, особенно если наступало позднее время, начинала беспокоиться, если невѣстка долго не возвращалась. Она даже посылала за ней.

— Васъ, маман, очень любить, говорили знакомые: она нѣсколько часовъ не можетъ пробыть безъ васъ.

— Это правда, отвѣчала Ольга: старушка скучаетъ въ одиночествѣ.

Рожденіе первенца внука, котораго такъ страстно желала имѣть старая княгиня, еще болѣе скрѣпило ея связь съ невѣсткой.

Такъ протекло около десяти лѣтъ. У Ольги было уже четверо дѣтей.

Старая княгиня скончалась, а за нею слѣдомъ померъ и мужъ Ольги.

Такія двѣ чувствительныя и почти одна вслѣдъ за другою послѣдовавшія потери, разумѣется, не могли не повліять на здоровье Ольги, но она перенесла свое горе и уже пачала свыкаться съ своимъ положеніемъ, какъ вдругъ—новое горе. Прошло послѣ смерти мужа и его матери не болѣе полугода,—явились претенденты на наслѣдство послѣ умершихъ.

Къ Ольгѣ явился полицейскій чиновникъ съ понятными и объявилъ, что онъ присланъ для производства описи и наложенія ареста на все имущество князя Стародубскаго, какъ движимое, такъ и недвижимое, такъ какъ она, Ольга, урожденная Старопольская, вовсе не законная супруга князя Стародубскаго, а прижитыя съ нимъ дѣти—незаконнорожденныя.

Все это произвело на молодую женщину такое сильное впечатлѣніе, что она упала въ обморокъ. Полицейскій чиновникъ приступилъ къ своему дѣлу. Ей дозволено было забрать лишь свой гардеробъ, какъ бы приданое и одежду дѣтей.

На все остальное наложены были печати и молодой женщиной назначенъ былъ трехдневный срокъ на выѣздъ изъ дома, со всѣмъ своимъ семействомъ, изъ дома, въ которомъ она провела счастливыхъ десять лѣтъ.

Къ кому не обращалась бѣдняжка, и къ губернатору, и къ предводителю дворянства, вездѣ получала отказъ и наконецъ двери сановниковъ навсегда закрылись для нея.

Хотя эти господа и были убѣждены въ правотѣ ея дѣла, но какъ обстоятельства были противъ нея, то они не могли ей помочь. Дѣло въ томъ, что изъ церковной книги о бракахъ дана была справка, что дѣвица Ольга Старопольская законно вѣнчана съ крестьяниномъ князя Стародубскаго Максимомъ Селифонтовымъ, и хотя метрическія свидѣтельства ея дѣтей гласили, что они рождены отъ князя Стародубскаго и его законной супруги, но въ виду данной вышеупомянутой справки, свидѣтельства эти признаны незаконно составленными.

Одной только милости добилась Ольга: въ виду противорѣчій между обыскной книгой и метрическими, чтобы ей и ея дѣтямъ дозволено было проживать по виду, въ которомъ значилась ея дѣвическая фамилія.

Бѣдной женщинѣ оставалось одно: искать защиты у высшаго начальства въ Петербургѣ.

Она уѣхала въ Петербургъ.

Къ счастью она не продала своего маленькаго домика въ Колтовской, и онъ послужилъ большимъ подспорьемъ для нея.

Первымъ ея дѣломъ было подать, куда слѣдовало, прошеніе объ оказаніи ей правосудія въ дѣлѣ по неправильному отнятію родственниками мужа имѣнія у его законныхъ дѣтей.

На это послѣдоваль отвѣтъ, что такъ какъ въ обыскной книгѣ Г* прихода за 182* годъ значится, что она, Ольга, урожденная Старопольская, законно вѣнчана съ крестьяниномъ Селифонтовымъ, а не съ княземъ Стародубскимъ, то ни она, ни ея дѣти не имѣютъ никакихъ правъ ни на княжескій титулъ ни на имѣнія князя Стародубскаго.

Затѣмъ ей посоветовали подать вновь прошеніе, въ которомъ, по подробномъ изложеніи всѣхъ обстоятельствъ, своего бракосочетанія съ княземъ Стародубскимъ и о совмѣстномъ въ теченіе десяти лѣтъ сожителствѣ съ нимъ, просить опроса какъ бывшихъ въ церкви при бракосочетаніи ея съ княземъ Стародубовскимъ свидѣтелей, такъ и тѣхъ, при которыхъ князь представлялъ на дому своей матери ее, Старопольскую, какъ свою законную супругу.

Но и второе прошеніе имѣло тотъ же результатъ, какъ и первое.

Этотъ послѣдній отвѣтъ сломилъ всякую энергію бѣдной женщины; а между тѣмъ ея средства съ каждымъ днемъ все уменьшались, да уменьшались, и расходы увеличивались: нужно было воспитывать дѣтей.

Ольга ни съ кѣмъ не вела знакомства, кромѣ одной бывшей подруги своего дѣтства, которая вышла замужъ за одного небогатаго чиновника. Ей только одной повѣряла она всякое горе свое и у ней спрашивала обо всемъ совѣта.

Тетки ея, старушки Житеневой, уже не было въ живыхъ.

Чтобы увеличить свои средства къ существованію, Ольга, какъ искусная рукодѣльница, прибѣгнула къ старинному источнику—работѣ для магазиновъ. Но ей, впервыхъ, трудно было достать работу потому, что тѣ магазины, для которыхъ она работала десять лѣтъ тому назадъ, были въ вѣдѣніи новыхъ лицъ, воторыхъ заботы о дѣтяхъ и ихъ воспитаніи лишали ее возможности принимать на себя срочныя, то есть самыя выгодныя по цѣнѣ работы.

И вотъ однажды, въ раздумьи о горестномъ своемъ положеніи, Ольга надумалась прибѣгнуть къ защитѣ Пресвятой Маріи Божіей.

Аккуратно каждый день, и въ будни, и въ праздники, ходила она въ сопровожденіи или старшаго сына, или старшей дочери въ церковь, и, ставъ на колѣни, со слезами на глазахъ молилась.

VI.

Нашелся нѣкій отставной чиновникъ, Фералонтовъ, вступившійся за интересы Ольги. И слухи о ея несчастномъ положеніи, и сама она частыми слезами въ церкви обратила на себя его вниманіе, Познакомившись съ нею, онъ спрашивалъ?

— Вы росписывались въ обыскной книгѣ?

— Росписывалась.

— На дому или въ церкви?

— Въ церкви.

— Какъ же вы не прочли имени жениха?

— Потому что я была въ возбужденномъ состояніи.

— Судите сами: въ церковь я была приглашена ѣхать не шаферомъ жениха, какъ обыкновенно дѣлается, а пріятельницей матери князя, баронессой Х*, которая объяснила мнѣ, что на подобныя мелочи не стоитъ обращать вниманія; потомъ въ церкви я тоже не была никѣмъ встрѣчена съ жениховой стороны, а дьячекъ указалъ мнѣ гдѣ стать; при входѣ мнѣ не пѣли концерта, по объясненію баронессы, на томъ основаніи, что князю и его матушкѣ угодно, чтобы свадьба была скромная. До обыскной ли книги было мнѣ, которую впрочемъ, у меня тотчасъ же вырвали изъ рукъ, какъ только я росписалась и унесли въ алтарь. Князь не являлся почти часъ спустя, и этотъ часъ показался мнѣ вѣкомъ. Онъ пріѣхалъ одинъ, быстро подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку и подвелъ къ аналою, сказавъ отрывисто по пути, что матушка не совсѣмъ здорова.

— Все было отлично рассчитано на вашу неопытность, заключилъ Ферাপонтовъ, когда она кончила. Но

Однажды: одинъ изъ его новыхъ пріятелей былъ дежурный по консисторіи. Ферাপонтовъ сказалъ ему:

— Хочешь ли повеселѣе провести вечеръ въ дежурной комнатѣ, такъ я къ тебѣ приду и не одинъ, а съ другомъ ерофеичемъ.

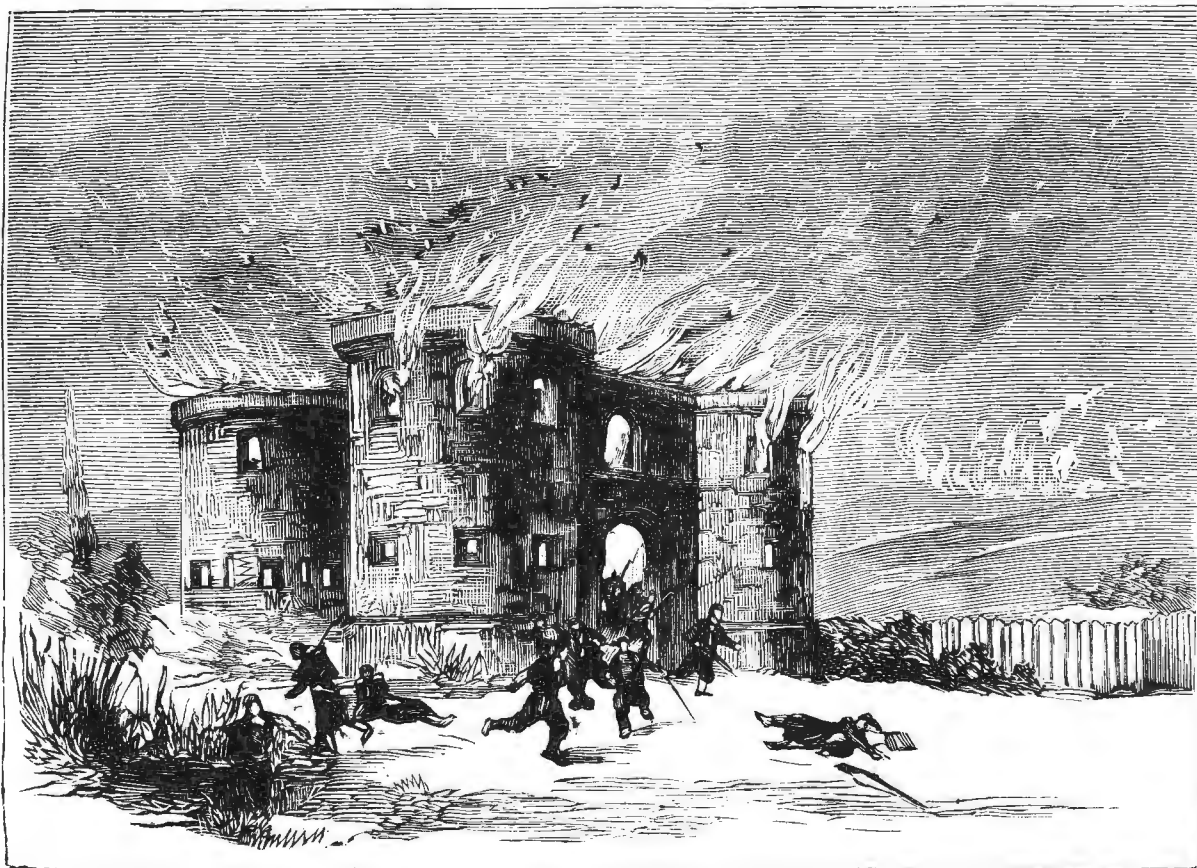
Пріятель былъ охотникъ до ерофеича.

— Доброе дѣло, отвѣчалъ пріятель, приходи.

Сказано, сдѣлано.

Пакетовъ было немного и пріятелямъ удобно было бесѣдовать.

Толкуя о томъ, о другомъ, они коснулись разныхъ служебныхъ дѣлъ и подвѣдомственныхъ консисторіи лицъ. Дежурный доказывалъ множествомъ случаевъ, что у приходскихъ, особенно же сельскихъ священниковъ, встрѣчаются безпрестанно упущенія въ исполненіи обязанностей. Ферাপонтовъ же съ нимъ не соглашался и нѣсколько разъ обзывалъ его клеветникомъ. Наконецъ дежурный разсердился и сказалъ ему: „не суйся, по-

Бомбардированіе турецкаго караула изъ Суповаца. Съ наброска Теодоровича, рѣзалъ Боярскій.

почему же князь не поправилъ дѣла впоследствии, спросилъ онъ.

— Ни я, ни князь, никогда не вспоминали обстоятельство нашего бракосочетанія, ни въ присутствіи княгини, ни между собой. Да притомъ же и надобности въ томъ не было: въ метрическомъ свидѣтельствѣ старшаго моего сына сказано было, что онъ рожденъ отъ князя и меня, его законной супруги; и такъ составлены всѣ метрики моихъ дѣтей.

— Успокойтесь, матушка княгиня, и продолжайте молиться Богу. Дѣло не потеряно, проговорилъ онъ.

— Но какъ же вы этого достигнете?

— Это мой секретъ.

— Дай то Богъ, со вздохомъ сказала Ольга, и они расстались.

На деньги, данныя Ольгой, Ферাপонтовъ отправился въ городъ М* и познакомился со всѣми чиновниками консисторіи, а съ нѣкоторыми и подружился.

жалуйста судить о нашихъ дѣлахъ, ты ничего не слышишь. Да вотъ хоть бы въ дѣлѣ князя Стародубскаго, слышалъ ты про это дѣло?

— Кое-что слышалъ.

— Что-жь, по твоему, и въ немъ нѣтъ никакого упущенія?

— Да какое же, примѣрно?

— А несогласіе метрикъ его дѣтей съ обыскной книгой. Въ обыскной значится, что Ольга Старопольская законно вѣнчана съ крестьяниномъ князя Стародубскаго, Максимомъ Селифонтовымъ; а между тѣмъ и по сей день найдется много свидѣтелей, которые подъ присягой покажутъ, что видѣли ее подъ вѣнцомъ съ княземъ Старубскимъ. Въ метрикахъ же положительно и ясно обозначено, что дѣти рождены отъ князя Стародубскаго и его законной супруги, той же Ольги, урожденной дѣвицы Старопольской.

Что же, по твоему, отъ чего произошло такое разно-

гласіе? Небось тоже не отъ упущенія, а такъ себѣ. А по моему все произошло отъ того, что статья въ обыскной книгѣ писалась по приказанію старухи-княгини, желавшей во чтобы то ни стало, какъ увѣряютъ, недопустить сына до женитьбы на Ольгѣ Старопольской, а метрики—подъ надзоромъ и вліяніемъ князя. Вотъ тебѣ и весь сказъ.

— Да вѣдь это ты говоришь, такъ сказать, голословно. А по моему, коли въ метрикахъ значится, что дѣвица Старопольская законная супруга князя Стародубскаго, значитъ такъ прописано и въ обыскной.

— А хочешь я тебѣ докажу, что не такъ. Вѣдь книги то не за горами, а тутъ. По нимъ еще недавно справлялись и не успѣли отослать въ архивъ.

— Докажи.

— Каковъ ты парень. Стану я тебѣ даромъ доказывать.

— А чего-же ты хочешь? Зарокъ что ли какой?

— Зарокъ не зарокъ, а просто четвертную.

— Экъ хватилъ! Четвертную за пустое дѣло. Ну, да

— Вотъ, проговорилъ дежурный торжественно, положивъ одну изъ принесенныхъ книгъ предъ Ферапонтовымъ, книга метрикъ за 183* годъ, въ которой записано о рожденіи и крещеніи самаго меньшаго сына князя Стародубскаго, и потомъ, открывъ объ этомъ статью, прибавилъ: читай.

Ферапонтовъ прочелъ.

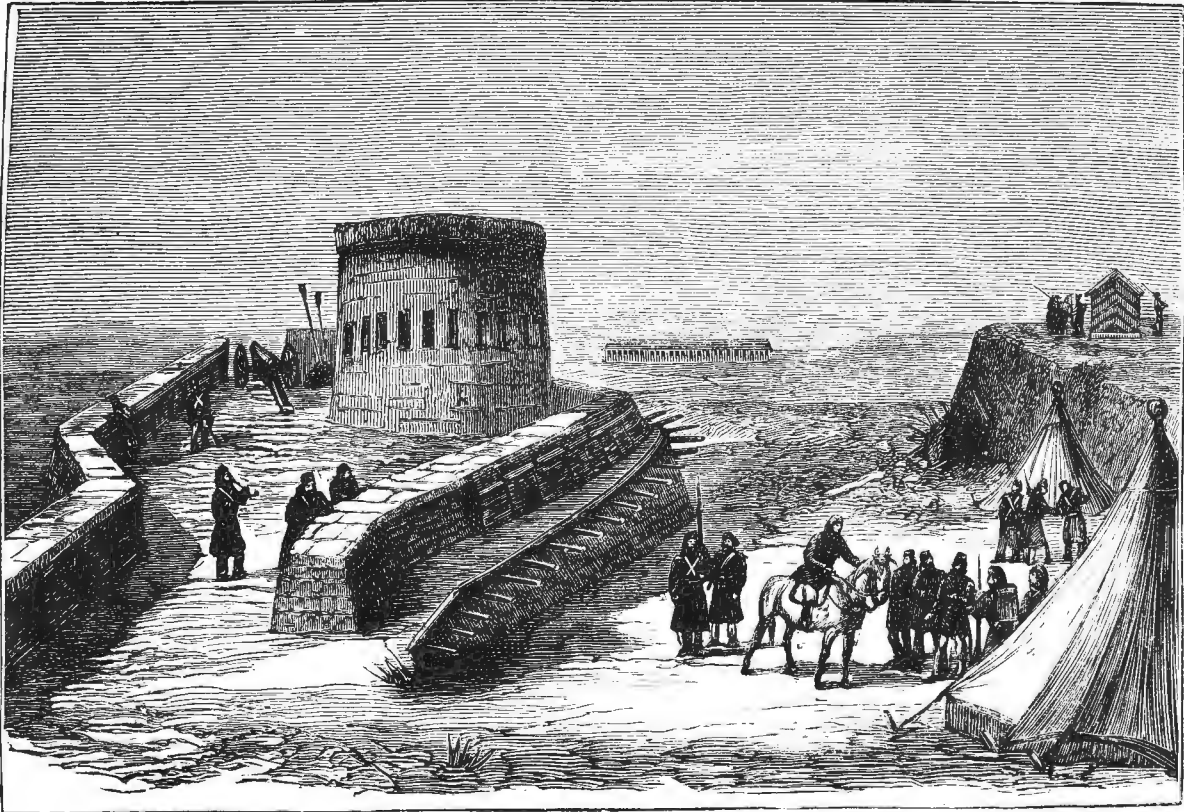
— Ну что? все вѣрно, спросилъ его дежурный?

— Вѣрно, отвѣчалъ Ферапонтовъ.

— Гляди теперь въ обыскную книгу за 182* годъ, что въ ней значится?

Ферапонтовъ началъ читать медленно, какъ бы по складамъ, и когда прочелъ фамилію Селифонтова, то какъ бы въ изумленіи откинулся назадъ на стулъ и затѣмъ какъ бы невольно схватилъ заткнутое за ухо перо и поднесъ его къ тому мѣсту книги, которое только что прочелъ. Отъ этого быстрого движенія чернила сбѣжали съ пера и упали на фамилію кучера.

Увидѣвъ это, дежурный отпрянулъ назадъ. Потомъ, приблизившись къ книгѣ, въ отчаяніи проговорилъ:

Турецкое укрѣпленіе на Дунаѣ. Съ наброска Теодоровича, рѣз. Боярскій.

идеть. Да постой. Ну, что коли не докажешь, такъ съ тебя то что.

— Тоже четвертную. Да не придется.

— Ужь это еще вилами писано. Денегъ то у тебя нѣтъ, чтобы купить четвертную; такъ ты дашь росписку на рубль съ четвертью. Водку куплю я, а записку представлю экзекутору для взысканія передъ жалованьемъ.

— Идетъ.

Вслѣдъ за этимъ дежурный отправился въ помещеніе канцеляріи за книгами.

Въ ожиданіи его Ферапонтовъ досталъ листъ чистой бумаги и началъ выводить по немъ толстымъ худо очищеннымъ гусинымъ перомъ (стальные перья въ тѣ времена были почти не въ употребленіи) — *проба пера*, *проба пера* и т. д.... Заслышавъ шаги дежурнаго, Ферапонтовъ глубоко обмакнулъ перо въ чернильницу и положилъ его за ухо.

— Чортъ! Дьяволъ! Анаѡема ты этакой! Что ты надѣлалъ? Вѣдь ты прямо подъ уголовный судъ меня подвелъ. Ну что, ежели узнаютъ, что пятно сдѣлано въ мое дежурство, вѣдь меня сошлютъ куда Макаръ телятъ не загонялъ. Господи! воскликнулъ онъ въ отчаяніи, пропали мои жена и дѣти, пойдутъ они нищими побираться по міру.

Въ теченіи всей этой тирады Ферапонтовъ, будто желая поправить бѣду, сталъ снимать чернила кончикомъ пера, но дѣлалъ это такъ неискусно, что размазалъ ихъ по всей строкѣ, гдѣ прописано было о званіи, имени, отчествѣ и фамиліи Селифонтова.

— Оставь, закричалъ на него дежурный, вырывая у него книгу.

— Не блажи, хладнокровно проговорилъ Ферапонтовъ, не давая книги. Пусть чернила просохнутъ и я сниму ихъ такъ искусно ножичкомъ, что самъ сатана не доищется, гдѣ было пятно.

Предъ такимъ хладнокровіемъ дежурный невольно умолкъ.

Пользуясь этимъ, Ферапонтовъ снялъ лишніа чернила пропускной бумагой, а потомъ запачканое мѣсто погрѣлъ на свѣчкѣ, чтобы просохли остальные чернила; затѣмъ, убѣдившись, что нѣтъ и признака влаги, онъ занялся счисткой ихъ между буквъ самымъ остриемъ кончика ножа. Операция производилась необыкновенно осторожно и медленно; но за то очищенное мѣсто выходило такъ чисто, какъ будто на немъ никогда не было чернильнаго пятна. Дежурный смотрѣлъ на его работу съ глубокимъ изумленіемъ и только изрѣдка, видя, что буквы какъ будто воскресаютъ, приговаривалъ: вотъ дьяволъ! вотъ сатана! Да гдѣ онъ этому учился? Господи! Какъ будто и замарано не было! Однако же при всей осторожности счищались иногда цѣлыя буквы, а иногда части ихъ. Дежурный это замѣтилъ.

— А какъ же ты не замѣтно подправишь подчистки въ букввахъ?

— Молчи! увидишь какъ. Не впервые упражняться въ этомъ.

И дѣйствительно: чрезъ нѣсколько времени все такъ искусно было поправлено, что нуженъ былъ опытный глазъ, чтобы замѣтить сразу подчистку.

Покончивъ свое дѣло, Ферапонтовъ возвратился въ Петербургъ и явился къ Ольгѣ.

— Побѣда, матушка княгиня! торжественно воскликнулъ онъ. Въ самое короткое время вы будете признаны за законную супругу князя Стародубскаго, а ваши дѣточки за его законныхъ дѣтей и наследниковъ всѣхъ его имѣній. Дальнѣйшіе хлопоты объ этомъ я беру на себя, а вы снабдите меня только законной довѣренностью. Я снова уѣду въ городъ М*, денегъ же больше не понадобится потому, что я сберегъ большую половину изъ тѣхъ, которые вы мнѣ дали. Сосчитайте сами: триста пятнадцать рубликовъ экономіи, проговорилъ онъ, подавая деньги Ольгѣ изъ стараго замасленнаго бумажника.

— Оставьте ихъ у себя, сказала Ольга, онѣ понадобятся вамъ на вторичное путешествіе.

— Справедливо изволите говорить, отвѣтилъ онъ и спряталъ деньги.

— Чтоже, мнѣ ничего не нужно дѣлать?

— Какъ не нужно? Очень нужно! Немедля же подайте прошеніе на Высочайшее имя и просите пересмотра дѣла. Я самъ его вамъ сочиню.

Ольга подала прошеніе и на немъ воспослѣдовала всемиловѣйшая революція: „строжайше разслѣдовать“.

Уже готовъ былъ докладъ, что такъ какъ во всеподданнѣйшемъ прошеніи бывшей дѣвицы Ольги Старопольской нѣтъ никакихъ новыхъ обстоятельствъ, то оно подлежитъ отказу.

— Позвольте, господа, возразилъ Ферапонтовъ, хорошо ли вы справились въ книгахъ, особенно въ обыскной книгѣ?

— Съ этой книгой справлялись уже нѣсколько разъ и дальнѣйшей справки не требуется: тамъ положительно выражено, что Ольга Старопольская законно вѣнчана съ крестьяниномъ Максимомъ Селифонтовымъ. На основаніи то этой справки, по сличеніи ея съ подлинной статьей обыскной книги и судъ опредѣлилъ, что г. Старопольская и ея дѣти не имѣютъ права ни на княжескій титулъ, ни на имѣнія князей Стародубскихъ.

— Это еще не резонъ. Въ судѣ могли дать неправильное заключеніе.

— По осмотръ-то книги?...

— Да вѣдь Богъ вѣдаетъ: кто и какъ ее тамъ осматривалъ. Въ качествѣ повѣреннаго я покорнѣйше прошу допустить меня до осмотра документовъ, касающихся этого дѣла: метрику и обыскной.

Требованіе Ферапонтова было законно и ему нельзя было отказать.

Ферапонтовъ долго и внимательно осматривалъ въ поданныхъ ему книгахъ статьи, касавшіяся рожденія дѣтей и брака Ольги Старопольской. Онъ разглядывалъ листы даже черезъ свѣтъ. Для мистификаціи началъ онъ осмотръ съ метрику.

— Извините, господа, сказалъ онъ, окончивъ свой осмотръ, но съ вашимъ заключеніемъ я не согласенъ: посмотрите сами: въ обыскной книгѣ имѣются подчистки и кто мнѣ послѣ этого поручится, что на мѣстѣ жениха не были написаны имя, отчество, фамилія и званіе какого нибудь другого лица.

Присутствовавшіе стали осматривать листъ черезъ свѣтъ и убѣдились въ существованіи подчистки.

Волею, неволею пришлось отвергнуть обыскную книгу какъ доказательный документъ и обратиться къ метрическимъ книгамъ и къ допросу свидѣтелей.

Всѣ оказавшіеся въ наличности свидѣтели, единогласно показали, что дѣйствительно видѣли дѣвицу Ольгу Старопольскую подъ вѣнцомъ съ княземъ Стародубскимъ, въ числѣ свидѣтелей былъ и старый церковный сторожъ, лично знавшій покойнаго князя.

Новый докладъ составленъ былъ на основаніи вновь собранныхъ свѣдѣній; одновременно съ нимъ состоялось и постановленіе суда о томъ, что бывшей дѣвицѣ Ольгѣ Старопольской, какъ законной супругѣ князя Стародубскаго и ея дѣтямъ, прижитымъ въ супружескомъ сожителствѣ съ упомянутымъ княземъ, возвращаются въ полное и потомственное пользованіе и владѣніе какъ княжескій титулъ, такъ и имѣнія князя Бориса Стародубскаго.

Копію съ этого постановленія Ферапонтовъ привезъ Ольгѣ прежде, чѣмъ она получила официальное извѣщеніе.

— Я уже не говорю, сказала она Ферапонтову, что мой домъ навсегда и вашъ домъ; но чѣмъ еще могу я васъ благодарить, спросила она его, за ту огромную, ничѣмъ неоцѣнимую услугу, которую вы мнѣ оказали?

— Ничего мнѣ не нужно, матушка-княгиня. Вѣдь я уже одной ногой стою въ гробу; а на тотъ свѣтъ ничего съ собой не возьмешь.

Но вдругъ, въ одинъ день, совершенно неожиданно доложили, что Создатель призвалъ къ себѣ грѣшную душу старика.

Съ искреннимъ чувствомъ сожалѣнія и глубокою скорбью кинула княгиня нѣсколько горстей земли на гробъ усопшаго друга.

На его могилѣ княгиня приказала поставить великолѣпный памятникъ съ надписью: „усопшему дорогому и неоцѣненному другу“. Глядя на этотъ памятникъ, посторонній думалъ, что подъ нимъ покоится прахъ какого нибудь богача; тогда какъ въ дѣйствительности тамъ тлѣли кости самаго нѣкогда бездомнаго и горькаго бѣдняка.

Н—къ.

ТУРЕЦКІЯ УКРѢПЛЕНІЯ НА ДУНАѢ.

Дунай, величайшая послѣ Волги рѣка Европы, имѣла еще въ періодъ могущества римлянъ, культурное и вмѣстѣ стратегическое значеніе. Культурное значеніе Дуная зависитъ отъ громадности протяженія теченія этой рѣки. Стратегическое же значеніе зависитъ отъ особеннаго характера береговъ Дуная

въ его нижнемъ теченіи. Горная цѣпь Балкановъ, развѣтвляясь, обуславливаетъ возможность построения здѣсь прекрасныхъ крѣпостей. И мы въ самомъ дѣлѣ видимъ, что Дунай въ нижнемъ своемъ теченіи устья крѣпостями, имѣющими весьма древнее происхожденіе. Бѣлградъ, Виддинъ, Рущукъ, Силистрія,

Семендрия, Старая и Новая Оршова, Кладово, Гирсово, Браилов, Галац и проч. Въ названіяхъ этихъ укрѣпленій въ уже замѣчаете ихъ классическое происхожденіе. И эти крѣпости расположены каждая при впадѣніи въ Дунай какого-либо притока. Нужно было заградить путь смѣлымъ пловцамъ по Дунаю входъ въ его притоки. Возможность этого загроможденія облегчалась возвышенностью правого берега Дуная (тогда какъ лѣвый отъ самаго Кладово низменъ) и отъ того большая часть дунайскихъ крѣпостей построена на правомъ берегу. Болотистая береговая низменность уже сама по себѣ представляетъ препятствія перенедшему рѣку врагу, тогда какъ твердый берегъ всегда опасенъ для нападенія и, въ стратегическомъ отношеніи, долженъ быть тщательно оберегаемъ и ограждаемъ, даже во время мира.

Собственно въ характеристикѣ укрѣпленій на Дунаѣ имѣетъ важное значеніе то обстоятельство, что Дунай весьма широкъ и быстръ, слѣдовательно труденъ къ переправѣ значительной части войска на противоположный, правый берегъ. Да и достиженіе лѣваго берега обширными болотами уже само по себѣ представляетъ почти неодолимое препятствіе. Въ нижней области Дуная до сихъ поръ военное искусство сдѣлало въ этомъ отношеніи весьма мало. И такъ, гдѣ совершались попытки во время войны перехода черезъ Дунай, тамъ берега имѣютъ горно-известковый характеръ. Въ геологическомъ отношеніи берега Дуная представляютъ мѣсто для крѣпостей тамъ, гдѣ оба берега горно-известковые, т. е. твердые и легко представляющіе возможность перехода черезъ рѣку, или же составляющіе естественный стратегическій и коммерческій путь. Такой путь, наприимѣръ, представляется отъ Виддина чрезъ тимокскую долину до Ниша, т. е. тамъ, гдѣ огромное напластованіе горнаго известняка дѣлаетъ путь къ Дунаю удобопроектируемымъ и углубленіе во внутрь страны, лежащихъ по сю и по ту сторону рѣки, весьма возможнымъ. Тотъ же характеръ представляетъ стратегическій путь отъ Бѣлграда чрезъ Софію до Константинополя.

Такимъ образомъ относительное обиліе укрѣпленій на Дунаѣ находится въ прямомъ отношеніи къ строенію его береговъ. Берегъ тверже, т. е. имѣетъ горно-известковый характеръ, болотъ меньше на лѣвомъ берегу—рѣка дѣлается удободоступнѣе къ переходу, потребности въ укрѣпленіяхъ, стало быть, увеличиваются, наприимѣръ, между Виддиномъ и Руцукомъ (на лѣвомъ берегу Дуная) на меньшую ширину чѣмъ, наприимѣръ, ниже Руцукъ, и отъ того на протяженіи Дуная между Руцукомъ и Виддиномъ больше укрѣпленій, чѣмъ на пространствѣ отъ Руцукъ до самыхъ устьевъ Дуная.

Въ настоящее время относительное значеніе Дунайскихъ крѣ-

постей, въ военномъ отношеніи, изучено основательно. Между важнѣйшими изъ нихъ, требующихъ быстрыхъ сообщеній и поддержаній, проведены желѣзныя и издавна существовали шоссемыя дороги. Турція, въ отношеніи построенія стратегическихъ дорогъ для доставки припасовъ и поддержаній крѣпостямъ, оказала величайшую услугу австрійцы. Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, австрійскій генеральный штабъ, «вкупѣ и любѣ» съ Мольтке (весьма содѣйствовавшимъ улучшенію военныхъ порядковъ въ Турціи) и Кипертомъ (знаменитымъ картографомъ) неутомимо работалъ въ этомъ отношеніи. Болгарія, въ которой построены сильнѣйшіе Дунайскія крѣпости, они назвали «имѣющимъ громадную важность болверкомъ Турціи противъ Россіи». Никакое рѣшительное нападеніе на Турцію со стороны послѣдней невозможно безъ того, чтобы войска не встрѣтились другъ съ другомъ именно въ Болгарской области. Защищать Болгарію значитъ—держать въ заперти все царство Османлисовъ. Если бы Австрія вздумала сдѣлать военную прогулку въ Константинополь, она выбрала бы для этого путь отъ Землина черезъ Бѣлградъ, Нишъ (Ниссу), Софію и Трояновы ворота, черезъ западную часть Болгаріи. Оборонительныхъ линій, имѣющихъ чрезвычайно важное значеніе, здѣсь находится двѣ: самъ Дунай и Балканы. Если непріятель не успѣетъ прорвать дунайскую линію, то онъ ни шагу не сдѣлаетъ на болгарской почвѣ, если же онъ съ другой стороны, даже исполнитъ первое, не вытѣснитъ изъ укрѣпленій Балкана помѣщенныя тамъ войска, то опять таки не можетъ сказать, что Болгарія въ его рукахъ. Во всякомъ военномъ столкновеніи между Турціей и какой-либо изъ великихъ державъ, благоразуміе требуетъ овладѣть въ одно и то же время этими двумя громадными операціонными линіями. Ширина Дуная въ Болгаріи составляетъ 1,000—2,000 шаговъ—ее нужно перейти и затѣмъ вытѣснить непріятельскія войска изъ укрѣпленій на Балканахъ.

Таково мнѣніе лучшихъ австрійскихъ офицеровъ Генеральнаго штаба и, между прочимъ, Киперта. Значеніе дунайскихъ крѣпостей въ этомъ мнѣніи опредѣляется само собою.

Два рисунка турецкихъ крѣпостей, помѣщенные въ настоящемъ номерѣ «Нивы», представляютъ одинъ — дунайское укрѣпленіе, имѣющее въ общей цѣли операціонной линіи то значеніе для непріятеля, о которомъ мы сейчасъ говорили, а другой бомбардированіе турецкаго караула изъ Суповаца.

Въ объясненіе послѣдняго необходимо замѣтить, что Суповацъ—укрѣпленный пунктъ впереди Алексинаца и составляетъ, вмѣстѣ съ этою крѣпостью, Крушевацемъ и Делиградомъ неправильный треугольникъ укрѣпленій.

М. Стратилатовъ.

Паденіе Константинополя въ 1453 году *).

(Окончаніе).

Въ тотъ же день Мохамедъ собралъ военный совѣтъ въ Бешикташѣ, на этомъ совѣтѣ великій визирь, подкупленный императоромъ, всячески старался уговорить султана отказать отъ осады, но не успѣлъ въ томъ, такъ какъ прибывшій въ лагерь съ 20,000 фанатическими дервишами Шейхъ Ахъ-Шемсъ-Эддинъ рѣшительно тому противился. Рѣшено было продолжать осаду. Не имѣя возможности прорвать цѣпь замыкающую Золотой Рогъ султанъ распорядился переправить часть флота сухимъ путемъ во внутренней портъ.

Въ дальнемъ ущелии, лежащемъ между Перою и сѣвернымъ берегомъ Золотого Рога, наскоро сооружено было желобоподобное деревянное полотнище, смазали его бычачьимъ и бараньимъ жиромъ, и въ ночь на 22-е нѣсколько турецкихъ кораблей, съ помощью валиковъ и катковъ, доставлены были во внутренней портъ. Осуществленію этого вполнѣ удавшася и, по всей вѣроятности, галатейцами внушеннаго плана не могли препятствовать императорскіе ратники. Точно также были тщетны разныя попытки сжечь турецкіе корабли; галатейцы и тутъ измѣнили, увѣдомили турокъ о замышленномъ ночью нападеніи, вслѣдствіе чего греческіе корабли встрѣчены были такимъ сильнымъ огнемъ, что часть ихъ погибла. Въ виду города, Мохамедъ приказалъ казнить повашихъ при этомъ дѣлѣ въ плѣнъ; императоръ отвѣтилъ тѣмъ же; велѣлъ обезглавить 260 турецкихъ плѣнныхъ и головы ихъ выставить на зубцахъ городскихъ стѣнъ.

Бомбардированіе города между тѣмъ не прекращалось. Башня у Романовскихъ вратъ рушилась, но брешь вскорѣ была задѣлана; точно также и на другихъ пунктахъ турки имѣли мало успѣха. Въ ночь на 7-е мая 30,000 турокъ предприняли штурмъ, но были отбиты съ большимъ урономъ. Четыре дня спустя 50,000 войско, пытавшееся завладѣть Гебдомонскою стѣною, имѣло ту же участь. Веденная до сихъ поръ морская и сухопутная война вступила въ другой фазы: 15-го открыла мину, подведенную сербскими минѣрами въ городъ. Императоръ

немедленно приказалъ Гранту соорудитъ контръ-мину, и сербскіе кроты были задушены огнемъ и дымомъ.

18 мая, на разсвѣтѣ, удивленнымъ и испуганнымъ грекамъ предстало у Шарсіатскихъ вратъ сооруженіе, начатое и оконченное турками въ одну ночь. То были громаднѣйшихъ размѣровъ бастіоноподобныя деревянныя подмошты, обитыя бычачьими и верблюжьими шкурами и отчасти наолоненныя землею. Повсюду къ нимъ придѣланы были лѣстницы и ступеньки, а со стороны города три дверцы. Задняя сторона подмошокъ соединена была съ главною квартирою крытою галлереею. Это сооруженіе имѣло цѣлью—разрушать пушечными выстрѣлами верхнія части стѣнъ и башенъ и наполнять ими рвы. Дѣйствіе этого бастіона было ужасно: одна изъ башенъ Романовскихъ вратъ была превращена въ груду развалинъ. Но императоръ и Гюстиніани не пали духомъ: они сумѣли парализовать дѣйствіе это страшной, всеразрушающей машины. Поврежденныя стѣны были поправлены, развалины удалены изъ рвовъ, навшая башня воздвигнута и, въ заключеніе грозный бастіонъ сожженъ. Все это было дѣло одной ночи. Съ разсвѣтомъ явились турки, и взорамъ ихъ предстала груда пепла; самъ султанъ удивился и заявилъ, что даже при ручательствѣ, всѣхъ пророковъ, онъ не повѣрилъ бы, что невѣрные способны въ одну ночь произвести что либо подобное. Не такъ счастливы были греки при другомъ предпріятіи турокъ, долженствовавшемъ служить началомъ всеобщаго штурма. 19-го мая турками сооруженъ былъ мостъ, длиною въ 500 локтей, перекинутый чрезъ Золотой Рогъ къ тому мѣсту, гдѣ командовалъ легатъ Исидоръ. Тысяча бочекъ, доставленныхъ по всей вѣроятности изъ Галаты попарно соединены были канатами и покрыты бревнами и досками, достаточно крѣпкими, чтобъ выдержать тяжесть даже пушекъ. 21-го мая тронулся находящійся у Бешикташа турецкій флотъ и, при звукахъ трубы и литавръ, подошелъ ко входу порта; осажденные ударили въ набатъ и собрали все наличное войско. Оказалось, что это было только демонстрація или рекогноспировка со стороны турокъ, и по прошествіи двухъ часовъ корабли ихъ, не произведя ни одинаго выстрѣла, опять воротились къ прежнему мѣсту сто-

* См. «Нива» № 33-я.

янки. Въ тотъ же день вновь была открыта и уничтожена еще одна мина при Калпарии, однакожь туркамъ удалось разрушить значительную часть стѣнъ и одну башню. 22-го опять открыты были на томъ же мѣстѣ двѣ мины, ихъ также удалось уничтожить и избитъ находящихся въ нихъ землекоповъ.

Не смотря на геройскую и искусную оборону императорскихъ и вспомогательныхъ войскъ, осаждающіе имѣли значительный перевѣсъ. Стѣны отчасти были разрушены и многія башни уничтожены. Зять султана, Измаиль Гамза, былъ отправленъ къ императору съ требованіемъ немедленной сдачи, но получилъ въ отвѣтъ, что онъ и храбрые его защитники готовы умереть, но сдать не могутъ. Тогда Мухамедомъ дано было приказаніе двоице подкопныхъ работы и со всѣхъ сторонъ усилить обстрѣливаніе города, въ особенности съ сѣверной. Въ то же время возмѣнено было въ лагерѣ, что 29-го мая послѣдуетъ всеобщій штурмъ, послѣ чего солдатамъ разрѣшено будетъ три дня грабить городъ. Вѣсть эта произвела въ войскѣ великую радость, и въ слѣдующую ночь весь лагерь и флотъ были иллюминированы. Этотъ огненный вѣнецъ, охватившій весь Босфоръ, греками принятъ былъ сначала за громадное пожарище; но по пляскѣ и радостнымъ восклицаніямъ, дѣлавшимъ до нихъ, они вскорѣ поняли настоящее значеніе этого явленія, и ужасъ объялъ весь городъ. Но Густиніани не робѣли. Выславъ весь гарнизонъ на стѣны для исправленія брешей, онъ потребовалъ отъ Луки Нотараса нѣсколько пушекъ для лучшей защиты вѣтреннаго ему поста, но тотъ отказалъ ему въ нихъ, подъ предлогомъ собственной надобности. Вслѣдствіе этого, между ними произошелъ сильный споръ, такъ что императоръ, во избѣжаніе личныхъ оскорбленій, вынужденъ былъ выйтись въ дѣло. «Братья», сказалъ онъ, «теперь не время для ссоры и брани. Простимъ другъ другу и помолимся Богу о спасеніи нашемъ изъ пасти дракона».

Въ послѣдующіе дни бомбардированіе усилилось, подземный же бой, по уничтоженіи 25-го числа еще одной турецкой мины, окончательно прекратился. Вечеромъ того же дня турецкій лагерь вновь былъ иллюминированъ, и тысячи дровишекъ бродили по лагернымъ улицамъ, общія райскія радости правобѣрнымъ бойцамъ. Однакожь въ высшихъ кругахъ осаждающихъ вовсе не были такъ увѣрены въ счастливомъ исходѣ осады, или слухи о приближеніи большой венеціанской флотиліи и вторженіи венгерцевъ такъ, что султанъ, желѣзная воля котораго до сихъ поръ непреклонно слѣдовала къ избранной дѣли, началъ колебаться. 27-го онъ созвалъ военный совѣтъ, въ которомъ великій визирь, все еще преданный грекамъ, употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить султана въ необходимости снять осаду и вступить въ соглашеніе съ императоромъ. Но Цаганосъ-паша опровергъ всѣ его доводы, и ему удалось ободрить Мухамеда. Штурмъ былъ рѣшенное дѣло. Возбѣшенный Халиль-паша въ тотъ же вечеръ увѣдомилъ императора о результатѣ военнаго совѣта.

День 28-го числа съ обѣихъ сторонъ былъ употребленъ на приготовленія къ штурму. Съ турецкой стороны приготовлены были 2000 штурмовыхъ лѣстницъ, Бешикташскій флотъ, образуя полумѣсяцъ, подошелъ къ восточной оконечности города; стоявшіе въ Золотомъ Рогѣ корабли, также снабженные штурмовыми лѣстницами, заняли позицію между сѣверною частью города и портовою цѣпью. Императоръ и Густиніани съ утра дѣятельно занялись заготовленіемъ всего необходимаго для успешной обороны, въ особенности предохранительныхъ крышъ для гарнизона на стѣнныхъ зубцахъ. Около полудня императоръ обратился съ рѣчью къ командирамъ отдѣльныхъ «остовъ», послѣ чего онъ со свитою отправился въ Софійскій соборъ, гдѣ всѣ причастились Св. таинъ—имперія вступала въ бой за дѣло, почти погибшее, оставалось умереть со славою. По возвращеніи во дворецъ, Константинъ обращался къ каждому съ просьбою простить его. Весь дворъ былъ въ слезахъ.

Въ полночь императоръ еще разъ обошелъ посты, чтобы освѣдомиться о расположеніи духа воиновъ и надеждахъ ли они вооружены. Въ турецкомъ лагерѣ огни были потушены. Но въ 2 часа утра началось тамъ движеніе, и вслѣдъ за тѣмъ первая штурмовая колонна подступила къ стѣнамъ, приставила лѣстницы, и начался бой. Гарнизонъ храбро отбилъ нападеніе; булыжниками и греческимъ огнемъ истребилъ много нападающихъ и отбросилъ лѣстницы. Та же участь постигла и второй отрядъ, замѣнившій первый. Въ продолженіи этого времени крѣпостныя орудія не умолкали и производили страшныя опустошенія въ рядахъ осаждающихъ. Султана вынужденъ былъ выдвинуть резервъ, составленный изъ янычаръ. Такимъ образомъ бой продолжался до разсвѣта, не склоняя перевѣсъ ни на чью сторону. Особенно ожесточенъ онъ былъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ венеціанцы защищали произведенный пушкою Орбача стѣнной проломъ, и со стороны внутренняго порта, гдѣ великій герцогъ Нотарасъ храбро и успешно оборонялся отъ нападенія Цаганосъ-паши; но главный бой происходилъ у Романовскихъ вратъ, тутъ самъ императоръ съ Густиніани противу стали султану, одушевлявшему своихъ солдатъ обѣщаніями и угрозами, а по временамъ и желѣзнымъ пестикомъ своимъ. Въ это время исполнское ядро разрушило часть стѣны, прилегающихъ къ этимъ вратамъ, и менѣе чѣмъ въ четверть часа цитадель была занята неприятелемъ. Не смотря на градъ

камней, пуль и дѣйствіе греческаго огня, сыпавшихся на нихъ со стѣнныхъ зубцовъ и изъ амбразуръ, турки всетаки подвигались впередъ, пока Теофилъ Палеологъ и Дмитрій Контаркизеновъ не подошли съ резервами и отбросили ихъ. Въ то время, какъ императоръ ободрилъ и воодушевлялъ на новые подвиги подошедшихъ къ нему на помощь ратниковъ, Густиніани раненъ былъ въ руку стрѣлою и вынужденъ удалиться для перевязки раны. Это само по себѣ незначительное событіе сильно поддѣйствовало на грековъ, они уняли духомъ, что и было замѣчено турками. Воспользовавшись этимъ, исполинскій янычаръ, Гассанъ Улубадскій, съ нѣкоторыми товарищами взобрался на стѣну, и начался страшный рукопашный бой. Не успѣли императорскіе ратники избавиться отъ этого неприятеля, частью избивъ его, частью сбросивъ въ ровъ, какъ съ другой стороны грозила имъ новая опасность: съ тылу ворвавшись чрезъ Ксилокерскія врата, нахлынуло на нихъ другое полчище турокъ и помогло другимъ наступающимъ взобраться на стѣну. Этому войску греки не въ состояніи были устоять, всѣ бросились къ гавани, въ надеждѣ спастись на корабляхъ. Одинъ императоръ съ своими приближенными не покинулъ поля брани и тѣсно старался удержать напоръ неприятеля. Франциско де Толедо какъ левъ сражался и не отступалъ; Теофилъ Палеологъ, воскликнувъ: «Лучше умереть, чѣмъ остаться въ живыхъ!», вторгся въ ряды турокъ и разсѣялъ ихъ; Далматъ Іоаннъ творилъ чудеса храбрости. Все было тѣсно. Будучи увлеченъ толпою бѣжавшихъ, императоръ, въ отчаяніи, воскликнулъ: «Нѣтъ-ли христіанской руки отсѣчь мѣ голову?»—и въ то же мгновеніе пораженъ былъ въ лице. Императоръ положилъ нападающаго турка, но другой турокъ напалъ на него сзади, сшибъ съ лошади и закололъ.

Съ императоромъ Константиномъ пала Византійская имперія, палъ послѣдній царь ея, геройскою и мученическою смертью.

Неудержимымъ потокомъ войско Мухамеда рванулось въ городъ, рубило и убивало все, что встрѣчалось на пути, съ публичныхъ зданій срывало императорскіе гербы и замѣняло ихъ знаменами съ изображеніемъ полумѣсяца; потомъ дикое полчище это разсѣялось по городу, производя ужасы и разрушенія. Находящіеся въ Золотомъ Рогѣ христіанскіе корабли большею частью спаслись, такъ какъ турецкій флотъ покинуть былъ экипажемъ, высадившимся на берегъ для участія въ штурмѣ и грабежѣ. На одномъ изъ этихъ кораблей Густиніано удалось спастись на островъ Хіосъ, но онъ вскорѣ умеръ, оплакивая печальную кончину имперіи. Легатъ Исидоръ, попавъ въ рабство, былъ проданъ въ Галату, откуда впоследствии ему удалось бѣжать. Орханъ, переодѣвшись, пытался избѣгнуть плѣна, но былъ пойманъ однимъ турецкимъ капитаномъ корабля, узнавъ и изрубленъ. Нотарасъ также былъ плѣненъ и представляетъ султану, который сначала съ нимъ и его семействомъ обращался хорошо, но нѣсколько дней спустя, опоненный виномъ, приказалъ обезглавить его и всѣхъ сыновей его.

Между тѣмъ громадная толпа грековъ, мушницъ, женщины, дѣти заперлись въ Софійскомъ соборѣ и, молясь и дрожа отъ страха, ждали своей участи. Они надѣялись на пророчество, увѣрявшее, что Османлысы вторгнутся въ городъ только до столпа Константина Великаго, потомъ съ небесъ низойдетъ ангелъ, вручитъ стоявшему у сего столпа мужу мечъ, которымъ невѣрные будутъ изгнаны и преслѣдуемы до предѣловъ Персіи. Но вскорѣ явились турки, разбили церковныя врата, мужей связали веревками, женщинъ—поясами и погнали всѣхъ въ рабство. Другія толпища турокъ занялись разрушеніемъ священныхъ сосудовъ, лампадъ и иконъ, съ алтарей срывали покрывала, дѣли и пили на нихъ, или кормили съ нихъ лошадей. Къ полудню явился и султанъ, изъялъ христіанское богослуженіе изъ собора и передалъ его исламу. Взойдя, онъ засталъ турка, заступомъ разрушающаго мраморный помостъ. «Зачѣмъ поргнешъ ты прекрасный помостъ?» спросилъ Мухамедъ. «Вѣры ради», отвѣтилъ турокъ. Возмущенный такимъ варварствомъ, султанъ отвѣсилъ ему полновѣсный ударъ саблею и сказалъ: «Въ плѣнныхъ и другой добычѣ вамъ нѣтъ недостатка, городскія же зданія принадлежатъ мѣ». Полумертваго варвара за ноги вытащили изъ собора и бросили на улицу. Одному изъ присутствующихъ Мухамедъ приказалъ взойти на кафедру, произнести магометанское вѣрнопозданіе и собрать вѣрующихся для послѣобѣденнаго моленія, которое онъ, вскочивъ на алтарь, самъ началъ оглашать. Тогда только султанъ освѣдомился объ императорѣ. Ему представили двухъ солдатъ, изъ коихъ одинъ, какъ увѣрили, нанесъ ему первоначальную рану, другой же окончательно положилъ его. Ихъ отравили отыскивать трупъ, но работа была не легкая, пришлось осматривать многихъ убитыхъ и многимъ умывать облитыя кровью лица, пока не нашли его, и то благодаря башмакамъ вышитымъ императорскимъ орломъ. Царственному усопшему отрублена была голова и, по приказанію султана, до вечера выставлена на колоннѣ Августинской площади, тѣло же предано землѣ съ царскими почестями. Близъ мечети Вефы, въ кварталѣ, занимаемомъ нынѣ саложниками и сѣдельниками Стамбула, подъ тѣнью обвитой дикими розами лѣвы, падающею на безнадписную каменную плиту—покоются бранные остатки царственнаго мученика. Надъ могилою и до сего дня, каждый

Тетуанская еврейка. Съ картины Портельса, рис. Шелль, грав. Домсъ.

вечеръ, зажигается простая лампада, масло къ которой доставляется правительствомъ.

30-го мая султанъ вторично посетилъ и осмотрѣлъ городъ. На улицахъ все было спокойно, но за то въ домахъ свирѣловали грабежи и разбой, грабители изъ-за добычи рѣзали другъ друга. На возвратномъ пути къ лагерю, Мухамеду пришлось пробраться мимо императорскаго дворца, и, при видѣ опустѣвшихъ залъ и палатъ, ему по неволѣ вспомнились стихи персидскаго поэта:

«Паукъ замѣняетъ привратника въ Афразіабскихъ палатахъ, сова въ Афразіабскомъ дворцѣ испускаетъ воинственный кликъ».

Развалины стараго императорскаго дворца до сихъ поръ существуютъ, единственные жители конхъ сугъ пауки и совы, да нѣсколько еврейскихъ семействъ, говорящихъ по испански и

за бакниши всегда готовыхъ туристу указать дорогу, ведущую на кровлю зданія, откуда взорамъ открывается прелестьишій видъ.

По упомянутые стихи уже и теперь могутъ отнестись къ селалю, къ покинутому султанами дворцу при восточной оконечности Стамбула; Староселамъ, здѣсь до сего господствовавшій и представившій свѣту столько потрясающихъ душу драмъ, сокрушенъ; Юносламу остается вторить смѣхъ улылимъ строкамъ. Еще нѣсколько десятилѣтій—врядъ ли больше и исторія скажетъ о дворцахъ и замкахъ юносламскихъ энигоновъ:

«Паукъ замѣняетъ привратника въ Афразіабскихъ палатахъ, сова въ Афразіабскомъ дворцѣ испускаетъ воинственный кликъ».

П. ли.

ТЕТУАНСКАЯ ЕВРЕЙКА.

Нашъ цивилизующій вѣкъ, повсюду распространяя однообразно-европейскія формы общежитія, европейскія моды, повсюду «нивелируя» и сглаживая мѣстныя особенности и ступеневая мѣстныя краски и колоритъ, успѣлъ уже вычеркнуть много оригинальнаго изъ жизни и обстановки современнаго человечества. Все бѣднѣе и тѣснѣе становится мѣръ художника. Но онъ еще не обрѣдѣлъ окончательно—есть еще уголки, гдѣ жизнь пока не сбросила съ себя богатаго мѣстными оригинальными красками платья, гдѣ на всемъ еще лежитъ отпечатокъ чего-то особаго, своеобразнаго.

Прилагаемая гравюра напоминаетъ намъ объ одной изъ этихъ странъ. Извѣстный бельгійскій художникъ Портелье перенесъ на полотно тетуанскую красавицу-еврейку. Не говоря уже о красотѣ ея, самомъ костюмѣ, по богатству и оригинальности,—достойная рамка прекрасной картины. Отдѣланная вся въ жемчугъ и драгоценныя каменья повязка, окружающая колпакъ, (обыкновенно носимый евреями сѣверной Африки) напоминаетъ что-то въ родѣ древней герцогской шапки или короны царей, бархатъ, парча, серебромъ и золотомъ затканная матерія, вся эта живописно-роскошная смѣсь украшеній, составляя одно нѣчто своеобразно-цѣльное, чуждое намъ, чуждое нашей сѣрой, обыденной обстановкѣ—невольно переноситъ насъ въ ту знойную даль... Такъ и рисуется въ воображеніи красное зарево африканской вечерней зарн, послѣднимъ багровымъ отблескомъ освѣщающее стройный силуэтъ черноокой красавицы... И какъ понятна она тамъ, среди той величавой

природы—такъ была бы чужда нашимъ «правильнымъ», дѣловымъ городамъ, съ ихъ обыденной физиономіей.

Всякая страна кладетъ свою печать на нравы и обычаи своихъ жителей, даже такихъ, которые составляютъ элементъ пришлый, не туземный. Такъ еще въ относительно недавнее время еврейки строго придерживались мусульманскаго покрывала, безъ котораго не смѣли выходить на улицу. Объ этомъ свидѣлствуетъ, между прочимъ Дюмонъ-Дюрвилъ, въ своемъ «всобщемъ путешествіи» (1835 года). «Изъ женщинъ, говорилъ онъ, мы встрѣчали только жидовокъ; они были подъ покрывалами и тщательно оберегались своими мужьями», затѣмъ, онъ прибавляетъ: «ревновать мужьямъ не мѣшаетъ никакое вѣрованіе, какъ равно женщинамъ—кокетничать», и т. д. Дѣйствительно, еврейки сѣверо-африканскаго берега, судя по отзывамъ другихъ путешественниковъ, не слишкомъ удовлетворяютъ всемъ суровымъ требованіямъ строгой нравственности—онѣ, въ городахъ того побережья, играютъ, между прочимъ, часто роль аенискихъ тетартъ.

Тетуанскіе евреи непытываютъ общую участь своихъ собратьевъ въ мусульманскихъ земляхъ. Они—не въ большомъ уваженіи у мѣстнаго природнаго магомтанскаго населенія, живутъ въ особыхъ кварталахъ, и обязательно носятъ особый костюмъ, преимущественно черныхъ цвѣтовъ. Какъ всюду, они и здѣсь преимущественно сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ торговлю галантерейными и ювелирными вещами и промышляютъ отдачей денегъ въ ростъ.

БИТВА ПРИ ВЕЛИКОМЪ ИЗВОРѢ.

Селеніе Великій Изворъ находится на правомъ берегу рѣки Тимока, къ востоку отъ Зайчара и къ юго-западу отъ сильной турецкой крѣпости Виддина. 6-го іюля при Великомъ Изворѣ произошло кровопролитное сраженіе. Именно въ мѣстности между Вратарницѣй, Адліей и Зайчаромъ. Сербы наступали съ трехъ сторонъ. На правомъ флангѣ, шедшемъ отъ Салана, былъ отрядъ, подъ командою Н. А. Кирѣева. Лѣвый флангъ былъ подъ командою Лѣшанина и наступалъ со стороны Зайчара, а центръ имѣлъ во главѣ генерала Черняева.

Кровопролитная битва началась съ шести часовъ утра, и до самаго полудня успѣхъ былъ на сторонѣ сербовъ, не смотря на то, что въ положеніи борющихся была огромная разница: сербы, какъ нападавшіе, были открыты выстрѣламъ турокъ, укрывшихся въ укрѣпленіяхъ и ретрашеметахъ. Но съ полудня турки начали одолавать, чему причинами были во первыхъ смерть предводителя праваго фланга Н. А. Кирѣева. Послѣ усиленнаго обстрѣливанія изъ пушекъ, Кирѣевъ лично повелъ свои войска въ атаку, идя впереди войскъ съ обнаженной саблей. Проникнутые энтузіазмомъ сербы уже готовы были съ побѣдными криками ворваться въ турецкія укрѣпленія, какъ вдругъ храбрый ихъ предводитель пошатнулся. Онъ получилъ странную рану въ грудь, но все еще продолжалъ вести отрядъ... Черезъ нѣсколько мгновеній другая пуля поразила Н. А. Кирѣева, уже смертельно, и онъ упалъ, приведя въ великое смущеніе сербовъ. Они дрогнули и остановились, чѣмъ турки тотчасъ же и воспользовались, ринувшись на сербовъ и отбѣснивъ ихъ назадъ.

Такъ было проиграно дѣло праваго фланга.

На лѣвомъ флангѣ въ это же время отчаянно дрался Лѣшанинъ, но былъ отраженъ Османомъ-нашею, получившимъ огромное подкрѣпленіе въ тотъ моментъ, когда сербы были уже близки къ цѣли.

Прибытіе свѣжихъ силъ къ туркамъ рѣшило судьбу битвы,

и Лѣшанинъ отступилъ, не имѣя силъ продолжать наступленіе съ утомленными уже войсками. Въ это время центръ сербскихъ войскъ, подъ командою генерала Черняева, взялъ уже три турецкія укрѣпленія и продолжалъ свое побѣдоносное шествіе далѣе. Турки обратили все свои силы на центръ и устремились со стороны Адліе на правый флангъ корпуса Черняева. Десять часовъ билась сербы и были утомлены страшно. Свѣжія турецкія силы двинулись на центръ; сербы все еще стояли... но смерть бригаднаго начальника, маіора Петровича, заставила, какъ и на правомъ крылѣ, сербовъ отступить отъ Великаго Извора. Черняевъ отошелъ къ Вратарницѣ. Потери убитыми и ранеными съ обѣихъ сторонъ были громадны.

Битва при Великомъ Изворѣ представляетъ только неудавшееся нападеніе сербовъ, задуманное чрезвычайно находчиво. Не будь непредвидѣннаго сербами подкрѣпленія туркамъ—планъ ихъ, весьма вѣроятно, удался бы пмъ блестящимъ образомъ. Не успѣху сербовъ, содѣйствовали также косвенныя причины въ родѣ смерти любимыхъ начальниковъ Н. А. Кирѣева и Петровича.

14 іюля, т. е. черезъ восемь дней послѣ этой битвы, утромъ, турки предприняли нападеніе на сербскія войска, сосредоточенныя у Зайчара, но были отбиты. 15-го числа зайчарскій отрядъ, въ свою очередь отразивши нападеніе турокъ, перешелъ въ наступленіе и выгналъ турокъ изъ Великаго Извора. Открывъ сильный артиллерійскій огонь по лагерю турокъ съ праваго ихъ фланга, сербская артиллерія, имѣя въ видѣ защиты отъ пѣхоты передъ собой два довольно глубокихъ оврага, продолжала пальбу до тѣхъ поръ, пока турки, неся значительную потерю отъ сербскихъ гранатъ, не были принуждены покинуть позиціи и отступить къ Адліе, очистивъ, такимъ образомъ, сербскую территорию отъ своихъ войскъ и потерявъ сербскій ключекъ земли, который она приобрѣла съ такими большими жертвами.

Rus.

ВЗЯТІЕ КНЯЖЕВЦА

Княжевацъ находится къ югу отъ Зайчара, къ сѣверо-востоку отъ Алексинца и къ востоку отъ Крушевца, недалеко

отъ турецкой границы. 21-го іюня турецкая армія, сосредоточенная при Иншѣ и находящаяся подъ начальствомъ Ах-

медь-дюба-пашин, перешла сербскую границу при Громадѣ, пограничном пунктѣ по дорогѣ изъ Плана въ Княжевацѣ. Авангардъ ипшской арміи столкнулся при Громадѣ съ сербскимъ авангардомъ, который занималъ это мѣстечко, а также и кое-какія укрѣпленія. Произошелъ шестичасовой кровавый бой.

Турки, вдвое превосходившіе сербовъ численностью, съ большимъ трудомъ взяли сначала укрѣпленія, а потомъ вступили и въ мѣстечко, причѣмъ тотчасъ же началось разрушеніе зданій и другія неистовства. Сербы отступили къ Пандирало, который иначе называется *Дервентъ*, что по турецки значитъ вообще горный проходъ. Турки, завявъ Громаду, продолжали преслѣдованіе сербовъ и выбили ихъ, наконецъ, изъ позицій при Пандирало.

30-го іюля, турецкій корпусъ подѣ начальствомъ Сулеймана-пашин перешелъ сербскую границу у Пандирало и проникъ черезъ Околинше до Княжеваца. Сербскій полковникъ Хорватовичъ, услышавъ объ этомъ вторженіи, выслалъ свои войска черезъ Тресабаву Планину, по прикрытой лѣсомъ мѣстности. Сербы кинулись на турокъ сразу съ двухъ сторонъ: сбоку и съ центра. Произошло опять кровавое сраженіе, и турки были разбиты; три батальона ихъ были совершенно уничтожены, 173 черкеса взяты въ плѣнъ. Жители окрестныхъ деревень и селеній, опасаясь турецкихъ злодѣйствъ, бѣжали внутрь Сербіи, захвативъ сколько можно было имущества. Турки, подкрѣпивъ себя новыми силами, продолжали наступать на сербскія войска полковника Хорватовича, и ему стало очень трудно. Хорватовичъ держался, какъ могъ. *Пылкъ пять дней* отражалъ опъ нападеныя турокъ, выдерживая по нѣскольку отчаянныхъ битвъ въ день. Не легко было сербамъ, по они покуда еще держались.

Между тѣмъ, до генерала Черняева дошла вѣсть о стѣ-

сненномъ положеніи Хорватовича, стоящаго подѣ Княжевацемъ. Черняевъ поспѣшилъ на выручку къ Хорватовичу и съ этою цѣлью выступилъ изъ Алексинца съ семью батальонами. Онъ счастливо пробился черезъ трудно проходныя горы къ дорогѣ, ведущей изъ Громады къ Княжевацу. Планъ генерала Черняева заключался въ слѣдующемъ: Хорватовичъ долженъ былъ удержать свои позиціи при Княжевацѣ, тогда какъ генералъ Черняевъ намѣревался напасть изъ Дервента на тылъ турецкой арміи. Дойдя до высотъ Тресабавы, генералъ Черняевъ получилъ извѣстіе, что полковникъ Хорватовичъ не могъ держаться долѣе и началъ отступление къ горному проходу, лежащему между Бацьей и Княжевацемъ.

Послѣ подобнаго оборота дѣла, Черняеву не осталось ничего большаго, какъ возвратиться обратно въ Алексинецъ, ибо попытка снова отбить Княжевацъ, повлекли бы, по его соображеніямъ, еще большія потери для сербовъ.

Седьмого августа (по повому стилю) Княжевацъ былъ взятъ турками, преданъ огню и разграбленъ, а жители, кто могъ, спаслись внутрь страны. Вторженіе это сопровождалось страшнымъ безчеловѣчьемъ: турки, посредствомъ петроля, жгли села, деревни, церкви и проч.; жителей, кто попался, вѣшали или убивали инымъ способомъ.

Но не долго турки удержались на позиціяхъ у Княжеваца и Тресабавы, взятыхъ ими съ немовѣрными усиліями. Послѣдующія телеграммы приносятъ намъ извѣстія о томъ, что позиціи эти храбрый полковникъ Хорватовичъ взялъ обратно, отбѣснивъ самихъ турокъ за Мораву.

Не легко же достаются туркамъ даже самыя маленькія клочки сербской территоріи...

Rus.

СЕРБСКІЙ АРТИЛЛЕРІЙСКІЙ ЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ ВЪ МАЙДАНПЕКЪ.

Пристанемъ къ хорошему окружному городку на Дунаѣ, Милановацу, и подымаемъ нѣсколькими измѣнообразными, дорогами на первое предгоріе, откуда открывается прелестный видъ на противоположный австрійскій берегъ, и на строгіе профили сербскихъ горъ Мирогъ и Шольбергъ, съ ущельемъ Буебень и съ его опасными для судоходства порогами. Подымаемъ выше и мнѣя колонію дровосѣковъ, мы достигнемъ, наконецъ, послѣ двухъ часового пути, значительной высоты и увидимъ внизу котловину, на украшеніе которой природа не поскупилась. При подношѣ этой котловины стоитъ княжескій сербскій плавильный заводъ Майданпекъ, при рудникахъ, лежащихъ по теченію рѣчки Пеки. Заводъ Майданпекъ представляется съ мѣста нашего обозрѣнія громаднѣмъ собраніемъ зданій, окруженныхъ многочисленными бѣлыми домиками рабочихъ. Домики эти тянутся до Кучавна на протяженіи цѣлаго часа ходьбы.

Не только преданія, но и вѣрныя, несомнѣныя доказательства подтверждаютъ, что за долго до присоединенія Сербіи къ Турціи, разрабатывались эти рудники, и вѣроятно не разъ велась война изъ за приманчиваго ихъ богатства. Старинныя сербскія пѣсни воспѣваютъ сокровища «Кучав», вблизи котораго находятся сереброносныя и золотоносныя рудники, эксплуатируемые уже давно (съ 1868 года) однимъ нѣмцемъ. Знаменитому саксонскому заводчику, Гердеру, принадлежитъ устройство, этихъ и другихъ сербскихъ рудниковъ, послѣ того, какъ они подѣ турецкимъ правленіемъ были совершенно запущены. Желавшихъ ближе познаться съ исторіею самаго большого сербскаго рудника, Майданпека, просимъ обратиться къ сочиненію Каница, «Сербія».

Руда, разрабатываемая въ Майданпекѣ, мѣдная и желѣзная. Поверхность рудниковъ совершенно разработана старыми котловинообразными ходами, время постройки которыхъ относит-

ся ко временамъ римскаго владычества. Въ 1861 году, они находились въ арендѣ у французской компаніи, которая занималась, впрочемъ, большею продажей лѣсовъ, чѣмъ разработкою минъ. Производство польныхъ и литыхъ ядеръ для государства изъ оказывающагося на лицо матеріала, составляло тогда выдающійся заказъ въ обширныхъ мастерскихъ. Командированный сербскимъ военнымъ министерствомъ, бывший офицеръ гессенской службы, по имени Крейцеръ, вмѣстѣ съ прикомандированными къ нему нѣсколькими военными, руководилъ устройствомъ моделей, формъ для отливки, самымъ литьемъ и отдѣлкою ядеръ. Сначала вырабатывалось 150 ядеръ въ день, затѣмъ нѣсколько сотъ и наконецъ значительныя количества, такъ что запасы, постоянно скопляемые въ теченіи послѣднихъ 15 лѣтъ, представляютъ огромную массу.

Когда Сербія объявила Портъ войну, то многія газеты, преимущественно туркофильскія, говорили, что Сербія не готова къ войнѣ, что она не имѣетъ, ни войска, ни оружія, ни пушекъ, ни достаточныхъ запасовъ боевыхъ снарядовъ. Какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, такъ и здѣсь онѣ не имѣли точныхъ свѣдѣній. Сербское военное управленіе оубликовало на дняхъ состояніе сербскаго военнаго матеріала, который дѣйствительно значителенъ. По официальнымъ сообщеніямъ въ распоряженіи военной администраціи находятся: 250,000 ружей, заряжающихся съ казенной части, 100,000 заряжающихся съ дула, 28 полевыхъ батарей, 5 горныхъ батарей, 25 батарей бронзовыхъ пушекъ. Сверхъ того въ резервныхъ магазинахъ находятся значительныя количества припасовъ (2,250,000 ядеръ и 50,000 артиллерійскихъ патроновъ). Особенное же значеніе получаютъ эти числа, если принять въ соображеніе, что Сербія, не смотря на такое почтенное вооруженіе, умѣла обойтись безъ отягощенія страны новыми налогами и безъ увеличенія государственнаго долга.

ПУТЕШЕСТВІЕ СЪ НЕОБЫКНОВЕННОЮ СКОРОСТІЮ.

Въ воскресенье, 4-го іюня текущаго года, ровно въ четверть десятаго утра, тринадцать пучечныхъ выстрѣловъ, раздавшихся съ крыши «Palace Hôtel», возвѣстили о прибытіи *перваго* трансконтинентальнаго курьерскаго поѣзда (lightningtrain) изъ Нью-Йорка въ Сант-Франциско. Этотъ поѣздъ пролетѣлъ громадное пространство — болѣе 5,000 верстъ — въ 83 часа, 53 минуты, 15 секундъ. Такая быстрая ѣзда по желѣзной дорогѣ представляеть въ наше время явленіе, единственное въ своемъ родѣ.

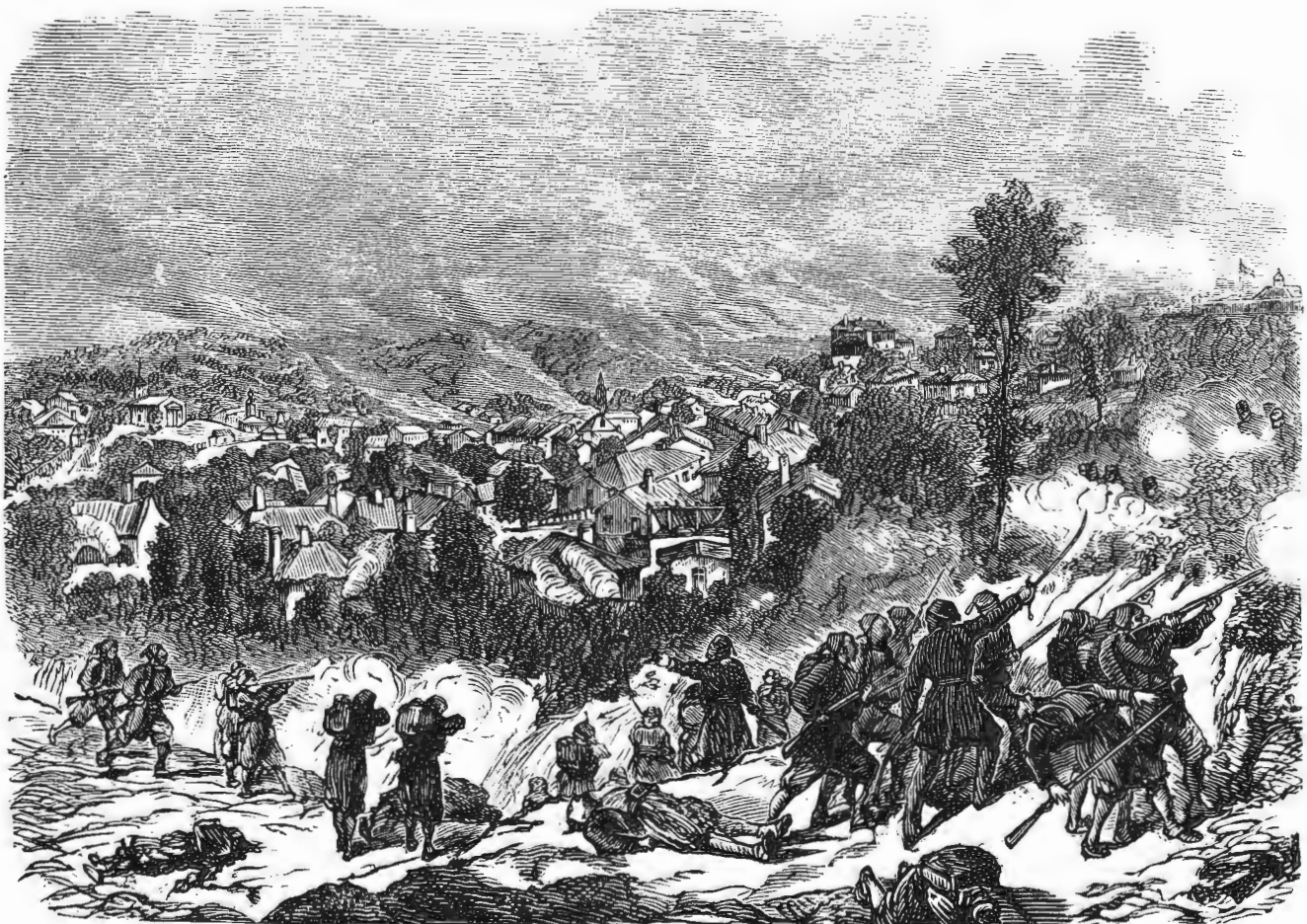
О ходѣ поѣзда, съ страшною быстротой мчавшагося, телеграфъ ежедневно, ежечасно сообщалъ свѣдѣнія по направленію движенія. Населеніе всей страны слѣдило съ жаднымъ любопытствомъ за ходомъ снѣлаго предпріятія, обращая серьезное вниманіе даже на ничтожныя обстоятельство, сопровождавшія эту быструю ѣзду... То, что до сихъ поръ считалось почти невозможнымъ — осуществилось блестящимъ образомъ, изъ области фантазіи перешло въ міръ фактовъ. Гг. Джаретту и Пальмеру, директорамъ театральнаго труппы, прославившейся въ Америкѣ

исполненіемъ драмы Шекспира «Генрихъ V», принадлежитъ честь инициативы въ дѣлѣ осуществленія этого грандіознаго предпріятія. Господа эти задумали устроить спектакль въ Сант-Франциско, и для этого нужно было отправить туда актеровъ. Сказано — сдѣлано. Они наняли для поѣзда туда и обратно курьерскій поѣздъ, заплативъ по 500 долларовъ за каждаго пассажира.

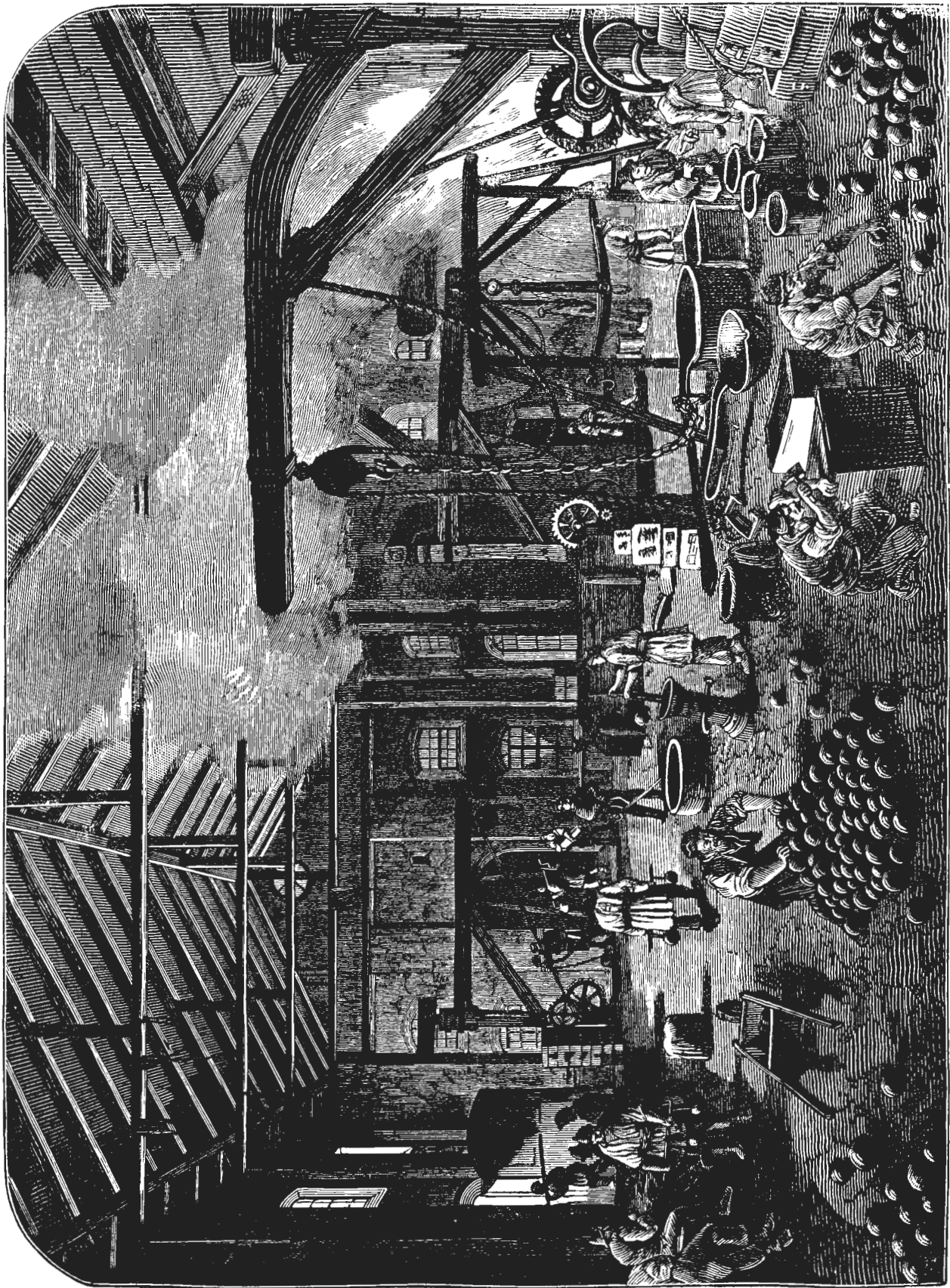
Нью-Йоркскій «Herald» назвалъ это предпріятіе «историческимъ событіемъ». Ѣзда по желѣзнымъ дорогамъ въ Европѣ со скоростью 52 и 66 верстъ въ часъ — явленіе довольно обыкновенное, это правда, но за то разстояніе между конечными пунктами по желѣзнодорожнымъ линіямъ нашей части свѣта относительно коротки, да кромѣ того наши линіи имѣютъ почти вездѣ два рельсовыхъ пути и на всемъ протяженіи огорожены, чего въ Америкѣ нигдѣ нѣтъ; служебный персоналъ у насъ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ на американскихъ дорогахъ; мѣстныя затрудненія, которыя приходится преодолевать при движеніи

Битва при Великомъ Изворѣ. Съ наброска К. М. грав. Палифъ.

Взятіе Княжевца. Съ наброска Н. К. рѣзалъ Болярскій.

Сербский артиллерийский литейный заводъ въ Майданекъ. Рис. Кенлигъ, грав. Богерскій.

ний по главным линиям европейских железных дорог, не могут быть и сравниваемы с такими же затруднениями в Америке. Кто настолько сведущ, что в состоянии взвесить все обстоятельства, неблагоприятствующие успешному осуществлению такого предприятия в Новом Свете, тот не может не согласиться с вышеприведенным мнением «Herald'a», для того, чтобы вполне обеспечить успех задуманной грандиозной поездки, нужно было весьма активно участвующим в ней предвзительно «спиться», необходимо было полное единодушие, согласие в действиях разных железнодорожных компаний востока и общества Союзной и Центрально-великоокеанской дорог, кроме того, непрежними условиями успеха были: небывалая, страшная быстрота движения, настораживающая аккуратность со стороны крупных и мелких железнодорожных агентов на всем громадном протяжении пути, самые лучшие и самые сильные локомотивы, безукоризненной подвижной состав, отличные, опытные инженеры и кондуктора. Малейшее недоразумение могло быть причиной страшной катастрофы; незначительной проволоочки, небрежности по службе было бы достаточно, чтобы разрушить весь план. Понятно, что распорядители постарались ничего не упустить из виду, устроить все надлежащим образом. Чтобы достигнуть далекой цели — *золотых ворот* (Калифорнии) — нужно было проехать громадные пространства, лететь среди дремучих лесов, через болота, прерии, где стада рогатого скота безпрепятственно переходят через плато железной дороги, где древесные стволы-великаны, опрокинутые бурей, нередко загромождают путь; по дорожке будут широкия, быстрые рьки, а через них длиннейшие мосты; встретятся высокие горные хребты, на которые приходится взбираться локомотиву или, лучше сказать, взлетать на них...

До открытия центрально-великоокеанской дороги на переезде из Нью-Йорка в С. Франциско на почтовых требовалось около тридцати дней (взды и днем и ночью); путешествовавшие только во время дня совершали весь путь в полтора месяца, караван же эмигрантов из Нью-Йорка доходил до С. Франциско в полгода. С открытием движения по рельсовому пути между океанами Атлантическим и Великим путешествие из Нью-Йорка в Сань-Франциско совершалось в семь суток, или в продолжении 168 часов.

Первый курьерский поезд, прибывший 4-го июня в Сань-Франциско, пролетел от Атлантического океана к Великому, как сказано выше, менее чем в 84 часа.

Поезд этот тронулся в далекий путь, первого июня, ровно в час пополудни, из Джерсей-сити, что насупротив Нью-Йорка. Он состоял из четырех вагонов: буфетного, спального, багажного и почтового. В почтовом вагоне для одного только Сань-Франциско было 100,000 писем. Билеты на проезд туда были вделаны в изящные серебряные рамки. На всех пакетах с корреспонденцией была такой штемпель: „Jarrett de Palmer's Special Fast Trans-Continental Train — New York, June 1—1876—12. 10. A. M.“. Путешественникам предоставлены были всевозможная удобства; буфет был снабжен наилучшими кушаньями, отличными винами и разными тонкими, деликатными вещами из области прихотливой закуски и выпивки. До отхода поезда в полчаса было отпечатано 15,000 экземпляров четвертого номера нью-йоркского «Herald'a», которые нужно было роздать на пути в далекий «золотой город», т. е. выкидывать «по принадлежности», согласно адресам.

На Пенсильванской центральной железной дороге, до города Питсбурга, в ходу был один и тот же локомотив, действовавший безостановочно в продолжении 10 часов и 4 минут. Было сдано 670 вер. На каждой станции масса народа торжественно встречала и провожала этот поезд. В то время, как путешественники мчались по Пенсильвании со скоростью десяти немецких миль в час, в буфетном вагоне был сервирован первый завтрак. Справа и слева, как бы в обшней пляске, неслись одна за другой фермы, леса, города, луговые полосы, иногда застилаемые летящими назад глубинами дыма из трубы локомотива, а Уаррен Джарретт, виновник смелой экспедиции, поднимал бокал с шампанским и, под грохот чугунных колес, провозглашал тость за успех предприятия — за благополучное прибытие в Сань-Франциско. Разумеется, такой тость был принят с восторгом всеми спутниками его. После небольшой остановки, поезд по-мчался далее по благословенным равнинам Огю, Индианы и Иллинойса и в двадцать пять минут одиннадцатого, вечером, прибыл на станцию Чикаго, Рок-Исландской железной дороги, где густая толпа народа приветствовала мимолетных гостей оглушительными, веселыми криками.

Расстояние между Нью-Йорком и Чикаго (слишком 1,377 верст) было пройдено в 20 часов.

Переменяя локомотив, поезд полетел дальше и в 12 часов 56 минут пополудни был на берегах р. Миссисипи, а в половине десятого он уже гремел по громадному мосту через Миссури, близ Council-Bluffs'a, пройдя последние 102 версты в 60 минут. Несясь по равнинам, железный конь дъ-

лал по 90½ верст в час. В Омаху (слишком 2112 в. от Нью-Йорка) поезд пришел через 32 часа, а в Чейэнну, у подножия скалистых гор (2915 в. от Нью-Йорка), он прибыл через 40 часов. По великой Ларамийской равнине, лежащей на 7,000 фут. выше уровня моря, путешественники мчались со скоростью 126½ верст в час. По ущельям (подъем их 8,242 фут.) скалистых гор поезд летел с ужасающей быстротой. Последние 113 верст по союзно-великоокеанской дороге были пройдены в 79 минут. Пространство между Омахою и Огденом (слишком 1551 в.) поезд прошел в 25 ч. и 20 м. В самом Огдене, отстоящем от Нью-Йорка на 3,672 в., путешественники были через пятьдесят пять часов после выезда из Джерсей-Сити.

Самый трудный и опасный путь был еще впереди: трансконтинентальному курьерскому поезду следовало идти с тою же быстротой по дороге, имеющей местами значительный подъем, именно по центрально-великоокеанской железной дороге, представляющей безчисленное множество кривых (извивов). Великолепный локомотив № 149, прицепленный к поезду в Огдене, совершил под управлением отважного инженера Генка Смэлла (Hank Small) почти невозможное. Этот железный, колоссальный конь, вешший 65,450 ф., пил воду, которая в количестве 1367,52 ведер была влита в резервуар. Локомотив № 149 действовал безостановочно на всем протяжении пути от Огдена до Сань-Франциско, а расстояние между этими пунктами — 1,332½ версты. По подъемам в 45 и 65 фут. на 754 сажени поднимались со скоростью 68 верст в час... С быстрой стремительностью мчался поезд по пустыням «Невады», а за ним, словно хвост какой-то «черной кометы», неслись густая облака пыли. Это было сказочное чудце, вдруг вырвавшееся из мира чудес и загрохотавшее на страх и ужас всякому встречному!.. На всех станциях толпы народа, приветствуя этого железного скорохода, кричали «ура!» Выстрелы из мортир салютовали этому блестящему дътищу XIX столетия.

В последнюю ночь путешествия поезд шел среди опасной гористой местности Сиерры-Невады (7,000 ф. над уровнем моря). По свидетельству суперинтенданта Центрально-великоокеанской железной дороги, на линии ее находится 1,100 кривых, которые в совокупности составляют 125 полных окружностей. На главной линии встречается 14,800 подъемов и 10,700 уклонов; разность длин внутренних и наружных рельс равняется 4,000 футам. Большая доля этих неудобств, «необходимых» препятствий, приходится на гористую часть пути. Любый опытный железнодорожный агент легко уяснит, сколько затруднений представляет такая дорога для быстрой езды, но иная постройка полотна в этой местности невозможна, неосуществима, с чем и нужно было примириться.

Несмотря, однако, на все эти препятствия, поезд быстро шел через Сиерру-Неваду. На окраинах всех местечек, лежащих по линии железной дороги, в эту ночь горели костры и смоляные бочки, а фейерверки там и там освещали темное небо. Обыватели местечек просто неистовствовали от восторга и радости, глядя как желтая лошадка, пыхит и посвистывая, и фыркал, несется по горам. Извиваясь по кривым линиям, с мѣрным грохотом, мчался поезд все вперед и вперед, то проходя под длинными свѣто-отводными навѣсами, то пролетая безконечные тунели, то гремя по исполинским мостам. Нерѣдко у зрителей сжималось сердце — вот, вот, казалось, им, соскочить поезд и мелькнет черной полоской в пропасть...

Перед разсветом, когда луна еще освещала своим волшебным сиянием горные ландшафты, поезд летел со скоростью 68 верст и, обогнув крутой склон Кап-Горна на высоту 2,500 фут над уровнем американской рьки, свергнувшей серебристой лентой из мрачной глубины, спустился в зеленые, благословенные равнины прекрасной Калифорнии.

Вокзал Сакраменто еще с полуночи осаждала масса публики, которая в 6 ч. утра приветствовала отважных путешественников. В 9 ч. 20 м. поезд въехал на громадный мост (больше трех верст длины), находящийся неподалеку от Оакланда, где и был встречен бургомистром города Сань-Франциско, чиновниками калифорнийской торговой метрополи и толпой граждан обоого пола, которые восторженно махали шляпами, платками и бросали цветы.

Проехав с неслыханною быстротой сѣверо-американскій континент, во всю ширину его, нью-йоркские гости, в девять часов и 53 минуты, при криках «ура!» и пушечных выстрѣлах, въѣхали въ экипажах Palace Hôtel'a во дворъ величайшей въ свѣтѣ гостиницы. Въ великолепно-разукрашенной цвѣточными гирляндами залѣ былъ сервированъ завтракъ, состоявшій изъ самыхъ изысканныхъ блюдъ и винъ богатой Калифорніи. Нью-йоркскіе гости, между которыми были и представители «London Illustrated News» и «Journal des Débats», сѣли за столъ въ сообществѣ важнѣйшихъ чиновъ города, почтеннѣйшихъ гражданъ и представителей мѣстной прессы.

Освященіе работъ по устройству С.-Петербургскаго морскаго канала.

17-го августа, происходило открытіе работъ по устройству С.-Петербургскаго морскаго канала и порта. Каналь этотъ будетъ настолько глубокъ, что приходящіе къ намъ изъ за моря корабли съ грузомъ могутъ, минуя Кронштадтъ, направлять свой путь сюда для выгрузки товаровъ. Громадная важность для столицы такого порта сама по себѣ очевидна: перегрузка въ Кронштадтъ заграничныхъ товаровъ съ кораблей и пароходовъ на лихтера обходится ежегодно въ 10,000,000 руб., и сумма эта, конечно, падаетъ на потребителей.

При стройномъ пѣніи пѣвчихъ придворной капеллы, въ присутствіи министра путей сообщенія, С.-П.-Бургскаго градоначальника и др., ректоръ С.-П.-Бургской духовной академіи о. Янышевъ освятилъ образъ Александра Невскаго. Ведѣвъ за сѣмъ, къ пристани прибылъ Его Императорское Высочество генерал-адмиралъ, Великій князь Константинъ Николаевичъ, сопровождаемый управляющимъ морскимъ министерствомъ, адмиралами Лесовскимъ и Поповымъ и г. Путиловымъ.

Его Высочество, по выслушаніи объясненія проекта преднолагаемыхъ работъ, направился къ часовнѣ, гдѣ и былъ встрѣченъ духовенствомъ. Послѣ краткаго молебствія о неисполненіи усѣха предпріятію, былъ положенъ Его Высочествомъ первый камень зданія, въ которомъ будетъ помѣщенъ только что освященный образъ. Между тѣмъ, неподалеку отъ желѣзнодорожнаго моста, у пристани, выстроились пароходы, на которые Его Высочество и лица, сопровождавшія Его, отправились для осмотра мѣстности, гдѣ уже началось прорытіе канала.

По возвращеніи изъ поѣздки, Его Императорское Высочество

съ свитой своей обозрѣвалъ новую желѣзную дорогу, которая должна служить соединительною вѣтвью другихъ желѣзно-дорожныхъ линій, идущихъ къ столицѣ. На возвратномъ пути Его Высочество посѣтилъ Путиловскіе желѣзные заводы, гдѣ и полюбозытствовалъ взглянуть на производство стальныхъ рельсъ. Для публики былъ приготовленъ особый поѣздъ, состоящій изъ платформъ, на которыхъ рядомъ стояли вѣнскіе стулья. По отъѣздѣ Его Высочества, г. Путиловъ пригласилъ гостей своихъ къ обѣденному столу. За обѣдомъ г. Полетика въ своей рѣчи напомнилъ, что еще Петръ Великій задумывалъ устроить здѣсь морскій каналъ и поставить такимъ образомъ молодую столицу въ ряду первостепенныхъ морскихъ портовъ (войны, другія заботы и преждевременная смерть помѣшали первому преобразователю осуществить задуманную мысль), и что вотъ черезъ 160 лѣтъ проектъ этотъ началъ наконецъ осуществляться. Послѣ обѣда все общество отправилось обозрѣвать плавильные заводы, или вѣрнѣе — цѣлый городъ «Путиловъ». На этомъ громадномъ заводѣ работаетъ болѣе 3,000 человекъ. Не мало заводовъ у г. Путилова и въ Финляндіи. На всѣхъ его заводахъ состоитъ: 40 инженеровъ, не включая механиковъ-техниковъ, 4,000 мастеровъ и до 6,000 чернорабочихъ. Все это громадное заведеніе обязано существованіемъ и развитіемъ своимъ единственно неуспѣшной, можно сказать геройской дѣятельности г. Путилова. Редакція «Нивы» постарается въ скоромъ времени помѣстить въ одномъ изъ ближайшихъ №№ своихъ планъ морскаго канала и рисунокъ (проекцію), представляющій видъ будущаго петербургскаго порта.

Политическое обозрѣніе.

Телеграммы отъ 19 августа принесли изъ Константинополя извѣстіе, что трехмѣсячное царствованіе султана Мурада V, вступившаго на престолъ 18 мая, окончилось, и что громомъ пушечныхъ выстрѣловъ возведено объ отреченіи его отъ престола въ пользу брата своего, Абдула Гамида, родившагося 22 сентября 1842 г.

Если судить по тѣмъ событіямъ, при которыхъ вступилъ на престолъ его предшественникъ, Абдуль Гамидъ I, (въ 1774 г.), то Абдуль Гамидъ II предстоитъ не веселое царствованіе. Абдуль Гамидъ I, призванный на царство османовъ, принялъ его въ совершенномъ упадкѣ: Египетъ, Сирія и Грузія стремились отложиться отъ Турціи, Россія давала тогда ей чувствовать свое могущество и по Кучукъ-Кайнарджинскому миру присоединила къ себѣ Керчь, Ениколь, Азовъ и Кинбурнъ и вскорѣ за сѣмъ Крымы. Потомъ, вполнѣдствіи, а именно въ 1787 году, когда Абдуль Гамидъ I, вновь рѣшился на борьбу съ Россіей, Турція снова пострадала: флотъ ея былъ совершенно уничтоженъ, и крѣпость Очаковъ взята русскими.

Но, оставая въ сторонѣ историческія примѣры изъ царствованія Гамида I, поучительные для Гамида II, не смотря на ихъ вѣковую отдаленность отъ настоящаго времени, нельзя ожидать чтобы царствованіе вновь вступившаго на турецкій престолъ султана принесло ему въ будущемъ что либо утѣшительное. Современное положеніе турецкихъ дѣлъ хорошо всѣмъ извѣстно и полагаемъ, что едва-ли у кого нибудь можетъ быть кака я либо надежда, относительно возможности возстановить силы «большаго человека».

Докторовъ около этого «большаго», положимъ, ухаживаетъ много, но и сами они, какъ то же всѣмъ давно извѣстно, заботятся только о томъ, чтобы побольше имъ самимъ досталось наслѣдства, а никакъ не о возстановленіи силъ умирающей Турціи.

До сихъ поръ переговоры, относительно перемирія съ Сербіей, не вступили еще въ свой рѣшительный фазисъ, дѣло идетъ пока въ подготовленіи обѣихъ сторонъ къ возможнымъ условіямъ мира. Въ возможность прочности этого мира, конечно никто не вѣрится, ни даже сами ходатаи о немъ.

Возможенъ ли миръ, даже на непродолжительное время, еще тоже вопросъ, который нельзя теперь разрѣшить, именно потому, что неизвѣстны тѣ условія, при которыхъ желаютъ его возстановить. Будемъ ждать этихъ условій, чтобы имѣть возможность ближе обсудить, насколько отдаленъ слѣдующій актъ трагедіи, такъ страшно разыгрывающейся на Балканскомъ полуостровѣ.

Судя, однако, по только что полученнымъ депешамъ — мы едва ли скоро ознакомимся съ этими условіями. Перемиріе встрѣчается значительныя затрудненія. Турція не соглашается включить

въ переговоры вопроса о Герцеговинѣ и Босніи, — Сербія, съ своей стороны, объявила, что признастъ только почетный миръ, въ противномъ случаѣ рѣшилась продолжать борьбу до крайности. Британская пресса даже полагаетъ, что попытки къ перемирію не приведутъ ни къ чему...

Согласно тѣмъ же свѣдѣніямъ, у Алексинка, послѣ непродолжительнаго затишья, снова начались битвы на лѣвомъ берегу Моравы. Мы надѣемся и, конечно отъ всего сердца желаемъ, чтобы онѣ имѣли такой же исходъ, какой имѣли уже предъ тѣмъ, т. е. чтобы турецкая орда была, наконецъ, совершенно изгнана изъ Сербіи.

Князю Николаю также скоро предстоитъ пустить въ ходъ, и навѣрное съ прежнимъ же успѣхомъ, страшные ятаганы храбрыхъ черногорскихъ орловъ. Турки противъ нихъ теперь сосредоточиваются у Подгорицы. Къ этой мѣстности теперь стануто слишкомъ 50 батальоновъ редифовъ для нападенія на Черногорію.

Изъ Греціи пока еще не слышно ничего рѣшительнаго, хотя извѣстно, что греческое правительство снова заявило Портъ протестъ противъ колонизаціи черкесами сосѣднихъ съ Греціей турецкихъ провинцій.

Въ свое время мы сообщили о полученіи сэромъ Дизраэли титула графа Биконсфилда, подучившаго вѣстѣ съ графствомъ синокойное кресло въ палатѣ пэровъ. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ газеты, политическое главенство въ консервативной партіи нижней палаты перешло отъ Дизраэли къ сэру Стаффордъ Норкотку. Самъ Дизраэли желалъ имѣть его своимъ преемникомъ и съ этою цѣлью старался выдвинуть его на первый планъ во время преній о торговомъ флотѣ и народномъ образованіи. Судя по сообщаемымъ свѣдѣніямъ, почти вся англійская печать одобряетъ этотъ выборъ.

Въ заключеніе нашего обозрѣнія намъ предстоитъ сообщить читателямъ печальное извѣстіе о смерти полковника Раевского, нашего на полѣ битвы съ врагами христіанства. Телеграфъ отъ 21-го августа сообщилъ, что 19-го августа была произведена турками атака на правое крыло, сербской арміи на лѣвомъ берегу Моравы. Сербы отбили эту атаку и вотъ именно въ этой битвѣ палъ Раевскій. На сколько можемъ судить по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія удалось наскоро собрать о павшемъ героѣ, онъ былъ вѣкъ доблестнаго генерала Раевского, геройски положившаго жизнь за вѣру, царя и отечество въ 1812 году. Внукъ, подобно дѣду своему, палъ за святое дѣло. Въ числѣ тѣхъ русскихъ добровольцевъ, о геройской смерти которыхъ мы сообщали ранѣе, говоря о шестидневной битвѣ подъ Алексинцемъ, оказываются павшими: Дмитріевъ, Борашъ, Ершенокъ и Куризовъ. Фамили другихъ пока неизвѣстны.

Миръ праху доблестныхъ защитниковъ угнетенныхъ христіанъ, вѣчная память имъ, положившимъ животою своею за святое дѣло!

С М В С Ъ.

Удобреніе земли известно. Одна изъ лучшихъ методъ при-
бвенія извести состоитъ, по словамъ г. Шпренгеля, въ слѣ-

дующемъ: сложить известъ слоями съ хорошимъ черноземомъ въ
кучу конической формы и употребить при этомъ отъ трехъ до

четырёх частей земли на одну часть извести, затѣмъ поливать неподоволь эту кучу водой, необходимой для гашенія извести; потомъ покрыть кучу дерномъ или густымъ слоемъ пыли, сверхъ коихъ насыпать еще немного земли и послѣ всего этого оставить кучу въ такомъ видѣ въ продолженіе трехъ или четырехъ недѣль. По прошествіи этого времени, перемишавъ хорошенько съ черноземомъ известь, превратившуюся въ порошокъ, можно приступить къ удобренію поля. Понесенные при составленіи этого удобрительнаго средства труды, будутъ съ

избыткомъ вознаграждены произведснїями земли, удобренной известью.

СОДЕРЖАНІЕ: Іованъ Ристичъ (съ портретома).—Золотошвейна (Быль изъ недавняго прошлаго). (Окончаніе). Н—аго.— Турецкія укрѣпленія на Дунаѣ (съ двумя рисунками). М. Стратилатова.—Паденіе Константинополя въ 1453 году. П—ди. (окончаніе).—Тетуанская еврейна (съ рисункомъ).—Битва при Великомъ Изворѣ (съ рисункомъ).—Рус.—Взятіе Нияжева (съ рисункомъ). Рус.— Сербскій артиллерійскій литейный заводъ въ Майданпекѣ (съ рисункомъ).— Путешествіе съ необыкновенной скоростью.—Освященіе работъ по устройству С.-Петербургскаго морскаго канала.— Политическое обозрѣніе.— Сибирь.— Объявленіе.

Редакторъ Д. Стахѣвъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

МАГАЗИНЪ:

54, Казанская улица,
на углу Вознесенск. просп.

ФАБРИКА:

Петербургская сторона,
15, Больш. Вульфова ул.

ФОРТЕПИАННАЯ ФАБРИКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Первая премія на Всемирной Вѣнской выставкѣ: медаль пруссїянїя и орденъ Франца Іосифа.

К. М. ШРЕДЕРЪ,

Поставщица женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства

ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ,

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ОБЩЕСТВА,

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО.

№ 1. ПИАНИНО 7 октавъ съ металлическою доскою, трехъ-струнное	375	№ 5. БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТЬ-РОЯЛЬ (америк. системы) 7 октавъ съ механизмомъ двойной репетиціи, съ металлическою рамкою, соединенною съ 5 упорами, гармоническимъ притворомъ струвъ и мѣдными аграфами	800—1000
№ 2. САЛОНЪ-РОЯЛЬ 7 октавъ, съ металлическою доскою, 4 стальными упорами и гармоническимъ притворомъ струвъ (прежн. конструкціи)	500	Такой же, испанскаго орѣховаго и чернаго дерева, съ рѣзбой и украшенїями	1000—1500
№ 3. КАБИНЕТЪ-РОЯЛЬ (американск. системы) 7 октавъ, съ металлическою рамкою и мѣдными аграфами	600	Инструменты по этой цѣнѣ орѣховаго дерева.	
№ 4. САЛОНЪ-РОЯЛЬ (американской системы) 7 октавъ съ механизмомъ двойной репетиціи, съ металлическою рамкою и мѣдными аграфами	700	Укладка въ деревянномъ ящикѣ	15 руб.
		Укладка въ металлическ.	50 »
		За чахоль	отъ 10—25 »

Принимается доставка съ ручательствомъ, по тарифамъ транспортныхъ компаній.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 36 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выдастъ 6 Сентября 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ	4 Р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжныя магазины
И. Гр. Соловьева, А. Лавы и А. Живарова	4 Р. 50 К.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ	5 Р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и
мѣстечка Имперіи	5 Р. 50 К.
- На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за СЕНТЯБРЬ съ 36 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 21 чертежомъ.

НОВЫЙ ТУРЕЦКІЙ СУЛТАНЪ АБДУЛЬ-ГАМИДЪ II.

19-го августа, въ совѣтъ высшихъ сановниковъ «блистательной» Порты, Абдуль-Гамидъ провозглашенъ султаномъ на мѣсто еще живого Мурада V. Этотъ послѣдній процарствовалъ ровно три мѣсяца. Новый падишахъ на другой день утромъ отправился въ сераль Топхану, гдѣ и былъ встрѣченъ высшими чинами имперіи. По прочтеніи манифеста, въ которомъ объявлялось, что султанъ Мурадъ V излуженъ вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, совершена была торжественная церемонія признанія и объявленія султаномъ Абдуль-Гамида. Загремѣли стамбульскія пушки, и армія восторженно привѣтствовала новаго повелителя правотѣрныхъ. Большой Мурадъ отвезенъ на жительство во дворецъ Чараганъ. По однимъ извѣстіямъ, Мурадъ еще можетъ поправиться, по другимъ — онъ не излѣлимъ, безнадеженъ. И такъ, султаномъ объявленъ старшій въ родѣ — Абдуль-Гамидъ, что согласно съ основнымъ закономъ престолонаслѣдія въ Турціи. Послѣ смерти Абдуль Меджида мечомъ опасанъ былъ не сынъ

Новый турецкій султанъ Абдуль-Гамидъ II. Грав. Боярскій.

его, а братъ Абдуль-Азисъ, послѣ котораго наследовалъ прежде ободенный племянникъ — Мурадъ, а не Юсуфъ-Издединъ, сынъ Абдуль-Азиса. Съ первыхъ же дней воцаренія Мурада V стали распространяться слухи о неспособности его управлять государствомъ. Состояніе ли здоровья молодого султана было причиной этой неспособности, или враждебная ему партія распространяла эти слухи — судить объ этомъ трудно, имѣя въ виду лживость турецкой печати и ту таинственность, которою облекаются гаремныя интриги. Какъ бы то ни было, но турки начали поглядывать на брата Мурада, принца Абдуль-Гамида, и, наконецъ, рѣшили препоясать его мечемъ Османа. Абдуль - Гамидъ родился 22-го сентября 1842 г. Онъ принадлежитъ къ приверженцамъ «старо-турецкой» партіи, отличается крайнимъ фанатизмомъ, ненавистью и презрѣніемъ къ христіанамъ. Рассказываютъ, что Абдуль-Гамидъ ежедневно удѣляетъ два часа на слушаніе корана, приказывая читатьъ тѣ именно мѣста этой книги, гдѣ го-

время каждый помѣщикъ въ своемъ имѣніи отдавалъ водку на откупъ—жиду арендатору, и ужъ никто изъ живущихъ въ предѣлахъ его владѣній не имѣлъ права покупать водку въ другомъ мѣстѣ. Это же правило долгое время просирилось у насъ и на православное духовенство. Не только простые причетники, но даже высшія духовныя сельскія власти, какъ напр. благочинные—п тѣ не имѣли права покупать водку внѣ предѣловъ мѣстнаго владѣнія. Помнится, однажды арендаторскіе объѣздки поймали съ контрабандной водкой самого благочиннаго и хотя тотъ и не уплатилъ опредѣленнаго штрафа, но за то лишился самой водки, которая такъ и погибла въ арендѣ за жидовскою печатью. Но искушеніе пріобрѣсть водку въ другомъ мѣстѣ нахнуло двумя-тремя рублями выгоды при покупкѣ пяти ведеръ, и отецъ мой, по обычаю, не могъ удержаться отъ контрабанды.

Не вдалекѣ отъ мѣстечка П*, въ небольшой деревушкѣ, Выбранкѣ, въ имѣніи сосѣдняго графа Р.....скаго, еврей арендаръ продавалъ водку едва-ли не вдвое дешевле, чѣмъ въ П*...нской арендѣ. Немедленно, по совѣщаніи со старостой, Мыхалко Горбыкъ заложилъ пару „стаенныхъ“, кормленныхъ лошадей въ простой сельскій возъ, наваливъ полный возъ соломы, и положивъ подъ нее два боченка, вмѣстѣ со мною отправился за водкой въ Выбранку.

Пока, по обычаю, мы ѣхали большою дорогою. Въ силу того же обычая старый Выбранецкій Сруль встрѣтилъ насъ по жидовски радушно; благосклонно кивнулъ засаленной ермолкой—и съ отвѣтомъ, что „естъ у него водка самая лучшая“, флегматически потащилъ боченки въ погребъ, побрякивая длинною связкою ключей, висящихъ на изношенномъ шелковомъ поясѣ.

Меня всегда интересовали тогдашніе жидовскіе подвалы съ водкой. Въ огромномъ подземномъ пространствѣ, освѣщаемомъ почти всегда только нѣсколькими лучами, пробивающимися сквозь отворенныя низенькія двери, видишь длинный рядъ большихъ, преобладающихъ бочекъ, наполненныхъ соблазнительной влагой. Почти подъ каждой изъ нихъ стоитъ то надломанное ведро, то надбитая миска или другое что либо подобное: то жидъ поставилъ препараты для стока водки, пробивающейся сквозь щели старыхъ или пересохлыхъ бочекъ, или попорченныхъ крановъ. Со стѣнъ течетъ гнилая слизь; какіе то дивные, и невѣдомые грибы растутъ по угламъ и простѣнкамъ. И среди всего этого, гдѣ нибудь на видномъ мѣстѣ, красуется боченокъ „полынной“, которую услужливый Сруль непременно угощаетъ всѣхъ своихъ посѣтителей, прежде чѣмъ допустить ихъ къ испробованію вкуса настоящей покупаемой водки.

Помню, какъ многіе тогда, наравнѣ со мною, считали это дѣломъ простаго гостепрѣимства со стороны Сруля. А на самомъ дѣлѣ это было ничто иное, какъ таже своего рода еврейская плутня, имѣющая прямою цѣлю предварительно, такъ сказать, задобрить, вкусъ покупателя, дабы они, при пробѣ настоящей покупаемой водки, не могли сразу понять всей ея гадости; потому что Сруль всегда такъ или иначе всенепремѣнно надувалъ всѣхъ—и крестьянъ, и мелкую шляхту, и священниковъ, и проч. и проч.

Наконецъ Сруль отмѣрилъ для насъ, пополамъ съ грѣхомъ, требуемое количество; староста закупорилъ боченки, снесъ ихъ на возъ, еще плотнѣе покрылъ соломой, и мы тронулись въ обратный путь.

Но теперь мы уже ѣхали не большою, торною дорогою, какъ прежде. Путь намъ предстоялъ лѣсомъ, по извилистымъ тропамъ, пробитымъ крестьянскими возами, по которому крестьяне обыкновенно свозили домой сѣно, добываемое въ лѣсныхъ трупцахъ, называемыхъ тогда крестьянскими сѣнокосами. То погружаешься въ чащѣ густого лиственника, гдѣ не видно

ни солнца, ни неба; колеса немилосердно скачутъ по обнаженнымъ корнямъ; вдругъ передъ глазами темная, грязная лужа; изумленные лошади попятились назадъ; напуганныя лягушки съ шумомъ скачутъ въ воду; а надъ головою долбитъ дятель, да лѣсная горлица гдѣ-то вдали воркуетъ свою грустную пѣсню. Но волей не-волей,—надо ѣхать черезъ болото. Лошади понатужились, и вотъ подъ нами трепетно заколыхалась застоявшаяся грязь; какой-то спертый, запахъ наполнилъ воздухъ, а лошади по колѣно въ грязи медленно бредутъ къ берегу, чтобы черезъ нѣсколько шаговъ снова вступить въ другую подобную, а можетъ быть, и еще большую лужу.

Но вотъ лужи наконецъ миновались—и предъ нами ясная свѣтлая поляна, обросшая кругомъ дубовою рощею. Лошади почуяли сухую, ровную почву, и весело чихая, быстро бѣгутъ по торной дорогѣ. За то солнце какъ разъ въ закатѣ и своими палящими лучами жжетъ немилосердно. Отъ страшнаго зноя все какъ будто обмерло кругомъ. Только назойливые оводы усердно впадаютъ въ спины и шеи лошадей, такъ что по мѣстамъ даже появляется кровь на ихъ лоснящейся шерсти.

Вскорѣ, впрочемъ, мы проѣхали послѣднюю береговую рощу и поворотили къ полянѣ. Вотъ нива юривскаго старосты, усѣянная цвѣтушею гречкой; тамъ посредицѣ зеленѣетъ горохъ, а на концѣ золотится спѣлый ячмень, да дозрѣваетъ роскошная чечевича съ кудрявымъ горошкомъ, перемѣшаннымъ по мѣстамъ красными головками полеваго будяка, высоко подымавшагося на просторѣ. Легко вздохнуть свѣжимъ полевымъ воздухомъ, въ которомъ такъ и отдаетъ запахомъ меда, кропотливо собираемого съ грѣшки пчелами сосѣдней пасѣки. Лошади, освободившись отъ лѣсныхъ насѣкомыхъ, бѣгутъ еще бодрѣе. Вдругъ на горизонтѣ показалось нѣсколько фигуръ верховыхъ всадниковъ. Это люди не обычные на сельской дорогѣ во время жнива: это объѣздки П...скаго арендаря, досматривающіе дороги, чтобы никто не провозилъ чужой водки.

Нечего дѣлать, надо еще спастись, и мы опять очутились въ лѣсной чащѣ, среди болота и насѣкомыхъ. Впрочемъ, такимъ образомъ мы ѣхали не долго. Старостѣ съ дѣтства были извѣстны всѣ малѣйшіе изгибы потаенныхъ лѣсныхъ дорогъ, и мы вскорѣ опять проѣхали къ полямъ, которыхъ теперь, впрочемъ, уже и незбы было миновать, чтобы добраться домой.

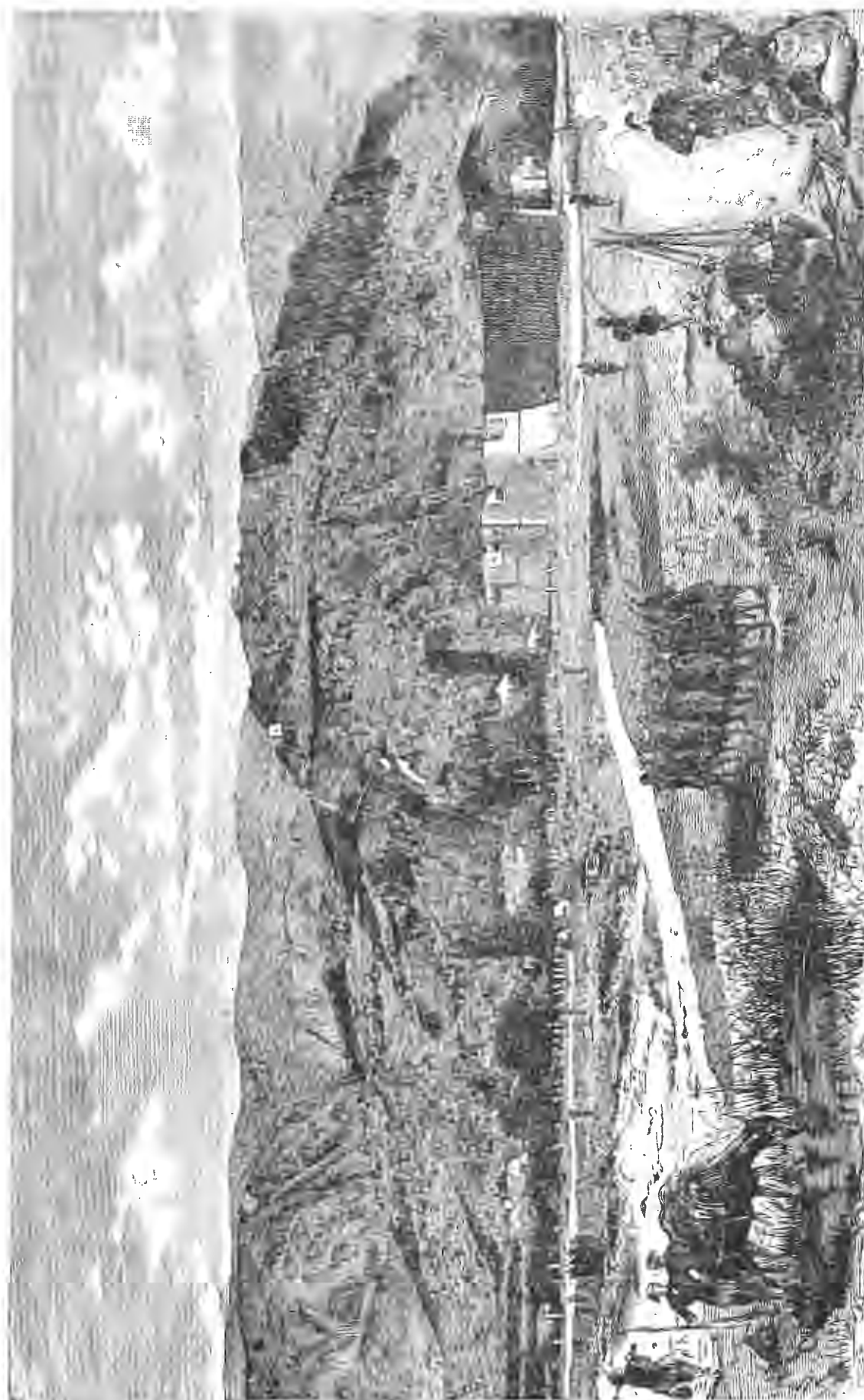
Сердце у меня какъ-то странно защемило. Староста пытливо насторожилъ глаза и еще внимательнѣе покрылъ боченки. А лошади, почуявъ новый просторъ, быстро выпрямляютъ свои измученныя ноги и немилосердно рвутся впередъ. Но староста ихъ сдерживаетъ; и только убѣдившись, что никого не видно на дорогѣ, даетъ имъ полную волю. Наконецъ поднять кнутъ, и испуганныя лошади бѣгутъ, что есть силы. Вотъ промелькнуло Воздвиженское кладбище: староста набожно крестится по усопшимъ; вотъ церковь Срѣтенія; затѣмъ наша Крестовоздвиженская церковь: за нею еще церковь Георгіевская—и мы, наконецъ, на погостѣ этой церкви—у себя дома.

III.

Солнце уже поднялось на значителеную высоту, когда мы на другой день тронулись съ подворья. Отецъ служилъ объѣдню и молебень, на которомъ, впрочемъ, кромѣ причта никогоне было; время съ молебномъ затянулось. На одномъ возу ѣхалъ отецъ со старостой; здѣсь положена была водка, мѣшокъ съ сухарями,—въ другомъ мѣшкѣ цибуля съ огурцами и другими принадлежностями сельской закуски; здѣсь же помѣстились и мы съ братомъ,—но какъ возъ былъ нагруженъ сполна, то мы могли только присѣсть, свѣсивъ ноги на наружную сторону, „за полудрабками“.

Битва при Янковой Клиссурь, Рисов. М. К. грав. Шаровъ.

Турецкое укрѣпленіе Слуджъ. Рисов. М. К. грав. Самарскій.

На другомъ возу размѣстились старостиха съ своими горшками, мисками, ложками и др. препаратами для приготовления закуски для жнецовъ. Тутъ же на короткахъ пріютилась одна изъ нашихъ служанокъ, отпросившаяся въ поле у матери, подъ предлогомъ вспомошествованія старостихѣ, а на самомъ дѣлѣ съ хитрозадуманною цѣлю, пожать вмѣстѣ съ „дивчатами та паробками“.

Свѣжимъ, теплымъ, полевымъ воздухомъ повѣяло на насъ, когда мы выѣхали изъ мѣстечка. То тамъ, то сямъ по пути попадались намъ на встрѣчу кучи крестьянъ, одѣтыхъ въ чистыя бѣлыя рубашки; то жнецы сгѣшили на отцовскую ниву. Повстрѣчавшись съ нами, они почтительно кланялись отцу.

— Слава Богу, Иисусу Христу, говорили обыкновенно крестьяне при встрѣчѣ.

— На вѣки вѣковъ,—отвѣчалъ отецъ, и снимая шапку, привѣтливо откланивался всякому.

Наконецъ, мы въ нѣсколькихъ саженихъ отъ своего поля. Сердце какъ-то странно забилось у каждаго изъ насъ, глаза насторожились, когда лошади мелко рысью поднимались на послѣдній пригорокъ, съ котораго должна была открыться наша нива. „А ну, какъ тамъ нѣтъ никого,—подумали многіе изъ насъ: тогда къ чему всё эти приготовления? Да и когда потомъ снова соберешь работниковъ?“ Отецъ сдѣлался сосредоточенно внимательнымъ... Но лошади продолжали свое дѣло безъ всякихъ дальнихъ размышлений. Еще шаговъ нѣсколько, и вотъ наше поле, а на немъ около сотни, а можетъ быть и болѣе жнецовъ.

Дружно закидывая надъ головами пучками нажатой ржи, они колебавшеюся, стройною волною подвигались впередъ. Другіе весело визали нажатые снопы... А тамъ, подъ навѣсомъ изъ поставленныхъ сноповъ красивая молодка кормила дитя и убаюкивала его на рукахъ своихъ. Другая статная молодка возлѣ нея пила воду „изъ баньки“, и должно быть что-то очень веселое было у нея въ головѣ, потому что отъ неудержимаго смѣха только брызги сыпались вокругъ; она обтиралась рукавомъ бѣлой „вышитой заполочью“ рубашки, снова принималась пить... но здоровый смѣхъ опять овладѣвалъ всѣмъ существомъ ея, такъ что кормилица должна была наконецъ насильно отнять у нея „баньку“ съ водой, чтобы она не разлила всей воды изъ нея.

Предоставляемъ читателямъ судить, съ какимъ удовольствиемъ всѣ мы вѣхали на поле. Намъ предстояло пробираться посреди частыхъ сноповъ, лежащихъ одни возлѣ другихъ;—потому лошади то и дѣло старались захватывать колосья въ свои зубы и не рѣдко такимъ образомъ тащили за собой цѣлыя снопы туго связаннаго жита. Наконецъ, мы остановились на самомъ видномъ пунктѣ, отецъ перекрестился на востокъ и благосклонно привѣтствовалъ жнецовъ пожеланіемъ добраго дня и Божіей помощи.

— Спасыбі, дякцею,—было общимъ отвѣтомъ жнущаго люда. Затѣмъ тутъ же воздвигнута была первая копна, которую отецъ сложилъ собственными руками. Здѣсь подъ ея тѣнью были сложены всѣ принадлежности полевого завтрака: водка, мѣшокъ съ хлѣбомъ, вязанка луку, торба огурцовъ и пр. Остальныя вещи подъ предводительствомъ старостихи межою были отправлены далѣе—въ терновую рощу, лежащую на концѣ нашего поля съ южной стороны отъ сѣнокоса.

Вскорѣ тамъ закурился дымокъ, гуще и шире становилась его сѣровая струя надъ волнующеюся нивой; послышались удары топора—то Семень, старшій слуга, рубилъ дрова для полевой кухни, на которой старостиха должна была готовить „полдникъ“ для жнецовъ.

IV.

Вскорѣ жнецы веселою, живою гурьбою далеко отошли отъ первой копны, подъ которою былъ располо-

женъ нашъ утренній багажъ. Отецъ сидѣлъ подъ копною на снопѣ и откупоривалъ бутылку вишневки. Рядомъ съ нимъ сидѣли два священника, поля которыхъ сходились съ отцовскими полями межа съ межою. Они вели оживленную бесѣду о трудностяхъ предстоящей уборки хлѣба, и т. п.

— Да вотъ вчера, говорилъ одинъ, я насилу упротсилъ пана отпустить мнѣ десятокъ косарей, покосить засыхавшую траву на сѣнокосѣ; но они еще не успѣли отобѣдать, какъ наѣхалъ „экипажъ“ и насильно утащилъ ихъ на панщину. Остался одинъ только старикъ—но и тотъ самъ не захотѣлъ отправляться на сѣнокосъ: такъ трава сохнетъ и доселѣ.

— А у меня, сказалъ другой, управляющій надняхъ отнял мальчика, котораго я выпросилъ у одного прихожанина для присмотра за лошадьми. Теперь у меня одинъ только старикъ сторожъ церковный, такъ что я самъ долженъ кормить скотину, поить ее и пр. Некому даже, прости Господи, воды принести на дворъ.

— Э, дай-ка Боже здоровья, перебилъ ихъ отецъ, наливъ рюмку вишневки. У меня на дняхъ ночевалъ одинъ знакомый чиновникъ изъ Житомира. Тотъ говорилъ за вѣрное, что Государь готовитъ особыя правила для облегченія крестьянскаго труда (дѣло было незадолго до объявленія инвентарей). Тогда и намъ будетъ лучше.

— Ахъ, дай, Боже, дай, Господи милосердный, заговорили сосѣди,—и уже одинъ изъ нихъ протянулъ руку за поданною ему чаркою,—какъ вдали на горизонтѣ показался всадникъ, видимо направлявшій своего коня къ нашему полю. Всѣ многозначительно перемигнулись, потому что всѣ вдругъ узнали въ этомъ наѣзникѣ пана Пьявкевича.

Онъ подѣхалъ весь въ пыли. Изъ подъ длинныхъ, закрученныхъ усовъ его выглядывала коротенькая „файка“ (которую онъ постоянно держалъ въ зубахъ своихъ, выпуская только тогда, когда ходилъ за „диспозиціей“ до пана, и еще нѣсколько разъ въ годъ, когда приходилось бывать въ костелѣ. Учащать до Бога не было времени пану эконому

Пьявкевичу было лѣтъ за сорокъ. Онъ одѣтъ былъ въ коротенькую изъ простого сукна чамарку, обшитую кругомъ черными тесьмами, въ сѣрыхъ панковыхъ брюкахъ и огромной длиннополой соломенной шляпѣ домашняго издѣлія. Въ народѣ его просто именovali „Пьявкою“.

Онъ залихватски спрыгнулъ съ своего коня, поздоровался со священниками, и не заговоривъ ни съ кѣмъ ни слова, обратился къ жнецамъ:

— А на водку собрались,—а на панщину не бось не ходять...

Потомъ заговорилъ къ отцу:

— А чы годщя, ксенже, работать въ царске свято? Отецъ закусилъ нижнюю губу, и какъ бы не слыша словъ пана Пьявкевича, предложилъ ему налитую рюмку вишневки. Тотъ, по обычаю, не отказался: но вишневка не могла удовлетворить гостя. Отецъ зналъ его натуру и не медля, поставилъ ему водки.

— Эге, дертецьга, ксенже, сказалъ онъ выпивъ залпомъ рюмку. Ей Богу заразъ пришло на поле арендари; що тоді буде?

Отецъ еще разъ закусилъ губы, а задорливый панъ продолжалъ немилосердно.

— И въ царске свято роблять, и горилки зъ чужой экономіи; не гарно батьки. Та зъ рештого, що ми ни до того? сказалъ онъ, какъ бы опомнившись. Лепшій выпіемъ еще. А хто не выпіе, того въ два кіе. Отъ по!!!...

И рюмка за рюмкой „жваво“ полилась въ ненасытное горло пана Пьявкевича. Уже трубка съ трудомъ держалась въ зубахъ его. По усамъ немилосердно текла густая слюна; широкій бритый подбородокъ лос-

нился подъ ея влагою. Наконецъ панъ экономя сообразилъ, что нагруженъ вдоволь и началъ собираться въ обратный путь.

— Кохаймисе,—батьки, говорилъ онъ, закивая непослушными руками угасавшую трубку.

— Жегномъ панство. Прощайте, та другой разъ не возить чужой горилки, а то скажу заводне пану Абрашку ..

И пошатываясь, медленными шагами побрелъ онъ къ своей лошади, поправилъ уздечку, подтянулъ сѣдло, и упершись на стремяна всею тяжестью своего тѣла, взобрался на лошадь.

— А цо конякъ? Правда? сказалъ онъ, трепля по шѣ своего до безобразія толстаго булантика. А може еще ксендзь-Добродзй позволи на браге дорогу?!

Отецъ поднесъ бутылку, еще налилъ чарку; панъ Цявкевичъ выпилъ, и только теперь, прищипоривъ лошадь, залихватски понесся по дорогѣ, покачиваясь на когѣ.

Всѣ вздохнули свободнѣе. Священникъ выпилъ по рюмкѣ вишенки, закусили кнѣтомъ, и простившись разошлись на свои нивы; а мы съ отцемъ спѣшно отправились къ жнецамъ просить на обѣдъ.

V.

Солнце было уже къ полудню, когда жнецы длинною вереницею направились въ терновоу рощу. Здѣсь все уже давно было готово. Семень длинными полосами постелилъ на травѣ доморощенныя скатерти; тамъ гдѣ недоставало ихъ, положены были разныя свитки, „катанашки“ и другія подходящія одежды. По краямъ этихъ импровизированныхъ столовъ старостиха разложила сухари, прибавивъ къ нимъ для закуски соленыхъ и сырыхъ огурцовъ, луку и чесноку. Въѣсто солонокъ— соль была разсыпана на зеленыхъ листьяхъ калины собранныхъ по сосѣдству въ рощѣ. Соответственно количеству жнецовъ для каждаго положены были деревянные ложки, и среди ихъ по мѣстамъ нѣсколько десятковъ простыхъ рюмокъ для водки.

Крестьяне ѣли и пили тихо, только по мѣстамъ прорывался одушевленный смѣхъ отъ какой либо шутки, пущенной въ ходъ остроумными парнями или молодичами. Наконецъ жнецы выпили еще по рюмкѣ, и поблагодаривъ Бога и хозяина снова отправились къ работѣ.

Замѣтимъ мимоходомъ, что у насъ въ Малороссіи не отдыхаютъ послѣ обѣда, какъ въ губерніяхъ великорусскихъ. Народъ работаетъ цѣлыѣ Божій день, оставляя для отдыха только одну ночь,

Теперь послѣ закуски предстоялъ животрепещущій вопросъ: „выжнуть ли сегодня жнецы все жито и пшеницу, или нѣтъ?“ Отъ этого вопроса зависли всѣ дальнѣйшія распоряженія на счетъ ужина и самаго даже характера угощенія жнецовъ, потому что обжинки у насъ такая вещь, что требуетъ и особаго угощенія. Вслѣдствіе этого отецъ не медля созвалъ совѣтъ, состоящій изъ старосты, сторожа и нѣсколькихъ отборныхъ жнецовъ, и хотя самъ видимо склонялся на сто-

рону обжинокъ, но для болѣе точнаго обслѣдованія, предложилъ этотъ вопросъ на ихъ рѣшеніе.

Всѣ единодушно рѣшили, что „быть обжинкамъ во что бы то ни стало“. За доброе слово совѣтчики получили по новой доброй чаркѣ водки, а старостиха тутъ же получила приказаніе отправляться обратно съ своимъ багажомъ и готовить жнецамъ ужинъ дома. На обратныхъ должна была прѣхать мать, потому что обжинки никогда не могутъ быть безъ участія хозяйки.

На нивѣ, между тѣмъ среди жнецовъ зачиналась новая жизнь. Солнце хотя и жгло, но уже не съ прежнею, полуденною силою. Въ воздухѣ повѣялъ свѣжій вѣтерокъ. И скромная, тихая пѣсня мѣстами пробивалась „подъ постатью“. Кака-то „жвавая“, бодрая молодича запѣвала „хмеля“.

Ой рости хмѣлю то по-надъ водою
Та ровно съ тычиною!..

Другія сосѣднія дѣвушки и молодичы смиренно подпѣвали своей подругѣ. Но пѣсня пока не клеилась. Еще парубки, не освоились съ пѣніемъ и своими жиртами останавливали поющихъ.

Возлѣ бочки съ водою толпился цѣлый рой жаждущаго народа. Два дюжихъ парня съ ведрами на плечахъ спѣшили „къ сосѣдней безоднѣ“ за свѣжею водою. Въ остаткахъ соломы, торчащихъ отъ пожатой ржи громко стрекотали кузнечики и жужжали другія насѣкомыя. Дикіе „будяки“ обжатые кругомъ, и такимъ образомъ лишенные прежней своей тѣни, тихо склонили свои красныя головки, и какъ бы молили о пощадѣ у палящихъ лучей солнца. Одинъ только подсолнечникъ, занесенный Богъ вѣсть откуда, и освобожденный отъ окружающей его ржи, весело засіялъ своими огромными желтыми цвѣтами.

Отецъ нѣсколько разъ прошелъ мимо жнецовъ поспѣлъ на снопахъ, покалякалъ съ народомъ. Наконецъ онъ высмотрѣлъ нѣсколько здоровыхъ парней, и вызвавъ ихъ изъ среды, позвалъ за собой сносить снопы для складыванія въ копны.

По обычаю отецъ самъ взялъ первую ношу. Потомъ выбравъ надлежащее мѣсто, сложилъ попавшійся подъ руки снопъ въ двое, перекрестился, и началъ класть копны. Вскорѣ на помощь къ нему подошлѣлъ староста, и поддерживаемые дружнымъ содѣйствіемъ посящихъ, они скоро поставили цѣлый рядъ копень, расположенныхъ въ строгомъ порядкѣ и построенныхъ подъ одну линію. На мою долю выпало дѣлать шапки для копень, т. е. разламывать снопы около перевязи такъ, чтобы стеблями его можно было прикрыть копну въ видѣ зонтика.

А пѣсня между тѣмъ „подъ постатью“ росла все живѣе и живѣе. Солнце видимо клонилось къ западу и потому стало грѣть еще умѣреннѣе. Жужжаніе насѣкомыхъ и стрекотаніе кузнечиковъ замолкали. Будяки подняли свои головки. Вдали послышались первые голоса перепеловъ,—признакъ наступающаго вечера.

Полонскій Паньчъ.

(Окончаніе будетъ).

Битва при Янковой Клиссурѣ.

Извѣстно, что сербское военное министерство возлагало очень большія надежды на горы, находящіяся на южной сербско-турецкой границѣ, какъ на природную защиту края. Негостепримныя яворскія горныя цѣпи, дефины и проходы которыхъ могутъ способствовать къ быстрому передвиженію на операціонные пункты только небольшихъ отрядовъ, обратили на себя въ послѣднее время серьезное вниманіе. Въ этихъ мѣстностяхъ по цѣлымъ недѣлямъ происходили кровавыя стычки, въ которыхъ побѣду приписывала себѣ каждая сторона. Между высокими лѣсистыми горами Копавника, окаймляющими на востокѣ рѣку Ибаръ, и яворскими горами, лежатъ близъ Рашики глу-

бокая природная долина, та именно долина, которою воспользовался полковникъ Чолокантичъ при движеніи своемъ къ Новому Базару. Другія же продолжающіяся къ востоку и западу отъ Копавника горы имѣютъ совершенно одинаковый характеръ. Цѣпи эти, подъ названіемъ Великаго и Малаго Ястребца, только въ очень незначительной степени покрыты лѣсомъ, а потому очень неудобны для военныхъ операцій, крайніе западные отроги ихъ вдаются у Алексинаца въ долину рѣки Моравы. Вотъ въ этихъ-то горахъ и находится проходъ подъ названіемъ Янковой Клиссурѣ.

Изъ долины рѣки Топлицы, именно отъ мѣстечка Куршумле

идеть проселочная дорога до первых высот, откуда она, съездившись до тропинки, крутыми изворотами достигает вершины прохода. На самой границе стоят сербскій блокгаузъ, окруженный нѣсколькими земляными постройками. Турки, зная очень хорошо, что со взятіемъ этого дефилеа открывается свободная дорога въ Крушевацъ и вмѣстѣ съ тѣмъ является возможность атаковать при благоприятныхъ условіяхъ правый флангъ моравской арміи, поставили себѣ задачей овладѣть во чтобы то ни стало этимъ ключемъ къ Сербіи. Съ этою цѣлю 27 іюля Мустафа-паша двинулся въ горы, атаковалъ сербскія

позиціи и взялъ въ штыки небольшія укрѣпленія. За этотъ подвигъ онъ былъ произведенъ въ генералы.

Четырнадцать дней оставался проходъ въ рукахъ турокъ, послѣ чего сербскому отряду крушевацкаго корпуса удалось снова овладѣть укрѣпленіями. Событіе это осталось совершенно не разъясненнымъ и до сихъ поръ не имѣется никакихъ подробностей о немъ, хотя въ истинѣ его и нельзя сомнѣваться, такъ какъ извѣстно, что корпусъ Али-Саиба покинулъ совсѣмъ ястребеккія горы цѣпи и направился къ Сулпавцу.

ТУРЕЦКОЕ УКРѢПЛЕНИЕ СПУЦЪ

Турецкая граница въ сѣверной Албаніи покрыта довольно густою цѣпью укрѣпленій. Не говоря о Подгорицѣ, лагерь которой сплошь окруженъ сильными окопами, другіе сосѣдніе турецкіе форты, какъ напр. Жаблякъ, Медунъ и Спуцъ, располагаютъ тоже значительнымъ количествомъ орудій, между которыми есть даже и крупновскія. Черногорцы съ самаго начала войны оцѣнили тѣснымъ кольцомъ (кругомъ) эти укрѣпленія, съ намѣреніемъ отдѣлать ихъ отъ Подгорицы и по одиночкѣ принудить къ кантуляціи. Съ этою цѣлю они сосредоточили всѣ свои силы у Подгорицы (о Подгорицѣ помѣщена статья съ рисункомъ въ № 31 «Нивы») и употребили всевозможныя усилія, чтобы овладѣть непріятельскимъ укрѣпленіемъ, послѣ чего имъ было бы не особенно трудно занять и остальные форты. Но всѣ стычки, происходившія на албанской границѣ, не смотря на громкія отзывы газетъ, не имѣли никакого рѣшительнаго значенія. Послѣ дѣла при Подгорицѣ, 12-го іюля было сраженіе при Спуцѣ, гдѣ черногорцы хотя и овладѣли двумя орудіями, но не сохранили за собою позиціи. Къ туркамъ подошли два батальона низама и бой продолжался еще около двухъ часовъ безъ всякаго перевѣса для обѣихъ сторонъ. Въ тоже время происходили битвы при деревняхъ — Сѣнницѣ и Ерницѣ, расположенныхъ на самой черногорской границѣ на часъ пути къ югостоку отъ Подгорицы. Турки, числомъ 4000, атаковали обѣ деревни въ то время, когда вблизи не было совсѣмъ черногорцевъ, и по своему обыкновенію, начали грабить. Черезъ нѣсколько времени, однако, на помощь къ поселанамъ съ батальономъ черногорцевъ и отрядомъ волонтеровъ подошелъ воевода Машо Жіуровичъ, и завязался жаркій бой, продолжавшійся до глубокой ночи и кончившійся бѣгствомъ турокъ въ Мурицу.

Затѣмъ 18-го августа происходила ожесточенная битва при Куци. Черногорцы считаютъ и самую важную изъ всѣхъ стычекъ съ турками. Не смотря на то, что черногорецъ было 6000, а турокъ 10000 изъ корпуса Махмуда-паша, сраженіе продолжалось цѣлый день и турки были разбиты. Ни въ одной битвѣ черногорцамъ не доставалось столько пушекъ, оружія, амуниціи и знаменъ, какъ въ этой. Но при всемъ томъ, дѣйствія ихъ на югъ, были до сихъ поръ не болѣе, какъ выжидательныя. Причиной этому, конечно, то, что численный перевѣсъ на сторонѣ турокъ. Въ Цетиньѣ, впрочемъ, всѣ убѣждены, что такое положеніе дѣлъ продолжаться будетъ не долго, и что князь

Николай рѣшится, наконецъ вступить въ сѣверную Албанію и обложить Скутари. (Видъ города Скутари и статья о немъ были помѣщены въ № 32 «Нивы») Не нужно забывать, что этотъ уголокъ сѣверной Албаніи составляетъ уже много столѣтій предметъ страстныхъ желаній черногорцевъ, и обладаніе имъ въ Цетиньѣ ставится несравненно важнѣе, чѣмъ присоединеніе всей Герцеговины. Приобрѣтеніе одного только Антивари было бы для Черногоріи неоцѣненнымъ достояніемъ, потому что окруженные до сихъ поръ только одними горами, черногорцы имѣли бы тогда также доступъ и къ морю. Но подобныя намѣренія могутъ осуществиться только по мѣрѣ расширенія дѣйствій черногорцевъ противъ Скутари. Извѣстно, что около Подгорицы находится 15,000 турокъ, а общая численность всей черногорской арміи подъ командой Божо-Петровича простирается едва до 7 тысячъ человѣкъ.

При такихъ обстоятельствахъ, вѣрнѣе всего предположить, что турки гораздо скорѣе перейдутъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, чѣмъ черногорцы. Въ этой же самой мѣстности Омерь-паша побѣдилъ черногорцевъ и овладѣлъ небольшою частью горъ. Теперь же время измѣнилось, во первыхъ потому, что какъ Махмудъ-паша, такъ и Гамди, или вѣрнѣе — Дервиль-паша по способностямъ и энергіи далеко уступаютъ Омеру-пашѣ, и во вторыхъ, что черногорцы для защиты своей родины готовы отдать все до послѣдней капли крови.

Надо замѣтить, что въ началѣ войны въ Турціи сильно рассчитывали на поддержку миридитовъ, или албанцевъ католиковъ, нѣсколько ни уступающихъ въ храбрости черногорцамъ. Но миридиты въ замѣнъ своей помощи потребовали освобожденія ихъ законнаго князя Пренкъ-бея, который съ давнихъ поръ содержался въ Константинополѣ въ качествѣ заложника. Порта почему-то долго упрямилась, и только нѣсколько дней тому назадъ согласилась выдать молодого принца.

Вслѣдъ за сямъ, какъ сообщаютъ телеграммы изъ Рагузы отъ 19 августа, среди миридитовъ началось довольно сильное волненіе, враждебное туркамъ. Турецкія селенія, сосѣднія съ территоріей, обитаемой миридитами, обратились въ Скутари съ просьбой выслать гарнизонъ низамовъ, чтобы защищать ихъ въ случаѣ нападенія. Просьба ихъ исполнена и гарнизонъ отправленъ, а князь миридитовъ задержанъ въ Скутари. По послѣднимъ извѣстіямъ отъ 22 августа наступательное движеніе турокъ на Черногорію началось изъ Подгорицы у Спуца.

Восточные отголоски *).

X.

Ночь. На койкѣ лазаретной
Блѣдный юноша лежитъ;
Тяжело онъ дышетъ, стонетъ,
Жажда бѣднаго томить.

* *

И склоняя головкой русой,
У печальнаго одра,
Подаетъ больному кружку
Милосердія сестра.

* *

Домъ родной въ Москвѣ покинувъ,
Совершая трудный путь,
Къ братьямъ страждущимъ стремилась
Эта доблестная грудь.

* *

Жадно раненый глотаетъ
Подносимое вино, —
Съ ключевой водою чистой
Перемѣшано оно.

«Пули вынута, а тяжело...
Неужели въ сторонѣ
Отъ товарищей придется
Здѣсь уснуть на вѣки мнѣ?»

* *

За отца, за мать, за брата
Я въ долгу у мусульманъ!..
Эта рана—рана въ сердцѣ —
Тяжелѣй наружныхъ ранъ»...

* *

Онъ вздохнулъ. Румянецъ слабый
Показался на щекахъ;
Жаръ усилился; въ блестящихъ,
Но сухихъ его глазахъ

* *

Огонекъ опасный вспыхнулъ...
«Прочь! Ружье мое, влижалъ!
Чу! Зоветъ насъ снова въ битву
Храбрый русскій генералъ»...

* *

Погляди—красна Морава...
Турки плѣнныхъ жгутъ живьемъ!

Кто связалъ меня? Пустите!
Душить дымъ... огонь кругомъ»...

* *

Застоналъ онъ, заметался,
Вдругъ утихъ, и мутный взглядъ
На сестрѣ остановился...
«Успокойся, милый братъ!»

* *

Голосъ женскій, голосъ нѣжный
Зазвучалъ въ тиши надъ нимъ —
«Не одни вы! Насъ—довольно,
Вмѣстѣ турокъ побѣдимъ!»

* *

Врагъ уйдетъ... Земля родная
Обновится, зацвѣтетъ;
Послѣ бури, непогоды
Солнца лучъ опять блеснетъ.

* *

Тамъ, на сѣверѣ далеко —
Слышишь—крики, грозный гулъ?
Спи, до радостнаго утра!...
И—навѣки онъ уснулъ...

III.

*) См. «Нива» № 30 и 33-Я.

Рѣшительная минута. (Premier Impression). Картина А. Журдана, гравир. для «Нивы», Паннемакеръ снѣ.

РЪШИТЕЛЬНАЯ МИНУТА *)

... В жизни каждого из нас бывают решительные минуты, когда предстоит нам разрешать гамлетовский вопрос: быть или не быть? Впрочем один из подобных головоломных вопросов задан задумавшейся девушкой молодым парнем, нѣжно прижавшимся къ ея плечу и, затаив дыханіе, ожидающимъ рѣшительнаго отвѣта. Да, надо серьезно подумать, прежде чѣмъ отдать свое сердце, въ полное владѣніе, хотя и любимому человѣку. Недаромъ девушка, подъ гнетомъ своихъ думъ, даже выпустила изъ рукъ шитье, къ великой радости Васьки, любителя потерѣбить и покомкать своими лапками все, что въ нихъ попадетъ. На прелестномъ личикѣ девушки ясно обрисовывается, что происходитъ въ сердцѣ; очевидно, что тамъ идетъ борьба подъ влияніемъ жгучихъ вопросовъ.

Любить или не любить?
Предаться ли души влеченью
Или холодному сужденью
Разсудка уступить?

Но можно сказать навѣрное, что еще нѣсколько мгновений раздумья и колебанія, и разсудокъ—этотъ холодный резонеръ—потерпитъ полное пораженіе. Да и какъ же можетъ быть ина-

че, когда за спиной раздается вкрадчивая, страстная рѣчь и жжетъ вась горячее дыханіе любимаго человѣка. Такія чудныя минуты, и послѣ разлуки съ милымъ, долго не забываются женщиной; спросите ее объ нихъ, и она расскажетъ вамъ хотя бы словами Фета, что

«Онъ былъ такъ нѣженъ и уменъ,
Такъ строенъ и высокъ.
Онъ часто въ очи мнѣ глядѣлъ
И тихо руку жалъ,
И тайно глазъ мой голубой
И кудри цѣловалъ.
И помню, стало мнѣ вокругъ
При немъ все такъ свѣтло,
И стало мутно въ головѣ,
И на сердцѣ темно.

Послѣ такихъ убѣдительныхъ доводовъ въ законности увлеченія, приходится только развести руками и произнести подобно оффенбаховской прекрасной Еленѣ: «c'est la fatalite»!..

А. Н.

КРУШЕВАЦЪ.

Крушевацъ основанъ еще во времена первыхъ сербскихъ королей и считался главнымъ городомъ Крушевацкой нахія (округа) въ Сербіи. По своему внѣшнему виду и численности населенія, Крушевацъ (по турецки Аладара-Гисаръ) ничѣмъ не отдѣляется отъ другихъ городовъ Сербіи. Окруженный съ одной стороны довольно значительными горами, идущими въ разныя стороны отъ хребта Ястребаца, Крушевацъ защищенъ такимъ образомъ естественными укрѣпленіями отъ нападеній неприятельскихъ войскъ. Горы окружающія его съ западной стороны имѣютъ только одинъ удобный проходъ, извѣстный подъ именемъ Янковой Клиссуры, чрезъ который пролегаетъ небольшая дорога отъ мѣстечка Кершумлу. Но съ другой стороны, составляя ключъ къ Сербіи, Крушевацъ съ давнихъ поръ при наступательномъ движеніи турецкихъ войскъ, былъ жертвою завоевательныхъ стремленій оттоманскихъ варваровъ. Это были ворота Сербіи, которыя нужно было сломать, если невозможно было иначе пройти чрезъ нихъ. Вотъ почему ни одинъ городъ на сербской землѣ не пережилъ столько тяжелыхъ историческихъ моментовъ, столько ужасовъ турецкаго необузданнаго насилия, какъ злополучный Крушевацъ. Несчастныя историческія событія съ такою ужасающею послѣдовательностью шли одно за другимъ, что поколѣнія вымирали и уничтожались прежде, чѣмъ могли уступить мѣсто другимъ за нимъ слѣдующимъ. Такъ въ 1453 году Крушевацъ былъ осажденъ и взятъ турецкимъ тридцатитысячнымъ войскомъ. Не прошло и шести лѣтъ, какъ Магометъ II, (въ 1459) послѣ взятія Константинополя, взялъ Крушевацъ и превратилъ его въ развалины. Большая часть жителей были безчеловѣчно убиты, а молодыя женщины уведены въ гаремы. Въ 1805 году городъ былъ взятъ обратно сербами, подъ предводительствомъ князя Милоша Стояновича; въ 1809 году былъ снова потерянъ; черезъ годъ послѣ этого онъ былъ снова взятъ сербами, подъ начальствомъ воеводы Младена Миловиновича; въ 1813 г. взятъ и разрушенъ турками; въ 1833 году опять былъ занятъ сербскими войсками. Вотъ въ короткихъ словахъ исторія этого города. При такихъ обстоятельствахъ невозможно было правильное экономическое развитіе. Торговля отношенія прекращались, жители бѣднѣли и сиротѣли. Нужны были десятки лѣтъ, чтобы имъ снова оправиться и придти по крайней мѣрѣ въ прежнее положеніе; а тутъ подоспѣла новая бѣда...

Одно только остается несокрушимымъ въ этой убійственной ломкѣ народнаго быта—это его нравственный міръ, который стоитъ незлыблемо при всѣхъ превратностяхъ. Уничтожается имущество, вымираютъ люди, а вѣрованія и народныя преданія остаются живы по прежнему и еще съ большою силою проявляются. Какія тяжелыя минуты пережила Сербія, и все таки основныя черты быта сохранились до сихъ поръ во всей ихъ цѣлости. Путешественники послѣдняго времени и знатоки славянскаго міра единогласно

*) Обращаемъ вниманіе нашихъ подписчиковъ на помѣщенную въ этомъ номерѣ гравюру съ картины Журдана «Рѣшительная минута». Гравюра эта исполнена специально для нашего журнала въ Парижѣ Паннамакеромъ-сыномъ. Нельзя не удивляться тому совершенству гравировки, какое достигнуто въ исполненіи этой картины и, полагая, что подобныя рѣдкія по своимъ художественнымъ достоинствамъ произведенія даютъ намъ право обратить на нихъ вниманіе нашихъ подписчиковъ. Тѣмъ болѣе необходимо вниманіе къ такимъ художественнымъ произведеніямъ, что они могутъ служить указаніемъ нашимъ русскимъ граверамъ на то совершенство, какого достигло это искусство на Западѣ.

утверждаютъ, что устойчивость въ религиозныхъ вѣрованіяхъ глубокая вѣрность старымъ традиціямъ семейнаго и общественаго быта, привязанность къ народнымъ обычаямъ, благородство души—суть тѣ черты, которыя рельефно выдаются и представляются каждому, кто посѣщаетъ Сербію. Чувство свободы, въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова, развито въ одинаковой степени у каждого серба и глубокий патриотизмъ довершаетъ зданіе нравственнаго и общественаго быта этого народа.

Въ Крушевацѣ, какъ говорятъ путешественники послѣдняго времени, до сихъ поръ, не смотря на такую переѣвчивость историческихъ событій, сохранился въ полной цѣлости и простотѣ патриархальный бытъ и чистота нравовъ. «Проходя по некрасивымъ и далеко не чистымъ улицамъ этого города, нельзя подумать, говоритъ одинъ англійскій путешественникъ, чтобы въ этихъ бѣдныхъ домахъ и мазанкахъ обитали существа съ такимъ могучимъ духомъ и съ такимъ твердыми, хотя и безыскусственными понятіями объ общественныхъ отношеніяхъ». Что же касается народныхъ празднествъ и удовольствій, то, по рассказамъ очевидцевъ, они все тѣ же, какіе были и сто лѣтъ тому назадъ. По берегу небольшой рѣчки Русины, на которой построенъ г. Крушевацъ, въ праздники можно встрѣтить хороводы и другія игры, сопровождаемыя пѣснями, большая часть которыхъ отражаютъ на себѣ черты тяжелыхъ историческихъ событій и отличаются столько же мрачнымъ, сколько и отважнымъ «юначескимъ» характеромъ. Въ Крушевацѣ, какъ и въ другихъ городахъ Сербіи, вовсе нѣтъ сословныхъ подраздѣленій. Ни въ одномъ городѣ Сербіи не развито въ такой степени демократическое равенство, какъ въ Крушевацѣ, вѣроятно вследствие историческихъ причинъ, которыя такъ часто пробуждали сознание гражданъ,ближая для одной и той же пѣли—освобожденія своей родины.

Но недолго пользовался спокойствіемъ Крушевацъ. Какой-то тяжелый рокъ лежитъ на немъ и давить его. Не прошло и трехъ четвертей столѣтія, какъ новая туча нависла надъ нимъ. Турецкія войска давно уже зорко слѣдятъ за тропинкою, которая идетъ и поднимается, извиваясь по возвышенностямъ горъ, отъ Кершумле къ Крушевацу. Въ концѣ іюля Муссафа-Паша двинулся по этой дорогѣ, атаковалъ сербскія позиціи и овладѣлъ ими, но затѣмъ снова долженъ былъ уступить ихъ сербамъ (Крушевацкому корпусу). Теперь, говорятъ, собирается къ этому проходу сераскиръ Керимъ-Паша съ арміею въ 60,000 человѣкъ, съ цѣлю обойти Алексинцъ. Это извѣстіе въ газетѣ «Pester Lloyd» констатируется какъ фактъ рѣшенный... Что станетъ съ этимъ несчастнымъ городомъ, за которымъ открывается дорога въ Сербію къ Бѣлградѣ? Какъ бы ни были сильны естественныя укрѣпленія дефилеевъ ястребицкихъ горъ, все таки противустоятъ такому необузданному полчищу не легко; по взятіи дефилеевъ, лежащихъ на пути отъ Кершумле къ Крушевацу, легко взять и самый городъ, такъ какъ крѣпость Крушевацъ очень небольшая и построена нѣсколько столѣтій тому назадъ, правда укрѣпленная въ послѣднее время.

Въ Крушевацѣ считалось 10.000 жителей; но теперь едва-ли осталось и 4.000. Всѣ, и старый, и малый ушли на войну. Кто изъ нихъ воротится домой, какую принесетъ радость, найдеть-ли, наконецъ, свою семью—вотъ вопросы, которые тяжелымъ камнемъ падаютъ на душу.

Н. В.—въ.

СЕРБСКІЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ.

Большая часть добровольцевъ отправляющихся въ Сербію знаютъ очень хорошо куда и зачѣмъ они ѣдутъ, знаютъ, что не чины и награды ожидаютъ ихъ тамъ. Поэтому понятенъ энтузіазмъ, нашего общества которымъ сопровождаются проводы этихъ благородныхъ людей. На станціяхъ желѣзныхъ дорогъ окружаютъ ихъ толпа: всѣ благословляютъ ихъ на доброе дѣло и со слезами на глазахъ жмутъ имъ руки, сопровождая это пожатіе самыми искренними и горячими пожеланіями. Очевидно, что не своекорыстные цѣли и узкіе расчеты побуждаютъ въ нашемъ обществѣ эти порывы, а безкорыстная, чистая любовь нашей отчизны къ поработеннымъ, униженнымъ и замученнымъ нашимъ братьямъ! Русскіе люди единодушно откликнулись на болѣзненный призывъ родственнаго намъ народа; они стали впередъ храброго но неопытнаго войска и повели ихъ къ побѣдѣ; воодушевивъ товарищей примѣромъ непоколебимаго мужества, они ложились костью со словами: «впередъ, на бой!» И въ рядахъ этихъ благородныхъ людей мы недосчитываемся многихъ. А. Кирѣевъ палъ, Раевскій, Ерошенко, Мусинъ-Пушкинъ и др., послѣдовали за нимъ и запечатлѣли кровію свои стремленія. А что будетъ дальше? Много ли изъ нихъ вернется на родину? Такіе подвиги самоотверженія, безъ сомнѣнія, не пройдутъ безплодно. Европа, убѣдившись на что способны русскіе люди, когда въ нихъ загрохотало то высокое чувство, которымъ преисполнена теперь вся Россія, быть можетъ уступитъ необходимости улучшить тяжелое и безвыходное положеніе славянъ, находящихся столько вѣковъ подъ турецкимъ игомъ.

Приведемъ нѣсколько словъ изъ газеты «Siècle» о баталіонѣ добровольцевъ, снаряженныхъ на собственный счетъ сербской княгини Натали: «Надо было видѣть, все населеніе Бѣлграда покрывавшее берега Савы и вышедшее проститься съ баталіономъ; надо было видѣть положеніе этихъ стариковъ, этихъ женщинъ, этихъ дѣтей, надо было видѣть, не смотря на дурныя вѣсти, приходившія то и дѣло изъ арміи, рѣшимость и энергію отъѣзжавшихъ, твердость, мрачное самоотверженіе остающихся, чтобы составить себѣ понятіе о страшномъ озлобленіи и ненависти противъ турокъ, одушевляющихъ это населеніе. Я близко и внимательно разсматривалъ этихъ людей; взоры всѣхъ выражали ясно, что они готовы всѣмъ пожертвовать для общаго дѣла. Безмолвная, сосредоточенная въ себѣ толпа разступилась, чтобы пропустить своихъ волонтеровъ. У всѣхъ на шляпахъ были цвѣты. Въ рукахъ женщинъ всѣхъ сословій

были цѣлыя массы цвѣтовъ, и они раздавали ихъ тѣмъ, у кого ихъ не было. Каждый разъ, когда проходилъ другъ или родственникъ, его прѣвѣтствовали безъ шума, вполголоса. Пожатіе руки, или молчаливое, смотря по обстоятельствамъ, сопровождали прощанье, неизмѣнно оканчивавшееся однимъ и тѣмъ же словомъ. Никто не говорилъ: «да хранить тебя Богъ!» или «желаю тебѣ счастья!» но говорили только: «мужайся, мужайся!»—и болѣе ни слова. Глаза у всѣхъ были сухи; ни одной слезы не видно было на лицахъ, но какое выраженіе! Оно не изгладится изъ моей памяти, пока я живъ. Когда послѣдній волонтеръ перешелъ на палубу, гимнъ, или лучше сказать какое-то пѣніе неуловимое и потрясающее душу, раздалось на рѣкѣ.

Быль ли то дѣйствительно гимнъ, или импровизація? Не знаю. Можетъ быть національная сербская пѣсня. Трениръ пробѣжалъ по всей толпѣ. Всѣ головы обнажились, всѣ платки заколебались въ воздухѣ, и пѣніе повторилось на берегу. То была гармонія невыразимая, полная волненія и сдержанной страсти. Каждая строфа, каждая фраза, были какъ бы молніями гнѣва, потоками ярости, выраженіемъ глухого озлобленія. Было 8 часовъ. Солнце исчезло, обливая горизонтъ громаднымъ краснымъ сіяніемъ. Судно медленно двигалось, отражая свои черныя очертанія на этомъ огненномъ и кровавомъ фонѣ. Въ ту минуту, когда оно исчезло въ туманѣ, раздалось восклицаніе... нѣтъ, не восклицаніе, а крикъ, первый крикъ—и страшное грозное «ура» вырвалось изъ тысячи груди, до того времени сдавленныхъ. Это должно было долетѣть до Земльна. Затѣмъ толпа, еще болѣе мрачная, еще болѣе молчаливая, оставила рѣку и разошлась по домамъ».

Да, тяжелое время переживаютъ теперь славяне. Скажемъ словами поэта:

«Здѣсь предъ вамъ тяжкая недоля,
Горько, великое несчастье
На пространствѣ небольшой картины!
Писана картина та слезами—
И слезами вамъ я провѣваю,
И она слезами вамъ промолвить
Про невгоды нашего народа:
Вы слезами горькими залетесь:
Не забыть вамъ образовъ печальныхъ».

(Поэзія славянъ. Изд. Гербеля. Стр. 273).

Нѣсколько словъ о Бразиліи и о литературѣ, имѣющей предметомъ изслѣдованіе этой страны.

По случаю прѣзда въ нашу столицу императора Бразильскаго Донъ Педро II естественнымъ образомъ пробудился въ нашемъ обществѣ интересъ къ Бразиліи, къ ея государственному устройству, ея политическому, социальному и экономическому характеру.

Надо сказать, что наша литература весьма бѣдна книгами, трактующими о Бразиліи въ какомъ бы то ни было отношеніи. Въ политическомъ, хозяйственномъ, социальномъ и проч. отношеніяхъ знакомить насъ, правда, съ Бразиліей книга г. Смирнова, бывшего секретаря нашего посольства въ Бразиліи. Дальше слѣдуетъ книга г. Чуди, да, да, у насъ есть переводъ прекрасной книги г. Уэлласа «Натурализмъ на Амазонской рѣкѣ», знакомящей съ Бразиліей и принадлежащими къ ней странамъ въ естественно-историческомъ отношеніи. И потомъ уже разсѣянные тамъ и сямъ въ журналахъ статьи компилятивнаго характера, выходящая сюда и соответствующіе параграфы въ географическихъ учебникахъ.

Иностранная литература, имѣющая предметомъ Бразилію, напротивъ, весьма богата. И это понятно. Въ исторіи нѣкоторыхъ государствъ западной Европы есть тѣсная связь съ Бразиліей. Нѣкоторыя государства, напримѣръ, Голландія имѣли притязаніе на такой лакомый кусокъ какъ Бразилія, съ цѣлью эксплуатаціи ея богатствъ.

И исторія голландскихъ притязаній на Бразилію, ея войны съ бразильцами, принадлежатъ къ числу интереснѣйшихъ и поучительнѣйшихъ эпизодовъ всемирной исторіи. Этотъ эпизодъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ свою обширную литературу, представителями которой служатъ болѣею частью голландскіе историки; большая часть этихъ классическихъ произведеній написана на латинскомъ языкѣ. Дальше слѣдуютъ сочиненія спеціально посвященныя дѣятельности іезуитовъ, насколько она касается Бразиліи. Изумительная дѣятельность этого ордена въ отдаленныхъ странахъ, въ самомъ дѣлѣ, заслуживаетъ особаго и огромнаго отдѣла въ всеобщей исторіи церкви и весьма значительное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занимаютъ іезуиты миссіонеры въ Бразиліи.

Общая исторія Бразиліи, ея географія, ея произведенія были описываемы издавна, и первымъ трудомъ (по времени) слѣдуетъ поставить трудъ Америго-Веспуччи (отъ имени котораго и произошло названіе Америки). Твореніе *Веспуччи* издано въ Миланѣ

и озаглавлено «De ora Antartetica per Regem Portugalliae pridem inventa» 1505 г. Критически разобралъ и комментировалъ произведеніе Веспуччи А. фонъ-Гумбольдтъ. Оно драгоцѣнно для первоначальной исторіи колонизаціи страны. Изъ него мы узнаемъ, напримѣръ, что *первый*, кто ступилъ на берегъ Бразиліи, былъ *Винцентъ-Янецъ Пинзонъ*, товарищъ Колумба въ его первомъ путешествіи въ Америку. Весьма интересно описаніе его путешествія въ Веспуччи. На суднѣ, снабженномъ четырьмя парусами, онъ оставилъ въ 1499 г. гавань Полосъ, свое отечество и направился къ юго-западу. Это первый европеецъ, отважившійся ѣхать въ эти широты. Съ трепетомъ сердца онъ потерялъ изъ вида полярную звѣзду. Наконецъ, онъ увидѣлъ на западѣ высокой мысъ. Онъ подѣхалъ къ нему и высидѣлъ. Это былъ мысъ Св. Августина, самый крайній восточный мысъ южно-американскаго континента, въ теперешней провинціи Пернамбуко, и назвалъ его мысомъ «Утѣшенія Св. Дѣвы Маріи». Затѣмъ, съ теченіемъ времени, этотъ знаменитый мысъ носилъ разныя названія: то назывался онъ Кабо-Ростро-Гермозо, то Кабо-де-Санта-Круцъ.

Дальше, такія знаменитости науки въ новѣйшее время, какъ французъ Изидоръ-Жофруа-Сентъ-Илеръ и немецъ А. фонъ-Гумбольдтъ не только описали Бразилію въ естественно-историческомъ отношеніи, но труды ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пролили свѣтъ на прошедшую культуру Бразиліи, о которой свидѣлствуютъ намъ разсѣянные въ этой странѣ памятники.

Но, разумеется, эта богатая литература, спеціально посвященная Бразиліи и ея исторіи, для большинства читателей недоступна. Нужны книги, представляющія Бразилію въ сжатомъ, но по возможности полномъ очеркѣ. Въ этомъ отношеніи могутъ быть рекомендованы сочиненія Ваппеуса «Des Kaillereich von Brasilien» и классическій трудъ Гейнриха Гандельмана «Geschichte von Brasilien». Трудъ Ваппеуса новѣе, книга Ме Гандельмана написана лѣтъ 15-ть тому назадъ, но благодаря своимъ достоинствамъ: богатой эрудиціи, ясности изложенія, широтѣ точки зрѣнія—она до сихъ поръ не потеряла своихъ достоинствъ. Исторія Бразиліи, Гандельмана, входитъ въ его общую программу «Geschichte der Americanischen Kolonisation un Unablangigkeit» какъ часть въ обширное цѣлое. Такъ исторія Бразиліи у него непосредственно примыкаетъ къ «Исторіи Соединенныхъ Штатовъ» и «Исторіи острова Гаити». Соединяя

видеть два широко разработанные истории (о--ва Гаити и Соединенных Штатов) мы получаем историю белой и черной расы за океаном, образующих совершенно отдельную группу государств; за тем следует другая группа государств, образовавшихся в обширной долине Амазонской реки. Эта история носит общее название «История государств красной и белой расы». Автор признает, что в Бразилии не могло образоваться того связывающего цемента, который связал в одно целое народные силы обуславливающие всякую цивилизацию. Цемент этот один для всех стран за океаном: колонизация. Ей образованы бытием и процветанием Соединенные Штаты; колонизация же обязана Мексика, хотя под другой формой и при других условиях. Но сама колонизация является в трех формах: привозить рабов из Африки (это рабочая даровая сила), вдувать за океан европейцев (это— сама цивилизующая, у которой рабы под руками), как бы в награ-

ду за цивилизацию. Наконец, еще есть, так сказать, средняя форма переселения в Америку—это переселение китайцев, которых индустриальные способности весьма пригодны для цивилизации смешанных рас. И в самом деле, выселившиеся китайцы перевезли в Бразилию чайные деревья и научили бразильцев культуре чая... и т. д. Разумеется, цивилизующая колонизация в такой форме все-таки представляет нечто ненормальное, ведущее к возмутительным несправедливостям. С половины нынешнего столетия стало отправляться в Бразилию много европейцев, с целью образования колонизационных товариществ. Дело шло плохо, потому что многие из агентов колонизации приехали за океан с хищническими инстинктами, и нельзя сказать, чтобы дело и теперь ушло вперед в этом отношении.

М. С.

ЛЮБОВЬ, НЕНАВИСТЬ И РЕВНОСТЬ У РЫБЪ.

Существует мнение, что рыбы не способны чувствовать нежной взаимной любви, что они равнодушны и к икре своей, и к детенышам. Такое мнение оказывается несправедливым, в чем можно убедиться из наблюдений.

Самые точные наблюдения можно производить в закрытых садках, устроенных для разведения форелей. Такой садок, как часть обыкновенного заведения для размножения рыбъ,

через нее, причем прикасается к ней самым осторожным образом. Играя и выдвывая удивительные штуки, влюбленная парочка удаляется от остального общества и начинает отыскивать укромное местечко для метания икры.

Но эта прелестная игра прекращается тотчас же, как только к игривой паре приблизится другая рыба. Самец и самка с быстротою молнии бросаются на незваного гостя и

Видъ города Крушеваца. Съ фотогр. гравир. Болгарскій.

должен иметь водоём в десять—пятнадцать футов ширины, в пятнадцать или двадцать пять футов длины и в два или в три фута глубины. Кругом, по стѣнкамъ этого почти всегда крытого водоёма с проточной ключевой водой, помещаются деревянные, каменные или глиняные ящики для икры, походя на наши скворцовыя клеткы, величиною от полутора до двухъ квадратныхъ футовъ. Эти аппараты для икры имѣютъ (съ передней части) внизу овальное отверстие и двойное дно, в родѣ комнатнаго пола. Верхній полъ, состоящій изъ проволоочной сѣтки грубаго плетения, находится на одинъ или полтора фута подъ водою, покрытъ слоемъ крупнаго кремня—голыша и предназначается собственно для метанія и, такъ сказать, для пропуска икры. Нижній полъ также изъ проволоочной сѣтки, но болѣе плотнаго плетения, назначенъ быть приемникомъ икры, пропускаемой черезъ крупную сѣтку, верхнюю. Этотъ полъ подвижной, а потому можетъ быть совсѣмъ вынутъ изъ ящика вмѣстѣ съ икрой. Пользуясь такимъ садкомъ, каждый внимательный наблюдатель можетъ съ октября мѣсяца до конца января видѣть ежедневно, какъ форели способны страстно любить и ненавидѣть, какъ самоотвержено и тщательно охраняютъ и причутъ они свою икру.

Самка, извиваясь и какъ бы раскачиваясь, плаваетъ, лежа то на брюхѣ, то на боку, а иногда и на спинѣ, около избраннаго ею самца, выставляя в это время на видъ свои особенно яркія, блестящія краски. Во время метанія икры движения форелей граціозны, красиво-изящны. Самецъ, въ свою очередь извиваясь и изгибаясь, то ныряетъ подъ самку, то переплываетъ

прогоняютъ его сильными толчками, причемъ нерѣдко наноситъ ему значительныя раны своими острыми зубами. Въ большинствѣ случаевъ, однако, самецъ одинъ вступаетъ въ борьбу, самка же, остается только зрительницей.

Когда, наконецъ, послѣ тщательныхъ поисковъ найденъ пустой ящикъ или же взятъ въ бою, самка, осмотрѣвъ его, тотчасъ же приступаетъ къ приготовленію ложа для икры. Для этого она начинаетъ быстро двигаться, перебрасываясь съ боку на бокъ, причемъ отбрасываетъ въ обѣ стороны брюхомъ мелкіе камешки, эта работа продолжается до тѣхъ поръ, пока не получится углубленіе в полтора или два дюйма глубины, в два или три д. ширины и до двѣнадцати д. длины.

В то время, какъ самка изо всѣхъ силъ трудится надъ приготовленіемъ ложа для икры и время отъ времени роиаетъ туда свои яички, самецъ стоитъ на стражѣ внутри у обильнаго отверстия икрнаго аппарата, однимъ глазомъ поглядываетъ на хлопотливую свою самку, другимъ же зорко слѣдитъ за всѣмъ, что дѣлается около избраннаго имъ жилища. Въ это время онъ остается совершенно равнодушнымъ даже къ любимой своей пищѣ.

Горе неосторожному и дерзкому, постороннему самцу, осмѣлившемуся подойти слишкомъ близко къ отверстию! Съ невѣроятной силой бросается сторожъ на наглеца и яростно преслѣдуетъ его, далеко отгоняя отъ своего жилища; такое преслѣдованіе рѣдко обходится безъ кровавой драки. Случается тоже, что другой самецъ, пользуясь минутнымъ отсутствіемъ законнаго супруга, защищающаго свою жену, домъ и ложе, пробрается

Сербские добровольцы. Съ наброска нашего специального корреспондента, рис. Н. Каразинъ, грав. Наппръ.

къ одинокой самкѣ въ ящикѣ, съ намѣреніемъ поборотся за право обладанія, сразится съ самцомъ, который вернется уже нѣсколько утомленнымъ. Но тутъ самка немедленно присоединяется къ прибывшему супругу, и оба соединенными силами нападутъ на донь-жуана, рвутъ, кусаютъ его и почти всегда обрастаютъ въ обѣство непрощеннаго гостя.

Такая ожесточенная борьба между тремя форелями представляетъ интересный спортъ даже для практическаго разводчика рыбы, хотя въ пору метанія икры онъ можетъ видѣть такую картину ежедневно. При такой дракѣ зачастую можно видѣть, какъ форели глубоко запускаютъ свои необыкновенно острые зубы въ нѣжное тѣло своего соперника и, теребя по долгу, держатъ его подъ собой, совершенно такъ, какъ это дѣлаютъ дерущіеся бульдоги, гуси, лебеди и др. животные.

Кто желаетъ составить себѣ приблизительно вѣрное понятие о необузданной страстности форелей, кто хочетъ оцѣнить всю силу любви, ревности и ненависти, на какую способна эта рыба, пусть тотъ посетитъ закрытый садокъ въ такую пору, когда время метанія икры уже проходить; тутъ рѣдко можно видѣть самца, не покрытаго ранами, даже раненныя самки встрѣчаются очень часто. Зіяющія кровавыя раны (въ $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ дюйма длины) на спинѣ и около жаберъ свидѣтельствуютъ о горячей любви и ревности этой рыбы.

Всякій разъ, когда самка приостанавливается въ процессѣ метанія икры, самецъ нѣжно и осторожно подталкиваетъ ее и заставляеть покинуть ложе, которое и занимаетъ самъ, чтобы оплодотворить икру, т. е. онъ ложится на мѣсто, покинутое самкой, и быстро двигаясь назадъ и впередъ и изъ стороны въ сторону, плотно прижимается и третъ о дно ложа, брызгаетъ свои молоки на яички самки, которая на это время становится сторожемъ у входа въ ящикъ.

По окончаніи этихъ возбуждающихъ и утомляющихъ актовъ оплодотворенія, форель не предается, какъ другія животныя покою и отдыху, напротивъ для нее тутъ то и начинается дѣятельность, требующая много силы и энергіи,—ей нужно „прикрыть“ икринное ложе.

Быстрыми, сильными, порывистыми боковыми движеніями самецъ и самка, то попеременно, то оба одновременно, набрасываютъ на икринное ложе цѣлыя груды песка и мелкихъ камешковъ, причѣмъ дѣйствуютъ такъ энергично, что камешки

далеко отлетаютъ въ сторону и съ такой силой ударяются о стѣнки ящика, что наблюдателю кажется, что возлѣ него кто-то барабанитъ пальцами по доскѣ. Осторожная и предусмотрительная форель прикрываетъ икру и вообще хлопочетъ до тѣхъ поръ, пока надъ икриннымъ ложемъ не образуется порядочный холмикъ овальной формы.

Извѣстно, что нѣкоторыя породы птицъ выщипываютъ у себя перья, а кролики вырываютъ у себя клочки шерсти, чтобы устроитъ по возможности мягкое и теплое гнѣздо для своихъ дѣтенышей, и если мы имѣемъ право предполагать, что не одинъ инстинктъ, но и извѣстная степень любви къ дѣтенышамъ и заботы о нихъ заставляютъ этихъ животныхъ терзать себя такимъ образомъ, то какже не признать за форелями благородной способности любить свое потомство и заботиться о немъ, въ особенности въ виду того, съ какой горячностью эта рыба подвергается опасности свое нѣжное тѣло, не защищенное даже чешуей!..

Крупный песокъ и твердые острые камешки трутъ и рѣжутъ ея бархатистое тѣло, когда она устраиваетъ ложе для икры, а потомъ покрываетъ его цѣлой грудой этихъ же острыхъ камешковъ; но она, трудясь на пользу своего потомства, не обращаетъ вниманія на свои собственные физическія страданія.

Въ ручьяхъ и озерахъ форель могла бы найти достаточное количество ила и мягкихъ, разложившихся растеній, могла бы обойтись безъ крупнаго песка и камешковъ, причиняющихъ ей невыносимыя муки, но она знаетъ, что ея икра лучше всего сохраняется въ очищенномъ ею пескѣ, что камешки послужатъ лучшей защитой для ея безпомощныхъ дѣтенышей, которымъ грозятъ тысячи опасностей, поэтому озабочиваясь о потомствѣ своемъ, она пренебрегаетъ ранами, страданіями и даже терпѣливо выноситъ голодъ.

Чтобы не быть несправедливыми къ другимъ породамъ рыбъ, замѣтимъ здѣсь, что весьма многія изъ нихъ обладаютъ такими же нравами и качествами, какъ и форели; у нѣкоторыхъ видовъ половая любовь, и любовь къ дѣтенышамъ развиты еще сильнѣе и проявляются рѣзче.

Хотя случается иногда, что рыба пожираетъ собственную икру и дѣтенышей, но этотъ фактъ до сихъ поръ также непонятенъ, какъ и истребленіе собственныхъ дѣтенышей домашними кошками, кроликами, свиньями, даже собаками и многими другими животными; любовь которыхъ къ своему потомству не поддается никакому сомнѣнію.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Усилія турокъ заключаются, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы пробиться въ Моравскую долину, по которой они могли бы легко дойти до Бѣлграда, съ цѣлію разоренія и опустошенія Сербіи. Доступъ въ эту долину изъ Турціи открывается по 3-мъ болѣе или менѣе затруднительнымъ путямъ. Первый ведетъ изъ Зайчара, чрезъ Луково въ Чуприю; второй отъ Янковой Клеиссуры, на Крушевацъ, въ Парачинъ и, наконецъ, третій—изъ Ниша чрезъ Суновацъ, Тешицу и Алексинацъ. Всѣ попытки турокъ проникнуть по первымъ двумъ дорогамъ остались какъ извѣстно, безъ успѣха. Османъ и Эюбъ-паша, желая пробиться первымъ направлениемъ, безплодно потеряли отъ 8 до 9 тысячъ солдатъ и далѣе оставленнаго сербами Зайчара не могли двинуться, что же касается дороги отъ Янковой Клеиссуры, то здѣсь попытка Дервиша-паша окончилась поражениемъ турецкихъ войскъ, которые, въ числѣ 18 тысячъ человекъ, были совершенно разбиты Чолокъ-Античемъ, занявшимъ возвышенность Яворъ. Вслѣдствіе этихъ неудачъ, туркамъ осталась только одинъ путь—именно на Суновацъ и Алексинацъ. Мы уже знаемъ, что предпринятое Абдулъ-Керимомъ-пашей нападеніе на эту укрѣпленную позицію не удалось на правомъ берегу Моравы: генералъ Черняевъ разбилъ его послѣ 6-ти дневныхъ кровопролитныхъ сраженій, а потому, оттоманскій главнокомандующій, вознамерившійся во что бы то ни стало пройти въ Моравскую долину, перевелъ свою армію (отъ 50 до 60 тысячъ человекъ пѣхоты, 24 эскадрона кавалеріи и болѣе чѣмъ 60 орудій) на лѣвый берегъ и двинулъ ее мимо Алексинаца, на шункты, владѣющіе сообщеніемъ съ Крушевацемъ. Въ планъ турокъ входило, между прочимъ, также и намѣреніе обойти Делиградъ. Черняевъ во время угадалъ турецкій планъ и, послѣ 4-хъ дневной (20, 21, 22 и 23-го августа) битвы съ значительно превосходящимъ численностью непріятелемъ, отвелъ свои силы къ Делиграду. Битва началась съ самаго утра, когда турки, переправившись чрезъ Мораву, нѣсколько ниже Буя, подошли къ Алексинацкимъ укрѣпленіямъ и зажгли Житковацъ. Здѣсь, однако, ихъ движеніе было остановлено, огнемъ сербскихъ баттарей, удерживавшихъ наступленіе съ 8-ми часовъ утра до 9-ти вечера. Убѣдившись въ невозможности взять укрѣпленія, оттоманскіе генералы рѣшили двинуться въ обходъ Делиграда. Нападеніе это было произведено 23-го и хотя сербы отступили (шагъ за шагомъ и наноса непріятелю страшный уронъ), но Черняевъ, занявъ позицію у Дюниса и Делиграда, поставилъ врагу новое препятствіе къ дальнѣйшему движенію впередъ.

Отъ 27-го августа (8-го сентября) изъ лагеря у Делиграда по-

лучены слѣдующія извѣстія: «Черняевъ стоитъ въ описанной уже позиціи и укрѣпилъ ее наскоро, особенно у Дюниса, шанцами для баттарей и граншеями для пѣхоты. Турки, численность которыхъ превосходитъ 40,000 человекъ, господствуютъ надъ всей волнообразной мѣстностью, начиная отъ Ястребиныхъ Горъ на лѣвомъ берегу Моравы до рѣчки, впадающей въ Мораву, почти противъ Делиграда, на западъ. Весь правый берегъ рѣчки Моравы очищенъ турками. Алексинацъ покинутъ жителями; алексинацкія позиціи заняты 10,000 пѣхоты и 10 баттарями артиллеріи, подъ командою маіора Ювы Поповича. Турки, убѣжденные въ важности позицій генерала Черняева, оперируютъ не ловко, медленно и безуспѣшно противъ Дюниса, который сильно укрѣпленъ. 5-го сентября турки предприняли незначительное нападеніе на эту позицію, но были принуждены отступить вслѣдствіе концентрическаго огня сербскихъ орудій 6-го сентября, утромъ, по всей линіи повторилось нападеніе, но также безуспѣшно, при сильнѣйшемъ огнѣ изъ орудій и оружія. Сербы до сихъ поръ имѣли незначительныя потери: 100 раненыхъ, которые были приняты въ лазаретъ русскаго санитарнаго отряда, устроеннаго въ деревнѣ Дюнисѣ. Турки, какъ атакующіе, по всей вѣроятности, имѣли громадныя потери, вслѣдствіе огня изъ орудій и оружія, открытаго на самомъ близкомъ разстояніи и весьма мѣткою. Хорватовичъ изгналъ турецкіе аванпосты изъ Топольницы—и стоитъ между этою мѣстностью и Громадой. Звѣрства, совершаемыя турками, неслыханны. Пльинные, мирные жители селеній, истязуются самымъ изысканнымъ образомъ, а затѣмъ умерщвляются. Въ одномъ селеніи, на склонѣ Ястребиныхъ Горъ, турки, захвативъ въ плѣнъ цѣлое семейство, разрубили на куски груднаго младенца, изжарили его и принудили родителей съѣсть жареное мясо младенца; затѣмъ изрубил и ихъ. Старикъ священникъ былъ очевидцемъ этого звѣрства. Сербскій врачъ, Лука Поповичъ, котораго узнали по красному кресту, былъ взятъ въ плѣнъ турецкою кавалеріей: сначала ему отрубили руку, а потомъ умертвили. Художникъ Виллье, отъ журнала «Старіис» нашелъ у Іезуки трехъ раненыхъ сербовъ, привязанныхъ къ деревьямъ: они были сожжены, причѣмъ огонь разложенъ былъ у ихъ ногъ. Ноги совершенно обуглились, тѣла представляли ужасное зрѣлище. Еще хуже турокъ, черкесовъ и баши бузуковъ свирѣпствуютъ египетскія войска».

Изъ всего этого мы можемъ вывести только то заключеніе, что турки болѣе отличаются жестокостями и тиранствомъ, чѣмъ военными успѣхами. Они не только не достигли важнаго стратегическаго успѣха, но находятся въ довольно опасномъ положеніи,

имѣя противъ себя войска Черняева съ такими укрѣпленными позиціями какъ Делиградъ и Алексинацъ, дальѣ—въ тылу полковника Хорватовича, и съ лѣваго фланга—полковника Челокантича, который имѣетъ возможность отдѣлится отъ своей ибарской арміи значительную часть для того, чтобы ударить съ своей стороны на непріятеля и отрѣзать его отъ Ниша, т. е. отъ его операціоннаго базиса.

Въ виду такого положенія дѣлъ на театрѣ войны, мы признаемъ преждевременными вѣсьма несомнѣтельными ликованія турокъ, желающихъ заставить *Черногорію и Сербію принять самыя тяжелыя условія* мира. При томъ рискѣ, съ какимъ вторгаются турки внутрь Сербіи, всего скорѣе можетъ случиться нѣчто совершенно противоположное ихъ теперешнему ликованію. Во всякомъ случаѣ настоящее положеніе дѣлъ на театрѣ войны кажется подходить къ рѣшительному періоду. Ничего, конечно, мы такъ горячо не желаемъ, какъ того, чтобы турки получили справедливое и вполне заслуживаемое ими наказаніе. Последнія депеши изъ Черногоріи опять принесли вѣсть о пораженіи турокъ. 27-го августа происходило сильное сраженіе у Требача и Долянскій Главичъ, гдѣ были отражены три турец-

кія нападенія. 2,000 турокъ легли на полѣ сраженія, болѣе 1,000 потонули въ рѣкѣ Морачъ, остальные бѣжали къ Подгорицѣ.

Въ настоящее время державы настойчиво требуютъ отъ Порты принятія ихъ «дружескихъ услугъ» (дипломатическій терминъ) для заключенія перемирія; на этихъ дняхъ послы 6 державъ вручили министру иностранныхъ дѣлъ «памятныя записки» (*aide mémoires*) по этому предмету. Энергичнѣе всѣхъ настаиваетъ предъ оттоманскимъ правительствомъ Британія. Говорятъ, даже, что британскій посланникъ заявилъ, что Турція, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, нечего разсчитывать на помощь его правительства, которое не будетъ препятствовать вооруженному вмѣшательству одной державы—т. е. Россіи. Такая настойчивость, такая энергія со стороны г. Эллиота объявляется крайнимъ возбужденіемъ общественнаго мнѣнія Англій противъ турокъ и противъ оказываемой имъ правительствомъ королевы помощи. Дѣло дошло до того, что глава парламентской оппозиціи (т. е. глава виговъ), маркизъ Гартингтонъ требуетъ созванія парламента. Слышится даже голоса о томъ, чтобы лордъ Дерби и сэръ Эллиотъ были призваны къ отвѣту... Напомнимъ читателю, что мы постоянно сомнѣвались въ успѣхъ разсчетовъ Дизраэли Биконсфильда.

ПРЕБЫВАНІЕ ИМПЕРАТОРА БРАЗИЛЬСКАГО ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Донъ Педро II, императоръ Бразиліи, путешествуетъ какъ частный человѣкъ, подъ именемъ графа д'Алькантара. Онъ 17-го августа прибылъ въ нашу столицу и остановился въ Европейской гостиницѣ, какъ обыкновенный туристъ, употребляя все свое время на осмотръ достопримѣчательностей столицы и на ознакомленіе съ нашимъ внутреннимъ бытомъ. Такъ, въ день своего пріѣзда, Донъ-Педро посѣтилъ Исаакіевскій соборъ и пробылъ въ немъ около двухъ часовъ, осматривая храмъ, ризницу и утварь. Затѣмъ въ тотъ же день посѣтилъ биржу и «Зоологическій садъ». На другой день, рано утромъ, императоръ отправился въ Александровскую лавру, гуляя по кладбищу, на которомъ самъ отыскалъ памятники Ломоносова, Карамзина и Крылова,—причемъ очень сожалѣлъ, говорятъ, что не могъ найти памятниковъ Пушкина и Лермонтова, похороненныхъ, какъ извѣстно, не въ Петербургѣ. Въ тотъ же день посѣтилъ Императорскую публичную бібліотеку; во время этого посѣщенія, продолжавшагося отъ 1 до 3 часовъ пополудни, императоръ удивлялъ всѣхъ своими обширными познаніями. Онъ не только читалъ свободно русскія названія залъ, главъ русскихъ книгъ старинной печати, но обнаружилъ значительное знакомство съ латинскими, древнегерманскими, арабскими, еврейскими и самаритянскими рукописями, находящимися въ бібліотекѣ. Всего болѣе онъ интересовался изданіями, касавшимися русской исторіи, этнографіи, изображеніями національной русской архитектуры, костюмовъ, орнаментистики. Императоръ хорошо знакомъ съ именами русской исторіи, литературы и искусства. Нѣкоторые сочиненія Карамзина и Крылова переведены имъ на португальскій языкъ. Обозрѣніе бібліотеки Донъ-Педро закончилъ подробнѣйшимъ осмотромъ библиѣй на всѣхъ языкахъ міра, а также осмотромъ средне-вѣковой комнаты (кабинетъ Фауста), которая поразила его своимъ изяществомъ и оригинальностью. Передъ отъѣздомъ ему поднесено было въ роскошныхъ переплетахъ собраніе разныхъ научныхъ изданій.

18 августа онъ посѣтилъ Академію Наукъ и Университетъ. Въ Университетѣ онъ пробылъ около 3 часовъ. Какъ въ публичной бібліотекѣ, такъ и здѣсь онъ обнаруживалъ обширное знакомство съ науками; съ профессоромъ Васильевымъ импера-

торъ много бесѣдовалъ о китайскомъ языкѣ. Вообще посѣщеніе императора произвело на профессоровъ университета глубокое впечатлѣніе. Сейчасъ же по отъѣздѣ императора всѣ единогласно рѣшили избрать его почетнымъ членомъ университета и поднести ему отъ имени университета нѣсколько сочиненій, между прочимъ «Исторію Университета», «Энциклопед. словарь» Березина и др.

19-го августа Донъ Педро въ сопровожденіи великаго князя Константина Николаевича осматривалъ царскосельскій арсеналъ и его рѣдкости. Въ арсеналѣ императоръ пробылъ 2 часа—и собственноручно писалъ въ книгу посѣтелей «*Don Pedro II*», самъ нарушивъ тѣмъ инкогнито. Въ тотъ же день рано утромъ онъ посѣтилъ «Новодевичій монастырь», гдѣ слушалъ обѣдню; ему особенно понравился церковное пѣніе монахинь, затѣмъ осматривалъ монастырскую бібліотеку, и удостоился принять отъ игуменьи икону и нѣсколько рѣдкихъ книгъ. Вечеромъ онъ посѣтилъ александринскій театръ и сидѣлъ не въ особой ложѣ и не въ первомъ ряду кресель, а въ самыхъ дальнихъ рядахъ. 20 числа императоръ присутствовалъ при открытіи съѣзда ориенталистовъ, въ зданіи университета. Вечеромъ, во время прогулки по островамъ, посѣтилъ дачи Утина и Громова.

Во вторникъ 24 числа императоръ принималъ депутаціи отъ академіи наукъ и университета. На привѣтствіи, сказанныя академикомъ Броссе и профессоромъ Бекетовымъ, императоръ Донъ Педро II въ самыхъ теплыхъ и дружественныхъ выраженіяхъ благодарилъ ученыхъ корпораціи за выраженное ему вниманіе. Того же числа онъ посѣтилъ «Пулковскую обсерваторію», на которой пробылъ долгое время. 26 августа императоръ посѣтилъ придворную канцеллу и видимо былъ доволенъ пѣніемъ. Онъ нѣсколько разъ благодарилъ директора канцеллы Бахметева, поднесшаго ему альбомъ духовныхъ писемъ своего сочиненія.

Своею выразительною наружностью и своимъ обращеніемъ императоръ на всѣхъ производитъ сильное и пріятное впечатлѣніе. Онъ ведетъ самый простой и правильный образъ жизни. Въ 6 часовъ утра встаетъ, въ 7 часовъ завтракаетъ, послѣ чего отправляется въ простой коляскѣ осматривать окрестности и достопримѣчательности Петербурга.

С М Ъ С Ъ.

Знамя для сербовъ.

Освященіе знамени, отправляемаго изъ Москвы въ Сербію, происходило въ обители св. Сергія 25 августа, послѣ литургии: знамя и всѣ его принадлежності были положены на раку преп. Сергія; за обѣдней знаменосецъ и ассистенты исповѣдывались и приобщались святыхъ таинъ. Послѣ торжественнаго соборнаго молебствія произошло освященіе по чину церковному. Минута освященія была такъ высокоторжественна, что большинство молящихся плакала на-взрыдъ.

Затѣмъ, по желанію больного настоятеля лавры, намѣтника Антонія, знамя было принесено къ нему въ покои. Старецъ приложился къ священной ткани, поддерживаемый послушниками. По дорогѣ отъ преосв. Антонія, встрѣчавшіеся на пути падали ницъ передъ знаменемъ.

17-го августа, въ 7½ часовъ вечера, по московско-брестской желѣзной дорогѣ, въ сербскую армію отправлены отъ русскихъ людей: походная военная церковь, колокола и знамя.

Церковь сопровождаютъ 8 человѣкъ пѣвчихъ изъ чудовскаго хора, а знамя—фельдфебель Щербина, два ассистента: Митро-

фановъ и Дубровскій, и офицеры: Соболевъ, Ватковскій и Шаравовъ.

Публики, пришедшей проводить отважныхъ добровольцевъ, набралось до 10 тысячъ человѣкъ.

На одномъ изъ послѣднихъ митинговъ, созываемыхъ въ Англій съ цѣлью протестовать противъ турецкихъ звѣрствъ, прочтено письмо Джона Брайта, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ, *сколько стоила Англій война съ Россіей въ 1854 г.*

«Война эта стоила Англій 40,000 ч. и 100,000,000 ф. ст. Восточная война поглотила въ совокупности полмиліона людей. Съ тѣхъ поръ, всѣ издержки на военныя потребности увеличились ежегодно на 10,000,000 ф. ст., т. е. въ теченіи двадцатилѣтняго періода, на 200,000,000 ф. ст.; помимо этого, Англій пришлось выплатить до 100,000,000 ф. ст., по займамъ, заключавшимся неоднократно султанамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что Англій на восточную войну пожертвовала въ общей сложности 400,000,000 ф. с. Что же касается до потери людьми, то она громадна».

Нынѣшняя нижегородскія ярмарка по общимъ отзывамъ хуже

прошлогодней. Окончательных выводов пока неизвестно. Изъ свѣдѣній о ходѣ торговли за послѣдніе два года видно слѣдующее: Свидѣтельство и билетовъ на право торговли, по всемъ родамъ ея, взято было въ 1874 г. на 13,293 р., въ 1875 г. на 13,731 р. На нижегородскую ярмарку 1874 г. было привезено товаровъ на 180,201,000 р., продано на 164,805,000 р., не продано на 15,396,000 р., сравнительно съ ярмаркой 1873 г. въ привозѣ было на 22,112,000 р., а въ сбытѣ на 26,992,000 болѣе. На нижегородскую ярмарку 1875 года было привезено товаровъ на 169,768,000 р., продано на 154,048,000 р., не продано на 15,720,000 р., сравнительно съ ярмаркой 1874 г. въ привозѣ менше на 10,433,000 р., а въ сбытѣ менше на 10,757,000 р. Весь оборотный капиталъ ярмарочной торговли 1874 г., включая размынную монету (193,000 р.), выпеченный хлѣбъ (573,000 р.) и выручку въ трактирныхъ и другихъ промышленныхъ заведеніяхъ (504,000 р.) простирался до 346,276,000 р., сравнительно съ ярмаркой 1873 г. на 48,625,000 р. болѣе. Весь оборотный капиталъ ярмарочной торговли 1875 г., включая размынную монету (188,000 р.), выпеченный хлѣбъ (616,000 р.), и выручку въ трактирныхъ и другихъ промышленныхъ заведеніяхъ (494,000 р.) простирался до 325,114,000 р., сравнительно съ ярмаркой 1874 года на 21,162,000 р. менше.

Въ теченіе нынѣшняго года артиллерійскимъ вѣдомствомъ израсходовано на приготовленіе огнестрѣльныхъ припасовъ и зарядовъ до 4,604,000 руб.; на приготовленіе и усовершенствованія артиллерій—4,595,000 р. и на приготовленіе оружія до 3,575,000 р. Все же расходъ по этимъ статьямъ будетъ простирается въ теченіе года около 17,667,500 рублей.

О клюквенномъ экстрактѣ Г. Мартенса. Всемъ, безъ сомнѣнія извѣстно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ напр., при постели больного, въ хозяйствѣ—клюквенный экстрактъ оказывается необходимою. Клюквенные ягоды у насъ, въ Россіи—продуктъ находящійся въ изобиліи; но приготовленіе изъ него кислаго питья или *морса* сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями и довольно значительною тратою времени; кроме того, *морсы* приготовленные обыкновеннымъ способомъ, дома, не имѣютъ всехъ требуемыхъ качествъ—они мутенъ, не вкусенъ, наконецъ, они сохраняются очень не долго. Все эти затрудненія при приготовленіи очень пужаю и полезнаго клюквеннаго кислаго питья—*морса*, вызвали попытки приготовить, посредствомъ перегонки или какихъ либо другихъ химическихъ операций, изъ

ягодъ клюквы такой продуктъ, который, обладая всеми качествами свѣжихъ ягодъ и сохраняя все потребныя составныя части ихъ, давалъ бы возможность быстро, во всякое время, хорошее питье и притомъ сохранялся бы, не портясь значительное время. Все эти затрудненія отчасти разрѣшены Г. Мартенсомъ, приготовившимъ клюквенный экстрактъ, который удовлетворяетъ всемъ требованіямъ. Экстрактъ этотъ очень крепокъ, то есть заключаетъ въ себѣ значительное количество клюквенной кислоты, очень приятенъ на вкусъ и сохраняется, даже незакупоренный, очень долгое время, не измѣняя своего вкуса и качества. Продается онъ по 65 коп. за полуфунтовую банку, во всехъ значительныхъ торговляхъ москотильными и аптекарскими товарами въ Петербургѣ.

Отъ редакціи „НИВЫ“.

Печальное извѣстіе съ театра славяно-турецкой войны о смерти русскихъ героевъ, павшихъ на полѣ битвы за освобожденіе славянъ отъ магометанскаго ига, налагаетъ на редакцію обязанность помѣстить ихъ портреты и біографическія о нихъ свѣдѣнія на страницахъ «Нивы», въ память ихъ высокаго самоотверженія и святости принесенной ими, цѣною жизни, жертвы святому дѣлу.

Не имѣя возможности получить портреты и біографическія свѣдѣнія о павшихъ на полѣ брани герояхъ чрезъ посредство частныхъ сношеній съ ихъ родственниками (по затруднительности достать адреса послѣднихъ), редакция журнала проситъ родственниковъ павшихъ героевъ доставлять портреты сихъ послѣднихъ въ «Ниву», вмѣстѣ съ біографическими о нихъ свѣдѣніями, а также портреты и тѣхъ лицъ изъ числа русскихъ добровольцевъ, о смерти коихъ свѣдѣнія получены позднѣе этого заявленія.

СОДЕРЖАНІЕ: Новый турецкій султанъ Абдуль-Гамидъ II (съ портретомъ). — Обинки (Воспоминанія изъ южноруской жизни) Полонскій Папычъ. — Битва при Янковой Кислицѣ (съ рисункомъ). — Турецкое урѣдленіе Слѣзъ (съ рисункомъ). — Восточные отголоски (стихъ: ворона). Ш. — Рѣшительная минута (съ рисункомъ). А. Н. — Крушевецъ (съ рисункомъ). Н. Б. — в. — Сербскіе добровольцы (съ рисункомъ). — Несколько словъ о Бразиліи и ея литературѣ, имѣющей предметомъ изслѣдованіе этой страны. М. С. — Любовь, ненависть и ревность у рыбъ. — Политическое обозрѣніе. — Пребываніе Императора Бразиліа въ Петербургѣ. — Сѣсь. — Объявленія. — Отдѣльное приложение: ПАРИЖСІЯ МОДЫ за СЕНТЯБРЬ съ 36 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 21 чертёжемъ.

Редакторъ Д. Стахѣнъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Компаньена — мужчину или даму, съ капиталомъ въ 6—8,000 р. с., ищу для весьма выгоднаго занятія. Просить догавлять предложенія въ контору журнала «Нива», съ адресомъ I. К. № 39.

Музыкальная школа Ф. И. Руссо объявляетъ, что занятія въ оной начнутся съ 1-го сентября, приемъ же учениковъ будетъ продолжаться втеченіе всего учебнаго года ежедневно отъ 11 до 7 часовъ. Предметы преподаванія и преподаватели опытъ въ школѣ: пѣніе solo — г. Вителаро; фортепiano — г. Рейхардтъ и г. и г-жа Руссо; скрипка и альтъ — И. И. Михельсонъ; виолончель — г. Фишеръ; теорія и solfeggio — г. Зине и Руссо. Кроме того, при школѣ съ нынѣшняго курса открывается безплатный классъ для дѣтей. Подробныя свѣдѣнія можно получить въ школѣ—Вознесенскій проспектъ, д. № 47, противъ Ново-александровскаго рынка. № 55.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
АНТОНЪ ЗИНГЕРЬ.

№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.

Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.

Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.

КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЬ:

на текущій счетъ 7 1/2%;
на 3 мѣсяца 7 1/2%;
на 6 и до 12 мѣсяцевъ 8 1/2%.

Страхуетъ билеты обоихъ внутр. 5% съ вынгр. займовъ по 20 коп., съ иногородныхъ по 30 коп. за билетъ. 10—3

Учебный географическій атласъ Юрдана вышелъ 14-мъ изданіемъ, совершенно переизданнымъ и усовершенствованнымъ, по самымъ лучшимъ и ученымъ источникамъ, состоящій изъ 27 хромолитографированныхъ номеровъ: 1-го) съ приложеніемъ большой карты Россіи съ большою частью Азіятской области и съ обозначеніемъ всехъ желѣзныхъ дорогъ, въ весьма удобномъ форматѣ для употребленія.

Цѣна 1 руб. безъ перес.

Также вышло 9 изданіе „Историческій атласъ“ Юрдана, цѣна 1 руб. 25 коп. безъ пересылки.

Въ С.-Петербургѣ у Ф. Эйслера, литографія у Каменнаго моста, д. Оливье № 42—29, также у всехъ значительныхъ книгопродавцевъ въ Россіи. 4—4

Зубной врачъ ВАРСЬ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—19

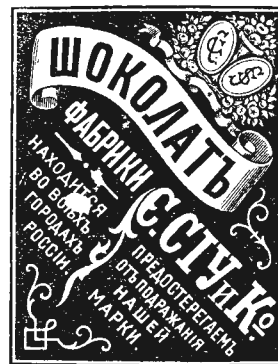
ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы В. В. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1876 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. П. Петрова и В. Люшикова. Новѣсть эта въ блестящей формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелими Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы“ 1876 года 75 к. съ перес.

Про что щибетала ласточка. Сочиненіе Шмилъялена. Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1876 г. 1 р. съ пересылкой.

45—41

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

КАРЛА ИВАНОВИЧА ВАГНЕРА

въ Ригѣ.

Имѣетъ честь увѣдомить гг. любителей, что новое иллюстрированное катологическое дѣревян., растеніямъ, цвѣточнымъ луковичкамъ и проч., на 1876 г., изданы и разсылаются бесплатно по требованію.

2 руб. 12 коп. портретовъ—уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50 49

26—17

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ Н. Каразина, съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовыя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 для подписчиковъ „НИВЫ“ на 1876 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
№ 37 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Изданъ 13 Сентября 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

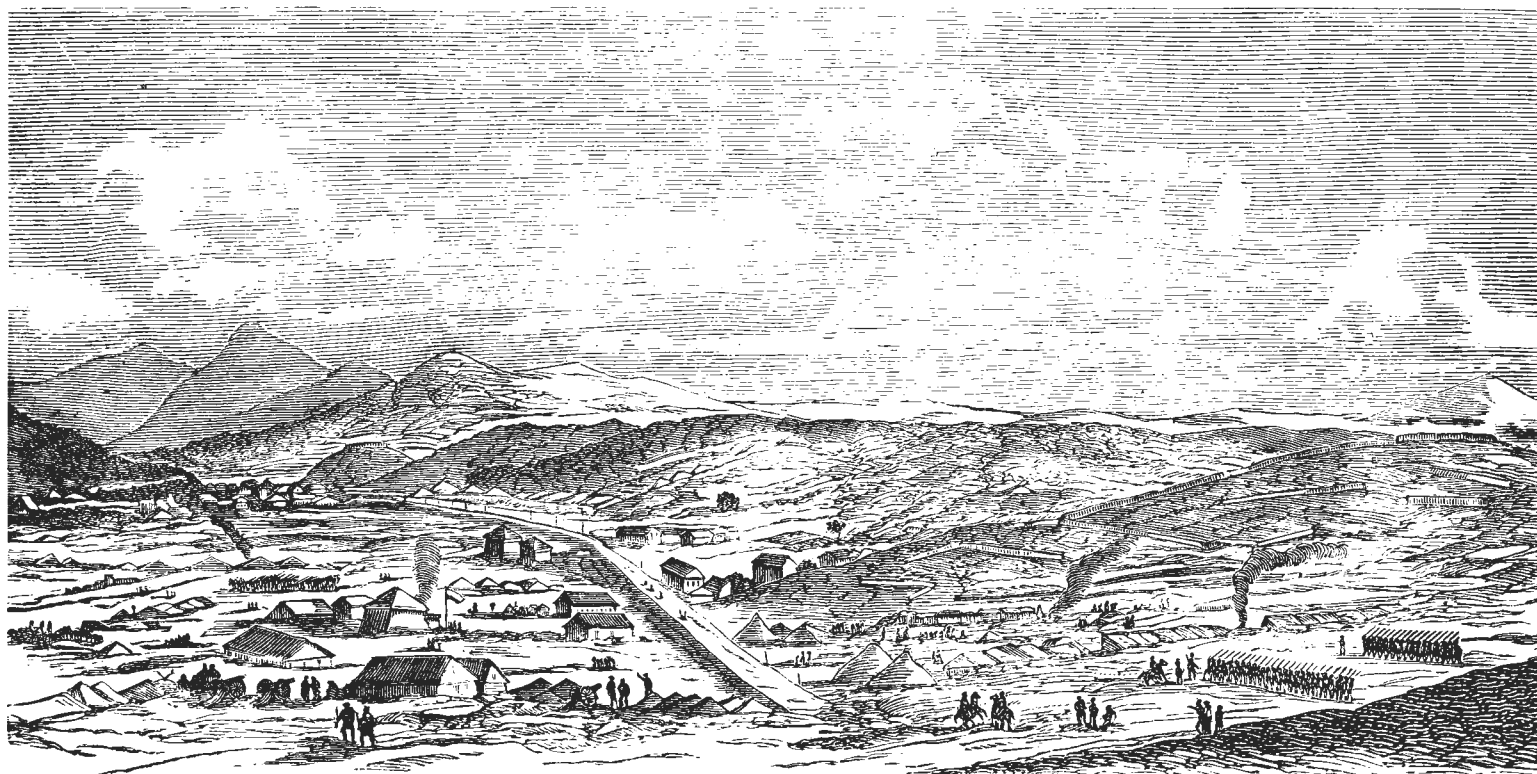
ОТКРЫТА ПОДПИСКА на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины
И. Гр. Соловьева, А. Ланя и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во все другіе города и
мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.
- Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1876 г. номера „Нивы“.

ДЕЛИГРАДСКІЯ УКРѢПЛЕНІЯ.

Делиградскія укрѣпленія составляютъ вторую фортификаціонную линію, воздвигнутую Сербіей для защиты Моравской долины; онѣ отстоятъ верстъ на 10 отъ Алексинца и заключаютъ

горнымъ склонамъ Буковнина, имѣеть чрезвычайно важное стратегическое значеніе, такъ что ее можно назвать ключемъ юго-восточной Сербіи.

Делиградскія укрѣпленія. Съ наброска нашего корреспондента, рѣзаль Боярскій.

въ себѣ девять редутовъ, располагающихъ почти сотнею пушекъ. Эта сильная позиція, примыкающая къ Крушеваду и къ

Делиградъ расположенъ на правомъ берегу Моравы, на довольно высокой горѣ, у подножія которой простираются об-

ширныя равнины, покрытыя роскошною травою и не имѣющія недостатка въ водѣ. Большая дорога идетъ по самой вершинѣ горы; она совершенно открыта, но влѣво отъ нея находится, защищенный рвами и окопами, редутъ св. Николая, а на право, по небольшимъ возвышенностямъ, расположены главныя укрѣпленія, составляющія систематически организованное дѣло. Въ первой фортификаціонной линіи заключается ограниченное окопное пространство, предназначенное для дѣйствій пѣхоты; потомъ нѣсколько редутовъ, съ засѣлками во рву, а впереди съ волчьими ямами и съ проволочными сѣтями на гласисѣ, и, наконецъ, два большіе шанца, каждый для 16-ти орудій; всѣ эти укрѣпленія соединены между собою подисадами и рвами и составляютъ первую оборонительную линію. Вторая линія, извѣстная подъ названіемъ «Българскихъ шанцевъ», отстоитъ отъ первой на 8 или 10 километровъ; она занимаетъ возвышеніе, находящееся вправо отъ Делиградской дороги, и располагаетъ 30-ю отличными, крупными пушками, предназначенными для обстрѣливанія Моравской долины. Обѣ боевыя линіи прикрыты цѣпью баггарей; густая роща, находящаяся позади высотъ лѣваго фланга, тоже приготовлена къ оборонѣ засѣлками и ложементами. Пространство, заключающееся между укрѣпленіями обѣихъ боевыхъ линій, имѣетъ около 1½ мили протяженія и допускаетъ сосредоточеніе значительнаго количества

войска, такъ что главнокомандующій имѣетъ возможность, судя по ходу сраженія, или разсылать небольшіе отряды на помощь тѣмъ пунктамъ, которымъ въ данную минуту грозитъ наибольшая опасность, или же, сдвинувъ всѣ наличныя боевыя силы, произвести общее нападеніе на неприятельскій лагерь. Во всѣхъ редутахъ имѣются магазины съ достаточнымъ количествомъ аммуниціи, сухарей, санитарныхъ принадлежностей и боевыхъ снарядовъ. Во время геройскаго сраженія полковника Хорватовича при Княжевацѣ, за окопами Делиградскаго лагеря находилось подъ ружьемъ не менѣе 35,000 человекъ. Въ настоящее время это главный пунктъ, изъ котораго исходятъ всѣ военныя дѣйствія сербской арміи и, такъ какъ несравненно слабѣйшая Алексанцакая крѣпость до сихъ поръ успѣшно сопротивляется всѣмъ усиленіямъ неприятеля, то мы имѣемъ большое основаніе надѣяться, что и укрѣпленія Моравской долины не поддадутся туркамъ, но несокрушимою стѣною преградятъ имъ доступъ въ внутренность страны. Судя по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, укрѣпленія Делиграда продолжены на значительное разстояніе. Исключая крѣпостныхъ орудій, Делиградъ снабженъ 150 пушками. Силы, находящіяся подъ начальствомъ генерала Черняева, состоятъ изъ 55,000 человекъ пѣхоты, 3,000 кавалеріи и 25 баталей артиллеріи. Однакоже лучшіе полки, батальоны българскій и кружанскій, стоятъ еще въ Алексинцѣ.

Объѣдинки.

(Воспоминанія изъ южнорусской жизни).

(Оканчаніе).

Я не могъ удержаться долѣе возлѣ отца, и посиѣшилъ къ поющимъ. Тамъ уже пѣли хоромъ, и чудными звуками раздавалась по полю наша родная, заунывная, малороссійская пѣсня, про „червону ю калына“, про „дѣвчynu черноброву“, и проч. и проч. Самъ отецъ не разъ отрывался отъ работы чтобы послушать родной пѣсни.

Въ это время мать пріѣхала на поле. Уже Семень распрягъ и путалъ лошадей, когда я пріѣхалъ къ бричкѣ. Тамъ ждали меня разныя лакомства, приготовленныя матерью на закуску. Отецъ тоже собирался закусить, а мать пошла здороваться съ жнецами.

Наконецъ она присѣла на сиону противъ поющихъ. А пѣсня изъ заунывной перешла уже въ веселую. Еще на одномъ концѣ оканчивали „Грыци“, какъ на другомъ уже пѣли веселаго „Дидуса“:

Ой рѣда, рѣда, рѣда,
Зарізала, баба діда,
Зарізала осмалила,
Щей у квасу намочыла.

— А чы незаспівать вже обжинки? отозвалась вдругъ, разбитная веселая дочка старосты, Мыланка, которал только прошлой осенью вышла замужъ за извѣстнаго П*...скаго коваля Митрофана.

И точно ржи оставалось дожинать немного. Другая половина жнецовъ обжала кругомъ почти всю пшеницу. Все предвѣщало желанный конецъ работѣ.

— А пора; почему не пора? подхватила другіе.

— А чы не буде рано? замѣтила мать.

— Эге рано, отвѣчала Мыланка. Або не бачете, якъ сонце ховасця за мисто?

— Та робить, якъ знаете, отвѣчала мать. Смотрите, если не выжнете, щобъ стыду не было.

— То вже наше дѣло, отвѣчали изъ подъ „постати“. Будемъ спивать; веселѣе буде.

И жнецы громко запѣли:

Ой обжинки, добродзѣю *), обжинки,
Постарайся добродзѣю, горилка.

Отецъ быстро поднялъ голову надъ конною, и перекрестился. Мать сдѣлала тоже, а жнецы на все поле подхватили дружнымъ хоромъ:

И жытечко, и пшеничку зізжали,
У сніпочки, докупочки связали.

* Добродзѣй, — мѣстное наименованіе православныхъ священниковъ, въ переводѣ на русскій языкъ значить благодѣтель.

Допоможи мійлий Боже зновыты,
У смърточки, до купочки сложыты.
А щобъ було та на столі якъ рожа,
Якъ натая добродзиви хороша.

Между тѣмъ солнце видимо садилось за горы, бросаая послѣдніе прощальныя лучи свои на работниковъ. На горизонтѣ съ противоположной стороны медленно вымѣзалъ изъ-за лѣса огромный красный мѣсяцъ. На дорогѣ блеяло стадо овецъ, возвращающихся съ поля въ мѣстечко. По травѣ показались первыя капли холодной росы. Перепела запѣли безъ умолку. Дикій ястребъ неподвижно держался въ воздухѣ, наблюдая послѣднюю добычу. Вотъ онъ встрепенулся, пулею бросился внизъ, и исчезъ въ непочатой ржи сосѣдняго поля. На поставленныхъ копнахъ гнѣздились вороны, и чистили „на ночь“ носы свои о верхушки „шалокъ“.

Отецъ ходилъ между жнецами, давая магарычу по утреннему, и ободрялъ жнецовъ къ работѣ. Но она сама уже не заставляла ждать себя. Еще нѣсколько усилій, еще два-три дружныхъ взмаха серпами, и ржи съ пшеницей какъ не бывало въ полѣ.

— Та оставте „спасові на бороду“, закричала изъ другого конца Мыланка, заложивъ серпъ на плечи и посиѣшая къ тому мѣсту, гдѣ стояли мы съ матерью.

— Знаемо и безъ тебе, отозвались ближайшія молодичи, — и выбравъ горсть самаго лучшаго, высокаго жита, обжали его кругомъ и оставили на полѣ.

Замѣтимъ, что такъ называемая у насъ „Спасова борода“ дѣлается только тогда, когда обжинки бывають предъ Преображеніемъ Господнимъ. Послѣ этого она уже не дѣлается.

Одна изъ старшихъ жницъ собрала оставленную рожь въ пучокъ, закрутила на ней сверху колосы, и свѣсивъ ихъ такъ, чтобы они приходились въ низъ въ среднѣе стеблей, состроила такимъ образомъ „Спасову бороду“.

— Теперь давай ораты, закомандовала строительница бороды.

Всѣ взялись за серпы и, присѣвъ на корточкахъ, начали бороздить землю между стеблями бороды.

— Годи, буде! отозвались другіе. Теперь скородыти!

Всѣ засадили растопыренные пальцы въ бороду, и показывая видъ, будто они работаютъ бородами, водили пальцами по землѣ.

Затѣмъ одна изъ жницъ поднялась, натерла зеренъ изъ бороды, и снова присѣвъ, посѣяла ихъ на пригтовленной землѣ, приговаривая: рожь Боже на всякую

долю, и бидного и богатаго". Остальные снова заскородили пальцами, припѣвая:

До конца женчики, до конца
Идемъ до дому до сонця;
Та хто кинца дожденя,
Горилки нанеца.

— Теперь кто полize черезъ спасову бороду? спросила веселая Мыланка. Но это уже была операция не легкая. Надобно было пробираться ползкомъ между стеблями загнутой бороды, и при томъ такъ, чтобы не тронуть съ земли ни одной соломенки; потому вскорѣ веселая компанія расхоталась на все поле, когда одна дюжая молодница застряла „въ бородѣ“ и долго барахталась въ ней подъ ударами жницъ.

Затѣмъ полѣзла другая, третья и т. д., хохотъ и пѣсни не уставали, пока наконецъ отъ бороды не осталось ни одной соломенки, и высоко поднявшійся мѣсяцъ не напомнилъ, что пора наконецъ собираться домой.

— А ну-те ще на дорогу, выдajte серпы назадъ себѣ, закомандовала строительница бороды.

Въ Малороссiи распространено повѣрье, что если на обжинкахъ бросить серпъ назадъ себя, то тотъ, чей серпъ воткнется остриемъ въ землю, на слѣдующій годъ тоже непременно будетъ жать у того же хозяина на обжинкахъ.

Серпы быстро полетѣли и примѣтамъ и предсказаніямъ не было конца,—пока веселая компанія не сошла наконецъ съ поля и очутилась на дорогѣ.

VI.

Въ то время, когда молодницы такимъ образомъ подвизались около спасовой бороды,—на другомъ концѣ поля, подъ копнамъ, совершалась другая, не менѣе важная операция. Тамъ дѣвушки плели вѣнки изъ жита и пшеницы для поздравленія хозяина съ обжинками. Они весело пѣли, совершая свою работу.

Котыця жытчко въ спопочокъ,
Звйте дивоньки виночокъ.

Луна радушно свѣтила имъ, и какъ бы улыбалась, смотря на ихъ полныя, сіяющія здоровьемъ и силою лица. Нѣсколько паробковъ прятались за копнами въ ожиданіи конца работы, чтобы сопроводить дѣвушекъ. А главное теперь имъ предстоялъ вопросъ, на чью-то голову дѣвушки возложить ржаной вѣнокъ, потому что въ нашемъ мѣстечкѣ пшеничный вѣнокъ обыкновенно приноситъ хозяину на годъ вѣ дѣвушка, а ржаной паробокъ.

А дѣвчата какъ будто не обращали на нихъ вниманія и весело продолжали пѣсню.

Всѣ парубоньки за дивками,
Несутъ виночокъ са квитками.

Но вотъ вѣнки уже готовы. Дѣвушки достали изъ-подъ „катанатокъ“ цвѣты, нарочно запасенныя еще съ утра на случай обжинковъ,—другія вынули изъ своихъ котъ длинныя ленты, и перевивъ вѣнки лентами съ цвѣтами, начали примѣривать дружка къ дружкѣ, которой нести вѣнокъ къ хозяину.

Парни спрятались за копнами; ни слуху ни духу, какъ будто въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ихъ на полѣ.

— Та дѣжъ вы це подивались до лыха? отозвались дивчинны. Якъ нетра було, то стерчали передъ очьма якъ ти собаки; а теперь якъ треба, то й поховались.

— Попросить, такъ выйдемо.—не выдержалъ и проговорилъ одинъ изъ парней. Другіе послѣдовали его примѣру,—и вскорѣ на полѣ образовалась цѣлая веселая компанія парубковъ и дѣвушекъ, спорящихъ о томъ, кто долженъ нарядиться въ вѣнки.

Наонецъ подходящія личности были выбраны; вѣн-

ки съ пѣснями возложены на голову—и парубки съ дѣвчатами спѣвно отправились на дорогу, догонять молодницъ, подвизавшихся надъ бородой.

Вскорѣ толпы начали соединяться одна съ другой. Пѣсни становились громче, жарче, и веселый смѣхъ оглашалъ окрестности.

Жнецы отправились къ намъ въ домъ, заранѣе запрошенныя отцемъ и матерью „до госноды, на вечеру“.

VII.

Когда мы воротились отъ „спасовой бороды“, лошади наши были уже запряжены. Отецъ докладывалъ послѣднюю конну, а староста считалъ количество поставленныхъ головъ, вынимая для этой цѣли по одному колоску изъ каждой копны, чтобы не ошибиться. Завтра отецъ самъ сочтетъ эти колоски и повѣритъ счеты.

Нѣсколько жнецовъ сторожили лошадей, чтобы тѣ не распряглись. Наконецъ пришелъ и самъ отецъ. Надѣвши подрясникъ, онъ „почествовалъ“ водкой тѣхъ жнецовъ, которые, живя по близости на хуторахъ, не хотѣли идти въ мѣстечко на ужинъ. Мы поблагодарили ихъ и скорою рысью отправились съ поля, чтобы опередить жнецовъ предъ своимъ домомъ.

Луна поднялась уже высоко и освѣщала даль своимъ тихимъ, ровнымъ блескомъ. Мы сиѣшили, объѣзжая почти на каждомъ шагу веселія толпы поющихъ. Вотъ парень съ дѣвкой несутъ вѣнокъ; колосья трясутся надъ ихъ глазами, а они весело идутъ, припѣвая „обжинки“...

Наконецъ, мы дома. Я тотчасъ отправился въ садъ къ старостихѣ, на кухню. Тамъ все было уже готово. Догадливая Горбычка напекла „опиканцивъ“ съ макомъ и медомъ, которые у насъ въ Малороссiи составляютъ неизбѣжную принадлежность обжинокъ. Для жнецовъ была приготовлена каша, судачина и „сутини“.

На дворѣ стояла глубокая тишина. Только пѣсни крестьянъ, возвращающихся съ поля, нарушали по временамъ ея спокойствіе. Наконецъ послышались голоса и нашихъ „обжинокъ“. Голоса все крѣпли и крѣпли, пѣсня становилась разборчивѣе; вотъ они на сосѣдней улицѣ, еще ближе,—наконецъ на подворьѣ у нашего дома.

Я поспѣшилъ въ комнату. Мать въ свѣтлицѣ накрыла столъ бѣлою скатертью, передъ образами зажжена лампада. Отецъ расчесалъ волосы и надѣлъ рясу. Жнецы пѣли уже подъ порогомъ. Отецъ послалъ брата просить ихъ въ комнату.

Здѣсь во главѣ съ лицами, принесшими вѣнки, веселая компанія еще разъ пропѣла „обжинки“.

Отецъ подошелъ къ себѣ дѣвушку съ ржанымъ вѣнкомъ, перекрестился на образа и снялъ вѣнокъ съ ея головы, приговаривая: „Дай же Господи забачить тебя нидъ винцемъ въ церкви.“

Тоже самое сдѣлала мать съ пшеничнымъ вѣнкомъ у паробка,—и оба наградивъ „вѣнценосцевъ“ деньгами и поподчивавъ ихъ компанію водкой, пригласили жнецовъ на ужинъ.

Веселый ужинъ шелъ такимъ же чередомъ, какъ и обѣдъ. Только къ концу вмѣсто водки отецъ подчивалъ жнецовъ вишневою, да заключеніе мать обдѣляла всѣхъ „опиканцами“, омыченными медомъ.

Наконецъ всѣ поднялись, перекрестились, и поблагодаривъ хозяевъ начали собираться домой.

И точно было уже пора. Мѣсяцъ стоялъ почти на половинѣ неба.

Остались только староста, дьячекъ и еще нѣсколько особъ, прислуживавшихъ при ужинѣ. Но и тѣ закусили на скорую руку и собрались домой.

Наконецъ поужинали и мы съ братомъ и съ носѣвшностью усталой юности отправились на почлегъ въ клюню. Такъ кончились наши обжинки.

Полонскій Паньчъ.

АЛЕКСИНАЦЪ.

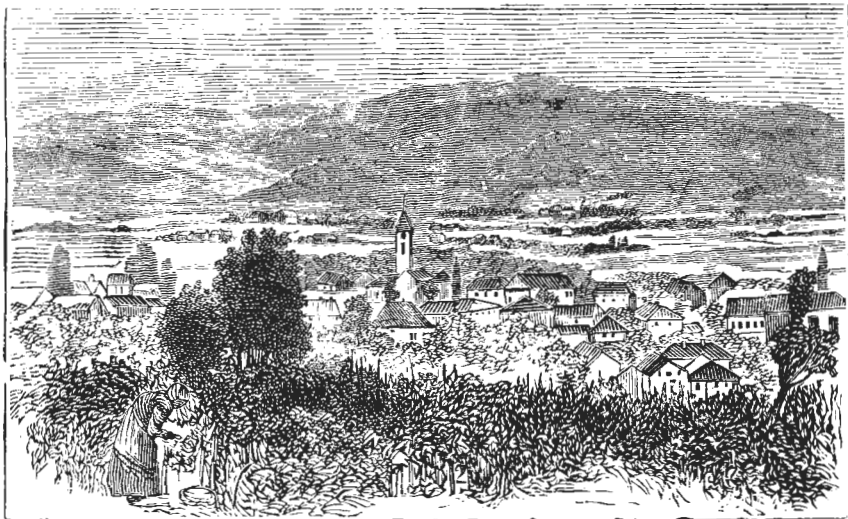
Алексинацъ—одинъ изъ 17 уѣздныхъ городовъ сербскаго княжества лежитъ въ долинѣ на лѣвомъ берегу Моравицы, впадающей неподалеку отъ города въ Бѣлградскую Мораву, съ правой ея стороны, и окруженъ горами. Путешественникъ у, спускающагося съ этихъ горъ, Алексинацъ представляется чрезвычайно живописнымъ, развѣвающимъ, манящимъ къ себѣ; но какъ только онъ вступитъ въ него—очарованіе исчезаетъ. Тѣ же узкія улицы, однообразныя бѣдыя постройки, тоже отсутствіе оригинальности и красоты, какъ и въ другихъ небольшихъ городахъ сербскаго княжества, и трудно было бы сказать, что это городъ, а не большая деревня, если бы не было тамъ нѣсколькихъ неизбѣжныхъ казенныхъ зданій, встречающихся во всѣхъ уѣздныхъ городахъ.

Исторія Алексинаца очень мало извѣстна. Судя по тѣмъ развалинамъ и остаткамъ укрѣпленій, сохранившихся около него, можно сказать, что онъ существовалъ еще въ средніе вѣка, въ періодъ независимости и самостоятельности сербскаго царства. Около этого города была расположена «паланка» сходная по своему устройству съ другими сербскими «паланками», которыя устраивались обыкновенно на границахъ и на большихъ дорогахъ, вблизи городовъ и селеній. Сербскія «паланки» представляли квадратъ изъ высокихъ земляныхъ стѣнъ, окруженный рвами и палисадами. Въ центрѣ квадрата обыкновенно находилась каменная или деревянная башня, назначаемая для убѣжища и наблюденія за окрестностями. Нѣкоторыя сербскія паланки устроены изъ толстыхъ деревьевъ, или балокъ, связанныхъ между собою желѣзомъ; впереди паланки находится ровъ, а за нею—валъ. Устройство подобныхъ паланокъ имѣло чисто стратегическое значеніе, хотя и не всегда удовлетворяло дѣлу. Такъ въ 1737 г. австрійцы хотѣли воспользоваться алексинацкою паланкою для остановки движенія турецкихъ войскъ къ

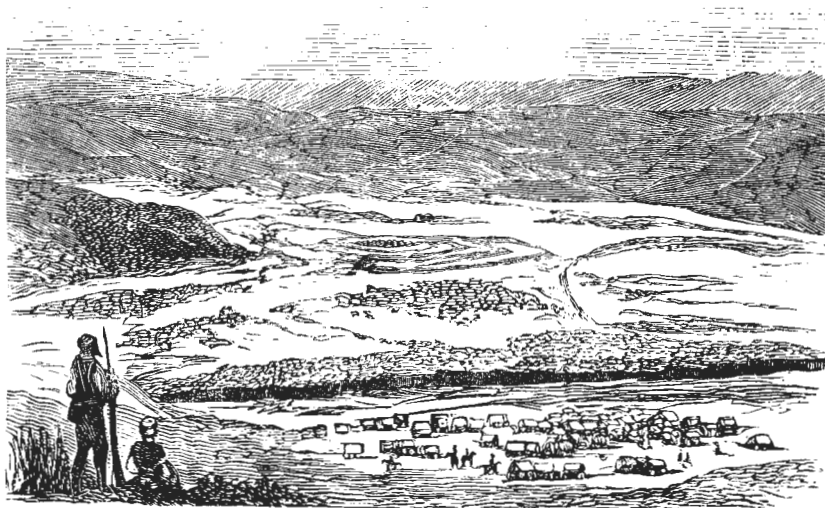
Бѣлграду; но незначительность ея укрѣпленій не могла остановить натиска турецкихъ войскъ.

Черезъ Алексинацъ проходитъ большая дорога отъ турецкой

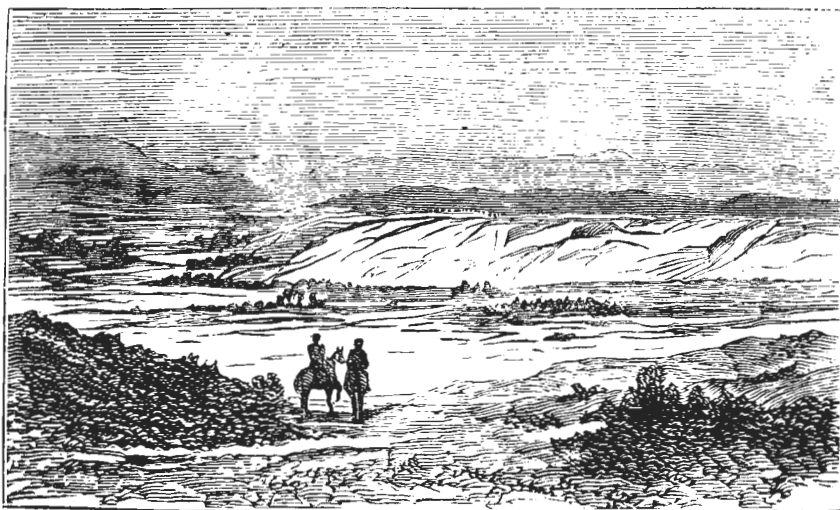
крѣпости Ниша къ Бѣлграду и городу Семендри на Дунаѣ, черезъ города Парачинъ, Чупрѣю и Пожаровецъ и была извѣстна еще во времена Греко-Римской имперіи, какъ единственный торговый путь между средней Европой и Балканскимъ полуостровомъ. По этой дорогѣ болѣе тысячи лѣтъ тянулись караваны изъ средней Европы на Балканскій полуостровъ и обратно. По этой же дорогѣ совершали свой путь куницы и другіе путешественники на юговостокъ полуострова и въ другія его части. Но съ открытія пароходства по Дунаю торговое движеніе черезъ Алексинацъ уменьшилось. И до сихъ поръ сырые продукты Болгаріи и Фракіи (кожа, ленъ, шерсть, дерево и т. п.) въ громадномъ числѣ ежегодно вывозятся черезъ Сербію мимо Алексинаца къ Дунаю въ среднюю Европу, а изъ послѣдней идутъ, тою же дорогой въ Турцію промышленныя и фабричныя издѣлія. Но всѣ эти караваны проходили въ прежнее время черезъ Алексинацъ, какъ черезъ проѣздный пунктъ, лежащій на большой дорогѣ; но при образованіи и дальнѣйшемъ развитіи сербскаго княжества Алексинацъ сдѣлался главнымъ остановочнымъ пунктомъ для каравановъ, идущихъ изъ Турціи въ Европу и на оборотъ, черезъ который въ настоящее время нѣмецкіе и швейцарскіе куницы ѣздятъ на большія ярмарки Балканскаго полуострова. Они не могутъ избѣжать этого пути, такъ какъ въ Алексинацѣ находится главная и пограничная станція для по-

Видъ города Алексинца.

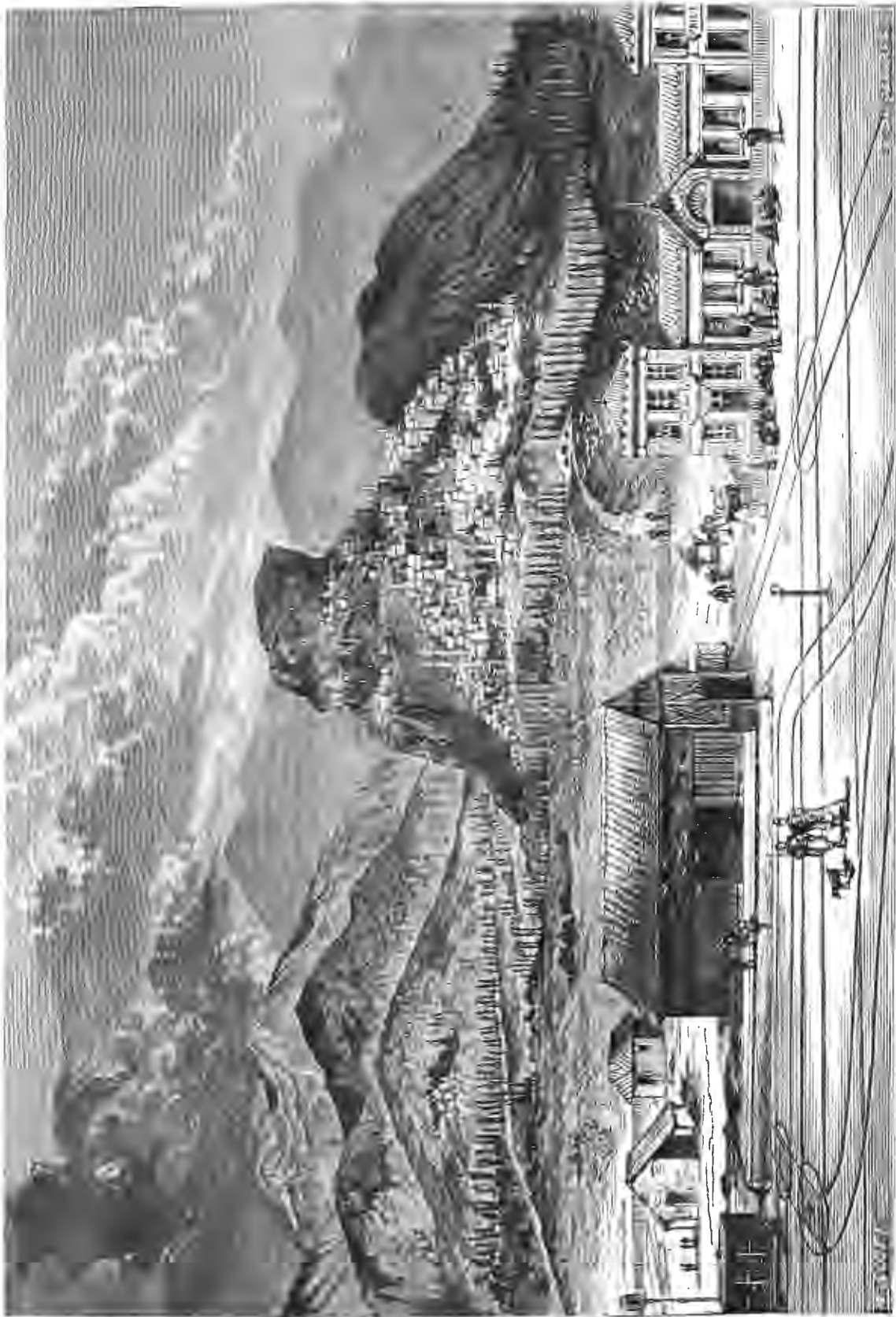

Лагерь Сербскихъ войскъ при Алексинцѣ.

Мѣсто битвы при Мраморѣ (видъ главнаго пункта отъ Тополицы).

товыхъ сношеній Сербіи съ Турціей. Сверхъ того черезъ Алексинацъ совершается огромное передвиженіе народныхъ массъ: каждый годъ, весной, мимо этого города тысячами тянутся изъ Турціи въ Сербію, Австрію и дальше болгары, отправляющіеся за границу для работъ на поляхъ, въ садахъ и огородахъ.

Видъ города Филиппополя. Рис. Н. Скотте, рѣзаль Долиной.

При всем этом Алексинацъ не обращалъ на себя вниманія до послѣднихъ событій и былъ извѣстенъ многимъ только по имени. По теперь имя небольшого сербскаго городка извѣстно каждому и произносится въ особенности русскими людьми съ трепетомъ и болѣзненнымъ волненіемъ. Цѣвтръ тяжести послѣднихъ событій сосредоточивается теперь въ Алексинацѣ и Делиградѣ, въ стѣнахъ которыхъ заключается судьба цѣлой страны. Подъ стѣнами Алексинаца 10 дней, безостановочно лилась кровь тысячи людей бьющихся за свободу своей родины; подъ стѣнами его пало не мало русскихъ, пожертвовавшихъ своею жизнію за святое дѣло освобожденія христіанъ отъ турецкаго ига.

Въ стратегическомъ отношеніи Алексинацъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, какъ главный оборонительный пунктъ противъ вторженія своего вѣковаго и непримиримаго врага—Турціи, и рано обратилъ на себя вниманіе какъ сербовъ, такъ и турецкаго правительства. Остатки укрѣпленій, о которыхъ мы замѣтили выше, свидѣтельствуютъ, что онъ былъ для сербовъ мѣстомъ обороны отъ турецкаго нашествія. Сербы очень хорошо знали и понимали столь важное значеніе этого города и безъ сомнѣнія возвели бы еще предъ началомъ настоящей войны необходимыя укрѣпленія, если бы не помѣшала тому политическая зависимость сербовъ отъ Турціи, которая зорко слѣдила за ними и разумѣется попрепятствовала бы основанію въ Алексинацѣ какой бы то ни было крѣпости. Послѣ неудачныхъ наступательныхъ дѣйствій со стороны Сербіи, сербскіе военачальники, опасаясь вторженія турокъ чрезъ ущелье въ Моравскую долину, обратили серьезное вниманіе на этотъ вопросъ. Результатомъ этихъ заботъ было то, что въ самое короткое время укрѣпили свой лагерь при Алексинацѣ и Делиградѣ, составляющія ключъ вторженія въ страну. Цѣлыхъ два мѣсяца, день и ночь работали сербы въ количествѣ 3000 человекъ. Работами въ Алексинацкомъ лагерѣ завѣдывалъ инженеръ Магдалевичъ, а въ Делиградскомъ—Ораевичъ. Благодаря этимъ усиліямъ имъ дѣйствительно удалось укрѣпить свои позиціи до такой степени, что всѣ старанія турокъ, несмотря на ихъ численное превосходство, были напрасны и разбивались объ эти

несущественныя укрѣпленія сербовъ. Десять дней продолжалась эта ужасная битва съ переменнымъ счастьемъ для обѣихъ сторонъ. Дрохотъ пушекъ, падающія и разбивающіяся гранаты, непрерывающій ружейный огонь, стоны умирающихъ и раненыхъ—вся эта адекая продолжительная музыка производила на жителей города ужасное впечатлѣніе, а падающія въ городъ гранаты иногда наводили паническій страхъ; въ сербскомъ лагерѣ господствовало крайнее напряженіе: почти никто не спалъ больше 3—4 часовъ въ сутки; казалось, что войны скованы изъ желѣза.

Были критическіе моменты для Сербовъ. Такъ 15-го августа туркамъ, благодаря численному превосходству, удалось проникнуть такъ близко къ Алексинацу, что Али-Сайибъ-Паша занялъ Житковецкія высоты на лѣвомъ берегу Моравы, въ 3-хъ верстахъ отъ Алексинаца, и тѣмъ подъ своимъ начальствомъ 35.000 войска. Эта армія дѣйствовала противъ праваго фланга сербской арміи, между тѣмъ Эюбъ-паша съ 25.000 оперировалъ противъ лѣваго крыла и занялъ Шуматовецкія высоты, на правомъ берегу Моравы. Черняевъ открылъ огонь, а въ 8 часовъ вечера повелъ армію въ штыки и отбросилъ войска Сеиба на Катунъ (8 верстъ отъ Алексинаца).

Такимъ образомъ турецкія усилія овладѣть Алексинацемъ неосуществились. Убѣдившись, что съ этой стороны не возможно ждаты успѣха, Турки отступили, перешли на лѣвый берегъ Моравы и сожгли мосты. Въ сербскомъ лагерѣ сначала ошиблись въ дальнѣйшемъ стратегическомъ планѣ Кермапани. Послѣдній хотѣлъ обойти Алексинацъ и Делиградъ и направиться чрезъ Крушевацъ къ Крагуевацу, и затѣмъ, овладѣвши этимъ зерномъ Сербіи, въ которомъ сосредочены всѣ военныя запасы, идти на Бѣлградъ. Съ этою цѣлю онъ перешелъ Ястребицъ западнѣе Ниша и направился чрезъ Крушевацъ къ Делиграду, и неожиданно напалъ на сербскія позиціи у Алексинаца. Черняевъ отступилъ въ Делиградъ, куда перенесъ свой лагерь и пушки, оставивъ въ Алексинацѣ 10-тысячный корпусъ.

Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, турки снова терпятъ неудачу и сербская армія готовится къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

МѢСТО БИТВЫ ПРИ МРАМОРѢ.

При началѣ военныхъ дѣйствій со стороны Сербіи, генералъ Черняевъ, какъ извѣстно, имѣлъ намѣреніе взять одну изъ лучшихъ турецкихъ крѣпостей—Нишу, лежащую недалеко отъ границы Сербіи и по этому, движеніе было направлено къ Мрамору. Это—незначительная деревня на лѣвомъ берегу Моравы, въ полутора милляхъ отъ Ниша, по дорогѣ ведущей отсюда въ Прокополь; она сильно укрѣплена и считалась самымъ лучшимъ изъ фортовъ, сооруженныхъ вокругъ Ниша въ прошломъ году англійскими инженерами. Въ бытность свою вѣскольکو лѣтъ тому назадъ губернаторомъ Болгаріи, Митхадъ-паша построилъ здѣсь мостъ на каменныхъ быкахъ; для его прикрытія былъ сооруженъ двойной тетъ-де-понъ въ видѣ двухъ маленькихъ фортовъ, расположенныхъ по обѣ стороны Моравы. Въгъ сюда-то именно и направилъ Черняевъ свои войска. Они выступили изъ Дидулейны и Сецынцы и напали на тетъ-де-понъ съ лѣваго берега Моравы. Моравская армія начала штур-

мовать Мраморъ 4-го августа и послѣ отчаянной битвы Мраморъ былъ занятъ Сербами, которые завладѣли турецкимъ лагеремъ и при этомъ мужество и геройскую стойкость. Услышное сраженіе подъ Нишемъ возбудило большую радость въ Бѣлградѣ. Восторгамъ не было конца; крики «живіо», «да здравствуетъ армія», оглашали воздухъ.

Къ сожалѣнію, дальнѣйшія желанія Черняева не осуществились. Взятіе Мрамора могло имѣть серьезное значеніе только въ одномъ случаѣ, если бы одновременно атака съ Мрамора на Нишу совпадала съ энергическимъ наступленіемъ сербовъ со стороны Алексинаца. Съ другой стороны вторженіе турецкихъ войскъ въ предѣлы Сербіи не позволяло ему продолжать своихъ дальнѣйшихъ операцій, и онъ долженъ былъ возвратиться въ Алексинацъ и принять оборонительный образъ дѣйствій.

Филиппополь.

Филиппополь, лежащій близъ константинопольско-адрианопольской желѣзной дороги, есть главный городъ Софійскаго округа, въ которомъ черкесы совершали въ послѣднее время свои неслыханныя жестокости. Древній, построенный вблизи одной скалы, городъ, представляетъ значительное торговое мѣстечко: въ немъ насчитывается около 6000 жителей, и онъ служитъ мѣстопробываніемъ одного турецкаго каймакама и одного греческаго архіепископа. Три пятыхъ, христіанскаго населенія состоятъ изъ болгаръ, грековъ и армянъ; въ городѣ находится 8 православныхъ церквей, одна католическая часовня и много

мечетей. Филиппополь имѣетъ видъ оживленнаго турецкаго торговаго города, со многими базарами, на которыхъ, рядомъ съ мѣстными произведеніями, шелковыми, хлопчатобумажными и коженными товарами, можно встрѣтить турецкія и англійскія издѣлія. Въ красивой и плодородной равнинѣ, окружающей городъ, воздѣлывается знаменитый турецкій ромъ, а также пшеница, и производится благодаря близости рѣчки, Марицы, значительная торговля. Вокругъ, Филиппополя лежало прежде много богатыхъ селъ и прекрасныхъ дачъ, которыя теперь всѣ превращены въ груды, дымящихся и упитанныхъ кровью развалинъ.

ВРАГИ ХРИСТІАНСТВА.

(Уличные типы въ Турціи).

Объяснять содержаніе картинки нечего: лица сами за себя говорятъ. Вотъ онъ, истинный сынъ ислама, старый ага, съ своими воздыханіями къ аллаху о помощи въ дѣлѣ истребленія христіанъ. Вотъ онъ, поднявшій руки къ небу, полный чувства благодарности къ своему пророку за то удовольствіе, какое подучаетъ его магометанская душа при видѣ отрѣзанной чловѣческой головы. «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его» произноситъ онъ. Этотъ длинноротый старикъ есть вѣрный послѣдователь ученія корана, и чѣмъ онъ безукорыненнѣе исполняетъ предписанія своей вѣры, тѣмъ онъ ужаснѣе для христіанина, ибо главная заслуга предъ пророкомъ—

пзбіеніе христіанъ. Остальные фигуры не менѣ отвратительны: торжество чернолицаго звѣря, и злорадное выраженіе физиономіи евнуха, и отталкивающая фигура черкеса— все это производитъ на сердце зрителя тяжелое, отталкивающее впечатлѣніе. А эта несчастная голова, принявшей страдальческую кончину, невольно переноситъ насъ въ первые вѣка христіанства... Ужели въ самомъ дѣлѣ мы живемъ въ XIX вѣкѣ! Или это сонъ, или вѣриѣе, вся эта шумиха словъ про блага цивилизаціи разлагается въ прахъ предъ картинами современной дѣйствительности.

Но мы безъ вниманія оставили еще одно лицо на картинкѣ.

Можетъ быть это лицо, наравнѣ со старикомъ воздѣвшимъ руки къ Аллаху, готово повторить: «Итъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ пророкъ его»... Но не будемъ говорить объ этомъ лицѣ. Замѣтимъ только что онъ есть не болѣе, какъ жертва политическихъ заблужденій.

Россия можетъ по справедливости гордиться тѣмъ, что ея безкорыстная политика въ восточномъ вопросѣ настоящаго времени пробрала, наконецъ, броню недоверія самого англій-

скаго народа и нашла такой сочувственный отголосокъ въ средѣ націи, для возбужденія которой противъ Россіи не жалѣли никакихъ средствъ. Этотъ сочувственный отголосокъ оказался до такой степени силенъ, что даже бывшій первый министръ Англій, Гладстонъ, и главнѣйшія органы англійской печати прямо говорятъ, что Англія должна отказаться отъ заблужденія, въ которое она попала, благодаря ошибочной политикѣ Дизраэли.

САКСОНСКИЙ САДЪ ВЪ ВАРШАВѢ И ЕГО ИСТОРИЯ.

Съ тѣхъ поръ какъ научныя изслѣдованія доказали что сады и паркы, кромѣ украшенія, служатъ еще по выраженію одного гигиениста, и магазинами чистаго воздуха оказывая при томъ самое благотворное вліяніе на климатическія условія городовъ— всѣ западныя магистраты и даже многія наши думы стали съ особеннымъ усердіемъ заботиться о сохраненіи существующей растительности и устройствѣ новыхъ бульваровъ и скверовъ на всѣхъ свободныхъ городскихъ мѣстахъ.

Но врядъ ли тщательность ухода за городской растительностью, врядъ ли привязанность горожанъ къ своимъ садамъ и садикамъ развито гдѣ либо больше чѣмъ въ Варшавѣ, которая дѣйствительно можетъ гордиться роскошными деревьями своихъ парковъ и въ особенности великолѣпными ландшафтами Саксонскаго сада.

Липы эти садилъ польскій король и вмѣстѣ съ тѣмъ саксонскій курфирерь Августъ Сильный—основатель саксонскаго сада (1721—1724) и дворца.

На мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время Варшавяне наслаждаются тѣнистою прохладой старинныхъ аллей стоятъ нѣкогда монастырь Бонифратровъ, и нѣсколько десятковъ домовъ и домиковъ въ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ и закоулкахъ. Августъ Сильный купилъ всѣ эти зданія отстроилъ монастырь на другомъ мѣстѣ и сломавъ всѣ постройки, очистилъ площадь, гдѣ и былъ устроенъ нынѣшній саксонскій садъ.

Со стороны Жобіей улицы въ садъ вели большія желѣзные ворота съ толстыми каменными столбами, на вершинѣ которыхъ красовались двѣ исполніскія каменные же короны: одна королевская—польская, другая курфиретовская—саксонская. Согласно вкусу эпохи, вездѣ были разсажены стриженные деревья въ видѣ шпалеръ и вереница цвѣтниковъ, а на каждомъ перекрѣсткѣ разставлены были мнѣологическія или аллегорическія изваянія, часть ихъ сохранилась до сихъ поръ. Со стороны Краковскаго предместья воздвигнутъ былъ королевскій саксонскій дворецъ. Устроивъ его по своему вкусу съ необыкновенной роскошью, онъ очень часто въ немъ жила въ время пріѣздовъ своихъ изъ Дрездена.

Въ этомъ дворцѣ и саду, среди разгульной жизни короля, не мало разыгрывалось драмъ и комедій. Здѣсь жила его фаворитка, извѣстная своей красотой, турчанка Фатима, взятая въ плѣнъ поляками подѣ Вѣной при Янѣ III Собескомъ. Король выдалъ ее впоследствии замужъ за полковника саксонскій арміи Шингеля, а сыну ея далъ титулъ графа Рutowскаго.

Влюбившись въ княгиню Любомірскую, король старался устраивать для нея самыя разнообразныя увеселенія; съ этой цѣлью въ саксонскомъ саду былъ устроенъ великолѣпный театръ, вмѣстѣ съ Франціи актеры, и придворный оркестръ изъ Дрездена. Балы, карусели и катанье по Вислѣ и ея берегамъ непрерывно устраивались одинъ за другимъ. Но княгиня хотя и охотно принимала участіе во всѣхъ этихъ праздникахъ и увеселеніяхъ, дѣлаемыхъ въ ея честь, но не платила королю взаимностью за его пылкую страсть. Привыкшій къ легкимъ побѣдамъ, король чувствовалъ въ глубинѣ души бѣшенство и терялъ съ каждымъ днемъ терпѣніе: княгиня оставалась непреклонной.

Случай открылъ ему ея любовь, таившуюся подѣ наружнымъ равнодушіемъ.

Въ карусельныхъ состязаніяхъ и въ турнирахъ король былъ всегда первымъ и очень любилъ это развлеченіе, для котораго въ саксонскомъ же саду была устроена особая площадка.

Изъ Турціи къ этому времени были приведены дикія необъезженныя лошади и въ день, назначенный для карусель, король приказалъ осѣдлать одну изъ нихъ для себя, на другой же выѣхалъ приближенный къ особѣ короля придворный по фамиліи—Фихтомъ. Во время бѣга лошадь короля понеслась вскачь и, неожиданно кинувшись въ бокъ, сбросила съ сѣды своего сѣдока. Увидѣвъ это, княгиня упала въ обморокъ; король, обливаясь кровью, спѣшилъ къ ней на помощь. Приведенная въ чувство, княгиня вскрикиваетъ, открывъ глаза.

— Ахъ, Ваше Величество, вы живы, и я вижу васъ!

Слова эти выдали ея тайныя чувства и съ тѣхъ поръ княгиня сдѣлалась преданной подругой красиваго короля. Она поселилась въ саксонскомъ дворцѣ а потомъ переѣхала въ Дрезденъ, гдѣ и жила подѣ фамиліей княгини Тоненъ. Не долго однако она пользовалась любовью непостояннаго короля. Король забылъ ее и увлекся молодой супругой графа Гойма, извѣстной впоследствии подѣ именемъ прелестной графини Розель. Красота ея произвела такое сильное впечатлѣніе на лег-

комысленнаго Августа, что онъ сдѣлался послушнымъ и вѣрнымъ рабомъ красавицы-графини и по выраженію современной рукописи: «Вся Саксонія и Польша были подѣ ея башмакомъ въ теченіи девяти лѣтъ».

Король долго напрасно добивался ея милости, и гордая красавица тогда только согласилась отвѣчать взаимностью на его любовь, когда король обѣщался жениться на ней послѣ смерти королевы и обязался уплачивать ей ежегодно по стутысячъ талеровъ и признавать дѣтей, прижитыхъ съ ней, своими законными дѣтьми.

При содѣйствіи короля бракъ графини съ мужемъ былъ расторгнутъ и за симъ, пріѣхавъ вмѣстѣ съ королемъ въ Варшаву, графиня по примѣру прежнихъ любимицъ короля, поселилась въ Саксонскомъ дворцѣ. Но не много прошло времени, какъ она должна была уступить свое мѣсто счастливой соперницѣ, Генріетѣ Дюваль, дочери французскаго виноградолюбца, которую король, впрочемъ тоже потомъ и въ очень скоромъ времени замѣнилъ новой фавориткой.

Прошло много лѣтъ со времени основанія саксонскаго дворца, и сынъ короля отъ первой его обитательницы турчанки Фатимы,—графъ Рutowскій, успѣлъ уже вырости и возмужать, и король назначилъ его командиромъ кавалерійскаго полка. Графъ случайно какъ то узналъ, что дочь французки Генріеты находится въ крайне бѣдномъ положеніи, сжался надѣ единокровной сестрой своей и взялъ ее къ себѣ на воспитаніе.

Однажды послѣ смотра полка гр. Рutowскаго, король весьма довольный выдержкой солдатъ, весело разговаривалъ съ полковникомъ, гуляя по саксонскому саду. Полковникъ среди разговора сказалъ королю, что у него есть молоденькая дѣвочка, которая владѣетъ шпагой и саблей столь же искусно, какъ самыя старыя его солдаты. Король выразилъ желаніе видѣть эту амазонку, и молодая сестра графа, одѣтая въ блестящій мужской мундиръ, предстала предѣ королемъ.

Красивая дѣвушка была поразительно похожа на свою мать, и король призналъ ее за свою дочь. Восхищенный ея ловкостью и умѣніемъ владѣть оружіемъ, онъ обсыпалъ ее богатствами и построилъ для нея у саксонскаго сада Голубой дворецъ, а черезъ нѣсколько времени затѣмъ выдалъ замужъ за Карла-Людвига Герцога Гольштинскаго. До замужества молодая дѣвушка, по имени Анна, носила титулъ графини Ожельской.

Въ главномъ архивѣ Царства Польскаго сохранилась дарственная записка объ этомъ Голубомъ дворцѣ; въ ней между прочимъ говорится: «Мы Августъ II Божіей милостью король Польскій и пр. руководимые особенной отеческой любовью къ любезной дочери нашей, графинѣ Аннѣ Ожельской и желая оказать помощь ея удобствамъ и пользѣ, постановили: Голубой дворецъ со всѣми принадлежностями дать, подарить и на вѣчное время ей въ полную собственность предназначить».

Выйдя замужъ, графиня Ожельская продала этотъ дворецъ своему царственному отцу, провадѣвъ имъ всего четыре года. Кунчая крѣпость хранится въ томъ же архивѣ.

Сынъ и пріемникъ Августа Сильнаго, Августъ III, очень любилъ Саксонскій Садъ. Въ немъ онъ гулялъ ежедневно и забавлялся стрѣльбой въ собранныхъ со всей Варшавы собакъ, которыхъ подгоняли къ специально для этой цѣли построенной въ саду бесѣдкѣ.

Садъ оставался собственностью Саксонской династіи до 1514 года. Послѣ занятія прусскими войсками города Варшавы, садъ, посредствомъ мѣны, былъ приобретенъ въ собственность прусскаго государства.

Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, любимымъ мѣстомъ beau-mond'a былъ садъ гр. Красинскихъ; Саксонскій въ это время былъ забытъ и мало посѣщался. Но за симъ, когда городъ сталъ обстраиваться и населеніе его увеличилось, садъ гр. Красинскихъ вновь началъ уступать первенство Саксонскому, который варшавяне стали все больше и больше посѣщать и теперь любятъ его и заботятся о его сохраненіи до того ревностно, что сломать тамъ вѣтку или сорвать цвѣтокъ считается чуть не святотатствомъ.

Существуетъ даже особая садовая коммисія изъ нѣсколькихъ именитыхъ гражданъ, подѣ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ магистрата, цѣль которой заботиться объ охраненіи и развитіи всѣхъ варшавскихъ садовъ вообще и саксонскаго въ особенности.

Садъ дѣйствительно заслуживаетъ того, чтобы его оберегала специальная коммисія. Тѣнистыя аллеи, старыя деревья, роскош-

ныя лужайки, ароматъ цвѣтовъ и чудное пѣніе соловьевъ манятъ въ этотъ садъ даже жителей отдаленныхъ предмѣстій и щедро награждаютъ ихъ за пройденный путь чистотой воздуха и богатствомъ растительности.

Въ минувшемъ августѣ Его Величество Государь Императоръ изволилъ посѣтить Варшаву въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ: Государя Наслѣдника Цесаревича, Госу-

дарыни Цесаревны, Великихъ Князей Сергія и Павла Александровичей и Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. По случаю прѣзда высокоихъ гостей весь городъ былъ торжественно иллюминированъ, и улицы его, по пути прѣздовъ Высочайшихъ Особъ, были наполнены народомъ.

Помѣщенный въ этомъ номерѣ «Нивы» рисунокъ изображаетъ Саксонскій садъ во время иллюминаціи.

Ваг—іѣ.

Т Р И У М Ф ъ Г А Л А Т Е И.

(Картина Доминикино).

Древніе греки преимущественно прославляли физическую красоту и силу. Она служила для нихъ предметомъ восговѣвъ славы и стремленій къ обладанію ею. Эта красота и сила, составлявшая въ то время народный идеалъ, несомнѣнно должна была служить идеаломъ художественныхъ произведеній. Такимъ образомъ изображеніе стройнаго, соразмѣрнаго во всѣхъ своихъ частяхъ нагого человѣческаго тѣла, какъ прямого выразителя физической красоты, болѣе всего служило предметомъ задачи для художниковъ древности. Такой взглядъ на задачи искусства находимъ потомъ и у итальянцевъ, особенно въ эпоху Возрожденія.

Изображенная здѣсь картина принадлежитъ кисти итальянскаго художника Доминикино. Доминикино, или правильнѣе, Доменикино Зампери, былъ сынъ одного очень бѣднаго болонскаго башмачника. Онъ родился въ 1581 г. Отданный отцомъ своимъ въ живописную школу нѣмцу Кальверту и несочувствующій тому направленію искусства, котораго держался его учитель, Доминикино всячески искалъ случая отдѣлаться отъ своего учителя и перешелъ затѣмъ въ школу тогдашнихъ реформаторовъ живописи Людовика Карачи съ братьями. Здѣсь онъ терпѣлъ много отъ своихъ товарищей, завидовавшихъ его успѣхамъ, и благодаря своей чрезмѣрной скромности лишился часто полученія заказовъ на работы. Въ то время, когда соученикъ его, Гвидо-Рени, блисталъ уже всѣмъ блескомъ своей славы въ Римѣ, обремененный заказами и почестями, скромный Доминикино оставался въ тѣни.

Женившись 39 лѣтъ на 17 лѣтней красавицѣ, Доминикино испилъ полную чашу горести, оскорбленій и полнаго разочарованія въ жизни. По роду своего характера онъ не могъ врагамъ своимъ не только мстить, но даже возражать, и по этой же причинѣ онъ мало довѣрялъ своему таланту, вѣчно просилъ у всѣхъ совѣта; къ несчастію его добродушіе встрѣчало только насмѣшку и злобу. Онъ отдавалъ за безцѣнокъ свои капиталныя произведенія, будучи убѣжденъ, что они никуда не годятся; такъ, напримѣръ, бессмертное «Причащеніе св. Геронима» онъ продалъ за 50 ефимковъ (85 р.). Умеръ Доминикино скоропостижно 14-го января 1641 года. Смерть эта, недостаточно

объясненная и теперь, даетъ поводъ предпологать, что онъ былъ отравленъ врагами, которыхъ онъ всю жизнь опасался и даже изъ опасенія отравы самъ себя готовилъ обѣдъ.

Общее число произведеній Доминикино нельзя съ точностью опредѣлить; извѣстно только, что ихъ число значительно болѣе сотни и разстѣны они по всѣмъ европейскимъ музеямъ. У насъ въ Петербургскомъ Эрмитажѣ картинъ Доминикино 15, кромѣ того есть они въ Зимнемъ Дворцѣ, въ Академіи Художествъ, въ коллекціи герцога Н. М. Лейхтенбергскаго, во дворцѣ Великой Княгини Маріи Николаевны и въ галлерей Шувалова.

Начиная съ XVIII вѣка, когда слава Доминикино была возглашена Пуссеномъ и признана цѣлымъ свѣтомъ, огромное количество гравировъ было занято воспроизведеніемъ рѣзцомъ и иглой ея произведеній. Рисунки Доминикино находятся также во многихъ галлерейхъ. Замѣчательныя произведенія этого рода сохраняются въ Миланѣ, Флоренціи и Парижѣ; въ послѣднемъ находятся двѣ капиталныя его картины, рисованныя краснымъ карандашомъ, а именно: «Епископъ, благословляющій народъ» и «Святая, возносящаяся на небо».

Настоящій рисунокъ изображаетъ «Триумфъ Галатеи». Галатея была одна изъ nereидъ, любимая Полифемомъ и Асиромъ, она предпочла молодого и прекраснаго пастуха безобразному Циклопу. Оскорбленный этимъ преимуществомъ, Полифемъ сбросилъ на Асира скалу и раздавилъ его. Галатея въ горести кинулась въ море и тамъ соединилась съ своими сестрами, Нереидами (Иліада, 18. Энеида 9). Доминикино намъ рисуетъ Галатею на раковинахъ, везомую по морю дельфинами; одной рукой Галатея придерживаетъ драпировку, въ видѣ вѣнца раскинутую надъ нею. Крылатые шалуны амурь окружаютъ ее, одни изъ нихъ запутываются въ драпировку, другіе сидятъ на дельфинахъ; одинъ колетъ дельфина стрѣлою, другой пріютился на колѣняхъ Галатеи. Тритонъ сопутствуетъ Галатей и трубитъ побѣду. Круглые личики амуровъ такъ привлекательны и милы, а молодое тѣло Галатеи такъ красиво въ своихъ очертаніяхъ. Картина эта составляетъ собственность г. Агуадо и находится въ Парижѣ.

П И Г М Е И Д Р Е В Н И Х ъ,

найденные во внутренней Африкѣ.

(По поводу открытій д-ра Швейнфурта въ экваторіальной Африкѣ*).

Въ географическихъ сочиненіяхъ древнихъ находимъ одну черту, общую всѣмъ имъ: тамъ, гдѣ кончаются точныя свѣдѣнія, полученные изслѣдованіями, о которыхъ память еще не успѣла изгладиться, начинается область баснословныхъ извѣстій, которыя съ перваго взгляда не представляютъ ничего такого, чтò могло-бы доставить матеріалъ серіозному изысканію. Мы узнаемъ, что на окраинахъ обитаемой земли начинается область чудснаго: здѣсь живутъ пигмеи, люди безъ рта, съ ушами, доходящими до колѣнъ, съ собачьими головами и другими уродствами. Такія извѣстія уже въ древности мало возбуждали довѣрія. Въ тѣ времена достовѣрность ихъ провѣрить было трудно, а еще труднѣе отдѣлать въ нихъ истину отъ баснословнаго, и потому многіе безусловно отвергали все, чтò имѣло хотя малѣйшій признакъ необыкновеннаго и незнакомаго. Такимъ образомъ, отвергнуто было много такого, чтò въ сущности имѣло основаніемъ истину и уже позднѣе облеклось въ личину басни, когда точное извѣстіе все болѣе и болѣе забывалось и переходило въ область смутныхъ преданій. Лишь немногіе ученые древности рѣ-

шались поддерживать достовѣрность нѣкоторыхъ повидимому баснословныхъ извѣстій; большинство же писателей приводило ихъ въ своихъ сочиненіяхъ, какъ курьезы и какъ-бы въ оправданіе себя, когда они не могли сказать ничего точнаго о какой-либо странѣ. Этими преданіями нерѣдко пользовались поэты и украшали ихъ новыми фантастическими подробностями. Благодаря этому, баснословная географія со всѣми ея чудесными образами дошла до насъ въ томъ-же видѣ, какъ существовала въ древности.

Схоластическое направленіе средневѣковой учености, не затруднявшейся ничѣмъ, чтò встрѣчалось у древнихъ писателей, не замедлило принять на вѣру все необыкновенное, чтò передала ей древность. Элементъ чудснаго легъ въ основаніе средневѣковой географіи и развился въ ней еще болѣе подъ влияніемъ востока. Эпоха великихъ открытій, нанеся рѣшительный ударъ старому схоластическому направленію и уничтожившая авторитетъ древнихъ географовъ, не могла однако искоренить кое-какихъ преданій о чудесномъ, которыя продолжали жить, а пробѣлы въ землевѣдѣніи все еще пополнялись изъ древнихъ источниковъ.

Серіозная разработка географическаго матеріала, наслѣдованнаго нами отъ древняго міра, началась только съ прошлаго столѣтія, когда землевѣдѣніе сдѣлало уже

*) The Heart of Africa, three years travels and adventures in the unexplored regions of central Africa by Dr G. Schweinfurth. 2. vol. London. 1874. — Это же сочиненіе вышло на нѣмецкомъ языкѣ и готовится къ печати на французскомъ.

Враги христіанства (уличныя сцены въ Турціи). Рис. Н. Карзинъ, грав. Боярскій.

значительные успехи. Но и тогда, не смотря на проникаемость и ученость таких личностей, как д'Анвилль, Госселень, Маннерт и др., они не в состоянии были объяснить некоторых темных мест в географии древних. Только теперь, когда пробьлы в наших географических познаниях быстро исполняются, благодаря новым изслѣдованіямъ, мы получили право толковать то, что прежде оставалось непонятнымъ. Мы можемъ проникнуть и въ баснословную часть древняго землѣвѣдѣнія, ища въ ней слѣдовъ истины, въ чемъ поможетъ намъ современная наука.

Одно изъ любопытнѣйшихъ преданій, встрѣчаемыхъ въ географіи древнихъ, есть преданіе о существованіи расы карликовъ или пигмеевъ. Преданіе это весьма древнее и встрѣчается уже у Гомера въ III-ей пѣснѣ Иліады (ст. 8), гдѣ говорится:

Крикъ таковъ журавлей раздается подь небомъ высокимъ,
Если, избѣгнувъ и зимнихъ бурь и дождей безконечныхъ,
Съ крикомъ, стадами летятъ чрезъ быстрый потокъ Океана,
Бранью грозя и убійствомъ мужамъ малорослымъ пигмеямъ,
Съ яростью страшной на коняхъ съ воздушныхъ высотъ нападаютъ.

По этому отрывку нельзя еще заключить, гдѣ именно во времена Гомера полагали мѣсто обитанія пигмеевъ*). Преданіе о нихъ столь же распространено было какъ въ Азіи, такъ и въ Африкѣ. У Геродота имени пигмеевъ мы не встрѣчаемъ, но за то находимъ въ его исторіи весьма интересное и важное указаніе на маленький народъ, обитающій близъ верховьевъ Нила, который долженъ быть тождественъ съ пигмеями**). Мы займемся ниже подробнымъ разборомъ этого указанія Геродота, теперь же прослѣдимъ все то, что говорится о пигмеяхъ у другихъ древнихъ писателей. Аристотель, одинъ изъ научныхъ авторитетовъ древности, утверждаетъ, что существованіе пигмеевъ не есть басня, и это свидѣтельство для насъ весьма важно. Плиніи, рассказывая, что на окраинахъ Эѳіопіи обитаютъ люди, немѣющиеся рта, другіе — съ собачьими головами и т. д. и объясняя эти уродства вліяніемъ сильнаго жара въ тѣхъ странахъ, прибавляетъ: „нѣкоторые рассказываютъ также о народѣ пигмеевъ, обитающихъ между болотами, изъ которыхъ беретъ начало Ниль“***). Отдѣльно отъ этого африканскаго племени пигмеевъ у древнихъ упоминается другое, схожее съ ними племя въ Индіи, описанное Ктезіемъ и упомянутое Мегасѣеномъ и Даймахомъ, посланниками Селевка Никатора при дворѣ индійскаго царя Сандрокотта. Впрочемъ, къ рассказамъ этихъ послѣднихъ относились съ недоувѣріемъ. Страбонъ, считая существованіе пигмеевъ мифомъ и отвергая, какъ басни, рассказы Мегасѣена и Даймаха, — въ то-же время говоритъ о существованіи малорослаго племени въ Эѳіопіи, которое, по его мнѣнію, могло дать поводъ баснѣ о пигмеяхъ. Наконецъ, одинъ только Мела, повидимому безъ всякаго основанія, помѣстилъ пигмеевъ внутри Аравіи, приводя о нихъ только легенду, упомянутую въ Иліадѣ и ничего болѣе****). Вотъ, въ краткихъ чертахъ все, что мы узнаемъ о пигмеяхъ изъ сочиненій древнихъ писателей. Отсюда можемъ вывести слѣдующее: 1) Древніе знали два совершенно различныхъ племени пигмеевъ, изъ которыхъ одно обитало въ Индіи и описано подробно у Ктезія, а другое населяло часть внутренней Эѳіопіи у верховьевъ Нила, и упомянуто у Геродота, Плинія, Страбона и др. 2) Кромѣ легенды о

борьбѣ пигмеевъ съ журавлями, которая встрѣчается у поэтовъ, все остальное, что находимъ у древнихъ писателей объ этомъ племени, не представляетъ ничего неправдоподобнаго и скорѣе можетъ свидѣтельствовать о дѣйствительномъ ихъ существованіи.

Изъ словъ Ктезія и Геродота мы можемъ составить слѣдующее описаніе типовъ азиатскихъ и африканскихъ пигмеевъ.

Азиатскіе пигмеи, жившіе среди Индіи, были чернаго цвѣта, говорили на томъ-же языкѣ, какъ и индійцы и отличались весьма малымъ ростомъ: самые высокіе между ними не превышали двухъ локтей, обыкновенный же ростъ ихъ былъ 1½ локтя. Волосы у нихъ были весьма длинны и спускались ниже колѣнъ; они имѣли весьма большую бороду. Когда она отросла, то они переставали пользоваться одеждою, такъ-какъ борода и волосы замѣняли имъ ее. Они были плосконосы и некрасивы. Вотъ ихъ существенные признаки по описанію Ктезія*). Malte-Brun, Voehr и другіе ученые допускаютъ, что подобная раса существовала, а можетъ быть существуетъ и донынѣ въ Индіи.

Въ Китаѣ мнѣніе о существованіи племени карликовъ весьма распространено.

Но перейдемъ къ африканскимъ пигмеямъ, которые составляютъ главный предметъ нашей статьи. Геродотъ описываетъ этихъ послѣднихъ маленькими людьми ниже средняго роста**) и чернаго цвѣта. Новѣйшія изслѣдованія во внутренней Африкѣ и въ особенности недавнее путешествіе д-ра Швейнфурта бросили новый свѣтъ на этнографію этого материка и тѣмъ самымъ повели къ болѣе совершенному пониманію нѣкоторыхъ неясныхъ мѣстъ въ древней географіи. Они доказали, что существованіе антропофаговъ и расы пигмеевъ въ экваторіальной Африкѣ не есть басня, какъ думали до тѣхъ поръ.

Еще въ концѣ XVI столѣтія англичанинъ Андрей Баттель (Battel), случайно попавшій заложникомъ къ дикому племени Гагасовъ, вторгшихся съ сѣвера въ область Конго, и прожившій у нихъ нѣсколько лѣтъ, увѣрялъ, что въ разстояніи 8-ми дней къ сѣверо-востоку отъ границы Лоанго обитало племя карликовъ, которое онъ называетъ Матимба или Баке-Баке. Ростъ ихъ, говоритъ онъ, не превышаетъ роста 12-ти-лѣтнихъ дѣтей, но зато они весьма плотно сложены. Они живутъ въ своихъ лѣсахъ, гдѣ съ большею ловкостью охотятся на слоновъ, клыками которыхъ платятъ дань своему властелину, живущему въ разстояніи нѣсколькихъ дней къ востоку. Жены этихъ карликовъ охотятся на большихъ обезьянъ, которыхъ убиваютъ отравленными стрѣлами***).

Malte-Brun обращаетъ особое вниманіе на имя Баке-Баке, кажущееся ему тождественнымъ съ именемъ Ваку-Ваку или Уакъ-Уакъ, которое арабскіе географы Едризиды и Масуди даютъ странѣ, занимающей часть центральной Африки. Тѣмъ не менѣе, онъ отвергаетъ существованіе вышеописанной расы****).

Въ нашѣмъ столѣтіи, еще до открытій Швейнфурта, нѣкоторые путешественники узнавали по слухамъ о существованіи въ Африкѣ расы карликовъ. Сначала такими пигмеями считали негрское племя Докко, обитающее къ югу отъ Абиссиніи. Путешественникъ д'Абади, слышавшій о карликахъ Докко, имѣлъ наконецъ случай видѣть нѣсколько представителей этого племени во время своей экспедиціи въ 1843 году. Онъ описываетъ ихъ людьми небольшого роста, особенно при сра-

*) По объясненію Страбона (I, 2) Гомеръ говоритъ здѣсь о пигмеяхъ вообще, какъ африканскихъ, такъ и азиатскихъ.

***) Herodot. II. 32.

****) Plin. H. N. VI. 35; также у Solin. c. 30.

Pithirik (Egypt, the Soudan and Central Africa. London. 1861. p. 376) слышалъ отъ негровъ рассказы, весьма схожіе съ тѣми, что рассказываетъ Плиніи о чудовищныхъ народахъ. Поводъ такихъ извѣстій могъ дать обычай нѣкоторыхъ племенъ обезображивать себя мягкія части лица.

*****) Strab. I, 2, §§ 28, 30 35; II, 1, § 9; XV, 1, § 57.—Mela. de situ orbis l. III cap. 8.

*) Ctesiae reliquiae ed. C. Muller.

***) I. c. Μεγρίων ἀνδρῶν ἐλάδδονας.

*****) V. Purchas. Pilgrimage l. VIII; Histoire générale des voyages. IV. 601; Voyages aux sources du Sénégal et de la Gambie par Mollien. t. I. p. 219.

*****) Malte-Brun. Histoire de la Géographie. p. 107; Géographie—universelle. ed. Hust. t. V. p. 682.

вненіи ихъ съ другими негрскими племенами, но отнюдь не заслуживающими наименованія карликовъ. Это свидѣтельство опять разсѣяло все предположенія о пигмеяхъ Докко, хотя въ 1848 году д-ръ Крафтъ, путешествовавшій въ странѣ Узамбара (близъ о-ва Занзибара), привелъ новое свидѣтельство о существованіи такой расы *). Одинъ туземецъ, служившій ему проводникомъ, сообщилъ ему, что въ странѣ Узери (племени Джагга) обитаетъ маленькій народъ, носящій ими Убилкимо и имѣющій росту не болѣе 3 1/2—4 фута. Эти карлики носятъ длинные волосы, падающіе имъ на плечи; они, по увѣренію очевидца, приходили въ страну Узамбара съ сѣверо-запада, вымѣнивая стеклянные издѣлія на желѣзо.

Всѣхъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ было однако недостаточно, чтобы доказать несомнѣнное существованіе пигмеевъ: все это были одни слухи, и никто изъ современныхъ путешественниковъ не могъ подтвердить ихъ, какъ очевидецъ. Наконецъ, это важное этнографическое открытіе выпало на долю ученаго путешественника Швейнфурта.

Швейнфуртъ первый рѣшился уклониться отъ пути, по которому проникали въ экваторіальную Африку Спикъ, Бэкеръ и другіе изслѣдователи источниковъ Нила, и избралъ болѣе западное направленіе, оставая на востокъ Бѣлый Ниль и Гондокоро. Именно по этому направленію долженъ былъ слѣдовать тотъ, кто желалъ бы

провѣрить указанія древнихъ на пигмеевъ, обитавшихъ между болотами, среди которыхъ беретъ начало Ниль, т. е. Бахръ-ель-Абиадъ, и его притоки. Слѣдуя по этому направленію, Швейнфуртъ прошелъ страну племени Динка и посѣтилъ живущіе нѣсколько восточнѣе по теченію рѣки Намъ-Роль земледѣльческія племена Діуръ, Бонго и Митту. Проживъ у Бонго довольно долго, онъ въ Январѣ 1870 года нашелъ случай посѣтить племя Нямъ-Нямъ, представляющее совершенно своеобразный типъ среди другихъ африканскихъ племенъ. Къ югу отъ нихъ онъ нашелъ племя Момбутту, гдѣ господствуетъ открытый каннибализмъ. Среди этого послѣдняго племени Швейнфуртъ встрѣтился, наконецъ, лицомъ къ лицу съ представителями расы пигмеевъ, существованію которой онъ самъ до тѣхъ поръ плохо вѣрилъ, хотя еще раньше слыхалъ о ней отъ своихъ пубійскихъ проводниковъ. Они рассказывали ему, что къ югу отъ Нямъ-нямъ живутъ люди весьма малаго роста, у которыхъ борода доходитъ до колѣнъ; что эти карлики весьма ловко и незамѣтно подползаютъ подъ слоновъ и пронзаютъ ихъ своими косями. Кромѣ того, ему говорили, что карлики эти въ качествѣ шутовъ живутъ у нѣкоторыхъ князей племени Нямъ-Нямъ. Вскорѣ сомнѣнія его на этотъ счетъ разсѣялись. Заимствуемъ у Швейнфурта подробности о первой встрѣчѣ его съ народомъ карликовъ *).

(Продолженіе будетъ).

ТУРЕЦКІЕ ГЕНЕРАЛЫ,

Абдуль-Керимъ-паша, генералиссимусъ турецкихъ войскъ и бывшій военный министръ. Послѣдній постъ занималъ онъ со времени вступленія на престолъ Мурада V, которое, согласно общими, хотя и напраснымъ ожиданіямъ, должно было привести къ новому государственному строю. Керимъ-паша, семидесяти-лѣтній старикъ Онъ представляетъ собою типъ чистокровнаго турка. Онъ получилъ военное образованіе въ Вѣнѣ.

Во время крымской компаніи, когда англичане и французы воевали противъ Россіи за независимость и неприкосновенность Оттоманской имперіи, Абдуль-Керимъ начальствовалъ въ Анатоліи, набиралъ рекрутъ, организовалъ войска, которые могли оказаться необходимыми въ томъ случаѣ, еслибы война продолжилась еще нѣкоторое время. Здѣсь онъ настолько отличился своимъ усердіемъ, дѣятельностью и ловкостью, что былъ назначенъ военнымъ министромъ, по смерти Али-паши.

Наканунѣ послѣднихъ важныхъ событій, обратившихъ на Турцію вниманіе всей Европы, Абдуль-Керимъ былъ главнокомандующимъ 2-го корпуса арміи, стоявшей въ Шумлѣ. Онъ оставилъ этотъ постъ, чтобы принять въ свое вѣдѣніе военное министерство. Абдуль-Керимъ прошелъ все военные чины одинъ за другимъ.

Въ настоящее время онъ командуетъ арміею, находящеюся на лѣвомъ берегу Моравы, между Делиградомъ и Алексинцемъ и подъ его - то именно начальствомъ турки совершаютъ теперь свои безчеловѣчныя жестокости надъ христіанскимъ населеніемъ Сербіи.

Дервишъ-паша, командующій войскомъ на сторонѣ Босны, долго находился подъ начальствомъ Омержъ-паши и слѣдовалъ за нимъ въ его послѣднемъ походѣ въ Черногорію. Дервишъ принималъ участіе въ Крымской компаніи гдѣ, само собой разумѣется, не разъ бывалъ битъ, ибо кто же не знаетъ, что турокъ всегда и вездѣ бьютъ, а если имъ иногда удается одержать побѣду—то только благодаря какой-либо случайности или необычайно численному превосходству.

Дервишъ-паша особенно извѣстенъ какъ правитель Босніи, гдѣ населеніе было доведено до отчаянія варварскимъ судопроизводствомъ и безчеловѣчными налогами. Большая часть его служебной карьеры прошла въ этой провинціи. Слѣдовательно, главная вина угнетенія боснійскихъ христіанъ падаетъ на него, какъ правителя Босніи.

Мухтаръ-паша постоянно служилъ въ главномъ штабѣ. Онъ долго состоялъ въ чинѣ подполковника при военной школѣ въ Константинополѣ и преподавалъ тамъ астрономію и фортификацію. Отсюда отправился онъ въ Черногорію, гдѣ ему было поручено слѣдить за точнымъ и вѣрнымъ размежеваніемъ границъ. Затѣмъ мы встрѣчаемъ его въ Геджаѣ въ Моккѣ съ 1-мъ армейскимъ корпусомъ. Въ качествѣ начальника главнаго штаба онъ находился подъ командой Гамедъ-Эюбъ-паши, занятаго тогда укрощеніемъ непокорнаго арабскаго населенія. Такого рода внутренніе смуты, какъ всемъ извѣстно, представляютъ постоянное явленіе въ Оттоманской имперіи, управленіе которой давно уже заслуживаетъ полнѣйшаго осужденія со стороны каждаго честнаго человека Эюбъ-паша вскорѣ послѣ того оставилъ свою должность по болѣзни, и Мухтаръ-паша долженъ былъ взять на себя дѣло умиротворенія края Онъ оставался два года въ Аравіи и ко времени его возвращенія въ Константинополь, въ 1871 г., въ провинціи Мока не оставалось и слѣда возстанія, т. е., говоря другими словами, онъ сумѣлъ задушить недовольство страны, сумѣлъ, вѣроятно, на стѣсняясь перевѣшать и перерѣзать нѣсколько тысячъ душъ, подобно тому, какъ это дѣлалось и дѣлается теперь въ Болгаріи и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда проникаютъ достойныя презрѣнія и пролѣтія турецкія орды. Засимъ Мухтаръ былъ посланъ въ Требинье, крѣпость, имѣющую значеніе первой важности, такъ какъ она обезсичиваетъ владычество турокъ въ этой мѣстности. О дѣятельности его здѣсь противъ герцеговинцевъ, конечно, говорить нечего: извѣстно всемъ, что онъ въ теченіи почти цѣлаго года съ ними дрался и ни разу не одержалъ побѣды.

Абди-паша, бывшій черкесскій предводитель, долго воевалъ на Кавказѣ во времена Шамиля. Въ Крымскую кампанію онъ отстаивалъ Карсъ вмѣстѣ съ Омержъ-пашой. Абди-паша переселился на Босфоръ съ той поры, какъ Шамилъ положилъ оружіе и сдался русскимъ. Переселившіеся сюда черкесы считаютъ его своимъ естественнымъ главой и повелителемъ. Слѣдовательно злодѣянія, совершаемыя черкесами и башки-бузками въ христіанскихъ поселеніяхъ доущены были этимъ лицомъ.

Да свершится надъ нимъ и надъ остальными турецкими генералами справедливый судъ Божій за все то зло, которое они принесли и до сихъ поръ приносятъ христіанскому населенію Турціи.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ ту минуту, какъ мы пишемъ эти строки, уже извѣстно изъ телеграммъ, что Порта сообщила посланникамъ шести великихъ державъ свой отвѣтъ на тождественную ноту, полученную ею

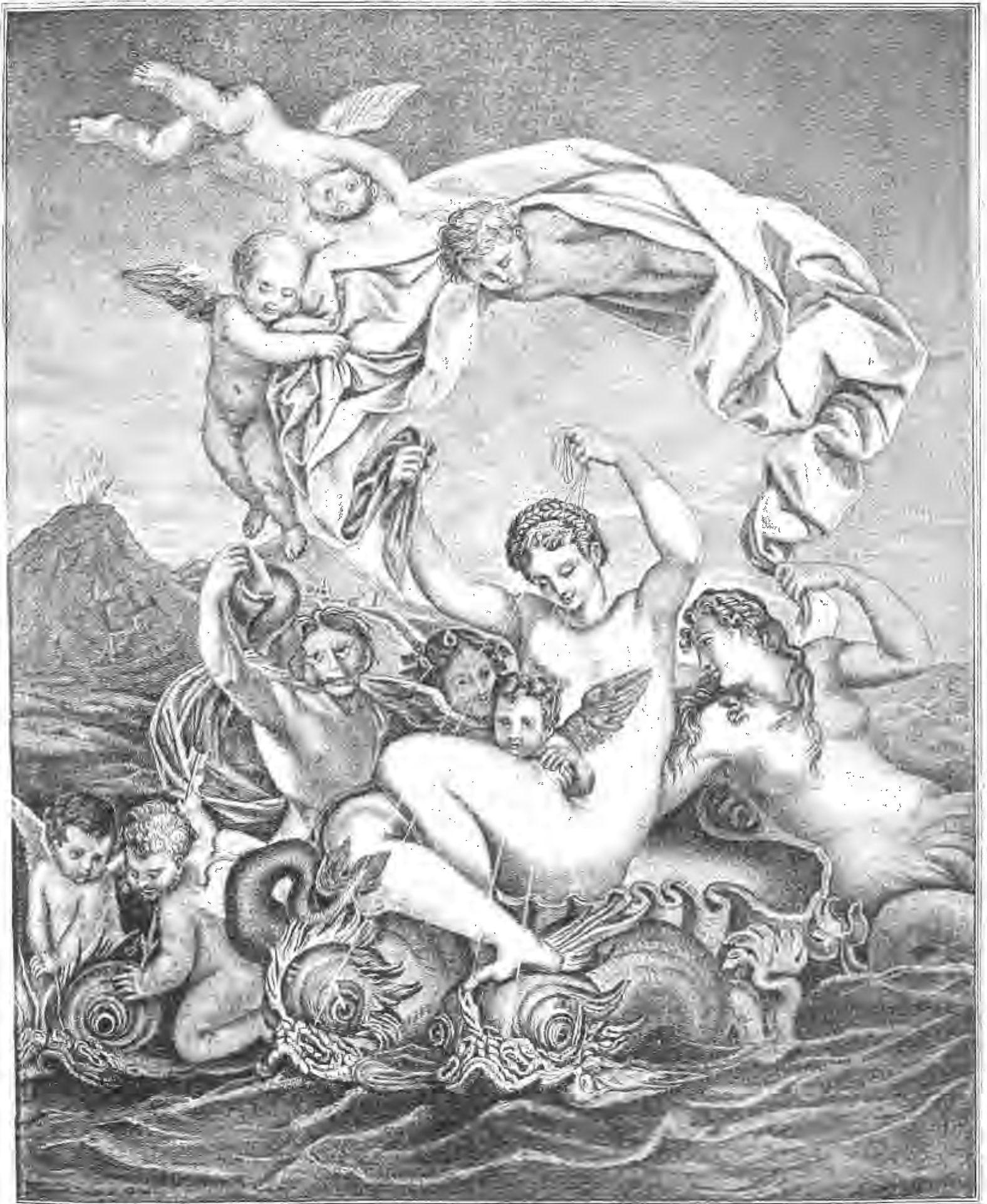
* Dr. Kraft. Voyage.—Petherik (I. c.) видѣлъ въ Суданѣ одного бывалаго негра, который разсказалъ ему, что на югѣ встрѣтилъ народъ карликовъ съ весьма длинными ушами.

отъ каждаго посланника въ отдѣльности. Порты объявляетъ перемиріе невозможнымъ, но готова принять миръ, основанный на слѣдующихъ шести пунктахъ: а) занятіе сербскихъ крѣпостей, которыя турки занимали до 1857 г.; б) разрушеніе крѣпостей, построенныхъ Сербіей послѣ 1857 г.; в) назначеніе Ми-

* The heart of Africa etc.

Саксонский садъ въ Варшавѣ. Рц. и грав. Гораздовскій.

Триумфъ Галатеи. Картина Доменикино, грав. Мазатсо.

лана княземъ зависить отъ Константинополя; d) сокращение дѣйствующей сербской арміи до 10,000 человекъ и *три* батарей; e) постройка турецкой желѣзной дороги черезъ Сербію; и f) уплата Сербіей Турціи военныхъ издержекъ. Не правда ли, такихъ условий мира не предлагалъ кичившійся побѣдою древній Римъ своему сопернику Каролену? Но тамъ, по крайней мѣрѣ, если не силы, то моральное право соперничества было почти абсолютно равное съ обѣихъ сторонъ. Два государства терять не могли другъ друга, и ктонибудь изъ нихъ долженъ былъ уничтожить другое, обоямъ имъ на землѣ не было мѣста. Въ примѣненіи къ Турціи высококомѣрные предположенія мира болѣе чѣмъ комичны. И эти условия должны составлять, по вашему крайнему убѣжденію, пробный камень долготерпѣнія или равнодушія великихъ европейскихъ державъ. И дѣйствительно, въ телеграммѣ изъ Землина, напечатанной на слѣдующій же день послѣ обнародованія телеграммы, извѣщавшей о «турецкихъ» условіяхъ мира, сообщается, что державы-поручительницы выставили слѣдующія предложенія, при которыхъ долженъ состояться миръ: а) Сербія безусловно должна остаться неприкосновенною въ Status quo ante bellum, а для возставшихъ провинцій будетъ найденъ modus vivendi, *который предоставитъ бы христіанамъ возможность существованія, соответствующую ч. логическому достоинству.* (Подчеркиваемъ эти слова, потому что ими исчерпывается почти все содержаніе благопріятныхъ результатовъ для борющихся славянъ). Въ этомъ вопросѣ сербское правительство не имѣетъ рѣшающаго слова. Объ извѣстномъ «Vae victis» со стороны Турціи стало быть не можетъ быть и рѣчи. Хорошъ уже и этотъ результатъ, хотя разумеется съ точки зрѣнія «справедливости и возмездія» онъ далеко не удовлетворителенъ. Гдѣ же возмездіе за тѣ десятки тысячъ австрійскихъ убитыхъ болгаръ, болѣею частью безоружныхъ, беззащитныхъ, дѣтей, женщинъ?.. Изъ-за какогонибудь португальскаго жиды, Донъ-Пачиоко, (англійскаго подданнаго) англійскій флотъ съ 1850 г. обстрѣливалъ берега Греціи до тѣхъ поръ, пока она не удовольствовалась упомянутого жиды, за поврежденіе его дома во время народныхъ смутъ въ Греціи!.. Сопоставьте этотъ недавній историческій фактъ съ славянскимъ дѣломъ — и вы увидите, *чего, же по аналогіи, вправѣ требовать, въ смыслѣ справедливости славяне!*, И славяне, т. е. ихъ воюющая часть весьма хорошо сознаютъ это. Въ Бѣлградѣ всѣ единодушно говорятъ, что даже «Status quo ante bellum» нисколько не искупаютъ всѣхъ убитыхъ, да и не дасть прочнаго мира». Телеграмма отъ 3 (15) сентября сообщаетъ, что сербское правительство рѣшило сдѣлать всѣ необходимые приготовления для продолженія войны до послѣдней крайности. Полковнику Беккеру поручается организовать резервы, дѣлаются приготовления для выпуска государственныхъ кредитныхъ билетовъ, отъ одного до ста динаровъ и т. д., т. е. — энергія войны не на животовъ а на смерть. Кто смѣетъ отказать этимъ борцамъ въ нравственномъ величій ихъ борьбы, въ ея трагизмъ?..

Ни кто, разумеется, не откажетъ. Общественное мнѣніе всей Европы, прониклось сочувствіемъ къ славянамъ. Въ самой Британіи туркофильствующіе софизмы въ родѣ софизмовъ Дизраэли, замолкли. На сцену выступилъ мощный голосъ Гладстона, рѣчь котораго, недавно произнесенная имъ въ Блекгилѣ, въ общемъ мнѣніи, заключаемъ до 12,000 человекъ, принадлежить можетъ быть, къ величайшимъ въ моральномъ смыслѣ, событіямъ нашихъ дней. И всѣ патетическія мѣста ея покрыты громомъ рукоплесканій 12,000 народа. Всѣмъ честнымъ людямъ не зараженнымъ туркофильствомъ, какъ тѣнь Банко, представляется Болгарія, измученная, истерзанная, истекающая кровью, и просящая объ отмщеніи. Остальныя возмущающія душу картины отступаютъ уже естественно на второй планъ, и Гладстонъ, естественно, сдѣлалъ предметомъ своей рѣчи звѣрства совершеннаго турками именно въ Болгаріи, и этимъ хотя косвенно, но весьма чувствительно кольнулъ политику теперешняго викария Виконсфилда.

Въ этомъ смыслѣ, честный, негодующій Гладстонъ сказалъ въ своей рѣчи весьма много оригинальнаго и вѣрнаго. Благодаря энергіи своего негодованія на порядокъ вещей, созданный политикою Дизраэли, онъ часто измѣнялъ въ своей рѣчи объективному спокойствію государственнаго человека. Онъ, между прочимъ, выдѣлилъ турокъ, какъ кровожадныхъ варваровъ, изъ общаго понятія о мусульманахъ, бесспорно внесшихъ свой вкладъ въ общечеловѣческую цивилизацію. Онъ замѣтилъ, что возвышенный поэтической аравитянинъ завѣщалъ Европѣ нѣсколько великихъ идей, свою архитектуру, поэзію и другіе элементы цивилизаціи, и что даже современный индеецъ-мусульманинъ благодаренъ и великодушенъ; турки же, это отребье ислама, всегда были дикими звѣрями, съ ними всегда шли рядомъ пожары, безчеловѣчья убійства и опустошенія. Этимъ неожиданнымъ нападеніемъ — потому что съ этой стороны еще никто не нападалъ на турколюбие — Гладстонъ нанесъ страшное пораженіе той «формѣ туркофильства, которая соединена съ идеализаціей турокъ. Вотъ что значитъ смотрѣть на дѣло «зрячими очами» и безъ фальшиваго, скользящаго какъ угорь, промытаго въ семи водахъ еврейскаго остроумія Дизраэли.

Относительно общей политики своей страны, по отношению къ восточному вопросу, Гладстонъ полагаетъ, что теперешнія

обстоятельства требуютъ скорѣйшаго созванія парламента. Буржуазная англійская «Times» думаетъ, что изъ турецкихъ мирныхъ условий можно принять только *пятый* пунктъ, касающійся проведенія желѣзныхъ дорогъ черезъ Сербію (!?). Легкое, подумаешь, дѣло — и почему же этотъ пунктъ легче и удобнѣе для сербовъ, чѣмъ занятіе ихъ крѣпостей турецкими войскомъ?

Мы думаемъ, что участіе въ переговорахъ нашего посла въ Константинополь, генерала Игнатѣва, повліяетъ на исходъ ихъ благотворнѣе и согласнѣе съ истинными интересами христіанскихъ подданныхъ Порты. Не въ томъ дѣло — принять или не принять какой либо пунктъ, а нужны ли вообще всѣ эти пункты, согласны ли они съ достоинствомъ самихъ держав-поручительницъ?

Послѣднія извѣстія съ театра войны слѣдующія: Главныя военныя операціи турокъ, послѣ нѣкоторыхъ уже извѣстныхъ успѣховъ при Княжевицѣ, направлены были за это время на то, чтобы прорваться черезъ Мораву. Они упорно старались проложить себѣ путь черезъ эту рѣку, въ пунктѣ между Алексинцемъ и Делиградомъ, около деревни Бобовиште. Суммируемъ вкратцѣ рядъ происшедшихъ здѣсь сраженій. Бой начашійся 30-го августа (11-го сентября), упорно продолжался до половины слѣдующаго дня, не прерываясь даже ночью. Сраженіе обнимало всю линію отъ Вукарна до Нижняго Адрица, въ Моравской долиинѣ. У Бобовиште турки безпрерывно старались навести мостъ, но вездѣ были отражены. При этомъ особенно отличились черногорцы, предводимые храбрымъ сенаторомъ Маша Врбицей, мнимая смерть котораго произвела столько волненій. Оказалось, однакожъ, что Врбца только легко раненъ въ ногу. Хорватовичъ, по распоряженію генерала Черниева, направленъ былъ, съ отдѣльнымъ отрядомъ, отъ Делиграда на Джунише, Каоникъ и дошелъ до Шелеговца, гдѣ, ударивъ туркамъ въ тылъ, оттѣснилъ ихъ до Кормака. На другой день послѣ этой упорной и счастливой битвы, сербы удачно навели мостъ черезъ Мораву, ниже Катуня. Горячее нападеніе на Турокъ произошло у Бужимира. Послѣ этого, съ пяти часовъ утра до поздняго вечера, по всей линіи, отъ Туніана до Бобовиште продолжался упорный бой съ турками. Турки оттѣснены до ихъ артиллерійскихъ позицій, на три версты отъ берега Моравы. Турки покинули также Зайчаръ, оставивъ за собою только редутъ Великаго Извора. Османъ-паша сбѣгъ съ позицій.

Нельзя сказать, чтобы оставленіе Зайчара — радостное извѣстіе для сербовъ. Армія Османъ-паши, дѣйствовавшая у Зайчара, пошла на усиленіе арміи Керима-паши, дѣйствующей въ Моравской долиинѣ. Долгое время старанія турокъ прорваться въ долину Моравы у селенія Бобовиште были безуспѣшны. 4 (16-го) сентября турки двинулись къ селенію Гредетину, на Людакъ, приоткъ Моравы, верстахъ въ 10 къ западу отъ Алексинаца, но здѣсь отражены сербами. Отъ того же числа телеграммы сообщали, что въ Сербіи военномъ министерствѣ получено извѣстіе о *большой* битвѣ у Алексинаца и Делиграда. Большая часть турецкой арміи, говорятъ, окружена, и что турки потерпѣли значительное пораженіе. Свърните, между Чупріей и Парачинимъ, сербы начали устранивать линію траншементовъ.

На Дринѣ характеръ военныхъ дѣйствій измѣняется. Назначенный вмѣсто Алимпича главнокомандующимъ Дринскою арміей, Узунъ Мирковичъ, уже началъ дѣлать успѣхи: онъ отбросилъ турокъ на ту сторону Дрины и взялъ обратно два шанца у Малаго Зворника, покинутые сербами 2-го сентября. Съ другой стороны, турецкая армія, стоящая у Бѣлины, покинула свои позиціи, какъ говорятъ, изъ стратегическихъ соображеній.

Баши-бузуки, по обыкновенію, продолжаютъ неистовствовать. Этотъ родъ войска становится опаснымъ даже для самой Турціи. Такъ въ Босніи, въ Сераевѣ, баши-бузуки взбунтовались и ихъ должны были перевести, при помощи солдатъ, въ Вишеградъ.

По послѣднимъ донесеніямъ Хорватовича генералу Черняеву, Княжевацъ страшно опустошенъ. Варварство здѣсь достигло ужасающихъ размѣровъ. Вездѣ гниютъ трупы. Заражена вода и воздухъ. Запахъ отъ труповъ вездѣ такъ силенъ, что Хорватовичъ долженъ былъ тотчасъ же увести войска дальше.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Нѣжинъ, В. Ф. П.** — му. Ваше «подражаніе Пушкину», по меньшей мѣрѣ, непритязательно. Не говоря уже о безцеремонномъ обращеніи съ правилами стихосложенія, самая мысль стихотворенія достойна порицанія. Если даже вы коверкали стихи Пушкина съ дѣлюю обличенія пьяницъ, то и это не въ какомъ случаѣ не уменьшаетъ вашей вины предъ великимъ поетомъ. Прочтите и не разъ прочтите то стихотвореніе, которое вы такъ изказали, вдумайтесь въ его глубокой смыслъ, и вамъ будетъ самымъ обидно читать эти строки:

«И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ трактирѣ-ли или на улицѣ въ бою,
Гдѣ преогромная дубина
Разможетъ голову мою».

Остальные стихи, какъ надпримѣръ:

«На заборъ пѣтухъ залетѣвши,
Крыльцо хлосая, кричатъ...»

Или: Парикмахеръ въ волосахъ
Не оставилъ слѣдъ искусства ..

можно напечатать только какъ образецъ неумѣйна правильно и понятно выражаться на родномъ языкѣ.

2) **Москва, по Садовой, д. Армянскаго.** Ко — му. Предложеніе ваше принять не можемъ, потому что статья въ 16—18 листовъ для «Нивы» очень велика.

2-й заемъ 1866 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

21-й тиражъ 1-го Сентября 1876 г

На основаніи Высочайше утвержденнаго 14 февраля 1866 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займъ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го сентября 1876 года Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1866 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
27	37	500	4382	29	500	8654	26	500	13493	5	500	15828	26	500
45	40	500	4568	34	500	8847	1	5000	13703	31	500	15871	33	500
66	19	5000	4579	49	500	8889	12	500	13835	1	10000	15908	10	500
74	18	500	4698	4	500	8945	47	500	13903	29	500	15975	46	500
119	44	500	4906	14	500	8975	2	500	13936	1	1000	15980	11	500
199	48	500	4915	10	500	9254	27	500	13957	5	500	16043	14	500
393	10	500	4947	7	500	9273	24	500	14148	38	500	16051	41	500
558	22	500	4985	42	5000	9364	10	500	14190	16	500	16114	27	500
618	2	10000	5127	11	500	9408	19	500	14262	13	1000	16118	23	500
640	37	1000	5191	2	500	9456	26	500	14337	34	500	16123	39	500
732	4	500	5199	21	500	9475	40	500	14535	4	8000	16138	46	500
745	27	500	5246	28	500	9523	3	500	14668	31	500	16153	37	500
748	16	500	5345	31	500	9554	32	500	14786	48	8000	16215	22	500
803	47	500	5364	17	500	9597	16	500	14932	42	500	16266	25	500
862	17	500	5371	48	500	9729	7	500	15081	32	500	16393	45	500
935	41	500	5442	41	500	9755	41	500	15103	23	500	16509	42	500
955	17	8000	5476	33	500	9860	49	500	15165	30	500	16531	48	500
1003	34	500	5498	44	500	9886	46	500	15291	50	500	16579	46	500
1063	25	500	5525	31	500	9894	33	500	15315	28	10000	16605	7	500
1068	29	200000	5562	21	500	9919	20	500	15320	10	500	16706	5	500
1202	36	500	5577	3	5000	10101	25	500	15346	49	500	16909	42	8000
1262	3	500	5676	43	500	10132	46	500	15349	4	500	16974	3	500
1267	2	500	5933	44	1000	10165	47	500	15363	17	500	16975	18	1000
1298	19	500	6072	22	500	10201	35	500	15388	27	500	16987	31	500
1302	32	500	6093	12	500	10277	14	1000	15457	49	500	17227	23	500
1321	11	5000	6131	44	500	10460	23	25000	15539	11	500	17234	14	500
1391	44	500	6134	50	500	10467	4	500	15557	48	500	17247	12	500
1400	39	500	6173	38	500	10510	44	500	15575	47	500	17359	30	500
1502	48	500	6173	41	500	10625	24	500	15577	36	500	17408	36	500
1580	28	500	6187	48	500	10791	19	500	15581	43	500	17411	43	500
1583	23	500	6241	15	500	10963	10	500	15594	41	1000	17477	19	500
1662	15	500	6412	21	5000	10970	45	500	15610	29	500	17532	24	500
1685	5	500	6421	42	500	11024	27	500	15683	31	500	17533	43	500
1758	1	500	6436	38	500	11086	14	500	15708	14	500	17547	26	500
1810	25	500	6488	22	500	11117	1	500						
1832	23	500	6521	31	500	11125	1	500						
1885	33	5000	6527	35	500	11176	22	500						
1947	49	500	6529	3	500	11207	7	500						
2043	21	500	6594	10	500	11263	19	500						
2066	2	500	6687	43	500	11620	50	500						
2080	15	500	6887	34	500	11704	7	500						
2097	1	500	6900	19	500	11729	8	500						
2166	45	500	6911	3	500	11753	30	500						
2216	45	500	7054	33	500	11928	27	500						
2305	28	500	7060	15	500	11876	29	500						
2423	26	500	7121	26	500	11983	13	500						
2426	3	500	7124	37	500	11985	31	500						
2619	29	500	7311	48	1000	11996	23	500						
2625	25	500	7322	15	500	12062	13	500						
2725	22	500	7352	21	500	12183	15	500						
2752	48	10000	7442	44	500	12196	36	500						
2967	37	500	7581	35	500	12203	41	1000						
3103	42	500	7628	50	500	12235	22	500						
3308	7	500	7673	41	500	12278	26	500						
3132	36	500	7745	17	500	12456	7	40000						
3199	48	500	7821	15	1000	12489	35	500						
3264	46	1000	7868	37	500	12548	18	500						
3318	50	500	7879	22	500	12614	10	500						
3342	45	500	7891	18	500	12625	21	10000						
3344	23	500	7964	1	500	12665	8	500						
3377	20	500	8151	15	500	12842	23	500						
3398	28	500	8163	46	500	13034	50	500						
3534	18	500	8185	41	500	13080	48	500						
4000	9	500	8236	33	1000	13099	26	500						
4159	14	500	8260	46	500	13139	28	500						
4269	14	500	8407	46	500	13256	32	500						

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкъ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го декабря 1876 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го внутреннаго 5% съ выигрышами займа 1866 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка, 1-го сентября 1876 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

17, 86, 106, 127, 1083, 1353, 2516, 2609, 2696, 2831, 3204, 3483, 3582, 3669, 3832, 3853, 4419, 4943, 5019, 5077, 6330, 6466, 6741, 7090, 7302, 7582, 8358, 8361, 8881, 9726, 10302, 10374, 11409, 12435, 13117, 13226, 13404, 14183, 14234, 14254, 14789, 15328, 15905, 16027, 16411, 16530, 16579, 16869, 17167, 17335, 17712, 17973, 18480, 19430.

Всего 54 серій, составляющія 2,500 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го декабря 1876 г. въ Государственномъ Банкъ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

6-го Сентября 1876 г.

	Поку- пателя.	Про- дажи.	Про- дажи.	Поку- пателя.	Про- дажи.	Про- дажи.
АКЦІИ.						
5% заемъ съ выигр.						
1-го выпуска . . .	194	194 ¹ / ₂	193,194 ¹ / ₂	125 р. Гл. Общ. Росс. Зѣл. Дорогъ. . .	168 ¹ / ₂	169
2-го выпуска . . .	190	190 ¹ / ₂	190 ¹ / ₂	100 » Рижско-Динаб. . .	—	128
5% банк. б. 1 вып.	99	99 ¹ / ₂	99 ¹ / ₂ , 99	100 » Моск.-Вазанск. . .	—	303
» » 2 »	98 ⁷ / ₈	99 ¹ / ₈	99 ³ / ₈	125 » Орловско-Вит. . .	—	131
5% обл. Сиб. Гор.	88 ¹ / ₂	88 ¹ / ₂	88 ¹ / ₂	16 ф. с. Вит.-Динаб. . .	—	132
Кред. Общ. . .	88 ¹ / ₂	88 ¹ / ₂	88 ¹ / ₂	100 р. Рыб.-Болог. . .	—	89 ¹ / ₂
5% облигации Моск.	86	86 ¹ / ₂	—	100 » Тамб.-Козлов. . .	—	—
Гор. Кред. Общ.	86	86 ¹ / ₂	—	125 » Моск.-Брест. . .	113 ¹ / ₂	114

ТУРЕЦКІЕ ГЕНЕРАЛЫ.

Абдуль-Киримъ-паша.

Мухтаръ-Паша.

Дервишъ-паша.

Абди-паша, начальникъ черкесовъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Контора журнала „Нива“ считаетъ долгомъ предупредить гг. полугодовыхъ подписчиковъ журнала, что назначенная, въ 1876 году, въ премию олеографическая картина „СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА“ будетъ выдана только гг. годовымъ подписчикамъ, а потому и просить гг. подписавшихся на вторую половину года и желающихъ получить названную премию (стоющую въ отдѣльной продажѣ 4 рубля), подписаться на первое полугодіе; причемъ Контора журнала имѣетъ честь заявить, что подписавшіеся на первую половину года получаютъ всѣ №№ журнала съ № 1-го. Желающіе должны ускорить высылку подписной

суммы, слѣдующей за первую половину года, такъ какъ картина „Спящая красавица“ будетъ разослана гг. годовымъ подписчикамъ въ октябрѣ мѣсяцѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Делиградскія укрѣпленія (съ рисункомъ).—Обнинки (Воспоминанія изъ южно-русской жизни). (Окочаніе). Полонскій Папычъ.—Алексинаць (съ двумя рисунками).—Мѣсто битвы при Мраморѣ (съ рисункомъ).—Филипполовъ (съ рисункомъ).—Враги христіанства (уличные типы въ Турціи (съ рисункомъ).—Сансонскій садъ въ Варшавѣ и его исторія (съ рисункомъ). Б г-кій.—Триумфъ Галатей (Картина Доминиккино) (съ рисункомъ).—Пигмен древнихъ, найденные во внутренней Африкѣ. Ю. А.—Турецкіе генералы (съ 4-мя портретами).—Политическое обозрѣніе.—Почтовый ящикъ.—Трагъя вънградской Государственной Банки.—С. Петербургская биржа.—Отъ издателя.—Объявленія.

Редакторъ Д. Стахѣвъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЕНЦЕЛЬ.
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
 для вскармливанія грудныхъ дѣтей.
Цѣна
Жестянки
85 к.
 безъ пересылки, въсь
 1¼ ф.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отъѣзжаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИМВІИ ИТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННОГО агента моего для всей Россіи.

№ 2. ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веверѣ (Швейцарія). 26—8

2 руб. 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—49

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.
 № 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.
 Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.
 Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.
КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЬ:
 на текущій счетъ 7 9/10%;
 на 3 мѣсяца 7 1/2%;
 на 6 и до 12 мѣсяцевъ 8 1/2%.

Страхуетъ билеты обонхъ внутр. 5% съ вынгр. займовъ по 20 коп., съ иногородныхъ по 30 коп. за билетъ. 10—4

При этомъ № для гг. иногор. подписч. приложено объявленіе отъ чайнаго магазина О. Корещенко въ Москвѣ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 38

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ въ ДВА ЛИСТА съ 4—6 рисунками и ежемѣсяч. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 20 Сентября 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫНРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

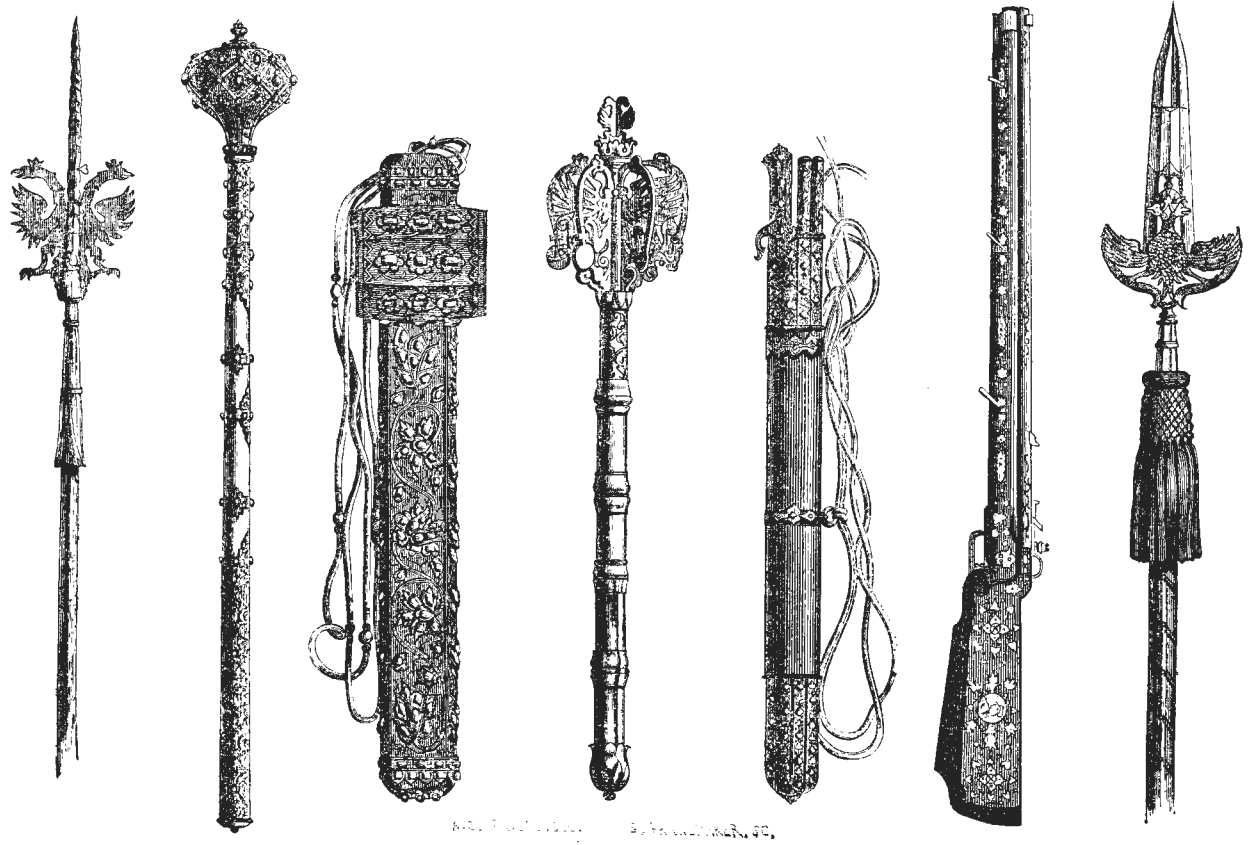
Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Жива-
варевъ 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., доставкою 2 р. 50 к., съ пе-
ресылкою иногороднымъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

СТАРИННОЕ РУССКОЕ ВООРУЖЕНІЕ.

От естрельное оружіе въ Россіи не было въ употребленіи до
временъ В. К. Дмитрія Іоанновича Донского. При нашествіи
Тохтамыша на Москву (въ XIV в.) въ первый разъ упоми-

въ XV вѣкѣ начали появляться ружья самопалы. Иностран-
ные писатели XVI вѣка, и между ними въ особенности Гер-
берштейнъ, говорятъ, что оружіемъ русскаго воина въ это вре-

1) Протозань. 2) Булава. 3) Саадакъ. 4) Шесгоперы. 5) Джидь. 6) Самопаль. 7) Бердышъ.

Старинное русское вооруженіе. Рис. Кофино, грав. Паннемакеръ.

наются ружья, т. е. по тогдашнему *тюфенки*, съ турецкаго, такъ
какъ ружье по-турецки «тю-фенкъ»; а также говорится и
о *большахъ пущалахъ*, т. е. пушкахъ, которыми защищались
осажденные.

мя были: лукъ, стрѣлы, сѣкеры, *кистень* (железный шаръ на
упругой рукояти), длинный *кинжалъ*, сабля, копьё и *пищаль*
(длинное ружье, изъ котораго стрѣляли, ставя его на подстав-
ки). Знатнѣйшіе воины имѣли кольчуги, латы, нагрудники,

шлемы. Другой, позднѣйшій иностранный писатель, посѣщавшій Россію, именно Маржеретъ, говоритъ, что многіе воины русскіе вооружены тогда были худо; только пѣхота имѣла пищали; но, по истинѣ, этотъ огнестрѣльный снарядъ у Москвитовъ, говоритъ Маржеретъ, не уступаетъ лучшему въ Европѣ.

При царяхъ съ 1612 года все войско русское дѣлилось на конницу, пѣхоту и *нарядъ*, т. е. артиллерію. Конницу составляли дворяне, боярскія дѣти, новокрещенные (татары, принявшіе православіе, мурзы (дворяне) и князья татарскіе, казаки (какъ городовые, набранные изъ вольнаго нетягелнаго люда, такъ и обязанные временною службою царю конники съ Дона, Волги, Яика, Терека, Двѣпра, Урала и пр.), рейгеры и драгуны (иноземные ратники-кавалеристы) и наконецъ *даточные люди*, т. е. избираемые на время войнъ съ тяглыми, а иногда и нетяглыми посадскими и крестьянскими дворами разныхъ вѣдомствъ. Конница вооружена была: легкими пищальми, пистолетами, карабинами, *саидакками* и саблями. Пѣхоту составляли: стрѣльцы, собственно *солдаты* (получившіе образование военнаго нѣмецкаго строя и вообще ратной науки отъ иноземныхъ наемныхъ офицеровъ), пѣшіе городовые казаки, пѣшіе достаточные люди и вольные охочіе люди. Оружіе у «солдатъ» было казенное: оно состояло изъ мушкетовъ, пикъ, шпагъ и бердышей. Для нихъ сочиненъ былъ еще при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ воинскій уставъ, изданный въ 1647 году подъ заглавіемъ: *Ученіе и хитрость ратнаго стрелнаго пѣхотныхъ людей*.

Часть артиллерійская, или, попрежнему, *нарядъ*, уже въ XVII вѣкѣ состояла изъ нѣсколько сотъ пушекъ, которыя раздѣлялись на *верхнія* и *верховаыя*, а «нарядныя» или артиллерійскія пищали были: *впстовыя* и *затичныя*, *долія*, *полторныя* и *короткія*. Сверхъ того, большія пищали носили различныя имена, напр. *веръ*, *стрѣла*, *волокъ*, *асиласъ* и т. д. И теперь еще сохранилась въ Кремлѣ огромная пищаль *единорогъ* и другія древнія орудія. Артиллерійскія орудія у насъ были мѣдныя и желѣзныя; одни изъ нихъ дѣлались у насъ въ Москвѣ и Великомъ Устюгѣ, а другія привозились изъ Голландіи, и потому въ употребленіи были извѣстны подъ именемъ голландскихъ. Артиллерія дѣлилась: на *крьпостную*, которая имѣлась во всѣхъ городахъ, особенно въ пограничныхъ, на *осадную*, которая находилась въ обозѣ, при дѣйствующемъ войскѣ, для осады городовъ, и *полковую*, размѣщенную по пѣхотнымъ полкамъ. Артиллерійскія орудія и весь снарядъ въ военное время возили на *посошныхъ* лошадяхъ, т. е. на обывательскихъ подводахъ, которыя на случай войны, брались съ поселянъ *сошныхъ* вмѣстѣ съ другими повинностями, а иногда—и на наемныхъ подводахъ.

Въ вооруженіи оборонительномъ первое мѣсто занимали *брони* или *доспѣхи*, какъ главное прикрытіе воина. Они назывались: *панцирь*, *кольчуга*, *байдаръ*, *бахтерскъ* (все кольчуги изъ металлическихъ колець), *калантаръ*, *юшманъ*, *куякъ*, *зерцало* (доспѣхи изъ крупныхъ металлическихъ дощечекъ, плотно скрѣпленныхъ между ремнями и пряжками, съ внутренней стороны); *латы*—доспѣхъ подобный нынѣшнимъ кирасамъ. Въ Россіи латы весьма мало и рѣдко употреблялись; ихъ замѣняли *тишляи*. Дѣлались тишляи изъ сукна, а также изъ другихъ шерстяныхъ или бумажныхъ матерій; онъ толсто подбивался хлопчатой бумагою (иногда пенькою), иногда съ прибавленіемъ панцирныхъ или кольчужныхъ обрывковъ, и былъ насквозь про-

стеганъ. Въ такомъ видѣ тишляи были почти столь же надежною защитою, какъ и металлическій доспѣхъ.

Холодное оружіе составляли: *ослоны* или *паллицы*, *мечи* (въ родѣ короткаго палаша), *сабли* татарской формы, *кончары*—трехъ или четвертхгранныя шпаги, *тесаки* (короткіе мечи), *ножи* (*подсайдачные*, носимые съ боку около меча, и *засапожные* или *засапожники*, вкладывавшіяся въ правое голеннище сапога), *кинжалы*, *копья* (пики нынѣшнія), *сулицы* (дротики), *джиды* (съ арабскаго джиртда). Джиды состояли изъ трехъ или болѣе сулицъ, которыя вкладывались въ гнѣздо ноженъ, имѣвшихъ металлическое устье, обойницы и наконечникъ. Джидъ привѣшивался къ поясу, у лѣваго бока, и иногда, въ одномъ изъ гнѣздъ, имѣлъ длинный ножъ или тесакъ (рис. № 5); *кидени* (короткія гнущіяся эластическія палки съ свинцовою тяжестью на одномъ концѣ и темлякомъ на другомъ), *рогатины*, *совни*, *бердыши* (№ 7 нашихъ рисунковъ), *топоры* и *топорники*, *чеканы* (металлическій молотъ съ заостреніемъ у задней стороны и насаженный на топорницъ съ наконечникомъ, въ видѣ конейнаго жаба), *шестоперы* (черень съ металлическимъ наконечникомъ на одномъ и съ такими же шестью перьями глухими или прорѣзными на другомъ концѣ; на нашемъ рисункѣ № 4). Оружіе, подобное шестоперу, только съ большимъ числомъ перьевъ былъ *персачъ* или *быдыгачъ*. Еще къ числу тогдашняго холоднаго оружія принадлежали: *булава* (рис. № 2). Впрочемъ оружіе это служило скорѣе всего знакомъ воеводы, въ родѣ нынѣшняго фельдмаршальскаго жезла. Далѣе, на нашемъ рисункѣ подъ № 3, изображено то оружіе конныхъ воиновъ, которое называлось *саадакъ* или *саадакъ*, т. е. лукъ съ его принадлежностями и португусею. У людей богатыхъ саадакъ снаружи обтягивался атласомъ, бархатомъ, парчею и украшался шитьемъ и каменьями. На походѣ, когда не было опасности отъ неприятелей, для сбереженія стрѣлы отъ вліянія сырости и отъ безпрепятстваннаго ихъ между собою тренія, на весь саадакъ надѣвался сверху кожаный или иной чахолъ, съ круглымъ верхомъ или «кругомъ». Чахолъ этотъ завязывался внизу колчана и назывался *тохтуй*. У знатныхъ и у государей тохтуи эти дѣлались предпочтительно изъ атласа съ серебрянымъ и золотымъ шитьемъ и съ украшеніями изъ жемчуга и каменьевъ. Въ домашнемъ быту богатые саадаки съ столь же богатыми тохтуями сохранялись подъ покрывалами или «покрывами», которые также бывали высокой цѣны. Выраженіе: «снять тохтуи съ нашихъ саадаковъ»—значило собираться на войну.

Оружіе, изображенное подъ № 1, было преимущественно употребляемое «почетною стражею», т. е. дворцовыми гвардейцами тѣлохранителями.

Самопалъ или *ручница* (№ 6)—огнестрѣльное оружіе подобное пищаль и нынѣшнему ружью. Самопалъ состоялъ изъ желѣзнаго ствола, помощью шуруповъ или обойницъ прикрѣпленнаго къ деревянному станку съ прикладомъ. Отверстіе, чрезъ которое высыпали порохъ, по тогдашнему *земле*, называлось *устьемъ*; часть прилегающая къ устью—*дуломъ*; часть противоположная дулу—*казною*, а средняя между ними—*срединою*. У первоначальныхъ пищалей огонь сообщался пороху чрезъ отверстие на казнѣ, или *запаль* помощью *ошова* съ *фитилемъ*, приводившимся въ движеніе *спускомъ*. Кремней въ то время еще не употребляли.

B—ъ.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть В. С. Соловьева.

Часть первая.

I.

Много было славныхъ и могучихъ вельможъ на Литовской Руси. Каждый горожанинъ, каждый бѣдный землепашецъ съ великимъ почтеніемъ произносилъ имена князей Радзивиловъ, Ходкевичей, Сапѣгъ, Воловичей, Олельковичей-Слущкихъ. Но имя князя Константина Константиновича Острожскаго возбуждало повсюду даже благоговѣніе—всѣ литвины отъ Острога до самой Вильны не иначе называли его какъ *великимъ княземъ*.

Высокъ былъ родъ князей Острожскихъ—они вели его отъ Владиміра Святого; несмѣтно было ихъ богатство, обширны ихъ владѣнія на Волыни, Подоліи, и во всемъ юго-западномъ краѣ. Но не одной славой предковъ, не милліонами червонцевъ, не вотчинными городами, мѣстечками и деревнями сіялъ на всю Литву князь Константинъ Константиновичъ. Отъ своего родителя, знаменитаго великаго гетмана литовскаго, воеводы трокскаго и кастелана виленскаго, князя Кон-

стантина Ивановича, онъ получилъ въ наслѣдье непоколебимую вѣрность церкви православной и народности русской. Крѣпко и бодро отстаивалъ онъ святую вѣру и ея неприкосновенность, на которую со всѣхъ сторонъ поднимались козни вражескія. Тяжелое то было время: протестанство и арианство распространялись въ краѣ и церковь русская теряла не мало своихъ членовъ; ино-вѣрное правительство польское, если еще и не явно враждовало съ нею, то, во всякомъ случаѣ, равнодушно смотрѣло на ея бѣдствія и ничуть не заботилось о ея выгодахъ. Короли, основываясь на своемъ правѣ *подаванья*, жаловали монастыри православные въ управленіе свѣтскимъ людямъ: не мало тяжбъ и сваръ заводили между собою и духовныя лица. А съ запада надвигалась страшная, черная туча—въ Римѣ давно уже зорко слѣдили за Польшей и Литвою, давно уже рѣшили испробовать самыя вѣрныя средства, чтобы окончательно укрѣпить шатающуюся власть папы въ Польшѣ и подчинить той же власти и Литву православную. Сбирали дружину непобѣдимую для завоеванія восточ-

ка, дружину, невидимыя стрѣлы которой были насквозь пропитаны смертельнымъ ядомъ, дружину, созданную адскою силою и святотатственно носящую имя Иисуса...

Въ это-то трудное время приходилось жить и дѣйствовать князю Константину Константиновичу Острожскому. И онъ отдалъ всю жизнь свою на служеніе православію, на поддержаніе его и охраненіе. И все, что въ Литвѣ дорожило отцовскою вѣрой, примыкало къ могучему князю, прибѣгало подъ его защиту, полагалось на него какъ на оплотъ надежный.

Оттого-то его имя и было на устахъ каждаго литвина и произносилось съ благоговѣніемъ.

Князь Константинъ имѣлъ свою резиденцію въ наслѣдственномъ городѣ Острогѣ, построенномъ на берегу рѣки Гаряни. Здѣсь, на возвышенной мѣстности, спускавшейся прямо къ рѣчному берегу, среди благоустроенныхъ садовъ и тѣнистой, вѣковой рощи высился огромный княжескій замокъ—величественное произведеніе итальянскаго зодчества XV вѣка.

У самаго замка, сквозь купы кудрявыхъ деревьевъ, бѣлѣлся главы замковой Богоявленской церкви, щедро изукрашенной благочестивыми владѣльцами и вмѣщавшей подъ своими тяжелыми сводами усыпальницу рода князей Острожскихъ. За церковью начинался длинный рядъ всевозможныхъ, болѣе или менѣе обширныхъ строеній, отдѣленныхъ другъ отъ друга вымощенными каменными плитами дворами—это были помѣщенія для придворныхъ, которыхъ у князя Константина насчитывалось болѣе 2,000 человекъ. Къ задней сторонѣ замка примыкали многочисленныя службы.

Весь замокъ съ принадлежащими къ нему строениями, садами и значительной частью рощи, былъ обнесень высокою, крѣпкою стѣною, дѣлавшею изъ него превосходно защищенную крѣпость. Гарнизонъ и артиллерія замка были настолько значительны, что всегда могли отразить сильное нападеніе. Иначе нельзя было и жить въ то время, когда частная ссора между двумя вельможами давала поводъ ко вторженію одного изъ нихъ во владѣнія другого. Еслибы князь Константинъ почелъ нужнымъ, онъ всегда могъ бы собрать такое войско, съ которымъ можно бы было идти на Краковъ. Ему принадлежало около 300 городовъ и мѣстечекъ, нѣсколько тысячъ деревень и несмѣтное число слободъ, хуторовъ и фольварковъ.

Кромѣ 2,000 человекъ, преимущественно принадлежавшихъ къ дворянскимъ и даже богатымъ и извѣстнымъ фамиліямъ, которые составляли его дворъ, многочисленная шляхта жила его милостями и готова была, по первому знаку, исполнять княжескія приказанья.

За оградой замка начинался самый городъ Острогъ, раскинувшійся на нѣсколько концовъ, довольно тѣсно настроенный деревянными жилищами, пересѣченный улицами, мощеными деревьями. Между городскими зданіями обращала на себя вниманіе школа, выстроенная княземъ Константиномъ, а также его типографія, которою завѣдывалъ бѣжавшій изъ Москвы первый московскій типографъ Иванъ Ѳедоровъ. Въ городѣ шла жизнь, имѣвшая мало общаго съ роскошною жизнью замка; тутъ ютилась небогатая шляхта, многочисленный классъ горожанъ-ремесленниковъ и запуганные, но терпѣливые евреи продѣлывали свои неизмѣнныя во всѣ времена гешефты.

Въ то время, съ котораго начинается нашъ рассказъ, т. е. въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія, князь Константинъ Константиновичъ былъ еще далеко не старъ. Онъ былъ женатъ на дочери Станислава Тарновскаго, кастелана краковскаго и имѣлъ трехъ сыновей: Януша, Константина и Александра. Кромѣ того въ Острожскомъ замкѣ, подъ его родственной охраной, жила вдова его рано умершаго брата, Ильи, княгиня Беата съ единственною дочерью Еленой.

Звонъ колокольный разносился по улицамъ Острога. Всюду замѣчалось необычное движеніе. Народъ въ праздничныхъ одеждахъ собирался кучками и направлялся къ церкви Рождества Богородицы, гдѣ должно было происходить торжественное освященіе только что отстроеннаго придѣла во имя св. равноапостольныхъ Константина и Елены. Придѣлъ этотъ жители Острога соорудили на свои собственные средства и посвящали его святымъ патронамъ князя Острожскаго и его племянницы, въ доказательство всеобщей любви и почтенія къ могучему, великому князю и прекрасной княжнѣ Еленѣ. Живо шла работа, чтобъ поспѣть къ торжественному дню 21-го мая. Епископъ Арсеній за недѣлю уже прибылъ въ городъ. Освященіе должно было совершиться со всевозможнымъ блескомъ. Въ замокъ со всѣхъ сторонъ съѣхались гости—тамъ готовился цѣлый рядъ роскошныхъ празднествъ.

Утро задалось свѣтлое, теплое, безоблачное. Праздничный шумъ города сливался съ ликованиемъ веселой природы, распустившейся во всей красотѣ своей и заливной Острогъ свѣжей, душистой зеленью фруктовыхъ садовъ, густо разросшихся почти у каждаго дома.

На улицахъ становилось все шумнѣе. Народъ со всѣхъ концовъ стекался къ церкви. По дорогѣ къ замку уже расположились пестрые ряды горожанъ, приготовившихся встрѣчать княжескій поѣздъ. Въ рукахъ женщинъ и дѣтей были букеты цвѣтовъ и зелени.

Вся стѣна замка была увѣшана разноцвѣтными коврами и флагами. Ворота стояли настежь. Но поѣздъ еще не показывался.

Въ это время, по заславской дорогѣ, въ городъ въѣзжала блестящая кавальбада, состоявшая изъ девяти всадниковъ. Лихіе, на диво выхоленные кони сверкали легкой, золоченой сбруей, дорогими сѣдлами и яркими шелковыми кистями. Впереди, на ворономъ, лоснившемся и нервно вздрагивавшемъ жеребцѣ, красовался статный молодой человекъ, богатый нарядъ котораго показывалъ литовскаго вельможу, еще не успѣваго или не хотѣвшаго перенять западныхъ моды, царившія въ Краковѣ, при дворѣ Сигизмунда-Августа.

За нимъ слѣдовали, почти въ такихъ же одеждахъ какъ и онъ, розовый, красивый юноша лѣтъ семнадцати и два человекъ среднихъ лѣтъ, изъ которыхъ одинъ отличался значительной толщиною и замѣчательно длинными усами. Далѣе, въ нѣкоторомъ разстояніи, ѣхали пять служителей.

Молодой человекъ обернулся и остановилъ свѣтлые большіе глаза на красномъ, жирномъ лицѣ своего толстаго спутника.

— Эхъ ма, Иванъ Петровичъ, сказала онъ улыбаясь, вижу твое лютое мученіе и чуетъ мое сердце, что ты проклятію предаешь меня чуть ли не съ самыхъ Сорочей.

— Не то, князь; отвѣчала Иванъ Петровичъ густымъ басомъ; мнѣ что—толсть, толсть, а не такіе концы могу отхватывать, а что не дѣло, такъ не дѣло. Ну гдѣ же это видано, чтобъ на такой праздникъ, да еще и на освященіе выѣзжать до восхода солнечнаго и гнать, словно за нами погоня, когда всѣ къ князю Константину за день, да за два съѣзжаются. Мало что-ль хороми у него понастроено...

— Такъ тебѣ небось хотѣлось, чтобъ я такъ, не дождавшись зову и поѣхалъ. Когда гонецъ-то отъ князя прискакалъ? вчера къ вечеру—ну, я и ѣду. А не прислалъ бы гонца, такъ и не поѣхалъ бы.

— И дѣло, вмѣшался въ разговоръ другой всадникъ, такъ и князь, родитель вашъ покойный, вашей милости передъ смертью наказывалъ: крѣпко держись, никому не позволяй наступать себѣ на ногу; будь близко къ князю Острожскому, но и отъ него требуй себѣ почтенія—Сангушки не хуже Радзивилловъ да Острожскихъ. Какъ покойника отца вашего

Вашни и статуи на мосту Карла IV въ Прагѣ (у лѣваго берега Молдавы).

Вашни и статуи на мосту Карла IV въ Прагъ (у праваго берега Молдавы).

князь Константинъ всегда звать почетнаго гонца посылать, такъ и къ сыну его и наслѣднику посылать долженъ.

— Такъ то оно, такъ, согласился Иванъ Петровичъ, да ужь больно жарко понѣ, а въ церкви небось почитай, что до полдня выстоять придется.

Розовый юноша, давно ужь наслаждавшійся комическимъ положеніемъ, въ которое толщина ставила Ивана Петровича, не выдержалъ и разсмѣялся.

Улыбнулся и князь.

— А тебя, пострѣлъ Оедька, и братъ вовсе не слѣдовало, пробасилъ толстякъ, притворяясь разсерженнымъ. И чего это ты, ваша милость, разбаловалъ такъ мальчишку, обратился онъ къ князю.

— Ну, не ворчи, не ворчи, старый, успокоивалъ князь; вѣдь самъ ты, небось, послѣ того какъ Оедя вытащилъ меня совсѣмъ безчувственнаго изъ Сорбчскаго озера, назвалъ его моимъ храбрымъ оруженосцемъ—такъ оруженосецъ-то всюду долженъ слѣдовать за своимъ рыцаремъ, не баловства ради, а охраны.

— Ишь ты, хранильщикъ выискался, неунимался Иванъ Петровичъ;—а поди, приключись что, напади въ дорогѣ лихой человѣкъ, такъ Оедюша нашъ первый, какъ баба, со страху разругаются.

Но такого обиднаго предположенія юноша снести ужь никакъ не могъ. Онъ даже поблѣднѣлъ и гнѣвно сверкнулъ глазами на обидчика.

— У меня только и дума одна, задыхаясь отъ волненія началъ онъ,—какъ бы по настоящему, неизъ подѣ опрокинувшей лодки, а отъ мечей вражескихъ, защитить и спасти моего князя и самому умереть за него, да и не знаю я, кто изъ насъ двухъ, я или Иванъ Петровичъ Галынской съ перепугу захнычетъ...

— Молчи, щенокъ! крикнулъ толстякъ, сердясь уже не на шутку.

— Никакъ вы и взаправду свару затѣяли, оглянулся князь съ недовольнымъ видомъ, нашли время!.. Слышите?..

Гулъ радостнаго народнаго крика раздался близко, за поворотомъ улицы. Иванъ Петровичъ и Оедя замолчали, только злобно взглянули другъ на друга.

Всадники дали шпоры конямъ и красивымъ галопомъ, звеня оружіемъ, поскакали впередъ. Черезъ двѣ минуты они были уже среди толпы народа, при поворотѣ на довольно широкую улицу зеленѣющую далеко раскиданной, свѣжей травой.

Народъ радостно кричалъ, подбрасывая вверхъ шапки. Слѣва гудѣлъ торжественный благовѣсть. Справа, съ пригорка, на которомъ возвышался замокъ, медленно двигался блестящій княжескій поѣздъ.

Лицо князя Сангушки мгновенно преобразилось. Румянецъ залилъ его блѣдныя щеки. Глаза, широко открытые, сияюще какимъ-то блаженнымъ выраженіемъ, остановились не мигая на одной далекой точкѣ. Грудь дышала порывисто и рука нервно и безсознательно сжимала рукоятку осыпанной дорогими камнями, отцовской сабли.

Не вѣликолѣпіе поѣзда поразило молодого князя—это былъ далеко еще не полный парадный поѣздъ Острожскаго, иногда выѣзжавшаго изъ города въ сопровожденіи тысячи провожатыхъ. Онъ даже и не замѣчалъ поѣзда. Онъ не видѣлъ какъ мимо него проскакали передовыя гайдуки, какъ важно проѣхалъ маршалъ двора Острожскаго, сверкая на солнцѣ своимъ золотомъ шитымъ костюмомъ. Онъ не видѣлъ толпу красивыхъ пажей и шляхетской молодежи, среди которой, въ сопровожденіи почетнѣйшихъ гостей, подвигался князь Константинъ Константиновичъ на бѣломъ, словно серебряномъ конѣ. Онъ не слышалъ восторженнаго крика, которымъ народъ привѣтствовалъ своего князя.

Онъ глядѣлъ не отрываясь, все съ тѣмъ же блажен-

нымъ выраженіемъ въ глазахъ... и ближе, ближе становилось то, на что глядѣлъ онъ, и сердце его замирало невольно, и туманилась голова его... За княземъ Константиномъ медленно подвигалась запряженная шестерикомъ, богатая, золоченая, обитая драгоцѣнной парчею колымага. Въ ней помѣщалась княгиня, супруга князя Константина, женщина лѣтъ сорока, съ красивымъ необыкновенно добродушнымъ и ласковымъ лицомъ, а рядомъ съ нею сидѣла молоденькая дѣвушка.

Восторженные крики народа возобновились. Женщины и дѣти бросали свои букеты сирени и другихъ душистыхъ цвѣтовъ. Взгляды всѣхъ были обращены на молодую дѣвушку. „Княжна нѣша! Красавица Гальшка! День красный! Солнышко небесное!“ раздавалось кругомъ съ невольнымъ восторгомъ и благоговѣніемъ.

И этотъ восторгъ, и это благоговѣніе народа были совершенно понятны. Княжна Елена Никитична Острожская (или Гальшка, какъ ее всѣ называли) была необыкновенная, неслыханная красавица. Такая красота родится вѣками, пріобрѣтаетъ себѣ славу, подобно гению и память о ней сохраняется въ исторіи. Такая красота—высочайшій даръ природы—можетъ служить поводомъ и причиной великихъ и часто кровавыхъ событій.

Только вдохновенной фантазіи художника могъ пригрезиться этотъ образъ, совершенное воплощеніе котораго было теперь передъ народною толпою и видѣлось на блестящемъ фонѣ парчевыхъ подушекъ какъ бы окруженное золотымъ сіяніемъ.

Княжнѣ Гальшкѣ только что исполнилось семнадцать лѣтъ; но вотъ уже три года какъ по всей Литвѣ и даже Польшѣ разносилась вѣсть о чудесной красотѣ ея. Не мало людей, разумѣется людей молодыхъ и вольныхъ, нарочно пріѣзжало въ Острогъ, чтобы только взглянуть на нее и потомъ говорить: „я видѣлъ красавицу Гальшку“. Какое же описаніе можетъ дать понятіе объ ея прелести, равно возбуждавшей восторгъ и въ мужчинахъ и въ женщинахъ, и даже въ дѣтяхъ, радостно бросавшихъ цвѣты ей на встрѣчу. Если бы закутать ей голову густымъ покрываломъ, то всякій взглянувъ на эту легкую, безконечно граціозную фигуру, на эти стройные, строго пропорціональные, словно изъ мрамора выточенные члены, не могъ бы усумниться, что это тѣло принадлежитъ безукоризненной красавицѣ, на лицѣ которой не могло быть никакого порока. И точно, здѣсь нельзя было ошибиться—ея небольшая головка, отягченная ниже колѣнъ спадавшими, блѣдно золотистыми и мягкими какъ шелкъ косами, заставила бы даже закоренѣлаго злодѣя выронить ножъ и отступить въ смущеніи и восторгѣ. Большіе, черные, съ длинными рѣсницами глаза казались еще прекраснѣе при свѣтлыхъ волосахъ и необычайно нѣжномъ цвѣтѣ лица. Благородный и строгій профиль смягчался выраженіемъ, которое поражало ясностью душевной чистоты и очевидной на все обращавшейся доброты. Но въ то же время въ этомъ лицѣ было что-то, какая то неуловимая черта, обличавшая присутствіе мысли и воли, а по временамъ, на немъ мелькало отраженіе не то грусти, не то серьезной задумчивости. Однимъ словомъ, поэты того времени говорили про нее, что это была красота, гармонически слившая въ себѣ и божественную прелесть мадонны и земную, обольстительную прелесть классической богини.

Княжна Гальшка на шумныя привѣтствія народа отвѣчала ласковыми, добрыми улыбками, и стыдилась возбуждаемаго ею восторга, и порою смущенно взглядывала на тетку будто желая за нею спрятаться и прося прощенія въ томъ, что она невольно обращаетъ на себя одну всеобщее вниманіе. Но добрая княгиня и сама очевидно гордилась племянницею.

Князь Сангушко едва сдерживалъ свое волненіе и глядѣлъ на Гальшку не отрываясь, какъ очарованный.

Онъ видаль ее и прежде, онъ помнилъ ее еще ребенкомъ; въ послѣднее время ея образъ преслѣдовалъ его всюду и даже не померкъ отъ глубокой, мучительной горести, въ которую повергла молодого человѣка смерть его отца, горячѣ имъ любимаго. Но никогда еще Гальшка не казалась ему такъ безконечно прекрасной. И онъ почувствовалъ, въ первый разъ почувствовалъ совершенно опредѣленно и ясно, что эта чудная красавица, которой всѣ любятъ и которую всѣ прославляютъ, для него гораздо больше, чѣмъ красавица, что она дорога ему, что онъ любить ее, любить больше всего на свѣтѣ...

Ласковая улыбка не сходила съ устъ Гальшки; но глаза ея были скромно полуопущены передъ восхищенной толпою. Она подняла ихъ на мгновение и ея взглядъ встрѣтился съ взглядомъ Сангушки. Что-то быстрое, не то изумленіе, не то радость, мелькнуло въ этихъ глубокихъ глазахъ. Ея щеки вспыхнули румянцемъ... Золоченая колымага прокатилась мимо.

Сангушко тронулъ поводья и шагомъ поѣхалъ за нею, не вѣря себѣ, сомнѣваясь и боязливо поддаваясь новой надеждѣ. Онъ обернулся. Среди безчисленныхъ, окружавшихъ лицъ, его взглядъ упалъ на пораженное, восторженное молодое лицо Оеда, который растерянно глядѣлъ кругомъ и ничего не видѣлъ передъ собою.

— Оеда! крикнулъ князь.

Юноша вздрогнулъ, очнулся и молча поѣхалъ за нимъ смотря по тому же направленію, куда обращались взоры всего народа и горячіе взоры князя.

II.

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, какъ мы уже сказали, былъ однимъ изъ надежнѣйшихъ оплотовъ православія. Его дѣятельность въ этомъ направленіи была неутомима; но и онъ уже съ ужасомъ начиналъ видѣть, что вся его энергія, всѣ его силы далеко недостаточны для веденія усиленной борьбы съ разнородными и могучими врагами.

Хотя въ XVI вѣкѣ православіе было въ Литвѣ господствующей народною религіею; но огромная масса народа только по имени могла считаться христіанами. Не только въ глубинѣ страны, но и въ деревняхъ, находящихся вблизи городовъ и соприкасающихся съ городской жизнью, царили совершенно языческія понятія и вѣрованія, которыя въ теченіе долгихъ вѣковъ оставались неискорененными. Православныхъ церквей было много; но сельское духовенство не имѣло рѣшительно никакого вліянія на свою паству. Идолы и языческія празднества оставались нетронутыми—имъ только даны были христіанскія наименованія. Такъ, на примѣръ, видя въ церкви вербу съ повѣшенной на ней иконой, народъ поклонялся и вербѣ и иконѣ, воображая, что богиня Блинда была превращена въ дерево и именно въ вербу. Къ христіанскимъ праздникамъ примѣнялись всѣ прежніе языческіе обряды, отчасти сохранившіеся и до сихъ поръ; но въ то время имѣвшіе въ глазахъ народа чисто религіозное значеніе. Праздникъ Рождества слился съ праздникомъ *коляды*, Новый Годъ съ языческимъ *шедрымъ вечеромъ*, Крещеніе сопровождалось всевозможными обрядами, остатками культа Святовиту. Христова Пасха была ни что иное какъ празднество *волочинья*. Георгіевъ день справлялся веселыми играми, пѣснями и плясками; въ Троицынъ день завивались вѣнки; въ день Рождества Иоанна Предтечи скакали черезъ огонь; въ день Петра и Павла строились качели. Но этого мало: въ иныхъ мѣстахъ на Троицу, послѣ крестнаго хода, собравшійся въ огромномъ количествѣ народъ, всю ночь завивалъ вѣнки, бросалъ ихъ въ воду и сопровождалъ эти обряды невѣроятными безчинствами.

Солнце и луна, подземныя божества, называвшіеся Баструками, и ихъ владыко Пушайтисъ почитались по

прежнему. Имъ народъ молился, чтобъ они смягчали сердце жестокихъ господъ. Окончаніе жатвы, *дожинки*, праздновались по язычески. Осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, на большой столъ клали сѣно, потомъ постилали его чистою скатертью, ставили, на столъ бочку пива и затѣмъ вводили быка или корову назначенныхъ въ жертву богу оплодотворенія. Всѣ присутствующіе яростно бросались съ дреколѣмъ и оружіемъ на несчастное животное и убивали его до смерти припѣвая: „вотъ тебѣ жертва наша, о богъ земли. Слава тебѣ за сохраненіе жизни нашей въ прошломъ году, защити насъ и въ наступающемъ отъ врага, огня, меча, мороваго повѣтрія!“ Мясо убитаго животнаго тутъ же жарилось и съѣдалось.

Но не съ одними остатками язычества приходилось бороться князю Острожскому и прочимъ ревнителямъ православія. Съ нѣкотораго времени въ высшія сословія, а затѣмъ и въ народъ начинали все больше и больше проникать новыя ученія, идущія съ запада Европы. Соперникомъ князю Константину по вліянію и могуществу былъ Николай Радзивиллъ Черный, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, двоюродный братъ королевы Варвары и одинъ изъ ближайшихъ и вліятельнѣйшихъ совѣтниковъ Сигизмунда-Августа. Радзивиллъ Черный принялъ евангелическо-реформатское исповѣданіе и всѣми мѣрами началъ распространять его по государству. Онъ основалъ кирки въ Вильвѣ, Келецкѣ, Несвижѣ, Оршѣ, Минскѣ, Брестѣ и во многихъ другихъ городахъ, число которыхъ простиралось до 160. Онъ выписывалъ извѣстнѣйшихъ въ то время проповѣдниковъ, и они разъѣзжали всюду и учили народъ. Онъ устроилъ типографію и въ большомъ количествѣ печаталъ духовныя книги. Все, что нуждалось въ покровительствѣ могучаго Радзивила, получало это покровительство съ условіемъ отступить отъ православія или католичества и принять реформатство. Радзивиллу содѣйствовали и другіе вельможи: Сапѣги, Ходкевичи, Кишки, Вишневецкіе, Пацы, Войны и т. д. Король оставался совершенно равнодушнымъ къ этому движенію и будто не замѣчалъ паденія литовскаго православія и польскаго католичества.

Князь Константинъ Острожскій видѣлъ какъ съ каждымъ годомъ отрывались отъ церкви надежнѣйшіе сыны ея, какъ русско-литовскіе вельможи уходили въ станъ вражескій. Его покидали лучшіе друзья и союзники, онъ оставался почти одинъ во главѣ православія—а между тѣмъ годы шли и убавляли въ немъ его крѣпкія силы, энергію кипучей дѣятельности. Внимательно глядя кругомъ себя онъ съ ужасомъ убѣждался, что нѣтъ ему вѣрнаго друга и помощника, что умри онъ сегодня—и съ нимъ вмѣстѣ умретъ, пожалуй, и великое дѣло, которому и отецъ его и онъ самъ посвятили всю жизнь свою. Ревностныхъ православныхъ людей было еще не мало, но всѣ они были безсильны, не имѣли того вліянія и тѣхъ огромныхъ матерьяльныхъ средствъ, которыя требовались въ данныхъ обстоятельствахъ.

Только въ родномъ своемъ Острогѣ онъ поврайней мѣрѣ видѣлъ себя въ средѣ своихъ; здѣсь все вокругъ него дышало православіемъ и благочестіемъ. Съ нескрываемой радостью встрѣтилъ онъ вѣсть о рѣшенной городомъ постройкѣ новаго придѣла во имя св. Константина и Елены—ему были дороги и ревность горожанъ къ вѣрѣ и преданность ему самому и его любимой племянницѣ.

Давно уже не видали князя съ такимъ свѣтлымъ радостнымъ лицомъ какъ во время освященія придѣла. Окруженный блестящей толпою, стоя у клироса на небольшомъ возвышеніи, обитымъ малиновымъ бархатомъ, онъ внимательно слѣдилъ за торжественной службой и часто клалъ земные поклоны. Одѣтъ онъ былъ роскошно, въ свѣтломъ атласномъ кафтанѣ съ блестящею

драгоценными камнями цѣпью на шеѣ—но эта роскошь одежды не была плодомъ его собственной заботливости: онъ такъ одѣлся, потому что такъ одѣлъ его приставленный къ его гардеробу шляхтичъ. Еслибы ему принесли старое платье—онъ надѣлъ бы и его и никогда не замѣтилъ бы этого—онъ никакого вниманія не обращалъ на свою внѣшность. Но его фигура, его лицо были такого рода, что какъ бы онъ ни одѣлся, его нельзя было смѣшать съ толпою. Онъ былъ довольно высокаго роста и полонъ. Вокругъ большого, прекрасной формы лба порѣдѣли и посѣдѣли мягкіе волосы, длинная борода еще больше блестяла сѣдиною; по въ открытыхъ, голубыхъ глазахъ, въ свѣжемъ цвѣтѣ лица и улыбка было много еще жизни, силы и здоровья. Въ счастливыя минуты внутреннего довольства лицо князя поражало откровенной добротой и необыкновенной привлекательностью. Въ минуты гнѣва оно бывало грозно и врядъ ли можно было найти человѣка, который бы не поблѣднѣлъ, встрѣтясь тогда съ его блестящимъ взглядомъ. Всѣ близкіе люди, знавшіе характеръ князя, не могли не уважать его; но къ этому уваженію непременно примѣшивалась большая доля страха. Всѣ знали, что только съ чистой совѣстью и съ разумнымъ словомъ на устахъ можно было смѣло приближаться къ князю, что отъ него можно было ждать справедливости, но ни въ какомъ случаѣ потачки. Онъ уважалъ всякую силу; но разжалобить его слабостью—было очень трудно. Строгий къ себѣ, неуклонно прошедшій серьезную школу нравственнаго самоулучшенія, онъ считалъ себя въ правѣ быть строгимъ къ другимъ и, со стороны, его строгость могла даже иногда показаться жестокостью. Къ тому же дѣятельная жизнь, посвященная всецѣло святой и великой для него цѣли; жизнь сопряженная со многими огорченіями и даже ударами, развили въ немъ нѣкоторую жесткость, раздражительность, дѣлавшую его характеръ иной разъ тяжелымъ. Но кто зналъ его трудно разнѣживающееся, но горячее и благородное сердце, кто хоть разъ въ жизни видѣлъ его расстроганнымъ, тотъ охотно прощалъ ему привычную суровость. Строгая его неподкупность, самостоятельность и справедливость въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ признавались даже злѣйшими его врагами...

Богослуженіе кончилось. Епископъ Арсеній, маленький, блѣдный старичекъ, совершенно непричастный интригамъ и даже буйствамъ тогдашняго высшаго духовенства, едва держался на ногахъ подъ тяжестью массивнаго парчеваго одѣянія и тихо шепталъ послѣднія молитвы. Князь Константинъ, набожно приложившись ко кресту и поцѣловавъ руку владыки, выходилъ на паперть принимая поздравленія окружающихъ.

На паперти стояли въ рядъ бурмистры, ряды, лавники *) и прочіе почетные горожане. Они громко и радостно встрѣтили князя, который благодарилъ ихъ милостиво наклоняя голову. Затѣмъ онъ обратился къ толпѣ народа.

— Други мои, громко сказалъ онъ,—спаси васъ Богъ за ваше радѣніе къ сему святому храму, нынѣ украшенному и расширенному вашими щедротами. Благодарствую отъ сердца и за чувства ваши ко мнѣ и къ роду моему...

Громкіе крики народа не дали ему докончить. Снова шапки полетѣли въ воздухъ и не многіе успѣли разслышать какъ князь приглашалъ всѣхъ горожанъ къ себѣ въ замокъ, идѣ на обширныхъ дворахъ, подъ навѣсами, была съ утра приготовлена, по обычаю, обильная трапеза.

Отглянувшись, князь Константинъ замѣтилъ пробиравшагося къ нему съвозъ тѣсную толпу молодого Сангушку. Онъ обнялъ его и троекратно съ нимъ поцѣловался, отвѣчая на его поздравленія.

— Гордъ ты сталъ, гордъ, князь Дмитрій Андрее-

вичъ, заговорилъ онъ улыбаясь. Думалъ, самъ обо мнѣ вспомнишь, да заглянешь—анъ ты зову нонѣ сталъ дожидаться.. Ну, да Богъ съ тобой — вишь какой выросъ—мнѣ и спорить съ тобой не приходится; не забудь только, что ты всегда мой гость желанный.

И онъ снова его обнялъ.

А Сангушко и не пытался отвѣчать князю, онъ мимо ушей прочустилъ его нѣсколько насмѣшливо произнесенную фразу: *вишь какой выросъ...* Онъ самъ теперь не могъ понять, зачѣмъ дождался гонца княжескаго, какъ могъ онъ, изъ какихъ бы то ни было соображеній, пропустить два дня, два дня жизни подъ одной кровлей съ Еленой.. Онъ увидѣлъ ее въ толпѣ, рядомъ съ княгиней, окруженную блестящей молодежью.

Онъ подошелъ къ нимъ и снова ему показалось, какъ будто внезапная краска вспыхнула на щекахъ красавицы.

Онъ не могъ дать себѣ отчета, что съ нимъ дѣлалось. Имъ овладѣло какое-то опьяненіе и въ опьяненіи этомъ было столько никогда еще неизвѣданнаго имъ счастья, что онъ поддался ему всей душою. Онъ не зналъ, что такое онъ говорилъ княгинѣ, и что она ему отвѣчала. Онъ видѣлъ только глубокой и смущенной взглядъ Елены, слышалъ, какъ она ему говорила.

— А мы уже, князь, и не чаяли тебя видѣть—думали—ты въ Краковѣ, а то, пожалуй, и въ Нѣмцы уѣхалъ...

Въ тонѣ словъ этихъ слышался такого рода упрекъ, который могъ бы возбудить великую зависть въ окружающей толпѣ молодыхъ людей, но княжна произнесла эту фразу какъ-то такъ тихо, что разслышалъ ее только одинъ Сангушко.

Князь Константинъ уже садился на коня. Росписная, блестящая колымага подѣвзжала къ церкви. Толпа разступилась. Нарядная прислуга и многіе гости бросились помогать княгинѣ садиться въ экипажъ. Нѣкоторые молодые люди воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ имѣть возможность хоть слегка прикоснуться къ платью красавицы.

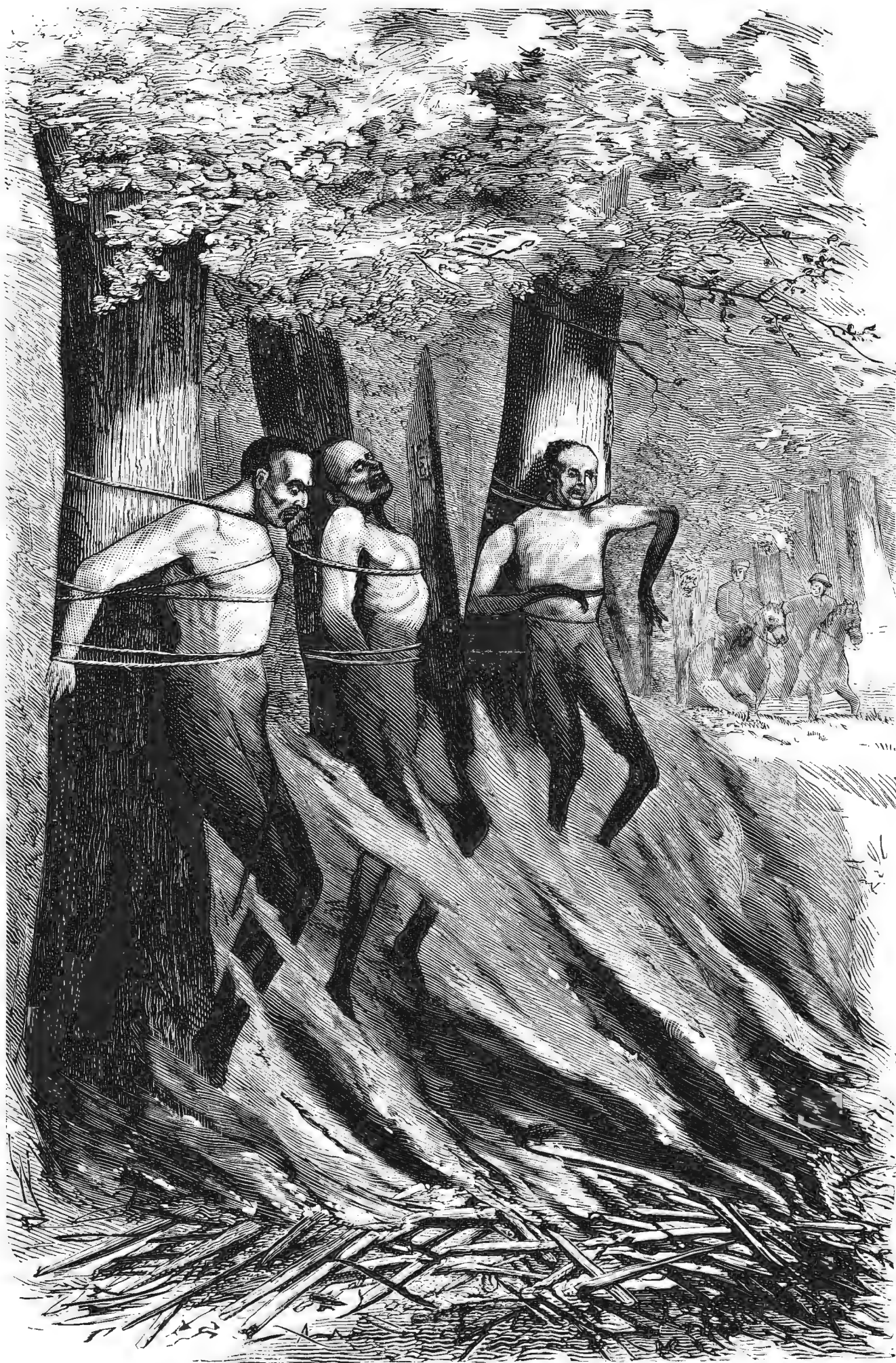
Гальшка, садясь въ колымагу, снова невольно взглянула на Сангушку. На этотъ разъ ея взглядъ не былъ замѣченъ никѣмъ, даже самимъ княземъ Дмитріемъ Андреевичемъ. Подмѣтилъ его только одинъ человѣкъ, все время прятавшійся въ толпѣ, но тщательно наблюдавшій за княжною. Человѣкъ этотъ поражалъ своимъ видомъ и рѣзко отличался отъ всего собравшагося люда. Онъ былъ далеко еще не старъ, высокъ и очень худъ. Ростъ его выступалъ еще больше отъ длиннаго, чернаго, какого-то полумонашескаго одѣянія, на которое неприязненно косились проходившіе мимо него горожане. Лицо этого страннаго человѣка соответствовало его фигурѣ: сухое, блѣдное, съ правильными рѣзкими чертами, черные почти сросшіяся брови, глубокіе впалые глаза, съ тяжелымъ, слишкомъ внимательнымъ взглядомъ—это было какое-то фатальное лицо, нечаянно взглянувъ на которое можно было испугаться... А между тѣмъ оно было красиво и на немъ отражалась дѣятельная мысль и сильная воля.

Княжескій поѣздъ, съ маршаломъ во главѣ и въ строгомъ порядкѣ, медленно подвигался по усыпанной травой и цвѣтами улицѣ. Народъ снова привѣтствовалъ его криками и стремился за нимъ, къ широко развороннымъ воротамъ замка. Вокругъ церкви пустыло.

Черная фигура страннаго человѣка свернула въ переулокъ и по другой, совершенно пустынной улицѣ, тоже направилась къ замку.

Становилось душно; солнце жгло съ высоты бозоблачнаго неба. Черезъ изгороди садовъ свѣшивались на улицу густыя вѣтки бѣлой акаціи, сирени и фруктовыхъ деревьевъ, всѣ усыпанные сильнымъ, душистымъ цвѣтомъ. Ворота маленькихъ деревянныхъ домиковъ стояли на заперѣ. Была полная тишина и безлюдье.

*) Выборныя городскія должности.

Сербские раненые, тяжело сожженные турками. Сь наброска англійс. кор. граа. Воярскій.

Черная фигура медленно подвигалась по деревянным мосткам, насланнымъ съ обѣихъ сторонъ улицы.

Вотъ изъ-подъ одной подворотни выглянула длинная морда собаки. Послышалось рычанье и затѣмъ оглушительный лай. Гдѣ-то вблизи ему завторилъ другой лай, еще пронзительнѣе. Хлопнула калитка, на улицу выбѣжали бѣлоголовые ребятишки, увидѣли черную фигуру...

— У-у-у! Чортъ идетъ, чортъ! закричали они и спрятались въ калитку.

Отворилась ставня, выглянула сѣдая голова старика и сжатымъ кулакомъ энергично погрозила прохожему.

Черный человѣкъ равнодушно взглянулъ на сѣдую голову, на угрожающій кулакъ. Ни одна черта не дрогнула въ лицѣ его. Онъ продолжалъ идти все тѣмъ же мѣрнымъ, спокойнымъ шагомъ, погруженный въ свои мысли.

Скоро онъ скрылся за поворотомъ къ замку.

(Продолжение будетъ.)

Вс. С. Соловьевъ.

Городъ Прага.

Какъ мы русскіе зовемъ нашу Москву матушкой и считаемъ ее хранительницей нашихъ народныхъ, заветныхъ воспоминаній, такъ и чехи величаютъ Прагу: «матушка Прага», и каждый камень этого древняго города говоритъ въ сердцу о славныхъ событіяхъ ихъ прошлой исторіи. Здѣсь каждое зданіе имѣетъ свою легенду, свою хроникку, каждая мѣстность воскрешаетъ въ памяти какое-нибудь народное горе или имя мученика. Кто, посѣтивъ Прагу, не остановится въ нѣмомъ благоговѣніи передъ маленькимъ, въ четыре окна, каменнымъ домикомъ съ черепишной крышей, на стѣнѣ котораго красуется краткая, но краснорѣчивая надпись: «Въ этомъ домѣ впервые увидѣлъ свѣтъ учитель свѣта Янъ Гуссъ 6-го іюня 1469 года». А вотъ на стремистой высотѣ стоитъ Вышеградъ, нѣкогда столица Чехіи, гдѣ по преданію жила вѣщая Любуша; тутъ же вблизи видна другая возвышенность, такъ называемая гора Жижки, гдѣ этотъ народный герой одержалъ побѣду надъ неприятелими, сваливая на нихъ съ горы огромные камни. Здѣсь же недалеко возвышается знаменитая Бѣлая гора, на которой рѣшилась судьба Чехіи и погибла народная чешская свобода. Куда ни взглянешь, повсюду остатки почтенной древности, повсюду памятники, драгоценные по своему историческому значенію. Но помимо своего археологическаго богатства, Прага можетъ еще обворожить путешественника красотою своего мѣстоположенія. Гумбольдтъ называлъ Прагу въ живописномъ отношеніи четвертымъ городомъ въ Европѣ послѣ Константинополя, Неаполя и Лиссабона. И дѣйствительно — Прага красавица. Раскинутая на берегахъ широкой Влтавы (названной нѣмцами Молдавою), окруженная живописными возвышенностями, она утопаетъ въ зеленѣ садовъ, а безчисленные ея башни и куполы церквей придаютъ ей еще болѣе красоты и грандіозности. Старое мѣсто, т. е. старый городъ, составляетъ главную часть нынѣшней Праги. Около стараго раздвинулось «новое мѣсто», правильно и изящно обстроенное, и тутъ же пріютился жидовскій городъ, отличающійся, какъ слѣдуетъ быть, своею грязью, тѣсною и мрачною.

На Влтавѣ красуются живописные островки, заросшіе высокими деревьями. Изъ нихъ Софійскій напоминаетъ своимъ внѣшнимъ видомъ островъ Руссо въ Женевѣ и служитъ главнымъ мѣстомъ пражскихъ публичныхъ гульбищъ и увеселеній. Съ Градчиной, пражскаго Кремля, открывается восхитительный видъ на весь городъ, а съ градчинскаго собора видна, какъ говорятъ, половина Богеміи. Любителю древнихъ, изящныхъ построекъ есть чѣмъ полюбоваться въ Прагѣ. Всевозможныя архитектурныя стили, какъ-то: романскій, готскій, ренессансъ, рококо, псевдо-классическій воплотились здѣсь въ грандіозныхъ и монументальныхъ зданіяхъ. Особенно богато украшалась ими Прага въ блестящую пору Карла IV, основателя пражскаго университета. При немъ она превзошла населенностью и богатствомъ весь города средней Европы и стала центромъ не только торговой и промышленной дѣятельности, но также замѣчательнаго творчества въ области изящныхъ искусствъ. Благодаря частымъ сношеніямъ съ Франціей, Чехія усвоила роскошный стиль французскихъ кафедральныхъ храмовъ. Въ этомъ стилѣ Карлъ IV началъ въ Прагѣ постройку храма св. Вита и перестроилъ Градчинъ по образцу парижскаго Лувра. Карлъ IV, женатый на француженкѣ изъ дома Валуа, хотѣлъ сдѣлать изъ Праги Парижъ въ миниатюрѣ, и во время его царствованія французское вліяніе выразилось не только въ архитектурномъ стилѣ, но даже въ нравахъ, обычаяхъ и языкѣ чеховъ. Въ это блестящее для Праги время ее посѣщали и коронованные особы (Вольдемаръ Датскій и Казимиръ король польскій) и разныя знаменитости, между прочимъ, Колодія Ріенци и Петрарка. Одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ памятниковъ этой эпохи — соборъ, построенный по плану архитектора Матвѣя Арра, присланнаго въ Прагу изъ Авиньона отъ папы Климента VI. Продвѣтаніе архитектуры продолжалось и при Вячеславѣ IV, но вскорѣ гуситскія войны прервали эту вѣковую дѣятельность зодчества и разрушили множество архитектурныхъ памятниковъ прежняго времени. Несмотря на такое разрушеніе, Эвій Сильвій, посѣтившій Прагу послѣ гуситскаго погрома, еще удивлялся богатству и красотѣ пражскихъ зданій и особенно церквей. Въ мирный періодъ управленія Вячеслава городъ значительно обстроился. Къ этому времени относится постройка капеллы при Староградской ратушѣ съ замѣчательно красивыми хорами (1381 г.) Известная поро-

ховая башня, которой описаніе и рисунокъ помѣщены въ «Нивѣ» прошлаго года (№ 42), также была заложена при Вячеславѣ. Съ конца XV ст. въ Чехію начинаетъ проникать новоклассическій «итальянскій стиль возрожденія». Въ этомъ стилѣ построенъ въ 1534 году, итальянцемъ Февабоско де-Ланьо, по приказанію Фердинанда I, изящный пражскій бельведеръ. Съ половины XVI вѣка много храмовъ сооружалось въ Чехіи влѣтельными въ то время іезуитами, но эти храмы преимущественно отличаются безвкусіемъ и вычурностью постройки. При Іосифѣ II строительное искусство было взято въ руки правительства, и какъ храмы такъ и другія зданія стали строиться по одному образцу, въ какомъ-то казарменномъ стилѣ. Такова исторія пражской архитектуры, замѣчательной по своей плодотворности и разнообразію своихъ произведеній, но для полноты ея характеристики необходимо упомянуть, что среди замѣчательныхъ зданій она украсила Прагу другими интересными сооружениями. Къ такого рода сооружениямъ безспорно принадлежатъ каменный мостъ черезъ Влтаву, или Молдаву, изображеніе котораго читатели найдутъ въ двухъ рисункахъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ № «Нивы». Этотъ мостъ построенъ Карломъ IV. Постройка его продолжалась отъ 1357 до 1507 г.; имѣетъ 16 арокъ; по обѣимъ сторонамъ его находится двѣ дренія башни, служившія прежде для обороны города. Воздвигнутая въ 1451 г. противъ Мостовой площади, башня Стараго города украшена гербами странъ, находившихся нѣкогда въ союденіи съ Богеміей, и каменными статуями Карла IV съ сыномъ Венцелемъ IV. На галлерей башни были выставлены, впродолженіи шести лѣтъ, головы казенныхъ въ 1621 г. Стоя на мосту, можно видѣть только находящійся на башнѣ гербъ Стараго Города. Въ 1648 г. эта башня служила защитой Старому и Новому городу отъ шведовъ, которые въ то время, вслѣдствіе измѣны ритмейстера Одовальскаго, почти безъ сопротивленія овладѣли восточной частью города; Шведы почти четырнадцать недѣль безуспѣшно осаждали и обстрѣливали башню.

При изгнаніи Пруссаковъ изъ Праги въ 1744 г., на этомъ мосту происходило самое кровопролитное сраженіе, а во время июнскаго восстанія 1848 года студенты воздвигли здѣсь свои главныя баррикады.

Столбы на мосту украшены тридцатью статуями и группами святыхъ. Есть Распятіе съ надписью: «Трижды святы, святы, святы! Воздвигнуто въ честь распятаго Христа на штрафныя деньги, взысканныя королевскимъ трибуналомъ въ 1606 г. съ кощунствоваваго противъ св. Креста еврея». Небольшая мраморная доска съ крестомъ вѣлана въ стѣнку моста, между 6 и 7 столбами и обозначаетъ мѣсто, откуда святой Іоаннъ, покровитель Богеміи, по повелѣнію императора Венцеля, былъ сброшенъ въ воду за то, что не хотѣлъ выдать тайну, ввѣренную ему королевой на исповѣди. По преданію, тѣнь святаго нѣкоторое время носилась по волнамъ Молдавы, и вокругъ головы его видѣлось пять блестящихъ звѣздъ. Башни моста въ свое время украшались статуями и орнаментами готическаго стила, но теперь этихъ украшеній осталось весьма немного: часть изъ нихъ была разрушена шведами во время бомбардировки ими Праги, а часть уничтожило безпощадное время и столь же безпощадные въ пражскихъ древностяхъ хозяева города — нѣмцы. Что же касается до украшающихъ мостъ статуй и фигуръ то онѣ преимущественно произведенія 17-го столѣтія и по своей многочисленности придаютъ мосту весьма красивый видъ, хотя многіе изъ нихъ очень плохи и по идѣи и по исполненію. При постановкѣ этихъ статуй не могло быть общаго плана, такъ какъ они ставились въ различное время и на издѣваніе разныхъ частныхъ лицъ и корпорацій. Всѣ эти каменные фигуры носятъ на себѣ явные слѣды глубокаго упадка ваятельнаго искусства и многія изъ нихъ кажутся скорѣй произведеніями грубаго каменотеса, чѣмъ художника. Такое попорное зодчество, конечно, не можетъ нравиться человѣку, развившему свой вкусъ на античныхъ произведеніяхъ, но не слѣдуетъ забывать, что при сооруженіи этихъ статуй на первомъ планѣ была идея, а не исполненіе. Здѣсь ваятель старался всѣми силами, чтобы яснѣе выразить какую-нибудь религиозную идею и, конечно, часто впадалъ въ весьма странную символистку. Образчикомъ этого рода мистическаго ваянія можетъ служить статуя св. Казана, поставленная на мосту іезуитами. Въ ней, художникъ, желая наглядно изобразить, какъ сердце святаго стремится къ небу, помѣстилъ это ярко вызо-

лоченное сердце съ выходящимъ изъ него пламенемъ, въ главной фигурѣ, на выскомъ постаментѣ, окруживъ его рядами облаковъ и изображеніями ангеловъ и птичекъ. Вся эта скульптурная фантазія, своимъ общимъ видомъ производитъ на зрителя очень странное впечатлѣніе.

Заговоривъ о Прагѣ, нельзя оставить безъ вниманія ея общеславянское значеніе. Прага безъ сомнѣнія составляетъ умственный и нравственный центръ западнаго славянства. Здѣсь началось, сложилось и получило дальнѣйшее развитіе славянское движеніе, извѣстное подъ именемъ панславизма, столь ужасавшее, да и до сихъ поръ не перестающее ужасать австрійское правительство. Живучесть чешской національности не замѣтна съ перваго взгляда при посѣщеніи Праги. Напротивъ того, городъ весьма смахиваетъ на нѣмецкій: повсюду преобладаетъ нѣмецкій говоръ, всюду попадаются нѣмецкія вывѣски, и типъ кореннаго чеха, теряется между нѣмецкими типами. Только проживъ въ Прагѣ подольше, сойдясь поближе съ ея жителями, посѣщая театръ и многочисленные общественныя собранія, можно убѣдиться, что Прага городъ чешскій и городъ славянскій. Долгую борьбу выдержали чехи, отстаивая свою національность противъ ея притѣснителей. Съ 1620 года начался непрерывный рядъ преслѣдованій и угнетеній, грозившихъ полнымъ уничтоженіемъ чешской народности. Иезуиты стали полными хозяевами страны, и всѣ непокорные ихъ волѣ пекатолики подвергались изгнанію или силою обращались въ католичество; страшныя казни постигли многихъ чешскихъ патріотовъ и ревнителей народнаго просвѣщенія, возставшихъ противъ католическаго обскуратизма. Университетъ былъ отданъ иезуитамъ въ полное владѣніе, чешскія книги сжигались публично, какъ вредныя или по крайней мѣрѣ, бесполезныя. Иезуитъ Антоній Конашъ умершій въ 1760 году хвалился, что онъ одинъ сжегъ 60,000 чешскихъ книгъ. Немудрено, что послѣ такого погрома и чешскій языкъ и чешская литература какъ бы исчезли съ лица земли. Народный говоръ сохранился лишь въ низшемъ классѣ; средній и высшій классъ народа считали свой родной языкъ плебейскимъ и усвоили себѣ нѣмецкую рѣчь. Императоръ Іосифъ II, ярый германизаторъ подвластныхъ ему народностей, употребилъ всѣ усилія чтобы окончательно

отбечить чеховъ и съ этою цѣлью ввелъ нѣмецкій языкъ и въ школьное преподаваніе и въ администрацію страны. Но благодаря трудамъ ученыхъ патріотовъ и особенно Добровскаго, Ганки, Шафарика и Палацкаго, чешская рѣчь не погибла; обогащенная многими литературными и научными трудами, она опять зазвучала въ устахъ всего народа, не исключая и высшаго сословія. Съ цѣлью еще болѣе укрѣпить народное самосознаніе, въ 1818 году положено было въ Прагѣ начало чешскому національному музею, болѣе всего обязанному своимъ развитіемъ и богатствомъ, долгое время имъ завѣдывавшему, страстному патріоту Ганкѣ. Нынѣ музей обладаетъ бібліотекою въ 120,000 томовъ и богатыми кабинетами: минералогическимъ и естественно-научнымъ. При музеѣ, въ видахъ изданія чешскихъ книгъ, учредили такъ называемую *матину* нѣмецкую теперь до 146,000 гульденовъ капитала. Изъ частныхъ пражскихъ клубовъ и собраний, гдѣ происходятъ на родномъ языкѣ публичные чтенія и даются спектакли, болѣе всѣхъ замѣчательны: гражданская бесѣда, собраніе художниковъ, и улей клубъ, посѣщаемый преимущественно простыми и рабочими классами. Кромѣ того, для развитія въ народѣ любви къ родной музыкѣ, существуетъ нѣсколько обществъ музыкальнаго и хорового пѣнія, между коими первое мѣсто занимаетъ общество «Глаголь» подъ управленіемъ талантливаго композитора Бенделя. Что же касается до чешской журналистики, то она честно и энергично отстаиваетъ народныя интересы и не упускаетъ изъ виду частыхъ проявленій правительственнаго антогонизма ко всякому національному движенію. Что австро-венгерское правительство относится враждебно ко всякой взаимности между чехами и другими славянскими племенами, доказывается тѣмъ недавнимъ, возмутительнымъ фактомъ, что общество, образовавшееся въ Прагѣ для сбора пожертвованій въ пользу балканскихъ славянъ, было закрыто, какъ противузаконная ассоціація. Но всѣ эти насильственныя мѣры не могутъ нарушить умственной и нравственной связи между чехами и ихъ славянскими братьями, и каждое крупное событіе въ славянскомъ мѣрѣ, конечно, пайдетъ отголосокъ и въ Прагѣ—этой древней столицѣ одной изъ главнѣйшихъ славянскихъ народностей.

А. Н.—ой.

СЕРБСКІЕ РАНЕННЫЕ, ЗАЖИВО СОЖЖЕННЫЕ ТУРКАМИ.

Предъ нами ужасающая картина! Предъ нами изображеніе чудовищнаго, звѣрскаго факта, и къ сожалѣнію не выдуманнаго, а дѣйствительно совершившагося во время настоящей славяно-турецкой войны.

Мы уже сообщили въ № 36 „Нивы“ (см. въ политическомъ обозрѣніи телеграмму отъ 27 августа изъ лагеря у Делиграда) что „близъ одного селенія на склонахъ Ястребинныхъ горъ, найдены три раненные серба, привязанные къ деревьямъ. Они были, по словамъ телеграммы, сожжены, при чемъ огонь разлуженъ былъ у

ихъ ногъ; ноги совершенно обуглились, тѣла представляли ужасное зрѣлище“.

И это война!? И послѣ этого можно вести переговоры о мирѣ!? Нѣтъ, это не война, это звѣрства исконныхъ враговъ христіанства, и великій грѣхъ возьмутъ на себя тѣ, кто въ интересахъ злобы дня смягчить этотъ потрясающій фактъ и непридастъ ему того ужаснаго значенія, какое онъ имѣетъ. И пусть эти несчастные, пріавшіе страдальческую кончину, стоятъ живыми упрекомъ нашему времени, столь гордящемуся благами цивилизаціи.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ

«Страшная мѣсть», разсказъ Н. В. Гоголя.

«Вечера на хуторѣ, близъ Диканьки», представляютъ одно изъ первыхъ литературныхъ произведеній Николая Васильевича Гоголя, обратившихъ на него вниманіе первоклассныхъ нашихъ литераторовъ,—Пушкина, Жуковскаго и др. Вечера изданы въ 1831 году, т. е. когда Гоголь былъ 21 годъ. Разсказъ, къ которому относится наша картинка, находится во второй части вечеровъ, и озаглавленъ «Страшная мѣсть». Содержаніе его, заимствованное изъ старинныхъ легендъ, заключается въ слѣдующемъ: Въ давніе годы, жили два казака, Иванъ да Петро. Они жили дружно, какъ два брата, и общались дѣлить пополамъ и горе, и радость, и богатство и бѣдность. Долго такъ жили они, но вдругъ одинъ изъ нихъ, Иванъ, неожиданно прославился и разбогатѣлъ. Раздѣлил онъ богатство съ названнымъ братомъ, Петромъ, но славы не могъ ему передать. И позавидовалъ Петро славу Ивана; стала мучить его тайная вражда къ брату, и вотъ Петро, улучивъ время, столкнулъ Ивана въ пропасть, вмѣстѣ съ его младенцемъ-сыномъ. Въ возмездіе за такое злодѣйство приеудилъ Богъ убійцу: вѣчно мучиться послѣ смерти, грызть свои кости и смотрѣть, какъ потомки его совершаютъ злодѣянія. Племя его тоже обречено было нести наказаніе: послѣдній въ его родѣ долженъ былъ быть неслыханнымъ, небывалымъ грѣшникомъ, совершить множество преступленій и убійствъ. Дочь этого злосчастнаго послѣдняго въ родѣ, честная, невинная Катерина, вышла замужъ за храбраго казака Данилу Бурульбаша. Послѣ долгаго скитанія по чужимъ землямъ, отецъ Кате-

рины возвращается на родину и остается жить у зятя своего, Данилы. Векоръ Данило, и Катерина, убѣждаются, что старикъ отецъ не честный казакъ, а колдунъ и страшный злодѣй. Однажды Данило увидаль, какъ тесть его подвѣхалъ къ старинному развалившемуся замку на другомъ берегу Днѣпра и скрылся въ немъ. Казакъ съ звѣрнымъ хлопцемъ захотѣлъ выслѣдить старика и узнать, что онъ дѣлаетъ въ пустой, никѣмъ не обитаемой развалинѣ, и для этого влѣзъ на дерево передъ окномъ, въ которомъ будто бы мелькнулъ слабый свѣтъ. Тутъ онъ увидаль зрѣлище, отъ котораго кровь застыла въ его жилахъ, и онъ едва усидѣлъ на сучкѣ. Передъ его глазами колдунъ началъ дѣлать заклинанія и вызывать привидѣнія и духовъ. Наконецъ колдунъ вызвалъ душу Катерины, дочери своей. Данило увидѣлъ воздушную женщину, въ которой узналъ свою жену.

«Гдѣ теперь пани твоя?» спросилъ колдунъ.

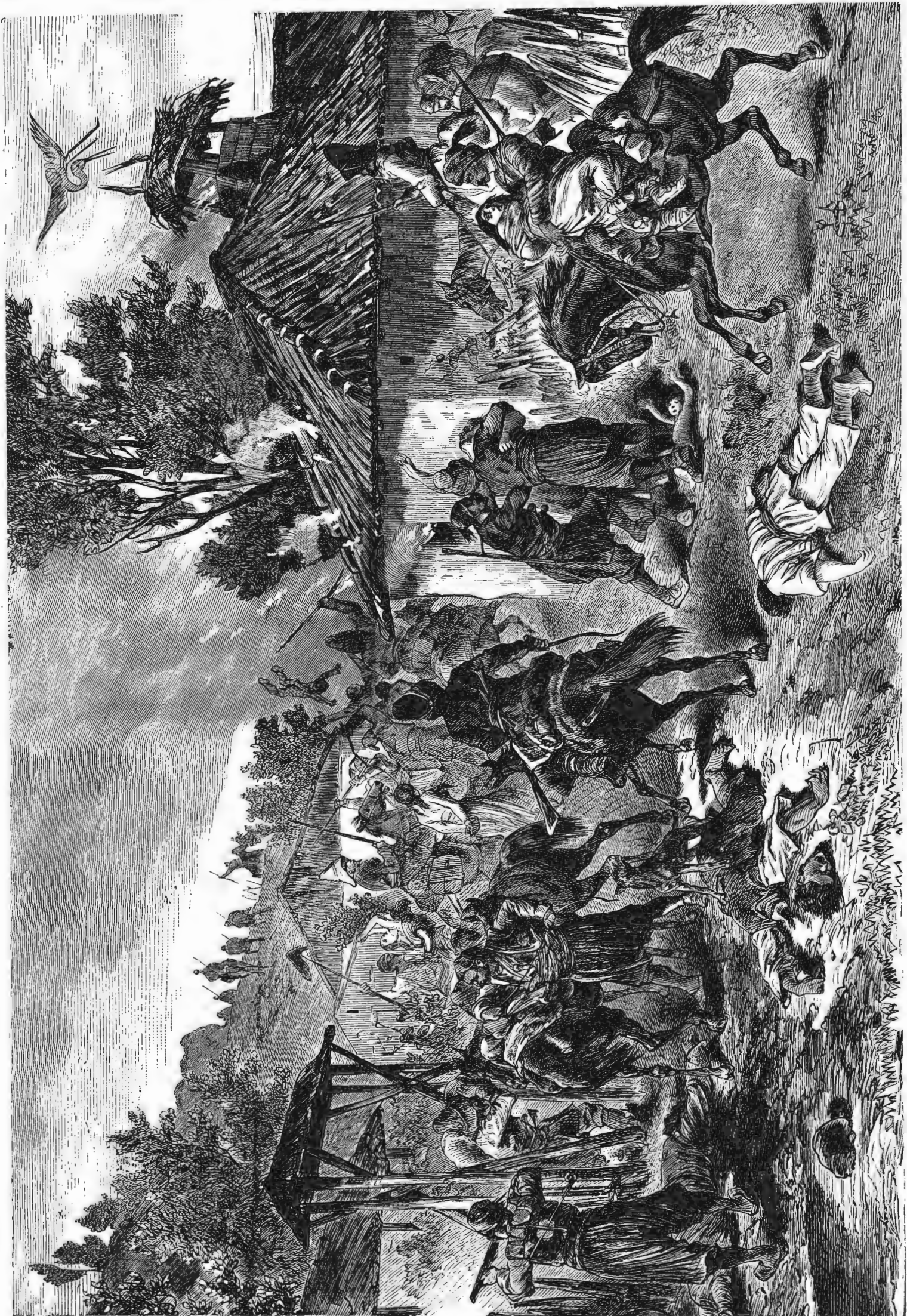
«Пани моя, Катерина, теперь заснула, а я и обрадовалась тому, вспорхнула и полетѣла. Миѣ давно хотѣлось увидѣть мать... зачѣмъ ты меня вызвалъ?»

«Ты помнишь все то, что я говорилъ тебѣ вчера?» спросилъ колдунъ такъ тихо, что едва можно было разлушать.

«Помню, помню, но чего бы не дала я, чтобы только забыть это. Бѣдная Катерина! она многого не знаетъ изъ того, что знаетъ душа ея... «Покайся, отецъ! не страшно-ли, что послѣ cadaго убійства твоего, мертвецъ, подымается изъ могилъ?»

Литературный альбомъ: „Страшная месса“. Н. В. Гоголя. Грав. въ Варшавѣ.

Звѣрства башибузуковъ въ сербской деревнѣ. Рис. Шенбергъ, грав. Цамарскій.

«Ты опять за старое!» грозно прервалъ колдунъ «я поставлю на своею, я заставлю тебя сдѣлать, что мнѣ хочется. Катерина полюбитъ меня!..»

«О, ты чудовище, а не отецъ мой!» простонала она: «нѣтъ, не будетъ по твоему!» Данило Бурульбашъ въ ужасѣ слезаетъ съ дерева и идетъ домой, чтобы разказать объ этомъ женѣ. Страшный колдунъ, наконецъ, пойманъ, уличенный въ измѣнѣ казачеству и посаженъ Бурульбашемъ въ подвалъ на цѣпь. Но наканунѣ лютой казни злодѣй уравниваетъ дочь свою, вынустить его.

Катерина колеблется, но дочернее чувство беретъ верхъ, и она выпускаетъ преступнаго отца. Злодѣй пользуется этимъ, и убиваетъ Данила, внука и дочь, отъ гори сошедшую съ ума. Наконецъ онъ убиваетъ святого схимника въ пещерѣ, и мѣра его преступленій переполняется. Наступилъ часъ возмездія за все

совершенныя имъ злодѣйства, и конь невольно подвозитъ убійцу къ огромному всаднику, много лѣтъ стоявшему неподвижно на горѣ, въ ожиданіи, когда провидѣніе приведетъ къ нему злодѣя. Фантастическій всадникъ, Петро, схватываетъ злодѣя громадною рукою высоко поднимаетъ его на воздухъ и бросаетъ въ пропасть, гдѣ на него свирѣпо нахлываются жертвы его злодѣяніи, долго ожидавшія его, и вонзаютъ зубы въ его тѣло... Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе повѣсти «Страшная мѣсть».

Картинка изображаетъ плывущаго въ лодкѣ Бурульбаша съ женою, сыномъ и двумя казаками. На другомъ берегу Дивъра, на кладбищѣ, шатаются кресты и изъ земли поднимаются мертвецы, убитые колдуномъ и ждущіе смерти своего злодѣя. Бурульбашъ съ тайнымъ смущеніемъ смотритъ на это ужасное зрѣлище и старается ободрить советъ оробѣвшихъ хлопцевъ и жену.

ЗВѢРСТВА ВАШИ-БУЗУКОВЪ ВЪ СЕРБСКОЙ ДЕРЕВНѢ

Картина представляетъ одну изъ сценъ грабежа, убійства и насилія, которыя производить теперь разнузданный фанатизмъ турокъ въ средѣ балканскаго населенія одноплеменныхъ и единоплемныхъ съ нами славянъ, съ презрѣніемъ называемыхъ турками рафей, т. е. стадомъ—такъ слабы и беззащитны они въ глазахъ своего врага.

Ваши-бузуки (что значитъ буквально: головорѣзы), напавъ на мирныхъ и беззащитныхъ жителей деревни, съ злорадствомъ предають все огню и мечу: грабя, поджигаютъ крестьянскія хаты, рубятъ головы мужчинамъ, нагло оскорбляютъ и увозятъ женщинъ, тиранятъ и мученически убиваютъ дѣтей... Стоны, отчаянные вопли, неистовые крики и всепожрающее пламя!.. Защиты и спасенія ни откуда! Только вѣрный несъ (см.

картину) защищаетъ трупъ своего обезглавленнаго хозяина.

Таково безвыходное положеніе нашихъ единоплемныхъ одноплеменныхъ, болѣе 4 вѣковъ несущихъ на себѣ невыносимое турецкое иго!.. Мы, русскіе, до сихъ поръ очень мало знали объ этихъ нашихъ страждущихъ братьяхъ, до насъ не долетали ихъ тяжелые вздохи, не доносились ихъ печальная, щемная сердце пѣсня о своемъ горѣ и былой свободѣ. Только терпѣніе стоны-вопли, выведенные изъ мощной славянской груди страшнымъ напоромъ мусульманской силы, поразили нашъ слухъ и возмутили до глубины русскую душу. Только теперь! А прислушайтесь-ка къ пѣснѣ этого народа-страдальца, рисующей его житье-бытье.

«Поле Гацкое *) родное,
«Какъ бы ты привольно было,
«Еслибъ съ голодомъ не зналось,
«Еслибъ съ голодомъ не зналось,
«Съ злой неволей не встрѣчалось!
«На тебѣ сегодня ширь кровавый,
«Палачи повсюду, да оружье,
«Боевые кони, да палатки,
«Тяжкія оковы, да фелеки. (**)
«Что же тамъ за палачи такіе?
«Для чего тамъ свѣтлое оружье?

»Что за кони, и зачѣмъ шатры тамъ,
«Тяжкія оковы и фелеки?
«Смаялъ-ага тамъ собираетъ подати
«И на Гацкомъ полѣ и за Гацкомъ.
«Середѣ поля онъ шатры раскинулъ,
«Разослалъ онъ сборщиковъ удалыхъ,
«Сборщиковъ—заѣли бы ихъ волки!

«Хочетъ онъ съ души взять по дукагу,
«Со двора по жирному барану
«И добыть себѣ красоту на ночь...
* * *

«Будутъ турки сборщики съ востока,
«За собой ведутъ нагую райю;
«Показались сборщики съ заката,
«За собой ведутъ нагую райю;
«Будутъ, амѣи, съ сѣвера и юга,
«За собой ведутъ нагую райю.
«По слѣдамъ коней ступаетъ райя;
«Связаны у райи бѣдной руки,
«За спиною связаны веревкой...
«Боже! въ чемъ же райя провинилась?
«Въ томъ ли, что нужна подѣла турокъ?
«Въ томъ ли, что ихъ нечисть одолѣла?
«Провинилась—въ чемъ же? Въ томъ, что
дышетъ,

«А не можетъ, по желанью турка,
«Дать давать ни золотомъ, ни хлѣбомъ.
* * *

«Вседержитель птицамъ отдалъ воздухъ,
«Дупла даль, спокойныя даль гнѣзда;
«Рыбамъ воду, глубины морскія,
«Свѣтлые, кристальные чертоги,
«Звѣрю даль лѣса, крутыя горы,
«Тѣнь пещеръ и шолкъ луговъ зеленыхъ;
«Бѣдной райѣ не далъ корки хлѣба,
«Чтобъ ее слезами оросила.
«Нѣтъ! и ей онъ далъ удѣлъ оградный,
«Да все отнялъ турокъ кровожадный»...

«Кто тутъ витязь, кто боець удалый?
«Опомянь скорѣе саблю остроу:
«Часъ насталъ за крестъ свой заступиться.
«Воротить свободу золотую»...

(См. Пѣсня славянъ. Изд. Гербеля,
стр. 243, 256, 273, 275.)

Н. К. ОВЪ.

ПИГМЕИ ДРЕВНИХЪ.

найденные во внутренней Африкѣ.

(По поводу открытіи д-ра Швейнфурта въ экваторіальной Африкѣ ***)

(Окончаніе).

Однажды во время его пребыванія у короля племени Момбутту — Муизы, при немъ пришелъ къ королю начальникъ каравана, Абд-ес-Саматъ, держа на плечахъ странное человѣческое существо, которое мотало головою и съ испугомъ смотрѣло вокругъ себя. Это странное созданіе оказалось придворнымъ карликомъ короля изъ пигмейскаго племени Акка. Швейнфурту удалось его успокоить и съ помощью подарковъ хорошенько разглядѣть, смѣрить и ерисовать. Его звали Адимокъ и онъ оказался начальникомъ маленькой колоніи пигмеевъ, находящейся въ разстояніи часа пути отъ резиденціи короля Муизы. На вопросы относительно его страны карликъ отвѣчалъ вяло и неохотно. Все, что удалось узнать отъ него чрезъ переводчиковъ, заключалось въ томъ, что народъ Акка обитаетъ въ разстояніи трехъ дней пути къ юго-востоку и состоитъ изъ 9-ти племенъ.

Они частью подчинены племени Момбутту и охотятся для своихъ собѣдѣй, за что пользуются ихъ покровительствомъ. Послѣ этого Швейнфурту не разъ прихо-

дилось видѣть пигмеевъ—Акка, и каждый разъ его поражала быстрота ихъ движеній и необыкновенная ловкость и увертливость. Но особенно хорошо ознакомился нашъ путешественникъ съ этою расою, благодаря тому, что получилъ отъ короля Муизы, въ промѣнъ за свою собаку, одного такого карлика, котораго онъ изучалъ въ продолженіи 18-ти мѣсяцевъ. Къ сожалѣнію, бѣдный Пзевуэ (такъ звали карлика), умеръ на возвратномъ пути въ Египетъ въ Хартумѣ и главною причиною его смерти была необыкновенная ожорливость. Швейнфурту удалось пріучить къ себѣ своего пигмея, удовлетворяя всѣмъ его капризамъ. 19-ти лѣтъ, когда Швейнфуртъ приобрѣлъ его, Пзевуэ имѣлъ 1,34 метра росту. Разговаривать съ нимъ было не легко, такъ-какъ, кромѣ роднаго языка, произносимаго весьма невнятно, онъ не могъ выучиться никакому другому кромѣ нѣсколькихъ словъ на нарѣчій Бонго, которыя онъ произносилъ съ трудомъ.

Еще во время пребыванія Швейнфурта въ Египтѣ, въ декабрѣ 1873 г., въ Хартумѣ прибыли двѣ барки, нагруженные коллекціями и бумагами итальянскаго путешественника Мани, умершаго въ странѣ Момбутту. Въ

*) Въ Герцеговинѣ, на с.-з. отъ Черногоріи.

**) Орудіе, которымъ сдерживаютъ ноги при навалываніи по пяткамъ.

***) См. «Нива» № 37.

этих коллекциях находилось между прочим два живых экземпляра пигмеев Акка. Они немедленно были доставлены в Каир, где были тщательно изучены и описаны президентом египетского ученого института Колуччи-нашей и английским натуралистом Ригардом Оеном. В настоящее время эти оба представителя расы пигмеев, еще недавно считавшейся баенословною, находятся уже в Италии, где профессор Панчери, привезший их из Египта, представил их королю Виктору-Эмануилу. Оба они мальчики и могут иметь, судя по их зубам, один от 9-ти до 10-ти, а другой от 12-ти до 14-ти лет. Старший имеет 1,11 метра, а младший ровно 1 метр росту. Цвет их кожи — шоколадный; они имеют большие, живые глаза и высокий лоб, придающий их лицу весьма смысленное выражение, которое до сих пор оказывается обманчивым. Волосы их курчавы и шерстисты: у одного они черные, а у другого — золотисто-каштановые. Они почти не имеют губ, и их рот, особенно когда он закрыт, кажется как-бы щелью и придает им сходство с обезьянами. Сходство это увеличивает еще более весьма выдающееся вперед брюхо и вогнутая спина *). Нос у них вдавлен, несколько приплюснут и с весьма широкими ноздрями: уши очень велики. Ноги, руки и шея весьма тонки и вместе с очень большою головою и безобразным туловищем представляют весьма некрасивое целое. Добавим к этому описанию, что, по словам Швейнфурта, у взрослых руки остаются совершенно детскими, а борода отрастает мало.

Весьма интересно заключение д-ра Швейнфурта о найденной им расе, которое есть последнее слово этого важного открытия. Кажется, говорит он, что это племя Акка принадлежит к целому семейству народов — пигмеев, населяющих экваториальную (неизвестную нам) часть центральной Африки; оно представляет все признаки первобытной расы. Акка напоминают во многих отношениях бушменов и между прочим своими большими ушами.

Сопоставляя это мнение с вышеприведенным свидетельством путешественника Баттеля, который, впрочем, далеко не авторитет, может возникнуть предположение, что область народов-пигмеев, занимающая центральную часть экваториальной Африки, достигает западных ее прибрежий **). Решение этого интересного вопроса заставляет нас желать, чтобы дальнейшие исследования, как с востока, так и с запада, вскоре пополнили пробел, который представляет в нашем земледелии почти вся экваториальная Африка.

При новых данных о несомненном существовании в Африке расы пигмеев, возможно стало более точное и удовлетворительное объяснение упомянутого нами выше рассказа Геродота ***), который еще недавно видимо затруднял его толк вателей.

Позволим себе привести здесь подлинный рассказ, так-как для верного его понимания необходимо обратить внимание на каждую заключающуюся в нем подробность. Къ тому-же, это есть существенное место в сочинениях древних писателей, упоминающее о действительной встрече с африканскими пигмеями: все прочия указания, встречающиеся у них, весьма кратки и передают почти одно только имя этого племени. „Въ племени назамоновъ ****), говорит Геродотъ, и-

*) Дальнейшее изучение этих африканских пигмеев без сомнения покажет, какая бедна отделяет оранг-утанга и шимпанзе от расы, занимающей последнюю степень человеческого развития. Весьма интересны проявления необыкновенной впечатлительности у обоих Акка.

**) Немецкая экспедиция, стремящаяся проникнуть во внутренность материка со стороны *Лоанго*, сообщает много важных открытий. Д-р Бастияль в новой книге, заключающей результаты первых исследований экспедиции, говорит, что и здесь

сколько смелых молодых людей знатного происхождения, вздумали, по достижении совершеннолетия, прославить себя каким-нибудь подвигом. Они выбрали по жребью из своей среды пицтерых, которые должны были исследовать пустыни Ливии и попытаться сдѣлать открытие въ странахъ, которыхъ никто до тѣхъ поръ не достигалъ.“

При семъ Геродотъ считаетъ необходимымъ прибавить слѣдующее поясненіе: „Та полоса Ливіи, говоритъ онъ, которая омывается сѣвернымъ (средиземнымъ) моремъ, отъ Египта до мыса Солонсъ (cap Santin), ея крайняго предѣла, вся населена ливіанами и многими ливійскими племенами, за исключеніемъ странъ занятыхъ финиціанами и греками. Но по мѣрѣ удаленія отъ берега и отъ обитаемыхъ мѣстностей Ливіи превращается въ дикую страну, служащую притономъ хищнымъ животнымъ, а еще далѣе начинается песчаная и безводная пустыня“. Засимъ Геродотъ возвращается къ разсказу.

„Назамонскіе юноши, посланные въ странство своими товарищами и снабженные на долго водою и припасами, путешествовали сначала по населеннымъ странамъ. Пройдя ихъ, они вступили въ мѣстности, гдѣ обитаютъ одни хищные звѣри. Оттуда они перенли въ пустыню, направляясь къ зефиру (юго-западу). Перейдя черезъ обширныя песчаныя пространства, и послѣ многихъ дней, проведенныхъ въ пути, они увидѣли, наконецъ, нѣсколько деревьевъ, разсыянныхъ по долинамъ. Они побѣжали къ нимъ и стали срывать съ нихъ плоды. Пока они были этимъ заняты, появились внезапно маленькіе люди ниже средняго роста, которые схватили и увели ихъ. Никто изъ назамоновъ не понималъ ихъ языка, а они не знали нарѣчія своихъ плѣнниковъ. Ихъ повели черезъ обширныя болота въ городъ, гдѣ все жители были такого-же роста, какъ тѣ, которые ихъ захватили: все они были чернаго цвѣта. Около города протекала большая рѣка съ запада на востокъ, въ которой видѣлись крокодилы. Назамоны вскоре возвратились на родину.“

Разсказъ этотъ Геродотъ слышалъ отъ киренейцевъ, которые, въ свою очередь, узнали его отъ Етеарха, царя аммонійцевъ. Къ этому послѣднему приходили назамоны и разсказали о своемъ путешествіи. Геродотъ приводитъ этотъ разсказъ въ подтвержденіе своего предположенія, что Нилъ течетъ съ запада на востокъ и принимаетъ „большую рѣку“ видѣнную назамонами за Нилъ, соглашаясь въ этомъ съ мнѣніемъ Етеарха аммонійскаго.

Мы предлагаемъ слѣдующее объясненіе путешествія назамоновъ, кажущееся намъ совершенно согласнымъ съ новѣйшими открытіями. По словамъ Геродота, назамонскіе исследователи прошли сначала населенную прибрежную страну, а затѣмъ вступили въ область, обитаемую хищными животными, которая, вѣроятно, есть полоса оазисовъ. Они прошли ее по направленію къ оазису Юнитера Аммона (Сивахъ), а оттуда къ Шаргъ-Дакель. Такое направленіе подтверждаетъ и то обстоятельство, что самый разсказъ сообщенъ былъ аммонійцами. Затѣмъ они вступили съ юго-запада въ пустыню и прошли ее, направляясь къ границамъ нынѣшняго Дарфура. Пигмеевъ они встрѣтили въ водной области Бѣлаго Нила, гдѣ мы находимъ и болота, и большую рѣку, текущую на востокъ (Кейлакъ или Баръ-Джуръ — западные притоки Бахъ-ель-Абиада), упомянутыя въ разсказѣ. Племена пигмеевъ, найденныя теперь ближе къ экватору,

существованіе расы карликовъ подтвердилось. Страна ихъ, по слухамъ, находится въ разстояніи 15 дней отъ устья р. Луема. Ихъ зовутъ бабогго (или обонгъ). См. книгу: Die deutsche Expedition an der Loango-Küste v. Adolph Bastian. 1. Band. (2-й томъ еще не вышелъ) 1874.

***) Геродот. II. 32.

****) Многоплеменное племя назамоновъ обитало по южному берегу Большаго Сирта у западной границы Киренаики. Дѣломъ оно переселялось въ оазисъ Аугила для сбора финиковъ.

вѣроятно, перешли туда вполнѣдствіи, тѣснимые съ сѣвера болѣе сильными племенами пришельцевъ. Не забудемъ, что со временъ Геродота прошло уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, а въ такой періодъ времени внутри африканскаго материка могли произойти большія перемѣны. Тѣмъ не менѣе, пигмеи не много удалились отъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ застали ихъ назамонскіе изслѣдователи.

Если пространство, пройденное назамонами, показалось бы слишкомъ большимъ, то припомнимъ, что римскіе центуріоны, непривыкшіе ни къ африканскому климату, ни къ странствіямъ по пустынѣ, проходили пространства почти столь же обширныя. Такъ, напримѣръ, военная экспедиція Юлія Матерна (между 86 и 90 по Р. Х.) достигла оазиса Аиръ или Азбенъ (Agisymba regio), находящагося въ самомъ сердце Сахары. Для туземцевъ всякое подобное путешествіе должно представлять несравненно меньше трудностей. Здѣсь весьма умѣстно будетъ привести свидѣтельство путешественника Пахо, посѣтившаго оазисъ Аугила въ 1825 году и составившаго его описаніе, единственное, которое мы до сихъ поръ имѣемъ.

„Жителямъ этого оазиса, бѣднаго и водою и растительностью, говоритъ онъ,—въ уединеніи, среди пустыни, поневолѣ приходится совершать частыя путешествія. По этому они съ дѣтства приучаютъ себя къ странствіямъ и приобретаютъ въ этомъ необыкновенную опытность. Искусство находить дорогу въ пустынѣ для этихъ лю-

дей есть то-же, что для жителей бесплоднаго острова—мореплаваніе. Знаніе звѣздъ составляетъ основаніе этого искусства; эти познанія тщательно сохраняются и передаются изъ рода въ родъ.“

Это интересное указаніе нѣсколько объясняетъ странствіе назамоновъ по пустынѣ, исходнымъ пунктомъ котораго былъ, быть-можетъ, этотъ-же оазисъ Аугила.

Всѣ прежнія объясненія упомянутаго Геродотомъ путешествія назамоновъ, сводятся къ двумъ мнѣніямъ. Большая часть толкователей (между ними Kappel, Larcher, Ritter и др.) считали рѣку, видѣнную назамонами, за Нигеръ, имѣющій въ началѣ своего теченія восточное направленіе, и старались даже найти городъ на рѣкѣ, о которомъ упомянуто въ разсказѣ, въ нынѣшнемъ Тембуку, который по этому предположенію существовалъ-бы 2000 лѣтъ, что трудно допустить.

Vivien de St. Martin *) весьма подробно разбираетъ эпизодъ путешествія назамоновъ и, отвергая предъидущее мнѣніе, высказываетъ за оазисъ Уаргла въ Алжирской Сахарѣ, гдѣ теперь обитаетъ выродившееся племя смѣшаннаго происхожденія, отличающееся малымъ ростомъ, и едва ли очень древнее. Здѣсь есть и болота, и даже городъ; однако Вази-Уаргла не заслуживаетъ названія „большой рѣки“, хотя она во время половодья и достигаетъ значительной ширины. Это объясненіе кажется намъ нѣсколько натянутымъ и не столь удовлетворительнымъ, какъ предложенное нами выше.

Юрій Арсенъевъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ отвѣтъ на унижительныя, предложенныя Турціей, условія мира, моравская армія провозгласила князя Милана королемъ Сербіи. Князь сербскій и министры, получивъ объ этомъ извѣщеніе, рѣшились не придавать дѣлу никакого значенія, нахотя и самое провозглашеніе «несвоевременнымъ» и самую форму его «неудобною» и «неумѣтною» для Сербіи. Въ концѣ концовъ дѣло сводится на то, что объявленіе князя Милана королемъ не можетъ влечь за собой серьезныхъ послѣдствій, такъ какъ мотивы этого провозглашенія весьма почтенны т. е. выраженіе со стороны сербовъ глубокой преданности господствующей династіи. Сербія не думаетъ расширять свои предѣлы и господствовать надъ соседними, родственными ей славянскими племенами, и названіе королевство или княжество въ территоріальномъ смыслѣ и въ смыслѣ объема власти Милана совершенно безразлично.

Перемирие на восемь дней наступило; но Порты то и дѣло нарушаетъ это перемирие, въ лицѣ своихъ необузданныхъ и безнравственныхъ войскъ. Главнокомандующій турецкихъ войскъ Абдуль-Керимъ-Паша, правда, извинился передъ сербскимъ правительствомъ, что нарушеніе осмидневнаго перемирія произошло со стороны Турціи отъ того, что ему только 7 (19) сентября передано было изъ Стамбула официальное сообщеніе о приостановкѣ военныхъ дѣйствій. Настоящая турецкая уловка, тысячу первый разъ доказывающая, что для турокъ не существуетъ нравственной цѣны договоровъ и самыхъ элементарныхъ требованій чести!

Дипломатическіе переговоры о мирѣ, происходящіе въ Константинополѣ, ограничиваются до сихъ поръ тѣмъ, чтобы побудить Порты къ заключенію болѣе продолжительнаго перемирія. Самыя предложенія о мирѣ толкуютъ двоякимъ образомъ: Во первыхъ, Англія желаетъ для Сербіи и Черногоріи Status quo, а для возставшихъ провинцій, со включеніемъ Болгаріи, преобразованное мѣстное управленіе, непосредственно зависимое отъ порты. Во вторыхъ, три императорскія державы (Россія, Германія и Австро-Венгрія) желаютъ, напротивъ, для Сербіи status quo, а для Черногоріи — расширенія ея предѣловъ, для возставшихъ провинцій автономію, хотя бы и ограниченную, подъ влестью Порты, но съ тѣми же правами, какими пользуется Сербія, и съ гарантіей великихъ державъ. Франція также склоняется къ толкованію великихъ державъ. Всѣ державы вполнѣ согласны въ томъ, что Сербія не должна ни платить военнаго вознагражденія, ни допускать занятія турками ея крѣпостей. Сербское правительство, въ то же время, уведомило представителей великихъ державъ, что турецкія войска нарушили перемирие въ слѣдующихъ пунктахъ: у Алексинца и Янковой Классуры, у Явора и на Дринѣ, слѣдовательно, почти на всѣхъ операціонныхъ линіяхъ.

Отношеніе сербскаго народнаго представительства къ провозглашенію князя Милана королемъ—особаго рода. Такъ, изъ Бѣлграда сообщаютъ, что постоянная коммисія сербской скупщины, въ своемъ недавнемъ засѣданіи, приняла слѣдующую резолю-

цію: «Постоянная коммисія съ великою радостью принимаетъ къ свѣдѣнію національное дѣло провозглашенія князя Милана Обреновича первымъ королемъ Сербіи и проситъ высокое правительство возможно скорѣе сдѣлать это дѣйствительнымъ фактомъ. Турція своимъ требованіемъ условій мира нарушила Парижскій трактатъ, вслѣдствіе чего никакія международныя обязательства, какого бы рода они ни были, не могутъ удержать ни сербское правительство, ни скупщину отъ самаго торжественнаго приведенія въ исполненіе этого желанія народа». По поводу этой резолюціи Сербское правительство выразило свое удовольствіе.

Генералъ Комаровъ телеграфируетъ въ Москву съ театра войны, что положеніе сербовъ вообще очень хорошо; напротивъ, уже совершенно несчастно положеніе турецкой арміи, въ которой распространился голодный тифъ, вслѣдствіе крайняго недостатка съѣстныхъ припасовъ. Турки намѣревались было, по послѣднимъ извѣстіямъ, бомбардировать Делиградъ, гдѣ теперь находится главная сербская квартира; но турецкій артиллерійскій паркъ, назначавшійся для этой бомбардировки, погибъ въ болотахъ.

De facto, такимъ образомъ, за прошлую недѣлю война продолжалась, несмотря на гласное заключеніе перемирія. Что будетъ дальше—увидимъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) Казань, Е П Л—ву. Напрасно вы предполагаете, что картина «Рѣшительная мнута» помѣщенная въ № 36, «Нивѣ» гравирована не на деревѣ, а на стали. Если желаете въ этомъ удостовѣриться, то поворитесь просимъ пожаловать въ контору «Нивы», полюбоваться на эту действительно замѣчательную гравюру на деревѣ и увидѣть изъ счетовъ конторы, что помѣщеніе такой гравюры въ «Нивѣ» стоитъ весьма солидной суммы, такъ какъ за одно только гравированіе уложено намъ Пашмакеру суму около 400 руб. Соглашаемся вполнѣ съ вашимъ мнѣніемъ, что такая гравировка есть верхъ совершенства, и конечно, очень бы было приятно, если бы подобныя заказы могли съ такою же тщательностью исполняться у насъ въ Россіи.

2) Поступившіе въ редакцію въ пользу семействъ пострадавшихъ отъ войны въ Босніи и Герцеговинѣ: отъ В. С. Гусева, въ Павловскомъ посадѣ, 86 к., отъ служащихъ на химической фабрикѣ Шлефгорста и Кошл. въ Петербургѣ, 65 р. 85 к., отъ В. Никифорова, въ Городецѣ, 1 р. отъ г. Павлова, въ Городецѣ, 1 р., отъ М. Шройдеръ, въ Прохоровкѣ, 3 р. и отъ П. К. Араванчи, съ Ялтѣ, 5 р., а всего 76 руб. 71 к. зданы въ Главное Управление Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, въ чемъ имѣется квитанція Управления за № 1846.

*) Le Nord de l'Afrique. p. 15—22.

СОДЕРЖАНІЕ: Старинное русское вооруженіе (съ 7-ю рисунками). Б.—. — Нияина Острожская. Историческая повесть Вс. С. Соловьева.—Городъ Прага (съ двумя рис.). А. Н.—ой.—Сербскіе раненые, заживо сожженные турками (съ рис.).—Литературный альбомъ. «Страшная мѣсть», разсказъ Н. В. Гоголя (съ рисункомъ).—Звѣства башн-бузуковъ въ сербской деревнѣ (съ рисункомъ).—Пигмеи древнѣхъ, найденныхъ во внутренней Африкѣ. Ю. Арсенъевъ.—Политическое обозрѣніе.—Почтовый ящикъ.

Редакторъ Д. Стахъевъ.

При этомъ № для гг. иногор. подписч. приложено объявленіе отъ книжнаго магазина Сергѣя Ильича Леухина.

НИВА

№ 39

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на журнал „НИВА“ на 1876 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины
И. Гр. Соловьева, А. Лань и А. Живарова	4 р. 50 б.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во все другіе города и
мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1876 г. номера „Нивы“.

Полковникъ Николай Николаевичъ Раевскій.

Имя всякаго дѣятеля, ревностно послужившаго для блага своего отечества, всегда получаетъ достойное мѣсто на страницахъ исторіи. Но есть такія имена, которыя не только сохраняются въ народной памяти, благодаря этой сокровищницѣ вѣковъ, но преимущественно проходятъ чрезъ цѣлыя поколѣнія, возбуждая въ своихъ потомкахъ стремленія къ подвигамъ. Такиа имена, можно сказать, сугубо безсмертны; они живутъ въ народной памяти, о нихъ съ любовью и гордостью вспоминаютъ потомки прославившихся героев и сами въ свою очередь идутъ ихъ славнымъ путемъ. Къ такимъ именамъ принадлежитъ имя Николая Николаевича Раевского, нынѣ геройски павшаго за свободу угнетаемыхъ нашихъ братьевъ славянъ.

Родъ Раевскихъ извѣстенъ со временъ императрицы Екатерины II, когда прадѣдъ нынѣ павшаго героя, Николай Семеновичъ Раевскій, будучи еще только 30 лѣтъ отъ роду, умеръ отъ рая въ Яссахъ. Два сына его

Полковникъ Николай Николаевичъ Раевскій.
Съ фотогр. рис. и грав. Боярскій.

были герои вполнѣ достойные отца. Одинъ, полковникъ Александръ Николаевичъ Раевскій, котораго самъ Суворовъ называлъ храбрымъ, палъ въ битвѣ при взятіи Измаила. Другой, генералъ отъ кавалеріи Николай Николаевичъ Раевскій, участвовалъ въ отечественной войнѣ 1812 года какъ защитникъ Смоленска, герой Бородина и Монмартра. Сынъ этого послѣдняго, генералъ-лейтенантъ Николай Николаевичъ Раевскій, отецъ нынѣ убитаго, еще юношею, если не огрокомъ, познакомился съ боевою жизнію, участвуя въ походахъ съ своимъ отцомъ. Онъ былъ одинъ изъ создателей черноморской береговой линіи, о чемъ свидѣтельствуетъ фортъ Раевскій, теперешняя станица. Братъ его, дядя нынѣшняго героя, Александръ Николаевичъ Раевскій, участвовалъ во всѣхъ войнахъ текущаго столѣтія и былъ раненъ подъ Вородинимъ на редутѣ своего отца.

Вотъ краткѣ славная родословная нынѣшняго славянскаго героя Николая Николаевича Раевского.

Изъ нея уже видѣнъ тотъ духъ, который руководилъ и руководитъ до сихъ поръ этимъ незабвеннымъ въ исторіи родомъ, видна и та семья, которая владѣтъ неизгладимыя отпечатки на душу своего члена, обуславливая всю его дѣятельность.

Получивъ домашнее образование подъ руководствомъ профессора Грановскаго, покойный Николай Николаевичъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата. Въ 1862 году, онъ поступилъ въ военную службу конюсеромъ въ лейбъ-гвардію гусарскій Его Императорскаго Величества полкъ, а въ 1869 г., достигнувъ чина ротмистра гвардіи, переименовался въ подполковника и перешелъ на службу въ Туркестанскій край, гдѣ поступилъ въ дѣйствующія войска.

Уже здѣсь онъ показалъ себя истиннымъ героемъ при штурмѣ и взятіи города Шахрисабъ. Полковникъ Соковнинъ, въ отрядѣ котораго онъ находился, былъ смертельно раненъ во время штурма; Раевскій самъ, на своихъ плечахъ, вынесъ его изъ пыла битвы, хотя при этомъ и получилъ рану пулею, которая осталась въ немъ навсегда. Штурмъ безъ начальника не удался. На другой день Николай Николаевичъ принялъ команду надъ отрядомъ и снова повелъ его на штурмъ, находясь самъ впереди солдатъ, ворвался въ городъ въ числѣ первыхъ и овладѣлъ имъ.

Живя въ Туркестанѣ, онъ заявилъ себя не одною только военною дѣятельностію, онъ показалъ въ себѣ также передоваго бойца и неуспянаго дѣятеля и на аренѣ гражданской, радѣя о развитіи торговли и промышленности края. Онъ на собственные средства завелъ тамъ хлопковыя плантаціи, шелкоматальни и виноградины.

По влеченію своему къ неутомимой дѣятельности и ратованію за общественные интересы, онъ сдѣлался членомъ общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ въ С.-Петербургѣ. Здѣсь неоднократно онъ возбуждалъ вопросы, какъ напр., «Объ орошеніи земель по р. Сыръ-Дарьѣ», «объ исторіи восточнаго Туркестана», «о торговой экспедиціи въ Индію» и проч. Находясь въ декабрѣ 1873 года въ Ялтѣ, онъ образовалъ тамъ отдѣленіе этого общества и былъ избранъ вице-предсѣдателемъ его. Здѣсь онъ много заботился объ увеличеніи развитія винодѣлія на южномъ берегу Крыма, столь важной мѣстной отрасли промышленности, и въ докладахъ своихъ какъ Ялтинскому отдѣленію, такъ и комитету общества въ С.-Петербургѣ, выставлялъ причины, тормозящія эту промышленность, и предлагалъ средства къ устраненію ихъ.

Польза его экономической дѣятельности какъ въ Туркестанѣ, такъ и въ Крыму была признаваема и оцѣниваема обществомъ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, которое съ глубокою скорбію отозвалось на печальное извѣстіе о смерти Николая Николаевича и сочло своимъ долгомъ собраться въ полномъ составѣ комитета на панихиду за упокой его души, отслуженную по желанію общества въ Казанскомъ Соборѣ.

Въ послѣднее время, до отъѣзда въ Сербію, Николай Николаевичъ служилъ въ одесскомъ военномъ округѣ при генералѣ Семенко и начальникѣ дивизіи Рихтерѣ, которые, цѣня его, оказывали къ нему больше вниманія.

Дѣло славянства, за которое онъ палъ, было посѣяно и взлѣтѣло въ его душѣ еще со студентческихъ лѣтъ, когда онъ посѣщалъ кружокъ И. С. Аксакова. Его пылкое сердце крѣпко запечатлѣло въ себѣ то тяжелое чувство, которое испытывали угнетаемые братья-славяне отъ несправедливости, презрѣнія и жестокости турокъ, на которыхъ наши родные страдалцы могли жаловаться только Богу. И за симъ, какъ только угнетен-

ные подняли знамя возстанія во имя своей человѣческой свободы, Николай Николаевичъ возгорѣлъ страстнымъ желаніемъ помочь имъ въ этой неравной, но святой борьбѣ — и никакія убѣжденія, ни мольбы родныхъ, ни слѣзы матери не могли удержать его отъ исполненія этого желанія: оно сдѣлалось необходимой потребностью его страстной натуры. Вотъ выдержка изъ его послѣдняго письма отъ 21 іюля изъ Одессы:

«Относительно событій въ Сербіи, я далеко отъ иллюзій и ѣду туда именно потому, что дѣла идутъ не хорошо. Развѣ не для того я испортилъ свое существованіе, отказался отъ семейной жизни и провелъ лучшіе годы моей юности въ уединеніи, занятый устройствомъ своихъ дѣлъ, чтобы только въ данную минуту быть свободнымъ и имѣть возможность, безъ сожалѣнія, рисковать собою изъ-за дѣла, которымъ дорожу, и съ надеждою, быть можетъ, прославить имя, которое ношу. И вотъ, когда эта минута наступаетъ, я теряю время въ бездѣйствіи, въ ожиданіи... Я думаю только объ одномъ, какъ бы скорѣй отправиться и съ страшнымъ нетерпѣніемъ ожидаю той минуты, когда получитъ депеша объ увольненіи меня въ отпускъ или въ отставку».

Прибывъ на театръ войны 8 августа, Николай Николаевичъ, какъ извѣстный М. Г. Черняеву по своему мужеству и храбрости, получилъ командованіе сперва правымъ флангомъ его армии, а потомъ авангардомъ ея. При этомъ необходимо замѣтить, что Николай Николаевичъ увезъ съ собою въ Сербію 50,000 рублей, для оказанія помощи нуждающимся. Не щадя нисколько своей жизни, лишь бы только поднять духъ борцовъ свободы, Николай Николаевичъ постоянно находился въ самомъ пылу битвы и въ 4 дня заслужилъ орденъ Такова*), данный ему за пораженіе турецкой армии подъ Алексинацемъ. Сербскіе офицеры съ удивленіемъ смотрѣли на храбраго героя и очень сожалѣли, что онъ не знаетъ ихъ языка, этого духовнаго рычага къ поднятію героическаго воодушевленія войска, этой духовной связи между начальникомъ и солдатомъ. Недостатокъ этотъ сказался роковымъ образомъ 20 августа, въ жаркой битвѣ подъ Адровацемъ. Здѣсь изъ 2-хъ батальоновъ, которыми командовалъ Николай Николаевичъ, только 20 человѣкъ послѣдовали за нимъ, въ самый пылъ битвы, а остальные отъ града пуль обратились въ бѣгство. Въ эту критическую минуту пуля поразила его въ лѣвый високъ... Тѣло павшаго героя было похоронено со всѣми военными почестями въ монастырѣ св. Романа, на правомъ берегу р. Моравы, въ четырехъ часахъ пути на западъ отъ Алексинаца, но теперь оно уже перевезено въ Россію согласно желанію его матери и родныхъ и предано землѣ въ имѣніи Раевскихъ «Болтышки», близъ Елизаветграда.

Такъ безвременно, въ цвѣтѣ лѣтъ, подобно своему прадѣду, на 36 году отъ рожденія погибъ полковникъ Николай Николаевичъ Раевскій.

Погибъ, какъ жертва искупленья
Неправды запада дѣтей,
За ихъ позорное забвенья
Своихъ возвышенныхъ идей.

Онъ доказалъ намъ, что любитъ ближняго, какъ истинный послѣдователь ученія Христова, и другой болѣе высшей и болѣе самоотверженной любви, по слову евангельскому, выразить смертный не можетъ: «*Больши сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя*».

Н. К.—овъ.

М. Г. ЧЕРНЯЕВУ.

Ты, Господи, дай силъ въ бореньи со врагами
Геройскому вождю Балканскихъ христіанъ,
Да защититъ онъ крестъ надъ сербскими полями
И вопли прекратитъ страдающихъ Славянъ!

* *

Весь христіанскій міръ теперь къ тебѣ взываетъ,
Черняевъ, нашъ Танкредъ, безсмертный нашъ герой;

Какъ крестоносца Русь тебя благословляетъ
И шлетъ своихъ сыновъ къ тебѣ на ратный бой.

* *

И борются, какъ львы, герои молодые
За дѣло правое, въ защиту христіанъ,
И русскихъ ратниковъ успѣхъ боевые
Отъ варваровъ спасутъ измученныхъ Славянъ.

Ольга Покомарева.

НОВАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА НА ГОРУ РИГИ ВЪ ШВЕЙЦАРИИ.

(Артъ-Ригійская желѣзная дорога).

Между швейцарскими горами первое мѣсто безспорно принадлежитъ Риги. Желѣзная дорога на Риги сдѣлала этого каменнаго великана знаменитымъ. Съ невольнымъ чувствомъ удивленія и восторга смотритъ путешественникъ на дымящуюся locomotive, который взбирается на страшную высоту. Станція «Риги-Кульмъ» находится на высотѣ 1,800 метровъ надъ уровнемъ моря. Съ Альпійской желѣзной дорогой мы уже имѣли случай познакомиться нашихъ читателей (См. «Ниву» 1870 г. № 5 и 41, и 1874 г. № 5), теперь намъ представляется случай рассказать объ Артъ-Ригійской желѣзной дорогѣ, этомъ новомъ чудѣ современной желѣзно-дорожной техники.

До постройки этой линіи число посѣтителей Риги простиралось, среднимъ числомъ, до 40,000 въ годъ. Съ открытіемъ ея число отправляющихся ежегодно на Риги удвоилось, да увеличилось и средства для приема гостей. Ригійскія гостиницы, всѣ вмѣстѣ, могутъ предложить 2,000 кроватей сразу.

Главнымъ сборнымъ пунктомъ отправляющихся на Риги былъ всегда Цюрихъ—одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ, промышленныхъ городовъ и центръ умственной жизни нѣмецкой Швейцаріи. Городъ этотъ расположенъ на берегу Цюрихскаго озера,

*) Орденъ «Такова» установленъ въ память возстанія сербовъ въ 1815 г. и названъ «Тавокомъ» потому, что первый сигналъ къ возстанію подавъ былъ въ селеніи «Таково».

среди живописной местности. В Цюрих выдаются билеты на какую угодно из станций Ригийской железной дороги, по которой летом ежедневно отправляется шесть поездов. Оставив главную станцию (монументальное здание в Цюрихе), поезд идет среди картинной местности. Миновав станции Урдорф и Бирмендорф, поезд, дѣлая большой полукруг, опбает Юли и близко подходит къ этой горѣ (съ западной ея стороны). До ст. «Вонштэдтен» дорога идет въ гору, а отсюда до Цуга (на Цугскомъ озерѣ) подѣ гору. На пути отъ Цюриха до Цугской станции—цѣлая галерея ландшафтовъ. За ст. «Кнонау» другая великолѣпная картина: Цугское озеро и величественная пирамида Риги; на право возвышаются Штанцергарн и Пилатъ, позади Шрегорнъ и Эйгерамъ, по лѣвую—Россбергъ, пользующійся печальною пзвѣстностью вслѣдствіе страшнаго обвала, надѣлавшаго много бѣдъ въ 1806 году.

Со станція железной дороги въ Цугъ путешественники отправляются на пароходную пристань, гдѣ ихъ уже ожидаетъ великолѣпный новый пароходъ, «Гельвция». Плыть на пароходѣ по Цугскому озеру, значитъ—любоваться прелестными видами. Самое прелестное зрѣлище представляетъ гора Риги. При входѣ въ такъ называемое «Верхнее» или Артское озеро, по направлению къ югу, нельзя не замѣтить мѣстечко Артъ, принадлежащее кантону Швицъ. Долливъ до Арта путешественники переходятъ въ вагоны Артъ-Ригийской железной дороги (станція на самомъ берегу озера). Это первая станція названной дороги. М. Артъ имѣетъ 3,000 жителей. Здѣсь, въ красной церкви, сооруженной въ 1694 г., хранятся серебряные кубокъ и чаша Карла

Зубчатая полоса прикреплена къ поперечнымъ шпаламъ винтами. Локомотивы горной дороги построены по системѣ г. Риггенбаха, директора машиннаго завода въ Ольтенѣ, и эти локомотивы—лучшіе изъ существующихъ выпѣ горнодорожныхъ машинъ. Сила cadaго локомотива равняется 160 лошадинымъ силамъ. Система тормазовъ такова, что можетъ одновременно троякимъ образомъ замедлить и остановить движение поезда. Такой локомотивъ тянетъ на гору два пассажирскихъ вагона, изъ которыхъ одинъ меньшаго размѣра. Въ этихъ двухъ вагонахъ могутъ свободно помѣститься 72 человека съ багажемъ. Поездъ, состоящій изъ пары вагоновъ и локомотива вѣситъ 600 центнеровъ, а скорость движения его—8 километровъ въ часъ. Большое зубчатое колесо имѣетъ въ поперечникѣ 1,035 метр., въ окружностѣ—3,3 м. и 33 зубца. Вращаясь, оно захватываетъ зубцы желѣзной полосы на полотнѣ дороги и, цѣпляясь такимъ образомъ, поднимаетъ весь поездъ на крутизну. Колесо это фабрикуется изъ лучшей литой стали; зубцы вырѣзываются на немъ; каждый зубецъ отстоитъ отъ другаго на 0,10 метра, слѣдовательно, на одинъ метръ зубчатой полосы приходится десять зубцовъ колеса. Пассажирскіе вагоны, открытые съ обѣихъ сторонъ, снабжены занавѣсками на случай непогоды, а переднія и заднія стѣнки ихъ состоятъ изъ оконъ, такъ что желающему глядѣть вуда угодно—препятствія не представляется. Каждый вагонъ у передней оси своей также имѣетъ зубчатое колесо, и онъ можетъ быть остановленъ во всякое время, такъ какъ на горножелѣзной дорогѣ вагоны не сцепляются съ локомотивомъ. На Артъ-Оберартской линіи всѣ ва-

Артъ-Ригийская желѣзная дорога въ Швейцаріи. (Слѣды обвала, бывшаго въ Гольдаускихъ горахъ).

Смѣлаго, захваченные въ пылу битвы при Грандсонѣ въ 1476 году. Артъ нѣсколько разъ погоралъ. 2-го сентября 1806 года страшный Гольдаускій горный обвалъ чуть не уничтожилъ со-всѣмъ этого мѣстечка.

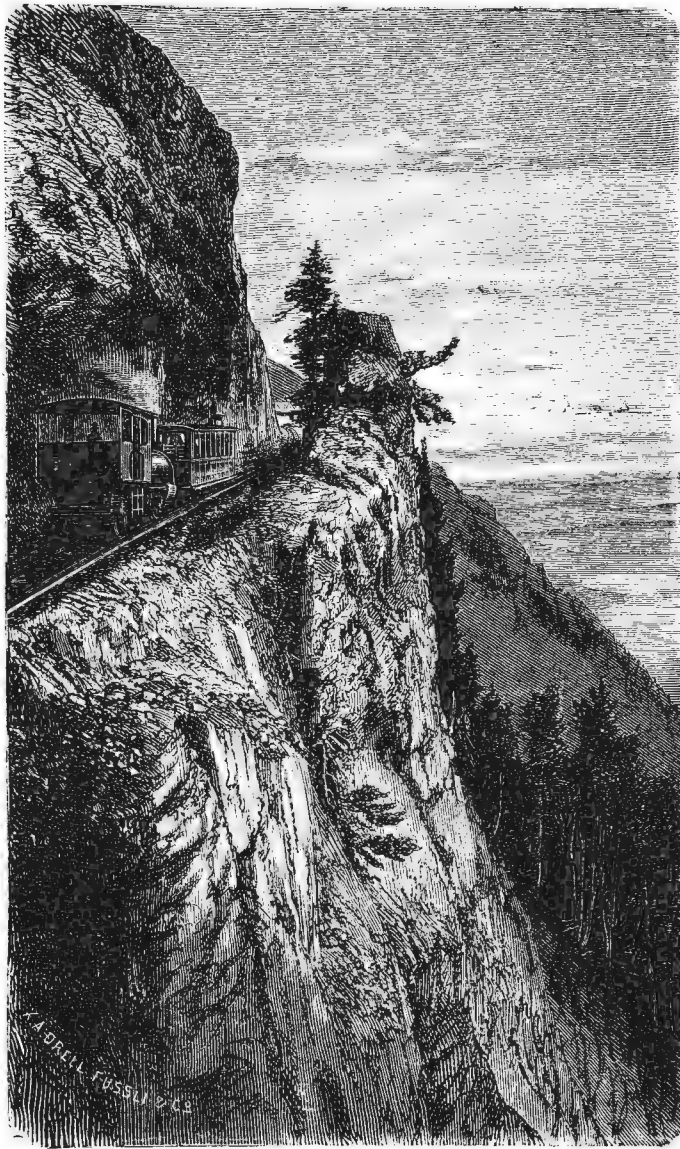
Поездъ катится сначала по артской долинѣ, среди гольдаускихъ развалинъ, направляясь къ западу, къ подошвѣ Риги-Шейдекъ, а затѣмъ медленно, шагъ за шагомъ, взбирается по правому склону Аабаха-Тобельса и, черезъ Клестерли, достигаетъ горнаго хребта Риги-Штаффель, откуда поднимается на вершину Риги-Кульмъ. Линія Артъ-Риги-Кульмской желѣзной дороги имѣетъ 11,172 метра протяженія, изъ которыхъ 1,395 метр. приходится на рельсовый путь въ долинѣ между Артомъ и Оберартомъ, остальные же девять тысячъ семьсотъ семьдесятъ семь метровъ относятся собственно къ горной дорогѣ. Каждый локомотивъ снабженъ большимъ зубчатымъ колесомъ. Послѣдняя станція Артъ-Ригийской дороги лежитъ на 1330 метр. выше первой. На этой линіи находятся три тунеля и семь желѣзныхъ мостовъ. По устройству, конечно, горно-желѣзная дорога отличается отъ обыкновенной желѣзной; поверхность поперечныхъ шпалъ, длиною въ 2,40 метр., отстоящихъ одна отъ другой на 0,75 метра, положена пара продольныхъ шпалъ, которыя надлежащимъ образомъ прикрѣплены къ первымъ. На этихъ продольныхъ шпалахъ утверждены рельсы, а между ними, по срединѣ, идетъ желѣзная зубчатая полоса, состоящая изъ прокатанныхъ шпалъ съ заклепанными въ нихъ зубцами. Высота зубца 36 миллиметровъ, ширина внизу 55 мм., сверху—36 мм.

гоны слѣдуютъ за однимъ паровозомъ, но въ Оберартѣ поездъ разчленяютъ: къ каждому двумъ вагонамъ прикрѣпляется горно-дорожный локомотивъ, и такіе маленькіе поезда катятся одинъ за другимъ, причемъ разстояніе между ними—пять минутъ ѣзды.

Отѣхавъ отъ Артской станции, туристъ уже видитъ влѣво утесы неприступной съ этой стороны Риги, съ вершиною ея Кульмомъ. Направо возвышается Зонненбергъ, западный, тѣсный склонъ Россберга. По выходѣ изъ Арта поездъ пересѣкаетъ счаровательную долину, похожую на громадный фруктовый садъ, и черезъ четыре минуты подходит къ Оберарту, откуда уже начинается собственно горно-желѣзная дорога. Тутъ къ каждой парѣ вагоновъ прикрѣпляется особый локомотивъ. Миновавъ Оберартъ и первый мостъ (Аабахскій), поездъ входитъ въ Мюфлюсскій тунель, затѣмъ путь лежитъ ему черезъ Артъ-Штейнбергъ, и второй Аабахскій мостъ. Отсюда хорошо видѣнъ восточный фасадъ кургауза Риги-Шейдекъ (онъ высоко надъ головою) и далѣе, въ томъ же направленіи, по срединѣ горы, блеститъ узкой ленточкой часть Артъ-Ригийской дороги, это именно тотъ участокъ ея, гдѣ она высѣчена въ голой скалѣ (Крѣбельвандъ). За третьимъ Аабахскимъ мостомъ начинается страшная пустыня, поля, усѣянные громадными обломками скалъ,—это все молчаливые памятники ужасной катастрофы 1806 г. По этой каменистой пустынѣ поездъ идетъ до Гольдауской станции, гдѣ и принимаетъ пассажировъ изъ Эйнзильдена, Швица и Бруннена. На первой нашей картинкѣ изображена мѣстность у третьяго Аабахскаго моста. И

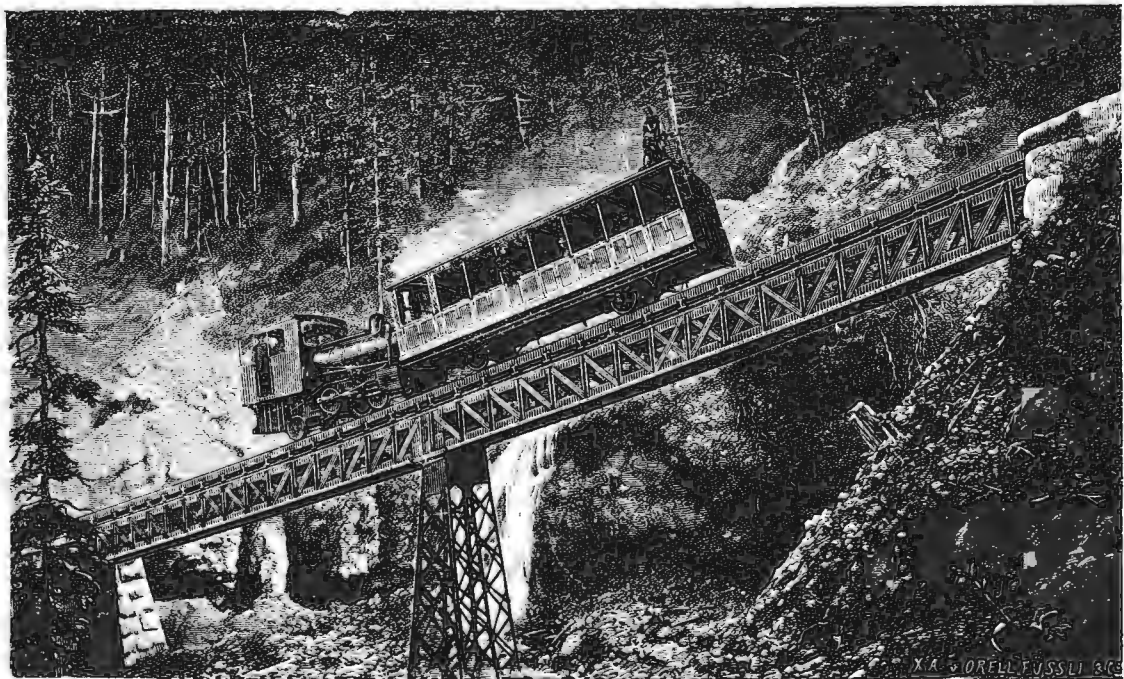
тутъ уже хорошо видны слѣды грознаго обвала, бывшаго въ 1806 г. 2-го сентября. Громадныя глыбы скалъ съ страшнымъ трескомъ внезапно отдѣлились отъ Россберга и рухнули въ долину. Въ какія нибудь 3—4 минуты все было кончено... Пространство въ пять квадратныхъ километровъ, съ цвѣтущими деревеньками, было завалено камнями и засыпано щебнемъ. До 300 зданій (изъ нихъ 106 жилыхъ помѣщеній), 2 церкви, капелла и 457 человекъ похоронены подъ слоемъ щебня толщиной въ 50 метровъ. Попышій городокъ Гольдау стоялъ на 35 метровъ ниже новаго Гольдау, имѣющаго теперь нѣсколько домиковъ и одну церковь.

Отъ Гольдау дорога идетъ въ гору, и чѣмъ выше взбирается поѣздъ, тѣмъ грандиознѣе становится панорама... Есть на что полюбоваться путешественнику! Величественныя Крзельвандъ и Риги-Кульмъ являются теперь во всей своей красѣ; у подошвы Риги блеститъ Цугское озеро, а прямо, напротивъ, вздымается суровый Россбергъ; тамъ, направо, вдали видна долина съ ущельемъ Кинцигъ, чрезъ которое прошли русскіе подъ начальствомъ Суворова въ сентябрѣ 1799 г. Далеко на горизонтѣ снятъ восточныя Альпы... А локомотивъ дѣлаетъ свое дѣло: пытитъ и пошвыстывая, взбирается онъ по горѣ, направляясь къ Крзельвандской станціи, стоящей на небольшой плоской возвышенности, среди зеленыхъ луговъ. Отъ этой станціи поѣздъ идетъ по дорогѣ, высѣченной въ скалѣ «Крзельвандъ». Дорога эта — удивительное произведеніе современной техники. Крзель-

Артъ-Ригійская желѣзная дорога въ Швейцаріи.
(Отвѣсная скала Крзельвандъ).

вандъ—отвѣсная скала; высота ея 150 метр., длина — 530 метр. Поѣздъ (какъ видно на второй картинкѣ) идетъ по самому краю обрыва, надъ бездной... Любителю сильныхъ ощущений такая поѣздка можетъ доставить своего рода наслажденіе. Для постройки рельсового пути на этой крутизнѣ пришлось довольно таки потрудиться; рабочихъ, напр., слускали на канатахъ, и что могли сдѣлать руки — сдѣлали, а труднѣйшее dokonчили динамитъ. Мѣстами надъ полотномъ дороги устроена желѣзная крыша, а въ самой скалѣ высѣчены желоба для стока горныхъ ручьевъ. Пройдя Ротенфлюскій тунель, поѣздъ попадаетъ въ Аабахтобельское ущелье. Благодаря густому еловому лѣсу, здѣсь царствуетъ приятная прохлада, а тишина прерывается гуломъ Аабаха, который сердито шумитъ въ глубинѣ ущелья. Подвигаясь все выше и выше, путешественники достигаютъ моста, перекинутаго чрезъ Ротенбалъ—Красный ручей, образующій въ этомъ мѣстѣ великолѣпный водопадъ. Локомотивъ (см. третью картинку) подталкивается вверхъ вагонъ по наклонному Ротенбахскому мосту. И тутъ тоже любителю сильныхъ ощущений представляется вдоволь насладиться опасной переѣздой. Далѣе, у Фрутш, устроено два рельсовыхъ пути для развѣзда встрѣчныхъ поѣздовъ. Отъ Фрутш до Кульма ландшафты оживлены стадами животныхъ, пасущихся на южномъ склонѣ Риги-Кульма. Пройдя Пфедервальдъ и Доссенбахскій мостъ, поѣздъ входитъ въ Пфедервальдскій тунель. Впереди, между горами, Риги-Кульмомъ,

Артъ-Ригійская желѣзная дорога въ Швейцаріи. (Движеніе поѣзда по наклонному Ротенбахскому мосту).

*Quis vetet apposito lumen de lumine tolli?
Mille licet capiant, deperit inde nihil.*

Pet. Paul. Rubemus inuenit et excudit.

*Cum Privilegio Regis
Christianissimi
Serenissimi Imperatoris
et Archiducis Austriae.*

Надпись под картиной, приписываемая самому Рубенсу:

«Кто запретить взять огонь от огня?
Если и тысяча возьмет — ничего не убудет».

Женщина со свечей. Картина Рубенса, грав. О. Ротъ.

Штофельмъ и Ритшокомъ, видны кургаузы и приютъ капуциновъ, посѣщаемый ежегодно сотнями богомольцевъ. Самымъ восхитительнымъ пунктомъ является Штофельская станція. Видъ отсюда поразительно хорошъ, особенно при закатѣ солнца, но и въ пасмурную погоду картина не дурна: поѣздъ какъ бы плыветъ среди клубящагося, туманнаго моря, изълучины котораго вздымаются, въ видѣ острововъ, горныя вершины.

Оставивъ Штофельскую станцію, паровой конь дѣлаетъ послѣднее усиліе и, фыркая, медленно поднимается въ гору, доходитъ наконецъ до послѣдней станціи Артъ-Риги-Кульмской дороги. Станція «Риги-Кульмъ» по мѣстополюженію своему (1800 метр. надъ уровнемъ моря) единственная въ Европѣ.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева.

Часть первая.

III.

Мы видѣли княжну Гальшку вдвоемъ съ теткой, суругой князя Константина; ея же родной матері, княгини Беаты Острожской, не было въ торжественномъ поѣздѣ, не было и въ церкви, во время освященія приѣзда. Такое отсутствіе княгини могло бы сразу показаться очень страннымъ и предосудительнымъ непосвященному человѣку и непременно должно было возбудить толки и пересуды въ толпѣ собравшагося народа. А между тѣмъ никто не удивлялся, никто не спрашивалъ о княгинѣ Беатѣ. Народъ уже давно привыкъ къ ея постоянному отсутствію на всѣхъ религіозныхъ торжествахъ, на всѣхъ церковныхъ праздникахъ. Про нея знали, что она живетъ въ замкѣ, что она полька и католичка, что у нея есть своя домовая каплица и свой духовникъ. Все это, взятое вмѣстѣ, а также ея нелюбимость и непривѣтливость не могли снискать ей любви народной. Если ее не порицали и не бранили открыто, то единственно вслѣдствіе уваженія къ имени князей Острожскихъ, которое она носила.

Въ то время, о которомъ мы говоримъ, семейные нравы литовской аристократіи были въ большомъ упадкѣ. По достовернымъ свидѣтельствамъ современниковъ можно составить весьма непривлекательную картину. Стремленіе къ роскоши дѣлалось всеобщимъ. Литовскія женщины высшихъ слоевъ общества мотали деньги такъ, что мужчины могли жениться только съ большимъ приданымъ. Многимъ дѣвушкамъ изъ хорошихъ домовъ трудно было, поэтому, найти себѣ приличную партію, и они должны были или оставаться старыми дѣвами, или вступать въ предосудительные браки. Литовская женщина, по законамъ, имѣла многія права и пользовалась большою независимостью, но недостатокъ серьезнаго воспитанія развилъ въ ней полное отсутствіе самоуваженія — она стремилась только къ роскоши и неприличному кокетству.

Не мудрено послѣ этого, что благоразумные отцы семействъ предпочитали выбирать для своихъ сыновей женъ въ Польшѣ, гдѣ женщины были гораздо образованнѣе и высоко цѣнили свою родовую честь. Такъ поступилъ и покойный князь Константинъ Ивановичъ Острожскій — онъ женилъ своего сына Илью на полькѣ, Беатѣ Косцѣлецкой, дочери подскарбіа короннаго. Беата была красива, богата и имѣла большія связи въ Краковѣ. Она была вѣрной и преданной женою князю Ильѣ, но рано овдовѣла, и съ тѣхъ поръ близкіе люди стали замѣчать въ ней большую перемѣну.

Строго воспитанная въ правилахъ католической религіи, она, и выйдя замужъ, осталась ревностной католичкой. Мужъ и его отецъ предоставляли ей въ этомъ отношеніи полную свободу и никогда даже не заводилъ съ ней религіозныхъ споровъ. Она привезла съ собой въ замокъ Острожскихъ старика духовника, чело- вѣка весьма почтеннаго и сдержаннаго, имѣвшаго на

Неподалеку отъ станціи находятся гостиницы «для приѣзжающихъ»; гостиницы эти не хуже парижскихъ.

Риги состоитъ изъ группы горъ, высочайшая вершина которыхъ Риги-Кульмъ. Ригійская горная группа имѣетъ въ окружности 57 километровъ. У подошвы ея тянутся мѣстечки (ихъ 13), омываемыя водами Фирвальдтэтекаго, Цугскаго и Ловердскаго озеръ. На вершинахъ этихъ горъ болѣе 200 настущьихъ хижинокъ. Горныя пастбища прокармливаютъ слишкомъ 4,000 головъ скота. Риги-Кульмъ, эта пирамида, стоящая особнякомъ, имѣетъ на своей вершинѣ площадку, съ которой видны не только швейцарскіе и тирольскіе альпы, но и холмистая страна, лежащая между Юрою, Вогезами, Шварцвальдомъ и Швабскими альпами.

нее большое вліяніе и никогда имъ не злоупотреблявшего. Княгиня Беата не мало часовъ проводила съ нимъ въ религіозныхъ бесѣдахъ, послѣ которыхъ мужъ заставлялъ ее иногда въ восторженномъ настроеніи, со слезами на глазахъ. Но эта восторженность скоро проходила, и молодая княгиня являлась въ общество съ любезной, веселой улыбкой, довольная своей молодостью, красотой и блестящимъ положеніемъ, далекая отъ всякаго религіознаго фанатизма. Родилась дочь — въ княгинѣ Беатѣ вспыхнули материнскіе инстинкты, и все свое свободное отъ удовольствій время она стала посвящать ребенку. Дѣвочка росла и уже съ первыхъ лѣтъ стала всѣхъ поражать своей необыкновенной красотой. Княгиня отовсюду слышала похвалы самыя восторженныя и не могла сомнѣваться въ ихъ искренности. Ея Гальшка сдѣлалась ея гордостью и радостью — она не могла на нее налюбоваться.

Въ это время отъ какой-то скоротечной и неизвѣстной тогдашней медицинѣ болѣзни умеръ князь Илья. Эта неожиданная утрата совершенно сразила Беату. Первое время она казалась погубленной. Она заперлась ото всѣхъ, она ушла въ себя и мѣсяца три выносила присутствіе только одного духовника. Даже къ дочери какъ-то охладѣла. Строгій постъ, молитва на могилѣ мужа, чтеніе духовныхъ книгъ — вотъ въ чемъ стала проходить жизнь ея, изо дня въ день, безъ всякихъ отступленій. Напрасно многочисленная родня, искренно ее любившая, старалась привести ее въ себя, убѣдить, что, не смотря на всю великость ея горя, жизнь еще не можетъ потерять въ глазахъ ея всякаго значенія, что ей рано еще совершенно отказываться отъ общества, что у нея, наконецъ, есть дочь, которая должна примирить ее съ жизнью.

Всѣ добрые совѣты, всѣ убѣжденія, пропадали даромъ. Княгиня молча, внимательно выслушивала все, что ей говорили, но, взглянувъ на нее можно было сразу замѣтить, что она думаетъ о чемъ-то постороннемъ; своемъ, что вразумить ее нѣтъ возможности. Только при имени дочери она нѣсколько оживлялась; но оживленіе это было минутное и скоро переходило въ обычную апатію и замкнутость.

За нѣсколько недѣль до первой годовщины смерти мужа, она съѣздила съ духовникомъ своимъ въ Краковъ. Она пробыла тамъ не долго, не показала при дворѣ и все время провела окруженная католическимъ духовенствомъ. Она вернулась въ Острогъ сильно возбужденная и оживленная. Во всей ея фигурѣ, въ ея движеніяхъ замѣчалась явная перемѣна — прежней апатіи не было и слѣда. Родные обрадовались сначала, думая, что поѣздка развлекла ее, что теперь она снова заживетъ своей прежней, естественной жизнью.

Но скоро всѣ поняли, что ошиблись. Княгиня Беата, не смотря на оживленность и признаки нравственной энергіи, осталась совершенно равнодушной къ интересамъ, ее окружавшимъ. Она была снова одна, толь-

ко ужь не погруженная въ прежнюю тоску и задумчивость, а охваченная какою-то новой, таинственной дѣятельностью, которая въ первое время держалась въ тайнѣ отъ обитателей замка. Старый духовникъ остался въ Краковѣ, а на мѣсто его явился новый ксендзь, державшій себя со всѣми какъ-то особенно предупредительно и льстиво. Онъ постоянно куда-то уѣзжалъ и возвращался, привозилъ княгинѣ Беатѣ какія-то письма, которыя она жадно читала и прятала въ свою заветную шкатулку вмѣстѣ со всѣми своими приданными драгоценностями. Что-же все это значило? Значило это, что княгиня дѣйствительно сумѣла найти примиренье съ жизнью, найти дѣло, которому она отдалась порывисто и страстно. Дѣло это была религиозная пропаганда. Католическіе паперы въ тѣ времена, какъ и теперь, любили дѣйствовать черезъ женщинъ и всегда имѣли въ нихъ своихъ вѣрныхъ ученицъ, помощницъ и благодѣтельницацъ. Мудрый сонмъ краковскихъ отцевъ въ короткое время совершенно забралъ въ руки княгиню Беату. Она поклялась посвятить всю жизнь свою дѣламъ вѣры и помогать духовенству своими сильными приношеніями. Въ первый же годъ она переслала въ Краковъ, при посредствѣ новаго духовника, весьма значительныя суммы денегъ. Взамѣнъ ихъ она получила благодарственные письма святыхъ отцевъ, гдѣ ее провозглашали достойнѣйшей дочерью церкви. Эти краснорѣчивыя, пропитанныя тонкой лестью письма составляли ея отраду и гордость. Ей обѣщали, что ея добрыя дѣла скоро сдѣлаются извѣстными папѣ, что она получитъ и его благодарность. Она удвоила свое рвеніе и съ радостью жертвовала локмѣмъ патерамъ гораздо больше половины всѣхъ своихъ доходовъ.

Поглощенная и затуманенная своей новой дѣятельностью, Беата уже не находила времени заниматься подрославшей дочерью. Вся ея прежняя любовь къ ней какъ-то расплылась въ охватившемъ ее фанатизмѣ. Иногда она забывала ее по цѣлымъ днямъ. Князь Константинъ Константиновичъ и его жена до глубины души возмущались этимъ. Они не разъ пробовали убѣдить, усовѣстить Беату.

— Я люблю ее гораздо больше, нежели вы всѣ думаете, во время одного изъ такихъ объясненій сказала княгиня Константину Константиновичу.—Я много думаю о ея будущемъ, о ея счастьи, но развѣ я виновата, что у меня руки связаны, что я хоть и мать, да не мать ей...

— Что это значитъ? спросилъ князь.—Неужели ты хочешь упрекнуть меня или жену въ томъ, что мы становимся между тобой и Гальшкой?...

— Я ни въ чемъ не хочу упрекать васъ, но скажи по совѣсти, развѣ она не больше принадлежитъ вамъ, нежели мнѣ? Развѣ ты не опекунъ ея, развѣ не въ твоихъ рукахъ ея состояніе, развѣ, наконецъ, моя дочь не чужда мнѣ по вѣрѣ, въ которой вы ее воспитываете?

— Но вѣдь ты все это хорошо знала, когда вышла за брата. Ты знала, что дѣти Ильи Острожскаго не могутъ быть католиками. Ты торжественно клялась покойному отцу и брату никогда не заводить и рѣчи объ этомъ.

— Да, я клялась, отчаянно проговорила княгиня,—клялась, но сама не знала, что тогда дѣлала, не знала, какой грѣхъ, какое мученіе брала на свою душу... Вы заставили меня отступить отъ моего собственнаго ребенка... Это ужасно!

Князь уже давно ожидалъ подобныхъ упрековъ, хотя Беата до сихъ поръ была очень сдержана. Онъ давно уже предвидѣлъ, что трудно ему будетъ обойтись безъ семейной драмы, подготовленной католическими патерами. Ему приходилось отстаивать православіе уже не въ одной Литвѣ, а и въ стѣнахъ собственнаго дома, приходилось начинать тяжелую, раздражающую борьбу

съ фанатизмомъ женщины, которую онъ, не безъ основанія, иногда готовъ былъ считать помѣшанной...

Его лицо вспыхнуло, глаза блеснули недобрымъ блескомъ.

— Никто тебя не заставлялъ и не заставляетъ отступать отъ Гальшки, гнѣвно сказалъ онъ.—Никто не заступаетъ тебѣ дорогу къ ея сердцу; но если тебѣ мало ея любви, если ты хочешь стать между ею и Богомъ, насильно навязывать ей свою вѣру, то ужь лучше тебѣ уѣхать отсюда. Я выдамъ все, что тебѣ завѣщано братомъ, но Гальшки тебѣ не выдамъ.

— Какъ! поднялась Беата, блѣдная и дрожащая.—Ты хочешь отнять у меня дочь, ты хочешь меня выгнать изъ дому?!... Или ты думаешь, что на тебя нѣтъ и закона, что король потерпитъ такое беззаконіе?..

Князь Константинъ едва себя сдерживалъ. Онъ побавровѣлъ отъ гнѣва.

— Я не боюсь твоего короля, задыхаясь проговорилъ онъ.—Ты знаешь, что до сихъ поръ я тебѣ былъ добрымъ братомъ, но я былъ братомъ и твоему мужу—я не отдамъ его дочь на сѣдене твоимъ патерамъ, которые лишили тебя и разсудка, и сердца...

И онъ вышелъ своими тяжелыми шагами отъ княгини.

Беата бесильно опустилась въ кресло и залилась слезами.

Она еще недавно получила изъ Кракова письмо отъ епископа, въ которомъ онъ убѣждалъ ее въ необходимости вырвать дочь изъ „челюстей схизмы“. Вѣрные слуги католической церкви давно уже всецѣло подчинили ее своему вліянію. Она жила ихъ мыслями. Но рядомъ съ этимъ въ ней оставалось нетронутымъ уваженіе къ князю Константину, какой-то благоговѣнный страхъ передъ нимъ. Борьба съ нимъ представлялась ей невозможной.

Она велѣла позвать своего духовника и излила ему душу. На другой день онъ ѣхалъ въ Краковъ за инструкціями.

Придя къ себѣ и нѣсколько успокоившись, князь Константинъ задумался объ Гальшкѣ. Ей уже былъ шестнадцатый годъ на исходѣ. Изъ прелестнаго ребенка она превратилась въ удивительную, неслыханную красавицу, въ дѣвушку кроткую и благочестивую. Князь души не чаялъ въ племянницѣ. Да могъ ли онъ и не любить ее. У него было трое сыновей, старшему изъ которыхъ только что исполнилось 12 лѣтъ. У него была и единственная, любимая дочь, сверстница и подруга Гальшки. Но дочь эта умерла три года тому назадъ и съ тѣхъ поръ вся его нѣжность къ ней перенеслась на Гальшку.

Молодая княжна и сама горяче любила дядю. Никто какъ она не умѣлъ ему прислуживать, никто не умѣлъ такъ разглаживать маленькой и нѣжной рукою морщины гнѣва и печали, выступавшія на лбу его. Она одна изъ окружавшихъ не боялась его въ страшныя его минуты. Она одна смѣло входила къ нему въ тѣ часы, когда всѣ трусливо обѣгали его покои.

Онъ любилъ тихо и ласково бесѣдовать съ ней въ свободныя минуты. Иногда по вечерамъ онъ собиралъ жену и дѣтей, а Гальшка отстегивала литыя золотыя застежки большой, тяжелой книги и своимъ звонкимъ голосомъ читала имъ житіе какогонибудь святого или главу изъ Евангелія. Князь Константинъ по временамъ прерывалъ чтеніе и объяснялъ ей то, что, какъ ему казалось, было неясно ея пониманію.

И эту-то добрую и ласковую, ангельски прекрасную дочку-племянницу желаютъ отнять и у него и у церкви, желаютъ сдѣлать полькой, католичкой. Невозможно допустить до этого, нужно еще больше слѣдить за нею, оберегать отъ вредныхъ вліяній—а слѣдить и наблюдать совсѣмъ некогда: большія дѣла на рукахъ, кипучая, непрестанная дѣятельность. Все чаще и чаще

приходилось князю отлучаться изъ Острога, дѣла его звали то въ Краковъ, то въ глубину Литвы, то въ резиденціи другихъ магнатовъ литовскихъ.

Правда, безъ него оставалась жена... она добра, она сама безъ души любить Гальшку; но князь Константинъ невольно долженъ былъ сознаться, что его добрая, вѣрная княгиня Анна Станиславовна плохой дипломатъ и руководитель. Ее обмануть и одурачить ничего не стоитъ—на это хватить самаго неопытнаго католическаго монаха.

Выдать бы поскорѣе Гальшку замужъ, прискаты жениха хорошаго и надежнаго, пзъ доброй и вельможной семьи православной. Но на комъ остановиться? Гдѣ теперь, въ это смутное, шаткое время, надежные люди? Что за мелкое, жалкое племя народилось у стариковъ литовскихъ! За отличие при дворѣ продаютъ и родину и вѣру Забыли стародавнїе, дѣдовскїе нравы и обычаи—а имп-то крѣпко, несокрушимо стояла Литва родимая. Передразниваютъ поляковъ да нѣмцевъ, перенимаютъ ихъ ненутныя, разорительныя моды... Стыдно сказать—малый лѣтъ въ двадцать съ чѣмъ нибудь ужъ побывалъ въ разныхъ чужихъ странахъ, всего навидался, все ему опротивѣло, а пуще всего опротивѣли родные лѣса литовскїе. Такъ его и тянетъ изъ дому, все въ Краковъ, да въ Краковъ, за чужими женами польскими волочиться да своихъ же литвинокъ очумѣвшихъ вводить въ грѣхъ и безпутство. Совѣсть забыли, Бога забыли, родину губять...

Есть одинъ человекъ на примѣтѣ. Князь Константинъ давно въ него всматривался. И роду знаменитаго, и сынъ друга - товарища, и крестникомъ приходится. Воспитанъ строго, въ вѣрѣ и благочестїи, собою молодецъ и умомъ не обиженъ—могъ бы и для дѣла святаго пригодиться князь Дмитрій Сангушко, можно бы было положиться на такого племянника пока свои дѣти не выростутъ. Да кто его знаетъ—какъ еще покажется самой Гальшкѣ. А неволить Гальшку, да настаивать въ такомъ дѣлѣ, князь Константинъ не рѣшился бы ни за что въ свѣтѣ.

Приходилось ждать да положиться на милость Божїю. Князь только сталъ почаще бесѣдовать съ Гальшкой объ истинахъ православной вѣры и старался возбуждать въ ней патріотическія чувства...

Между тѣмъ краковское духовенство не дремало. По поводу княгини Беаты списались съ Римомъ. Тамъ приняли въ этомъ дѣлѣ живое участіе, заинтересовали княгиней Острожской даже папу Пія V. Онъ послалъ ей въ духовники итальянца монаха. Этотъ монахъ принадлежалъ къ ордену іезуитовъ, сильно покровительствуемому папой. Звали его Антоніо Чекино. Ему даны были важныя инструкціи и полномочїя.

Княгиня Беата встрѣтила его какъ посланника неба; онъ сразу успокоилъ ея взволнованную душу и не прошло и мѣсяца, какъ забралъ ее всю, со всеміи ея помыслами и чувствами, въ свои руки Явившись въ Острогъ, отецъ Антоніо сдѣлалъ все, чтобы произвести выгодное для себя впечатлѣніе въ его обитателяхъ—онъ обошелъ не одну Беату, онъ обошелъ всѣхъ, но не могъ обойти князя Константина. Князь сразу почувалъ въ немъ врага ловкаго и хитраго. Между тѣмъ не было достаточной законной причины для его удаленія изъ замка. Такъ прошло около года.

IV.

Княгиня Беата сидѣла одна въ роскошно убранномъ покоѣ. Палящее солнце притупляло лучи свои о причудливыя итальянскїя витрины высокїхъ оконъ. Въ комнатѣ было прохладно, и массивное, во вкусѣ того времени, ея убранство казалось еще внушительнѣе въ мягкомъ полумракѣ. Княгиня только что вышла изъ своей молельни и старалась предаться религіознымъ

размышленїямъ. Но чувства ея были взволнованы, она не могла спокойно мыслить о Богѣ, не могла побѣдить въ себѣ раздраженїя. Ея утро началось дурно. Она имѣла неприятное объясненїе и не послушалась своего духовника и руководителя—отца Антоніо.

Онъ постоянно убѣждалъ княгиню сохранять добрыя отношенїя со всѣми въ замкѣ, а въ особенности быть почитательной и предупредительной съ княземъ Константиномъ. Онъ настоятельно совѣтовалъ ей никогда не вступать въ религіозныя споры, никогда не хулить православную вѣру, посѣщать церковь вмѣстѣ съ семействомъ Острожскихъ. Но послушная и безгласная во всемъ остальномъ, въ этомъ пунктѣ княгиня Беата не могла совладѣть съ собою. Въ ея характерѣ была врожденная искренность, при которой ей трудно было идти окольными путями, лгать и притворяться. Ея религія, доводившая ее до фанатизма, была для нея такъ высока, что она считала унизытельнымъ входить съ православїемъ въ какїе бы то ни было компромиссы. Отцу Антоніо было еще трудно убѣдить ее въ ученїи, что цѣль оправдываетъ средства.

Прежде, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Беата была равнодушна къ "схизмѣ". Она охотно посѣщала русскую церковь и молилась въ ней по своему молитвеннику. Разговоры „отъ св. писанїа“ князя Константина не волновали ее и не возбуждали въ ней злобы. Но съ тѣхъ поръ, какъ она поставила цѣлью своей жизни католическую пропаганду, съ тѣхъ поръ какъ она отдалась въ руки духовенства и въ изобилїи стала принимать духовную пищу, посылаемую ей краковскими отцами, ея взглядъ на православїе совсѣмъ измѣнился. Теперь оно было для нея даже не просто чужая вѣра, а нѣчто ненавистное, крайне враждебное, столкновенїе съ чѣмъ приводило ее въ ужасъ. Она стала горячо ненавидѣть русскую церковь, русскїе обряды, русское духовенство, всѣхъ православныхъ людей. Но пуще всѣхъ она возненавидѣла князя Константина. Она еще продолжала его бояться, она еще не рѣшилась разорвать съ нимъ, еще исполняла клятву, данную ею мужу на смертномъ одрѣ его, то есть жила въ Острожскомъ замкѣ, подъ охраной князя. Но кромѣ чисто внѣшняго исполненїя этой клятвы отъ нея ничего ужъ нельзя было требовать.

Она все рѣже и рѣже стала выходить изъ своихъ покоевъ, очевидно избѣгала встрѣчъ съ княземъ и домашними. Она никогда не показывалась въ народѣ. Уже давно никто не видалъ ее въ церкви.

Напрасно Антоніо, съ жаромъ и свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, доказывалъ ей, что хоть на сегодня ей непремѣнно слѣдуетъ отправиться къ обѣднѣ, на освященїе придѣла, слѣдуетъ показаться вмѣстѣ съ дочерью имянинницей. Она упорно отказалась и объявила, что это свыше силъ ея. Какъ ни настаивалъ Антоніо—ему пришлось оставить ее непреклонной.

„Глупая женщина, помѣшанная женщина!—только портить дѣло...“ про себя шепталъ онъ досаду и волнуясь, въ то время какъ лицо его оставалось неизмѣнно спокойнымъ. И онъ пошелъ въ церковь подмѣчать все, достойное вниманїя, прислушиваться къ народному говору. Обладая большими лингвистическими способностями, Антоніо въ короткое время выучился литовскому языку и понималъ каждое слово. Въ обществѣ же онъ говорилъ обыкновенно по итальянски, такъ какъ этотъ языкъ былъ тогда въ большемъ ходу и модѣ и даже многіе литовцы высшаго круга объяснялись на немъ очень порядочно. Княгиня Беата знала его въ совершенствѣ...

Сначала все было тихо въ замкѣ—дѣятельная жизнь кипѣла только на томъ дворѣ, гдѣ помѣщались кухни и гдѣ въ этотъ день, съ солнечнаго восхода, дѣлались приготовленїя къ роскошному пиру. Но вотъ послышался гулъ и конскїй топотъ, потомъ отдѣльные голоса и

Страшное мгновение. Болгарка, спасающаяся отъ башки-бузукъвъ. Рис нашъ специальный корреспондентъ Карзинъ, грав. Бергъ.

народные крики. Княжескій поѣздъ, въ сопровожденіи толпы горожанъ, подъѣзжалъ къ замку.

Княгиня Беата прислушивалась къ этимъ звукамъ съ какимъ то даже отвращеніемъ. Эта православная толпа народа, эти православные гости князя казались ей вражескимъ, варварскимъ войскомъ. Много бы дала она, чтобъ провести этотъ день у себя, запершись съ Антоніо и дочерью. Но это было уже не возможно, это было бы такое оскорбленіе князю, послѣ котораго нужно было разойтись съ нимъ совсѣмъ и поднять цѣлый рядъ трудно разрѣшимыхъ вопросовъ, въ томъ числѣ и денежныхъ. И она съ ужасомъ и мученіемъ думала о томъ, что предстоитъ выйти „на ту половину“, принимая участіе въ пирѣ, выслушивать навѣрное такія рѣчи, отъ которыхъ огнемъ закипало ея сердце.

О, еслибъ она была одна, еслибъ не связывали ее Елена или, вѣрнѣе, еслибъ не было такъ сильно вліяніе и могущество князя Константина даже въ Краковѣ, гдѣ королю не съ руки было окончательно вооружать противъ себя могущественнаго литовскаго вельможу!...

— Чтожъ это не идетъ Гальшка? Ее совсѣмъ отнимаютъ у матери!—княгиня Беата забывала, что она сама отнимала у себя дочь своимъ неровнымъ, страннымъ обращеніемъ съ нею. Сегодня Гальшкинъ праздникъ, ея именины. Беата приготовила ей богатые подарки. Вотъ лежатъ они на столѣ: удивительное жемчужное ожерелье, которому могла бы позавидовать и королева; цѣпь тончайшей венеціанской работы... Какъ прекрасна должна быть Гальшка съ этимъ ожерельемъ на шеѣ... Да, Гальшка хороша неслышанно, она все хорошеетъ...

Въ княгининъ проснулась материнская гордость. Изъ сосѣдней комнаты послышались легкие шаги, вошла Гальшка, сіяющая и цвѣгущая, въ своемъ бѣломъ платьѣ, обшитомъ золотой бахромой, съ какою-то новой улыбкой и новымъ блескомъ во взорѣ.

Княгиня поднялась и на мгновеніе остановилась, пораженная необыкновенной красотой дочери, какъ бы освѣтившей собою нѣсколько мрачную и тяжелую обстановку комнаты.

Ея блѣдное, худощавое, но все еще прекрасное лицо оживилось. Она протянула руки и привлекла къ себѣ дѣвчушку, покрывая ея глаза, губы, волосы горячими поцѣлуями...

— Гальшка! дитя мое! моя дорогая!—говорила княгиня растроганнымъ голосомъ, не въ силахъ да и не желая удержать вдругъ полившіяся слезы.

Княжна взглянула на мать, увидѣла эти слезы, эту мало знакомую ей нѣжность и съ легкимъ крикомъ радости и смущенія принала головою на грудь Беаты...

Такъ пробыли онѣ нѣсколько мгновеній. Потомъ княгиня взяла Гальшку за руку и подвела ее къ столу, на которомъ лежали подарки.

— А вотъ это я приготовила для сегодняшняго дня моей дѣвчкѣ,—ласково сказала она. Вотъ эта нитка жемчугу—ее подарилъ моей матери король Сигизмундъ I... посмотри, какія зерна—и всѣ на подборъ, одно къ одному... такого жемчугу не видала ни одна вельможная краковская панна... я надѣвала этотъ жемчугъ всего разъ, какъ подъ вѣнецъ шла. Какъ родилась ты, такъ для тебя его спрятала—не знала еще тогда, что такая красавица ты у меня будешь... Да съ этимъ жемчугомъ на шеѣ краше тебя и не сыскать никого во всемъ свѣтѣ...

И она надѣла драгоценное ожерелье на тонкую, будто мраморную шею дочери и застегнула его алмазнымъ запястьемъ.

— Спасибо, матушка, спасибо, родная, — невольно восхищалась подаркомъ Гальшка, ловя и цѣлуя руку княгини.

— Ну, а вотъ цѣпь венеціанская—ее я нарочно для

тебя заказывала, только что прислали. Смотри, что за работа—словно паутина... Дай руку, я кругомъ обмотаю—увидишь, какъ будетъ красиво.

— Матушка, а вѣдь и тебѣ пора нарядиться, замѣтила княжна, обнимая мать за этотъ второй подарокъ. Всѣ гости собрались уже въ золотой залѣ... меня про тебѣ еще въ церкви спрашивали, о твоёмъ здоровьи справлялись...

Лицо княгини мгновенно преобразилось; злая усмѣшка мелькнула на губахъ ея.

— Кому я нужна, что обо мнѣ справки наводятъ; кому я мѣшаю, что обо мнѣ забыть не могутъ... А ты меня и сегодня упрекнула... Что же ты думаешь—лежала я и спала все утро! Я о тебѣ молилась, о тебѣ плакала, просила Бога, чтобъ онъ просвѣтилъ тебя истиной, не далъ тебѣ погибнуть въ козняхъ вражескихъ...

Свѣтлые глаза Гальшки отуманились печалью. Она горько вздохнула. Чудная минута материнской ласки, горячей взаимной искренности мелькнула и исчезла. Она снова чувствовала ту вѣчную, непреодолимую преграду, которая стояла между ней и матерью, снова испытывала то раздражающее чувство, которое всегда возбуждалось подобными словами.

Это чувство до сихъ поръ составляло единственное мученіе ея жизни и избавиться отъ него она не была въ состояніи. Но теперь оно почему то быстро ослабѣло—его пересилило необыкновенное, никогда еще такъ чудно не испытанное ею счастье, которымъ она была полна все утро. Выраженіе, бывшее на ея лицѣ когда она входила въ комнату матери, снова вернулось. Оно было такъ ново, оно такъ довершало красоту ея, что княгиня Беата не могла его не замѣтить.

— Какіе у тебя глаза сегодня! сказала она вглядываясь въ дѣвчушку.—Что съ тобой?.. тебѣ весело, ты счастлива?...

— Да... да... мнѣ хорошо, мнѣ весело сегодня,—смущенно прошептала Гальшка.

— Много собралось? Кто еще пріѣхалъ? А Сангушко? здѣсь онъ?

— Здѣсь.. Я видѣла его въ церкви...

Еслибъ княгиня Беата продолжала глядѣть на дочь, она замѣтила бы, какъ та смутилась и покраснѣла.

— Ну, ступай туда, къ теткѣ, а мнѣ вели позвать дежурную панну—я стану одѣваться, разсѣянно проговорила княгиня.

Гальшка поцѣловала ее и направилась къ двери.

На порогѣ она почти столкнулась съ черной фигурой высокаго и блѣднаго человѣка. Онъ почтительно поклонился.

— Привѣтствую княжну Елену и приношу мое сердечное поздравленіе, сказалъ онъ по итальянски.

— Благодарю васъ, отецъ Антоніо, равнодушно отвѣтила Гальшка и прошла мимо.

Только замолкли ея шаги, онъ быстро подошелъ къ княгинѣ.

— Я былъ въ церкви, заговорилъ онъ, вы очень дурно сдѣлали, что остались дома—это только всѣхъ вооружить противъ васъ и не поведетъ ни къ чему доброму.. Но теперь не то... есть опасность важнѣе. Скажите, княгиня, желаете-ли вы, чтобъ ваша дочь навсегда была для васъ потеряна, чтобъ всѣ ваши планы спасти ее немедленно рушились?!

— Что вы говорите?! съ ужасомъ прошептала княгиня

— Я говорю, что все это легко можетъ случиться въ самомъ скоромъ будущемъ.

— Что же такое случилось—не томите ради Иисуса и Святой Дѣвы!

— Если княжна Елена полюбитъ русскаго и выйдетъ за него замужъ—будетъ ли это ея гибелью?

— О, это было бы ужасное, величайшее несчастіе.

— Да, для нея это величайшее несчастье, и для васъ тоже, и это несчастье готово совершиться... Если только я могу довѣрять глазамъ своимъ, она уже любить одного изъ сильнѣйшихъ враговъ нашей святой вѣры...

— Мои дочь любить? Гальшка? да она еще ребенокъ, она такъ равнодушна ко всѣмъ своимъ поклонникамъ и искателямъ, воскликнула княгиня.

— Она ребенокъ,—съ горькой усмѣшкой прогово-

рилъ Антонио. Для васъ—да; но этому ребенку уже семнадцать лѣтъ... Одинъ часъ, одно мгновение превращаетъ ребенка въ женщину—м это мгновение пришло сегодня, и я его подмѣтилъ.

— Но кого же любить моя дочь? въ ужасѣ поднялась княгиня.

— Молодого князя Сангушко,—отвѣтилъ Антонио еще болѣе блѣдный, чѣмъ когда либо.

(Продолженіе будетъ).

ЖЕНЩИНА СО СВѢЧЕЙ.

(Картина Рубенса).

Съ этой картиной Рубенса связана интересная исторія; передаемъ ее такъ, какъ рассказывалъ ее своимъ друзьямъ самъ Рубенсъ. Знаменитый художникъ находился въ Генуѣ, когда къ нему пришла печальная вѣсть, что его мать, уже дряхлая и слабая старушка, сильно захворала. Извѣстно, что Рубенсъ отличался синовней любовью; не теряя ни минуты, пустился онъ въ путь. Подвѣзжая къ Анверу, онъ узналъ, что мать его умерла.

Эта тяжелая потеря, и особенно то, что онъ не получилъ послѣдняго благословенія матери, которую обожалъ, повергло великаго художника въ глубочайшую тоску. Кромѣ того, долгое путешествіе безъ отдыха днемъ и ночью, сильно погрязло его здоровье. Совершенно упавъ духомъ, онъ рѣшился въ своемъ отчаяніи отказаться отъ славы и совсѣмъ удалиться отъ міра; онъ заперся въ стѣнахъ аббатства Св. Михаила, надѣясь найти тамъ тотъ покой и уединеніе. Раздѣляя строгую жизнь монаховъ, онъ сдѣлался почти невидимымъ ни для кого; тщетно друзья приходили къ нему въ надеждѣ уговорить его перемѣнить свое намѣреніе: онъ не принималъ ихъ. Не менѣе тщетны были просьбы многочисленныхъ его учениковъ. Онъ не хотѣлъ слушать даже самого настоятеля монастыря, когда тотъ

напоминалъ ему, что онъ долженъ исполнять свое призваніе, что геній есть небесный даръ, возлагающій обязанности на того, кто получилъ его отъ Бога.

Между тѣмъ, здоровье Рубенса страдало все болѣе и болѣе отъ этой затворнической жизни; наконецъ онъ рѣшился выходить иногда изъ монастыря, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, и то только съ наступленіемъ ночи, и тщательно закрывъ лицо капюшономъ. Въ одинъ вечеръ, когда онъ бродилъ на удачу по темнымъ и пустыннымъ закоулкамъ, вниманіе его было привлечено довольно яркимъ свѣтомъ, выходившимъ изъ полуотворенной двери одного мрачнаго домишка. Рубенсъ остановился и увидѣлъ старуху и маленькаго мальчика, которые довольно оживленно бранились между собой, при чемъ мальчикъ называлъ старуху колдуньей и скрягой.

Вскорѣ онъ понялъ причину ссоры: она происходила отъ того, что старуха не давала мальчику зажечь свѣчку у своей свѣчки. Художникъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на эту забавную сцену, и она такъ запечатлѣлась въ его памяти, что, возвратясь въ свою келью, онъ немедленно переложилъ всю картину на полотно.

Страшное мгновение. Болгарка, спасающаяся отъ фаши-бузуконъ.

Картина представляетъ одну изъ безчисленныхъ сценъ, совершающихся въ настоящее время въ многострадальной странѣ, такъ жестоко истерзанной и до сихъ поръ стонущей отъ безчеловѣчнаго звѣрства турокъ. Несчастливая женщина съ маленькимъ ребенкомъ, видимо, благодаря какому то случаю, успѣла спастись отъ неистовства кровожадныхъ враговъ и укрывается среди густой растительности; она сознаетъ, что ея положеніе не безопасно, она чувствуетъ и можетъ быть уже слышать не вдалекѣ отъ своего убѣжища шорохъ злодѣевъ, вѣроятно ее отыскивающихъ. Но она, видимо, рѣшилась не отдавать своей жизни даромъ: по выраженію лица ея ясно, что она скорѣе покончитъ съ собой и съ своимъ ребенкомъ, чѣмъ отдастся въ руки изверговъ. Можно себѣ представить, какое страшное душевное состояніе она испытываетъ въ эту роковую минуту: пройдутъ-ли злодѣи мимо, или откроютъ ея убѣжище.

Ужасное положеніе!

Намъ невольно припоминается при этомъ слова изъ недавней рѣчи Англійскаго премьера (Дизраэли-Биконсфильда), отглаголиаго о туркахъ, какъ о великой націи. Да, это дѣйствительно великая нація, но великая только въ смыслѣ разбоевъ, грабежей, убійствъ и всякихъ звѣрствъ. Читая рѣчь Дизраэли, не знаешь чему удивляться: безстыдному ли его лганью, или же величайшей его безнравственности, въ томъ случаѣ, если онъ въ самомъ дѣлѣ считаетъ турокъ представителями великой націи. И этотъ же самый Дизраэли беззастѣнливо, во всеуслышаніе предъ тысячной толпой высказываетъ то убѣжденіе, что въ дѣлѣ политики государство должно руководствоваться не законами нравственности и справедливости, а экономическими выгодами страны. И его слушаютъ, и ему рукоплещутъ. Ужасное время! Ужасные нравы!

Н И Ш Ъ.

Нишъ—крѣпость, весьма важная въ стратегическомъ отношеніи для турокъ и для сербовъ—такъ какъ она, заграждаетъ во первыхъ, дорогу изъ Сербіи, а во вторыхъ, составляетъ центръ турецкихъ войскъ, расположенныхъ на сѣверѣ Балканскаго полуострова для наблюденія за Болгаріей и Сербіей. Кромѣ того, Нишъ хорошо-укрѣпленный лагерь, изъ котораго войска могутъ быть легко отпавлены, на границы имперіи, независимо отъ того, что Моравы представляетъ близъ этой крѣпости единственный пунктъ, гдѣ черезъ нее могутъ переправиться большыя массы войскъ. Понятно, поэтому, что сербы желаютъ занять Нишъ, а турки стараются удержать его за собой съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ.

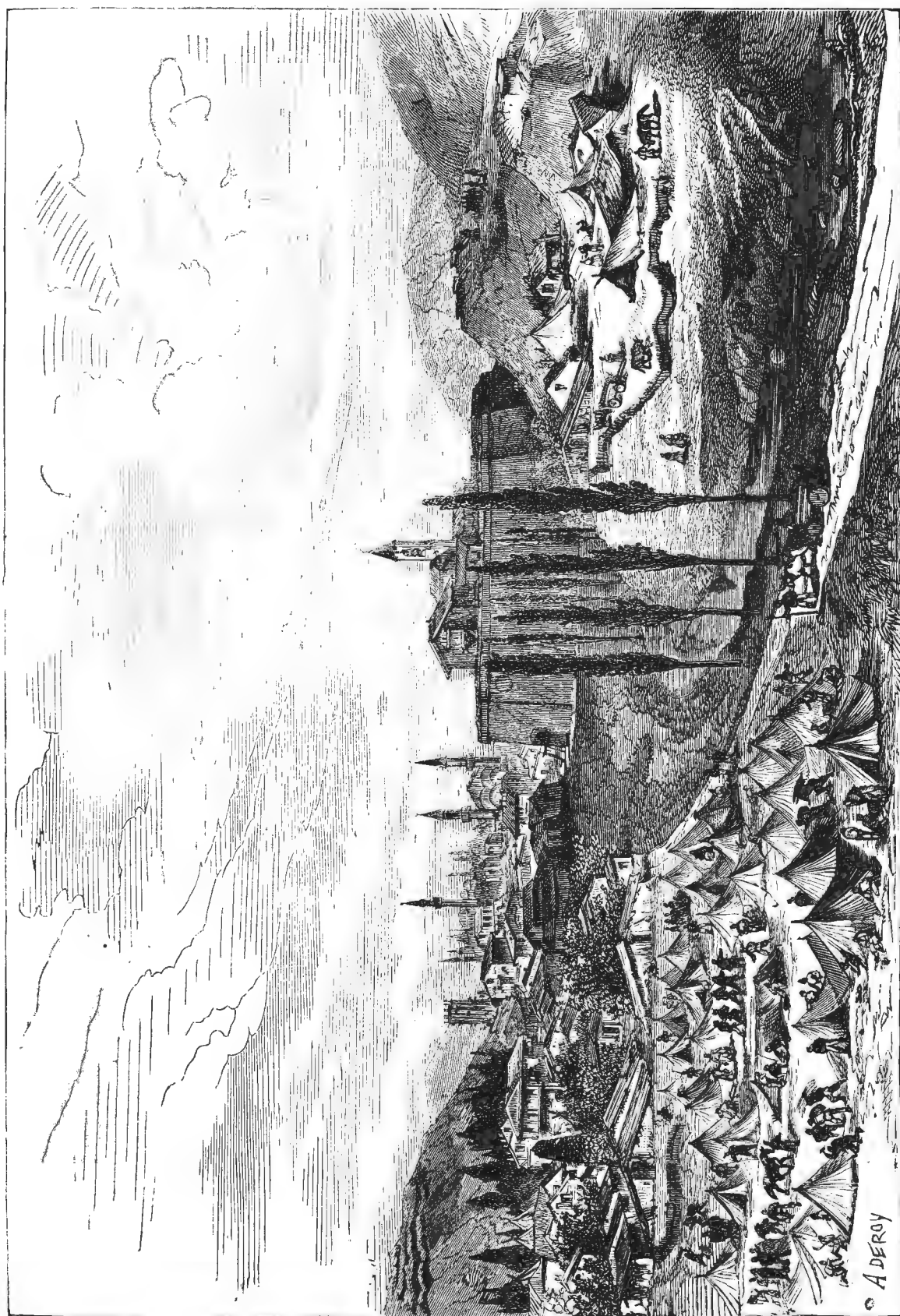
Самый городъ состоитъ изъ цитадели, въ которой находятся государственныя зданія; ниже цитадели, лежитъ сначала турецкій кварталъ съ своими мечетями и минаретами, защищенный сильными, высокими земляными окопами, потомъ болгарскій кварталъ, состоящій изъ бѣдныхъ лачужекъ; далѣе расположенъ лагерь черкесовъ, а по ту сторону рѣки Нинавы, находится цыганская колонія, тоже защищенная однимъ фортомъ. Въ болгарско-сербскомъ кварталѣ, высятся надъ хижинами, словно насмѣшка, надъ славянскимъ населеніемъ, памятникъ, турецкихъ жестокостей, а именно, башня вышиною въ 200 фу-

товъ, внутри которой стояла прежде пирамида, сложенная изъ человеческихъ череповъ. Пирамида эта была воздвигнута въ 1809 году, когда начальникъ одного сербскаго отряда проникъ до Ниша, чтобы взять его, но былъ окруженъ турками и взорвалъ себя на воздухъ вмѣстѣ со всѣми своими воинами. Турки отрѣзали тогда головы 1400 трупами и соорудили изъ нихъ внутри башни пирамиду, на вершинѣ которой была поставлена голова сербскаго вождя, Сингелича. Въ настоящее время замѣтны только углубленія отъ лежавшихъ череповъ, такъ какъ сербы въ продолженіе многихъ лѣтъ тайкомъ уносили изъ башни отдѣльныя головы и погребали ихъ. Голова Сингелича была предана землѣ въ 1866 году. Эта башня и еще одна строящаяся теперь болгарско-сербская церковь, представляютъ единственныя достопримѣчательности грязной крѣпости, которая, благодаря контрасту яркихъ цвѣтовъ, странной архитектурѣ жилищъ, смѣшенію дворцовъ съ лачужками, невычайнымъ улицамъ, бродячимъ собакамъ и, съ важностью проходящимъ по улицамъ мулламъ—производитъ впечатлѣніе чисто восточнаго города. Болгарскій кварталъ нѣсколько чище, тамъ улицы вымощены, есть гостинница, и нѣсколько большихъ зданій, въ томъ числѣ и упомянутая уже церковь. Въ христіанскомъ кварталѣ насчитываютъ около 1000, въ турецкомъ—около 1500 домовъ.

Атака турецкой кавалеріей сербскихъ добровольцевъ при Мрзолѣ (около Алексинца) 22 августа.

Турки разбитые, какъ извѣстно, Черняевымъ на правомъ берегу Моравы, перешли затѣмъ на лѣвый. Главнокомандующій

Абдуль-Керимъ, собравъ всѣ свои силы, имѣлъ намѣреніе разомъ взять Алексинацъ и отрѣзать сообщеніе сербской арміи

Общій видъ города Нива. Съ фотогр. грав. Пеннѣ.

Аггак гурецкой кавалерией сербских добровольцев при Мрозль (около Алексинца).

сь Делиградомъ. Наступленіе началось 20-го августа, и битвы продолжались включительно по 22-е число. Несоразмѣрность силъ съ той и съ другой стороны была громадна: въ то время турки ввели въ дѣло отъ 60-ти до 70-ти тысячъ ч. пѣхоты, станутой отъ Прокопья, Коршумли, Янковой Классурь, и даже Новаго Базара и болѣе 60-ти орудій при 24-хъ эскадронахъ кавалеріи, сербы могли противопоставить имъ только 20 батальоновъ пѣхоты, 12 орудій и 12 эскадроновъ кавалеріи, которые, собственно, составляли войска центра и праваго фланга. Понятно, вслѣдствіе того, что турки просто на просто дошли численностью геройски отстаившихъ свои позиціи сербовъ. Въ первый и самый жестокий день боя оттоманскія войска повели наступленіе отъ Буймира, ввязъ по лѣвому берегу Моравы, но были остановлены у высотъ Кагуна, откуда ихъ встрѣтилъ убійственный огонь сербской батареи. Численный перевѣсъ, однако, сдѣлалъ свое дѣло—турки продолжали массами наступать и достигли деревни Ситковаца. Тутъ они наткнулись на лѣвый флангъ сербовъ, который отразилъ атаку. Центръ арміи Черняева и его правое крыло были расположены у Мрзола и Вѣлы. Сюда, на оконечность праваго фланга и были направлены главныя атаки турецкихъ войскъ Гафиса-Паши, которыя послѣдовали, впрочемъ, только тогда, когда турки, усиленнымъ наступленіемъ на своемъ правомъ флангѣ успѣли привлечь все вниманіе сербовъ на бой, кипѣвшій противъ лѣваго

фланга ихъ у Ситковаца. Самая жаркая битва происходила на сербскомъ правомъ флангѣ. Здѣсь турки рѣшились двинуть заранѣе приготовленную атаку въ обходъ высотъ, на которыхъ стояло сербское правое крыло, и въ этотъ-то моментъ генералъ Черняевъ, поддержавъ его, давъ ему безопытное, по отзывамъ знатоковъ военного дѣла, направленіе къ отступленію и удержавъ дальнѣйшій напоръ турокъ резервами у Черчиновца и атаками своего центра, сопровождавшимся сильнымъ и хорошо направленнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Во время ожесточенныхъ атакъ у Мрзола особенно отличился со стороны сербовъ ихъ отрядъ волонтеровъ. Надо замѣтить, что отрядъ этотъ—нѣчто въ родѣ нашихъ прежнихъ безсмертныхъ гусаръ (нынѣшній Александрійскій гусарскій полкъ). Онъ, также, рѣшился не давать и не просить пощады въ бою и избралъ своей видимой эмблемой мертвую голову, которая изображена на его знамени. Въ дѣлѣ подъ Мрзоломъ отрядъ не посрамилъ своего знамени и показалъ, что вполне стоитъ на высотѣ своей геройской рѣшимости. Не одинъ разъ, въ этотъ день, опрокидывалъ онъ бѣшено кидавшихся на него турокъ, но одинъ разъ врубался онъ въ самую середину враговъ и гналъ ихъ предъ собой. Только объясненное выше стратегически необходимое отступленіе къ Делиграду остановило его отъ дальнѣйшихъ подвиговъ.

Лордъ Эллиотъ

(Англійскій посланникъ въ Константинополь).

Эллиотъ—именно такой человекъ, какой былъ необходимъ Дизраэли (нынѣшнему Виконсфильду) при недавнихъ событіяхъ въ Турціи. Во всю «сумятицу» нагрянувшихъ, чрезвычайныхъ обстоятельствъ этой весны и лѣта—британскій посланникъ не измѣнилъ себѣ ни на минуту и ни въ чемъ; во все время, среди всеобщаго волненія, среди страшныхъ потрясеній, онъ продолжалъ дѣлать свое дѣло съ безучастною неприклонностью машины, ходъ и дѣйствіе которой направлены и рассчитаны заранѣе. Весьма характернымъ, въ этомъ отношеніи, является, напирѣмъ, его образъ дѣйствій съ бывшимъ военнымъ министромъ, Гуссейномъ-Авни-Пашей, убитымъ, какъ извѣстно, черкесомъ Гассаномъ. Эллиотъ былъ весьма близокъ съ энергичнымъ генераломъ, ихъ дружба сдѣлалась еще тѣснѣе какъ въ дни, непосредственно предшествовавшіе низложенію Абдула-Азиса, такъ и во время самаго переворота. Понятно—заговоръ связываетъ заговорщиковъ. Однако Гуссейнъ-Авни, какъ дознаю теперь, не желалъ допустить смерти своего бывшего повелителя. Когда до него дошло извѣстіе о «самоубійствѣ» несчастнаго падишаха, онъ бросился къ своему «другу»—посланнику королевы.

—Что вамъ угодно?—былъ первый вопросъ, спокойно предложенный растерянному сераскиру. Тотъ, какъ могъ и насколько позволяло ему чрезвычайное волненіе, высказалъ Эллиоту свое негодованіе.

—Мнѣ официально сообщено, что е. в. Абдуль-Азисъ самъ прекратилъ свою жизнь, и я болѣе ничего не знаю, съ тою же холодностью отвѣтилъ Эллиотъ.

Сераскиръ только тутъ понялъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло...

Десяти иностранцевъ, пораженные извѣстіями, приходившими изъ Болгаріи, отправились на мѣсто, чтобы собственными глазами провѣрить слухи. Они нашли, что дѣйствительность

превосходить то, что рассказывалось, и подалъ всѣмъ посланникамъ въ Константинополь коллективную записку обо всемъ, чему сами были очевидцами. Сэръ Эллиотъ, получившій также экземпляръ этой записки, возвратилъ ее назадъ, оговѣтивъ, что не имѣетъ права составлять свое сужденіе на основаніи «не официальныхъ документовъ».

Официальные документы могли исходить только отъ турецкаго правительства! А между тѣмъ надъ несчастной Болгаріей стояло багровое зарево, бросившее свой зловѣщій образъ на рѣки крови и попрежнему доносилась оттуда стоны и рыданія...

Пробудилась, наконецъ, «гуманная» Европа XIX столѣтія, увидела и услышала и потребовала объясненій. Г. Эллиотъ попробовалъ было «отшутиться», но общественное мнѣніе (даже въ самой Англіи), слишкомъ возмущенное неистовствами турокъ и недостойнымъ образомъ дѣйствій посланника, не удовлетворилась голословными увѣреніями. Вслѣдствіе того былъ посланъ въ Болгарію секретарь британскаго посольства, Бернингъ, который, дѣйствуя въ духѣ своего начальника, хотя и старался смягчить факты, но все же былъ принужденъ донести, что убито 12 тысячъ! Согласно же другимъ, достовернымъ свѣдѣніямъ—Бернингъ (постоянно окруженный турками и людьми имъ преданными) объѣхалъ только 3 округа и не взглянулъ въ другіе. Русско-американская слѣдственная коммисія (Скайлеръ и князь Цертелевъ) во многомъ пополнили дознаніе агента Эллиота и Порты, или лучше сказать, возстановили многое изъ того, что было имъ скрыто, и представили на судъ Европы полную картину опустошеній, совершенныхъ злодѣйскими руками...

Исторіи не трудно будетъ произнести свой судъ надъ такими личностями, какъ сэръ Эллиотъ. То слово, которое скажетъ о немъ исторія, уже и теперь всюду слышится.

По поводу съѣзда ориенталистовъ въ Петербургѣ.

Недавно въ Петербургѣ состоялся съѣздъ ориенталистовъ (представителей науки о Востока и интересующихся развитіемъ этой науки). Этотъ съѣздъ былъ формулированъ названіемъ *третьей* (по числу) сессіи ориенталистовъ. Засѣданія съѣзда происходили въ зданіи С.-Петербургскаго Императорскаго Университета, въ большой университетской залѣ. Съѣздъ закрылся 31-го августа.

Прежде чѣмъ познакомиться съ сущностью вопросовъ, обсуждавшихся на засѣданіяхъ этого съѣзда, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, касающихся основной мысли и цѣли съѣзда ориенталистовъ, потому что цѣль подобнаго съѣзда специальная и самый предметъ обсужденій отвлеченнѣе,—тогда какъ, напирѣмъ, цѣль съѣзда естествоиспытателей, сама по себѣ, весьма рельефна и осязательна.

Первый вопросъ, представляющійся въ настоящемъ случаѣ: для чего нужна наука о Востока, хотя бы и въ смыслѣ специальной науки и какіе результаты возможны при ея развитіи?

Интересъ изслѣдованій Востока—чисто научный, теоретическій. Въ извѣстномъ смыслѣ ориентологию можно считать прикладною частью исторіи; тѣмъ не менѣе эта отрасль знанія существуетъ самостоятельно и цѣль ея, самозысканіе, каковы бы ни были его результаты. Относительно средствъ и способностей изслѣдованія ориенталисты ограничены изученіемъ древнихъ восточныхъ надписей, изъясненіемъ и критикой всѣхъ древнихъ документовъ, касающихся Востока. Давныя геологіи,

палеонтологіи и проч. могутъ служить въ этомъ случаѣ только побочнымъ вспомогательнымъ средствомъ.

Но Востокъ интересенъ для ориенталиста только самъ по себѣ, и по связи съ западнымъ міромъ, съ Европой. Идея, найти и подробно прослѣдить связь между Европой и Азіей, была первымъ мощнымъ импульсомъ къ научному изслѣдованію Азіи, которую, по справедливости, считают колыбелью всего человѣческаго рода. Нашъ языкъ, или точнѣе наша вѣтвь языковъ, извѣстная подъ именемъ индо-европейскихъ (греческій и латинскій языки и различныя славянскія нарѣчія и проч.) имѣетъ колыбель тоже въ Азій, потому что уже несомнѣнно доказано, что родоначальникъ индо-европейскихъ языковъ есть языкъ санскритскій, существовавшій и процвѣтавшій еще за 2,000 лѣтъ до нашего времени, въ обширной области между рѣками Индомъ и Гангесомъ, да и теперь еще существующій въ Индіи въ формѣ ученаго языка браминовъ, находящійся въ такомъ же отношеніи къ жпвой народной рѣчи, въ какомъ у средневѣковыхъ схоластиковъ находился языкъ латинскій. Ученый изслѣдователь Гриммъ доказалъ, что первичные элементарныя мнѣ индо-европейской расы находятся въ своей первобытной наивной формѣ среди населенія Шваби и Гарца. Въ языкѣ литвиновъ санскритскій элементъ очевиденъ до высшей степени. Что изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что все теперешнее и бывшее населеніе Европы, состоявшее изъ грековъ, латинянъ, славянъ, германцевъ и пр. имѣютъ общую колыбель

происхождения и общий источник своих языков. Первоначальные предки греков, латинян, славян, германцев и пр. происходящих от кавказского похода, называются *арийцами*, а происходящие от них племена — арийскими племенами. Совершенно особый самобытный корень, тоже кавказского племени, составляют *семиты*, а происходящие от них племена, суть племена семитическая. Это: евреи, арабы, сирийцы. Эти племенные группы, несомненно, жили в незапамятный период вместе, конечно еще до времени Авраама, потому что в период Авраама еврейское племя уже выдѣлилось из других сродных ему, и сдѣлалось самобытным избранным народомъ. И такъ, семиты и арийцы суть первоначальные племенные группы, суть первоначальные, гонора сравнениемъ, ячейки, изъ которыхъ развилось громадное плѣе человечество, дѣйствовавшее на сценѣ исторіи и завѣщавшее міру результаты своей цивилизаціи. Совѣсьмъ въ другомъ отношеніи къ исторіи своей тюрко-татарская племена. Происходящая отъ самостоятельнаго монгольскаго племени, татарскіе языки ждутъ еще своего анализа; исторія и взаимное отношеніе ихъ, а также отношеніе къ семитическимъ и индо-европейскимъ языкамъ весьма темны, точно также темны и древнія отношенія арийскихъ племенъ къ туранскимъ (или тюркскимъ), а они несомнѣнно должны были сталкиваться на обширной площади азиатскаго материка, называемаго Средней Азіей. Мало того, по многимъ вѣроятнымъ соображеніямъ, можно видѣть, что первою колыбелью арийцевъ была Средняя Азія, что они потомъ выѣхали отсюда въ Европу и Индію. Въ Индіи они могли перейти черезъ горный хребетъ Гиндукушъ; въ Европу же переходъ этихъ племенъ могъ совершиться черезъ Малую Азію и греческій архипелагъ, минуя Кавказъ съ юга или обойдя его съ сѣвера. Древніе скифы, сарматы, аланы — вотъ названія этихъ переселившихся изъ Средней Азіи въ Европу племенъ. Но какъ скоро арийскія племена оставляли Среднюю Азію (теперешній Туркестанъ), ихъ мѣсто занимали народы тюркскіе.

Вопросъ о древней цивилизаціи, насколько онъ характеристично отличается у арийцевъ вообще и индо-европейцевъ въ частности, у семитовъ вообще и у арабовъ, евреевъ, сирийцевъ и проч. въ частности, имѣетъ интересъ высочайшій, и онъ-то составляетъ, такъ сказать, центръ научныхъ изслѣдованій Востока. Его основательное изслѣдованіе дастъ возможность охранить основные элементы цивилизаціи какого-либо народа и относительную способность цивилизоваться у какаго либо племени. Письменныхъ памятниковъ, въ смыслѣ исторіи, какъ мы ее теперь понимаемъ, у этихъ народовъ не было, да и не могло быть. Не могъ же у нихъ явиться Геродотъ, какъ у высоко-развитыхъ гелленовъ. Въ замѣнъ исторіи въ такой формѣ, изслѣдователю остаются два, какъ показала опытъ, весьма надежныя средства: *сравнительное языковѣдѣніе и сравнительная мифологія*.

Другія средства, напримѣръ: чтеніе отрывковъ документовъ, и цѣлыхъ документовъ представляются второстепенными — развѣ потому, что изслѣдователю, читающему документъ, нужно неутомимо стоять на стражѣ во всеоружіи критики; во вторыхъ, при болѣе или менѣе значительныхъ обобщеніяхъ, документы имѣютъ слишкомъ частное значеніе.

Затѣмъ, различая двѣ эти части общаго метода изслѣдованія, т. е. сравнительное языковѣдѣніе и сравнительную мифологию, нужно сказать, что вторая часть значительно труднѣе и требуетъ огромной критической провѣдливости, какою обладали, напримѣръ, братья Гриммы: надо войти въ міросозерцаніе совершенно чуждаго намъ народа. Область сравнительнаго языковѣдѣнія общедоступнѣе и, примыкая къ филологіи, примѣнима шире и популярнѣе.

Собственно обсужденіе различныхъ вопросовъ на Петербургскомъ съѣздѣ ориенталистовъ происходило при помощи чтенія древнихъ, имѣющихъ важность документовъ съ ихъ критическимъ разборомъ; разбирались этнографія и бытовые стороны восточныхъ народовъ; сравнительное языковѣдѣніе служило средствомъ для критики документовъ. Сравнительная мифологія могла очень мало входить въ расчетъ съѣзда, — развѣ только въ вопросѣ о религіяхъ, гдѣ коснутся мифологіи неизбежно.

Разбиралось, напримѣръ, извѣстное арабское сочиненіе «*Рисалатъ-Абу-Долефъ*», приписываемое арабскому поэту X вѣка Абу-Долефъ-Миссару-Ибнъ-Мохалилю. Ставился вопросъ: не подложное ли это сочиненіе напр., чья-нибудь компіляція, — или подлинное. На основаніи грубыхъ ошибокъ и несообразностей, и именно несообразностей этнографическихъ, г. Григорьевъ (предсѣдатель конгресса) рѣшилъ, что это сочиненіе — просто компіляція.

Общее обсужденіе вопросовъ было направлено преимущественно къ изученію русской Азіи, восточной и западной, русскимъ среднеазиатскимъ владѣніямъ, Кавказу вмѣстѣ съ Крымомъ и другими странами Европейской Россіи, населенными азиатскими народностями, и Закавказью. Такимъ образомъ петербургскій съѣздъ ориенталистовъ имѣлъ по преимуществу этнографическій и отчасти историческій характеръ, и именно въ тѣсномъ отношеніи къ Россіи. Съ этой точки зрѣнія, засѣданіе конгресса отъ 21 августа, посвященное исключительно Россіи, нужно назвать однимъ изъ самыхъ интересныхъ по содержанию обсуждавшихся на немъ вопросовъ.

Г. Оппертъ въ одномъ изъ засѣданій сообщилъ о такъ называемыхъ *клинообразныхъ* текстахъ, не принадлежащихъ ни къ арийскимъ ни къ семитическимъ варьѣтіямъ. Это сообщеніе интересно въ томъ отношеніи, что, по мнѣнію Опперта, нарѣчіе, на которомъ написаны надписи, не принадлежало ни арийцамъ, ни семитамъ, а особому племени, которое Оппертъ называетъ сузо-мидійскимъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ это племѣ господствовало въ нынѣшнемъ Иранѣ и Хузистанѣ еще до владычества персовъ, народа арийскаго племени. Одинъ изъ этихъ языковъ — мидійскій, другой — языкъ Сузианъ.

За недостаткомъ мѣста здѣсь излишне приводить множество интересныхъ обсужденій, предложеній, указаній, разъясненій. Наша цѣль была только указать на *идею* съѣздовъ ориенталистовъ вообще и такового же съѣзда въ Петербургѣ въ особенности.

Знаменитый французскій ориенталистъ, авторъ «Жизни Ису-са», Ренанъ, прислалъ письмо, съ выраженіемъ сожалѣнія, что не можетъ участвовать въ работахъ Петербургскаго конгресса.

М. С.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Перемиріе, вѣроломно и нѣсколько разъ нарушенное турками, какъ и слѣдовало ожидать, не могло долго продолжаться даже формально. Сербское правительство должно было заявить въ томъ или другомъ смыслѣ свое рѣшеніе представителямъ великихъ державъ въ Бѣлградѣ. И дѣйствительно, Ристичъ 15-го (27-го) сентября передалъ представителямъ державъ въ Бѣлградѣ пространную ноту, опредѣляющую взглядъ Сербіи на перемиріе и рѣшеніе ея касательно этого пункта. Этою нотой весьма деликатно отклонено перемиріе, тѣмъ болѣе, что оно было разсчитано несомнѣнно къ выгодѣ турокъ, на что уже давно и указалъ генералъ Черняевъ. Сербы рѣшились продолжать свою геройскую борьбу. Нота Ристича формально освободила ихъ отъ стѣннительныхъ обязательствъ, внутреннихъ турколюбцевъ. Тѣмъ не менѣе переговоры о мирѣ все-таки продолжаются. Въ прошлое воскресенье (19-го сентября) державы ожидали отвѣта Порты на ихъ представленія. Порты, какъ утверждаютъ, желаетъ того, чтобы въ мирномъ договорѣ не были названы тѣ провинціи, которыхъ касаются требуемыя реформы. Великія державы, напротивъ, настаиваютъ на томъ, чтобы Боснія, Герцеговина и Болгарія были упомянуты въ договорѣ. Князь Черногорскій съ своей стороны заявилъ, что онъ приостановитъ военныя дѣйствія до 1-го октября, но затѣмъ дальнѣйшаго промедленія онъ не приметъ. Слѣдовательно, въ эту минуту, какъ мы пишемъ эти строки, и для Черногоріи кончился срокъ перемирія.

Черезъ два дня послѣ составленія ноты Ристича, 14-го (26-го) сентября, уже произошли битвы въ *двухъ* важныхъ пунктахъ военныхъ дѣйствій, причѣмъ въ Моравской долині начался цѣлый рядъ военныхъ успѣховъ. Въ Моравской долині, между Алексинцемъ и Делиградомъ, сербы сожгли два турецкіе моста. Въ то же время на Дринѣ турки напали на островъ Буякли и

сожгли Малый Зворникъ. 16-го (28-го) сентября, генералъ Черняевъ, въ 6 часовъ утра перешелъ Мораву близъ Бобовиште и ударилъ на турецкія позиціи. Въ одно время съ этою атакою, Іованъ Поповичъ взялъ Вальевскую и Шабацкую бригады изъ Алексинца, переправился черезъ Мораву при Буймирѣ (въ 5 верстахъ отъ Алексинца) и атаковалъ турокъ, овладѣвъ ихъ позиціями при Нозринѣ (верстахъ въ 8 отъ Алексинца); двинувшись далѣе, онъ завладѣлъ двумя шанцами при Тъшицѣ (въ 10 верстахъ отъ Алексинца), гдѣ расположенъ центръ турецкой арміи. Затѣмъ утомленный отрядъ Іована Поповича отступилъ къ Нозрину. Но въ 2 часа пополудни Хорватовичъ вышелъ изъ Шелеговаца и ударилъ туркамъ въ тылъ около Вукавица. Эта битва кончилась въ 8 часовъ вечера. Произшедшій врывъ въ поровыхъ турецкихъ складахъ произвелъ между турками большое смѣтеніе. При этой битвѣ турки пытались перейти Мораву и врѣзаться въ мѣстность между Делиградомъ и Алексинцемъ, но мостъ черезъ Мораву у Триана былъ взорванъ и этимъ отрѣзанъ путь туркамъ.

Генералъ Черняевъ намѣревается напасть на турокъ 26 сентября (8 октября) по всей линіи; вѣдѣствіе этого ожидаютъ рѣшительнаго сраженія. Въ Делиградѣ дѣлаются приготовленія къ зимней компаніи. Въ настоящую минуту, какъ мы пишемъ эти строки, изъ телеграфа извѣстно, что сербскій отрядъ, подъ командою полковника Іована Поповича, напалъ на турецкія позиціи при Тъшицѣ и корпусъ полковника Хорватовича стоитъ при Великомъ Шелеговацѣ. Порты увѣдомила представителей великихъ державъ, что она дала своему военному начальству предписаніе начать наступательныя военныя дѣйствія.

Къ числу имѣющихъ большую важность фактовъ принадлежатъ отъѣздъ генерала Комарова въ Россію и непрерывающіеся при-

ливъ въ Сербію русскихъ. Такъ, въ одинъ день 18 (30) сентября, на пароходѣ «Делиградъ» прѣехали въ Бѣлградъ изъ Турни-Северина, чрезъ Кладово, 500 чел. русскихъ. Въ положеніи дѣлъ на Дринѣ, замѣтно что-то очень странное: начальство дринскою арміей послѣ кратковременнаго начальства Узуна Мирковича и предполагавшагося начальствованія Новоселова, вручается тому же Алишничу, котораго единодушно порицали даже сербы въ личности,

бездѣтельности, неспособности и т. п. Но Алишничъ возвращается на прежній постъ, съ нимъ ѣдетъ и Лышанинъ. Очень странно!.. И такъ формальное и гласно заявленное начатіе военныхъ дѣйствій съ обѣихъ воюющихъ сторонъ (уже и со стороны Турціи) и — не прерывающіеся переговоры о мирѣ, при посредничествѣ великихъ державъ — вотъ запутанный политическій узелъ настоящей минуты

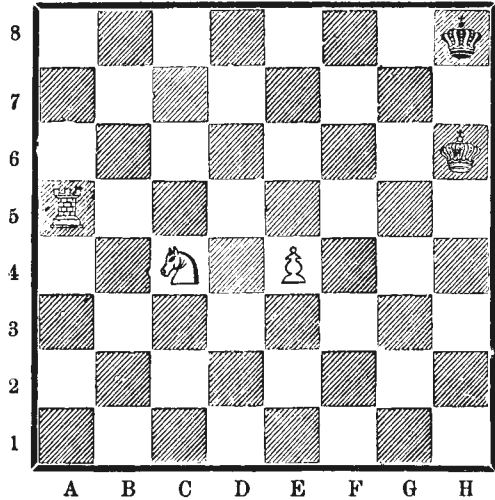

Лордъ Эллиотъ.

(Англійскій посланникъ въ Константинополь). Съ фотогр. рис. Вояреній.

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

3) Петербургъ, Н. В. Су-ину. Въ стихахъ вашихъ есть строка:

«Теперь каждый разъ порой ..

И за симъ, въ письмѣ въ редакцію вы говорите, что «это еще цѣточки, а ягоды будутъ вперед: запасъ стиховъ, и прозы неистощимъ».

Похвально значить, за словомъ *теперь*, послѣдуютъ въ стихахъ: *теперича* и т. п. и все это ради угожденія разиру стиховъ и въ прозѣ за рифмой! Нѣтъ, ужъ давайте и отъ цѣточковъ и отъ ягодъ.

1) Москва, Алек. Солов. Разм-е. Васъ видимо увлекаетъ, будто-бы, новая мысль. Въ сущности, что же въ ней новаго? Выходить нѣчто въ родѣ либретто въ стихахъ — только! Но считаемъ нужнымъ замѣтить, что стихи ваши очень звучны и не безъ достоинствъ новитическихъ. Мы ими воспользуемся, хотя, можетъ быть, и не очень скоро. Увѣдомьте объ условіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Полковникъ Николай Николаевичъ Раевскій (съ портретомъ) Н. И-овъ — М. Г. Черняеву (стихотвореніе) Ольга Пономарева. — Новая желѣзная дорога на гору Риги въ Швейцаріи (Архъ-Ригійская желѣзная дорога) (съ 3-ми рисунками) — Нянина Острожская. Историческая повесть Вс. С. Соловьева. (Продолженіе). — Женщина со свѣчей (картина Рубенса) (съ рис.). — Страшное мнѣніе. Болгарка спасающаяся отъ Баши-бузуновъ (съ рисун.) — Нишъ (съ рисункомъ) — Атана турецкой кавалеріи сербскихъ добровольцевъ при Мрзозѣ (онолѣ Александринолѣ) (съ портретомъ). — По поводу съезда ориенталистовъ въ Петербургѣ. М. С. — Политическое обозрѣніе. — Шахматная задача. — С. Петербургская биржа — Почтовый ящикъ. — Объявленія.

Редакторъ Д. Стахъевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

20-го Сентября 1876 г.

	Поку- патели. давши.	Про- дано.	Поку- патели. давши.	Про- дано.
5% заемъ съ вынгр.				
1-го выпуска .	183 ¹ / ₂	184 ¹ / ₂	185,183 ¹ / ₂	125 р. Гл. Общ. Росс.
2-го выпуска .	178 ¹ / ₂	179	179	125 » Рижско-Динаб. 126
5% банк. б. 1 вып.	98 ¹ / ₄	98 ¹ / ₂	98 ¹ / ₂	100 » Моск.-Рязанск. — 304
5% » » 2 »	98 ¹ / ₄	98 ¹ / ₂	98 ¹ / ₂	125 » Орловско-Вит. — 128
5% обл. Спб. Гор.				16 ф. с. Вит.-Динаб. — 132 ¹ / ₂
Кред. Общ. . . .	87 ¹ / ₂	87 ¹ / ₂	87 ³ / ₄	100 р. Риб.-Болог. . . 86 ¹ / ₂
5% облигаціи Моск.				100 » Тамб.-Козлов. — —
Гор. Кред. Общ.	84 ¹ / ₂	85	85,84 ¹ / ₂	125 » Моск.-бретт. . . 79

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.

№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.

Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.

Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.

КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЬ:

на текущій счетъ 7 %;
на 3 мѣсяца 7¹/₂ %;
на 6 и до 12 мѣсяцевъ 8¹/₂ %.

Страхуетъ билеты обоимъ внутр 5% съ вынгр. займовъ по 20 коп., съ иногородныхъ по 30 коп. за билетъ. 10—5

Вышло второе, дополненное изданіе книги:

Рководство къ уходу за больными, ранеными, беременными, родильницами, новорожденными дѣтьми и первая помощь до прибытія врача, съ 41 рис., сост. Млх. Залуговскій. Прод. въ книжныхъ магазинахъ П-тербурга и Москвы и у автора: Москва, Пречистенскіе вор та, д. Ант.-шевскаго, адр. Михаилу Саму. Залуговскому.

НОВЫЙ СПОСОБЪ РИСОВАНІЯ.

Этимъ способомъ всякій безъ малѣйшей подготовки можеъ копировать всевозможные рисунки, фотографіи, астампы, а также съ натуры: цвѣты, минералы и т. п. Рисованіе этимъ способомъ можеъ доставить большое раз. леченіе и пользу дѣтямъ, пріучая ихъ къ соблюденію перспективы и вообще техническихъ условій рисованія. Цѣна за приборъ (съ принадлеженіемъ новаго способа умноженія посредствомъ сложенія) 2 руб. съ пересылкою. Адр. въ контору объявленій Невскій пр., домъ Ергеня въ С.-Петербургѣ. № 56.

При этомъ № для гг. иногор. подписч. приложено объявленіе отъ чайнаго магазина Ф. Апласина

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ Н. Каразина, съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ турецкостанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовые картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ «НИВЪ» на 1876 г. за 1 р 80 к. съ пересылкою.

ПРОДАЕТСЯ ПАРХОДЪ

небольшой отличный, желѣзный винтовой пароходъ 19 фут. длн 5 ф. шир. 1¹/₂ ф. въ водѣ, дешево продается у Фрид. Швейнхена В. О. 4 линія д. № 9. № 57.

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—20

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 40

1876

ВЫХДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 3 Октября 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

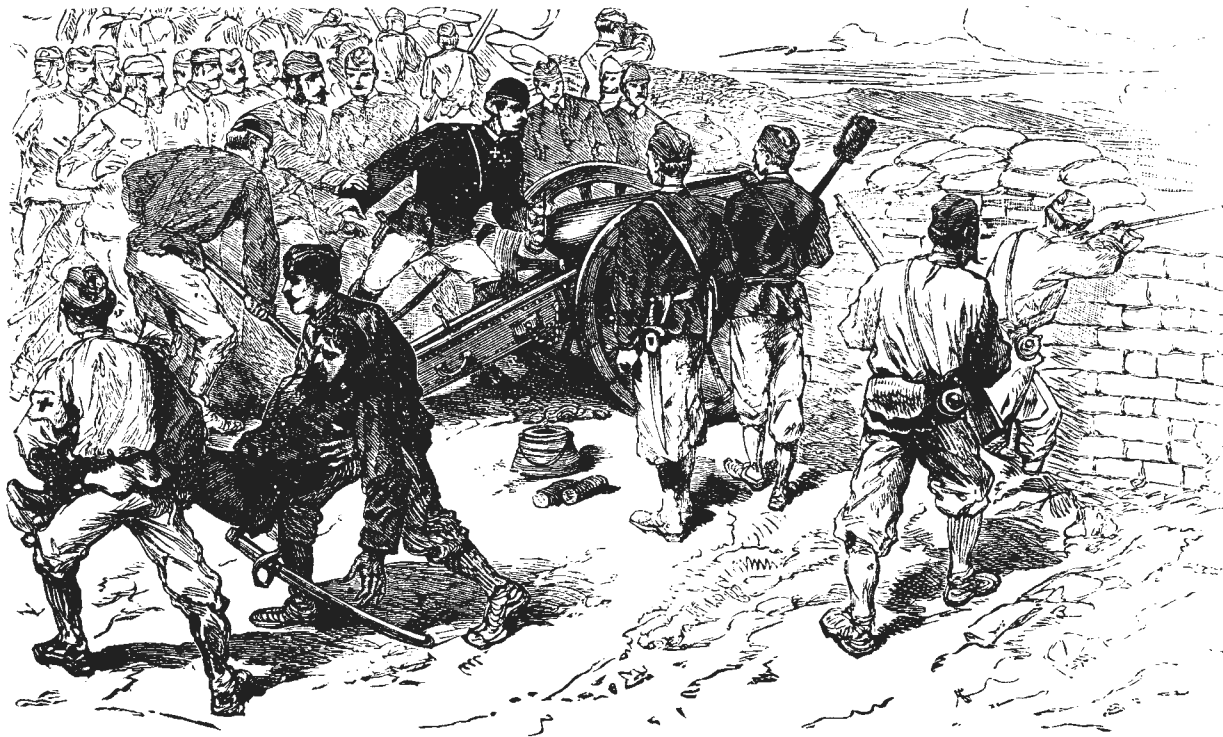
I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ: 4 р. II. Съ доставкой въ С.-Петербургъ 5 р. III. Безъ доставки въ Москву: черезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Живарева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во все другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., доставкой 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за ОКТЯБРЬ съ 33 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 28 чертежами.

ГЕНЕРАЛЪ М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ НА РЕДУТЪ ПРИ ШУМАТОВАЦѢ.

Доблестный герой! Энергическій дѣятель, создавшій въ глазахъ непріятеля изъ простыхъ земледѣльцевъ армію. Ревностный и безкорыстный защитникъ угнетенныхъ славянъ! Храбрый полководецъ! Вотъ восклицанія, слышимыя всюду при име-

шему еще на большую чѣмъ прежде высоту значеніе русскаго имени на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Гордость своей страны, честь и слава ея, генералъ М. Г. Черняевъ, конечно, вполне достоинъ тѣхъ необычайныхъ выраженій восторговъ и благопожела-

Главн. штабъ Черняева. Капитанъ Протичъ. Генералъ Черняевъ.

Генералъ М. Г. Черняевъ на редутѣ при Шуматовацѣ становится при орудіи самъ взамѣнъ раненаго капитана Протича. Рис. Фердинадусъ, грав. Боярскій.

ни генерала М. Г. Черняева. Кто не знаетъ теперь этого имени, откуда не шлются теперь искреннія пожеланія успѣха этому доблестному сыну Россіи, служащему безкорыстно славянскому дѣлу и этимъ своимъ необычайнымъ подвигомъ подняв-

ній, какіе постоянно и неизмѣнно сопровождаютъ теперь вездѣ его имя. Да хранитъ его Богъ среди опасностей боевой жизни! Помѣщенная здѣсь гравюра изображаетъ тотъ моментъ, когда, во время сраженія при Шуматовацѣ, капитанъ Протичъ

былъ раненъ, и М. Г. Черняевъ, осматривавшій въ это время въ сопровожденіи своего штаба боевую линію, самъ бросился на редутъ къ орудію на мѣсто раненаго, забывая о той страшной опасности, какой онъ подвергается и не обращая вниманія на предостереженія окружающихъ.

Такова сила страстнаго стремленія къ дѣятельности, такова неустрашимость человѣка, забывающаго о себѣ ради того святого дѣла, какое онъ взялся защищать.

Герой, вполне достойный славы, восторговъ и благодарности не только отъ современниковъ, но и отъ отдаленныхъ потомковъ. И конечно, всякій согласится съ нами, что одно чувство славолюбія не могло бы дать высокопочтенному М. Г. Черняеву

столько твердости, энергіи, неустрашимости постоянной, долговременной, необходимой въ такомъ громадной важности дѣлѣ, которое онъ принялъ на свои плечи и понесъ на нихъ почти одинъ. Нѣтъ, тутъ не чувство славолюбія, тутъ нѣчто въ высшей степени знаменательное, возвышающее человѣческій духъ до необычайной высоты, тутъ именно самопожертвованіе, именно прелесть этого самопожертвованія, обаяніе при мысли послужить великому дѣлу, отдать себя всего ему. Да, на такое дѣло могутъ идти только чистые сердцемъ, каковыми и извѣстенъ Михаилъ Григорьевичъ всѣмъ, имѣющимъ высокую честь быть знакомымъ съ нимъ.

Д. С.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева.

Часть первая.

(Продолженіе).

Княгиня Беата отчаянно схватила свою голову руками. Она хорошо знала покойнаго Сангушко, знала и сына. Она знала, что оба были православными и русскими до мозга костей. Она помнила, какъ еще недавно князь Дмитрій Андреевичъ на пиру у Острожскаго горячо и прямо порицалъ католицизмъ и польское вліяніе, польскіе нравы и обычаи. Съ того дня она почувствовала злобу къ молодому человѣку. И вотъ этотъ врагъ ея вѣры, ея родины, этотъ любимецъ и крестникъ князя Константина теперь отнимаетъ у нея навѣки ея Гальшку... Понятно, что князь Константинъ не только ничего не будетъ имѣть противъ этого брака, но даже будетъ радъ ему, употребить всѣ усилія, чтобы его устроить. Но когда же все это могло случиться? когда же Гальшка успѣла полюбить его—онъ въ послѣднее время, послѣ смерти отца, нѣсколько мѣсяцевъ не бывалъ въ замкѣ...

— Этого быть не можетъ! Это было бы слишкомъ ужасно... вы ошибаетесь, отецъ мой! пробовала она отогнать отъ себя увѣренность въ несчастіи.

— Я не ошибаюсь, княгиня, я не сталъ бы говорить вамъ, еслибъ не убѣдился въ справедливости моихъ подозрѣній. Ваша дочь дѣйствительно еще очень молода—она не умѣетъ скрыть своихъ первыхъ волненій—ея лицо, ея глаза выдали мнѣ ея тайну..

— Ея лицо, ея глаза!.. Да, правда, правда—у нея странное лицо сегодня!—прошептала Беата.

— А! и вы замѣтили.

— Я даже спросила ее, что съ ней? Она отвѣтила, что ей хорошо, весело сегодня..

— Быть можетъ она сама еще не понимаетъ, не сознаетъ ясно своего чувства, сказалъ Антоніо. Быть можетъ все только и началось сегодня... Но развѣ для этого нужно время...

— Но что же дѣлать, Боже, что дѣлать? ломала руки княгиня.

— Наблюдать и употреблять всѣ силы, чтобы не допустить этого брака. Въ случаѣ крайности нужно рѣшиться на все—и, къ тому же, не забывайте, что вы мать, что какъ бы ни былъ силенъ и могучъ князь Константинъ—если вы останетесь тверды, то безъ вашего согласія, при вашемъ прямомъ запрещеніи, не могутъ выдать вашу дочь замужъ...

— Спасите, отецъ мой! Идите, идите, наблюдайте—я сама сейчасъ туда буду—торопилась княгиня.

Отецъ Антоніо вышелъ своими тихими, мѣрными шагами и направился длинными коридорами и переходами на половину князя Константина, откуда уже доносились говоръ и звуки музыки.

По его мрачному и утомленному лицу скользило выраженіе съ трудомъ подавляемой сердечной боли.

V.

Антоніо Чекино принадлежалъ къ одному изъ ста-

рыхъ родовъ Италіи. Онъ выросъ въ самомъ блестящемъ обществѣ, отличался красотой и ловкостью. Уже въ первые годы молодости онъ приобрѣлъ себѣ извѣстность какъ храбрый рыцарь и покоритель сердець дамскихъ. Онъ былъ совершеннымъ представителемъ рыцарства того времени, полагавшаго все призваніе и цѣль благороднаго человѣка въ военно-театральныхъ подвигахъ и чувственной любви, прикрытой платонической маской.

Въ два, три года молодой Чекино насчитывалъ больше десятка поединковъ, изъ которыхъ онъ всегда выходилъ побѣдителемъ. Не мало южныхъ темныхъ ночей были свидѣтелями его подвиговъ болѣе мирнаго свойства. Не мало ревнивыхъ мужей клялись кровавой ему мезью и трусливо оставались при этихъ грозныхъ, но безсильныхъ клятвахъ, надъ которыми откровенно смѣялся самоувѣренный счастливецъ.

Жизнь его проходила какъ сонъ, причудливый и волшебный. Постоянныя удачи и лести баловали его плохо направленное, мелкое самолюбіе. Мысль бездѣйствовала... А между тѣмъ въ его природѣ лежали зародыши такой силы, которая не могла удовлетвориться слишкомъ узкой ареной. Онъ не успѣлъ еще превратиться въ зрѣлаго мужа, какъ уже безотчетная грусть и скука начали врывать въ его веселье. То, что такъ недавно считалъ онъ за счастье, переставало казаться ему счастьемъ. Рыцарскія забавы теряли свою прелесть; ласковые взоры благосклонныхъ дамъ уже не сулили блаженства.

Но между этими дамами была одна—молодая графиня Риччи, умная и ловкая кокетка, не почерпавшая силу своихъ чаръ въ общепринятомъ маленькомъ кодексѣ, гдѣ по пунктикамъ значилось все, чѣмъ прекрасная дама должна была побуждать сердца благородныхъ рыцарей. Графиня Риччи была самостоятельна и оригинальна въ дѣлѣ кокетства. У нея были свои приемы—постоянно неожиданные и разнообразные, которыми она весьма искусно уловляла въ сѣти. Случающій и жаждавшій новаго интереса Антоніо самъ незамѣтилъ какъ горячо полюбилъ ее.

Она долго его мучила, чтобы окончательно закрѣпить власть за собою. Но она сама была имъ нѣсколько увлечена и подъ конецъ тронулась его страстью. Блаженству его не было границы. Ему казалось, что онъ возродился къ новой жизни. Во славу своей возлюбленной онъ готовъ былъ на всевозможные подвиги. Онъ создалъ изъ своихъ дней и ночей огромный романъ во вкусѣ эпохи, и тайно отъ чуждыхъ взоровъ переживалъ всѣ его тончайшія перипетіи.

Избалованный всѣми женщинами, съ которыми сталкивался, привыкшій только возбуждать ревность, но никогда ея не испытывать—онъ не боялся и за свою графиню. Ему даже и въ голову не приходила мысль о возможности съ ея стороны измѣны. Ему только хотѣ-

лось какъ нибудь навсегда отдѣлаться отъ ея соннаго и разжирѣвшаго мужа, присутствіе котораго становилось черезчуръ скучнымъ.

А между тѣмъ привыкшая къ разнообразію графиня уже искала новой жертвы и, разумѣется, скоро нашла ее. Услужливые друзья постарались анонимно предупредить объ этомъ Антонію. Онъ сразу не повѣрилъ; но и одного сомнѣнія было достаточно, чтобъ возбудить въ немъ адъ, поднять всѣ его страсти. Ему недолго пришлось находиться въ неизвѣстности—онъ еще не успѣлъ придумать способа убѣдиться въ измѣнѣ графини, какъ она сама предложила ему отставку. Она не знала своего рыцаря. Она шутила и смѣялась; но смѣхъ и шутка замерли на губахъ ея—одно мгновеніе—и она плавала въ крови своей, а Антонію, съ искаженнымъ, безумнымъ лицомъ, блѣдный какъ смерть спускался шатаясь съ потаенной лѣстницы, по которой онъ такъ часто крался счастливый и блаженный... Онъ не помнилъ какъ вскочилъ на своего привязаннаго въ саду коня, какъ примчался домой. На другой день таинственная исторія убійства графини была у всѣхъ на устахъ. Антонію, придя въ себя, не захотѣлъ явиться съ повинной—онъ только казался мрачнымъ и задумчивымъ; многіе его подозрѣвали, но ясныхъ уликъ не было. Нѣкоторые даже говорили, что убійцей былъ самъ графъ, убѣдившійся въ невѣрности жены. Какъ бы то ни было—дѣло кончилось ничѣмъ—молодую женщину торжественно похоронили въ фамильномъ склепѣ, а мрачный Антонію скоро неизвѣстно куда скрылся.

Его не мучило раскаяніе—онъ какъ-то съумѣлъ поглотить и любовь свою и злобу въ крови графини. Но тоска и скука томили его невыносимо. Общество, въ которомъ онъ жилъ, жизнь, которую велъ, опротивѣли ему. Нужно было покончить съ ними, искать какого нибудь новаго существованія, новой дѣятельности.

Онъ вспомнилъ одного человѣка, который когда-то произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Человѣкъ этотъ былъ Діего Лайнецъ, генералъ ордена иезуитовъ.

Къ нему рѣшился идти Антонію, чтобъ навсегда отказать отъ прошлаго и начать новую дѣятельность, которая привлекала его своей таинственностью и очевиднымъ могуществомъ значеніемъ.

Въ одеждѣ послушника явился блестящій рыцарь передъ генераломъ иезуитовъ. Онъ принесъ съ собою все свое золото, всѣ драгоценности и просилъ принять ихъ въ даръ на нужды общества. Онъ умолялъ не выдавать его имени и дать ему какое нибудь порученіе вдали отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ его знали... онъ клялся посвятить всю жизнь на службу Богу и ордену...

Проницательный Діего сразу увидѣлъ съ какимъ человекомъ онъ имѣетъ дѣло. Ему нужны были подобные люди. Но прежде необходимо было испытать Антонію. И Діего провелъ его черезъ долгую школу испытаній.

Удивительная перемена произошла въ Антонію. Онъ, бывало не признававшій ничьей воли кромѣ собственной, привыкшій къ поклоненіямъ и лести, превратился въ самага почтительнаго и безотвѣтнаго исполнителя чужихъ приказаній. Его самолюбіе и честолюбіе получили совершенно новое направленіе—ему хотѣлось удивить отцовъ иезуитовъ подвигами своего смиренія.

Тоска и скука, отъ которыхъ онъ бѣжалъ, замерли въ немъ. Онъ испытывалъ какое-то новое, страстное наслажденіе въ самобичеваніи, въ умерщвленіи плоти, въ фанатическихъ грезахъ. Здоровый и сильный—онъ могъ вынести многое, но все же, когда черезъ полгода онъ явился къ Діего, строго исполнивъ свой искъ, генералъ едва узналъ его. Онъ былъ страшно худъ, съ углубившимися и лихорадочно блестящими глазами, съ новымъ выраженіемъ въ лицѣ.

„Вотъ человѣкъ, какого намъ нужно, подумалъ Лайнецъ,—онъ можетъ сломить въ себѣ все, и ни передъ

чѣмъ не остановится, — онъ не упадетъ духомъ и не измѣнитъ“.

И генералъ торжественно объявилъ Антонію, что изъ разряда *достойныхъ похвалы учениковъ* (scholastici arrobati), онъ переведетъ его, не въ примѣръ прочимъ, прямо въ высшую степень „профессовъ“ или „исповѣдниковъ“, т. е. дѣятельныхъ, исполняющихъ важныя порученія членовъ общества Иисуса. Онъ оставилъ его при себѣ, обращался какъ съ другомъ и скоро посвятилъ во всѣ тайны иезуитства.

Передъ Антонію открылось многое, чего онъ не подозревалъ. Мало по малу, въ бесѣдахъ увлекательно краснорѣчиваго Діего, выяснилась оборотная сторона дѣйствій ордена, давшихъ ему въ короткое время такую силу и значеніе и возбуждавшихъ противъ него страхъ и ненависть большей части общества. Антонію увидѣлъ, что школа умерщвленія плоти и безпрекословнаго послушанія не только папѣ, но и волѣ ближайшаго орденскаго начальства, должна была привести человека не къ высшему служенію Богу, а имѣла единственной цѣлью сдѣлать изъ иезуита сильное орудіе для достиженія совершенно земныхъ цѣлей. Обращеніе народовъ въ латинство, полное владычество „общества Иисуса“ надъ умами и матеріальными средствами ближнихъ—вотъ въ чемъ состояла программа, повѣданная Антонію генераломъ.

Но все, что въ этой программѣ могло смутить совѣсть рыцаря было совершенно сглажено тѣмъ влияніемъ, которое Діего уже получилъ надъ Антонію. Пламенные рѣчи, блестящіе софизмы, ловкія обѣщанія могущества и власти въ близкомъ будущемъ, сдѣлали свое дѣло. Посвященный во всѣ тайны, Антонію превратился въ истиннаго, безукоризненнаго иезуита. Онъ съ большимъ еще жаромъ и искренностью поклонился генералу бытъ вѣрнымъ слугою папѣ и отдать всю жизнь на благо ордена.

Передъ нимъ заманчиво рисовалась благодарная, увлекательная дѣятельность. Ему предстояло уловлять сердца не ловкостью и физической силой, не красотой и блескомъ, а силой разума; предстояло приходиться къ владычеству надъ людьми тайными, ловко перепутанными путями. Его самолюбію открывалась обильная пища.

Скоро ему представился случай испытать свои силы.

Онъ былъ посланъ миссіонеромъ въ Бразилію и въ теченіе трехъ лѣтъ присылалъ генералу ордена огромные списки новообращенныхъ; кромѣ того, черезъ него орденъ получилъ и значительныя денежныя средства. Антонію имѣлъ огромное влияніе въ мѣстности, гдѣ дѣйствовалъ; безпрекословно и постоянно удачно исполнялъ всѣ приказанія, высылаемыя изъ Рима и благосклонный Діего Лайнецъ обратилъ на его дѣятельность вниманіе папы. Рѣшено было вызвать Антонію въ Римъ и поручить ему какое нибудь важное дѣло, требующее осторожнаго и ловкаго человѣка.

Антонію явился съ апломбомъ испытаннаго и знающаго себя цѣну дѣятеля. Онъ былъ дружески встрѣченъ генераломъ и имѣлъ продолжительную аудіенцію у Пія V, который разстался съ нимъ, благословивъ его на новый „подвигъ“.

„Подвигъ“ этотъ дѣйствительно былъ важенъ. Римъ давно уже жадно слѣдилъ за Польшей и Литвой. Оттуда начинали приходиться все болѣе и болѣе тревожныя извѣстія. Необходимо нужно было утвердить шатающееся латинство въ Польшѣ и сдѣлать „схизматическую“ Литву достояніемъ „истинной“ церкви. Такое дѣло было только по плечу иезуитамъ. Но явиться сразу и дѣйствовать прямо они, разумѣется, не хотѣли—имъ нужно было подготовить себѣ почву, очистить путь, явиться на мѣсто съ такими свѣдѣніями, которыя бы не допустили возможности ошибки.

Особенно въ православной Литвѣ, имѣвшей такихъ

вождей какъ князь Константинъ Острожскій, нужно было хорошенько осмотрѣться и найти себѣ сторонниковъ и учениковъ въ средѣ вліятельныхъ, вельможныхъ семействъ русскихъ.

А тутъ, какъ нарочно, представился самый удобный случай начать тайныя, вваждебныя дѣйствія въ самомъ центрѣ литовскаго православія, въ семьѣ Острожскихъ. Княгиня Беата, вѣрная дочь римской церкви, жертвовавшая на католическую пропаганду значительныя суммы, просила у папы духовника и руководителя по его личному выбору и съ его благословенія.

Папа избралъ отца Антонію.

Мы видѣли, что іезуитъ ловко приступилъ къ исполненію своей миссіи. Онъ получилъ огромное вліяніе на княгиню Беату, онъ очаровалъ всѣхъ въ замкѣ. Онъ аккуратно посылалъ въ Римъ очень важныя и интересныя донесенія. Кромѣ того, два старшихъ сына князя Константина были въ его рукахъ. Мальчики очень боялись отца и этотъ страхъ, основанный на его строгости и раздражительности, лишалъ ихъ дѣтской откровенности съ нимъ. Князь, удрученный дѣлами и заботами, не имѣлъ никакой возможности постоянно слѣдить за дѣтьми. Антонію сталъ пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ перекинуться съ ними нѣсколькими словами и скоро такъ обворожилъ ихъ своею добротой и участіемъ, что они считали его своимъ лучшимъ другомъ. Онъ сумѣлъ внушить имъ увѣренность, что для нихъ лучше, если эта дружба останется въ тайнѣ отовсѣхъ. И дѣти дорожили этой тайной, свято хранили ее и мечтали о блаженной жизни мальчиковъ въ той странѣ, откуда пріѣхалъ ихъ другъ и куда они сами могутъ попасть, если будутъ умными и станутъ слушаться его совѣтовъ. Съ каждымъ днемъ укрѣплялись эти таинственныя отношенія. Дѣти, иногда за неимѣніемъ возможности увидаться съ Антонію, пересылали ему записочки, кладя ихъ въ дупло заранѣе условленнаго дерева въ паркѣ; они жаловались своему другу на притѣсненія и наказанія, которымъ они подвергались, и добрый другъ всегда являлся ихъ сторонникомъ, осуждая тѣхъ, кто причинялъ имъ непріятности. Мало по малу онъ развивалъ въ мальчикахъ недовольство отцомъ, его строгостью...

А дѣятельный князь Константинъ, хоть и глядѣлъ на Антонію какъ на тайнаго врага, все же не замѣчалъ ничего, не подозрѣвалъ, что этотъ тайный врагъ успѣшно отпихиваетъ у него сыновей, подготавливаетъ въ нихъ, въ князьяхъ Острожскихъ, отступниковъ отъ православія...

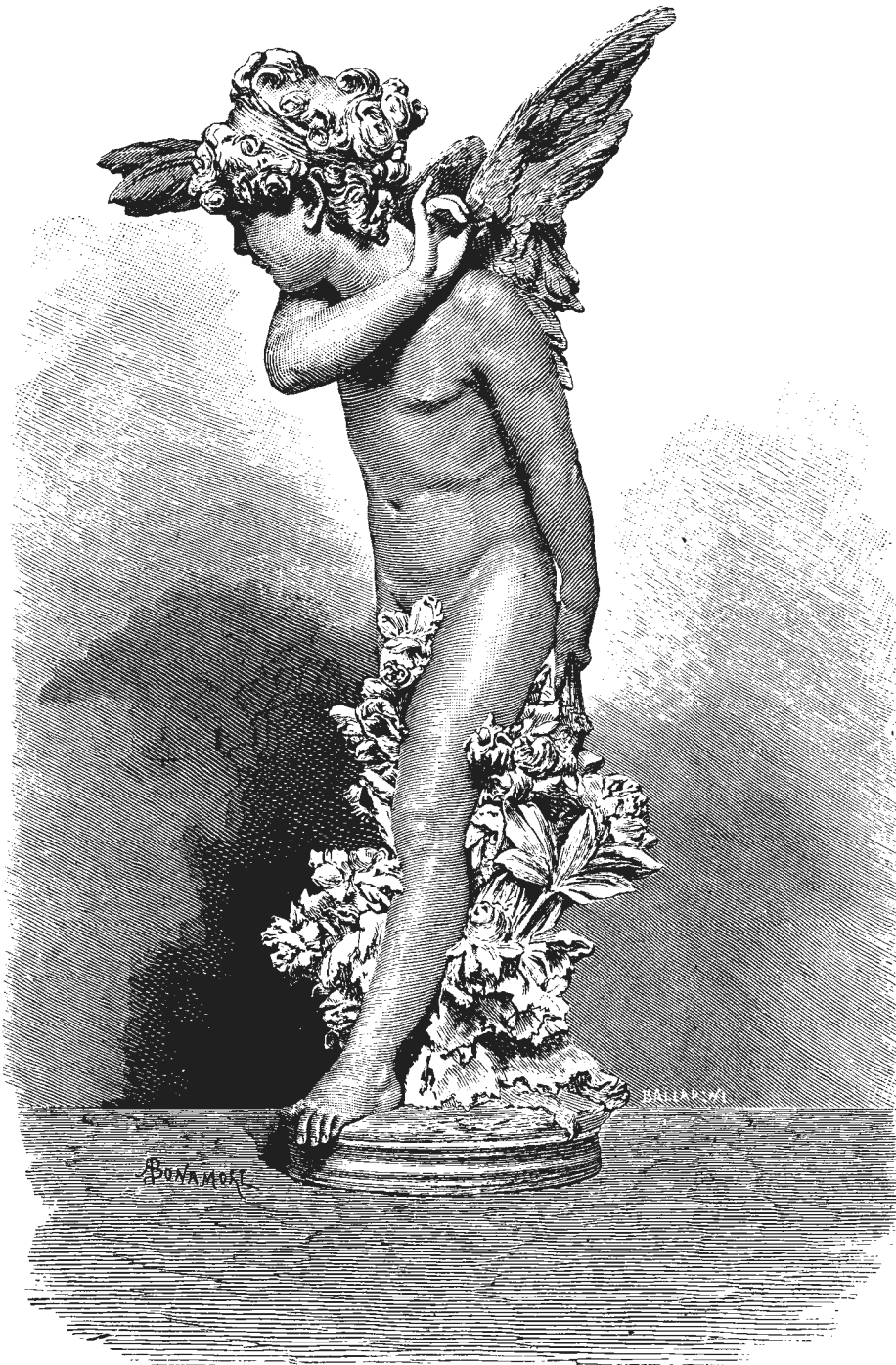
Одно только никакъ не удавалось отцу Антонію. Ему не удавалось получить вліянія надъ Гальшкой. Князь, увѣренный въ ея благочестіи и искренности, насколько

Изаумленная Психея. Статуя Антонію Россетти. Рис. Бонамаре, грав. Балларини.

возможно слѣдящій за нею, позволилъ Антонію давать ей уроки итальянскаго языка. Эти уроки не могли повредить ученицѣ; но они вызвали адъ въ душѣ учителя. Отецъ Антонію, давно позабывшій всѣ соблазны міра, прошедшій долгую и страшную школу лишений и умерщвленія плоти, искренно отказавшійся отъ всего, чѣмъ когда-то была полна жизнь его, неустоялъ передъ соблазномъ вѣшной и нравственной красоты княжны Елены и полюбилъ ее безумно, со всѣмъ жаромъ своей страстной природы, крѣпко подавленной, но не убитой силою воли.

Эта вторая любовь принесла монаху гораздо болѣе тайныхъ мученій, чѣмъ первая. Онъ ясно видѣлъ, что она безнадежна, что Гальшка не будетъ отвѣчать ему, что она смотритъ на него какъ на учителя, какъ на монаха чуждаго ей вѣроисповѣданія и какъ - то даже совсѣмъ не видитъ въ немъ мужчину. Это сознаніе было для него ужаснымъ. Не прошло еще и шести лѣтъ

Защищающийся амуръ. Статуя Антонио Россетти. Гис. Бонаморе, грав. Балларини.

съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ блестящимъ рыцаремъ, любимцемъ женщинъ... Неужели онъ съ тѣхъ поръ такъ страшно измѣнился? Да, онъ блѣденъ, онъ худъ, глаза его впали, манеры и обращеніе свѣтскаго чело-вѣка перешли въ сдержанность и скромность служителя церкви... Но, Боже, развѣ молодость ушла навсегда, развѣ черная одежда положила на него несмываемую печать, стерла всѣ признаки былой красоты его!? Онъ замѣчалъ, какъ одна изъ хорошенькихъ паненокъ, приближенныхъ княгини Беаты, смущалась и краснѣла встрѣчаясь съ нимъ. Эту шляхтянку звали панна Зося, она была полька и католичка. Онъ исповѣдывалъ ее, потупивъ глаза, и говорилъ съ ней только о рели-гии... Но и изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ онъ видѣлъ, какъ она, неотрываясь, смотрѣла на него, краснѣла и блѣднѣла... Ея голосъ дрожалъ, грудь высоко поднималась. Однажды, не въ сплахъ будучи владѣть собою, она залилась слезами, упала передъ нимъ на колѣни и

призналась ему въ любви своей. Отецъ Антонио хорошо зналъ, что одинъ параграфъ тайныхъ іезуитскихъ наставленій, составленныхъ самимъ Діего Лайнецомъ, допускаетъ дѣлать все, пріятное женщинамъ, преданнымъ душою обществу Иисуса, и только требуетъ осторожности и избѣжанія соблазна... Панна Зося была молода, красива; пользуясь благосклонностью не только Беаты, но даже и Гальшки, она годилась для роли шпіона...

Но полный страстной любви къ Гальшкѣ, онъ не плѣнялся красотой и слезами своей духовной дочери. Онъ ласково поднялъ ее и сталъ успокоивать... Онъ говорилъ ей, что нужно бороться съ соблазнами, говорилъ увлекательно и долго... Тонъ его словъ и ихъ намеки не поощряли, но и не внушали безнадежности. Молодая дѣвушка ушла отъ него съ твердымъ намѣреніемъ не отгонять отъ себя соблазновъ и въ концѣ концовъ добиться любви прекраснаго монаха...

И не одна панна Зося находила его прекраснымъ—онъ встрѣчалъ не мало поклонницъ. Для нихъ онъ и въ черной одеждѣ, говорящей объ обѣтѣ цѣломудрія и полного отреченія отъ міра, не терялъ своей привлекательности, а даже напротивъ — манялъ къ себѣ какъ плодъ запретный... Но Гальшка была слишкомъ далека отъ подобныхъ взглядовъ. Его наблюдательный умъ вѣрно выяснилъ ему ея характеръ. Она была еще такимъ чистымъ, невиннымъ ребенкомъ... И, однако, эта чистота чувства и помысловъ являлась не единственно признакомъ крайней молодости—она была присуща ея натурѣ и побѣдить ее врядъ ли предстояла возможность. На всѣ вещи Гальшка смотрѣла прямо. Еслибона узнала, что ктонибудь изъ ея сверстницъ влюбился въ отца Антонио, она бы глубоко изумилась возмож-

ности этого и во всякомъ случаѣ признала бы такое чувство позорнымъ для женщины и глубоко оскорбительнымъ для Антонио. Онъ монахъ, онъ отказался отъ міра, торжественно принявъ обѣтъ безбрачія—полюбить какъ мужчину подобнаго чело-вѣка—грѣхъ позорный и возмутительный. Если же бы она узнала, что онъ самъ полюбилъ когонибудь—она почувствовала бы къ нему глубочайшее презрѣніе, какъ къ осквернителю своего сана, недостойному носить его. Такой взглядъ не былъ при-вить ей извнѣ, она носила его въ себѣ и измѣнить не была въ состояніи.

Антонио хорошо понималъ все это. У него безповоротно отнято было право всякаго мужчнина добиваться любви горячо любимой имъ дѣвушки. Онъ не смѣлъ ничѣмъ выказать ей своего чувства. Напротивъ, онъ долженъ былъ всячески скрывать его, глубоко хоронить въ себѣ, чтобы не заслужить ея презрѣнія. Эти неожиданныя имъ обстоятельства, эта глухая,

невыносимая борьба окончательно отравляли жизнь его.

А, между тѣмъ, онъ не желалъ смерти. Онъ не могъ умереть съ мыслью, что Гальшка достанется другому, что она будетъ любить, будетъ счастлива... Нѣтъ, если судьба такъ жестоко надъ нимъ посмѣялась, если для него погубило все,—пусть же и никто не прикаснется къ его недостижимой святинѣ... Его тайныя чувства сходились съ цѣлями пославшаго его Лайнеца. Княжна Гальшка должна принадлежать только Богу, ея удѣлъ—монастырь...

Горькія мысли Антонію переходили въ видѣнія и галлюцинаціи. Ему являлась чудная красавица окруженная блескомъ храма, облаками благоухающаго ладана... Вотъ ея нѣжныя пальцы касаются органа... раздаются дивныя, божественныя звуки... ея чистый невинный голосъ поетъ пѣснь Богу... „Святая Цецилія! святая Цецилія!“ шепчетъ потрясенный монахъ, падая въ изнеможеніи и обливаясь никому невѣдомыми слезами...

И всѣ свои силы напрягалъ Антонію, чтобы подѣйствовать своимъ краснорѣчіемъ на душу Гальшки, чтобы внушить ей сознание необходимости исповѣдывать одну вѣру съ матерью, чтобы доказать истину и превосходство этой вѣры передъ православіемъ. Нужно было дѣйствовать хитро и осторожно, нужно было тщательно скрывать свои цѣли. Всякій сколько нибудь прямой намекъ смущалъ Гальшку; она прерывала Антонію простымъ замѣчаніемъ, что она православная.

Княгиня Беата тоже не могла помочь, и исполненіе предписаннаго Лайнецомъ образа дѣйствій было невозможно. Княгиня и рѣшилась бы пожалуй, въ виду благой цѣли, пригнѣнять и мучить Гальшку; но князь Константинъ никогда бы не допустилъ этого.

Сдѣловательно оставалось добиваться удаленія Беаты и Гальшки изъ дома Острожскаго. Княгиня, несмотря на все вліяніе Антонію, еще не могла на это рѣшиться. Однако въ послѣднее время она уже стала колебаться. Іезуиту оставалось выждать случая, когда бы можно было приписать починъ разрыва князю Константину и затѣмъ обставить дѣло такъ, чтобы князь, несмотря на все свое могущество и вліяніе, не былъ въ силахъ удержать при себѣ Елену...

Рѣшеніемъ этого вопроса и занять былъ отецъ Антонію, когда его проницательный взглядъ подмѣтилъ зародившееся въ Гальшкѣ чувство къ молодому князю Сангушко.

Ужасъ и отчаянная ревность наполнили сердце монаха. Онъ отдалъ бы все, онъ подвергъ бы свою душу вѣчнымъ мученіямъ ада, чтобы только имѣть возможность, какъ въ былые дни, вскочить на коня и сразиться съ счастливымъ княземъ. О, онъ убилъ бы его, онъ растопталъ бы его конскими копытами...

И въ то время какъ эти отчаянныя, безумныя мысли вихремъ клубились въ головѣ его, какъ его грудь изнывала отъ боли, его блѣдное лицо не выражало ничего, кромѣ мрачнаго спокойствія...

Черезъ часъ онъ уже совладѣлъ съ своей болью и рѣшился дѣйствовать хладнокровно и обдуманно. Онъ уже начиналъ предвидѣть, что ужасное обстоятельство, открытое имъ, можетъ послужить къ достиженію его цѣли, къ окончательному разрыву между княземъ Константиномъ и Беатой.

VI.

Солнце закатилось за извивомъ рѣки Гарыни. Наступали прокладныя и душистыя сумерки. Пиръ князя Острожскаго былъ въ полномъ разгарѣ. Зажигались яркіе огни въ замкѣ; въ цвѣтникахъ и паркѣ приготовлялась роскошная иллюминація. Многочисленный итальянскій оркестръ князя, подъ управленіемъ талантливаго маэстро Скорцо, далеко оглашалъ безвѣтряный и прозрачный воздухъ. Толпы разряженныхъ мужчинъ и жен-

щинъ двигались по параднымъ заламъ, выходили на террасу и разсыпались по дорожкамъ сада отдохнуть и освѣжиться въ тѣни вѣсковыхъ деревьевъ.

Огромный бѣлый замокъ съ своей причудливой итальянской архитектурой, весь залитый свѣтомъ, музыкой и движеніемъ производилъ среди яснаго, весенняго вечера волшебное впечатлѣніе. Онъ казался заколдованнымъ дворцомъ могучаго чародѣя, созданнымъ его служебными духами. Очарованіе не исчезало и при входѣ во внутренніе покои. Съ обширной террасы, вымощенной драгоцѣнной мозаикой, огромныя рѣзныя двери вели въ цѣлую анфиладу залъ, поражающихъ своей роскошной обстановкой. Главная зала, въ два свѣта и съ хорами, на которыхъ помѣщался оркестръ, была обитута золотой парчею съ ярко малиновымъ по ней рисункомъ; полъ былъ въ ней мраморный, мозаичный; глубокой потолокъ уходящій куполомъ, поражалъ причудливой лѣпной работой. Были залы обитыя бархатомъ, были небольшіе покои для отдыха женщинъ, устланные дорогими коврами, сверкавшіе вѣдланными въ стѣны безчисленными зеркалами венеціанскаго издѣлія. Всюду мраморъ, серебряныя массивныя вещи огромной стоимости. Обширныя столовыя съ длинными, заставленными кушаньями и винами, столами, со стѣнами, скрытыми до потолка серебряной фамильной посудой, выставленной на полкахъ. Стоимость этой посуды равнялась многимъ сотнямъ тысячъ.

Много было въ этотъ день званныхъ, почетныхъ гостей у князя Константина, но число ихъ терялось въ массѣ гостей незванныхъ и непочетныхъ, явившихся по обязанности и частью живущихъ въ зданіяхъ, окружавшихъ замокъ. Здѣсь можно было встрѣтить сотни шляхтичей съ семействами, живущихъ милостями князя. Тутъ были офицеры, духовные, писатели. Большинство изъ нихъ имѣло при замкѣ свои отдѣльныя помѣщенія, содержало свою прислугу, лошадей, экипажи. Кромѣ того эти люди получали отъ князя жалованье въ нѣсколько тысячъ и бесплатно арендовали у него фольварки. Еще больше было здѣсь шляхты, состоявшей на княжескомъ жалованьи и обязанной являться въ Острогъ по торжественнымъ днямъ, а также сопровождать князя на сеймы.

У князя Константина былъ также свой домашній почетный караулъ, въ которомъ числилось нѣсколько сотенъ казаковъ, валаховъ, венгерской пѣхоты и нѣмецкихъ драгунъ. Около восьмисотъ молодыхъ шляхтичей, пажей и панненовъ дополняли придворный штатъ замка, содержаніе котораго поглощало половину громаднѣхъ доходовъ князя Острожскаго, другая же половина отдавалась имъ на дѣло распространенія и поддержанія православія.

И вся эта масса разнообразнаго, разнохарактернаго люда была теперь въ сборѣ и предавалась часто необузданному веселію. Безчисленной прислугѣ то и дѣло приходилось выносить изъ столовыхъ почтенныхъ гостей, слишкомъ усердно оказавшихъ честь сокровищамъ княжескихъ погребовъ. Маршалъ то и дѣло отдавалъ своимъ помощникамъ приказанія возстановлять тишину то въ одномъ, то въ другомъ покоѣ...

Подальше отъ толпы, отъ блестящей молодежи, окружавшей нарядныхъ женщинъ, въ уютомъ углу прохладной столовой, собралось челоуѣкъ двадцать шляхтичей и военныхъ. Тяжелые серебряные кубки то и дѣло наполнялись темнымъ, душистымъ венгерскимъ. Собесѣдники очевидно были увлечены равно для всѣхъ интереснымъ разговоромъ.

Между ними обращала на себя вниманіе толстая, нѣсколько комичная фигура шляхтича Галынскаго, приближеннаго и любимца молодого князя Сангушка. Круглое, добродушное лицо его было еще краснѣе обыкновеннаго; онъ молодецки закрутилъ свои безконечныя усы, сдвинулъ брови и сверкалъ глазами.

— Подумайте, люди православные, до чего у насъ нонѣ доходить стало! горячился онъ, стуча краснымъ, жирнымъ кулакомъ по столу, такъ что густое вино колыхалось въ стопахъ и кубкахъ.—Что мы такое? вольные люди или рабы короля польскаго? Что такое наша вѣра святая, что отдають ее на посмѣшище и позоръ великій? Только и слышишь, что король такой-то, да такой-то монастырь отдалъ своему холопу, дяку канцелярскому... А то и сами наши пастыри чинятъ всякія беззаконія... И годъ отъ году все хуже да хуже. Сначала одинъ волкъ былъ, львовскій епископъ Арсеній, тотъ что грабилъ и въ раззоръ ввелъ монастырь Уневскій; а теперь, прости Господи, почитай каждый епископъ, каждый архимандритъ—звѣрь лютый и раззоритель... Наѣдетъ, это, епископъ на монастырь, награтитъ все добро запасенное, да еще и гнѣвомъ королевскимъ стращаетъ: вотъ, молъ, пикините только, такъ отдадутъ васъ пану польскому, тотъ съ васъ по семи шкуръ драть станетъ...

— Это точно, это такъ! вмѣшался другой шляхтичъ. И срамъ-то какой: духовенство православное такъ и лѣзетъ въ Краковъ съ жалобами другъ на друга... Случилось мнѣ недавно, по дѣлу пана моего милостивца, съѣздить въ Краковъ... Ну и навидался же я соблазновъ... Это пастыри наши духовные, столпы нашей вѣры ругаются какъ псы, тайно задариваютъ дяковъ королевскихъ, ищутъ какъ бы извести другъ друга. Чего ужъ тутъ ждать путнаго—того гляди продадутся всѣ не то папѣ римскому, не то нѣмецкаго монаха апостоломъ признають.

— А слышали?—робко и оглядываясь по сторонамъ заговорилъ какой-то маленькій, невзрачный старикъ.—Наша то княгинюшка Слуцкая—опять позабыла гнѣвъ королевскій. Ну вотъ не можетъ спокойно жить, да и только. Послала напередъ грамоту Трифону Огольскому, своему намѣстнику. Такъ и шипеть: ты, говоритъ, митрополита не бойся, не тѣ времена, что прежде, король въ мои дѣла не станетъ ужъ вступаться. Провинился въ чемъ передъ тобой попъ—ты и суди его своей властью; въ тюрьму, такъ и въ тюрьму его—и то разрѣшаю. А если, говоритъ, мужъ на жену, али тамъ жена на мужа жалобу принесутъ, то ты жалобу ту выслушай, да и учини расправу, дозволяя и разводъ—коги нужно... Вѣрите-ли—самъ, своими вотъ этими глазами читаль грамоту—вѣдь ее сочинялъ то Матвѣй Петровичъ, другъ мой и благопріятель...

И маленькій старикъ обвелъ присутствующихъ удивленными гласами.

— Дѣла, дѣла! снова закричалъ Иванъ Петровичъ Галынскій, волнуясь и растегивая на всѣ пуговицы кафтанъ, въ которомъ ему становилось черезчуръ уже тѣсно.—Дѣла! какъ послушаешь—инда тошно становится... Но нуце всего бѣда намъ отъ королевскаго права подаванья—ну и статочно ли это дѣло, монастырь православный отдавать свѣтскому, да зачастую еще и католику—ляху! Вѣдь это что-жъ такое! Вѣдь этому нужно конецъ положить на сеймѣ... неужто же князь Константинъ Константиновичъ допустить далѣе такое посяганіе!!

Никто не замѣтилъ, что самъ хозяинъ стоялъ у двери и прислушивался къ разговору.

— Думаю я, другъ, думаю, какъ бы пресѣчь это зло, да много ли тутъ сдѣлаешь, коли люди горазды стали по угламъ шептаться—а до дѣла дойдеть—отмалчиваются, сказали князь Константинъ, подходя къ столу.

Собесѣдники вздрогнули отъ неожиданности, быстро и почтительно встали передъ княземъ.

Галынскій тщетно пробовалъ застегнуть кафтанъ и даже оторвалъ одну пуговицу.

Князь не обратилъ никакого вниманія на признаки почтительнаго страха, возбужденные его появленіемъ.

Да врядъ ли онъ ихъ и замѣтилъ—онъ такъ давно привыкъ ужъ встрѣчать ихъ повсюду.

Онъ продолжалъ:

— Мы ужъ не мало толковали съ митрополитомъ Юной. Порѣшили такъ: для начала я молчать буду, а все возьметъ на себя митрополитъ. Онъ готовить къ королю много просьбъ и непременно представить на сеймѣ убѣдительное прошеніе, чтобы власть духовную не отдавать людямъ свѣтскимъ... Если же король отдастъ духовную должность свѣтскому человѣку и этотъ втеченіе трехъ мѣсяцевъ не приметъ санъ духовный, то дабы дано было право владыкѣ отбирать отъ такого человѣка достоинство и хлѣбъ духовные и отдавать ихъ людямъ духовнымъ. Авось король одумается и исполнитъ нашу просьбу. Ну а вѣтъ, такъ придется дѣйствовать иначе... Радуюсь, друзья мои, видя, что вамъ близки дѣла эти, только будьте тверды, не забывайте, что дѣло церкви Божіей—прежде всего, прежде всѣхъ дѣлъ человѣческихъ. А это теперь совсѣмъ стали забывать православные люди. Много зла не отъ насъ, но главное зло отъ насъ, въ душахъ нашихъ пустило оно свои корни... Зло тяжелое и истинная погибель наша—оскуденіе въ насъ вѣры и благочестія...

И князь, грустно опустивъ голову, прошелъ дальше.

Онъ подходилъ то къ одной, то къ другой кучкѣ. Здѣсь и тамъ бросалъ свое слово, прислушивался къ разговорамъ, подмѣчалъ господствовавшее настроеніе передъ открывавшимся въ скоромъ времени сеймомъ, наблюдалъ за своими гостями...

Эти наблюденія были далеко неутѣшительны.

Разговоры о дѣлахъ настоятельныхъ и важныхъ было слышно мало. Передавались сплетни, хвастались и лгали безбожно, втихомолку подсмѣивались другъ надъ другомъ; иные гости едва ворочали языкомъ и тупо глядѣли помутившимися отъ вина глазами.

Женщины кокетничали напрапалу. Летали страстные взгляды, намеки. Здѣсь и тамъ, среди шума и движенія толпы, внимательный взглядъ могъ замѣтить то робкія, то страстныя пожатія рукъ, чуткое ухо могло подслушать любовныя признанія, многія тайны обманутыхъ мужей и женъ, зарожденіе семейныхъ драмъ и скандаловъ...

Мы знаемъ изъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ современниковъ печальныя подробности литовской общественной жизни того времени. Мы знаемъ, что на роскошныхъ пирахъ и балахъ вельможъ литовскихъ царствовали уже самыя испорченныя нравы, что женщины высшаго общества, по словамъ одного лѣтописца, соперничали не въ добродѣтеляхъ, а въ безстыдствѣ. Дѣвушка вельможнаго рода, жена знаменитаго князя часто втихомолку заводила интриги съ ничтожными шляхтичами, услужниками своихъ отцовъ и мужей. Это было дѣло вовсе не понятій о равноправности всѣхъ сословій не протестъ противъ кастовыхъ взглядовъ—литовская женщина XVI вѣка была чрезвычайно мало развита и образована,—это было дѣло необыкновенной испорченности нравовъ, отсутствія всякихъ твердыхъ правилъ. Цинизмъ преглядывалъ не только въ поступкахъ, но даже и въ рѣчахъ. Женщины перестали стыдиться и отказались отъ всякой хотя бы чисто внѣшней скромности...

Въ огромномъ „золотомъ“ залѣ замка танцовали безчисленныя пары. Неутомимый оркестръ переходилъ отъ одной мелодіи къ другой, отъ одного темпа къ другому. Здѣсь оживленіе достигало своего высшаго предѣла. Одно за другимъ быстро мелькали разгоряченныя лица. Молодыя женщины и дѣвушки были буквально залиты драгоценными камнями, сіяли дорогими, причудливыми нарядами. Летучія фразы, остроты, насмѣшки, улыбки и откровенный смѣхъ перекрещивались въ общемъ вихрѣ...

Хорошенькій Ѳедя изъ свиты Сангушко танцовалъ

съ панной Зосей. Къ нему такъ шелъ его шитый золотомъ кафтанъ и маленькіе пушистые усики, оттѣнявшіе румяныя губы. Она была тоже очень красива съ длинными косами, перелетѣнными жемчугомъ, съ своими черными выразительными глазами. Оба они были такъ молоды, такъ полны жизни... они крѣпко держались за руки, были такъ близко другъ къ другу... Имъ ли не наслаждаться этимъ быстрымъ, увлекательнымъ танцемъ, этими влюбленными звуками нѣжной итальянской музыки, имъ ли не глядѣть въ глаза другъ другу и читать въ нихъ первыя строки зарождающейся страсти...

А между тѣмъ и хорошенькій, статный Оеда, и хорошенькая Зося были разсѣяны и только изъ приличія едва перекидывались нѣсколькими фразами. Зося глядѣла по сторонамъ не мелькнеть ли гдѣ черная, высокая фигура блѣднаго человѣка. Не смотря на всю свою молодость она сегодня не могла наслаждаться баломъ, она даже не замѣчала весь день обращенныхъ на нее, влюбленныхъ взглядовъ болѣе чѣмъ десятка красивой молодежи, не слушала самыхъ лестныхъ комплиментовъ. Ей хотѣлось уйти изъ этихъ залъ въ самую глубь покоевъ княгини Беаты, въ тихую каплицу, гдѣ, одѣтая въ бѣлое атласное платье съ длиннымъ шлейфомъ, съ золотой маленькой короной въ волосахъ, стояла точеная изъ дерева, раскрашенная статуя Мадонны. Ей хотѣлось у ногъ этой статуи слушать тихія рѣчи пре-

краснаго исповѣдника, чувствовать его тонкую руку на головѣ своей... Ея страсть къ Антонио разгаралась все сильнѣй и сильнѣе...

Оеда тоже жадно слѣдилъ за кѣмъ то, за далекой, свѣтлой фигурой, отъ которой весь день не могъ онъ отвести своихъ глазъ и своего сердца.

Эта свѣтлая фигура, эта царица праздника, чудная княжна Гальшка теперь танцевала въ сторонѣ съ княземъ Дмитріемъ Андреевичемъ Сангушко. Весь день она была предметомъ всеобщаго вниманія и восторга. Вокругъ нея образовалась блестящая свита самыхъ красивыхъ и знатныхъ дѣвушекъ, прѣбывавшихъ изъ литовскихъ и польскихъ замковъ. Но вся ихъ красота, молодость и свѣжесть совершенно терялись передъ ея неслышанной красотой. Она возбуждала зависть; но въ то же время влекла къ себѣ неодолимо. Ея обращеніе съ сверстницами было полно искренней доброты и ласки.

Знатные и богатые молодые поляки, несмотря на свою тайную ненависть къ князю Константину Острожскому, собрались изъ Кракова въ его замокъ, забыли придворныхъ красавицъ и неотрываясь слѣдили жадными глазами за Гальшкой. Всѣ они безсовѣстно льстили князю Константину, прикидывались друзьями русской національности и воображали, что могутъ обмануть его.

(Продолженіе будетъ).

Постройка новаго каменнаго моста чрезъ Неву.

(Между Литейнымъ проспектомъ и Медико-хирургической академіей).

Въ настоящее время, какъ извѣстно, производится на Невѣ, противъ Литейнаго проспекта и Медико-хирургической академіи работы по устройству постоянного моста чрезъ эту рѣку. Главная и самая трудная часть этихъ работъ заключается собственно въ погруженіи быковъ (устоевъ будущаго моста) особымъ (пневматическимъ) способомъ на дно рѣки, и, говоря болѣе точно и опредѣленно, даже не на дно рѣки, но до материка рѣки, т. е. до того грунта ея, на которомъ эти быки должны быть поставлены.

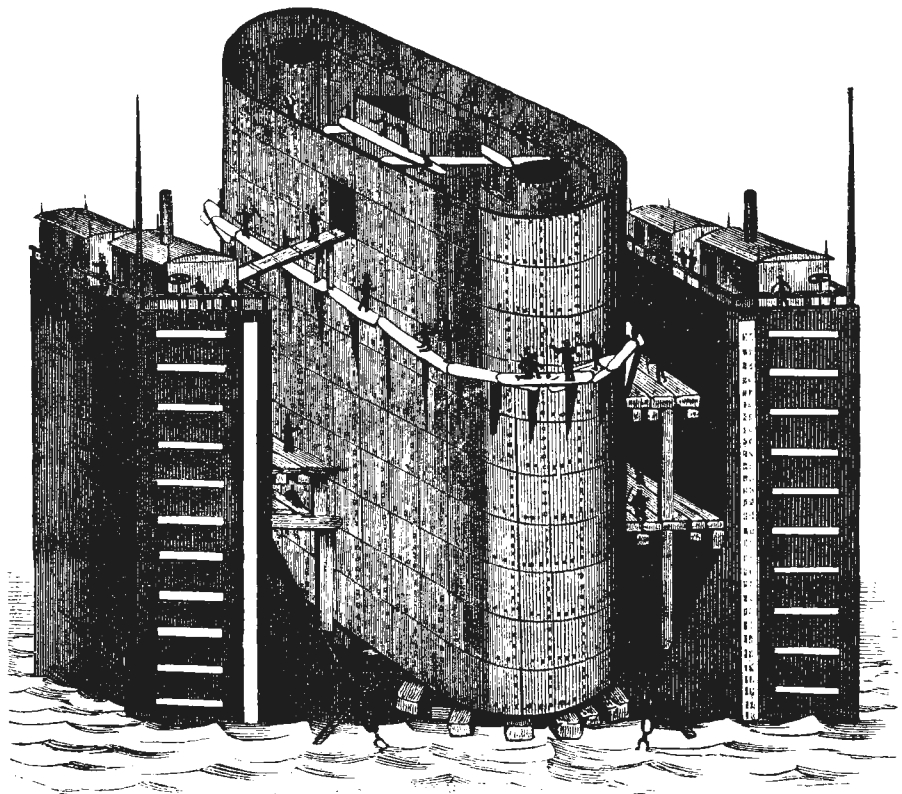
Работа эта, по громадности своей заслуживаетъ особаго интереса, тѣмъ болѣе, что размѣры желѣзнаго кессона подъ основаніе перваго быка (отъ лѣваго берега т. е. со стороны Литейнаго проспекта), или такъ называемаго толстаго быка, превышаютъ все, до сихъ исполненное въ этомъ родѣ.

Свойство грунта дна Невы, какъ сказано выше, требуетъ заложения фундамента быковъ на значительной глубинѣ ниже дна рѣки. Наносный иль и слабый глинистый грунтъ, находящійся непосредственно подъ глубиною воды въ 45 футъ, не могутъ принять столь значительнаго груза, какой заключаютъ въ себѣ каменные массивные быки. Необходимо прорыть эти слабые грунты и заложить фундаменты на слой плотной синей глины, которая находится на глубинѣ въ 92 фута ниже поверхности воды. Достигнуть этого предполагается при помощи сжатаго воздуха, посредствомъ сплошныхъ желѣзныхъ кессоновъ въ которыхъ должна производиться кладка камня подъ устои моста и подъ всторыми (т. е. подъ кессонами) должна производиться выемка земли со дна рѣки для того, чтобы устои моста (быки) соприкасались непосредственно съ грунтомъ дна рѣки.

Этотъ способъ первый разъ употребленъ былъ въ Россіи инженеромъ А. Е. Струве въ 1867 году, при сооруженномъ имъ мостѣ чрезъ Днѣпръ у города Кіева. Самый способъ производствa этихъ затруднительныхъ подводныхъ работъ, устройство многосложныхъ приспособленій и аппаратовъ и т. п. имъ самостоятельно разработаны при постройкахъ какъ Кіевского, такъ и Кременчугскаго мостовъ чрезъ Днѣпръ, такъ, что этотъ спо-

собъ вполне выросъ и усовершенствовался на нашей русской почвѣ, примѣняясь къ нашимъ мѣстнымъ условіямъ.

Толстый или крайній опорный быкъ будущаго моста расположенный со стороны Литейнаго проспекта (у лѣваго берега) имѣетъ длину въ 115 футъ, при ширинѣ въ 51 ф., и плоскости основанія въ 5,880 кв. футъ. Желѣзный кессонъ образуетъ под-

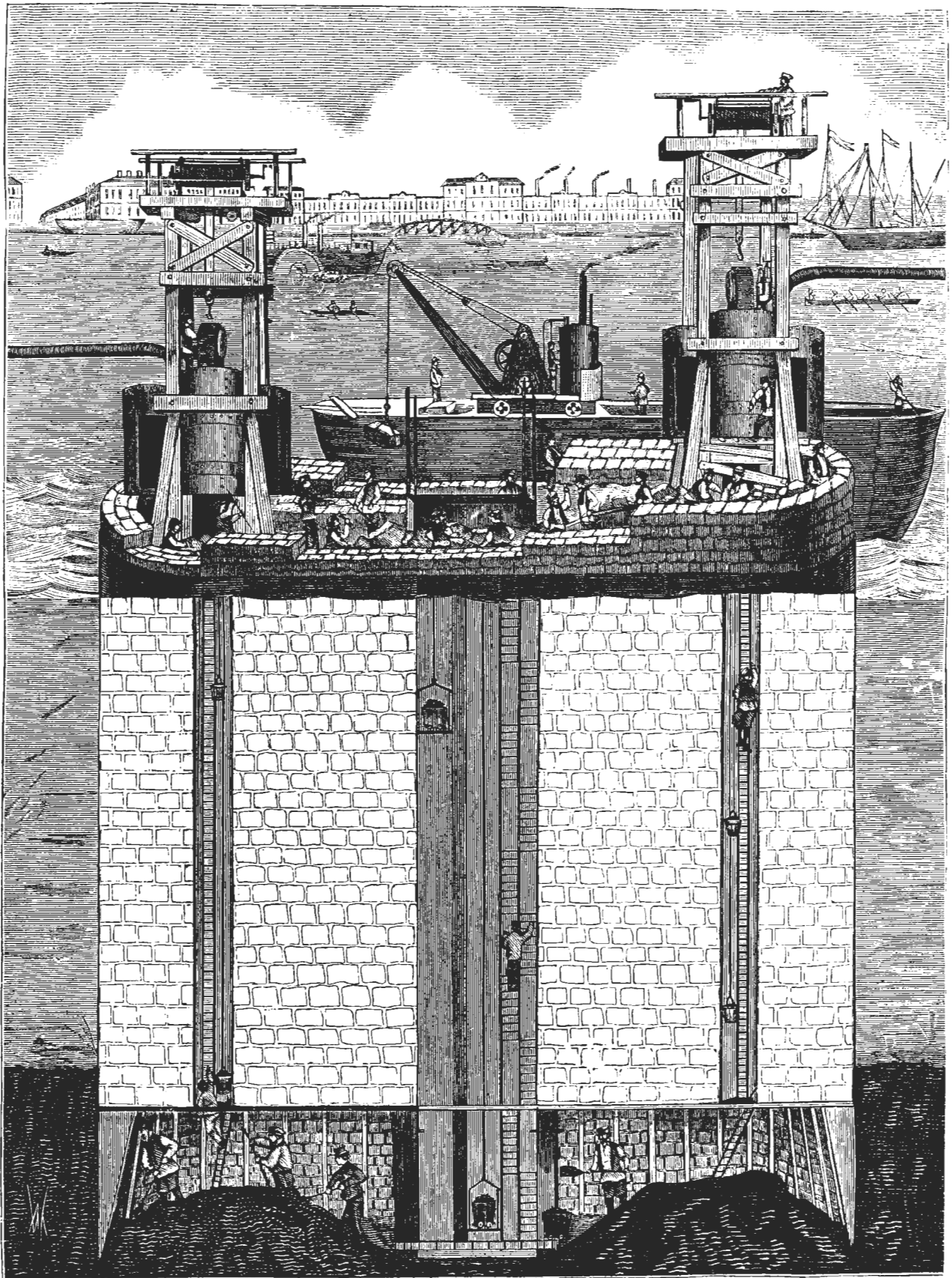

Желѣзный кессонъ для устоевъ (быковъ) строящагося Литейнаго моста. (Время нахождения кессона въ пловучемъ докѣ). Рис. Ваньюра, грав. Боярский.

водную камеру во всю величину быка.

Разскажемъ по порядку съ чего и какъ начинаются работы. Желѣзный кессонъ (см. рисунокъ) послѣ совершеннаго окончанія работъ по устройству его, подводится на пловучемъ докѣ къ тому мѣсту, гдѣ предполагается закладка быка (мосто-

ПОСТРОЙКА НОВАГО ЛИТЕЙНАГО МОСТА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Разрѣзъ кессона, наполненнаго каменною кладкою на мѣстѣ мостоваго устоя (быка), подъ которымъ производится выемка земли. Рис. съ натуры Васьера, грав. Колярскій.

ваго устоя), и спускается на воду. Имѣя у себя плотное, желѣзное-же дно, кессонъ, такимъ образомъ, оказывается въ пловучемъ состояніи. Для дальнѣйшихъ подробностей нужно запомнить, что дно кессона отстоитъ отъ нижнихъ краевъ его почти на три аршина, и такимъ образомъ, края кессона по достиженіи дна рѣки, упираются въ это дно и образуютъ внутри себя, т. е. подъ дномъ кессона, камеру которая потолкомъ имѣетъ дно кессона, а краями упирается въ дно рѣки, служащей ей въ тоже и поломъ. Въ эту подводную камеру могутъ чрезъ особая отверстія входить рабочіе для выемки земли (см. на рисункѣ разрѣзъ кессона, въ которомъ производится работы по устройству Литейнаго моста). По спускѣ кессона на рѣку, онъ, какъ замѣчено выше, находится нѣкоторое время въ пловучемъ состояніи, т. е. не достигаетъ еще дна рѣки. Тотчасъ же по спускѣ его, въ немъ начинается каменная кладка и по мѣрѣ этой кладки кессонъ отъ тяжести погружается все ниже и ниже и наконецъ упирается краями въ дно рѣки. После этого начинаютъ въ подводную камеру кессона, при посредствѣ паровыхъ машинъ, нагнетать воздухъ и нагнетаютъ его постоянно день и ночь, непереставая ни на одну минуту, и это дѣлается для того, чтобы воздухъ, нагнетанный въ эту подводную камеру, былъ въ состояніи вытѣснить изъ нея всю воду. Посредствомъ особыхъ желѣзныхъ шахтъ рабочіе спускаются въ подводную камеру кессона и начинаютъ подкапывать дно рѣки; вынутая ими земля и илъ поднимается паровыми машинами чрезъ шахты наружу и такимъ образомъ кессонъ, въ которомъ не перестаетъ въ то же время производиться каменная кладка, постепенно опускается все ниже и ниже, пока не достигнетъ такого грунта, какой необходимъ для прочности мостовыхъ устоевъ, такъ называемыхъ быковъ. Для ясности скажемъ другими словами: для погруженія кессоновъ, долженствующихъ служить основаніемъ устоевъ Литейнаго моста, на глубину ниже дна рѣки, одновременно производится двѣ работы, а именно: внизу, въ камерѣ кессона, куда накачивается сжатый воздухъ, производится постепенная выемка грунта, а сверху, надъ потолкомъ камеры внутри желѣзной обшивки, дѣлается каменная кладка (нагрузка кессона). Конечно, при этомъ необходимо наблюдать, чтобы выемка земли изъ-подъ кессона производилась правильно и при замѣчаемыхъ его наклонахъ въ сторону, могущихъ быть отъ неравномерной выемки изъ-подъ него земли, выемка должна быть направлена тотчасъ же на сторону, противоположную той, на которую кессонъ слишкомъ наклонился. Иловатый и притомъ чрезвычайно неоднородный грунтъ, составляющій верхній слой ложа рѣки, представляеть чрезвычайныя трудности для выполнения этой работы и угрожаетъ многими случайностями—предотвратить и даже предвидѣть которыя не всегда возможно.

Такъ кессонъ второго быка (со стороны Литейной) при совершенно уравненной нагрузкѣ камнемъ, нѣсколько времени назадъ, погрузился одною стороною глубже и пришелъ въ наклонное положеніе. Вслѣдствіе чего рабочіе втеченіи нѣсколькихъ дней подкапывали ту сторону кессона, которая погрузилась менѣе. Надняхъ случилось, что эта сторона осѣла и кессонъ пришелъ въ вертикальное положеніе, но съ этимъ иловатый, разжиженный грунтъ такъ подался, что кессонъ сразу осѣлъ на 2 фута. Это обстоятельство само по себѣ не имѣло бы особенной важности, такъ какъ подъ потолкомъ кессона оставалось бы еще свободное пространство; но такъ какъ илъ, разрыхленный силою давления воздуха, поднялся гораздо выше 2 футовъ, то онъ быстро наполнилъ камеру до потолка. Изъ 28 человекъ рабочихъ, тамъ находившихся, 18 человекъ успѣли спастись и выйдти изъ шахты, остальные 10 человекъ были къ несчастію задержаны однимъ рабочимъ, который оступился въ шахтѣ и тѣмъ преградилъ выходъ изъ нея прочимъ, которые были прижаты къ потолку кессона. Изъ этихъ несчастныхъ 5 ч. были спасены и отправлены въ больницу, находящуюся при постройкѣ Литейнаго моста. Остальные же 5 человекъ очевидно погибли, такъ какъ первые трое отрытые изъ илу оказались уже мертвыми. Но при такихъ громадныхъ работахъ, въ самомъ дѣлѣ, трудно уберечься отъ несчастій.

Когда выемка земли будетъ окончена, т. е. когда работы достигнутъ до твердаго грунта (находящагося на 90 футъ ниже воды), тогда рабочіе, прекративъ выемку земли, начнутъ закладывать камеру камнемъ и подвигаясь все ближе и ближе къ шахтѣ, чрезъ которую сами имѣли входъ въ подводную камеру, заложать, наконецъ, и эту шахту каменною кладкой до самого верха быка, и тѣ другіе шахты, чрезъ которые вынимались до того времени наружу изъ-подъ кессона илъ и земля. Достигнувъ такимъ образомъ до самого верха, т. е. до той высоты, на которой предполагается укрѣплять мостовыя арки, каменная кладка быка будетъ окончена.

При значительной глубинѣ погруженія быка сжатый воздухъ доходитъ до 3-хъ атмосферъ давленія, что требуетъ особао приличныхъ рабочихъ, которыхъ приходится часто смѣнять, до того работа эта утомительна. Кессонъ подъ толстые быки составленъ изъ желѣзныхъ потолочныхъ балокъ и боковыхъ стѣнъ, усиленныхъ желѣзными ребрами. Онъ вѣситъ 28,500 пудовъ. Такимъ же образомъ построены кессоны прочихъ рѣчныхъ быковъ—размѣры ихъ нѣсколько меньше, а именно: ширина 30 футовъ и длина 123 фута. Литейный мостъ будетъ имѣть въ

длину 200 саж. и состоять изъ пяти арочныхъ пролетовъ и одной разводной части для пропуска судовъ, располагаемой со стороны Литейнаго проспекта. Желѣзныя арочныя формы имѣютъ весьма значительные пролеты, а именно: по 175 фут., слѣдующіе два по 213 фут. а средней пролетъ въ 245 футовъ. Мостъ будетъ имѣть ширину въ 77 футъ. По ширинѣ моста расположено 13 арочныхъ формъ, соединенныхъ между собою желѣзными связями и на верху сплошными желѣзными балками, на которыхъ расположится мостовая. Размѣры арокъ разсчитаны такимъ образомъ, что они могутъ съ безопасностью выдерживать нагрузку не только въ видѣ сплошной массы людей и экипажей, но и цѣлыхъ поѣздовъ желѣзнодорожныхъ съ паровозами и полнымъ грузомъ. По этимъ условіямъ строящейся Литейный мостъ будетъ принадлежать къ числу самыхъ монументальныхъ сооружений нашего времени. Полковникъ Струве обязался исполнить его къ іюлю мѣсяцу 1879 года, что, при нашихъ климатическихъ условіяхъ и крайне короткомъ рабочемъ времени—весьма немного. Тѣмъ не менѣе, судя по первому году работъ, есть основаніе предполагать, что окончаніе работъ послѣдуетъ ранѣе назначеннаго контрактомъ срока.

Работы, нужно замѣтить, идутъ весьма дѣлительно: движутся паровыя колеса, безконечные ремни съ паровымъ шнуромъ, люди съ тачками, нагруженными пескомъ и плитой; слытъ каменотесы и громить лудовыми молотами гранитныя глыбы; на большомъ быкѣ, на юго-восточномъ углу быстро сбѣгаетъ въ полулодокъ, по деревянной ложбинѣ, илъ, добываемый изъ-подъ кессона, въ четырнадцать сажень высоты. Всего до настоящаго времени погружено въ воду только три кессона, а четвертый будетъ готовъ, вѣроятно, не раньше конца сентября. Тотъ злополучный кессонъ, который спущенъ не совсемъ удачно въ Неву первымъ, поставленъ совершенно правильно на мѣсто и уже нагруженъ поколемъ и прочими камнями до самыхъ краевъ; но илъ и земля изъ-подъ него еще не выбраны. Кессонъ этотъ непосредственно будетъ примыкать къ береговому устою, который уже началъ постройкой и на немъ будетъ утверждена разводная часть. Какъ извѣстно, въ первомъ планѣ этого моста, отвергнутаго Думою нѣсколько лѣтъ назадъ, разводная часть предполагалась на Выборгской сторонѣ моста, а г. Струве предпочелъ отнести ее къ сторонѣ Литейнаго проспекта. Большой быкъ, второй по счету, поглощаетъ теперь все вниманіе строителя, такъ какъ только въ немъ производятся подводныя работы. Рабочіе, по 20 человекъ партія, работаютъ тамъ въ двѣ перемѣны, по шести часовъ каждая, и получаютъ за это плату не такъ, какъ обыкновенно принято расчитывать рабочихъ—въ недѣлю разъ; имъ платятъ каждой перемѣнѣ за каждый разъ и несравненно дороже, нежели работающимъ на воздухѣ. Въ подводную часть избираются люди болѣе здоровые, выносливые и ловкіе, потому что слабо-здоровая комплекція не выноситъ той атмосферы, какая находится въ этой подводной части и производитъ въ ушахъ глушъ съ колотьемъ. Нѣсколько паровыхъ машинъ, размѣщенныхъ на отдѣльныхъ соминахъ, безпрестанно день и ночь накачиваютъ туда воздухъ чрезъ нѣсколько широкихъ рукавовъ. Рукава эти перекинута черезъ нѣсколько лодокъ, стоящихъ съ матеріаломъ, изъ своихъ резервуаровъ соединены непосредственно съ объемистыми желѣзными барабанами, (см. рисунокъ, изображающій разрѣзъ кессона, въ которомъ производится каменная кладка), изъ которыхъ воздухъ стремительно обращается внизъ по широкой желѣзной трубѣ съ такою силою, что вся скопляющаяся въ нижнихъ частяхъ кессона вода съ быстротой пожарной трубы выбрасывается въ Неву по гуттаперчевымъ и желѣзнымъ рукавамъ. Этотъ въ 14 сажень высоты кессонъ опущенъ на глубинѣ шести сажень; но онъ будетъ опущенъ въ землю, т. е. въ русло рѣки, тоже на шесть сажень, и для этой цѣли изъ-подъ него выбирается и выбрасывается въ Неву илъ и земля, которыхъ успѣваютъ добывать и выбрасывать до четырехъ кубическихъ сажень въ сутки. Способъ вытаскиванія ила изъ земли также паровой; къ одному изъ движущихся валовъ съ колесами придѣланъ приводъ, въ родѣ самотасокъ на русскихъ водяныхъ и вѣтряныхъ мельницахъ. Приводъ этотъ вытаскиваетъ паровой силой множество мѣшковъ, нагруженныхъ землей и иломъ, и наверху они разгружаются въ достаточный широкий желобъ, круто обращенный къ стоящей у кессона баржѣ. Самый же быкъ уже наваленъ гранитными глыбами и до известной высоты приведенъ въ порядокъ, хотя онъ еще вновь получить вокругъ себя чистую гранитную обшивку; теперь же на немъ устраивается косая плитная кладка, для упора будущему своду съ другого быка. Послѣдній, т. е. третій кессонъ, представляетъ собою видъ погруженнаго въ волны неоснащеннаго судна и хотя внизу, т. е. на днѣ, начаты работы, въ немъ сдѣланы распорки, чтобы предохранить его стѣнки отъ давленія внѣшней воды. Понятно, что въ продолженіи того времени, пока эта статья приготавливается къ печати, работы въ этомъ третьемъ кессонѣ подвигнутся далеко впередъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время они производятся даже и ночью, при электрическомъ освѣщеніи, въ тѣхъ видахъ, чтобы вывести каменную кладку выше поверхности рѣки. Если остальные кессоны будутъ благополучно опущены, то къ сентябрю будущаго года всѣ быки будутъ на мѣстѣ, что значить самая главная и

важная задача будет разбита. Съ выборгской стороны также возводится береговой устой и уже поднять на значитель-

ную высоту. Всего на работах теперь занято до 1500 чел. Стоимость работ определяется по сметѣ въ 3.650.000 рублей.

Жъ статуямъ Россетти.

Пластика (ваяніе, отъ греческаго слова: образовать) имѣетъ предметомъ образованіе различныхъ фигуръ изъ гипса, камня, дерева и различныхъ металловъ.

Пластика преимущественно обращается къ воспроизведенію высшей формы творенія, а именно формъ человѣка. въ нихъ она находитъ полное выраженіе физической красоты. Она изучаетъ во всѣхъ частяхъ строеніе человѣческаго тѣла, измѣряетъ пропорціи членовъ и, вѣрно подражая природѣ, воспроизводитъ въ мраморѣ, гипсѣ и т. п. человѣческой образъ во всей его красотѣ и величіи.

Одежда, какъ продуктъ культуры, выведеній человѣка изъ его естественнаго состоянія, можетъ имѣть мѣсто въ пластикѣ только при томъ условіи, если не совсѣмъ скрываетъ тѣло и не обезображиваетъ очертаній членовъ.

Задачу скульптора составляетъ всего чаще изображеніе одиночной фигуры, ибо въ группѣ многія части закрываютъ одна другую и каждая отдѣльно не можетъ производить полного пластическаго впечатлѣнія. Вылѣпленная группа, только взятая въ цѣломъ, сливается въ одно стройное, художественное произведеніе. Нужно замѣтить, что скульптура, прежде чѣмъ дойти до своего современнаго состоянія, должна была пережить много тяжелыхъ испытаний. Было время, когда она находилась въ совершенномъ загонѣ и почти въ презрѣніи. Это время непосредственно наступило послѣ ея торжества въ до-христіанскую эпоху, когда красота формъ человѣческаго тѣла служила единственнымъ идеаломъ художниковъ. Со временъ христіанства это торжество физической красоты начинаетъ утрачиваться свое значеніе и окончательно утрачивается его подъ влияніемъ гнетущихъ историческихъ обстоятельствъ, и внутреннихъ неурядицъ, жестоко отражавшихся на экономическомъ бытѣ общества.

Подъ влияніемъ этихъ событій первенствующею какъ въ глазахъ общества, такъ, конечно, и въ идеалахъ художника, сдѣлалась уже не красота физическая въ полномъ смыслѣ этого слова, а красота духовная, идеаломъ которой являлось стремленіе къ небу. Духовное содержаніе этой эпохи особенно полно выразилось въ произведеніяхъ живописи. Въ картинахъ того времени мы видимъ страдальческія лица, всецѣло поглощенные одной только мыслью о загробной жизни, или же, напротивъ, лучезарныя и до того слабыя, что имъ очевидно нельзя уже жить: они обречены небу.

Въ это время и пластика также терпѣливо и настойчиво стала достигать возможности выражать въ своемъ неподатливомъ матеріалѣ внутреннюю жизнь человѣка.

Но улучшается судьба человѣка, поднимается приращеній обществу и политическимъ порядкомъ духъ его, и пластика снова вспоминаетъ завѣщанные ей скульпторами древняго міра законы и возвращается къ здоровому, настоящему возрѣнію на свою задачу. Прекрасныя греческія статуи снова являются на свѣтъ и дѣлаются предметомъ изумленія и изученія; и вотъ послѣ этого то времени въ пластическихъ произведеніяхъ стало замѣтно новое направленіе къ лучшему, ибо вліяніе религіознаго мистицизма дало новыя, неожиданныя плоды. Пластика преборолла трудности передачи въ мраморѣ выраженія душевныхъ движеній, и создаваемые ею фигуры стали являться уже не только въ строгомъ спокойствіи фигуръ міра античнаго, но и оживленныя разнообразными душевными состояніями. Стиль, выработавшійся подъ вліяніемъ пережитъ, конечно, значительно сталъ отличаться отъ строгаго, пластическаго стиля древнихъ.

Для пластики во всякомъ случаѣ необходимо изученіе антиковъ, необходимо очищать свой эстетическій вкусъ на художественныхъ произведеніяхъ древнихъ скульпторовъ, работы которыхъ замечательны образцовымъ совершенствомъ.

Въ изображенныхъ въ настоящемъ № «Нивы» фигурахъ представлены Психея и Амуръ. Статуи эти работы миланскаго художника Антоніо Россетти.

Извѣстный мнѣ грековъ о любви Амурса къ Психеѣ знакомъ каждому, хотя бы даже изъ повѣсти Богдановича «Душенька».

Въ статуяхъ Россетти Психея представлена удивленной, скрывающейся въ цвѣтахъ, а Амуръ какъ бы зацѣпляется.

Антоніо Россетти считается однимъ изъ лучшихъ современныхъ скульпторовъ Италіи. Имя его пользуется громкою славою, и каждый прѣзжающій въ вѣчный городъ непременно посѣщаетъ его мастерскую. Нѣсколько работъ Россетти есть въ нашемъ Императорскомъ дворцѣ и въ галлерей Герцога Виртембергскаго; на вѣнской выставкѣ Россетти, за представленныя имъ три фигуры, получилъ премію. Россетти 50 лѣтъ. Кроме славы артиста, за нимъ имя добраго патріота. Въ 1848 и 1849 годахъ онъ сражался вмѣстѣ съ другимъ своимъ и собратомъ по искусству Страцца, уже умершимъ, о которомъ до сихъ поръ слышатся горькія сожалѣнія.

Дѣти мстители.

Чудомъ какимъ-то ребята спаслись —
Марко съ сестрою Еленой,
Кружко напуганы были они
Страшной, кровавою сценой.

Тамъ, гдѣ родная деревня была —
Теплый лишь пещель остался...
Мальчикъ оружье успѣлъ захватить,
На гору съ нимъ онъ взобрался.

Дышетъ порывисто Марко; глаза
Гнѣвомъ не-дѣтскимъ сверкаютъ;
Плачетъ Елена... «Ахъ, въ лѣсъ убѣжимъ!»
Тамъ они насъ не найдутъ!»...

— «Нѣтъ, Елена! Мы отсюда
Будемъ въ нихъ стрѣлять.
Сгдѣно—въ лѣсъ! Всегда успѣемъ
Въ лѣсъ-то убѣжать.

Горы эти мнѣ знакомы,
Рыскалъ я по нимъ!
Тамъ, внизу, пройдутъ черкесы —
Мы имъ зададимъ!

* *

Бѣдный нашъ отецъ повѣшенъ,
Хата сожжена...

Мать связали, и въ телѣгу
Брошена она...

Не во снѣ все это было!...
Что-жь, спустить все имъ?...

Скоро явятся злодѣи —
Мы имъ зададимъ!

* *

Что ты плачешь? Жалко маму?
Ну, не плачь... Постой!

Что бояться — порохъ, пули
И ружье со мной.
Если маму ты любила —
Мстять должна врагамъ!..
Вонъ они!.. Тамъ пылъ клубится...
Зададимъ мы вамъ!»...

* *

Бронки сдвинула Елена,
Слезъ ужъ нѣтъ слѣда...
— «Значитъ, больше не увижу
Маму.. никогда?..
Хорошо-же!... Слышншь, Марко,
Конскій топотъ тамъ?..
Подѣзжайте-ка поближе —
Будетъ праздникъ вамъ!»...

Щ.

Сербскіе монахи и офицеры Генеральнаго Штаба, обсуждающіе подробности военнаго маршрута.

Передъ нами сцена весьма интересная, патріархальная, невольно переносившая насъ въ древній періодъ нашей отечественной исторіи, когда въ монашескихъ рясахъ дрались Пресвѣтъ и Осаяба.

Для насъ, пользующихся выгодами высокой военной организаціи, при которой и въ мирное время Генеральнй Штабъ работаетъ съ неуныною энергіей надъ составленіемъ и исправленіемъ точныхъ и подробныхъ картъ—для насъ представляется страннымъ: чѣмъ же собственно могутъ затрудняться сербскіе офицеры Генеральнаго Штаба въ такомъ маленькомъ государствѣ, какъ Сербія, гдѣ достаточно одного—двухъ наблюдательныхъ путешествій, чтобы изучить страну вдоль и поперекъ? Отвѣтъ на это заключается въ самыхъ фактахъ текущей туренко-

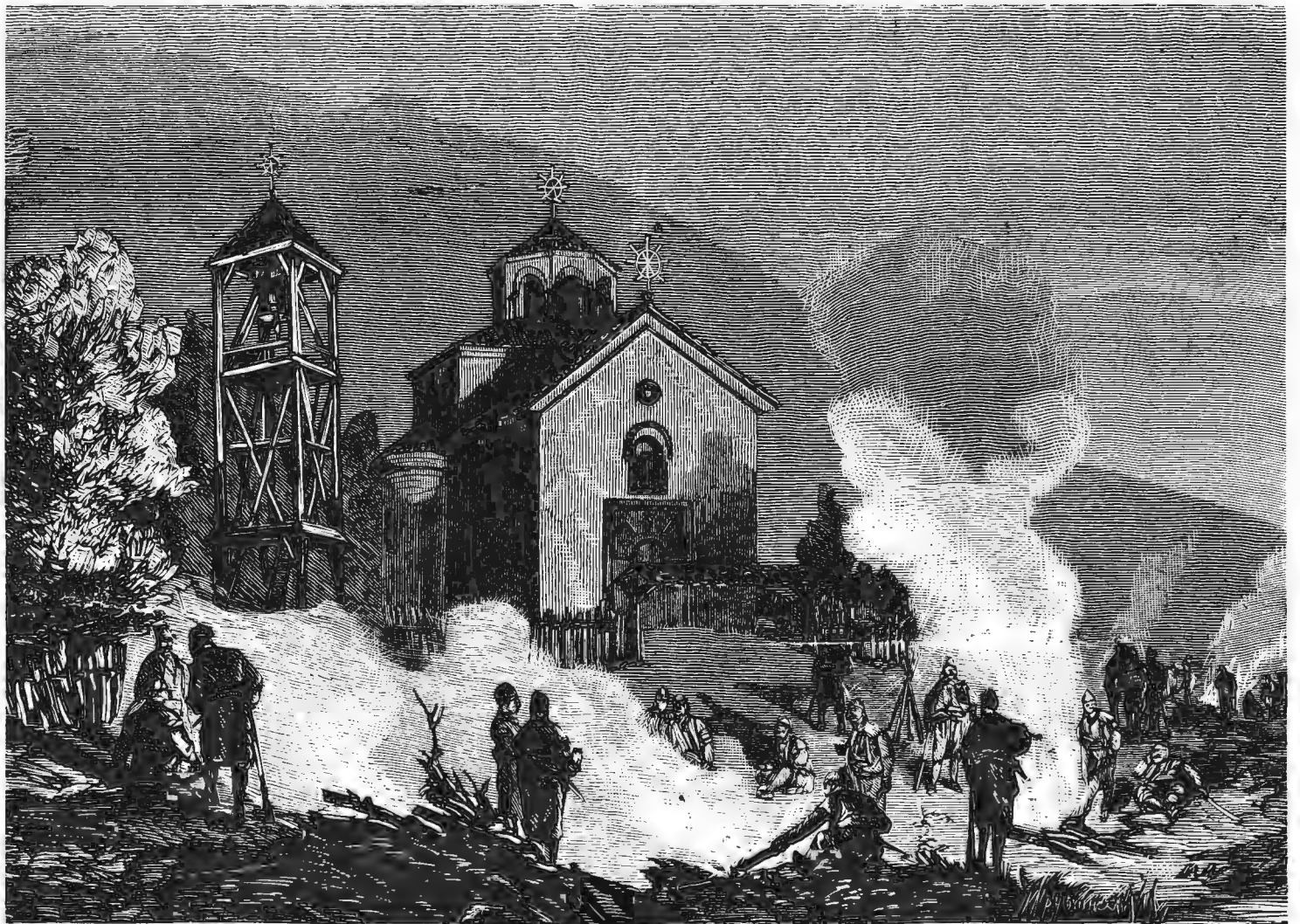
сербской войны. Факты эти говорятъ, что относительно знанія мѣстности, т. е. научнаго знанія, Сербія стоитъ почти на первобытной ступени. Да если для всего-то Балканскаго полуострова, вообще весьма мало изслѣдованнаго въ топографическомъ отношеніи, карты составлялись до сихъ поръ австрійскими офицерами Генеральнаго Штаба, то почему же Сербія должна была составлять въ этомъ особое исключеніе?

Скажемъ нѣсколько словъ о самомъ монастырѣ, въ одномъ изъ келий котораго происходитъ сцена, помѣщенная на нашемъ рисункѣ.

Это монастырь св. Арианделя, находящійся на юго-западѣ Сербіи, въ весьма живописной мѣстности, такъ сказать въ естественномъ паркѣ. Каскадъ чистой свѣтлой воды протекаю-

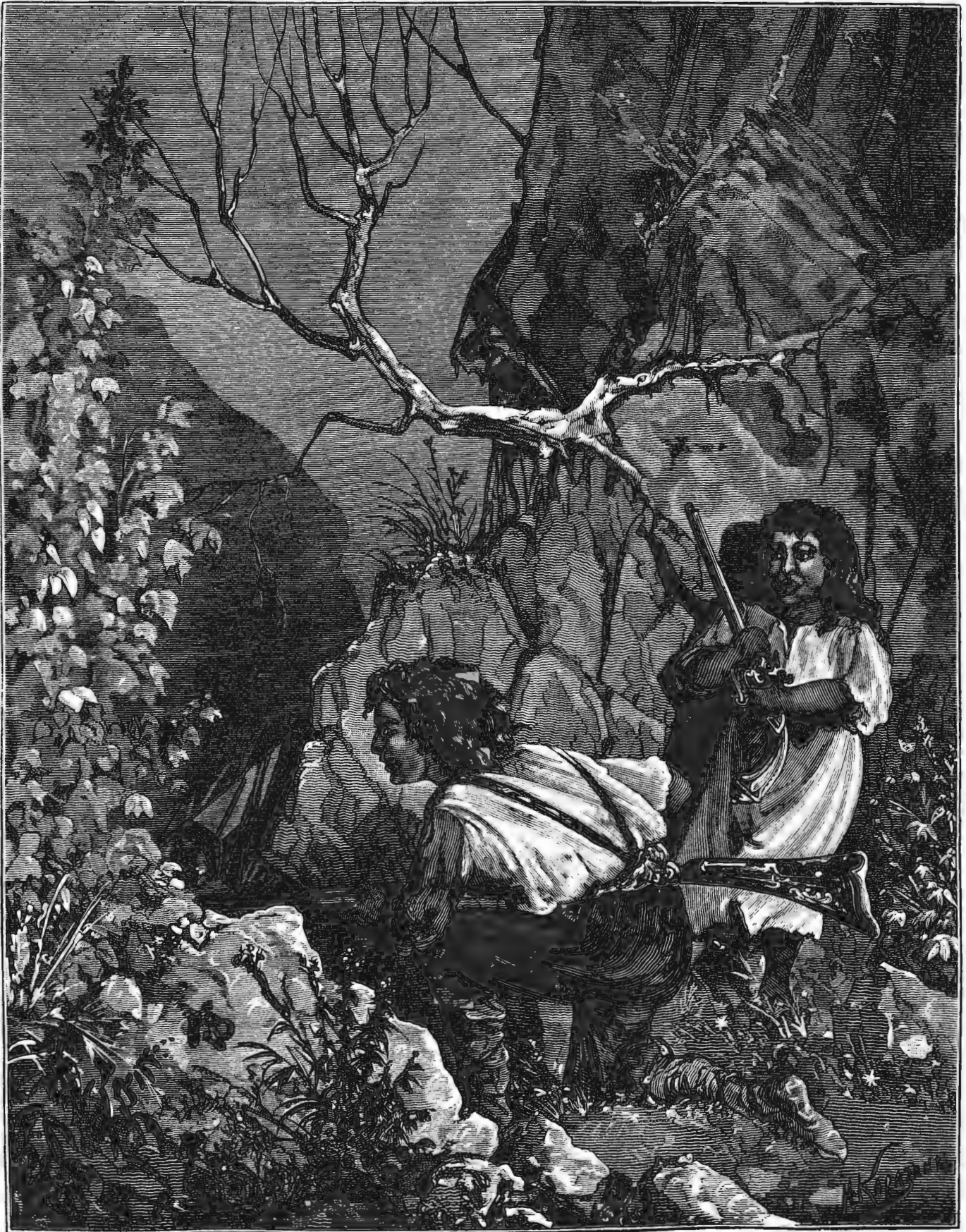

Сербские монахи и офицеры генерального штаба, обсуждающие подробности военного маршрута в одной из келлий монастыря Св. Арианделя. Съ наброска К. П. грав. Волярский.

Бивуаць корпусу Харватовича у монастыря Св. Арианделя. По наброску К. П. гр. Волярский.

Библиотека "Руниверс"

Дѣти мстители. Рис. нашъ спеціальный корреспондентъ Н. Карзинъ, грав. Пугць.

шаго близъ монастыря ручья, меланхолически-однообразно журчитъ свою неумолкающую пѣсню. Вѣлая церковь выдается рельефно изъ окружающей ее густой зелени. Рядомъ съ церковью стоитъ деревянная колокольня, довольно грубой постройки, а неподалеку отъ церкви, напротивъ ея, расположена маленькая школа для юношества всей этой мѣстности. Въ этой школѣ и дѣти сербскихъ крестьянъ приобрѣтаютъ элементарныя познанія. Монастырь, а равно и принадлежащая ему школа, весьма древня, и основаніе ихъ относится къ эпохѣ великаго Сербскаго царства. Въ 1863 г., по повелѣнію князя Михаила, монастырь реставрированъ инженерами Княжевацкаго округа. И въ настоящемъ видѣ его можно причислить къ лучшимъ сохранившимся памятникамъ старо-сербской архитектуры.

Что касается до времени, въ которое происходитъ сцена, помещенная на нашемъ рисункѣ, то она относится къ времени

удачнаго движенія корпуса полковника Хорватовича. Принимая ходъ военныхъ дѣйствій, три недѣли тому назадъ. Вслѣдствіе натиска турокъ на лѣвомъ берегу Моравы, правое крыло сербской арміи было отгнано къ Делиграду; такимъ образомъ сербскія войска расположились дугообразно въ двухъ позиціяхъ у Алексинца и Крушеваца. Алексинскую позицію занималъ корпусъ Хорватовича. Онъ занялъ редуты на Моравѣ, защищая ихъ, ему, наконецъ, удалось завладѣть путемъ, ведущимъ чрезъ Треси-бабу, и результатомъ этого былъ цѣлый рядъ успѣховъ сербскаго оружія. На этомъ пути, въ одну ночь, войска Хорватовича расположились бивуакомъ у монастыря Св. Аравдіея, что, между прочимъ, и дало случай художнику познать нѣтъ, какъ съ мѣстностью, окружающею монастырь, такъ и съ сценами бытуачной жизни.

М. С.

НА ВОЗСТАНІЕ СЛАВЯНЪ.

Возсталъ народъ Европу спасшій
Отъ дикихъ полчищъ мусульманъ
И пять вѣковъ въ цѣняхъ страдавшій,
Возсталъ несчастныхъ родъ славянъ.
Нѣтъ мѣры вѣзмъ его страданьямъ,
Сосудъ терпѣнья разлился—
И за оружье, съ упованьемъ
На Божью помощь, оръ взялся.
.Испень семейства, крова, нищи,
Ограбень турками кругомъ,
Въ лохмотьяхъ, блѣдный, жалкій нищій,

Въ голахъ онъ борется съ врагомъ.
И на развалинахъ селеній
Видны, въ отчаяннѣйшомъ,
.Лишь старцы, дѣти, точно тѣни:
Кто ищетъ сына—кто свой домъ.
И взоръ надежды обращая
Къ Европѣ, райи день и ночь,
Въ торьмахъ, на колыяхъ умирая
Въ несчастія просятъ имъ помочь.
Но не дождался отъ Европы
Народъ несчастный ничего,

И дипломаты—филантросны
Еще клеветугъ на него;
И помощь тайную злодѣю
Они стараются подать
И на страдальческую шею
Хотятъ ярмо надѣть опять...
Но не страшись, страдалецъ блѣдный,
И правды солнышко взойдетъ:
Вдали ужъ слышенъ крикъ побѣдннй—
Свободный братъ къ тебѣ идетъ!

А. Я.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Суди по телеграфнымъ сообщеніямъ, въ дипломатическихъ кружкахъ ходитъ слухъ, что Австрія, Россія и Германія согласились, между прочимъ, представить Портѣ ультиматумъ, въ которомъ будетъ объяснено, что въ случаѣ если Турція, въ теченіе шести дней не приметъ берлинскаго меморандума, то Россія займетъ своими войсками Болгарію, а Австрія—Боснію и Герцеговину, и только тогда, очистивъ отъ войскъ эти земли, когда заключающіяся въ берлинскомъ меморандумѣ реформы станутъ совершившимся фактомъ. Къ этому ультиматуму присоединились уже Англія и Франція. Въ официальныхъ кружкахъ Сербіи это извѣстіе было принято съ большимъ удовольствіемъ. Но этотъ слухъ, очевидно, пущенъ изъ австрійско-венгерскихъ устъ. Давно былъ погребенъ блаженной памяти берлинскій меморандумъ, какъ документъ, не обезпечивающій славянскихъ нуждъ. Въ меморандумѣ пять пунктовъ, излагающихъ требованія отъ Порты уступокъ, гораздо болѣе умѣренныхъ, чѣмъ какія по самой меньшей мѣрѣ могутъ быть предложены теперь. Мы сейчасъ увидимъ, что сама Турція предлагаетъ теперь больше, чѣмъ требуетъ отъ нее берлинскій меморандумъ. И въ самомъ дѣлѣ, теперь понемногу стало выясняться, какія реформы намѣрена дать славянамъ Порты, отвергнувъ англійско-европейскія предложенія мира. Она обещала учредить нѣчто въ родѣ парламента изъ 120 депутатовъ въ Константинополь и нѣчто въ родѣ областныхъ представительныхъ собраній въ Боснію, Герцеговину и Болгарію; національное собраніе 6 депутатовъ (3 мусульманъ и 3 христіанъ), Герцеговина—4, а Болгарія—восемь. Можно всему этому не вѣрять, можно смѣяться или плакать отъ униженія, по поводу этой хвастливой «бумажной жи»,—но въ принципѣ славянамъ дается все-таки больше, чѣмъ требуетъ для нихъ берлинскій меморандумъ. Это настоящая конституція съ парламентомъ, которая восхитила бы покойнаго Гизо, великаго поклонника всякаго рода конституціямъ, хотя бы онъ были только паязышко надъ здравымъ смысломъ.

Изъ Константинополя (отъ 25 сентября) телеграфъ извѣстилъ, что отвѣтъ Порты на предложенія великихъ державъ уже сообщенъ представителямъ этихъ державъ въ Константинополь, дѣлае, что проектъ демонстраціи флотомъ, находившимся, какъ извѣстно, до сихъ поръ въ Визикской бухтѣ, признанъ въ Парижѣ и Лондонѣ неудобнымъ и потому устраненъ. Въ скоромъ времени ожидаютъ *уничтоженія шаха всѣхъ европейскнхъ державъ*, въ видѣ давленія на Турцію и Сербію для заключенія перемирія на болѣе продолжительное время. Это послѣднее извѣстіе также сильно окрашено австро-венгерскою окраскою, и ему что-то плохо вѣрится.

Англійскій дипломатическій агентъ, Додсонъ, добился согласія Черногорин на болѣе продолжительное прекращеніе военныхъ дѣйствій до заключенія правительнаго перемирія. Но это согласіе дано подѣ довольно тяжелымъ для турокъ условіемъ: именно

снабженіе провіантомъ окруженныхъ турецкихъ фортовъ и войскъ будетъ совершаться подѣ контролемъ чер огоричевъ. Турки 4 дня колебались, но потомъ приняли-таки эти условія. Надо прибавить еще, что командующій турецкими войсками въ Черногоріи Мухтаръ-паша отрѣзанъ отъ Требиныя четырьмя батальонами инсургентовъ подѣ начальствомъ Нейко Павловича, такимъ образомъ отрѣзанъ и привозъ провіанта изъ Требиныя въ войска Мухтара-паши. Далѣе, инсургенты угрожаютъ еще отрѣзать дорогу въ Требиныю изъ Рагузы.

Генералъ Черняевъ вновь телеграфируетъ отъ 25 сентября (7 октября) дипломатическимъ агентамъ о звѣрствахъ и жестокостяхъ турокъ. Зайчаръ сожженъ турками, вся мостовая, все камни брошены въ р. Тамокъ, и по распоряженію турокъ *болгары должны вспахать ось улицы*. (!?) Эта варварская насмѣшка надъ извуреннымъ населеніемъ уже показываетъ, чего ждать славянамъ отъ турецкой конституціи, если бы она осуществилась. Изъ послѣднихъ извѣстій съ театра войны видно, что турки собираютъ въ Виддинѣ восьмидесятысячный корпусъ. Движеніе турецкихъ войскъ направлено къ пограничной крѣпости Неготину (на востокъ Сербіи). Неготинъ защищается сербскимъ отрядомъ полковника Здравковича.

Англійское сочувствіе къ славянамъ и Россіи (сочувствіе народа, а не правительства) растетъ все болѣе и болѣе. На прошлой недѣлѣ Петербургскій отдѣлъ Славянскаго благотворительнаго комитета принималъ англичанина г. Александра, прѣхавшаго въ Петербургъ съ спеціальною цѣлью *выразить защитническую славянъ—Россіи сочувствіе англійскаго народа*. Г. Александръ привезъ съ собою привѣтъ Россіи отъ Гладстона и его брошюру, съ просьбою перевести ее на русскій языкъ и продавать въ пользу пострадавшихъ славянъ. Въ застѣданіи славянскаго благотворительнаго комитета прекрасная рѣчь г. Александра была покрыта рукоплесканіями и брошюра уже переведена на русскій языкъ.

Все это оградные и знаменательные факты, доказывающіе нравственное приобрѣтеніе Россіи,—а между тѣмъ, съ другой стороны скопляющіяся на политическомъ горизонтѣ тучи растутъ и растутъ. Всеобщее ожиданіе рѣшительныхъ событій до такой степени напряжено, что мысль о какомъ либо политическомъ компромиссѣ, о мирныхъ дипломатическихъ сдѣлкахъ, всемъ кажется просто невѣроятною.

Извѣстія, сообщенные газетами, объ отъѣздѣ генерала Комарова въ Россію и о назначеніи Равко-Алимпича на прежнюю должность командующаго Ибарскою арміею, оказались ложными. На Ибаръ отправился уже (изъ Вѣлграда отъ 4-го сентября) генералъ Новоселовъ. Считаемъ нужнымъ сообщить, что генералъ Новоселовъ имѣетъ за собой большую военную извѣстность. По службѣ онъ старше даже М. Г. Черняева и имѣетъ все знаки отличія за храбрость. Такой воинъ для сербовъ, конечно, генеръ громадное утѣшеніе.

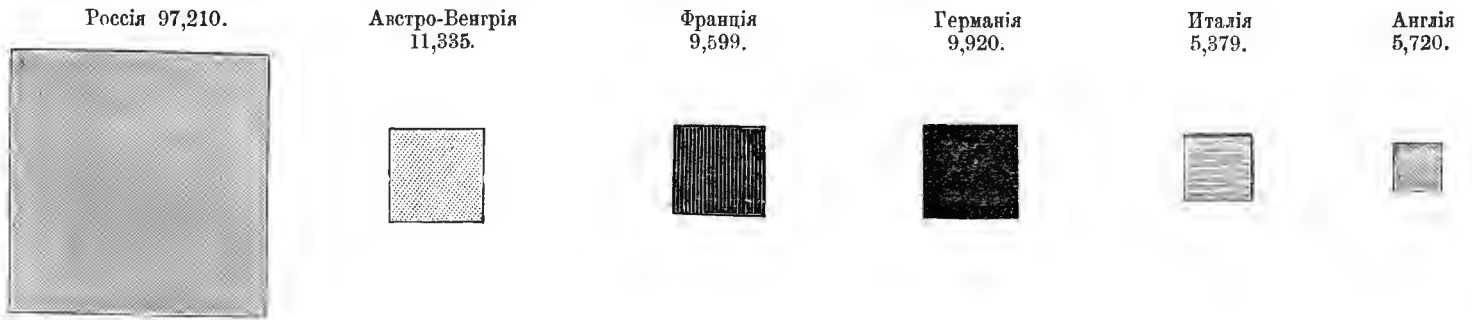
СРАВНИТЕЛЬНЫЯ ВОЕННЫЯ СИЛЫ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

Si vis pacem, para bellum! (Если хочешь мира, будь готовъ къ войнѣ!) Принципъ вооруженнаго мира, на который такъ

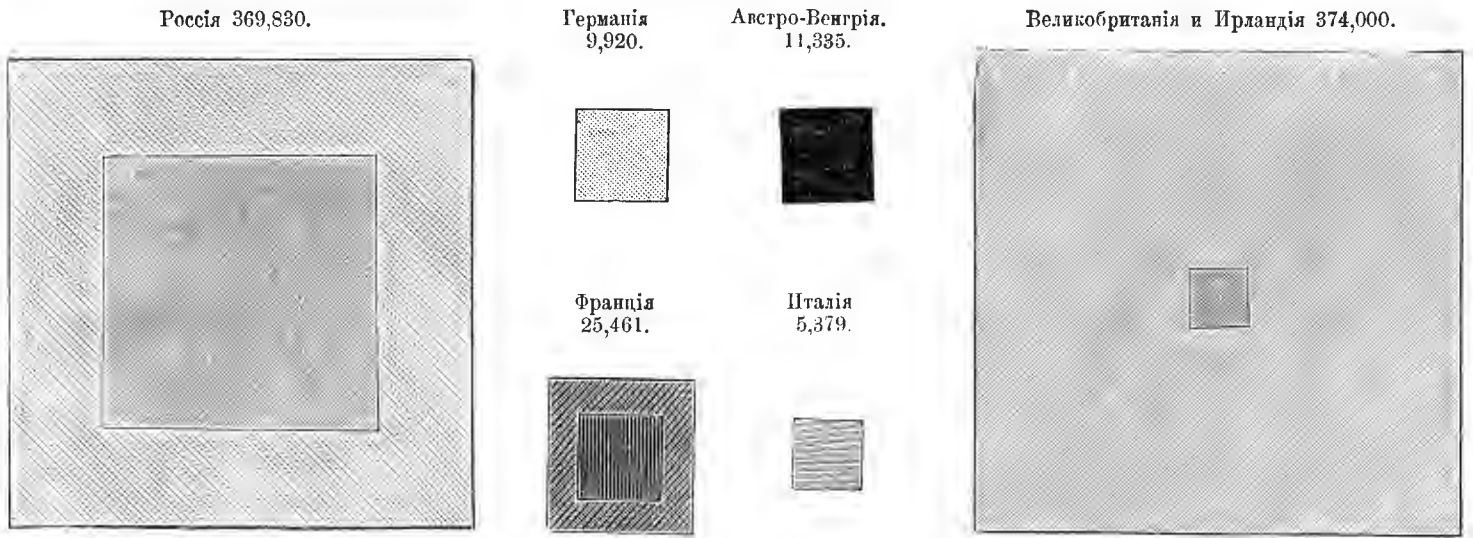
сильно нападаютъ съ идеальной точки зрѣнія, будетъ торжествовать до тѣхъ поръ, пока на свѣтѣ будутъ войны, пока (Продолженіе на стр. 682).

Военныя силы великихъ европейскихъ государствъ.

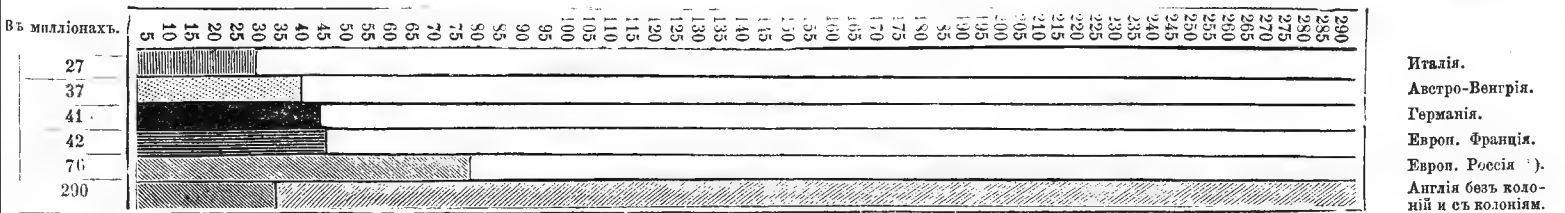
Величина государствъ по числу географическихъ квадратныхъ миль (безъ колоній).

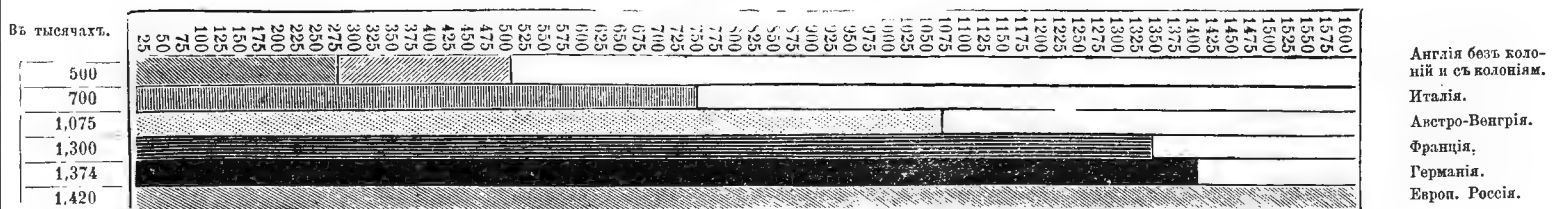
Величина государствъ съ колоніями.

Сравнительное народонаселеніе (включая колоніи).

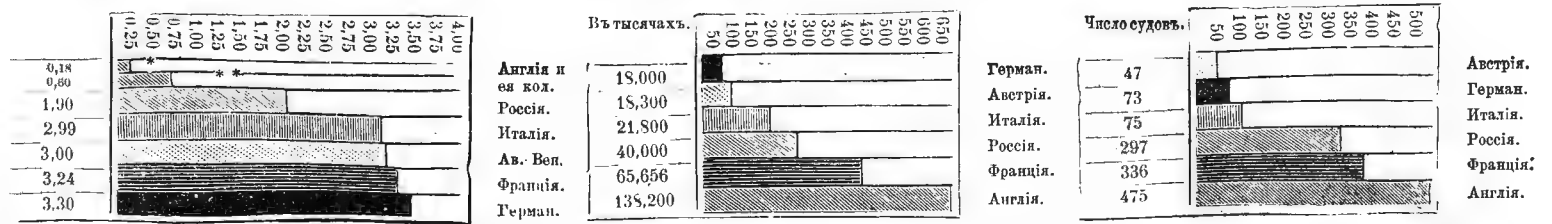
Военныя силы армій.

Процентное отношеніе арміи къ народонаселенію.

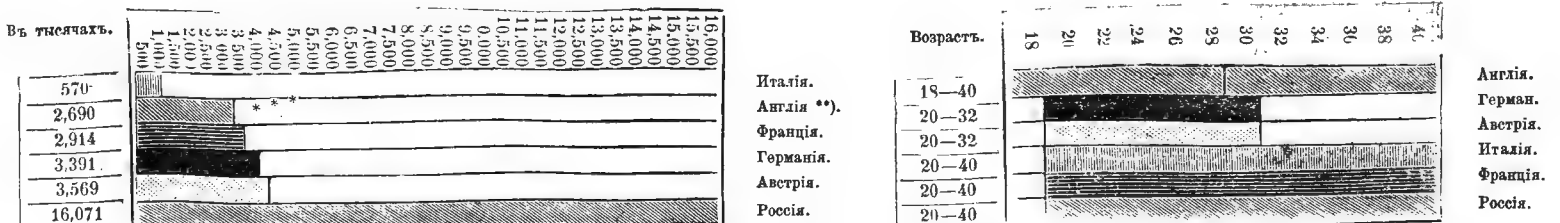
Паровая сила (въ количествѣ лошадиныхъ силъ).

Военный флотъ

Число лошадей въ странѣ.

Продолжительность срока службы.

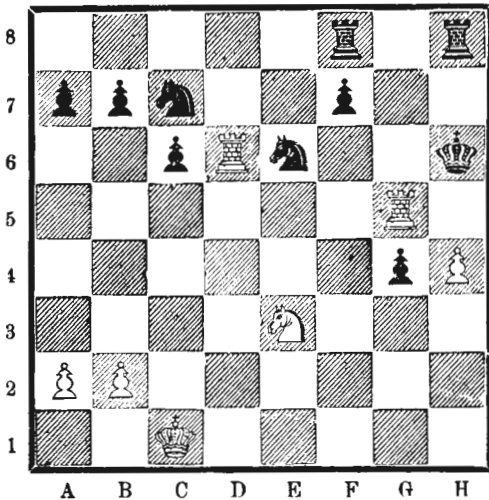
*) Цифра народонаселенія въ Россіи показана невярно. Известно, что въ настоящее время Россія имѣетъ болѣе 80.000.0000.
 **) За исключеніемъ колоній.

истребление друг друга и пролитие человеческой крови на войнѣ не будетъ вещь совершенно немыслимой, непонятной. Но вообще сбудется ли это когда-нибудь, трудно сказать, во всякомъ случаѣ мы не ошибемся если скажемъ, что много пройдетъ времени, пока человечество додумается до возможности осуществления всеобщаго мира.

Этотъ грозный вооруженный миръ поглощаетъ между тѣмъ

въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ отъ 30 до 35% общихъ государственныхъ расходовъ. Военный бюджетъ Европы равняется 738,577,000 руб., а съ Соединенными Штатами Америки 788,587,000 руб. Цифры эти сами по себѣ такъ краснорѣчивы, что не требуютъ дальнѣйшихъ комментариев; прилагаемая же нами таблица объяснитъ наличныя силы каждаго государства.

ЗАДАЧА
Черные.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

РѢШЕНИЕ

Задачи «Нивы» № 39.

Бѣлые.	Черные.
1) Л. А 5 — Е 5	1) Н 8 — G 8
2) Л. Е 5 — Е 8×	2) G 8 — F 7
3) Конь С 4 — D 6×	3) F 7 — F 6
4) Е 4 — Е 5×× и Матъ.	

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.
24-го Сентября 1876 г.

Поку- Пропатати. давцы. дано.	Поку- Пропатати. давцы. дано.	АКЦИИ.
5% заемъ съ выигр. 1-го выпуска . 180 181 181	125 р. Гл. Общ. Росс.	Жел. Дорогъ . 167 ³ / ₄ 168 ¹ / ₂ 168
5% заемъ съ выигр. 2-го выпуска . 175 ¹ / ₂ 175 ¹ / ₂ 175, 176 ¹ / ₂	125 » Рижско-Динаб.	— 126 —
5% банк. б. 1 вып. . 97 ¹ / ₂ 97 ³ / ₄ 97 ³ / ₄	100 » Моск.-Рязанск.	— 303 —
5% » » 2 » . 97 ¹ / ₂ 97 ³ / ₄ 97 ³ / ₄	125 » Орловско-Вит.	— 128 —
5% обл. Спб. Гор. Кред. Общ. 86 ³ / ₄ 87 ¹ / ₂ 87,80 ⁷ / ₈	16 ф. с. Вит.-Динаб.	132 —
5% облигации Моск. Гор. Кред. Общ. 83 ¹ / ₂ 83 ⁷ / ₈ —	100 р. Рыб.-Болог. 84	84 ¹ / ₂ 85,84
	100 » Тамб.-Козлов.	— —
	125 » Моск.-брест.	77 —

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Налуга, г-ну Ф. Селия**—ву. Ваше замѣчаніе справедливо. Картины, о которыхъ вы говорите, мы имѣемъ не мало уже гравированныхъ и готовыхъ для печати, но теперь, когда все симпатіи и интересы русскаго общества сосредоточены на славяно-турецкой войнѣ, мы не можемъ поминутымъ картинкамъ удалять много мѣста и считаемъ своимъ долгомъ помѣщеніе возможно полныхъ свѣдѣній и возможно разнообразныхъ рисунковъ, знающихъ, какъ съ ходомъ военныхъ дѣйствій, такъ равно и съ характеромъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ онѣ происходятъ. Современемъ и по мѣрѣ возможности желаемыя нами картины будутъ помѣщаться на страницахъ «Нивы».

2) **Стопница, Кѣлецк. губ., П. Льв—ому.** Мы можемъ позавидовать той душевной безмятежности, какою вы пользуетесь, судя по вашимъ стихамъ; но къ сожалѣнію, душевной безмятежности недостаточно для того, чтобы стихи были удобны для печати. Вы пишете:

«Иду по рвамъ, и по горамъ,
И по полямъ, и по лѣсамъ,
И все иду, бѣгу, бѣгу,
Вѣгу, пою, все пѣшь свою».

Остановитесь пожалуйста и спросите сами себя, куда же это вы бѣжите.

3) **Елецъ, П. Е. Б.** Стихи ваши ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть начертаны. Такая строка, какъ

«Кто-то водитъ—пыль видна»,

ясно указываютъ, насколько вы знакомы съ грамотой; кромѣ того, нельзя не замѣтить вамъ, что предметомъ поэтического произведенія не можетъ служить ваша собственная persona. Вы пишете:

«Лежу на диванѣ вверхъ брюхомъ
Съ гаваанской сигарой въ зубахъ».

Кому нужно знать, какъ вы лежите и что вы курите. Васъ, очевидно, сбиваетъ съ толку поэзія Гейне, который часто говоритъ о себѣ, но прочтите-ка внимательно, ограничивается ли онъ описаніемъ того, какъ лежить и что курить, — и вѣтъ ли въ его стихотвореніяхъ, которыя вы хотѣте пародировать, чего-нибудь другого, чего вы и многие подобныя вамъ охотники до стиховъ никакъ не можете уловить. Тамъ поэзія, тамъ жизнь души, ея тоска и вѣчное томленіе подъ тяжестью тѣхъ оковъ, которая она несетъ на себѣ въ формѣ тѣлесной оболочка и всевозможныхъ житейскихъ неурядицъ. Ничего этого не замѣчая, вы хватаетесь за подражаніе Гейне, и хватаетесь, не владѣя правилами языка, выходятъ, конечно, Богъ знаетъ что.

4) **Николаевъ, Н Явол—ву.** Замѣтите, что во всякой человеческой рѣчи, устной или письменной, прежде всего необходимъ смыслъ. Какой же смыслъ въ этихъ словахъ:

«Ваше счастье все въ замузьяхъ
Чтобъ рожать дѣтей, давно,
Вѣдь не надо мозгу много
Было славаго умно».

Что это за наборъ словъ?

СОДЕРЖАНІЕ: Генераль М. Г. Черняевъ на редутѣ при Шуматовѣцѣ (съ рисункомъ) — Ниянка Острожская. Историческая повесть В. С. Соловьева. (Продолженіе). — Постройка новаго каменнаго моста чрезъ Неву (съ 2-мя рисунками). — Къ статуямъ Россетти (съ двумя рисунками). — Дѣти мстители (стихотвореніе). Ц. (съ рисункомъ). — Сербскіе монахи и офицеры Генеральнаго Штаба, обучающіе подробности военнаго маршрута (съ двумя рисунками). М. С. — На возстаніи славянъ (стихотвореніе). А. Яковлева. — Политическое обозрѣніе. — Сравнительныя военныя силы европейскихъ государствъ (съ таблицей). — Шахматная задача. — Почтовый ящикъ. — С.-Петербургскія биржа. — Объявленіе. — Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за ОКТЯБРЬ съ 33 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 28 чертежами.

Редакторъ Д. Стахѣевъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.

№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.
Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигаций, въ возможно высокомъ размѣрѣ.
Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая онѣ въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.
КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЪ:
на текущій счетъ 7%
на 3 мѣсяца 7¹/₂%
на 6 и до 12 мѣсяцевъ 8¹/₂%
Страхуетъ билеты обоихъ внутр. 5% съ выигр. займовъ по 20 коп., съ иногородныхъ по 30 коп. за билетъ. 10—5

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.
Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ Н. Каразина, съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовныя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 для подписчиковъ «НИВЫ» на 1876 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и рассказы В. В. Арестовскаго (автора «Петербургскихъ Трущобъ»), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 года 90 к. съ пересылкою.
Семья вольнодумцевъ. Историческая повесть времени Екатерины II. П. Петрова и В. Ключикова. Повесть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событиями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ «Нивы» 1876 года 75 к. съ пересылкою.
Про что щелбала ласточка. Сочиненіе Шмилътена. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 г. 1 р. съ пересылкою.

2 руб. 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менделѣва. 50 50

НАСТОЯЩАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ для вскормленія грудныхъ дѣтей.
Цѣна ЖЕСТЯНКИ 85 к. безъ пересылки, въсь 1¹/₄ ф.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*
Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ПШЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННОГО агента моего для всей Россіи.
№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ** въ Вевер (Швейцарія). 26—9

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 41

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 11 Октября 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ:

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Жива-
рева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во все другіе города и мѣстечка Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересыл-
кою иногороднымъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

О Т Ъ И З Д А Т Е Л Я .

При слѣдующемъ № 42 будетъ разслана въ картонномъ футлярѣ обѣщанная гг. городскимъ и иногороднымъ годовымъ
подписчикамъ «НИВЫ» П Р Е М І Я — олеографическая картина «СИЯЩАЯ КРАСАВИЦА». Въ случаѣ неполученія къмъ
либо при № 42 такого футляра съ премією, Издатель проситъ увѣдомить о томъ контору журнала немедленно, поздне какъ
съ полученіемъ № 43 «Нивы».

Э. Ф. Направникъ.

Нынѣшней осенью, при открытіи русской оперной сцены, посѣ-
тители Маринскаго театра были удивлены, встрѣтивъ на мѣстѣ г. Направника другое ли-
цо—и неудовольствіе, даже болѣе уныніе овладѣли всеми. То об-
щее уваженіе, которое умѣлъ заслужить Эдуардъ Францовичъ сво-
ими трудами на поль-
зу и процвѣтаніе рус-
ской оперной сцены,
заставляло многихъ
удивляться замѣнѣ его
другимъ лицомъ, те-
ряться въ многочи-
сленныхъ догадкахъ и
высказывать различ-
ныя предположенія по
части недовольства на
дѣйствія имѣющихъ
власть въ управленіи
театрами. Оказалось,
что отсутствіе г. На-
правника объяснялось
оканчаніемъ срока его
прежняго контракта и
замедленіемъ заключе-
нія новаго, замедлені-
емъ, послѣдовавшимъ
вслѣдствіе заявленнаго
г. Направникомъ пред-
ложенія о необходи-
мости прибавки жало-
ванья оркестру за вре-
мя великопостныхъ
спектаклей. Такое ве-
ликодушное отстаива-
ніе интересовъ орке-
стра, рекомендующее

Эдуардъ Францовичъ Направникъ. Капельмейстеръ Русской оперы
въ С.-Петербургѣ. Рис. Вѣженинъ, грав. Боярскій.

его капельмейстера, со
стороны душевныхъ
качествъ, заставляло
тѣмъ не менѣе мно-
гихъ опасаться за ис-
ходъ этого великодуш-
наго поступка г. На-
правника, опасаться
именно въ виду труд-
ности увеличенія вся-
кой прибавки расхо-
довъ на русскую опе-
ру, какъ извѣстно не
пользующуюся осо-
бымъ расположеніемъ
дирекціи театровъ. Въ
печати и въ обществѣ
не разъ высказыва-
лось, что съ оставлені-
емъ г. Направникомъ
капельмейстерства,
русская опера должна
сильно пострадать, ибо
замѣнить другимъ та-
кого замѣчательнаго и
добросовѣстнаго ма-
стера своего дѣла все-
ма трудно и, думаемъ,
что даже едва-ли въ
настоящее время воз-
можно.

Отъ капельмейстера,
какъ извѣстно, зави-
ситъ не только ука-
зать темпъ, подать
тотъ или другой знакъ
успленія или ослабле-
нія тона и т. п. но
главнѣйшимъ образомъ
зависитъ передача ор-
кестру значенія музы-
кальнаго произведенія,
его идеи въ общемъ и
въ каждой частности,

уясненія, такъ сказать, философін музыкальнаго произведенія. Отъ капельмейстера зависитъ такъ или иначе фразировать мотивы. Недаромъ говорится, что «дирижеръ уноситъ за собою оркестръ». Известно всѣмъ знакомымъ съ дѣятельностью г. Направника, что онъ превосходный знатокъ музыки, что онъ умѣетъ вдохнуть въ свой оркестръ и уяснить ему внутреннюю жизнь каждой музыкальной фразы.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что любители русской оперы имѣли основанія тревожиться въ виду возможности оставленія г. Направникомъ своей должности, съ такою честью имъ занимаемой; но къ общему удовольствію тревога была напрасной: дирекція уступила ходатайству г. Направника и онъ снова остался на нашей сценѣ.

Э. Ф. Направникъ родился въ Богеміи, въ Бейштѣ, (близъ Кенигсгреца). Отецъ его былъ учителемъ. Музыкальныя способности обнаружили въ немъ весьма рано. Онъ, начиная съ пятилѣтняго возраста уже занимался изученіемъ музыки и занятія эти продолжались до 12 лѣтъ, подъ руководствомъ товарища и помощника отца его, г. Пугоннаго, занимавшаго должность помощника учителя. Въ 1850 году Направникъ поступилъ въ Реальное училищѣ въ Пардубицѣ, а чрезъ нѣсколько времени перешелъ въ высшее отдѣленіе этого училища, находящагося въ Прагѣ.

Изученіе научныхъ предметовъ мѣшало ему заниматься музыкой и только по праздничнымъ днямъ ему дозволяли играть на органѣ во время литургіи. Въ училищѣ пробылъ онъ два года; у него умеръ отецъ. Оставленный безъ всякихъ средствъ своимъ опекуномъ, Направникъ долженъ былъ, не окончивъ курса, выйти изъ училища.

Страстно любя музыку, ему удалось опредѣлиться въ органную школу. Здѣсь онъ вскорѣ сдѣлался первымъ ученикомъ; кромѣ органной школы, Э. Ф. посѣщалъ фортепьянный институтъ Майделя, и вскорѣ изъ ученика былъ сдѣланъ преподавателемъ.

Желая ближе и основательнѣе ознакомиться съ тайнами инструментальной музыки, онъ занялся инструментовкою и чтеніемъ партитуръ у директора пражской консерваторіи, композитора Киттеля.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ изумленію Киттеля, онъ прочелъ (съ листа) нѣсколько симфоній и увертюръ, присланныхъ въ рукописи разными лицами для исполненія въ концертахъ консерваторіи.

Не пропуская по возможности оперныхъ представленій и концертовъ, Э. Ф. употребилъ все свое свободное время на усовершенствованіе себя въ музыкальномъ отношеніи, и не разставался съ мыслию перейти съ педагогической карьеры на другую, не столь однообразную. Случай этотъ представился, а именно: г. Направника пригласилъ князь Юсуповъ управлять его домашнимъ оркестромъ. Принявъ предложеніе, онъ заключилъ съ княземъ условіе на два года и, разставшись съ родиной, прибылъ въ С.-Петербургъ въ августѣ 1864 года.

Въ Петербургѣ Направникъ приступилъ къ изученію характеристики русскихъ народныхъ напѣвовъ, которые самобытною своею произвели на него большое впечатлѣніе; оно усилилось особенно послѣ того, какъ онъ въ первый разъ услышалъ гениальное произведеніе Глинки «Жизнь за Царя», построенное на тѣхъ же народныхъ мотивахъ.

Поступленіемъ на занимаемую въ настоящее время должность капельмейстера русской оперы, Эдуардъ Францовичъ обязанъ слѣдующему обстоятельству: рассказываютъ, что однажды, во

время представленія оперы Русланъ и Людмила, когда г. Направникъ по предложенію князя Юсупова управлялъ его оркестромъ и посѣщалъ русскую оперу въ качествѣ слушателя, участвующій въ первой сценѣ оперы пианистъ почему-то не явился, и дирекція очутилась въ затруднительномъ положеніи; скрипачъ Пиккель увидѣлъ въ партерѣ г. Направника и предложилъ капельмейстеру Лядову попросить Направника исполнить партію пианиста. Направникъ не отказался, и этотъ шагъ сблизилъ его съ Лядовымъ, который вскорѣ убѣдился, какими музыкальными способностями обладаетъ г. Направникъ.

По окончаніи двухлѣтняго условія съ княземъ Юсуповымъ, г. Направникъ поступилъ въ сентябрѣ 1863 года въ русскую оперную труппу помощникомъ капельмейстера.

Въ маѣ 1867 года онъ былъ назначенъ вторымъ, а съ 15-го мая 1869 года онъ дѣлается первымъ капельмейстеромъ русской оперной труппы.

Съ 1867 года по настоящій 1876 г. Направникъ дирижировалъ до 950 оперныхъ представленій; кромѣ того онъ управлялъ и теперь управляетъ концертами при Высочайшемъ дворѣ, симфоническими собраніями Имп. Русск. Музык. Общества и другими многими концертами.

Какъ композиторъ, г. Направникъ написалъ множество талантливыхъ произведеній: много фугъ, четырехъ голосныхъ мужскихъ хоровъ, балладу для баритона съ аккомпанементомъ для оркестра (на чешскомъ языкѣ), двѣ фантазіи для фортепьяно и увертюру для оркестра на чешскіе народныя напѣвы, сонату для скрипки и фортепьяно, мессу, симфонію, торжественную увертюру съ русскимъ національнымъ гимномъ. Въ 1867 г. написана имъ опера Нижегородцы (либретто Калашникова) поставленная на сцену въ первый разъ 28-го декабря 1869 г. въ его бенефисъ. Объ этой оперѣ были въ свое время даны музыкальными критиками отзывы въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, изъ которыхъ видно, что эта опера имѣла на сценѣ большой успѣхъ. Кромѣ того, имъ написаны: квартетъ для струнныхъ инструментовъ (E dur op. 16) и 2 симфоніи для оркестра (C dur op. 17) въ 1874—симфоническая поэма Демонъ (E moll op. 18) и квинтетъ для струнныхъ инструментовъ (R dur op. 10), серия народныхъ танцевъ для оркестра, польскій, казачекъ, русская пляска, вальсъ, тарантелла, мазурка и русскіе романсы.

Участвуя два раза въ конкурсахъ, Эдуардъ Францовичъ оба раза получилъ 1-ю премію.

Много пѣнныхъ подарковъ имѣетъ онъ отъ Государя Императора, Императрицы, Великихъ Князей и Великихъ Княгинь. Въ 1875 году Государь Императоръ пожаловалъ ему большую золотую медаль на Анненской лентѣ. Въ 1873 году Императоръ Германскій пожаловалъ орденъ прусской короны 4 ст.

Публика, хоръ, оркестръ, артисты русской оперной труппы, многія музыкальныя общества и частныя лица постоянно свидѣтельствуютъ ему дань своего уваженія; въ богатой коллекціи дирижерскихъ жезловъ ему подаренныхъ, особенно замѣчательнъ жезлъ подаренный сестрою Глинки въ день возобновленія оперы Русланъ и Людмила, 26 января 1871 г. На немъ изображены между прочимъ ноты и слова пѣсни Баяна: «Про славу русскія земли бряцайте струны золотыя».

Мы съ своей стороны, руководимые тѣмъ же чувствомъ уваженія къ таланту г. Направника, какимъ онъ заслуженно пользуется отъ всѣхъ, сознающихъ важность его дѣятельности въ развитіи нашей русской оперы, смѣемъ высказать желаніе, видѣть его на занимаемомъ теперь мѣстѣ долгіе годы.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева.

Часть первая.

(Продолженіе).

Но больше всѣхъ льстилъ, больше всѣхъ лгалъ, больше всѣхъ увивался за Гальшкой графъ Гурко, воевода познанскій, полякъ и лютеранинъ. Это былъ человекъ еще молодой, но невзрачный съ виду, съ темнокожимъ, усѣяннымъ веснушками лицомъ, съ зеленоватыми глазами, съ черною, жесткою какъ войлокъ, подстриженной щетиной волосъ. Онъ давно приглядывалъ себѣ подходящую невѣсту. Его безалаберное управленіе своими помѣстьями, неслыханныя жестокости съ крестьянами, отъ которыхъ они приходили въ крайнюю нищету и массами бѣжали въ непроходимыя дебри Польши, мало по малу сильно разстроили дѣла его. У него были сильныя связи въ Краковѣ, за него стояли Радзвиллы, ему съ родни приходились многіе польскіе магнаты. Онъ добился назначенія познанскимъ воеводой и тотчасъ же приступилъ къ си-

стемѣ всевозможныхъ лихоимствъ и вымогательствъ; говорили даже, что онъ не стыдился входить въ дѣла съ жидами. Но и это еще не могло дать ему такихъ средствъ, о которыхъ мечталъ онъ...

И вотъ вельможный графъ Гурко рѣшился искать невѣсты, которая бы обладала огромнымъ состояніемъ. Онъ уже давно намѣтилъ Гальшку и твердо рѣшился добиться руки ея. Разумѣется онъ не могъ не видѣть всей красоты ея, онъ сознавалъ всю ея прелесть; но холодное его сердце молчало. Ему были нужны только деньги и деньги; онъ даже заранѣе рассчитывалъ, что и изъ красоты Гальшки можно будетъ извлечь многія выгоды при пзнѣженномъ, сластолюбивомъ Сигизмундѣ-Августѣ. Теперь онъ преслѣдовалъ Гальшку своими доволью пошлыми любезностями и хвастливыми разсказами, правдивость которыхъ, даже для самаго наивнаго

слушателя, представлялась весьма сомнительной. Он притворялся безумно влюбленным и в тоже время высказывал нельзя ли когонибудь подкупить в интересах затѣваемого им дѣла.

Он не могъ себя представить ни одного предприятия безъ подкупа.

Не въ натурѣ Гальшки было кого либо ненавидѣть — она ко всѣмъ обращалась съ одинаковой добротой. Но графъ Гурко былъ ей инстинктивно противенъ. И она ни какъ не могла побѣдить въ себѣ этого чувства.

Другимъ явнымъ искателемъ ея руки былъ родственникъ Острожскихъ, князь Олельковичъ-Слуцкій, одинъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ литовскихъ. Онъ представлялъ изъ себя совершенную противоположность Гуркѣ. Это былъ высокій, толстый увалень лѣтъ 35-ти съ безцвѣтнымъ и добродушнымъ лицомъ, не обличавшимъ особенныхъ умственныхъ способностей. Онъ чистосердечно былъ влюбленъ въ Гальшку и даже говорилъ объ этомъ съ княземъ Константиномъ. Тотъ далъ ему отвѣтъ очень уклончивый, сказавъ, что не станетъ вмѣшиваться въ это дѣло и вполне предоставляетъ выборъ самой Гальшкѣ. Князь Константинъ не могъ ничего имѣть противъ ближайшаго родства съ Олельковичами-Слуцкими. Такая партія даже и для Елены была прекрасной. Къ тому же князь Слуцкій оставался вѣренъ православію. Но онъ былъ слишкомъ безличенъ, слишкомъ не далекъ и не о такомъ женихѣ мечталъ Константинъ Острожскій для своей любимой племянницы.

Тутъ же въ числѣ гостей, находился еще одинъ горячій поклонникъ Гальшки, богатый польскій панъ Зборовскій, храбрый рубака и кутила, весельчакъ и гворунъ. Но онъ хорошо сознавалъ, что не смотря на все свое богатство, все же онъ недостаточно знатенъ, чтобы смѣло явиться искателемъ руки княжны Острожской. Его не безъ основанія пугала возможность отказа со стороны ея родственниковъ. А потому онъ и рѣшился дѣйствовать прямо на Гальшку, покорить ее своею удалю, своими веселыми шутками.

Расчетъ его, однако, былъ невѣренъ. Гальшка слушала его иногда только слабо улыбаясь, и то изъ приличія и чтобъ не обидѣть самолюбиваго пана...

Гальшка весь день была въ сильно возбужденномъ состояніи, чего съ ней прежде никогда не случалось. Ей было скучно среди многочисленныхъ, смѣлыхъ и робкихъ поклонниковъ. Она разсѣянно слушала болтовню подружекъ... Но только подходилъ Сангушко — и сердце ея начинало усиленно биться, и не могла она одолѣть волненія. Къ вечеру между ними установилось безмолвное общеніе, они видѣли въ толпѣ только другъ друга и при всякой возможности оказывались рядомъ.

Теперь они танцевали вмѣстѣ.

Они остановились, переводя горячее дыханіе, и пропускали мимо себя несущіяся пары.

Музыка то замирала, почти обрываясь, то вдругъ новые, страстные звуки рождались на мѣсто прежнихъ и лплись съ хоръ, возбуждая усиленную быстроту въ танцующихъ.

Гальшкѣ начинало казаться, что она несется куда-то, въ какомъ-то безбрежномъ, блестящемъ пространствѣ... а между тѣмъ Сангушко тихо говорилъ ей, указывая въ окна:

— Взгляни, княжна, ужъ разноцвѣтные фонари горятъ въ саду, тамъ прохладно, сегодня такой славный, душистый вечеръ въ честь твоего Ангела... А здѣсь стало жарко и душно, голова кружится отъ этой толкотни и шума... Не сойти ли намъ въ садъ, освѣжить-ся немного...

VII.

Въ цвѣтникахъ и по аллеямъ сада была зажжена блестящая иллюминація. Разноцвѣтные фонари, узорчатые щиты съ замысловатыми девизами, сверкали и перели-

вались огнями. Высоко били фонтаны. Толпы гуляющихъ тѣснились на площадкѣ передъ замкомъ, откуда была видна внутренность „золотого“ зала. Здѣсь многочисленная прислуга разносила меды и всевозможные прохладительные напитки. Нѣсколько паръ удалялось въ потемнѣвшую глубь парка.

Гальшка повела Сангушку къ своему любимому, маленькому гроту, едва замѣтному сквозь густо разросшія вѣтки сирени.

Въ гротѣ было поставлено двѣ мраморныхъ скамейки. Въ глубинѣ его, изъ пасти каменнаго дракона, сочились струйки прозрачной ключевой воды, стекавшія въ большую вазу, сдѣланную въ видѣ раковины. Здѣсь было прохладно и въ самый жаркій полдень. Теперь же замѣчалась значительная сырость.

Но молодые люди были слишкомъ далеки отъ подобныхъ наблюденій. Гальшка оставила руку князя и опустилась на холодный мраморъ скамьи. Она не могла дать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ, но ей почему-то становилось страшно. Она предчувствовала, что навѣрное и сейчасъ должно совершиться что-то, что-то неизбѣжное и огромное своимъ значеніемъ. И эта увѣренность подавляла ее, наполняла ужасомъ и какимъ-то восторгомъ. Она чувствовала себя слабой и дрожала, голова ея кружилась.

Одинъ только фонарь, блѣдно-розоваго цвѣта, освѣщалъ внутренность грота.

Прелестное лицо Гальшки, мгновенно поблѣднѣвшее, казалось еще прелестнѣе въ тихомъ полусвѣтѣ.

Сангушко безумными, восторженными глазами глядѣлъ на нее и не могъ оторваться.

Онъ хотѣлъ говорить, хотѣлъ высказать ей все, но мысли его путались, языкъ не слушался.

Безъ словъ упалъ онъ передъ ней на колѣни...

— Гальшка! дорогая! когда бы ты только могла знать, какъ я люблю тебя! вырвалось наконецъ изъ груди его.

Она приподнялась было; но не смогла и неподвижно сидѣла — только грудь высоко поднималась.

Какъ будто молнія ударила въ нее... потомъ наступило затишье... потомъ вдругъ приливъ безконечнаго блаженства наполнилъ ея душу. Она не могла вмѣстить въ себѣ этого блаженства, оно сдавливало ей дыханіе, оно поднималось все выше и выше и разрѣшилось потокомъ слезъ, неудержимыхъ и счастливыхъ...

Сангушко съ испугомъ взглянулъ на нее.

— Ты плачешь?! я оскорбилъ тебя?!..

Онъ взялъ ея похолодѣвшія, дрожащія руки, онъ покрылъ ихъ поцѣлуями: она не сопротивлялась, а тихія слезы все лились по щекамъ ея.

— Не плачь, успокойся... скажи мнѣ, любишь-ли ты меня? скажи мнѣ, моя ненаглядная красавица, — шепталъ князь, созная свое счастье, но все же еще боясь потерять его.

— Люблю...

Гальшка сама не знала, какъ сказалося это слово. Оно вырвалось у нея безсознательно, помимо ея воли.

И тутъ она сразу поняла все, она поняла, что дѣйствительно любить его, что эта любовь и есть то счастье, выше котараго нѣтъ на свѣтѣ.

Онъ кинулся къ ней. Онъ обнялъ ее. Она припала къ нему на плечо и не нашла въ себѣ силы сопротивляться его поцѣлуямъ.

Приливъ такъ быстро пришедшаго, такого полнаго счастья, на нѣсколько мгновеній отрѣшилъ ихъ отъ дѣйствительности. Они не могли понять — гдѣ они и что съ ними. Первымъ очнулся Сангушко. Ему показалось, что онъ проснулся послѣ какого-то чуднаго, волшебнаго сна. Но и пробужденіе было также чудно, также блаженно.

Гальшка ужъ не плакала. Обезсиленная и счастливая, она неподвижно сидѣла прижавшись къ плечу его, погруженная какъ будто въ дремоту.

Крыселовка. Картина Тейера, грав. Шлигель.
(—Я больна, и мне́ вовсе не до крысъ...)

Крыселовка. Картина Тейера, грав. Шпигель.

(— А! Крыса! Гдѣ крыса?!)

Сангушко начиналъ мало по малу соображать, что эти минуты въ полутемномъ гротѣ съ тихо журчащей струйкой воды не могутъ долго продолжаться. Того и гляди войдетъ кто-нибудь изъ гостей. Исчезновение Гальшки изъ залы навѣрное было всѣми замѣчено, навѣрное ее уже ищутъ и ихъ продолжительное отсутствіе, прогулка вдвоемъ Богъ знаетъ гдѣ, сейчасъ же возбудятъ сплетни и во всякомъ случаѣ покажутся неприличными.

Нужно какъ можно скорѣе вернуться въ залъ. Нужно казаться совсѣмъ спокойнымъ. Нужно притворяться, тщательно скрывать отъ всѣхъ свое счастье...

Это притворство, это скриваніе казались ему тяжелы невыносимо. Уходить отъ Гальшки, оставлять ее, не глядѣть на нее, говорить съ другими—да развѣ это возможно! Онъ рѣшился сейчасъ же, помимо всѣхъ приличій и обычаевъ, переговорить съ княземъ Константиномъ Константиновичемъ, сказать ему все и просить у него руку Гальшки. Къ тому же ему казалось, что онъ будетъ спокойнѣе, когда все станетъ извѣстно князю Константину, въ согласіи котораго онъ не сомнѣвался.

Нужно идти. Ему хотѣлось еще разъ обнять Гальшку, но какое-то инстинктивное чувство остановило его. Онъ уже владѣлъ собою и всякая горячая ласка теперь, въ этой обстановкѣ, когда еще ни Острожскій, ни княгиня Беата ничего не знаютъ, казалась ему профанаціей его чистаго, благоговѣйнаго отношенія къ невѣстѣ.

Онъ нѣжно отстранилъ Гальшку и поднялся съ мѣста.

Она тоже очулась. Она въ смущеніи взглянула на него и зардѣлась яркимъ румянцемъ.

— Князь... Дмитрій Андреевичъ... это правда? прошептала она.

— Пойдемъ, моя дорогая... успокойся... Я отыщу князя Константина, я скажу ему, что ты хочешь быть моей женой. Вѣдь да? вѣдь ты согласна?..

— Дядя! да, иди къ нему, скажи ему... скажи ему, что я люблю тебя... Мнѣ самой къ нему хочется... онъ такъ любитъ меня, онъ такъ будетъ радъ за меня. Я его знаю, моего дорогого, добраго дядю... Но теперь, сейчасъ—этотъ шумъ, эти гости—я бы убѣжала отъ нихъ подальше...

Они сдѣлали шагъ къ выходу изъ грота. Передъ ними блѣдный, смущенный, съ отчаяннымъ и виноватымъ выраженіемъ въ лицѣ, стоялъ Оеда.

Онъ окончили свой танецъ съ Зосей. Онъ всюду искалъ глазами Гальшку и нигдѣ ее невидѣлъ. Разсѣянно спустился онъ въ садъ, ушелъ отъ толпы и нечаянно набрелъ на маленькій гротъ. Онъ слышалъ послѣднюю фразу Гальшки, увидѣлъ ее съ своимъ княземъ, увидѣлъ, какъ они смотрѣли другъ на друга и вдругъ какъ будто что ударило его въ сердце—онъ понялъ все. Онъ понялъ, что чуждые другъ другу люди никогда такъ не смотрятъ въ глаза одинъ другому...

Еще день, одинъ только день тому назадъ, онъ бы всей своей преданной душой радовался за горяче любимаго покровителя. Отчего же теперь не радость, а тоска смертная охватила его, и онъ вдругъ почувствовалъ себя самымъ несчастнымъ, самымъ погибшимъ человекомъ...

А между тѣмъ князь и Гальшка, узнавъ его, успокоительно переглянулись. Сангушко еще незадолго до этого указалъ ей Оеда въ залѣ и рассказалъ про него.

Она улыбнулась юношѣ своей чудной улыбкой.

— Я знаю тебя, Оеда, сказала она. Я очень рада тебя видѣть. Князь рассказалъ мнѣ, какъ ты его любишь и какъ ты спасъ его въ Сорочахъ.

Оеда молчалъ. Онъ не былъ въ силахъ говорить въ эту минуту. Ему показалось, что его грудь разрывается на части.

Гальшка слышала чьи-то приближавшіеся шаги. Она пугливо прислушалась, и не отдавая себѣ отчета

въ своихъ дѣйствіяхъ, быстро повернула къ крутому извику садовой дорожки.

Съ другой стороны показалось нѣсколько человекъ гостей, весело и громко болтавшихъ. Они узнали князя Сангушку и почтительно обойдя его прошли мимо.

Князь и Оеда были одни.

— Оеда, что съ тобою? спросилъ князь, ласково клалъ свою руку на плечо юноши.—Отчего ты такъ смущенъ? отчего ты не глядишь на меня? Ты что нибудь слышалъ—говори!

Оеда молчалъ, тяжело дыша.

— Да, я тебя знаю, негодный!—еще ласковѣй, въ обаяніи своего счастья, въ страстномъ желаніи подѣлиться имъ съ близкимъ человекомъ, продолжалъ князь.— Ну, ужь не хочу на тебя сердиться. Слушай—я тебѣ первому повѣдаю... слушай... я женюсь скоро, княжна Елена—моя невѣста... Только тише... до поры до времени ни гу-гу... никому, какъ есть никому—понимаешь?.. Ну что же ты меня не поздравляешь?.. Развѣ ты не радъ?.. обними же меня, мой добрый мальчикъ!

Оеда бросился на шею князя и неудержимо, какъ малый ребенокъ, залился горькими, отчаянными слезами. Удивленный Сангушко не зналъ что и подумать. Онъ постарался его успокоить и слѣшилъ въ замокъ, розыскивать въ толгѣ князя Константина. Въ другое время онъ очень заинтересовался бы слезами Оеди, котораго зналъ за далеко не слезливого юношу; онъ можетъ быть, даже отгадалъ бы истинную причину слезъ этихъ. Но теперь онъ былъ до того поглощенъ своимъ счастьемъ, что весь міръ не существовалъ для него. Черезъ минуту, онъ ужь и не думалъ о слезахъ Оеди, совсѣмъ даже забылъ ихъ...

Пиръ продолжался. Въ просторныхъ столовыхъ дѣлались пригостовленія къ обильному ужину. Группы мужчинъ, не принимавшихъ участія въ танцахъ, съ раскраснѣвшими лицами и растегнутыми кафтанами, весело и шумно болтая, въ то же время съ явнымъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ посматривали въ двери, откуда нарядная прислуга вносила кушанья и вина.

Князь Константинъ, уставшій и недовольный своими наблюденіями, окруженный вліятельными магнатами толковалъ о предстоящемъ сеймѣ. Порою онъ недовѣрчиво взглядывалъ на графа Гурку, который былъ тутъ же и, почтительно выслушавъ князя, каждую его фразу сопровождалъ одобрительнымъ кивкомъ головы, или льстивымъ восклицаніемъ.

Сангушко, долго искавшій хозяина, обрадовался, замѣтивъ его, и тотчасъ подошелъ къ говорящимъ. Рѣчь шла о предметѣ, близкомъ его сердцу и, до сихъ поръ, его чрезвычайно волновавшемъ. Еще на-дняхъ онъ рѣшилъ, что нужно серьезно и обстоятельно переговорить съ княземъ Острожскимъ о дѣлахъ латовскихъ, дѣйствовать съ нимъ за одно и руководиться его совѣтами. Онъ вспомнилъ, что хотѣлъ сообщить князю о своемъ рѣшеніи учредить въ многолюдныхъ Сорочахъ, бывшихъ его любимой резиденціей—русскую школу, а, если можно, то и типографію; хотѣлъ просить князя помочь ему въ выборѣ учителей для этой школы и указать мастеровъ типографскаго дѣла... Онъ и теперь постарался вслушаться въ разговоръ, въ горячіе доводы князя Константина. Но онъ былъ удивительно разсѣянъ и даже едва отвѣтилъ на какой то вопросъ, ему предложенный. Ему вдругъ показалось, что всѣ эти дѣла, такіа существовавшая и настоятельная, теряютъ для него свое прежнее значеніе. У него было только одно теперь дѣло, и огъ успѣха этого дѣла зависѣла вся дальнѣйшая жизнь его.

Онъ улучилъ удобное мгновеніе и шепнулъ князю Константину, что ему нужно поговорить съ нимъ, наединѣ и немедленно.

Князь съ удивленіемъ взглянулъ на Сангушку. Что за дѣло такое? Лицо крестника высказывало всѣ при-

знаки сильнаго волненія. И онъ, воспользовавшись первой возможностью прервать разговоръ, положилъ свою руку на плечо Сангушки и вышелъ съ нимъ изъ комнаты.

Они прошли цѣлую анфиладу освѣщенныхъ и людныхъ покоевъ и вышли на слабо озаренную матовымъ фонаремъ, веранду. Тутъ никого не было.

— Ну, говори, что такое вдругъ такъ загорѣлось? — въ недоумѣннн спросилъ Острожскій.

Князь Дмитрій Андреевичъ не зналъ какъ п начать. Это объясненіе, нѣсколько минутъ тому назадъ, казалось ему такимъ простымъ, легкимъ. Теперь же вдругъ появилась мысль о возможности отказа со стороны князя Константина. Къ тому же его строгое и вдобавокъ еще угмленное и недовольное лицо не располагало къ нѣжной откровенности.

— Да не мямли ты, ради-Христа, крестникъ—раздражительно торопилъ князь. — Съ утра ужъ я замѣчаю, что съ тобой неладное что-то—ну такъ и говори все прямо и по ряду. .

Сангушко тряхнулъ кудрями и открыто взглянулъ въ глаза крестному. Чего ему было, въ самомъ дѣлѣ, робѣть этого грознаго человѣка, передъ которымъ всѣ тѣпещуть. Онъ пришелъ не за худымъ дѣломъ. Онъ пришелъ за своимъ счастьемъ, на которое имѣлъ полное право.

— Князь, сказалъ онъ, не откажи мнѣ въ своемъ благословеніи. Я и княжна Елена любимъ другъ друга. .

Константинъ Константиновичъ никакъ не ожидалъ такого объясненія. Оно отвѣчало его душевнымъ желаніямъ, но его, какъ человѣка старыхъ нравовъ и обычаевъ, невольно смутила его форма. Онъ сдвинулъ свои густыя брови.

— А ты какъ это знаешь, что Гальшка тебя любить? Видно отецъ училъ, да мало... Вотъ какое нынче время! Литовскимъ князьямъ трудно и посвататься по дѣдовскому обычаю! Они теперь плевать хотять на опекуновъ и родителей... Имъ съ руки смѣяться надъ стыдомъ и честью дѣвичей...

Сангушко весь вспыхнулъ. Гнѣвъ подступалъ ему къ сердцу и душилъ его.

— Замолчи, князь, замолчи, ради-Бога! — вскричалъ онъ, хватая за руку Острожскаго. — Тебѣ, какъ отцу крестному, какъ другу отца моего, я позволяю бранить меня сколько душъ твоей угодно. Но оскорблять меня я и тебѣ не позволяю...

— А меня оскорблять, оскорблять мою племянницу ты можешь? — сдержанно проговорилъ князь, тоже краснѣя.

— Я люблю Гальшку, я жизнь готовъ отдать за нее—гдѣ же тутъ оскорбленіе?

— А вотъ гдѣ, еще сдержаннѣе продолжалъ князь Константинъ Константиновичъ. — До сихъ поръ мы, литвины, пуще глазу берегли честь и стыдливость дочерей нашихъ. Сваряжая невѣсту подъ вѣнецъ, мы знали, что она войдетъ въ домъ мужа непорочною даже въ своихъ помыслахъ, сохраненною отъ всякихъ соблазновъ. Человѣкъ, честно ищущій руки нашей дочери, приходилъ къ намъ за согласіемъ и, если мы давали его, то тогда только сближался съ невѣстой, да и то на глазахъ нашихъ. Бракъ—дѣло Божіе, и къ нему нужно относиться свято, нужно въ чистотѣ душевной приступать къ великому таинству. Посрой, не перебивай меня... Вотъ ты говоришь, что Гальшка тебя любить. Значитъ, ты самъ говорилъ съ ней о любви, самъ смущалъ ее, просилъ отвѣтить. Тебѣ и не жалко было ея чистоты и невинности! Да взгляни на нее — вѣдь она еще почти ребенокъ. Она довѣрчиво тебѣ отвѣтила... и повѣрю ли я, что за этотъ отвѣтъ, если только была возможность, если кругомъ никого не было, ты не поцѣловалъ ее... Ну, а если я, ну, а если ея мать, у которой надъ нею больше правъ, чѣмъ у меня, не

захочетъ ее отдать за тебя? если сама Гальшка поплачетъ, да успокоится и пойметъ, что ошибалась въ себѣ—вѣдь она тогда во всю жизнь не смоетъ съ себя твоего поцѣлуя...

Сангушко самъ былъ воспитанъ въ подобныяхъ взглядахъ и они не показались ему ложными.

— Прости меня, князь, сказалъ онъ, быть можетъ я точно не правъ; но ужъ дурнаго умысла во мнѣ не было. Я просто не могъ разбирать, не могъ владѣть собою... Да и то скажу тебѣ: мой поцѣлуй не опозоритъ Гальшки—я твердо вѣрю, сердце говоритъ мнѣ, что ни мнѣ ни ей не идти подъ вѣнецъ съ другими...

— А коли такъ—зачѣмъ же ты и пришелъ ко мнѣ? все еще съ суровой миной, но уже внутреннею смягчаясь замѣтилъ князь.—Ну и рѣшайте промезъ себя все дѣло—пожалуй хотъ и на свадьбу не зовите. .

Сангушко понялъ, что гроза миновала.

— Преложи гнѣвъ на милость! радостно улыбаясь протянулъ онъ къ князю руки.

— Что ужъ съ тобой дѣлать—теперь некому на тебя жаловаться, просвѣтлѣвъ взоромъ и обнимая его, сказалъ Острожскій.—А ужъ покойникъ батюшка задалъ бы тебѣ гонку. Только вотъ что я скажу тебѣ, крестникъ. Гальшка мнѣ какъ дочь родная и разстаться мнѣ съ ней трудно; но ужъ коли отдавать ее кому, такъ, по крайности, своему, православному литвину. Я твоему дѣлу противиться не стану... Но вѣдь я не отецъ ей... иди, говори съ матерью...

Въ тонѣ этихъ послѣднихъ словъ Сангушкѣ послышалось что-то, что заставило его тревожно вздрогнуть.

— Князь, скажи мнѣ по душѣ, быстро спросилъ онъ, неужели мнѣ нужно бояться отказа княгини Беаты Андреевны? Я ее такъ мало знаю, да кто ее, кромѣ тебя, и знаетъ хорошенько...

— И я ее не лучше другихъ знаю, мрачно проговорилъ князь. — Не она откажетъ, такъ, пожалуй, ея духовникъ, это черное римское пугало, застраиваетъ ее муками ада... Чай норовятъ Гальшку за католика выдать, а то и въ монастырь упрятать... Ну, да ужъ коли на то пошло, такъ мы еще посмотримъ — чья возьметъ... Завтра утромъ я самъ буду говорить съ княгиней. А ты пока молчи да веди себя какъ подобаетъ мужу, а не бабѣ.

Увѣренный и рѣшительный тонъ Острожскаго успокоилъ молодаго человѣка. Ему хотѣлось горяче обнять и благодарить отца крестнаго. Но князь не любилъ излишнихъ нѣжностей — онъ сдержалъ его порывъ и они молча вернулись въ парадные покои замка.

Сангушко бросился отыскивать Гальшку, но ее нигдѣ не было. Танцы кончились. Вереница гостей парами проходила въ столовую.

— Куда же это дѣлась красавица Гальшка — ее не видно! — говорилъ одинъ изъ гостей своей нарядной и утомленной дамѣ.

— Ваша красавица вдругъ почувствовала себя нездоровой и ушла спать. Какъ вы думаете, что должно скриваться подъ этимъ нездоровьемъ? не безъ ядовитости спросила дама.

— Да я думаю—ничего, просто усталость...

— А я такъ эгого не думаю. Тутъ, непременно, что нибудь — да есть. Святая, да святая — всѣ только и знаютъ. А я своими глазами видѣла какъ эта святая мелькнула въ темную аллею рука въ руку съ молодымъ княземъ Сангушкой. А теперь вдругъ это нездоровье...

И нарядная дама выразительно подмигнула.

Сангушко все слышалъ. Ему хотѣлось растерзать эту женщину, которая представилась ему отвратительной фуріей. Онъ едва сдержалъ себя, едва сообразилъ, что всякое его слово, всякое движеніе съ его стороны только повредитъ Гальшкѣ. На его счастье спутникъ наблюдательной гостыи молчалъ и этимъ помогъ ему вовремя остановиться.

— Подлые, грязные люди—думалъ онъ.—Да, князь Константинъ правъ былъ когда бранилъ меня за мой поступокъ. Но, съ Божьей помощью, скоро я буду прямымъ и законнымъ защитникомъ моей Гальшки.

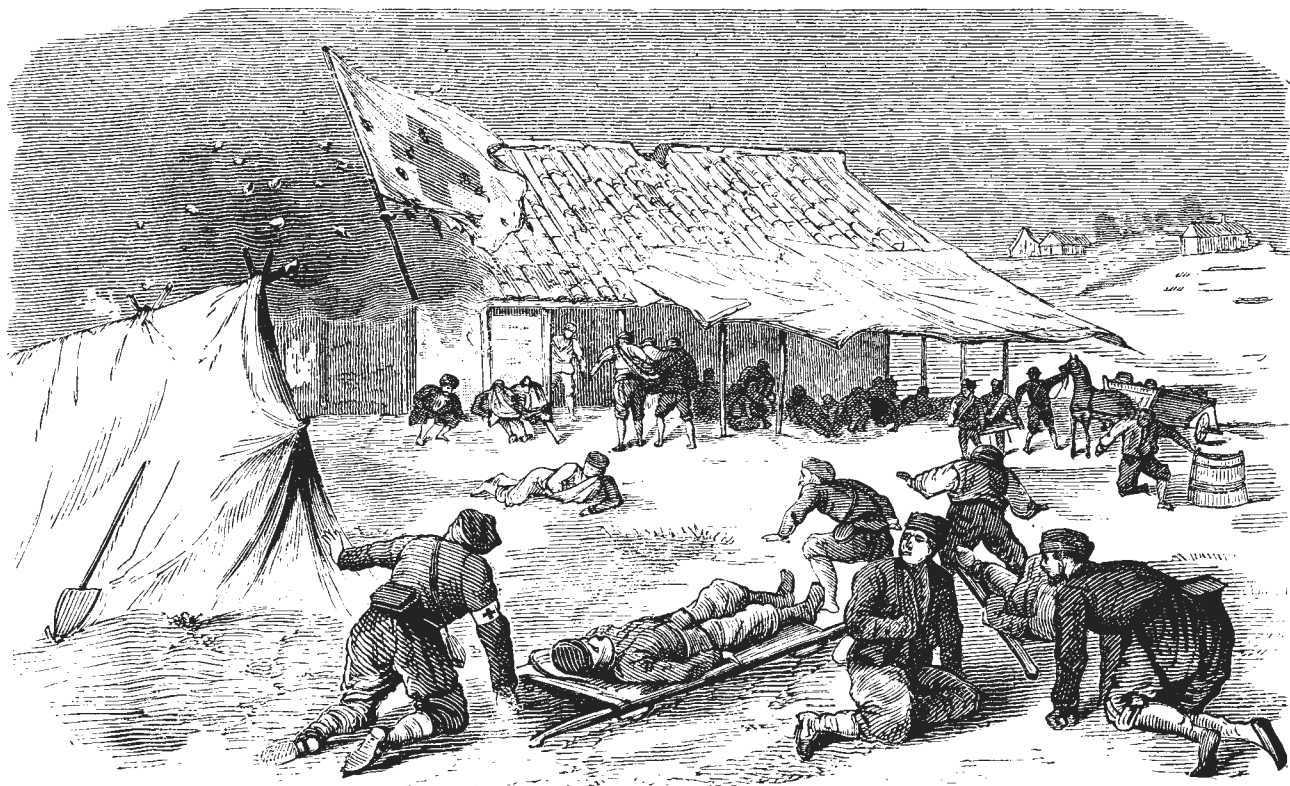
VIII.

Тихо теплились лампы въ капицѣ княгини Беаты. Прямо передъ входомъ стояла фигура Богоматери съ розовымъ лицомъ, въ золотой коронѣ и бѣломъ атласномъ платьѣ. На возвышенномъ мраморномъ пьедесталѣ и кругомъ, по ковру, были разбросаны вѣнки и букеты свѣжихъ душистыхъ цвѣтовъ. У маленькаго, открытаго и блестящаго драгоценной парчой алтаря, изъ рѣзной серебряной курильницы медленно и едва замѣтно уносилась вверхъ ароматная струйка дыму. Странное и таинственное впечатлѣніе производила каплица въ мягкомъ полусумракѣ лампадъ. Послѣднія краски догораваго вечера едва проникали въ темныя, расписныя витрины. Несмотря на точеное изъ слоновой

крытыми губами. Въ полусумракѣ эта фигура казалась призракомъ. При свѣтѣ дня всякій посторонній непремѣнно принялъ бы ее за покойницу, роскошно убранную и кощунственно поставленную на пьедесталѣ. Первымъ и невольнымъ движеніемъ каждаго было отшатнуться отъ этой фигуры съ чувствомъ ужаса и жалости. Самая красота лица, самая художественность работы, усиливали сходство съ мертвецомъ...

И эта страшная кукла называлась Богородицей, и княгиня Беата гордилась ею и не замѣчала ея святотатственнаго безобразія. Князь Константинъ какъ-то вошелъ въ капицу, увидѣлъ куклу и тотчасъ же вышелъ вонъ, полный негодованія...

Еще далекіе звуки музыки слабо доносились съ противоположной стороны замка. Уже болѣе часу какъ княгиня Беата скрылась изъ залъ и удалилась на свою половину. Она прямо прошла въ капицу, опустилась на мягкія подушки и стала горяче молиться. Ея щеки пылали, во всѣхъ чертахъ видно было возбужденіе.

Сербскій походный лазаретъ въ Моравской долинѣ, бомбардируемый турками. Съ наброска Н. П. рѣз. Боярскій.

кости распятіе, поставленное на алтарѣ на теперь едва виднѣвшееся. изъ-за пышныхъ гирляндъ и букетовъ, трудно было вообразить себя въ христіанской молельнѣ. Капица княгини скорѣе походила на языческую божницу, посвященную какой-нибудь богинѣ.

Особенно непріятно поражала фигура, стоявшая на пьедесталѣ, и составлявшая гордость княгини Беаты. Это была присланная ей изъ Италіи кукла, почти въ ростъ человѣческой, необыкновенно искусно вытѣпленная изъ какой-то плотной массы, художественно раскрашенная со всѣми оттѣнками человѣческой кожи. Изъ подъ длинныхъ, полуопущенныхъ рѣсницъ глядѣли стеклянные глаза своимъ неподвижнымъ взглядомъ. Настоящіе, пепельнаго цвѣта и удивительной длины волосы просвѣчивали сквозь легкую ткань покрывала. Бѣлое, съ огромнымъ шлейфомъ платье, шитое самой княгиней, было богато отдѣлано золотымъ кружевомъ и сверкало драгоценными камнями. Лицо было нѣжной, идеальной красоты, съ нѣсколькими блѣдными и полут-

Молитва не успокаивала, да и какъ могла успокоить ее молитва. Она молилась какому-то богу злости и мести, она призывала его гнѣвъ и кару на этотъ пиръ еретиковъ и схизматиковъ, одинъ видъ которыхъ возбуждалъ въ ней ненависть. Она во весь день незамѣтила ничего особеннаго между Гальшкой и Сангушко; но вѣрила наблюдательности Антонію и теперь посылала всѣ проклятія на голову молодого князя.

Если ужъ долженъ совершиться этотъ ненавистный бракъ, пусть лучше погибнетъ дочь—и ей начинало казаться, что дочь недостойна любви ея, что она ея врагъ и мучитель. Ея сердце разгаралось все больше, въ голову стучало; члены онѣмѣли въ колѣнопреклоненной позѣ... Поднявъ свою похолодѣвшую руку, она била себя въ грудь, обливаясь слезами. Съ нею начинался нервный припадокъ.

Въ это время она услышала за собою шаги. Въ капицу входилъ Антонію. Она съ трудомъ поднялась съ колѣнъ и бросилась ему навстрѣчу.

Мститель. Картина, Дока Миловановича, съ фотогр рѣзалъ Мара.

Онъ стоялъ спокойный и холодный, только губы его едва замѣтно дрожали.

— Отецъ мой, что поваго? не случилось ли еще чего? страшно волнуясь заговорила княгиня.

— Новаго много, тихо отвѣтилъ Антоніо. — Я все время слѣдилъ за княжною и всѣ ея поступки подтверждали мою догадку. Съ полчаса тому назадъ она танцевала съ княземъ Сангушко... Они вышли въ садъ... Я послѣдовалъ за ними... Вы знаете любимый гротъ княжны... съ каменнымъ дракономъ... Тамъ, въ этомъ гротѣ...

Антоніо остановился. Казалось, что-то сдавило ему дыханіе. Во рту у него было сухо, языкъ не слушался. Княгиня смотрѣла на него съ ужасомъ.

— Тамъ... они признались въ любви другъ другу... наконецъ прошептали онъ. Онъ прислонился къ стѣнѣ... его ноги подкашивались.

— Боже мой! вскрикнула княгиня, обливаясь слезами.

Она не могла думать и соображать въ эту минуту. Ей казалось, что случилось худшее и уже непоправимое.

Антоніо спѣшилъ ее успокоить. Его собственнаго волненія какъ не бывало. Проговоривъ страшную для себя фразу, звуки которой терзали его, онъ уже снова овладѣлъ собою.

— Развѣ я для того сказалъ вамъ это, чтобы вы пришли въ отчаяніе и поддались слабости. Именно теперь вамъ нужно быть какъ можно болѣе спокойной и твердой. Особенно дурного еще ничего нѣту. Напротивъ—чѣмъ кажется хуже, тѣмъ лучше. Теперь пора дѣйствовать, пора показать вамъ князю Константину, что вы не раба его, что у васъ есть своя воля и что вы никому не позволите распоряжаться судьбой вашей дочери.

— Нѣтъ, теперь ужъ кончено! вся волнуясь и оставивъ свои слезы заговорила княгиня. Я слишкомъ долго терпѣла... я постою за себя...

— Тѣмъ болѣе, что всѣ права на вашей сторонѣ. Помните это. Но я все же боюсь... мнѣ иногда кажется, что князь Константинъ опуталъ васъ какими-то чарами... я боюсь, что вы даже въ такомъ рѣшительномъ дѣлѣ не успѣете поставить на своемъ и уступите. Но знайте, что если теперь уступите, если отдадите князю за схизматика, то мало того, что это будетъ вѣчная погибель ея души,—это будетъ смертный грѣхъ на васъ самихъ и его вы ничѣмъ и никогда не замолите. Богъ не проститъ этого... святой отецъ отвернется отъ васъ и я самъ прощусь съ вами.

Послѣднія слова онъ произнесъ громко и торжественно, какъ судья и прорицатель.

Княгиня снова опустилась на подушки передъ статуей.

— Матерь Божія пошлетъ мнѣ силы... она внемлетъ моей молитвѣ... она спасетъ мою душу...

— Клянитесь же не уступать, клянитесь разорвать опутавшіе васъ ковы... клянитесь въ случаѣ упорства князя и его самовольства немедленно ухватить и увезти съ собою княжну. Вы явитесь къ королю въ Краковъ. Онъ заступится за оскорбленную мать... онъ не дастъ васъ въ обиду... клянитесь.

— Клянусь Господомъ Иисусомъ и Пречистой Дѣвой Маріей! торжественно и набожно произнесла Беата крестя и цѣлуя конецъ платя Мадонны.

Это была жалкая сцена. Но главный актеръ ея зналъ что дѣлалъ.

— Amen! воскликнулъ онъ.

И вдругъ онъ вздрогнулъ, вспомнивъ что-то позабытое имъ и очень важное.

— Но знайте, княгиня, внушительно сказалъ онъ; что дочь ваша не должна подозрѣвать моего участія въ этомъ дѣлѣ. Ее не слѣдуетъ вооружать противъ ме-

ня. Напротивъ, пусть она видитъ во мнѣ друга... До сихъ поръ она избѣгала бесѣды со мною. Теперь мнѣ нужно получить возможность заслужить ея довѣріе и только при этомъ довѣрїи я сумѣю раскрыть ея сердце и разумъ къ принятію истины. Понимаете вы меня, княгиня?

— Да, вы правы, отецъ мой, я ничего не скажу ей о томъ, что вы слѣдили за нею... Она сама мнѣ во всемъ признается, а если и не признается, такъ вѣдь не сейчасъ же ее обвиняютъ, вѣдь придутъ же за нами согласіемъ хоть для виду...

Отецъ Антоніо убѣдился, что княгиня настроена какъ слѣдуетъ и что съ этой стороны опасаться нечего. Разумѣется, онъ все-же будетъ слѣдить за каждымъ ея шагомъ, будетъ подливать масла въ огонь, если надо.

Онъ простился съ Беатой и ушелъ къ себѣ, въ свою скромную, чисто монашескую келью, помѣщавшуюся въ одной изъ башенъ замка. Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ и взволнованнымъ, ему нужно было отдохнуть и осмотрѣться...

Княгиня не ошиблась, предположивъ, что дочь сама къ ней придетъ и все скажетъ. Вернувшись въ залъ, молодая дѣвушка тщетно старалась казаться спокойной. Молодежь то и дѣло подходила къ ней, пригласившая на танцы. Со всѣхъ сторонъ ея снова обступила толпа мужчинъ и женщинъ. Ей приходилось выслушивать ненужную и скучную болтовню, отвѣчать на вопросы, говорить и смѣяться. Это было выше силъ ея. Она кое-какъ дождалась сигнала къ ужину, сказала кому то, что нездорова и устала и быстро направилась длинными корридорами и переходами къ себѣ, на полвину матери.

Все тяжелое и мучительное, что лежало между ей и княгиней Беатой, теперь забылось. Она была такъ счастлива, что кромѣ самой нѣжной любви ко всему и ко всѣмъ, ничего и не было въ ея сердцѣ. Она шла теперь прямо къ матери, подѣлиться съ ней своимъ счастьемъ, безъ всякихъ тревогъ и сомнѣній. Только лютый звѣрь могъ теперь возстать на нее и пожелать разбить ея счастье. А мать развѣ звѣрь? Нѣтъ, она хоть и странная, но все же она хоть немного, да любить же Гальшку. Она иногда бываетъ такъ нѣжна и ласкова... вотъ и сегодня утромъ...

Княгиня уже раздѣвалась въ своей спальнѣ, когда къ ней вошла Гальшка. Она тотчасъ же отпустила дежурную шляхтянку и трехъ прислужницъ и, по ихъ уходѣ, обратилась къ дочери.

— Ну что, Гальшка, веселилась?—спросила она почти ласковымъ голосомъ, сдерживая себя на сколько возможно.

Княжна, безъ всякаго отвѣта, повинувшись невольному внутреннему движенію, бросилась къ ней на шею и залилась слезами.

— Что съ тобой? о чемъ ты плачешь.

— Матушка, родная моя, поцѣлуй меня, благослови меня... я вырвалась оттуда, я бѣжала къ тебѣ сказать, что случилось со мною...

— Что? говори! говори!

Княгиня уже дрожала отъ волненія и гнѣва.

— Князь Дмитрій Андреевичъ просилъ меня быть его женою... и я люблю его,—съ врожденной ей простотой и искренностью прямо сказала Гальшка, глядя въ глаза матери.

Красивое лицо княгини Беаты исказилось и сдѣлалось страшно... Порывистымъ движеніемъ она оттолкнула отъ себя пораженную и ничего непонимающую дочь.

— Князь Дмитрій Андреевичъ! Кто это такой? а! — должно быть Сангушко... Это онъ тебя прислалъ ко мнѣ за тебя же свататься! А ты его вѣрно отъ моего имени ужъ и за честь поблагодарила... Скажи мнѣ, давно ли ты выучилась позорить свое имя, заводить любовныя исторїи? Или, можетъ быть, ты все это не

сама выдумала и заранѣе получила позволеніе отъ дяди?.. а о матери позабыла..

Испуганная, оскорбленная Гальшка не хотѣла вѣрить ушамъ своимъ. Того ли она ждала... она еще ни

отъ кого не слыхала такихъ рѣчей.. и вотъ, ей говорить это мать родная... Дрожа и захлебываясь слезами постаралась она передать все—какъ было.

(Продолженіе будетъ).

КРЫСОЛОВКА.

(Картины Тейера).

Задача искусства, во всѣхъ областяхъ его проявленія, заключается, какъ извѣстно, не въ одной только вѣрности изображенія предмета, не въ одной только передачѣ существенныхъ его сторонъ, но главнѣе всего въ оживотвореніи идеи въ формѣ. Только въ силу этого послѣдняго условія художникъ имѣетъ право сказать про свое произведеніе, что оно есть результатъ его художественнаго творчества, только въ такомъ случаѣ слово *творчество* получаетъ истинное значеніе и ни въ какомъ другомъ случаѣ оно къ художественнымъ произведеніямъ не можетъ быть примѣнимо, да и самое произведеніе при отсутствіи творчества не можетъ называться художественнымъ.

Какъ, на примѣръ, стихи, написанные по всѣмъ правиламъ стихосложенія, и имѣющія звучные рифмы, не могутъ быть результатомъ творчества поэта, если мысли, въ нихъ высказываемыя не проникнуты силою поэтическаго дара, если образы, въ нихъ рисуемые, не оживотворены этимъ даромъ. Такъ точно въ живописи не та картина можетъ быть названа художественнымъ произведеніемъ, въ которой предметъ изображенъ съ совершенною точностію, съ совершенною правильностію расположенія всѣхъ линий, всѣхъ тоновъ и всѣхъ мелочей. Есть нѣчто другое, что даетъ картинѣ право называться художественнымъ произведеніемъ, есть нѣчто такое, что дается только таланту, что недостаточно для простаго техника, хотя бы и безконечно трудолюбиваго. Это нѣчто есть именно способность оживотворять предметъ, способность выражать отвлеченную идею въ живой, такъ сказать, дышащей формѣ. Лермонтовъ, на примѣръ, рисуетъ горы надъ Тереккомъ: «И скалы тѣсною толпой, таинственной дремоты полны, предъ нимъ склонялись головой, слѣдя мелькающія волны». Мы читаемъ и удивимся: какая сила образности, какое богатство жизни въ изображеніи природы! Онъ оживилъ мертвый камень! Другой, мастеръ писать стихи, Богъ знаетъ съ какими подробностями опишетъ эти же самые скалы надъ Тереккомъ, не забудетъ ни малѣйшей частности, изобразитъ и ихъ размѣръ, и ихъ цвѣтъ, и ихъ взаимныя отношенія, но жизни имъ не придастъ, и выйдетъ

въ результатѣ скучное описаніе—и только.

Тоже можно сказать и по отношенію представленныхъ въ этомъ номерѣ «Нивы» двухъ рисунковъ, изображающихъ крысоловку.

Здѣсь важно не то, что собачка вѣрно изображена, что не забыты всѣ подробности обрисовывающія и ея фигуру и ея положеніе въ избранный моментъ. Главное достоинство не въ одномъ только этомъ, это частности, положимъ, нужныя, положимъ въ нѣкоторой степени необходимыя; но главное, выражена жизнь, воплощена идея художника, внутренний міръ животнаго переданъ во всей своей силѣ и правдѣ и, слѣдовательно, во всей красотѣ, такъ какъ художественная красота этимъ именно и обуславливается. Стоить всмотрѣться въ первую картину: собачка лежитъ, она, видимо, больна: это чувствуется не только по обстановкѣ, ее окружающей, это чувствуется по выраженію ея глазъ, по положенію головы; но еще внимательнее всматриваясь, дѣлается яснымъ, что, при всемъ своемъ болѣзненномъ состояніи, она къ чему-то прислушивается, что ея слухъ напряженъ, что мускулы около уха вздрагиваютъ; она уже, кажется, готова привскочить, но еще шорохъ, долетѣвшій до ея слуха, такъ не ясенъ, еще слабость ея физическаго силъ такъ властвуетъ надъ ея духомъ и властвуетъ, тѣмъ болѣе, потому, что она сама неувѣрена, дѣйствительно-ли это шорохъ производить крыса. Но вотъ шорохъ послышался яснѣе. Куда дѣвалась слабость физическаго силъ, куда дѣвалась недавняя истома—полетѣли прочь и стеклянка съ лекарствомъ и одѣяло и ложка. Духъ восторжествовалъ и царитъ надъ физическою стороною организма. Вотъ это-то именно торжество духа и составляетъ силу картины и не въ томъ именно, что такой моментъ взять художникомъ для изображенія, а исключительно въ томъ, что художникъ умѣлъ передать его въ такой полнотѣ и правдѣ жизни и въ такомъ богатствѣ экспрессіи каждой жилки, каждого мускула собачки. Видно, что предметъ, взятый имъ для изображенія знакомъ ему во всѣхъ подробностяхъ.

СЕРАЕВО.

Сераево, или Босна-Серай одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ Босніи. Онъ имѣетъ до 70.000 населенія, въ томъ числѣ 6.000 христіанъ православныхъ, до 200 католиковъ и до 2000 евреевъ. Турки считаютъ Сераево лучшимъ послѣ Стамбула и называютъ сѣвернымъ Дамаскомъ. Небольшая рѣчка «Милячка», узкимъ русломъ пробивается между скалистыми горами, и наконецъ вытекаетъ въ небольшую долину, на которой и расположенъ городъ, весь потонувшій въ зелени и представляющій собой какъ бы одинъ сплошной садъ, съ возвышающимися изъ-за его вершинъ сотнями мечетей. На лѣвой сторонѣ Милячки, на склонѣ хребта Требевича, вершина котораго поднимается надъ всѣми окрестными горами, построены амфитеатромъ часть домовъ, между тѣмъ какъ другая часть словно гигантской рукой втиснута въ ущелье. Такимъ же амфитеатромъ дома и сады раскинулись по откосамъ Бѣлянскаго хребта; въ серединѣ, тамъ, гдѣ начинается долина, расположились турецкія жилища, лѣпящіяся подобно гнѣздамъ, по склону горъ. Нѣсколько ниже тянутся ряды лавокъ, на подобіе нашего гостиннаго двора, съ тою только разницею, что эти ряды носятъ исключительно турецкій характеръ, отличаются крайнею нечистотою и отсутствіемъ всякихъ санитарныхъ приспособленій; такъ, напр. нижній кварталъ города оказывается рядомъ коженыхъ лавокъ, которыя распространяютъ нестерпимое зловоніе. При всемъ томъ городъ, съ его выбѣленными домами, разбросанными въ зелени, множествомъ минаретовъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ скалами и скалистыми горами, представляетъ въ общемъ дѣйствительно очаровательный видъ.

Городъ этотъ возникъ и развился подъ влияніемъ турецкаго владычества. Босно-Серай, или Сераево, получилъ свое названіе отъ Сарая, дворца, какъ прозвали турки выстроенную тутъ первымъ визиремъ Босніи крѣпость. Во время же сербской независимости тутъ были только села, которыя назывались: «Быстрикъ, Бѣлана и Вратнигъ»; эти названія удержались до сихъ поръ въ кварталахъ города. Съ паденіемъ этой независимости христіанское населеніе постепенно исчезало подъ гнетомъ турецкаго деспотизма и на перекресткѣ трехъ дорогъ образовался торговый городъ Сераево. Исторія его очень не многосложна. Какъ извѣстно, Магометъ II въ 1463 г. покорилъ всю Бос-

нію, умертвилъ болѣе десяти тысячъ христіанъ, изъ оставшихся въ живыхъ одна часть эмигрировала въ Далмацію, а другая приняла мусульманскую вѣру. Въ 1697 году австрійское войско заняло и сожгло Сераево и всѣ найденные тамъ христіане переселены въ Австрію. Такимъ образомъ во всѣ эпохи, не исключая и настоящаго времени, Сераево составляло центръ мусульманскаго населенія.

Православные боснійскіе христіане составляютъ зажиточную буржуазію, въ рукахъ которой сосредоточена внѣшняя торговля. Они называются гражданами, по мѣстному «торговцами» (не нужно однако смѣшивать ихъ съ нашими купцами: боснійскіе «торговцы» составляютъ привилегированный классъ, и стоятъ по положенію выше духовенства, вслѣдствіе чего они свысока смотрятъ на сельчанъ). Вотъ какъ описываетъ образъ ихъ жизни Гильфердингъ: «въ домѣ сараевскій купецъ христіанинъ живетъ согласно съ дѣдовскимъ *адетомъ* (обычаемъ), чуждый умственныхъ потребностей, чуждый понатія и чувства народности, которая для него, какъ и для босника простолюдина, вся заключается въ томъ, что онъ православный. Когда онъ сидитъ, жена и дочери должны стоять передъ нимъ; придетъ къ нему гость—жена и дочери подходятъ къ рукѣ, подносятъ варенье, водку, кофе. Въ пищѣ соблюдается экономія, которая переходитъ всѣ границы нашихъ представлений. Только разъ въ годъ развертывается сераевецъ. Именно въ свое «крво имя» (крестное имя), т. е. въ день, когда празднуется, по сербскому обычаю, святой, покровительствующій роду и дому. Тутъ съезжается весь міръ. Гостей усаживаютъ по турецки, на корточкахъ, передъ низенькими столами, или домами, едва возвышающимися надъ уровнемъ дивановъ. Баранина и *пшта* (слоеное тѣсто) играютъ главную роль въ угощеніи. Пьютъ здравницы (госты) сопровождаютъ ихъ привѣтствіями и пожеланіями, сложенными въ эпической формѣ; пьютъ они, нужно замѣтить, много и до излишка даже. Христіанскія дамы и дѣвчонки (т. е. еупчики и купеческія дочки) въ будни стараются или шить, а въ праздники разряжаются. Обыденные турецкіе шаровары, короткая мѣховая кацавейка, въ праздники замѣняются узкимъ платьемъ, скроеннымъ въ видѣ какого-то обрубка изъ видной полосатой матеріи. Голову покрываетъ

обыкновенно красная феска съ синей кистью; вокруг фески повязывается платокъ, надъ платкомъ возвышается нѣчто въ родѣ повойника изъ вошеной холстины и наконецъ все это зданіе покрываетъ другой платокъ, съ разными украшениями, червонцами, лентами и т. п. На шеѣ на шнурахъ нанизаны ряды червонцевъ и имперіаловъ, иногда въ большомъ количествѣ. Хороводы и игры составляютъ одно изъ необходимыхъ удовольствій праздника. Католики въ Сераевѣ не имѣютъ никакого значенія по своей малочисленности и по тѣмъ узкимъ интересамъ, которыя ими преслѣдуются.

Сераевскіе евреи — самое богатое населеніе города. Они — потомки тѣхъ евреевъ, которые бѣжали изъ Испаніи въ XV и XVI столѣтіяхъ во время господствовавшей тамъ инквизиціи. Главное богатство они нажили нѣсколько лѣтъ тому назадъ дѣлой системой злостнаго банкротства. Не смотря на этотъ всеобщій извѣстный фактъ, они служатъ переводчиками и банкирами турецкихъ властей.

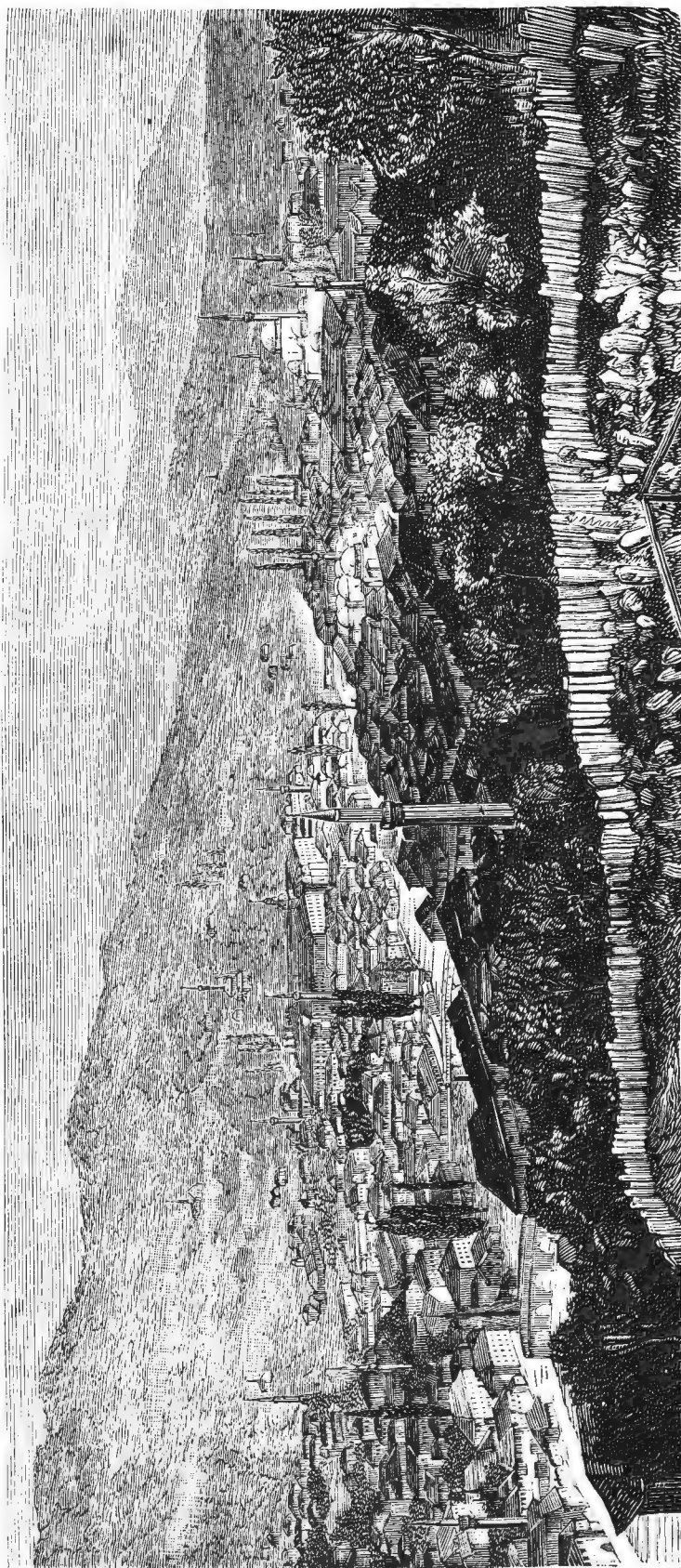
Церковь православныхъ въ Сераевѣ одна (въ послѣднее время, кажется, еще построена церковь); да и можетъ ли быть иначе, если, какъ устройство ея, такъ и разрушеніе, зависятъ отъ воли и фантазіи какого-нибудь мѣстнаго администратора. Церковь въ Сераевѣ построена въ XVII стол. Въ 1644 г. она сгорѣла и затѣмъ вновь построена. Постройка ея обошлась въ 106,700 аспиръ, изъ которыхъ на самое зданіе пошла сравнительно незначительная часть—42,000 и остальные деньги употреблены на подарки «господи турецкой», при этомъ самое разрѣшеніе постройки было дано турками въ такой формѣ, которая равносильна отказу: разрѣшено было строить только въ теченіи 40 дней. Въ теченіе этихъ дней въ Сераевѣ все, отъ старика до ребенка работали безъ отдыха, чтобы окончить постройку въ назначенный срокъ, и наконецъ, къ удивленію турокъ, сводъ и крыша были готовы. Внутри церковь украшена не бѣдно, но безъ всякаго вкуса. «Множество образовъ, болшею частью старинной греческой работы, принесенныхъ изъ другихъ мѣстъ, составляютъ ея украшеніе.» Сераевская община, по замѣчаніямъ Гильфердинга, гордится бархатною завѣсой, съ богатыми, вышитыми изъ золота украшениями, ее выносятъ изъ ризницы только въ самые торжественные праздники.

Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что въ Сераевѣ нѣтъ ни одной книжной лавки. Одинъ купецъ хотѣлъ устроить нѣчто въ родѣ лавки, но ему запретили мѣстныя власти. Въ городѣ существуетъ казенная типографія, которая печатаетъ только элементарные учебники, календари, иѣсенники и двѣ газеты на турецкомъ и сербскомъ языкахъ.

Въ дополненіе этого очерка необходимо сказать о положеніи поселянъ и отношеніи къ нимъ православныхъ гражданъ города Сераева, тѣмъ болѣе, что эти отношенія проливаютъ достаточный свѣтъ на уясненіе многихъ нравственныхъ сторонъ сераевскихъ христіанъ. Извѣстно, что боснійскіе христіане не имѣютъ вовсе земли и турецкое правительство при этомъ еще обременяетъ ихъ безчеловѣчными налогами. Оно мало того, что беретъ съ несчастнаго народа все, что можетъ взять — проценты съ земли, съ жилища, съ жатвы и съ каждаго новорожденного младенца (войнина), но что всего хуже—это сборъ осьмины съ жатвы и хуже всего именно вслѣдствіе формы взиманія. Взиманіе этого налога турецкое правительство отдаетъ на откупъ, по большей части фанариотскимъ грекамъ и другимъ аферистамъ, для которыхъ не существуетъ ни чувства, ни челоуколюбія, ни религіи. Они требуютъ этотъ налогъ нерѣдко въ то время, когда крестьянинъ еще не убралъ хлѣба съ поля и слѣдовательно произвольно по приблизительному расчету, берутъ подать съ болшаго количества, чѣмъ оказывается въ дѣйствительности. Въ случаѣ неуплаты подвергаютъ злополучныхъ поселянъ безчеловѣчнымъ истязаніямъ. Англійскіе путешественники (Эвенсъ, Ирби и др.) рассказываютъ, что сборщики податей иногда намазываютъ крестьянина медомъ и оставляютъ на сѣденіе насѣкомымъ; другихъ запираютъ въ избу или баню, гдѣ раскладываютъ огонь и несчастные страдальцы едва не задыхаются отъ дыма и проч. Выведенные изъ терпѣнія боснійскіе поселяне нерѣдко убѣгали отъ своихъ притѣснителей, оставляя все свое имущество въ злополучной странѣ. Такъ, въ 1865 г. 500 райевъ ушли въ Австрію отъ притѣсненій сборщиковъ податей.

Вотъ почему, 25 августа 1875 г. нѣкоторые изъ боснійскихъ

поселянъ, доведенные до отчаянія сборщиками податей, жестокими вымогательствами откупщиковъ осьмины, подняли оружіе. Въ Бадьялукѣ поселяне убили 8 откупщиковъ и тѣмъ положили начало возстанію, которое быстро распространилось. Въ настоящес время возстаніе въ Босніи приняло рѣшительный характеръ, благодаря стараніямъ полковника Деспо-

Сераево, главный городъ Босніи. Съ фотогр. рѣзаль Болгарскій.

товича, назначеннаго отъ сербскаго правительства губернаторомъ Босніи. Подъ его управленіемъ разрозненные шайки возставшихъ сплотились теперь въ вѣрные отряды, всего до 30.000 челов. и держатъ въ постоянномъ страхѣ турецкія войска, сосредоточенныя у Сераева.

Н. В.—овъ.

Черногорско-турецкая война. Доставка провiанта черногорскими женщинами своимъ роднымъ воинамъ, охраняющимъ горные пути отъ турокъ. Съ наброска К. М. грав. Беарскiй.

Черногорско-турецкая война. Черногорцы, отбивающiе нападенiе турокъ на ихъ деревню. Съ наброска К. М. рѣзалъ Беарскiй.

Настоящее положение болгаръ и краткія замѣтки изъ ихъ прошедшей исторіи.

А. Ф. Геохарова. (Изд. въ пользу пострадавшихъ болгаръ. 1876 г.).

Цѣль, разбираемой нами книжки, преимущественно благотворительная, т. е. книжка есть обращеніе къ сердцу единоплеменниковъ болгаръ, каковы мы, русскіе. Историческія и географическія свѣдѣнія о болгаряхъ сообщаются кратко, составляя вторую главу въ брошюркѣ (состоящей изъ 2-хъ главъ). Изъ этой главы мы узнаемъ, что нынѣшняя Болгарія занимаетъ территорию древней римской провинціи, называвшейся Мизіей, что древнее болгарское царство составилось изъ тюркского и славянского элементовъ: именно, съ 668 года камскіе болгары, народъ тюркского племени, предводительствуемые Аспарухомъ, двинулись съ рѣки Камы и, переправившись черезъ Дунай, покорили живущихъ тамъ, въ разсыпную, славянъ, и положили основаніе болгарскому царству. Название свое болгары получили отъ своего эпического царя Болга. Болгары-завоеватели вскорѣ слились съ завоеванными славянами въ одно политическое тѣло и составили одинъ болгарскій народъ. Но славянскіе стихія въ этомъ сліянніи оказалась сильнѣе; потому что тюркскій элементъ со временемъ совершенно ступсвался, религія, языкъ и нравы славянъ сдѣлались общими для побѣдителей и побѣжденныхъ. Раннія столкновенія и сношенія съ Византіей способствовали тому, что христіанство распространилось въ Болгаріи (или, по тогдашнему, въ Мизіи) еще въ VII вѣкѣ по Р. X. Въ IX вѣкѣ Борисъ, царь болгарскій, принялъ крещеніе отъ грековъ и принудилъ также свой народъ къ принятію его. Вотъ при этомъ-то царѣ Борисѣ и переведено св. Кирилломъ и Меодіемъ Священное Писаніе съ греческаго языка на древне-болгарскій, извѣстный у насъ теперь подъ именемъ древне-славянскаго и который употреблялся въ богослуженіи до XVI вѣка у всѣхъ православныхъ христіанъ. Послѣ Бориса, причисленнаго болгарскою церковію къ лику святыхъ, царствовалъ сынъ его Симеонъ, поставившій Болгарію на высокую ступень славы и могущества, и время его правленія называется въ болгарской исторіи *Золотымъ вѣкомъ царя Симеона*. При немъ весь болгарскій полуостровъ былъ въ рукахъ болгаръ; въ составъ болгарскаго государства входили всѣ южно-славянскія племена. Послѣ успѣшной борьбы съ мадьярами, вторгнувшимися въ предѣлы болгарскаго царства, Симеонъ получилъ отъ папы титулъ «императора и самодержца болгаръ». Но при сынѣ Симеона, Петрѣ Симеоновичѣ, нашъ русскій князь Святославъ, разоряетъ столицу Болгаріи, Переяславецъ, а греческій императоръ Василій («болгаробецъ») въ 1019 году окончательно овладѣваетъ всею

Болгаріей. Въ концѣ XII вѣка, два брата, Петръ и Асель, родомъ изъ Тернова, освобождаютъ всю Болгарію отъ византійскаго ига и столицей избираютъ, окруженный со всѣхъ сторонъ горами, городъ Терновъ. Болгарское царство оставалось на время съ вѣтущимъ состояніемъ. Но вотъ византійскій императоръ Эмануилъ, не могшій самъ отразить болгаръ, оустоявшихъ его владѣнія, вызвалъ противъ нихъ изъ Азіи турокъ, и болгарское царство пало подъ ударами султана Баязида II, въ 1393 году—и вотъ уже скоро являю вѣковы, какъ болгарскій народъ стонетъ подъ игомъ турокъ. Въ церковномъ отношеніи болгары зависели отъ грековъ. Эти послѣдніе старались слить болгарскую національность съ греческою и вывести изъ богослуженія славянскій языкъ. Имъ это удалось, потому что до 30-хъ годовъ нашего вѣка всѣ болгары-горожане говорили, читали и писали по гречески. Возстановленію болгарской національности много способствовалъ нашъ ученый соотечественникъ Венелинъ въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія, вѣдшій въ Болгарію по порученію нашей археологической комиссіи для изслѣдованія языка болгаръ, на основаніи сохранившихся документовъ. Весь ученый славянскій міръ возлагалъ на Венелина большія надежды и молодой ученый оправдалъ ихъ. Плодомъ его путешествія въ Болгарію были: «Болгарская грамматика» и два объемистые тома «Исторіи болгаръ». Приготовляясь къ изданію 3-го тома, авторъ скончался. Послѣ Венелина, у насъ, къ несчастію, въ изученіи болгарской литературы не являлось ничего подобнаго, и самъ Венелинъ, какъ будто, забытъ.

Желающихъ, подробнѣе и научнымъ образомъ ознакомиться съ Болгаріей, отсылаемъ къ прекрасной книгѣ Венелина, потому что отослать больше некуда. Слѣдимъ только оговориться, что самый методъ изслѣдованія Венелина не совсемъ способенъ удовлетворить строгую критику. Венелинъ принадлежитъ къ числу рьяныхъ этимологистовъ, дѣлающихъ свои заключенія по аналогіямъ созвучій и случайнымъ сходнымъ чертамъ. Это, конечно, далеко не то, что философскій методъ изслѣдованія языка, который нуженъ въ наше время.

О новѣйшихъ интересныхъ событіяхъ, касающихся болгарской церкви, читатели могутъ узнать изъ самой брошюры, которая для элементарныхъ свѣдѣній о Болгаріи, благодаря ясности изложенія, весьма удовлетворительна.

М. С.

На полѣ битвы.

Усыяно трупами поле...
Замолкла палба наконецъ.
Вотъ, рядомъ съ конемъ своимъ вѣрнымъ
Лежитъ пораженный боецъ.
И быстро проносятся мимо
Начальники пестрой толпой...
Вотъ, гордый побѣдою новой,
Самъ князь, съ обнаженной главой.
Онъ плачетъ надъ жертвами боя,

И тѣхъ не скрываетъ онъ слезы:
«Миръ тѣмъ, кто за дѣло святое
Себя безкорыстно принесъ»...

* * *

А тамъ, гдѣ родимага хага,
Сидитъ у порога отецъ:
«Сыночекъ-то нашъ лихо знаетъ, бѣется,
Да, скоро и горю конецъ!»

Въ родной, хоть далекой, Россіи,
Услышали братьевъ призывъ:
Идутъ къ намъ бойцы дорогие,
Для насъ все свое позабывъ...
И плачетъ восторга слезами
Отрадную слуша вѣсть;
И плачетъ, что силъ нѣтъ, съ друзьями,
Побиться за родины честь...

Г. Липс—ъ.

Къ рисункамъ.

Сербскій походный лазаретъ въ Моравской долинь, бомбардируемый турками.

Передъ нами на рисункѣ тысяча первая сцена турецкихъ звѣрствъ. Передъ нами находится сербскій лазаретъ, раскинутый наскоро въ Моравской долинь. Носилки съ тяжело-ранеными еще лежатъ на землѣ. Видно, что раненые вынесены изъ горячаго, ожесточеннаго боя. Всѣ прислуживающіе суетятся: кому нужно подать самую первоначальную помощь, сдѣлать немедленную перевязку какой-либо важной вѣны или артеріи, инымъ нужно сдѣлать ампутацію, третьихъ, по окончаніи первоначальной помощи, слѣдуетъ отправить въ болѣе удобный лазаретъ въ Алексинацъ. Легко ранеными наполнены цѣлыя тѣлѣги, и одна изъ этихъ тѣлѣгъ виднѣется на заднемъ планѣ рисунка, направо. Но вотъ вдругъ, налѣво за бараками, мелькнулъ злобшій смертоносный огонь, и глухой, тяжелый рокотъ кононады потрясъ окрестность. Густой дымъ застлалъ горизонтъ. Летятъ осколки раскаленныхъ ядеръ... Иному страшному воину предстоитъ новое увѣчье и сугубыя мученія, изъ которыхъ смерть—лучшій исходъ. Всѣ группы на рисункѣ полны движеній, неопредѣленныхъ, рефлективныхъ, выражающихъ крайнее безпокойство и страхъ за себя и, можетъ быть, еще болѣе за тяжело раненыхъ собратьевъ-страдальцевъ.

Съ самаго начала текущей войны турки не упускали случая «мучить» тяжело-раненыхъ ужасными истязаніями. Недавній

эпизодъ соженія живыми сербовъ въ Княжевецъ уже извѣстенъ читателямъ. Но это только одинъ эпизодъ изъ сотни другихъ.

Моравской долинь, свидѣтельница этихъ безпримѣрныхъ звѣрствъ, суждено вѣчно жить въ исторіи и напоминать нашимъ потомкамъ о томъ ужасномъ времени, когда эти звѣрства были допущены европейскими державами.

М. С.

Мститель.

Сербскій художникъ, Дока Миловановичъ, занимающій въ настоящее время должность преподавателя въ одномъ изъ учебныхъ заведеній въ Бѣлградѣ, весьма удачно изобразилъ одинъ изъ моментовъ, часто вызываемыхъ въ настоящее время на Балканскомъ полуостровѣ турецкими варварствами. Картина представляетъ фигуру человека, находящагося, видимо, въ выжидательномъ положеніи. По выраженію лица этой фигуры и по по самой ея постановкѣ можно безошибочно заключить, чѣмъ кончится это выжиданіе. Хотя картина имѣетъ подъ собою надпись «Мститель», объясняющую этимъ словомъ ея содержаніе, но полагаемъ, что надпись эта совершенно лишняя, ибо ясно, въ чемъ тутъ дѣло. Нелзя не замѣтить, что въ этой картинѣ всего удачнѣе сдѣлана постановка фигуры. Не говоря уже о ея красотѣ въ смыслѣ художественномъ, она, кромѣ того, даетъ опредѣленное понятіе о характерѣ избраннаго художникомъ момента; но конечно, одно положеніе фигуры, какъ бы она не

была удачно поставлена, не может еще определенно и точно выразить внутреннее состояние избранного лица; правда, исключения бывают, так, например, выражение гора при совершенно закрытии лица руками и т. п. Этот недостаток предусмотрен художником: взятое им лицо так полно жизни и мысли, так точно выражает те душевные движения, которые присущи человеку такого характера, ожидающему своего врага, что об этом намъ распространяться нечего.

Черногорско-турецкая война.

В настоящемъ № «Нивы» мы помѣщаемъ двѣ картинки изъ современныхъ событій въ Черногоріи. Первая изъ нихъ: доставка провіанта черногорскими женщинами своимъ роднымъ воинамъ, охраняющимъ горные пути отъ Турокъ.

Несмотря на свое тяжелое положеніе вѣчной работницы, чер-

ногорская женщина не менѣ героиня какъ и мужчины Черногоріи. Нерѣдко случается, что женщины участвуютъ въ битвѣ вмѣстѣ съ мужчинами и своею храбростію еще болѣе воодушевляютъ войска.

Во время войны на долю женщинъ выпадаетъ обязанность приносить войскамъ съѣстные и военные припасы, ухаживать за ранеными, словомъ, нести всю нестроевую службу.

Вторая картина наглядно показываетъ степень храбрости и безстрашной энергіи черногорцевъ, отбивающихся нападеніе турокъ на ихъ деревню. Рассказывать объ этомъ нечего, ибо храбрость черногорцевъ давно извѣстна. Напомнимъ для примѣра газетныя извѣстія о томъ, какъ черногорцы, въ числѣ 3.000 человекъ, разбили 11.000 турецкое полчище. Въ этой отчаянной схваткѣ, по словамъ очевидца, все черногорцы дрались въ рукопашную; даже 14 лѣтнія дѣти душили руками неконныхъ враговъ своей родины—турокъ. Конечно, только такую энергію и можно объяснить побѣду 3.000 надъ 11.000.

Политическое обозрѣніе.

Вопросъ о перемиріи между Сербіей и Турціей успѣлъ вступить теперь въ новый фазисъ и почти существенно измѣнился. И это произошло отъ того, что Порты требуетъ *болѣе продолжительнаго* перемирія, чѣмъ оно предполагалось по смыслу рѣшеній европейскихъ державъ. Не шесть недѣль, а *пять мѣсяцевъ* перемирія непремѣнно нужны Портѣ. Для чего нужны? Теперь уже выяснилось, что Порты предлагать такое продолжительное перемиріе единственно *для того, чтобы избѣжать зимней кампаніи*, которая была бы губельна для ея войскъ, но выгодна для ея противниковъ. Пятью зимними мѣсяцами Турція желаетъ воспользоваться для того, чтобы вызвать изъ Азіи и Африки свои войска; такъ какъ вызовъ ихъ зимою принесъ бы Турціи на театрѣ войны больше вреда, чѣмъ пользы. Сербія же, дѣйствующая армія которой состоитъ изъ милиціи, должна будеть, на это время, расцугить значительную часть своей арміи, а въ это время, очевидно, ослабнетъ военная организація, которую въ теченіи четырехъ прошедшихъ мѣсяцевъ создалъ генералъ Черняевъ—изъ простодушной, не привыкшей къ правильнымъ военнымъ дѣйствіямъ милиціи.

Порта предъявляетъ, кромя того, весьма оскорбительныя для славянъ требованія. Она требуетъ, чтобы *русскимъ добровольцамъ было запрещено выѣздъ въ Сербію*. Это дерзкое требованіе уже не можетъ никого удивить послѣ многочисленныхъ подвиговъ Блестательной Порты, въ которыхъ азиатское коварство и недобросовѣстность равнялись дикому звѣрству. Телеграммы изъ Землина отъ 1 (13) октября добавляють еще къ этимъ извѣстіямъ, что порта желаетъ *удержать за собою все до сихъ поръ занятія войсками мѣстности* на время перемирія. Извѣстно уже однако, что великія державы не намѣрены принять эти условія, и агенты державъ производятъ въ Стамбулѣ давленіе въ этомъ смыслѣ, чтобы турецкое правительство отказалось отъ подобныхъ условій.

Противъ сербскаго премьеръ-министра Ристича существуетъ множество интригъ. Противная ему, консервативная партія обвиняетъ его въ раззореніи Сербіи войною, какъ будто рѣшилось Сербовъ «кровью купить» для себя и для своихъ балканскихъ собратьевъ свободу завѣсла отъ Ристича! Соперникомъ Ристичу на премьерство является Мариновичъ. Эта интрига представляется впрочемъ весьма ничтожною по самой силѣ вещей. Настроеніе всей Сербіи не измѣнило своей воинственности и рѣшимости «биться за свободу до послѣдней капли крови». И въ официальныхъ сербскихъ кружкахъ господствуютъ настроеніе, рѣшительно противящееся принятію шестимѣсячнаго перемирія, такъ что отверженіе его весьма вѣроятно.

Къ невыгодѣ турокъ, которая можетъ возрасти до громаднаго объема, принадлежитъ энергическое возстаніе въ Босніи. Появившееся уже давно отдѣльными вспышками, оно теперь организовалось и приняло большіе размѣры. Для усмиренія возстанія изъ Бѣлны посланъ таборъ низамовъ и шесть полевыхъ орудій, а изъ Сараева два табора ридифовъ.

Относительно боснійскихъ повстанцевъ извѣстны теперь слѣдующія подробности: главный корпусъ Деспотовича, состоящій

изъ 2.500 человекъ, находится противъ Куленвакупо. Петровичъ владѣетъ Ключемъ. Другіе предводители тоже стоятъ во главѣ значительныхъ отрядовъ. Между ними попь Давыдовичъ предводительствуетъ 1.000 человекъ. Число инсургентовъ, однакожъ, не постоянно; въ послѣднее время оно начало усиливаться боснійскими бѣглецами. Въ травнискомъ санджагѣ образовались небольшія четы, рекрутированные изъ сельскаго населенія, которое стало подъ знамена инсургентовъ, побуждаемое голодомъ и жестокостію мусульманъ. Крайній недостатокъ въ вооруженіи и снарядахъ мѣшаетъ, однакожъ, дружнымъ дѣйствіямъ боснійскихъ инсургентовъ. Изъ Клича телеграфъ сообщилъ отъ 29 сентября (11 октября), что отрядъ Деспотовича взялъ въ Босніи турецкую крѣпость Лискне, къ югу отъ Ливно, а въ турецкомъ мѣстечкѣ Бускобрато захвачены военные снаряды и пушки.

Что касается борющихся силъ, то они непрерывно подкрѣпляются. Изъ Бѣлграда телеграфируютъ, что русскіе прибываютъ ежедневно въ Сербію сотнями. Лучшій выборъ прибывающихъ доставляютъ комитеты. Изъ Москвы получаютъ обмундировка, а также, въ виду предстоящей зимы, полушубки и сапоги. Недавно прибыло 500 человекъ прусскихъ уланъ. Организуется прусская батарея.

Ибарская армія, во главѣ своего достойнаго предводителя, генерала Новоселова, дѣйствуетъ успѣшно. Такъ, турки, напавшіе на ибарскую армію 12 (30) октября были отброшены, причемъ сраженіе продолжалось около часу.

На черногорскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій произошло въ теченіе прошлой недѣли нѣсколько нападеній турокъ на черногорскіе шанцы. Цѣль этого нападенія выяснилась. Это былъ просто маневръ, назначеніемъ котораго было прикрыть отступленіе турокъ къ Требинью. Маневръ разсчитанъ былъ довольно ловко. Но черногорцы поняли его значеніе. Они отбросили турецкій отрядъ, посланный для демонстраціи, и потомъ перешли къ полному встречному нападенію на турокъ. Черногорцы гнали и преслѣдовали Мухтара-пашу до самой черногорской границы близъ Клобука, гдѣ обѣ стороны заняли шанцовыя позиціи, на протяженіи 10 верстъ по фронту.

Затѣмъ, на прошлой недѣлѣ происходила 25 сентября (7 октября) кровопролитная битва при Янковой Клиссулѣ, продолжавшаяся цѣлый день. Лазаръ Чолакъ-Античъ, командовавшій сербскими войсками, велѣлъ ударить турокъ въ штыки и прогналъ ихъ со всѣхъ ихъ позицій. Затѣмъ, турки были вытѣснены изъ всѣхъ деревень, расположенныхъ въ долину Топлицы. Также взяты сербами деревни: Чукале, Музачъ, Гургушь, Пратица, Сольточево, Влакинья, — которая, болѣею частью, уже укрѣплена. Эти укрѣпленныя теперь деревни находятся въ разстояніи 6 часовъ отъ турецкой территоріи.

Въ эту минуту, какъ мы пишемъ эти строки, получено извѣстіе, что турки сосредоточиваютъ огромныя силы у Болевца и Зайчара. Результатъ предстоящихъ здѣсь упорныхъ, по всей вѣроятности, битвъ—впереди.

Придворныя извѣстія.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано: Ея Императорское Высочество, Государыня Великая Княгиня Марія Павловна, 30-го сентября въ 7^{1/2} час. утра, благополучно разрѣшилась сыномъ, наименован-

нымъ при святой молитвѣ Кирилломъ. Состояніе здоровья Ея Высочества, какъ равно и высоконоворожденнаго Великаго Князя Кирилла Владиміровича удовлетворительно.

С М Ъ С Ъ .

Рѣчь профессора Вирхова. При открытіи лекцій въ берлинскомъ лицѣ Викторіи, профессоръ Вирховъ сказалъ рѣчь,

содержаніе которой мы въ сокращеніи приведемъ, имѣя въ виду развивающееся у насъ стремленіе женщинъ къ высше-

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 42

1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 18 Октября 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1877 годъ.

Въ виду приближенія времени подписки на 1877 г., мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ воспользоваться возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ, въ виду того, что приготовленіе около 18,000 печатныхъ адресовъ для иногородныхъ подписчиковъ потребуетъ много времени. При возобновленіи подписки просимъ покорно **высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей**, въ которыхъ подписчики получаютъ „НИВУ“ въ нынѣшнемъ 1876 году.

Подписная цѣна «Нивы» на 1877 г.	I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ .	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВУ: черезъ книжные магазины	4 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи «НИВЫ» въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

Подписка на 1876 г. продолжается и каждый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе номера и премію.

При этомъ № особо высылается въ картонныхъ футлярахъ нашимъ годовымъ подписчикамъ **ПРЕМІЯ** за 1876 годъ: «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА». Картина эта, длиною въ 16 и шириною въ 12½ в., отпечатанная олеографическимъ способомъ 20 тонами красокъ, соединяетъ въ себѣ превосходный колоритъ, красоту рисунка, экспрессию лицъ и живописную характерность взаимнаго соотношенія фигуръ. Не распространяясь болѣе о достоинствахъ этой картины, считаемъ тѣмъ не менѣе нужнымъ замѣтить, что отпечатаніе ея было сопряжено съ большими трудностями, вслѣдствіе большого числа тоновъ красокъ, требовавшихся для ея исполненія, и что до сихъ поръ ни одинъ въ Россіи журналъ не далъ своимъ подписчикамъ такой, какъ по цѣнѣ, такъ и по достоинствамъ преміи. Разсылая эту премію нашимъ подписчикамъ, мы вполнѣ надѣемся заслужить ихъ вниманіе и позволяемъ при этомъ дать совѣтъ, осторожнѣе вынимать картину изъ футляра.

Село въ тверской губерніи. Рис. съ природы, А. де-Баръ, грав. Панцмаеръ.

По поводу картины „Спящая красавица“.

Творчество народовъ, выражающееся въ мифологіи, или олицетвореніи понятій отвлеченныхъ, можетъ принимать различныя формы: мы знаемъ главнѣйше три формы такого народнаго мифа: сказку, пѣсню, былинку. Эти элементы мифа составляютъ содержаніе общечеловѣческой мифологіи. Еще недавно явилась наука, такъ называемая сравнительная мифологія, достигшая уже богатыхъ результатовъ. Она доказала, что въ общей колыбели индо-европейскихъ народовъ, въ Азіи, родились тѣ первые поэтическіе мотивы, въ которыхъ высказываются вѣрованія, понятія и міросозерцанія первоначальнаго единичнаго арійскаго народа. Арійцы переселились въ Европу и перенесли туда съ собою мифы, родившіеся въ азиатской ихъ родинѣ. При новыхъ вліяніяхъ эти мифы получили въ Европѣ своеобразную форму и развитіе, сохранивъ, однакожь, вездѣ коренныя черты своей первоначальной основы.

Существуютъ въ Европѣ главнымъ образомъ *два* теоріи происхожденія мифовъ, т. е. сказокъ и былинъ, теорія перехода и заимствования ихъ отъ опредѣленнаго центра, гдѣ они зародились, и теорія ихъ самобытнаго происхожденія у каждаго народа. Въ защиту, а такъ же и для опроверженія той или другой теоріи писано очень много, особенно братьями Гриммами и ученымъ Ганомъ (теорія противоположная заимствованію и странствованію мифовъ). Ганъ составилъ даже огромную таблицу для опроверженія теоріи заимствования и недавно, почти надняхъ, вышелъ въ свѣтъ его капитальный трудъ по этому предмету. Не пускаясь въ характеристику воззрѣній Гана и Гриммовъ и противоположныхъ имъ, что заняло бы много мѣста, замѣтимъ, что мифы могли и странствовать изъ своей центральной колыбели, Индіи, доказательство чего мы видимъ въ томъ, что многія сказанія у разныхъ народовъ Европы носятъ буддистскій отпечатокъ. Затѣмъ, творческая сила какого либо народа уже перерабатывала пришедшій къ нему мифъ по своему, налагала на него самобытный колоритъ, и это какъ нельзя болѣе понятно въ силу моральнаго единства человѣческаго рода. Въ богословскомъ ученіи буддистовъ весьма осязательно лежитъ, на примѣръ, нравственная идея о *всеобщемъ братствѣ*. Затѣмъ важную роль въ восточныхъ сказаніяхъ играетъ младшій братъ къ старшимъ, своею безграничною къ нимъ любовью. Мы знаемъ, что младшій братъ играетъ важную роль, на примѣръ, и въ нашихъ сказаніяхъ. Такимъ образомъ становится весьма вѣроятнымъ, что азиатскіе мифы перешли изъ Индіи путемъ широко распространеннаго въ Азіи буддизма въ Европу. Но здѣсь онъ во многомъ утратилъ свой восточный колоритъ, особенно у насъ. Элементъ роскошно-фантастическаго, переливы красокъ, яркость—у насъ утратились; у тевтонскихъ племенъ, какъ доказали Гриммы, элементъ чудеснаго получилъ сурово-важный оттѣнокъ; наша же, русская народная фантазія любитъ реальность и перерабатываетъ въ этомъ смыслѣ все фантастическое; и въ самомъ дѣлѣ, кромѣ сказкъ о „Садко купцѣ, богатомъ гостѣ“, который сходитъ къ подводному царю, дѣйствіе въ нашихъ сказкахъ и былинахъ

совершается на землѣ, при реальныхъ условіяхъ. Какой-нибудь конь, у котораго „изъ поздрей пламя пышетъ, поднимается выше лѣсу стоячаго, пониже облака ходячаго“—но вотъ почти и только фантастическаго въ нашихъ сказкахъ. Остальное—реально или по крайней мѣрѣ близко къ реальности. Надо, однакожь, сказать, что куда бы мы, при анализѣ мифовъ, ни обращались: въ Индію, въ Германію, на югъ—въ Италію или Испанію и проч., нашли бы, что собственно первобытныи *остовъ* мифа вездѣ одинаковъ. Ни романскіе, ни тевтонскіе народы, ни славяне, не построили его каждый по своему; въ этомъ смыслѣ существуетъ полнѣйшее единство мифовъ у всѣхъ народовъ.

Обращаемся затѣмъ къ занимающему насъ предмету, т. е. къ „красотѣ“ или точнѣе къ „спящей красавицѣ“, къ тому смыслу, который ей придается въ общенародныхъ мифахъ. Идея красоты, какъ существенный жизненный элементъ, проникаетъ всѣ мифы вообще, и чѣмъ болѣе народъ представляетъ данныхъ для своего духовнаго развитія, тѣмъ поэтичнѣе, изящнѣе, трогательнѣе эта сторона народнаго мифологіи. Соотвѣтственно реальнымъ воззрѣніямъ, на примѣръ, нашей русской мифологіи, „*спящая красавица*“—обыкновенно въ нашихъ народныхъ сказкахъ „царевна“—созданіе реальное, роскошно раскинувшееся во время сна, съ ярко-румяными щеками, съ волосами заплетенными косою, съ полуоткрытыми глазами.

Поэтъ можетъ объективировать народное воззрѣніе на извѣстное явленіе, но онъ можетъ и возвысится надъ міросозерцаніемъ своего народа, которое часто весьма наивно и не полно и въ которомъ трудно указать связь съ общечеловѣческимъ міросозерцаніемъ, но которое несомнѣнно существуетъ, какъ скоро существуетъ единство нравственной идеи въ человѣчествѣ. Съ этой точки зрѣнія, наивно народное сказаніе о „спящей красавицѣ“ вступаетъ въ область „общечеловѣческой мифологіи“, и идея этого мифа получаетъ свою законную глубину. Для объясненія народныхъ мифовъ съ этой точки зрѣнія, нужны Платоны, Лессинги и проч. и творческіе силы въ родѣ Софокла въ древнемъ мірѣ, Шекспира, Гете и Байрона въ новомъ.

Съ этой точки зрѣнія сказаніе о „спящей красавицѣ“ заключаетъ въ себѣ идею о вѣчности красоты—пусть погибнетъ извѣстная форма красоты, но сама красота, какъ абсолютная сущность прекраснаго, умереть не можетъ. Она вѣчно открываетъ свои чарующіе, всепокоряющіе очи, одушевитъ многихъ на трудной житейской дорогѣ, будетъ вѣчнымъ спутникомъ человѣчества, покамѣстъ существуетъ это человѣчество. Формы красоты быстро смѣняются, но сама она, — не какъ отвлеченное понятіе, а какъ квинтъ - эссенція формъ, доступныхъ нашему созерцанію, отчасти закрѣпленная въ мраморѣ, на полотнѣ, въ созданіяхъ поэтовъ—она будетъ вѣчно возникать какъ Фениксъ изъ пепла, въ безконечномъ разнообразіи все новыхъ, и новыхъ роскошныхъ формъ. Это неизбѣжный жребій красоты.

М. С.

Нѣсколько словъ о способѣ печатанія картинъ красками.

Для тѣхъ изъ гг. подписчиковъ, которые не знакомы со способомъ печатанія картинъ масляными красками, мы находимъ небезполезнымъ сказать нѣсколько словъ о громадныхъ трудахъ, сопряженныхъ съ этой работой.

Мы уже, въ № 21 журнала, сказали, для отпечатанія 25,000 экз. нашей преміи, въ 20 тонахъ красокъ, нужно сдѣлать 500,000 оттисковъ; такимъ образомъ литографу приходится пускать въ печать каждую картинку 20 разъ, наблюдая при этомъ, чтобы картинка ложилась на камень каждый разъ совершенно точно. Нужно за гнѣтить, что для достиженія этого требуется необыкновенная

аккуратность. Бумага, прежде наложенія на ней какой-либо изъ красокъ, должна быть доведена до извѣстной степени сырости, вслѣдствіе чего она удлиняется отъ 1 до 2 линій и болѣе (смотря по размѣру бумаги). По отпечатаніи картинны одной краской, необходимо дать ей высохнуть и только тогда приступать къ наложенію второй краски, доведя бумагу опять до состоянія прежней сырости, чтобы увеличеніе ея подъ машиной вполнѣ согласовалось съ прежнимъ. Весьма понятно, что приведеніе бумаги въ извѣстную степень сырости, при наложеніи каждой краски, очень трудно, такъ какъ при этомъ необходимо при-

нимать въ расчетъ и степень влажности атмосфернаго воздуха, часть влаги котораго поглощается бумагой, или наоборотъ, поглощеніе воздухомъ влажности бумаги. Кромѣ того, неправильность наложенія бумаги возможна и оттого еще, что двѣ иглы, показывающія мѣсто, на которое должна быть наложена бумага печатающей картины, могутъ отъ постояннаго наложенія и сниманія ея расширять на ней тѣ отверстія, гдѣ они прикрѣпляются, и отъ этого бумага можетъ принять неправильное положеніе, а вслѣдствіе этого можетъ получиться и неправильный оттискъ. Достаточно ничтожнаго расширения того отверстия, гдѣ находится игла—и оттискъ испорченъ.

Засимъ, очень трудно опредѣлить, съ математическою точностью и то количество краски, какое необходимо наложить на камень для печатанія картины: краски легко можно наложить болѣе или менѣе, потому что она накладывается на камень ручнымъ способомъ, а не такъ какъ въ большой типографской машинѣ, гдѣ краска, переходя съ вала на валь, ложится на

наборъ совершенно ровно и въ требуемомъ количествѣ. Въ ручной машинѣ, наложеніе на камень краски представляетъ большія трудности и при недостаточномъ навыкѣ мастера можетъ очень дурно отразиться на достоинствѣ картины. Это тѣмъ болѣе трудно, что въ самый моментъ наложенія красокъ нельзя рѣшить, въ томъ ли количествѣ они кладутся, какое нужно, ибо только по наложенію на картину всѣхъ красокъ можно судить, что той или другой изъ нихъ взято неадекватное количество, и что, слѣдовательно, картина не вполне удалась.

Изъ всего этого выходитъ, что то число картинъ, которое мы при этомъ № разсылаемъ, въ общемъ итогѣ, должно было пройти болѣе милліона разъ черезъ руки исполнителей, и что, только благодаря строгой регулярности веденія работы и массѣ благопріятныхъ обстоятельствъ, картина эта могла въ настоящемъ ея видѣ и своевременно быть представленной на благосклонный судъ читателей «Нивы».

Т ВЕРСКАЯ ГУБЕРНІЯ И ЕЯ ПРОМЫСЛЫ.

Прежде чѣмъ разсказать читателямъ о сельскихъ жителяхъ и ихъ промыслахъ въ Тверской губерніи, считаемъ нужнымъ замѣтить, что Тверская губернія одна изъ среднихъ великороссійскихъ, находится между Новгородской, Ярославской, Владимирской, Московской и Смоленской. До своего преобразованія въ 1776 году въ одно изъ первыхъ намѣстничествъ имперіи, она составляла часть огромной, Новгородской губерніи и также часть Московской.

Всѣ нынѣшніе уѣзды Тверской губерніи входили въ составъ ея съ прибавленіемъ еще Красно-Холмскаго уѣзда, который впоследствии былъ упраздненъ. Теперь Тверская губернія имѣетъ 12-ть уѣздовъ: Тверской, Весьегонскій, Бѣжецкій, Вышневолоцкій, Карчевскій, Капшинскій, Новоторжскій, Осташковскій, Ржевскій, Зубцовскій и Старицкій. Пространство Тверской губерніи до 56,500 кв. верстъ.

Эта губернія весьма замѣчательна въ гидрографическомъ отношеніи; въ ней беретъ начало и протекаетъ по восьми уѣздамъ Волга, съ многочисленными притоками, въ ней разбѣганы во множествѣ озера, питающія рѣки; наконецъ заключается главное средоточіе системы водянаго сообщенія Каспійскаго моря съ Балтійскимъ. Богатство водъ доставляетъ Тверской губерніи выгоды удобнаго сообщенія съ различными частями имперіи, черезъ Тверскую губернію водянымъ путемъ провозятся въ Петербургъ произведенія большей части юго-восточнаго и восточнаго края Россіи.

Но богатая въ гидрографическомъ отношеніи, эта губернія бѣдна естественными произведеніями. Почва ея наполнена болотами, мхами, озерами, съ сѣвера до Волги поверхность усяна булыжникомъ, иногда валунами огромныхъ размѣровъ, преимущественно изъ гранита; къ Волгѣ они постепенно уменьшаются. По уѣздамъ Ржевскому, Старицкому, Новоторжскому проходятъ цѣли холмовъ. Самый возвышенный изъ всѣхъ уѣздовъ Осташковскій, въ которомъ находятся верховья Волги и Западной Двины. Кромѣ обширныхъ болотъ въ Тверской губерніи много песковъ. Почва глинисто-песчаная и очень бѣдная.

Климатъ въ сѣверной полосѣ губерніи сходствуетъ съ Петербургскимъ, въ южной—съ Московскимъ. Вообще очень неспокойный. Вѣтры чаще—сѣверо-восточные и сѣверо-западные.

Лѣтомъ земледѣльцы жалуются на засуху или на дожди. Осенніе холодные проливные дожди также оказываютъ вредное вліяніе на всходы озими. Болѣе хлѣбороднымъ въ сравненіи съ другими считается Бѣжецкій уѣздъ. Сѣются: рожь обыкновенная и ваза, овесъ русскій и англійскій многоплодный, ячмень, пшеница, горохъ и гречиха. Посѣвъ льна и конопли незначительный. Главный пунктъ для пеньковой промышленности есть Ржевъ. Ржевъ на Волгѣ самый богатый въ губерніи городъ и рѣчная пристань. Скотоводство по незначительности луговъ не важно. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ занимаютя изговленіемъ сыра. Сыръ, приготовляемый въ имѣніи князя Мещерскаго, считается лучшимъ и извѣстенъ всей Россіи. Плотно ткутъ по деревнямъ не только для собственного употребленія, но и для сбыта купцамъ. Въ Бѣжецкомъ и Весьегонскомъ уѣздахъ изготовляется значительное количество холщевыхъ мѣшковъ.

Кожевенные заводы въ губерніи доставляютъ возможность сельскимъ обывателямъ сбывать древесную кору въ большомъ количествѣ, которой особенно изобилуетъ Осташковскій уѣздъ. Судостроеніе въ губерніи весьма дѣятельно и обиліе въ лѣсахъ способствуетъ развитію этой промышленности. Въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, въ селѣ Есиповичахъ и окрестныхъ деревняхъ производится большая выдѣлка деревянной посуды.

Число жителей Тверской губ., безъ различія пола до 1,939,580. Купечество Тверской губерніи производитъ огромные обороты. Самые значительные капиталы сосредоточены въ рукахъ купцовъ, которые извлекаютъ большіе выгоды торгуя хлѣбомъ и пенькою, и гораздо менѣе замахаются другой какой-либо промышлен-

ностью. Въ частной жизни большая часть купцовъ удержали во всей чистотѣ старинныя преданія, пища ихъ самая простая, убранство комнатъ блеститъ золотомъ и поражаетъ безвкусіемъ; купеческія жены и дочери ведутъ почти затворническую жизнь. Многие изъ богатыхъ купцовъ, особенно ржевскихъ и новоторжскихъ, старообрядцы.

Въ Тверской губерніи живутъ Корелы и небольшое число цыганъ. Корелы народъ финскаго происхожденія и говорящій однимъ изъ нарѣчій финскаго языка. Неизвѣстно положительно, когда и почему они переселились въ Тверскую губернію, но можно доказать несомнѣнными фактами, что это переселеніе случилось ранѣе времени Петра Великаго. Въ образѣ жизни, въ одеждѣ и степени образованія, корелы, живущіе въ Тверской губерніи, ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ своихъ сосѣдей и хотя между собою не употребляютъ другого языка, кромѣ корельскаго, но всѣ умѣютъ хорошо говорить по русски.

Изъ городовъ Тверской губерніи, одинъ изъ лучшихъ губернскихъ городовъ Россіи городъ Тверь, при впаденіи въ Волгу рѣки Тверцы, торговый и фабричный городъ. Огромныя бумагопрядильни и кожевенные заводы. Въ Тверской соборной церкви Преображенія Господня почиваютъ мощи великаго князя Михаила. Въ Отроч-монастырѣ былъ заточенъ знаменитый Максимъ грекъ и кончилъ жизнь св. Филиппъ митрополитъ.

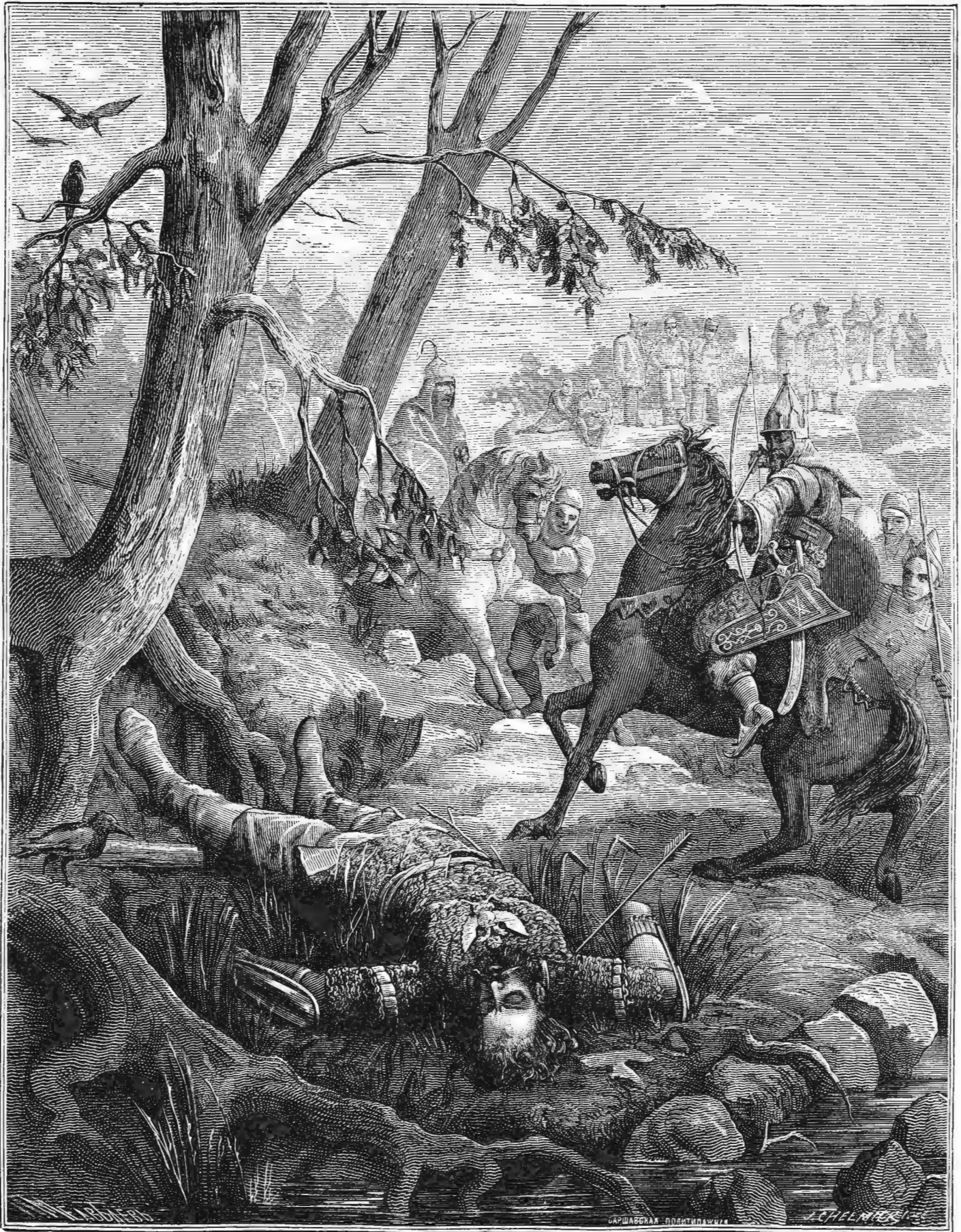
Сельскіе жители Тверской губерніи наружнымъ видомъ похожи болѣе на финское чѣмъ на славянское племя. Вообще они средняго роста, чаще переходящаго въ низкій, чѣмъ въ высокій, цвѣтъ волосъ болѣе рыжеватый, глаза сѣрые, носъ рѣдко правильный. Всѣ эти характеристическія признаки племенію особенно явственны между женщинами. Близость обихъ столицъ, множество торговыхъ путей, пересѣкающихъ губернію и, наконецъ, большое стеченіе народа со всѣхъ концовъ Россіи—все это имѣло большое вліяніе на умственный уровень тверскихъ крестьянъ. Между ними встрѣчается менѣе предразсудковъ и менѣе предубѣжденій противъ нововведеній, чѣмъ между жителями другихъ губерніи. Хотя Тверская губернія преимущественно земледѣльческая, но наклонность къ другимъ отраслямъ промышленности обнаруживается съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Можно сказать, что крестьяне занимаютя хлѣбопашествомъ только для прокормленія себя; для уплаты же повинностей и удовлетворенія прочимъ потребностямъ, они добываютъ деньги различными промыслами.

Бѣдная природа края требуетъ тяжкаго труда, чтобы вознаграждать земледѣльца жертвою; тамъ, гдѣ земля плодороднѣе, жители трудолюбивѣе; гдѣ она скудна, тамъ—получаютъ отвращеніе къ работѣ. Это можно видѣть въ Осташковскомъ уѣздѣ, въ части, прилегающей къ Псковской и Новгородской губерніямъ, составляющей самую неплодородную сторону. Единственнымъ занятіемъ, которымъ осташковцы охотно занимаютя, есть рыбная ловля. Осташки обыкновенно уходятъ добывать деньги въ города—Ревель, Нарву, Ладугу, Кронштадтъ. Въ уѣздахъ, лежащихъ по теченію рѣки Волги, сельскіе жители нанимаются работать на проходящихъ судахъ. Они распределяютъ свои полевныя работы такъ, чтобы быть свободными при проходѣ судовъ и на это время цѣлыя деревни пустѣютъ.

Особенное развитіе умственныхъ способностей тверскихъ поселянъ рѣзко выражается въ самомъ образѣ ихъ разговора. Народный языкъ болѣею частью правиленъ и способенъ къ передачѣ понятій, не рѣдко чуждыхъ поселянамъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Особенности въ нарѣчій слѣдующія: въ Осташковскомъ и частію въ Новоторжскомъ буква *ч* вездѣ замѣняется *ц* (цѣловѣкъ). Въ Новоторжскомъ и частію въ Вышневолоцкомъ *ь* произносится какъ *и* (мнѣ, гдѣ, вмѣсто мнѣ, гдѣ). Въ Весьегонскомъ и Бѣжецкомъ произношеніе сходствуетъ съ вологодскимъ въ частомъ употребленіи гласной *о*. Вообще языкъ чище въ деревняхъ, находящихся на торговыхъ путяхъ.

Торжество Ермана. (Пріємъ взятаго имъ въ плѣнь царевича Магметъ-Кула, въ октябрѣ 1581 г.).
Рисов. Медвѣдевъ, грав. Швальскій.

Участъ Ермава. (Подъѣхъ татаръ и остяковъ надъ его трупомъ, вытащеннымъ изъ воды въ августѣ 1584 г.).
Рис. Медвѣдевъ, грав. Хельницкій.

Княжна Острожская.

Историческая повесть В. С. Соловьева.

Часть первая.

(Продолжение).

Княгиня, несмотря на все свое бѣшенство, ее выслушала.

— Ну что-жь! ну такъ и есть! позоръ и срамъ... бѣжить съ пиру, при всемъ народѣ, на глазахъ всѣхъ, съ молодымъ мужчиной въ темный гротъ... выслушиваетъ признанія, сама отвѣчаетъ... быть можетъ цѣлуется...

— Да, онъ поцѣловалъ меня и я его тоже, — вдругъ сказала Гальшка.

Ярость княгини дошла до высшаго предѣла. Она не помнила себя, она забыла всѣ приличія. Она не могла понять, что передъ нею чистая и невинная дѣвушка, непривыкшая ко лжи и обману, невидѣвшая преступленія въ поцѣлуѣ любимаго человѣка, которому беззавѣтно рѣшилась отдать всю жизнь свою.

— Прочь отъ меня, негодная! — закричала княгиня. — Я должна краснѣть за тебя, ты меня позоришь. А твоему Сангушкѣ, неотесанному литовскому медвѣдю я покажу какъ издѣваться надо мною! Знай, что тебѣ не бывать его женою, я не допущу этого! Я мать твоя, слышишь, — мать, и ты должна мнѣ повиноваться. А тебя твой дядя научилъ пренебрегать мною, — но я положу предѣлъ этому. Довольно...

Гальшка бросилась на колѣни. Она пробовала говорить, умолять, она обливалась слезами. Но все было тщетно. Княгиня даже ее не замѣчала. Переведя дыханіе она заговорила снова, нѣсколько сдержаннѣе, но, съ еще большей жестокостью:

— Вотъ мое послѣднее тебѣ слово: одумайся. Тебѣ еще слишкомъ рано распорядиться собою. Рано еще и замужъ. Выбрось изъ головы Сангушку — онъ тебѣ не пара, я не отдамъ тебя за него — клянусь тебѣ, въ этомъ, Богомъ... Оставь меня и ложись теперь спать — я тебѣ приказываю — слышишь?!

Гальшка горько взглянула на мать и ничего не увидѣла въ глазахъ ея кромѣ злобы и рѣшимости. Она слабо вскрикнула и шатаясь вышла въ сосѣднюю комнату, которая была ея спальней.

Всю ночь, напролетъ, проплакала она горькими, отчаянными слезами. Только утромъ вздремнула и поднялась съ надеждой на помощь и заступничество дяди Константина...

Около полудня князь Константинъ вышелъ къ своимъ гостямъ сумрачный и молчаливый. Онъ послалъ за Гальшкой, но княгиня Беата ее не пустила — такъ и велѣла передать ему. Посланный шляхтичъ убѣжалъ со страху къ себѣ и не смѣлъ вернуться, не смѣлъ передать князю такой отвѣтъ. Второй посланецъ доложилъ, что княжна нездорова и не выходитъ изъ комнаты.

Теперь князь Константинъ спѣшилъ показаться гостямъ и, затѣмъ, рѣшился идти самъ къ Беатѣ.

Между ними давно уже не было родственныхъ и искреннихъ отношеній, но все-же она, до сихъ поръ, соблюдала виѣшнюю любезность и даже нѣкоторую почтительность. Но на этотъ разъ она необыкновенно сухо и холодно встрѣтила князя.

— Что съ Гальшкой? мнѣ сказали — она больна?.. спросилъ Константинъ Константиновичъ.

— Нѣтъ, она не больна, но надѣлала глупостей, и я сочла нужнымъ не пускать ее туда, гдѣ только потворствуютъ этимъ глупостямъ.

Князь разсудилъ, что, самое лучшее, не обращать вниманіе на тонъ и рѣзкости взбалмошной женщины. Онъ рѣшился говорить спокойно и обстоятельно. Онъ передалъ о предложеніи Сангушки и сталъ доказывать

всѣ доводы подобной партіи. Онъ, по возможности, старался сдерживать княгиню, но скоро увидѣлъ, что съ нею не легко справиться. Она рѣшительно объявила, что и слышать ничего не хочетъ объ этой свадьбѣ, что Гальшка еще молода, что Сангушко не по сердцу ей, княгинѣ Беатѣ, что, наконецъ, она мать и вправѣ одна и по своему рѣшить это дѣло. Кончилось тѣмъ, что князь разгорячился. Объясненіе привело къ полному разрыву. Княгиня Беата сказала, что не намѣрена больше оставаться въ Острогѣ, что теперь, разумѣется, не станеть дѣлать шуму, во время празднествъ въ замкѣ, но только что разѣдутся гости, возьметъ съ собою Гальшку и переселится въ Вильну, гдѣ у нея былъ свой домъ и помѣстья. Если же князь Константинъ вздумаетъ дѣлать какія нибудь затрудненія, то она увидитъ себя вынужденной вмѣшаться въ ихъ семейныя дѣла короля и просить у него защиты.

Это были рѣчи, совсѣмъ непохожія на прежнюю Беату. Князь увидѣлъ, что она хорошо обучена ловкимъ учителемъ и легко ему было догадаться, кто этотъ учитель. Онъ понималъ, что со стороны закона — она права, что, какъ опекунъ, онъ можетъ вмѣшаться въ распоряженія относительно состоянія Гальшки, наслѣдства его брата, но удерживать силой Беату въ своемъ домѣ, не выдавать матери родную дочь — онъ не можетъ. Правда, Илья Острожскій, передъ смертью, поручилъ ему жену и дочь, наказывалъ Беатѣ жить съ семействомъ брата, взялъ даже съ нея торжественное обѣщаніе. Но, во всякомъ случаѣ, законъ тутъ не причемъ и если нельзя подѣйствовать убѣжденіемъ, то нельзя также дѣйствовать и силой.

Между тѣмъ, не могъ же онъ отдать Гальшку на вѣрную погибель, равнодушно смотрѣть на ея мученія. Чтобы спасти ее, онъ рѣшился на смѣлый поступокъ.

— Ну, если такъ, то дѣлай какъ знаешь — сказалъ онъ Беатѣ. — Разумѣется, если ты смотришь на меня какъ на врага, то намъ нельзя жить вмѣстѣ. Только помни, что ты отвѣтишь передъ Богомъ за несчастіе Гальши.

— Это ужъ мое дѣло, рѣзко замѣтила княгиня.

Константинъ Константиновичъ вышелъ отъ нея, едва сдерживая бѣшенство. Еслибъ, теперь, съ нимъ встрѣтился Антоніо, то бывшему рыцарю, навѣрное, пришлось бы узнать на своей спинѣ силу могучаго кулака литовскаго князя. Но Антоніо былъ остороженъ — не изъ трусости, а изъ благоразумія, онъ давно ужъ тщательно избѣгалъ встрѣчь съ Острожскимъ.

Въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ Гальшка, блѣдная и заплаканная бросилась къ дядѣ.

— Родной мой, голубчикъ, спаси меня, шептала она съ надеждой, глядя ему въ глаза.

Онъ не могъ видѣть эту блѣдность, эти слезы на прелестномъ лицѣ ея. Онъ не могъ подумать, что такъ или иначе, а скоро ему придется разстаться съ своей любимицей.

У него дрогнули губы и вдругъ все мужественное, грозное лицо выразило умиленность и слабость.

Онъ нѣжно, какимъ-то даже почти женскимъ движеніемъ обнялъ племянницу и нетвердымъ голосомъ шепнулъ ей:

— Сдѣлаю все, что могу, моя дѣвочка. Положись на меня, будь спокойной и молись Богу. Не противорѣчь матери...

И онъ быстро прошелъ мимо, подавляя свое волненіе.

Онъ спросилъ перваго понавшагося изъ „придворныхъ“, гдѣ отведено помѣщеніе князю Сангушкѣ и велѣлъ проводить себя къ нему.

Сангушко былъ одинъ. Онъ ждалъ, по условію, извѣстій отъ князя, ждалъ его зова. Взглянувъ на лицо входившаго Константина Константиновича, онъ вздрогнулъ—оно не предвѣщало ничего добраго.

— Ну, крестникъ, былъ я плохимъ сватомъ. Не только что дѣло твое пропало, да и себѣ нажилъ горе большое...

И князь разсказалъ все какъ было.

— Что же теперь дѣлать? спросилъ блѣдный какъ полотно Сангушко.

— А самое лучшее тебѣ позабыть Гальшку, да поискать другую невѣсту...

— Не время, князь, смѣяться? Какъ отна спрашиваю—что прикажешь дѣлать?

— Крѣпко ты любишь Гальшку? будешь добрымъ мужемъ? будешь какъ слѣдуетъ беречь ее?

Сангушко даже и не отвѣтилъ—онъ только рукой махнулъ на бесполезность подобныхъ вопросовъ.

— Ну такъ вотъ что, продолжалъ Острожскій.—Видѣлъ ты мой замокъ, видѣлъ укрѣпленія? Крѣпкая, надежная защита! А сколько, примѣрно, воиновъ можешь ты на приступить?

Сангушко сразу и сообразить не могъ, зачѣмъ это говорить князь.

А князь уже съ улыбкой смотрѣлъ на него.

— Много не нужно. Человѣкъ триста, четыреста за глаза хватитъ. Время мирное, я нападеній не ожидаю. Люди мои спать горазды, особенно коли вечеромъ хлебнуть чарку, другую. Караульщикъ и боковыя ворота иной разъ плохо запираетъ. Можно совсѣмъ въ располхъ застать, даже безъ особаго шума...

Сангушко бросился на шею князю

— То-то вы, молокососы—все учить васъ нужно, самому бы и въ умъ не пришло—признайся! ласково отстранилъ его князь.

— Сразу точно что не пришло, спасибо тебѣ; отецъ родной—и тотъ не могъ бы мнѣ большаго сдѣлать.

Затѣмъ они порѣшили, какъ всему быть, и князь взялъ на себя успокоить и уговорить Гальшку. Онъ только наказывалъ Сангушкѣ, чтобы тотъ заранѣе сговорился съ священникомъ гдѣ-нибудь въ дальнемъ селѣ, чтобы ни на часъ одинъ не откладывать вѣнчанья.

Сангушко отправилъ своего преданнаго Голынскаго въ Сорочц, вооружить отрядъ, а самъ, чтобы не подать никакого виду, еще на сутки остался въ Острогѣ.

Ему такъ и не пришлось увидѣться съ Гальшкой. Всѣмъ говорили, что она больна и не выходитъ изъ комнаты.

VIX.

Изъ Острога, по различнымъ направленіямъ, тянулись болѣе или менѣе многочисленныя поѣзды гостей княжескихъ.

Многіе изъ приглашенныхъ были встревожены извѣстіями о разбойничьихъ шайкахъ, появившихся въ разныхъ мѣстахъ Полѣсья. И какъ нарочно, зная объ огромномъ съѣздѣ въ замокъ, большинство гостей явилось только съ необходимой свитой. Женщины набодали отцамъ и мужьямъ своими страхами и толковали объ опасностяхъ возвратнаго пути. Князь Константинъ Константиновичъ, замѣтивъ эти толки и волненіе, любезно предлагалъ всѣмъ своихъ ратныхъ людей въ провожатые до безопаснаго пункта.

Кончилось тѣмъ, что весь почетный караулъ князя былъ распределенъ между гостями. Черезъ нѣсколько дней замокъ сравнительно опустѣлъ и въ немъ воцарилось какое-то уныніе. Всѣ ясно видѣли, что недоброе что-то творится въ княжескомъ семействѣ. Гальшка почти все время проводила у себя въ комнатахъ и не-

многіе, видѣвшіе ее, разсказывали, что она очень грустна и кажется нездоровой.

Княгиня Беата рѣшительно готовилась къ отъѣзду, но никто не зналъ, куда она собирается.

Константинъ Острожскій понемногу и незамѣтно дѣлалъ свое дѣло. Ему удалось наединѣ переговорить съ Гальшкой. Онъ и не ожидалъ отъ нея сопротивленія его плану, но все же былъ пораженъ ея спокойствіемъ и рѣшимостью. Вообще онъ увидѣлъ, что передъ нимъ уже не прежняя робкая и наивная дѣвочка. Она очевидно многое пережила въ нѣсколько безсонныхъ ночей. Она хорошо понимала свое положеніе. На другой день послѣ сцены съ матерью, она снова пробовала уговорить ее и умилостивить, но встрѣтила еще болѣе жесткій отпоръ и увидѣла, что съ этой стороны не остается никакой надежды.

Тогда и въ Гальшкѣ проснулась энергія и рѣшимость. Она знала о ссорѣ матери съ дядей; знала, что Беата хочетъ увезти ее въ Вильну. Ей было страшно подумать о томъ, что съ нею тамъ будетъ. Лучше смерть, чѣмъ такая жизнь, вдали отъ всего роднаго и близкаго, безъ всякой надежды на счастье. Разумѣется, будучи еще почти ребенкомъ, совершенно незнакомя съ исторіями о разныхъ романическихъ приключеніяхъ, она никогда не могла бы придумать для себя плана спасенія. Она, нѣсколько успокоенная дядей, ждала отъ него и отъ Сангушки себѣ помощи. Дядя объяснилъ ей ясно и во всѣхъ подробностяхъ, что другаго исхода ей нѣту, кромѣ побѣга и тайнаго вѣнчанья. Нападеніе на замокъ, увозъ Гальшку силой, снимали и съ него, какъ съ опекуна, всякую отвѣтственность. А ужъ если она будетъ обвинена съ Сангушкой, то ее трудно будетъ разлучить съ нимъ и врядъ ли король вступится въ это дѣло. Долго толковали они. Гальшка рѣшилась. Она любитъ князя Дмитрія Андреевича. Только съ нимъ и можетъ быть ея счастье. А если дядя самъ ее благословляетъ, такъ что же ей сомнѣваться. Къ назначенному часу она будетъ готова.

Разумѣется ей страшно передъ этимъ неизвѣстнымъ будущимъ, передъ грозящими опасностями. Ей больно, что мать родная стала врагомъ ея... Но пусть будетъ, какъ совѣтуетъ дядя, пусть будетъ, что угодно Богу.

Княгиня Беата изумлялась, вида спокойствіе дочери. Она ждала сценъ, отчаянья, плача. А тутъ ничего такого не было, только строгое, поблѣднѣвшее лицо, молчаливость и покорность. Она совѣтовалась съ Антонію. Онъ самъ былъ удивленъ не меньше. Онъ не сомнѣвался, что князь Константинъ успѣлъ успокоить Гальшку и подать ей надежду. Но въ чемъ состояла эта надежда? Что замышляютъ Острожскій и Сангушко? Монахъ останавливался на всевозможныхъ предположеніяхъ, но до истины, какъ это всегда почти бываетъ, не могъ дойти. Онъ только торопилъ Беату отъѣздомъ. Съ переѣздомъ въ Вильну всѣ планы противной стороны становятся неопасны. И въ тоже время Антонію писалъ подробныя донесенія Лайнецу. Его миссія была исполнена; онъ уже сообщилъ все, чѣмъ интересовались въ Римѣ, онъ успѣлъ совратить въ латинство многихъ изъ жителей замка, завелъ тайныя сношенія съ нѣкоторыми изъ шляхтичей, сильно подѣйствовалъ на душу сыновей князя Константина. Въ Острогѣ, при рѣшительномъ характерѣ владѣльца, при его враждебномъ расположеніи къ іезуиту, трудно было сдѣлать больше и дальнѣйшее пребываніе даже оказывалось опаснымъ. Вырвавъ Беату изъ подъ вліянія Острожскаго, забравъ въ руки Гальшку, слѣдовало непременно ѣхать какъ можно дальше. Вильна была удобна во всѣхъ отношеніяхъ. Кромѣ того, онъ уже зналъ, что съ этого пункта начнется дѣятельность въ Литвѣ его орденскихъ братьевъ...

Отъѣздъ Беаты былъ назначенъ черезъ три дня. Княгиня не рѣшалась запираеть дочь, и Гальшка все это

последнее время проводила на половине князя, съ теткой и двоюродными братьями. Мальчики не могли понять ея слезь и ужасно завидовали ей, что она уѣзжаетъ изъ Острога, который, подъ влияніемъ дружбы Антонію, начиналъ казаться имъ скучнымъ и ненавистнымъ...

Вечеромъ, передъ закатомъ солнца, Константину Константиновичу доложили, что пріѣхалъ гонецъ съ письмомъ отъ князя Сангушки. Онъ велѣлъ его звать. Вошелъ Ѳедя, разгорѣвшійся отъ скорой ѣзды, взволнованный и смущенный. Онъ подалъ князю письмо.

Вотъ что писалъ Сангушко:

„Стою съ своими людьми на часъ разстоянія отъ Острога. Если все ладно, буду о полуночи. Обо всемъ передай на словахъ моему Ѳедѣ. Онъ малый толковый“.

Князь помнилъ Ѳедю еще маленькимъ мальчикомъ въ Сорочахъ. Не безъ изумленія онъ взглянулъ на него.

— Видно мало людей у твоего князя, что онъ тебя съ такимъ дѣломъ посылаетъ, проворчалъ онъ.

Ѳедѣ было очень обидно слышать слова эти. Онъ чуть не на колѣняхъ умолялъ Сангушку послать именно его. Посвященный во всѣ тайны онъ находилъ теперь мучительное наслажденіе способствовать счастью Дмитрія Андреевича и Гальшки. Ему хотѣлось только опасностей, жаркаго бою, хотѣлось умереть за нихъ обоихъ...

— Дѣлать нечего— приходится и съ тобою вести дѣло, все также сурово замѣтилъ Острожскій.

И онъ передалъ ему, что нужно. Калитка у боковыхъ воротъ замка, со стороны дѣса, будетъ открыта. Люди Сангушки должны входить какъ можно тише. Пусть захватятъ съ собой лѣстницу— княжна будетъ ожидать на своемъ балконѣ.

Черезъ четверть часа Ѳедя уже мчался изъ замка. Сознаніе его важной роли нѣсколько помогало ему забыться. Онъ свернулъ въ дѣсъ и внимательно изучалъ всѣ тропинки...

А въ это время князь Константинъ Острожскій прощался съ своей Гальшкой. Несмотря на вѣроятный успѣхъ дѣла, онъ зналъ какимъ случайностямъ она подвергалась. Долго не могъ онъ отъ нея оторваться. Набожно крестилъ онъ ее и шепталъ молитву. А свѣтлые глаза его застилали непослушныя слезы.

— Да хранить тебя Богъ, Гальшка, наконецъ ска-

заль онъ.—При первой возможности присылай вести— иначе не буду спокоенъ. И такъ ужъ много беру на себя; но другаго тебѣ спасенія не могъ придумать.

Княжна, вся въ слезахъ обнимала его и съ дочерней нѣжностью цѣловала его руки.

Они разстались.

Князь мѣрными шагами отправился на свою обычную вечернюю прогулку. Всѣ въ замкѣ знали, что онъ любилъ гулять передъ сномъ въ ясный вечеръ и встрѣчные почтительно давали ему дорогу. Онъ подошелъ къ зданію, въ которомъ помѣщались люди его отряда. Большая часть ихъ еще не вернулась съ провода гостей.

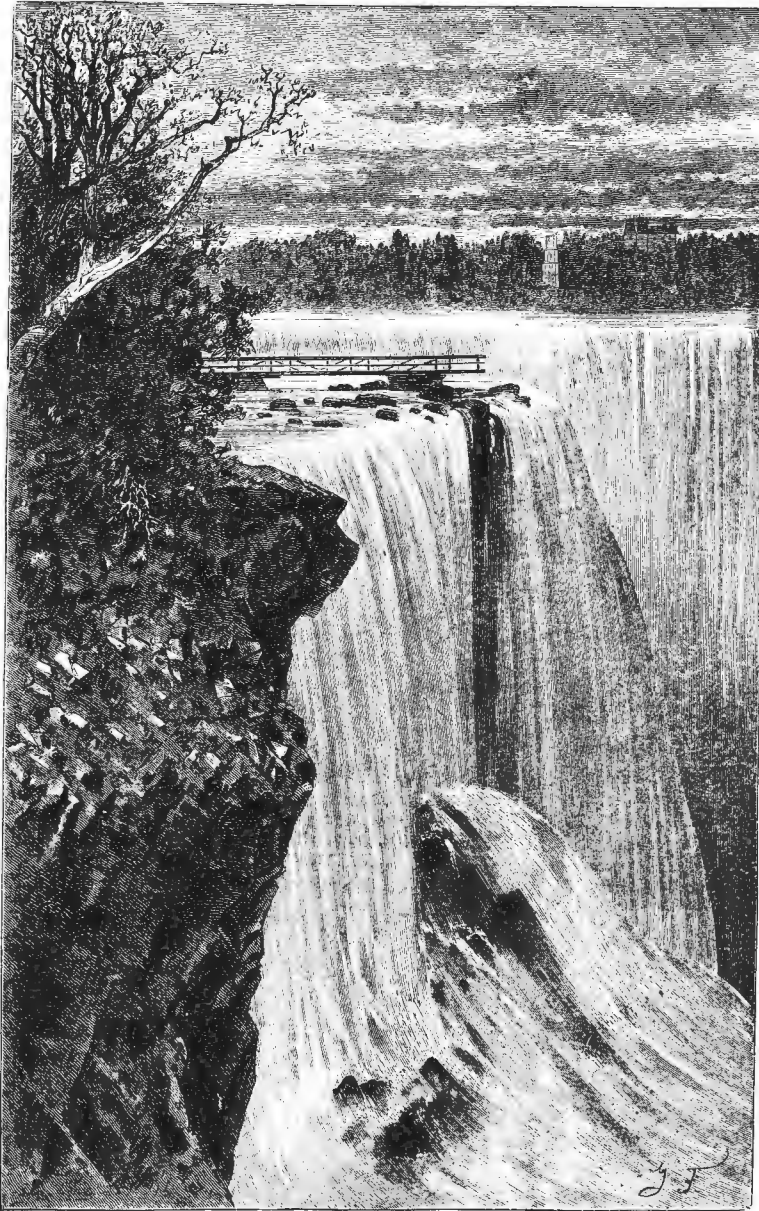
Князь остановился и прислушался. Доносились веселыя пѣсни и шумный говоръ. Воины пировали, и на этотъ разъ не безъ вѣдома князя. Константинъ Константиновичъ довѣрился старому, преданному слугѣ, занимавшему въ замкѣ должность главнаго, почетнаго ключника, тотъ горячо вошелъ въ интересы Гальшки и теперь отлично обдѣлывалъ дѣло. Храбрые воины и многіе изъ „придворныхъ“ самымъ мирнымъ образомъ „пробовали“ только что полученныя вина и старый медъ изъ погребовъ замка...

Князь видѣлъ какъ нѣсколько фигуръ сходило пошатываясь съ крыльца и разбрелось въ разныя стороны, во свояси. Онъ пошелъ дальше и скоро очутился у такъ называемыхъ „лѣсныхъ воротъ“. Солдаты караульный спалъ крѣпкимъ сномъ, мертвецки пьяный. Константинъ Константиновичъ осторожно отодвинулъ тяжелые засовы и медленно вернулся къ себѣ. Черезъ часъ мертвая тишина водворилась въ замкѣ. Всѣ спали...

Княжна Гальшка вышла на балконъ своей спальни. Души-

стая, влажная ночь обступила ее сумракомъ. Она оперлась на холодныя перила балкона и не замѣчала какъ слезы ея капали одна за другою. Ей было и горько и страшно. Она пробовала молиться, но мысли ея не могли сосредоточиться на словахъ молитвы. Тоска щемила ей сердце. Она ждала и слушала, и минуты казались ей часами...

Между тѣмъ, у опушки безконечнаго, дѣвственнаго дѣса, подходившаго почти къ самому замку, замѣтно было осторожное движеніе. На небольшую полянку, съ которой видѣнъ былъ замокъ, съ двухъ сторонъ съѣзжалась тѣсная толпа всадниковъ. Вотъ почти половина

Водопадъ Ніагара. Рис. И. Гердеръ, грав. Земанъ.

Этюдъ съ натуры (Время отдыха). Картина Рудо, граф. Лохъ. Библиотека "Руниверс"

ихъ, человекъ триста, спѣшились и отдали коней отварицамъ. Все уже заранее было условлено между ними. Сангунко отдавалъ послѣднія приказанія.

Спѣшившіеся воины стали строиться въ ряды и попарно выходили изъ лѣсу, направляясь къ воротамъ замка. Все было тихо. Пропустивъ мимо себя человекъ двѣсти, Сангунко выѣхалъ вслѣдъ за ними съ Ѳедей и Галынскимъ.

Передовые воины были уже у калитки. Они почти

неслышно отворили ее и стали проходить во дворъ замка. Караульный даже и не пошевелился—онъ храпѣлъ на всѣ лады, растянувшись поперегъ тропишки, такъ что воинамъ приходилось обходить его. Они шопотомъ отпускали на его счетъ шутки. Стараніями предусмотрительнаго ключника кругомъ не было ни одной собаки, а огромный волкодавъ, постоянно привязанный на цѣпи у калитки, лежалъ безъ дыханія въ конурѣ, попробовавъ чего-то страшнаго въ своей вечерней пицѣ.

(Продолженіе будетъ.)

Ермакъ—покоритель Сибири.

Имя Ермака стоитъ надъ всею Сибирью, сохраняется въ названіяхъ урочищъ, живетъ во всей Руси православной въ пѣсняхъ народныхъ. Богатырь этотъ родился въ вотчинѣ именитыхъ Строгановыхъ. Дѣдушка Ермака, Аонасій Григорьевъ Аленинъ, жилъ очень бѣдно, былъ онъ посадскимъ въ городѣ Суздали и занимался извозомъ, возилъ даже разбойниковъ въ Муромскомъ лѣсу, да въ не добрый часъ и попалъ съ ними въ тюрьму, изъ тюрьмы ему удалось бѣжать въ Юрьевъ-Повольскій, да тамъ онъ и умеръ, а дѣти его Родионъ и Тимоѳей переѣхали въ земли Строгановыхъ, дарованныя Строгановымъ самимъ государемъ между Камой и Чусовой рѣками *).

Царь далъ имъ земли съ тѣмъ, чтобы Строгановы сами и города строили, и разныхъ людей бы имѣли и сами отъ лѣсныхъ сосѣдей, дикихъ инородцевъ, оборонялись бы. Вотъ въ этихъ-то мѣстахъ и родился отъ Тимоѳея Аленина нашъ знаменитый Ермакъ Тимоѳеевичъ. Ермакъ былъ только прозвище, данное ему товарищами, когда онъ въ первое время своей юности служилъ кошеваромъ на стругахъ и плавалъ по Волгѣ и Камѣ, и означаетъ оно «таганъ артельный», а на самомъ дѣлѣ имя ему было Василій, и былъ онъ малый красивый и статный, волосы имѣлъ темныя, а бороду черную; былъ онъ силенъ и рѣчистъ, и сердце имѣлъ великое и волю могучую. Не долго выдержалъ Ермакъ жизнь въ работникахъ, захотѣлось ему понекать другой доли, разманила его жизнь удалая, Волга матушка — широкое раздолье. Тамъ погуливаютъ люди вольные, казаки государевы, высоко держатъ они свою голову; съ бусурманами сражаются, да казной своей похвальноюся.

Пошелъ къ нимъ Ермакъ, да скоро и въ атаманы попалъ. Сколько годовъ онъ прогулялъ на Волгѣ, сколько онъ чего понадѣлалъ за это время доподлинно невѣстно, только какъ разъ взбунтовалась черемиса и татарва казанская, и царь послалъ на нихъ своихъ воеводъ, то Ермакъ помогалъ воеводамъ и усмирилъ они тѣхъ бунтовщиковъ, а какъ усмирили, такъ Ермакъ снова загулялъ по Волгѣ, пока не стрясалась надъ нимъ бѣда горемычная. Ыхалъ въ ту пору персидскій посланникъ. Ермаковы ребята во хмѣлю и напали на нихъ, да посланника въ дракѣ и убили. Какъ узналъ это грозный царь, такъ и отправилъ изволить ослупшиковъ, а главныхъ изъ нихъ велѣлъ вѣшать безъ всякаго разговора. Ермакъ слышалъ такія вѣсти и съ товарищами любимыми скрылся. Пробрался онъ въ прикамскій мѣста и пала тамъ на него такая тоска, что хотъ въ монастырь пойти. Былъ онъ добрый молодецъ, а теперь ему нигуда показаться нельзя.

Думали думашку все единую;
А на Волгѣ ходить намъ ворами слить,
Подъ Казань—градъ идти, да тамъ царь стоитъ,
Какъ грозный то царь Иванъ Васильевичъ,
У него тамъ силы много-множество.
Да тебѣ Ермакъ быть повѣшану,
А намъ, казакамъ, быть переловленнымъ.

Такъ говорится въ народной пѣснѣ о положеніи Ермака съ товарищами въ это время.

Побился, помучился такъ Ермакъ, да должно быть и повѣдалъ свою тоску кручину родичамъ, а тѣ сказали просто Строгановымъ. Строгановымъ тогда руки были нужны, они и стали звать къ себѣ Ермака съ дружиною. «У насъ про тебя было есть, писали они ему, а ты послужилъ бы этимъ царю вѣрой правдою и прежніе грѣхи свои заслужилъ бы. Идите къ намъ оборонять великую Пермь и восточный край христіанства». Прослезился Ермакъ, читая грамоту, и всѣ его товарищи храбрые есаулы, Иванъ Кольцо, Иванъ Гроза, Яковъ Михайловъ, Матвѣй Мещерякъ, всѣ возрадовались и пошли на зовъ Строгановыхъ. Строгановы приняли ихъ съ великою честью, снарядили ихъ всякими запасами и воинскими доспѣхами, дали имъ еще людей разныхъ 300 человекъ, отслужили молебенъ и отправили въ далекій путь, въ невѣстную землю сибирскую. Пошли казаки по рѣкѣ Чусовой, по Серебряной, сдѣлали тутъ казаки земляное укрѣпленіе и назвали его Кучуй городъ, поплыли Жаравлей рѣкой въ Тагилъ рѣку и Тулу рѣку. Время стояло ясное, Сентябрь мѣсяцъ (1581 г.). Шли казаки скоро и ве-

село: на рѣкахъ птицы, по берегамъ звѣря—великое множество. Эхъ, сторона то богатая! Только вотъ глядятъ казаки—словно войско стоитъ. Грянули казаки изъ ружей, все войско и попало отъ страха. Подошли казаки, стали разспрашивать, оказалось, что войско это сибирскаго царя Кучума, а велья его Мурза Таузакъ. Разспросилъ ихъ Ермакъ обо всемъ и отпустилъ домой; а Мурза прибѣжалъ къ Кучуму, да такой страхъ нагналъ на всѣхъ, что Кучумъ переполошился, и на первыхъ порахъ заперся въ городѣ Сибирь или Искеръ, а сыну или племяннику Магметъ-Кула назначилъ идти съ большей ратью на Ермака. Магметъ-Кулу считался самымъ славнымъ богатыремъ сибирскимъ и былъ онъ съ головы до ногъ одѣтъ въ звѣринныя шкуры. Встрѣтилась рать съ казаками, и хотъ сибирцы уже не падали отъ грома выстрѣловъ, но все-таки не выдержали и убѣжали. Ермакъ поплылъ дальше по Тоболу, спѣша къ Иртышу, гдѣ Кучумовъ юртъ. Дорогой еще былъ бой; разбили казаки Кучумова мурзу, Карачу, и взяли богатую добычу и золота и меду. А Магметъ-Кулу не терялъ казаковъ изъ виду, и при впадѣніи Тобола въ Иртышъ Ермакъ счелъ за нужное отдѣлаться отъ своихъ преслѣдователей, причалилъ къ берегу, напалъ на нихъ и заставилъ бѣжать. Убитыхъ у Ермака не было, но почти всѣ казаки были ранены. Стала призадумываться дружина Ермака, какъ-бы гдѣ остановиться, да отдохнуть. Увидѣли они по Иртышѣ какое-то старое городище удобное для привала, и расположились въ немъ. Оказалось, что это городище была устроенная Кучумомъ засада; на высокой горѣ, Чувашевой, близъ городища расположился самъ Кучумъ съ половиною своего войска, а другая половина подъ начальствомъ Магмета-Кула укрылась съ другой стороны городища. Казаки стали себѣ уже пиццу варить и готовились на ночлегъ, какъ вдругъ замѣчаютъ въ засѣлкѣ людей видимо невидимо. Взбунтовались казаки, требуютъ сейчасъ же на суда садиться и ѣхать обратно. Есаулы ихъ уговариваютъ, да нѣтъ — куда! И страхъ и отчаяніе напали на казаковъ. Больно ужъ пригодились они. Молчалъ сначала Ермакъ, ни слова—далъ всѣмъ наговориться, а потомъ и обратился къ казакамъ съ такою рѣчью: «Время теперь позднѣе—октябрь стоитъ—рѣки скоро стануть, не догребемъ до дому, придется зимовать Богъ вѣстъ гдѣ, пожалуй еще замерзнемъ всѣ. Да и стыдно вамъ, братны, всѣ вы казаки христіане православные, забываете вы, сколько отъ этихъ поганыхъ нехристей избито народу русскаго, сколько добра нашего сожжено и разграблено, церквей Божіихъ поругано; усумнились вы, казаки, въ помощи Господней; и не отъ многихъ воевъ побѣда бываетъ». Много такъ говорилъ Ермакъ. Казаки не дали ему кончить рѣчи и всѣмъ казацкимъ кругомъ дали свое согласіе во всемъ полагаться на своего вожака. На утро, какъ только освѣтило солнце, вывелъ Ермакъ свою дружину и съ крикомъ «съ нами Богъ!» они побѣжали на приступъ. Завязался бой не на животъ, а на смерть, стали въ рукопашную драться, на одного казака по десятъ, по двадцать татаръ приходилось. Проявилась тутъ страшная сила богатырская, и Магметъ-Кулу былъ раненъ—еле живого его отвезли на другую сторону Иртыша, а разстроенное его войско бѣжало. Самъ Кучумъ, добѣжавъ до своей столицы, захватилъ кое-что изъ богатой казны своей, отправился скитаться въ Ишимскія степи. Тамъ, скитаясь въ горѣ, онъ вѣстѣдствіемъ ослѣпъ.

Побѣда Ермака была полная. Въ битвѣ этой пало 107 казаковъ, но она рѣшила господство Россіи до береговъ великой Оби и Тобола. На другой же день, 26 октября, Ермакъ пошелъ къ Искеру, кучумовой столицѣ и вошелъ въ оставленный всѣми городъ. Много тутъ они нашли и каменье дорогихъ, и тѣканіе рѣдкостныхъ, и мѣховъ, и серебра, и золота и явствъ недоѣденныхъ—видно было, что люди въ переполохѣ все порасали и захватить съ собою богатствъ своихъ не успѣли. Расположились казаки, поустроились, отдыхать начали. Ускорѣ явился къ Ермаку съ данью Остяки съ своимъ княземъ Боаромъ и множество татаръ съ женами и дѣтьми. Со всѣми Ермакъ обошелся ласково и приглашалъ всѣхъ жить по прежнему въ городѣ. Полюбился Ермакъ, и городъ опять наполнился людьми, стали туземцы даже радоваться, что избавились отъ Кучума и принимали присягу на вѣрность Ермаку. Въ это время Магметъ-Кулу, оправившись отъ раны сталъ прискипать

*) (О Строгановыхъ см. статью «Городъ Соликамскъ» въ № 27 «Нивы».)

случай какъ-бы враслохъ напасть на русскихъ, да разбить ихъ, но не удалось это ему, и онъ попалъ въ плѣнъ къ Ермаку. Подъ крѣпкую стражу посадили Ермакъ царевича, но обходился съ нимъ ласково и чтлль его.

Вскорѣ изъ дальнихъ улусовъ на оленяхъ и собакахъ стали прѣзжать всякіе владѣтели и пзъявляли покорность Ермаку. Народы несли ему дань, кучумовъ вѣнецъ былъ въ рукахъ его, но Ермакъ былъ русскій, а сердце русскаго не отрывается отъ родины, и куда бы ни зашелъ русскій человѣкъ, какую славою не возвеличился бы—онъ не перестанетъ думать о святой Руси. Принималъ Ермакъ почести, а думалъ о другомъ. Завзвалъ онъ къ себѣ пона, занерся съ нимъ и велѣлъ пону писать грамоты, одну къ Строгановымъ, другую къ самому царю Ивану Васильевичу, и ш слова Ермакъ въ этихъ грамотахъ не говорить о себѣ, ничего не указывать, а просто писать, что изволеніемъ Всемогущаго Бога и праведною царскою молитвою царство Сибирское взято, и царь Кучумъ побѣжденъ подъ высокую Государеву руку. Отправился съ этими грамотами Иванъ Кольцо, поѣхалъ онъ съ пятьюдесятью казаками, а Ермакъ съ товарищами остался дожидать, что велитъ имъ сказать великій государь.

Это было уже въ 1582 году. Не веселое время было тогда на Руси православной и въ маушкѣ Москвѣ первопрестольной.

Въ большомъ горѣ былъ народъ московскій, мраченъ былъ Государь, когда прѣехалъ Иванъ Кольцо. Оскорбленный миръ съ Польшею былъ тогда только что заключенъ. По этому миру Царь потерялъ все свои завоеванія въ Ливоніи, земли берега Балтійскаго моря, Полоцкъ и другіе города. Мучилъ Государя этотъ постыдннй миръ. Пришлось ему въ нсмѣхъ къ Стефану Баторію королю польскому, величать его *братомъ*, и отправляя къ нему пословъ своихъ, нязывать имъ: «а буде учнутъ укоряти, или безчествовать, лаяти, или бити... ино отвѣчавати слегка, а не бранитесь, а *противъ бою терпѣти*».

Мучило Государя раскаяніе за сдѣланныя имъ прегрѣшенія. Желнтьба его въ седьмой разъ безъ всякаго церковнаго разрѣшенія, убійство старшаго своего сына. Разсказываютъ, будто царевичъ пришелъ къ Государю и сталъ просить отправить его съ войскомъ, освободить Псковъ. Иоанну во всемъ видѣлся измѣна, да коварство и подумалъ онъ, что царевичъ затѣваетъ противъ него не доброе. — Какъ вскопнлъ Государь да кинется на царевича съ своимъ острымъ жезломъ. Борнсь Годуновъ хотѣлъ было удержать его руку, а Государь и на него замахнулся и ему сдѣлалъ нѣсколько ранъ, а царевича сильно, сильно ударилъ въ голову. Четыре дня страдалъ царевичъ и скончался 19 ноября 1582 года въ слободѣ Александровской, гдѣ много пролито было крови и другихъ невинныхъ жертвъ. Какъ умиралъ царевичъ, такъ передъ смертію цѣловалъ руки отца и все увѣрялъ его въ любви своей. Говорилъ, что умираетъ онъ вѣрнымъ сыномъ и подданнымъ, убѣждалъ Государя не предаваться отчаянію.

Нѣсколько дней просидѣлъ у трупа Иоаннъ неподвижно, безъ пици, безъ сна. Ненаходилъ онъ нигдѣ спокойствія, ѣздилъ онъ и по монастырямъ, служилъ панихиды, самъ писалъ имена нмъ казненныхъ, каялся, рѣшился въ монастырскомъ уединеннмъ дни свои окончить, схиму хотѣлъ принять. Отъ душевныхъ мукъ сталъ онъ страдать падучей болѣзною.

Въ такое-то непрнѣтное время явился гонецъ отъ Строгановыхъ и съ ними казаки изъ Сибири. Велѣлъ Государь позвать ихъ. Ввели Ивана Кольцо съ товарищами. Паль Иванъ ницъ передъ Государемъ, а грамоту положилъ себѣ на голову. Царь приказалъ дяку взять грамоту и прочитать. Какъ прочитали, такъ Государь сталъ Ивана спрашивать и узналъ отъ него всю правду, истинную: и какъ явились они на вою Строгановыхъ, и какъ Сибирь брали, и что они сами за люди, и объ Ермакѣ все доподлинно разсказалъ. Выслушалъ все Государь и объявилъ казакамъ, что все вина ихъ онъ снимаетъ и за службу жалуетъ великимъ своимъ государевымъ жалованьемъ.

«А къ храброму воеводѣ нашему,—заключилъ онъ—князю сибирскому, Ермаку Тимоѣевичу помощь пошло и велю отписать къ нему мою царскую грамоту. Давно не было такого веселья въ Москвѣ, колокола, какъ въ торжественный праздникъ звонили, пѣли молебны благодарственные, какъ въ счастливые время Иоаннаго царствованія, завоеванія астраханскаго и казанскаго царствъ. Повсюду раздавались восклицанія, что «Богъ послалъ новое царство Россіи». Строгановымъ за службу и радвіе Государь отдалъ два мѣстечка на Волгѣ, а казакамъ дозволил набирать охотниковъ переселенцевъ въ новую землю. Весною 1583 года Иванъ Кольцо, князь Болховскій и съ нимъ 500 человекъ стрѣльцовъ, 10 священниковъ съ семействами вручили Ермаку богатые дары царскіе: двѣ брони, шубу съ царскаго плеча, серебрянный кубокъ, а въ милостивой грамотѣ своей Государь поручалъ Ермаку начальство надъ всею покоренною странною. Плѣннаго Матметъ-Кула велѣлъ прислать въ Москву.

Но нѣтъ на землѣ прочной радости, и снова и много пришлось Ермаку бороться и выпало ему на долю много невзгодъ, да непрнѣностей. Открылась болѣзнь — цынга, обыкновенная для новыхъ пришельцевъ въ странахъ сырыхъ и холодныхъ, заболѣли стрѣльцы, отъ нихъ заболѣли и казаки; многие силы лишились, многие жизни. Умеръ и князь Болховскій. Наступила морозная зима, вьюги и метели были такіе, что мѣшали казакамъ рыбу ловить и хлѣбъ доставать изъ сосѣднихъ юртовъ.—Начался голодъ. Лишась, можетъ быть, половины воиновъ, Ермакъ по веснѣ отправилъ царевича Матметъ-Кула въ Москву и написалъ Государю—просилъ его дать вспоможеніе. Не весело было Ермаку, а тутъ еще Мурза-Кароча вздумалъ быть избавителемъ отечества и подѣ видомъ дружбы и какъ-бы для защиты отъ ногайцевъ заманилъ въ свой улусъ Ивана Кольцо и 40 казаковъ и убилъ ихъ; поднялся мятежъ и бунтъ всѣхъ данниковъ, татары и остяки соединились съ Карочей и необозрными обозами окружили Искеръ. Тяжко пришлось Ермаку. Пришлось рѣшиться на отчаянную попытку. Матвѣй Мещерякъ сдѣлалъ ночью вылазку и началъ на сонныхъ татаръ. Татары бѣжали. Сдѣлалъ и еще одинъ походъ Ермакъ вверхъ по Иртышу, взялъ нѣсколько улусовъ и городокъ Ташатканъ, да въ концѣ концовъ все-таки попалъ онъ въ засаду сѣбана и хитраго Кучума. Въ свое двухлѣтнее пребываніе въ Сибири русскіе завели торговлю съ бухарцами, вотъ Кучумъ и спустился слухъ, будто къ казакамъ бухарскіе купцы ѣдутъ, а Кучумъ не даетъ имъ дороги къ Вагайской степи. Шылкій Ермакъ и посѣшилъ для прикрытія съ пятьюдесятью казаками. Купцовъ на мѣстѣ не оказалось. Казаки, на возвратномъ пути, расположились почевать въ шатрахъ, оставивъ лодки у берега, близъ Вагайскаго устья на Иртышѣ. Ночью поднялась буря, дождь какъ изъ ведра лилъ. Но казаки снали богатерскимъ сномъ, татары напали на нихъ и перерѣзали ихъ всѣхъ, не успѣли казаки и за оружіе взяться, только одному изъ нихъ удалось бѣжать и добраться до Искера. Самъ Ермакъ вскопнлъ было на крики, бросился къ судамъ своимъ, но перепрыгивая съ лодки на лодку, оступился и упалъ въ бурную волну Иртыша; подаренныя царемъ кольчуги стѣснили его и были причиною его гибели. Такъ вотъ каковъ былъ горькій конецъ героя. 13 августа 1584 г. татаринъ, Янинъ, ловя рыбу, замѣтилъ въ водѣ человѣчскія ноги; онъ закинулъ петлю и притянулъ къ берегу трупъ. По желѣзнымъ латамъ, украшеннымъ на груди золотымъ орломъ, сбѣжавшіеся татары узнали Ермака. Вытащили его изъ воды и вирождение шести недѣль не хоронили его. Ругались они надъ нимъ и пускали въ него свои стрѣлы. Самъ Кучумъ прѣзжалъ увѣриться, что Ермакъ умеръ, и казаки и стрѣльцы остались какъ безъ головы. Похоронили Ермака и въ честь его сѣли 30 быковъ, а одежду и вооруженіе его раздѣлили между собой.

Но не долго, впрочемъ, процарствовалъ Кучумъ въ своей вновь занятой столицѣ, на казакскихъ могилахъ—царскіе воины уже шли въ Сибирь, ибо путь къ ней былъ уже проложенъ.

ЖЪ РИСУНКАМЪ.

Ихневмонъ и очковая змѣя.

Въ Египтѣ и въ Индіи живетъ одна изъ самыхъ опасныхъ и большихъ ядовитыхъ змѣй, а именно *Найя* или *Очковая* змѣя, которую первые португальскіе поселенцы въ Индіи прозвали *Pobra de sapella* (Шляпочная змѣя). Такое названіе получила она потому, что было замѣчено, какъ это пресмыкающаеся, будучи въ раздраженіи, раздувало грудную полость до того, что его маленькая треугольная головка высовывалась изъ раздутаго мѣста какъ-бы изъ-подъ шляпки. Спинныя чешуйки этой змѣи украшены однообразнымъ темнымъ рисункомъ, напоминающимъ цифру 8 или очки—отсюда и названіе гадины «Очковая». Найя и въ настоящее время водится во множествѣ въ Египтѣ и во всей Индіи. Найю очень боятся, такъ какъ ядъ ея, черезъ укушеніе попавшій въ кровь, дѣйствуетъ чрезвычайно быстро и сильно: укушенный обыкновенно умираетъ. Индійскіе фплары, «заговариватели змѣй», конечно, возбуж-

даютъ большое удивленіе въ зрителяхъ, когда преспокойно начинаютъ прать съ страшною Найей, имѣющей въ длину отъ 4—5 футовъ. Они обвертываютъ шею себѣ этой змѣей и даже заставляютъ ее плыпать «по-змѣиному» подѣ звуки мопотонной музыки. Однако, пресмыкающаеся это имѣетъ свирѣпаго и неустрашимаго врага въ особѣ, такъ сказать, маленькаго животнаго, которое въ разрядѣ млекопитающихъ занимаетъ среднее мѣсто между кошкой, кунницей и крысой; животное это принадлежитъ къ семейству Курмовъ (*Курмы*, *Herpestes*) изъ рода енотовыхъ кошекъ или виверръ. Это—ихневмонъ (*Herpestes Ichneumon*). Взрослый ихневмонъ гораздо больше нашей домашней кошки, такъ какъ длина его, вмѣстѣ съ хвостомъ, 3 фута, а вѣсъ обыкновенно 15 и даже 18 фунтовъ. Ноги у него короткія, подошвы голы, пальцы почти до половины соединены перепонкой; длинный хвостъ у корня очень толстъ, потому что въ этомъ мѣстѣ его покрываютъ волосы значительной длины;

хвостье является как бы продолжением туловища. Шерсть ихневмона довольно густа, въ особенности отдѣльные волосы очень длинны и жестки. Глазная область голая, вслѣдствіе чего маленькіе блестящіе глаза животного, съ круглымъ зрачкомъ, рѣзче обрисовываются. Мѣхъ его—имѣетъ зеленовато-сѣрый цвѣтъ, очень подходящий къ окружающей мѣстности. На головѣ и спинѣ цвѣтъ шерсти болѣе темный. Ихневмонъ извѣстенъ былъ снѣгьянамъ, которые считали его святымъ животнымъ и называли «Фараоновую мышью». Геродотъ рассказываетъ что ихневмонъ вездѣ бальзамировали и погребали на заповѣдныхъ мѣстахъ. Стребонъ доказываетъ, что ихневмонъ трусоватъ и одинъ никогда не нападетъ на змѣю. Юліанъ же считаетъ Фараонову мышь храбрымъ звѣркомъ, не боящимся ехидны. Фараонова мышь распространена во всей сѣверной Африкѣ. Животное это никогда не удаляется съ низменныхъ мѣстъ и преимущественно обитаетъ на рѣчныхъ бережьяхъ. Скрываясь въ продолженіи дня въ камышахъ или тростниковыхъ чащахъ, ихневмонъ продѣлываетъ себѣ между камышевыми стволами узкія, но чрезвычайно

звѣрка, навѣрно свободенъ отъ крысъ и мышей, потому что этого маленькаго хищника правило — безостановочно вести войну съ длиннохвостыми грызунами. Замѣчательнъ еще одинъ видъ изъ семейства курмовъ, это *мунго* или *мунгошь*, представитель фараоновой мыши въ Азій. Онъ въ половину меньше африканскаго ихневмона; цвѣтъ шерсти красноватобурый съ желтыми крапинками, отчего весь мѣхъ мунго имѣетъ золотистый отливъ. Этотъ ихневмонъ самый годный для прирученія, поэтому на родинѣ его можно встрѣтить въ любомъ домѣ, такъ какъ услуги, оказываемыя имъ человѣку, очень важны. Мало того, что мунго истребляетъ крысъ и мышей, онъ съ необыкновеннымъ мужествомъ нападетъ на разныхъ гадящихъ южныхъ странъ (очковыхъ змѣй, скорпионовъ) и душитъ ихъ безошадно.

Гаремъ и его обитательница.

Чѣмъ-то страшнымъ, чѣмъ-то ненормальнымъ представл...

Ихневмонъ и очковая змѣя. Рис. Менель, грав. Гюйо.

аккуратно прочищенные дорожки, ведущія къ глубокимъ, но тѣснымъ горамъ. Звѣреку этотъ какъ нельзя лучше оправдываетъ названіе свое «ихневмонъ», т. е. «сыщикъ». Онъ ужасно бояливъ, остороженъ и недоуверчивъ, и всегда почти крадется, осматривается, принимая большія предосторожности. Походка этого четвероногого сыщика замѣчательна: вы видите, что онъ двигается по землѣ, не шевеля ни однимъ членомъ; короткія ножки и длинная шерсть даютъ ему возможность двигаться незамѣтно. Люди, знающіе ихневмона, утверждаютъ, что чутье у него такое же отличное, какъ и у собакъ. Звуковъ онъ никакихъ не издаетъ.

А. Брэмъ, давая оцѣнку нравственной физиономіи ихневмона, заявляетъ, что звѣреку этотъ въ высшей степени опрятенъ хитеръ и храбръ; онъ, живя въ домѣ, безбоязненно бросается даже на большіе собакъ, безошадно душитъ кошекъ, крысъ, мышей, а понавѣ въ курятникъ, производитъ тамъ страшныя опустошенія. Вообще ихневмоны очень дѣятельны, въ покоѣ остаются не любятъ. Домъ, въ которомъ пріютили этого

звѣрка, навѣрно свободенъ отъ крысъ и мышей, потому что этого маленькаго хищника правило — безостановочно вести войну съ длиннохвостыми грызунами. Замѣчательнъ еще одинъ видъ изъ семейства курмовъ, это *мунго* или *мунгошь*, представитель фараоновой мыши въ Азій. Онъ въ половину меньше африканскаго ихневмона; цвѣтъ шерсти красноватобурый съ желтыми крапинками, отчего весь мѣхъ мунго имѣетъ золотистый отливъ. Этотъ ихневмонъ самый годный для прирученія, поэтому на родинѣ его можно встрѣтить въ любомъ домѣ, такъ какъ услуги, оказываемыя имъ человѣку, очень важны. Мало того, что мунго истребляетъ крысъ и мышей, онъ съ необыкновеннымъ мужествомъ нападетъ на разныхъ гадящихъ южныхъ странъ (очковыхъ змѣй, скорпионовъ) и душитъ ихъ безошадно.

Прежде чѣмъ скажемъ нѣсколько словъ о гаремѣ, замѣтимъ, что слово «гаремъ», или правильнѣе «харемъ» (арабское сло-

во), значить мѣсто, или что либо другое, воспрещенное, неприкосновенное, святое; между прочимъ гаремами называются два священные для мусульманъ города Мекка и Медина—они носятъ названіе «двухъ высочихъ гаремовъ», и султанъ Турціи гордится званіемъ «слуги и сторожа двухъ гаремовъ».

Гаремъ обыкновенно помѣщается въ покояхъ, выходящихъ на дворъ, въ тѣхъ же случаяхъ, когда окна его выходятъ на улицу, на рѣку, озеро или море, то они всегда закрыты рѣшетками, сквозь которыя женщины могутъ видѣть все, оста-

Константинополя. Самымъ нагляднымъ признакомъ этого застоя служитъ между прочимъ, гаремное затворничество женщинъ и всѣ строгости гаремныхъ порядковъ. И теперь еще, по понятіямъ мусульманъ, никто въ свѣтъ изъ постороннихъ, даже изъ домашнихъ, кромѣ самого хозяина и дѣтей его, даже никакая власть ни духовная, ни свѣтская, не могутъ переступить порога завѣтнаго отдѣленія, гдѣ живутъ женщины.

Для одного только шаха или султана дѣлается исключеніе: когда царственное лицо посѣщаетъ домъ своего подданнаго,

Мавританка въ Гаремѣ. Картина Корманъ, съ фотогр. Гуниля, грав. Путцъ

ваясь сами невидимы. Иногда гаремъ бываетъ отдѣленъ дворомъ отъ мужскаго жилья и имѣетъ свой собственный дворъ: онъ почти всегда соединяется съ садомъ, окруженнымъ высокими стѣнами, что даетъ обитательницамъ его возможность выходить на свѣжій воздухъ безъ покрывалъ. Кромѣ комнатъ женъ, въ гаремѣ помѣщаются дѣтскія, дѣвчьи, швальни и т. д.

Турки, не смотря на свое давнишнее пребываніе въ Европѣ, остались и продолжаютъ оставаться точно такими же, какими были во времена Махмуда II, какими явились подъ стѣнами

то хозяинъ проситъ его осчастливить и гаремъ «раба своего благополучнымъ присутствіемъ», потому что, по общему мнѣнію азіатцевъ, (существовавшему, впрочемъ, и у римлянъ временъ имперіи), особа государя всегда приноситъ счастье. Обычай этотъ особенно силенъ въ Персіи. Хозяинъ въ подобномъ случаѣ, старается поставить на видномъ мѣстѣ красивѣйшую изъ своихъ невольницъ; если она понравилась шаху, и онъ похвалитъ ея лицо, хозяинъ молитъ государя принять ее въ подарокъ (часто это не болѣе какъ расчетъ, такъ какъ доставля-

есть ему покровительницу въ шахскомъ гаремѣ). Понятіе мусульманъ о стыдѣ и неприкосновенности женщинъ простирается до того, что самъ хозяинъ не смѣетъ войти въ гаремъ, когда въ гостяхъ у его жены есть чужіе и если онъ войдетъ случайно, всѣ женщины, какъ его такъ и постороннія, закрываютъ лица покрывалами. Правила вѣжливости требуютъ, чтобы онъ вышелъ немедленно же, не заводя разговора. Покрывало у турчанки иногда играетъ роль вѣера испанки—оно служитъ ей для языка любви: когда она, напримеръ, предъ постороннимъ мужчиною откинетъ добровольно свое покрывало—то говоритъ этимъ, что отвѣчаетъ его чувству... Существуетъ мнѣніе, что турчанки, не смотря на рѣшетчатые окна—нѣрѣдко ведутъ такой разговоръ съ посторонними мужчинами...

Долго ли еще рѣшетчатымъ окнамъ этимъ глядѣть въ Босфоръ? Не думаемъ. Грозное зарево, стоящее теперь надъ Балканскимъ полуостровомъ, является предвѣстникомъ, зарею новаго, лучшаго дня. Конечно, нельзя не пожелать, чтобы какъ возможно скорѣе разрушились формы этой полудикой азиатской жизни, при которой высокое призваніе женщины, какъ матери семьи, какъ воспитательницы подрастающихъ поколѣній, не можетъ быть осуществлено. Нельзя не пожелать по крайней мѣрѣ, чтобы эта азиатская жизнь была снова отброшена изъ Европы въ тѣ страны, откуда она, непрошенная, ворвалась не въ свое мѣсто и такъ долго въ немъ держится.

Водопадъ Ніагара.

Первый изъ европейцевъ, увидѣвшій Ніагару, былъ французскій монахъ Геннепенъ; въ 1679 году онъ случайно наткнулся на этотъ феноменъ и пришелъ отъ него въ такой восторгъ, что тотчасъ же оповѣстилъ объ немъ всю Европу — приглашая всѣ народы насладиться чудеснымъ, невиданнымъ до тѣхъ поръ зрѣлищемъ. Шатобрианъ, знаменитый соотечественникъ Геннепена, посѣтилъ Ніагару, также восхитился ея водопадами и въ поэтическомъ описаніи своего путешествія называетъ главный изъ нихъ столпомъ подобнымъ тому, который падаетъ на землю во время всемірнаго потопа. Постараемся представить ніагарскій водопадъ такимъ, какимъ онъ является у новѣйшихъ, болѣе хладнокровныхъ путешественниковъ.

Рѣка Ніагара, какъ извѣстно, вытекаетъ изъ озера Эри. Лѣсистый островъ, носящій названіе Козьяго острова (Goat Island), раздѣляетъ его на два потока, низвергающіяся въ этомъ мѣстѣ съ обрыва въ 20 сажень вышины. Вода, дойдя до этого обрыва, свеглоселеными струями обрушивается внизъ пѣнистыми, широкими потоками, и образуяся при этомъ паденіи облако брызгъ застигаетъ собою даже вершину дальняго лѣса, покрывающаго низменные берега рѣки Ніагары. За обрывомъ форма этихъ береговъ совершенно измѣняется; они становятся высокими скалистыми и сдвѣиваютъ стремительный потокъ своими отвѣсными стѣнами. Чтобы достигнуть большаго водопада, надо часть дороги пройти по почвѣ, состоящей изъ известковыхъ камней, на которыхъ валяются остатки рыбъ, бѣлокъ и лисичъ, застигнутыхъ потокомъ выше района водопадовъ, сброшенныхъ имъ въ бездну и потомъ выкинутыхъ на берегъ. Чѣмъ ближе приближаешься къ водопадамъ, тѣмъ путь дѣлается болѣе затруднительнымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крутой берегъ обрушился, а потому необходимо прочищать себѣ дорогу и лѣзть по скользкимъ скаламъ, постоянно обливаемымъ брызгами водопада. Подходить слишкомъ близко къ краю стремнины бываетъ иногда не совсѣмъ безопасно: въ 1850 году обрушилась огромная масса берега шириною въ 100 футовъ и длиною въ 200, на которой за нѣсколько времени до паденія стояла толпа человекъ въ 50. Въ настоящее время, туристъ желающій видѣть водопадъ во всемъ его величіи, такъ сказать съ высоты птичьяго полета, можетъ избрать самый безопасный наблюдательный пунктъ на новомъ висячемъ проволочномъ мосту сооруженномъ въ сажняхъ ста отъ паденія водопадовъ и соединяющемъ два берега, канадскій и американскій, отстоящіе здѣсь другъ отъ друга на разстояніи 1,240 футовъ. Это сооруженіе, при всей своей видимой легкости, замѣчательно прочно и можетъ служить образцомъ смѣлости и изобрѣтательности американскихъ строителей. Въ двухъ миляхъ отъ этого моста внизъ по рѣкѣ, сооруженъ въ 1852 году другой двухъярусный висячій мостъ. По его верхнему ярусу движутся локомотивы съ длинною вереницею вагоновъ, а по нижнему переходятъ пешеходы и медленно профзикаютъ экипажи. Этотъ мостъ длиною въ 114 сажень, вышиною отъ уровня воды 35 сажень а стоимость его простирается до 500,000 долларовъ. Наблюдаяшись вдоволь съ моста чудной панорамой всѣхъ трехъ водопадовъ, туристъ можетъ тутъ же успокоить свой взоръ зрѣлищемъ тихой и безмятежной природы. Здѣсь, за мостомъ, ниже водопада, онъ увидитъ какъ тихо течетъ рѣка похожая на озеро, и какъ это общее безмолвіе нарушается лишь шумомъ близкаго потока, да криками дикихъ птицъ. При всемъ богатствѣ и разнообразіи живописныхъ окрестностей Ніагары, Козій островъ, имѣющій видъ роскошнаго парка съ красивыми мостиками и удобными дорожками,

предпочтается всѣми путешественниками. Изъ Козія острова переходятъ по желѣзному мосту перекинутому здѣсь надъ бурнымъ и быстро несущимся потокомъ. Американцы сумѣли воспользоваться силою течения и эта сила теперь приводитъ въ движеніе машины бумажной фабрики. Гуляя по Козьему острову подъ тѣнью кедровъ, каштановъ и орѣшниковъ, можно подойти къ самому краю обрыва, съ котораго плотная струя воды низвергается въ глубину около 23 сажень. Съ Козьяго острова по мостику пересобираются на другой островъ отдѣляющій центральный водопадъ (Central fall), отъ такъ называемаго американскаго водопада (American fall), падающаго съ высоты 164 футовъ. Хотя и здѣсь можно подойти къ самому обрыву и любоваться безъ помѣхи паденіемъ бурнаго потока, но многіе любители сильныхъ ощущеній недовольствуются этимъ зрѣлищемъ, спускаются внизъ по крутой лѣстинѣ къ поднятію водопада, въ сопровожденіи опытнаго проводника карабаются по скользкимъ камнямъ, обливаемые съ головы до ногъ водяными брызгами и оглушаемые страшнымъ шумомъ. Не смотря на трудность и даже на опасность подобныхъ экскурсій, охотники на нихъ всегда являются въ большомъ количествѣ, особенно изъ американцевъ записныхъ любителей такихъ смѣлыхъ и эксцентрическихъ походовъ.

Нельзя не упомянуть о нѣлпомъ извѣстнѣмъ, обнаруженномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ многими газетами объ исчезновеніи ніагарскаго водопада. Такое событіе если и можетъ совершиться, то только въ весьма далекомъ будущемъ. По вычисленію американскихъ геологовъ водопадъ отступаетъ къ озеру Эри на одинъ футъ въ каждое столѣтіе. Это явленіе зависитъ отъ того, что верхняя часть скалъ, съ которыхъ онъ низвергается, состоитъ изъ твердаго известняка, способнаго выдерживать болѣе напоръ водяной массы, чѣмъ лежащій подъ нимъ непрочный и легко вымываемый сланецъ. Такимъ образомъ, вершина скалъ, не находя опоры въ нижнемъ слоѣ, частицы котораго постоянно уносятся теченіемъ, обламывается и весь водопадъ, измѣняя свой наружный видъ, подступаетъ болѣе и болѣе къ озеру Эри. Геологи предрѣкаютъ, что весь водопадъ, потерявъ все свое величіе, обратится со временемъ лишь въ рядъ быстрыхъ стремнинъ, но они-же прибавляютъ, что это совершится черезъ нѣсколько тысячелѣтій.

Рисунокъ ніагарскаго водопада, приложенный при нашей статьѣ, взятъ изъ одного очень изящнаго и полезнаго изданія, только что начавшаго выходить въ Германіи подъ издующимъ заглавіемъ: «Die Erde und ihre Völker. Ein geographisches Hausbuch». Все изданіе будетъ состоять изъ 50-ти выпусковъ, изъ которыхъ первые, до сихъ поръ вышедшіе, заключаютъ въ себѣ описаніе Америки. Множество рисунковъ, прекрасно исполненныхъ (образчикомъ которыхъ можетъ служить прилагаемая нами гравюра Ніагарскаго водопада), ясно доказываетъ, что издатели задалась благотворной задачей: дать за дешевую цѣну драгоценное пособие для элементарнаго знакомства съ наукой землѣдѣнія.

А. Н.

Этюдъ съ натуры.

Молодой художникъ-пейзажистъ захотѣлъ отдохнуть полчасика и вотъ, подоживъ палитру, улегся подъ деревомъ и закурилъ папирску. «Этюдъ съ натуры» можетъ подождать, да и денекъ выдался жаркій. *Переноситъ на полотно природу*—занятіе хотя и пріятное, но все-таки требующее извѣстнаго напряженія, причѣмъ устаютъ и глаза, и руки, особенно правая. Топля дѣла строгія воздушные замки! И легче, и пріятнѣе. Въ какіе нибудь двѣ-три минуты готово великолѣпное палаццо, съ обширнымъ паркомъ, фонтанами и изящно-блѣтующими мраморными статуями среди зеленой чащи... Какъ хорошо быть обладателемъ такого жилища!..

Вьется спій дымокъ отъ папирски, тянется чуть замѣтною полоскою за изгородь и исчезаетъ... Исчезаетъ и великолѣпное палаццо: паркъ съ фонтанами и статуями куда-то проваливается, во рту ощущается непріятная горечь, а въ сердце закрадывается тоска...

Но вотъ, новый клубъ дыма и новый воздушный замокъ — лучше прежняго.

Чудные, томные голубые глазки привѣтливо улыбаются ему... Онъ беретъ золотисто-блѣющую прядь волосъ и прижимаетъ ее къ своимъ губамъ, страстнымъ голосомъ декламируя стихи Баратынскаго:

О, вѣр: ты, нѣжная, дороже славы мнѣ!
Скажу-ль? Мнѣ иногда докучно вдохновенье:
Мѣшаетъ мнѣ его волненье
Дышать любовью въ тишинѣ!

И вдругъ языкъ его ощущаетъ нѣчто ужасное—папирска доторѣла до ваты, а онъ незамѣтно этого, поднесъ къ губамъ папирску и потянулъ дымъ!.. Ахъ, какъ скверно! Окурокъ полетѣлъ въ траву, а съ нимъ улетѣла и голубокая красавица... За изгородью сдержанный смѣхъ.

Художница поворачивает голову назад.

— А, это ты, Лиза. Ну, здравствуй.

Передь нимъ стоитъ молодая дѣвушка и лукаво улыбается.

— Здравствуйте. Хорошо же вы работаете!

— Отды сю. Чего же ты смѣешься?

— Чего? А я смотрѣла, какъ вы мечтали, строили воздушные замки—вѣдь правда? и потомъ обожгли себѣ языкъ докуреной папирской... Развѣ не смѣшно.

— Пожалуй, смѣшно.

Она вынулъ изъ портсигара папирску и, закуривъ ее, улетѣла попрежнему.

— А странное это дѣло, вздохнувъ заговорила Лиза и оперлась поудобнѣе на изгородь:— вотъ я посмѣялась надъ вами, поймала васъ на мечтаніяхъ, а сама-то какъ иногда заносусь въ мечтахъ, какіе замки чудесные строю! Чтобы надъ со-

бой посмѣяться? Нѣтъ! И въ голову тогда не придетъ, только вотъ загустилъ крѣпче... Отчего это? Ну-ка, объясните.

— Оттого, что мы къ себѣ всегда деликатнѣе, вѣжливѣе относимся, это во-первыхъ, а во вторыхъ—въ чужомъ глазу суечекъ для насъ виднѣе, чѣмъ —

— Знаю, знаю дальше. А вотъ, интересно бы подслушать чужія мечтанія, да никто вслухъ не мечтаетъ...

— Что-жъ, покажи примѣръ.

— Благодарю-сь! Однако, мнѣ нѣкогда... Дѣло ждетъ. Прощайте. Что-жъ, мечтать еще будете или рисовать?

— А вотъ, докурю и снова примусь за работу.

Молодая дѣвушка затнула лѣнкою и скрылась за изгородью, а художникъ долго еще пролежалъ подъ деревомъ, строя замы уже по прозе—въ родѣ, можетъ быть, казенной квартиры въ четыре комнаты, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Политическій горизонтъ Европы до такой степени подернулся грозвыми тучами, «вѣроятныя» соображенія исхода настоящаго положенія вещей до такой степени усложнились, что становится труднымъ различать степени различныхъ вѣроятностей. Въ исторіи государствъ, по отношенію къ которой политическій ходъ вещей составляетъ какъ-бы систему кровообращенія, какъ и въ исторіи вообще, *ничего не повторяется*. Каждое событіе имѣетъ свою собственную физиономію и, существуя въ огромной цѣли другихъ событій, существуетъ и само для себя. Общій результатъ борьбы между исламизмомъ-поработителемъ и поработченными, но борющимися на жизнь и смерть за свою свободу *должна быть побѣда славянъ* надъ ихъ поработителями. Таковъ былъ всегда непреложный законъ исторіи, что побѣдителямъ оставался народъ, на сторонѣ котораго была нравственная идея, правое дѣло. Путь къ побѣдѣ можетъ быть тернистъ, многотруденъ, отероченъ судьбою на десятки, сотни лѣтъ, но въ итогѣ онъ все-таки ведетъ и приведетъ въ обѣтованную землю свободу.

Для борющихся балканскихъ славянъ упомянутая «отерочка» не имѣетъ никакого разумнаго оправданія; врагъ, съ которымъ они борются, не смотря на огромное матеріальное превосходство, въ нравственномъ смыслѣ ничтоженъ и безсиленъ самъ по себѣ, если бы его не поддерживали «нѣкоторые». Вотъ въ этихъ-то «нѣкоторыхъ» и состоитъ вся суть дѣла, отъ этого и происходитъ все большая и большая запутанность Гордіева узла въ современной политикѣ.

«Благожелатели» «радытели» разлагающагося трупа Турціи, какъ извѣстно, Англія и Австрія, и именно «изъ политическихъ» видовъ. Чего-жъ онѣ хотять, чего достигнуть даже съ своей *политической* точки зрѣнія, стоящей, въ настоящемъ случаѣ, въ диаметральной противоположности съ нравственною? Австрія дорогъ ея политическій квіетизмъ, кое-какъ сдерживающій ея сшитою изъ разношерстныхъ кусковъ имперію. Пусть постоитъ Турція еще хоть *десять* или, по крайности, *пять лѣтъ*, вѣдь въ эти пять лѣтъ въ политикѣ европейскихъ державъ могутъ произойти весьма существенныя перемѣны; интересы, желанія и проч. могутъ ослабнуть, видоизмѣниться и т. д. Австрія можетъ сказать о смерти Турціи какъ Клерхенъ въ извѣстной драмѣ Гёте «Эгмонтъ»: «Пусть придетъ время

умереть, заранѣе думать о смерти—странно!..» Съ общей точки зрѣнія не имѣя ничего противъ паденія Турціи, Австрія имѣетъ многое противъ возстановленія славянъ, идущаго неизбѣжнымъ слѣдствіемъ паденія Турціи, а тогда и весь славянский элементъ Австріи неизбѣжно придетъ въ броженіе и потребуетъ себѣ автономіи. Что же, однако, можно сдѣлать, если Турція продержится еще 10—20 лѣтъ?.. О, многое! отвѣтятъ вамъ вѣстрийскіе вѣмцы вѣдь не даромъ же гласитъ поговорка: „Zeit gewonnen ist fast Alles gewonnen“ *). Можно придумать, отыскать новые устои для распадающагося зданія, вѣдь придумалъ же Бейтъ пресловутый дуализмъ!..

Даже въ устахъ государственныхъ людей Австріи не представляется утопическою фраза, что „Турція пала“, какъ и все на свѣтѣ падаетъ, начиная съ классической Трои и Рима и кончая свѣтскимъ владычествомъ паны — „Турція пала“, но мы мы должны, хотя на время, въ нашихъ собственныхъ интересахъ поддержать ее — «грустно и вѣсело комическое паденіе».

Обращаясь теперь къ Британіи, мы находимъ, что и сыны «Туманнаго острова» ничего не имѣютъ противъ освобожденія Балканскихъ христіанъ, но только желаютъ, *чтобы никто не выступалъ открыто противъ господства турокъ* и чтобы не было энергическаго военнаго вѣншательства въ пользу освобожденія славянъ. Странное желаніе. Если желанія Австріи, при всемъ ихъ довольно ясною формулированіи заключаютъ въ себѣ *много темнаго*, то желанія Англіи уже положительно *темны*. Одно только ясно: коммерческія выгоды. Но вѣдь это недостаточной великой націи, изъ которой вышелъ великій Байронъ, сражавшійся за свободу Греціи!

Какъ бы то ни было, но въ настоящее время царить томительная тишина и неизвѣстность: война или миръ?

А между тѣмъ кровь все льется да льется. Телеграфъ принесъ намъ извѣстіе объ упорныхъ битвахъ на Ибарѣ, гдѣ, какъ извѣстно, теперь командуетъ Новоселовъ. Сербы атакуютъ здѣсь турецкія позиціи. 6-го октября происходило сраженіе подъ Луковымъ. На восточной границѣ Сербіи, у Зайчара, тоже началось энергическія военныя дѣйствія. Медвѣдовскій съ 3-мя бригадами бьется у Любичицы, Келлеръ съ 2-мя бригадами нападетъ съ Кралевицкихъ высотъ. Бой жаркій и упорный. Сербы уже успѣли взять нѣсколько позицій.

С М Ъ С Ъ .

Численность турецкихъ и сербскихъ войскъ, дѣйствующицъ въ Моравской долинѣ: «По самому умѣренному расчету, турецкая армія состоитъ изъ 70,200 человекъ пѣхоты, 4,500 кавалеріи, 4,500 полевой и 1,200 осадной артиллеріи и 1,000 человекъ въ инженерной части, всего—83,150 человекъ. Но, сверхъ того, сюда слѣдуетъ еще прибавить 8,000 башки-бузуковъ и 4,000 черкесовъ,—итого 95,000 человекъ испытанныхъ и хорошо обученныхъ войскъ. Генераль Черняевъ располагаетъ всего на всего, по самому широкому исчисленію, 65,000 пѣхоты, 2,000 кавалеріи и 3,000 артиллеріи, инженеровъ, со включеніемъ людей и санитарной части. Численное превосходство, слѣдовательно, на сторонѣ турокъ; но извѣстно, что турокъ искони били русскіе,—Богъ дастъ побѣютъ и сербы.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ «С.П.-Бургск. Вѣд.» извѣстно, что въ настоящемъ году (по 23 сентября) въ монетѣ и слиткахъ, золотыхъ и серебряныхъ: привезено въ Россію 2.791.429 р. (мѣсяе противъ 1875 г. на 1.122.138 руб.), вывезено же изъ Россіи 80.219.702 (болѣе противъ 1876 г. на 65.308.154 р.).

Небьющее стекло Въ № 17 «Нивы» за 1875 годъ мы извѣщали объ изобрѣтеніи новаго стекла, отличающагося отсутствіемъ хрупкости. Въ настоящее время уже находятся въ продажѣ стаканы, розетки для подсвѣчниковъ и т. п., сдѣланныя изъ такого стекла.

Вещи эти можно пріобрѣтать въ швейцарскомъ магазинѣ Брудереръ (Малая Конюшенная; домъ Реформатской церкви), тутъ-же, конечно, можно убѣдиться въ ихъ прочности и видѣть, что они дѣйствительно остаются цѣлыми при бросаніи ихъ на полъ.

Такого свойства стекло, по преданіямъ, было открыто за 30 лѣтъ до Р. Х., а именно въ царствованіе римскаго императора Тиверія, но онъ, будто-бы, велѣлъ лишить жизни изобрѣтателя, опасаясь, что новое стекло понизитъ цѣнность золота и серебра. На сколько это преданіе достовѣрно, теперь судить почти невозможно, но что стекло, небьющееся при паденіи на твердыя тѣла и безъ вреда выдерживающее рвзкій переходъ отъ жара къ холоду изобрѣтено—въ этомъ легко убѣдиться, стоитъ только зайти въ вышеупомянутый магазинъ.

Полярный климатъ въ прошломъ и настоящемъ. Этотъ вопросъ разсматривается подробно профессоромъ Норденскиольдомъ въ длинной статьѣ, помѣщенной въ «Geological Magazine». Профессоръ говоритъ въ этой статьѣ, что находки Мак-Клинтона въ слурійской формации американскаго полярнаго архипелага и находки германской и шведской экспедицій на Новой Землѣ и Шпитцбергенѣ въ деванской формации служатъ достаточнымъ доказательствомъ тожества сѣверныхъ полярныхъ странъ въ тѣ отдаленныя времена съ другими въ геологиче-

*). Выигравшій время выиграетъ почти все.

скомъ отношеніи извѣстными странами земнаго шара. Послѣ деванскаго періода образовалась обширная полярная страна, гдѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, процвѣтала роскошная растительность сикилларій, какамитъ и лепидодендровъ каменноугольной формаціи. Вѣлѣдствіе этого представляется несомнѣннымъ, что въ тѣ геологическія времена климатъ былъ одинаковъ и у экватора и у полюсовъ. Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы жаръ вездѣ былъ тропическій, но, по всей вѣроятности, климатъ тогда былъ теплый, благоприятный для растительности.

Жестокіе опыты. Недавно въ Парижѣ производили жестокіе, но на случай войны очень важныя опыты надъ лошадьми, а именно: сколько времени можетъ прожить лошадь безъ пищи? Эти опыты дали слѣдующіе интересные результаты. Лошадь можетъ прожить безъ твердой пищи, но получая достаточное количество воды, 25 дней, безъ воды же, при одной твердой пищѣ, животное умираетъ черезъ пять дней; лошадь, которую поили недостаточно, а кормили развѣ въ десять дней — пала на одиннадцатый день; лошадь, лишенная въ продолженіи трехъ сутокъ воды, выпивала въ 3 минуты слишкомъ 12 штофовъ. Лошадь, не получившая твердой пищи въ теченіи 12 дней, была еще въ силахъ поднять тяжесть въ 580 фунтовъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Издатель журнала „Нива“ имѣетъ честь заявить, что тѣмъ изъ гг. подписчиковъ, которые подписались только на II полугодіе „Нивы“, премія „Спящая красавица“ выслана не будетъ, какъ объ этомъ не развѣ заявлялось на страницахъ „Нивы“ и между прочимъ въ № 26.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

- 1) Нин. Луи. Гер-ову. Стихи ваши не могутъ быть напечатаны, потому что въ нихъ, вѣсть съ благими вашими намѣреніями, безцеремонно перепутываются, не согласуясь между собой, и хорен, и амби, и дактили, и анапесты. Благія намѣренія, въ сожалѣнію, этой путаницей исправить не могутъ, да вѣроятно, вамъ самимъ извѣстно, что съ одними благими намѣреніями далеко не уйдешь. Говорятъ, весь адъ наполненъ благими намѣреніями.
- 2) Одесса. Студенту Ал. Буи-ову. Можеть быть и помястимъ: такого содержанія теперь очень много имѣемъ.
- 3) Епифанъ. А. Н. Сав-ву. Напишите кому-либо изъ частныхъ лицъ, покровителю искусства: печатная статья въ этомъ случаѣ послужитъ только къ удовольствію празднаго любопытства.

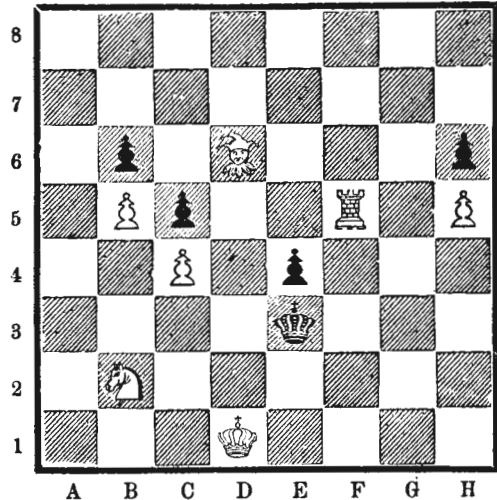
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

9-го октября 1876 г.

Поку- Пропро-		Поку- Пропро-		Поку- Пропро-	
патели. давцы. дано.		патели. давцы. дано.		патели. давцы. дано.	
АКЦИИ.					
5% заемъ съ вынгр.		125 р. Гл. Общ. Росс.			
1-го выпуска . . .	171 172 1/2 166 1/2	Жел. Дорогъ . . .	166 1/2 166 3/4	—	—
5% заемъ съ вынгр.		125 » Рижско-Динаб.	—	127	—
2-го выпуска . . .	169 170 1/2 166	100 » Моск.-Разанск.	—	300	—
5% банк. б. 1 вып.	93 3/4 94 1/2 93 3/4	125 » Орловско-Вит.	—	—	—
5% » » 2 »	93 1/2 94 1/2 93 1/4	16 ф. с. Вит.-Динаб.	—	—	—
5% обл. Спб. Гор.		100 р. Рыб.-Болог. . .	76 1/2 77 1/2	75 3/4	
Кред. Общ.	80 80 3/4 80	100 » Тамб.-Козлов.	—	—	—
5% облигации Моск.		125 » Моск.-брест. . .	—	76	—
Гор. Кред. Общ.	80 — —				

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

РѢШЕНІЕ

Задачи въ «Нивѣ» № 41.

Бѣлые.	Черные.
1) E 6 — F 5°	1) D 4 — C 2
2) D 3 — C 2° *)	2) D 2 — D 4
3) E 5 — E 1°	3) B 5 — C 4+
4) C 4 — B 4	4) C 3 — D 5 X

При всякомъ другомъ 1 ходѣ черныхъ они получаютъ матъ скорѣе.

- *) 2) F 6 — A 5° C 2 — A 3+ 3) C 4 — D 4 E 1 — F 2+
4) E 5 — E 3 B 5 — D 5 X

СОДЕРЖАНІЕ: По поводу картины „Спящая красавица“. — Нѣсколько словъ о способѣ печатанія картинъ красками. — Тверская губернія и ея промыслы (съ рисункомъ). — Книжка Остроносная Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева. (Продолженіе). — Ермакъ — покоритель Сибири (съ 2-ми рисунками) М. С. — Къ рисункамъ: Ихневмонъ и очковая змѣя (съ рисункомъ). — Гаремъ и его обитательница (съ рисункомъ). — Водопадъ Niagara (съ рисункомъ). — Этюдъ съ натуры (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе. — Сибѣ. — Заявленіе. — Почтовый ящикъ. — С.-Петербургская биржа. — Шахматная задача. — Объявленія. Отдѣльное приложеніе: Премія годовымъ подписчикамъ „Нивы“, въ картонномъ футлярѣ картина: „СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА“.

Редакторъ Д. Стакъевъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

При этомъ № „Нивы“ прилагаются для удобства гг. иногородныхъ подписчиковъ подписной бланкъ и конвертъ съ адресомъ редакціи для возобновленія подписки на журналъ „Ниву“ въ 1877 г.

ВЕНЦЕЛЬ.
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
НАСТОЯЩІЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ для вскармливанія грудныхъ дѣткъ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи
Александръ Венцель
Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ИТЕМПЕЛЬ и ПОДВИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.
№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).** 26—10

Изданіе А. Ф. МАРКСА.
въ С.-Петербургѣ.
Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ Н. Паразина, съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовныя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ „НИВЫ“ на 1876 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.
№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.
Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигаций, въ возможно высокомъ размѣрѣ.
Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.
КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ и ПЛАТИТЪ:
на текущій счетъ 7 0/0;
въ 3 мѣсяца 7 1/2 0/0;
на 6 и до 12 мѣсяцевъ 8 1/2 0/0.
Страхуетъ билеты обоимъ внутр. 5% съ вынгр. займовъ по 20 коп., съ иногородныхъ по 30 коп. за билетъ. 10—6

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
КАРЛЪ ЗАУХЪ,
по Большой Морской домъ № 17,
приготовляетъ искусственные зубы, по новѣйшей американской методѣ, съ многотнннмъ ручательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. № 42

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 43

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 25 Октября 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕНЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫПРОЕКТЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1877 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины Г. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарова	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

Подписка на 1876 г. продолжается и каждый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера и премію.

ГЕНЕРАЛЪ СЕМЕНЬ КОРНИЛОВИЧЪ НОВОСЕЛОВЪ.

Въ лицѣ генерала Семена Корниловича Новоселова сербская армія въ минувшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ приобрѣла новаго дѣятеля изъ среды русской, новаго героя, а генераль Черняевъ — новаго сподвижника на столь тяжеломъ поприщѣ, какъ настоящая война съ неравнымъ врагомъ. Семень Карниловичъ получилъ образованіе во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ (нынѣ Павловское училищѣ) и затѣмъ Высочайшимъ приказомъ 15-го августа 1836 г. по экзамену, изъ унтеръ-офицеровъ 2-го кадетскаго корпуса произведенъ въ прапорщики, имѣя отъ роду 24 года и отправленъ прямо изъ корпуса въ 4-й саперный батальонъ; затѣмъ по распоряженію высшаго начальства, 22-го ноября 1838 г. былъ прикомандированъ къ 5 артиллерійской бригадѣ для испытанія по службѣ. Большую часть своей боевой жизни Семень Корниловичъ провелъ на Кавказѣ, неутомимо сражаясь съ горцами. Изъ безчисленнаго числа его геройскихъ подвиговъ укажемъ на нѣкоторые.

Генералъ Семень Корниловичъ Новоселовъ.
Рис. съ фотогр. Вѣженинъ, грав. Боярскій.

Одно изъ замѣчательныхъ боевыхъ дѣлъ, въ которомъ Семень Корниловичъ геройски отличился, происходило 15 июня 1843 года. Здѣсь онъ былъ ковтуженъ въ правый високъ ружейною пулей. За отличіе въ этомъ дѣлѣ онъ получилъ высочайшее благоволеніе 4-го іюля 1844 года. 25 іюля Семень Корниловичъ отличился при штурмѣ неприятельской позиціи на хребтѣ Тлія, занятой скопищемъ въ 7.000 человекъ, при чемъ неприятель былъ совершенно разбитъ, при этомъ Семень Корниловичъ былъ раненъ въ ногу, съ поврежденіемъ обидныхъ покрововъ. Въ 1846 г., при возвращеніи въ долину Самура и расположеніи войскъ на зпмніи квартиры, за отличіе, оказанное въ дѣлахъ противъ горцевъ, произведенъ въ капитаны. Въ особенности отличился онъ при наведеніи моста чрезъ Илинчукъ, за что получилъ въ награду имѣніе. 1847 года 14 сентября, при былъ онъ въ укрѣпленіе Ахты съ

5-ю гренадерскую роту пѣхотнаго князя Варшавскаго полка. 22-го сентября онъ участвовалъ при отраженіи скопищъ вблизи селенія Мисседжи Дагестанскимъ отрядомъ и освобожденіи крѣпости Ахты отъ осады непріятели, послѣ семидневнаго славнаго для ахтынскаго гарнизона боя, гдѣ 16 сентября былъ контуженъ камнемъ въ лѣвое колено, во время штурма неприятельской крѣпости. За примѣрное отличіе противъ горцевъ во время осады укрѣпленія Ахты былъ произведенъ въ майоры, и за принятіе командованія ахтынскимъ гарнизономъ послѣ раненаго тамашнаго военнаго начальника и за оказанное при осадѣ ахтынскаго укрѣпленія геройское мужество и самоотверженіе—въ подполковники. 21 октября того же года, за защиту укрѣпленія противъ многочисленныхъ скопищъ Шамиля и за оказанное мужество въ этомъ дѣлѣ (съ 500 гарнизона онъ разсыпалъ 20.000 полчищъ Шамиля), пожалованъ орденомъ Георгія 4-й степени. Послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ онъ былъ зачисленъ въ саперный лейбъ-гвардіи батальонъ и назначенъ плацъ-майоромъ въ Царское село, а затѣмъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ исправлялъ должность (1853 г.) коменданта, по случаю увольненія послѣдняго въ отпускъ за границу. Въ промежуткѣ этого времени былъ вторично на Кавказѣ командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ при завоеваніи Западной части Кавказа, гдѣ еще разъ былъ раненъ. Отчисленный отъ должности плацъ-майора С.-Петербургской Петропавловской крѣпости въ чинѣ полковника, состоялъ при генералѣ Муравьевѣ въ западныхъ губерніяхъ; затѣмъ былъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ въ Шавляхъ и начальствовалъ отдѣльнымъ отрядомъ противъ польскихъ мятежниковъ и былъ снова раненъ.

Послѣ этого Семенъ Корниловичъ былъ назначенъ Каменецъ-Подольскимъ воинскимъ начальникомъ. Выйдя затѣмъ въ отставку, онъ состоялъ при Генеральномъ штабѣ Московскаго военнаго округа, но здѣсь онъ былъ не долго; утомленный своей трудной и долговременной боевой службой онъ поселился въ своей усадьбѣ около Чернигова. Будучи раненъ восемь разъ, и съ этою цѣлью отправился въ Пятигорскъ.

Несмотря на свое разстроенное здоровье, не смотря на то, что этотъ человекъ быть можетъ болѣе чѣмъ кто-либо другой нуждается въ спокойствіи и отдыхѣ, онъ не въ состояніи былъ равнодушно смотрѣть на событія, совершающіяся нынѣ на

Балканскомъ полуостровѣ, на безвыходное положеніе нашихъ братьевъ славянъ и рѣшился оказать помощь своимъ непосредственнымъ участіемъ въ судьбѣ ихъ. Уже болѣе мѣсяца, онъ ходитъ въ Сербію, гдѣ припалъ начальство надъ Ибарскою арміею. Нѣтъ сомнѣнія, что такіе два опытные генерала, горячо преданные дѣлу, за которое имъ приходится сражаться, окажутъ несомнѣнную услугу настоящей славяно-турецкой войнѣ.

Нельзя при этомъ не замѣтить, что условія, при которыхъ оба генерала вступили въ сербскую службу, не совѣмъ одинаковы. Генералъ Черняевъ пріѣхалъ въ Сербію во то время, когда тамъ не было арміи, и нужно было ее создавать и организовывать. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, было причиною первыхъ неудачъ сербской арміи. Семенъ Корниловичъ Новоселовъ явился уже къ болѣе или менѣе организованной арміи, подкрѣпленной русскими силами, знакомыми съ лишениями и трудностями боевой жизни, явился къ арміи, уже понюхавшей пороху, подучившей извѣстный закалъ и военную выправку. Это различіе условій, разумѣется, не можетъ остаться безъ вліянія на успѣхъ той и другой арміи.

Генералъ Новоселовъ въ приказѣ къ русскимъ офицерамъ и оберъ-офицерамъ, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Не будемъ, господа, забывать, что мы пришли бороться за святое дѣло, что, вступивъ на сербскую территорию, мы уже не принадлежимъ себѣ, а потому каждый изъ насъ обязанъ смотрѣть на сербское дѣло, какъ на свое собственное. Мы должны, такъ сказать, слиться съ кореннымъ мѣстнымъ населеніемъ сербскимъ, должны имъ показать, что мы искренне ихъ друзья и братья, что мы, оставивъ наип дома и семейства, пришли за нихъ драться, за нихъ умереть. Честнымъ и безукоризненнымъ своимъ поведеніемъ, почитаніемъ мѣстныхъ обычаевъ, законовъ страны—заслужимъ ихъ уваженіе. Вамъ, господа офицеры, какъ и во всемъ принадлежитъ первый починъ. Будьте примѣромъ для солдатъ, которыми вамъ придется командовать». На мѣсто Дохтурова, который теперь сдѣланъ начальникомъ штаба въ арміи Черняева, генералъ Новоселовъ назначилъ прибывшаго вмѣстѣ съ нимъ полковника Сытенко, бывшаго въ послѣднее время инженеромъ путей сообщенія и строителемъ конно-желѣзныхъ дорогъ въ Москвѣ.

Отъ души желаемъ полнаго успѣха этимъ мужественнымъ бойцамъ за вѣру и свободу нашихъ братьевъ-славянъ!

Изъ путевой книжки.

Пройденъ утомительный, тягостный путь:
Проникли ужъ въ даль безконечную взоры,
Внизу присмирѣли кичливые горы —
Какъ здѣсь хорошо отдохнуть!

* * *

Свободную думу не могутъ спугнуть
Далекіе отзвуки шума людскаго,

Отъ жизни горячечной міра больного
Какъ здѣсь хорошо отдохнуть!

* * *

Вливается свѣжесть въ усталую грудь,
Совсѣмъ затихаютъ тоска и сомнѣнья.
И съ ясной лазури летятъ свовидѣнья
Улыбкой на сердце дохнутъ...

W. W.

Княжна Острожская

Историческая повѣсть В. С. Соловьева.

Часть первая.

(Продолженіе).

Сангушко и два его спутника оставили коней по ту сторону калитки. Вошедшіе воины заняли назначенныя княземъ мѣста и приготовились, если нужно, защищаться.

— Лѣстницу—я за мною! сказала Сангушко.

Пятдесятъ человекъ окружили его ..

Гальшка еще болѣе блѣдная и трепещущая, стояла прислонившись къ периламъ балкона. Она слышала шаги, шорохъ, лязгъ оружія. Ея голова кружилась... Шаги становились слышнѣе. Съ мягкой травы перваго двора люди перешли на каменные плиты. Ближе, ближе... Вотъ ужъ она различаетъ движущіяся тѣни. Она закрыла глаза и прижала руку къ сердцу — такъ оно сильно и даже больно билось...

Шумъ и шепотъ уже подъ самымъ балкономъ. Вотъ что-то слабо стукнуло внизу периль, у самымъ ногъ Гальшки. Она едва подавила невольный крикъ. .

— Гальшка, дорогая... услышала она шепотъ знакомаго голоса.

Она открыла глаза. На верхнихъ перекладинахъ при-

ставленной къ балкону, неуклюжей, но крѣпкой, только что сдѣланной въ лѣсу, лѣстницы, стоялъ Сангушко.

Онъ протягивалъ къ ней руки.

Радость свиданія съ любимымъ человекомъ, быстро мелькнувшая мысль, что теперь для нихъ не будетъ больше разлуки заставили Гальшку очнуться и собрать послѣднія силы. Она протянула Сангушкѣ свои холодныя дрожащія руки и поднялась на стояціи у самыхъ периль табуретъ. Крѣпкая рука Дмитрія Андреевича помогла ей перешагнуть за перила. Они стали тихо спускаться съ лѣстницы, которую внизу поддерживали Гальнскій и Феда.

Громкій, отчаянный крикъ раздался съ высоты одной изъ башенъ замка, откуда видѣнь былъ весь внутренній дворъ, и балконъ Гальшки.

— Вставайте, къ оружію! къ оружію! — неправильно произнося слова кричалъ сильный мужской голосъ. Еще нѣсколько мгновений — и этотъ крикъ слышался уже внизу и ему вторилъ другой, третій голосъ.

Въ нѣкоторыхъ зданіяхъ замка хлопнули и раствори-

лись двери. Гдѣ то послышался женскій плачь и визги. Тревога, крики и движенія быстро распространились по замку.

Елена и Сангушко были уже на землѣ Тяжелая лѣстница грузно упала на каменные плиты.

Воины тѣсно сомкнулись кругомъ князя и его почти безчувственной невѣсты. Всѣ обнажили сабли и быстро двинулись къ калиткѣ. На перерѣзъ имъ бѣжала толпа почти раздѣтыхъ людей, вооруженныхъ чѣмъ попало.

— Княжну уводятъ—видите... не пропусайте, рубите! дико ревѣлъ голосъ, поднявшій тревогу.

При этихъ словахъ люди Острожскаго окончателно очнулись и стремительно бросились на тѣлохранителей Сангушки. Весь дворъ наполнился народомъ. Майская ночь свѣтлѣла.

Сангушко поднялъ на руки обезумѣвшую Гальшку. Одея, Галынскій и десятка два ближнихъ воиновъ составили кругомъ ихъ живую стѣну. Въ нѣсколькихъ шагахъ уже рубились... оружіе звенѣло, слышался стонъ...

Воины Сангушки, оберегавшіе калитку, подали сигналъ. Изъ лѣсу раздался конскій топотъ.

Сангушко уже переступилъ съ своей ношей черезъ два тѣла. Калитка была близко. Черная фигура блѣднаго Антонію, съ саблей на голо, ожесточенно рубя на право и на лѣво, стремилась прямо къ князю. Сверкая глазами, монахъ желѣзной рукой отбрасывалъ отъ себя воиновъ, забывъ все и видѣлъ только Гальшку. Вотъ ужъ онъ близко. За нимъ прочищаютъ себѣ дорогу и другіе.

Одея, стиснувъ зубы, махнулъ своей саблей и рука монаха опустилась выронивъ оружіе.

Еще мгновение и Сангушко былъ за калиткой. Его конь билъ копытами и храпѣлъ. Одной рукой охвативъ Гальшку, князь съ помощью Галынскаго вскочилъ на сѣдло и стрѣлой помчался къ лѣсу. Молодая дѣвушка крѣпко сжала его шею руками и окончателно потеряла сознание.

Только минутъ черезъ десять первые всадники показались изъ замка. Они бросились въ лѣсъ. Тамъ нестройный гулъ доносился издали и слабѣлъ съ каждой минутой. Скоро они поняли, что погоня невозможна.

Въ замкѣ царило необычайное смятеніе. Беата кинулась къ князю Константину и прямо обвиняла его во всемъ. Она рвала на себѣ платье, проклинала, грозилась. Онъ едва вырвался отъ нея и вышелъ на мѣсто схватки.

Человѣкъ двадцать мертвыхъ и раненыхъ лежало на плитахъ

Съ мрачнымъ и блѣднымъ лицомъ князь Константинъ велѣлъ скорѣе убрать ихъ и осмотрѣть раны.

Со всѣхъ сторонъ стояли замковые люди, ожидая страшной вспышки княжескаго гнѣва.

Два три человѣка дрожащимъ голосомъ передавали ему подробности нападенія.

Онъ упорно молчалъ. Въ его крѣпкій замокъ, наполненный хорошо вооруженнымъ и дисциплинированнымъ людомъ, крѣпко запиравшійся каждый вечеръ, съ караульными и лихими собаками, прокрался чуть ли не цѣлый полкъ, украли его племянницу, княжну Острожскую—и все это было замѣчно только случайно, когда уже враги сдѣлали свое дѣло. И княжну не отняли, не отбили во время, когда еще она была въ стѣнахъ замка. А князь Константинъ, гнѣвный и грозный—молчалъ, опустивъ глаза въ землю. Онъ не въ силахъ былъ играть комедію. Онъ махнулъ рукою и вернулся въ свои покои...

Придя нѣсколько въ себя, княгиня Беата приказала звать къ себѣ отца Антонію. Онъ явился съ только что перевязанной рукою. Кровавыя пятна во многихъ мѣстахъ покрывали его платье.

Беата даже и незамѣтила его раны. Она снова разразилась потокомъ бѣшеныхъ проклятій и жалобъ. Она

призывала гнѣвъ Божій на князя Константина и кончила тѣмъ, что упрекнула даже Антонію.

— Я положила на вашу бдительность, я поступала по вашимъ совѣтамъ—и вотъ у меня украли дочь, погубили мою Гальшку, надсмѣялись надо мною!

— Всего невозможно предвидѣть, уставшимъ, глухимъ голосомъ проговорилъ монахъ. Еслибъ я не подошелъ къ окну, слышавъ какой-то подозрительный шумъ, до утра никто бы и не зналъ о похищеніи. Здѣсь навѣрное все было заранѣе и хорошо устроено—даже собаки не лаяли...

— Но какъ же вы могли отдать ее, какъ вы ее не отняли!? рыдала княгиня.

— Я сдѣлалъ, что могъ, я навѣрное и убилъ бы Сангушку, если бы какой-то проклятый мальчишка не ранилъ мнѣ руку такъ, что я невольно выронилъ саблю. Удивляюсь только, какъ они меня не убили—а я уложилъ троихъ на мѣстѣ...

Только тутъ княгиня замѣтила рану Антонію. Она бросилась къ нему, увидѣла что рука дурно перевязана, позвала своихъ женщинъ и сама помогала имъ дѣлать перевязку.

Это занятіе на нѣсколько минутъ поглотило ее, но когда все было кончено, она снова предалась отчаянію.

— Гдѣ дочь моя!?. Вотъ мы здѣсь сидимъ, а этотъ извергъ теперь уже далеко съ нею! Боже праведный! неужели такъ мой позоръ, мое горе и останутся безъ отплаты? Неужели я должна молчать и не могу отнять у нихъ дочь мою?!

— Я только что хотѣлъ сказать вамъ, началъ Антонію,—что намъ съ вами нужно сейчасъ же ѣхать въ Краковъ и принести жалобу королю. И нечего терять времени, нечего ожидать новыхъ здѣсь оскорбленій..

Княгиня съ жадностью ухватила за этотъ совѣтъ и такъ какъ у нея все было уже почти готово къ отъѣзду, то часа черезъ три, въ сопровожденіи Антонію и небольшого числа слугъ, она уже была на дорогѣ въ Краковъ.

X.

Если замокъ князя Константина Острожскаго и жизнь его двора поражали своей роскошью и широтою, то покрайней мѣрѣ въ Острогѣ нельзя было замѣтить распушенности нравовъ, царившей въ тогдашнемъ обществѣ. Князь Константинъ, человѣкъ благочестивый и нравственный, строго относился къ окружающему. Разумѣется онъ не могъ передѣлать людей, не могъ искоренить порчу нравовъ; но, во всякомъ случаѣ, все темное и грязное пряталось подальше отъ его взоровъ и страшилось его гнѣва. Въ безчисленныхъ закоулкахъ его огромнаго замка, обитаемаго сотнями мужчинъ и женщинъ, необходимо безъ пороковъ и двусмысленныхъ исторій, но стоило только какой-нибудь исторіи достигнуть его слуха—и виновные или наказывались, или, если они не подлежали наказанію, навсегда лишались княжескихъ милостей и изгонялись изъ замка.

Только подчиняясь неизбежной крайности, князь Константинъ дѣлалъ уступки. Такъ, на примѣръ, его глубоко возмущали вошедшіе въ моду балы съ новыми и, какъ ему казалось, непристойными танцами, съ полной свободой обращенія между мужчинами и женщинами, свободой, доходившей до непристойности. Онъ выросъ въ семействѣ благочестивомъ, свято хранившемъ традиціи, гордившимся своими предками, берегшимъ родовую честь пуще зеницы ока. Онъ еще хорошо помнилъ патріархальную жизнь стараго времени, и такая жизнь была его идеаломъ. Отчегожъ и не попить съ друзьями и сосѣдями—но въ мужскомъ обществѣ не мѣсто женщинъ. Негодится и мужчинамъ вѣчно торчать въ женскихъ покояхъ. Повые обычаи только соблазнъ заводятъ, вселяютъ раздоры и непотребства въ честныя семьи... А попробуй жить по старому, попро-

Шекспиръ читающій свою трагедію „Макбетъ“ въ присутствіи королеви Елизаветы и ея двора. Картина Ендера, грав. Кладіусъ.

буй завести строгость—все отшатнутся, никто и глаз не покажет, разведутся недоброжелатели. Тогда будет трудно иметь влияние на дѣла, и на сеймахъ какъ дома, очутишься одинокимъ. Вотъ и приходилось по неволѣ задавать шпы на новый ладъ, допускать нѣсколько разъ въ годъ въ своемъ домѣ вавилонское столпотвореніе...

Но только что гости разбѣжались, разъ заведенная, строгая и благопрямая жизнь начиналась снова. Всѣми живущими въ замкѣ соблюдались посты, исправно посѣщалась церковь, неутомимо преслѣдовалось пьянство. Князь Константинъ видѣлъ только скромныхъ женщинъ, приличныхъ и почтительныхъ мужчинъ. Онъ не могъ непонимать, что многіе его обманываютъ и тяготятся его присутствіемъ и надзоромъ; но онъ зналъ, что имъ употреблены все мѣры, что онъ самъ подаетъ добрый примѣръ и что даже враги его не могутъ сказать, что въ домѣ князя Острожскаго безнаказанно и открыто терпится развратъ и безчинство.

Не то было у другихъ вельможъ литовскихъ—носились самыя соблазнительныя рассказы о томъ, что творится въ ихъ резиденціяхъ. Но даже и все это было ничто сравнительно съ распущенностью нравовъ королевскаго двора въ Краковѣ.

Король первый подавалъ примѣръ своимъ подданнымъ. Сигизмундъ-Августъ воспитывался подъ влияніемъ матери, королевы Боны, честолюбивой интриганки, бывшей во всѣхъ отношеніяхъ достойною соотечественницей Катерины Медичи. Она, ради своихъ цѣлей, для обезпеченія за собою власти, всячески постаралась ослабить въ немъ мужество, энергію и твердость характера. Она удаляла его отъ серьезныхъ занятій и окружала только женщинами. Вступивъ на престолъ послѣ Сигизмунда I, онъ явился новымъ Сарданапаломъ. Онъ проводилъ жизнь въ шпиряхъ и забавахъ, въ любовныхъ интригахъ, постоянно откладывая дѣла и медля въ рѣшеніи важныхъ вопросовъ—его прозвали за это *король-завтра*. Только разъ въ жизни король выказалъ удивительную энергію и настойчивость. Онъ страстно полюбилъ молодую красавицу, вдову Гастольдъ, урожденную Радзивиллъ. Схоронивъ свою первую супругу, онъ тайно обвѣнчался съ своей возлюбленной. Такой бракъ казался неприличнымъ, къ тому же не безъ основанія опасались влияния семьи Радзивилловъ. Сенатъ и сеймъ стали настойчиво требовать развода. Постоянно слабый и малодушный Сигизмундъ-Августъ не только не подчинился этому требованію, но заставилъ торжественно признать свой бракъ и короновать Варвару. Впрочемъ его счастье длилось не долго — королева скоро умерла, и послѣ ея смерти онъ снова преданъ самой распущенной жизни. Третья жена его, принцесса Австрійскаго дома, для него какъ бы не существовала. Многочисленныя фаворитки царили въ Краковѣ и держали въ своихъ рукахъ все правительственныя нити.

Понятно, что при такомъ королѣ государство не могло процвѣтать и крѣпнуть. Скоро оказалось полнѣйшее внутреннее разстройство. Роскошь и изнѣженность овладѣли поляками. Знаменитый князь Курбскій записалъ о тогдашнихъ польскихъ вельможахъ и королѣ такія строки: „Здѣшній король думаетъ не о томъ, какъ бы воевать съ невѣрными, а только о пляскахъ да о маскарадахъ; также и вельможи знаютъ только пить да ѣсть сладко; пьяные они очень храбры: берутъ и Москву и Константинополь, и если бы даже на небо забился турка, то и оттуда готовы его снять. А когда лягутъ на постели между толстыми перинами, то едва къ полудню проснутся, встанутъ чуть живы, съ головою болью. Вельможи и княжата такъ робки и истомлены, что, услышавъ варварское нахожденіе, забьются въ претвердые города и, вооружившись, надѣвъ доспѣхи, сядутъ за столъ за кубки и болтаютъ

съ своими пьяными бабами; изъ воротъ же городскихъ ни на шагъ. А если выступаютъ въ походъ, то идутъ издали за врагомъ, и походивши дня два или три, возвращаются домой, и что бѣдные жители успѣли спасти отъ татаръ въ лѣсахъ, какое-нибудь имѣніе или скотъ—все пойдя и послѣднее разграбятъ“. Отношеніе высшихъ сословій къ сельскому населенію было ужасно—крестьянинъ почитался наравнѣ со скотомъ, шляхтичъ безнаказанно убивалъ его и говорилъ, что убилъ собаку.

Во дворцѣ краковскомъ балы смѣнялись балами, постоянно придумывались новыя и разнообразныя увеселенія. Король съ каждымъ днемъ все меньше и меньше обращалъ вниманія на дѣла государственныя. Когда близкіе люди, выведенные наконецъ изъ терпѣнія, спрашивали его, почему онъ не займется дѣлами, онъ постоянно отвѣчалъ: „Ради этихъ соколовъ (т. е. придворныхъ женщинъ-любимицъ) ни за что не могу взяться“. Онъ особенно пристрастился къ маскарадамъ и по цѣлымъ днямъ придумывалъ себѣ и приближеннымъ костюмы. Безумная роскошь поражала прѣзжихъ иностранцевъ. Деньги лились рѣкою и совершенно истощались королевскія средства. Въ сокровищницѣ Сигизмунда-Августа не оставалось почти ни одной драгоценности—все было раздарено фавориткамъ. Къ тому же съ нѣкотораго времени во дворецѣ стали появляться какіе-то темные люди. Это были колдуны и колдуньи, всевозможные шарлатаны, которые брались своими чарами вернуть королю здоровье, возстановить его разрушенныя силы. Сигизмундъ-Августъ, какъ малый ребенокъ, вѣрилъ ихъ рассказамъ, осыпалъ ихъ деньгами и дѣлалъ съ собою всевозможныя нелѣпости...

Въ такую-то обстановку и къ такому-то королю мчалась за судомъ и помощью княгиня Беата. Загнавъ до смерти не одинъ шестерикъ лошадей, она, наконецъ, прѣехала въ Краковъ и остановилась въ домѣ одного изъ многочисленныхъ своихъ родственниковъ. Былъ уже вечеръ, но отдыхать княгиня не хотѣла—дѣло ей нельзя было откладывать ни минуты. Ей необходимо было немедленно увидѣть короля и уговорить его, принять все мѣры для возвращенія Гальшки. Доступъ къ королю не представлялъ никакихъ затрудненій. Княгиня Беата, мать которой была приближенной и любимицей Сигизмунда I, почти все свое дѣтство и дѣвичество провела во дворцѣ, росла вмѣстѣ съ Сигизмундомъ-Августомъ и пользовалась его дружбой. Онъ не иначе называлъ ее, какъ своей маленькой сестрою. Правда—вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ она съ нимъ совсѣмъ не видалась, но онъ очень добръ и ласковъ—онъ непременно долженъ принять участіе въ старомъ другѣ...

Беата, едва переодѣвшись, отправилась во дворецъ. Антоніо пошелъ къ папскому послу, кардиналу Коммендоне, который зналъ его лично. Коммендоне, энергичный и настойчивый, умѣлъ заставить короля дѣлать по своему и могъ въ данномъ случаѣ очень помочь своимъ влияніемъ.

Дворецъ былъ освѣщенъ а giorno. На площадкѣ передъ главнымъ въѣздомъ толпился народъ и медленно подвигалась вереница тяжеловѣсныхъ экипажей. Княгиню впустили безъ всякихъ затрудненій и она въ первыхъ же комнатахъ встрѣтила многихъ знакомыхъ. Ей тяжело было рассказывать постороннимъ о своемъ горѣ и она старалась скрыть настоящую причину своего прѣзда.

Въ этотъ вечеръ былъ назначенъ блестящій маскарадъ. Приглашенные, въ пестрыхъ и причудливыхъ костюмахъ уже съѣхались. Король не выходилъ еще изъ внутреннихъ покоевъ. Княгиня просила доложить ему о ней и сказать, что она умоляетъ его принять ее наединѣ, по очень слѣшному дѣлу. Ей довольно долго пришлось дожидаться отвѣта. Она постаралась найти

болѣе уединенный уголокъ и проходила черезъ всѣ муки ожиданія и нетерпѣнія. Наконецъ къ ней подбѣжала очень странная фигура. Это была молодая женщина въ маскѣ и костюмѣ амура. Высоко взбитые бѣлокурые волосы перевиты жемчугомъ и алмазами, голая шея и руки, коротенькая и почти прозрачная юбочка, низкій корсажъ, обтянутыя шелкомъ тѣлеснаго цвѣта ноги, бѣленькія крылышки за спиною, лукъ и колчанъ со стрѣлами на золотой перевязи. Амуръ снялъ маску и оказался молоденькой двоюродной племянницей Беаты. Княгиня стало противно и стыдно за почти обнаженную дѣвушку, но она подавила въ себѣ эти чувства и любезно отвѣчала на привѣтствія амура.

Амуръ, свободно вертѣясь и болтая безъ умолку, объявилъ, что король готовъ принять княгиню и поручилъ проводить ее къ нему.

Беата, не обращая никакого вниманія на проходившія толпы гостей, быстро направилась чрезъ амфиладу знакомыхъ ей съ дѣтства, сверкавшихъ огнями и дорогимъ убранствомъ покоевъ.

Въ небольшой комнатѣ, устроенной въ видѣ какой-то фантастической бесѣдки, амуръ остановился.

Передъ княгиней стоялъ человекъ, далеко уже не молодой, но очевидно подурмяненный, съ довольно красивымъ, утомленнымъ и нѣсколько дряблымъ лицомъ. Онъ былъ одѣтъ, или вѣрнѣе, *раздѣтъ* какимъ-то мифологическимъ божествомъ. Его полное, обтянутое шелкомъ тѣло, мѣстами прикрывали складки пурпурной, театрально накинутой тоги. Вѣнокъ изъ зелени украшалъ его голову. Вся фигура была крайне комична. Нѣсколько венеръ и нимфъ окружали его весело и шумно болтая, сверкая драгоценностями и роскошными, обнаженными формами.

Это былъ король Сигизмундъ-Августъ и его свита фаворитовъ.

Княгиня на мгновеніе остановилась, пораженная и смущенная. Когда-то она была очень привязана къ королю, какъ къ другу дѣтства. Когда-то она была повѣренной его любви къ Варварѣ Гастольдъ. Она знала его человекомъ слабымъ, но добрымъ, любезнымъ и остроумнымъ. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ она видѣла его, хоть постарѣвшимъ и нѣсколько истомленнымъ, но все же сохранившимъ свою привлекательность. Кромѣ того, даже во всѣхъ своихъ слабостяхъ, среди пировъ и вѣчнаго ухаживанья за женщинами, онъ умѣлъ оставаться королемъ и сохранялъ вѣщныя признаки своего величія. Онъ бѣжалъ всего вульгарнаго и смѣшнаго. Княгиня, вспоминая о немъ, всегда представляла себѣ истиннаго короля и, какъ королю, готова была простить ему многое.

Теперь же—развѣ это король былъ передъ нею. На дрябломъ и нарумяненномъ лицѣ едва сохранились прежнія черты. Въ своемъ безобразномъ, шутковомъ костюмѣ онъ напоминалъ стараго уличнаго фиглира.

Но онъ очевидно никакъ не могъ замѣтить производимаго имъ впечатлѣнія. У него явились замашки старой кокетки. Ему казалось, что никто не видитъ его румянъ, его преждевременной дряблости, которая такъ ужасала его передъ зеркаломъ. Никогда еще, даже въ самые лучшіе дни своей молодости, не считалъ онъ себя такимъ красавцемъ, какъ именно теперь, когда онъ становился безобразенъ. Одѣвшись мифологическимъ божествомъ, выставивъ свои жирныя руки и ноги, онъ былъ увѣренъ, что всѣ красавицы восхищаются имъ. А онъ всѣ, разумѣется, тотчасъ же бѣжали бы отъ него, еслибъ онъ не назывался Сигизмундомъ-Августомъ, еслибъ онъ не помогалъ ихъ интригамъ и не позволялъ себя грабить...

— Добро пожаловать, княгиня Беата, сказалъ король, становясь въ граціозную позу. — Я думалъ, что ты ужъ въ монастырь пошла, хотѣлъ писать тебѣ, просить, чтобы ты молилась за меня грѣшнаго. Да при-

знаться, ты и то на монахиню стала похожа.. Это не хорошо, княгиня; жизнь намъ дана для веселья, нужно пользоваться ею... Но, однако, мнѣ сказали—у тебя до меня дѣло? Жаль. Я смерть не люблю дѣлать, мнѣ кажется, всякое дѣло отнимаетъ у меня день моей жизни... Но ужъ если дѣло, такъ говори скорѣе—и лучше будемъ веселиться...

— Есть у меня большое дѣло, Государь; но я хотѣла бы передать его наединѣ вашей милости, отвѣтила княгиня, чувствуя на себѣ насмѣшливые, недоумѣвающие взгляды всѣхъ этихъ нимфъ и венеръ.

— Наединѣ? Зачѣмъ же? Да меня и не пустятъ эти соколики съ тобой шептаться — ревновать станутъ! — кокетливо улынулся король, указывая на окружающихъ женщинъ.—Къ тому же я отъ нихъ ничего не скрываю, и мы всѣ дѣла рѣшаемъ вмѣстѣ. Все это мои лучшіе друзья и совѣтники...

Дѣлать нечего — Беата рассказала о похищеніи Гальшки.

Король слушалъ ее съ видимымъ интересомъ.

— Молодецъ князь Сангушко, воскликнулъ онъ,—я, на его мѣстѣ, непременно сдѣлалъ бы тоже. Говорятъ про твою княжну, что она хороша, какъ день Божій. Ну вотъ тебѣ и наказаніе за то, что ты держала ее взаперти, не привезла ее къ намъ въ Краковъ. Отсюда бы ее ужъ не украли, да и сама бы бѣжать не захотѣла. Здѣсь, слава Богу, не то, что тотъ вашъ, Острогъ съ волками да медвѣдями. Удивляюсь, какъ еще тамъ такая красавица не утопилась съ тоски да скуки!

— Государь! мое сердце обливается кровью отъ позора и обиды... я пришла просить у васъ суда и наказанія моему оскорбителю, просить, чтобы мнѣ вернули дочь мою, а вы, — вы смѣетесь! отчаянно и не скрывая своего негодованія произнесла княгиня.

— Я не смѣюсь, клянусь Иисусомъ и Маріей, не смѣюсь! — заторопился король, пуще всего боявшійся слезъ и отчаянія. — Напротивъ, я сочувствую твоему горю, я готовъ сдѣлать для тебя, что хочешь... Но погоди — что-жъ бы такое сдѣлать... Какъ вы думаете, соколы мои ясны, что теперь сдѣлать?—обратился онъ къ нимфамъ...

— Сейчасъ-же запрягать лошадей и ѣхать всѣмъ маскарадомъ отнимать княжну! улынулась одна полная и красивая блондинка.

Беата смѣрила ее горделивымъ и въ тоже время яростнымъ взглядомъ. Она бы съ радостью растерзала ее на части.

— Ну, нѣтъ, это не годится — къ ужину опоздаемъ, весело замѣтила другая красавица.

Княгиня Беата быстро повернулась и направилась къ двери. Она вся дрожала...

— Куда-жъ ты, куда ты, сестрица! закричалъ Сигизмундъ-Августъ.

Беата обернулась.

— Когда-то въ присутствіи короля меня бы оскорблять не посмѣли... Но теперь ужъ вѣрно здѣсь позабыли, что я дочь Катерины Тельничанки, проговорила она.

— Ну, полно, полно, зачѣмъ сердиться... онѣ добрыя, онѣ вовсе не хотѣли оскорбить тебя—имъ просто весело, успокаивалъ король, останавливая ее за руку.

Въ это время въ комнату вошелъ маршалъ — все было готово, королю слѣдовало открытъ маскарадъ.

Сигизмундъ—Августъ засуетился.

— Меня ждуть, мнѣ давно пора, сказалъ онъ княгинѣ.—Погоди, мы протанцуемъ только одинъ танецъ. Я не забуду о тебѣ, я посоветуюсь съ кѣмъ надо и, что можно сдѣлать, будетъ сдѣлано...

И онъ быстро вышелъ, нѣжно взявъ подъ руку какую-то юную богиню.

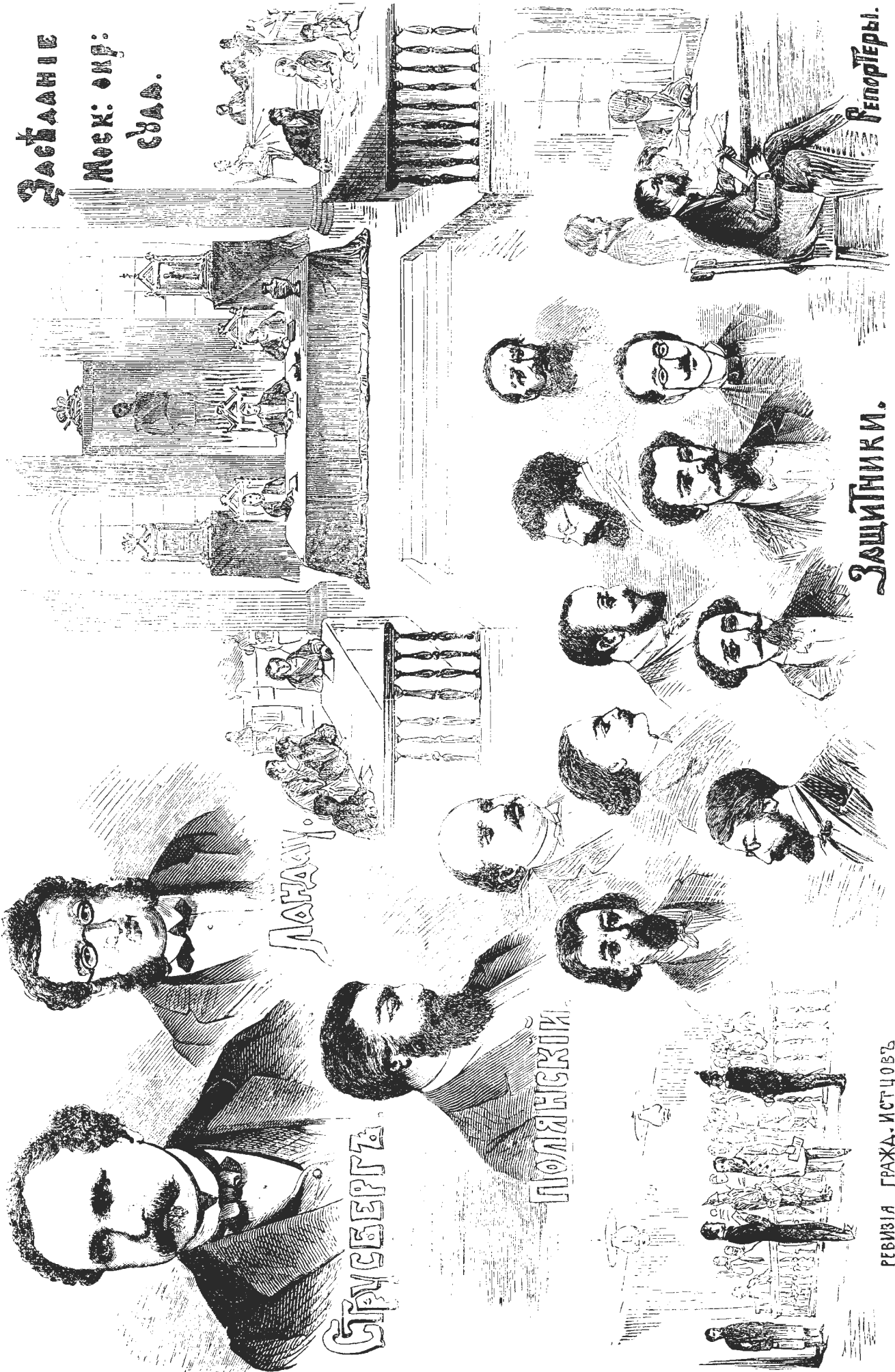
Беата въ отчаяніи остановилась на порогѣ. Ей хотѣлось бѣжать отсюда. Ей хотѣлось проклинать этого

Засѣданіе
Моск. окру.
суда.

Репортеры.

Защитники.

РЕВИЗИЯ ГРАЖД. ИСТЦОВЪ

Процессъ Московскаго коммерческа. сеудн. Банна и Струсберга въ Московскомъ Окружномъ судѣ. (Обвиняющіе, обвиняем.э, судья, ащитники, судья, ащитники, истца и т. д.)

„Въ тихой пристани“. Картина Пальмера, грав. Сеттенъ.

короля, превратившагося въ стараго фигляра. Но куда бѣжать, у кого просить помощи? Если король не поможетъ, кто-же поможетъ? И она пошла, опустивъ голову, туда, куда шли и другіе. На нее смотрѣли съ любознательствомъ и недоумѣніемъ. Иные ей кланялись. Многіе ее не знали. Ея блѣдное, печальное лицо съ мрачно горѣвшими глазами казалось какимъ-то пятномъ среди этой толпы—шумной, нарядной и веселой.

— Покажите мнѣ пожалуйста, гдѣ здѣсь княгиня Острожская? донеслось до ея слуха.

Она оглянулась. Къ ней направлялась живая, энергичная фигура кардинала Коммендоне.

— Радуюсь случаю лично познакомиться съ вами, княгиня, и только мнѣ грустно, что приходится видѣть васъ при такихъ тяжелыхъ для васъ обстоятельствахъ, заговорилъ изысканно любезный итальянецъ. Я сейчасъ видѣлся съ отцомъ Антонио — онъ все передалъ мнѣ... Что-же король... на чемъ вы рѣшили?

Тщетно Беата искала въ свою очередь любезной фразы. Она только проговорила:

— Король? Королю, кажется, не до меня — онъ теперь занятъ танцами.

Кардиналъ сдѣлалъ жестъ, выражающій, что онъ вполне понимаетъ ее и раздѣляетъ ея взглядъ на короля.

— Да, вы правы, онъ занятъ танцами; но это ничему не мѣшаетъ. Сегодня, во всякомъ случаѣ, уже поздно приступать къ дѣйствию, но я вамъ ручаюсь, что все будетъ сдѣлано своевременно. Вашу жалобу нужно представить сенату, сенатъ не откажетъ издать на Сангушко декретъ *Captivationis*, по которому онъ будетъ арестованъ, гдѣ бы онъ ни находился...

— Но, Боже, сколько времени ждать! Онъ завезетъ мою дочь Богъ вѣсть куда... они будутъ имѣть время двадцать разъ обвиняться...

— Въ такомъ важномъ дѣлѣ нужно постараться рассуждать хладнокровно, княгиня. Въ то время, какъ вы ѣхали сюда, они уже вѣроятно успѣли обвиняться. Дѣло сдѣлано. Но, какъ я понялъ изъ словъ отца Антонио, вы не желаете признавать этотъ бракъ ни въ какомъ случаѣ, желаете вернуть къ себѣ княжну, наказавъ ея похитителя...

— Да! я хочу вернуть мою дочь, хотя бы ее обвиняли разомъ всѣ еретическіе попы въ мірѣ.

— Въ такомъ случаѣ декретъ сената сдѣлаетъ свое дѣло, Сангушку арестуютъ, а братъ его, какъ основанный на преступленіи, насиліи, и вопреки вашей родительской воли, будетъ признанъ недействительнымъ... Успокойтесь, княгиня: можно сдѣлать только то, что можно...

И Коммендоне, сказавъ еще нѣсколько любезныхъ фразъ, откланялся Беатѣ.

Она вернулась къ себѣ, пылая мстью и проклиная Сангушку.

Коммендоне отлично обдѣлалъ дѣло. Онъ подготовилъ извѣстнаго Станислава Чариковскаго, и тотъ въ первомъ же собраніи сената сказалъ пламенную рѣчь, гдѣ въ самомъ ужасномъ видѣ выставилъ поступокъ Сангушки и краснорѣчиво толковалъ о поруганныхъ правахъ княгини Беаты. Сенатъ издалъ немедленно декретъ *Captivationis*. Сангушко объявлялся преступникомъ и подлежалъ строгому осужденію. Одинъ только изъ сенаторовъ, Воловичъ, старый другъ князя Константина Острожскаго и покойнаго отца Сангушки, пробовалъ было образумить расходившееся собраніе. Но его голосъ одиноко замеръ. Король былъ вполне согласенъ съ рѣшеніемъ сената...

Беата добилась правосудія, но все же оставалось самое главное—отыскать и захватить Сангушку, отнять у него княжну Елену. Гдѣ были для этого средства? У князя Сангушки было много имѣній въ самой глубинѣ Полѣсья. Много было у него ратнаго люда. Па-

вѣрное, онъ даромъ не дастся. Требовалось войско и хорошей предводитель... Беата не пожалѣла бы, разумеется, никакихъ средствъ, но найти войско тогда было трудно—поляки не любили драться.

Сообразительный Антонио помогъ въ этомъ. Онъ вспомнилъ о панѣ Зборовскомъ, который такъ ухаживалъ за Гальшкой въ Острогѣ. Онъ отправился къ нему и объявилъ, что княгиня готова выдать свою дочь за человѣка, который отниметъ ее у Сангушки. Услышавъ это, загрустившій Зборовскій воспыпалъ новой надеждой и отвагой. У него былъ свой собственный очень значительный отрядъ, отлично вооруженный и обученный. Онъ самъ былъ завѣятый рубака. Принять рѣшеніе было для него дѣломъ минуты. Онъ просилъ Антонио передать княгинѣ Беатѣ, что, или въ скоромъ времени ей будетъ возвращена дочь, или онъ, панъ Зборовскій, никогда уже больше не увидитъ не только Кракова, но даже и солнца небеснаго.

Въ то же время старикъ Воловичъ писалъ Константину Острожскому: „А о томъ, что ты просилъ извѣстить тебя о дѣйствіяхъ княгини Беаты Андреевны, увѣдомляю: сенатъ приговорилъ князя Дмитрія, а отиѣта голова Зборовскій собралъ ужъ своихъ молодцевъ въ погону. Народъ все—не трусь и числомъ ихъ изрядно. Твори какъ вѣдаешь“.

Съ этимъ письмомъ скакалъ гонецъ по дорогѣ къ Острогу.

XI.

Во времена глубокой древности на обширномъ пространствѣ, занимаемомъ Полѣсьемъ, было море. Объ этомъ морѣ упоминаетъ и Геродотъ, о немъ ходятъ рассказы и въ народѣ. Еще до сихъ поръ, по вязкимъ и опаснымъ болотамъ, запрятаннымъ въ глубинѣ льдовъ, время отъ времени находятъ обломки костей морскихъ животныхъ, янтарь, якоря и тому подобныя предметы.

Но точныхъ свѣдѣній относительно этого моря не сохранила исторія. Отъ него осталась только низкая, громадная впадина да странная, непросыхаемая болота. Многочисленныя рѣки въ различныхъ направленіяхъ орошаютъ Полѣсье. Среди болотъ разбѣяны большіе и малые острова — роскошные оазисы. Здѣсь растетъ трава выше роста человѣческаго, родится хлѣбъ отборный, здѣсь много груши, яблони, различныхъ ягодъ. Трудна дорога къ этимъ оазисамъ—до нихъ добраться можно только на волахъ, да и то не всегда безопасно. Въ самое жаркое, сухое лѣто непросыхаютъ полѣскія болота, а среди нихъ предательски бѣлѣются сыпучіе, наносные пески, медленно и неизбежно засасывающіе въ себя все, попадающее на ихъ поверхность.

Въ послѣдніе годы топоръ безжалостно прошелся по Полѣсью и образовалъ огромные просѣки. Картина края начинается пзмѣняться. Но въ XVI вѣкѣ необозримые лѣса тянулись на сотни верстъ и скрывали въ своей непроходимой чащѣ дикую жизнь природы и мѣстнаго люда.

А людь былъ совершенно дикій. Онъ сохранилъ въ себѣ нетронутыми всѣ черты первобытныхъ нравовъ. Неприсутный въ своей лѣсной чащѣ, самою природою отдѣленный отъ возможности всякихъ благотворныхъ вліяній, онъ жилъ только охотой да рыбной ловлей и жарко молился своимъ лѣснымъ и рѣчнымъ божествамъ, чтобы они послали ему удачу...

Лѣнвивый и добродушный, этотъ людь былъ способенъ, однако, на самыя звѣрскія преступленія, къ которымъ побуждали его суевѣрія и глубоко почитаемыя имъ колдуны и колдун и.

Не мало страшныхъ, отвратительныхъ тайнъ хранилъ въ себѣ Полѣсье...

Не много было и поэзіи въ этой дикой жизни, среди мрачной, величественной природы...

Быль вечеръ 22-го июня, канунъ праздника Купалы, одного изъ самыхъ любимыхъ и торжественныхъ праздниковъ языческаго славянства.

Солнце давно уже скрылось за лѣсами. Звѣзды, одна за другою, загорались на потемнѣвшемъ небѣ. Не слышно было ни легкаго дуновения вѣтра. Безъ движенія, торжественной громадой, стояли вѣковыя деревья. И все это—и деревья, и мигающія звѣзды отражались въ водахъ рѣки, будто приостановившихъ свое теченіе. Соловьи—исконные обитатели Полясья, оканчивали свои

пѣсни. Среди болотъ, на обширномъ, покрытомъ дивной растительностью, островѣ — оазисѣ, мелькали огоньки въ маленькихъ хаткахъ—шалашахъ. Это были не осѣдлая жилища, а только лѣтнее пребываніе нѣсколькихъ польскихъ семей, перебравшихся сюда для того, чтобы запастись на зиму хлѣбомъ, овощами и плодами. До сихъ поръ еще такъ поступаютъ бѣлоруссы — весною они покидаютъ свои бѣдныя безплодныя деревни и перебираются на оазисы, гдѣ всего произрастаетъ въ изобиліи.

(Продолженіе будетъ).

ШЕКСПИРЪ И СЦЕНИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ЕГО ВРЕМЕНИ.

Не касаясь біографіи Шекспира, довольно извѣстной всѣмъ и каждому, мы ограничимся лишь указаніемъ тѣхъ интересныхъ фактовъ, которые обрисовываютъ его время и ту роль, которую онъ игралъ въ современномъ ему обществѣ. Шекспиръ, по всей справедливости, былъ феноменальнымъ явленіемъ своей эпохи. Стоитъ только ознакомиться съ состояніемъ драматическаго искусства и литературы въ Англіи до его появленія, чтобы видѣть всю великость его генія. Первые его произведенія были только передѣлками старыхъ пьесъ, пьесъ его предшественниковъ и товарищей, но вскорѣ онъ является самостоятельнымъ мастеромъ и неизмѣримо возвышается надъ своими образцами. Новизна драматическихъ пріемовъ, невиданная гениальность въ развитіи характеровъ своихъ героевъ скоро завоевали Шекспиру извѣстность и славу и отличили его между товарищами по искусству. Нужно сказать, что Шекспиръ явился въ эпоху благодатную для драматическаго писателя. Славный вѣкъ Елизаветы, полный трагизма и великихъ политическихъ событийъ достоинъ былъ отразиться въ гениальныхъ твореніяхъ такого поэта, какъ Шекспиръ. Этотъ вѣкъ вопреки прогрессивности и приторной общественной вѣзливости переполненъ былъ жестокостями и лукавствомъ, которые и должны были несомнѣнно вліять на характеръ драматической литературы. Въ это время чѣмъ выше стоялъ человѣкъ, тѣмъ болѣе было въ немъ испорченности. Вѣроломство, убійство и подлость не считались постыдными средствами для добыванія могущества или богатства. Во главѣ такого безразвѣннаго общества стояла королева Елизавета, принесящая столько жертвъ эшафоту, правившая съ инквизиціонною жестокостью и сама неправшая безъ всякаго стѣсненія человѣческой жизнью и совѣстью. Жестокость была общимъ явленіемъ; никого не смущала ни кровь, ни страданіе. Въ 1586 году Лондонъ былъ очевидцемъ лютой казни Бабингтона и его сообщниковъ по заговору; а въ слѣдующемъ году была обезглавлена Марія Стюартъ. Въ такое то исполненное драматизма время явился Шекспиръ, и немудрено, что во впечатлительности своей природы всѣми этими страшными событиями онъ воспользовался, какъ матеріаломъ для своихъ пьесъ, въ которыхъ подъ другими формами и образами представилъ лица и дѣянія своей эпохи. Эти ужасающія сцены казней и убійствъ не мѣшали, однако, толпѣ съ жадностью посѣщать театральныя зрѣлища, и полюбовавшись вдоволь настоящими ужасами жадать еще ужасовъ театральныя. Страсть къ театру развивалась все болѣе и болѣе; народъ такъ полюбилъ театральныя зрѣлища, что англійскому духовенству стоило большого труда оградить воскресный день отъ подобныхъ представленій. Новое искусство, опираясь на народное сочувствіе, не страшилось никакихъ нападокъ со стороны могущественныхъ властей, а напротивъ того часто бичевало ихъ своими оружіемъ своей необузданной сатиры. Профессія актера стала очень выгоднымъ ремесломъ, и люди этого класса начали мало-по-малу прибрѣтать уваженіе общества. Не слѣдуетъ забывать, что не далѣе какъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ того же столѣтія актеры упоминаются еще въ англійскихъ юридическихъ памятникахъ въ числѣ тѣхъ бродягъ и негодяевъ, которыхъ предписывалось властямъ всюду останавливать, пресѣкая ихъ мерзостнымъ играмъ и зрѣлищамъ. Но такія узаконенія не могли остановить развитіе сценическаго искусства, и народъ, несмотря на запрещеніе, отовсюду стекался, чтобы сморѣть эти мерзостныя игры и зрѣлища. Публика того времени была далеко не взыскательна; сценическія представленія давались въ деревянныхъ сверху открытыхъ балаганахъ; на сцену допускались и постороннія зрители изъ прилегавшаго класса, которые ни мало не стѣсняясь ходомъ пьесы, оборачивались спиной къ партуре и къ актерамъ, курили и играли въ карты; народъ, тѣсясь и толкаясь въ партерѣ, ѣлъ яблоки, грызъ орѣхи, а шелуху бросалъ на сцену. Декорацій не существовало, все это замѣнялось занавѣскою изъ грубой ткани, на которой крупными буквами было написано «мѣсто дѣйствія». Воображеніе зрителей должно было усиленно работать и попонять недостатки сценическаго убранства. Не при лучшей обстановкѣ игрались и гениальныя произведенія Шекспира. Въ прологѣ къ Генриху пятому онъ самъ совѣтуетъ зрителямъ, чтобы они до-

полняли своимъ воображеніемъ недостатки сцены: «попозжайте наши недостатки вашимъ воображеніемъ, говоритъ онъ, дѣлите одного человѣка на тысячу; создавайте цѣлыя арміи; воображайте, когда мы говоримъ о лошадахъ, что вы видите какъ онѣ оттискиваютъ гордыя копыта свои на восприимчивой почвѣ». При такой мизерной сценической обстановкѣ и при отсутствіи декорацій личность актера должна была болѣе выдаваться, и зрители исключительно на него обращали все свое вниманіе. Замѣчательно, что женскія роли въ пьесахъ Шекспира игрались въ то время мальчиками. Строго-правственная Англія долго не соглашалась допустить на сцену женщинъ и съ презрѣніемъ относилась къ французскимъ актерамъ, въ числѣ которыхъ были и женщины. Шекспиръ не обладалъ большимъ сценическимъ талантомъ: онъ вообще игралъ второстепенныя роли. Истолкователю его великихъ характеровъ и типовъ былъ его другъ и товарищъ по сценѣ Бурбеджъ.

Въ 1598 году слава Шекспира достигла высшаго своего предѣла. Критики уже величаютъ его англійскимъ Плавтомъ и Сенекой и отдаютъ ему пальму первенства между драматическими писателями того времени. Въ числѣ друзей Шекспира мы видимъ представителей высшей англійской знати, графа Эссекса и графа Соутгемптова. Только великому таланту онъ обязанъ былъ такими связями при напыщенности и недоступности тогдашней аристократіи. Что же касается до отношеній его ко двору, то они не могли быть близки; скупая и подозрительная королева не особенно благоволила поэту и граничилась только одними похвалами. Официальнымъ поэтомъ двора, такъ называемымъ увѣнчаннымъ поэтомъ, состоялъ какой-то Друммондъ и никто не подумалъ, что въ то-же время, въ Англіи, жилъ величайшій поэтъ всѣхъ временъ и народовъ. Шекспиръ былъ подъ постояннымъ тяготѣніемъ своего званія актера. Въ то время актеръ могъ нажить большое состояніе, но оставался отлученнымъ отъ общества и нравственно запятаннымъ; въ одномъ изъ своихъ сонетовъ, онъ самъ сравниваетъ ремесло актера съ ремесломъ красильщика, какъ тотъ такъ и другой, но его словамъ, занимаясь грязнымъ ремесломъ, пачкаютъ себя невыводимыми пятнами. Послѣ гибели своихъ высокопоставленныхъ друзей, такое горькое чувство должно было еще болѣе овладѣть поэтомъ и только имъ можно объяснить то обстоятельство, что пользуясь богатствомъ и славой онъ неожиданно удалился въ родной свой Стратфордъ и поселившись тамъ, сорока семи лѣтъ отъ роду, закончилъ свою литературную дѣятельность. Вѣрно поэту слишкомъ надоѣли придирки черной, цензуры, нападки завистниковъ и враговъ и чванство напыщенной собой аристократіи. Не радовало его даже и то, что въ царствованіе ученаго Іакова I, преемника Елизаветы, онъ пользовался большими милостями. Посѣщалъ ли онъ дворъ и читалъ ли тамъ свое произведеніе объ этомъ ничего не говорится въ его біографіяхъ, но нельзя отрицать возможности подобнаго факта, послужившаго темой прекраснаго, художественнаго произведенія, изображающаго, какъ великій поэтъ декламируетъ въ присутствіи королевы и блестящаго двора. Вся его фигура дышетъ здѣсь спокойствіемъ и каменъ то олимпійскимъ величіемъ, его умное и прекрасное лице молно мысли и вдохновенія. Но только онъ одинъ спокоенъ; остальные лица выражаютъ сильное душевное волненіе и даже какой-то ужасъ. Не возбудили ли его вдохновенныя строфы угрызѣнныя совѣсти въ этихъ безчувственныхъ и жестокихъ людяхъ этого мрачнаго времени. Видно, что у всѣхъ ихъ есть кое-что на совѣсти; всѣ они были свидѣтелями или дѣйствующими лицами самыхъ раздирательныхъ драмъ и трагедій. Можетъ быть каждому изъ нихъ чудится близость эшафота или Тоуера. Не причастный страстнымъ и низкимъ чувствамъ этихъ людей, Шекспиръ, какъ человѣкъ другого міра, передаетъ имъ свои страшныя и яркія видѣнія.

Онъ читаетъ имъ свою трагедію «Леди Макбетъ» и потрясаетъ ихъ чувства, можетъ быть, слѣдующими словами:

И воронъ
Охрипъ, закаркавъ на прїездъ Дуикана.
Сюда-жь, сюда, о демоны убійства!
Въ мой женскій духъ вселите лютость звѣря!

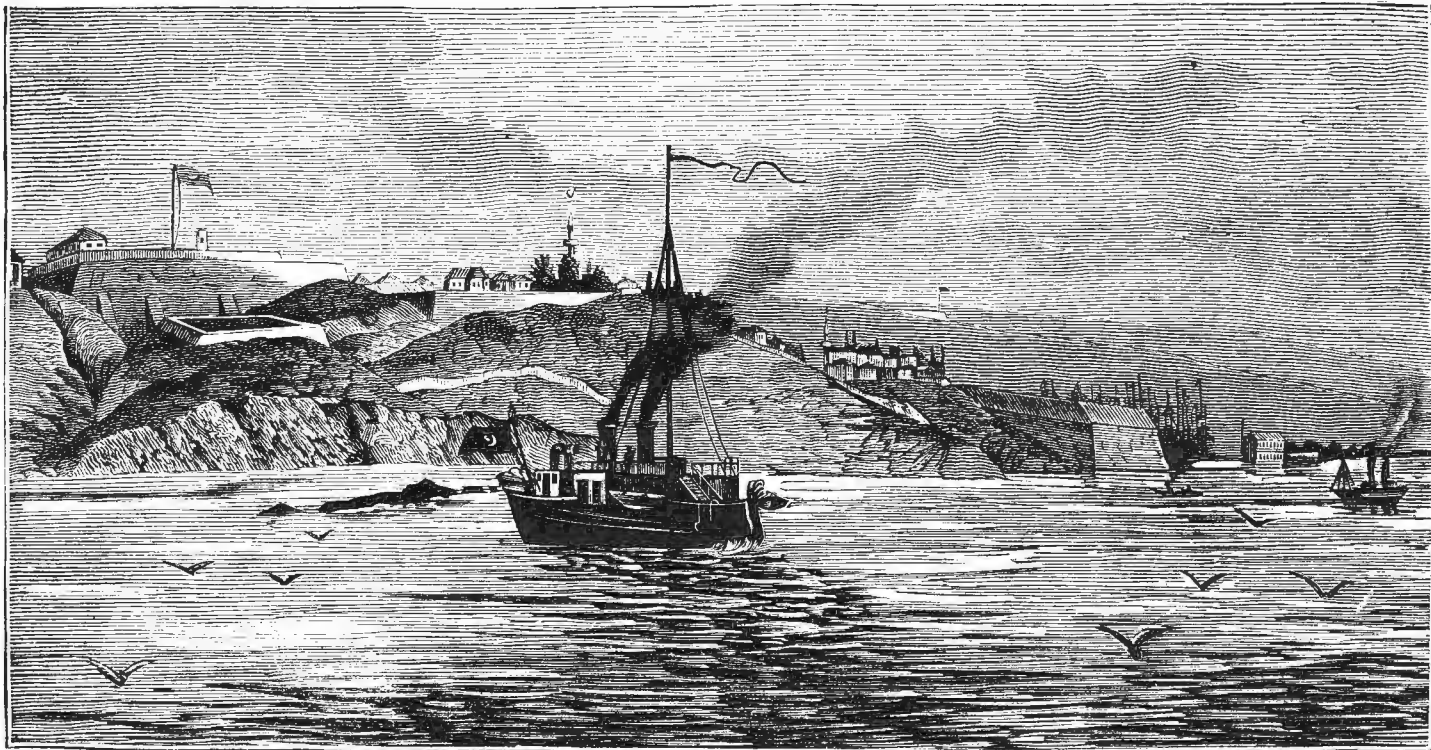
Спустите кровь мою, загородите
Путь сожалѣнью въ моей груди!
И будетъ замыселъ мой твердъ; природа
Не пошатнеть его, и души міра
Моей руки не отклонять. Сюда,
Убийства ангелы, гдѣ-бъ ни витали
Вы въ этотъ часъ, на гибель естеству—
Сюда къ грудямъ моимъ! Сбѣните желчью
Ихъ молоко! Скорѣй, глухая ночь!
Спустися на міръ и въ мрачномъ дымѣ ада
Укрой мой ножъ! Пусть онъ не видитъ раны.
И небо не пронзятъ покровы тьмы
Словами: «стой! остановись!»

(Макбетъ. Дѣйствіа I, сцена V. Пер. Кронсберга).

Со смертью Шекспира надолго умерло и сценическое искусство въ Англіи. Подъ вліяніемъ пуританизма, пустившаго уже тогда глубокія корни въ этой странѣ, театръ былъ закрытъ и съ 1640 по 1660 годъ театральныя зрѣлища не существовали. Лишь при Карлѣ II совершилось возрожденіе театра, но Шекспиръ былъ тогда не въ модѣ, англичане, очарованные французской сценой, смотрѣли на пьесы Шекспира, какъ на несовременныя и отжившія. Лордъ Шефтсбюри прямо называлъ Шекспира «умомъ вышедшимъ изъ моды». Въ 1757 году нѣкто Нахумъ Тетъ пздаль своего короля Лира оговариваясь въ пре-

скаго, господина Шакеспера», почелъ своею обязанностью, приложить къ книгѣ, вмѣсто предисловія, дикія мнѣнія Вольтера. Нужно, при этомъ, замѣтить, что, не смотря на тогдашній авторитетъ Вольтера, у насъ, въ Россіи, и именно у насъ первыхъ, нашелся великій знатокъ и цѣнитель драматическихъ произведеній Шекспира, заявившій совершенно противоположное существовавшимъ тогда о немъ мнѣніямъ, а именно, что драмы Шекспира есть замѣчательныя въ литературномъ отношеніи произведенія, долженствующія занять первоклассное мѣсто въ ряду высокохудожественныхъ произведеній. Такое мнѣніе о Шекспирѣ выказано было нашимъ знаменитымъ историографомъ Н. М. Карамзиннымъ.

Трудно и медленно Шекспиръ добывалъ вновь свою старую славу; много прошло времени пока онъ ее упрочилъ за собой, сдѣлавъ всемірной и вѣчной. Нынѣ Англія высоко цѣнитъ своего гениальнаго поэта. Карлейль, въ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій, высказалъ слѣдующую блестящую тираду «о значеніи для Англіи Шекспира». Если бы насъ спросили «хотите вы, англичане, уступить ваши индѣйскія владѣнія или вашего Шекспира?» Вопросъ былъ бы, въ самомъ дѣлѣ, очень важный. Официальныя особы, конечно, отвѣтили-бы официальнымъ языкомъ, но мы, съ своей стороны, отвѣтили-бы такъ: «съ индѣйскими ли владѣніями или безъ нихъ, но безъ Шекспира мы не можемъ обойтись. Индѣйскія владѣнія, во всякомъ случаѣ, когда нибудь отойдутъ отъ насъ, но этотъ

Рущукъ. Съ наброска нашего спеціального корреспондента рѣзаль Воарскій.

дисловіи, что онъ взялъ мысль изъ пьесы неизвѣстнаго автора прочитанной имъ совершенно случайно. И этотъ, въ то время, неизвѣстный авторъ былъ никто другой какъ Шекспиръ! Не болѣе усѣховъ имѣлъ онъ и за предѣлами Англіи. Вольтеръ съ увѣренностью авторитета прямо заявлялъ, что пьесы Шекспира ни болѣе, ни менѣе какъ чудовищныя фарсы, и весь образованный міръ соглашался съ этимъ мнѣніемъ и не хотѣлъ признать никакихъ достоинствъ «у такого мужика и дикаря какъ Шекспиръ». Русскій переводчикъ издавшій въ Петербургѣ, въ 1787 году «Жизнь и смерть Ричарда III короля англій-

Шекспиръ никогда не отойдетъ отъ насъ; онъ всегда останется съ нами... Нѣтъ, мы не можемъ отдать нашего Шекспира!»

Это выраженіе національнаго сознанія и гордости прекрасно, но Карлейль забываетъ въ своемъ патріотическомъ восторгѣ, что такіе гени, какъ Шекспиръ, не составляютъ достоянія какой нибудь отдѣльной націи: они принадлежатъ всему человечеству, и каждый членъ этой великой семьи въ правѣ сказать тоже самое: «я не отдамъ моего Шекспира».

А. Н.

Въ тихой пристани.

(Къ рисунку).

— Чего, братъ, нахмурился? Пей—славное вино, да и славныя ручьи его наливають...

Красивый молодой морякъ взглянулъ на говорившаго товарища, на молодую дѣвушку, подомедшую къ нему съ бутылкой, и протянулъ ей свой стаканъ.

Она наполнила его плохимъ виномъ, которое морякъ выпилъ залпомъ, а сама сѣла рядомъ на скамейку.

Кругомъ было шумно и дымно. Десятка три подгулявшихъ

матросовъ размѣстились за столами въ закоптѣлой таверніи. Всѣ они съ азартомъ затягивались дымомъ изъ трубокъ и дрянныхъ сигаръ и любезничали съ разносившими вино женщинами.

Утромъ корабль ихъ бросилъ якорь. Дня черезъ два, три имъ предстояло снова пускаться въ далекое плаваніе. Они рѣшились воспользоваться нѣсколькими часами свободы и сѣвши провели ихъ въ свое удовольствіе.

Молодой матросъ, котораго товарищъ упрекнулъ въ нахму-

РУССКІЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ ВЪ СЕРБІИ.

К. Н. Вѣгдановъ. († 23 авг. 1876 г.) Рис. Ваганинъ, грав. Болярскій.

Н. Д. Долматовъ. († генв. 1876 г.) Съ фотогр. грав. Болярскій.

ренности, тоже развеселился. Выпитое имъ вино произвело уже свое дѣйствіе. Голова немного кружилась. Отдѣльные голоса, брань, шутки—все это начинало для него сливаться въ общій гулъ и уходило куда-то дальше. Вотъ онъ уже пересталъ видѣть и слышать товарищей, совершенно забылъ объ ихъ присутствіи. Онъ видѣлъ только красивые черные глаза, блестяшіе передъ нимъ, широкую улыбку, показывавшую бѣлые, ровные зубы.

Дѣвушка говорила какой-то вздоръ и громко смѣялась. Онъ наклонился къ ней и обнялъ ее за талію. Она крѣпко ударила

ею... На лицѣ ея были капли вина, кругомъ было розлито вино, пахло виномъ и табакомъ, густой дымъ ходившій по комнатахъ клубами, ѣлъ глаза..

И вдругъ что-то внезапное и неожиданное потрясло молодого матроса. Онъ отклонился отъ ласкъ женщины и задумался, мрачно понуривъ голову. Среди тумана и дыма, среди дикаго шума безобразной попойки въ его воображеніи нарисовалась позабытая картина...

Маленькій, бѣдный домикъ, у домика садикъ, густо разрос-

Возвращеніе сербскихъ дѣтей въ родное село. Съ наброска, грав. Болярскій.

его по рукъ; но въ то же время не ушла отъ него, а придвинулась еще ближе.

Онъ поднесъ стаканъ къ губамъ. Она дернула его за руку—вино расплескалось, полилось ему на грудь, стекало каплями съ усовъ его. Онъ привлекъ къ себѣ дѣвушку и сталъ цѣло-

війся, душистый и тѣнистый. Теплый, лѣтній вечеръ. Солнце заходитъ и съ запада тихо плывутъ и таютъ въ глубинѣ небесной легкія розоватыя облачка, ежеминутно мѣняющіе свои причудливыя формы. Кругомъ все такъ тихо, такъ полно счастья, лилаго, убаюкивающего спокойствія.

Подъ кустомъ жасмина, залитого обильнымъ, душистымъ дѣв-томъ, на низенькой скамейкѣ сидитъ, молоденькая дѣвушка. Молодой матросъ только что отворилъ калитку садика и неслышными шагами приближается къ скамейкѣ. Онъ одѣтъ въ свою праздничную куртку, его кудри тщательно расчесаны, въ рукахъ у него букетъ красивыхъ, свѣжихъ цвѣтовъ. Дѣвушка еще не замѣтила его—она вся ушла въ свою работу, а, быть можетъ, и въ свои думы...

О, какъ забилось его сердце, какъ глаза его смотрятъ неотрываясь на это свѣжее, певинное личико...

Вотъ она наконецъ его замѣтила, вся оживилась и радостно протянула ему руку.

Онъ бросился къ ней, онъ припалъ къ ея рукѣ, покрывая ее поцѣлуями, а она склонилась къ нему на плечо съ довѣрливымъ и нѣжной лаской.

— Милый мой, женихъ мой, вѣрный спутникъ на всю жизнь...

— Ну, что же ты сидишь, какъ истуканъ какой! Что за кислая мина! пробудилъ его отъ грезы рѣзкій голосъ. Дай, я налью тебѣ еще вина, да будь по любезнѣй—а то я и къ другимъ пойду: не въ молчанку же намъ играть съ тобой...

Волоса говорившей растрепались, на корсажѣ смятаго платья были видны пятна отъ вина, черные глаза глядѣли дерзко и безстыдно.

Онъ съ отвращеніемъ оттолкнулъ ее отъ себя и выбѣжалъ какъ сумасшедшій изъ таверны...

Вода и небо, небо и вода въ однообразномъ, безпредѣльномъ кругѣ. Быстро мчится корабль, полнымъ ходомъ идетъ онъ днемъ и ночью, и никакъ не выйти ему изъ закодированнаго водянаго круга. Какъ ни гляди—все кажется, что стоитъ онъ неподвижно, въ самомъ центрѣ необъятнаго горизонта.

Вода и небо, небо и вода. Небо ясно и безоблачно—и вода отлиываетъ бирюзовымъ цвѣтомъ. Тихо и мѣрно, какъ огромная полная чаша, колыхается море и только отъ корабля во всѣ стороны разбѣгаются быстрыя волны, искрятся на солнцѣ серебряными гребешками...

Но вотъ потемнѣло небо, потянуло холодный вѣтеръ; налетѣли откуда то и за клубились черныя тучи—потемнѣла и вода, заплескалась и застонала чаша моря. Расходилась грозная, слѣпая, немолчаливая сила. Поднимаются волны все выше и выше, принимая чудовищные формы, взлетая на палубу и обдавая матросовъ холодной пѣной.

На кораблѣ лихорадочное движеніе. Порывистый вѣтеръ отпоеетъ въ сторону слова команды. Трещать, скрипеть и стонуть снасти. Все сдѣлано, что можно сдѣлать; но много ли можетъ человѣкъ передъ расходившейся силой природы... Часы проходить, а буря неутихаетъ. Опасность грозитъ все больше и больше. Вотъ уже съ вышины мачты сорвало матроса и несчастный, описавъ дугу въ воздухѣ, полетѣлъ въ бѣснующуюся волну. Нечего и думать о его спасеніи...

Бываютъ минуты, когда корабль отъ напора волнъ принимаетъ почти вертикальное положеніе. Люди дѣлаютъ отчаянныя усилія, хватаются за что попало, катятся по мокрому дереву, расшибаются и стонутъ отъ боли. Наступаетъ роковая минута. Всѣ думаютъ, что теперь погибель.

Молодой матросъ на мачтѣ; силы его оставляютъ, онъ едва

держится руками за обледѣлую снасть... Но въ воображеніи воскресаютъ милые, дорогие сердцу образы, и онъ снова собираетъ всю свою эвергію, снова жажда жизни овладѣваетъ имъ. Въ то самое мгновеніе, когда его пальцы уже готовы были разжать веревку, за которую онъ держался, теряя послѣднія силы, въ воображеніи рисовалась бѣдная, но уютная комната. Все въ ней дышетъ заботливостью и чистотою. На всемъ замѣтенъ зоркій, опытный глазъ хорошей хозяйки. Вотъ и сама эта хозяйка. Она еще лучше, пожалуй, чѣмъ въ тѣ дни, когда невѣстой сидѣла въ душистой тѣни маленькаго садика. Когда онъ глядѣлъ въ послѣднее время на это милое лицо—его сердце ужъ не било тревогу, губы не искали жадно ея поцѣлуевъ. Но все же это лицо было ему дорого, было несравненно дороже и милѣе прежняго. Это было лицо вѣрнаго, надежнаго друга, друга, который не продастъ и не измѣнитъ. Память хранила въ себѣ многія размолвки, бурныя ссоры, порою бѣдкіе упреки—но все это проходило безслѣдно и не въ силахъ было затуманить сознанія ея много, много разъ доказанной горячей привязанности, ея любви самоотверженной. И зналъ онъ одно: какія бы неудачи ни приготовила ему жизнь—всѣ оставятъ, всѣ отвернутся, всѣ отойдутъ съ холоднымъ безучастіемъ—одеа она не оставитъ, не отвернется, одна она успокоитъ его, раздѣлитъ съ нимъ и горе его, и радость...

А вотъ въ той же комнаткѣ, въ уголку, за пологомъ кровати, спятъ безмятежно двое дѣтей. О! какъ онъ любитъ ихъ маленькія, розовыя лица. Съ какимъ блаженствомъ онъ сидитъ за ними, когда только что начинало проявляться въ нихъ сознаніе, когда нерѣшительно дѣлались первые шаги, произносились первые слова, еще такъ похожія на птичій лепетъ. Съ какимъ ужасомъ, съ какой надеждой подходилъ онъ къ нимъ во время ихъ первыхъ болѣзней, съ какою радостью встрѣчалъ едва замѣтные признаки выздоровленія...

Вѣтеръ стучится въ окошко, крупныя капли дождя бьются о стекло. Молодая женщина тоскливо прислушивается къ этимъ звукамъ. «А что, если и тамъ и буря, думаетъ она,—что если и тамъ, въ открытомъ море, также свиститъ, еще больше свиститъ вѣтеръ!»

— Боже, спаси его! шепчетъ она и начинаетъ горячо молиться. Тихія слезы текутъ изъ глазъ ея, и они ихъ незамѣчаютъ.

Дѣти проснулись, взглянули на мать.

— Мама! О чемъ ты? шепчетъ одинъ изъ нихъ.

— Дѣти, помолитесь за отца, помолитесь, чтобы Господь спасъ его...

И дѣти, широко раскрывъ свои большіе глаза и набожно скрестивъ ручки, шепчутъ молитву...

Крѣпче, крѣпче уцѣпились пальцы матроса за веревку...

Долго еще стояла буря, но ея порывы становились все медленнѣе и слабѣе. Черезъ часъ всѣ поняли, что корабль спасенъ.

Прошло нѣсколько дней счастливаго плаванія и вотъ раннимъ утромъ оказалась въ туманѣ родная пристань...

Матросъ кинулся къ себѣ домой... Восторги... объятія...

— Спасительница моя, шепчетъ онъ рыдая въ объятіяхъ жены и долго долго потомъ лился изъ его глазъ тихія, чистыя слезы радости и счастья!..

КЪ РИСУНКАМЪ.

Процессъ московскаго коммерческаго ссуднаго банка и Струсберга

Въ № 48 «Нивы» прошлаго года была помѣщена довольно подробная біографія доктора Струсберга. Такимъ образомъ, мы предполагаемъ, что читателямъ уже извѣстно прошедшее этого человѣка, сзубывшаго силой своего спекулятивнаго ума изъ бѣдняка сдѣлаться обладателемъ миллионъ. Подорванный въ кредитъ въ своемъ отечествѣ и постоянно нуждаясь въ деньгахъ, Струсбергъ обратилъ свои взоры на Россію. Ему удалось, благодаря знакомству съ директорами ссуднаго московскаго банка, Ландау и Полянскимъ, опустить руки въ кассу этого банка и взять изъ него въ ссуду семь миллионъ.

До струсбергскаго погрома московскій ссудный банкъ, открытый въ 1870 году, вель свои дѣла благополучно. Директора всевластно въ немъ хозяйничали, а акціонеры составляли панургово стадо, вполнѣ полагавшееся на умъ и честность высокыхъ людей, управлявшихъ ихъ деньгами. Безотвѣтственность и безконтрольность получили въ банкъ правильную организацію. Сами члены правленія мало понимали свои прямыя обязанности, а если находили безпорядокъ, то ничего не предпринимали къ ихъ устраненію. На такой-то благоустроенный банкъ счастливая судьба натолкнула Струсберга. Благодаря содѣйствію Ландау и Полянскаго, онъ совершилъ безъ затрудненій свой грандіозный заемъ. Подкупая благорасположенія директоровъ значительными кушамъ, Струсбергъ такую операцію считалъ совершенно честнымъ и безкорыстнымъ дѣломъ. Въ число бумагъ, обезпечивающихъ его долгъ онъ беззащитно навязалъ банку акціи нѣмецко-богемской желѣзной и стальной промыш-

ленности, съ которыми на берлинской биржѣ никакихъ дѣлъ никогда не происходило, и несуществующей линіи парижско-норбонской желѣзной дороги, которая, самъ Струсбергъ, въ письмѣ къ доктору Штерну, называлъ ничего не стоящимъ тряпьемъ. По словамъ же Струсберга, онъ дѣйствовалъ самымъ законнымъ образомъ, даже часто измѣнялъ своей натурѣ, лице-мѣрилъ и выражалъ благодарность и любовь тамъ, гдѣ могъ питать лишь глубокое отвращеніе, въ виду лишь того, что данная ему банкомъ помощь дастъ ему средства расплатиться со всеми и спасти свое доброе имя. Далѣе, онъ выражаетъ такое мнѣніе, что если банкъ и не былъ въ правѣ дѣлать подобнаго рода операціи, то онъ, Струсбергъ, всегда былъ въ правѣ занимать и платить за это, и что онъ, давая изъятки, хотя и сознавалъ, что это не нравственно и не честно, но въ то же время думалъ, что это мѣстный обычай, и что онъ, какъ иностранецъ, не обязанъ облагороживать русскіе нравы. 5-го октября 1875 года члены совѣта московскаго ссуднаго банка по ихъ собственному признанію, къ ужасу своему узнали, что Струсбергъ получилъ изъ банка семь миллионъ, безъ всякаго цѣннаго обезпеченія, но въ виду личныхъ пѣлей не остановили операціи банка и продолжали принимать вклады, хотя выдавали ихъ только своимъ членамъ и лицамъ, имѣющимъ съ ними родственныя или торговыя связи. Въ то же время, убѣдясь въ отчаянномъ положеніи банка, совѣтъ послалъ депутацію къ министру финансовъ съ тѣмъ, чтобы просить его помощи подъ обезпеченія Струсберга, но получивъ отказъ, долженъ былъ 11-го октября закрыть банкъ окончательно. Прокурорскій надзоръ, которому было донесено, что банкъ разоренъ мошенническими дѣйствіями лицъ, стоявшихъ во главѣ его управленія,

точка возбудил уголовное преследование, как против Струсберга, главного виновника разорения банка, так и против директоров и членов совета, как лиц способствовавших банкротству и закрытию вверенного им учреждения. Процесс по этому уголовному делу теперь разматывается в московском окружном суде. Помыщаемъ въ этомъ № «Нивы» рисунокъ, дающій понятія о дѣйствующихъ въ этомъ процессѣ личностяхъ, приговоръ же суда сообщимъ своевременно.

Рушукъ.

Рушукъ, по болгарски Руссе, лежитъ на правомъ берегу Дуная и замѣчательнъ, какъ важный стратегическій пунктъ и какъ центръ турецкой административной власти надъ всей несчастной Болгарской провинціей. Жителей считаютъ въ Рушукѣ до 30.000; по національности они турки, болгары, греки, евреи и армяне, но турецкое население здѣсь значительно преобладаетъ и состоитъ преимущественно изъ рабочаго класса. Турки здѣсь лодочники, водоносы, носильщики, мясники и торговцы мелкимъ товаромъ. Болгаръ въ Рушукѣ очень немного и они большею частью скучены въ одномъ восточномъ кварталѣ. Евреи сходятся съ ними по наклонности къ торговству. Армяне занимаютъ выгодные профессіи банкировъ, маклеровъ и ростовщиковъ. Торговля здѣсь весьма значительна, особенно по вывозу въ Вѣну шерстяныхъ издѣлій, производствомъ которыхъ Рушукъ особенно славится. Десять лѣтъ тому назадъ это былъ жалкій городишко. Нынѣ же онъ значительно обстроился и въ немъ много греческихъ и армянскихъ церквей, девять мечетей, синагога, бани и нѣсколько гостиницъ, устроенныхъ на европейскій ладъ (а ла франка), т. е. нѣсколько удобныхъ и опрятныхъ. Большинство его домовъ, принадлежащихъ туркамъ, имѣетъ весьма печальный и однообразный видъ. Это сплошныя, голыя, кругомъ замурованныя стѣны, плохо оштукатуренныя и совершенно не бѣлены. Столь обыденныя въ Константинополѣ деревянныя рѣшетки, за которыми скрываются и смотрятъ на улицу гаремныя затворницы, здѣсь почти не встрѣчаются; для прогулокъ гарема отведенъ внутренній дворъ, высокая деревья котораго почти видны изъ-за массивной стѣны дома. Вся мелкая промышленность здѣсь совершается въ глазахъ прохожихъ: въ маленькихъ, открытыхъ помѣщеніяхъ, построенныхъ по обѣимъ сторонамъ улицъ, вы увидите, какъ работаютъ портные, сапожники; тутъ же брадобрѣи декорируютъ физиономіи и головы своихъ почитателей, а мелкие торговцы раскладываютъ съ своимъ разнообразнымъ товаромъ. Тутъ же цѣлыми массами бродятъ или лежатъ въ разныхъ позахъ, мѣшая проходъ, бездомныя собаки, которыхъ въ каждомъ турецкомъ городѣ великое множество. Санитарныя мѣры здѣсь не известны, и близкое соседство могилъ съ городскими зданіями не возбуждаетъ еще никакихъ опасеній турецкой администраціи.

Заговоривъ о Рушукѣ, нельзя не вспомнить, что это укрѣпленіе стоило много крови нашему русскому воинству. Еще въ 1773 году Суворовъ, по приказанію главнокомандующаго графа Салтыкова, отправился съ небольшимъ отрядомъ для взятія Рушукъ, считавшагося тогда первоклассной крѣпостью. Бурная погода развѣяла лодки съ десантомъ и тѣмъ кончилось это рискованное предпріятіе. Въ 1774 году Салтыковъ самъ обложилъ Рушукъ, но Кучукъ-Кайнарджійскій миръ не дозволилъ ему довести до конца осады. Въ компанію 1810 и 1811 года Рушукъ снова былъ осажденъ русскими войсками подъ начальствомъ графа Каменскаго. Первый штурмъ его неудался и стоилъ огромныхъ потерь, но послѣ побѣды у Батина, одержанной надъ турками, Бошнякъ-Ага, комендантъ Рушукъ, не могъ бодрѣ держаться, и 15 сентября 1810 года городъ былъ занятъ русскими войсками. Въ послѣднюю войну съ Турціей наши войска хотя и стояли около Рушукъ но военныя дѣйствія ограничивались здѣсь лишь небольшими и неважными стычками.

Русскіе добровольцы въ Сербіи Н. Н. Богдановъ и Н. Д. Далматовъ.

Н. И. Богдановъ сынъ полковника, потомственный дворянинъ, родился въ г. Симбирскѣ въ 1847 г. 16-го декабря. Образование получилъ въ Казанской гимназіи, по окончаніи курса въ 1864 г. поступилъ въ 17 артиллерійскую бригаду юнкеромъ. Произведенный въ прапорщики въ 1869 году въ Бутырскій пѣхотный полкъ, онъ перешелъ въ Калужскій Императора Германскаго, Короля Прусскаго полкъ и въ немъ былъ произведенъ въ подпоручики и поручики, занимая должность батальоннаго адъютанта. Женившись въ 1872 году и выйдя затѣмъ въ отставку, онъ служилъ мировымъ судьей въ г. Царевкопшайскѣ. Засимъ, оставивъ коронную службу, въ 1876 году былъ бухгалтеромъ у одного торговаго товарищества въ Казани. Возмущенный звѣрскими поступками турокъ, К. Н. рѣшился ѣхать въ Сербію на защиту угнетенныхъ христіанъ. Отъ 14

(26) августа онъ написалъ изъ Кладова корреспонденцію, помѣщенную въ «Казанскомъ Биржевомъ Листкѣ», въ № 70. Она была первая и послѣдняя. 20-го августа при Алексинцѣ тяжело раненый въ животъ, онъ умеръ 23-го августа въ парачинскомъ военномъ госпиталѣ.

Н. Д. Далматовъ отправился изъ Россіи въ Сербію однимъ изъ первыхъ волонтеровъ, еще въ октябрѣ прошлаго года, а въ первыхъ числахъ января мѣсяца былъ убитъ въ Босніи. Онъ служилъ въ военной службѣ и въ 1865 году вышелъ въ отставку въ чинѣ подпоручика и уѣхалъ въ Нежній Новгородъ, чтобы въ качествѣ мѣстнаго землевладѣльца принять участіе въ земскихъ дѣлахъ. Тутъ онъ даритъ бывшимъ своимъ крестьянамъ весь оброкъ, слѣдовавшій съ нихъ за землю, а оставшіяся за надѣломъ 200 десятинъ жертвуетъ земству на устройство сельскихъ школъ. Когда началось Кандійское возстаніе, въ немъ вспыхнула страсть къ борьбѣ за правду и свободу съ братьями славянами противъ турецкаго деспотизма, и онъ рѣшилъ отправиться въ Сербію; но убѣдившись что не дожидаться въ Сербіи войны, Далматовъ вернулся въ Россію. Здѣсь за періодъ времени съ 1869 по 1876 годъ онъ былъ сначала помощникомъ управляющаго въ Катаво-Ивановскомъ жѣлѣзнодорожномъ заводѣ, Уфимской губерніи, потомъ управляющимъ въ разныхъ имѣніяхъ: на Кавказѣ, въ Уфимской губерніи, въ Тверской, затѣмъ агентомъ рѣчнаго общества на Мариинской системѣ. Съ началомъ Герцеговинскаго возстанія въ 1875 г., въ немъ опять проснулась жажда борьбы за святое дѣло: онъ отправился въ Бѣлградъ, чуть ли не первымъ русскимъ добровольцемъ. Отъ 18-го декабря 1875 года онъ уѣдомлялъ, что былъ раненъ въ стычкѣ съ турками и не оправившись хорошенько отъ раны, вновь участвовалъ въ экспедиціи, но послѣ нея такъ ослабѣлъ, что едва дотащился до мѣста стоянки...

Возвращеніе сербскихъ дѣтей въ родное село.

Настоящая славяно-турецкая война представляетъ намъ безпрерывный рядъ самыхъ трагическихъ эпизодовъ, совершающихся въ разныхъ мѣстахъ Балканскаго полуострова. Это — не война, а великая кровавая драма, не на сценѣ, а въ дѣйствительной жизни, съ безчисленнымъ количествомъ дѣйствій и подраздѣленій; каждый эпизодъ составляетъ отдѣльный актъ этой великой драмы, и каждый актъ запечатлѣнъ кровью. Эта драма тѣмъ замѣчательна, что число актовъ или дѣйствій въ ней постоянно растетъ и прибавляется, оставляя зрителя въ самомъ напряженномъ и мучительномъ ожиданіи: «когда же будетъ конецъ всемъ этимъ ужасамъ?» Не успѣетъ онъ задать себѣ этого вопроса, какъ новое дѣйствіе уже передъ его глазами; и такъ идутъ они поочередно, какъ въ калейдоскопѣ, съ ужасными возмущающими душу картинами, отъ которыхъ болить и надрывается сердце.

Но среди всѣхъ отдѣльныхъ ужасныхъ сценъ, есть еще тысячи драматическихъ положеній, невидимыхъ простыми глазами. Не все люди падаютъ подъ ударами баши-бузукскаго ятагана; остается не большая часть, которымъ удалось такъ или иначе избѣгнуть ужасной участи; но что это за жизнь? Кто можетъ узнать, что совершается въ душѣ этихъ людей, кака я драма происходитъ тамъ? Какія мысли и чувства овлаживаютъ человекомъ, у котораго въ жизни не осталось никакихъ привязанностей, ни одного дорогаго существа.

Одинъ изъ такихъ эпизодовъ представленъ въ сегодняшнемъ номерѣ нашего журнала. Молодой двѣдушкѣ удалось, какимъ-то чудомъ, убраться отъ неистовства турокъ и спасти съ собою живѣе маленькую сестру. Спустя нѣкоторое время она возвращается въ свое родное село. Она, быть можетъ, смутно чувствовала, что бесполезно идти туда, гдѣ нѣтъ болѣе нікого изъ близкихъ, дорогихъ сердцу людей; она, быть можетъ, инстинктивно сознавала, что уже не встрѣтитъ ее болѣе мать, что нѣтъ и брата на свѣтѣ. Она видѣла даже, какъ загла баши-бузукъ ея родное село, въ которомъ она провела лучшіе свои годы, съ которымъ у нее связаны дорогія воспоминанія жизни; но она все-таки пошла. Какая-то смутная, туманная надежда таилась въ душѣ и повела ее туда, гдѣ она хотѣла бы встрѣтить кого-нибудь изъ живыхъ, увидѣть свой домъ... И вотъ она приходитъ, только не въ прежнее, веселое, угопавшее въ зеленое село, а на то мѣсто, гдѣ было оно. Глазамъ ея представилось зрѣлище потрясающее. Беспорядочные дымящіяся груды домовъ и построекъ, обуглившіяся человѣческія скелеты, по которымъ не возможно опредѣлить—кому они принадлежатъ, кого должны были такъ недавно изображать! А гдѣ отецъ, мать, братья? Увы, напрасные поиски! Все предано огню и разрушенію безжалостными варварами. Кругомъ безмолвіе, и—пустота во все стороны! Смерть въ самомъ ужасномъ значеніи этого слова царилла здѣсь на просторѣ. Тяжко на сердцѣ двѣдушки, и только маленькая сестра ея не сознаетъ значенія окружающей ея обстановки... но на долго-ли? Бѣдныя дѣти!

Политическое обозрѣніе.

Нашъ посолъ при Константинопольскомъ дворѣ, генералъ Игнатьевъ, при врученіи 13 (15) октября султану Гаиду II

своихъ вѣрительныхъ грамотъ, высказалъ слѣдующее: «Императоръ Александръ понимаетъ затруднительное положеніе и не

скрывает своих симпатий къ славянамъ Турціи. Онъ желаетъ, чтобы нынѣшнее затрудненіе было устранено, и чтобы султанъ прислушался къ улучшенію участи своихъ подданныхъ». Султанъ на это отвѣчалъ, что сожалѣетъ о событіяхъ, затрудняющихъ его реформаторскіе проекты, что разсчитываетъ на поддержку Провидѣнія въ достиженіи новой эры мира, которая дозволитъ ему сдѣлать свой народъ счастливымъ и что надѣется на помощь со стороны Императора Александра въ дѣлѣ осуществленія своихъ задачъ. Что послѣдуетъ за симъ—теперь ничего сказать нельзя. Есть слухъ, что генералъ Игнатьевъ, послѣ оффиціального представленія Султану своихъ вѣрительныхъ грамотъ, будетъ имѣть съ нимъ еще свиданіе.

Къ числу немаловажныхъ политическихъ новостей прошлой недѣли нужно присоединить и разнесшійся повсюду слухъ объ отставкѣ графа Андраши. Если даже слухъ этотъ не осуществится, то во всякомъ случаѣ видно то, что въ принципахъ иностранной политики Австріи предостойтъ существенное измѣненіе. Весьма понятно, почему газеты вопросъ объ отставкѣ Андраши поставили въ зависимости отъ вопроса о союзѣ Россіи съ Австро-Венгріей. Политика Андраши, насколько она выслышалась въ теченіе пяти лѣтъ его премьерства, есть политика *мадьярская*, даже по самому своему существу несовмѣстная съ интересами славянъ, да и съ истинными интересами самой Австріи.

Что касается сербско-турецкой войны, то на прошлой недѣлѣ телеграфъ доставлялъ намъ весьма противорѣчивыя извѣстія, которыя волновали наше общество, такъ близко принимающее къ сердцу интересы борющихся славянъ. Дошло, напримѣръ, вѣроятно по нѣкоторому недоразумѣнію корреспондентовъ, печальное извѣстіе, что турки съ успѣхомъ пробиваются къ Алексинцу, что Дюнишскія позиціи взяты. Эта вѣсть поразила наше общество, потому что со взятіемъ Дюнишскихъ позицій положеніе сербской арміи становится почти отчаяннымъ.

Въ дѣйствительности дѣло происходило такъ: турки съ большими силами напали на Дюнишъ. Сербы сначала отступили, но потомъ имъ удалось, 13-го (25) октября, послѣ упорнаго боя и при значительныхъ потеряхъ съ обѣихъ сторонъ принудить турокъ къ отступленію. Еще значительно было нападеніе турокъ на Дюнишскія высоты 21 октября въ 9½ часовъ вечера. Турки, послѣ огромныхъ усилій были отброшены назадъ, такъ что не имѣли времени убрать убитыхъ и раненыхъ. Что касается военныхъ операцій на Ибарѣ, то онѣ также неудачны для турокъ. Такъ, 25 (13) октября, турки, узнавъ, что генералъ Новоселовъ послалъ отрядъ войскъ противъ Новаго Вароша, съ значительными силами атаковали сербскія позиціи, чтобы прорвать сербскія линіи. Тогда сербскій правый флангъ (это движеніе въ стратегическомъ отношеніи весьма важно), попалъ на турецкія позиціи съ ихъ лѣваго фланга. Послѣ упорнаго боя сербы были взяты одинъ шанецъ; турки же понесли значительный уронъ отъ сербскаго артиллерійскаго огня.

Князь Карлъ румынскій телеграфировалъ князю Милану, что онъ становится во главѣ своей арміи. Въ Добруджѣ произошли серьезныя безпорядки и ожидають поголовнаго возстанія. Англія отправила въ Варну корабль. Въ Травникскомъ санджакѣ (къ сѣверо-западу отъ Сераева) усиливается возстаніе; въ этомъ возстаніи принимаютъ уже участіе и славяне-католики. Изъ Южна извѣщаютъ отъ 12 (24) октября, что двѣ четы изъ инсургентнаго корпуса Деспотовича напали 20 октября на турецкій городъ Петровичъ и взяли его. Цитадель этого города окружена.

Турки уже нарушили три раза неприкосновенность австрійской территоріи. Первый случай нарушенія былъ 12 (24) октября. Турецкій отрядъ, около Салине, близъ Рагузы, *унализъ* на австрійской территоріи скотъ, принадлежащій австрійскимъ подданнымъ; *второй* случай при Стравцѣ, третій разъ — при

Осойникѣ, близъ Рагузы, при чемъ населеніе Осойника прогнано турокъ. Это троекратное нарушеніе австрійской границы совершено летучими отрядами, высланными Мухтаръ-пашею для угона всего скота, опустошенія полей и обращенія въ пепель удѣлѣвшихъ мѣстностей долины Шумы, Попова поля и вдоль австрійской границы. Изъ сожженаго здѣсь селенія Китра, близъ Гребцовъ, турки увели женщинъ и *перерзали въ немъ ость дѣтей*. Это турецкое варварство выдается особенно тѣмъ, что, въ ослѣпленіи турки даже нисколько не замѣчаютъ всей важности послѣдствій нарушенія австрійской территоріи.

Нельзя не упомянуть и о блестящихъ подвигахъ черногорцевъ. Въ числѣ ихъ геройскихъ подвиговъ на прошлой недѣлѣ нужно отмѣтить взятіе турецкой крѣпости Медуна, которая сдалась на капитуляцію. При этомъ 400 турокъ, составлявшихъ горнизонъ, а также орудія и снаряды достались въ руки черногорцевъ. За блестящую храбрость, герою взятія Медуна, воеводѣ Ильѣ Пламенацу, князь черногорскій пожаловалъ высшей черногорскій орденъ, св. Петра, и другому герою, воеводѣ Марку Милановцу, звѣзду ордена Данилы.

Нельзя не остановиться также на одномъ весьма отрадномъ сообщеніи газеты «l'Italie», имѣющемъ громадное значеніе для успѣховъ нашего флота, на случай могущей быть войны. Именно: итальянское правительство соглашается на зимовку нашей панцирной эскадры подъ командою вице-адмирала Бутакова въ одной изъ южно-итальянскихъ гаваней. Благодаря этому, наши морскіе боевыя силы, въ случаѣ надобности, будутъ готовы къ отправкѣ на Востокъ.

РЪШЕНІЕ

шахматной задачи № 42.

1) D 6 — F 8	1) E 3 — D 4
2) F 8 — G 7×	2) D 4 — E 3
3) F 5 — F 6	3) E 3 — D 4
4) F 6 — F 3××	

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

- 1) С.-Петербургъ. Кронв. пр. А. Г.—ву. Не имѣя окончанія, опредѣленнаго сказать нельзя.
- 2) Царское село. О. Д. Аф.—ной. Очень юно, много «сочиненія» и нѣтъ простоты. Считаю нужнымъ замѣтить вообще, какъ по отношенію къ вашей повѣсти, такъ равно и другихъ очень, очень многихъ авторовъ, что если ужъ такъ сильна страсть къ литературѣ, то лучше заняться такой работой, которая полезна, а «художественную» литературу оставить въ покоѣ. Если же браться за нее, то необходимо серьезно къ этому подготовиться.
- 3) Поступившіе въ редакцію въ пользу семействъ пострадавшихъ отъ войны въ Босніи и Герцеговинѣ: собраніе М. Монаховымъ, въ с. Владыкирскомъ 21 р., г. Царское, въ с. Зайбиховкѣ 20 р.; отъ г. Новосаго, въ д. Козуевоцѣ 1 р., Пожарскаго, въ Урѣ 5 р., Богомолова, въ Омскѣ 6 р., подличника «Нивы», въ Тулѣ 1 р., Шмова, въ Ново-Григорьевѣ 50 к., подличника «Нивы», на ст. Панфилово 5 р., К. И. Холмной и Н. Н. Власовой, въ Екатеринбургѣ 6 р., Шемтанова, изъ с. Копнаго 2 р., А. Зыбина, изъ Иваново-Вознесенска 3 р. и Нейландъ изъ Тулы 50 коп., всего 71 р.; а также отъ гг. Симонова, изъ Плоцка, личья съ корнѣю, Тарасова два свертка холста—сданы въ Главное Управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, подъ квитанцію управленія за №№ 875, 978 и 1888.

СОДЕРЖАНІЕ: Генералъ Семень Корниловичъ Новоселовъ (съ портретомъ).— Изъ путевой книжки (стихотв.) W. W.—Княжна Острожская. Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева. (Продолженіе).—Шекспиръ и сценическое искусство его времени (съ рисункомъ).—Въ тихой пристани (съ рисункомъ). — Къ рисункамъ: Процессъ московскаго коммерческаго ссуднаго банка (съ рисункомъ).—Русуцъ (съ рисункомъ). — Русскіе добровольцы К. Н. Богдановъ и Н. Д. Далматовъ (съ 2-мя портретами).—Возвращеніе сербскихъ дѣтей въ родное село (съ рисункомъ).— Политическое обозрѣніе. — Рѣшеніе шахматной задачи.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Редакторъ Д. Стахѣевъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

О продолженіи изданія въ будущемъ 1877 году духовнаго журнала «СТРАННИКЪ». Годъ восемнадцатый.

Журналъ «Странникъ» будетъ издаваться въ будущемъ 1877 году въ прежнемъ строго-православномъ направленіи и по прежней программѣ, имѣющей въ виду удовлетворить потребностямъ большаго числа читающей публики. Въ составѣ журнала входятъ: 1) Богословскіе очерки знаменитыхъ духовныхъ дѣятелей (съ приложеніемъ, по временамъ, ихъ портретовъ); 2) статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по исторіи отечественной Церкви; лучшія проповѣди; 3) Вибліограрія, въ предѣлахъ которой входить краткій *разборъ* *всѣхъ* вновь выходящихъ *духовно-нравственныхъ* книгъ; 4) внутреннее и иностранное церковныя обозрѣнія; правительственныя распоряженія и разныя извѣстія, и 5) Замѣтки.

Условія подписки на 1877 годъ остаются также прежнія: за 12 чиселъ «Странника»—4 руб. безъ пересылки, и пять руб. съ пересылкою во всѣ почтовые мѣста имперіи. Адресоваться: *Въ редакцію духовнаго журнала «Странникъ» — въ С.-Петербургѣ*, съ подробнымъ и точнымъ обозначеніемъ, *кому и куда* посылать книжки журнала. С.-Петербургскіе подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи: *Невскій проспектъ, домъ № 108, близъ Знаменья.*

8—1 Редакторъ-издатель Священникъ С. Протопоповъ.

3-мъ изданіемъ вышло изъ печати:

Г Д Ъ Я , И К Т О Я ?

Соч. **Новиковскаго** Книга для чтенія родителей и наставниковъ съ дѣтьми. Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства нар. просвѣщенія для народныхъ училищъ и для ипашихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній при слѣдующемъ отзывѣ: «Направленіе, которымъ проникнута вся книга, вполне нравственно и религіозно, и клонится къ тому, чтобы внушить юному поколѣнію высокое понятіе о человѣкѣ вообще и о русскомъ человѣкѣ въ особенности и развитіе въ немъ чувство уваженія и любви къ своей родицѣ». Цѣна 60 коп. № 65.

Вышла новая книга: «Жизнь Иисуса Христа по евангеліямъ и народнымъ преданіямъ», — сочиненіе профессора Кіевской Академіи, К. И. Скворцова. Цѣна 2 рубля съ пересылкою. Адресъ: Кіевъ, уголъ Жиланской и Кузнечной улицъ, собственн. домъ. № 64.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.

№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.

Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокаго размѣрѣ.

Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.

КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЪ:

- на текущій счетъ 7 ½%
- на 3 мѣсяца 7 ¼%
- на 6 и до 12 мѣсяцевъ 8 ¼%

Страхуетъ билеты обонхъ внутр. 5% съ вынгр. займовъ по 20 коп., съ иногородныхъ по 30 коп. за билетъ. 10—7

НА С Л Ъ Д Н И К И .

2—2

Повѣсть въ двухъ частяхъ, заключающая въ себѣ подробное и обстоятельное описаніе жизни, дѣятельности, страданій, радостей, увлеченій и доблестныхъ поступковъ одного весьма почтеннаго и весьма ученнаго, но отчасти легкомысленнаго статскаго совѣтника и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, достойныхъ вниманія читателей.

Д. И. Стахѣева.

Два тома, болѣе 600 стр. убористой печати. Цѣна 2 руб. пересылка за два фута. Критическій разборъ этой повѣсти въ Русскомъ Вѣстникѣ за июль 1875 года.

НИВА

Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни.

№ 44

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
 Выданъ 1 Ноября 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжныя магазины Г. Гр. Соловьева, А. Лавга и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

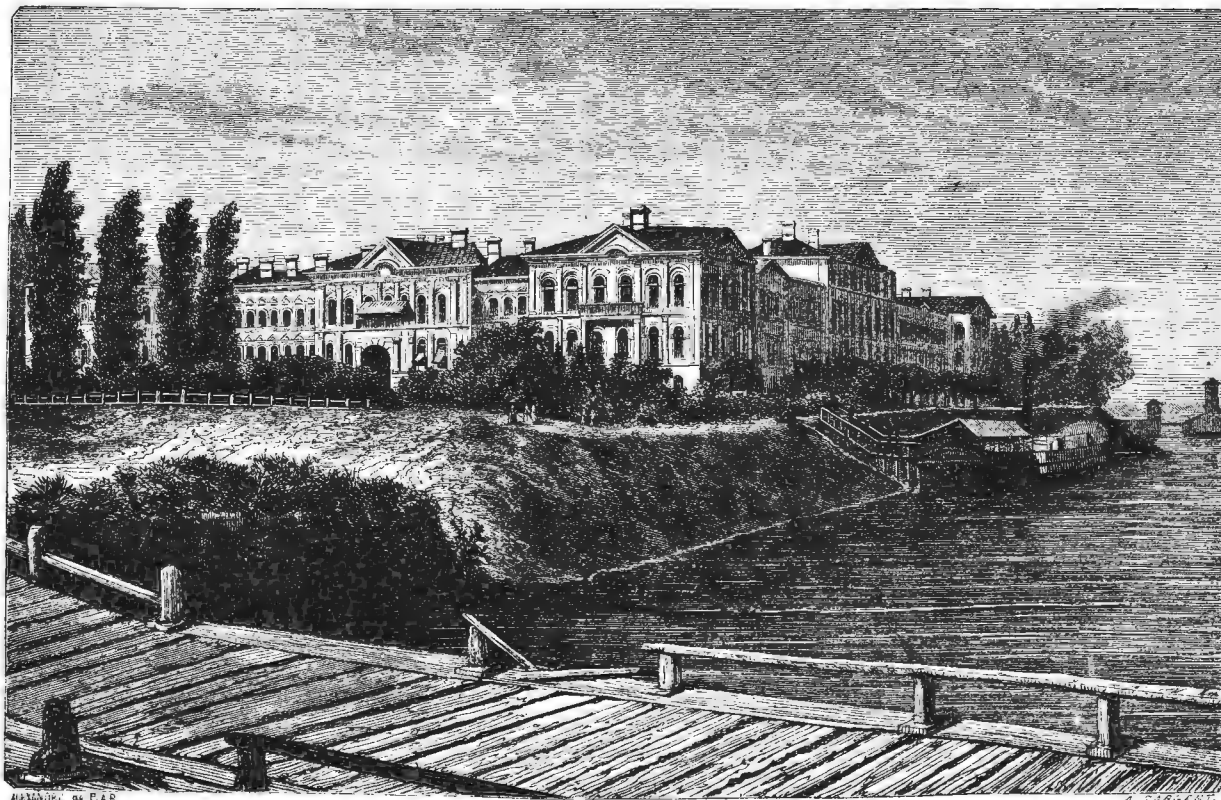
Въ виду того, что приготовленіе около 18.000 печатныхъ адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ потребуетъ много времени, мы просимъ покорнѣйше гг. иногородныхъ подписчиковъ возобновлять подписку на 1877 годъ заблаговременно.

Подписка на 1876 г. продолжается и каждый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1876 г. нумера и премію.

Митавскій дворецъ.

На мѣстѣ нынѣшняго митавскаго дворца въ 1264 г. гротемейстеръ нѣмецкаго ордена Кондратъ ф.-Мандернъ, называвшій-

Мангеймъ, увеличилъ это зданіе, укрѣпилъ его и окружилъ рвами. Впослѣдствіи, въ 1340 г, подъ защитою этого укрѣпле-

Дворецъ въ Митавѣ. Рис. А де Баръ, грав. Саржанъ.

ся также Медемъ, построилъ укрѣпленный замокъ, извѣстный въ то время подъ именемъ замка *Митавъ*. Преемникъ его, ф.

ня, неподалеку отъ него былъ заложенъ городъ. Изъ Риги сюда перебрались ремесленники и купцы—и такимъ образомъ

возникъ городъ *Митава*. Прежній замокъ—вышній дворецъ—отдѣляется отъ самаго города лугами и рѣчкой Дризомъ, при-токомъ Аа.

Во время правленія герцога Якова Курляндскаго (1648—1681 года), супруги котораго Луиза Шарлотта, была дочерью Курфисра, Герцога Вильгельма Бранденбургскаго, замокъ былъ укрѣпленъ по всѣмъ правиламъ крѣпостной фортификаціи. Не смотря на это, во время сѣверной войны, въ 1703 г., укрѣпленный такимъ образомъ замокъ Митава не могъ устоять противъ русскихъ и долженъ былъ сдаться Петру Великому. Преданіе гласитъ, что отступавшіе шведы выбросали въ то время изъ гробовъ тѣла герцоговъ, погребенныхъ въ замкѣ и совершенно ограбили гробницы; русскіе же, напротивъ, оставили по себѣ добрую память; известно, что въ войскѣ Петра была ст-гая дисциплина. Послѣ сдачи замка всѣ укрѣпленія по повелѣнію Петра были срыты.

4-го мая 1737 г. въ Данцигѣ умеръ герцогъ Фердинандъ Курляндскій—последній представитель дома Кеттлеровъ, и съ его смертью герцогскій тронъ остался вакантнымъ. Курляндское дворянство на собраніи 11-го іюня избрало имперскаго графа Эрнеста Іоанна Бирона наслѣдственнымъ герцогомъ. Биронъ велѣлъ тотчасъ же сломать старый замокъ и на мѣстѣ его возвести новое, величественное зданіе во вкушъ того времени. На постройку этой резиденціи затрачивались громадныя суммы, архитекторы и рабочіе были выписаны изъ Петербурга. Постройка быстро подвигалась впередъ, но зданіе не было еще окончено, когда по кончинѣ императрицы Анны въ 1740 году въ судьбѣ Бирона произошла перемѣна—его всемогуществу наступилъ конецъ—герцогъ вмѣстѣ съ женою былъ сосланъ въ Сибирь. Во все время ссылки Бирона замокъ стоялъ недостроеннымъ и только въ 1763 году за него принялись снова и благополучно окончили постройку въ 1772 году. Дворецъ вышель великолѣпный и герцогъ въѣхалъ въ свою резиденцію при звонѣ колоколовъ и громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Все зданіе и особенно второй этажъ были роскошно отдѣланы. Замковая капелла, стѣны, колонны и кафедры которой были сдѣланы изъ гипсового мрамора, великолѣпныя парадная и танцовальная залы производили впечатлѣніе чего-то грандіознаго. О роскоши отдѣлки можно и теперь еще судить по плафоннымъ работамъ, печамъ, каминамъ, люстрамъ и пр., сохранившимся въ царскихъ комнатахъ. Герцогу, однако, суждено было прожить не долго въ своемъ богатомъ дворцѣ: черезъ нѣсколько недѣль послѣ его пріѣзда, въ декабрѣ 1772 года, колокольный звонъ возвѣстилъ жителямъ Митавы о смерти Эрнеста Іоанна Бирона, родившагося простымъ бюргеромъ и сумѣвшаго добиться почти неограниченной власти въ Россіи и герцогской короны въ Курляндіи. Биронъ умеръ 82 лѣтъ. Преемникъ его, герцогъ Петръ, избралъ своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ загородный замокъ Вюрнау, а дворецъ въ Митавѣ предоставилъ въ распоряженіе государственныхъ чиновъ.

Изъ бумагъ, хранящихся въ дворцовомъ архивѣ, узнаемъ, что въ 1782 году роскошная капелла была обращена въ жилище покон, при передѣлкѣ этой обрушился потолокъ и провалился въ подвалъ; далѣе хроника повѣствуетъ о большомъ пожарѣ, который зимою 1788 года разрушилъ весь сѣверный флигель и часть средняго корпуса зданія; разсказывается также объ осадѣ дворца взбунтовавшимися мельниками, но событіе это очевидно, сильно преувеличено.

Въ 1795 г. Курляндія была присоединена къ Россіи. Въ зданіи Литовскаго дворца помѣщены присутственныя мѣста; тутъ же находятся царскіе покои, комнаты для губернатора, вице-губернатора и квартиры для чиновниковъ.

Въ началѣ текущаго столѣтія литовскій дворецъ пришелъ въ сильный упадокъ, нецѣлесообразныя постройки и пожары почти обезобразили его, кромѣ того дворцовыя залы не разъ были обращаемы въ казармы и лазаретъ. Однако послѣ 1812 г. приступили къ капитальной поправкѣ дворца, уничтожили неподходящія постройки и вообще старались сохранить остатки прежняго великолѣпія. И дѣйствительно, зданіе получило свой прежній величавый видъ—стоитъ взглянуть на рисунокъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Митавскій дворецъ—самое великолѣпное и большое зданіе въ Курляндіи. Архитектурный стиль его—стиль Зимняго Дворца въ Петербургѣ. Главный фасадъ имѣетъ 80 сажень длины, окрешенъ свѣтлой краской и въ цѣломъ очень изященъ. Оба боковыя корпуса имѣютъ 66 сажень длины. Четвертая сторона зданія отведена подъ конюшни. Зданіе выведено на высокомъ фундаментѣ и построено въ два мѣстами въ три этажа; главный фасадъ обращенъ къ востоку.

Въ лѣвомъ флигелѣ внизу находится склепъ бывшихъ герцоговъ Курляндіи. Въ склепѣ хранится 30 гробовъ, изъ которыхъ нѣкоторые оловянные, другіе мѣдные. Наружный видъ этихъ гробницъ свидѣтельствуетъ о томъ, что во время войны съ ними обошлись очень безцеремонно. Въ первомъ по порядку гробѣ покоится прахъ Готтгарда Кетлера, послѣдняго грессмейстера нѣмецкаго ордена въ Лифляндіи и перваго Курляндскаго герцога. Кеттлеръ родился въ 1517 г., умеръ 17-го мая 1587 г. Возлѣ него лежитъ супруга его Анна, принцесса Мекленбургская. Далѣе слѣдуютъ герцогъ Фридрихъ, своякъ Готтгарда, супруга его Елизавета-Магдалена. Въ двухъ послѣднихъ гробахъ покоятся тѣла Герцога Эрнеста Іоанна Бирона и супруги его, урожденной фонъ-Тротте или Трейденъ. Въ настоящее время публичнѣ показываютъ только балзамифицированный трупъ герцога Бирона, который, если судить по останкамъ его, ни отличался ни красотой, ни статностью.

Жена Бирона, урожденная ф.-Тротте или Трейденъ, состояла въ родствѣ съ домою германскаго канцлера ф.-Бисмарка, такъ какъ основательницей митавскаго Екатерининскаго института была Катерина ф.-Бисмаркъ, урожденная ф.-Тротте или Трейденъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ надпись, сохранившаяся на доскѣ этого заведенія.

Прежній митавскій замокъ былъ далеко не такъ красивъ, какъ современный дворецъ. Замокъ стоялъ среди безлѣсной мѣстности, окруженный болотомъ, въ настоящее же время зданіе это окружаютъ прекрасныя сады и паркъ.

Такимъ украшеніемъ дворецъ обязанъ прежнему губернатору Курляндіи, нынѣшнему министру Государственныхъ Имуществъ Вадеву. Теперешній губернаторъ ф.-Лиліенфельдъ сдѣлалъ также очень много для украшенія и увеличенія дворцоваго парка. Теперь сады и паркъ не только окружаютъ дворецъ, но простираются далеко за плотину замка.

У входа въ паркъ находится планта, надпись на которой свидѣтельствуетъ о томъ, что и крестьяне митавскаго округа принимали дѣятельное участіе въ разбивкѣ садовъ и парка; они подвозили песокъ, землю и совершали другія работы безплатно.

Дворцовый паркъ служитъ ежедневнымъ мѣстомъ сборища и прогулки городскихъ обывателей. Лѣтомъ по вечерамъ здѣсь играетъ военный хоръ музыкантовъ, а иногда городскіе или заѣзжіе музыканты оглашаютъ воздухъ веселыми звуками.

Въ саду существуетъ довольно хорошій ресторанъ. Вообще дворецъ съ своими садами служитъ украшеніемъ города.

Х. Р.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть В. С. Соловьева.

Часть первая.

(Продолженіе).

Осенью жизнь среди болотъ, вступающихъ во всѣ свои права, становится окончательно невозможной, и тогда они возвращаются во свояси...

Время близилось къ полуночи; съ острова по болотистой дорогѣ къ рѣчному берегу что-то подвигалось, какое-то шествіе. Доносилась тихая, заунывная пѣсня. Въ одномъ мѣстѣ лѣсъ доходилъ до самой воды, постепенно рѣдѣя. Образовывалась небольшая поляна. Сочная, роскошная трава, цвѣты и причудливыя листья папоротника покрывали ее.

У этой полянки остановилось шествіе. Не прошло и полчася, какъ уже ярко пылало десятка два костровъ, озаряя людскія лица. Вокругъ костровъ расположились группы мужчинъ и женщинъ, молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей. У каждого на головѣ вѣночекъ изъ цвѣтовъ.

Вотъ поднялось нѣсколько дѣвушекъ и направилось въ чащу. Здѣсь онѣ, въ глубокомъ молчаніи, соберутъ девять различныхъ цвѣтковъ, свяжутъ ихъ вмѣстѣ и, лежа спать, положатъ ихъ себѣ подъ голову. Тогда онѣ непременно увидятъ во снѣ всю судьбу своей жизни.

Вотъ молодой парень пробирается глубже въ лѣсъ. Тамъ, въ темнотѣ и тишинѣ, онъ найдетъ кустъ папоротника и станетъ смотрѣть на него, не отрываясь. Этою ночью папоротникъ непременно зацвѣтетъ яснымъ цвѣтомъ, свѣтлымъ и блестящимъ какъ звѣздочка. Нужно сорвать этотъ цвѣтокъ и бѣжать не оглядываясь. Добѣжишь—цвѣтокъ этотъ дастъ тебѣ все, чего ни пожелаешь. Оглянешься—заѣстъ тебя дѣдъ лѣсовикъ, зацѣкочутъ свѣтлыя, холодныя русалки.

Вотъ парни и дѣвушки, високо подвязавъ рубашки,

которые составляют всю их одежду, собираются прыгать через огонь...

Из дальней группы отделяется молодая девушка, за ней следуют другие. Они направляются по речному берегу. Все в виках, у всех в руках цветы... Прекрасна вообще белорусская женщина; но иной раз и там можно встретить красавицу. Девушка, шедшая впереди всех, была чрезвычайно красива. Высокая и стройная, с бледным лицом и глубокими, карими глазами. С круглых плеч спускалась длинная белая рубашка. Распущенные темные волосы падали ниже колен. Она вся, с головы до ног, была убрана цветами.

Медленно подошла она к реке и остановилась.

Ее глаза были опущены. Она бросила в воду венок, заломила руки и заплакала.

Грустные, надрывающиеся звуки „купальной песни“ огласили тишину леса:

Если бы знала ты, Купало,
Какъ я по Гриці тоскую,
Сколько ужъ слезъ моихъ горькихъ
Кинуло въ землю сырую.

* * *
Ты такой добрый, Купало,
Ты бы помогъ мнѣ, дѣвицѣ,
Все про меня рассказалъ бы
Злому учителю Гриці.

* * *
Глянь, кругомъ вода и лѣсъ,
Глянь, Купало милый!
Мою хатку вѣтеръ снесъ,
Меня кинулъ милый!

* * *
Еслибы знала ты, какъ бьется
Сердце что птица на вѣткѣ —
Ты такой добрый, тыбъ не даль
Грица злодѣйскъ сосѣдѣ.

* * *
Я вѣдъ сиротка, Купало,
Нѣтъ ни отца, ни милаго!
Кто же меня приголубитъ,
Скажетъ сердечное слово?!

* * *
Глянь, кругомъ вода и лѣсъ,
Глянь, Купало милый,
Мою хатку вѣтеръ снесъ,
Меня кинулъ милый! *)

Далеко, далеко, в самую глубь вѣковѣчнаго леса уносились эти звуки, повторяясь на безчеленныхъ отголоскахъ и постепенно замирая. Они уносились туда, въ свѣтлое жилище Купалы, гдѣ за высокими тростникомъ, за непроходимыми болотами, топями и бочагами раскинулась благоухающая вѣчно зеленая поляна. Густая тѣни невиданныхъ деревьевъ обрамляютъ ее; огромные сѣдые вѣтри стерегутъ ее. Тамъ никогда не заходитъ солнце, тамъ земля также прекрасна какъ и небо... Купальные игры оживлялись. Вотъ уже началось прыганье черезъ костры, пляска и громкіе крики, визги и веселый хохотъ... Но что это? Въ лѣсу какой то гулъ, будто конскій топотъ. Все ближе да ближе. Старики и женщины стали унимать расколившуюся молодежь и прислушиваться. Точно: приближается что-то огромное, какъ будто какой-то ураганъ ломаетъ сучья. Вотъ захватившись, вѣбъ себя отъ волненія, изъ лѣсу выбѣжалъ царень, ходившій наблюдать за папоротникомъ. Онъ громко кричитъ и объявляетъ, что въ лѣсу конные, много конныхъ и мчатся они прямо сюда, къ речному берегу. Все въ смятеніи. Что это за люди? по своему дѣлу какому или враги лютые—разбойники? Все вспоминаютъ, какъ третьимъ лѣтомъ наѣхали тоже всадники, человекъ съ сорокъ, накинудись на островокъ, обратили все дочиста, послѣднюю рубашку отняли, захватили съ собой трехъ молодыхъ девушекъ—да и были таковы. Ужъ и теперь не тѣ-же ли злодѣи...

Еще встревоженный людъ не зналъ на что рѣшиться

ся, какъ изъ-за деревьевъ показались всадники. И было ихъ видимо невидимо, нѣсколько сотенъ. Но съ виду они не были похожи на прежнихъ разбойниковъ. Тѣ оборванцы, съ грязными, страшными рожами, на неосѣдланныхъ, шаршавыхъ лошадахъ, съ топорами да разнымъ дреколемъ. Теперь же передъ дрожащими, обезумѣвшими отъ страха поселянами, храпѣли лихіе, взмыленные кони. Всадники блестяли разнымъ невиданнымъ оружіемъ, красной, чудною одеждой.

Многіе изъ поселянъ бросились бѣжать черезъ болото на свой островъ. Другіе не шевелились, будто окаменѣвъ со страху. Вотъ изъ толпы, тѣсно прижавшейся другъ къ другу, робко вышло нѣсколько стариковъ. Они приблизились къ всадникамъ и бросились имъ въ ноги, моля пощадить животы ихъ.

— Дурачье! дурачье! крикнулъ на нихъ только что слѣзшій съ коня и привязывавшій его къ дереву тучный человекъ съ огромными усами. Никто васъ и пальцемъ не тронетъ; но только, чуръ—все вонъ отсюда! И безъ васъ намъ мѣста мало на этой полянкѣ...

Старики быстро встали на ноги, вернулись къ своимъ и скоро вся праздничная, обитая цвѣтами толпа молчаливо двинулась по подсохшему болоту.

— Эки, прости Господи, мѣста окаинныя, ворчалъ между тѣмъ толстякъ. Эки проклятыя болота! во весь-то день первое удобное мѣсто сискалось.

— Ну, что-жъ, Иванъ Петровичъ, здѣсь почевать нужно, а то и кони наши, да и мы сами изъ силъ выедемся,—подѣхалъ къ нему молодой всадникъ.

— А то какъ же, князь, разумѣется—ночевать. Сейчас прикажу тебѣ съ княгиней шатеръ изготовить, да и ужинъ найдется, отвѣтилъ толстякъ.

Князь спрыгнулъ съ коня и быстро подошелъ къ сопровождавшему его всаднику. Это былъ юноша, почти ребенокъ. Его лицо, насколько можно было разглядѣть сквозь сумракъ едва поблѣвшей ночи и потухающей огонь костровъ, поражало необычайной красотой. На юношѣ былъ красивый бархатный костюмъ, какой обыкновенно носили тогда пажи вельможъ литовскихъ.

Князь ловкой и сильной рукою помогъ юношѣ сойти съ коня и нѣжно обнялъ его за талию.

— О, какое мученье! отчаянно проговорилъ онъ.— Какъ ты должно быть устала, какъ ты разбита, моя Гальшка...

— Нѣтъ, ничего... теперь отдохнемъ,—стараясь улыбнуться прошептала прекрасная, поблѣднѣвшія губы...

Скоро воины устроили нѣчто въ родѣ шатра подъ огромнымъ, развѣсистымъ дубомъ. На мягкую траву положили нѣсколько ковровъ. Князь Сангушко дѣлалъ распоряженія. Онъ приказалъ небольшому отряду воиновъ разсыпаться въ разныхъ направленіяхъ по лѣсу и чутко прислушиваться. Лошади у всехъ пусть останутся осѣдланными, никто не долженъ снимать оружія.

Вернувшись въ шатеръ, князь увидѣлъ Гальшку, лежавшую на коврѣ и спавшую крѣпкимъ сномъ. Она не притронулась къ ужину. Ее лицо было блѣдно, губы пересохли. Онъ склонился надъ нею и молча сидѣлъ, смотря на нее, не отрываясь, и думая свои нерадостныя думы.

Ужъ около мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ похитилъ ее изъ Острога, а ни одного еще дня спокойнаго не выдалось за все это время. Выбравшись изъ замка скакали они тогда нѣсколько часовъ въ густотѣ лѣса. Ъхать въ Сорочи князь не рѣшался, но у него было небольшое помѣстье, затерявшееся среди лѣсовъ и болотъ, верстахъ въ семидесяти отъ Острога. Тамъ стояла старая, деревянная церковь и ветхая усадьба. Отецъ его наѣзжалъ иногда въ это помѣстье для охоты. Здѣсь рѣшился Сангушко обвиняться съ Гальшкой и провести первое время не прерывая сношеній съ княземъ Константиномъ.

Онъ привезъ Гальшку почти полумертвую отъ волненія и усталости и сдалъ ее на попеченіе своей ста-

*) Это почти буквальный переводъ старинной польской „Купальной песни“.

Русская история: Разинский бунт I. Степана Разинъ, на вершинѣ своего могущества, ослѣпленный удачами, бросаетъ въ Волгу любимую имъ персидскую князю. Рис. Медвѣдевъ, грав. Р. Бонгъ.

Русская история: Разинский бунтъ II. Смертная казнь Стеньки Разина, на Красной площади въ Москвѣ.
Рис. Медвѣдевъ, грав. Р. Бонгъ.

рой няньки, которая приехала из Сорочей и теперь представляла собою все женское население позабытой усадьбы. Къ вечеру княжна вѣскольکو отдохнула, и няня провела ее черезъ запущенный, весь заросшій густою травою садъ въ низенькую, покосившуюся на бокъ церковь. Старикъ священникъ, робкій и запуганный, съ грубыми, мозолистыми руками, привыкшими къ земледѣльской работѣ, встрѣтилъ невѣсту. Онъ взглянулъ на нее и потушилъ глаза свои. Никогда еще не видалъ онъ такой красавицы, даже не думалъ, что и бывають такія.

А она стояла блѣдная и трепещущая, въ своемъ простомъ, домашнемъ платьѣ, съ душистыми бѣлыми розами въ волосахъ, принесенными ей изъ сада старухой няней.

Черезъ вѣскольکو минутъ въ церковь вошелъ Сангушко. За нимъ Галынскій и Оеда. Тяжелыя, ржавыя двери, ведшія на паперть, со скрипомъ и визгомъ затворились за ними. Старуха няня помѣстилась въ уголку и, упавъ на колѣни передъ иконой, горяче молилась, бѣя себя въ грудь и обливаясь тихими, умиленными слезами. Женихъ и невѣста взяли за руки и подошли къ налою. За ними слѣдовали Галынскій и Оеда. Священникъ, надѣвъ почернѣвшую отъ времени ризу, началъ молитву.

Въ открытыя окна вливались длинныя, косые лучи вечерняго солнца, прорѣзывали бѣдную церковь отъ стѣны до стѣны и дрожали и искрились мириадами тонкихъ, мечущихся пылинокъ. Густыя, зеленыя вѣтки смотрѣлись въ окна. Тихо было кругомъ, только звонкія птицы перекликались въ кустахъ, рѣяли въ синевѣ яснаго вечера. Издали доносилось мычаніе стада, возвращавшагося съ пастбища. Слабо и тускло мигали желтыя восковыя свѣчи; тихій, разбитый голосъ священника медленно произносилъ слово за словомъ.

Склонивъ головы, не глядя другъ на друга, Сангушко и Гальшка внимательно, всею душою вслушивались въ то, что читалъ священникъ. Гальшка не плакала; ея чудное лицо было серьезно; она чувствовала усталость, а внутри ея водворялось какое-то глубочайшее, торжественное спокойствіе. Галынскій едва сдерживалъ проклятое желаніе громко откашлянуться и сплунуть въ сторону, которое всегда преслѣдовало его въ самыя неподходящія минуты. Оеда думалъ только о томъ, какъ бы ему не разрыдаться. Онъ самъ не могъ отдать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ. Въ немъ перемѣшивались и жгучая боль отчаянья и блаженство любви, охватившей его всецѣло. Никогда еще онъ не любилъ такъ Гальшку, никогда еще не любилъ такъ и князя. О, пусть они будутъ счастливы, пусть только будутъ счастливы, а онъ всю жизнь свою посвятитъ имъ и никогда они не узнають, какъ онъ ихъ любитъ и какъ разболѣло его сердце...

Такъ совершалось вѣнчаніе одного изъ знатнѣйшихъ вельможъ литовскихъ и красавицы Гальшки, о которой мечтали всѣ лучшіе женихи Литвы и Польши...

Первые дни послѣ свадьбы прошли быстро, въ тишинѣ укромной усадьбы, въ душистой тѣни запущеннаго сада. Но почти каждый день приносилъ тревожныя извѣстія. Князь Константинъ увѣдомлялъ, что Бата уѣхала въ Краковъ... Что будетъ изъ этого? чего опасаться? Черезъ недѣлю Острожскій прислалъ гонца съ письмомъ, въ которомъ совѣтовалъ князю бѣжать на время за границу. Это бѣгство оказалось неминуемымъ, когда получилось извѣстіе о декретѣ сената и предпріятіи Зборовскаго.

Гальшка выказала необычайную рѣшимость. Она объявила, что одѣнется въ мужское платье и будетъ сопутствовать мужу верхомъ, чтобъ не затруднять бѣгства и не возбуждать во встрѣчныхъ подозрѣній. На развѣдки Зборовскаго будутъ отвѣчать, что видѣли всадниковъ, но между ними не было женщины. Она

такъ убѣждала князя, такъ мило, краснѣя, доказывала ему, что ей будетъ очень удобно и ловко превратиться въ пажа, что онъ, обдумавъ все, согласился. Гальшка была отъ природы очень крѣпкаго здоровья. Къ тому же она съ дѣтства любила лошадей и считалась отличной наѣздницей. Рѣшено было снова собрать надежный отрядъ, изрядную казну и пробраться въ Богемію. Сангушко уже прежде былъ въ странѣ этой и зналъ какъ ему тамъ устроиться.

Передъ самымъ отбѣздомъ князь Константинъ прислалъ сказать, что мѣшкатъ нечего, что Зборовскій не далеко и съ нимъ большое войско. Опасность становится близкой.

Выѣхали рано утромъ и стали пробираться глухими дорогами, въ лѣсахъ и болотахъ. Вотъ уже три дня какъ ѣхали неутомимо, останавливаясь только чтобы покормить коней, ночуя подъ открытымъ небомъ. На вопросы встрѣчныхъ давали осторожныя отвѣты. Впрочемъ и встрѣчныхъ было мало. Дикій полѣшукъ, завидѣвъ толпу всадниковъ, быстро сворачивалъ съ дороги и скрывался въ лѣсу. Повстрѣчались одинъ разъ съ толпой людей подозрительнаго вида, сильно смахивавшей на шайку разбойниковъ; но эти люди, увидя превосходство силъ и отличное вооруженіе отряда Сангушки, предупредительно объяснили дорогу и поскорѣе скрылись. Отъ развѣдчиковъ, посылаемыхъ княземъ во все стороны, не получалось тревожныхъ извѣстій. Авось пройдетъ благополучно и эта ночь—а завтра къ вечеру они будутъ ужъ далеко. Только усталость Гальшки сильно тревожила князя. Какъ ни храбрилась его дорогая красавица, но онъ ясно видѣлъ ея блѣдность, ея волненіе. Она сама признавалась, что у нея болятъ руки и ноги. Мужское сѣдло и три дня пути въ связи съ душевной тревогой не могли не оказать на нее своего дѣйствія...

Сангушко думалъ обо всемъ этомъ и съ горячей любовью глядѣлъ на спящую Гальшку.

Прошло часа два, а можетъ, и больше. Онъ не могъ заснуть. Какая-то страшная тоска, что-то давящее, тяжелое заползало въ его сердце. Онъ еще никогда не испытывалъ такого ощущенія. Ему становилось душно, какъ-то даже страшно.

На полянѣ все было тихо. Только временами храпѣли кони и били копытомъ, да кое-гдѣ позвякивало оружіе воиновъ. Уже совсѣмъ свѣтало. Глаза князя стали смыкаться...

Вдругъ онъ быстро вскочилъ на ноги. Что это? Шумъ, голоса, торопливые шаги... Въ шатеръ вбѣжалъ Оеда.

— Князь, говорилъ онъ залыхавшись—сейчасъ прискакалъ нашъ Никита. Верстахъ въ трехъ отсюда онъ видѣлъ большой отрядъ поляковъ... Нѣтъ сомнѣнія, что это войско Зборовскаго—оно напало на слѣды наши.

Сангушку кольнуло въ сердце. Онъ съ отчаяннымъ ужасомъ взглянулъ на свою Гальшку.

— Скорѣй подавать мнѣ лошадь, крикнулъ онъ. А коня княгини пусть ктонибудь возьметъ съ собою.

Онъ разбудилъ Гальшку. Она взглянула на его взволнованное лицо и сразу поняла все.

— За нами погоня! Да? Они близко? прошептала она.

Князь хотѣлъ ее успокоить.

— Еще нельзя сказать, что погоня. Видѣли только какой то отрядъ, не очень далеко отсюда. Но мало ли кто это можетъ быть, да еще по какому направленію поѣдутъ эти люди—можетъ совсѣмъ въ другую сторону...

Но его голосъ дрожалъ. Онъ не обманулъ Гальшки.

— Не успокаивай меня, мой милый, печально сказала она. Лучше скажи прямо, что за нами погоня. Я не боюсь ничего, покуда ты со мною... если суждено намъ даже умереть, такъ и умремъ вмѣстѣ. Только вотъ объ чемъ попрошу я у тебя—не оставляй меня

одну, возьми меня къ себѣ на сѣдло. Твой гнѣдой такъ силенъ—онъ меня и не почувствуетъ. А я хочу быть съ тобою; и въ двухъ шагахъ мнѣ будетъ казаться, что я одна, и станеть мнѣ страшно.

— Я ужь такъ и распорядился, отвѣчалъ обнявъ жену Сангушко.

Конь былъ подведенъ и минутъ черезъ десять весь отрядъ снялся съ мѣста. Скакали быстро, насколько позволяла густота лѣса; старались держаться вмѣстѣ, объѣзжали болота. Проводникъ былъ отлично знакомъ съ мѣстностью. Онъ обѣщалъ часа въ два вывести на хорошую дорогу. По временамъ останавливались и прислушивались къ лѣсному гулу.

Оеда первый слышалъ зловѣщіе звуки. Отрядъ Сангушки оставлялъ за собою помятую траву, сломанныя вѣтки. Погоня становилась не только возможной, но и легкой. Кони мчались быстро. Лѣсъ то рѣдѣлъ, то снова сходилъ въ трудно проникаемую чащу. Необходимы были нѣкоторыя остановки. Повернули направо — болото. Одна изъ передовыхъ лошадей стала сильно вязнуть, такъ что ее пришлось вытаскивать.

А между тѣмъ гулъ приближался. Проводникъ объявилъ, что онъ немного ошибся въ поворотѣ. Нужно вернуться назадъ, а то тутъ все пойдетъ болото, а съ другой стороны такая чаща, что не только коннымъ, да и пѣшему нельзя продратъся.

Галынскій задыхался отъ бѣшенства.

— Что-жь это ты, предатель, собака! Губить насъ вздумалъ!.. кричалъ онъ. Братцы—топить его въ болотѣ—пускай себѣ околѣбаетъ!

Сангушко едва удержалъ своихъ людей, которые уже кинулись на проводника, побѣлѣвшаго со страху. Возвращаться назадъ не стоило—погоня была близко, уйти отъ нея теперь не представлялось возможности. Нужно было защищаться. Князь приказалъ своимъ людямъ занять позицію у лѣса, передъ болотомъ. Но они еще не успѣли исполнить этого, какъ за ними показались всадники.

Не оставалось никакого сомнѣнія—это было войско Зборовскаго. Слышался польскій говоръ. Начались переговоры. Вотъ и самъ панъ Зборовскій, весь закованный въ желѣзо. Онъ издали узналъ Сангушку. Онъ требовалъ, чтобъ ему отдали княжну Острожскую, объявилъ, что онъ послалъ княгиней. Ему отвѣчали звукомъ обнажаемыхъ мечей. Завязалась ожесточенная битва.

Поляки съ наномъ Зборовскимъ во главѣ старались прорваться къ Сангушкѣ. Литвины обступили его плотной стѣною и отражали нападеніе. Съ обѣихъ сторонъ дрались ожесточенно и стойко. Но поляковъ было много, по крайней мѣрѣ раза въ три больше, чѣмъ всѣхъ людей Сангушки.

Князю Дмитрію Андреевичу оставалось одна надежда—пробраться въ лѣсъ и бѣжать одному, въ сопровожденіи только двухъ, трехъ всадниковъ. Онъ и попытался сдѣлать это, еще крѣпче охвативъ Гальшку, которая съ ужасомъ глядѣла на битву и горячо шептала молитвы.

Но движеніе Сангушки было замѣчено врагами. Онъ не успѣлъ отвѣхаться и тридцати сажень, какъ со всѣхъ сторонъ послышался трескъ ломавшихся вѣтокъ. Его окружали поляки.

Онъ крикнулъ своимъ. Присѣла подмога. Битва перешла въ глубь лѣса. Раздались отчаянные крики, проклятья... Все смѣшалось. Вѣтки хрустѣли. Кони безъ всадниковъ ржали и метались. Слышались стоны раненыхъ и умирающихъ.

Сангушко не зналъ что дѣлать. Онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. На каждомъ шагу грозила встрѣча съ врагомъ. Онъ выхватилъ свою саблю и остановился. Передъ нимъ, за деревомъ, какъ бѣшеный рубился Галынскій. Глаза его налились кровью и, казалось, гото-

вы были выскочить. Шапка слетѣла, по красному лицу струился потъ. Онъ былъ одинъ—а на него наступало нѣсколько человѣкъ. Оглянувшись, онъ замѣтилъ Сангушко.

— Князь, назадъ! крикнулъ онъ охришимъ голосомъ. Отсюда эти черти какъ горохъ посыпались... Назадъ, говорю тебѣ... авось Богъ поможетъ...

Въ это время подоспѣло два литвина, а изъ кустовъ показалось нѣсколько всадниковъ въ калычугахъ и между ними панъ Зборовскій.

Галынскій кинулся на него и ударилъ со всего размаха саблей. Но сабля не пробила кольчуги. Зборовскій только покачнулся и нанесъ мѣткій ударъ противнику.

Оружіе выпало изъ рукъ толстяка. Еще ударъ, другой—и Галынскій, свалившись съ лошади, тщетно силился подняться. Онъ обливался кровью. Раны его были смертельны.

— Прости, князь,—привель Господь умереть за тебя и княгиню, едва внятно прошепталъ Галынскій...

Но князь не слышалъ предсмертныхъ словъ своего пѣстуна и друга—передъ нимъ мелькнула фигура Зборовскаго. Одной рукой держа Гальшку, другою онъ отбивался отъ яростнаго противника. Онъ звалъ къ себѣ на помощь; но въ горячій схваткѣ никто не разслышалъ его зова. Какой-то глухой ударъ потрясъ его. Предметы закружились. Ему казалось, что онъ летитъ куда-то... вотъ какъ будто пронзительный крикъ Гальшки, вотъ еще что-то, какъ будто гулъ колоколовъ или бурные вслески моря...

Князь Сангушко лежалъ на травѣ безъ движенія, съ закрытыми глазами. По его блѣдному лбу стекала струйка крови. Зборовскій, крѣпко охвативъ мечущуюся и безумно-кричащую Гальшку, мчался изъ чащи. Къ нему со всѣхъ сторонъ приставали его поляки. Среди кустовъ и деревьевъ валялись трупы, слышались стоны раненыхъ. Почти всѣ литвины были перебиты. Остальные бѣжали въ ужасѣ и падали, изнемогая отъ усталости. Изъ войска Зборовскаго осталось не больше четверти. Литвины дорого продали жизнь свою.

Разноцвѣтныя, красивыя бабочки летали надъ мертвыми и полуживыми. Здѣсь и тамъ были сломаны сучья, смята трава, свѣжіе цвѣты обогрены кровью. Солнце лило свои жаркіе, отвѣсные лучи и сушило луки крови.

Разлетѣвшіяся со страху птицы снова слетались и заводили свои пѣсни. Проворная бѣлка перескакивала съ вѣтки на вѣтку и изумленно, недовѣрчиво поглядывала блестящими, зоркими глазами.

XII.

Въ то время какъ Сангушко отражалъ Зборовскаго и упалъ, раненый въ голову, оставляя Гальшку въ рукахъ противника, Оеда также выдерживалъ сильное нападеніе. На него наступало два поляка, которымъ, очевидно, очень нравилось его богатое оружіе—они хотѣли подѣлить его между собою. Уже лошадь Оеди, тяжело раненая, не въ силахъ была его сдерживать. Онъ соскочилъ на землю и ловко увертывался отъ ударовъ. Поляки, наступая, загоняли его все дальше и дальше въ глубину лѣса.

Эта травля, наконецъ, истощила все терпѣніе Оеди. Онъ рѣшился или умереть или убить своихъ враговъ и спѣшить на помощь князю. Ловкимъ движеніемъ онъ вдругъ сдѣлалъ оборотъ и въ свою очередь напалъ на поляковъ. Они, никакъ не ожидая этого, сразу растерялись. Оеда быстро воспользовался ихъ замѣшательствомъ и въ одно мгновеніе уложилъ одного изъ нихъ. Борьба съ другимъ уже не была особенно затруднительна. Полякъ, видя силу и ловкость противника, очевидно, струсилъ—это его погубило. Оеда отбросилъ свою саблю, выхватилъ кинжалъ и набросился на него

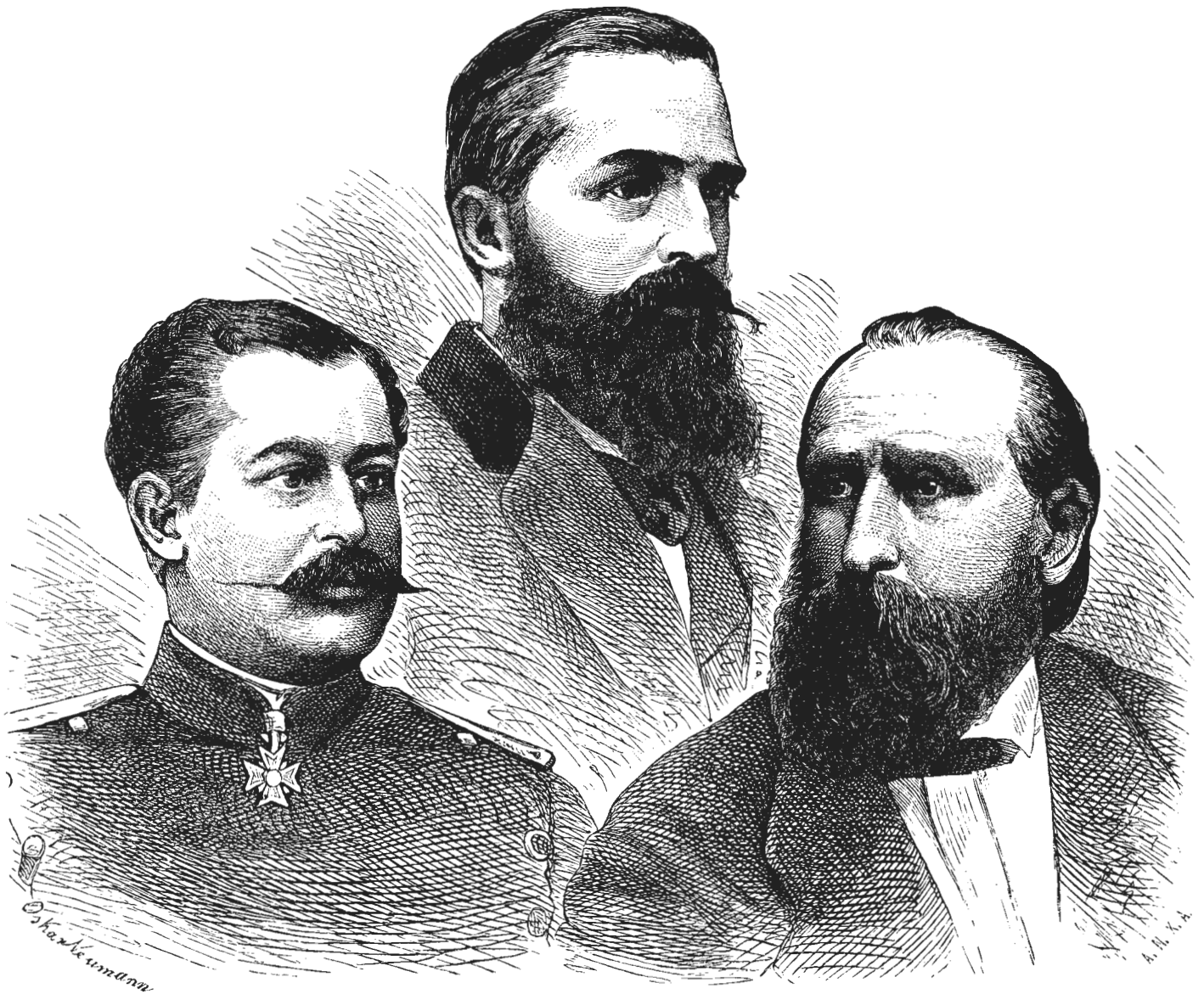
съ бѣшенствомъ. Они оба упали на землю. Борьба длилась нѣсколько мгновений. Полякъ выпустилъ Оеда, застопалъ и опрокинулся навзничъ извиваясь всѣмъ тѣломъ и хватаясь за грудь—кинжалъ попалъ ему почти прямо въ сердце.

Оеда поднялся тяжело дыша и нашель свою саблю. У него только на рукѣ была небольшая царапина. Его платье было разорвано. Смоченные потомъ, волнистые волосы прилипали къ щекамъ.

— Теперь бѣжать къ князю! Быть можетъ ему плохо! что съ нимъ? что съ Гальшкой? И какъ это онъ могъ хоть на шагъ отойти отъ нихъ, какъ могъ допустить себя увлечься битвой!? Скорѣе, скорѣе—времени терять нечего..

кое тѣло, быстро извиваясь, шмыгнуло въ сторону. Нѣтъ, онъ рѣшительно здѣсь не былъ, да тутъ и не проберешься—только время потеряешь.

Назадъ, назадъ, а тамъ, вѣрно, на право—вонъ, кажется, рѣдѣютъ деревья. Оеда бросался изъ стороны въ сторону. Въ иныхъ мѣстахъ онъ даже саблей обрубалъ вѣтки и, такимъ образомъ, разчищалъ себѣ дорогу. Но всѣ его усилія были напрасны. Онъ попалъ въ какую-то заколдованную чашу, изъ которой не было выхода. Прошло не мало времени. Въ лѣсу стояла тишина. Юноша отчаянно боролся съ обступившими его врагами—деревьями и уже начиналъ чувствовать сильную усталость. Наконецъ, онъ вырвался на поляну. Пе-

Грифъ фонъ Вальбургъ-Цойль-Траухбургъ.

Докторъ Отто Финъ.

Докторъ Альфредъ Бремъ.

Бременская ученая экспедиція для изслѣдованія Западной Сибири.

И Оеда бросился назадъ, по тому направленію откуда онъ бѣжалъ, какъ ему казалось. Однѣ его удивляло—тишина лѣса. Разгоряченный борьбою, онъ не замѣтилъ времени, не сообразилъ, какъ далеко преслѣдовали его поляки. Онъ прислушался. Голосъ, кажется, какой-то шумъ—что-то похожее на ржанье коней, на человѣческой голосъ. Нужно бѣжать туда. А, между тѣмъ, какая густота лѣса! Нѣтъ, онъ здѣсь не былъ—ни одна былинка не примята. Трава почти въ ростъ человѣческой, какіе-то невиданные имъ цвѣты и растенія. Кусты переплетаются. Могучія древесныя вѣтки низко, ищко наклоняются и загораживаютъ дорогу. Что-то зашипѣло подъ ногами, какое-то длинное, тон-

редъ нимъ лежало болото, скрывавшееся между деревьями и пересѣченное песчаной полосой. Кажется, онъ видѣлъ это болото—оно должно быть очень близко отъ мѣста битвы. Только странно, что ничего не слышно. Неужели ужъ все кончено. Кто побѣдилъ? Спасены ли князь и Гальшка? А что, а что если они убиты, а что если Зборовскій отнялъ княгиню! При этой мысли отчаяніе захватило душу Оеда. И къ тому же онъ остался одинъ; какъ теперь найти своихъ, какъ узнать объ нихъ... Онъ пустился бѣжать по болоту, держась ближе къ песчаной полосѣ, чтобъ не такъ вязли ноги...

Вотъ какъ будто опять что-то слышно—да, это точно людской голосъ. Скорѣе!

Ручеекъ. Картина Буланже, грав. Фроманъ.

Однако, какъ онъ усталъ! Онъ не можетъ бѣжать скоро, онъ съ трудомъ поднимаетъ ноги... какая тяжесть въ ногахъ, какъ трудно идти. Оеда на мгновение остановился. Что это? нога ушла въ землю. Да, это топкое болото. Нужно идти по песку. Онъ своротилъ на песчаную полосу, ярко залитую свѣтомъ солнца. Ноги все также вязнуть, вязнуть еще больше... Мелкій блестящій песокъ посыпался въ сапоги...

Оеда вспомнилъ что-то ужасное и даже вскрикнулъ. Ужь не наносный-ли это песокъ, о которомъ онъ слышалъ столько страшныхъ разсказовъ. Подъ этимъ пескомъ всегда бездонная топь, и изъ нея нѣтъ никакого спасенія.

Назадъ, въ сторону, опять къ болоту, къ тѣмъ деревьямъ, откуда онъ вышелъ.

Онъ повернулъ, онъ ступилъ шагъ—нога ушла въ песокъ по колѣно; въ другую сторону—еще того хуже. Что теперь дѣлать, гдѣ искать спасенія? При каждомъ движеніи нѣмая, безпощадная пучина все глубже и глубже всасываетъ свою жертву. А кругомъ тишина—только знойно свѣтитъ солнце, только едва шевеля вершинами, стоятъ вѣковые деревья, а на ихъ вѣткахъ чирикаютъ и заливаются птицы. Неужели смерть, неужели нѣтъ пощады?!...

Холодный потъ струился по лицу несчастнаго Оеди. Черты обезобразились ужасомъ. Онъ попробовалъ не шевелиться и потомъ медленно, медленно приподнять ногу. Можетъ быть тутъ, въ этой вотъ сторонѣ, не такъ вязко. Но нѣтъ—при первомъ движеніи ноги ушли глубже: холодная, влажная, отвратительная бездна тянула въ себя съ новой силой. Оеда отчаянно зарыдалъ ломая руки. Онъ сталъ громко молиться впиваясь взоромъ въ голубое, глубокое небо; онъ звалъ Божью помощь, просилъ отсюда, съ высоты спасительной руки, которая-бы вырвала его изъ бездны. Онъ просилъ чуда, и была минута, когда онъ вѣрилъ, жадно и отчаянно, что чудо это совершится. Онъ примѣтилъ въ синевѣ маленькое, бѣлое облачко. Ему казалось, что это облачко сейчасъ станетъ спускаться, спускаться, что онъ за него схватится и полетитъ выше и дальше отъ этого ужаснаго мѣста. Но облачко расплылось, растаяло. Оеда сталъ молиться еще громче, еще отчаяннѣе. Онъ собралъ всѣ силы, подпрыгнулъ—и ушелъ въ песокъ почти по поясъ. Стоя и проклятіе вырвались изъ груди его. Онъ кричалъ, звалъ къ себѣ на помощь, онъ сбросилъ все оружіе, сбросилъ кафтанъ, чтобы легче было...

Песокъ дѣлалъ свое дѣло медленно, но безпощадно.

Оеда понялъ, со всѣмъ ужасомъ этого сознанія, что онъ обреченъ гибели, что никто уже не спасетъ его. О! зачѣмъ не убили его поляки, зачѣмъ наконецъ, онъ самъ отбросилъ отъ себя кинжалъ вмѣсто того, чтобы заколоться. Самая мучительная смерть, но смерть быстрая представлялась ему теперь высочайшимъ блаженствомъ. Что такое минута страданій передъ той отвратительной смертью, которая его ожидала. Быть можетъ пройдутъ еще цѣлые часы, прежде чѣмъ песокъ его окончательно задупитъ. Онъ будетъ стоять здѣсь, въ этой холодной, густой могилѣ, будетъ стоять здоровый, сильный, зная, что никакая сила не спасетъ его.

На него стало находить оцѣпенѣніе. Мысли, одна за другой, сбиваясь и переплетаясь, роились въ головѣ его. Онъ слышалъ, какъ колотилось его сердце, какъ кровь стучала въ вискахъ. Его горло пересохло отъ отчаяннаго крика и томившей его жажды. Въ глазахъ мутилось.

Вотъ мысли стали обрываться, наплывали грезы, проносились отрывки воспоминаній. Вспоминались Сорочи—красивое богатое помѣстье князя Сангушки, въ которомъ Оеда провелъ все свое дѣтство. Онъ рано лишился родителей, принадлежавшихъ къ шляхетскому и далеко не бѣдному роду. Старый Сангушко былъ крестнымъ отцомъ и опекуномъ Оеди. Онъ взялъ его къ себѣ

въ замокъ и обращался съ нимъ какъ съ сыномъ. И Оеда любилъ его, но больше всѣхъ на свѣтѣ любилъ онъ молодого князя Дмитрія Андреевича. Это было какое-то обожаніе. Ему казалось, что въ князѣ соединились всѣ доблести человѣческія. Подражать ему во всемъ, заслужить его вниманіе и ласку, было для Оеди высочайшимъ счастьемъ.

Вотъ ему вспомнился одинъ лѣтній вечеръ прошлаго года. Онъ вышелъ тогда погулять на берегъ озера. По гладкой поверхности воды тихо качалась лодка. Князь Дмитрій Андреевичъ сидѣлъ въ ней едва шевеля весломъ, погруженный не то въ задумчивость, не то въ полудремоту. Оеда издали глядѣлъ на него и думалъ: „Вотъ онъ ѣдетъ мимо меня и не обращаетъ на меня никакого вниманія. Онъ не знаетъ какъ я люблю его, да и любовь то моя ему ни на что не пригодна. Ахъ, еслибъ сдѣлать чтонибудь такое, чтобы доказать ему эту любовь, еслибъ понадобиться ему, спасти его отъ какой-нибудь опасности. Вотъ еслибъ поднялась теперь буря—вонъ вѣдь какая туча съ той стороны заходитъ—еслибъ князь сталъ тонуть; я бросился-бы въ воду и спасъ его...“ Такъ думалъ Оеда, а лодка удалялась отъ берега. Тишина наступала полная—вода не шелухнется. Становилось душно. Вдругъ пронесся вѣтеръ, туча, казавшаяся сначала только далекой, темной полоской, стала быстро расти и надвигаться. Не прошло и десяти минутъ какъ сильный вихоръ промчался по озеру. Оеда въ ужасѣ остановился—ему казалось, что онъ навликала эту бурю и долженъ принять на себя всѣ послѣдствія.

Между тѣмъ князь повернулъ лодку къ берегу и гребъ изъ всѣхъ силъ. Волны заходили—озеро покрылось нѣжной. Легкую лодку подбрасывало какъ щепку. Вотъ она уже довольно близко, но ее постоянно относить въ сторону—очевидно князь не можетъ справиться... Оеди сбросилъ кафтанъ и кинулся въ воду. Не малаго труда ему стоило бороться съ волнами—буря разыгрывалась съ каждой минутой. Онъ смотрѣлъ все впередъ, на лодку. Вотъ она взлетѣла кверху, вотъ нырнула, почти стоймя въ воду; сильная волна плеснула и лодка въ одно мгновение опрокинулась. Съ минуты ничего небыло видно—князь не показывался. Потомъ оказалось что его ударило въ голову краемъ лодки и ошеломило. Оеда былъ отличный пловецъ—онъ напрягъ всѣ силы и былъ возлѣ лодки. Между тѣмъ князь очнулся отъ удара и, захлебнувшійся, едва сохраняющій сознаніе, показался на поверхности. Оеда схватилъ его и поплылъ къ берегу...

Съ тѣхъ поръ самая тѣсная дружба завязалась между нимъ и княземъ—они стали неразлучны. Даже образъ Гальшки, овладѣвшій юношей, не могъ измѣнить его чувства къ Дмитрію Андреевичу. Въ послѣднее время Оеда только тогда и былъ нѣсколько спокоенъ, когда могъ оказать имъ какую-нибудь серьезную услугу. И вотъ теперь—гдѣ они и что съ ними? Неудалось даже умереть за нихъ честной смертью храбраго воина, а приходится медленно задыхаться здѣсь, въ этомъ ужасномъ болотѣ. И никто даже не передастъ имъ его послѣднее, прощальное слово...

А что тамъ внизу—подъ ногами? Бѣдный Оеда весь задрожалъ отъ ужаса и отвращенія... Песокъ, какая-то полувода, дальше липкая, черная грязь, жидкая и зловонная—и конца ей нѣту, и уходитъ она въ самую середину земли... О! какой ужасъ!!

Снова отчаянный, пронзительный вопль огласилъ пустынное болото. Оеда опять сталъ биться въ песокъ, ломать руки, кричать и звать на помощь. Онъ пробовалъ ложиться, садиться, скакать и выпрямляться—ничто не помогало—песокъ безвучно, непреодолимо тянулъ его въ бездну... Вотъ неподалеку у крайнихъ деревьевъ показалось нѣсколько всадниковъ. Въ сердцѣ Оеди проснулась надежда. Онъ закричалъ изо всѣхъ

силъ и замахалъ имъ руками. Они услышали его, они придутъ къ нему на помощь... Вотъ они остановились; оглядываются во всѣ стороны.

— Я здѣсь, здѣсь въ наносномъ пескѣ, я гибну, онъ мнѣ подходитъ уже подь плечи. Спасите, спасите. Христа ради, спасите, добрые люди, не дайте мнѣ погибнуть, сжальтесь надо мною!—кричалъ Оеда.

Всадники его увидѣли. Они что то говорятъ, очевидно совѣщаются. Одинъ изъ нихъ поѣхалъ въ его сторону. Но вотъ конь сталъ вязнуть... Всадникъ взялъ на право, взялъ на лѣво—вездѣ топка! Онъ махнулъ рукою и вернулся назадъ.

Оеда замеръ отъ ужаса. Потомъ горькія, отчаянныя слезы полились изъ глазъ его. Онъ рыдалъ какъ безумный, онъ кричалъ дикимъ, хриплымъ голосомъ.

— О Боже, Боже! неужели въ васъ иѣтъ и капли жалости! Неужели вы такъ и оставите меня околѣвать, какъ собаку? Братцы, голубчики, родные мои!—помогите, наломайте хоть вѣтокъ да свяжите ихъ покрѣпче. Не близко подѣзжайте, а только бросьте мнѣ конецъ этихъ вѣтокъ... я ухвачусь за него—авось меня можно будетъ вытащить...

Но всадники уже не слышали. Они рѣшили, что спасти его—значитъ самимъ гибнуть и быстро уѣзжали отъ страшнаго, тяжелаго зрѣлища..

Оеда задыхался. Онъ рвалъ на себѣ волосы, царапалъ себѣ лицо, кричалъ и визжалъ въ изступленіи.

РАЗИНСКІЙ БУНТЪ.

Народное движеніе, охватившее въ концѣ XVII столѣтія значительную часть восточной Россіи, тѣсно связано съ возникновеніемъ казачества.

Первое вомя роль казаковъ въ Московскомъ государствѣ была ограничена: они оставались надежными сторожами русскихъ предѣловъ, не ссорясь и не иѣтя причинъ ссориться съ сильной державой. Порядокъ, введенный ими у себя, напоминалъ старыя вѣчевой: все зависѣло не отъ воли одного лица, а отъ голоса *тромады* (народнаго собранія). *Громада, кругъ*—были тѣмъ же, чѣмъ теперь является *миръ* въ нашемъ крестьянскомъ быту.

Въ смутное время Московскаго государства, когда явился подкрѣпленный Польшей самозванецъ Дмитрій I и сталъ народу предъявлять свои права на престолъ, общая вольности и иные порядки, казаки, чуя наживу, наводнили Русь и примкнули къ новоявленному царю. Событія начала XVII столѣтія показали имъ, что пользуясь обстоятельствами, можно хозяйничать въ Московскомъ государствѣ, играть роль въ его дѣлахъ: внутренней и внѣшней политикѣ.

Потоки крови пролились въ смутное время, заявившее себя на первыхъ порахъ лишь одной безшабашной удаляю, звѣрствомъ и полнѣйшей разнузданностью инстинктовъ. Московское государство въ свою очередь создало, какая она опасность можетъ грозить въ будущемъ отъ этихъ дѣтей степи, что за сила въ нихъ бьется. «Порадѣвши своимъ зинунамъ и пожиткамъ», по просьбу, награбивши довольно количество всякаго добра, казачья вольница на время притихла, вошла въ сдѣлки съ правительствомъ, согласилась, хотя далеко не вся, служить ему за жалованье.

Москва нашла для себя выгоднымъ утилизировать казачью силу, бывшую дотолѣ ослотою на Украинѣ; казачья стража могла хорошо исполнить свое дѣло и внутри государства. Явилась легкая конница изъ казаковъ, особое военное сословіе, такое же какъ стрѣльцы, воротники, пищальники, пушкарни и пр.

Помѣщичьи крестьяне, бѣжавшіе въ смутное время отъ своихъ господъ и ходившіе отдѣльными шайками уже подь именемъ *казаковъ*, разбойничали то особо отъ своихъ соменниковъ, то за одно. Все XVII столѣтіе было рядомъ разбоевъ и рядомъ правительственныхъ безплодныхъ мѣръ противъ ихъ нападѣй. И такъ, мы видимъ, что кромѣ *ворныхъ* казаковъ, вошедшихъ въ извѣстныя соглашенія съ правительствомъ, по лицу земли русской шатались *воровскіе* казаки, нехотѣвшіе никакихъ соглашеній, никакихъ уступокъ: они то и состояли главнымъ образомъ изъ бѣглыхъ крестьянъ и проч.

Тихій Донъ, получившій это прозвище, понятное дѣло, не отъ характера сидѣвшаго по его берегамъ населенія, продолжалъ быть вольнымъ Дономъ. На немъ съ давнихъ поръ рѣзко выдѣлялось двѣ партіи: *кармазинниковъ* (богатыхъ) и *идзутовъ*, или *голытьбы* (бѣдныхъ, голяковъ). Подобное раздѣленіе является во всякомъ обществѣ; появилось оно и въ казачьемъ порядкѣ. По присягѣ, данной въ царствованіе Михаила Федоровича (1634) казаки признали власть московскаго царя и ста-

Песокъ былъ уже близко. Вотъ онъ щекочетъ ему шею. Несчастный отгребаетъ его руками, корчится, силится прыгнуть. Ноги и все тѣло поледенѣли. Какъ будто гири привѣшены къ ногамъ, какъ будто чьи-то тяжелыя, холодныя руки тануть ихъ внизъ...

А солнце все свѣтитъ, птицы поютъ, наступаетъ тихій, душистый вечеръ. Такъ хорошо, такъ чудно хорошо тамъ, среди этихъ деревьевъ, на сочной травѣ, гдѣ нестрѣбуютъ цвѣты, гдѣ жужжать пчелы... Такъ чудно хорошо на свѣтѣ, такъ сладка жизнь со всѣми своими радостями, со всѣмъ своимъ горемъ. Оедѣ безумно, отчаянно захотѣлось жизни—хоть день одинъ, хоть часъ одинъ... Только бы еще пожить, еще посмотрѣть на солнце.

Песокъ уже у рта—несчастный запрокинулъ голову... лицо посинѣло, глаза широко открытые выражаютъ безумство и ужасъ. Онъ реветъ какъ звѣрь, онъ въ кровь искусалъ себѣ губы и руки. Песокъ посыпался въ ротъ и задушилъ крикъ. Вотъ и глаза исчезли. Видѣвъ только лобъ... волосы стоятъ дыбомъ. Еще двѣ, три минуты—ничего не видно. Изъ глади песка вырвалась рука съ искривленными пальцами, но вотъ и она безсильно исчезла...

Все тихо... только птицы-рыболовки съ жалобнымъ пискомъ кружатся надъ страшною могилой.

(Конецъ первой части).

ли отъ него въ прямой зависимости, удерживая однако свои казачія вольности. Присяга эта часто нарушалась *голытьбой*, которая, не стѣняясь, грабила и на Дону и на близкой Волгѣ, гдѣ безпрепятственно плавала удаляя вольница изъ сброднаго люда. Такой непосѣдной «наволоки» было много на великорусской рѣкѣ. Разбой совершался въ широкихъ размѣрахъ и получали названіе удалыхъ подвиговъ; складывался типъ удалаго добраго молодца, который не считался въ народѣ «ни воромъ, ни разбойничкомъ».

На разбой жаловались кушцы и посадскіе люди и служилые. *Вурные* казаки ставились этимъ въ неловкое положеніе къ московскому правительству, ссылались на то, что съ гольтыбой не сговорились, и что они сами ни въ чемъ не причинны. Изъ атамановъ разбойничьихъ шаякъ того времени памятны имена Валовня и Калбака, изъ которыхъ послѣдній грабилъ въ низовьяхъ Волги и на Каспійскомъ морѣ. Допъ имѣлъ постоянное общеніе съ Волгой и не было проѣзда внутри государства. Посылались воеводы съ войскомъ, сыщики, но зло въ умѣншалось.

До 1592 года русскіе крестьяне были вольны, они имѣли право переходить съ земли одного владѣльца на землю другого. Для этого назначался опредѣленный срокъ, именно Юрьевъ осенній день. Когда царь Борисъ, въ угоду окружающимъ боярамъ, прикрѣпилъ крестьянъ къ той землѣ, на которой они застали указъ, сложилась сама собой поговорка: «Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день», а положеніе народа ухудшилось. Начались побѣги со стороны крестьянъ, розыски со стороны ихъ владѣльцевъ.

Видя произведенную путаницу, законъ вынужденъ былъ сдѣлать уступки въ пользу народнаго вольства. Сначала срокъ для нахождения бѣглецовъ и водворенія ихъ на старое жительство былъ пятилѣтній, затѣмъ девяти, а подь конецъ пятнадцатилѣтній (1647). «Уложеніемъ» Алексѣя Михайловича *всякій срокъ былъ уничтоженъ*. Одновременно съ уступкой сдѣланной народу, Борисъ сдѣлалъ уступку и богатому классу: прикрѣпленіе удержалось въ боярскихъ, патриаршихъ и другихъ имѣніяхъ, а отъ мелкихъ землевладѣтелей крестьяне могли свободно переходить и шли опять таки, понятное дѣло, къ крупному собственнику, такъ какъ у него не было той тяготы.

Положеніе крестьянъ было, какъ видно, далеко незавидно: къ концу XVII столѣтія рѣзкая разница между крестьяниномъ и холопомъ исчезла. *Холопъ* значило—рабъ, невольникъ. Его называли также *человкомъ*. Люди были холопы.

Въ холопство продавались нерѣдко цѣлыми семьями; за долги имѣли обыкновеніе отдавать въ залогъ себя. У бѣднаго человека не было никакой собственности. Холопство было или вѣчнымъ (тогда человекъ становился вещью), или временнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ давались срочныя записи — *закладныя кабалы*. Отсюда—слово *закабалить*.

Въ концѣ XVI столѣтія (1597), всякій прослужившій у кого либо безъ всякой кабалы полгода, считался холопомъ. Этотъ законъ повелъ за собой страшную неурядицу: вольные люди,

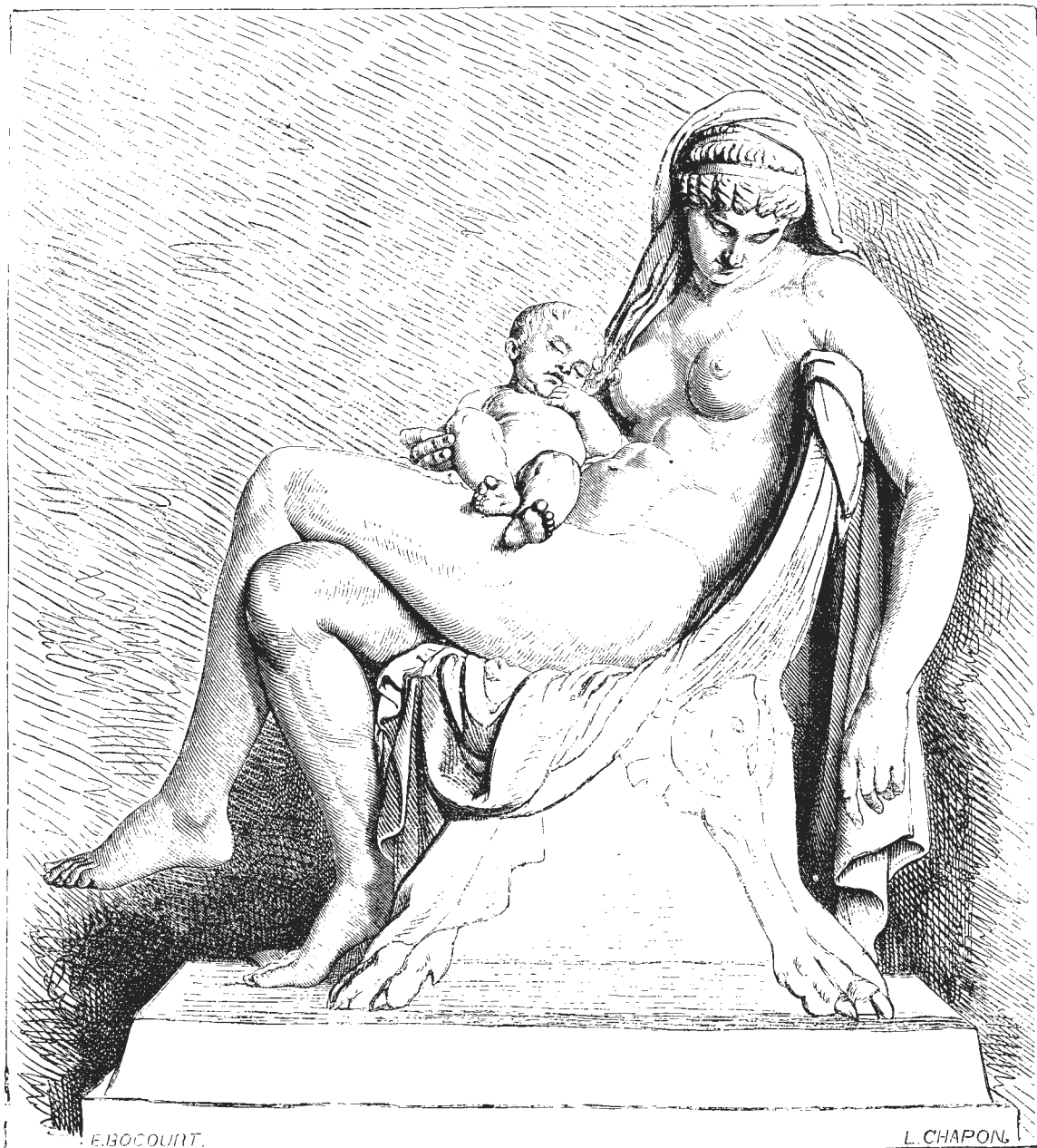
боясь попасть въ *люди*, бѣжали въ разныя стороны, уходили толпами въ казаки, впадали въ *воровство*. Законъ вынужденъ былъ опять сдѣлать уступку и не преслѣдовалъ ушедшихъ. Пытались ограничить холодство, потому что въ него стали часто переходить и тяглые люди, несшіе государственныя повинности. Это было невыгодно для правительства. Населеніе тогдашней Руси грозило разбѣжаться врозь...

Сильно распугала обнищавшій народъ дорого стоившая польская война.

Ровно двадцать лѣтъ, съ 1648—1668 годъ тянулась охота за бѣглецами. Разбои были въ полной силѣ. Помѣщики постоянно жаловались на то, что бывшіе ихъ крѣпостные разоряютъ усадьбы. «Оборони государь, писали они, «воры ѣздятъ многолюдствомъ, съ огненнымъ оружіемъ, многія селы разоряютъ

Въ Воронежской Украинѣ грабилъ помѣщиковъ Васыка Усъ съ толпою бѣглыхъ крестьянъ. Въ пѣснѣхъ позднѣйшаго времени *усами* прозывали вообще разбойниковъ. Последніе преслѣдовались не только на украиннахъ Россіи, но и въ центральныхъ, и въ сѣверныхъ областяхъ. Сыщики боролись съ разбоемъ въ Нижнемъ, Казани, Алатырѣ, Курмышѣ, Пошехонѣ, Унжѣ, Тотмѣ и другихъ мѣстахъ.

Притономъ русскихъ отщепенцевъ XVII столѣтія былъ «темный лѣсъ», о которомъ такъ часто поминается въ разбойничьихъ пѣсняхъ, мѣстомъ ихъ подвиговъ, была главнымъ образомъ Волга. По ней правительство разсылало стрѣльцовъ и боярскихъ дѣтей; окрестнымъ жителямъ приказывало держать у себя огнестрѣльное оружіе. Всякій подозрительный человекъ подлежалъ аресту и пыткамъ. Наказаніе самое тяжелое полагалось за

Сонъ. Мраморная группа, Матюренъ Моро, рис. Бокуръ, грав. Шаповъ.

и жгутъ, помѣщиковъ мучать и до смерти побиваютъ».

Разсылаемые сыщики только объѣдали и разоряли народъ, который продолжалъ попрежнему выдѣлать изъ своей среды разбойниковъ и укрывать ихъ во время розысковъ, хотя за это грозила страшная казнь.

Въ 1659 году на Волгѣ грабили атаманы *Ивашка* и *Петрушка* съ своими шайками; но Донцѣ Грицко Торпскій обиралъ проѣзжихъ пословъ, не разбирая, чьи они. Въ 1664 году старецъ Святогорскаго монастыря Ювъ объявилъ, что приходили въ Святыя горы черкесы, восемь человекъ и сказали, что они съ атаманомъ своимъ, *Безперстымъ*, въ числѣ 70-ти человекъ, ходили въ Мордву, а теперь дожидаются въ окрестностяхъ горъ крымскихъ гонцовъ и посланниковъ государевыхъ, чтобы обратить ихъ».

пристанодержательство; не избѣгалъ наказанія и тотъ, кто, слыша крикъ, не выходилъ на помощь.

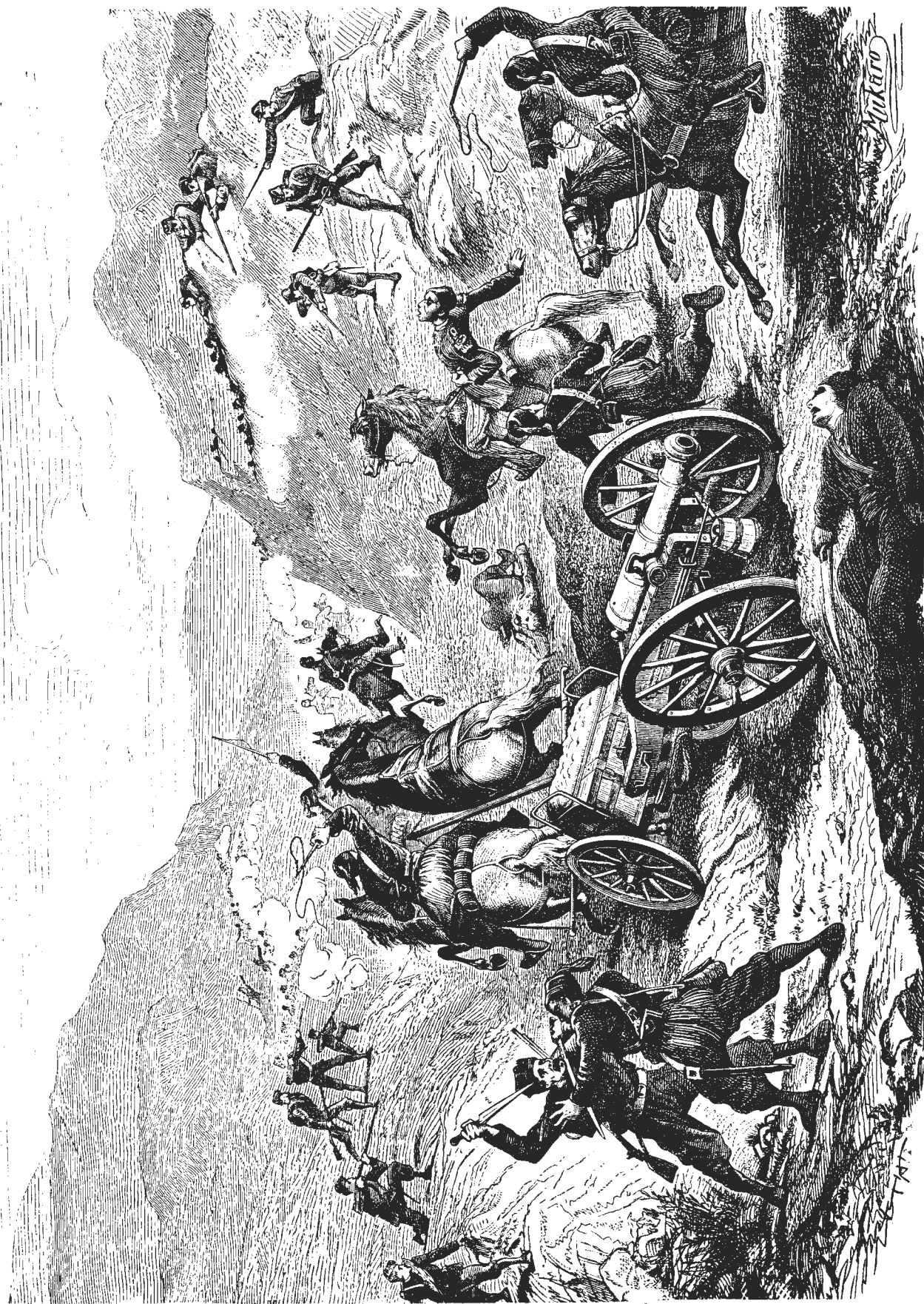
Въ 1667 году разбой принялъ необычайныя размѣры. Жители мирнаго настроенія были настолько запуганы удалой вольницей, что не смѣли сказать ей ни одного слова наперекоръ, не только что думать о доносахъ.

II.

Намъ уже извѣстно, что въ шестидесятыхъ годахъ XVII-го столѣтія, Алексѣй Михайловичъ, прозванный за характеръ *титайшимъ* вель войну съ Польшей, и что война эта была отягчительна для народа. Какъ легкая конница, удобная для быстрого перваго натиска, въ числѣ войскъ, порученныхъ началь-

ству воеводы Юрія Долгорукова, было и казацкое войско съ Дона. Агаманомъ донцевъ былъ нѣкто Разинъ. Онъ сталъ просится у воеводы домой, призывая за собой, какъ за казакомъ,

У казеннаго было два брата: Степанъ и Фролъ (Стенька и Фролка, по тогдашнему обыкновенію). Они оба видѣли, какъ вѣшали брата Ивана. Желаніе отомстить могло зародиться въ

Бѣгство турецкой батареи при Яворѣ. Съ наброска нашего корреспондента, рѣзалъ Мукаровский.

право служить и не служить, по желанію. Казаковъ не пустили. Они самовольно ушли. Ихъ догнали, воротили, а атамана повѣсили. По народному преданію этого Разина звали Иваномъ.

эту минуту, особенно въ сердцѣ Стеньки, который рѣзко отличался отъ Фролки во всемъ. «Необыкновенно предприимчивый и дѣятельный, человекъ непреодолимой воли, которая уже одна могла

заставить преклониться перед ним толпу; своенравный и непокорный? и вместе съёмъ неуклонный въ принятомъ разѣ намбрени, то мрачный и суровый, то разгульный до бѣшенства, то преданный пьянству и кутежу, то способный съ печеловѣческимъ терпѣниемъ переносить всякія лишения,—то нѣкогда ходившій на богомолье въ далекой Соловецкій монастырь, то, въ послѣдствіи, пренебрегавшій посты и нехотѣвшій знать ни таинствъ, ни священниковъ. Въ его рѣчахъ было что-то обаятельное. Толпа чула въ немъ какую-то необычайную силу, передъ которой нельзя было устоять и называла его колдуномъ. Жестокій и кровожадный, онъ забавлялся какъ чужими, такъ и своими собственными страданіями: законъ, общество, церковь—все, что стѣняетъ личныя побужденія человѣка, стали ему ненавистны. Состраданіе, честь, великодушіе были ему незнакомы. Это былъ въродокъ неудачнаго склада общества; мстью и ненавистью къ этому обществу было проникнуто все его существо (Костомаровъ. Русская Исторія, в. V-й). Такимъ былъ Стенька. Дальнѣйшій ходъ дѣла, которое задумалъ онъ, ясенъ изъ одной пѣсни, гдѣ поется, что

Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, казаками, думу недумывалъ,
Ходилъ гулять Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпко думушку съ голытьбою.

Сближеніе съ казацкой вольницей, которой сразу полюбилась такой человѣкъ, какъ Стенька, повело къ тому, что весной 1667 года шайка удалыхъ съ «батушкой» Степаномъ Тимофеевичемъ, съѣла на четыре струга и поплыла вверхъ по Дону, къ тому мѣсту, гдѣ эта рѣка близко подходитъ къ Волгѣ. По численности шайка могла назваться войскомъ: народу было въ ней до двухъ тысячъ. Она дѣлалась на сотни и десятки, признала атаманомъ Разина, а въ есаулы выбрала Ивану Чернопорца. За ходомъ торговыхъ судовъ разбойники имѣли обыкновеніе наблюдать съ какой-нибудь возвышенности и вотъ на одномъ изъ высокихъ поволжскихъ бугровъ расположилась и Стенькина ватага въ ожиданіи поживы. Случай представился скоро: ограбили мимо шедшій караванъ съ хлѣбомъ, а сѣмьяныхъ, которыхъ везли стрѣльцы въ Астрахань, выпустили на волю, развѣсивъ начальство по мачтамъ. Стенька всѣмъ рабочимъ на судахъ и стрѣльцамъ давалъ свободу идти куда хотятъ, говоря кто съ нимъ пойдетъ, тоже будетъ вольный казакъ. Слова «вольный казакъ» были соблазнительны и всѣ перешли къ Стенькѣ. Мимо Цирницына плыло уже 30 казацкихъ струговъ. Изъ города палили, но пушкари были вѣроятно нескусны въ своемъ дѣлѣ, или порохъ отсырѣлъ; только вреда не сдѣлали и принесли все тому, что Стенька колдунъ, о чемъ отписали въ Москву. По дорогѣ пристали къ Стенькѣ еще стрѣльцы. Разбойничья флотилія вышла черезъ одинъ изъ Волжскихъ протоковъ въ Каспійское море, достигла устья рѣки Янка (нынѣшняго Урала) и остановилась недалеко отъ Яницкаго городка. Стенька вошелъ въ послѣдній обманомъ. Начальныхъ людей безжалостно перерѣзали, простылъ объявлена была вольная воля.

Все лѣто пробылъ атаманъ въ Янцкомъ городкѣ; осенью погрѣшилъ соседнихъ татаръ, а опять къ зимѣ вернулся назадъ. Хилковъ, тогдашній Астраханскій воевода, послалъ къ Стенькѣ казаковъ, съ просьбой отпустить половецкихъ людей. Стенька отвѣчалъ, что не отпуститъ и требовалъ себѣ милостивой царской грамоты.

Правительство, недовольное перѣшителнымъ Хилковымъ, послало на его мѣсто Прозоровскаго, который не оказался въ этомъ случаѣ лучше своего предшественника. Увѣщанія на Стеньку не дѣйствовали.

Въ 1668 году казацкіе струги выплыли въ море и на долго запали о Стенькѣ всѣ слухи. Не знали, куда дѣвалась вольница больше года. Между тѣмъ число разинцевъ росло: удалыя

головы шли и изъ великой и изъ Малой Руси, присоединялись къ Стенькѣ, который успѣлъ погромить много персидскихъ поселеній, обогатиться награбленнымъ отъ жителей добромъ. Персидскій шахъ собрался выслать на Стеньку войско—надо было подниматься на хитрость и послѣднія дѣйствительно удалась. Атаманъ объявилъ, что охотно приметъ подданство. Трое были посланы съ такимъ предложеніемъ въ Испань. Взять ихъ взяты были конечно заложники. Послѣ этого произошло разграбленіе казаками Фарабахъ; Стенька укрѣпился на небольшомъ фарабахскомъ полуостровѣ и дѣлалъ отсюда частые набѣги.

Шахъ, узнавъ о вѣроломствѣ казаковъ, выслалъ противъ нихъ войска на 70 судахъ, но Стенька уже успѣлъ перенести на восточный берегъ Каспійскаго моря. Свиной островъ сталъ пристанищемъ его ватаги; берегъ подвергался опустошительнымъ набѣгамъ. Персидской флотиліей, которая была разбита на голову, командовалъ Менедъ-ханъ. Дочь его, красавица-персіянка, досталась Стенькѣ. Побѣда обошлась казакамъ очень дорого: кромѣ 500 чел. убитыхъ, много умерло отъ болѣзней, отъ несвѣчнаго климата, дурной воды и пр. Стенька вынужденъ былъ бросить свои морскіе промыслы и двинулся къ Астрахани, ограбивъ по дорогѣ вѣскольکو судовъ. Одинъ изъ ограбленныхъ первый привезъ въ городъ вѣсть, что атаманъ снова появился и уже недалеко.

Прозоровскій послалъ на встрѣчу Стенькѣ Львова съ стрѣльцами. Уставши гоняться за казаками, Львовъ послалъ къ нимъ гонца, который долженъ былъ заявить требованіе о возвратѣ пушекъ и струговъ съ находящимися на послѣднихъ пѣвниками и затѣмъ дозволеніе ѣхать на Донъ, по исполненіи сказанныхъ условій. Обстоятельства вынудили и Стеньку и казаковъ согласиться на предложеніе. Казацкіе струги потянулись къ Львовымъ къ Астрахани, гдѣ Стенька, дѣлая видъ что покоряется, сложилъ въ приказѣ свой бунчукъ, знакъ власти. Нѣскольکو бывшихъ на стругахъ орудій были тоже отданы; суда Стенька неуступилъ, потому что надо же было по Волгѣ плыть на чемъ нибудь.

Астраханскіе начальники, видя богатство казаковъ, дружили со Стенькой, принимали отъ него всякіе подарки и вообще смотрѣли на все сквозь пальцы. У Стеньки было столько дорогихъ персидскихъ тканей, ковровъ, драгоцѣнностей всякаго рода, дорогихъ винъ, что нельзя было съ нимъ непобраничаго. Жалобы ограбленныхъ Стенькой лицъ оставались безъ послѣдствій. Жадные люди были эти воеводы. Народное преданіе говоритъ, что кто-то изъ круныхъ астраханскихъ начальниковъ, увидавъ у Стеньки богатую шубу, сталъ ее просить себѣ; подарилъ, да подарилъ! Стенька почему то не соглашался. Пристававшій угрожалъ, что онъ можетъ такому человѣку какъ Стенька, сдѣлать много зла. Атаманъ съ сердцемъ сбросилъ шубу съ плечъ и сказалъ: «На, только какъ бы отъ этой шубы да не было шуму».

Десять дней онъ выжидалъ въ Астрахани и все время пьянствовалъ и сорилъ народу деньги. Разъ, сильно выпившій, Стенька сидѣлъ на своемъ изукрашенномъ стругѣ; рядомъ сидѣла красавица персіянка, вся въ атласѣ, золотѣ и жемчугахъ. Подслушавъ мимоходомъ брѣвневное къѣмъ то замѣчаніе, что видно подлибилась ханская дочка «батушки атаману», онъ въ припадкѣ ярости вскочилъ и схватилъ княжну въ свои мощныя руки, принесъ ее въ жертву Волгѣ: «*Ахъ ты, Волга матушка, рѣка великая! Много ты дала мнѣ злата и серебра и всего добраго; какъ отецъ и мать славою и честью меня надѣлила, а я тебя еще ничѣмъ не отблагодарилъ; на-же тебя, возьми!*» Таково было обращеніе Стеньки къ Волгѣ. Какъ казакъ, ему показалась послѣдній любовью къ женщинамъ, и онъ принесъ послѣднюю въ жертву товарищамъ, влияние на которыхъ было ему нужно.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

Временская ученая экспедиція для изслѣдованія Западной Сибири.

Извѣстные естествоиспытатели, доктора Финшъ и Бремъ, при содѣйствіи Временскаго общества нѣмецкихъ сѣверо-полярныхъ экспедицій, предприняли путешествіе для производства научныхъ изслѣдованій Западной Сибири. Къ нимъ присоединился графъ Карлъ ф.-Вальдбургъ-Цейль-Траухбургъ.

6-го марта экспедиція оставила Бременъ и поѣхала черезъ Петербургъ въ Нижній-Новгородъ на Тюмень и далѣе въ Семипалатинскъ, имѣя въ виду быть на Алтай въ Барнауль и затѣмъ проѣхать на лодкѣ рѣку Оби до ея устья.

Графъ Вальдбургъ имѣетъ цѣлью опредѣленіе гидрографическихъ отношеній земли и метеорологическихъ наблюденій; д-ръ Бремъ—виды мѣстностей и животный міръ, д-ръ Финшъ—кромѣ научныхъ изслѣдованій, собраніе естественныхъ предметовъ и энтомологическія изысканія.

Альфредъ Бремъ, извѣстный авторъ сочиненія «Жизнь животныхъ», родился 3-го февраля 1829 г. въ Рентендорфѣ, въ Тюрингіи. Онъ сынъ знаменитаго орнитолога Христиана Людвигъ Брэма. Съ 1847 по 1852 г. онъ объѣздилъ всю сѣверную Африку, путешествовалъ много по Европѣ и въ особенности по Испаніи и Лапландіи. Въ 1862 г. онъ сопровождалъ герцога Эрнста фонъ-Саксенъ-Кобургъ-Гота въ страну *Боюса*, около сѣверной границы Абиссиніи. Въ 1863 г. получилъ мѣсто дирелтора Гам-

бургскаго зоологическаго сада; но не сошедши съ зоологическимъ обществомъ и въ 1867 г. переселился въ Берлинъ, гдѣ основалъ аквариумъ.

Отто Финшъ, сынъ кушца, родился 8-го августа 1839 г. въ Вармбрунѣ. Онъ путешествовалъ по Турціи, Голландіи, Англій и написалъ нѣскольکو замѣчательныхъ сочиненій по естествознанію. Болонскій университетъ въ 1868 году призналъ его докторомъ; въ 1872 году онъ путешествовалъ въ Соединенные Штаты, въ 1873 г.—въ Норвегію и Лапландію.

Виртембергскій графъ Карлъ фонъ-Вальдбургъ-Цейль, съ 1862 по 1865 году изучалъ дѣсоводство и сельское хозяйство. Въ 1870 году онъ отправился на Шницбергъ съ знаменитымъ путешественникомъ и ориентологомъ Теодоромъ Гейгльнъ. Послѣднее время онъ былъ назначенъ командиромъ замковой стражи въ Штутгартѣ, но по просьбѣ уволенъ отъ этого мѣста съ отпускомъ на 2 года, для путешествія по Россіи и Норвегіи. Можно, конечно, надѣяться, что эти три лица, одинаково одаренные любовью къ естествознанію и богатые обширными по этому предметамъ свѣдѣніями, принесутъ несомнѣнную пользу наукѣ своимъ путешествіемъ.

Въ Петербургѣ они были приняты весьма радушно. Въ Николаевской залѣ городской думы происходило по случаю ихъ

пробытия, экстренное собраніе двухъ соединенныхъ ученыхъ обществъ: содѣйствія русской промышленности и торговлѣ и содѣйствія русскому торговому мореходству.

Въ благодарность за любезный пріемъ, одинъ изъ членовъ экспедиціи, а именно д-ръ Брэмъ, читалъ въ залѣ гостиницы Демуга, въ пользу германскаго благотворительнаго общества и кассы для выдачи пособій недостаточнымъ университетскимъ слушателямъ, лекцію о «путешествіяхъ по степямъ».

Съ одинаковымъ радуніемъ принимали ученыхъ гостей и въ другихъ городахъ: въ Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани и др. Въ Тюмени Брэмъ оставилъ программу, въ числѣ 55-ти вопросныхъ пунктовъ, по которой, къ обратному пути его, представители города должны составить отвѣты. Онъ спрашиваетъ о ввозѣ и вывозѣ, о состояніи скотоводства, сельскаго хозяйства, рыболовства и т. д. Засимъ: хорошо ли нѣмцамъ переселиться

въ Сибирь, кого болѣе требуютъ: земледѣльца или маленькаго ремесленника, какія ремесла имѣютъ будущность, какія выгодны, имѣли ли бы аптекаря хорошій доходъ, достаточно ли число аптекъ, нашли ли бы врачи хорошій доходъ, есть ли ветеринары, нужны ли гувернеры: русскіе, французы и нѣмцы, могутъ ли гувернантки надѣяться скоро найти себѣ мужа? Отвѣты, которые послѣдуютъ на эти вопросы, мы, конечно, узнаемъ въ будущемъ трудѣ Брэма въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, или же можетъ статься, въ обратномъ переводѣ съ нѣмецкаго на русскій. Въ настоящее время Бременская экспедиція находится уже на обратномъ пути и на дняхъ пріѣздъ ея ожидается въ Петербургъ. О результатахъ ея изслѣдованій русскому обществу предстоитъ познакомиться впоследствии при переводѣ трудовъ экспедиціи съ нѣмецкаго языка на русскій.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Ручеекъ.

(Картина Буланже).

Классическіе художники пейзажисты въ своихъ картинахъ представляли намъ совсемъ иное, что мы видимъ теперь у пейзажистовъ новѣйшей школы. Въ классическомъ пейзажѣ существовали правила распределенія линий, скалы получали архитектурную точность, въ глубинѣ непременно рисовался или храмъ или ридъ колоннъ; люди представлялись или въ видѣ боговъ или пастушковъ. Ничего такого мы не находимъ у пейзажистовъ новѣйшей школы: природа побѣдила искусственность и новѣйшіе художники поняли, что красоту нужно искать въ природѣ, она, всеильная властительница, на каждомъ шагу представляетъ готовый матеріалъ и нужно рисовать съ натуры просто, безъ затѣй, чтобы заимствовать у природы частичку ея величія.

Но необходимо замѣтить, что такое отношеніе къ искусству есть только, такъ сказать первый шагъ на поприщѣ художественнаго творчества, дальнѣйшій путь иной, болѣе дивный и величественный по своимъ таинственнымъ способамъ проявленія. Достигаютъ его не все, но тѣ, кто достигаютъ его несомнѣнно должны идти этимъ-же путемъ. Вотъ что говоритъ по этому случаю поэтъ (А. Н. Майковъ), то что онъ говоритъ о поэзіи вполне применимо и къ живописи:

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У берега сонныхъ водъ, одинъ бродя, случайно
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ.
Дубравы говорю; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ усть твоихъ разлѣтные октавы
Польются звучные, какъ музыка дубравы.

З.

Сонъ.

(Снимокъ съ мраморной группы М. Моро).

Особенную прелесть этой прекрасной группы составляетъ ея классическая красота, заключающаяся, какъ въ самой позѣ задремавшей женщины, такъ равно въ общей гармоніи спокойствія и строгости линий, въ силѣ и жизненности формъ. Группа М. Моро заслужила громкія похвалы на Парижской выставкѣ 1874 г. Въ самомъ дѣлѣ, взгляните: мать и сынъ какъ-бы окружены сіяніемъ покоя, вѣрнаго признака невинности; какими, можетъ быть, тихими и сладкими видѣніями полонъ сонъ этихъ двухъ существъ, одинаково цѣломудренныхъ и, пожалуй, въ одинаковой степени простосердечныхъ. Ростъ и вообще сильное физическое развитіе придаютъ фигурѣ матери еще болѣе граціозности. Ребенокъ, какъ видно, недавно насытился и потому уснулъ у груди — у этого перваго нестачника пищи. Мальчикъ, повидимому, общается сълѣтается со временемъ крѣпкимъ и могучимъ мужемъ, достойнымъ сыномъ своей матери. Въ этихъ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Какъ освѣжающую, радостную вѣсть, вся Россія прочла текеть ультиматума, посланнаго русскимъ кабинетомъ къ Турціи: «18 октября Государю Императору благоугодно было повелѣть, чтобы генералъ-адъютантъ Игнатъ объявилъ Портѣ, что въ случаѣ если она въ двухдневный срокъ не приметъ перемирія на шесть недѣль или на два мѣсяца и если не дастъ немедленно приказанія приостановить военныя дѣйствія, то онъ со всемъ посольствомъ выйдетъ изъ Константинополя и дипломатическія сношенія будутъ прерваны.» Отвѣтъ Портѣ, въ смыслѣ принятія перемирія, послѣдовалъ 21 октября. Судя потому, что предложенный Россіей срокъ ультиматума истекалъ 20 октября 1) ноября) а Порты доставила свой отвѣтъ нашему послу только 21 октября (2 ноября) въ часъ ночи, нужно заключить, что Порты дала свое согласіе на перемиріе неохотно, послѣ раз-

двухъ типахъ есть единство, есть что-то общее, и художникъ, уловившій именно эту черту, вдохнулъ жизнь въ кусокъ мрамора; представилъ все, что есть въ природѣ самаго идеальнаго, привлекательнаго: вы видите во-очію тѣсную связь между матерью и ея ребенкомъ.

Бѣгство турецкой батареи въ сраженіи при Яворѣ.

Въ трехдневномъ сраженіи при Яворѣ, турецкіе войска, какъ извѣстно, потеряли сильный уронъ. Нашъ рисунокъ представляетъ одинъ изъ эпизодовъ этой отчаянной битвы, когда цѣлая батарея турецкой конной артиллеріи была неожиданно окружена Сербами. Въ послѣднемъ отступленіи своемъ или лучше сказать бѣгствѣ эта батарея вѣхала на узкую дорогу, окаймленную возвышенностями, за которыми скрывалась засада — часть сербскаго войска. Лишь только первое турецкое орудіе показало на извилистой тропинкѣ, какъ сербскія застрѣльщики до тѣхъ поръ закрытыя выстрѣлами открыли губительный огонь; отважившіяся изъ Сербовъ, выйдя изъ засады съ остервененіемъ бросились на оторопѣвшихъ турокъ, присутствующихъ въ отчаянное бѣгство: верховые съ ожесточеніемъ стегали коней тѣсно стараясь пустить ихъ во весь опоръ. Всѣ ихъ усилія были напрасны; подъ мѣткимъ огнемъ сербскихъ стрѣлковъ, почти недавнихъ промаха, конь падалъ за конемъ, всадникъ за всадникомъ. Тѣ изъ турокъ, которымъ удалось выдти живыми изъ этого убійственнаго огня были окружены и взяты въ плѣнъ. Пять турецкихъ орудій достались въ руки побѣдителей.

Вспомнимъ при этомъ, что артиллерія безъ всякаго сомнѣнія составляетъ лучшую часть турецкаго войска. Со времени введенія въ 1843 году въ турецкую армію европейской организаціи, артиллерія всегда составляла предметъ самыхъ усиленныхъ заботъ правительства Порты. Нынѣ турецкая артиллерія раздѣляется на полевую, крѣпостную и береговую. Полевая артиллерія состоитъ изъ шести полковъ и въ каждомъ изъ нихъ заключается по пятнадцати батареямъ. Девять батарей снабжены пушками французской системы Ла Гитта (La Hitte) заряжающимися съ казенной части въ другихъ шести батареяхъ стальные крупнокалиберныя орудія старой системы. Кромѣ того войска снабжены еще горными орудіями системы Витворта предназначенными для веденія военныхъ дѣйствій въ гористыхъ мѣстностяхъ. Во время войны каждый артиллерійскій полкъ имѣетъ 69 офицеровъ и 1609 солдатъ; при каждой батарее состоитъ четыре офицера, восемь ундеръ-офицеровъ и 12 или 16 человекъ прислуги. Какъ матеріальная часть, такъ и лошади содержатся въ довольно хорошемъ состояніи. Офицеры хотя и не очень учены, но за то знаютъ свое дѣло практически и ведутъ стрѣльбу весьма недурно. Такая успѣшная организація велась при посредствѣ прусскихъ офицеровъ, которые, устроивъ турецкую артиллерію, долго ею заведывали.

ныхъ бурныхъ сценъ, горячихъ споровъ и пререканій въ турецкомъ совѣтѣ министровъ. Трудность положенія Турціи увеличивалась еще тѣмъ, что около этого времени открытъ въ Константинополѣ заговоръ, грозившій перевернуть вверхъ дномъ все турецкое государственное устройство. Сооты пытались-было остановить колыску Султана Гаида, чтобы вынудить у него обещаніе отвергнуть ультиматумъ.

При обсужденіи русскаго ультиматума, представителями «туркофильскихъ» кабинетовъ Англии и Австро-Венгрии былъ пресловутый сэръ Генри Эллиотъ и графъ Зичи. Имъ говорятъ, стоило многихъ усилій склонить Порты «избрать благую часть», т. е. покориться русскимъ требованіямъ. Англія и Австрія тотчасъ-же присоединились къ русскому ультиматуму.

Для дѣла сербовъ и другихъ балканскихъ славянъ ултима-

тужъ Россіи послѣдовалъ весьма своевременно. Масса турецкихъ войскъ стала одолавать борцовъ, которыя по сравнительной малочисленности, могутъ назваться только горстью. Последніе десять дней предъ ультиматумомъ были цѣлымъ рядомъ отчаянныхъ и упорныхъ битвъ. Ожесточенность боя увеличилась съ субботы 16 (28) октября. Въ этотъ день происходила сильная кононада на всѣхъ сербскихъ позиціяхъ. Перевѣсъ въ этотъ день былъ все-таки еще на сторонѣ сербовъ; но на другой день 17 (29) октября былъ взятъ турками Джунисъ. Корпусъ Хорватовича и армія генерала Черняева были разъединены. Вслѣдствіе паденія Джуниса Черняевъ отступилъ къ Крушевацу (на сербской Моравѣ), а Хорватовичъ укрѣпился въ Гагловѣ и Капичи, 19 (31) октября турки начали бомбардировать Алексинацъ и Делиградъ. Уже въ среду 20 октября (1 ноября) разнеслась вѣсть, что Алексинацъ взятъ турками штурмомъ. (Дѣло происходило уже послѣ передачи Турціи русскаго ультиматума). Послѣ истребительной для обѣихъ сторонъ битвы при Джунисскихъ высотахъ, большая часть сербскихъ войскъ, которымъ можно было еще располагать, послана въ Паратчинъ и Делиградъ. Какъ всегда бываетъ при крайней ожесточенности боя, число павшихъ съ обѣихъ сторонъ въ сраженіи при Джунисскихъ высотахъ опредѣлить трудно. Считаютъ вѣроятнымъ, что потери турокъ простираются до 10,000 убитыми и ранеными; сербовъ 1,500, и русскихъ 2,500 человекъ. Раненыхъ было мало. Одновременно съ Джунисомъ былъ взятъ и сожженъ и Шельеговацъ. Говорили потомъ, что Шельеговацъ сожгли сами сербы, чтобы отнять у турокъ опорный пунктъ.

Произведенная этими событіями паника въ Сербіи, поминутное ожиданіе наведенія этого маленькаго государства дикою ордою турокъ, во всѣхъ углахъ пожаровъ и кровопролитія — и была кажется *первою и единственною* причиною тревожныхъ и преувеличенныхъ извѣстій объ арміи генерала Черняева. Чорная зависть и злоба на безкорытнаго и великодушнаго генерала вдругъ, во всѣхъ мѣстахъ, къ сожалѣнію отчасти и въ нашей петербургской прессѣ, подняла свою столбовую голову, подобно Гидрѣ. Говорили о томъ, что сербская артиллерія, въ рѣшительную минуту, подлѣ Джунисомъ, отказалась повиноваться Черняеву; что одни русскіе добровольцы выдержали на своихъ плечахъ упорный и кровопролитный, но, къ сожалѣнію, бесполезный бой, что пораженіе сербовъ было полное, что генералъ могъ бы предвидѣть бесполезность этой битвы и не ставить на вѣрную смерть своихъ соотечественниковъ и т. д. Но не говоря уже о томъ, что обстоятельство Джунисскаго дѣла далеко еще не выяснилось, — критики Черняева забываютъ, что рѣшать дѣло чернилами на бумагѣ гораздо легче, чѣмъ дѣлать настоящее. Теперь уже, однако, выяснилось, что такъ называемый бунтъ сербской артиллеріи есть просто наглая выдумка разныхъ инсинуаторовъ, что сербская артиллерія, какъ всегда, такъ и теперь безусловно повинуется своему главнокомандующему, что орудія и снаряды для Моравской арміи не были доставлены во время и сербская армія въ страшную рѣшительную минуту была такъ сказать безпомощною. Точно также распространявшаяся молва о дуэли генерала Черняева съ сербскимъ военнымъ министромъ Николичемъ оказалась вздорною.

Однакожь на ряду съ неудачами, совершенно на прошлой недѣлѣ одно истинно-геройское дѣло богатырями — черногорцами. 19 (31) октября они окружили и бомбардировали Подгорицу, хотя городъ былъ сильно вооруженъ; но одна турецкая батарея была сбита дѣйствіемъ черногорской артиллеріи. Затѣмъ посредствомъ большихъ динамитовыхъ снарядовъ, взорвали крѣпость Медунъ и сравняли ее съ землею. Этимъ дана была возможность черногорскому гарнизону, занимавшему вновь приобретенную турецкую крѣпость, углубиться во внутрь Албаніи. Такимъ образомъ *туркамъ открыто всякое сообщеніе съ Подгорицею.*

Свѣдѣнія съ театра войны, теперь, послѣ официального объявленія восьмидневнаго перемирія, весьма неопредѣленны и полны противорѣчій. Даже по заключеніи перемирія разнесся слухъ, что турецкій главнокомандующій Абдуль-Керимъ-Паша хочетъ *переселиться въ Алексинацъ и Делиградъ на землія квартиръ (?)*. Вступленіе турокъ въ Делиградъ, однакожь, теперь опровергнуто телеграфомъ. Вообще, теперь, положеніе дѣлъ на театрѣ войны представляется въ слѣдующемъ видѣ:

а) Крушевацъ *не занятъ турками*, вопреки прежнему сообщенію тенденціозныхъ корреспондентовъ. Въ Крушевацѣ стоитъ Хорватовичъ, и главныя силы сербской арміи находятся въ Делиградѣ.

б) Алексинацъ также *не взятъ штурмомъ*, вопреки сообщеніямъ такого же характера. Но остается вѣрнымъ то, что при бомбардированіи онъ *сожженъ*, потому что турки бросили въ него болѣе 2000 *гранатъ*. Алексинацъ очищенъ отъ гарнизона.

в) Главная квартира генерала Черняева находится въ Чуприі.

д) Черногорія и Сербія *единодушно согласились на перемиріе до конца декабря*. Обѣимъ арміямъ о заключеніи перемирія сообщено официально въ четвергъ 21-го октября (2-го ноября), въ три часа пополудни. Съ этого момента *военныя дѣйствія безусловно прекратились на всемъ театрѣ войны*.

е) Не смотря на взятіе Джунисскихъ высотъ, войска сербской арміи все-таки до тихъ поръ держатся въ Делиградскихъ позиціяхъ (сообщ. московской телеграммы).

Посмотримъ далѣе — что будетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что событія теперь болѣе выяснятся, и мы получимъ руководящую нить для сужденія объ истинномъ положеніи дѣлъ.

СМѢСЬ.

Счастливымъ государствомъ можно считать маленькую республику Санъ-Марино въ Италіи. Она находится между провинціями Форли и Пезаро, на одномъ изъ отроговъ апеннинскихъ горъ. На пространствѣ въ 62 кв. килом. обитаютъ 7,080 жителей, изъ числа коихъ 1,584 человекъ родились въ предѣлахъ этой республики. Число землевладѣльцевъ и лицъ, составляющихъ ихъ семейства, составляетъ 3,040 душъ, лицъ, не владѣющихъ землей 2,622, арендаторовъ 1,418. Законодательный совѣтъ состоитъ изъ 60 членовъ; исполнительная власть возложена на двухъ капитановъ, полномочія которыхъ продолжаются полгода. Государственные доходы простираются до 42,000 лиръ, расходы — до 40,000 лиръ. Дефицитъ и долги — предметы неизвѣстные въ Санъ-Марино. Республика эта существуетъ съ четвертаго столѣтія, въ ней никогда не происходили кровавыя революціи; всѣ дѣла идутъ мирно и спокойно у этихъ прилежныхъ людей, которые отъ плодовъ своихъ трудовъ продаютъ кое-что и на сторону, напр.: шерсть, шелкъ, вина и фрукты. Народныя училища въ отличномъ состояніи; пролетаріевъ и солдатъ въ Санъ-Марино не существуетъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) Москва. Никольская. Руд — у Грос — у. Приводимъ здѣсь цѣликомъ присланное вами прелестное стихотвореніе:

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла;
Шумитъ Арагва предъ мною;
Мнѣ грустно и легко, печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобою!.. Унынія моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ — отъ того,
Что не любить оно не можетъ.

Автора этого стихотворенія мы тысячу разъ готовы признать первокласснымъ, но къ смѣду вашему, не вы авторъ его, а нашъ безсмертный Пушкинъ. Это стихотвореніе слово въ слово напечатано въ 1-мъ томѣ сочиненій Пушкина (изд. Исакова 1859 г. стр. 411). Какъ назвать вамъ поступокъ — предоставляемъ судить вамъ-же самимъ.

2) Гадачъ. (Полтав. Губ.) Мое. Лесіев — у. Помѣстить не можемъ, ибо это очень напечатанно и свѣтлѣе изъ насъ озеръ «Обианки».

3) Николаевъ. Н.И. З — ой. Зачѣмъ складывать въ рифмы слова, въ которыхъ нѣтъ ни какого смысла. Вы пишете:

У кого могли могучи,
У того видны въ словахъ,
Въ мысляхъ вашихъ-же летучихъ
Въ верокъ видны въ лѣсахъ.

И такими стихами наполнить цѣлую тетрадь! Побойте в Бога. Въ с. Прасковью. А. Г. М — ову. Въ С. Петербургѣ. Учителю Ф. М. С. Стяжковъ не напечатать и свѣтлѣе ихъ не писать.

4) Острогонскъ. С. Сл — у. Прочтите кому либо изъ знакомыхъ своихъ какъ передачу рукописи въ Редакцію, такъ и переговоры о ней. Стихи и издательство не подходить.

5) И. Грохоту. Стихи запоздали. При послѣдѣ другихъ сообщите свой адресъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Митавскій дворецъ (съ рисункомъ) Х. Р. — Нижняя Острогонская. Историческая повесть Вс. С. Соловьева. (Концовъ 1-й части). — Разинскій бунтъ (съ 2-мъ рисункомъ). — Бременская ученая экспедиція для изслѣдованія Западной Сибири (съ 3-мъ портретомъ). — Въ рисункахъ: Ручеекъ (съ рисункомъ). — Сонъ (съ рисункомъ). — Бѣгство турецкой батареи при Яворѣ (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Почтовый ящикъ. — Оъявленія.

Редакторъ Д. Стахѣвъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
КАЛЕНДАРИ НА 1877 Г. ИЗД. А. ГАТЦУКА:
КРЕСТНЫЙ цѣна 15 коп.
КРЕСТОВЫЙ цѣна 10 коп.
съ большимъ количествомъ рисунковъ, хромолитограф. картой Россіи, картой Балканскаго полуострова и Мѣсяцесловомъ славы свѣтлыхъ святыхъ.
Предупреждаемъ о существованіи поддѣлокъ. На настоящемъ Крестовомъ смотрите фамилію редактора.
Черезъ почту погороднымъ высылаются:
Въ мѣста до 1,000 в.: на 1 р. — 6 экз., До 1,000 в.: на 1 р. — 8 экз., 2 р. — 17 экз., 3 р. — 18 экз., 7 р. — 50 экз., 10 р. — 15 экз., 110 экз.
Въ мѣста свыше 1,000 в.: на 1 р. — 5 экз., 2 р. — 10 экз., 3 р. — 16 экз., 7 р. — 43 экз., 15 р. — 100 экз.
КРЕЗЪ ПОЧТУ гг. иногор. за календар. прошу адресоваться въ МОСКВУ, въ издательско-книгопр. Алексѣю Дмитр. СТУПИНУ (адресъ почтѣмъ извѣстенъ), и посылать съ первой почтой.

При этомъ № прилагается объявленіе отъ книжнаго магазина А. И. Манухина въ Москвѣ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.
№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.
Выдаетъ ссуды подлѣ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.
Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.
КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВЛАДЫ И ПЛАТИТЬ:
на текущей счетъ 7 1/2%
на 3 мѣсяца 7 1/2%
на 6 и до 12 мѣсяцевъ 8 1/2%
Страхуетъ билеты обонхъ внутр. 5% съ выгр. займовъ по 20 коп., съ иногородныхъ по 30 коп. за билетъ. 10—8

НИВА

Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни.

№ 45

1876

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ В ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
 Выдаѣтъ 8 Ноебря 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журнал „НИВА“ на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ:
 БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ 4 р.
 И СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ 5 р.
 III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжныя магазины Г. Гр. Соловьева, А. Лань и А. Живарева 4 р. 50 к.
 IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.
 Въ виду того, что приготовленіе около 18.000 печатныхъ адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ потребуетъ много времени, мы просимъ покорнѣе гг. иногородныхъ подписчиковъ возобновлять подписку на 1877 годъ заблаговременно.

Подписка на 1876 г. продолжается и каждый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1876 г. нумера и премію.
 При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за НОЯБРЬ съ 46 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 24 чертежами.

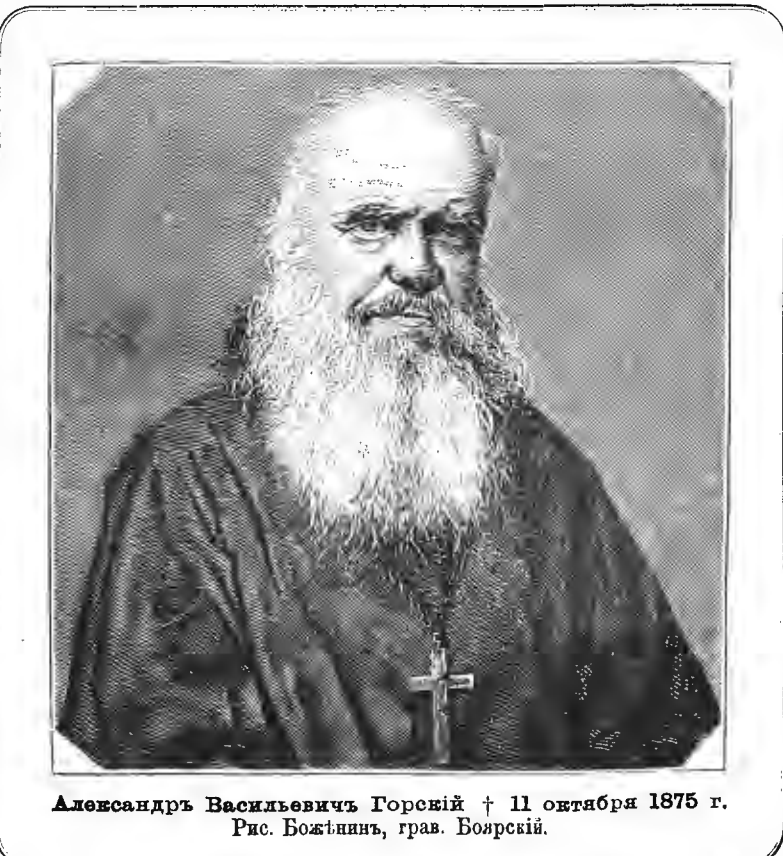
Александръ Васильевичъ Горскій.

Если утрата ученаго и въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ наука въ истинномъ строгомъ значеніи этого слова, очень оупительна, то у насъ, при недостаткѣ въ людяхъ, посвятившихъ себя наукѣ, потеря такого человѣка, какъ Александръ Васильевичъ Горскій, особенно тяжело должна отразиться и особенно въ сферѣ духовно-ученаго вѣдомства, гдѣ служилъ покойный.

Замѣчательный ученый, писатель, у котораго самъ митрополитъ Филаретъ, во многихъ важныхъ вопросахъ церковнаго управленія, просилъ совѣтовъ и ученыхъ указаній, ректоръ Московской духовной академіи, протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій скончался въ обители преподобнаго Сергія 11 октября 1875 г. на 64 году отъ рожденія.

Приводимъ нѣсколько строкъ изъ надгробнаго слова архимандрита Михаила, сказаннаго при погребеніи о. Горскаго: «Съ самыхъ юныхъ лѣтъ до самой смерти онъ (Горскій) былъ неутомимымъ труженикомъ науки, ради удобнѣйшаго приобрѣтенія этого блага презрѣвшій многое, считающееся благомъ въ жизни, отвергшій даже всякія считающіяся невиннымъ удовольствія житейскія. Нельзя было не удивляться многообъемлемости и глубинѣ его учености. Эта глава была какъ бы богатѣйшею сокровищницей знаній,

изъ которой каждый могъ почерпнуть сколько могъ и сколько хотѣлъ».

Александръ Васильевичъ Горскій † 11 октября 1875 г.
 Рис. Божъинъ, грав. Боярскій.

Какъ высоко цѣнились достоинства и заслуги А. В. Горскаго представителями русской науки доказываетъ ихъ общее желаніе избрать его почетнымъ членомъ разныхъ обществъ и учреждений.

Въ 1863 г. онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Моск. Общ. любителей духовнаго просвѣщенія; въ 1864 г. почетнымъ членомъ Моск. университета; въ 1867 г. докторомъ русской исторіи отъ совѣта С.-Петерб. университета; въ 1869 г. почетнымъ членомъ Общества любителей русской словесности и Киевской духовной академіи; въ 1873 г. почетнымъ членомъ Петербургскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія и Казанской духовной академіи.

Если можно такъ выразиться о познаніяхъ А. В. Горскаго—это была живая энциклопедія богословскихъ наукъ; какъ будто онъ перебралъ на всѣхъ кафедрахъ академіи поочередно и по каждому предмету приобрѣлъ свѣдѣнія.

Мы не рѣшаемся перечислить всѣ ученныя труды А. В. Горскаго, что было бы утомительно для читателей, и поэтому ограничиваемся указаніемъ лишь на нѣкоторыя изъ

нихъ, такъ напр.: Описаніе славянскихъ рукописей синодальной (патріаршей) бібліотеки—сочиненіе, содержащее драгоценные матеріалы для изученія исторіи славянскаго текста св. Писанія—сдѣланное совместно съ покойнымъ Кашиговымъ Ивановичемъ Невоструевымъ и, къ сожалѣнію, оставшееся неоконченнымъ; Памятники духовной литературы временъ Ярослава; Изслѣдованіе о св. первоучителяхъ славянскихъ, и мн. др.

Нравственныя качества А. В. Горскаго были никакъ не ниже его ученыхъ достоинствъ. Много было въ его сердцѣ любви, и ученики его, разбѣянные по русской землѣ, несомнѣнно, на всю жизнь сохраняютъ признательную память къ своему наставнику.

Много было въ немъ величайшаго смиренія, и въ тоже время это смиреніе не исключало въ немъ праведнаго гнѣва при видѣ дѣлъ, направленныхъ противъ чести и спокойствія церкви. Вышешенныя черты характера, вмѣстѣ съ любовью къ наукѣ, удерживали его противъ настойчивыхъ приглашеній и полной возможности ступить на привлекательный путь честолюбія и уклоняться отъ такихъ предложеній, которыя для многихъ были бы верхомъ желаній. Рассказываютъ фактъ, что однажды въ Петербургѣ ему передано было приглашеніе одного очень важнаго лица и съ этимъ приглашеніемъ соединялось другое, еще болѣе лестное, болѣе общающее; но Александръ Васильевичъ отвѣчалъ словами изъ св. писанія, что «къ князю силы я не имѣю слова, ибо живу посреди моего народа».

А. В. Горскій родился 16-го августа 1812 г. въ Костромѣ, гдѣ отецъ его былъ протоіереемъ, воспитывался сначала въ мѣстной семинаріи, но замѣченный при ревизіи семинаріи бакалавромъ Московской духовной академіи. нынѣ астраханскимъ архіепископомъ Аваніасіемъ, взятъ былъ въ Московскую духовную академію съ философскаго курса, 16 лѣтъ. По окончаніи курса на 20 году, онъ былъ назначенъ профессоромъ церковной и гражданской исторіи въ Московской семинаріи,

откуда черезъ годъ переведенъ бакалавромъ въ Московскую духовную академію и въ 1839 году достигъ званія ординарнаго профессора церковной исторіи, въ которомъ оставался до назначенія въ ректоры Академіи, до 23 октября 1862 года. Въ 1860 году онъ былъ посвященъ въ санъ іерея, безъ предварительнаго вступленія въ бракъ. Посвященіе его въ санъ іерея было первымъ примѣромъ изъятія изъ частнаго постановленія русской церкви, не допускавшаго до степеней священства людей безбрачныхъ. Онъ былъ посвященъ на 49 году своей жизни, когда митрополитъ Филаретъ, по своей къ нему любви и высокому уваженію, рѣшился наконецъ отступить отъ неправильнаго, но укоренившагося обычая, примѣнить къ нему лично вселенскій канонъ, бездѣйствовавшій цѣлыя столѣтія въ нашей церкви. Одновременно съ званіемъ профессора, онъ занималъ должность бібліотекаря Академіи. Говорятъ, что бібліотеку онъ зналъ такъ, что въ чрезвычайномъ случаѣ, когда надобна была ночью какая нибудь книга, онъ въ темнотѣ (впустить огонь въ бібліотеку не дозволялось) отыскивалъ ее только при помощи памяти и осязанія.

Ученыя достоинства Александра Васильевича поражали многихъ, казалось бы не менѣе его богатыхъ знаніями. Такъ извѣстный аббатъ Стенли, посѣтивъ Московскую академію и познакомившись съ Александромъ Васильевичемъ, былъ пораженъ познаніями нашего богослова, безъ приготовленія, прямо изъ запасовъ своей памяти, высказывавшаго самыя точныя и мѣткія сужденія о разнаго рода темныхъ и мало изслѣдованныхъ вопросахъ въ исторіи англиканской церкви.

Въ заключеніе замѣтить, что къ Александру Васильевичу Горскому, отличавшемуся, при его высокомъ умственномъ развитіи, необыкновеннымъ, истиннымъ смиреніемъ, волею примѣнными слова, что «дерево, обремененное плодами, всегда клонитъ свои вѣтви внизъ».

Z.

Т Р И П Ъ С Н И.

(Изъ А. Петѣфи).

I.

Какъ дитя заплачетъ ночью темной —
Колыбель качая,
Усыпляетъ няюшка малютку,
Пѣсни распѣвая;
Такъ свои проснувшіяся муки
Усыплять хочу я —
Пѣснь за пѣсню, горе заглушая,
Въ ночь свою пою я...

II.

Не плакалъ я, участя не просилъ
Чѣмъ болѣе я — другимъ не говорилъ,
Но выдаетъ, блѣднѣя, скорбный ликъ.
Все, что въ душѣ скопилось въ этотъ мигъ.
Боюсь, они прочтутъ въ моихъ словахъ,
Въ болѣзненно-блстающихъ глазахъ —

Все, все: проклятіе, что рвется такъ невольно,
Прочтутъ, что сердцу тяжело и больно!

III.

Дождь идетъ, идетъ, идетъ —
Подъслуи мной
Каждо губъ моихъ поетъ
Съ неустанной силой.
Льетъ дождь, шумитъ и льетъ,
Молвіи трещутъ:
Не твои-ли, другъ, глаза
Во тьмѣ ночи блещутъ?
Какъ и громъ уже гремитъ?
Господи помилуй!
Онъ идетъ, стучитъ борчить...
Ну, прощай мой милый!...

Ө. Бергъ.

Княжна Острожская

Историческая повѣсть В. С. Соловьева.

Часть вторая.

I.

Въ концѣ шестидесятихъ годовъ XVI столѣтія столица Литвы, Вильна, была однимъ изъ знаменитѣйшихъ городовъ въ Европѣ. Ея населеніе превышало двѣсти тысячъ. Кромѣ того, сюда стекались люди со всѣхъ краевъ Литовскаго Великаго Княжества.

Расположенный въ красивой мѣстности, широко раскинувшійся городъ представлялъ самую оживленную и пеструю картину. Роскошные замки вельможъ, дома богатой шляхты и горожанъ просвѣчивали сквозь листву садовъ, освѣжавшихъ городской воздухъ. По праздничнымъ днямъ разноплеменное населеніе стекалось въ многочисленныя церкви, соборы, костелы, кирки, мечети и синагоги. Богатые рынки кипѣли движеніемъ и торговлей.

Хорошо и мирно жилось въ Вильнѣ—какъ будто какая-то благодѣтельная рука удалила отсюда всѣ смуты и страсти, всѣ религіозныя волненія и вражду, буше-

вавшія въ то время во всѣхъ центрахъ Европы. Пришлецъ съ запада, навидавшійся всякихъ ужасовъ, поражался неожиданной картиной: русскіе, поляки, литвины, греки, армяне, татары, евреи и нѣмцы, представители самыхъ различныхъ вѣроисповѣданій, не питали другъ къ другу никакой вражды: не ссорились, жили дружно и спокойно предавались своимъ занятіямъ. Всѣхъ соединяла самая широкая вѣротерпимость. Городъ процвѣталъ и богатѣлъ съ каждымъ годомъ. Мирные жители ни откуда не ждали себѣ напасти. Только однажды, именно осенью 1569 года, они были встревожены слухомъ о томъ, что въ городъ должны вѣхаться отцы іезуиты, о которыхъ составлялось въ народѣ самое ужасное представленіе. Этотъ слухъ незамедлительно подтвердился. Дѣйствительно, епископъ Виленскій, Валеріанъ Проташевичъ—Сушновскій, просилъ прислать ему надежныхъ помощниковъ въ дѣлѣ распространенія и утвержденія шатающагося католицизма. Іезуиты, уже давно намѣтившіе Вильну, успѣшили откликнуться на

этотъ зовъ. Пять избранныхъ отцовъ извѣстли епископа о своемъ прїѣздѣ. Проташевичъ, видя народное настроеніе, побоялся допустить ихъ въѣздъ открыто и они пробрались въ городъ тайно, въ темный ненастный осенній вечеръ, въ епископской каретѣ, посланной къ нимъ навстрѣчу съ надежнымъ конвоемъ.

Жители Вильны только черезъ нѣсколько дней узнали о пребываніи въ ихъ городѣ новыхъ гостей и пришли въ крайнее смущеніе:—нельзя же было силою, безъ всякихъ достаточныхъ уликъ, выгнать ихъ изъ епископскаго замка, гдѣ они поселились на первое время. Положено было тщательно слѣдить за ними и, при первомъ же незаконномъ ихъ дѣйствіи, настоятельно требовать ихъ удаленія. Но іезуиты отлично понимали свое положеніе. Они почти никогда не показывались на улицахъ, а если выходили, то поражали своимъ необычайнымъ смиреніемъ и скромностью.

Вильна снова успокоилась и перестала обращать на нихъ вниманіе. Чортъ оказался не такъ страшенъ, какъ его малюютъ..

Тогда по одиночкѣ, также тихо и незамѣтно, стали являться новые отцы съ удивительными комплиментами епископу, съ хитро-подготовленными, краснорѣчивыми фразами, отъ которыхъ Проташевичъ проливалъ слезы умиленія. Скоро для отцовъ-іезуитовъ былъ приготовленъ, заранѣе купленный епископомъ, домъ, напротивъ его собственнаго замка. Домъ былъ большой и вполне удобный для устройства въ немъ коллегіума. Тутъ же, черезъ улицу, находилось два другихъ прекрасныхъ дома съ обширными плацами. И эти дома купилъ для іезуитовъ расстроганный епископъ. Здѣсь должна была произойти въ скоромъ времени закладка іезуитскаго костела. На содержаніе отцовъ Проташевичъ обязался ежегодно выдавать 2,000 копъ литовскихъ грошей и обезпечилъ эту сумму однимъ изъ своихъ имѣній. На устройство школы онъ подарилъ нѣсколько деревень, такъ что сразу можно было содержать сорокъ воспитанниковъ. Кромѣ того, для ловли рыбы въ постное время все тотъ же благодѣтельный епископъ пожертвовалъ іезуитамъ большое и прекрасное озеро Рыконты.

Скоро и многія частныя лица послѣдовали примѣру Проташевича и мѣсяца черезъ четыре у первыхъ виленскихъ іезуитовъ оказался богатѣйшія имѣнья съ весьма внушительною цифрою доходовъ.

Отцы не дремали—они сразу выказали удивительную, всестороннюю дѣятельность. Для управленія коллегіумомъ прїѣхалъ Станиславъ Варшевицкій, человекъ замѣчательный по уму, энергіи и учености. Еще недавно Варшевицкій былъ посланникомъ Сигизмунда-Августа въ Турцію, потомъ, въ должности королевскаго секретаря, онъ пользовался при дворѣ огромнымъ вліяніемъ и былъ любимцемъ сестры короля, Анны Ягеллонки, будущей жены Стефана Баторія. Но онъ не удовлетворялся своимъ блестящимъ положеніемъ, онъ жаждалъ другой дѣятельности. Три года тому назадъ онъ отказался отъ всѣхъ своихъ должностей и званій, явился въ Римъ и поступилъ въ іезуиты. Здѣсь его сразу оцѣнили и генералъ ордена, помимо всѣхъ долгосрочныхъ испытаній, сразу сдѣлалъ его *профессоромъ*. Варшевицкій начерталъ превосходный планъ для виленскаго коллегіума и быстро принялся приводить его въ исполненіе.

Меньше чѣмъ въ годъ коллегіумъ былъ готовъ и происходило его торжественное открытіе. Знаменитый іезуитъ Маліусъ, провинціалъ австрійскихъ и польскихъ іезуитовъ, прїѣхалъ благословить начинавшееся дѣло. Въ день открытія епископъ Проташевичъ былъ встрѣченъ отцами торжественной рѣчью. Роскошная обстановка, смиреніе и ученость наставниковъ поразили не только епископа, но и весь капитулъ, духовенство и многочисленныхъ приглашенныхъ. Всѣ видѣли въ этомъ открывающемся коллегіумѣ восходящую звѣзду

литовскаго просвѣщенія. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ тутъ же рѣшились отдать своихъ сыновей іезуитамъ—проводъ лашенный ректоромъ коллегіума Варшевицкій былъ именно такимъ наставникомъ, о которомъ только и могло мечтать чадолюбивое литовское шляхетство.

Между тѣмъ остальные отцы іезуиты дѣлали все, чтобы заслужить любовь обитателей Вильны. Въ это время надъ городомъ разразилось страшное бѣдствіе. Неурожаи и голодъ послѣдняго года породили моровую язву. Народъ въ огромномъ количествѣ погибалъ отъ ужасной болѣзни. Въ городѣ царилъ всеобщее уныніе и паника. Кто могъ—бѣжалъ, запирая свой домъ и покидая почти все имущество. Скоро уѣхалъ епископъ съ капитуломъ, за нимъ потянулось и остальное духовенство. Дошло до того, что некому было совершать богослуженія, отпѣвать и хоронить мертвыхъ. Одни только іезуиты были всѣ на лицо. Они ходили по улицамъ съ крестомъ, евангеліемъ и Святыми Дарами, входили въ дома, лечили и утѣшали больныхъ, помогали бѣднымъ, исповѣдовали и приобщали. Нѣкоторые изъ нихъ погибли отъ заразы, во время исполненія священныхъ обязанностей, у одра умирающихъ. Такіе поступки, такое удивительное самоотверженіе не могли не подѣйствовать на народъ. Его подозрительность и ненависть, покуда ни на чемъ не основанная, исчезли и уступили мѣсто полному уваженію. Не мало православныхъ людей, получившихъ отъ нихъ денежную помощь и духовное утѣшеніе, спасшихся отъ моровой язвы, перешли въ католицизмъ и сдѣлались ихъ ревностными учениками. Только немногіе продолжали относиться къ нимъ съ недовѣріемъ.

Когда ужасное бѣдствіе и народная паника миновали, когда городъ снова зажилъ своей здоровой и дѣятельной жизнью, іезуиты очутились въ совершенно новомъ положеніи. Они уже не скрывались, не избѣгали народа; они мало по малу начинали явно проповѣдывать на площадяхъ, устраивали торжественныя процессіи, поражающія и увлекающія воображеніе. Іезуитскія средства для достиженія своихъ цѣлей прежде всего были: школа, исповѣдь, проповѣдь, обрядность и приобрѣтеніе денегъ и имѣній. Изъ этихъ средствъ *обрядность* приносила имъ великую пользу. Никогда еще виленскіе жители не видали такого блестящаго богослуженія, какъ въ іезуитскомъ костелѣ. Роскошное убранство храма, драгоценныя ризы и утварь, чудныя иконы, выписанныя изъ Италіи, торжественная музыка, благоуханіе фаміама, поразительная, вдохновенная рѣчь проповѣдника—все это доводило присутствовавшихъ до самозабвенія и религіознаго восторга.

Въ первое время дѣйствія іезуитовъ главнымъ образомъ были направлены противъ реформатовъ. Для успѣшнѣйшаго достиженія цѣли отцы вздумали даже давать нѣчто вроде представлений, собиравшихъ толпу празднаго люда..

Передъ нами одинъ изъ населеннѣйшихъ кварталовъ Вильны. Весь рынокъ запруженъ всевозможными сельскими продуктами, привезенными изъ ближнихъ деревень. Солидные литвины, закусывая свои длинные усы, медленно прохаживаются по рядамъ и прицѣпываются къ предметамъ, необходимымъ для домашняго обихода. Женщины лнутъ подъ навѣсы, гдѣ черномазые греки и армяне разложили свои пестрые товары и различныя сласти. Юркіе, быстроглазые евреи, съ длинными пейсами и въ ермолкахъ, шныряютъ между народомъ, треща на своемъ жаргонѣ, прищелкивая и похлопывая себя по поламъ длинныхъ засаленныхъ кафтановъ. Они носятся съ какою-нибудь дрянью, которую въ концѣ концовъ имъ все же удастся продать за возмутительно высокую цѣну. Несчастный покупатель, оглушенный градомъ увѣреній, розказней и отчаянныхъ клятвъ съ біеніемъ себя въ грудь и подниманіемъ глазъ къ небу,

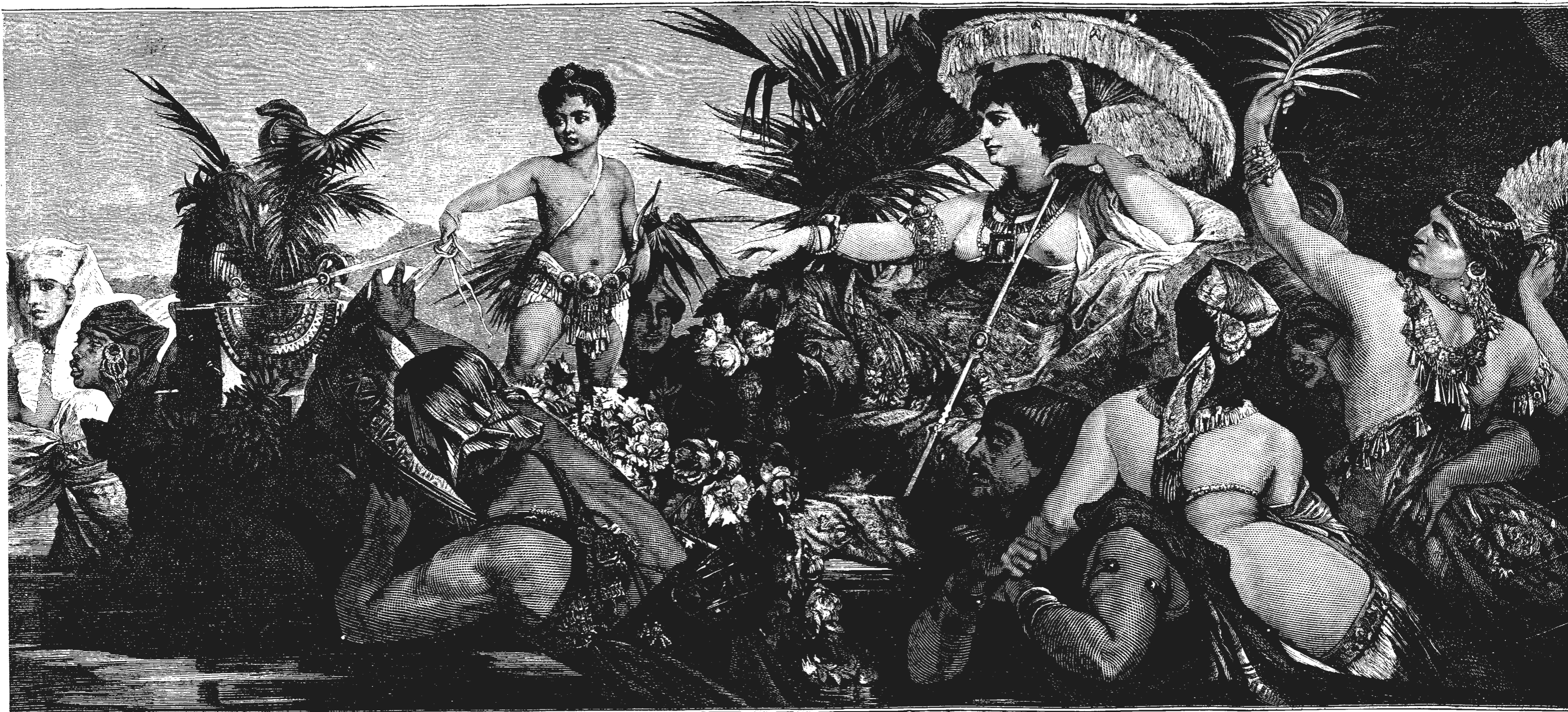
только тогда приходитъ въ себя, когда негодная вещь ужъ у него въ рукахъ и за нее заплачены бѣшенныя деньги. Онъ понять не можетъ, гдѣ былъ его разумъ, гдѣ были глаза, когда онъ покупалъ эту дрянь и платилъ за нее такую цѣну. Но дѣло уже сдѣлано—еврей позвякиваетъ полученными деньгами и теперь его можно исколотить, оплевать, вырвать всѣ его пейсы и бо-

продать ее себѣ въ убытокъ. Легкомысленному покупщику остается только плюнуть и крѣпкою бранью отвести свою душу...

Вотъ прїѣзжіе нѣмцы собрались въ небольшую кучку. На нихъ широкополая шляпа съ перьями, кургузая темная куртка, перехваченная толстымъ кожанымъ ремнемъ, въ который зашита казна и изъ-за котораго

вѣйшей европейской постройки и богатыми церквами, имъ кажется, что они находятся въ совершенно дикой странѣ, среди дикаго люда, едва отличающагося отъ животныхъ. Но этотъ людъ богатъ и сговорчивъ, радуненъ и хлѣбосоль, въ городѣ много всякаго дѣла, всякой выгодной работы—и нѣмцы рѣшаются жертвовать собой и наживать деньги. Они хвастаются другъ

ся тѣни отъ навѣсовъ. Оживленіе идетъ торговля, больше и больше разнаго люда прибываетъ на рынокъ. При входѣ на площадь, въ прохладной тѣни каменной церковной паперти, появляется фигура кальвинскаго сеньора. Этотъ сонборъ какъ двѣ капли воды похожъ на иезуитскаго патера, который въ прошлое воскресенье говорилъ проповѣдь въ костелѣ и отчаянно нападалъ

Клеопатра. Картина Макарта, съ фотографии Ф. Ганфитенгеля, грав. Гальбергеръ.

роду, но денегъ онъ уже не вернетъ ни за что въ мѣръ. Въ крайнемъ случаѣ онъ возьметъ ихъ въ ротъ, онъ готовъ проглотить ихъ съ явной опасностью для своей жизни; онъ клянется Богомъ и всѣми своими чадами и домочадцами, призываетъ на себя самыя невѣроятныя и неслыханныя бѣдствія въ доказательство того, что проданная вещь—перлъ созданія, и что онъ

выглядываетъ оружіе. На ногахъ крѣпкіе башмаки и длинныя чулки въ обтяжку. Они лопочутъ между собою на непонятномъ для толпы діалектѣ. Они посматриваютъ кругомъ себя съ видомъ превосходства и даже презрѣнія; но обращаясь къ кому нибудь выказываютъ большую любезность. Несмотря на то, что Вильна прекраснѣйшій, живописный городъ, съ большими зданіями но-

передъ другомъ своими родными городами и блестящимъ положеніемъ, которое тамъ занимали. И въ то же время мысли ихъ невольно возвращаются къ покинутымъ на родинѣ семействамъ, къ черной нуждѣ и обидамъ, отъ которыхъ они бѣжали въ далекія литовскія земли...

Жаръ безоблачнаго полдня спалъ. Длиннѣе становят-

на ученіе Кальвина. Теперь же у него всѣ ухватки, всѣ манеры суроваго кальвиниста. Къ нему на встрѣчу, сквозь самую густоту толпы пробирается другой иезуитъ, направо и налево объявляя, что онъ идетъ къ церкви, чтобъ завести споръ съ кальвинскимъ сеньоромъ и оспорить всѣ его доводы, разъяснить чистоту вѣры.

Народъ, жадный до всякихъ сценъ и бурныхъ преній, отрывается отъ своихъ дѣлишекъ и слѣдуетъ за іезуитомъ.

Отцы подходятъ другъ къ другу и важно раскланиваются.

Разноплеменная толпа, перешептываясь, обступаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ и готовится слушать.

Іезуиты, отличные лингвисты, уже хорошо познакомились съ литовскимъ языкомъ и начинаютъ свой споръ на общепонятномъ нарѣчій. Они относятся другъ къ другу съ видомъ глубочайшаго уваженія.

Говорить начинаетъ іезуитъ непереодѣтый. Онъ униженно кланяется мнимому кальвинисту и спрашиваетъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Пресвѣтлый учитель новѣйшаго богословія! Вѣрите ли вы въ преданія церкви и св. отцовъ?

— Вѣруемъ,—отвѣчаетъ сеньоръ.—А вы, отче, скажите мнѣ, гдѣ Христосъ?

— Христосъ вездѣ, звучнымъ голосомъ провозглашаетъ іезуитъ, набожно крестясь и поднимая взоры къ небу.—Вездѣ Христосъ—и на небѣ, и на землѣ, и въ алтарѣ, по Его же слову: „Сіе есть тѣло Мое!“

Кальвинистъ приводитъ тексты изъ св. Писанія. Но въ устахъ іезуита, на одинъ текстъ противника, появляется пять, шесть текстовъ, цѣлая фаланга краснорѣчивѣйшихъ фразъ, образовъ, сравненій, произносимыхъ одушевленнымъ, вдохновеннымъ голосомъ, съ блескомъ глазъ и театральными, эффектными движеніями.

Съ каждою минутой усиливается вниманіе слушателей. Католики не могутъ воздержаться отъ громкихъ возгласовъ одобренія.

Кальвинисты окружаютъ сеньора и жадно прислушиваются къ словамъ его.

Преніе продолжается. Отецъ іезуитъ то какъ будто начинаетъ уступать противнику, сдается на нѣкоторые его доводы, то вдругъ ловко нападаетъ на него и однимъ словомъ разбиваетъ его краснорѣчиво запутанное положеніе. Вотъ мало по малу кальвинистъ какъ будто утомляется и затихаетъ. Онъ возражаетъ вяло, заикается, смущается. Онъ волнуется и всѣмъ очевидно, что онъ начинаетъ себя чувствовать побѣжденнымъ. Іезуитъ уже громко, торжественно нападаетъ и громитъ самымъ неопровержимымъ образомъ. Сеньоръ уже окончательно не въ силахъ защищаться—онъ долженъ молчаливо признавать справедливость доказательствъ патера, ошибки своего ученія и торжество истины въ лицѣ католицизма...

Въ толпѣ поднимается волненіе. Вотъ ужъ въ нѣсколькихъ шагахъ католикъ горожанинъ съ торжествующей миной наступаетъ на своего сосѣда кальвиниста. Тотъ весь поблѣвелъ и сверкаетъ глазами. Они слышатся перекричать другъ друга. Еще минута—и завязывается кулачная потасовка.

— Нѣтъ, такъ нельзя! съ сердцемъ говоритъ толстый шляхтичъ кальвинисту, подходя къ переодѣтому сеньоромъ іезуиту. Спорить такъ спорить. Этакъ всякій тебя побьетъ словами, отче, коли ты самъ поддаешься нарочно. Не о томъ совсѣмъ говоришь, о чемъ нужно, да и слова-то твои словно у неразумной бабы! Этакъ нельзя, говорю,—этакъ только срамъ на насъ и на вѣру нашу!..

— Чего кипятиться, старина! останавливаетъ расходившагося шляхтича молодой его единовѣрецъ.—Это не въ церкви, не въ серьезъ... люди такъ себѣ, толкуютъ забавы ради, а ты сейчасъ въ обиду! Отчего-же не поспорить отцамъ—тоже вѣдь не зазорный споръ какой, а все отъ божественнаго... Умную рѣчь умно и послушать...

Толстый шляхтичъ отходитъ, увлекаемый товарищами, но продолжаетъ ворчать и даже ругаться.

Нѣкоторые отъ души смѣются, глядя на смущенную фигуру и ужимки побѣжденнаго сеньора.

Онъ ужъ окончательно разбитъ по всѣмъ пунктамъ и только руками отмахивается отъ потока краснорѣчія, извергаемаго противникомъ.

Толстый шляхтичъ не въ силахъ больше вытерпѣть. Онъ снова подвигается къ спорящимъ и вдругъ бросается съ кулаками на сеньора.

Перепуганный сеньоръ пятится и старается оттолкнуть наступающаго шляхтича.

Но тотъ уже вошелъ въ азартъ и себя не помнитъ. Онъ замахивается кулакомъ и звучная затрещина оглашаетъ воздухъ.

— Ратуйте! ратуйте! кричитъ сеньоръ.

Собравшіеся ребяташки, на радостяхъ поднявъ цѣлое облако пыли, начинаютъ орать и визжать невыносимо.

Нѣсколько человекъ схватываютъ шляхтича за руки; но у него оказываются защитники. Начинается возня и драка. Раздается нѣсколько крупныхъ ругательствъ, обращенныхъ противъ іезуитовъ. Отцы, воспользовавшись суматохой, благоразумно скрываются за церковной оградой.

И долго еще гогочетъ толпа и не хочетъ расходиться. Одни смѣются, другіе наступаютъ другъ на друга.

И снова ожесточенная драка, подбитыя скулы, изорванное платье.

И нѣту уже прежней тишины и спокойствія, нѣту прежней вѣротернимости, которою такъ отличалась и славилась Вильна. Бывало, и еще такъ недавно, всякъ зналъ свое дѣло и дружески сходился съ сосѣдомъ. Никто не спрашивалъ другъ друга о вѣрѣ, никто не спорилъ и не злостовалъ. Всякъ шелъ въ свою церковь, молился своему Богу, какъ понималъ его; но въ тоже время съ уваженіемъ, безъ насмѣшки относился къ чужой церкви. Правда, подъ вліяніемъ Радзивилловъ и ихъ клеветовъ, совершилось не мало переходовъ изъ православія и католичества въ протестанство; но все это дѣлалось тихо, это было дѣло совѣсти обращаемихъ и не возбуждало противъ нихъ всеобщей ненависти.

Не даромъ видно боялся народъ іезуитовъ, предчувствовалъ недоброе при ихъ появленіи. Пришли эти смиренные служители церкви, солдаты Иисусова воинства, стали дѣйствовать не страхомъ и трепетомъ, а добротой, кротостью, наукою и милосердіемъ. Стали для досуга народнаго, ради умственной пользы, устраивать зрѣлища, примѣрные споры, а зло ядовитое такъ сразу и брызнуло во всѣ стороны изъ всего ихъ добраго лица.

Не смущались отцы іезуиты, что толпа иногда смѣялась надъ ними и даже ихъ била. Они продолжали свои уличные драматическія представленія и неуставно дѣлали свое дѣло. Чтожь такое, что иные бранились и дрались—зато не мало разнаго люду вслушивалось въ ихъ пренія и дѣлалось вѣрными сынами католицизма, удобнымъ орудіемъ въ рукахъ ихъ благоразумныхъ. Не по днямъ, а по часамъ прибывало новообращенной паствы. Заводились широкія сношенія, учреждалась дѣятельная, тайная іезуитская полиція. Гайнствинной, несокрушимой сѣтью опутывался человекъ, поддавшійся іезуитамъ. Для него уже не было возврата... Время отъ времени въ Вильнѣ стали ходить слухи о пропажающихъ людяхъ. Въ водахъ Вилии находили обезображенныхъ утопленниковъ, сохранившихъ всѣ слѣды страшной пытки.

Въ одномъ мѣстѣ, между іезуитскимъ костеломъ, быстро разрастающимся въ большой монастырь, и рѣчнымъ берегомъ по ночамъ слышались какъ будто глухіе, подземные стоны... Но ни одной явной улики не было противъ отцевъ. Народное мнѣніе успокоилось на томъ, что, молъ, мало ли о чемъ съ дуру брешутъ глухие люди...

II.

Такъ быстро создавшійся виленскій коллегіумъ былъ роскошное зданіе, устроенное со всѣми удобствами. Здѣсь было собрано все, что только могло благоприятно дѣйствовать на воображеніе, умъ и чувства. Громадный транспортъ всевозможныхъ предметовъ прибылъ изъ Италіи: большая бібліотека, коллекція прекрасныхъ картинъ и статуй, лабораторія, физическій кабинетъ, музей рѣдкостей. Все это обязательно показывалось и разъяснялось многочисленнымъ посѣтителемъ коллегіума. Свѣтлыя, высокія классныя комнаты, столовыя п дортуары сулили поступающимъ ученикамъ всевозможныя удобства и полное довольство. Серьезныя, но ласковыя лица наставниковъ, ихъ любезное, мягкое обращеніе сразу располагали къ себѣ и внушали довѣріе.

Но была и не показная половина дома, куда не допускались посѣтители. Тамъ помѣщались покои самого отца ректора и прочихъ іезуитовъ. Всѣ эти покои выходили въ садъ съ задняго фасада зданія. Высокія окна съ разноцвѣтными стеклами скрывали отъ непосвященнаго взора эти уединенныя кельи. Въ нихъ царствовала вѣчная тишина, говорившая о серьезныхъ научныхъ занятіяхъ, размышленіяхъ и молитвѣ. Однако внутренность монашескихъ покоевъ не соответствовала всѣмъ этимъ внѣшнимъ признакамъ. Здѣсь царствовала еще бѣлая роскошь чѣмъ на лицевой сторонѣ дома. Уже прошло то время, когда первые послѣдователи Лойолы считали своимъ главнѣйшимъ долгомъ умерщвленіе плоти, строгій постъ и даже самоистязанія. Съ тѣхъ поръ нравы и привычки іезуитовъ значительно измѣнились. Человѣкъ, прошедшій школу испытаній и лишеній, и торжественно принятый въ лоно ордена получалъ разрѣшеніе на многое такое, что никакъ не допускалось ни въ одномъ изъ орденовъ монашескихъ. Іезуиты отлично поняли, что дѣло не въ постѣ и молитвѣ, не въ чистотѣ жизни, а только въ лицемеріи. Монахи только по имени, они были искуснѣйшими дипломатами и администраторами, могущественной политической силой, охранявшей престолъ римскаго первосвященника. Ихъ труды на пользу латинства, ихъ заслуги были дѣйствительно такъ велики, что они считали себя за все это вправе пожить въ полное удовольствіе. Всюду, гдѣ ни устраивались они, сейчасъ же появлялась роскошь. Они любили хорошо поѣсть и выпить, держали отличныхъ поваровъ, а въ погребахъ ихъ хранились лучшія вина. Они могли удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ, лишь бы это дѣлалось прилично и безъ шума. Все допускалось безъ исключенія, недопускался только скандалъ, явное безчинство, за которое виновный подвергался строгой карѣ. Всякая тайна, все, могущее хоть сколько нибудь компрометтировать орденъ, портить его репутацію замирало и скрывалось не выходя изъ среды іезуитской. Если же находился іезуитъ, способный выдать орденскую тайну, приподнять передъ постороннимъ завѣсу внутренней жизни ордена—онъ немедленно подлежалъ изгнанію, а въ болѣе важныхъ случаяхъ долженъ былъ проститься даже съ жизнью. Святые отцы никогда не задумывались надъ убійствомъ если оно было въ видахъ ордена.

Виленскій коллегіумъ былъ окончательно устроенъ. Все было отлично распределено, одного только недоставало — достаточнаго количества учениковъ. Православные и протестанты сначала не пускали туда дѣтей своихъ. Виленскій капитулъ запрещалъ и католикамъ отдавать дѣтей къ іезуитамъ, боясь чтобы не упало его кафедральное училище. Однако Варшавскій и отцы — наставники не унывали. Они убѣдительно приглашали всѣхъ присутствовать на ихъ урокахъ, наглядно доказывая превосходство своего преподаванія предъ остальными школами, указывая на богатство и удобства коллегіума, проникали въ

богатые дома иновѣрцевъ, неутомимо обращали въ латинство. Мало по малу коллегіумъ сталъ наполняться. Принимали всѣхъ бесплатно — и богатыхъ и бѣдныхъ, и знатныхъ и простолюдиновъ. Только отношеніе наставниковъ къ этимъ дѣтямъ было далеко не равное...

Гулко раздавался звонокъ по высокімъ, просторнымъ комнатамъ и корридорамъ коллегіума. Звонокъ этотъ извѣщалъ объ окончаніи классовъ. Десятка три мальчиковъ отъ двѣнадцати до шестнадцати-лѣтняго возраста вышли, сопровождаемые надзирателями, въ залу рекреации. Ученики, одѣтые въ черное, красивое и удобное платье, держали себя чинно и не заводили шалостей. Они знали, что въ это время обыкновенно коллегіумъ показывается посѣтителемъ и имъ строго внушено вести себя примѣрно. Вечеромъ по окончаніи всѣхъ занятій, они могли дѣлать что угодно; но теперь при возможности появленія постороннихъ, они должны выказывать удивительное послушаніе и скромность. Отцы—наставники заранѣе приучали дѣтей къ лицемерію и быстро достигали своихъ цѣлей.

На этотъ разъ ректоръ далъ знать надзирателямъ, чтобы они особенно позаботились о порядкѣ, такъ какъ онъ ожидаетъ посѣщенія одной знатной и очень богатой женщины, которая уже много пожертвовала въ пользу іезуитовъ, и отъ которой ожидаются еще болѣе крупныя жертвованія.

Мальчики ходили парами по огромному залу и тихо разговаривали. Трое изъ нихъ, подъ наблюденіемъ учителя, въ сосѣдней комнатѣ собирались дѣлать копію съ только что привезенной изъ Италіи картины, изображавшей Св. семейство.

Массивныя двери, ведшія въ залу, растворились и вошелъ Варшавскій въ сопровожденіи двухъ женщинъ и высокаго, блѣднаго іезуита, не принадлежащаго къ коллегіуму. Одна изъ посѣтительницъ была уже не молода; но сохранила еще слѣды красоты. Что то порывистое, экзальтированное замѣчалось въ ея движеніяхъ. Это была княгиня Беата Острожская. За нею слѣдовала Гальшка. Кто не видалъ красавицы впродолженіи двухъ лѣтъ непременно долженъ былъ поразиться происшедшей въ ней переменной. Куда дѣвалась ея свѣжая юность, ея веселая, дѣтская улыбка?! Въ девятнадцать лѣтъ она казалась старше своего возраста; на блѣдныхъ, матовыхъ щекахъ лежала тѣнь неизлѣимой, сосредоточенной грусти, даже страданія. Глаза стали какъ будто еще больше, еще глубже. Она безучастно останавливала загадочный, ушедшій въ себя взоръ на окружающихъ предметахъ. Очевидно ничто не интересовало ее, ничто не нарушало печальную нить ея мыслей. Она похудѣла и какъ бы выросла. Но вся эта переменна нисколько не уменьшала красоты Гальшки, напротивъ—красота ея получила теперь еще высшее, поразительное обаяніе. Это была красота не ребенка, не ангела, а женщины много страдавшей и пережившей тяжелую школу...

Въ долгія безсонныя ночи до сихъ поръ все грезилась Гальшкѣ страшная сцена въ густотѣ лѣса. Какъ сейчасъ раздавались въ ухахъ ея стоны раненыхъ, звукъ мечей, дикіе крики. У самыхъ глазъ своихъ видѣла она лезвіе оружія, постоянно направляемаго Зборовскимъ въ грудь ея любимаго мужа, который, крѣпко обнявъ ее, ожесточенно зацѣпился. Не могла забыть она его искаженного ужасомъ лица, его тщетныхъ усилий или убить противника, или какъ нибудь отъ него отвязаться. Что-то ужасное творилось тогда съ нею—потомъ она понять не могла какъ не умерла въ тѣ минуты, какъ не сошла съ ума... А дальше?!... воспоминанія становились все страшнѣе и невыносимѣе: она закрыла глаза, чтобы ничего не видать больше, она кричала сама себя не помня, но никто не являлся на по-

мощь. И вдруг обнимавшая ее рука князя как будто дрогнула и ослабла. Горячая кровь брызнула ей в лицо... Она взглянула—князь выпустил ее и, покачнулись на сдѣлѣ готовъ былъ упасть. Вся голова его была въ крови... Онъ падалъ. Она хотѣла къ нему кинуться, хотѣла убить себя его кинжаломъ; но уже чья-то сильная, будто желѣзная руки, обвили въ кругъ ея стана. Ее схватили... она кричала и билась, хотѣла задушить себя собственными руками. Ей осторожно, но крѣпко связали руки. Дальше она ужъ ничего не помнила...

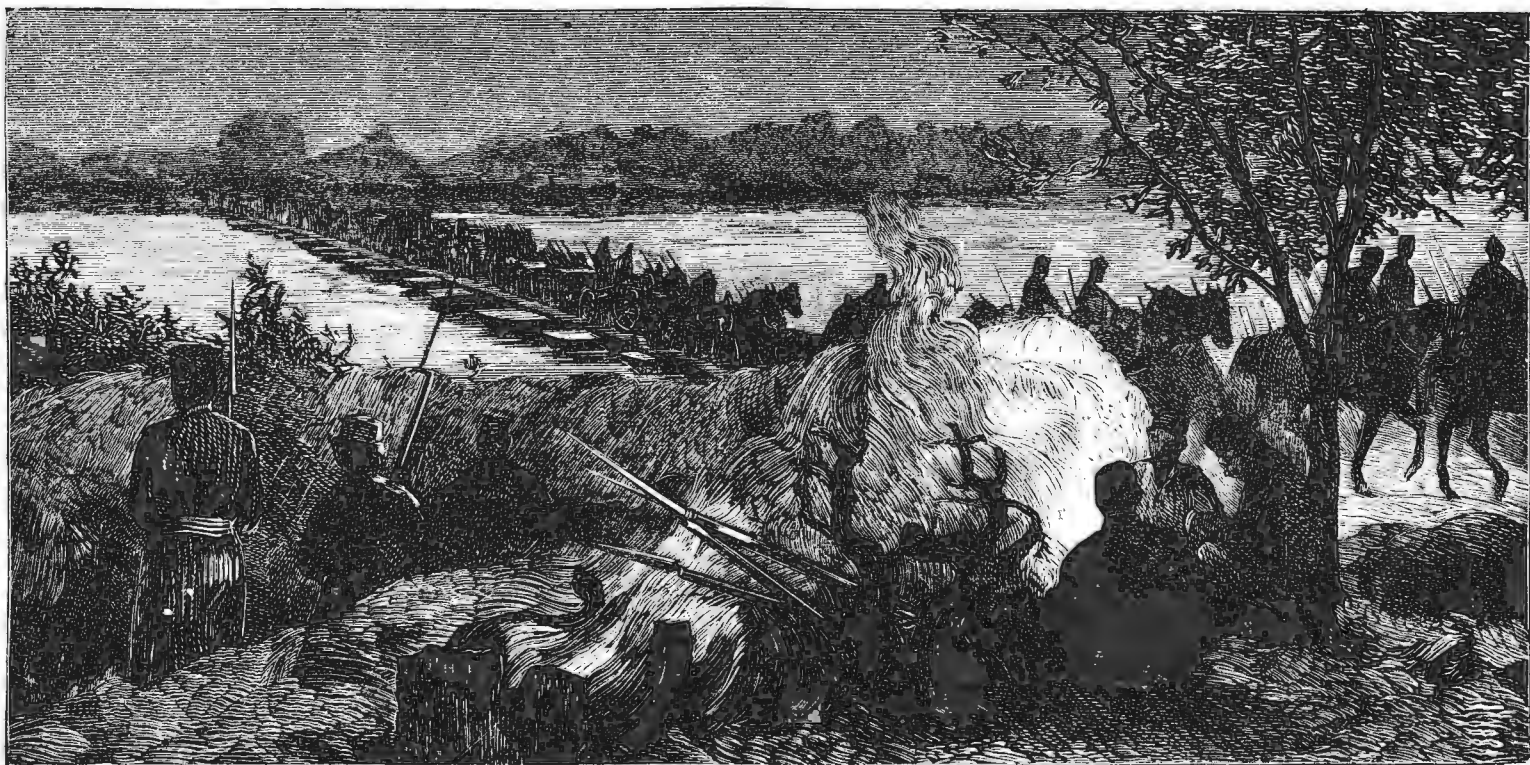
Въ ближайшемъ городѣ Зборвскаго дожидались княгиня и Антоніо. Гальшка не узнавала матери. Она бредила и стонала. Ея болѣзнь продолжалась мучительно долго. Выписанный изъ Кракова медикъ нѣмецъ только пожималъ плечами. Всякій день ожидали смерти. Княгиня дни и ночи не отходила отъ постели больной, плакала и молилась. Она просила у Бога выздоровленія дочери; но ни разу не созналась себѣ самой, ни на минуту не поняла, что сама причиной всего

преобразалось. Выраженіе ужаса и отчаянныя смѣнялось радостью. Сухія, запекшія губы счастливо улыбались. Она глядѣла пристально передъ собою и протягивала впередъ свои тонкія, обезсилѣвшія руки.

— Это ты?! ты! шептала она сладкимъ ласкающимъ шепотомъ. Тебя не убили, ты живъ... я знаю, что ты живъ, что ты придешь ко мнѣ... Зачѣмъ же ты не приходишь такъ долго? зачѣмъ ты такъ долго оставляешь меня одну, въ этомъ ужасномъ, ледяномъ лѣсу, съ этими страшными мертвецами?!... О, еслибы ты зналъ, какъ они отвратительны... Вотъ, посмотри, посмотри, вотъ этотъ все на меня смотреть, все смотреть прямо въ мое сердце... какіе у него глаза! И знаешь ли—онъ не мертвецъ, онъ дьяволъ!... Спаси меня отъ него, убей его, а то онъ скорѣ загрызетъ меня до смерти!...

Она съ ужасомъ вливала глаза въ Антоніо, закрывала лицо руками и, взнеможенная, упала на подушки.

Княгиня рыдала и молилась. Антоніо опускалъ глаза. Его пальцы судорожно сжимались и разжимались.

Переходъ сербскихъ войскъ черезъ Дрину. Съ наброска нашего корреспондента, рѣзаль Боярскій.

несчастія. Она призывала Антоніо, требовала чтобъ онъ умолилъ Бога спасти Гальшку, чтобъ онъ утѣшилъ, успокоилъ ея разрывающееся отъ горя сердце. Но Антоніо не могъ найти словъ утѣшенія. По дѣльнымъ часамъ сидѣлъ онъ молча, съ блѣднымъ и страшнымъ лицомъ, и не отрываясь смотрѣлъ на мечущуюся, стонавшую и бредившую Гальшку.

Она все говорила, отрывисто и задыхаясь, о черномъ, страшномъ, безконечномъ лѣсѣ, о деревьяхъ съ косматыми, длинными руками. Ей казалось, что желѣзные когти вырастаютъ на рукахъ этихъ. Страшныя руки тянутся къ ней со всѣхъ сторонъ, острые когти вливаются въ ея тѣло...

Она вскакивала дико озираясь широко раскрытыми, неестественно блестящими глазами.

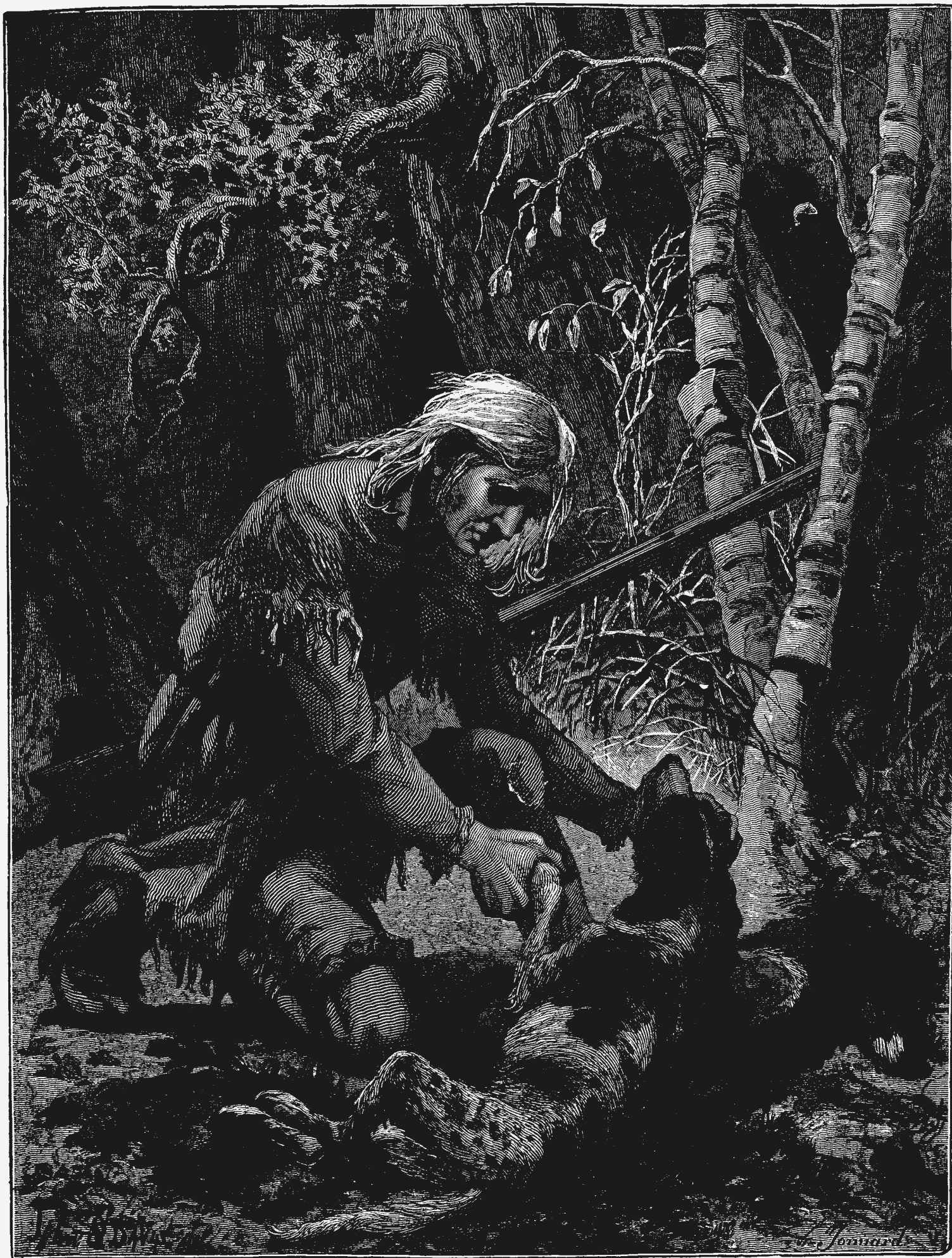
— Кровь! кровь!—кричала она. Вотъ здѣсь, здѣсь, у меня на лицѣ! Это его кровь! Что они съ нимъ сдѣлали? гдѣ онъ? гдѣ онъ? Пустите меня къ нему! отдайте мнѣ его, дайте мнѣ умереть съ нимъ!...

Но иногда ея горящее, осунувшееся лицо вдругъ

Капли холоднаго пота выступали на лбу его.

Гальшка снова силилась приподняться, снова манила къ себѣ кого-то. Снова раздавался ея слабый шопотъ:

— Милый мой, милый! вѣдь ужъ теперь ты не уйдешь отъ меня? вѣдь ужъ теперь все кончено и мы навѣки съ тобою! Что это такое было? скажи мнѣ, что сонъ! О, какъ во снѣ мнѣ было тяжело и душно, какъ было страшно! Мнѣ казалось, что тебя нѣтъ со мною, что тебя убили!.. Но теперь все прошло.. пойдѣмъ въ садъ—знаешь мою любимую яблоню—я покажу тебѣ какъ быстро на ней растутъ яблоки, они ужъ и теперь больше самаго крупнаго орѣха. Оедя говорилъ, что это очень вкусныя яблоки—сладкія и съ янтарнымъ наливомъ... Оедя добрый, славный мальчишка, только отчего онъ все такъ печально на меня смотритъ? вѣрно у него есть какое горе—спросилъ бы ты его, онъ тебѣ скажетъ... Митя, голубчикъ мой, какъ мнѣ хорошо съ тобой... одно меня мучитъ—матушка. Но неужели она такъ и не проститъ меня?! Нѣтъ—проститъ, проститъ

Сѣверо-Американскій охотникъ и его умирающая собака. Рис. Девисъ, рѣзалъ Жоннаръ.

— не может быть, чтоб она была такая злая—вѣдь я не виновата, что люблю тебя, что жизнь мнѣ безъ тебя хуже самой смерти... А знаешь что?! — я видѣла нынче во снѣ отца Антонио, и будто онъ такой блѣдный, блѣдный и страшный, еще страшнѣе, чѣмъ на

самомъ дѣлѣ. Будто онъ подходитъ ко мнѣ, а глаза у него горятъ какъ огонь, и будто говоритъ, что мать моя отдала ему мою душу, что онъ не монахъ, а самъ дьяволъ ..

(Продолженіе будетъ).

НА ПЕРЕВЯЗОЧНОМЪ ПУНКТЕ.

(Изъ походныхъ записокъ).

Кононада слышалась все сильнѣе и сильнѣе.

Я вышелъ изъ барака, который можно было скорѣе назвать землянкою, потому что надъ поверхностью земли возвышалась только одна конусообразная крыша строенія, и сѣлъ на лошадь.

Утро было ясное, прохладное. Джунисскіе холмы отчетливою волнистою линіе рисовались на голубомъ небѣ—холмы эти, покрытые сплошь дубовымъ лѣсомъ и кустарникомъ, тянулись съ сѣвера на югъ, параллельно Моравѣ, и на самомъ высокомъ изъ нихъ видѣлись прямыя очертанія недоконченнаго еще рудута, господствовавшего надъ всею остальною мѣстностью; за этими холмами возвышался второй хребетъ горъ, надъ гребнемъ котораго неслись легкіе облачка, окрашенные розоватыми лучами восходящаго солнца.

Долина Моравы, съ извилистою, серебристою лентою рѣки, обрамленной зелеными берегами, съ зеленѣющими лѣсками и садами, съ множествомъ бѣленькихъ, крытыхъ черепицею домиковъ, пріютившихся въ массахъ зелени, съ ярко желтыми плантаціями сорбвиной и давно уже готовой къ жатвѣ кукурузы—раскидывалась передъ глазами роскошнымъ пейзажемъ, дышавшимъ довольствомъ и миромъ. Всмотриваясь пристально, особенно съ помощью превосходнаго бинокля, во все, что творилось въ этой, повидимому мирной мѣстности, можно было легко замѣтить, что въ характерѣ движения и жизни этой долины не было ничего, что напоминало бы вамъ миръ, напротивъ—все дышало войною, все носило на себѣ самый боевой характеръ. По дорогамъ тянулись конные и пѣшіе отряды войска, рыскали одинокія всадники, медленно катились повозки съ крытыми верхомъ, дымилась бивуачные костры, словно изъ города видѣлись тамъ и сямъ рогатые ряды ружейныхъ козелъ...

Надъ гребнемъ Джунисскихъ холмовъ поминутно поднимались бѣлые клубы дыма и словно облачка неслись во вѣтру—это были пушечные выстрѣлы съ турецкихъ батарей—самыхъ батарей не было видно, ихъ заслоняли склоны холмовъ, за которыми и происходило сраженіе. Эти холмы, что были пониже, скоро сплошь покрылись клубами пороховаго дыма, звуки отдѣльныхъ выстрѣловъ слились въ сплошную гулъ, расходящійся по всѣмъ окружающимъ горамъ глухими перекатами; болѣе возвышенный холмъ, тотъ что видѣлся правѣе, былъ молчаливѣе: онъ отвѣчалъ на грохотъ турецкой батареи рѣдкими выстрѣлами, ясно и отчетливо доносившимися до слуха, это уже такая манера сербскихъ артиллеристовъ: отвѣчать рѣдко да мѣтко. Сербъ артиллеристы терпѣливо выжидаютъ удачнаго момента для выстрѣла, тщательно наводятъ свои орудія и выпускаютъ снарядъ только тогда, когда убѣждены въ хорошемъ результатѣ его дѣйствія.

Положивъ въ карманъ свою записную книжку и маленькій походный альбомъ, осмотрѣвъ на всякій случай оружіе, я тронулъ шпорами свою лошадку и рысцекъ поѣхалъ по носсироанной дорогѣ, ведущей въ Рожань.

Лагерь въ Делиградѣ замѣтно опустѣлъ, только у кофаны, довольно большого каменнаго строенія—съ дворникомъ, обращеннымъ въ настоящее время въ лазаретъ и аптеку, стояло множество *колъ* (повозокъ), запряженныхъ волами и лошадьми. Эти таборы тянулись почти сплошь, версты на двѣ, по обѣимъ сторонамъ дороги, и тутъ же видѣлись и въючныя лошади, уныло повѣсившія головы; усталыя, полужаморенныя животныя давно уже были подъ своими тяжелыми сѣдлами, давно уже не знали покоя и отдыха, какъ и ихъ владѣльцы, въ фескахъ и большихъ круглыхъ бараньихъ шапкахъ, сидящіе вокругъ огонька, или въ тѣни одинокаго дерева, или просто пріютившись подъ тѣнь повозки. Больше всего видѣлось ихъ у триумфальной арки, воздвигнутой ради ожидаемаго пріѣзда *короля* Милана, при вѣздѣ въ Делиградскій лагерь. Эта арка построена была недѣли три тому назадъ: дубовыя вѣтви, украшавшія ее и гирлянды, давно уже успѣли поблекнуть и потерять свой темно-зеленый цвѣтъ, пожелтѣлая, запыленная выслалась она довольно безобразною на видъ громадою, а остроконечная, поливая отъ дождя и солнца тряпки, когда-то бывшіе яркіе флаги, вѣнчающіе это сооруженіе, придавали ему еще болѣе идеальный видъ, не мѣшавшій, впрочемъ, воронамъ пользоваться дровкомъ и флагами, какъ удобными позиціями, а *кошарамъ* обозникамъ пользоваться внизу роскошною тѣнью, отбрасываемою на всю ширину ярко блестящей на солнцѣ шоссеиной дороги.

Проѣхавъ подъ этою аркою я свернулъ влѣво. Дорога стала уже извиваться по гребню довольно крутого ската въ долину Моравы. Скоро я подѣхалъ къ пологому спуску, свернулъ еще

влѣвѣ и полною рысцекъ поѣхалъ по мягкой, пыльной тропинкѣ, проложенной напрямикъ къ новому поптонному мосту черезъ рѣку.

Здѣсь были заложены небольшіе ложементы, неглубокіе ровики для стрѣлковъ, а на площадкѣ бивакпировалъ сербскій батальонъ, оберегающій переправу.

Солдаты занимались кто стиркою бѣлья на отмели рѣки, кто варкою около костровъ, мѣстами видѣлись группы, покойно разговаривающіе и покуривающіе свои трубочки—бой, повидимому, занималъ ихъ очень мало—ибо въ разговорахъ прорывались и доносились до слуха самыя обыденныя фразы, относящіяся къ дому, къ хозяйству и т. п., немѣняющему ничего общаго съ текущими событіями—что дѣлать—спля привычки. Вѣдь вотъ уже четвертый мѣсяцъ какъ они оторваны отъ семьи и своихъ домовъ, четвертый мѣсяцъ, какъ чуть не ежедневно слышатъ они и гулъ пушекъ и трескотню ружейной перестрѣлки,—все это уже успѣло порядочно наскучить, и то, что оставлено тамъ, въ ихъ домахъ и семьяхъ, представляетъ для нихъ гораздо больше живого, заманчиваго интереса.

Шагомъ проѣхалъ я по вѣбкому, скрипучему мосту; моя лошадь осторожно переступала по легкой настлѣлкѣ, боязливо настороживъ свои уши. За мостомъ мнѣ указали тропинку, ведущую прямо къ позиціямъ, слѣдя которой я могъ почти на часъ сократить разстояніе, отдѣлявшее мостъ отъ мѣста боя. Тутъ же обязательный сербскій офицеръ сообщилъ мнѣ, что бой началъ самими сербами, которые что-то, зачѣмъ-то хотѣли отнять у турокъ, куда-то не пустилъ турокъ, предупредить ихъ, или что-то въ этомъ родѣ. Офицеръ положительно не зналъ обстоятельство и плана задуманнаго дѣла и говорилъ по догадкамъ и своимъ собственнымъ предположеніямъ.

— Дерутся на Креветѣ, сообщилъ онъ мнѣ въ концѣ своей рѣчи, а Креветъ—это вотъ тамъ!..

И онъ мнѣ, протянувъ руку, указалъ на пологую сѣдловину, отдѣлявшую гору, занятую сербами, отъ передовыхъ турецкихъ позицій.

Я поблагодарилъ офицера за указаніе и поѣхалъ дальше.

Скоро я попалъ между двумя задворками смѣжныхъ *кучь* (домовъ), подъ тѣнью грушевыхъ деревьевъ лежали распряженные волы, стояла телега, на которую неспѣшно укладывали разныя мѣшки и сундуки—хозяева этихъ жилищъ очевидно спѣшили убраться по добру по здорову заблаговременно и увезти, спасти отъ турецкихъ баши-бузукъовъ хотя часть своего имущества. Въ сторонѣ отъ дороги, за новою изгородью, торопливо убрали кукурузу и складывали тоже на возы: растерявшись, вселопившіяся до нельзя куры и разная домашняя живность сновали съ крикомъ по всевозможнымъ направленіямъ, путаясь между ногами. Тревога начала уже охватывать мирное населеніе этой долины, а за тревогою и неизбежная паника... Вдали изъ-за кудрявыхъ вершинъ дубовой рощицы поднимался къ небу густой столбъ тяжелаго дыма... самаго пламени впрочемъ не было видно.

— Это проклятыя запалили Маркову кучу, кричала всхлипывая и вытирая глаза рукавомъ шитой рубахи черноглазая, черноволосая сербка, тащившая за руку дѣвочку лѣтъ четырехъ, а другой ребенокъ ей сидѣлъ у ней за спиною, подхватившій шейнымъ платкомъ, уцѣпившійся рученками за шею матери. Старый сербъ съ сѣдыми усами, съ длиннымъ допотопнымъ ружьемъ въ рукахъ, стоялъ прислонившись къ возу и слушалъ, что кричалъ ему мальчишка, забравшійся на конекъ черепичной крыши...

И много еще видѣлъ я подобныхъ тревожныхъ, наводящихъ на самое тяжелое раздумье сценъ, пока не выбрался къ полною склоновъ Джунисскаго холма, пока не выбрался изъ густо населенной, обстроеной полосы Моравскаго дѣланы.

Здѣсь мнѣ пересѣкла дорогу небольшая группа пѣхотинцевъ, человекъ пятнадцать не болѣе—нѣкоторые изъ нихъ были въ синихъ сербскихъ курткахъ и въ такихъ же шалочкахъ, нѣкоторые въ длиннополыхъ полукафтанахъ, одинъ или два даже въ знакомыхъ красныхъ кумачевыхъ рубахахъ русскаго покроя, въ родныхъ косовороткахъ, большинство было съ бородами и по тѣпу лицъ легко можно было узнать въ нихъ земляковъ, добровольцевъ—русская рѣчь, отрывочныя фразы, брошенныя на бѣгу, подтвержали эту догадку.

— Куда, братцы? спросилъ я.

— А вотъ, туда въ кусты... Тамъ баши-бузукы прорвались и деревни жгутъ—гнать ихъ отсюда хорошенько!

И это горсть людей, не справляясь о числѣ врага, быстро, то шагомъ, то въ подбѣжку—прошла *туратъ* баши-бузукъовъ,

самых ненавистных враговъ, одинъ видъ которыхъ способенъ взбудоражить всю кровь добровольца, привести его въ ярость, за которую немаловажна никакая пощада, никакая уступка.

Однако бой все разгорался и разгорался—дробные перекаты ружейной пальбы показывали, что враги сходились уже на болѣе близкое разстояніе—поминутно въ лѣсу слышались трескъ допавшихся гранатъ и шорохъ свиней... Тренировка поднималась въ гору крутыми зигзагами, между деревьями въ пожелтѣвшихъ уже дубовыхъ кустарникахъ чаще и чаще замелькали синія шипели и блузы сербскихъ пѣхотинцевъ. На лицахъ вѣтъхъ ветрѣчныхъ отражалась какая-то сдержанность, сосредоточенность, ожиданіе чего-то, Богъ вѣсть, худого или добраго.

Скоро я выѣхалъ къ маленькой зорной батарее, совершенно замаскированной засѣками и грудами дубовыхъ вѣтвей отъ глазъ турокъ. Крохотныя пушки этой батареи молчали, прислушиваясь къ рѣвкамъ и ямахъ, укрываясь отъ могущихъ долетать сюда турецкихъ гранатъ. Разстояніе между этою батареею и турками было настолько еще велико, что выстрѣлы отсюда не могли бы достигать до цѣли, а потому артиллеристы и выжидаютъ покойно очереди, когда и имъ придется вступитъ въ *пушечную перестрѣлку*—какъ здѣсь называютъ кононаду.

На батарее я слезъ съ лошади, чтобы осмотрѣться и дать отдохнуть своему гнѣду, порядкомъ такъ уставшему отъ длинной и трудной дороги, особенно отъ крутого и продолжительнаго подъема на гору.

Было уже уже далеко за полдень, когда я, набросавъ что было интереснаго въ свой альбомъ, тронулся дальше... Проѣхавъ съ версту, я долженъ былъ остановиться и прижавшись въ сторону—пропустить мимо себя печальную процессію. На носилкахъ, на ружьяхъ, просто на рукахъ, а то и волокомъ на дубовыхъ вѣтвяхъ несли и тащили раненныхъ. Блѣдная, искаженная страданіями лица несомыхъ, строгія, суровыя лица несущихъ—окровавленное тряпье одежды, лужи крови на размокшей глинистой тропинкѣ—стоны, тонкія, замирающія, то рѣзкія болѣзненные вскрикиванія—все это вмѣстѣ потрясло душу, разстроило нервы, производило невыносимо тяжелое впечатленіе...

Я услышалъ свое имя и вздрогнулъ...

Вотъ съ носилокъ медленно приходилась какая то фигура; я съ трудомъ могъ узнать въ этой забрызганной кровью и грязью—фигурѣ знакомаго русскаго офицера. Вопросъ замеръ у меня на губахъ.

— Плохо! простоналъ раненный... кажется кончу компанію.

— Куда?...

— Въ животъ... въ ногу... незнаю... Охъ какъ больно...

Несчастный заматаясь на своихъ носилкахъ и заскрипѣвъ судорожно стиснутыми губами...

— Выручай... братцы... заходи справа... навались...! бормоталъ другой раненый, очевидно въ бреду, безсознательно.

— Убитыхъ и тѣхъ даже выволокли... не надѣ чѣмъ будетъ имъ теперь издевку творить—довольно весело рассказывалъ какой то блондинъ парень въ полубубѣй поверхъ рукава котораго повязана была широкая бѣлая тѣсьма съ нашитымъ на ней краснымъ четвероконечнымъ крестомъ...

— Охъ не поддержали насъ! а то бы мы лихо отработали эту сволочь—говорилъ совершенно покойно одинъ изъ раненныхъ съдой удержъ съ георгиевскимъ крестомъ на синей сербской шинели—мы бы имъ задали... Полегче братцы, обращался онъ къ его носильщикамъ—ровной иди—въ ногу! разъ, два, разъ, два!...

— Коли я помру, землякъ, а ты, дасть Богъ, вернешься... скажи ты Прасковѣ Васильевнѣ...

— Ладно ничего, выживешь...

— Ой ой ой, маты моя, маты родная!... кричалъ и метался сербъ, хватаясь безпрестанно за свою безжизненно мотавшуюся, свѣшившуюся съ носилокъ окровавленную ногу.

— Не ори! чего надрываешься, душу воротитъ! слышался озлобленный попрекъ.

— Въ ногу, въ ногу!... разъ, два, разъ, два!...

Я повернулъ коня и медленно поплелся лагомъ въ хвостъ печальной процессіи.

Долго ѣхалъ я такимъ образомъ.

Гулъ выстрѣловъ, стонъ доносится все тише и тише—но временамъ онъ совсѣмъ даже замолкалъ—тѣни въ лѣсу удлинились, мѣстамъ сливаясь въ сплошной мракъ. Тамъ и сямъ замигало красное зарево костровъ, освѣщая нижніе вѣтви развѣсистыхъ деревьевъ.

На скатѣ горы, въ долину видѣлись палатки, новозки, вала, лошади, множество народу на длинной жерди, подвѣзанный къ дубу панское висѣлъ флагъ съ краснымъ крестомъ, обозначающій назначеніе этого мѣста.

Процессія прибыла наконецъ на перевязочный пунктъ, передовой, расположенный почти у самыхъ боевыхъ позицій у подножья главнаго Джунисскаго холма.

Группа докторовъ и носильщиковъ, стоя у откинутой входной рогатки, встрѣтила новоприбывшихъ пациентовъ.

— Сколько? послышался лаконическій, многозначительный хотя и совершенно обычный вопросъ.

— А кто его знаетъ! довольно!... за сегодняшний день тысячу полторы извели народу... что то завтра будетъ!...

Результаты боя, какъ оказалось впоследствии, на этотъ разъ были для сербовъ не совсѣмъ удачны.

Н. Карзинъ.

РАЗИНСКИЙ БУНТЪ.

(Окончаніе).

4-го сентября вольница сидѣла уже на стругахъ и плыла на Донъ. Воевода астраханскій выхлопоталъ Стенькѣ прощеніе, принявъ во вниманіе многія обстоятельства: ту значительную и страшную силу, которая была на сторонѣ казаковъ и пригодность персидскихъ погромовъ для славы не бывшаго въ ладу съ Персией государствъ.

Въ Царицынѣ Стенька учинилъ самовольную расправу надъ воеводой Унковскимъ, Унковскій залезъ въ пѣзбѣ, дверь въ которую казаки стали выбивать бревнами. Воевода выскочилъ въ окно и чуть не сломалъ ноги. Стенька долго искалъ его, но не могъ найти и оставилъ Царицынѣ, наведя страхъ на жителей, боявшихся что онъ исполнитъ обѣщаніе—перейти всѣхъ приказныхъ людей и пустить *красно титуха*.

На перешейкѣ между Волгой и подходящимъ къ ней Дону, Стенька поставилъ городокъ Кагальникъ, нарылъ землянокъ и привлекъ къ себѣ много бродячаго люду. Съ нимъ было теперь около 3,000. Подчиненнымъ правиломъ, что атаманъ щедро ихъ всѣхъ надѣляетъ, а самъ живетъ въ такой же сырой землянкѣ, какъ и всѣ. Фролка тоже прибѣжалъ изъ Черкаска въ Стенькинъ городокъ.

Дѣйствіями Прозоровскаго правительство осталось не довольно: Стеньку надо было заманитъ въ ловушку обѣщаніями и строго наказанъ: милостивая грамота послана была для виду. Въ Москвѣ хотѣли разузнать, что затѣваютъ разницы и съ этой цѣлью послали на Донъ съ царской грамотой Евдокимова. Стенька какъ-то угадалъ, зачѣмъ явился посланецъ изъ Москвы и прибѣлъ съ своей шайкой прямо въ Черкасскъ, зная, что доискаго атаманъ (Корнило Яковлевъ) собираетъ послать свою станцію съ отвѣтомъ великому государю.

Въ маѣ мѣсяцѣ пустился внизъ по Волгѣ, къ Царицыну. Попавшійся на встрѣчу Васья Усь сдѣланъ былъ есауломъ. Пануганіе жители Царицына впустили Стеньку; воевода съ небольшимъ числомъ преданныхъ людей сталъ защищаться, въ башнѣ Воеводою былъ не Унковскій, а Тургеневъ. Башню взяли приступомъ, а воеводу утопили.

Плывшіе внизъ стрѣльцы, которыхъ московское правительство послало для защиты низовья отъ казацкихъ погромовъ,

были разбиты Стенькой на голову. Въ теченіи мѣсячнаго пребыванія въ Царицынѣ, онъ велъ въ городѣ казацкое устройство и вмѣсто воеводы посадилъ городского атамана. Къ народу были разосланы письма заглавнаго содержанія; былъ взятъ Камышинъ.

Изъ Астрахани послали противъ Стеньки военную силу въ 3,000. Стенька съ десятью тысячами двинулся на встрѣчу высланному воеводѣ (С. И. Львову). Въ войскѣ послѣдняго случился пзмѣна: всѣ передался Разину, и строгіе расказали его посланцевъ.

Всесильнаго атамана, бывшаго нѣсколько мѣсяцевъ простымъ *голутвеннымъ* казакомъ, ждали въ Астрахани со страхомъ, Городъ находился въ невыгодномъ положеніи: за дальностью разстоянія отъ Москвы нельзя было ждать и помощи, а на стрѣльцовъ была плохая надежда.

Въ лѣто, 1670 года, въ Астрахани происходили необычныя явленія, по понятіямъ того времени, не предвѣщавшія ничего хорошаго: шли сильные дожди съ градомъ, на небѣ переливались огненные столбы, земля колебалась и проч. Все это еще болѣе усиливало тревогу жителей.

18-го іюня 1670 года воевода Прозоровскій и митрополитъ Іосифъ были извѣщены, что Стенька недалеко. Митрополитъ обошелъ съ образами городскія стѣны, а воевода велѣлъ всѣ ворота заложить кирпичемъ, осмотрѣлъ пушки, стражу, приказалъ готовить камни для бросанія въ осаждающихъ и киянокъ для ихъ опшариванья. Черезъ два дня послѣ этого казакъ уже стояли подъ стѣнами Астрахани и подтаскивали къ нимъ свои длинныя, осадныя лѣстницы. О приходѣ Стеньки дали знать жителямъ церковныя колокола.

Въ то время, какъ воевода сосредоточилъ всѣ силы у Вознесенскихъ воротъ, думая, что осада будетъ производиться отсюда, Стенька съ товарищами свободно перелѣзалъ черезъ стѣну какъ разъ на противоположномъ концѣ города. Надъ Астраханью раскатилось пять пушечныхъ выстрѣловъ: городъ сдался. Раненный Прозоровскій отнесенъ былъ въ соборъ и положенъ на коверъ. Въ кровавой свалкѣ не различали ни пола ни возраста; искали спасенія въ соборѣ; но ни

что не могло спасти ихъ отъ звѣрства побѣдителей. Казаки ворвались въ соборъ, сломавъ желѣзную рѣшетку запиравшую входъ, вытащили полумертваго воеводу и положили подъ соборной колокольней, затѣмъ, вытащивъ и остальныхъ, стали дожидаться своего атамана: онъ долженъ былъ судить, рѣшить участь этихъ несчастныхъ.

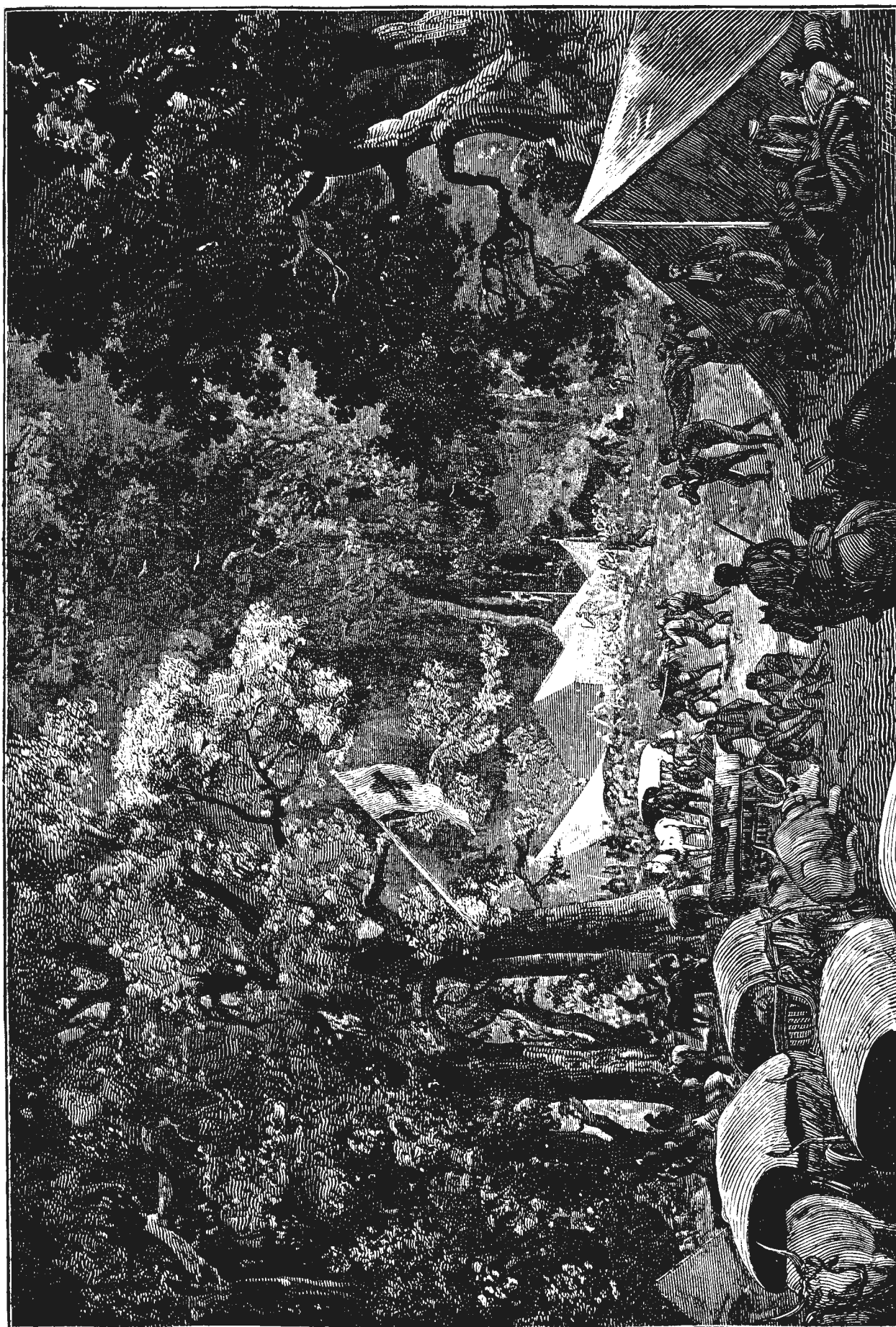
«Всѣ дѣла у государя въ Москвѣ такъ же сожгу!» говорилъ Стенька, сжигая на площади ненавистный приказный архивъ: онъ не любилъ все писанное. Эта была казнь надъ дѣловыми бумагами. Въ Астрахани тѣмъ временемъ стрѣльцы и сами жители грабили лавки, церкви, дома... Все награбленное дѣлили между собой: дуванили.

Зимой. Рис. Жіакомелли, грав. Молэ.

Первый подвергшійся Стенькиной расправѣ былъ Прозоровскій. Стенька вывелъ его за руку на колокольню и столкнулъ оттуда, сказавъ передъ этимъ что-то на ухо, на что воевода отрицательно покачалъ головой. Остальныхъ приговоренныхъ къ смерти (около 500 человекъ) велѣно изрубить. Всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ Прозоровскимъ зарыли въ общей ямѣ.

Стенька пробылъ въ городѣ три недѣли и кутилъ также какъ въ первый прїездъ. Казаки совершали неслыханныя неистовства; тотъ, кто какимъ-либо словомъ перечилъ ихъ буйному произволу, кидался въ воду, подвергался всевозможнымъ пыткамъ. Едва ли не послѣдними жертвами гнѣва Стеньки были сыновья Прозоровскаго, которыхъ онъ призвалъ и допра-

Перевозочный пункт на Джунгловской позиции. Рис. наш, специальный корреспондент Н. Карзин, грав. Боярский.

пывалъ насчетъ сборовъ, говоря, что они утаили у себя деньги. Ихъ повѣсили за ноги: старшій умеръ, а младшій (8 лѣтъ) остался живъ.

Изъ Астрахани, въ которой оставленъ былъ атаманомъ Василья Усы, Стенька двинулся на 200 судахъ, съ десяти тысячнымъ войскомъ. Конница ѣхала берегомъ. Города стоявшіе на дорогѣ: Саратовъ и Самара потеряли одну часть съ Астраханью. Всѣ жители ихъ были обращены въ казачество, а дворяне съ приказными перебиты.

Разинскій бунтъ принималъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Стенька былъ близко отъ цѣли: въ Москвѣ уже ходили его «*прелестныя письма*», народъ начиналъ волноваться. Въ столицѣ московскаго царства шелъ грабежъ, богатыхъ людей обирали на улицахъ среди дня. Памятны были народу Стенькинныя слова: «я не хочу быть царемъ, хочу жить съ вами какъ братья». Зная, однако, какъ русскій народъ любить царя, Стенька себя выставилъ какъ защитника царскихъ интересовъ, распустивъ слухъ, что съ нимъ ѣдетъ царевичъ Алексѣй, противъ котораго, будто-бы, злоумышляли въ Москвѣ бояре. «Иду возводить царевича на престолъ московскій!» говорилъ Стенька. Всѣ горячіе элементы, входившіе въ составъ русскаго государства, зажегъ Стенька: старообрядцевъ, язычниковъ-инородцевъ, татаръ, холоповъ. Все это двинулось.

Разинцы рассчитывали на помощь крымскаго хана и персидскаго шаха... но одна неудача сгубила Стенькино дѣло.

5-го сентября разинцы стали подъ Симбирскомъ. Жители впустили ихъ въ посадь, а воевода Ив. Милославскій засѣлъ въ нагорномъ Кремлѣ и рѣшилъ выдерживать осаду. Около мѣсяца Стенька стоялъ подъ Симбирскомъ и не могъ его взять. Городъ, поставленный долгой осадой въ очень затруднительное положеніе, получилъ, наконецъ, помощь изъ Казани: пришелъ съ свѣжимъ войскомъ Юрій Барятинскій, который далъ Стенькѣ битву и разбилъ его на берегу Свияги. Атаманъ дрался отчаянно: ему прострѣлили ногу и пѣкто Степановъ повалилъ Стеньку въ рукопашной схваткѣ, но былъ убитъ подосланнымъ на помощь разинцемъ. Пришлось отступить.

На другой день былъ второй тоже неудачный приступъ къ Симбирску. Стенька, потерявъ, на этотъ разъ, вѣру, въ свое счастье, обманулъ нестройную толпу набѣжавшихъ крестьянъ и посадскихъ: съѣлъ съ донцами на лодки и уплылъ внизъ. Все это онъ продѣлалъ тайкомъ, ночью. Положеніе оставленныхъ было ужасно: тысячи безоружнаго люда кинулись къ лодкамъ, которыхъ осталось у берега очень не много, толкались, толпились другъ друга... Барятинскій высылалъ ратныхъ людей добывать остатки возмущившейся черни. Уцѣлѣвшихъ казнили. Весь берегъ около Симбирска усеялся длинными рядами висѣльцевъ, на которыхъ качались обезображенные трупы разинцевъ...

О Стенькѣ осталась память въ Симбирскѣ: прострѣленный имъ во время церковной процессіи крестъ хранится до сихъ поръ въ соборѣ. Бѣжавшіе изъ подъ Симбирска разинцы сложили невеселую пѣсню, которая ясно указываетъ на неудачу постигшая Стеньку послѣ роковой осады.

Вы лѣса мои лѣса, братцы, лѣсочки, лѣса темныя!
Вы кусты ли мои, братцы, мои кусточки, кусты частые!
Вы станы ли мои, вы мои братцы, станочки всѣ поразорены

Какъ и всѣ мои, братцы, лѣсочки всѣ порублены,
Какъ и всѣ то мои, братцы, кусточки всѣ повыжжены,
Какъ и всѣ то мои братцы товарищи, всѣ половлены!
Не пойманъ изъ насъ, братцы, товарищъ нашъ Стенька
Разинъ сынъ и т. д.

Неизвѣстно, чтобы было если бы Разинъ взялъ Симбирскъ, но по всей вѣроятности, тогда бы мятежъ охватилъ всю Русь, потому что и теперь уже востокъ ея волновался поголовно. Возстали инородцы, всѣ помѣщичьи крестьяне; мирное населеніе старались раздражить и поднять поджогами, всякими средствами. Рассчитывали такъ, что кто голоденъ и логорѣлъ, тотъ пристанетъ къ Разину. Въ Алатырскомъ уѣздѣ скопилось до 15,000 бунтовщиковъ, возстали жители села Лыскова, стала подниматься Нижегородская земля. Разбойники бродившіе по ней шайками осаждали Макарьевскій монастырь, разогнали тамошнихъ монаховъ; ходили подъ Нижній и пробовали, но безуспѣшно взять его приступомъ. Нынѣшнія: Симбирская, Пензенская, Тамбовская губерніи были охвачены мятежемъ. Какой-то поплъ Савва и старница Алена, переодѣтая мужчиной, ходили по Темниковскому уѣзду, возмущали крестьянъ. Города переходили въ руки разинцевъ также легко, какъ и отходили. Симбирская неудача подорвала главную силу: поколебала увѣренность бунтовщиковъ въ свою мощь. Правительственные войска съ успѣхомъ отбивали назадъ оказаченные города: Пензу, Саранскъ, Корсунъ и проч.

Въ Арзамасѣ шла главная расправа съ бунтовщиками. Въ Арзамасѣ казнено было около 11,000 человекъ разинцевъ. Въ южной Руси возстаніе не имѣло той силы, какъ въ средней. Разинское возстаніе отразилось и на сѣверѣ, но было скоро подавлено. Народъ ждалъ только, что вотъ явится опять Стенька. Но Стенька медлилъ: онъ бѣжалъ на Донъ и собирался съ силами. Юсифъ проклялъ его на первой недѣлѣ поста.

Стенька, вернувшійся на Донъ, потерялъ уже прежнее обая-

ніе въ глазахъ своихъ товарищей — казаковъ. Корнило Яковлевъ успѣлъ перасположить донцевъ къ потерѣвшему неудачу агаману. Угрозъ послѣдняго, раззорить Черкасскъ, теперь уже не боялись, и Разинъ удалился въ свой горюдокъ, продолжая связыва къ себѣ народъ. Весной на него напали донцы и взяли въ плѣнъ вмѣстѣ съ братомъ Фролкой, а кагалыникъ раззорили.

Исторія свидѣтельствуетъ, что Стенька былъ взятъ какимъ-то обманомъ; народъ, считающій его за колдуна, винитъ въ этомъ дѣлѣ «астраханскую дѣвку Машку», которая,

«Стеньку Разина прельщала,
Стеньку Разина прельщала,
Къ себѣ въ гости заманила,
За убранный столъ посадила
И до пьяна напоила
И начальству объявила.

Стенька, по понятію народа, слово такое зналъ, что его и нуля не брала. Послѣ симбирской осады слово это отошло отъ Стеньки, а съ нимъ—и удача. Ну, и взяли его живого.

Братьевъ привезли въ Черкасскъ, гдѣ Стенька высидѣлъ нѣсколько дней на цѣпи, въ церковномъ притворѣ: все боялись, что онъ убѣжитъ съ помощью какой нибудь нечистой чародейской силы. Но Стенька не убѣжалъ, Фролка тоже. Ихъ повелъ въ Москву самъ Корнило Яковлевъ.

Тихій Фролка унывалъ, говорилъ брату, что онъ во всемъ виноватъ; Стенька, какъ-бы въ утѣшеніе, замѣчалъ ему, что бѣды никакой нѣтъ а въ Москвѣ примутъ ихъ обоихъ почестно. До Москвы Разинъ ѣхалъ въ своемъ богатомъ атаманскомъ нарядѣ; недоѣзжая до столицы нѣсколько верстъ, Стеньку одѣли въ лохмотья. Народъ повалилъ ему на встрѣчу, но уже не столько изъ сочувствія, сколько изъ любопытства.

Въ первый числахъ іюня 1670 года въ Москву въѣзжала большая телѣга съ укрѣпленной на ней вислицей. Къ перекладниш, послѣдней, былъ за шею привязанъ Стенька, руки и ноги—прикованы къ телѣгѣ. Сзади бѣжали, привязанный на цѣпи, какъ собака, Фролка.

Равнодушно смотрѣлъ Стенька на то, что творилось кругомъ, глаза его были опущены. Въ земскомъ приказѣ стали допрашивать и пытать—Стенька молчалъ. Пытка не вызвала у него ни одного восклицанія, не смотря на всѣ свои ужасы. Начали съ того, что стали бить толстой ремешной полосой въ падець толщину и пять локтей (2½ ари.) данны; встряхивали тѣло на дыбѣ, причемъ, попеременно, связаны были то руки, то ноги. Палачъ сѣдился на связки и вывихивалъ суставы, другой его товарищъ полосовалъ спину Стеньки кнутомъ. Послѣ сотни такихъ ударовъ шито не слыжалъ ни одного стога. Не произвели надеждащаго дѣйствія и горячіе уголья съ раскаленнымъ желѣзомъ, которыми водили по обнаженному тѣлу. Ни одинъ мускулъ въ лицѣ не дрогнулъ у Стеньки.

Стали пытать Фролку, тотъ закричалъ носѣлъ первого удара. — Баба! сказала ему Стенька—вспомни бывшее: у насъ подъ началомъ были тысячи. Терпи! Развѣ больно? Слово бабы иглой ткнула!.

Пытавшіе вернулись къ оставленному на время въ покоѣ атаману. Стенькѣ обрили макушку и стали по каплѣ лить на нее холодную воду; но онъ выдержалъ и это мученье. Такое геройское терпѣніе озлобило палачей, и они стали окрававленое, покрытое пузырями тѣло Стеньки бить палками. Стенька упорно молчалъ и во все время пытокъ отъ него не могли добиться никакихъ отвѣтовъ.

6-го іюня должна была совершиться казнь. Братьевъ Разинныхъ вывели на добное мѣсто и при громадномъ стеченіи народа, прочли приговоръ. «Простите», сказалъ Стенька, перекрестясь на церковь Василии Блаженнаго и обратившись къ толпѣ. Стеньку положили между двухъ досокъ и начали четвертовать. Палачъ отсѣкъ сначала правую руку, потомъ лѣвую ногу—рубилъ крестъ на крестъ. Стенька не подалъ и вида, что ему больно. Фролка, видя мученія брата, испугался и крикнулъ, что знаетъ «слово и дѣло государево».

— «Молчи, собака!» были послѣднія слова Стеньки. Ему отрубили голову, туловище взрубили и выбѣгъ съ головой насадили на колья, внутренности кинули собакамъ.—Фролка умеръ въ заточеніи.

Казни присягнули въ вѣрности Москвѣ и выразили желаніе идти усмирять воровскихъ людей въ Астрахани.

Городъ этотъ оставался во власти у вольницы; атаманомъ былъ Усы. Этого крайне жестокаго человека Юсифъ старался всякими способами склонить къ повинной. Митрополита казаки не взлюбили за это и стали оговаривать передъ атаманомъ. Онъ, говорили они, сносится съ нашими недругами, переносывается съ ними (складываетъ какія то грамоты), хочетъ насъ боярамъ выдать. Въ добавокъ митрополитъ не всегда былъ слержанъ и развѣ, говоритъ народное преданіе, сказалъ Василью Усу слѣдующее: «Надо тебѣ покаяться: вонъ у тебя на головѣ шапка—царскій подарокъ... За твою дѣла слѣдуетъ награждать другимъ—кацдаламъ». Такія рѣчи не могли быть по сердцу атаману. «Пойдемъ, передастъ тоже преданіе, покаемся!» отвѣчалъ онъ, взомель съ митрополитомъ на колокольню (раскатъ)

и сбросил его оттуда, как Стенька — Прозоровского. На самом же деле Иосифа сначала пытали, жгли на медленном огне и измученного разбили с колокольной, 11 мая 1670 года.

После вкоро умершего Уса, атаманом сдѣлался Федька Шелудяк. Онъ, съ пришедшимъ на подмогу Аленкой Каторжникомъ, попытался опять взять Симбирскъ, сдѣлалъ нѣсколько неудачныхъ приступовъ и вынужденъ былъ бѣжать назадъ, въ Астрахань. Городъ этотъ скоро увидалъ подъ своими стѣнами Милославскаго съ царскимъ войскомъ. Воевода общалъ прощенье. Жители колебались, наконецъ голодъ заставилъ ихъ сдаться. Днемъ сдачи было 27 ноября 1670 года.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Клеопатра.

(Картина Ганса Макарта)

Извѣстный вѣснѣй живописецъ Гансъ Макартъ нарисовалъ недавно большую картину «Клеопатра», снимокъ съ которой помещенъ въ настоящемъ № нашего журнала. Художникъ уже въ третій разъ изображаетъ эту излюбленную имъ египетскую царицу: первая картина его представляетъ фигуру Клеопатры почти во весь ростъ, на второй изображена смерть этой царицы и двухъ рабынь ея, а для созданія третьей (Клеопатра, вѣдущая на свиданіе съ Антоніемъ) Г. Макартъ видимо воспользовался поэтическимъ описаніемъ поэты Клеопатры изъ трагедіи Шекспира «Антоній и Клеопатра».

Вотъ какъ эта картина изображена Шекспиромъ:

Какъ пышный тронъ, сіяла на рѣкѣ
Ея галера кованной кормою
Изъ золота; на парусахъ былъ пурпуръ,
Благоуханный до того, что воздухъ
Какъ будто мѣлкъ отъ страсти къ нимъ. Все разомъ
Подъ звуки флейтъ, серебряныя весла
Воды касались — и вода съ любовью,
Лобзая ихъ, стремилась вѣдѣ за ними.
А Клеопатра.. Нтъ? слова безсилны
Изобразить ее во всемъ величьи.
Покоясь подъ навесомъ парчевымъ,
Она была прекраснѣ Венеры,
Фантазіей художника рожденной.
По обѣ стороны ея стояли,
Точь-въ-точь амуры, съ янками на щекахъ,
Прелестнѣйшіе мальчики, держа
Узорныя, цвѣтныя опахала,
Которыми прохладу навѣвали
Они на щеки вѣжныя ея,
И этимъ увеличивали только
Ихъ яркій пылъ, и тѣмъ уничтожали
Свой собственный же трудъ. Ужъ точно было
На что взглянуть Антонію! Ея
Прислужницы, подобныя сиренамъ,
Иль переидамъ, не спускали глазъ
Съ нея, благоговѣнно къ ней склоненныхъ.
Одна изъ нихъ, точь-въ-точь жилица моря,
Держала руль; серебряныя снасти
Вились, какъ бы гордясь прикосновеніемъ.
Лилейныхъ рукъ, которыя умѣли
Искусно ими управлять. Съ галеры
Неслось чудесное благоуханье
На недалекой берегъ, на которомъ
Все населенье города тѣснилось.
Среди пустынной площади Антоній
Сидѣлъ одинъ на тронѣ одинокомъ...

(Дѣйствіе II. Сцена II. Пер. Корженевскаго).

Трагедія великаго британскаго поэта «Антоній и Клеопатра» явилась въ печати въ первый разъ въ 1623 г., слѣдовательно уже послѣ смерти Шекспира. Пьеса эта, какъ драматическая хроника, съ другими двумя, написанными имъ прежде, «Коріолянъ» и «Юлій Цезарь», составляетъ великолѣпную трилогию. Сюжетъ трагедіи «Антоній и Клеопатра» — крайности увлеченія Антонія, этого талантливаго римлянина, но человѣка безшабашнаго, его любовь — или скорѣе страстное увлеченіе Клеопатрой, хитрой женщиной, кокеткой, употреблявшей красоту свою для достиженія своихъ цѣлей, политическихъ цѣлей, которая подлонецъ выдала его врагамъ. Послѣ смерти Антонія, Клеопатра старается уловить въ свои сѣти Октавіана, но это ей не удается, и она рѣшается покончить съ собой: въ корзинѣ съ плодами и цвѣтами ей приносятъ пару змѣекъ, ядовитыхъ аспидовъ. Царица прикладываетъ одну змѣйку къ груди, другую къ рукѣ и умираетъ, узавленная ими. Является Октавіанъ-Августъ и приказываетъ воздать царскія почести «умершей ручкѣ» — Антонію и Клеопатрѣ. Этимъ монологомъ Августа, полусерьезнымъ, полунасмѣшливымъ, заканчивается трагедія.

III.

Воевода, дѣйствительно нѣкого не казнилъ и не пыталъ. Шелудякъ жгль на волѣ.

Прошло около года, лѣтомъ, 1671 года въ Астрахань прибылъ князь Яковъ Одоевскій и началъ сыски и допросы. Главные коноводы были повѣшены, остальные высланы въ верховые города, служить.

Долго не могли усмирить взволнованный Стенькой народъ: разбушевавшееся море затихаетъ не сразу. Долго еще разбойничали въ разныхъ концахъ Руси сынки Разина. Мирные жители, видя отъ шаекъ нерѣдко одно разоренье, сами старались ихъ уничтожить, оберегая себя.

Rus.

Переходъ сербскихъ войскъ черезъ Дрину.

Согласно сербскому плану компаніи, военныя силы княжества были раздѣлены на 4 отдѣльные корпуса или арміи. На западной, боснійской границѣ была расположена армія, извѣстная подъ именемъ Дринской, на юго-западной — Ибарская армія, на восточной границѣ — Тимокская, а на южной — Моравская. Какъ извѣстно объ послѣднія, не измѣняя своему назначенію, были соединены въ одну, подъ главнымъ командованіемъ нашего доблестнаго М. Г. Черняева.

Дринская армія, находясь въ сѣверо-западномъ углу княжества, поставила турокъ въ необходимость держать здѣсь довольно значительныя силы, которыя и отвлекла отъ дѣйствій въ другихъ мѣстахъ и пунктахъ, какъ Босніи и Герцеговины (что послужило въ пользу Черногоріи), такъ и сербскихъ границъ.

Дринской арміей сначала командовалъ генералъ Алхимичъ, затѣмъ потомъ полковникомъ Узунъ-Мирковичемъ. Этотъ послѣдній перевелъ Дринскую армію на сербскій берегъ, опасаясь, между прочимъ, начавшихся въ ту пору разливовъ, которые угрожали лагерю.

Помѣщаемъ рисунокъ, изображающій этотъ переходъ войскъ черезъ Дрину и знакомящій насъ съ характеромъ той мѣстности, черезъ которую протекаетъ эта рѣка.

Сѣверо-Американскій охотникъ и его умирающая собака.

Охотники за мѣхами населяютъ далекой западъ сѣверной Америки. Промыселъ ихъ самый жестокой, утомительный, полный лишеній и опасностей. Это вѣчная борьба съ природой, кровавыми животными и дикими индѣйскими племенами. Но за то жизнь ихъ свободна и полна приключеній. Она привлекаетъ не только кочующій народъ изъ восточныхъ странъ Америки, но даже европейцевъ изъ образованныхъ классовъ. Они изъ нужды или по своей собственной волѣ, облачаютъ себя на эту кочующую жизнь.

Вся ихъ одежда состоитъ изъ выдѣланной оленьей шкуры. Шерстяное одѣяло замѣняетъ имъ плащъ и постель. При себѣ они постоянно имѣютъ одноствольное ружье, большой мясничій ножъ, полъ-дюжины желѣзныхъ ловушекъ, (traps) для ловли бобровъ и выдръ, и охотничій мѣшокъ. Отправляются они на косматыхъ лошадакахъ, сопровождаемые нѣсколькими вьючными животными и собакой, въ обществѣ отъ 3—6 человѣкъ, къ подножію скалистыхъ горъ, чтобы въ стекающихъ водахъ ловить бобровъ, которыхъ мѣха они сбываютъ потомъ на далекомъ западѣ; олени, антилопы, буйволы и медвѣди, даютъ охотнику мясо одѣжду и постель. Питается такой охотникъ исключительно мясомъ. Зимой и лѣтомъ онъ борется съ природой и индѣйскими разбойниками. Когда онъ собираетъ столько шкуръ сколько можетъ навьючить на своихъ животныхъ, тогда отправляется въ большой торговый городъ и промѣниваетъ свои мѣха на деньги. Тамъ онъ остается до тѣхъ поръ, пока истрачивается на увеселенія и разгулъ весь свой, такъ трудно приобретенный капиталъ. За симъ, лишившись денегъ, онъ съ большими трудностями, приобретаетъ себѣ порохъ, свинець и другіе необходимыя вещи и отправляется назадъ, чтобы опять приняться за свое опасное ремесло. Рѣдкій изъ нихъ достигаетъ глубокой старости и умираетъ естественною смертью. Зачастую бываетъ такъ, что все добытое у охотника отбивается индѣйцами, и самъ онъ погибаетъ отъ ихъ стрѣлы. Конечно, и здѣсь, какъ и вездѣ не безъ исключеній: и изъ такихъ, отчуждающихся отъ благоустроеннаго человѣческаго общества лицъ изрѣдка выдѣляются такіе, для которыхъ истинное занятіе нужно только для того, чтобы составить себѣ нѣкоторое независимое экономическое положеніе. Достигнувъ его, при посредствѣ благополучной и удачной добычи отъ своего промысла, они снова возвращаются въ человѣческое общество.

Нашъ рисунокъ изображаетъ охотника возлѣ своей умирающей собаки. Тутъ представляется цѣлое драма: человѣкъ теряетъ своего единственнаго близкаго друга, съ которымъ онъ дѣлилъ горе и радость, опасность и удачу. Можетъ быть этотъ другъ и жизнь свою положилъ за него, спасая его жизнь въ моментъ нападенія индѣйцевъ. Можетъ быть индѣйцы напали, собака неистово бросалась на нихъ, хватала ихъ за горло, да-

вала своему господину возможность удалиться въ чащу лѣса — и вотъ теперь, когда спасшійся охотникъ возвращается назадъ, другъ его уже при послѣднемъ издыханіи...

Зимой.

Рисунки Жиакомелли уже знакомы нашимъ читателямъ. Мы имѣли случай помѣстить въ нынѣшнемъ году два его рисунка: «Весна и Лѣто» къ разсказу «Круговоротъ жизни» (см № 25 Нивы). Въ настоящемъ № мы помѣщаемъ еще одинъ не менѣе интересный, какъ и выше упомянутые два. Превосходное мастерство автора при совершенномъ знаніи жизни изображаемаго имъ міра и при богатствѣ его поэтической фантазіи — дѣлаютъ произведеніе Жиакомелли художественными, полными красоты. Рассказывать содержаніе этой картинки, конечно, незачѣмъ. Припомнимъ стихи нашего безсмертнаго поэта:

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуявъ, конь дорожный
Хранящъ, и путникъ осторожный

Песется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Негонитъ ужъ коровъ изъ лѣва,
И въ часъ полуденный, въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ.

Приблизьтесь къ окну и взгляните что дѣлается на улицѣ. Завылъ, осыпался листья кудряваго дерева и вѣтви его поникли подъ тяжестью снѣга. Веселыя щелетуны лѣта — птички сжались и непокутъ свои голосистые пѣсенки; мрачный видъ имѣютъ рѣзвые шалуньи, одѣпенѣли ихъ гибкія крылушки. Грустно смотрѣть на нихъ! Снѣгъ падаетъ и падаетъ и медленно, мягко дождется на поля, на кровли, на древесныя вѣтви... Если и свѣтитъ солнышко, то мало оно грѣетъ и недолго остается на небѣ, а дальше хуже: поднимется вьюга, сильный вѣтеръ понесетъ хлопья снѣга, и свиста и завывая, закрутитъ его въ вихрь. Тогда еще тяжелѣе нашимъ бѣднымъ птичкамъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получившіе въ Редакцію въ пользу пострадавшихъ славянъ: отъ гг. Яхонтова, 25 в., Кіевскаго, 8 р., Бичина 10 р., Р. Х., въ Петербургѣ, 30 р., а всего 48 руб. 26 в. сланы въ Главное Управленіе Общества пощенія о раненныхъ и больныхъ воинахъ, подъ вѣнцанцію управленія за № 2035.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Государь Императоръ, при приѣмѣ Московскаго дворянства и городского общества, въ Пюргіевской залѣ кремлевскаго дворца въ Москвѣ, 29-го октября 1876 года, позволилъ сказать слѣдующее:

«Благодарю васъ, господа, за чувства, которыя вы желали мнѣ выразить по случаю настоящихъ политическихъ обстоятельствъ. Они теперь болѣе разъяснились, и потому я готовъ принять вашъ адресъ съ удовольствіемъ.

«Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась Моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ бесполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда, истинными героями. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать про сербовъ, не смотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе заплатили кровью за славянское дѣло.

«Я знаю, что вся Россія, вѣсть со Мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и по происхожденію; но для Меня истинные интересы Россіи дороже всего, и Я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь.

«Вотъ почему Я старался и продолжаю стараться достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. На-дняхъ должны начаться совѣщанія въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ, для опредѣленія мирныхъ условий.

«Желаю весьма, чтобы Мы могли придти къ общему соглашенію. Если же оно не состоится и Я увижу, что Мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, что Мы въ правѣ требовать отъ Порты, то Я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно и увѣренъ, что въ такомъ случаѣ вся Россія отзовется на мой призывъ, когда Я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе!»

Имѣетъ ли средства Россія вести войну, каковъ будетъ исходъ этой войны, падетъ ли эта война экономической тяжестью на наше государство—вопросъ этотъ въ виду высшей нравственной важности и величія совершающихся и имѣющихъ совершиться событій—не имѣетъ и не долженъ имѣть мѣста и имъ могутъ заниматься только наши добрые австрійскіе сосѣди. Не была богата Россія до 1812 года, не была богата и до Крымской войны; послѣдняя была въ особенности для нея убыточна, но это не поколебало ея нравственной силы.

Истинное отношеніе великихъ державъ къ восточному вопросу еще не выяснилось: выяснитъ это дѣло имѣющая вскорѣ открыться конференція. Зато мадьяры весьма прямо уже выразили, свое горячее сочувствіе Портѣ, студенты-венгры военной школы въ Константинополѣ сдѣлали овацію извѣстному венгерскому генералу Кларкѣ. Послѣдній выразился, что союзъ мадьяръ съ турками обезпечитъ существованіе турецкой Имперіи.

Политическія извѣстія прошлой недѣли оправдали сдѣланное нами въ предшествовавшемъ 44 № «Нивы», предположеніе что распространившіеся слухи о возмущеніи и не повиновеніи своему главнокомандующему со стороны сербской артиллеріи не имѣютъ основанія. Корреспонденты изъ Бѣлграда категорически заявляютъ (телегр. отъ 24 октября) что «сербская артиллерія никогда не оказывала *никакого* не повиновенія, что этого неповиновенія даже и не могло быть потому что генералъ Черняевъ лично не участвовалъ въ дѣлѣ при Джунисѣ, что «болгарскій батальонъ», о трусости котораго распространилась молва, здѣсь также ни причѣмъ, потому что находился на другой позиціи, а бѣжали одни только *валахскіе батальоны*, оставивъ сербовъ безъ поддержки. Тѣ же корреспонденты сообщаютъ теперь, что потеря

людьми сильно преувеличена. Русскихъ считается при Черяевѣ всего 2,100 человекъ, изъ которыхъ *только половина* принимала участіе въ дѣлѣ. Вообще потери при Джунисѣ не превышаютъ обыкновенной нормы.

Турки намѣрены зимовать въ крѣпости Нишъ, и намѣреніе Абдулъ-Керимъ-паши занять зимнія квартиры въ Делиградѣ и Алексинацѣ пока не оправдывается.

До какой степени напрасно ждать отъ турокъ соблюденія перемирія—достаточно привесть слѣдующій фактъ. Покажутся военные уполномоченные державъ отправлялись въ Зайчаръ, для опредѣленія Зайчарской демаркаціонной линіи, турки фактически уже нарушили перемиріе. На *второй день* послѣ обнаруженія перемирія они пытались занять ущелье Банья хотя бесполезно, потому что были отброшены Делиградскою дивизіей.

О выбранномъ новомъ президентѣ Америк. Соед. Штатовъ сообщаютъ:

«Самуилъ Тилденъ не участвовалъ въ междоусобіи, потому что его симпатіи были на сторонѣ южанъ-рабовладельцевъ; онъ нажилъ свое колоссальное состояніе (около 12-ти милліоновъ долларовъ) не совсѣмъ безупречнымъ путемъ. Въ качествѣ адвоката, имя его фигурировало во главѣ всѣхъ смѣлыхъ, акціонерныхъ затѣй.»

Тилденъ принадлежитъ къ демократической партіи. Извѣстно что американскіе демократы соответствуютъ такъ называемой «правой сторонѣ» европейскіхъ парламентовъ, или консервативной партіи; либерально-же партію считаютъ республиканская. Кончпшій свое президентство генералъ Грантъ, по принадлежності къ партіи, есть республиканецъ. Но онъ имѣлъ несчастье видѣть, что поклоненіе доллару, продажность, взяточничество, вообще денежный развратъ достигъ въ его двухсорочное президентство небывалыхъ, ужасающихъ размѣровъ. Утверждаютъ, что будто, по самому свойству этихъ учреждений, первыя мѣста въ Соединенныхъ Штатахъ могутъ лишь въ видѣ исключенія доставаться лучшимъ людямъ.

Программа новаго президентства вырисовывается въ избирательной прокламаціи, съ которою сенаторъ Керр, обратился къ населенію черныхъ избирателей. Приводимъ этотъ замѣчательный документъ:

«Мы сімъ сообщаемъ неграмъ, что мы намѣрены вновь господствовать. Мы не домогаемся голосовъ негровъ; *но юре имъ, если они будутъ вотировать противъ насъ* Мы объявляемъ, что первыми жертвами сдѣлаются вожди нашихъ противниковъ. Я лично, если окажется нужнымъ, застрѣлю радикальнаго губернатора, и затѣмъ готовъ убить негодныхъ бѣлыхъ демагоговъ и, въ концѣ концовъ, положить на мѣстѣ черныхъ собакъ. Знайте же, что мы пойдемъ къ избирательнымъ урнамъ въ полномъ вооруженіи и что мы добьемся побѣды силою. Если сдѣлана будетъ попытка оспаривать побѣду Тилдена, то мы съумеемъ сразиться съ нашими противниками.»

Не подумайте, однако, чего-нибудь худого о свободѣ американскихъ выборовъ: противники тоже могли явиться къ урнамъ съ дреколѣемъ и пистолетами.

СОДЕРЖАНІЕ: Александръ Васильевичъ Горскій (съ портретомъ). — Три пѣ-ни (Изъ Петефи). В. Берга. — Ильяна Острожская. Историческая повѣсть В. С. Соловьева. (Часть 2-я). Продолженіе. На перевязочномъ пунктѣ (съ рисункомъ). И. Каразина. — Разинскій бунтъ (окончаніе). Рус. — Мисопатра (съ рисункомъ) Ц. — Переходъ сербскихъ войскъ черезъ Дрину (съ рисункомъ). — Северо-американскій охотникъ и его умирающая собака (съ рисункомъ). — Зимой (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе. — Почтовый ящикъ. — Отдѣльное приложение: ПАРИЖСІЯ МОДЫ за НОЯБРЬ съ 46 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 24 чертежами.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХЪЕВЪ.

При этомъ № прилагаются для гг. иногор. подписч. объявленія: отъ чайнаго магазина Б. Е. Биселева въ Москвѣ, и отъ книжнаго магазина С. И. Леушина въ Москвѣ.

НИВА

№ 46

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 15 Ноября 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: презъ книжныя магазины Р. Гр. Соловьева, А. Ланге и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Въ виду того, что приготовленіе около 18.000 печатныхъ адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ требуетъ много времени, мы просимъ поскорѣе гг. иногородныхъ подписчиковъ возобновлять подписку на 1877 годъ заблаговременно.

Подписка на 1876 г. продолжается и каждый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1876 г. нумера и премію.

Въ Константинополь.

(Изъ путевыхъ записокъ К. Л.)

Константинополь, какъ извѣстно, не соединенъ желѣзною дорогою съ остальною Европою, а потому въ настоящее время, чтобы попасть въ столицу Турецкой имперіи, нужно проѣхать

путешественникомъ развѣртывается грандіозная, почти волшебная панорама; чувствуешь, что приближаешься къ одной изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей на земномъ шарѣ и ощущаешь

Мостъ черезъ Золотой Рогъ.

черезъ Триестъ или отпрашиваясь внизъ по Дунаю. Первое впечатлѣніе при видѣ этого удивительнаго города (со стороны сѣверной или южной—все равно) весьма благоприятное: передъ

туть бьется пульса Европы и Азіи, такъ какъ всюду видны слѣды живой связи между обѣими частями свѣта. Около горделивыхъ фрегатовъ, тяжело нагруженныхъ пароходовъ и кра-

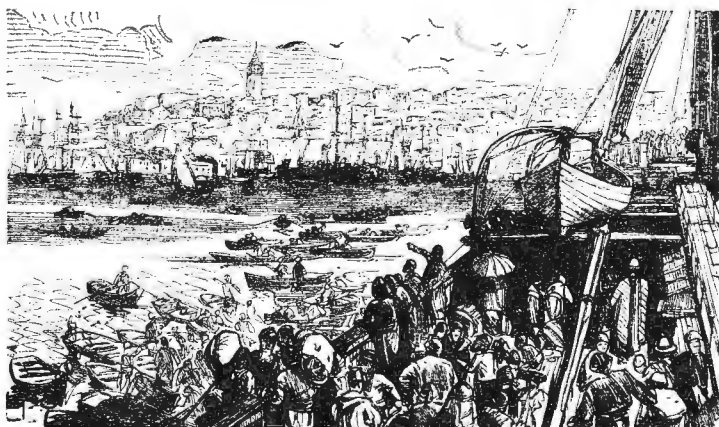
евыхъ бриговъ, плаваютъ и шмыгаютъ множество маленькихъ судовъ и стройныхъ каякъ. Какими чудесно-зелеными представляются намъ эти берега, какое обиліе тамъ лѣсныхъ холмовъ, очаровательныхъ долинъ, среднебѣговыхъ башенъ, kiosковъ, виллъ въ современномъ стилѣ и турецкихъ деревянныхъ домовъ! Отъѣдешь нѣсколько сажель—и новые виды, новыя картины лучше прежнихъ; на всѣхъ главныхъ пунктахъ береговой полосы грозныя форты, укрѣпленія, созданныя военнымъ искусствомъ временъ былыхъ и эпохи новѣйшей. Наконецъ, мы причаливаемъ къ берегу, около котораго снуютъ сотни лодокъ; тутъ пріѣзжихъ окружаютъ зазывальщики въ гостиницы; приходится зорко поглядывать за своимъ багажемъ, а между тѣмъ не хочется оторвать глазъ отъ этой великолѣпной картины, ближайшіе и дальніе планы которой заняты высокими минаретами и красиво освѣщенными куполами мечетей Стамбула.

Стамбулъ имѣетъ несомнѣнно важное значеніе, какъ центръ торговыхъ и иныхъ сношеній Европы съ Азіей и магометанской частью Африки.

Городъ этотъ представляетъ треугольникъ, обнесенный стѣнами и башнями и омываемый съ двухъ сторонъ моремъ. Число жителей доходитъ до 600,000. Стамбулъ имѣетъ нѣсколько предмѣстій, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ Золотого Рога. Это, можно сказать, цѣлое море крышъ, садовъ, кипарисовыхъ лѣсовъ, конусообразныхъ горъ, долинъ, остроконечныхъ башенъ и куполовъ, крытыхъ свинцовыми листами и сверкающихъ золотыми украшениями. Константинополь съ предмѣстьями своими имѣетъ въ длину шесть миль, а въ ширину двѣ. Онъ состоитъ изъ двухъ частей, раздѣленныхъ гаванью. Гавань эта—длинный, узкій заливъ Босфора, такъ называемый «Золотой Рогъ», глубоко врѣзавшійся въ землю. По формѣ этого залива дано ему и названіе *рога*. Собственно Стамбулъ лежитъ на южномъ берегу залива, а къ востоку и сѣверо-востоку, близъ Босфора, раскинуты предмѣстья. Со стороны Европы: Галата, Пера, Топ-хане (т. е. пущечный литейный заводъ) съ красивыми мечетями, турецкій кварталъ Фин-

ди улицы эти являются подобіемъ горныхъ потоковъ.

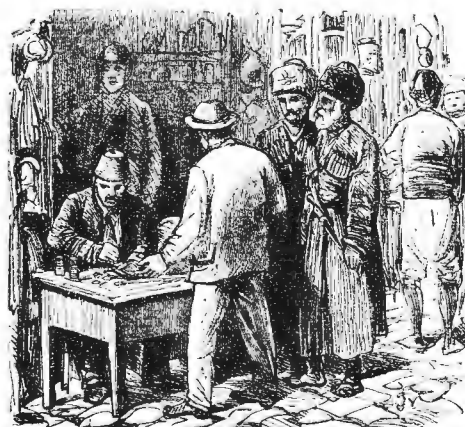
Уличная жизнь представляетъ много интереснаго: воли медленно ташутъ новозки, ихъ обгоняютъ ведроносцы, которые сталкиваются съ погонщиками ословъ, продавцами хлѣба, носильщиками крытыхъ экипажей (въ экипажахъ—турецкія дамы); тутъ же прогуливается верхомъ какой-нибудь паша съ своею многочисленною свитой. Молящіеся или празднующіеся дервиши составляютъ такую же принадлежность улицъ, какъ и бездомныя собаки и торговцы дынями. Направо и налево—открытыя настежь лавки и мастерскія ремесленниковъ. Сапожное, шорное, коженное, слесарное, кузнечное и т. п. мелкія ремесла находятся въ рукахъ турокъ. Усидчивость, серьезность, извѣстная солидность и честность являются отличительными и похвальными чертами турецкихъ хозяевъ заведеній; противоположными качествами обладаютъ торговцы изъ евреевъ, грековъ и армянъ. Въ турецкихъ лавкахъ для насъ, европейцевъ, много привлекательнаго, особенно есть чѣмъ соблазнить любителя «восточной всякой всячины». Картинныя лавки отличаются удивительной пестротой, и турки съ видимымъ удовольствіемъ разсматриваютъ картины. Въ былыя времена изобразять человека считалось у нихъ грѣхомъ, преступленіемъ противъ корана, но теперь на это смотрятъ уже не такъ строго, да и вообще многіе старотурецкіе обычая постепенно исчезаютъ; такъ, напримеръ, чалма уже уступила мѣсто простой фескѣ. Во время онъ булочника, пойманнаго въ продажѣ легковѣснаго хлѣба, ставили затылкомъ къ двери булочной, къ которой и приближали гвоздями оба уха его; въ блаженный старыя времена провинившихся женщинъ запикивали въ мѣшокъ и среди бѣлаго дня швыряли въ волны Босфора... Теперь турки этого не дѣлаютъ, т. е. у себя дома, за то въ Болгаріи и Сербіи они доказали, что живутъ еще въ XVI вѣкѣ, а не въ XIX. Портняжныхъ заведеній на базарѣ довольно мало, за то мѣняльныхъ лавочекъ съ маленькими столиками, украшенными кучками монетъ, чрезвычайно много, пожалуй не менѣе табачныхъ и ювелирныхъ. Драгоценными вещами торгуютъ преимущественно ев-

Прибытіе парохода въ Константинополь.

дикли, новый дворецъ Долма-Бахче и старый Башыташъ. Со стороны азиатской: Скутари, Кусгундукъ и Дженгелькй. Черезъ Золотой Рогъ перекинута три моста; для сообщенія со Скутари и другими предмѣстьями на азиатской сторонѣ служатъ паромы и сотни лодокъ (каиковъ). Осмотримъ теперь самый городъ.

Прежде всего въ глаза бросается грязь, а потому ей и первое мѣсто. Это *грязь востока*, грязь присущая всѣмъ восточнымъ городамъ. Даже Пера, мѣстность населенная иностранцами, не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи. Отъ Галаты къ Перѣ ведетъ крутая, узкая дорога; по обѣимъ сторонамъ ея торчатъ развалины—это дома, разрушенные пожаромъ въ 1870 г. и до сихъ поръ не обновленные. Безъ проводника не слѣдуетъ забираться въ лабиринтъ константинопольскихъ улицъ и переулковъ, во первыхъ потому, что обыватели говорятъ только на своемъ языкѣ (а его мало кто знаетъ изъ иностранцевъ), во вторыхъ, улицы, переулки и закоулки составляютъ дѣйствительно мудреный лабиринтъ. Хорошаго плана-путеводителя нѣтъ. Взять тутъ обыкновенно верхомъ; легковыхъ извозчиковъ не имѣется, такъ какъ большая часть улицъ гористы и мѣстами представляются въ видѣ лѣстницъ. Съ трудомъ, но можно достать иногда наемную карету. Въ послѣднее время, впрочемъ, и Константинополь обзавелся конно-железными дорогами. Двѣ самыя длинныя улицы—тѣ, которыя ведутъ къ гипподрому (теперь Атмейданъ) и къ мечети Ая-Софія. Тротуаровъ нѣтъ, номеровъ на домахъ тоже нѣтъ, какъ нѣтъ дощечекъ съ названіемъ улицъ. Мостовыя, если можно такъ выразиться, состоятъ изъ каменныхъ обломковъ, не всегда плотно лежащихъ одинъ возлѣ другого. Послѣ проливнаго дож-

Мѣняльная лавочка.

ремъ «Восточные челоѣки», какъ извѣстно, очень любятъ камни самоцвѣтные, а особенно пристрастны къ нимъ гаремныя красавицы, поэтому на базарѣ вы увидите кучи жемчуга, изумруда и всякихъ бездѣлушекъ филигранной работы. Негритянки, какъ надзирательницы, сопровождающія своихъ легкомысленныхъ, закутанныхъ барынь, быстро раскупаютъ блестящія вещицы, что доставляетъ сынамъ Израіля изрядный барышъ. Табачныхъ торговцевъ—цѣлый легионъ; лавочки ихъ всюду—и въ гавани, и возлѣ Софійской мечети и даже около дворцовъ. Но особенное вниманіе чужестранца привлекаютъ фруктовые магазины; тамъ вы видите цѣлыя груды финиковъ, виноградныхъ ягодъ, фисташекъ, кокосовыхъ орѣховъ, анельсиновъ, винограда, гранатовъ и т. п. съѣдобныхъ вещей; тутъ же продаются разныя варенья и желе; далѣе слѣдуютъ овощные ряды (прекрасные артишоки, громадыя дыни) и лавки съ продуктами моря: великолѣпными рыбами, устрицами, омарами и т. п. съѣдью.

Но вотъ и главная площадь города—старый гипподромъ, нынѣ Атмейданъ, т. е. «лошадиная площадь». Во время оно тутъ былъ громадный циркъ. Въ эпоху кровавыхъ революцій въ Византіи онъ игралъ важную роль, да и въ нынѣшнемъ столѣтіи на этой площади произошло много крови (избіеніе 20,000 янычаръ по приказанію султана Махмуда II). Три колонны, возвышающіяся на окраинѣ Атмейдана, принадлежатъ къ почтеннымъ памятникамъ древности, изъ нихъ замѣчательнѣе древне-египетскій обелискъ царя Тутмосиса II изъ Гелиополиса, имѣющій 80 фут. высоты. На сѣверной сторонѣ этой площади—драгоценность Константинополя: Софійскій соборъ, теперь—магометанская мечеть. Чтобъ осмотрѣть эту хра-

мину, нужно заручиться формальным пропуском (фирманом), который стоит около 50 франков. Храм этот построен императором Юстинианом (538 г.), который, конечно, и не думал, что в эту церковь введет верхом на лошади падишах (1453 г.), собственноручно уничтожит эмблемы христианской веры и воскликнет: «Нѣтъ иного Бога, кромѣ Аллаха, и пророка его, Магомета!»... На куполъ бывшаго Софійскаго храма красуется теперь полумѣсяцъ, но... быть можетъ, не далека тотъ день, когда крестъ снова заблеститъ на этомъ памятникѣ Юстинианова царствования, а четыре минарета, поставленные турками около храма, обратятся въ колокольни. Ая-Софія, со своимъ исполинскимъ куполомъ, послужила моделью для большинства мечетей, которыхъ въ Константинополѣ очень много (болѣе 600). Упомянемъ здѣсь объ одной изъ нихъ—мечети Эюба. Въ ней происходитъ церемонія опаянія новаго падишаха мечетью пророка. Эюбова мечеть вѣт городской стѣны, къ сѣверо-востоку отъ Стамбула, въ одномъ изъ предмѣстій его. Этотъ храмъ магометанскій—одна изъ великихъ святынь ислама. Построенъ его Магометъ II въ честь «Эюба, знаменосца пророка, павшаго въ битвѣ съ невѣрными» подъ стѣнами Константинополя. Въ эту мечеть доступъ открытъ только магометанамъ.

Вамъ уже извѣстно изъ газетъ объ открытомъ здѣсь заговорѣ противъ правительства. Считаю не лишнимъ сообщить вѣкоторыя о немъ подробности. Главныхъ руководителей 4: Шерифъ-эффенди, Гурджу (грузинъ), Нуги-Эддинъ-эффенди, Рамизъ-паша (черкесъ) и Зиа-бей. Двое первыхъ—казаскиры, т. е. они занимаютъ въ духовной иерархii положеніе равное католическимъ кардиналамъ. Казаскиры стоятъ непосредственно за шейхъ-уль-исламомъ. Шерифъ-эффенди—испокойный честолю-

что одинъ изъ нихъ даже будто бы уже разстрѣлянъ. Какъ бы то ни было, но заговоръ имѣлъ сообщниковъ во всѣхъ слояхъ общества, и если бы онъ удался, то, подъ руководствомъ негодяевъ, о которыхъ сказано мною выше, имѣлъ бы ужасныя послѣдствія. Вожди эти разжалованы, какъ извѣстно, и сосланы—Шерифъ-эффенди—на Родосъ, Нуги-Эддинъ-эффенди и Рамизъ-паша—на Тенедосъ, Зиа-бей—на Лемпосъ. Много менѣе значительныхъ соумышленниковъ отправлено по провинціальнымъ крѣпостямъ.

Въ концѣ октября были сосланы послѣдніе заговорщики. Съ тѣхъ поръ аресты прекратились, но число недовольныхъ все еще велико. Лица, успѣвшія снастись отъ преслѣдованія властей, продолжали возбуждать мусульманъ всѣми возможными средствами. Такъ, они распространяли среди населенія брошюру, въ которой нападаютъ на министровъ и обвиняютъ ихъ въ томъ, что они сослали безъ суда заговорщиковъ, бойцовъ за религію и честь имперіи. Въ заключеніе, порицается образъ дѣйствій министровъ, которые, уступая давленію Россіи, хотѣли дать христіанамъ неслыханныя преимущества и ввести реформы, послѣдствіемъ коихъ будетъ уничтоженіе мусульманской вѣры, отбѣна шери и уничтоженіе калифата. Въ теченіи послѣднихъ трехъ недѣль распространились въ Константинополѣ слухи о безпорядкахъ и даже рѣзнѣ христіанъ въ различныхъ мѣстахъ имперіи. Говорили о возмущеніяхъ въ Импери и Казанлики, о безпорядкахъ въ Монастырѣ и Првзрендѣ и объ угрожающей рѣзнѣ въ Добруджѣ. Хотя правительство и старалось опровергнуть всѣ эти слухи, но тѣмъ не менѣе, нельзя отрывать, что внутри имперіи почти не существуетъ общественной безопасности.

Главная улица въ Галатѣ.

бецъ, не отличающійся особенными талантами. Нуги-Эддинъ-эффенди, бывший наставникъ Иззедина-эффенди; ему сильно желалось бы возвести на престолъ своего прежняго воспитанника. Ранидъ-паша изъ отпущенниковъ Неджиба-паши, отца бывшаго великаго визиря, Маблуда-паши. Его сестра была замужемъ за Селимъ-беемъ, камергеромъ Абдула-Меджида. Человѣкъ этотъ былъ преданнѣйшимъ слугою Махмуда-паши, во время его визирства. Зиа-бей, великій мастеръ въ дѣлѣ всевозможныхъ интригъ, занималъ при Абдусъ-Азисѣ высокія должности и между прочимъ должность директора государственныхъ архивовъ, равную посту министра. За этими главными дѣятелями заговора стояло множество соучастниковъ, принадлежавшихъ по большей части къ классу софть и къ арміи. До сихъ поръ уже арестовано 230 человѣкъ. Впрочемъ, порядокъ не былъ нарушенъ въ Константинополѣ, гдѣ произведены аресты. Надякъ я видѣлъ, какъ жандармы вели по улицѣ 5 софть и не замѣтилъ никакого особаго выраженія сочувствія къ нимъ въ народѣ, хотя и было сдѣлано нѣсколько замѣчаній, смыслъ которыхъ слѣдующій: «Мы вѣримъ, что они преступны, потому что правительство утверждаетъ это. Но къ чему же тутъ краткая расправа, а не публичный судъ надъ ними?» Но по собраніямъ мною справкамъ, оказывается, что Порты имѣла основаніе признать къ нимъ систему краткой расправы—заговорщики имѣли цѣлью не только опрокинуть правительство, они настолько же мѣтили и противъ христіанъ, сколько противъ него. По слухамъ, они замыслили поджечь Перу и Галату. Мы счастливо избежали большой опасности, такъ какъ, говорятъ, что въ заговорѣ участвовали командиры нѣкоторыхъ изъ военныхъ кораблей, стоящихъ на Босфорѣ. Прибавляютъ,

Базаръ ювелирововъ.

Всѣ находящіеся въ Константинополѣ полки въ настоящее время одѣты въ новую форму. Въмѣсто широкихъ шароваръ и накидокъ солдаты носятъ узкія штаны и куртки. Офицеры, чинъ которыхъ обозначался прежде звѣздочками на воротникѣ и шнуромъ на рукавахъ, носятъ теперь эполеты. Что же касается до генераловъ, то отличительными признаками ихъ чина являются красныя штаны, съ широкими черными галунами. Въ настоящее время идетъ вопросъ объ обмундированіи моряковъ, которые будутъ одѣты въ форму, схожую съ формой англійскихъ матросовъ. Говорятъ, что морской министръ уже имѣлъ по этому поводу совѣщаніе съ султаномъ и представилъ на разсмотрѣніе послѣдняго различныя образчики морской формы.

Вѣсть о русскомъ ультиматумѣ быстро распространилась по городу и, конечно, произвела чрезвычайное паденіе на биржѣ и всеобщую тревогу. Въ русскомъ посольствѣ, согласно дипломатическимъ обычаямъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, были приняты всѣ необходимыя мѣры къ тому, чтобы все было готово къ отъѣзду въ моментъ, когда окончится 48 часовая срокъ ультиматума. Пароходъ разводилъ пары, и въ то же время послѣдніе упаковывались архивы и мебель консульства и посольства; больные, находившіеся въ русскомъ госпиталѣ, переведены въ другія больницы, а тѣмъ русскимъ подданнымъ, которые оставались въ Константинополѣ, послано было извѣщеніе, что они поставлены подъ покровительство германскаго посольства. Тревога, поднявшаяся въ Перѣ и Константинополѣ, возбуждала всевозможныя толки и слухи, болѣе или менѣе невѣроятныя, какъ, наприимѣръ, о томъ, что британскій флотъ уже плыветъ къ Константинополю, что русскіе вступаютъ въ Румынію; за-

мѣтнѣ, мамоходомъ, что дѣловой миръ обрадовался всѣмъ этимъ слухамъ. Положеніе здѣсь сдѣлалось до такой степени непрочно и живъ, въ матеріальномъ отношеніи, столь затруднительна, по причинѣ почти совершеннаго отсутствія платежей, что всякая, какая бы ни была, перемѣна настоящаго порядка вещей, конечно, будетъ принята всѣми съ величайшимъ удовольствіемъ.

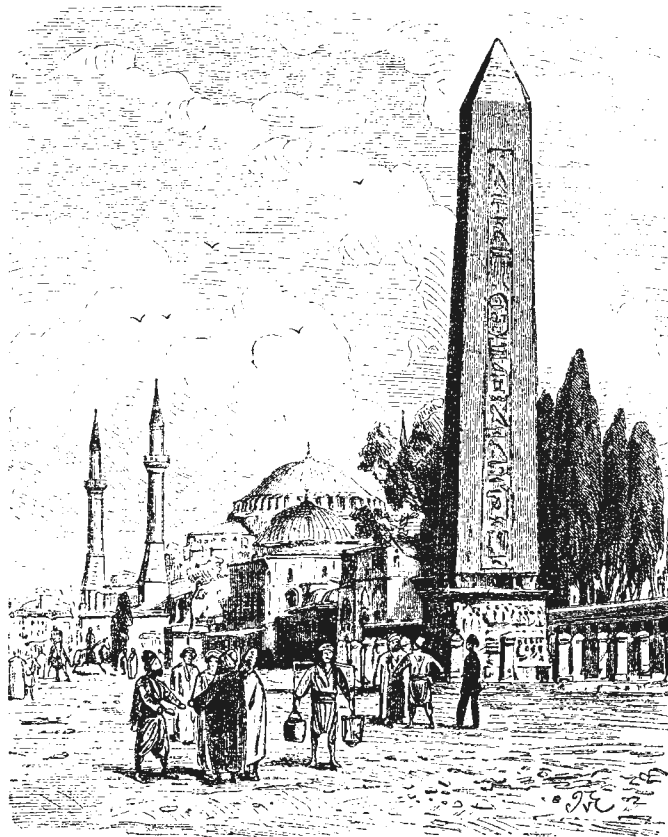
Событія и усложненія настоящаго времени совершенно сбили съ толку турецкія газеты. Одиѣ, объявляя, что будутъ трактовать о перемиріи, приходятъ къ заключенію о необходимости поправить финансы имперіи; другія, говоря о свѣрженности реформъ, кончаютъ тѣмъ, что совѣтуютъ войну; третьи, наконецъ, сами не зная, сами не отдають себѣ яснаго отчета въ томъ, чего хотѣть. Но всѣ газеты, однако, настроены въ равной степени въ воинственномъ тонѣ и единогласно обратились къ народу съ воззваніемъ о матеріальной помощи правительству въ дѣлѣ войны. Особенный пылъ въ этомъ отношеніи выказала газета «Вакигъ».

Возбуждая то религиозный фанатизмъ, то національное чувство мусульманъ, она говоритъ, что отечество находится въ опасности, что только пожертвованія правовѣрныхъ спасутъ его отъ неизбежной гибели. Газета «Вакигъ» возбуждаетъ священную войну, взываетъ къ фанатизму мусульманъ. Между тѣмъ, она настаиваетъ на томъ, чтобы нація жертвовала шерстяные чулки, фланель, теплую одежду для солдатъ, которые проведутъ зиму на поляхъ битвъ. Въ статьѣ, озаглавленной «Амиседенъ - Файдесъ - Гокъ» (Намъ нечего рассчитывать на другихъ), «Вакигъ» приводитъ очеркъ турецко-славянской войны, бранитъ русскихъ, расхваливаетъ мужество и доблесть предковъ, основавшихъ столь великую имперію, и заканчиваетъ, говоря, что всѣ тѣ, кто не пожертвуетъ нѣсколько паръ чулокъ (чорабы) или нѣсколькихъ теплыхъ куртокъ на ватѣ (памукле-майтанъ), — «не достойны имени мусульманъ, будутъ прокляты въ этомъ мирѣ, и низвергнуты въ томъ мирѣ въ преисподнюю».

Увѣщанія эти произвели нѣкоторое дѣйствіе на турокъ. Пожертвованія принимаются, но они чрезвычайно незначительны. Какой нибудь бей или ага, богатый помѣщикъ, присылаетъ десятокъ паръ чулокъ, всего на 20 франковъ, или кусокъ полотна, на ту же сумму. Турецкія газеты, хорошо знающія эгоизмъ національнаго характера, довольствуются этими скудными приношеніями и наполняютъ свои столбцы восторженными похвалами, обращенными къ великодушнымъ жертвователямъ.

Пришло извѣстіе о взятіи Алексинца, газеты схватились за это событіе, чтобы возбудить героизмъ арміи. Рассказываютъ, между прочимъ, что когда султанъ Абдуль-Гамидъ получилъ извѣстіе о взятіи Алексинца, то онъ отъ удовольствія сталъ плясать по комнатамъ вмѣстѣ съ своимъ зятемъ. По поводу за-

пятія Алексинца (какъ извѣстно теперь оспариваемаго сербами) турецкія газеты изобрѣли самые фантастическіе рассказы, въ которыхъ въ самыхъ радужныхъ краскахъ изображалось мужество турецкихъ солдатъ и офицеровъ. Они величаются въ напыщенныхъ фразахъ этимъ успѣхомъ, утверждая, что въ немъ турецкое оружіе восгоржествовало не надъ сербами, но надъ русскими, такъ какъ Турція сражалась собственно съ ними, а сербы играли только второстепенную роль. Ни одна изъ турецкихъ газетъ съ точностью не знаетъ числа убитыхъ и плѣнныхъ русскихъ и сербовъ. Каждая изъ нихъ опредѣляетъ эту цифру по своему. Газета «Джериде-Гавадистъ», на основаніи какого-то чрезвычайнаго расчета, исчисляетъ потери выбывшихъ изъ строя въ 20 тысячъ человекъ и столько-же плѣнныхъ, а что касается снарядовъ и оружія, доставшихся въ руки турокъ, то всему этому—нѣтъ числа. «Джериде» дѣлаетъ очень быстро расчетъ взятыхъ у сербовъ пушекъ. Вокругъ Алексинца было столько-то редутовъ и бастіоновъ. На такомъ-то редутѣ было столько-то орудій, на такомъ-то—столько-то. Следовательно, говоритъ «Джериде»—взятъ цѣлыя сотни орудій. Газета «Иттигадъ» держится совершенно иного взгляда, тѣмъ его турецкіе собратья. Она предполагаетъ, что не слѣдуетъ особенно хвастаться побѣдами, одержанными войсками падишаха. «Теперь, говоритъ она, необходимо заняться вопросомъ о перемиріи и мирѣ». Надѣясь на то, что перемиріе приведетъ къ мирному рѣшенію дѣла, газета, однако, говоритъ, что необходимо все таки быть готовымъ къ войнѣ съ Россіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимы также умѣренность и дальняя видность. Россія потребуетъ привилегій и автономіи для возставшихъ славянскихъ провинцій. Высокая Порта, но мнѣнію газетъ, имѣетъ только одно средство выйдти изъ этого затрудненія—дать всѣмъ провинціямъ болѣе широкія права, тѣмъ тѣ, какъ ихъ требуетъ сама Россія. «Необходимо пожертвовать одной гроздой винограда, говоритъ она, чтобы спасти весь виноградникъ». «Державы потребуютъ гарантій, прибавляетъ «Иттигадъ», и будутъ совершенно правы. До сихъ поръ политика Порты была политической лжи. Она

Атмейданъ и Мечеть Ая-Софія.

много обѣщала но ничего не исполняла, лжеть, наконецъ, попался. Никто уже теперь не дозѣритъ однимъ только обѣщаніямъ, захотятъ фактовъ. Если мы желаемъ избѣгнуть оскорбительнаго для насъ вмѣшательства Европы—то дадимъ реформы и приступимъ къ ихъ быстрому и искреннему примѣненію. Въ этомъ наше единственное спасеніе».

На этомъ сто разъ неисполненномъ турками обѣщаніи дать реформы ея христіанскимъ подданнымъ, оканчиваю свои замѣтки, не давая себѣ труда объяснять вамъ, что значатъ турецкія реформы, ибо увѣренъ, что вы очень хорошо и безъ меня объ этомъ знаете.

Куликовская битва.

Куликовская битва представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ моментовъ русской исторіи; ея громадное значеніе состоитъ не столько въ самомъ свершившемся фактѣ сверженія татарскаго ига, — ибо освобожденіе было кратковременно и не дало возможности окончательно избавиться отъ татарскаго ига, — сколько въ томъ поднятій народнаго духа, въ той увѣренности въ своихъ силахъ, которые дали впоследствии возможность навсегда освободиться изъ подъ ига татаръ, какъ извѣстно, властвовавшихъ надъ русскою землею съ первой половины XIII вѣка, а именно съ 1241 года.

Царство Багтя въ то время далеко не представляло уже того грознаго вида, какой оно имѣло при Узбекѣ; внутреннія междоусобія, интриги, неурядица, изнѣженность быстро смѣнявшихъ другъ друга хановъ,—все это подорвало значеніе орды и до того ее ослабило, что уже съ 1367 года она стала распа-

даться на отдѣльныя царства. Въ Золотой Ордѣ возникли два независимыя государства: одно находилось на Волгѣ, въ Сарай, другое было основано Мамаемъ между Волгой и Дономъ.

Въ то же время возникли орды: Мордовская, Бугарская (впоследствии—Казанское царство), Асраханская, Черепокская, Яицкая и другія. При такихъ условіяхъ: мысль о сверженіи татарскаго ига не могла уже казаться неосуществимой молодому князю московскому, Дмитрію Іоанновичу.

Въ Золотой Ордѣ происходили тогда раздоры, между партіей Мюрида и Абдуллы, возведеннаго на престолъ княземъ Орды, Мамаемъ. Эти междоусобія окончательно подорвали значеніе татарскаго царства, такъ что уже въ 1377 году Дмитрію удалось одержать надъ отдѣльными силами татаръ довольно значительную побѣду при рѣкѣ Вошѣ. Раздраженный успѣхами русскихъ и опасаясь, чтобы Дмитрій окончательно не отказалъ ему въ покорности, Ма-

Куликовская битва. Инокъ Пересвѣтъ въязнаетъ на единоборствѣ съ татарскимъ богатыремъ Телебегомъ (8 Сентября 1380 г.). Рис. Медвѣдевъ, грав. Ежерскій.

май называл себя ханомъ, собралъ огромныя полчища, состоявша, кромѣ татаръ, еще изъ наемныхъ войскъ, (такъ наир., тамъ были Фляги изъ Кафы, Черкесы, Ясы и другія), вторгнулся въ Рязанскую землю и окончательно опустошилъ ее. Устрашенный князь рязанскій, Олегъ, послѣднимъ изъяснитъ Хану свою полную покорность и, сверхъ того, послалъ великому князю Литовскому Ягеллу, грамоту, призывая его идти вмѣстѣ съ татарами на Русь.

Весной 1380 года Димитрій получилъ извѣстіе, что Мамай идетъ на него и находится уже въ Воронежѣ; велѣдъ за тѣмъ прибылъ въ Москву послы Мамай, требуя изъясненія покорности и выплаты огромной дани. Димитрій, по словамъ лѣтописи, сильно опечалился и послалъ просить совѣта у митрополита Кипріяна, родомъ Серба. Пастырь посовѣтовалъ ему воздерживаться, пока возможно, отъ кровопролитія, и предложить Мамаю дары. Великій князь послушался и послалъ въ Орду, Захарія Пучева съ короной грамотой и данью, но Мамай ея не принялъ и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, грозилъ, что перебьетъ князей русскихъ и обратитъ народъ въ мусульманство. Распространеніе этого слуха придавало предстоявшей войнѣ значеніе борьбы за вѣру, и Димитрій уже не хотѣлъ и не могъ уклоняться отъ нея.

Великій князь дѣятельно занялся приготовленіями къ войнѣ, онъ разослалъ гонцовъ во все концы земли русской, приглашая князей и бояръ стать подъ его знамена противъ общаго врага; сборнымъ пунктомъ была назначена Коломна, и все войско должно было стянуться туда къ 15-му августа. Князья носившія откликнуться на призывъ Димитрія, иные, наир. князь Тверской, забыли старую вражду, сознавая, что идти на общее дѣло. Приѣхали князья Бѣлозерскіе, Глѣбъ Каргопольскій, князья Устюжскій, Ярославскій, Ростовскій, Прозоровскій, Серпейскій и другіе,—и собралась рать, какой не видала еще земля русская.

Передъ выступленіемъ въ походъ, Димитрій, вмѣстѣ съ другими князьями, отправился къ преподобному Сергію, настоятелю Троицкаго монастыря, который принялъ гостей съ почетомъ и предложилъ имъ трапезу въ монастырѣ. Преподобный сначала совѣтовалъ Димитрію почтить Мамай дарами, чтобы избѣгнуть войны, но получивъ отвѣтъ, что князь уже дѣлалъ это, и дары его были отвергнуты, благословилъ Димитрія на брань и предрекъ ему побѣду.

Во время трапезы, Димитрій обратилъ вниманіе на двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослабя, изъ которыхъ первый прежде былъ бояриномъ. Оба они были высокаго роста, могучаго телосложенія, съ черными волосами и бородой; до поступления своего въ монахи, они были ратными людьми, извѣстными своею храбростію. Димитрій сказалъ Сергію: «отдай мнѣ, отче, этихъ иноковъ на войну; мы знаемъ, что они люди свѣдущіе въ ратномъ дѣлѣ.» Сергій подозвалъ монаховъ, надѣлъ на нихъ схи́мы съ вышитыми на нихъ крестами и благословилъ ихъ на брань за вѣру.

29-го августа войска московскія должны были выступить изъ Москвы, Димитрій молился въ Успенскомъ соборѣ, прилагаясь къ мощамъ Петра митрополита и ходилъ ко гробамъ отцовъ своихъ. Войска стояли на Красной площади, вдоль кремлевской стѣны. Ворота Фроловскія, Константино-Еленинскія и Никольскія были настежь открыты, въ нихъ стояли священники въ полномъ облаченіи и кропили святою водою уходившихъ. Великая княгиня, Евдокія, и прочія княгини и боярыни плакали голосомъ и, заливаясь горькими слезами, смотрѣли съ вершины золотого терема на исчезающее вдали войско. Самъ Димитрій съ трудомъ удерживался отъ слезъ; по рассказамъ лѣтописцевъ, онъ былъ высокъ, широкоплечъ, красивъ, но слишкомъ тученъ.

28-го августа русское войско сошло въ Коломнѣ, а на слѣдующій день былъ произведенъ смотръ на дугу, называвшемся Дѣвичьимъ Полемъ. Двинулись въ Рязанскую землю, переправились черезъ Огу и 6-го сентября были уже у береговъ Дона. Получивъ извѣстіе, что Мамай съ несметными толпами стоитъ на Кузьминой Гати, нѣкоторые князья совѣтовали Димитрію не переправляться черезъ Донъ, чтобы, въ случаѣ пораженія, былъ свободенъ путь къ бѣгству; но храбрые Ольгердовичи, Андрей Псковскій и Димитрій настаивали, что необходимо переправиться, чтобы оставался выборъ только между смертью или побѣдой; великій князь согласился съ ихъ мнѣніемъ, и 7-го сентября войско переправилось. Передъ русскими простиралось теперь широкое, ровное поле; позади войска сивѣлъ Донъ, впереди вилась небольшая рѣчка Непрядва, выдающаяся въ Донъ; это было незабвенное въ русской исторіи Куликово поле.

Въ русскомъ войскѣ былъ тогда волянецъ Боброкъ, пришедшій съ Ольгердовичами; это былъ человекъ опытный въ ратномъ дѣлѣ, храбрый и, сверхъ того, знавшій множество прихлѣтъ и слышій за знахаря. Рассказываютъ, что въ ночь передъ сраженіемъ (съ 7-го на 8-е сентября) Димитрій выѣхалъ вмѣстѣ съ Боброкомъ на поле битвы, и послѣдній, указаніемъ на нѣкоторыя счастливыя примѣты, возбудилъ въ князѣ увѣренность въ побѣду.

Наступило наконецъ утро роковаго дня; солнце взошло, но сильный туманъ не позволялъ различать предметовъ. Димитрій воспользовался этимъ обстоятельствомъ; отдѣливъ отрядъ отборнаго войска и послалъ его въ засаду, въ лѣсъ, вверхъ

Дона. Отрядъ прошелъ незамѣченнымъ; начальство надъ нимъ поручено было Владимиру Андреевичу Серпуховскому и Димитрію Боброку, о которомъ мы уже упомянули.

Передъ началомъ битвы, Димитрій объѣхалъ ряды войскъ; онъ говорилъ всѣмъ: «Отцы и братья! ради Господа подвижайтесь за вѣру Христову и святую церковь. Смерть тогда будетъ вамъ не въ смерть а въ животъ вѣчный.» Громкіе единодушные клики были ему отвѣтомъ. Димитрій не захотѣлъ издали распорядиться битвой, какъ ему совѣтовали бояре, но слѣдился, надѣвъ свою приволоку, т. е. княжескій плащъ на воеводу Михаила Бренка, посадилъ его на своего боевого коня и велѣлъ нести передъ нимъ свое черное великокняжеское знамя съ изображеніемъ образа Нерукотвореннаго Спаса. (См. рисунокъ въ этомъ же номерѣ Нивы). Потомъ Димитрій поѣлъ освященнаго хлѣба, присланнаго ему, вмѣстѣ съ благословенной грамотой, преп. Сергіемъ и помоллся, прилагая руку ко кресту, висѣвшему у него на груди.

Туманъ наконецъ разсѣлся, и оба войска стали спускаться съ противоположныхъ одна другой возвышенностей въ долину. Татары были одѣты въ темные дѣлта, они шли сомкнутою македонскою фалангой, то есть конья у заднихъ рядовъ были длиннѣе, чѣмъ у переднихъ и лежали у послѣднихъ на плечахъ, такъ что войско представляло видъ движущейся стальной щетины. Русскіе, напротивъ, имѣли нарядный видъ; кони ихъ были украшены металлическими колющими, вооруженіе состояло изъ кордовъ, длинныхъ сабель и колчаръ; остроконечные щлемы ихъ и выкрашенные въ красную краску щиты блестяли на солнцѣ. Вдругъ, впереди татарскаго войска показался всадникъ огромнаго роста; похваляясь своею силою и мужествомъ, онъ, по обычаю азіатскихъ народовъ, сталъ вызывать изъ враждебнаго стана противника, чтобы помѣриться силами. Между русскими произошло нѣкоторое замѣшательство, потому что этотъ всадникъ былъ Телибегъ, извѣстный своею непопулярностію, и сражаться съ нимъ значило идти на вѣрную смерть. Въ эту минуту инокъ Пересвѣтъ, съ накинутою поверхъ шлема схимою, неспросивъ благословенія у священника, вскочилъ на боевого коня и съ крикомъ: «Отцы и братья, простите меня грѣшнаго. Братъ Ослабя моли за меня Бога! Преподобный Сергій, помогай мнѣ своею молитвою», кинулся на Телебега. Оба противника неслись вскачь на встрѣчу другъ другу, одновременно поразили другъ друга копьями, и упали смертельно раненные подъ своихъ, взвившихся на дыбы, лошадей.

Велѣдъ за этимъ начался бой. Русскіе и татары, призывая, первое Бога христіанскаго, второе Магомета, кинулись въ савкаю. Жесточе и кровопролитнѣе этой битвы трудно себѣ вообразить,—кровь лилась потоками, трупы загромождали дорогу, отъ тѣсноты многие погибли подъ копытами лошадей. Татары увидѣли великокняжеское знамя, прорвались впередъ, изрубили въ куски знамя и убилъ Михаила Бренка, котораго приняли за великаго князя. Димитрій въ это время сражался пѣший, молодой князь Новосильскій находился при немъ, защищая его. Часа черезъ два, татары стали одождать, и русскіе обратились въ бѣгство. Димитрій, отбиваясь отъ татаръ, ушелъ въ лѣсъ и отъ изнеможенія упалъ какъ мертвый подъ новосрубленную березу. Смятеніе дѣлалось ужаснымъ, татары били и преслѣдовали бѣгущихъ русскихъ.

Владимиръ Андреевичъ и Боброкъ смотрѣли изъ лѣсу на происходившее. Владимиръ со слезами порывался на помощь русскимъ, но Боброкъ удерживалъ его, говоря, что еще не пришло время,—а такъ какъ волянецъ считался знахаремъ, то русскіе не смѣли его послушаться. Причиною медлительности Боброка по нѣкоторымъ извѣстіямъ, былъ сильный вѣтеръ дувшій тогда русскимъ прямо въ лицо. Наконецъ, когда гибель Руси казалась неизбежною, Боброкъ поддалъ нетерпѣливо ожидаемый знакъ, и свѣжій отрядъ Владимира стрѣлою ринулся изъ засады и ударилъ въ тылъ врагамъ.

Татары смуглились, увидавъ новыхъ, неожиданныхъ враговъ, не устояли и обратились въ бѣгство, крича: «Бѣда намъ! худшихъ мы побили, а лучше теперь идти на насъ!» Русскіе колони, рубили бѣгущихъ и преслѣдовали ихъ до самой Непрядвы, въ волнахъ которой погибло множество татаръ пытавшихся спастись впадь. Мамай, видя пораженіе своихъ, тоже обратился въ бѣгство, оставляя въ добычу русскимъ свой обозъ. Побѣда была полная, великій фактъ, предвѣстникъ будущаго полнѣйшаго освобожденія Руси отъ монгольскаго ига, совершился.

Подъ вечеръ замѣтили отсутствіе великаго князя, и Владимиръ сталъ его розыскивать съ тревогой и слезами. Долго не могли найти князя и полагали уже, что онъ убитъ и лежитъ между трунами. Наконецъ, два простые ратника, Сабуровъ и Холониничъ зашли нечаянно въ дубраву и наткнулись на лежащаго безъ чувствъ подъ деревомъ Димитрія; радостная вѣсть, что Князь живъ, тотчасъ же разнеслась по рядамъ русскихъ войскъ. Димитрій не скоро очнулся и пришелъ въ себя; онъ былъ оглушенъ ударами, но на тѣлѣ его не оказалось ранъ. Услышавъ, что татары разбиты, Димитрій воскликнулъ: «День, его же сотвори Господь, да возвеселимся въ онъ!» Въ сопровожденіи князей и бояръ поѣхалъ онъ осматривать поле битвы, покрытое трунами и залитое кровью.

Много пало тутъ князей и людей ратныхъ, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ что, по сказанію историковъ, число всѣхъ

убитых простиралось до 200.000. Нужно замѣтить, что Ягелло въ день битвы находился всего въ 30—30 верстахъ отъ Мамая и узнавъ ея слѣдствія, въ ужасѣ бѣжалъ.

Видѣлъ тутъ князь и трупъ инока Пересвѣта, замѣтнѣй издали по накиннутой на шлемъ шкиму, и лежавшій вмѣстѣ съ сраженнымъ Телебегомъ. «Вотъ нашъ починальникъ, указавшій намъ путь къ побѣдѣ!» сказалъ князь, указывая на трупъ Пересвѣта. Въ знакъ признательности къ сподвижникамъ, нашедшимъ

въ Куликовской битвѣ онъ установилъ праздновать вѣчно ихъ память въ Дмитровскую субботу (между 18 и 26 октября).

Великій князь Дмитрій Иоановичъ получилъ прозваніе Дмитрія Донскаго; имя его неразрывно связано съ незабвенной Куликовской битвой и никогда не изгладится изъ народной памяти, наравнѣ съ именами Владиміра Красное-Солнышко, Владиміра Мономаха, Александра Невскаго и другихъ героев древняго періода русской исторіи.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть В. С. Соловьева.

Часть вторая.

(Продолженіе).

Антоніо не можетъ вынести. Онъ поднимается и шатаясь выходить изъ комнаты...

Наконецъ здоровый организмъ Гальшки справился съ болѣзью. Внутренній жаръ, налившій ее, уменьшился, бредъ прошелъ. Больная пришла въ себя. Сначала она ничего не помнила изъ происшедшаго съ нею; но когда сознаніе окончательно вернулось, положеніе ея сдѣлалось опаснѣе, чѣмъ въ страшныя минуты горячки. Невозможно изобразить того горя, которое охватило бѣдную Гальшку. Она была окончательно подавлена тяжестью своей потери. Она не проклинала своихъ враговъ, изъ которыхъ первымъ была ея родная мать. Она не выказывала ненависти къ княгинѣ Беатѣ, но относилась къ ней совершенно безучастно. По цѣлымъ днямъ она молчала и лежала не шевелясь, слабая и изнуренная. Ее едва можно было уговорить принимать пищу. Выздоровленіе подвигалось медленно; но когда она уже стала ходить, первой ея мыслью было умолять мать пустить ее къ дядѣ Константину. Княгиня и слышать не хотѣла объ этомъ. Напротивъ, она и Антоніо употребили всѣ старанія, чтобы предотвратить всякую возможность сношеній Гальшки съ Острогомъ. Князь Константинъ ѣздилъ въ Краковъ и требовалъ возврата въ Острогъ племянницы, основываясь на завѣщаніи князя Ильи и на православіи Гальшки. Краснорѣчивый Чарыковский, по порученію короля, доказалъ ему незаконность его требованій. Въ городѣ ходили слухи, что князь вышелъ изъ себя и даже ударилъ Чарыковского. Какъ бы то ни было, вѣрно одно, что онъ уѣхалъ изъ Кракова съ большими неприятностями и ничего не добившись. Княгиня очевидно успѣла привлечь на свою сторону и всю партію Радзивиловъ, всегда враждовавшихъ съ Острожскимъ, и вліятельныхъ фаворитовъ Сигизмунда-Августа. Такое неприятельское войско было не по силамъ князя Константина. Онъ былъ герой въ открытомъ бою, но не былъ въ состояніи интригой побѣдить интригу. Онъ пробовалъ посылать своихъ людей розыскивать мѣсто битвы, приказывалъ имъ во что бы то ни стало найти трупъ князя Сангушки, чтобы предать его честному погребенію. Одни изъ этихъ людей пропали безъ вѣсти, другіе вернулись и объявили, что въ глухомъ лѣсу, среди болотъ, попали на множество разлагавшихся труповъ. Задыхаясь отъ смрада, эти люди обошли всѣхъ мертвецовъ, но князя Сангушки не было между ними. А его легко бы было отличить по многимъ признакамъ.

Это извѣстіе подало князю слабую надежду. А что, если Сангушко живъ, что, если онъ спасся какимъ-нибудь образомъ, находится гдѣ нибудь въ безопасномъ мѣстѣ и вотъ, вотъ явится... Правда, декретъ cartivatiōnis былъ въ своей силѣ, но только бы явился Дмитрій Андреевичъ, только бы былъ онъ живъ—тогда еще можно многое сдѣлать! Князь Константинъ самъ поѣхалъ къ Гальшкѣ, чтобы внушить и ей свою надежду; но Беата заперлась и на отрѣзъ отказалась принять его. Онъ бы не задумался пожалуй и силой увидаться съ племянницей, да къ нему выбѣжала вся въ слезахъ панна Зося и рассказала о томъ, что княжна все еще

безъ памяти (Гальшку всѣ продолжали называть княжной). Старикъ Острожскій не рѣшился шумомъ тревожить больную и уѣхалъ, оставивъ Зося записку, которую просилъ ее тайно и осторожно передать Гальшкѣ, когда она будетъ поправляться. Молодая полька, любившая Гальшку, исполнила эту просьбу. Записка князя Константина была единственнымъ свѣтлымъ проблескомъ въ невыносимой жизни Гальшки. Теперь она знала, что добрый дядя не забылъ ее, заботится объ ней попрежнему; она создала себѣ цѣлый міръ мечтаній, основанный на возможности возвращенія ея дорогаго мужа. Она только хотѣла скорѣе увидѣться съ дядей, выплакать передъ нимъ свое горе... Но это свиданіе было невозможно. Княгиня, Антоніо и всѣ въ домѣ по нитамъ слѣдили за нею. Только одна надежда и оставалась на Зося. Гальшка передала ей письмо къ князю Константину, прося ее уговорить кого-нибудь отвезти его въ Острогъ. Зося черезъ два дня таинственно и съ сожалѣніемъ объявила ей, что исполнить ея порученія невозможно, такъ какъ князь уѣхалъ воевать съ турками. Бѣдная Гальшка и не замѣтила, что Зося краснѣла и потупляла глаза говоря это.

Это уже было въ то время, когда княгиня Беата со всѣмъ домомъ переселилась въ Вильну. Скоро явился сюда и панъ Зборовскій за полученіемъ награды, т. е. обѣщанной ему руки Гальшки. Княгиня даже и не сказала объ этомъ дочери. Она любезно приняла жениха и объявила ему, что къ несчастью Гальшка не можетъ быть его женою. Она все еще не поправилась; но главное, не можетъ даже и слышать имени Зборовскаго, клянется наложить на себя руки если ее станутъ принуждать выходить за него замужъ. Княгиня не въ силахъ неволить дочь, да и врядъ ли самъ панъ Зборовскій захочетъ имѣть жену, которая его ненавидитъ. Храбрый воинъ объявилъ на это, что ему нѣтъ никакого дѣла до ненависти Гальшки—онъ убилъ Сангушку, доставилъ княжну матери и требуетъ исполненія условія. Тогда Беата нѣсколько измѣнила тонъ и сказала, что въ такомъ случаѣ онъ можетъ жаловаться королю, а дочери она ему даже и не покажетъ. Зборовскій понялъ, что пойманъ въ ловушку, и уѣхалъ разражаясь проклятіями и клянясь мстью Беатѣ.

Гальшка никуда не показывалась, да мать и не позволила ее къ этому. Она понимала, что теперь нужна осторожность, что только время испѣлитъ Гальшку. Она никогда не позволяла себѣ ни одного намека на прошлое и упорно не признавала дочь княгиней Сангушко. Этого имени никто никогда не слышалъ въ домѣ. Была княжна Острожская, которую похитили было какіе-то разбойники и которая теперь едва, едва поправлялась отъ тяжелой болѣзни. И всѣ бережно обращались съ княжной, старались ничѣмъ ее не тревожить.

И жила красавица Гальшка жизнью затворницы, по долгу молясь и отъ молитвы переходя въ міръ своихъ грезъ, гдѣ только и была ея отрада. Она внутренно какъ то все больше и больше начинала вѣровать въ то, что князь Дмитрій Андреевичъ живъ, что въ концѣ

концовъ онъ прїѣдетъ за нею и спасетъ ее отъ ея лютаго горя. Такая увѣренность иногда доводила ее даже до оживленія. Но проходила свѣтлая минута и снова весь міръ покрывался мракомъ. Оставалась одна молитва. И Гальшка молилась горячѣ, и спасала себя этой молитвой.

А между тѣмъ время шло; проходили недѣли, мѣсяцы. Прошелъ годъ, начался другой. Князь Константинъ какъ въ воду канулъ ни письма отъ него, ни вѣсточка. И спросить то не у кого—о немъ, какъ и о Сангушкѣ, шепнуть никто не смѣетъ въ домѣ. Идетъ время... и начинается чувствовать Гальшка, что надежды ея и грезы были тщетны—не вернется мужъ ея любимый, убить онъ и тлѣетъ подъ вѣковыми деревьями Польска. Въ душѣ ея ужъ нѣту жгучей боли, ядовитаго, разрушающаго страданія. Время и молитва спасаютъ ее. Горячая вѣра въ Бога и чтенія житій святыхъ отгоняютъ ея черныя мысли, соблазнительныя мысли о самоубійствѣ. Нѣтъ, нужно жить коли Богъ не хочетъ послать смерти, нужно стараться безропотно нести свою долю, несмотря на всю ея тяжесть. И Гальшка живетъ день за днемъ. Она не ропщетъ. Только ужъ ничто въ мірѣ не занимаетъ ее—жизнь потеряла всякое значеніе. Хотѣлось бы уйти куда нибудь подальше, въ какой-нибудь уединенный монастырь, гдѣ никто и ничто не потревожило бы ея уединенія.

Но и это невозможно. Княгиня слышать ничего не хочетъ. Напротивъ, съ нѣкотораго времени она стала приставать къ пей, уговаривая бросить свою замкнутую жизнь. Не вѣкъ же быть больной, не вѣкъ отъ людей прятаться. Вотъ скоро соберется она въ Краковъ, по везетъ съ собою дочь, представить ее ко двору. И кто знаетъ, какая еще судьба ожидаетъ Гальшку. Княжна Острожская не кто нибудь—и женихи королевской крови не погнушаются ею. Но если Гальшка не хочетъ до конца губить мать свою и заслужить ея справедливое проклятіе, она должна присоединиться къ истинной, римско-католической церкви... Чаще и чаще заводятся подобныя разговоры. Непзмѣнно сопровождающій княгиню отецъ Антоніо изощряетъ передъ Гальшкой весь свой умъ, все все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить ее въ истинахъ латинства. Онъ старается постоянно возбудить въ ней интересы къ религиозному спору и вооружается всѣми аргументами своихъ богословскихъ знаний. Въ послѣднее время его тактика измѣняется. Онъ очень ловко доказываетъ Гальшкѣ, что все ея спасеніе въ католицизмѣ. О, онъ отлично понимаетъ, какъ должна страдать она; если бы онъ только могъ думать, что она дѣйствительно любитъ Сангушку, онъ конечно никогда (сы не допуститъ княгиню жаловаться королю. Но вѣдь теперь ужъ дѣло сдѣлано, прошлаго не воротить. Она никогда не забудетъ своей утраты, она хочетъ навсегда удалиться изъ міра, посвятить себя Богу. Рѣшеніе естественное и похвальное, и ужъ конечно онъ можетъ только уважать его. Но вѣдь она знаетъ, что княгиня никогда не позволитъ ей уйти въ

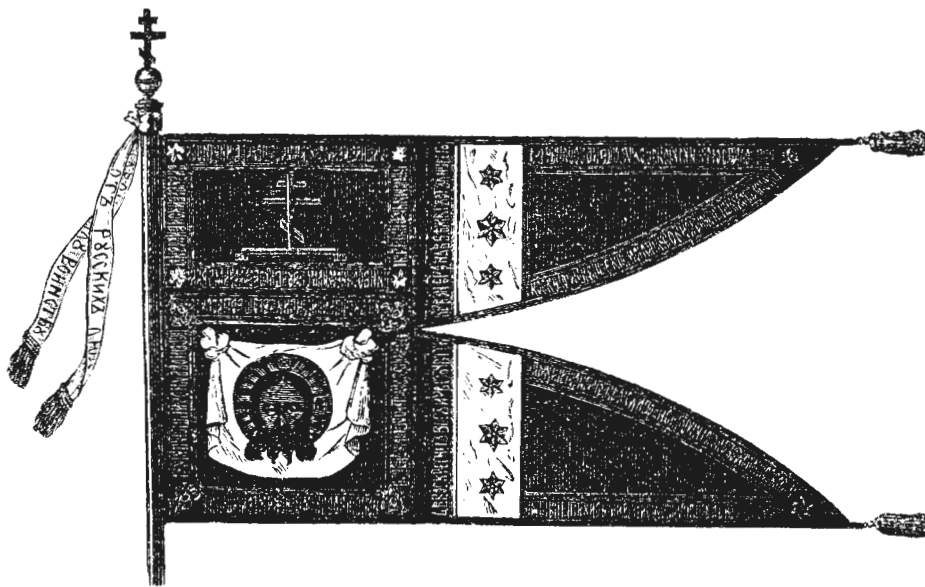
монастырь православный. Можетъ быть очень плохо, можетъ быть, и даже навѣрное, мать вздумаетъ ее выдать замужъ, а пользуясь своей властью и выдастъ насильно... Такъ не лучше ли ей перейти въ католицизмъ и обратиться къ папѣ. Онъ ей поможетъ. Мать не осмѣлится запретить ей идти въ католическій монастырь. Только этимъ способомъ она и будетъ имѣть возможность исполнить свое задушевное желаніе...

Такъ соблазнилъ Антоніо свою жертву.

Матери Гальшка отвѣчала слезами. Иезуиту она отвѣчала негодованіемъ. Она давно ужъ видѣла въ немъ врага, она понимала, что онъ главнѣйшій виновникъ ея горя, что княгиня Беата послушное орудіе въ рукахъ его. Она помнила, какъ онъ поднялъ тревогу въ ночь похищенія, помнила какъ онъ мчался рубя направо и налево, какъ онъ жаждалъ сдѣлаться убійцей ея князя. Къ чему ей его оправданія, его увѣренія, что онъ не знаетъ чувствъ ея, что онъ думалъ только объ ея спасеніи. Его присутствіе было для нея пыткой, она отшатывалась отъ него съ ужасомъ и отвращеніемъ.

А между тѣмъ и онъ, и мать мучили ее все больше и больше. Беата лишила ее православной церкви, стала почти силой, угрозами и сценами

брать ее съ собою въ костель иезуитскій. Вотъ и теперь ее заставили прїѣхать осматривать этотъ новый коллегіумъ, о которомъ бредили всѣ у нихъ въ домѣ. Зачѣмъ это? какъ будто ей не все равно, какъ будто что нибудь можетъ развлечь ее, показаться ей интереснымъ...

Знамя, отправленное изъ Москвы въ Сербскую армію.

Гальшка молча слѣдовала за матерью и неслыхала объясненій Варшевицкаго. Когда онъ обращался къ ней,

почтительно склоняясь и называя ее княжною, она удивленно взглядывала на него и почти не отвѣчала. Развѣ ей не все равно, что ее почтутъ душой или сумасшедшей, развѣ есть ей какое дѣло до мнѣнія людского...

Въ большомъ рекреационномъ залѣ княгиня остановилась. Варшевицкій представлялъ ей учениковъ коллегіума.

Гальшка машинально прошла въ сосѣдную комнату гдѣ занимались живописью.

Въ комнатѣ было пусто—учитель и мальчики вышли въ залъ по зову ректора. Только одинъ изъ учениковъ въ уголку спѣшно окончивалъ свою работу.

Гальшка подошла къ нему. Онъ поднялъ свою кудрявую голову и смущенно взглянулъ на нее свѣтлыми глазами.

Она слабо вскрикнула и отшатнулась въ сторону. Ее поразило сходство этого мальчика съ княземъ Дмитриемъ Андреевичемъ.

— Кто ты? какъ зовутъ тебя? задыхаясь спросила Гальшка.

— Левъ Сапѣга, тихо отвѣтилъ мальчикъ краснѣя и изумленно смотря на эту блѣдную красавицу, почему то такъ его испугавшюся.

На одну минутку. Картина Вастага, грав. Ульрихъ. Библиотека "Руниверс"

— Сапѣга! повторила Гальшка. И она вспомнила, что Сапѣги были въ родствѣ съ Сангушками. Неудолгое чувство влекло ее къ мальчику. Она жадно вма-тривалась въ черты его лица, пища въ немъ намековъ на милый образъ. Но сходство поражало только сразу, это было простое фамильное сходство.

— Скажи мнѣ, мой милый мальчикъ, только скажи скорѣе и тише, не слыхалъ ли, не слыхалъ ли ты че-го про князя Дмитрія Андреевича Сангушку?..

Бѣдная Гальшка вся дрожала произнося это имя. На глазахъ ея выступали слезы.

А мальчикъ, пораженный красотой молодой женщи-ны, снѣшилъ исполнить ея желаніе, то есть заговорилъ какъ можно тише и скорѣе:

— Дмитрій Андреевичъ! я его помню... бѣдный дя-дя—онъ умеръ, его убили... Онъ укралъ себѣ жену, король разсердился и велѣлъ убить его...

— Но можетъ быть... можетъ быть онъ живъ... ни-кто не говорилъ тебѣ, что онъ живъ, что онъ какъ нибудь спасся?!..

— Нѣтъ, гдѣ-жъ живъ—вѣдь ужъ давно его убили... я знаю, что и Сорочи—отличный такой домъ и садъ, и городъ—я былъ тамъ—теперь ужъ достались друго-му моему дядѣ... Да, дядя Дмитрій умеръ, моя мать по немъ панихиды служила—все знаютъ, что онъ умеръ... это правда...

Гальшка и сама ужъ потеряла всякую надежду. Въ послѣднее время она даже и не мечтала: она знала, что на землѣ ей не видать своего милого мужа. „Убить! убить! и нѣтъ его могилы!“ часто повторяла она въ безсонныя ночи, тщетно борясь съ своей безысход-ной тоскою. Маленькій Сапѣга не сказалъ ей ничего новаго и неожиданнаго. Но она еще ни отъ кого не слыхала такого прямого, рѣшительнаго слова: „гдѣ-жъ живъ—вѣдь ужъ давно его убили... все знаютъ, что онъ умеръ“.

И видно до сихъ поръ еще, несмотря на всю ея увѣренность, помимо ея воли, помимо ея сознания, жи-ла въ ней безумная надежда.

„Все знаютъ—его давно убили!“ Она сама себѣ ча-сто повторяла это. Но это сказалъ посторонній, ска-залъ такъ увѣренно, тѣмъ грустно спокойнымъ тономъ, какимъ говорятъ о давнемъ, почти позабытомъ покойникѣ.

Безумная надежда, неизвѣстно чѣмъ жившая и пи-тавшаяся уже больше года, улетѣла въ одинъ мигъ, отъ одного слова. И только теперь, когда ужъ воро-тить ее не было возможности, Гальшка поняла, что зна-чила для нея эта надежда.

Она отчаянно вскрикнула, зашаталась и безъ чувствъ упала на полъ.

Изъ зала услышали этотъ крикъ. Княгиня, Антоніо, Варшевицкій, иезуиты и ученики бросились въ рисо-вальную комнату.

Гальшка лежала безъ движенія. Маленькій Левъ Са-пѣга стоялъ надъ нею перепуганный, дрожащій, зали-ваясь слезами.

— Я не знаю, что это! шептала онъ сквозь рыда-нія. Она только спросила, правда ли, что убить дядя Дмитрій Сангушко. И я сказала, что правда.. вѣдь это правда, вѣдь все знаютъ...

Варшевицкій сдѣлалъ недовольную гримасу. Какъ могъ онъ такъ оплошать—онъ зналъ все подробности семей-ной исторіи Острожскихъ, зналъ о родствѣ Сапѣгъ съ Сангушками, онъ долженъ былъ все предвидѣть, дол-женъ былъ на этотъ день удалить мальчика. Неприят-ная исторія... скандалъ въ коллегіумѣ... сплетни...

Но вотъ Гальшка пошевелилась. Онъ велѣлъ всеѣмъ выйти и скорѣе увести Сапѣгу.

III.

Холодная, снѣжная зима стояла надъ Вильной. Мо-розная бурная мгла глядѣла въ высокія окна палатъ

княгини Беаты Острожской. По временамъ доносился откуда-то слабый благовѣстъ, далекіе отзвуки затихав-шаго городского шума.

Гальшка сидѣла одна въ своей комнатѣ. Она закры-ла тяжелую книгу, которую читала пока не смерклось, и теперь въ долгихъ, медленно наползавшихъ сумер-кахъ отдавалась своей грусти. Она мысленно упрекала себя за то, что вчера, въ коллегіумѣ, не сумѣла со-владѣть съ своимъ ужасомъ... Какъ бы горько ей не было, люди не должны знать объ этомъ. Она твердо рѣшилась отнынѣ все хоронить въ себѣ и казаться спо-койной при постороннихъ. Но чего стоитъ это притвор-ство, эта необходимость, на которой такъ настаиваетъ княгиня, выходить къ пріѣзжающимъ гостямъ, говорить съ ними, быть любезной. Все люди казались Гальшкѣ такими скучными, такимъ ненужными. Но скучнѣе и ненужнѣе всеѣхъ были для нея нѣкоторые знатные вель-можи, очевидно искавшие ея благосклонности, желавшіе на ней жениться.

Выйти замужъ!.. не только теперь, но когда либо, за кого бы то ни было—эта мысль представлялась Гальш-кѣ самой невѣроятной бессмыслицей. Она не могла смотрѣть на бракъ иначе, какъ на союзъ по сердцу, а ея сердце было ужъ разъ навсегда и беззавѣтно отда-но ея князю. Князя погубили, погубили изъ за нее, самымъ страшнымъ, несправедливымъ образомъ. И съ тѣхъ поръ ея сердце разбито и никогда оно не забудетъ свою потерю, потому что больше этой потери ни-чего быть не можетъ. А между тѣмъ мать все чаще и чаще заговариваетъ съ ней о замужествѣ. Еще счастье, что все наѣзжающіе въ Вильну женихи кажутся ей не-достойными Гальшки. Она говоритъ, что княжна Острожская, обладающая необыкновенной красотой и огромнымъ богатствомъ, должна сдѣлать самую блестя-щую партію. Она не хочетъ и знать, что вотъ уже боль-ше года какъ нѣтъ никакой княжны Острожской, а есть только безутѣшная вдова убитаго князя Сангушко.

Но главное, что требуетъ Беата отъ будущаго мужа Гальшки—это его принадлежности къ римско-католи-ческой религіи. Она ни за что не выдастъ дочери ни за православнаго, ни за лютеранина, ни за кальвиниста.

И все знаютъ рѣшеніе княгини, да никому оно не мѣшаетъ бывать у нихъ въ домѣ, преслѣдовать Гальш-ку любезностями, мучить ее влюбленными взглядами, прозрачными намеками. Больше всеѣхъ ее мучаютъ и преслѣдуютъ два старыхъ, неизмѣнныхъ ухаживателя—князь Слуцкій и графъ Гурко. Вотъ уже годъ какъ отъ нихъ нѣтъ проходу. У Слуцкаго огромное богатство и родство съ домоѣмъ Острожскихъ; но онъ православный. У Гурки связи въ Краковѣ, блестящее положеніе, но онъ лютеранинъ.

Князь Олельковичъ-Слуцкій добрый, простой и неда-лекій малый. Гальшка пожалуй бы ничего противъ него не имѣла, еслибъ онъ являлся въ домъ какъ род-ственникъ. Но онъ ухаживаетъ, онъ очевидно страстно влюбленъ, онъ всякую рѣчь оканчиваетъ вздохомъ—и Гальшкѣ тошно съ нимъ, невыносимо его слушать. Гур-ко еще того хуже—что-то фальшивое, что-то злое въ немъ видно и вдобавокъ онъ еще ко всеѣмъ ее ревнуетъ, будто не видитъ, что можетъ ревновать только къ тяжело-му ея горю... А что же впереди? впереди Краковъ, дворъ, опять женихи, шумъ, невыносимая жизнь, въ которой видятъ такое блаженство все люди. Понадется чело-вѣкъ, который покажется подходящимъ княгинѣ Беатѣ—и выдадутъ Гальшку замужъ, выдадутъ насильно, въ силу того, что они называютъ своимъ правомъ...

Страшныя, черныя мысли! И эти мысли стучались долго, долго въ голову Гальшки. Эти мысли, съ каж-дымъ днемъ все болѣе страшныя и томительныя, сдѣ-лала наконецъ свое дѣло. Гальшка стала доходить до состоянія полной апатіи, полного безучастія къ внѣш-ней судьбѣ своей. Она отказывалась отъ борьбы, для

которой не была создана. Она знала только одно—что никому и ни за что въ мірѣ не отдастъ своей вѣры, своего православія и своей горькой, священной памяти о погибшемъ мужѣ. А затѣмъ, пусть дѣлаютъ съ ней, что хотятъ, пусть распоряжаются ею. Она даже и на замужество стала смотрѣть иначе—и въ этомъ заключалась послѣдняя степень ея отчаянья, ея безнадежности. Она думала: ну что-жь—если мать непремѣнно хочетъ по своему распорядиться ею, пусть приходитъ этотъ женихъ, кто бы онъ ни былъ, и чѣмъ онъ хуже, тѣмъ даже лучше. Она скажетъ ему, что онъ беретъ не ее, не ея сердце, которое совсѣмъ безучастно къ жизни и радости, которое давно умерло и никогда не воскреснетъ—онъ возьметъ только бѣдное, большое тѣло. И если онъ будетъ такимъ звѣремъ, если мать будетъ настаивать, прикажетъ ей вѣнчаться—что-жь! она и замужъ выйдетъ... Развѣ не все равно, Боже! развѣ не все равно—лишь бы жизнь кончилась скорѣе..

И она была одна, одна, и некому было ей открыть свою душу, не съ кѣмъ было поплакать. Все же ей было девятнадцать лѣтъ и хоть безсознательно, а искало участія ея сердце. Изъ всѣхъ окружающихъ только одна Зося къ ней ласкалась, выражала свою преданность.

Но Зося какая то странная дѣвушка—сегодня одна, а завтра совсѣмъ другая. То утѣшаетъ, успокаиваетъ, совсѣмъ, кажется, понимаетъ ее, то вдругъ начинаетъ давать такіе совѣты, что не лучше отца Антонію.

Засю дѣйствительно разобрать было трудно. Самъ проникательный іезуитъ ошибся въ ней и послѣдствія были для него горьки. Панна Зося чувствовала себя очень несчастной. Мучительный бѣсъ поселился въ ней и не давалъ ей покою. Этотъ бѣсъ была ея страсть къ отцу Антонію. Она не разсуждала хорошо или дурно, грѣховно или пѣтъ поддаваться такой страсти. Она чувствовала себя не въ силахъ совладать съ нею—и для нее этого было достаточно, чтобы оправдать себя и успокоить свою совѣсть. Гдѣ бы она ни была, чтобы она ни дѣлала—прекрасный монахъ былъ въ ея мысляхъ и сердцѣ. Не было такой затруднительной задачи, такого даже преступленія, на которое бы она не пошла закрывъ глаза, по одному его требованію. Но ея чувство было далеко не безкорыстно—ей нужна была награда, ей нужна была любовь монаха, его ласка. И она рѣшилась во что бы то ни стало этого добиться. Оставаясь съ нимъ наединѣ, приходя къ нему исповѣдываться во всѣхъ грѣхахъ своихъ, она пускала въ ходъ всѣ уловки кокетства.

Но Антонію былъ закованъ въ броню неуязвимую—нося въ душѣ своей чудный образъ Гальшки, весь ушедшій въ свои мысли, поглощенный своими цѣлями, онъ не былъ уже въ состояніи отзываться на другія чувства. Хорошенькая Зося, не смотря на все свое кокетство, на всю страсть, только надоѣдала ему. Она рассчитала очень дурно—ей слѣдовало бы носить маску величайшей неприступности, чистоты и святости. Тогда она, быть можетъ, обратила бы на себя вниманіе Антонію, расшевелила застывшую кровь его. Только то, что представляло ему рѣшительное, могучее сопротивление, чего достигать нужно было съ тысячами преградъ, трудной и запутанной борьбою—только то и было достойно его вниманія. Онъ давно ужъ убѣжалъ отъ легкихъ побѣдъ и игра въ любовь надоѣла ему даже прежде, чѣмъ онъ надѣлъ платье іезуита.

Но Зося была ему полезна и нужна—всѣ считали ее любимой наперсницей Гальшки. Онъ выпытывалъ отъ нея на исповѣди все, что Гальшка ей повѣряла! Такимъ образомъ онъ узналъ и о доставленномъ Зосей письмѣ князя Константина. Это обстоятельство указало ему на необходимость нѣсколько измѣниться въ отношеніи къ Зосѣ. Молодая дѣвушка могла быть очень полезной; но могла и принести большой вредъ, причинить много затрудненій. слѣдовало забрать ее въ руки

совершенно, слѣдовало отнять или купить у нея ея привязанность къ Гальшкѣ..

И вотъ отецъ Антонію началъ ласковѣе глядѣть на духовную дочь свою. Выслушивая ея исповѣдь и благословляя ее, онъ какъ будто забывалъ свою руку на горящей головѣ ея. Иногда въ его глазахъ она замѣчала мѣжность. Обмануть Зося было нетрудно. Она была вполне увѣрена, что ея красота и кокетство подѣйствовали наконецъ на суроваго монаха. Она не только забыла Гальшку и ея интересы—она забыла весь міръ при этомъ сознаніи. Не мало писемъ, переданныхъ ей тайно посланными отъ князя Константина, перешли къ Антонію. Кончилось тѣмъ, что мѣсяца черезъ три, не получая никакой вѣсти отъ Гальшки, Острожскій понялъ, что Зося его обманула и прекратилъ съ ней всякія сношенія. Между тѣмъ Зося все больше и больше сближалась съ Гальшкой, увѣряла ее въ любви своей и выпытывала ея мысли. Скоро она стала внушать ей то же, что и отецъ Антонію. Она краснорѣчиво описывала всѣ прелести жизни въ католическихъ монастыряхъ, увѣряла, что скоро сама пойдетъ въ монастырь, что рѣшила это неизмѣнно..

— Уйдемъ вмѣстѣ въ монастырь, коханая моя *княжна*, сладко говорила Зося, засматривая въ глаза Гальшки. Вѣдь въ русскій православный тебѣ все равно не пустять, да у насъ и не въ примѣръ лучше—а Богъ одинъ, и молимся мы ему одинаково.. Ну чего тебѣ стоять, золото ты мое ненаглядное, хоть для виду одного перейти въ католичество—и магушку свою успокоить, и желанію твоему найдешь исполненіе.. Не упрямясь, голубка моя, не мучь себя понапрасну..

Гальшка строго приказывала ей замолчать и не заводить подобныя рѣчи.

И Зося замолкала, но только до перваго удобнаго случая.

Вдругъ съ ней произошла какая-то перемена. Она стала говорить совсѣмъ другимъ тономъ. Причина такой перемены заключалась въ томъ, что Зося наконецъ убѣдилась въ холодности къ ней Антонію. Онъ не только не сказалъ ей, что ее любитъ, но даже упорно избѣгалъ всякаго рѣшительнаго объясненія. Удивительно скучна и несносна казалась ему эта ластившаяся, нескромная Зося. Онъ еще не предвидѣлъ отъ нея настолько важной услуги, чтобы рѣшиться на нѣжныя отношенія съ нею..

Но онъ жестоко ошибался, не смотря на всю свою хитрость и мудрость. Еслибъ онъ могъ предвидѣть то, что скоро приготовить ему Зося, онъ забылъ бы всю свою къ ней антипатію, забылъ бы свое положеніе, свои обѣты, и былъ бы у ногъ ея, и цѣловалъ бы ея руки, и клялся бы ей въ вѣчной любви и вѣрности..

Мучительная страсть Зоси, разжигаемая сопротивленіемъ Антонію, достигла своего высшаго предѣла. Еслибъ Антонію полюбилъ ее, она сдѣлалась бы его рабой, умерла бы по первому его знаку. Но онъ ее не любитъ, онъ ее обманываетъ, смѣется надъ нею—и въ кипѣвшую страсть стала вливаться дикая ненависть. И Зося подъ конецъ сама не знала—обогаетъ ли она или ненавидитъ Антонію. Когда она замѣчала его ласковый взглядъ, она замирала отъ блаженства, она рвалась къ нему всѣмъ существомъ своимъ. Но вотъ свѣтлый лучъ исчезалъ съ его блѣднаго, таинственнаго лица: онъ можетъ быть самъ того не замѣчая и не желая, дѣлался разсѣянъ, уходилъ въ свои мысли. Отъ него такъ и вѣяло ледянымъ холодомъ на трепещущую въ волненіи Зося.. И отчаянная тоска схватывала ея сердце, порывъ ожесточенной ненависти потрясалъ ее, душила глухая злоба. И вотъ Зося начинала—начала понимать, что все это не просто.. не рассудокъ, не наблюденія, а инстинктъ уязвленнаго сердца выдалъ ей тайну отца Антонію. Онъ любитъ Гальшку! вдругъ открыла Зося, и удивилась этому открытію, и все же, не задумываясь, сразу въ него увѣровала.

„Да, ипаче и бытъ не можетъ! А если такъ, если такъ, — что же дѣлать ей?!“ Сотни плановъ мщенія, одинъ другаго нелѣпѣе и неожиданнѣе, роились въ головѣ ея. Когда она нѣсколько пришла въ себя, то стала видѣть яснѣе. Она безъ затрудненія поняла все, что таилъ въ своихъ мысляхъ Антоніо. Она поняла, что замужество Гальшки будетъ для него жесточайшимъ ударомъ. Она готова бы была теперь хоть цѣною собственной жизни воскресить Сангушку. Но онъ умеръ—

ненависти къ нему, ему не было никакого дѣла. Но разумѣется, слѣдовало постараться расположить въ свою пользу кого нибудь, кто бы имѣлъ вліяніе на Гальшку. Панна Зося, хитрая, ловкая, сговорчивая и очевидно болѣе остальныхъ близкая къ неутѣшной красавицѣ, была совершенно по мыслямъ Гурки. Онъ переговорилъ съ ней наединѣ и сразу убѣдился въ ея согласіи дѣйствовать въ его пользу. Онъ обѣщала ей, въ случаѣ удачи, свою неизмѣнную благодарность, роскошную и

Цено Петковичъ. (Организаторъ многихъ возстаній славянъ противъ турецкаго ига). Съ фотогр. Майкопера, рѣзалъ Марковъ.

и Гальшка должна выйти замужъ за кого бы то ни было.

Зося стала пристальнѣе вглядываться въ постоянныхъ посѣтителей и намѣтила Гурку. Онъ, съ своей стороны, тоже обратилъ вниманіе на молодую дѣвушку. Рѣшеніе во что бы то ни стало жениться на Гальшкѣ было принято имъ неизмѣнно. Ему нужна была очень богатая невѣста. До ея любви, равнодушія или даже

веселую жизнь въ его замкѣ. Но ей вовсе и не нужны были его обѣщанія. Она бы и говорить съ нимъ не стала, если бы не замѣтила, по многимъ признакамъ, его непоколебимую настойчивость завладѣть рукой Гальшки. Она думала только о томъ, какъ бы отплатить хорошенько іезуиту, насладиться его неудачей, его отчаяніемъ...

(Продолженіе будетъ).

БИБЛИОГРАФІЯ.

I. *Баянъ. 150 одноголосныхъ и двухголосныхъ пѣсенъ для дѣтей младшаго и средняго возрастовъ. Въ 2-хъ частяхъ. Составили Г. В. Дольда и А. Р. Фаминцына. Спб. 1876.*

II. *Русскій дѣтскій пѣсенникъ. Собрание пѣсенъ съ народными напѣвами. Сост. Александръ Фаминцынъ. (2 части).*

Нельзя не приветствовать самымъ искреннимъ образомъ появленіе этихъ двухъ сборниковъ. Не говоря о томъ, что народные напѣвы всѣхъ странъ составляютъ интересъ всеобщій, наравнѣ съ народною поэзіею, наше музыкальное образованіе въ народномъ общемъ смыслѣ страдаетъ до сихъ поръ привилегированностью, исключительностью. У насъ укоренилось мнѣніе,

гг. авторы дѣтскихъ сборниковъ составили не исключительно русскій, а такъ сказать, «сравнительный» сборникъ мелодій разныхъ народовъ. Слѣдовательно, автору, этимъ путемъ, удалось избѣжать, съ одной стороны, утомительнаго однообразія, а съ другой—восполнить недостатокъ великороссійскихъ мелодій, напримѣръ, малороссійскими. Изъ нашихъ же народныхъ мелодій авторъ второго сборника, говоря его собственными словами, «имѣлъ въ виду только красивыя народные напѣвы», да и изъ этихъ «красивыхъ» сдѣлалъ тщательную выборку, ни на минуту не упуская изъ виду, что сборникъ составляется для дѣтей. Я имѣлъ въ виду, говоритъ авторъ, сдѣлать сборникъ

Цапля Голиафъ. Рис. Швервилъ, грав. Дидо.

что музыка есть достояніе привилегированнаго класса, обладающаго средствами. По нашему мнѣнію пѣсня—вѣчная подруга всякаго народа, и составляетъ существенный элементъ его духовнаго развитія. Не можемъ не напомнить при этомъ случаи извѣстныхъ словъ поэта:

«О пѣсня, пѣсня! Ты ковчегъ,
Куда народъ во дни печали
Кладетъ свой рыцарскій доспѣхъ
И мечъ, и славныхъ дней свржиалаи.»

«Дѣтскій пѣсенникъ» разсчитанъ на школьное употребленіе. Первые его 60 пѣсенъ (1 часть) поются всѣмъ хоромъ въ *одномъ голосѣ*. Нѣкоторыя написаны для одного высокаго голоса, напримѣръ для сопрано. Нѣкоторыя пѣсни, представляющія разговоръ между двумя лицами (напримѣръ «Дѣтя и птичка») требуютъ исполненія *двумя группами* дѣтскаго хора.

не русскіхъ народныхъ пѣсенъ, но *дѣтскихъ пѣсенъ, основанныхъ на народныхъ напѣвахъ.*

Сборники гг. Фаминцына и Дольда, составленные съ знаніемъ дѣла, вкусомъ, добросовѣстностью, составляютъ дорогое приобрѣтеніе для педагоговъ и родителей, желающихъ дать дѣтямъ музыкальное образованіе. Цѣна же имъ очень дешевая. (1-я часть, наприм.,) объемистой книжки «Баяна» стоитъ 60 коп., а 2-я 80 коп.). «Дѣтскій пѣсенникъ» (тоже 2 части) печатанъ за границей и по типографскому изяществу стоитъ выше «Баяна», хотя цѣна той и другой книжки тоже крайне дешева (1-я часть 35 коп., 2-я 40 коп.).

III Книжка, «Ученіе для дѣтей», Щербинской не безъ пользы и интереса можетъ быть прочитана дѣтьми.

Первый рассказ «Кати» в «Чтении для детей» служить выражением той мысли, что каждый должен избрать себе занятие. Героинею его является крестьянская девочка, Катя. Состояние Кати во время болезни ее матери, за симъ, жизнь послѣ ея смерти въ семействѣ богатой барыни, изображены весьма недурно. Рассказ «Ночь на Ивановъ день», переноситъ насъ въ мѣръ фантастическій. Мальчикъ, наслушавшись дѣдушкиныхъ рассказовъ, уходитъ въ Иванову ночь съ табуномъ въ поле. Тамъ

онъ собираетъ двѣнадцать травъ, срываетъ листь папоротника и садится подъ дубомъ, вполнѣ увѣренный въ томъ, что ему откроются волшебныя тайны, упомянутыя дѣдушкой. Воображение его разыгрывается, ему грезится, что съ нимъ говоритъ вся природа; наконецъ, на утро его будитъ пастухъ, и оказывается, что всѣ чудеса мальчикъ видѣлъ во снѣ. Остальные рассказы менѣе удачны, но нельзя сказать, чтобы они не заслуживали вниманія читателей — дѣтей.

С М Ъ С Ъ

По дѣлу Московскаго Ссуднаго Банка и Струсберга Окружной судъ постановилъ слѣдующій приговоръ: Директоровъ Банка: Полянскаго и Ландау, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Томскую губернію, съ воспрепятствіемъ Ландау отлучки изъ назначеннаго мѣста въ теченіи двухъ лѣтъ и, затѣмъ, выѣзда въ другія губерніи и области Сибири въ теченіи четырехъ лѣтъ. Струсберга, лишивъ тѣхъ же правъ и преимуществъ, выслать за границу, съ воспрепятствіемъ выѣзда въ Россію; если же, по собраннымъ свѣдѣніямъ, окажется, что онъ не можетъ быть принятъ за границу, то сослать его на житье въ Олонецкую губернію, съ воспрепятствіемъ отлучки изъ мѣста ссылки въ теченіи четырехъ лѣтъ. Членовъ совѣта Банка: Шумагера, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, заключить въ тюрьму на мѣсяць; Борисовскаго, лишивъ того же, сослать на житье въ Олонецкую губернію, съ воспрепятствіемъ отлучки изъ мѣста жительства въ теченіи одного года. Въ удовлетвореніе гражданскихъ исцовъ судомъ признана взаимная отвѣтственность членовъ совѣта.

Работы по сооруженію російскихъ желѣзныхъ дорогъ. О ходѣ работъ по сооруженію новыхъ російскихъ желѣзнодорожныхъ линій получены слѣдующія извѣстія:

Привислянская жел. дорога окончила VIII вѣтвь отъ Ивангорода до Лукова. Въ близкомъ будущемъ откроется движеніе по этой дорогѣ. На прочихъ 7 вѣтвяхъ уже выполнено 75 проц. земляныхъ работъ и построено нѣсколько малыхъ мостовъ, а также окончена почти половина большихъ сооружений. Рельсовъ проложено на протяженіи 256 верстъ. Наготовѣ стоитъ 20 Борзискихъ и 20 русскихъ локомотивовъ, товарныхъ вагоновъ — 873. Большіе мосты черезъ Вкру, Нарову, Вепршъ и Бугъ еще не готовы; тамъ погружаются кессоны. Всѣ работы по постройкѣ мостовъ предполагается окончить къ концу 1877 г.

Уральская горная дорога, вслѣдствіе неблагоприятнаго положенія поверхности почвы, встрѣчаетъ множество препятствій, такъ что земляныя работы мало подвинулись впередъ, за то большія станціонныя постройки идутъ успѣшно; такъ станція „Пермь“ готова вчернѣ. Доставка рельсовъ и прочихъ матеріаловъ производится по Волгѣ довольно быстро, аккуратно, но объ окончаніи этой дороги ранѣе 1878 г. нечего и думать.

Фатовская дорога почти окончена; составъ служащихъ эксплоатации уже опредѣленъ и мѣста заняты (начальникъ экспло-

атации инженеръ Ганъ). Въ скоромъ времени послѣдуетъ открытіе движенія.

Рижско-Тукумская дорога тоже почти готова и къ концу текущего года будетъ открыта.

На *Оренбургской* дорогѣ къ 1-му сентября были окончены всѣ земляныя работы и сооружения; не готовъ только мостъ черезъ Волгу. Рельсы у станцій и на протяженіи всего пути уже положены; телеграфъ работаетъ вездѣ; окончена и постройка зданій; остались кое-какія мелкія работы. На готовѣ 77 локомотивовъ и 1060 товарныхъ вагоновъ. Водопроводы на пути между Самарой и Оренбургомъ совершенно окончены, а между Самарой и Сызранью еще не совсемъ готовы. Мостъ черезъ Волгу будетъ отстроенъ не ранѣе 1879 г. — Остальные дороги: *Дерптско-Танская* (107) верстъ) и *Мерефо-Ворожбынская* (223 в.) строятся; первая изъ нихъ — обществомъ Балтійской дороги, вторая — Харьковско-Николаевской жел. дорогой. Обѣ откроются въ будущемъ году.

Одесская жел. дорога все еще не можетъ справиться съ Корнешти-Прутскимъ мостомъ, а ему слѣдовало-бы быть готовымъ еще въ 1872 г. — Совершенно неосновательно сдѣланъ обходъ тоннеля у Пирлицы, что повело къ неудачнымъ сооружениямъ исполнскихъ дамбъ, а именно: для того, чтобы наполнить одну только дамбу емкостью въ 6,700 куб. саж. потребовалось уже 40,000 куб. саж. насыпнаго матеріала — и все понапрасну. Такое замедленіе относительно соединенія Одесской дороги съ линіями Румынской повело къ тому, что хлѣбные транспорты изъ южной Россіи должны идти черезъ Кенигсбергъ, поэтому алціи Одесской дороги упали съ 102 руб. на 33 р.

Въ Финляндіи, послѣ открытія Або-Таммерфорск.—Тавастгустской жел. дороги, новыхъ линій не прокладывается.

Предварительныя работы по постройкѣ Сибирской дороги, послѣ окончательнаго выбора линіи южнаго направленія, идутъ весьма успѣшно. Путь идетъ отъ Нижняго-Новгорода вдоль сѣвернаго берега Волги къ Казани (420 в.); отъ Казани дорога пойдетъ или по правому берегу Камы до Никола-Березовскаго становища (377 в.), или по лѣвому берегу ея до того-же пункта черезъ Чистополь и Мензелинскъ (422 в.) и, затѣмъ, отъ Никола-Березовска до Екатеринбургa (455 в.), а оттуда до Артамоновскаго становища на Тоболѣ (450 в.), такъ, что все протяженіе дороги будетъ 1,657 в. или 1,702 в., смотря потому, по правому или лѣвому берегу Камы пойдетъ желѣзнодорожный путь.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Сербское знамя,

Отправленное въ армію генерала Черняева знамя (см. смѣсь въ № 36 «Нивы»), рисунокъ котораго здѣсь помѣщенъ, сдѣлано по образцу той хоругви, предъ которой молился Димитрій Донской на Куликовомъ полѣ, изъ черной шелковой ткани, посрединѣ его — нерукотворенный образъ Спасителя; оно утверждено на красномъ древкѣ, увѣнчанномъ сіяющимъ золотымъ крестомъ. По краямъ знамени вышиты золотомъ слова псалма: «*Богъ нашъ приближился и сила*»; при основаніи раздвоенныхъ крыльевъ знамени вышиты слова молитвы: «*Да воскреснетъ Богъ*». На бантѣ знамени изъ сербскихъ національныхъ цвѣтовъ слѣдующая вышитая золотомъ надпись: «отъ русскихъ людей славянскому воинству?»

На одну минутку.

Кто эта дѣвушка? А это не болѣе, какъ жалкая, оборванная цыганская дѣвушка; зовутъ ее Ниникой. У Ниники, какъ и у каждаго члена цыганскаго табора, есть свое ремесло, свой заработокъ. Она — маляръ; она занимается красивымъ дѣломъ, т. е. бѣлить стѣны крестьянскихъ домиковъ, окрашиваетъ красной краской придорожные креслы, а потолокъ въ кухняхъ, надъ очагомъ, — замазываетъ черной. Работы вообще у нея малявато, но за то передъ Пасхой — о, дѣла Ниники — маляра процвѣтаютъ. Вѣдь всякому хочется обновить, подкрасить свое жилище, чтобы и окружающее соответствовало праздничному костюму. И вотъ, Нинику зовутъ, и она бѣжитъ на зовъ, захвативъ краску и кисти. Въ такое горячее время бѣдная дѣвушка особенно бываетъ грязна и жалка на видъ... Но что же дѣлать? Куски хлѣба вѣдь не падаютъ съ неба!... Ниникѣ всего-то 20 лѣтъ, а уже

сердце ея занято: она уже любитъ... Впрочемъ, у цыганъ чувство это развивается рано, такъ что хорошо еще, что въ эту пору она можетъ любить. Да, и Ниника безъ памяти влюблена въ Пети. Чтобы повидѣться съ нимъ — она бѣжитъ за нѣсколько верстъ, не жалѣя ногъ, не обращая вниманія на репейникъ и острые камни; чтобъ свидѣться съ «милымъ», она работаетъ вдвое усерднѣе самаго прилежнаго труженика, спѣшитъ окончить пораньше работу и до ночи добраться до мѣстечка, гдѣ чернокудрый Пети возится съ мѣдными котлами. Вотъ сегодня Ниникѣ удалось засвѣтло пошашить, да ужъ и поработала-же она, какъ лошадь, безъ передышки. Теперь она бѣжитъ какимъ-то пустыремъ, черезъ холмистую мѣстность, туда — къ другу милому, Пети. Сердце ея далеко впереди, оно летитъ на встрѣчу «къ нему»; быстрыя, сильные ноги не поспѣваютъ за нимъ. Э, что же это такое? Глазамъ не вѣрится! Да, Ниника вдругъ остановилась... Бездна разверзлась у ея ногъ или на волна нагнулась она?... Статочное-ли дѣло терять золотое время — и кому же? — такой пылковлюбленной, неперпѣливой дѣвушкѣ?... А Ниника опускается на камень (корзина и кисти уже брошены), вынимаетъ поспѣшно трубочку, табакъ, спички и — закуриваетъ. Съ трубочкой въ зубахъ побѣжитъ она дальше, ноги понесутъ ее еще быстрѣе туда, къ возлюбленному. Табакъ — единственная вещь на свѣтѣ, которая могла приостановить на минутку бѣгъ Ниники!... «Только на одну минутку!» Молодое сердце еще беретъ верхъ надъ табакомъ, а черезъ годъ или два, быть можетъ, десятокъ чернокудрыхъ Пети уже будетъ не въ состояніи удержать Нинику, если она только завидитъ табачную лавочку. Въ этомъ — евольномъ порывѣ удовлетворить желаніе *покурить* сказывается вся натура цыганки — дѣвушки, которую Вастагъ, первѣйшій живописецъ Зибенбургена и первоклассный художникъ современной Венгріи, изобразилъ на полотнѣ.

Цеко Петковичъ.

Въ народныхъ возстаніяхъ противъ чужеземнаго ига и въ борьбѣ за національную независимость проявляются дѣятели двоякаго рода: одни изъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаиваютъ свободу и честь своего племени; другіе служатъ своему отечеству какъ организаторы, какъ люди, умѣющіе вліять на народную массу, возбуждая въ ней патриотизмъ и ожесточеніе противъ ненавистныхъ притѣснителей.

Цеко Петковичъ, портретъ котораго помѣщенъ въ настоящемъ № «Нивы»; принадлежитъ къ числу послѣднихъ; его организаторскій талантъ и доблестная дѣятельность въ дѣлѣ болгарскаго освобожденія, давно заслужили ему признательность его соотечественниковъ, между которыми имя его пользуется огромной популярностью.

Цеко Петковичъ родился въ Дожь-Паланкѣ, небольшомъ мѣстечкѣ, лежащемъ на Дунаѣ близъ Виддина. Цеко принималъ горячее участіе въ болгарскомъ возстаніи 1851 года, вспыхнувшимъ въслѣдствіе поборовъ турецкихъ чиновниковъ, спагивевъ и Виддинскаго епископа, родомъ грека.

Въ началѣ турки старались подавить возстаніе обѣщаніемъ различныхъ льготъ, какъ-то: выбора епископа изъ болгаръ, пониженія дани, полной равноправности и, при обязательствахъ платитъ подать, устройство особаго болгарскаго княжества подъ управленіемъ Степана Вогорида, сынъ котораго и понинѣ состоитъ турецкимъ посланникомъ въ Вѣнѣ. Но всѣ эти льготы и реформы остались безо всякаго исполненія, когда наводнили страну турецкія войска, низамъ, арнауты и баша-бузукы, подавившіе возстаніе послѣ страшной бойни при Грцахъ и Владиновицахъ. Цеко, разочаровавшійся въ своихъ планахъ, убѣжалъ въ Сербію. Когда же въ 1851 году вспыхнула Крымская война, и русскіе, занявъ Валахію, приблизились къ самымъ границамъ Сербіи, онъ немедленно организовалъ болгарскій легіонъ, который, къ сожалѣнію, частію погибъ, частію разошелся, при поспѣшномъ отступленіи русскихъ войскъ изъ Валахіи. Большая часть болгарскихъ поселенцевъ, служившихъ въ легіонѣ, или имѣвшихъ какія-либо сношенія съ русскими или Петковичемъ, должны были прискочить себѣ болѣе безопасное убѣжище и переселились въ Россію.

Послѣ Крымской войны надежды несчастныхъ райевъ на русскую помощь сильно повысились. 16 февраля 1856 г., султанъ, по инициативѣ западныхъ державъ, объявилъ пресловутый Гатти-гулатонъ, которымъ было много обѣщано въ отношеніи религіознаго и національнаго равенства христіанъ съ его магометанскими подданными. Но исключая нѣкоторыхъ незначительныхъ реформъ, турецкое правительство ничего не дало своимъ болгарскимъ райямъ, а еще болѣе усилило ихъ страданія, переселивъ въ 1864 году въ ихъ среду черкесовъ съ Кавказа и отвѣди имъ мѣсто для поселенія на Балканахъ, Дунаѣ и преимущественно на сербской границѣ, чтобъ онъ вкупѣ съ албанцами образовали родъ живой стѣны между болгарами и сербами. Немудрено что Цеко, проживавшій въ это время то въ Крагуевацѣ, то въ Бѣградѣ, не могъ оставаться равнодушнымъ при такомъ несчастномъ положеніи своей родины и принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ покушеніяхъ, направленныхъ къ тому, чтобы свергнуть ненавистное иго.

Такъ въ 1866 году, когда возстаніе кандіотовъ и румынскія событія возбудили между болгарами революціонное движеніе, онъ участвовалъ въ снаряженіи отряда гайдуковъ, посланныхъ на Балканы изъ Сербіи и Валахіи. Всѣ эти воинственные попытки болгарскихъ патриотовъ (а въ томъ числѣ и Цеко Петковича) увлеченныхъ мечтою создать въ Сербіи свободное, юго-славянское, федеративное государство, окончились полнѣйшей неудачей. Малочисленные отряды гайдуковъ, посылаемые нѣсколько разъ на Балканы, болѣею частью погибали, принужденные почти на каждомъ шагѣ вступать въ неравный бой съ низамомъ, баша-бузуками и черкесами. Но эти невзгоды не могли поколебать энергію такого пламеннаго патриота, какъ Цеко, и въ послѣднее время онъ снова является какъ участникомъ въ подготовленіи болгарскаго возстанія сражается въ рядахъ сербскаго войска при Зайчарѣ и Бѣлой Па-

ланкѣ и наконецъ пробирается по Балканамъ до самой Берковицы; но здѣсь недостатковъ въ съѣстныхъ припасахъ и порохѣ, а также наступленіе ненастнаго и холоднаго времени заставляютъ его воротиться обратно въ Сербію.

Дай то Богъ, чтобы доблестный Цеко Петковичъ могъ увидѣть, что труды его были не напрасны, и что несчастная его родина, благодаря усиліямъ какъ его, такъ и другихъ подобныхъ ему патриотовъ, достигнетъ болѣе счастливой будущности.

А. Н.

Цапля Голіафъ.

Между животными, также какъ и между людьми, попадаются особи непривлекательныя въ нравственномъ отношеніи или, какъ говорятъ, «дурного нрава». Вотъ къ такимъ-то могутъ быть причислены всѣ вообще цапли, а въ особенности цапля *Galliaфъ*. Она—уроженка Абисиніи, слѣдовательно—дикарка, тварь достаточно свирѣпая. Два экземпляра этихъ цапель были наблюдаемы въ саду акклиматизаціи (въ Булонскомъ лѣсу); результаты наблюденій такой: обѣ птицы не обнаруживали чувства доброты, и кротости не было въ нихъ; физически онѣ очень сильны, такъ что на свободѣ врагамъ ихъ бываетъ плохо. Голова цапли Голіафа покрыта каштановаго цвѣта подвижными перьями, которыя она беспрестанно поднимаетъ; взглядъ у нея угрюмый, непріятно-пристальный, злой, какъ вообще у всѣхъ птицъ этой породы. Голіафъ всегда держитъ клювъ наготовѣ, какъ бы ожидая нападенія; зачастую стоитъ онъ на одной ногѣ. Хорошій взрослый самецъ достигаетъ вышины 18—19 вершковъ. Перья на груди у него сѣрыя, испещренные крапинками бѣловатаго и свѣтлобураго цвѣта; спина горбатая и вся фигура вообще неуклюжа. Животное это почти безостановочно щелкаетъ своимъ клювомъ, который для него составляетъ великолѣпное оружіе, какъ страшный штыкъ для пѣхотинца. Нелестные отзывы объ этой птицѣ подтверждаются многими фактами. Такъ, напр., въ Булонскомъ саду акклиматизаціи былъ такой случай: какой-то господинъ уѣхалъ на скамейкѣ около загородки, за которой расхаживала цапля Голіафъ. Господинъ этотъ, сѣдя спиною къ Голіафу, углубился въ чтеніе газеты. Темная неподвижная фигура посѣтителя на скамейкѣ не понравилась, повидимому цаплѣ, и вотъ она, осторожно просунувъ голову въ одно изъ широкихъ отверстій проволочной рѣшетки, вытанула длинную свою шею, прицѣлилась и такъ ударила клювомъ въ спину-гостя политика, что его пальто, сюртукъ, жилетъ и рубашка оказались пробитыми—и на тѣлѣ ссадина. Послѣ этого случая проволочная рѣшетка, конечно, была сдѣлана съ болѣе густымъ переплетомъ. Многія изъ хищныхъ, свирѣпыхъ звѣрей, очутившись въ клѣткѣ звѣрица, привыкаютъ къ своему надсмотрщикамъ, даже относятся къ нимъ дружелюбно, но цапля Голіафъ, при видѣ сторожа, приходитъ въ ярость, такъ что новичку, человѣку постороннему плохо бы пришлось, если бы онъ попалъ въ гости къ цаплѣ Голіафу. Не въ одной Абисиніи водятся цапли, способныя защищаться и даже нападать. Одинъ охотникъ спугнулъ цаплю и ударомъ ружья довольно далеко отбросилъ ее. Поднявшись, птица неуклюже, но быстро заковыляла по луку, тогда другой охотникъ, съ собакой своей, погнался за нею. При видѣ враговъ, цапля навзначь опрокинулась на землю, расправила когти, подняла клювъ и стала страшно ворочать глазами, ожидая нападенія. Храбрая собака сейчасъ же бросилась на птицу и, въ то же мгновеніе съ визгомъ отскочила, получивъ сильный ударъ клювомъ, какъ бы остриемъ шпаги; кровь брызнула изъ раны. Охотники палками добили разъяренную цаплю, которая имѣла намѣреніе броситься и на нихъ.

Много надо ловкости и терпѣнія, чтобы приучить цаплю жить въ неволѣ, а особенно Голіафа, непривычнаго къ нашему климату. Пойманная цапля обыкновенно упорно отказывается отъ даровой пищи, даже и тогда, если сильно вложить ей кусокъ въ клювъ. Свойственная этой птицѣ меланхолія увеличивается, наступая полнѣйшая азіатія, цапля видимо чахнетъ отъ тоски и, черезъ недѣлю или двѣ, умираетъ тихо, безъ стога, какъ бы не сожалѣя о погибшей своей жизни.

Политическое обозрѣніе.

Всеобщѣйшіе адреса, уже поднесенные Государю Императору въ древней и новой столицѣ выражаютъ готовность всѣхъ сословій на жертвы, если война дѣйствительно начнется. Въ виду теперь уже прямо и ясно поставленнаго вопроса о войнѣ, нѣкоторые заграничные капиталисты сдѣлали Россіи предложенія о вѣнженіи займъ, но эти предложенія были отвергнуты министрамъ финансовъ, какъ несогласныя съ достоинствомъ кредита такой державы, какъ Россія. Общее мнѣніе теперь—то, что деньги для веденія войны найдутся внутри Россіи. Говорятъ, наиримѣръ, объ установленіи новыхъ налоговъ, которыя, конечно, будутъ охотно вноситься всѣми сословіями.

Россія, во всякомъ случаѣ, предетитъ испытаніе. Что она готова къ этому испытанію—доказывается тѣмъ, что она три мѣсяца сряду посылала лучшихъ сыновъ своихъ на поле брани, и русская кровь уже успѣла въ изобиліи обогатить поля битвы

за свободу нашихъ братьевъ.

По вопросу о предполагающейся въ Константинополѣ конференціи изъ представителей 6-ти великихъ державъ. Порта еще до сихъ поръ не дала своего отвѣта. Она считаетъ конференцію униженіемъ для себя. Возраженіе противъ конференціи Порты послала не только Англія, но и другія европейскія державы. Въ случаѣ если конференція состоится, Англія пошлетъ своимъ уполномоченнымъ маркиза Салисбери, Германія, судя по извѣстіямъ изъ Парижа, также офиціально присоединяется къ конференціи, и первое конференціонное засѣданіе, какъ утверждаютъ, состоится 4 декабря (по нов. стилю). Въ виду важности предстоящихъ событій, лордъ Виконсильдъ (Дизраэли) внезапно приглашенъ изъ своего обычнаго мѣстопробыванія, Бирмингема, въ Лондонъ, для «обсужденія положенія дѣлъ».

Въ началѣ прошлой недѣли когда отношенія великихъ дер-

жавъ къ восточному вопросу и грядущему его рѣшенію еще представлялись далеко не ласканы, Англія неожиданно, въ лицѣ своего премьера, Дизраэли, высказала свои воззрѣнія на дѣла Востока въ рьяно-турковильскомъ смыслѣ, въ смыслѣ пресловутаго сохранения принципа независимости и территориальной цѣлости Турціи. Рѣчь свою Дизраэли произнесъ на «банкетѣ, данномъ въ честь лорда Мэра. Рѣчь англійскаго премьера до того искусна, что уже граничитъ съ безтактностью,—крайности сходятся. Осторожные и буржуазныя лондонскія газеты «Times» и «Daily News» рѣшительно не одобряютъ этой рѣчи. Главное, что придаетъ Дизраэлевской рѣчи особый колоритъ — это намекъ на какое-то правое «дѣло» за которое во всеоруженіи постоитъ Англія, пока это «правое дѣло» не восторжествуетъ. Это правое дѣло—цѣлость турецкой Имперіи и гарантіи противъ завоевательныхъ стремленій Россіи на Востокъ, взятіе Константинополя и даже завоеваніе Индіи (!). Говорится также объ уваженіи къ трактатамъ (т. е. о парижскомъ трактатѣ, заключенномъ послѣ крымской войны). Высказывается, далѣе тонкій комплиментъ графу Андрани, за его знаменитую ноту; намекается на причины, почему Англія не могла присоединиться къ берлинскому меморандуму — эти причины опять таки состоятъ въ нѣжномъ опасеніи по поводу носительствъ на не прикосновенность турецкой территоріи! Вѣякому, однакожъ, понятно что лордъ Биконсфильдъ не сталъ бы такъ тщательно отряхивать пылъ съ архивныхъ трактатовъ, утратившихъ теперь свое значеніе—если бы эти трактаты не были выгодны для Англіи и ея традиціонной политики, унаследованной съ крымской войны. Теперь считаютъ очевиднымъ что Турція ободрена рѣзкими воинственнымъ голосомъ Англіи, и дастъ отвѣтъ на циркулярную депешу нашего Государственного Канцлера подъ диктовку Англіи и ея премьеръ-министра.

Кардиналь Антонелли 25 + Окт. 1876 г. стар. ст. *)

Замѣчательно, что въ самый день произнесенія англійскимъ премьеръ-министромъ рѣчи, турецкій посоль въ Лондонѣ Музуръ-паша получилъ отъ Порты приказаніе заявить С. Джемскому кабинету, что Турція *высказывается противъ конференціи*, и что она *убѣдительно проситъ Англію взять назадъ свое предложеніе и, вмѣсто его формулировать какую либо программу мира*. Но уже можно предвидѣть, на какихъ основаніяхъ Англія выработаетъ эту мирную программу.

Вопросъ, такимъ образомъ, въ настоящемъ видѣ представляется нѣчто вродѣ бѣличьяго колеса. Трактаты, цѣлость Порты

автономія балканскихъ христіанъ и т. д. все подобныя пустые звуки.

Изъ Сербіи есть извѣстія, что сербскій военный министръ полковникъ Николитчъ, подалъ въ отставку, которая и принята княземъ. На мѣсто его назначенъ военнымъ министромъ начальникъ сербской артиллеріи Тиможеко-Моравской арміи, полковникъ Савва Груичъ. Сначала прошлой недѣли много говорили о министерскомъ кризисѣ въ Сербіи; но кризисъ уже устраненъ.

Но между тѣмъ, какъ комиссія хлопочетъ объ установленіи демаркаціонной линіи, на западной границѣ Босніи и Герцеговины продолжаютъ практиковаться турецкія варварства. Тамъ три батальона турецкихъ войскъ изъ Гламоча *продолжаютъ избивать христіанъ и производятъ грабежи* въ Унацѣ. Это въ то время когда лордъ Биконсфильдъ чысказываетъ нѣжную заботливость о неприкосновенности Османской Имперіи... Это варварство турокъ, вызвало предводителя боснійскихъ отрядовъ, Деспотовича, къ оборонительнымъ дѣйствіямъ. Онъ теперь двинулся изъ Розановца, по направленію къ Грахову полю.

Мобилизація нашихъ войскъ на югъ Россіи теперь приняла, повидимому, полный ходъ. Товарныя и пассажирскія движенія на большей части нашихъ южныхъ дорогъ прекращены. Войска успѣшно отправляются къ мѣсту своего назначенія.

Главнокомандующій дѣйствующей арміей, Его Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій отпиривается въ Кишиневъ 11-го сего ноября.

Вскорѣ по всей вѣроятности произойдутъ важныя и рѣшительныя событія.

*) Биографія кардинала Антонелли за недостаткомъ мѣста отложена до слѣдующаго номера.

СОДЕРЖАНІЕ: Въ Константинополь (Изъ путевыхъ записокъ К. Л.) (съ 6-ю рисунками).—Нулковская битва (съ рисункомъ).—Книжка Острожская. Историческая новелла Вс. С. Соловьева. (Часть 2-я). Продолженіе.—Биографія. — Сибирь.—Сербское знамя (съ рисункомъ).—На одну минутку (съ рисункомъ).—Цено Петровичъ (съ рисункомъ). А. Н.—Цапля Галиафъ (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе.—Заявленіе.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

При этомъ № нашего журнала мы прилагаемъ большое объявленіе о подпискѣ на «Ниву» въ 1877 году. Это объявленіе заключаетъ въ себѣ образцы гравюръ, помѣщаемыхъ въ нашемъ журналѣ и указанія на тѣ цѣли, какія въ теченіи семилѣтняго своего существованія преслѣдуетъ журналъ, стремящійся къ доставленію читателямъ интереснаго и полезнаго чтенія. Но такъ какъ наши постоянные читатели конечно знакомы достаточно съ направлениемъ и статьями «Нивы», то мы покорнѣе ихъ просимъ распространять въ окружающей ихъ средѣ прилагаемыя объявленія о подпискѣ на «Ниву» въ 1877 году и способствовать такимъ образомъ ознакомленію публики съ цѣлью и способомъ веденія нашего журнала, предназначеннаго для семейнаго чтенія и въ теченіи семи лѣтъ прилагающаго значительныя усилія для выполнения этой задачи.

Кромѣ того предлагаемъ обратить вниманіе на наши изданія, перечисленные въ томъ же объявленіи, которыя мы для нашихъ подписчиковъ отдаемъ съ значительною уступкою.

ВЫШЛА НОВАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КНИГА: Спиронный и постный столъ.

Руководство для приготовления 2.800 блюдъ, начиная съ самыхъ изысканныхъ до самыхъ простыхъ, разныхъ печеній, хлѣбовъ, вареній, наливокъ, и приготовленія запасовъ въ прокъ.

Съ 20-ю раскрашенными рисунками всѣхъ частей быка и теленка, снятыми съ натурн и сопровождаемыми подробнымъ описаніемъ употребленія каждаго куска мяса; какъ и съ средствъ указаніемъ для сбереженія припасовъ и исправленія непопорченныхъ—при чемъ находятся также реестры порядка обѣдовъ, съ нѣкоторыми примѣрами, раздѣляемыхъ на 3 главныя разряда.

Составлено и издано О. Павловской.

Рисунки исполнены художникомъ П. Борелемъ. Текстъ состоитъ изъ 45 печатныхъ листовъ. Цѣна 4 руб.
Продается книга въ С.-Петербургѣ въ всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, а въ Москвѣ у г. в. книгопродавцевъ Мамонтова, Соловьева и Салаевыхъ.
Складъ изданій въ С.-Петербургѣ, по Офицерской улицѣ, домъ № 16, квар. № 9 и въ книжномъ магазинѣ г. Мамонтова на Невскомъ проспектѣ д. № 46.

За пересылку ничего не платится, исключая въ—Сибирь и Кавказъ, за 4 фунта.

Одобренная Министерствомъ Нар. Просвѣщенія; «какъ классное пособіе, полезное не только для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей.» Бухгалтерія по двойной системѣ. 2 части (520 стр.) съ 6 листами чертежей и таблицъ. Сост. О. Журова. М. 1874. Ц. 3 р. съ перес. Адресъ: «Въ с. Тейково, Влад. губ., О. Г. Журову. Тамъ же Кратная Бухгалтерія (68 стр.) О. Журова. М. 1875. Ц. 25 в. съ перес.

При этомъ № предлагается для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ объявленіе о подпискѣ на журналъ «Нива» 1877 г. и перейдетъ курянтъ торговаго дома Германа Корпуса въ С.-Петербургѣ,—и для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ фабрики ронлей Я. Беккера въ С.-Петербургѣ.

ПАРОВОЙ РУЧНОЙ АППАРАТЪ.

Для истребленія насѣкомыхъ вообще и клоповъ въ особенности, во всѣхъ мѣстахъ ихъ нахожденія—примѣненіемъ пара. Громадный спросъ на аппараты дозволяетъ мнѣ смѣло рекомендовать каждому «Ручной паровой аппаратъ» какъ самое вѣрное средство для уничтоженія насѣкомыхъ, скоро, безъ запаха, и не пакая вещей и обоевъ. Цѣна съ пересылкою 2 руб. Магазины А. Штейнбергъ, Невскій просп., д. Казанскаго собора, № 25. № 72.

!!Гг. Иногороднымъ для Елены!!

Получено въ громаднѣе выборѣ елочныя принадлежности какъ-то: всевозможныхъ сортовъ бонбоньерки, картонажи, украшенія, костюмы, хлопуши, а также бенгальскихъ огней, зажигаемыхъ нитокъ, бѣлыхъ и цвѣтныхъ свѣчей, лучшія французскія конфеты и шоколадъ.

Предлагая гг. иногороднымъ свои услуги, прошу при этомъ обязательно писать, для сколькихъ дѣтей, какого возраста, мальчиковъ или дѣвочекъ и проч. чтобы имѣть возможность выслать вещи полезныя, забавныя и практичныя. Цѣна съ пересылкою полнаго собранія украшеній съ бонбоньерками, свѣчами, подсвѣчниками и проч. въ 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 руб. и дороже.

Также получено въ числѣ самыхъ полезныхъ подарковъ для дамъ: большая партия отличныхъ французскихъ перчатокъ: лайковыхъ, замшевыхъ, шведскихъ и проч. извѣстныхъ ящичи французской и китайской работи съ 6—12 парами перчатокъ отъ 7, 10, 15, 20 до 50 руб.

Магазинъ А. Штейнберга Невскій пр. д. Казанскаго Собора № 25.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 47

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 22 Ноября 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕНЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1877 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины Р. Гр. Соловьева, А. Ламъ и А. Живарова	4 р. 50 к.
И. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Въ виду того, что приготовленіе около 18.000 печатныхъ адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ потребуетъ много времени, мы просимъ покорнѣе гг. иногородныхъ подписчиковъ возобновлять подписку на 1877 годъ заблаговременно.

Подписка на 1876 г. продолжается и каждый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1876 г. номера и премію.

Э. Скайлеръ, Американскій генеральный консулъ въ Константинополь.

Родъ Скайлеровъ очень древній, давшій заатлантической республикѣ много патріотовъ и государственныхъ людей, игравшихъ важную роль въ социальныхъ политическихъ и колониальныхъ движеніяхъ, которыми такъ обильна исторія Соединенныхъ Штатовъ. Въ юности Скайлеръ съ особеннымъ усердіемъ изучалъ международное право, а также древніе и новыя языки. Затѣмъ, получилъ степень доктора философіи и посвятилъ себя адвокатурѣ. Но адвокатская дѣятельность вскорѣ смѣнилась дипломатическою.

Первымъ важнымъ дипломатическимъ назначеніемъ Скайлера было назначеніе консуломъ Соединенныхъ Штатовъ въ Москву, въ 1876 г. На этомъ постѣ Скайлеръ пробылъ три года, за тѣмъ сдѣлавъ секретаремъ американскаго посольства въ Петербургѣ. На этомъ постѣ оставался до настоящаго года; онъ сопровождалъ также нашу экспедицію въ Хиву — и плодомъ этого было двухтомное сочиненіе о Туркестанѣ.

Въ настоящемъ году въ качествѣ генеральнаго консула Соединенныхъ Штатовъ Скайлеру суждено играть важную и благо-

Э. Скайлеръ, Американскій генеральный консулъ въ Константинополь. Съ фотогр. рѣзалъ Боярекій.

родную роль — разобличителя турецкихъ звѣрствъ въ Болгаріи, дѣятельнаго члена специальной коммисіи, назначенной для изслѣдованія «болгарскаго избиенія».

Скайлеръ воспользовался своими полномочіями генеральнаго консула и горячо содѣйствовалъ изслѣдованію. Составленъ былъ планъ путешествія по Болгаріи, къ югу отъ рѣки Марицы отъ Татаръ-Базарджика до Батака. Раскаленные скалы, недвижный знойный воздухъ, извилистыя тропинки, которыя не стоитъ называть дорогами — такъ онъ первобытенъ. Вотъ гдѣ лежалъ путь мужественному, честному Скайлеру и его товарищамъ.

Одинъ изъ спутниковъ Скайлера, г. Бэрингъ, нѣсколько разъ заболѣвалъ отъ нестерпимаго солнечнаго зноя, но Скайлеръ, самъ едва выносившій тяжесть пути, своимъ примѣромъ ободрялъ товарищей. Всѣ эти затрудненія можно было бы вынести, говорить одинъ изъ спутниковъ Скайлера, — только вотъ что вскорѣ сдѣлалось для насъ невыносимымъ: раздражающіе крики отчаянія, раздававшіеся въ дымящихся селеніяхъ. Толпы женщинъ

и дѣтей, безпомощныя, трепещущія, безпріютныя, голодныя. Свѣдѣнія о турецкихъ звѣрствахъ, добытыя Скайлеромъ, составляютъ результатъ дѣятельности всей коммисіи и содержатся въ двухъ объемистыхъ томахъ съ рисунками. Эта книга появилась, говорятъ, уже и въ петербургскихъ иностранныхъ книжныхъ магазинахъ. Правда, 21 рубль за два тома—цѣна, для большинства недоступная, но нѣтъ сомнѣній, что книга, въ виду громаднаго интереса и достоинства изслѣдованія, найдется, конечно, своей читателямъ.

Результаты своего путешествія въ Хиву, г. Скайлеръ, сопровождавшій наши войска въ этомъ походѣ, изложилъ тоже въ 2-хъ объемистыхъ великолѣпно изданныхъ томахъ, съ прекрасными рисунками.

Какъ и изслѣдованія о турецкихъ звѣрствахъ, книга Скайлера о Туркестанѣ, не особенно доступна по цѣнѣ, (цѣна тоже 20 рублей). Но она, по нашему мнѣнію, должна быть настольною книгою всякаго интересующагося нашими дѣлами въ Средней Азій.

Замѣтимъ теперь, въ заключеніе, что Э. Скайлеръ одинъ изъ

тѣхъ просвѣщенныхъ американцевъ, которые горячо интересуются внутреннею жизнью Россіи, нашимъ духовнымъ развитіемъ, нашею литературою. Скайлеръ перевелъ на свой родной языкъ извѣстную повѣсть Тургенева «Отцы и дѣти», показавшую ему весьма вѣрнымъ изображеніемъ нашей семейной, общественной и социальной жизни. Затѣмъ онъ крайне интересовался бытомъ, матеріальнымъ и духовнымъ развитіемъ и литературою финновъ; перевелъ «Калевалу» финскаго поэта Вайнемайнена, эту «Чухонскую» Илиаду, имѣющую, говоря безъ шутокъ, первоклассныя красоты, потому что Вайнемайненъ—самобытный финскій геній, воспользовавшійся сокровищами своего родного языка съ такимъ же блестящимъ успѣхомъ, съ какимъ Гомеръ или авторъ «Нибелунговъ» воспользовались сокровищами языковъ древне-греческаго и древне-германскаго. Судить о достоинствѣ перевода Скайлера съ финскаго представляется, конечно, специалистамъ, но самый фактъ перевода «Калевалы» обнаруживаетъ въ Скайлерѣ весьма многостороннюю образованность.

М. С.

О ЧЕМЪ ПОВѢСТВУЮТЪ РАЗВАЛИНЫ АССИРИИ И ВАВИЛОНА.

«Ниневія будетъ Помпеею Малой Азій, неисчерпаемымъ, богатымъ мѣстомъ раскопокъ для нашихъ потомковъ (и, вѣроятно, въ самомъ близкомъ будущемъ). Среди этихъ потомковъ, найдется свой Шамполонъ—толкователь ассирійскихъ надписей»—такъ сказалъ Нибуръ въ 1829 г., и предсказаніе этого знаменитаго ученаго сбылось буквально. Ниневія дѣйствительно сдѣлалась второй Помпеей: она возстала изъ пепла и развалинъ, а французъ Шамполонъ, разобравшій египетскіе иероглифы, нашелъ себѣ преемника въ лицѣ Г. Смига, англичанина, около котораго группируются теперь всѣ ассиріологи, изслѣдователи древностей въ Азій.

До Нибура, когда еще вышеприведеннаго предсказанія не было, Ассирія была извѣстна лишь по немногимъ указаніямъ Библии и разсказамъ, болѣе или менѣе достовернымъ, греческихъ писателей, а затѣмъ начались тамъ ученые изслѣдованія, и вотъ только нашимъ современникамъ суждено было поднять завѣсу, скрывавшую въ продолженіи двадцати вѣковъ это нѣкогда могущественное государство въ Средней Азій, и проникнуть въ мракъ до историческаго провалаго.

Перенесемъ теперь мысленно въ ту страну, о которой Іезекиль сказалъ: «Ассуръ уподобляется кедрѣ извѣстному и густолиственному. Всѣ птицы небесныя вили гнѣзда въ вѣтвяхъ его, всякая тварь полевая плодилась подъ вѣтвями его, и подъ сѣнью его жили всѣ великіе народы»... Но что мы тамъ видимъ? На мѣстѣ когда-то знаменитыхъ своею цивилизаціею городовъ—чернѣютъ земляныя руины да жалкія деревушки изъ нѣсколькихъ палатокъ; тамъ, гдѣ волновались когда-то роскошныя нивы—тянутся заброшенныя поля, лежатъ почти безлюдныя пустыни и, наконецъ, встрѣчаемъ вмѣсто образованнаго ассирійца, которому Азія казалась тѣсною—грязнаго, скотоподобнаго араба, кочевника, разбивающаго свою палатку гдѣ придется... Какое-то проклятіе тяготѣетъ надъ этою страной, и пустынный невольно вспоминаетъ грозныя пророческія слова Цефанія: «Въ полночь протянетъ Онъ десницу свою и уничтожитъ Ассуръ, а Ниневію—опустошитъ, и будетъ она безлюдной, какъ пустыня»... Пророчество это сбылось.

Знаменитый путешественникъ Генри Лайардъ въ описаніи путешествія своего въ Ниневію (1845 г.) говоритъ между прочимъ: «Непроницаемый мракъ окутываетъ Ассирію, Вавилонъ и Халдею. Съ этими именами связаны великія напіи; видны мрачныя гѣны когда-то большихъ, оживленныхъ городовъ; громады развалины, эти безформенныя груды камня и земли среди степей, какъ-бы смѣются надъ усиліемъ человѣка представить себѣ нѣчто стройное, цѣлое. Жалкіе потомки нѣкогда великихъ предковъ бродятъ еще по странѣ, кое-какъ оживляя безлюдныя равнины, которыя и еврейми, и язычниками признаются колыбелью своего племени. Всюду, куда не взглянешь—разрушеніе и пустынь; сначала это удивляетъ, поражаетъ, а потомъ душу охватываетъ священный ужасъ... Да, тутъ нѣтъ ничего, что могло бы успокоить путника, вселить надежду или поразсказать ему о давно минувшемъ!»...

А это минувшее—воскресло, ожило, благодаря наукѣ, этому новому солнцу, посылающему теперь животворныя лучи свои съ запада на востокъ: оно разогнало тамъ тѣни и мракъ, которые въ продолженіи тысячелѣтій окружали Ассуръ и Вавилонъ. Все освѣщая и оживляя, проникаетъ это свѣтло въ нѣдра громадныхъ земляныхъ холмовъ, въ груды развалины когда-то цвѣтущихъ городовъ, разсыпаетъ лучи свои по заламъ, комнатамъ и самымъ отдаленнымъ уголкамъ древнихъ царскихъ дворцовъ, озаря даже внутренности могилъ легендарныхъ существъ. Среди развалинъ, среди хаоса начинаетъ что-то двигаться, формы то обрисовываются, то снова расплываются, и вотъ, наконецъ, онѣ выступаютъ цѣлою массою, на подобіе необозримаго моря построекъ, здавій разной архитектуры. Открываются улицы,

площади, появляются и люди въ характеристичныхъ своихъ одеждахъ; одни безъ оружія, другія съ мечомъ, пикой и лукомъ—это воины великаго Сардананапа, а тѣ—чиновники, художники, ремесленники; иныхъ мы видимъ за работою, другія, вѣроятно, идутъ по дѣлу... Мы среди оживленнаго города, принадлежащаго народу, достигшему полнаго своего социального развитія, мы въ сердцѣ большаго, благоустроеннаго государства, мы въ Ниневіи—столицѣ Ассиріи.

Теперь, чтобы познакомиться поближе съ этою картиною, нужно взглянуть на тѣ работы, которыя по изслѣдованію историческихъ древностей заслужили неувыдаемые лавры. Прежде всего нѣкоторые мѣста св. писанія оказали неоцѣненную услугу ассиріологамъ, послуживъ имъ исходнымъ пунктомъ и путеводною нитью при ихъ изслѣдованіяхъ. Въ книгахъ Ветхаго Завета встрѣчаются первыя извѣстія объ Ассиріи, указанія на ея географическое положеніе и отчасти кое что изъ исторіи ея (книга Моисея 1. 10. 6—22); дальнѣйшія извѣстія объ этой странѣ мы находимъ у Іезекиля (21. 31), Исаи, Данила, Иова и въ первой книгѣ царей, а также классическихъ писателей—Діодора Сицилійскаго, Страбона и Геродота. Наконецъ, нѣкоторыя свѣдѣнія объ Ассиріи можно почерпнуть изъ книги армянскаго исторіографа Моисея изъ Хорены и книги Александра Полигистора. Этотъ послѣдній много позаимствовалъ у халдейскаго священника Берозуса, который при Селевкѣ Никаторѣ (260 л. до Р. X.) перевелъ вавилонскія сказанія на греческій языкъ. По свидѣтельству преданій, владычество первыхъ десяти ассирійскихъ царей продолжалось 43200 лѣтъ. При послѣднемъ изъ нихъ, Кензотросѣ, богъ Вааль послалъ на землю потопъ, чтобы уничтожить родъ людской, но самъ Кензотросъ не погибъ и былъ взятъ, послѣ потопа, на небо, въ обитель боговъ. Вавилонъ, разрушенный наводненіемъ, впоследствии отстроился, обновился. Затѣмъ, въ продолженіи 30000 лѣтъ царствовали еще 86 царей. Безразъ свидѣлствуетъ, что послѣ этихъ (многочисныхъ) царей вавилонскій тронъ занимали халдейскіе цари. Покоривъ обывателей страны, они основали (2400—2000 л. до Р. X.) по нижнему теченію Ефрата и Тигра могущественное государство. Около 1500 г. халдейскихъ царей смѣнила новая династія—арабская, которая, впрочемъ, была вытѣснена ассирійцами въ половинѣ XIII в. до Р. X.—Таковы историческія данныя объ Ассиріи, дошедшія до насъ.

Въ сказаніяхъ этихъ особенно интересно повѣствованіе Берозуса о всемірномъ потопѣ. Разсказъ этотъ, въ основныхъ своихъ чертахъ, совершенно сходенъ съ библейскимъ разсказомъ о томъ-же. Сказаніе это напечатано подъ общимъ заглавіемъ «Сказаніе Индубара», и, какъ теперь оказывается, и этотъ «оригиналъ»—текстъ—не былъ подлинникомъ, а только копіей съ него. Куда-же дѣвался подлинникъ? Кѣмъ и когда былъ онъ написанъ? На эти вопросы отвѣтъ даютъ намъ «примѣчанія», сдѣланныя ассирійскими копистами на поляхъ текста. «Сказаніе Индубара», найденное въ Ниневіи, было списано, по приказанію царя Ассурбанипала или Сардананапа (въ VII в. до Р. X.), съ весьма древней рукописи, находившейся въ Урукѣ (Эрехѣ). Лепорманъ относитъ урукскую рукопись къ XVIII вѣку до Р. X., и очень можетъ быть, что новѣйшія изслѣдованія обнаружатъ, что и этотъ документъ былъ только копіей или переводомъ съ рукописи, древность и происхожденіе которой опредѣлить невозможно. Урукская рукопись это трудъ, предпринятый въ то время, когда тысячелѣтнія египетскія муміи еще не обертывались пеленой.

Какимъ-же, однако, образомъ удалось сдѣлать переводъ съ рукописи на совершенно чуждомъ, неизвѣстномъ языкѣ, не имѣя ни словаря, ни грамматики этого языка, не зная даже азбуки его? Разгадка иероглифовъ—дѣло достойное удивленія, но еще болѣе удивленія заслуживаетъ находка ключа въ асси-

рийским письму и языку. Это новое торжество науки стоило многолетних трудов и усилий.

В Ассирии были, впрочем, одновременно в употреблении два рода письма: клинообразное и курсивное или иератическое. Клинообразное письмо, как указывает и самое название его, состоит из букв, имеющих форму клина или подкованного гвоздя. Первоначальная форма этих знаков, как кажется, напоминала молоток, во крайней мере некоторые из Ниневийских надписей указывают на это. Из сочетания этих-то клинчиков, поставленных вертикально, горизонтально, параллельно друг к другу и наклонно—образуется отдельное слово. Рисунки письма поэтому довольно однообразны.

Клинообразное письмо, по мнению Лейарда, было во всеобщем употреблении в Ассирии, Вавилонии, а также в разные эпохи в Персии, Мидии и Армении; однако не во всех этих государствах оно было одинаково: клин являлся только элементом, соединением же клинов, группировка их в буквы, было разнообразно. Клинообразное письмо распадалось на три категории: было ассирийское письмо (вавилонское), персидское и мидийское, следовательно—каждая данная надпись принадлежит к одной из этих трех категорий, все же они вместе названы письмом *Ахеменидов*—по имени персидских владык, издававших свои прокламации разом в нескольких языках, т. е. рядом сь подлинной прокламацией помещались точные переводы с нея. Знание одного из этих языков и должно было послужить ключом к уразумению прочих.

Гановерец Гротендъ, еще в началѣ нынѣшняго столѣтія, разобралъ въ одномъ персидскомъ клинообразномъ текстѣ царскія имена: «Ксерксъ», «Дарій» и «Гистаспъ». Послѣ него Раскъ и Сенъ-Мартенъ очень много сдѣлали для объясненія этихъ клинообразныхъ знаковъ, а въ новѣйшее время Бюрнуфъ и Лассенъ, пользуясь открытіями предшественниковъ своихъ и облада обширными лингвистическими познаніями, довели объясненіе и пониманіе клинообразнаго текста до того, что англійскій ученый Роулинсонъ могъ уже составить словарь персидскаго клинообразнаго письма. При составленіи этого драгоценнаго лексикона существенную помощь оказала Раульсону знаменитая надпись на трехъ языкахъ, найденная на скалахъ близъ Бегистуна, или Бицитуна, въ Персіи. Подобныя надписи, въ древности, высѣкались на горныхъ склонахъ и на значительной высотѣ—съ цѣлью предохранить рельефный текстъ отъ случайнаго поврежденія и разрушенія. Благодаря такой предосторожности, нѣкоторые изъ документальныхъ памятниковъ превосходяще сохранились до настоящаго времени. Наиболее интереснымъ и самымъ важнымъ для науки является вышеупомянутая *Бегистунская* надпись. Она покрываетъ болѣе десятка каменныхъ плитъ, которыя (какъ это видно изъ нашего рисунка) окружаютъ барельефъ, также высѣченный въ скалѣ. На барельефѣ этомъ изображенъ царь Дарій; онъ въ коронѣ; въ лѣвой рукѣ держитъ лукъ, правую—протягиваетъ къ лѣвникамъ, закованнымъ въ цѣпи. Позади царя—два персидскихъ воина, а подъ всею этою группою—изображеніе бога Ормузда (Аурамазда) и нѣсколько меньшихъ плитъ съ надписями, содержаніе которыхъ—перечисленіе именъ и титуловъ попавшихся въ плѣнъ. Въ главномъ текстѣ (на окружающихъ плиткахъ), уже неоднократно переведенномъ, воспѣваются геройскія подвиги Дарія и прославляется обширность его царства. Это древніе гимны.

По тщательномъ сравнительномъ изученіи письменъ Ахеменидовъ нашли, что многія буквы, по формѣ весьма различныя, или вовсе даже непохожія одна на другую—просто варианты одного и того же знака. Кроме того узнали, что ассирийцы, высѣкая надпись, никогда не разчленили слова переносомъ, если оно не уписывалось въ строкѣ, а чтобъ избѣгнуть переноса, рѣзчикъ вырѣзывалъ конецъ слова за гранью плиты, или же оставлялъ пустое мѣсто въ концѣ строки. Дошли и до того, что въ персидскомъ клинообразномъ текстѣ каждое слово отдѣляется отъ послѣдующаго наклонно поставленнымъ клиномъ, а это очень важно было знать при разборѣ текста. Въ ассирийско-вавилонскихъ и въ мидийскихъ текстахъ этого нѣтъ. Такого рода изслѣдованія и открытія дали возможность уже Лейарду отдѣлять ассирийскія слова одно отъ другаго и разбирать географическія названія и имена людей въ монументальныхъ надписяхъ на трехъ языкахъ. Такимъ образомъ изъ 40 буквъ древне-персидской азбуки постепенно составили около 400 ассирийско-вавилонскихъ знаковъ, которые и явились настоящимъ ключомъ къ уразумѣнію языка и литературы ассирийцевъ.

Этотъ краткій историческій очеркъ изслѣдованія ассирийскаго языка слѣдуетъ пополнить именами выдающихся современныхъ ассириологовъ. Первое мѣсто принадлежатъ г. Смитъ, знаменитому переводчику Индубарскихъ таблицъ, затѣмъ идутъ: премирникъ Смыта — Коксъ, проф. Берлинскаго университета Шрадеръ, Оппертъ, Менанъ и Ленорманъ, прибрѣтшіи еще извѣстность превосходнымъ сочиненіемъ «Начало культуры». Эти ученые открыли, такъ сказать, Ассирию.

Англичанинъ Лейардъ, какъ было выше упомянуто, первый принялся за обширныя раскопки въ Ниневіи, и вотъ результатъ его трудовъ: найдено множество скульптурныхъ произведеній, рѣзныхъ вещей изъ слоновой кости и, наконецъ, открыта *библиотека Сардананала*. Все это теперь составляетъ собственность британскаго музея. Какая, однако, удивительная библиотека Сардананала, какое оригинальное собраніе книгъ ассирийскаго царя! Библиотека эта вмѣщаетъ въ себя болѣе 10,000 глиняныхъ табличекъ или плитокъ; каждая плитка имѣетъ въ длину одинъ дюймъ, а въ ширину—полдюйма; обѣ стороны ея покрыты буквами странной формы. По содержанію эта масса «глиняныхъ книгъ» раздѣляется на два болѣе отдѣла: *государственный архивъ* и собственно—*библиотека*. Въ первомъ отдѣлѣ заключаются: доклады царю высшихъ гризданскихъ чиновниковъ и военачальниковъ, письмо царя Эламскаго; прокламация къ вавилонянамъ, разные указы, манифесты, чиновничьи списки, постановленія о податяхъ и географическія статьи. Собственно библиотека состоитъ изъ статей историко-политическаго содержанія, параллельной хроники Ассирии и Вавилоніи отъ 1400 г. д. Р. X. по IX в. (до Р. X.) генеалогическихъ списковъ вавилонскихъ царей, астрономико-астрологическаго сочиненія «Глазъ Ваала» (70 плитокъ) и множества статей по математикѣ, географіи и естествознанію. Въ примѣчаніяхъ, выставленныхъ на каждой плиткѣ (и на определенномъ мѣстѣ) обозначено имя переписчика и имя обладателя плитки. Въ «библотецѣ», какъ видно, господствовалъ величайшій порядокъ, ибо всѣ плитки заномерованы. За вѣрность, точность копій переписчикъ ручается такого рода оговоркой на поляхъ таблички: «Изготовлено и написано согласно со старымъ *эмем-ларомъ*». На каждомъ сочиненіи штампель библиотеки съ такими словами: «Собственность *Асуурбанала* (Сардананала), царя ассирийскаго». Штампелеванныя глиняныя плитки доказываютъ, что ассирийцы первые изобрѣли книгопечатаніе и печатаніе стереотипомъ.

И такъ, благодаря трудамъ Лейарда по раскопкамъ и филологическимъ изслѣдованіямъ Смыта, рамки древней исторіи раздвинулись далеко, захвативъ нѣсколько тысячелѣтій. Факты и событія, о которыхъ говорится въ Ветхомъ Заветѣ, подтвердились, извѣстія, переданныя намъ греческими писателями, дополнены новыми данными, такъ что въ настоящее время собраны почти всѣ матеріалы для исторіи Ассирии и Вавилоніи, нужно только привести ихъ въ порядокъ и обработать, чтобъ вышло стройное, законченное сочиненіе. Что касается провѣрки фактовъ и дополненій къ нимъ, то этимъ историкъ обязанъ надписямъ на скалахъ.

Развалины повествоуютъ намъ о томъ, что искусства и науки процвѣтали въ древней Ассирии; онѣ показываютъ намъ остатки дворцовъ изящной архитектуры, свидѣтельствуютъ въ пользу того, что вавилоняне, служившее главнымъ образомъ архитектурнымъ цѣлямъ, было доведено до высшей степени совершенства; руины эти знакомятъ насъ съ такой богатой литературой, какой не имѣлъ никакой другой народъ въ древности, не исключая и египтянъ. Литература эта состояла не только изъ научныхъ, но и изъ поэтическихъ твореній; у ассирийцевъ была своя національная эпопея (разсказъ о всемірномъ потопѣ только одинъ изъ отрывковъ ихъ эпоа) и множество религиозныхъ гимновъ, богатыхъ яркими образами.

Въ заключеніе нашего очерка приведемъ нѣсколько строкъ изъ религіознаго гимна, который былъ переведенъ Ленорманомъ. Гимнъ этотъ посвященъ богу *Мордуку*. Подлинникъ нѣсн хранится въ британскомъ музеѣ.

«Кто можетъ избѣгнуть отъ ударовъ Твоего градобоя?
Воля Твоя—великій законъ и ему повинуются небо и земля.
Я видѣлъ бушующее море, но оно все таки утихло;
Я видѣлъ цвѣтокъ, и онъ потомъ завялъ;
Я видѣлъ запруды Ефрата... Ты опустошилъ русло его.
Ты великъ, о, Господи. Кто сравнится съ Тобой?
Между богами—Мордуку источивъ всякой славы!»...

Пер—ъ.

Изъ Гейне.

Когда повѣрялъ я вамъ всѣ свои муки,
Вы слушали молча, зѣвая отъ скуки,

Но выразилъ я эти муки стихами—
И вы забросали меня похвалами.

П. В. В.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ФАРФОРОВЫЙ ЗАВОДЪ.

Императорский фарфоровый завод основанъ въ 1744 году Императрицей Елизаветой Петровной и находится на 10-й верстѣ по Шлиссельбургскому тракту, на берегу рѣки Невы. Въ первое время своего существованія онъ употреблялъ для производства матеріалы, исключительно добываемые въ Россіи; но опыты показали, что однихъ этихъ матеріаловъ недостаточно особенно при томъ плохомъ положеніи въ которомъ находится у насъ разборка и изслѣдованіе отечественныхъ глинъ; находящихя въ изобиліи во многихъ мѣстностяхъ. Для вещей, достоинство которыхъ, независимо отъ изящества формы и отдѣлки, заключается въ легкости и прозрачности, представилось необходимымъ дѣлать примѣсь, въ известной пропорціи англійской глины (каолина).

Въ 1765 г. по докладу бывшего директора завода, секундъ-ротмистра Шепотьева, Императрица Екатерина II назначила изъ своего кабинета на содержаніе завода по 15 тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ. Деньги эти были переведены въ казначействѣ на Государственное Казначейство, изъ котораго и отпускались.

Составляя собственность Его Императорскаго Величества, это учрежденіе обращаетъ главную дѣятельность на снабженіе фарфоровыми вещами всѣхъ Императорскихъ Дворцовъ и на исполненіе экстренныхъ заказовъ по Высочайшимъ повелѣніямъ. Сверхъ того, два раза въ годъ заводъ представляетъ Государю Императору и Государыне Императрицѣ образцы своихъ произведеній, свидѣтельствующіе предъ Августѣйшими владѣльцами о состояніи и успѣхахъ завода. Плата за всѣ эти вещи производится, по ихъ оцѣнкѣ изъ кабинета Его Императорскаго Величества, каждый разъ съ разрѣшенія Министра Императорскаго Двора. Сбытъ предметовъ въ частныя руки весьма незначителенъ: продается преимущественно бракъ. Такимъ образомъ, получаемые заводомъ доходы изъ года въ годъ обращаются на его обороты простигающіеся до 90 тыс. р. въ годъ и большею частью употребляются на исполненіе заказовъ къ Высочайшему Двору. Не имѣя другой посторонней поддержки, за исключеніемъ положенной изъ Кабинета суммы и доходовъ, получаемыхъ отъ заказовъ, заводъ долго находился въ невозможности привести свое помѣщеніе въ такой видъ, который бы удовлетворялъ современнымъ требованіямъ. Съ вѣкотораго времени заводъ часто удостоивался посѣщеніемъ любителей искусства, художниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Любопытство ихъ и не могло быть удовлетворено, такъ какъ не было постоянной выставки издѣлій, свидѣтельствующей о постепенномъ развитіи производства на заводѣ. Въ настоящее время собраны и расположены въ хронологическомъ порядкѣ многія изъ заводскихъ произведеній, выработанныхъ на немъ съ первыхъ лѣтъ существованія по настоящее время, мастерскія возобновлены и распределены съ большимъ удобствомъ, какъ для художниковъ и мастеровъ заводскихъ, такъ равно и для желающихъ обозрѣвать заводъ. Мы считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ чи-

тателей съ этимъ заводомъ и съ порядкомъ производства работъ.

Фарфоровая масса (тѣсто) получается изъ соединенія въ известной пропорціи слѣдующихъ элементовъ: полевого шпата, кварца, глуховской глины (употребляется также англійская глина). Всѣ эти вещества, предварительно измѣльченныя, помощью особой машины растираются съ водою и смѣшиваются. Затѣмъ эта жидкая масса наливается въ особо приготовленные небольшие мѣшки и поступаетъ въ цѣдильную, гдѣ съ помощью прессы приводится въ нужное для выдѣлки вещей состояніе; Въ 1835 г. прессовъ не было, а замѣня ихъ были сушильныя печи, которыя оказались неудобными, какъ потому, что требовали большихъ расходовъ на дрова, такъ и потому, что распространяли сырость въ зданіяхъ. Всѣ этотъ процессъ происходитъ въ такъ называемомъ *отдѣленіи состава массы* *).

Въ *гончарномъ отдѣленіи* занимаются изготовленіемъ такъ называемыхъ «капселей», составляющихъ необходимую и весьма важную статью въ фарфоровомъ производствѣ. Они выдѣляются изъ особой массы, въ составъ которой входятъ глины—Вытегорская и Андомская, добываемыя въ Олонецкой губерніи, съ примѣсью шамота, изготовляемого изъ старыхъ капселей, раздробляемыхъ довольно мелко особыми чугунными бѣгунами. Назначеніе этихъ капселей состоитъ въ томъ, что притотворенныя къ обжигу фарфоровыя вещи вставляются въ нихъ, для предохраненія отъ прикосновенія пламени, сиду котораго фарфоръ не могъ бы выдержать безъ этого пособія, а также отъ дыма и копоти.

Въ этомъ же отдѣленіи приготовляются особые для устройства горновъ кирпичи, выдерживающіе невыносимый никакимъ металломъ, жаръ, достигающій приблизительно до 1800° R, необходимый для обжига фарфора.

По приведеніи фарфоровой массы въ состояніе удобное для выдѣлки вещей, она поступаетъ въ *отдѣленіе выдѣлки вещей въ бѣломъ видѣ*. Отдѣленіе это состоитъ изъ многихъ частей: токарной, модельмейстерской, скульптурной, глазурной, рѣзной, формовской и подтачивальной. Масса, поступивъ въ это отдѣленіе, употребляется въ дѣло по назначенію модельмейстера.

Для каждого издѣлія составляется особый рисунокъ, по которому принимается работа; при этомъ соблюдается слѣдующее условіе: если нужно сдѣлать вещь одинаковой величины съ моделью, то на все протяженіе модели прибавляется 6-я часть ея величины; если же нужно сдѣлать вещь въ большемъ или меньшемъ видѣ, то дѣлается съ модели рисунокъ въ ту величину, какая требуется; но при точеніи во всѣ протяженія модели прибавляется все-таки 6-я часть противъ рисунка, такъ какъ опыты показали, что эта часть угараетъ въ огнѣ.

Всѣ безусловно-круглыя, гладкія фарфоровыя вещи вытаци-

* Всѣхъ отдѣленій 6: 1) отдѣленіе состава массы, 2) гончарное, 3) выдѣлка бѣлыхъ вещей, 4) обжигъ вещей, 5) лабораторное, и 6) живописное.

Живописная работа на фарфорѣ.

Залъ образцовыхъ издѣлій.

Всѣхъ отдѣленій 6: 1) отдѣленіе состава массы, 2) гончарное, 3) выдѣлка бѣлыхъ вещей, 4) обжигъ вещей, 5) лабораторное, и 6) живописное.

ваются (въ сыромъ видѣ) на токарномъ станкѣ; имѣющія другую какую либо форму, выльпываются въ алебастровыхъ формахъ, вылитыхъ съ глиняныхъ моделей, сдѣланныхъ для того предварительно изъ зеленой глины, добываемой въ Тоснѣ. Такимъ образомъ, на круглыя вещи, съ крупными украшениями, наклеиваются эти послѣднія, предварительно изготовленные въ сыромъ видѣ; всѣ же мелкія украшения вырѣзываются въ сдѣланной для вещи алебастровой формѣ. Каждая бѣлая вещь постунаетъ по выдѣлкѣ ея въ первый обжигъ, и затѣмъ въ глазурную и потомъ во второй обжигъ, чѣмъ и заканчивается выдѣлка вещей по этому отдѣленію.

Для поливы фарфора изготовляется особый составъ изъ кварца, шпата, глуховской глины, фарфороватаго черепа и мѣлу. Составъ этотъ, называемый глазу-рою, плавится прежде въ горнѣ, въ самомъ сильномъ огнѣ, и затѣмъ, будучи обращенъ въ порошокъ, употребляется, съ примѣсью воды, для поливы вещей послѣ перваго обжига.

Обжигъ вещей въ бѣломъ видѣ производится 2 раза, въ осободля сего устроенной печи, называемой горномъ, которая раздѣляется на 3 части или этажа. Въ среднюю постунаютъ вещи

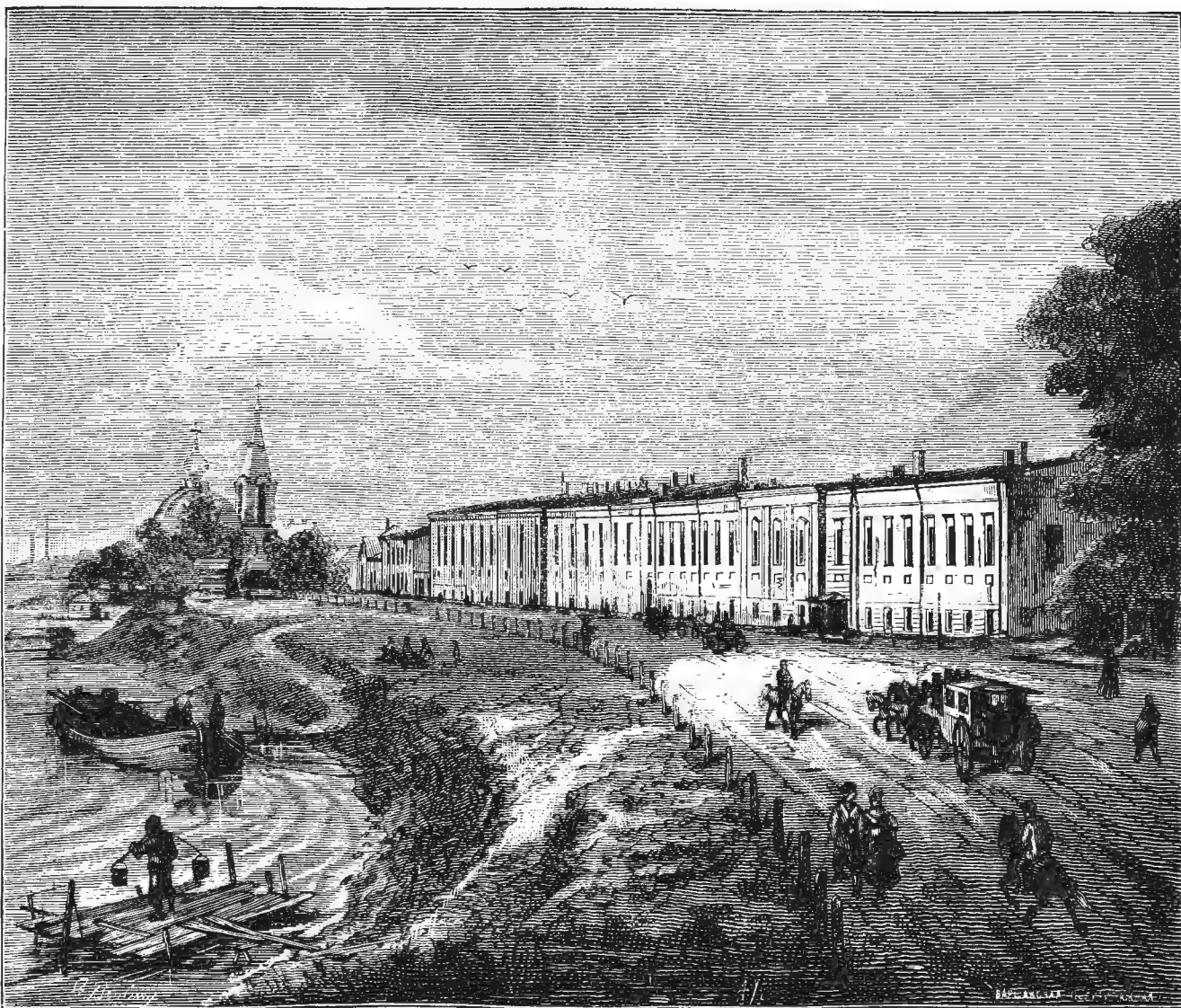
сырыя для перваго обжига, потомъ поливаются глазурью и постунаютъ въ нижнюю часть горна, откуда передаются уже въ живописную. Въ верхней части горна обжигаются капсулы. На одной изъ нашей картинокъ изображаетъ моментъ, когда обожженные вещи подлежащія обработкѣ, вынимаются изъ горна.

Горны устроены такъ, что 1 и 2-й обжиги производятся въ одно и тоже время. Самый сильный огонь, потребный для плавки глазури, находится въ нижней части горна; въ срединѣ, гдѣ обжигаются сырыя вещи, безъ глазури, огонь гораздо слабѣе, простираясь только до 600 — 800° R въ верхней же части обжигаются капсулы и сила огня простирается въ немъ не болѣе 400°. Обжиганіе вещей, производится основными мелкими дровами и продолжается отъ 16 до 26 часовъ. Замѣчно,

что при сырой погодѣ обжиганіе продолжается долѣе и небываетъ столь удачно, какъ при сухой погодѣ и большихъ морозахъ. Чтобы узнать, какъ продолжителенъ долженъ быть обжигъ, чтобы вещи пришли въ настоящій ихъ видъ, ставятся въ 3-хъ разныхъ мѣстахъ горна пробы, которыя, будучи вынимаемы отъ времени до времени показываютъ степень обжига. Горнѣ

Выемка изъ горна вещей послѣ обжига.

Общій видъ Спб Имп. фарфороваго завода (близъ Села Александровскаго). Рис. съ натуры Бролингъ, рѣе. Коонацкій.

остывает около двух суток; послѣ этого посаженные въ него вещи выбираются и сортируются въ присутствіи директора.

Затѣмъ, обожженные вещи поступаютъ въ живописное отдѣленіе, въ которомъ производятся работы подъ руководствомъ главнаго мастера живописи. Краски для живописи приготовляются въ лабораторіи, въ которой составляются флюсы для примѣси въ металлическія краски и въ золото; посредствомъ этихъ флюсовъ краски и золото, будучи обожжены, соединяются съ фарфоромъ. Краски получаютъ отъ нихъ гладкую, стекловидную поверхность. Флюсы состоятъ изъ известнаго количества буръ, сурьки, кварца или песку. Приготовленными такимъ образомъ красками и производится живопись: фигурная, пейзажная и перспективная, цвѣточная и орнаментная. (Смотри рисунокъ изображающій производство живописи).

Живописныя вещи поступаютъ для обжига красокъ въ особо устроенныя для сего печи, называемыя муфелями, и обжигаются съ обыкновенною орнаментною живописью одинъ разъ, а съ ландшафтною и какою либо другою два и три раза. Такимъ образомъ, каждая фарфоровая вещь, до совершеннаго ея окончатія, проходитъ чрезъ болѣе или менѣе высокую степенъ огня до 3 разъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ залъ образцовыхъ изделий. Здѣсь посѣтители могутъ ознакомиться съ послѣдовательнымъ развитіемъ и усовершенствованіемъ фарфороваго производства на заводѣ. (Смотри рисунокъ). Внутренняя сторона двери, ведущей въ залъ, обдѣлана фарфоромъ, съ украшеніемъ и живописью въ помпейскомъ вкусѣ. Стѣны украшены шкафами, въ которыхъ заключаются произведенія, обнимающія періоды времени отъ 1744 по 1876 г. Въ одномъ изъ шкафовъ обращаетъ на себя вниманіе, какъ первый опытъ у насъ фарфороваго издѣлія, солонка. Кромѣ разныхъ недостатковъ въ первоначальной выдѣлкѣ фарфора, на этой вещи можно видѣть, что составъ глазури почти вовсе не былъ извѣстенъ тогда заводу.

Въ другихъ шкафахъ хранятся фарфоровыя вещи, служившія въ то время (1762 — 1796) украшеніемъ царскихъ столовъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ чайный сервизъ исполненный по собственноручному заказу Императрицы Екатерины Алексѣевны, съ собственноручнымъ же назначеніемъ, какія украшенія должны быть на сервизѣ. Въ томъ же шкафу хранится маленькая чашечка, бывшая въ числѣ игрушекъ малолѣтняго тогда Великаго Князя Александра Павловича. Въ вещахъ, сдѣланныхъ въ царствованіе Александра Павловича съ 1801—1825 г. уже замѣтны значительныя успѣхи въ фарфоровомъ производствѣ. Здѣсь особенно замѣчательны два сосуда для цвѣточныхъ луковницъ. Они сдѣланы по собственноручному заказу покойнаго Императора. Онъ обращалъ особенное вниманіе на развитіе фарфороваго производства и приведеніе завода въ лучшее состояніе. Съ этою цѣлью онъ выписалъ изъ Франціи лучшихъ мастеровъ, особенно по скульптурной части. Теперь этихъ мастеровъ давно уже нѣтъ и всѣ работы производятся русскими.

Въ одномъ изъ шкафовъ въ числѣ другихъ находятся фарфоровыя вещи, отдаренныя французскою Севрскою фабрикою, въ замѣнъ подаренныхъ ей съ Высочайшаго соизволенія, издѣлій

Формованіе фарфоровыхъ вещей въ сыромъ видѣ и обтачиваніе ихъ на танарномъ станкѣ.

Императорскаго фарфороваго завода, около 30-ти лѣтъ тому назадъ, равно какъ и пріобрѣтенныя заводомъ вещи собственно для образца изъ другихъ извѣстнѣйшихъ иностранныхъ фабрикъ.

Въ шести простѣнкахъ залы, развѣшаны писанныя на фарфоровыхъ пластахъ лучшими заводскими мастерами и учениками картины, а на подоконникахъ разставлены разныя столовыя украшенія и вазы. Въ среднемъ простѣнкѣ между оконъ, помещается горка уставленная вещами, назначенными въ продажу. На среднѣй залы (см. рис.) находится старинная ваза съ лѣвными цвѣтами. Вокругъ нея устроенъ диванъ для посѣтителей. Вообще, всѣ вещи, относящіяся къ послѣднему времени, поражаютъ посѣтителя своимъ изяществомъ и художественнымъ выполненіемъ. Одна изъ огромныхъ фарфоровыхъ vazъ была на Вѣнской всемирной выставкѣ и заслужила почетный дипломъ т. е. высшую награду. Фарфоровые цвѣты, сдѣланныя отъ руки (находящіяся теперь подъ стекломъ) замѣчательно хороши; трудно представить, что онѣ сдѣланы изъ фарфора. Прямо противъ двери помещенъ портретъ Императрицы Елизаветы Петровны во весь ростъ, отъ снятъ съ портрета, находящагося въ Академіи Художествъ, и скопированъ ученикомъ Поповымъ. Подъ портретомъ находится столъ съ ильменнымъ фарфоровымъ приборомъ, въ которомъ хранятся Высочайше указы и собственноручный заказъ Императрицы Екатерины II на чайный сервизъ. Надъ отъ двери находится арка, ведущая въ магазинъ готовыхъ и бѣлыхъ бракованныхъ фарфоровыхъ вещей, въ которомъ для продажи принятія заказовъ, равно какъ и для укладки ихъ находится особый чиновникъ и укладчики.

Нельзя не замѣтить, что фарфоровое производство Императорскаго завода, въ послѣднее время достигло высшей степени развитія, благодаря людямъ, которые руководятъ дѣломъ и которые заботятся, чтобы достигнуть того художественнаго уровня, на которомъ находится фарфоровое производство лучшихъ иностранныхъ фабрикъ. Если прослѣдить произведенія послѣднихъ 10 лѣтъ, то легко замѣтитъ постепенный прогрессъ фарфороваго производства на Императорскомъ заводѣ. Теперь это единственный образцовый заводъ въ Россіи, который достигъ того совершенства, что можетъ соперничать въ изяществѣ своихъ издѣлій съ лучшими иностранными фабриками. Это тѣмъ пріятнѣе, что всѣ мастера русскіе. При заводѣ имѣется двѣ школы для дѣтей заводскихъ. Дѣти поступаютъ въ приходскую 9—10-ти лѣтняго возраста откуда лучше по успѣхамъ и способнѣйшіе къ живописи, переходятъ въ техническую школу, гдѣ и обучаются 4 года преимущественно живописи, орнаментации и скульптурѣ.

При окончаніи технического курса ученики распределяются по разнымъ частямъ завода, пріобрѣтая въ послѣдствіи званіе подмастерьевъ и мастеровыхъ сообразно ихъ успѣхамъ и способностямъ. Лучшие изъ нихъ продолжаютъ образованіе въ Академіи Художествъ. Работы на фарфорѣ нѣкоторыхъ учениковъ еще весьма хороши, находящіяся на практическихъ занятіяхъ въ живописной мастерской, указываютъ на ихъ необыкновенныя способности къ этому роду живописи. Желая ихъ превзойти, если это только возможно, своихъ отцовъ художниковъ.

Н. Б.—ъ.

Княжна Ротрожская.

Историческая повѣсть В. С. Соловьева.

Часть вторая.

(Продолженіе).

И вотъ Зося повела новые разговоры съ Гальшкой. Она перестала намекать на монастырь и переходъ въ католичество. Она теперь толковала о томъ, что самое лютое горе проходить съ годами, что въ девятнадцать лѣтъ нельзя отказываться отъ жизни, что вся жизнь еще вперед и самое лучшее для „ея золотой княгини“ уйти отъ домашнихъ сценъ и утѣшеній, найдя себѣ добраго, хорошаго мужа...

— Мнѣ? замужъ? воскликнула Гальшка. Ты не знаешь, что говоришь, Зося!... Мнѣ идти замужъ, когда я безъ тоски и тошноты не могу смотрѣть на всѣхъ этихъ жениховъ постылыхъ!

— Эхъ, княгиня моя, княгиня, ластилась Зося.— Да вѣдь все равно найдутъ тебѣ жениха, и не спросятъ тебя, а силой выдадутъ. Такъ ужъ лучше сама выбери...

Бѣдная Гальшка плечами только пожмала, удивляясь на Зосю.

А та не унималась.

— Ну вотъ возьмемъ для примѣра хоть графа Гурку... — Гурку!? да онъ самый ужасный, самый противный изъ всѣхъ этихъ моихъ мучителей...

— Не знаю, княгиня, почему онъ тебѣ противенъ, а замѣчаю одно, что онъ больше всѣхъ тебя любитъ...

— Оставь это, оставь Зося... И такъ—тоска, а ты про графа Гурку...

Такъ постоянно кончались ихъ разговоры. Зося ничего утѣшительнаго не могла передать Гуркѣ. Одно только она видѣла—это, что на Гальшку все больше и больше находить равнодушіе... Она хорошо запомнила какъ та одинъ разъ безнадежно сказала ей: „Ахъ, да

мнѣ право все равно—пусть дѣлають со мною, что хотѣть. Ни хуже, ни лучше не будетъ.“ Зося совѣтовала Гуркѣ дѣйствовать рѣшительно и просить согласія княгини Беаты—если мать прикажетъ, Гальшка не станетъ перечить...

Гурко такъ и сдѣлалъ.

Зимніе сумерки совсѣмъ ступились, когда въ комнату Гальшки вошла Зося и объявила, что княгиня поскорѣе зоветъ ее къ себѣ, въ пріемные покои

— Опять гости—кто такіе? устало спросила Гальшка.

— Только графъ Гурко, да князь Слуцкій...

Зося была въ большемъ смущеніи. По раздражительному тону княгини Беаты, которымъ та ее кликнула и приказала позвать Гальшку, она поняла, что происходитъ что нибудь особенное. А она, какъ нарочно, только что вернулась домой изъ гостей и даже не успѣла узнать, кто первый пріѣхалъ—Гурко или Слуцкій. Не зная обстоятельствъ, она рѣшилась лучше промолчать теперь, чтобъ какъ нибудь не испортить дѣла.

Она только послѣдовала за Гальшкой и остановилась, притаивъ дыханіе, въ темномъ углу сосѣдней комнаты, чтобы все видѣть и слышать.

Когда Гальшка вошла къ матери, та порывисто ходила по комнатѣ, какъ она всегда это дѣлала въ непріятныя минуты. Гурко и Слуцкій сидѣли тутъ же. Гурко казался спокойнымъ—онъ только поблѣднѣлъ не много и на лицѣ у него была какая-то непріятная, злая мина. Толстякъ Слуцкій не скрывалъ своего волненія. Онъ тяжело дышалъ и свирѣпо глядѣлъ на Гурку.

— Я позвала тебя, сказала Беата увидя дочь—для того, чтобы ты сама рѣшила дѣло, которое до тебя касается. Эти паны просятъ у меня твою руку... что ты имъ отвѣтишь на это?

И княгиня злорадно взглянула на жениховъ. Она была увѣрена въ отвѣтъ дочери. Она знала, что Гальшка станетъ говорить о томъ, что вовсе не хочетъ идти замужъ.

Гальшка молчала, едва держась на ногахъ. Ея сердце ныло. Тоска и скука давили ее. И вдругъ она почувствовала, совершенно ясно и рѣшительно, что ей все равно, все равно, что бы ни случилось съ нею.

— Что же ты ничего не говоришь, Гальшка? повторила Беата. Скажи имъ сама... а то вѣдь меня считаютъ какой-то тигрицей... Не хочу я, чтобъ думали, что я тебя принуждаю, или, что я отказываю женихамъ, которые тебѣ любы...

Гальшка взглянула своимъ равнодушнымъ взоромъ на Слуцкаго и Гурку, и вдругъ слабо улыбнулась совсѣмъ растерянной, полупомѣшанной улыбкой.

— Мнѣ все равно, тихо сказала она, — я выйду за того, за кого прикажетъ матушка.

Беата быстро обернулась.

— А! за кого прикажу! Ну такъ я тебѣ ничего не приказываю... а васъ, мои дорогіе гости, я не хочу обидѣть—оба вы обладаете такими достоинствами, что мнѣ нельзя выбирать между вами... Ищите же себѣ другихъ невѣсть—мало ли ихъ и здѣсь, и въ Краковѣ... а я... я всегда рада васъ видѣть въ моемъ домѣ...

— Княгиня! это рѣшительное слово? какимъ то пинящимъ голосомъ спросилъ Гурко.

— Рѣшительное... извините меня наны, мнѣ нездоровится, и я должна васъ оставить.

И княгиня, взявъ Гальшку за руку, вышла изъ комнаты.

Женихи поневолѣ должны были послѣдовать ея призыву. Они и не взглянули другъ на друга, только Гурко пропустилъ впередъ пыхтѣвшаго, смущеннаго Слуцкаго, а самъ замѣшкался въ комнатѣ. Онъ поджидаль, не пробѣжитъ ли Зося...

Она тихонько вышла изъ своего угла.

— Я все слышала, прошептала она, уснойся графъ, еще можно кое что сдѣлать...

— Что такое можно? проскрежеталъ Гурко. Можно одно: собрать войско и поступать такъ, какъ поступилъ покойный Сангушко. Врядъ ли этой безумной бабѣ удастся и на меня добыть декретъ сенатскій—въ Краковѣ меня не выдадутъ...

— Ничего этого не нужно, все также тихо шепнула Зося, сверкая глазами. Не нужно войска, не нужно битвы, безъ крови и шума достигнешь ты цѣли... мнѣ кажется я что-то придумала...

— Что такое? говори скорѣе!

— Нѣтъ, теперь не скажу, дай срокъ... все нужно хорошенько обдумать... дня черезъ три, много четыре я дамъ тебѣ знать, а покада ничего не предпринимай и не выѣзжай изъ Вильны...

Гурко хотѣлъ допроситься, узнать непременно въ чемъ дѣло; но Зося покачала головой и, чутко прислушавшись, скрылась въ полутьму пустыхъ комнатъ.

IV.

Рождественскій морозъ заглянулъ въ Полѣсье, да такъ расходился, что даже земля въ иномъ мѣстѣ вдругъ съ гулкимъ трескомъ лопалась отъ его напора. Закутаны вѣковья деревья въ хрустальный иней—и стоять не шелохнутся. Непробудная мертвая тишь легла повсюду. Короткій день быстро поблѣднѣлъ, нахмурился и расплылся въ морозномъ туманѣ. На черное небо выпали звѣзды и заперстрѣли, заперстрѣли, замигали переливчатымъ блескомъ. Только и свѣту, что отъ этихъ звѣздъ далекихъ, да отъ яркаго, крѣпкаго, густо выпавшаго снѣга. Передъ глазами хотѣть какіе-то красные круги, то удаляясь, то приближаясь. Пробыть одному въ этой тиши морозной—покажется, что остановилось время, замерла жизнь, а соблазнительный, опасный сонъ такъ и клонитъ...

Посреди высокаго снѣга слабо виднѣется полоса дороги. Вотъ какая-то темная масса быстро движется по ней къ раскинувшемуся недалеко селенію. Ближе, ближе—вотъ уже можно распознать нѣсколько широкихъ, самодѣльныхъ пошевней, запряженныхъ маленькими, лохматыми, но бойкими лошаденками. Вотъ ужъ на блѣдномъ фонѣ снѣга выдѣляются закутанныя фигуры. Визгъ и смѣхъ быстро наполняютъ ледяное, безжизненное пространство. То святочный поѣздъ молодыхъ крестьянокъ, отправляющихся повеселиться въ сосѣдную деревню...

Весело, удивительно весело дѣвушкамъ, онѣ перекликаются, переговариваются и никакъ не могутъ удержаться отъ безумнаго, раскатистаго хохота, вспоминая, какъ парни хотѣли было увязаться за ними, навалиться къ нимъ въ сани... А онѣ ихъ и давай хлестать заранѣе приготовленными, спрятанными до поры до времени за пазухой жгутами!... Инда взвыли парни—жгутъ не разбираетъ: хлещетъ себѣ по чему попало—лицо попадетъ, такъ и по лицу—ужъ не прогнѣвайся. Теперь дѣвкамъ своя воля—святки. Нароботались, насидѣлись—довольно. Такъ ужъ надо теперь свое взять—до сыта нагуляться, до сыта натѣшиться въ двѣ святочныхъ недѣльки...

— Нѣтъ, парни, теперь ужъ шалишь!—не пустимъ васъ въ сани. А хотите, ступайте за нами рысцою на своихъ на двоихъ—авось перегоните...

И вотъ лихія дѣвушки изо всей мочи погоняютъ лошадокъ...

— Аленка! держи правѣя—не то прямо на тебя такъ и наѣду! кричить здоровенная, курносая Аниска, стоя въ пошевняхъ и обгоняя передовую тройку.

За Аниской цѣлая куча дѣвушекъ—штукъ семь навалились въ пошевні. А посреди нихъ какая-то мужская фигура.

Аниска гаркнула, передернула вожжами, хлестнула своихъ лошадокъ и перегнала Аленку.

— Ха, ха, ха! залилась Аленка и ея спутницы.—

Ишь какъ жарить—того гляди въ сугробъ угодить—невытащишь! А вы бы вотъ что, дѣвки, вы бы своего дурачка править поставили—все же мушина...

— Нѣтъ, ты дурачка не тронь, дурачка мы не дадимъ въ обиду, мы вотъ его промежъ себя посадили, да укрыли, чтобъ тепленько ему было... Что, хорошо тебѣ, родненькій, тепло?..

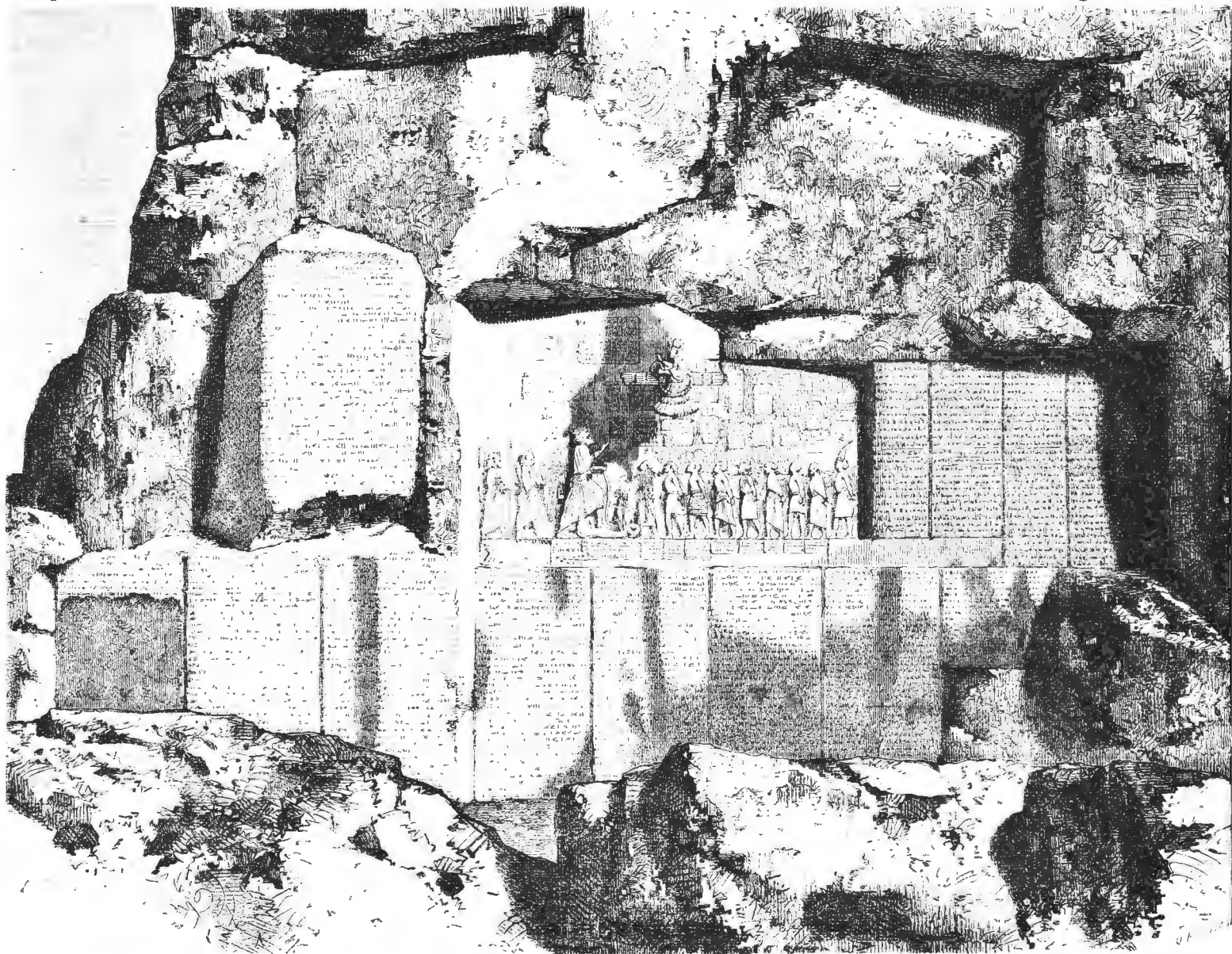
— Хорошо, тепло, спасибо вамъ, дѣвушки—раздался изъ саней мужской голосъ.

— А мы вотъ тебѣ и пѣсенку споемъ... послушай-ка, хорошая пѣсенка, святочная... Запѣвай-ка, Маруська!...

Маруська была красивая, блѣдная дѣвушка, извест-

И еще звонче, еще чище понеслась ей пѣсня по морозному воздуху:

За Припятью, за быстрою
Лѣса стоять дремучіе,
А въ тѣхъ лѣсахъ огни горять,
Огни горять великіе.
Кругомъ огней все ни стоятъ,
Все ни стоятъ дубовые;
На пняхъ тѣхъ хлопцы—молодцы,
Молодки, дѣвки красныя
Поютъ колядки—пѣсенки.
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Сидитъ себѣ, на всѣхъ глядитъ—
И самъ запѣлъ колядочку!...

Барельефъ и надписи на горныхъ скалахъ близъ Вегистуна въ Персіи. (Къ статьѣ: „О чемъ повѣствуютъ развалины Ассиріи и Вавилона“). Рис. Е. Тайеръ, грав. Фурнье.

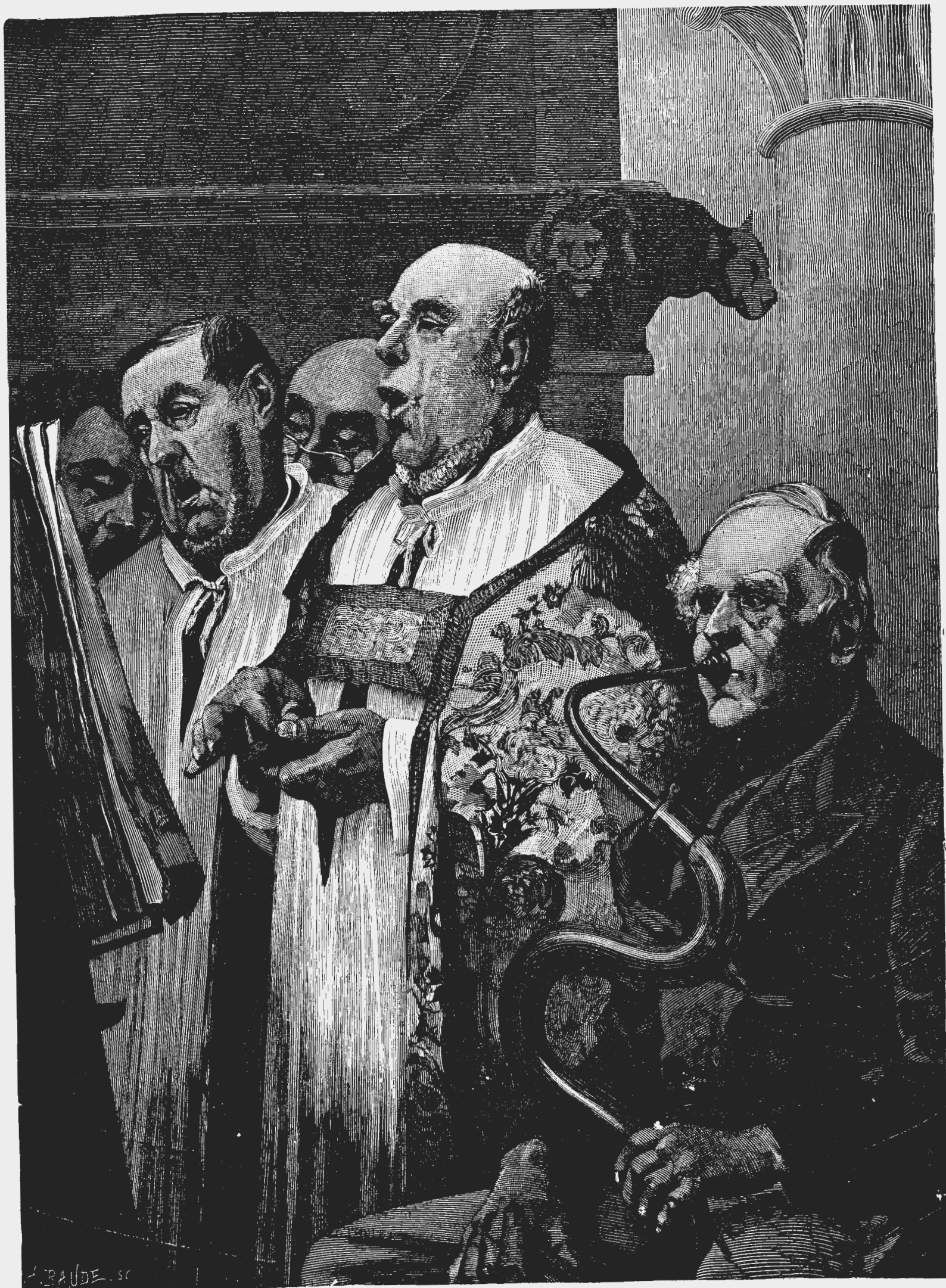
ная всему окрестному населенію запѣвала, которая вотъ уже два года съ ума сводила всѣхъ парней, но ни за что въ мірѣ не хотѣла покидать своего дѣвчества. Отецъ даже билъ ее за это сначала, да ничего не подѣлаешь съ упрямой дѣвкой—къ тому же и одна она у него—другихъ дѣтей нѣтъ, старуху тоже похоронилъ; да и любить онъ Марусю,—по своему, грубо любить, а крѣпко.

Маруська подняла голову, блеснула въ полумракѣ своими карими глазами, глянула на звѣзды небесныя, на дурачка, сидѣвшаго рядомъ съ нею—и запѣла звонкимъ, чистымъ голосомъ.

— Вотъ и ты, мой пригожій, погляди, погляди на насъ, да и самъ запой тоже колядочку... А то что хорошаго—все молчишь, да смотришь такъ жалостно, что ажно жутко становится...

Такъ говорила красивая Маруська, окончивъ пѣсню и наклоняясь къ своему дурачку—сосѣду. И откуда только взялся у этой дикарки полѣсской такой сладкій, ласкающій шепотъ, такая женственная грація... Но дурачекъ какъ будто ее не слышалъ—онъ запрокинулъ голову и не отрываясь, не мигая, смотрѣлъ въ высокое небо...

Быстро мчались пошевни—и вотъ въ сторонѣ зачер-

Швейц. Картина Геври Брино, грав. Бочч.

Библиотека "Руниверс"

нблась деревня .. запахло дымомъ. Поѣздъ подкатилъ къ одной изъ мазанокъ—избушекъ. Она была обширнѣе и выше остальныхъ. У маленькой двери виднѣлись люди. Вотъ вынесли ярко пылавшую лучину. Громкіе веселые голоса и крики привѣтствовали прїѣзжихъ.

Дѣвушки выпрыгивали изъ пошевней, здоровались, смѣялись и, перебивая другъ друга, рассказывали все о томъ же, какъ онѣ отдѣлали парней.

Нѣсколько мужчинъ взяли вожжи и, отворивъ вѣтхія ворота, заводили тройки на довольно обширный дворъ, подъ соломенные павѣсы.

— А! и *дурачекъ* вашъ съ вами! Ну, хорошо что привезли, чего ему съ стариками оставаться—пускай и онъ повеселится на святки, говорилъ какой-то молодой голосъ.

И всѣ стали входить въ избу, освѣщенную нѣсколькими лучинами.

Не приглядна была обстановка избы этой. Бѣдно и печально жилище полѣскаго крестьянина. Въ наши дни, какъ и триста лѣтъ тому назадъ, совершенно первобытна эта жизнь, скудны средства... Прошли вѣка, не тронувъ и не измѣнивъ лѣснаго захолустья. Смѣнился цѣлый рядъ поколѣній, все кругомъ преобразилось и зажило новой жизнью, а здѣсь—тѣ же люди, тотъ же глубокой мракъ невѣжества, дикахъ суевѣрій, тотъ же отъ пращуровъ сохранившійся бытъ, тѣ же убогія лачуги. Но не смотря на всю свою дикость, народъ полѣсскій самый добродушный народъ въ мїрѣ. Онъ ничего не видалъ кромѣ своей тяжелой доли, совершенно доволенъ ею, и въ рѣдкія минуты отдыха предается беззаветному веселью. Онъ свято хранитъ всѣ древніе обряды и обычаи и никакъ не можетъ понять того, что эти остатки языческаго культа, несомнѣтими съ исповѣдуемымъ имъ христіанствомъ. Да и христіанствъ -то полѣшукъ только по имени. Вся природа кажется ему населенной добрыми и злыми духами. И онъ отдаетъ себя подъ покровительство первыхъ и ведетъ ожесточенную борьбу съ послѣдними. Въ своемъ сердцѣ онъ безсознательно хранитъ одинъ кладъ, который краситъ его тяжелую жизнь. Кладъ этотъ—поэзія. Прекрасны полѣсскія пѣсни, и много говорятъ онѣ душѣ человѣка. Онѣ затрогиваютъ лучшія чувства, питаютъ и возбуждаютъ жалость ко всему несчастному, угнетенному, больному...

Именно съ этой жалостью и добротою отнеслась молодежь къ дурачку, привезенному дѣвушками. Его очень рѣдко видѣли въ этой деревнѣ. Знали только, что онъ уже второй годъ живетъ у отца Маруськи, все больше молчитъ, не любитъ показываться въ люди... Полно, да ужъ дурачекъ ли это? Можетъ, просто какой больной, *порченный* человѣкъ... И откуда онъ явился? О томъ дядя Семенко никому не говоритъ—просто, молъ, подобралъ на дорогѣ... Дядя Семенко знахарь, человѣкъ зажиточный, хлѣба вдоволь—богаче всѣхъ онъ въ деревнѣ. Ему человѣка прокормить не трудно, да и дурачекъ то, говорятъ, сталъ всякую работу исполнять, помогать хозяину...

Ну вотъ теперь и посмотримъ, что за дурачекъ такой, може и не дурачекъ совсѣмъ, а такъ только слава прошла такая. А вдругъ это, прости Господи, не человѣкъ, а лѣсовикъ въ образѣ человѣческомъ—вѣдь и такое бываетъ! При этой мысли не то что дѣвки, а даже парни и тѣ побаивались дурачка, и тихонько отъ него сторонились. Но при внимательномъ взглядѣ на него всякій страхъ проходилъ, поднималась жалость.

Дурачекъ былъ молодъ и статенъ. Его красивое, тонкое лицо рѣзко отличалось отъ типа мѣстнаго населенія. Всѣ дѣвки въ одинъ голосъ говорили, что такого пригожаго парня онѣ и во снѣ не видали. Даже завидовали Маруськѣ, что живетъ съ нимъ подъ однимъ кровомъ. Не будь онъ *дурачекъ*, навѣрное сплели бы цѣлую исторію, да и была бы исторія. Маруська всѣхъ

парней отъ себя отгоняетъ—а дѣвка ужъ на возрастѣ... Но нельзя же чего подуматъ про дурачка, да и Маруську стыдно обидѣть... Всякій видитъ, какой онъ—и слова то отъ него трудно добитися.

И добродушные, простые люди, твердые въ своихъ понятіяхъ, неизвращенные въ своихъ чувствахъ, отказывались отъ всякихъ сплетней.

— Ишь, Маруська-то, скажетъ кто-нибудь,—словно за малымъ ребенкомъ, за своимъ дурачкомъ ходить.

— Извѣстно—жалко небось, вѣдь тоже человѣкъ, да пригожий такой, тихій—какъ и не пожалѣть-то.

И на томъ успокоивались люди.

Теперь дурачекъ стоялъ среди избы и безучастно глядѣлъ на всѣхъ своими свѣтлыми, грустными глазами. Его грубая, сермяжная одежда была опрятна. Густая русая борода еще больше отличала его отъ этихъ полѣшуконъ съ жидкими, почти бѣлыми бородами. Въ лицѣ не замѣчалось того ужаснаго, отталяющаго выраженія, которое такъ поражаетъ въ настоящихъ дурачкахъ, въ несчастныхъ идиотахъ отъ рожденія. Только глаза смотрѣли слишкомъ пристально, слишкомъ странно. Дурачекъ, на задаваемые ему вопросы, иногда вовсе ничего не отвѣчалъ, иногда ограничивался словомъ, другимъ... Но этотъ краткій отвѣтъ всегда показывалъ, что онъ все понимаетъ. Только когда его спрашивали—кто онъ, откуда,—съ нимъ дѣлалось что-то странное. Онъ начиналъ говорить какія-то несообразности, на какомъ-то непонятномъ даже нарѣчїи. Иное слово и скажетъ какъ слѣдуетъ—да что въ томъ толку—все равно сообразить ничего не могутъ добрые люди...

Вотъ теперь посадили его на лавку, подчуютъ лепешками, заговариваютъ съ нимъ... Отвѣтитъ онъ: да, нѣтъ! да и замолчитъ. А лепешки ѣсть исправно. Скучный такой право... а всежъ его жалко...

Молодежь начинаетъ затѣвать гаданья и игры. Подоспѣли и парни—хохочутъ, въ шутку ругаются.

Только одинъ дурачекъ не принимаетъ ни въ чемъ участія, молча сидитъ онъ въ углу да посматриваетъ равнодушными глазами.

Есть тутъ одна молодка—Настюха. Взялъ ее недавно себѣ въ жены со стороны откуда-то Павлюкъ—сынъ хозяина избы этой. Настюха—„молодица“ славная и пришлась она по сердцу Маруськѣ. Ушли онѣ теперь изъ большой избы. Настюха повела ее къ себѣ—тутъ, въ двухъ шагахъ Павлюхина избенка. Подобрались онѣ къ огню, отъ холода разведенному, и бесѣдуютъ обѣ втихомолку.

— А что я тебя спросить хотѣла, говоритъ молодка. Скажи ты мнѣ всю правду про дурачка вашего: что онъ за человѣкъ, откуда вы его взяли? спрашивала я, спрашивала, да ни отъ кого толку не добитися. Право чудные у васъ люди—ни до чего имъ дѣла нѣту—былъ бы кусокъ хлѣба во рту, а тамъ хоть трава не роси...

— Вотъ что, таинственно начала Маруся. Напрасно его всѣ дурачкомъ кличутъ—совсѣмъ онъ не дурачекъ, а думаю я такъ, что это болѣсть у него такая. А отчего она ему приключилась—вотъ послушай... Давно это было ужъ—позапрошлымъ лѣтомъ, въ самый купальный вечеръ. Мы тогда съ нашего островка болотнаго ходили къ рѣкѣ игры справлять, вѣнки въ воду кидали. Какъ сейчасъ помню—пропѣла это я купальную пѣсенку, бросила въ воду вѣнокъ, смотрю: потонетъ онъ, али поплыветъ въ свою сторону... Вдругъ, откуда ни возьмись, наѣхали ратные люди, на коняхъ. Мы перепугались было, да они ничего намъ не сдѣлали, только прогнали насъ—такъ мы и побросали наши констры; игръ не кончили... Со страху едва добѣжали до дому, забились въ шалашки, всю ночь глазъ не сомкнули. А изъ лѣсу подъ утро гулъ шелъ. Должно тутъ сѣча недалеко—бьются, говорили наши.

— Прошелъ день цѣлый—никого не видно, ничего

не слышно... И собрался это батька мой подь вечерь въ лѣсъ. Чай, знаешь ты—батька-то знахарь—отъ трясовицы, да отъ колтуна травы такія знаетъ. А растутъ эти травы въ лѣсу далеко, въ одномъ только мѣстѣ, и собирать ихъ надо на закатѣ, на другой вечерь послѣ Купалы... Жутко мнѣ было пускать батьку, да онъ не послушалъ, говорить: травы всѣ вышли, на весь годъ запасъ нужно сдѣлать... И пошелъ. Жду я, жду—нѣту батьки. Стала я плакать. Сижу себѣ и плачу. Вдругъ вижу—батька: согнулся весь, а за спиной у него человекъ. Обмерла я. Ну, думаю, лѣсовикъ это вскочилъ ему на спину... не отпускаетъ...

— Ой, что ты, родная! Ой, страшно! не вытерпѣла Настюха, съ ужасомъ озираясь, будто боясь увидѣть лѣсовика вотъ тутъ, сейчасъ, передъ собою.

— Да ты слушай—чего бояться, слабо улыбнулась Маруся. Не лѣсовикъ то былъ, а дурачекъ нашъ...

Вошелъ батька тихонько и мнѣ головой замоталъ: молчи, молчи! Свалилъ онъ человекъ, меня подозвалъ. Ужь свѣтатъ начинало—ночь-то короткая... глянула я—ахти мнѣ! парень молодой, голова вся, лицо въ крови, одежда чудная, алая да мягкая—тоже въ крови, изодрана. Самъ парень еле дышетъ, глазъ не раскрываетъ. Приказалъ мнѣ батька за водой сбѣгать, да какъ принесла воды, онъ ужъ и раздѣлъ парня, зипунъ свой на него накинулъ—и грозно такъ говоритъ мнѣ: „никому, Маруся, не моги сказывать того, что видѣла... Одежу я эту спрячу до поры до времени, а какъ поставлю молодца на ноги, такъ онъ намъ съ тобою большое спасибо скажетъ...“ Я и молчала; что сосѣди спрашивали—одинъ у меня отвѣтъ: не знаю...

— Ну, и что же парень?

— Парень лежитъ да слабо такъ, жалобно стонетъ. Батька ему лицо и голову вымылъ, кровь стала заговаривать, травы прикладываетъ. Много день лежалъ парень—куска хлѣба съѣсть не могъ, только пилъ все. Умаялась я, его сторожимши. Вотъ и голова зажила, встала парень на ноги, да дурачкомъ и вышелъ. Страшенъ онъ мнѣ сначала казался: ничего не говорить, только упрется глазами въ одно мѣсто, да вдругъ какъ захохочетъ! Ажно морозъ по кожѣ подираетъ... И батька съ нимъ говорить пробовалъ: бывало сидитъ, сидитъ, толкуетъ—нѣтъ никакого проку. И сказалъ мнѣ тогда батька, что это съ нимъ отъ крови, да отъ раны въ голову, такое приключилось... Какъ ударили, говорить, ему въ голову, такъ у него мысли и спутались... Можетъ, говорить, пройдетъ, а можетъ и нѣтъ—Богъ его вѣдаетъ, только травами поить его надо каждый вечерь...

— Ну и что-жь, и ничего, такъ дурачкомъ и остался? съ соболѣзнованіемъ спросила Настюха.

— Такъ и остался—чай сама видѣла! горько прошептала Маруся. А ужъ я ли не ходила за нимъ, я ли не берегла его... по вечерамъ травы настаивала—горькія такія травы... Стала онъ тише, пересталъ страшно смѣяться... Иной разъ и слово молвить, и понимаетъ все, что его ни спросишь, а всежь таки *порченый*, порченый, и о себѣ ничего не знаетъ—забылъ видно все, совсѣмъ забылъ...

Маруся опустила голову и смигнула набѣжавшія слезы.

— Да какъ же звать-то его?

— Кто-жь его знаетъ—что самъ говоритъ—не разберешь. Мы съ батькой Ванюшей прозвали, а народъ *дурачкомъ* величаетъ—при томъ онъ и остался... Теперь, никакъ ужъ съ осени, кажись, другое стало. Началъ онъ работать, батькѣ во всемъ помогать, каждое дѣло справить умѣетъ, иной разъ самъ заговорить со мною... Вонъ вчера съ подошелъ, по головѣ сталъ гладить: добренькая ты, говорить, добренькая...

И Маруся вдругъ залилась слезами.

— Что ты, что ты—о чемъ? Чего плачешь? встрепенулась удивленная Настюха.

— Жалко мнѣ его, жалко; сердце болитъ на него, безталаннаго, гляючи...

— Вѣстимо жалко...

— И вотъ думаю я, думаю, сквозь слезы продолжала Маруся,—неужто-жь этому и конца не будетъ, неужто такъ онъ дурачкомъ на всегда и останется... Вѣдь вотъ развѣ мало времени прошло—а все тоже! Да хоть бы знать—кто онъ такой, откуда...

— Я такъ смекаю—не изъ тѣхъ ли онъ ратныхъ людей, что къ намъ тогда въ купальную ночь понаѣхали, замѣтила Настюха.

— Это-то вѣрно, что изъ тѣхъ—и одежда на немъ была такая же какъ на нихъ, и даже мнѣ думается не наибольшей ли онъ ихній... Можетъ королевичъ какой—ужъ больно пригожь... А руки-то у него, руки! Какъ лежалъ тогда—гляжу я—бѣлыя да нѣжныя такія руки, ровно у ребенка. А на шеѣ крестъ у него большой, золотой, на золотой же толстой ниткѣ... Батька на немъ такъ этотъ крестъ и оставилъ... Королевичъ, какъ есть королевичъ!

Маруся замолчала, охваченная своими мыслями о заколдованномъ ей королевичѣ.

— Ишь дѣла-то, дѣла какія! шептала Настюха, глубокомысленно качая головою.

И она стала торопить Марусю въ большую избу—послѣ этихъ рассказовъ ей не терпѣлось, хотѣлось скорѣе посмотреть на дурачка, взглянуть на его руки. „Можетъ и впрямъ королевичъ!“ думала она и начинала чувствовать къ дурачку и жалость и какое-то благоговѣніе.

Въ большой избѣ дымъ стоялъ коромысломъ. Парни и дѣвки очевидно помирились и сидѣли по парно. Хоромъ пѣли пѣсни и подь шумокъ перешептывались другъ съ дружкой. Многія дѣвки хотъ и не гадали еще въ этотъ вечеръ, а ужъ заранѣе и навѣрно знали, кто ихъ суженый-ряженый.

Тепло, даже душно было въ избѣ. Ярко горѣли лучины, рдѣли румянцемъ щеки дѣвушекъ. Только дурачекъ въ своемъ уголку былъ блѣденъ и грустенъ по прежнему. Къ нему подсаживались и дѣвки, и парни, заговаривали съ нимъ, угощали его своими незатѣйливыми лакомствами. Но ни что не выводило его изъ задумчивости.

Настюха и Маруся были встрѣчены шутками и догадками—видно онѣ гдѣ нибудь ворожили... Марусякино это дѣло, недаромъ тятка—знахарь. А Настюхѣ не годилось бы—и чего Павлюкъ смотритъ, не учить какъ надо свою бабенку.

Настюха удовлетверила свое желаніе—разсмотрѣла дурачка, убѣдилась въ красотѣ его рукъ; но заговорить съ нимъ не посмѣла.

— А дурачекъ то твой вѣдь тебя спрашивалъ, сказали Марусѣ. Сидѣлъ это онъ, молчалъ, молчалъ, да вдругъ: Маруся, говорить, спой пѣсню!...

Дѣвушка взглянула на своего любимца. Онъ ничего не слышалъ—если и были у него какія мысли, то видно онѣ ушли далеко.

Она вошла въ кружокъ и приготовилась пѣть. Всѣ замолчали.

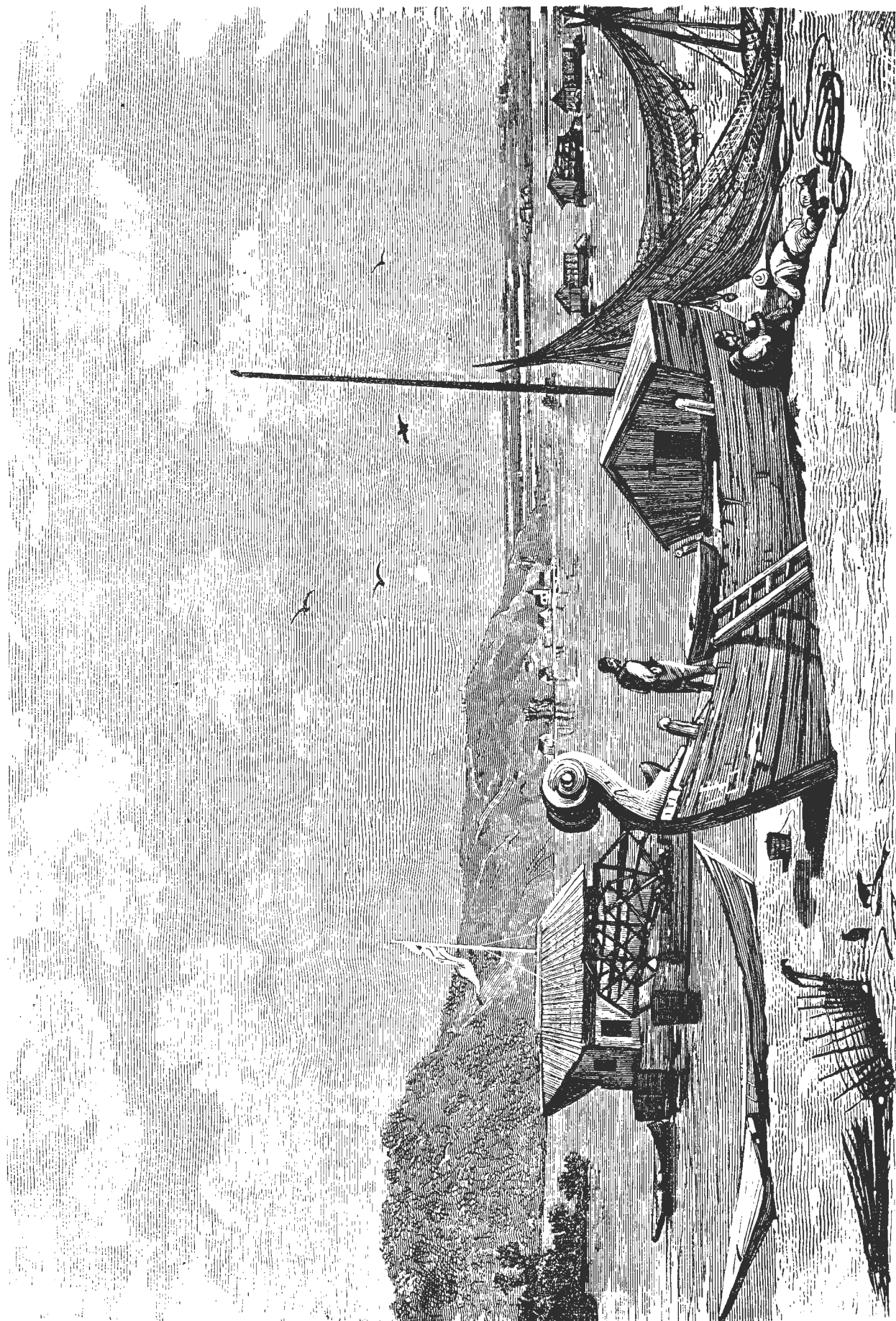
Маруся запѣла.

Не цвѣтокъ въ лѣсу душистый
Рано увядаетъ,
А меня, дѣвчину, горе
Горе сокрушаетъ.

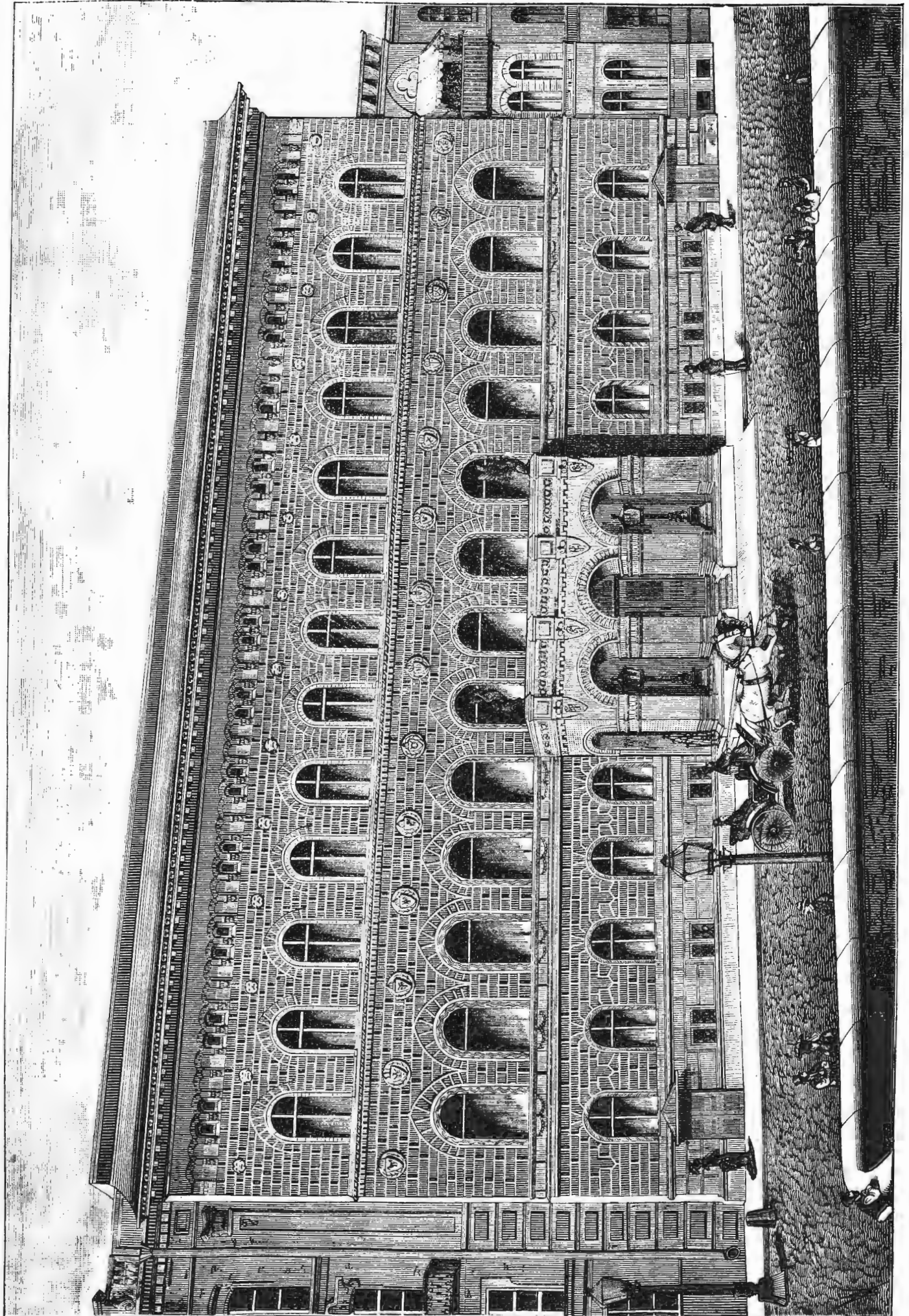
* * *

Яснымъ утромъ выйдетъ солнце,
Цвѣтикъ приголубитъ...
А меня, меня, дѣвчину,
Милый мой не любитъ...

Никогда еще не пѣвала такъ полѣсская дикарка. Недаромъ нѣкоторые парни начинали считать ее чаровницей. Ея пѣсня сразу всѣхъ заворожила, никто не

Рыбачьи лодки и водяная мельница на Дунае. Рис. наш специальный корреспондент Н. Карзин, рис. Боярский.

Видъ дворца Бел. Князя Владиміра Александровича, по набережной рѣки Невы въ С.-Петербургѣ. Рис. съ натуры Ванюра, грав. Трашно.

рѣшился подтянуть ей... Всѣ слушали не переводя дыханія, боясь пропустить хоть одинъ звукъ чудной пѣсни. И плакали, плакали звуки, и говорила въ нихъ безысходная боль души дѣвчечьей...

Чудно хороша была и сама пѣвица. Въ этой душевной, закоптѣлой избѣ, среди не особенно красивыхъ, грубоватыхъ лицъ, въ грязи и бѣдности еще болѣе поражало ея вдохновенное лицо, ея глаза — глубокие и темные.

Вдругъ дурачекъ поднялся съ своего мѣста и сталъ жадно слушать. Онъ тяжело дышалъ, выраженіе безжизненности, безучастности, поражающее въ немъ, пропало.

Вотъ онъ винулся къ Марусѣ и впился въ нее глазами.

— Не то, не то! прошептали его губы.

Онъ горько, отчаянно зарыдалъ и упалъ на грязный полъ, къ ногамъ Маруси.

V.

Что же такое случилось съ дурачкомъ? отчего на него такъ подѣйствовала пѣсня Маруси? Никогда еще, ни разу, во всѣ эти долги мѣсяцы онъ не плакалъ, ни разу не вышелъ изъ своей апатіи. А тутъ вдругъ волнение, отчаянье, слезы и рыданія!...

Ужъ конечно не полѣсскій знахарь Семенко могъ отвѣтить на эти вопросы. И въ наши дни, при развитіи науки и тончайшихъ, добросовѣстнѣйшихъ наблюденій психіатровъ, такіе вопросы остаются безъ отвѣта. Душевная болѣзнь, поражающая человѣка, составляетъ самое изумительное, таинственное явленіе...

Какъ бы то ни было, что-то могущественное потрясло дурачка когда онъ вслушивался въ горькіе, страстные звуки Марусиной пѣсни. Быть можетъ эти звуки, эти рыданія и стоны, раздавшіеся въ нихъ, пробудили какое-нибудь далекое, заснувшее воспоминаніе. Быть можетъ само лицо пѣвицы, преображенное силой поэтического вдохновенія и душевнаго порыва, напомнило ему другое лицо, черты котораго, едва пронесшись передъ нимъ, должны были вызвать къ дѣятельности его пораженную умственную жизнь и жизнь его сердца.

Онъ упалъ и такъ долго не могъ прийти въ себя что Маруся, а за нею и остальные стали думать, что онъ уже умеръ. Всеобщее веселье было нарушено. Маруся плакала, стараясь привести въ чувство своего дурачка. Вотъ наконецъ онъ пошевелился и открылъ глаза. Онъ быстро, жадно сталъ всматриваться въ окружающіе предметы, какъ будто видѣлъ ихъ въ первый разъ; не узнавалъ Марусю, не понималъ—гдѣ онъ и что съ нимъ такое.

Старики и старухи, призванные на совѣтъ молодежи,

взглянули на дѣло очень просто. Они прежде всего хорошенько выбрали дѣвушекъ за то, что тѣ привезли съ собою *порченого*. Если дядя Семенко взялъ его къ себѣ, пусть за нимъ и смотритъ. А тутъ, чего добраго, случится съ нимъ что нибудь. Нѣтъ, ужъ лучше, подальше отъ бѣды, везти его скорѣе обратно... На томъ и порѣшили.

Павлюкъ заложилъ пошевни и обѣщался доставить дурачка къ дядѣ Семенко. Марусю упрасивали остаться, но она и слышать ничего не хотѣла—живо собралась и тоже уѣхала. Потужили парни, да нечего дѣлать. Ну и Богъ съ ней, съ этой Маруськой—славная дѣвка и поетъ что твой соловей, да больно что-то мудрена, съ ней не сговоришься... Аниски да Аленки лучше—эти неотвертываются отъ парней...

Когда Маруся и Павлюкъ привезли дурачка, дяди Семенко не было дома—онъ тоже отправился попить куда-то по сосѣдству. Павлюкъ спѣшилъ вернуться во свояси. Маруся заперла за нимъ дверь хатки, развела огонь и подошла къ кучѣ соломы, на которую прилегалъ дурачекъ. Она сѣла съ нимъ рядомъ, приподняла его голову и положила ее къ себѣ на колѣни. Онъ не сопротивлялся. На него нашло какое-то забытье, только нервная судорога иногда пробѣгала по лицу.

Маруся гладила его мягкіе волосы; ея грудь высоко поднималась, а изъ глазъ то и дѣло капали тихія слезы. Она никогда не задумывалась надъ вопросомъ: дорогъ онъ ей, или нѣтъ, и какъ дорогъ?... Она просто любила его всею жалостью своего сердца. Теперь, когда его голова лежала у нея на колѣняхъ, когда она слышала его горячее дыханіе, смотрѣла на его блѣдное, прекрасное лицо—ей было и сладко, и больно... „Жалко его, жалко!“—твердила она и себѣ и другимъ.

Минуты шли за минутами. Отецъ не возвращался. Все было тихо въ хаткѣ—только трещали зажженные сухіе сучья. Маруся въ полголоса запѣла какую-то длинную, жалобную пѣсню. Она сама забылась. Она не замѣчала, какъ дурачекъ приподнял голову съ ея колѣнъ, съ какимъ изумленіемъ смотрѣлъ онъ на нее.

— Кто ты? кто ты? вдругъ спросилъ онъ, хватая ея руки.

Она вздрогнула. Она взглянула на него и отшатнулась—передъ ней былъ совсѣмъ новый человѣкъ. Неуловима была перемена, происшедшая съ нимъ; но она поразила Марусю. Теперь ужъ никто не называлъ бы его дурачкомъ—въ его глазахъ была мысль, былъ огонь.

— Кто ты? кто ты? повторялъ онъ.

— Ванюша, что съ тобой? развѣ ты не узнаешь меня, Ванюша? Посмотри хорошенько—вѣдь я Маруська... къмъ же мнѣ и быть то!.. жалобно заговорила дѣвушка.

(Продолженіе будетъ).

КАРДИНАЛЬ АНТОНЕЛЛИ.

(Некрологъ).

6-го ноября н. с. (25-го октября) умеръ въ Римѣ кардиналь Антонелли, родившійся въ 1806 году въ Сонніо, близъ Террачино. Джакомо Антонелли происходилъ изъ древней фамилии Романъ, но это, впрочемъ, еще спорный вопросъ. Отецъ кардинала былъ пастухомъ. Попавъ въ римскую семинарію, молодой Антонелли обратилъ на себя вниманіе начальства *удивительнымъ послушаніемъ*, а извѣстно, что такого рода качество имѣетъ высокую цѣну въ глазахъ иезуитовъ. Начальство «отмѣтило» его, а впоследствии и самъ папа Григорій XV заинтересовался молодымъ воспитанникомъ семинаріи, проявившимъ далеко недюжинныя способности. Сынъ пастуха сдѣлалъ блестящую карьеру. Тридцатипятилѣтній Антонелли былъ уже товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ папской области; въ 1845 г. его назначили министромъ финансовъ, а черезъ два года, вскорѣ по полученіи Масаи Феретти папской тиары, папа Пій IX пожаловалъ ему кардинальскую шляпу, сдѣлавъ его въ тоже время статсъ-секретаремъ, главою правительства его святѣйшества. Пій IX, какъ извѣстно, имѣлъ въ то время склонность къ либеральнымъ идеямъ, увлекался, желалъ многое пересоздать и вообще обнаруживалъ благія намѣренія,—это, ко-

нечно, не укрылось отъ хитро-умнаго статсъ-секретаря. Антонелли никогда не былъ прогрессистомъ, либераломъ, но желая во чтобы то ни стало добиться власти, на первыхъ порахъ подкакивалъ Пію IX, прикидываясь ревнителемъ прогресса и достигъ желанной цѣли. Папа почти подружился съ нимъ, сервезно въ то время помышляя стать во главѣ національнаго движенія. Антонелли, какъ человѣкъ проникательный, хорошо видѣлъ, что изъ папскаго либерализма ничего не выйдетъ и что рано-ли, поздно-ли самъ Пій IX выбросятъ за окно всѣ свои «либеральныя стремленія». Такъ и случилось. Папа испугался революціоннаго движенія, а когда министръ его, графъ Росси, былъ убитъ, Антонелли уговорилъ Пія бѣжать въ Гаэту. По возвращеніи изъ Гаэты (1850 г.) его святѣйшества, кардиналь Джакомо Антонелли былъ сдѣланъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, каковымъ и оставался до конца своей жизни. За все время своего 26-лѣтняго управленія кардиналь не измѣнилъ себѣ ни разу и сошелъ въ могилу ярлымъ консерваторомъ. Реформы, обѣщанныя папой, конечно, не осуществились, потому что Антонелли не выпускалъ изъ рукъ своихъ намѣстника апостола Петра. На дѣлѣ папой былъ не Пій IX, а самъ Ан-

тонелли, который и говорил не стѣсняясь: «папа—это я!» Такая политика весьма вредно вліяла на благосостояніе страны, горючая всякое развитіе; торговля упала, промышленность стала чахнуть, словомъ—явились признаки разоренія, а между гѣмъ разбойничьи шайки, вовсе не боясь панскихъ жандармовъ, безчинствовали и тамъ и сямъ. Итальянцы не только не любили, но даже ненавидѣли кардинала Антонелли, усматривая въ немъ личнаго своего врага, и разъ даже (1855 г.) покушались умертвить его. Получивъ довольно опасную рану пушечнымъ, кардиналъ выздоровѣлъ и все-таки остался такимъ, какимъ былъ, угроза эта вовсе не подействовала на него. Безспорно умный, талантливый человекъ, Антонелли принадлежалъ къ разряду тѣхъ, которыхъ называютъ «чертвыми», злостами; онъ не былъ даже религіознымъ; собственно инте-

ресы церкви вовсе не занимали его; властолюбіе и честолюбіе—вотъ главный рычагъ дѣятельности покойнаго министра-кардинала. Люди, хорошо знавшіе его, говорятъ, что онъ былъ скорѣе свѣтскимъ кавалеромъ, чѣмъ духовнымъ лицомъ, скорѣе *Дон-жуаномъ*, чѣмъ монахомъ. Въ кабинетѣ его, вмѣсто статуи Мадонны, красовалось мраморное изваяніе Венеры... Антонелли любилъ дамское общество и особенно внимательно относился къ супругамъ посланниковъ. «Металломъ звенящимъ» онъ также не пренебрегалъ, такъ что послѣ смерти его осталось громадное состояніе—почти до ста милліоновъ. Покойный кардиналъ, какъ и покойный Потемкинъ-Тавричскій, имѣлъ особенное пристрастіе къ драгоценнымъ камнямъ; онъ оставилъ богатую коллекцію этихъ драгоценностей, которая и разойдется по рукамъ многочисленныхъ его наслѣдниковъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Пѣвчіе.

(Картина Генри Брнно).

Въ католическомъ храмѣ служится месса. Молящіяся, и особенно женщины, которыхъ втрое болѣе мужчинъ, набожно слѣдятъ по молитвеннику за ходомъ службы. Нѣкоторые изъ нихъ, спустившись со скамейки, стоятъ на коленяхъ, склонивъ голову на руки; на лицахъ другихъ благоговѣніе, смиреніе, кротость, словомъ, что-то такое, чего въ храма, въ обыденной жизни не увидишь на этихъ самыхъ лицахъ. Стройное, звучное пѣніе, дрожащія густые аккорды органа, видъ открытаго алтаря—все это уноситъ душу куда-то далеко, отдѣляетъ набожнаго человека отъ земли грѣховной, отъ суеты земной. И посмотрите, какъ стараются эти почтенные пѣвчіе хорошо исполнить молитвенный гимнъ, зная, что согласное, пріятное пѣніе ихъ, въ связи съ окружающей обстановкой, производитъ на молящихся глубокое впечатлѣніе! Французскій художникъ съумѣлъ уловить физиономію поющихъ, и вы какъ будто слышите звуки пѣнія, гармонию молитвеннаго гимна. Прямо передъ вами—толстогубый бабъ, почтенный мужъ, спускающій бархатную октаву: еще нѣсколько тактовъ—и низкая нога замретъ въ темныхъ сводахъ храма, а октавистъ, сдѣлавъ свое дѣло, велася зарядить носъ табачкомъ, благо табакерка уже открыта и между большимъ и указательнымъ пальцемъ правой руки его свата здоровенная порція зелья, услаждающаго слизистую оболочку носа.

Рыбачьи лодки и водяныя мельницы на Дунаѣ.

На нашемъ рисункѣ, на первомъ планѣ, вытасенная на песчаный, пригрѣтый южнымъ солнцемъ берегъ лодка; вемотричь въ ея оригинальныя формы: этотъ возвышенный носъ, украшенный красиво-выгнутымъ грифомъ, высокіе, массивные уключины для большихъ, двуручныхъ веселъ, эта рубка на тяжелой кормѣ, прямо отвѣченной сзади, не напоминаетъ ли все это формы древнѣйшихъ судовъ Греціи, сохранившихся только въ барельефахъ и фрескахъ на древнихъ памятникахъ? Корабль Арго, на которомъ плавали за золотымъ руномъ, корабль Улисса, извѣдавшій столько интересныхъ и разнообразныхъ приключеній, корабль носившій на себѣ Телемака и Ментора и др. отошедшіе даже отъ историческаго времени, составляющіе атрибуты и детали легендъ и преданій.

Безспорно, что первобытнѣйшій типъ морскихъ и рѣчныхъ судовъ почти исчезъ—наука, изучивъ теорію плавучести и движенія, создала цѣлый рядъ типовъ, въ высшей степени интересныя, пока не достигла современныхъ результатовъ—и если вы сопоставите «Арго» съ какимъ-нибудь «Петромъ Великимъ» или «Тюндереромъ», то увидите, поразительный контрастъ, въ которомъ немислима никакая сравнительная параллель.

А видѣть этотъ контрастъ въ высшей степени интересно. Только на Дунаѣ путешественникъ можетъ встрѣтиться съ такими контрастами. Скромный народъ, не гонявшійся за изобрѣтеніями науки, довольствуясь самыми скромными потребностями, остался почти чуждъ прогрессу—положимъ, хоть судостроенія, и сохранилъ изъ рода въ родъ первобытную форму своихъ рыболовныхъ лодокъ.

Здѣсь, на Дунаѣ, рядомъ съ новѣйшими пароходами самыхъ изящныхъ, приспособленныхъ къ дѣлу типовъ, рядомъ съ этими колоссальными, плавучими салонами, рядомъ съ могучими буксирными судами, даже съ хитроумными, окованными желѣзомъ канонерками—вы встрѣчаете и скромныя формы корабля Арго, формы цѣлкомъ позаимствованныя у извѣстнаго моллюска и его жилища—*раковины перловки—ботика*, и простоватый, добродушный дондѣля рыбака сербъ, сидя на борту такого кораблика, спокойно и равнодушно смотритъ на мимоидущіе колоссы, чудеса прогресса и современной науки. Его занятіе не сложно, потребности тоже, и онъ совершенно доволенъ тѣмъ, что имѣетъ и изъ рода въ родъ передаетъ свое судно, со всѣми его древними формами.

Подобныя суда плаваютъ тихо—рыбакъ не дорожитъ особенно своимъ временемъ, и это его не беспокоитъ нисколько. Суда эти довольно устойчиво сидятъ на мѣстѣ—это ему на руку и онъ основываетъ на палубѣ и въ каютѣ своего кораблика чуть не постоянное свое жилище.

Если ему удастся завести двѣ такихъ лодки, онъ часто устраиваетъ въ нихъ мельницу, приносящую ему уже порядочный заработокъ, несравненно большій, чѣмъ рыбная ловля. Подобныя плавучія мельницы часто встрѣчаются на Дунаѣ; мѣстами такъ онѣ положительно усѣваютъ всю поверхность рѣки, близъ береговъ, образуя цѣлыя плавучія селенія.

Эти мельницы тоже изображены на нашемъ рисункѣ; онѣ устраиваются такимъ образомъ:

На одной лодкѣ, нѣсколько большей, ставится самый простой мельничный механизмъ изъ двойнаго жернова, проводной шестерни, качающагося резервуара для сѣпки зерна и приемника для муки. Отъ этого механизма идетъ валъ, конецъ котораго тянется къ слѣдующей лодкѣ, рядомъ стоящей, гдѣ и закрѣпляется въ скобу. На этомъ валѣ устроены, на тонкихъ спицахъ, досчатая лопасти водянаго колеса, которое и вращается такимъ образомъ между двухъ лодокъ, приводясь въ движеніе теченіемъ воды. Незамысловато и дешево.

Если почему либо выбранное для стоянки мельницы мѣсто окажется неудобнымъ, или здѣсь появятся опасные конкуренты, мельникъ-рыбакъ снимается съ якоря и переплываетъ на другое мѣсто—лучшее.

Онъ собственникъ, и это выражается довольно очевидно его именемъ, крупно написаннымъ на стѣнѣ мельницы, онъ платитъ исправно, крупно повинности и гордо выставляетъ на флагштокъ свой національный флагъ. Онъ честно зарабатываетъ своей хлѣбъ—хлѣба этого достаточно—и онъ совершенно покоенъ, доволенъ собою и знать не хочетъ никакихъ улучшеній и усовершенствованій.

Н. Карзинъ.

Дворецъ Великаго Князя Владимира Александровича.

Изображенный здѣсь рисунокъ представляетъ дворецъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владимира Александровича, главнымъ фасадомъ своимъ выходящій на рѣку большую Неву.

Стиль его нѣсколько подходитъ къ стилю флорентинскихъ дворцовъ. Цоколь вышиною болѣе 4 арш. сложенъ изъ сильно профилированнаго сѣраго сердобольскаго гранита; стѣны по преимуществу кирпичныя и сложены по раствору изъ сѣрой тосинской извести, а всѣ архитектурныя части и украшенія, напр. колонны, карнизы, наличники и проч. отлиты изъ цемента въ большихъ кускахъ и вставлены на мѣста выѣвъ съ кирпичною кладкою стѣнъ.

Главная входная дверь ведетъ въ небольшую сѣню. На цѣвтомъ окнѣ надъ входомъ написанъ В. Д. Сверчковымъ великокняжескій гербъ. Изъ сѣней на лѣво передняя (Style Henri IV) съ каминомъ изъ бременскаго песчаника. Парадная лѣстница въ стилъ французскаго ренессанса временъ Франциска I, сдѣлана изъ сѣраго гранита и мрамора по каменнымъ стѣнкамъ; стѣны убраны лѣтними скульптурными работами на золотомъ фонѣ. Въ срединѣ богатаго потолка помѣщена картина профессора В. П. Верещагина «Геній искусствъ на берегахъ Невы». Перила лѣстницы составлены изъ мотивовъ буквы В. (Владиміръ). На нижней площадкѣ, въ стѣнной нишѣ поставленъ слѣпокъ съ античной группы «Амуръ и Психея», на верхней: мраморная группа художника Бродскаго «Первые нащеты любви»; здѣсь же устроена подъемная машина. Подъемныхъ машинъ во дворцѣ 3: 1-я по парадной лѣстницѣ—гидравлическая съ вертикальнымъ поршнемъ, для поднятія въ бель-этажъ людей; 2-я механическая для подъема чеходановъ, дровъ и проч. и 3-я ручная, при буфетѣ, для кушанья.

Дворецъ отопливается голландскими изразчатými печами, каминами и пневматическими калориферами (сѣни и парадныя комнаты).

Въ нагрѣватели способствуютъ и провѣтриванію комнатъ. Въ кухняхъ же и буфетахъ имѣются особые вытяжные каналы, расположенные между постоянно горячими дымовыми трубами и снабжены отчасти газовыми горѣлками. Къ очагамъ подъ поломъ проведень наружный воздухъ.

Полы въ жилыхъ кухняхъ и подвалахъ сдѣланы изъ асфальта, въ прочихъ мѣстахъ, смотря по ихъ назначенію—изъ булыжника, мозаики, мрамора, терракотовыхъ, плитокъ дубоваго и сосноваго паркета и шитовые.

Зданіе дворца состоитъ изъ трехъ частей: изъ главнаго собственно двоцоваго корпуса, изъ должностнаго, выходящаго на Милліонную улицу, съ надворными, служительскими флигелями и изъ конюшеннаго, поставленнаго въ среднѣ главнаго двора, между дворцомъ, должностнымъ и служительскими флигелями.

Постройка дворца начата была архитекторомъ профессоромъ А. И. Резановымъ въ 1867 г. и окончена при содѣйствіи архитекторовъ академикомъ В. А. Шретера, Л. А. Гуна и Г. С. Китнера въ 1872 г. Вся постройка, съ омеблировкой, коврами, драпировками, бронзами стоила 820,030 рублей.

Собственные Его Высочества комнаты расположены во дворцѣ на право отъ параднаго входа; нѣсколько ступеней изъ сѣней ведутъ въ нихъ. Помѣщеніе его состоитъ изъ передней, приемной (она же и бильярдная), гостиной, кабинета, бібліотеки, гардеробной, уборной и комнаты для прислуги. Непосредственно съ половиною Его Высочества находится и баня, отдѣланная въ русскомъ стилѣ. Изразцовая каменка вся росписана Подъ

баней устроена механическая паровая прачешная и паромъ изъ котла можетъ пользоваться и баня.

Въ бельэтажѣ надѣво съ площадки входъ въ покои Ея Высочества Великой Княгини Маріи Павловны, а прямо — въ парадныя комнаты дворца.

Будуаръ Великой Княгини отдѣланъ въ мавританскомъ стилѣ. Стѣны опочивальни обиты лиловымъ атласомъ, съ мягкой стѣжкою по низу. Мебель бѣлая, лакированная съ атласною свѣтло-зеленоватою обивкой.

Приемная въ парадныхъ комнатахъ съ большимъ балкономъ на Неву, обставлена черной мебелью съ малиновой шелковой обивкой; съ чернымъ мраморнымъ каминомъ Банкетный залъ декорированъ въ русскомъ стилѣ, съ хорами для музыкантовъ. На стѣнахъ помѣщаются картины, содержаніе которыхъ взято изъ русскихъ сказокъ, такъ напр. Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ—работы В. П. Верещагина

Люстры сдѣланы изъ красной полированной мѣди; занавѣсы изъ небѣленаго полотна, убраны русскимъ шитьемъ; въ глубинѣ поставлена изразцовая росписная печь. Вокругъ потолка, по фризу написаны славянскими буквами русскія поговорки, относящіяся къ хлѣбу—соли.

Дѣтская половина и комнаты фрейлинъ помѣщаются въ 3-мъ этажѣ. А надъ третьимъ этажемъ, представляя въ планѣ прямоугольникъ, устроена дворцовая церковь. Иконостасъ въ церкви одноярусный, дубовый съ образами на золотомъ фонѣ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Календарь съ отрывающимися листками. Ежедневникъ на 1877 годъ. Изданіе Эдуарда Гонне. Цѣна 75 коп.

Календарь этотъ изданъ весьма опрятно и имѣетъ довольно изящный видъ. Книжка съ отрывающимися листками прикреплена къ куску толстаго картона, разрисованному въ русскомъ вкусѣ (длина картона около 8 вершковъ). На лицевой сторонѣ, подъ книжкой, указаны цѣны всесельной гербовой бумаги, а саади на картонѣ помѣщены пожарные сигналы въ С.-Петербургъ и такаса почтовыхъ сборовъ за внутреннюю корреспонденцію. На отрывающихся листкахъ, громъ дня, числа и мѣсяца, можно найти различныя указанія, напр., на листкѣ «*Ливарь, 3 (15), понедельник*», кромѣ церковныхъ свѣдѣній, указано на тиражъ акцій и обліг. шуйско-ивановъ, желѣзной дороги. Въ этотъ день, по народному повѣрью, можно *отчитать* коженни-

говъ (меланхоликовъ) (?). Ярмарка въ Переяславѣ. Календарь этотъ можетъ быть стѣннымъ, такъ какъ для гвоздика наверху въ картинѣ сдѣлано отверстіе. Указанный ежедневникъ полезная и недорогая вещь.

Картины по священной и церковной исторіи. Главнѣйшіе праздники православной церкви, съ текстомъ и примѣрными уроками. Подъ редакціей свящ. В. Я. Михайловскаго, рисов. Барбитовъ, рѣзалъ на деревѣ Герасимовъ. Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб. Это изданіе можетъ быть, по нашему мнѣнію, весьма полезно для дѣтей, такъ какъ въ памяти ихъ сильнѣе останется впечатлѣніе разсказа изъ священной исторіи, когда этотъ разсказъ сопровождается рисункомъ, что и сдѣлано въ этомъ изданіи.

С М Ъ С Ъ.

Высшее духовенство въ Англіи получаетъ огромное жалованье. Примасъ Англіи получаетъ 375,000 франковъ жалованья (въ годъ) архіепископъ іоркскій 250,000 фр.; епископы отъ 100—200 т. фр.; но это вознагражденіе еще удваивается доходами съ епископствъ (лондонское епископство приноситъ полмилліона фр.). Понятно послѣ этого, съ какою энергіей помогаютъ этихъ выгодныхъ должностей и какую роскошную жизнь ведутъ семейства высокоихъ сановниковъ англійской церкви! И потому англійское духовенство, имѣющее, конечно, въ своей средѣ людей очень образованныхъ и почтенныхъ, сдѣлалось, однакоже, убожищемъ всѣхъ интригановъ и посредственностей.

Число пассажировъ, перевезенныхъ парижскими omnibusами, простиралось въ 1874 году до 115 милліоновъ. Въ 1855 г. число этихъ пассажировъ составляло 40 милліоновъ; въ 1860 г.—72 милліона, а въ 1867 г., во время всемірной выставки, достигло до 121 милліона. Въ 1869 г. число пассажировъ, воспользовавшихся проѣздомъ въ парижскихъ omnibusахъ, было 119 милліоновъ; въ 1871 г., во время осады, число это уменьшилось до 78 милліоновъ; въ 1872 г. возвысилось опять до 111 милліоновъ, а въ 1874 г. достигло уже помянутой выше цифры.

Число локомотивовъ на земномъ шарѣ. На основаніи статистическихъ данныхъ, обнародованныхъ во французскихъ журналахъ, число всѣхъ локомотивовъ, находящихся въ дѣйстви на желѣзныхъ дорогахъ стараго и новаго свѣта, простирается до 50,000, стоимостью до 2½ милліардовъ франковъ. Означенное количество локомотивовъ распределяется между различными государствами слѣдующимъ образомъ: въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ 14,200, въ Англіи 10,900, въ Германіи 5,900, во Франціи 4,900, въ Россіи 2,600, въ Австріи 2,400, въ Венгріи 500, въ Италіи 1,200. Остальное количество локомотивовъ находится въ употребленіи во второстепенныхъ государствахъ.

Сѣдобная земля. Нѣкоторые народы питаются землястыми

веществами и находятъ эту пищу не только безвредною, но и вкусною. Плиній говоритъ, что между Неаполемъ и Пуццолою находился *холмъ бѣлой земли*, изъ котораго жители этой мѣстности добывали какую-то бѣлую землю и варили изъ нея аликю. Плиній очень хвалитъ это кушанье, но только натуральное, а не поддѣльное. Существовали различныя мнѣнія о томъ, что такое пуццольская земля, пока ученый Эненбергъ не представилъ Берлинской Академіи Наукъ своихъ изслѣдованій по этому предмету, изъ которыхъ оказывается, что пуццольская земля есть стекловидный порошокъ, состоящій изъ частицъ особаго рода пемзы, въ крошечныхъ ячейкахъ которой находятъ измѣненные остатки микроскопическихъ животныхъ, также иглообразные кристаллы, подобные кристалламъ гипса. Русскій путешественникъ Крашенинниковъ пишетъ, что во многихъ мѣстахъ Камчатки добывается особый родъ легкой земли, сходной вкусомъ со сметаною и что камчадалы и тунгусы употребляютъ эту землю какъ пищу и какъ лекарственное средство. Другой путешественникъ, Стелларъ, говоритъ, что это землястое вещество не иное что, какъ нѣжная глинистая земля. Ямы этой земли, глубиною въ полторы и двѣ сажени, находятся въ большомъ числѣ по берегамъ рѣки Марекана, впадающей въ Охотское море. Путешественникъ Эйри говоритъ, что въ заленскомъ краѣ, по рѣкамъ Доддо и Иостаху, находятся также мѣстности, изобилующія землястымъ жирнымъ веществомъ, употребляемымъ тунгусами въ пищу и какъ лекарство. Гумбольдтъ разсказываетъ о землядахъ тропическихъ странъ между прочимъ слѣдующее: въ 1800 г., плывя по Ореноко, мы прибыли въ деревню Отомаковъ, питающихся землей. Употребляемая въ пищу земля есть не иное что, какъ нѣжная и жирная горшечная глина сѣрожелтаго цвѣта. Отомаки скатываютъ ее шариками и поджариваютъ на слабомъ огнѣ, пока эти шарики не покраснѣютъ, а затѣмъ уже ѣдятъ ихъ, смачивая водою. Этимъ веществомъ индійцы питаются во время 2, 3 мѣсяцевъ, когда прекращается ловля рыбы; но и съ открытіемъ ловли пристрастіе ихъ къ землѣ не ослабѣваетъ, и послѣ своего обѣда они лакомятся нѣсколькими поджаренными кусками земли.

(Прод. на стр. 795 и 796.)

При этомъ № прилагаются объявленія для гг. иногородныхъ подписчиковъ:

1) Отъ книжнаго магазина Д. Ѳ Федорова въ С.-Петербургѣ.

2) Отъ чайнаго магазина Ѳ. Корещенко въ Москвѣ.

3) Отъ книжнаго магазина А. Д. Ступина въ Москвѣ. НВ. Послѣднія объявленія А.

Д. Ступина печатаются въ Московскомъ книжномъ магазинѣ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ „РУССКОЕ ОБОЗРЕНИЕ“ ВЪ 1877 ГОДУ.

Съ июля 1876 года выходит въ Петербургѣ, по воскреснымъ днямъ, «Русское Обозрѣніе», политическая и литературная газета, издаваемая и редактируемая Г. К. Градовскимъ (Гаммою).

«Русское Обозрѣніе» имѣетъ целью давать, въ каждомъ номерѣ, обстоятельный и осмысленный обзоръ важнѣйшихъ и почему-либо замѣчательныхъ событій и явленій въ области политической и общественной жизни и литературы, какъ въ Россіи, такъ и за границею.

«Русское Обозрѣніе» служитъ, такимъ образомъ, полезнымъ дополненіемъ ежедневныхъ газетъ и можетъ замѣнить ихъ тѣмъ лицамъ, которыя, по условіямъ роста и возраста или по недостатку времени, лишены возможности пользоваться, своевременно, ежедневною печатью.

Не ограничиваясь событіями и явленіями общерусской политической и общественной жизни, редакція приняла мѣры, чтобы на страницахъ «Русскаго Обозрѣнія» отражалась, періодически, и областная жизнь, не исключая и выходящихъ за границы и вообще мѣстностей, находящихся въ болѣе или менѣе исключительныхъ условіяхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на политическую и литературную газету „РУССКОЕ ОБОЗРЕНИЕ“ на 1877 годъ.

Въ 1877 году, «Русское Обозрѣніе» будетъ выходить, по воскреснымъ днямъ, по слѣдующей программѣ:

- 1. Внутреннее Обозрѣніе: отчеты и статьи по важнѣйшимъ явленіямъ и вопросамъ государственной, общественной и экономическаго жизни Россіи.
- 2. Иностранное Обозрѣніе: Периодические отчеты и статьи по политической и общественной жизни за границею; обсужденіе явленій и вопросовъ изъ области международного права.
- 3. Хроника: юридическая (законодательная мѣры и важнѣйшіе судебные процессы), провинціальная (земство, городское управленіе, явленія мѣстной жизни) театральная, художественная и музыкальная.
- 4. Отдѣлъ литературный: оригинальныя болѣе или менѣе произведенія, критика и библиографія.
- 5. Фельетонъ—общественно-политическій и литературный

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки.	Съ доставк. и перес.
На годъ 4 руб.	5 руб.
„ 1/2 года 2 „	3 „
„ 1 мѣсяць 60 коп.	1 „

Иногородные подписчики адресуютъ: въ Петербургѣ, въ редакцію «Русскаго Обозрѣнія» (Надеждинская, № 14).

Сверхъ того, можно подписываться въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (Невскій пр., домъ № 46, куда переведена главная контора «Русскаго Обозрѣнія»; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова) и въ Невѣѣ—въ книжномъ магазинѣ Гиттера и Малюкова (на Крещатицк., домъ бывш. Заводскаго).

На тѣхъ же условіяхъ можно подписываться на «Русское Обозрѣніе» и въ 1876 году, со дня появленія газеты (11-го июля) и съ другихъ сроковъ»

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1877 ГОДУ „БУДИЛЬНИКА“

Газетическаго журнала съ хроло-автографическими рисунками и карикатурами ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ:	на полгода:
Безъ доставки . . . 6 р. — к.	Безъ доставки . . . 3 р. 50 к.
Съ доставкой . . . 7 „ — „	Съ доставкой . . . 4 „ — „
Съ перес. въ города 7 „ 50 „	Съ пересылкою . . . 4 „ 50 „

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 20 к. с.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Москвѣ—въ редакціи (на Большой Никитской) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ Москвы, подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: С.-Петербургъ, Одесса, Харьковъ, Полтава, Курскъ, Орла, Мценскъ и Воронежъ.

Редакція покорнѣе проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно, дабы приготовить могущую быть несвоевременно выслану номеру журнала.

Поступилъ въ продажу во всѣхъ книжн. и бумажн. магаз. С.-Петербурга РУССКІЙ КАРМАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ ДНЯ ВСѢХЪ На 1877 годъ.

Включаящій въ себѣ всевозможныя справочныя свѣдѣнія, какъ-то: астрономическія, желѣзнодорожныя, пароходныя, почтовыя, телеграфныя; цѣны мѣстамъ во всѣхъ театрахъ въ С.-Петербургѣ; свѣдѣнія о новомъ гербовомъ сборѣ; цѣны гербовой бумаги, вексельной и актовой; формы векселей, и проч. и проч. Кромѣ того, къ календарю приложены:

АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ С.-ПЕТЕРБУРГА,

содержащій въ себѣ адреса высшихъ государственныхъ учрежденій, министерствъ, спеціальныхъ комитетовъ, кредитныхъ и другихъ учрежденій, разныхъ присутственныхъ мѣстъ и сословій, библиотекъ, музеевъ, ученыхъ учрежденій и обществъ, правленій желѣзныхъ дорогъ, банковъ, страховыхъ обществъ, благотворительныхъ учрежденій и обществъ, больницъ, лечебницъ и проч. и проч. Цѣна календарю 15 коп., съ пересылкою 20 коп. № 71.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КАРЛА РИККЕРА.

Невскій просп. домъ № 14, въ С.-Петербургѣ продается: Монашенной. О воспитаніи дѣтей въ первые годы жизни. 2-е исправл. и дополненное изданіе 1874 г. Цѣна 2 руб. № 69.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.

№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.

Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.

Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ вѣдкомъ, принимающа въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.

КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЬ:

на текущій счетъ	7 %;
на 3 мѣсяца	7 1/2 %;
на 6 и до 12 мѣсяцевъ	8 1/2 %.

Страхуетъ билеты обрѣчь внутр. 5% съ выигр. займовъ по 20 коп., съ иногородныхъ по 30 коп. за билетъ. 10—9

СОЧИНЕНІЯ В. НОВАКОВСКАГО

ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ:

- Гдѣ я? и кто я? Книга для чтенія родителями и наставниками съ дѣтьми. Ц. 60 к.
- Царь-богатырь Петръ Великій. Ц. 75 к.
- Ученый Ломоносовъ. Ц. 50 к.
- Генералиссимусъ Суворовъ. Ц. 75 к.
- Митрополитъ Платонъ. Ц. 40 к.
- Администраторъ Сперанскій. Ц. 60 к.
- Поэтъ Пушкинъ. Ц. 40 к.
- Предварительный курсъ для 1-го класса. Ц. 30 к.
- Къ нему Христоматія для I кл. Ц. 60 к.
- Этимологическій курсъ для II кл. Ц. 40 к.
- Этимологическій курсъ съ методическимъ преподаваніемъ. Ц. 80 к.
- Къ нему Христоматія для II кл. Ц. 60 к.
- Синтаксическій курсъ для III кл. Ц. 60 к.
- Къ нему Христоматія для III кл. Ц. 60 к.
- Высшій курсъ для IV кл. Ц. 40 к.
- Краткая Русская Грамматика (общепонятная). Ц. 50 к.

- Дизенъ Богъ въ дѣлахъ своихъ. Ц. 10 к.
- Дары Божіи. потребности и трудъ чело-вѣка. Ц. 8 к.
- Рассказы о животныхъ и растеніяхъ. Ц. 20 к.
- Русская Исторія для началъ учил. Ц. 8 к.
- Съ нами Богъ или подвигъ Русскихъ людей. Ц. 5 к.
- Двѣнадцатый годъ. Ц. 10 к.
- Рассказы о Петрѣ Великомъ. Ц. 25 к.
- Рассказы о Ломоносовѣ. Ц. 10 к.
- Рассказы о Суворовѣ. Ц. 20 к.
- Новый способъ обученія дѣтей грамотѣ. Ц. 15 к.
- Русская Азбука. Съ картин. Ц. 15 к.
- Русская Грамматика для простъ. Ц. 20 к.
- Изборникъ (христом.) для нар. уч. Ц. 60 к.
- Для знакомства крестьянъ съ законами. Ц. 20 к.

Продаются въ С.-Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ: Фену и Товарищества «Общественная Польза» притемъ просить гг. иногородныхъ покупателей обращаться съ требованіями на эти книги исключительно въ вышеупомянутые магазины: Фену и Товарищества «Общественная Польза».

5° ВЪ ВЫИГРЫШНЫЕ ЗАЙМЫ.

По случаю временнаго пониженія биржевой цѣны билетовъ БАНКИРСКАЯ КОНТОРА А. САФОНОВА.

С.-Петербургъ, Цевекій проспектъ, д. № 88.

Чтобы доставить случай публикѣ воспользоваться дешевой цѣною билетовъ, контора продаетъ ихъ съ задаткомъ по 20 руб. на билетъ, разсрочивая остальныя деньги на ежемѣсячные взносы. Со времени взноса задатка, выигрышъ, курсовая повышенія и купоны принадлежатъ покупателю.

Исполняютъ всѣ биржевыя и банкирскія операціи по покупкѣ, продажѣ и залогу проц. бумагъ; отъ гг. иногородныхъ по письменнымъ приказамъ черезъ почту.

Подробную программу можно получить въ Конторѣ.

Вышла въ свѣтъ новая книга:

«Жизнь Исуса Христа по Евангеліямъ и народнымъ преданіямъ.» Сочиненіе ordinarily профессора Киевской Академіи К. И. Сворцова. 1876 г. Цѣна 2 руб. Гг. иногородные благоволятъ обращаться, по случаю смерти К. И. Сворцова главнымъ образомъ въ редакцію Трудовъ Киевской Духовной Академіи, а также въ книжные магазины: 1) Н. И. Орлобина (бывш. Лытова) въ Киевѣ и С.-Петербургѣ, и 2) А. П. Орапонтова—въ Москвѣ. № 70.

РАМКИ ВСЯКАГО РОДА, ГОТОВЫЯ И НА ЗАКАЗЪ.

РАМКИ ЗОЛОЧЕНЫЯ

для премій «Нивы» «Спящая красавица», съ вставкою отъ 2-хъ руб. Въ Пассажѣ, Швейцарскій магазинъ, № 27 и 29.

НАСТОЯЩАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ для вскармленія грудныхъ дѣтей. ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи Александръ Венцель.

Цѣна ЖЕСТЯНКИ 85 к. безъ пересылки, въсѣ 1 1/4 ф.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что и отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНИЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННОГО агента моего для всей Россіи. № 2. ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія). 26—11

ИЗДАНИЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и рассказы В. В. Арсеновскаго (автора «Петербургскихъ Трущобъ»). 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 года 90 к. съ пересылкою.

Севья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть времёнъ Екатерины II. П. Петрова и В. Ключникова. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелими Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ «Нивы» 1876 года 75 к. съ перес.

Пре что щелбета ласточка. Сочиненіе Шмелёва. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 г. 1 р. съ пересылкою.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ Б. ВАУХЪ

извѣщаетъ о перемѣнѣ квартиры въ Большую Морскую, д. Малахова, № 17, рядомъ съ магазиномъ Нумберга.

Приготавливаетъ искусственныя зубы по новейшей американской методѣ, съ многотѣмныя ручательствомъ за прочность и удобство и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., при скромныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ.

Изданія А. Ф. МАРКСА.

для гг. подписчиковъ «НИВЫ» продается со слѣдующею скидкою:

- Москва и Тверь, истор. пов., Кальсена Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 50 к.
- Петръ и истор. пов., Кальсена и Ключникова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подпис. 1 р.
- Въ нивымахъ. Повѣсть Каразина. Цѣна 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.
- Богъ въ помощь, романъ Вернера. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
- Вторая жена, романъ Маршета. Ц. съ пер. 2 р., для подпис. 1 р. 40 к.
- Двуногій волкъ. Романъ въ 2 частяхъ, съ 20 расъ Автора Н. Каразина. Цѣна 2 р. съ пересылкою 2 р. 30 к. для подписчиковъ Нивы 1 р. 80 к.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 48

1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 29 Ноября 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1877 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины Г. Гр. Соловьева, А. Лавъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и железныя Импери	5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Въ виду того, что печатаніе около 18000 адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ составить громадный трудъ, непреодолимый въ теченіи короткаго времени. Редакція покорнѣйше проситъ, воззбжаніе просрочки въ высылкѣ журнала, въ особености первыхъ его номеровъ, возобновитъ подписку въ возможно скорѣйшемъ времени.

Подписка на 1876 г. продолжается и каждый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1876 г. нумера и премію.

Инженеръ-полковникъ Амандъ Егоровичъ Струве.

Инженеръ - полковникъ Амандъ Егоровичъ Струве, воспитанникъ Николаевской Инженерной Академіи, окончилъ курсъ въ ней въ 1857 г. съ чиномъ поручика и записанъ на мраморной доскѣ Академіи. Такого рода отличіе предъ другими воспитанниками весьма, нужно замѣтить, рѣдкое, конечно исполнѣ было заслужено Амандомъ Егоровичемъ, какъ одареннымъ отъ природы замѣчательными способностями и стремленіемъ къ знанію. Въ томъ же году и тотчасъ по окончаніи курса, Амандъ Егоровичъ поступилъ для техническихъ занятій въ образовавшееся тогда Главное Общество Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ и вслѣдъ за симъ вскорѣ назначенъ былъ на Нижегородскую желѣзно-дорожную линію, гдѣ три года производилъ изысканія и работы. Здѣсь онъ имѣлъ случай быть такъ сказать лицомъ къ лицу къ дѣлу. Здѣсь главнѣйшимъ образомъ дѣятельность его была сосредоточена, какъ сказано выше, на про-

изводствѣ изысканій и работъ, давшихъ ему такимъ образомъ случай примѣнить и провѣрить свои знанія на практической сторонѣ желѣзно-дорожнаго дѣла. Въ 1861 году Амандъ Егоровичъ былъ приглашенъ въ Общество Московско-Рязанской (тогда Саратовской) желѣзной дороги: ему поручены были изысканія участка при переходѣ чрезъ рѣку Москву и Оку. Составивъ проекты этихъ мостовъ, Г. Струве построилъ мостъ черезъ Москву рѣку, длиною въ 115 саж., въ качествѣ инженера начальника дистанціи. Предстоявшая затѣмъ въ 1863 году постройка моста черезъ Оку — величайшаго въ то время въ Россіи, длиною въ 250 сажень, вызвала многочисленную конкуренцію заграничныхъ заводовъ, которыми мостъ этотъ былъ оцененъ въ 1.000.000 рублей и болѣе. Тогда г. Струве предложилъ Обществу передать ему это сооруженіе по его проекту за оптовую сумму въ 750.000 руб. Получивъ на это со-

Инженеръ-полковникъ Амандъ Егоровичъ Струве.
Съ фотогр. рис. Вѣженичъ, граф. Боярскій.

гласіе, онъ устроилъ на мѣстѣ работъ мастерскія, въ которыхъ впервые началось производство въ Россіи желѣзнодорожныхъ частей мостовъ, до сихъ поръ исключительно выписывавшихся изъ за границы за высокія цѣны. Этотъ первый шагъ на самостоятельномъ строительномъ поприщѣ не мало принесъ труда и потребовалъ значительныхъ матеріальныхъ пожертвованій со стороны энергическаго предпринимателя. Менѣе чѣмъ въ два года, къ февралю 1865 года, мостъ былъ оконченъ. Весною того же года г. Струве приступилъ къ работѣ моста черезъ Оку у Серпухова на Московско-Курской желѣзной дорогѣ, (длинною въ 250 сажень), переданный ему Министерствомъ Путей сообщения также на правахъ оптоваго строителя. При постройкѣ этого моста все желѣзное строеніе было сдѣлано на мѣстѣ во временныхъ мастерскихъ. Мастерскія эти приняли болѣе обширные размѣры и въ нихъ начато сооруженіе желѣзнодорожныхъ вагоновъ.

Къ февралю 1867 года и этотъ мостъ былъ оконченъ къ полнѣйшему одобренію Министерства Путей Сообщенія, рапиде контрактнаго срока. Такимъ образомъ заложенная въ Коломнѣ механическая мастерская само-собою обратилась въ заводъ, выдѣлявая вагоны и желѣзные мосты, которыми г. Струве снабдилъ всю Московско-Курскую дорогу, вытѣснивъ изъ Россіи на этомъ поприщѣ заграничныхъ заводчиковъ. Тотчасъ по окончаніи моста въ Серпуховѣ, г. Струве принялъ на себя сооруженіе моста черезъ Дибирь у Кіева на Курско-Кіевской желѣзной дорогѣ. Не смотря на громадныя затрудненія, сооруженіе это было окончено въ два года, и 19-го февраля 1870 года торжественно праздновалось открытіе этого моста, составившаго вмѣстѣ съ тѣмъ звѣно соединенія желѣзнаго пути отъ Одессы къ центру Россіи. Государь Императоръ произвелъ г. Струве за отличіе изъ капитана въ подполковники и полковники и лично выразилъ свое спасибо за скорое и хорошее исполненіе—сооруженія величайшаго въ Европѣ моста, имѣющаго въ длину 505 сажень.

Незадолго до этого времени, а именно съ 1867 года, на заводѣ въ Коломнѣ началось производство другого рода работъ, а именно, паровозовъ. Нужно замѣтить, что къ этому производству со стороны г. Струве было приступлено именно съ цѣлю самостоятельнаго развитія этого дѣла въ Россіи. Никто заказа на паровозы не дѣлалъ, и предприниматель затрачивалъ капиталъ и трудъ въ полной увѣренности только въ ту истину, что добросовѣстное исполненіе дѣла непременно само себя вознаградитъ. Съ 1868 г. производство паровозовъ и вагоновъ сдѣлалось болѣе спеціальнымъ занятіемъ Коломенскаго завода, выпущившаго по настоящее время уже не одну тысячу вагоновъ и не одинъ десятокъ локомотивовъ.

Въ томъ же году въ августѣ мѣсяцѣ г. Струве принялъ на себя, по контракту съ министерствомъ путей сообщенія, сооруженіе моста черезъ Дибирь у города Кременчуга такой же величины, какъ и Кіевскій, и уже къ 1-му марту 1872 года сдать для движенія, вполне оконченный мостъ, проработавъ всего 18 мѣсяцевъ надъ этимъ сооруженіемъ. Вездѣ, куда переносился г. Струве съ своими работами, ему приходилось переносить свои приспособленія—механическія мастерскія; тысячи рабочихъ изъ года въ годъ провозжали его на новыя работы, приобретая новую опытность въ строительномъ дѣлѣ. Съ 1872 г. Струве переселился въ Севастополь и руководилъ въ продолженіи трехъ лѣтъ работами по сооруженію труднаго участка лозово-севастопольской желѣзной дороги, между Симферополемъ и Севастополемъ, прорывая пять тоннелей въ скалахъ близъ Инкермана и Севастополя.

Нужно замѣтить, что заслуги г. Струве заключаются не только въ томъ, что всѣ тѣ работы, исполненіе которыхъ онъ бралъ на себя, были исполнены имъ съ тщательностію, добросовѣстностію и полнѣйшимъ знаніемъ дѣла,—это, конечно, заслуга не маловажная, въ особенности въ наше время, необычайно падкое до всякаго рода наживы, не стѣняяся ея средствами; но есть еще не малая заслуга г. Струве въ томъ, между прочимъ, что во всѣхъ своихъ работахъ онъ постоянно стремился къ рациональному производству ихъ при непосредственномъ отношеніи къ рабочему, кромѣ того, въ томъ, что всякое дѣло и всякая его незначительная часть знакома лично самому г. Струве, понимаема имъ до мельчайшихъ подробностей. При такомъ близкомъ отношеніи къ дѣлу, понятно, г. Струве не можетъ не быть знакомымъ и съ бытомъ того люда, при посредствѣ котораго производится имъ работы и въ этомъ случаѣ нельзя не отличить его отъ другихъ крупныхъ дѣятелей, которые, наслаждаясь удовольствіями жизни, стоятъ къ дѣлу, ихъ именемъ исполняемому, также близко, какъ ко всякому чуждому, о которомъ иной разъ они даже и свѣдѣній никакихъ не имѣютъ. Совершенно обратное видится въ дѣятельности г. Струве, работающаго несравненно болѣе, чѣмъ тѣ лица, которые находятся у него въ услуженіи.

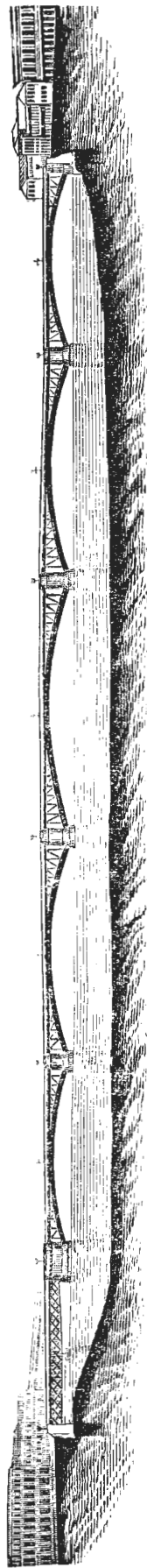
Въ 1875 году г. Струве, переселившись въ Петербургъ, былъ

приглашенъ въ комиссію по составленію проекта постройки Литейнаго моста, и занявшись спеціально разработкою его, удостоился представить лично таковой на воззрѣніе Государя Императора, и Его Величеству благоудобно было назначить г. Струве строителемъ моста.

Относительно производимыхъ работъ по постройкѣ новаго Литейнаго моста, мы уже имѣли случай дать читателямъ подробное и обстоятельное ихъ описаніе. Неможемъ незамѣтить здѣсь, что работы эти, въ виду своей громадности, заслуживаютъ сегобоя интереса, тѣмъ болѣе потому, что и мѣсто, назначенное для постройки моста, представляетъ несравненныя трудности въ сравненіи съ другими мѣстами рѣки Невы, какъ напримѣръ, мѣстомъ, занимаемымъ Николаевскимъ мостомъ. При постройкѣ этого послѣдняго было менѣе затрудненій, во-первыхъ, теченіе Невы въ этомъ мѣстѣ значительно спокойнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ строится Литейный мостъ; тамъ Нева еще не отдѣлила отъ себя рукава и несетъ всю свою воду въ одномъ руслѣ, во-вторыхъ, материкъ рѣки, т. е. крѣпкій грунтъ, на которомъ поставлены быки Николаевского моста потребовалъ выемки земли со дна рѣки въ меньшемъ количествѣ, противъ того, какое требуется на мѣстѣ постройки Литейнаго моста. Эта работа, представляющая никакихъ трудностей при производствѣ своемъ въ шахтахъ или другихъ тому подобныхъ мѣстахъ, здѣсь, на днѣ рѣки, и даже точнѣе говоря, *ниже она рѣки*, представляетъ невѣроятныя затрудненія, ибо одновременно съ ея производствомъ предстоитъ громадная борьба съ водой, просасывающейся со всѣхъ сторонъ. Нужно было изобрѣсти особый способъ для преодоленія этихъ затрудненій, и этотъ способъ былъ изобрѣтенъ.

Считаемъ не лишнимъ замѣтить, здѣсь, что открытіе производства этихъ работъ особымъ (пневматическимъ) способомъ принадлежитъ точно также самому г. Струве, какъ видно неотомимо трудящемся на избранномъ имъ полѣ дѣятельности.

Въ дополненіе нашей статьи о способѣ постройки новаго Литейнаго моста, помѣщенной въ № 40 «Нивы» съ приложеніемъ двухъ рисунковъ, изображающихъ кессонъ во время нахождения его въ плавучемъ докѣ и разрѣзъ кессона, наполненнаго каменною кладкою на мѣстѣ мостоваго устоя (быка), прилагаемъ къ этой статьѣ фасадъ строящагося Литейнаго моста. Не лишнимъ считаемъ присовокупить къ нашимъ свѣдѣніямъ о томъ, что С.-Петербургская городская Дума, въ видахъ производства г. Струве работъ по постройкѣ Литейнаго моста въ значительно большемъ количествѣ противъ того, сколько опредѣлялось произвести ихъ къ настоящему времени контрактными условіями, постановила возвратить ему изъ суммы его залоговъ по обезпеченію правильной постройки моста, 200,000 руб. Само собою разумѣется, что постановленіе Думы вызывалось давно доказанною добросовѣстностію г. Струве. Въ заключеніе считаемъ своимъ долгомъ высказать, что мы наравнѣ со всѣми, умѣющими цѣнить истинныя заслуги и труды г. Струве, искренно желаемъ, чтобы дальнѣйшая его дѣятельность была такъ же плодотворна и продолжалась бы какъ можно долѣе.

Общій видъ будущаго Литейнаго моста.

ГОРЫ КАЗБЕКЪ И ЭЛЬБОРУСЬ НА КАВКАЗѢ.

I.

Гора Казбекъ представляетъ собою, какъ извѣстно, одну изъ вершинъ Кавказскаго горнаго хребта. Съ сѣверной стороны

она возвышается надъ Дарьяльскимъ ущельемъ. Трудно представить себѣ картину болѣе суровую, угрюмую и величественную. Крѣпость Дарьяль (даръ-ворота), отъ которой получило свое

название и ущелье, стоит на крутой вершинѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ узкое ущелье не имѣетъ даже ста футовъ въ ширину... Здѣсь возвышается квадратная башня огромнаго размѣра, относящаяся, повидимому, ко временамъ римскаго владычества, та «старинная» башня, о которой Лермонтовъ говоритъ:

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя, на черной скалѣ.

Казбекъ даетъ начало двумъ рѣкамъ,—Терску, текущему на сѣверъ отъ него, и Арагвъ, текущей на югъ. Въ этомъ мѣстѣ проложена такъ-называемая военно-грузинская дорога.

Временами, чрезъ извѣстный промежутокъ лѣтъ, съ горы Казбека падаютъ громадныя ледяныя завалы; въ продолженіе послѣдняго двадцатипятилѣтія минувшаго и перваго тридцатилѣтія настоящаго столѣтія такихъ заваловъ обрушилось шесть. Вотъ краткое описаніе одного изъ нихъ, случившагося въ 1832 году. Заваль обрушился 13 августа въ 5 ч. утра. Громадная, сплошная масса льда, снѣга и камней въ хлынула внизъ и на протяженіи около двухъ верстъ покрыла ущелье Терека, залудивъ эту рѣку до такой степени, что во Владикавказѣ (разстояніе 45 верстъ), въ первые часы послѣ обвала можно было перебраться съ одного берега на другой по дну Терека. Въ высоту заваль имѣлъ почти 50 саж., а объемъ его былъ опредѣленъ въ 1,600,000 куб. саж. Такова была громада ринушагося внизъ обвала! На скорое таяніе льда и снѣга не могли рассчитывать, а потому тотчасъ же приступили къ разработкѣ временной тропы сверхъ завала. И дѣйствительно, только въ августѣ 1834 года, т. е. ровно черезъ два года, масса льда стала настолько, что представилась возможность возобновить дорогу на твердомъ грунтѣ. Пушкинъ такимъ образомъ вполне точно выразилъ наденіе обвала:

Отгол сорвался разъ обвалъ
И съ тяжкимъ грохотомъ уналь
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ
И Терека могучій валъ
Остановилъ.

У подошвы Казбека, на самой военно-грузинской дорогѣ, расположилась маленькая—ею болѣе 50 дворовъ—деревенка Гвелети, съ жителями чеченскаго племени. Жители этой деревенки, значительно утративъ прежнюю патриархальность и тихихъ горцевъ, занимаются въ настоящее время извозомъ, торговлею или работами на военно-грузинской дорогѣ и вообще пользуются большимъ или меньшимъ благосостояніемъ. Но есть среди нихъ нѣсколько смѣльчаковъ, которые до сихъ норъ не могутъ забыть и оставить прежній образъ жизни своихъ предковъ,—жизни охотничьей, съ вѣчнымъ лазаньемъ по обрывамъ, голымъ скаламъ и утесамъ, въ безпрерывной погонѣ за турами или горными баранами, шныряющими въ ущельяхъ Казбека. Такихъ охотниковъ и не много: не болѣе десяти человѣкъ во всей деревушкѣ Гвелети. За то ихъ жизнь наполнена особаго рода прелестью, которыхъ они не согласятся промѣнять на тихую, покойную осѣдлую жизнь... И какъ не приковаться къ этимъ суровымъ горнымъ трупамъ, къ этимъ скаламъ и ледникамъ, представляющимъ собою волшебный міръ, полный поэтической красоты! Вонъ то, памятное для горца мѣсто, гдѣ горный духъ, разсаженный на него за постоянное смѣлое похищеніе туровъ изъ его владѣній, въ наказаніе бросилъ на смѣльчака цѣлую грудку камней и снѣга, отъ которой онъ успѣлъ спастись какимъ-то чудомъ... Здѣсь опрометчиво, стремлявъ гонимъ за раненымъ туромъ, онъ вдругъ оборвался, чуть-чуть слома голову не полетѣлъ въ кручу, но... удержался и снова помчался за раненымъ туромъ. Тамъ дальше изъ подъ массы льда высовывается черная, неприступная скала, на которую охотникъ первый изъ смертныхъ взобрался по узкой, скользкой и опасной тропинкѣ и съ гордостью, въ доказательство своего подвига, сложилъ на ней кучу изъ камней на удивленіе другимъ охотникамъ... Сколько несокрушимой энергии и силы потрачено на эти подвиги! Сколько разнообразныхъ чувствъ, ощущеній пережито въ это время! Какъ же можетъ онъ разстаться съ этими дорогими его сердцу мѣстами, для того, чтобы заняться извозомъ или работами на дорогѣ, не заключающими въ себѣ ничего привлекательнаго?

Между гвелетцами существуетъ повѣрье, что на Казбекѣ или Бешламъ-Кортѣ, какъ они называютъ эту гору, живетъ ибійскій злой духъ, въ образѣ неувлекательной женщины Мягкинеи, которая стережетъ вершину Казбека и никого изъ смертныхъ не допускаетъ туда. Ни одинъ изъ жителей Гвелети никогда не видѣлъ Мягкинеи, но очень многие слышали ея пѣтушій крикъ, которымъ она пугаетъ всѣхъ, держащихся къ волшебному кругу, который начертанъ ею вокругъ Бешлама и за который никому изъ людей не позволено перешагнуть. И низверженіе массы льда во время обваловъ есть дѣло злой Мягкинеи. Чтобы умиротворить злого духа, горцы приносятъ ему въ жертву туры рога, и одинъ разъ въ году устраивается общее пиришество въ честь Мягкинеи и всѣ жи-

тели въ этотъ день собираются къ дабѣ—мѣсто жертвоприношеній и здѣсь проводятъ время въ пляскахъ и пѣніи.

Встрѣчается вокругъ Казбека много разваливъ церквей, по которымъ можно судить, что здѣсь въ оны времена существовало христіанство. Болѣе всѣхъ удѣлялъ отъ силы времени одинъ монастырь, или вѣрнѣе, нѣсколько келій въ скалѣ, расположенныхъ почти на рубежѣ вѣчнаго снѣга. Вблизи ихъ стоитъ высѣченный изъ камня крестъ аршина въ два высоты. Когда вы проѣзжаете по военно-грузинской дорогѣ и разговариваете съ ямщикомъ, онъ не упуститъ случая сообщить вамъ, что вотъ-де, гдѣ-то высоко, очень высоко на Казбекѣ есть монастырь, до котораго добратся никто не въ состоянъ.

Въ 1868 году англичанинъ Френвилль, съ двумя товарищами, вздумалъ испытать свои силы и взобраться на нѣкоторыя, высочайшія пункты Казбека, до того времени считавшіяся недоступными. Попытка неустрашимаго англичанина удалась. Путь на Казбекъ изъ Тифлиса шелъ вдоль новой русской военной дороги. Начавъ въ деревнѣ «Казбекъ» четырехъ носильщиковъ, путешественники пустились въ путь и первую ночь провели въ пещерѣ, возвышавшейся на 11,000 фут. надъ уровнемъ моря. На высотѣ 14,800 фут. глазамъ ихъ представились очертанія Кавказскаго горнаго хребта. Начиная съ этого мѣста и до вершинъ приходилось обходить безчисленное множество обрывовъ; при одномъ такомъ обходѣ одинъ изъ спутниковъ поскользнулся и скатился головою внизъ, но такъ какъ остальные крѣпко держались на ногахъ, то унаваго немедленно вытащили. Въ продолженіе четырехъ часовъ путешественникамъ пришлось взбираться по скользкой ледяной поверхности, за которую они цѣплялись руками и ногами. Наконецъ они благополучно достигли высочайшей вершины горы, имѣющей 16,546 футовъ. Долина Терека, простирающаяся на сѣверъ, лежала у ногъ ихъ, но обширная сѣверная равнина была покрыта облаками. Спустились путешественники съ нѣкоторыми затрудненіями по другому склону и, переневавъ въ избѣ пастуха козъ, вернулись затѣмъ обратно въ деревню Казбекъ, жители которой, рѣшивъ, что путешественники погибли и вдругъ увидѣвъ ихъ цѣлыми и невредимыми, были необычайно удивлены ихъ геройскимъ подвигомъ и свое удивленіе выражали тѣмъ, что обнимали и цѣловали смѣльчаковъ въ знакъ своего сочувствія къ нимъ.

II.

Гора Эльбурсъ, также какъ и Казбекъ, представляетъ собою одну изъ высочайшихъ вершинъ Кавказскаго горнаго хребта. Вотъ какъ путешественникъ Раде описываетъ свое восхожденіе на Эльбурсъ. «Со стороны деревни Учкулонъ гора Эльбурсъ представляется тупымъ, бѣлымъ конусомъ, съ двумя слегка закругленными верхушками, раздѣленными небольшою сѣдловиною. Черная обрывистая часть горы, свободная отъ льда и снѣга, представляющаяся передъ сѣдловиною, нѣсколько въ сторонѣ отъ нея, ясно свидѣтельствуетъ о бывшемъ здѣсь когда-то кратерномъ провалѣ. Къ сѣверо-западу отъ передней вершины, на контурѣ конуса, около половины его высоты, видѣны уступы». Поднявшись до рѣчки Уликамъ, путешественникъ встрѣтилъ безчисленное множество альпійскихъ воронъ (*regulus grasilus*), которыя подняли страшный крикъ при ихъ появленіи. Далѣе на высотѣ 6,500 фут. надъ моремъ, на сухихъ и безлѣсныхъ мѣстахъ, живутъ въ огромномъ количествѣ маленькіе альпійскіе суслики. Въ этомъ мѣстѣ горы поросли уродливыми кустами сосны; почвы для обработки вовсе нѣтъ и только кое гдѣ видѣются прекрасныя, огороженная покосныя мѣста. Затѣмъ, карабкаясь по обрывамъ праваго берега ручья, путешественники очутились на великолѣпномъ альпійскомъ лугу... Колоссъ стоялъ уже совсѣмъ передъ ними.

Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчныя снѣговъ!
Очамъ казались ихъ геринны
Недвижной цѣнью облаковъ.
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбурсъ, огромный, величавый,
Бѣдѣлъ на небѣ голубомъ.

На высотѣ 9,500 фут. группы малорослыхъ высокоальпійскихъ растений видѣлись все рѣже и рѣже... На высотѣ 12,000 фут. встрѣчались послѣдніе экземпляры великолѣпнаго вида ровоника (*cerastium*) вмѣстѣ съ очень разбросанными и слабыми экземплярами яснотки (*lamium*). Наконецъ, поднимаясь выше, путешественники достигли высоты въ 14,259 фут. и дальше не въ состоянъ были идти: «головокруженіе и слабость въ погахъ увеличивались, овладѣла невыносимая усталость. Только двое проводниковъ чувствовали себя еще хорошо; одинъ изъ нихъ былъ старикъ, испытанный охотникъ на туровъ, человѣкъ бездѣльный веселостью нрава. Остальные были совсѣмъ истомлены. Туманъ между тѣмъ спустился очень низко. Путники двигались постоянно въ густыхъ облакахъ, къ вечеру наткнулись на стадо кавказскихъ туровъ, которые пустились отъ нихъ, противъ своего обыкновенія, но вѣтру, карабкаясь съ поразительною скоростью и ловкостью по обрывистымъ горамъ».

Для достиженія высшей вершины Эльборуса въ 18,000 фут., при благоприятной погодѣ, необходимо имѣть съ собой запасъ угольевъ, теплыя одѣяла, достаточное количество провизіи, нѣсколько тонкихъ досокъ и веревокъ на всякій случай, для устрой-

ства переправъ черезъ трещины; для переноски всего этого достаточно взять отъ 10 до 12 сильныхъ носильщиковъ.

В—овъ.

Княжна Ротрожская.

Историческая повѣсть В. С. Соловьева.

Часть вторая.

(Продолженіе).

— Маруська!... я не знаю Маруськи,.. Боже мой, да гдѣ же я? Скажи мнѣ, гдѣ я? что это такое?

— Какъ гдѣ? дома, дома ты, Ванюша...

— Ты меня называешь Ванюшей... постой, постой...

Онъ схватилъ руками свою голову и силился что-то припомнить. Онъ ужасался тому мраку и туману, который былъ въ его мысляхъ... Маруська!—да, эта молоденькая крестьянка какъ будто ему знакома, да, онъ знаетъ ея

Онъ попытался въ ужасѣ.

И вотъ человѣкъ, къ которому только что вернулся разсудокъ послѣ долгаго сумасшествія и безпамятства, подумалъ, что онъ съ ума сходитъ.

Онъ подбѣжалъ къ перепуганной, трясущейся какъ въ лихорадкѣ Марусѣ и схватилъ ее за руку такъ, что у нея кости затрещали.

— Кто ты? кто ты—человѣкъ или дьяволъ? кто ты

Гора Эльборусъ. Съ фотогр. рис. Подбѣльскій, грав. Стажковскій.

грустное, красивое лицо... и эта бѣдная хата, все тоже знакомо... Но отчего она его называетъ Ванюшей... Онъ сталъ жадно припоминать. Въ его голову разомъ стучалось столько мыслей, столько воспоминаній..

И вдругъ одно страшное, ужасное воспоминаніе поглотило всѣ остальные. Его мысли разомъ прояснились. Онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Гальшка, Гальшка! крикнулъ онъ дикимъ голосомъ, бросился къ двери и почти выбилъ ее однимъ ударомъ.

Клубы морознаго пару хлынули на него... ночь непереносимая, снѣгъ, зима!

вѣдьма, чаровница проклятая?! Это ты видно опоила меня зельемъ кажимъ, что все у меня въ глазахъ мутится?! Что это? что это? говори—вѣдь это зима?!

— Зима! едва прошептала Маруса.

Онъ, себя не помня, метался по хатѣ. Онъ схватился за поясъ, хотѣлъ выхватить кинжалъ и убить эту заколдовавшую его, превратившую лѣто въ зиму вѣдьму. Кинжала нѣтъ... Что это?! при вспышкахъ угасающаго огня онъ увидѣлъ, что на немъ надѣта какая-то грубая, хлопковая сермяга...

Еще нѣсколько такихъ мгновеній, и онъ, можетъ быть

вторично сошелъ бы съ ума... но испуганное, умоляющее жалкое лицо Маруси утишило его бѣшенство. Она кинулась передъ нимъ на колѣни и обливалась слезами.

— Сядь, родной мой, сядь, успокойся... Что я тебѣ сдѣлала?! слыхалъ ли ты когда отъ меня дурное слово... развѣ зиму и лѣто не ходила я за тобою какъ за малымъ ребенкомъ, рыдала и причитала Маруся.

— Зиму и лѣто! зиму и лѣто! и ему точно начинало какъ будто казаться, что онъ здѣсь ужъ давно. Но ясно онъ ничего не помнилъ. Онъ только невольно какъ

ему рассказывать, какъ ея отецъ принесъ его раненаго въ голову, какъ онъ былъ боленъ, а она за нимъ ходила...

— Да когда-жъ это было?..

Услышавъ ея отвѣтъ, несчастный застоналъ въ невыразимомъ отчаяніи. Его ноги подкосились и онъ почти упалъ на солому.

— Боже мой! Боже мой! думалъ онъ,—за что Ты такъ наказалъ меня? Полтора года я былъ, значить, какъ во снѣ, и вышло изъ моей памяти все, что было за это время. Полтора года прошло съ тѣхъ поръ, какъ

Гора Казбекъ. Съ фотогр. рисов. Подбѣльскій, грав. Вольскій.

то отказался отъ своихъ мыслей, что передъ нимъ вѣдьма. Онъ зналъ уже теперь почему-то, что эта дѣвушка близка ему, но только никакъ не могъ понять, не могъ вспомнить, кто она и почему онъ съ нею.

— Когда я пришелъ сюда, что со мной было? расскажи мнѣ все—я ничего не помню...

Маруся сразу и понять не могла, что дурачекъ дѣйствительно пришелъ въ себя. Она видѣла только, что съ нимъ дѣлается что-то страшное... Онъ чуть не убилъ ее, бранить сталъ; но вотъ теперь утихъ и задаетъ такіе удивительные вопросы. И она принялась

мы бились въ лѣсу, какъ у меня отняли мою Гальшку. Что теперь съ нею? жива ли она? что мнѣ дѣлать?!

И онъ сталъ спрашивать Марусю о томъ, что неужели никто не искалъ его, не спрашивалъ о немъ... Нѣтъ—никого! Всѣ считаютъ его, значить, убитымъ, и она—его Гальшка! Куда бѣжать? гдѣ теперь искать ее?

Онъ былъ еще половъ своимъ ужасомъ и не могъ справиться съ возникшими одинъ за другимъ вопросами, когда въ хату вошелъ дядя Семенко. Добродушный старикъ въ себя не могъ прийти отъ радости, убѣдившись въ чудномъ исцѣленіи спасеннаго имъ чело-

вѣка. Онъ тотчасъ же принесъ ему его платье и оружіе, его поясъ съ зашитой въ немъ казною.

Онъ разсказалъ ему, какъ попалъ, бродя въ лѣсу, на мѣсто битвы, какъ осмотрѣлъ всѣ трупы...

— Всѣ до одного побывались—одинъ ты только шевелился, да стоналъ полегоньку. Поглядѣлъ я тебѣ голову—здорово тебя рубанули, сердешнаго... Знаю я одну траву такую—всякіе порѣзы, обжоги, какъ рукой снимаетъ... Вотъ я и взвалилъ тебя на плечи, да и до дому съ тобой добрался... Думалъ—поправишься ты черезъ недѣлю, другую, анъ у тебя Господь разумъ и отнял! Ну, да что теперь толковать объ этомъ...

И старикъ снова радовался и спрашивалъ, какъ по настоящему звать—величать ихъ богоданнаго Ванюшу.

— Дмитрій Андреевичъ—вотъ мое имя, отвѣтилъ князь Сангушко.

Онъ не зналъ какъ и выразить свою благодарность этимъ добрымъ людямъ. Онъ предложилъ Семенкѣ всю его казну, зашитую въ поясѣ, просилъ оставить ему только на дорогу. Но старикъ упорно отказался отъ этого—не изъ корысти взялъ онъ къ себѣ умирающаго воина, не обѣлъ тотъ его, не обездолилъ—и своего добра довольно, да и куда здѣсь дѣваться съ деньгами, на что онъ въ глуши полѣсской, гдѣ ничего не покупается и не продается, гдѣ живутъ люди только тѣмъ, что даетъ земля кормилица. Одежа—такъ и ту Маруська изо льну да изъ овечьей шерсти сама мастерить...

Обѣщаль Семенко и коня добыть Дмитрію Андреевичу.

Только куда теперь поѣдетъ добрый молодець. Тоска навалилась ему на сердце—и давить, не отпускаетъ. Чай въ лѣсу теперь только кости бѣлыя остались отъ его храбрыхъ ратниковъ, за него животь свой положили. Гдѣ жена—голубка, ненаглядная красавица? Надругалась, натѣшила надъ нею и мать злодѣйка, и злодѣйка кручина... Быть можетъ и она ужъ въ землѣ сырой... А старый пѣстунъ, Галынскій, а Оеда?!.. Болѣло, болѣло бѣдное сердце Дмитрія Андреевича, люта тоска къ самому горлу подступала, душила—а слезъ нѣту, не вылились онѣ, не выплакались, а камнемъ тяжелымъ канули въ глубину душевную...

Одна надежда—князь Константинъ Острожскій: къ нему теперь ѣхать—онъ и правду скажетъ, и настаивить, и поможетъ.

Заторопился Дмитрій Андреевичъ, спрашиваетъ дядю Семенко про дорогу къ Острогу. А старый знахарь никогда изъ своего лѣсу и не выглядывалъ... правда, слышалъ онъ отъ прохожихъ людей про Острогъ городъ; но этотъ Острогъ-городъ представляется ему чѣмъ-то сказочнымъ, далекимъ.

Какъ бы тамъ ни было—положилъ Дмитрій Андреевичъ на другой день выѣхать. Онъ сообразилъ, что Острогъ не можетъ быть ужъ очень далеко отсюда—дня въ четыре, въ пять можетъ и найдеть его.

Посмотрѣлъ коня—конь не казистый, но крѣпкій, надежный...

Всю ночь напролетъ горѣлъ огонь въ хатѣ знахаря Семенки. Не до сна было ея обитателямъ. Судьба тѣсно сблизила этихъ двухъ дикарей темныхъ и блестящаго литовскаго князя. Для Семенко и Маруси онъ былъ все тотъ же ихъ Ванюша безталанный, а онъ въ нихъ видѣлъ не грязныхъ, презрѣнныхъ хлоповъ, а лучшихъ своихъ друзей и благодѣтелей. И хоть никакъ не могъ онъ припомнить подробностей всего этого времени, когда Господь отнял у него и разумъ и память, но все же онъ чувствовалъ горячую привязанность къ старику и дѣвушкѣ. Онъ даже изумился, какъ ему вдругъ жалко ихъ стало... А они! Семенко былъ старикъ, путемъ долгой жизни и близости къ природѣ выработавшій въ себѣ своеобразные философскіе взгляды и необычайное душевное спокойствіе. Разъ убѣдившись

въ неизбежности чего бы то ни было, онъ молчаливо и покорно принималъ эту неизбежность. Такъ онъ отнесся и къ отѣзду своего Ванюши. Вѣдь такъ оно и нужно было, чтобы парень пришелъ въ себя и вернулся во свояси. Такъ чего же тутъ кручиниться... вѣсти-мо жалко, и свыклись тоже... ну, да ничего не подѣлаешь съ этимъ, а теперь скорѣе снаряжать его надо въ путь дорогу...

Не то было съ Марусей—она ни о чемъ не разсуждала. Она знала только, что ея Ванюша уѣзжаетъ и на всегда уѣзжаетъ, что она теперь останется одна одишешенька. Вотъ и батьку старика она любила, и пѣсни свои любила, любила и хатку свою бѣдную, и ночку морозную, звѣздную... А теперь вдругъ какъ будто ни батьки, ни пѣсенъ, ни хатки, ни звѣздъ небесныхъ не стало. Все куда-то пропало—никого и ничего нѣту. Пусто вокругъ Маруси, послыло ей все на свѣтѣ...

И вотъ она блѣдная, блѣдная, съ затуманившимися глазами, сидитъ тихонько на пыльной, старой соломѣ. Глядитъ она на своего Ванюшу, то бишь—Дмитрія Андреевича, и не можетъ отъ него оторваться.

Запало ей въ сердце слово его, которое онъ крикнулъ: „Гальшка! Гальшка!“ Что такое? Кто такая Гальшка? Неужто онъ такъ и уѣдетъ, ничего не сказавъ про себя, не повѣдавъ имъ правды?!

И она рѣшилась спросить его. Къ ея просьбѣ присоединился и знахарь. Князь не сталъ отъ нихъ таиться. Стараясь говорить какъ можно проще, яснѣе для ихъ пониманія, онъ разсказалъ имъ всю свою исторію.

Они молча слушали этотъ разсказъ изъ далекой, невѣдомой имъ жизни. Многое такъ и осталось для нихъ непонятнымъ. Маруся хорошо поняла одно, да и то не разсудкомъ, а сердцемъ, что, только будучи дурачкомъ, она и была ея Ванюшей, а теперь онъ такъ же далекъ отъ нея, такъ же высокъ какъ и свѣтлый Купала, живущій на своей заколдованной, вѣчно зеленой полянѣ. Но еще лучше поняла она, что у него есть милая жена, которая должно быть краше солнца небеснаго, которая для него дороже всего міра, и которую отыскивать онъ теперь такъ спѣшитъ, что не хочетъ пропустить и часочка...

И вотъ онъ уѣдетъ и забудетъ Марусю, и никогда о ней не вспомнитъ... А она какъ же? какъ жить будетъ безъ своего пригожаго королевича. И быстро, быстро переживала она въ мысляхъ и въ сердцѣ всѣ эти полтора года. И чѣмъ больше она думала, тѣмъ милѣе казалось ей прошлое, тѣмъ больнѣе щемило ей сердце.

Ей хотѣлось хоть на послѣдокъ приласкать да приголубить своего любимца; но не смѣла она этого... Горькія, долго подавляемыя слезы полились изъ глазъ ея.

Дмитрій Андреевичъ печально взглянулъ на дѣвушку. Онъ зналъ теперь, что она была ему заботливой доброй сестрою, что она ходила за нимъ, поила, кормила, берегла его во все время его несчастнаго состоянія. И вотъ она плачетъ, ей жалко разстаться съ нимъ, она къ нему привязалась...

Онъ попробовалъ ее успокоить, взялъ ея руки, заговорилъ съ ней нѣжно и ласково. Онъ обѣщаль ей и Семенкѣ, если только Богъ поможетъ ему найти свою жену и побороть вражескія козни, взять ихъ къ себѣ, не разлучатся съ ними до смерти. Онъ говорилъ о томъ, какъ добра и прекрасна его Гальшка, какъ она полюбитъ ихъ за то, что они для нее сдѣлали.

Старикъ сидѣлъ молча и какъ-то загадочно, слабо улыбался—видно онъ никакъ не разсчитывалъ покидать своего лѣса, въ которомъ родился и гдѣ и умереть ему слѣдовало.

Маруся тоже слушала разсѣяннo—не то чтобы она не вѣрила Дмитрію Андреевичу, но ей просто казалось невозможной эта новая, обѣщанная имъ жизнь. Она чувствовала и мучительно чувствовала, что вотъ

онъ сядетъ на коня, уѣдетъ—и въ этотъ мигъ все кончится, порвется всякая связь между ними.

И ей хотѣлось бы, чтобъ какъ можно, какъ можно дольше тянулось время. А время, какъ нарочно, шло быстро и наступилъ часъ отъѣзда.

Сангушко настоялъ на своемъ и оставилъ часть зашитыхъ въ поясѣ денегъ хозяину—лошадь нужна въ хозяйствѣ и не даромъ же добудеть ее Семенко

Забѣлѣлось морозное утро—пора было ѣхать. Маруся приготовила князю на дорогу все, что только было у нея съѣстного. Семенко снарядилъ лошаду. Потеплѣе запахнулъ Дмитрій Андреевичъ овчинный тулущикъ, прицѣпилъ свое оружіе. Помолитесь Богу, стали прощаться...

Не выдержала Маруся—съ отчаяннымъ воплемъ бросилась она на шею своему кралевичу и покрывала его поцѣлуями. и мочила слезами горькими. Семенко стыдить ее пробовалъ, да и махнулъ рукою—сама не въ себя Маруся. Подъ конецъ силой пришлось оторвать ее отъ князя. Тогда она упала лицомъ на солому и вся трепетала отъ глухихъ, сдавливаемыхъ рыданій.

Растроганный, грустный и смущенный сѣлъ Дмитрій Андреевичъ на коня и выѣхалъ на лѣсную дорогу. За нимъ оставалась темная, бѣдная жизнь, изъ которой онъ невольно унесъ единственную отраду. Передъ нимъ была такая страшная неизвѣстность, такая возможность неисходнаго горя и несчастія, что его сердце заранѣе содрогалось отъ ужаса. Но онъ твердо рѣшился отгонять отъ себя мучительныя мысли и думать теперь только о томъ, какъ бы не заблудиться, какъ бы скорѣе добраться до Острога. Указаній, данныхъ Семенкомъ было достаточно на первое время—верстахъ въ пятидесяти былъ небольшой городокъ—тамъ авось укажутъ ему прямую дорогу...

И вотъ онъ ѣхалъ на мохнатой лошаде, въ домотканой одеждѣ крестьянина полѣскаго. И никто во всей землѣ Литовской не вѣдалъ, что такъ ѣдетъ убитый въ кровавой битвѣ и вновь воскресшій князь Дмитрій Сангушко. Родовыми его помѣстьями, всѣмъ его огромнымъ состояніемъ владѣлъ его братъ двоюродный. Нѣсколько его добрыхъ родственниковъ да друзей-товарищей давно служили по немъ панихиды и поминали его въ своихъ молитвахъ, какъ усопшаго...

VI.

Уныло и пасмурно глядѣлъ Острожскій замокъ—не было ужъ въ немъ замѣтно прежняго оживленія. Состояніе духа хозяина отражалось на всѣхъ многочисленныхъ придворныхъ. Только во время отлучекъ князя Константина и дышалось привольно жаждавшей удовольствій челяди. Тогда по вечерамъ, въ широко разбросанныхъ строеніяхъ, раздавались звуки музыки; въ цвѣтникахъ и по аллеямъ виднѣлись толпы гуляющихъ, слышался веселый смѣхъ, завязывались ссоры, а иногда даже и драки. Но стоило появиться въ замкѣ князю Константину, какъ все это куда то исчезало, физиономіи вытягивались, всѣ прятались по домамъ. Въ обширныхъ палатахъ и корридорахъ замка люди молчаливо и неслышно скользили какъ тѣни, и у cadaго была только одна забота, какъ-бы не попасться на глаза князю.

А Константинъ Константиновичъ и не замѣчалъ всего этого, не подозрѣвалъ внушаемаго имъ и довольно неосновательнаго страха. Онъ и не думалъ налагать объѣта тишины и молчанія на свой дворъ, не думалъ запрещать веселья. Онъ только самъ не былъ способенъ веселиться. Онъ весь ушелъ въ свои разнообразныя заботы, въ свои печальныя мысли и чувства.

Послѣ похищенія Гальшки и отъѣзда княгини Беаты ему удалось открыть въ Острогѣ многое такое, относительно чего онъ неимѣлъ никакихъ подозрѣній. Нѣкоторые изъ приближенныхъ, молчавшіе, какъ это всегда бываетъ, когда еще было время принять мѣры, вдругъ рѣшились и донесли ему, что въ замкѣ не совсѣмъ

ладно: эта римская вѣшалка—духовникъ княгини Беаты понастроилъ не мало каверзъ. Онъ сманилъ въ латинствѣ нѣкоторыхъ придворныхъ, а тѣ теперь, въ свою очередь, смущаютъ кого могутъ. И все это подтверждалось самыми очевидными доказательствами и убѣдительными разсказами...

Князь Константинъ пришелъ въ ужасъ. Не даромъ онъ съ самаго начала сталъ глядѣть на Антонію, какъ на вреднаго гада. Но какъ могъ онъ ничего до сихъ поръ не замѣтить, какъ могъ допустить въ своемъ домѣ торжество вражескихъ козней! И нѣтъ, значитъ, у него надежныхъ друзей и помощниковъ—всѣмъ лишь-бы наживаться на его счетъ, лишь-бы жить въ свое удовольствіе его милостями—а тамъ хоть трава не рости, никому ни до чего нѣтъ дѣла. Не догляди онъ, не дослушай, такъ чего добраго и его самого изведутъ, въ пищу ему подсылятъ отраву. А гдѣ-жь ему одному за всѣмъ усмотрѣть, все предвидѣть—вѣдь только два глаза, двѣ руки только, одна голова на плечахъ, да и та отъ заботъ и черныхъ мыслей къ землѣ клонится. Со всѣхъ сторонъ приходятъ недобрыя вѣсти; рознь, полное равнодушіе къ вѣрѣ, къ старымъ литовскимъ правамъ и вольностямъ царствуютъ въ государствѣ. И приходится князю работать рукъ не покладая, всѣми средствами: и головою, и деньгами поддерживать, оживлять свое заповѣдное дѣло. Не работой онъ, не будь лично и тамъ и здѣсь, вездѣ, гдѣ нуженъ его примѣръ, его вліяніе, его казна неистощимая—такъ что же отъ всей Литвы православный останется?! Вѣдь и такъ ужъ всѣхъ его трудовъ и усилій оказывается далеко недостаточно, да иной разъ и самымъ яснымъ разумомъ невозможно взвѣсить всѣхъ послѣдствій своихъ дѣйствій... Для примѣра взять хоть Люблинскую унию: какъ она для нея работала, сколько надеждъ возлагалъ на нее. А вышло совсѣмъ не по его мыслямъ, вышло такъ, что того и гляди, все чаемое благо превратится во зло и ни къ чему окажутся всѣ положенныя въ дѣло усилія...

Такое сознаніе тяжелой грустью ложилось на сердце князя Константина. А тутъ еще въ своемъ собственномъ домѣ, въ его любимомъ Острогѣ заводятся и торжествуютъ латинскія козни. Нельзя этого терпѣть, нужно вырвать зло съ корнемъ. И вотъ князь нарядилъ строгое слѣдствіе, самъ велъ его безъ отдыху и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не уличилъ всѣхъ совращенныхъ отцомъ Антонію. Подъ конецъ они сами не стали заператься. Они уже находились подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма, который постоянно съ такимъ усиліемъ развиваетъ въ своихъ неопитахъ римская пропаганда. Всѣ эти шляхтичи и шляхтянки вдругъ почувствовали величайшее блаженство въ сознаніи, что они гонимы за правую вѣру, что они мученики...

Не мало труда стоило князю Константину воздержаться отъ гнѣва, не злоупотребить своимъ положеніемъ могучаго и почти безответственнаго владетельна. Онъ заперся у себя въ покояхъ на цѣлый день и отдалъ приказъ, чтобъ въ 24 часа всѣ семейства, значившіяся по его списку, выѣхали изъ Острога и остальныхъ княжескихъ владѣній. Приказъ былъ немедленно приведенъ въ исполненіе—всѣ знали, что князь повторять своихъ словъ не любитъ.

Но эту бѣдою не ограничились домашнія невзгоды Константина Константиновича. Его ожидало новое, ужасное испытаніе. Какъ то, улучивъ добрую минуточку и взявъ съ мужа обѣщаніе, что онъ отнесется къ словамъ ея по возможности благоразумно и хладнокровно, добродушная княгиня передала ему нѣкоторыя свои опасенія. Со слезами на глазахъ разсказала она о томъ, что ихъ два старшихъ сына, Янушъ и Константинъ, совсѣмъ отъ рукъ отбились. Они пользуются всякимъ предлогомъ и даже рѣшаются явно лгать, чтобъ только не ходить въ церковь. Если же пойдутъ, то не молятся какъ слѣдуетъ, а глядятъ по

сторонамъ, шепчутся другъ съ другомъ и ежеминутно жалуются на усталость. Янушъ недавно такъ прямо и говоритъ ей: „Отчего, говоришь, отецъ не прикажетъ поставить въ церкви скамеекъ и стульевъ—развѣ не все равно Богу, что молятся ему стоя или сидя? Человѣкъ не можетъ не устать, когда служба наша такъ долго тянется. А если устанешь, такъ какая тутъ молитва на умъ придетъ—только досадно становится. Нѣтъ, говоритъ, у католиковъ не въ примѣръ лучше; въ ихъ костелахъ только и можно молиться какъ слѣдуетъ“ Досказавъ слова Януша, княгиня взглянула на лицо мужа — и сердце у ней упало.

Ужь лучше бы она молчала, сама попробывала бы какъ нибудь образумить дѣтей...

Князь страшно поблѣднѣлъ. Всѣ черты его исказились отъ страданія и ужаса.

— Боже! Боже! только этого еще не доставало! — прошепталъ онъ какимъ то безсильнымъ, старческимъ, жалкимъ голосомъ.

Но вдругъ кровь ударила ему въ голову, залила все лицо его, лобъ и шею багровымъ румянцемъ. Онъ поднялся во весь ростъ и съ скатыми кулаками кинулся къ двери.

— Гдѣ они, гдѣ они, эти щенки негодные? Дайте мнѣ ихъ сюда, дайте! Я убью ихъ своими руками прежде чѣмъ онъ меня уложить въ могилу! Позоръ, позоръ всему нашему роду!!..

Онъ кричалъ, не помня себя, задыхаясь отъ бѣшенства и отчаяннн. Онъ могъ вынести и побѣдить въ себѣ все. Но одна мысль о томъ, что его собственныя дѣти готовятся сдѣлаться отступниками православнн, подавляла его и разрывала болью его сердце.

Княгиня, вся въ слезахъ, упала предъ нимъ на колѣни, вцѣпилась руками въ его платье, не пускала...

— Убей, убей лучше меня! рыдала она. Я не могу слышать твоихъ словъ—подумай, что ты сказалъ, что ты хочешь сдѣлать! Вспомни, вѣдь что бы ни было, они еще дѣти... вѣдь Янушу всего пятнадцать лѣтъ... на нихъ можно подѣйствовать лаской, образумить ихъ... Успокойся, князь, не гнѣви Бога, не испытывай Его...

Но князь ничего не видѣлъ и не понималъ. Грубымъ

движеніемъ онъ готовъ былъ отбросить жену... Она выпустила его, стремительно бросилась впередъ и вся блѣдная, дрожащая, съ остановившимися слезами и рѣшительнымъ, строгимъ, непривычнымъ ей, вырженіемъ въ глазахъ, прислонилась къ запертымъ дверямъ.

— Я не пущу тебя, сказала она.

— Прочь! крикнулъ князь дикимъ голосомъ.

— Убей меня, но я не пущу тебя! почти даже спокойно повторила княгиня.

Съ неестественно расширившимися глазами, весь багровый и страшный, онъ кинулся было на нее... И остановился... руки его опустились, глаза наполнились слезами...

— Прости меня, прости! прошепталъ онъ, безсильно опускаясь на стоящую возлѣ парчевую скамейку.

Княгиня подошла къ нему и положила ему на плечи свои руки. На ея лицѣ и слѣда не осталось отъ недавняго ужаса, отчаяннн и смѣнившей ихъ строгой рѣшимости. Вся она олицетворяла собою любовь и жалость. Она всѣмъ сердцемъ своимъ понимала, что долженъ испытывать князь въ эти минуты.

А ему было стыдно за свой безумный порывъ, ему было совѣстно подннть глаза на нее. Давящая тоска оладѣвала имъ больше и больше.

— Оставь меня одного, чуть слышно сказалъ онъ.

Княгиня припала къ нему и поцѣловала его съ дѣвнущою, смоченную холоднымъ потомъ голову.

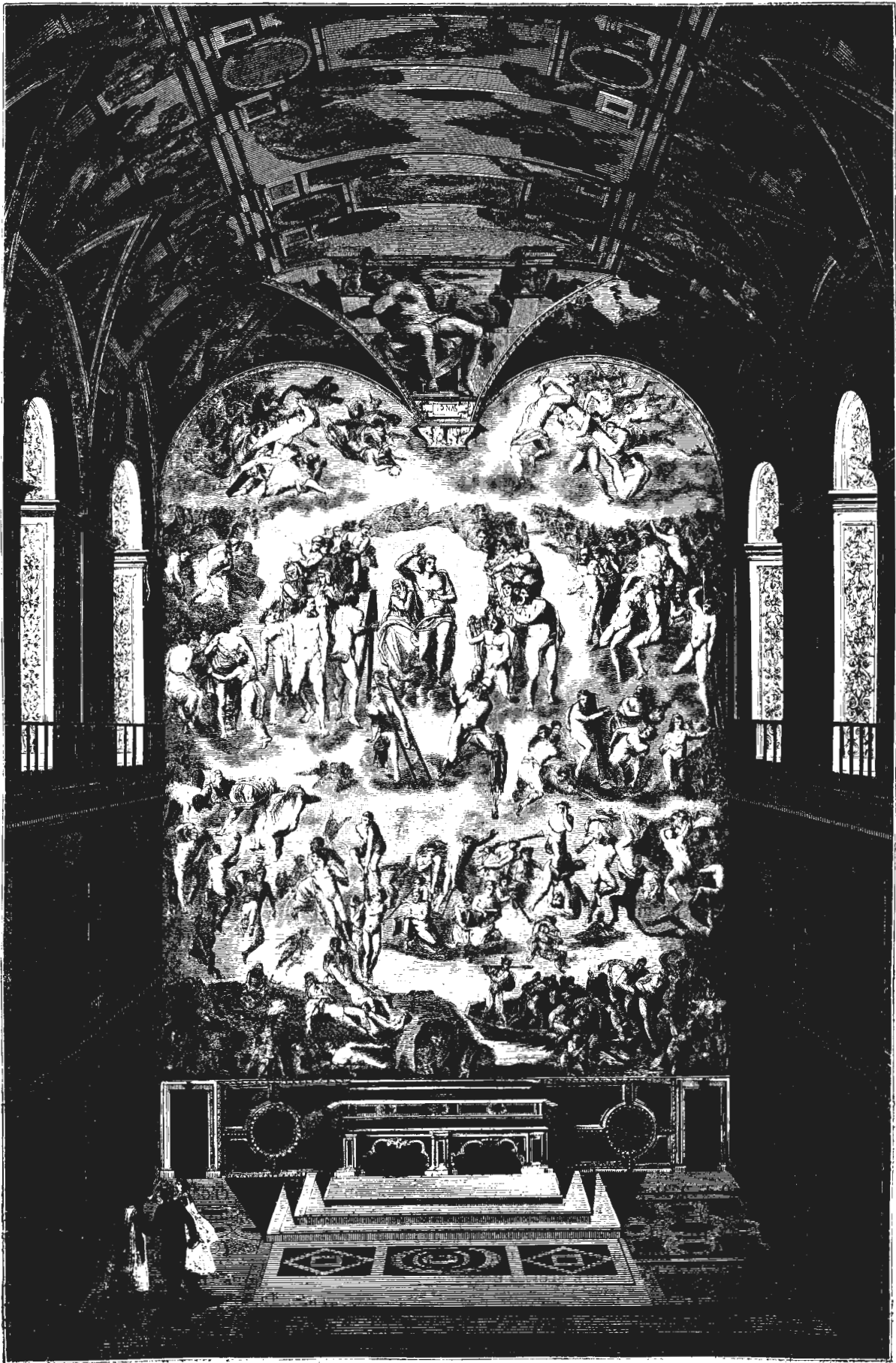
— Успокойся, Богъ поможетъ! нѣжно и ободрительно сказала она и быстро вышла изъ комнаты.

Она хорошо знала своего князя: теперь ей ужъ нечего бояться: его страшный, но минутный гнѣвъ прошелъ, онъ не сдѣлаетъ ничего жестокаго и неблагоразумнаго. Но все же—какъ онъ встрѣтится съ дѣтьми, что имъ скажетъ, какія мѣры приметъ?..

А князь Константинъ опустилъ голову и долго сидѣлъ неподвижно. Еслибъ его теперь увидѣли его враги и сподвижники, всѣ кто зналъ его на сеймахъ, во дворцѣ королевскомъ и въ ратномъ полѣ—съ какимъ бы изумленіемъ они на него взглянули. Это былъ не

Типы Восточной Сибири. Женщина въ Иркутскѣ. Рис. Фуке, грав. Дешанъ.

Сикстинская капелла и фрески: „Страшный Судъ“ Микель-Анжелло, въ Ватиканѣ.
Съ фотогр. рис. Подбѣльскій, грав. Бароновскій.

могучій, грозный и гордый вельможа литовскій, „великій князь“ какъ звали его въ народѣ. Это былъ не мужъ совѣта съ честнымъ, горячимъ и смѣлымъ словомъ, не сановникъ, всю жизнь свою не унижившійся до лести, въ глаза прямо и рѣзко говорившій королю горькую правду; не безстрашный военачальникъ—герой, примѣръ котораго возбуждалъ мужество и отвагу въ воинахъ. Это былъ жалкій, какъ-то въ одинъ мигъ состарившійся человекъ, подавленный страшнымъ горемъ и сознающій свое безсиліе...

Всякій, даже самый посторонній и равнодушный человекъ, взглянувъ на него теперь, почувствовалъ бы къ нему сожалѣніе. Не могло быть для него большаго несчастія какъ то, о которомъ возвѣстила ему княгиня. Она говоритъ — Янушъ и Константинъ еще дѣти... Такъ чтожь, что дѣти!—тѣмъ хуже, тѣмъ хуже, что съ этихъ лѣтъ они уже такъ испорчены, способны на такія мысли... И откуда берется все это? опять тотъ же проклятый иезуитъ?! Но вѣдь ничего общаго не могло быть между ними—онъ никогда не показывался на эту половину замка, а дѣти не ходили къ Беатѣ. Разумѣется они гдѣ нибудь могли встрѣчаться — мальчики рѣзвы, бѣгаютъ всюду, нельзя же слѣдить по пятамъ за ними... Но въ такомъ случаѣ это были тайныя сношенія... И если ни отецъ, ни мать, никто изъ приближенныхъ и приставленныхъ къ дѣтямъ до сихъ поръ ничего не зналъ объ этихъ сношеніяхъ и разговорахъ, такъ значитъ мальчики скрывались, прятались... Они должны были прийти къ отцу съ матерью, ну, наконецъ, къ дядькамъ и мамкамъ что-ли, и сказать, что этотъ монахъ заговариваетъ, учитъ совѣтъ не тому, чему учатъ родители...

„Боже мой! — за что мнѣ такое наказаніе? думалъ князь Константинъ,—развѣ я не люблю дѣтей своихъ, развѣ не забочусь о ихъ благѣ, развѣ не старался я постоянно внушать добрыя правила, развивать въ нихъ благочестіе. Развѣ они видѣли во мнѣ или въ женѣ дурной примѣръ?“ И вспомнились ему тѣ тихіе, вечерніе часы, когда, въ присутствіи мальчиковъ, Гальшка читала вслухъ Евангеліе, или Житія Святыхъ, или другія избранныя имъ книги. Онъ постоянно прерывалъ Гальшку и дѣлалъ разъясненія, и постоянно говорилъ, привораживаясь къ дѣтскому пониманію. Онъ всегда и неустанно слѣдилъ за собою, чтобъ при дѣтяхъ не сказать лишняго слова, чтобъ не дать имъ возможности превратно истолковать смыслъ и истинное значеніе словъ своихъ. Онъ былъ вполне увѣренъ, что и княгиня поступала точно также... да и можетъ ли она что нибудь сказать или сдѣлать такое, что было бы для дѣтей дурнымъ примѣромъ!!... О! онъ не хочетъ валичаться и фарисействовать—онъ знаетъ и чувствуетъ, что во многомъ грѣшенъ передъ Богомъ, грѣшенъ и гнѣвомъ, и гордостью, и ропотомъ... Но все же онъ всю жизнь свою боролся съ собою и старался поступать такъ, чтобъ уважать себя и по праву требовать отъ людей къ себѣ уваженія. Никто не можетъ указать дѣтямъ такой его поступокъ, за который имъ краснѣть пришлось бы. Въ этомъ отношеніи чиста его совѣсть... За что же, за что ему такое наказаніе, за что черезъ дѣтей, Богъ хочетъ покарать его?!...

И вотъ откуда то, съ самаго дна глубины душевной, почти безсознательно для него и неясно шепталъ, обвиняющій голосъ: Да, онъ любитъ дѣтей, онъ всегда старался заботиться о ихъ благѣ, онъ оставилъ имъ въ наслѣдство, кромѣ богатства земного, свое ничѣмъ незапятнанное имя, громкую память о себѣ, какъ о честномъ, мужественномъ дѣятелѣ, бойцѣ за святое дѣло... Всего этого много, очень много; но все же недостаточно для отца, желающаго исполнить относительно дѣтей всѣ свои обязанности. Правда, онъ подавалъ имъ добрый примѣръ, онъ старался наставлять ихъ словомъ и говорилъ передъ ними такъ, чтобъ они могли понимать

его... Но старался ли онъ убѣдиться, произвелъ ли нѣтъ его примѣръ на ихъ впечатлѣніе, дѣйствительно ли доступно имъ его слово и горячо ли оно принято? Знали ли онѣ мысли и чувства своихъ дѣтей, ясна ли была для него ихъ глубина душевная, врожденныя особенности ихъ характеровъ, указывающія на необходимость тѣхъ или другихъ средствъ для того, чтобы успѣшно вліять на нихъ? Установилъ-ли онъ съ первыхъ лѣтъ между собою и дѣтьми то сердечное, откровенное и невольное общеніе, при которомъ только и возможно полное пониманіе другъ друга и благотворное вліяніе старшаго на младшихъ?

Вѣдь вотъ—объясняя прочитанное, рассуждая о догматахъ православія, говоря о нравственныхъ обязанностяхъ человека, онъ хотѣ и имѣлъ въ виду присутствіе своихъ мальчиковъ, но все же преимущественно обращался къ Гальшкѣ. Ему необходимо было парализовать вліяніе Беаты, утвердить племянницу въ православіи. Онъ вслушивался въ ея вопросы и отвѣты, слѣдилъ за ея мыслями. Между ними велась живая, откровенная беседа. Иной разъ Гальшка выказывала и нѣкоторое непониманіе; но это его не раздражало. Ему достаточно было взглянуть на ея чудное лицо, на ея свѣтлые глаза, устремленные на него съ довѣріемъ и любовью—и раздраженіе мигомъ проходило... А мальчики были въ сторонѣ и они отлично понимали себя простыми слушателями. Онъ говорилъ понятно и для нихъ, но никогда не убѣждался, слѣдятъ ли онѣ за его словами, заинтересованы ли они ими, все ли понимаютъ и со всѣмъ ли согласны. Онъ рѣдко обращался къ нимъ съ вопросами, и если они чего не понимали или не знали, онъ сердился и не старался скрывать этого. Поэтому они краснѣли и путались, когда имъ говорить приходилось. Они боялись его гнѣва. Они не знали его ласки, потому что ласка была не въ его характерѣ. Если онъ ласкалъ кого, такъ только Гальшку. А съ мальчиками что за нѣжности, къ чему эти лизанья да по головкѣ глаженіе—не въ нихъ любовь выражается. Да, не въ нихъ выражается любовь; но вѣдь дѣти не могутъ жить безъ ласки. Они охотно забудутъ всякій гнѣвъ, всякую грозу, простятъ всякую обиду, если знаютъ, что и до гнѣва была нѣжная ласка, и послѣ гнѣва ее опять заслужить можно. Но гнѣвъ никогда не ласкающаго отца возбуждаетъ только страхъ, поселяетъ въ сердцѣ ребенка тяжелое, нездоровое чувство. При такихъ отношеніяхъ немислима откровенность, немислимо полное пониманіе другъ друга...

За чѣмъ же считаетъ онъ себя невиннымъ передъ дѣтьми и ропщеть на Бога?!..

Ему невольно и ясно вспоминается теперь, какъ часто онъ замѣчалъ, что мальчики прекращали свой смѣхъ и живой говоръ при его появленіи. Тотъ же Янушъ бывало не разъ подходилъ къ нему съ явнымъ желаніемъ приласкаться, рассказать о какомъ-нибудь своемъ дѣтскомъ горѣ или своей дѣтской радости. И всякій разъ отецъ, занятый своими мыслями и заботами, сухо отстранялъ его ласку, не выслушивалъ его лепетъ. И Янушъ уходилъ, не высказавшись, уходилъ униженный, оскорбленный въ своемъ лучшемъ чувствѣ и самомъ естественномъ порывѣ. Онъ даже не звалъ, что этотъ Янушъ необыкновенно впечатлительный и самолюбивъ. Теперь ужъ онъ не придетъ больше къ отцу, онъ горько плачетъ и жалуется брату, что отецъ его не любитъ. „Да, онъ насъ не любитъ—онъ любитъ только сестрицу Гальшку—она шутитъ съ нимъ, смѣется, цѣлуетъ его, и онъ ей все позволяетъ, самъ ее ласкаетъ“—такъ рѣшаются мальчики и между ними и отцомъ встаетъ непреодолима преграда. И вотъ пройдутъ года, и они отлично поймутъ, что поцѣлун и ласки не всегда служатъ доказательствами любви, но никогда не поймутъ, что мальчики должны расти въ почтительномъ отдаленіи отъ отца и не помнить ни од-

ной его ласки, ни одного его горячаго, невольнаго поцѣлуя.

И если когда-нибудь имъ придется ошибаться и падать, и если въ трудную, критическую минуту жизни они не рѣшатся прійти къ нему за совѣтомъ и помощью, боясь, что онъ холодно, по обычаю, отстранитъ ихъ откровенность или, еще того хуже, легко, съ высоты своего сѣдого благоразумія отнесется къ ихъ скорбямъ и сомнѣнιάмъ, неосторожно, неумѣло прикоснется къ ихъ ранамъ—развѣ онъ будетъ въ правѣ винить ихъ за это, развѣ будетъ въ правѣ, безъ всякаго упрека себѣ, карать ихъ за ихъ ошибки?!

Но что же ему дѣлать?! нельзя же ему разорваться на части! Кипучая, священная дѣятельность, въ которую онъ погруженъ, наполняетъ почти все его время; онъ часто долженъ отлучаться изъ замка, да и дома всегда много всякой работы. Ему нѣтъ времени, рѣшительно нѣтъ времени заниматься дѣтьми, слѣдить за ними, изучать ихъ характеры, сближаться съ ними. Онъ живетъ не для своего удовольствія, не пируетъ, не бражничаетъ. Онъ живетъ для всей страны, для святаго дѣла православія; своею дѣятельностью онъ вѣдь и дѣтямъ же своимъ расчищаетъ широкую дорогу! Все это такъ, и его труды не пропадутъ даромъ, и исторія почтительно запишетъ его имя на свои страницы. Но вѣдь человѣкъ, совершающій даже самое великое дѣло, не въ правѣ отговариваться этимъ дѣломъ отъ исполненія своихъ первыхъ, неизбѣжныхъ, непреложныхъ обязанностей. Если же у него не хватаетъ на это ни силъ, ни сознанія, то онъ долженъ одного себя винить въ послѣдствіяхъ и ниже опускать свою голову...

И ниже опускается голова князя Константина, и внятіе, понятіе звучитъ для него внутренній, обвиняющій голосъ. Ему тяжело, ему горько, но онъ уже не ропщетъ, не негодуетъ на дѣтей, а горячо молится. И вотъ къ мысли о дѣтяхъ примѣшивается мысль о дорогой, несчастной Гальшкѣ.

Съ ней онъ не могъ быть суровымъ. При одномъ взглядѣ на это свѣтлое Божье созданіе разглаживались его морщины и теплѣло у него на сердцѣ. И она знала это, и довѣрялась ему, и любила его откровенной, дочерней любовью. Она не боялась его гнѣва и смѣло требовала отъ него ласки. И у него находилась для нея ласка. Онъ едва, едва сдержался отъ рыданій, отъ отчаянія, расставаясь съ нею, благословляя ее на неизвѣстную будущность. Эта будущность оказалась непредвидѣнно страшной и печальной. И онъ не могъ и не можетъ спасти ее. Его многочисленные враги сдѣлали свое дѣло—они поставили между нимъ и племянницей такую непреодолимую преграду изъ своихъ жестокихъ правъ и законностей, что ему приходится положить оружіе. По рѣшенію короля и сената ее признаютъ княгиней Сангүшко и какъ несовершеннолѣтнюю отдаютъ въ полную власть матери. Приходится ждать еще такъ долго до тѣхъ поръ, пока можно будетъ вырвать ее отъ мучителей... И что они теперь дѣлаютъ съ нею?... Ему невыносима была эта неизвѣстность. Много разъ пытался онъ письменно уговаривать Беату—допустить его свиданіе съ Гальшкой, но та каждый разъ отвѣчала ему, что между ними все кончено, что она хозяйка у себя въ домѣ и принимать его не намѣрена. Если же онъ захочетъ ворваться силой, то встрѣтится съ ея вооруженными людьми. Вильна не Острогъ—здѣсь разбойничать и затруднительно и опасно. Беата дѣйствительно содержала вооруженный отрядъ и неуспѣшно слѣдила за Гальшкой. Всѣ попытки тайныхъ сношеній оказывались неудачными—отецъ Антоніо учредилъ безупречную, безсонную тайную полицію въ домѣ княгини.

Острожскому оставалось только со стороны слѣдить за Гальшкой, и въ случаѣ какого нибудь насилія надъ

нею, вмѣшаться въ дѣло—все равно будетъ ли это законно или незаконно...

Но какъ же быть съ сыновьями, какъ предотвратить ужасное несчастье? Порывъ дикаго гнѣва давно утихъ и подъ влияніемъ жены, и подъ влияніемъ собственныхъ, неожиданныхъ мыслей... Наказанія, строгія мѣры не приведутъ ни къ чему, только пожалуй окончательно погубятъ дѣло. Нужно узнать всю правду, всѣ подробности и дѣйствовать убѣжденіемъ и кротостью. Въ этомъ поможетъ княгиня.

И дѣйствительно, она скоро узнала про многое. Она узнала, что у дѣтей подъ великой тайной и въ сокровенномъ мѣстѣ хранится рѣзное католическое распятіе и нѣкоторыя книги, подаренныя имъ на память отцемъ Антоніо. Точно, дѣти какъ-то и гдѣ-то встрѣчались съ нимъ, бесѣдовали и считаютъ его святымъ человѣкомъ и лучшимъ своимъ другомъ. Онъ имъ наставлялъ о Римѣ, о папѣ, о чудесахъ и блаженствѣ, которыя ждутъ ихъ, если они откажутся отъ православія и сдѣлаются сынами католической церкви. Они уже строятъ разные планы и продолжаютъ мечтать о своемъ іезуитѣ...

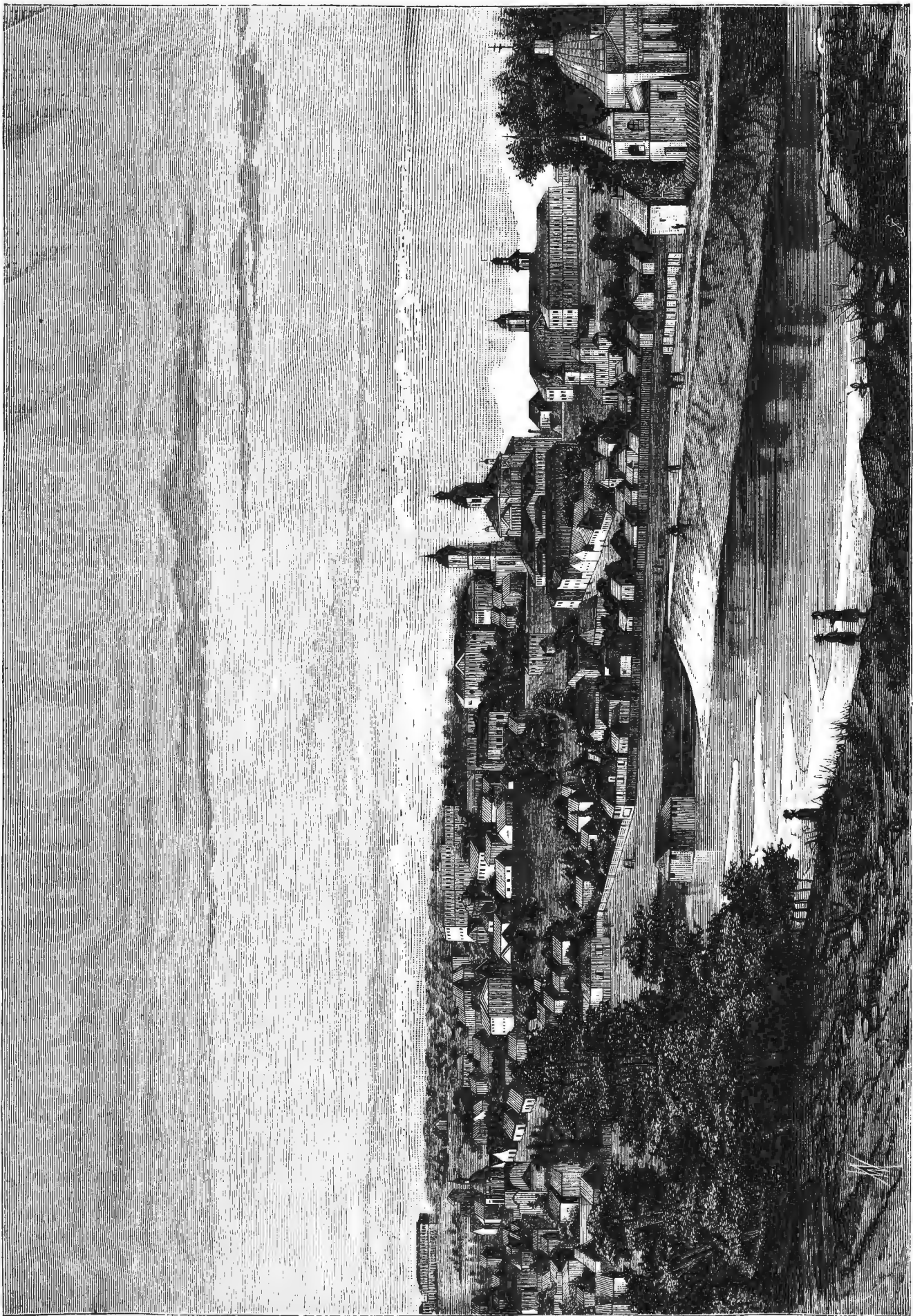
Получивъ такія свѣдѣнія, князь Константинъ чуть было опять не предался бѣшенству; но теперь его справедливый гнѣвъ былъ направленъ на Антоніо. Князь поклялся умертвить его собственными руками, если когда нибудь встрѣтитъ. Мальчиковъ же онъ призвалъ къ себѣ и долго, внушительно, спокойно бесѣдовалъ съ ними. Они слушали его внимательно и даже казались растроганными. Они торжественно обѣщались посѣщать церковь и молиться Богу. Затѣмъ князь приставилъ къ нимъ священника, на котораго могъ положиться. Онъ долженъ былъ слѣдить за ними и настаивать ихъ въ Законѣ Божіемъ.

Устроивъ все это и успокоившись, князь снова и всецѣло отдался своей общественной дѣятельности. Время было кипучее, тревожное. Отъ него требовалось все больше и больше усилий; борьба становилась труднѣе и труднѣе. Чаше и чаще приходилось выѣзжать изъ Острога, дѣйствовать то тамъ, то здѣсь, то въ Краковѣ, то въ какой нибудь глуши литовской.

Среди заботъ и трудовъ князь забывался отъ своей грусти, но возвращаясь въ Острогъ, онъ чувствовалъ невыносимую сердечную тяжесть.

Время шло, проходили мѣсяцы, прошло полтора года съ тѣхъ поръ какъ опустѣла половина замка, занимаемая княгиней Беатой. Въ замокъ рѣдко наѣзжали гости; о пирахъ не было и помину. Все, что прежде тщательно скрывало свои враждебныя чувства къ князю ради возможности видѣть княжну Гальшку и добиваться руки ея—все это теперь стрѣмилось въ Вильну, осаждало домъ Беаты. Да и кромѣ того, не радостно было теперь посѣщать острожскій замокъ. Все въ немъ какъ то пусто и мрачно. Хозяйка—женщина добрая и радужная, но она не умѣетъ оживлять общества, очевидно даже тяготится имъ, она вся ушла въ домашнія хлопоты и заботы, вся отдала себя младшему сыну, который еще былъ на рукахъ у нея. Хозяинъ рѣдко дома и кажется такимъ мрачнымъ и грознымъ.

А князь былъ очень доволенъ этой тишиной и спокойствіемъ. Онъ всегда пріѣзжалъ въ Острогъ утомленный и раздраженный. Онъ полюбилъ теперь въ зимнее время бродить по опустѣвшей половинѣ замка. Здѣсь все ему напоминало Гальшку; здѣсь, невидимо для постороннихъ взоровъ, выступала наружу вся нѣжность, на какую только было способно его сердце. Онъ иногда заставлялъ себя на самыхъ несбыточныхъ грезахъ: то мечталъ онъ о томъ, что Гальшка снова и навсегда переселится къ нему, и не разстанется онъ съ нею до самой смерти; то начинало ему казаться возможнымъ появленіе Сангүшки... Но онъ быстро останавливалъ свою расхолодившуюся фантазію и горько усмѣхался. Дѣйствительная жизнь вступала во всѣ права—онъ на-

Общій видъ города Пензы. Съ фотогр рис. Ванюра, грав Бюирскій.

Кромвель и его семейство, намеревающиеся оставить Англию. (Къ разсказу „Рожовой приказъ“). Картина профессора Крейцуса; грав. Шмидтъ.

чиналъ строить возможные планы, онъ задумывалъ изда-
нiе въ своей типографiи полной Библии, помышлялъ воз-
двигнуть новые православные храмы въ мѣстностяхъ,
гдѣ это могло помѣшать распространенiю латинства и
реформатства...

Незамѣтно набѣгали раннiя зимнiя сумерки, а онъ
все ходилъ одиноко по опустѣвшимъ покоямъ. Только
въ случаѣ особенно важнаго дѣла приближенные рѣ-
шались тревожить его уединенiе...

Въ одинъ изъ такихъ дней, когда особенно тяжело
было у него на сердцѣ, когда вьюга особенно злилась,
и снѣжныя хлопья такъ и бились, такъ и бились о
стекла, ближнiй шляхтичъ смущенно доложилъ князю,
что въ замокъ явился какой-то хлопъ. Онъ ни за что
не хочетъ сказать, чего ему надо и настоятельно тре-
буетъ чтобъ его немедленно провели къ князю...

— Что за вздоръ! раздражительно крикнулъ князь
Константинъ.

Шляхтичъ замялся.

— Прости меня, князь—государь, волнуясь и даже
заикаясь, началъ онъ,—дѣло такое, что и ума прило-

жить трудно... Или всѣхъ насъ бѣсъ попуталъ и гла-
за намъ отводитъ или... этотъ хлопъ—самъ покойный
князь Дмитрiй Андреевичъ Сангушко...

— Что? что!! гдѣ онъ, гдѣ онъ, гдѣ?! веди скорѣе,
веди...

И князь, боясь вѣрить, боясь радоваться, слѣдомъ
за шляхтичемъ бѣжалъ, забывъ свои годы, бѣжалъ какъ
мальчикъ...

— Скорѣй, сюда, ко мнѣ... живо!...

Онъ остановился и нетерпѣливо сталъ шагать по
комнатѣ.

Вотъ двери растворились...

Сомнѣнiя не оставалось—въ грязной, мокрой отъ снѣ-
гу, закорузой одеждѣ, блѣдный, измѣнившiйся, поста-
рѣвшiй—но все же это былъ Сангушко.

Они бросились другъ къ другу, обняли и, невыдер-
жавъ, оба зарыдали, какъ отецъ съ сыномъ, свидѣвшiеся
послѣ долгой, казавшейся вѣчной, разлуки.

— Голубчикъ, голубчикъ! живъ ты, живъ! могъ толь-
ко выговорить князь Константинъ съ радостью и сча-
стьемъ вглядываясь въ лицо Сангушки...

(Продолженiе будетъ).

Типы Восточной Сибири.

(Женщина въ Иркутскѣ).

При словѣ *сибиряки* нельзя представить себѣ какой-нибудь
отдѣльный народъ, который носилъ бы это имя: такъ называ-
ютъ всѣхъ вообще жителей нашей обширной Сибири, принад-
лежащихъ къ 4 племенамъ: славянскому, финскому, татарско-
му и монголо-манчжурскому. Впрочемъ ихъ обозначаютъ такъ
же только двумя общими названiями—русскихъ и инородцевъ;
первые состоятъ изъ переселенцевъ Европейской Россiи, а
послѣднiе—туземцы. Русскiе по преимуществу живутъ осѣдо,
большая же часть инородцевъ до сихъ поръ ведутъ жизнь ко-
чевую или бродячую.

Приложенный здѣсь рисунокъ *сибирячки* представляетъ соб-
ственно русскую женщину изъ зажиточнаго класса. Желая по-
казать суровость климата Сибири и малую ея населенность,
художникъ представилъ Сибирячку въ зимней одеждѣ, среди
зимней и пустынной природы.

Въ Западной Европѣ смотрятъ на сибиряковъ чуть ли не
какъ на бѣлыхъ медвѣдей, для которыхъ холодъ—ихъ стихiя.
О морозахъ Сибири ходятъ тамъ такіе баснословные рассказы,
что будто бы въ нѣкоторыя зимы цѣлыя населенiя деревень,
сель и городовъ вымерзаютъ, а отъ суровости климата, непри-
вѣтливости и бѣдности природы сибиряки, будто бы, грубы,
необщительны, безсердечны, жалки...

Конечно, окружающая природа кладетъ рѣзкій отпечатокъ
на человѣка, проявляющiйся на физической и духовной сто-
ронѣ его, но совсѣмъ не таково влiяніе сибирской приро-
ды, какъ представляютъ это себѣ иностранцы, мало знаю-
щіе Сибирь. Въ этой странѣ бываетъ лѣтомъ 30, даже 40
градусовъ тепла; среди этой непривѣтливой природы есть
ландшафты, которые не уступятъ по красотѣ швейцарскимъ, а
вѣковые хвойные великаны своею грандіозностью восторгаютъ
душу, окрыляя ее нравственною мощью; среди этой, будто бы,
бѣдной природы, есть мѣстности, отличающiяся лучшимъ, здо-
ровѣйшимъ климатомъ... Можетъ ли тугъ, послѣ этого, родить-
ся какой-нибудь крѣпкiй? Даже въ самомъ сердцѣ Сибири,
среди холодной тундры, мы встрѣчаемъ подвижнаго, беззаботно-
веселаго тунгуса, ловкiе остроты и юморъ котораго приобри-
ли ему прозванiе француза тундры.

Собственно же русскiе въ Сибири одарены хорошими физи-
ческими и духовными качествами. Женщины довольно строй-
ны, съ хорошо развитою грудью, большею частію блондины
и съ голубыми глазами. Общее впечатлѣнiе, какое производятъ
ихъ наружность, это солидность, степенность, составляю-
щая диаметральную противоположность съ французскимъ *тру-*

ла-ла. Поверхностный наблюдатель могъ бы подумать, смотря
на сибирячку, что въ ней застыло чувство, что сна не можетъ
любить; но нашъ великiй поэтъ, умѣющiй проникать въ глубо-
кiй тайникъ человеческого сердца, вотъ что говорить о розѣ
сѣвера въ одномъ изъ своихъ стихотворенiй.

И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:

Открыта шея, грудь, и вьюга ей въ лицо!

Но бури сѣвера не вредны русской розѣ:

Какъ жарко подѣлуй пылаетъ на морозѣ!

Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли свѣговъ! *)

Въ семьѣ сибирячка все: добрая жена, любящая мать, хоро-
шая хозяйка, замѣняющая нерѣдко мужа въ управленiи домою
и дѣлами. Гостеприимство ея и радушное угощенiе хорошо из-
вѣстны всѣмъ. Какъ на особенную характеристику, слѣдуетъ
указать на обиліе пословицъ, составляющихъ для сибирячекъ
какъ бы кодексъ нравственныхъ правилъ, которыми онѣ ру-
ководятся въ практической жизни. Пословицы эти постоянно
слышатся изъ устъ женщинъ преимущественно средня-
го и низшаго сословія, когда онѣ, толкуя между собою о
какой-нибудь невзгодѣ или *окази*, *встрясшейся* надъ семьей.
«Да матушка, пословица говоритъ: вѣкъ прожить—что рѣ-
ку перебрести: не знаешь, гдѣ ступишься!» заключаетъ въ
подобномъ случаѣ сибирячка своей знакомкѣ. Соболезнуя
же своей подругѣ въ ея горѣ, которому помочь нельзя, сибир-
ячка говоритъ: «Что подѣлаешь, милая?! не даромъ послови-
ца-то говоритъ: зимой солнышко и свѣтитъ, а не грѣетъ!» Труд-
нолюбiе сибирячки есть, кажется, общая характерная черта
вообще русской женщины, которая въ среднемъ и низшемъ
классѣ работаетъ и хлопочетъ чуть ли не больше мужчины;
нравственность между сибирячками сохранилась лучше, чѣмъ
между женщинами Европейской Россiи. Грамотность и образо-
ваніе больше и больше проникаютъ въ Сибирь, такъ что мно-
гіе изъ сибирячекъ ищутъ уже высшаго образованiя, отправля-
ясь для этого въ Москву и Петербургъ. Имѣющiи открыться
въ Сибири университеты окажутъ, конечно, при благоприятныхъ
условіяхъ, благотвѣтельное влiяніе на эту отдаленную страну.

Одежда сибирячекъ въ настоящее время уже не носитъ на
себѣ мѣстнаго огнечатка: парижскія моды зашли и сюда; но
все таки можно еще найти кое-гдѣ прежнiй канотъ, обшитый
бобромъ, соболемъ или бѣлкой, смотря по состоянiю; украше-
ніе бусами также еще держится. На рисунокѣ сибирячка пред-
ставлена въ прежней своей одеждѣ.

Сикстинская капелла и фрески „Страшный Судъ“ Микель Анджелло,

Давно уже пало политическое могущество Рима, пошатнулось
въ послѣднее время его религіозное значенiе, уменьшается, на-
конецъ, мало по малу влiяніе римскаго права, а памятники рим-
скаго искусства—произведенiя великихъ мастеровъ съ Рафаелемъ и
Микель Анджелло во главѣ, все еще привлекаютъ и долго бу-
дутъ привлекать нѣвыя массы восхищенныхъ поклонниковъ и
вызывать справедливое удивленiе всего свѣта.

Къ числу такихъ великихъ памятниковъ искусства принадле-
житъ и Сикстинская Капелла съ фресками Микель Анджелло Бу-
нороти.

Капелла эта, какъ показывается ея названіе, была сооружена

при папѣ Сикетѣ IV, при немъ же она была украшена фреска-
ми знаменитѣйшихъ живописцевъ того времени: Перуджино,
Синьорелли, Филиппи, Джирляндая и др.

Преемникъ Сикета IV, Юлій II, поручилъ Микель Анджелло по-
полненiе фресковъ потолка. Эту исполинскую работу, считую-
щуюся и понынѣ величайшимъ произведенiемъ искусства, Ми-
кель Анджелло окончилъ въ невѣроятнo короткое время: въ те-
ченіи двухъ лѣтъ.

Черезъ двадцать одинъ годъ послѣ окончанiя этой работы

*) Пушкинъ, т. IV, стр. 303.

знаменитый живописец—ваятель был снова призванъ въ Римъ, чтобы украсить своей кистью главную алтарную стѣнку капеллы. На ней-то Микель Анджелло изобразилъ, «Страшный Судъ», копію съ котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ.

Вотъ что говоритъ объ этомъ произведеніи современный государственный дѣятель Испаніи, Эмиліо Кастеляро въ своихъ интересныхъ «Воспоминаніяхъ объ Италіи».

«Прежде чѣмъ Микель Анджелло успѣлъ довершить свое дѣло украшенія Сикстинской Капеллы, приблизилась катастрофа катастрофъ—приближалась часть раззоренія Рима Испанцами и Нѣмцами подъ предводительствомъ конетабля Бурбона. Бѣдствія, обрушившіяся тогда на Римъ, безпримѣрны въ исторіи».

Папа Климентъ VII былъ заключенъ въ темницу и тамъ ѣлъ ослиное и конское мясо. Массы труповъ мстили своимъ убійцамъ, распространяя заразу. И еще Римъ не оправился послѣ этого страшнаго опустошенія, слѣды котораго неизгладились еще и черезъ полстолѣтія, когда Микель Анджелло въѣзжалъ въ его ворота, чтобы окончить свой трудъ, чтобы новымъ произведеніемъ придать новый блескъ Сикстинской Капеллѣ и на средней стѣнѣ ея написать Страшный Судъ.

Все вдохновляло его къ этой великой трагедіи: паденіе свободы въ его родной странѣ, свѣжее раззореніе Рима, победы, одержанныя реформациею надъ частью человечества, победы времени надъ его жизнію, возраста надъ его силою, боли надъ его душой. Набрасывая свою исполненскую картину*), онъ тысячу разъ думалъ, что ему придется тутъ же умереть.

Разъ онъ упалъ изъ подъ мостковъ и изранилъ ногу, тогда онъ заперся въ квартирѣ съ намѣреніемъ не выходить оттуда до смерти. Наконецъ, одинъ врачъ и другъ его взломалъ двери и успѣлъ отклонить Микель Анджелло отъ этого меланхолическаго намѣренія. Судьбы Италіи, какъ ножъ вонзаются въ его сердце, что и придаетъ ему вдохновеніе, источникъ котораго лежитъ въ его совѣсти. Чтеніе Данта и его мистическое вліяніе придаетъ ему мужества и поддерживаетъ его: у него было изданіе Божественной Комедіи съ широкими полями, на которыхъ онъ рисовалъ видныя лица и фигуры подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго творенія великаго поэта. Хотя три столѣтія отдѣляло ихъ другъ отъ друга, тѣмъ не менѣе поэма Данта доставила Микель Анджелло содержаніе для его Страшнаго Суда, какъ произведенія Гомера доставило сюжетъ для трагедіи Эсхила. Тѣло человѣческое, его строеніе, до него почти совсѣмъ никому неизвѣстное, служить главнымъ эл-ментомъ его фантастическихъ вдохновеній; еще юношей промѣнялъ онъ какъ то одну изъ своихъ статуй за трупъ, и посвятилъ двѣнадцать лѣтъ жизни изученію анатоміи на мертвенцахъ. Зрзавившись разъ, еще въ началѣ своихъ занятій, онъ чуть не заплатилъ жизнью за эту науку.

Глубокое изученіе формъ видно на этой картинѣ, на этой позѣ. Нѣтъ боли, которая бы не потрясала этими напряженными голами тѣлами. Вся фигура—нагія. Микель Анджелло нашелъ для этого въ себѣ достаточно смѣлости въ то время, когда реакція противъ Возрожденія начинала уже брать верхъ и стремилась похоронить природу подъ средневѣковыми покровомъ. Трудно представить себѣ, какой скандалъ произвело тогда его дерзкое намѣреніе: Аретино, который не задумывается изображать нагими всевозможныя нравственныя безобразія, возмущается этой дѣвственной наготой искусства. Бяджіо—церемоніймейстеръ папы Павла III, умоляетъ художника отъ имени папы, что бы онъ покрывалъ чѣмъ нибудь свои фигуры и не изображалъ бы людей безъ всякой одежды. «Передайте папѣ—отвѣтилъ ему на это Микель Анджелло—что, если Его Святѣйшество исправитъ вселенную, то я исправлю картину въ нѣсколько минутъ». И въ наказаніе изобразилъ посланнаго посредника, съ ослиными ушами и посадилъ его на самое дно ада. Бяджіо побуждалъ жаловаться папѣ. «Онъ пометилъ меня въ своей картинѣ—говорилъ онъ, плача, какъ ребенокъ, и дрожа, какъ старикъ—я желалъ-бы чтобы Ваше Святѣйшество освободили меня оттуда».

—«А куда же онъ тебя посадилъ?»—Въ адъ, Ваше Святѣйшество, въ адъ, говорилъ разсерженный церемоніймейстеръ.—«Гм... отвѣтилъ папа, если бы онъ посадилъ тебя въ Чистилищъ, я освободилъ бы тебя—но до ада власть моя не доходитъ».

Невозможно собрать все, что было высказано объ этихъ фрескахъ. Господствующая въ прошломъ столѣтіи академическая школа считала Микель Анджелло плохимъ живописцемъ. Одинъ критикъ называлъ это произведеніе собраніемъ лягушекъ. Три-

ста нагихъ фигуръ, предстаютъ передъ нашими глазами въ этой стѣнной картинѣ въ пятьдесятъ футовъ высотой и сорокъ футовъ шириною. Трудно сразу объять взоромъ все ея содержаніе. Надо присматриваться съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ ухо должно вслушиваться въ симфонію Бетховена. Тому, кто не ознакомленъ съ искусствомъ, легче справиться съ своими чувствами и восторгомъ. Такой зритель стоитъ онемѣлый передъ этимъ твореніемъ, не будучи въ состояніи оторвать отъ него своихъ взоровъ. Есть въ исторіи извѣстныхъ личности, а въ литературѣ извѣстные роды стилия, которыхъ своеобразность такъ ясна, величіе такъ неизмѣримо и центръ тяжести такъ далеко уходитъ отъ сферы всеобщаго тяготѣнія — что голова идетъ кругомъ у каждого, кто пожелаетъ идти, по ихъ слѣдамъ, и подражаніе имъ влечетъ за собою опасное паденіе. Войдите въ церковь Св. Петра, посмотрѣвшись на фигуры Микель Анджелло, и вы тотчасъ же замѣтите много недостатковъ въ исполненскихъ, но какъ бы опухнувшихъ, безъ всякаго вкуса сдѣланныхъ тамошнихъ статуяхъ—произведеніяхъ посредственныхъ талантовъ, пытавшихся подражать единственному въ своемъ родѣ, сверхчеловѣческому почти генію Микель Анджелло, который, подобно Данте, Шекспиру или Кальдерону, въ недосыгаемой высотѣ своей остается на всегда удивленіемъ въковъ.

Въ картинѣ этой нѣтъ почти мѣста природѣ, отъ нея Микель Анджелло взялъ воздухъ и свѣтъ. Нѣтъ тамъ ни тучъ, полетомъ искръ пробѣгающихъ пространства, ни солнца, окрашеннаго кровью, ни разверзающихся горъ, ни моря, потрясаемаго бурей, возносящей пѣну къ тучамъ—слѣдовъ нѣтъ всего этого: вся эта ужасная сцена обрамлена лазурнымъ эфиромъ и воздухомъ; видны только нагіе люди, и небесныя облака, а надъ ними царитъ гнѣвъ Господень.

Да, въ картинѣ этой все полно тревоги и страха, ужасъ господствуетъ надъ всеми другими чувствами и, кажется, никто тамъ не помышляетъ о спасеніи. Съ одной стороны видна ладья Харона на рѣкѣ свинцоваго цвѣта, съ другой страшное пламя чистилища. Надъ этимъ, мертвецы, разбуженные звуками трубъ, отваливаютъ свои могильные камни, раздираютъ свои покровы, и стряхиваютъ пылъ съ своихъ скелетовъ, на которыхъ уже нѣтъ почти слѣдовъ тѣла, и сонъ со своихъ глазъ, почти пустыхъ. Многіе покойники, къ которымъ возвратилась уже жизнь и движенія, поднимаются съ большимъ усиліемъ и мучимые неизвѣстностью, обремененные большей или меньшей тяжестью своихъ дѣяній, готовятся выслушать послѣдній приговоръ. Одни изъ нихъ уже отчаиваются, другіе стоятъ полные надежды, третіе, наконецъ, подаютъ другъ другу руки и поддерживаютъ одинъ другаго. Одесную Спасителя виднѣтся сіяющая радостью группа женщинъ, освобожденныхъ уже изъ чистилища и поющихъ благодарственный гимнь, среди нихъ выдѣляется высокая фигура святой матери, которая только что выслушала приговоръ своей дочери, исполненная радостнаго восторга она прижимаетъ дочь къ своей груди и крѣпко держитъ ее, какъ бы не довѣря еще своему счастью. Радомъ съ ней стоитъ группа ангеловъ, и слезы градомъ льются по ихъ лицамъ.

Ниже ихъ видны еродники, которые, послѣ вѣковой разлуки узнаютъ теперь и привѣтствуютъ другъ друга въ высяхъ вѣчнаго града.

По срединѣ—Христосъ въ сильномъ гнѣвѣ проклинаетъ и наказываетъ: не слушая мольбы матери своей, онъ отвернулся отъ безбожныхъ ангеловъ и ни разу даже невзгляднелъ на нихъ, чтобы взглянуть этимъ не смягчить вѣчной кары. Около Спасителя стоитъ Адамъ, высокій старецъ, онъ хочетъ опять вернуться къ людямъ, какъ Христосъ вернулся на небо. Все однако величіе генія Микель Анджелло явно выступаетъ въ одной безчисленной толпѣ отверженныхъ. Пораженные страшнымъ приговоромъ, они падаютъ въ нѣмощи, какъ иссохшія листья, извиваются, мучимые горемъ и отчаяніемъ, кусаютъ собственные руки, и рвутъ волосы при видѣ страшнаго пламени, готоваго ихъ охватить; всѣхъ ихъ мучитъ ужаснѣйшая борьба души и тѣла; и все это Титаны, исполненные жизни, плоти и крови. Титаны эти кричатъ и рыдаютъ, кланутъ и богохульствуютъ, борясь со змѣями, обвивающими ихъ тѣло; они рады бы схватиться за облако и отдохнуть въ воздушныхъ странахъ—но тщетно!

Дрожъ ужаса овладѣваетъ всякимъ при этомъ видѣ: чувствуешь, кажется, какъ члены ихъ въ первый разъ соприкасаются въ адскомъ пламени съ расплавленнымъ свинцомъ.

Городъ Пенза.

При впаденіи рѣки Пензы въ Суру, частью на довольно большой возвышенности, частью на склонахъ ея, раскинулся красивый губернской городъ Пенза. Пенза основана въ 1666 году; до того времени здѣсь существовалъ сторожевой острогъ, населенный черкасами, которые охраняли его отъ нападений Мордвы и Мещеряковъ. Отъ 1708 до 1780 года Пенза причислялась къ Казанской губерніи, въ 1780 году она была назначена главнымъ городомъ Пензенскаго намѣстничества; затѣмъ въ 1797

году она вошла, какъ уѣздный городъ, въ составъ Саратовской губерніи, но въ 1801 г. снова назначена губернскимъ городомъ.

Изъ историческихъ событій жителей Пензы памятны только: возмущеніе монаха Варлаама Левина, бывшее причиною уничтоженія, современнаго основанію крѣпости, Иоанно-Засурскаго Предтеченскаго монастыря, затѣмъ случившееся въ 1717 году нападеніе закубанцевъ, извѣстное въ народѣ подъ названіемъ большого кубанскаго погрома и наконецъ, нашествіе Пугачева: городъ былъ взятъ толпой самозванца въ 1774 году. Въ настоящее время Пенза, вѣстѣ съ городскими выгонами, занимаетъ 3,595 десятинъ. Подъѣзжая къ городу съ сѣверной сто-

*) Стѣна, на которой изображенъ Страшный Судъ, имѣетъ 70 футовъ длины и 40 футовъ ширины.

роны, уже за 30 слишком верстъ можно любоваться его великолѣпной попорамой, съ утопающими въ зелени многочисленными садами и постройками. Церквей въ Пензѣ около 30-ти, кромѣ того есть лютеранская деревянная церковь и деревянная же мечеть.

Городскихъ построекъ насчитываютъ до 4,000 тысячъ, но каменныхъ только 506; лавокъ и магазиновъ 502, большинство

Роковой приказъ (Историческій разсказъ Г. Гильтля).

I.

Въ концѣ набережной, идущей вдоль Лондонской гавани, помѣщалась гостинница «Золотой Анкерштокъ». Если вы спуститесь по каменной лѣстницѣ стариннаго зданія и пройдете нѣсколько шаговъ, то увидите передъ собой пристань для небольшихъ лодокъ, поддерживающихъ сообщеніе между материкомъ и кораблями, погрузчиковъ и другихъ рабочихъ, а также массу товара.

Вѣтхія каменные стѣны окружали пристань. Онѣ выведены были изъ большихъ кусковъ плитняка, скрѣплялись известкою, вслѣдствіе этого со временемъ образовали сплошную каменную массу; стояли же онѣ туго съ незапамятныхъ временъ. Для облегченія причала лодокъ, стѣны эти мѣстами снабжены были желѣзными крюками или большими вбитыми въ нее кольцами, за которыя, во время бурной погоды, матросы прикрѣпляли лодки.

Кромѣ того, стѣны эти служили мѣстомъ собранія празднующагося народа. Онѣ снабжены были широкими брустверами и на нихъ, во всякое время дня, собирались матросы, корабельные плотники, работники и пограничная стража, праздноватались, отдыхая или занимаясь ѣдой. Здѣсь, сидя вереницею, они сообщали другъ другу новости дня, извѣстія о прибывшихъ и отбывающихъ корабляхъ. Здѣсь часто сыщики повидимому занимались невинными разговорами, въ то же время подстерегали своихъ жертвъ; случалось, что съ этого мѣста бѣглецы преступники не рѣдко скрывались на корабли, гдѣ имъ легко было ускользнуть отъ рукъ правосудія. Наконецъ, это было также мѣстопробываніе людей, именуемыхъ въ наше время «коммисіонерами», въ 1637 же году они составляли сборище отборныхъ тунеядцевъ, тѣмъ не менѣе, безъ ихъ услуги нельзя было обойтись.

Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, гостинница «Золотой Анкерштокъ» приобрѣла извѣстность. Отсюда легко было попасть на корабль, получать вѣрныя свѣдѣнія объ отходящихъ и приходящихъ корабляхъ, наводить разныя справки и прискивать готовыхъ къ услугамъ людей. Кромѣ того, хозяинъ дома, Джонъ Фишъ, позаботился о хорошемъ столѣ и напиткихъ, равно какъ о пространныхъ помѣщеніяхъ для гостей. Изъ оконъ гостинницы взорамъ отбѣжающихъ открывался видъ на гавань и на находящіяся въ ней корабли, такъ что не трудно было имъ отскатать то судно, на которомъ намѣревались отплыть они въ море.

Благодаря всему этому, Джонъ Фишъ приобрѣлъ большую популярность и вслѣдствіе этого значительное состояніе. Гостинница постоянно переполнена была гостями и путешественниками, которыхъ господинъ Фишъ принималъ всегда любезно, не справляясь о ихъ политическихъ и религиозныхъ исповѣданіяхъ, лишь бы платили слѣдующія съ нихъ деньги, по счету, не совѣсьмъ то умѣренному. Мы употребили слова: политика и религія, не безъ причины. Времена, постигшія Англію въ описываемое время, произвели разладъ между ея соотечественниками, и хотя послѣ долгой и кровопролитной борьбы они умиротворились, но рѣзкій образъ дѣйствія короля ожесточилъ умы. Наступили времена религиозной нетерпимости; свобода совѣсти подчинилась мѣрному, вводимому Карломъ I. Хотя сначала и смотрѣли равнодушно на мѣры, предпринимаемыя правительствомъ—но лишь только онѣ начали обнаруживать свое дѣйствіе, равнодушныя превратились въ ревностныхъ защитниковъ угнетенной свободы.

Папская власть пугала многихъ; церковная реформа, вводимая королемъ, до того была проникнута католицизмомъ, что приверженцы истинной вѣры ея гнушались.

Когда и богачи, и наилучшая часть народонаселенія, и люди влиятельные стали противиться реформамъ короля, то народъ усмотрѣлъ въ нихъ своихъ вожаковъ, заступниковъ.

Повсюду стали образоваться секты. Не обращая вниманія на жестокія распоряженія правительства, сектанты устраивали религиозные обряды по своему и дали своимъ учрежденіямъ характеръ республиканскій. Правительство приобрѣло къ строгимъ мѣрамъ, началось всеобщее преслѣдованіе. Индепенданты, суровые Пуритане, разогнались, если собирались молиться по своему; не находя защиты въ своемъ отечествѣ, они начали эмигрировать изъ страны, въ которой запрещалось молиться по собственному благоусмотрѣнію, государь которой предписывалъ своимъ подданнымъ, какъ свободные люди должны поклоняться Богу.

По ту сторону океана манила свобода. Сперва сотнями, потомъ тысячами, народъ началъ переселяться, искать новую родину. Первымъ убѣжищемъ имъ казалась Голландія; оттуда, че-

деревянныхъ: есть двѣ значительныя аптеки и два театра; каменный зимній и лѣтній.

Императрица Екатерина II предполагала основать въ Пензѣ университетъ, но къ сожалѣнію предположеніе это не было приведено въ исполненіе. Число учащихся въ Пензѣ достигаетъ теперь до 3,000 человекъ. Учебныхъ заведеній теперь 22.

Число жителей Пензы 32.000 душъ обоего пола.

резъ океанъ, они отправлялись въ Американскія пустыни. Страшное сосѣдство Индѣйцевъ и лишенія, которые они должны были испытывать въ новой странѣ, не такъ были имъ страшны, какъ безмѣрная строгость монарха, совѣтники котораго, въ безпримѣрномъ заблужденіи, подвергали гоненію своихъ согражданъ за принадлежность къ сектѣ, жадавшей устраивать религиозные обряды по своему, притомъ въ ограниченномъ кружкѣ.

Сначала король мало обращалъ вниманія на переселеніе. Казалось, онъ былъ радъ избавиться отъ нѣкоторыхъ недобрыхъ и строптивыхъ подданныхъ. Пожилая плечами, смотрѣли представители власти на корабли, наполненные переселенцами и лишающие почву Англіи трудолюбивыхъ землевладѣльцевъ.

Но вскорѣ эмиграція приняла такіе размѣры, что ужаснулись тѣ, на обязанности которыхъ покоилась забота о финансахъ страны. Какія богатства уносились изъ Англіи въ новое мѣстопробываніе? Сколькихъ наилучшихъ гражданъ лишила король?

При наступленіи 1637 года финансисты исчислили, что болѣе 12 милліоновъ наличными деньгами исчезли изъ страны. Власти рѣшили прибѣгнуть къ понудительнымъ мѣрамъ. Въ Лондонѣ открылись совѣщанія, какъ поставить предѣлъ чрезмѣрному переселенію.

II.

Апрѣль мѣсяцъ 1637 года миновалъ. Солнце, еще весьма несходительное въ это время, распространяло лучи надъ Лондономъ, зологило крыши ветхихъ домовъ, находящихяся вблизи берега, и отражаясь въ корабельныхъ парусахъ, мѣстами отбѣняло ихъ.

Оконныя стекла гостинницы «Золотой Анкерштокъ» сверкали въ сіяніи вечерняго солнца; надъ рѣкою носились испаренія, признакъ приближенія ночи.

Большой залъ гостинницы биткомъ набитъ былъ народомъ разныхъ слоевъ общества. Гости помѣщались партіями у длинныхъ столовъ, иные имѣли предъ собою большія чаши, наполненныя кушаньемъ, другіе—кружки съ пивомъ, третьи, наконецъ, стояли поодаль, мрачно, сосредоточенно, безмолвно, упорно обращая взоры другъ на друга и по временамъ тяжело вздыхая. Въ одномъ темномъ уголкѣ группа внимала проповѣди какого то странно одѣтаго мужичины: то были прощальныя слова оратора къ своимъ слушателямъ.

Залъ былъ заваленъ пакетами, ящиками и сундуками разныхъ размѣровъ. На нихъ возсѣдали женщины, кормя грудью дѣтей, и посреди этого шума и крика въ пропитанной табакомъ атмосферѣ, дѣти пытались уснуть.

— Чашъ отъ часу хуже! Народъ такъ и валитъ, сказалъ дюжій муштина въ гражданскомъ платьѣ, обращаясь къ Джону Фишу, который, стоя у буфета, снокойно смотрѣлъ на эту кутерьму.

— Ваша правда, сэръ, возразилъ хозяинъ. Продолжись это такъ, то въ старой Англіи вскорѣ придется поискывать порядочныхъ гражданъ.

— О чемъ, чортъ возьми, думаетъ король?

— Тише! замѣтилъ хозяинъ. Не говорите такъ громко. Шпіоны епископа и Страффорда повсюду шатаются. Съ тѣхъ поръ, какъ появилась эта куча пасквильныхъ статей, направленныхъ противъ Лаура, и наилучшій человекъ не въ безопасности.

Дюжій человекъ занялъ гнѣвъ свой глоткомъ портера, стоявшего передъ нимъ.

— Гм! сказалъ онъ, отставляя кружку, конечно, выбирать тутъ нечего: все люди въ нищенской одеждѣ.

— Это только такъ кажется, пояснилъ хозяинъ. Что сегодня видите вы, то мнѣ приходится видѣть ежедневно въ такомъ же количествѣ, и могу увѣрить васъ, между ними есть порядочные люди. Не судите по простой одеждѣ. Въ несчастія всѣ равны. Вѣрьте, подъ простымъ платьемъ кроется хорошей гражданскій; конечно, между переселенцами есть и негоди, но большая часть достойные джентельмены, и наилучшая секта—пуританская. Они избѣгаютъ роскоши, потому и кажутся вамъ такими бѣдными; взгляните въ тотъ уголъ, видите вы того высокаго, тощаго мушину, что ораторствуетъ съ книгой въ рукахъ?

— Во истину, это Пимъ, Линкольнширскій ораторъ. Что ему здѣсь нужно?

— Ну, онъ послѣдній вечеръ въ Англіи. Онъ эмигрируетъ.

Дюжій человекъ поникъ головою на грудь.

— Гамденъ, Гаслеръ также наняли мѣста на корабль, про-

должал Джонъ. И желаете вы знать еще кое что? Взгляните туда, въ уголъ, за печью. Видите вы эту кучу тюковъ, ящиковъ и сундуковъ?

— Вижу

— Это багажъ достопочтеннаго Оливера Кромвеля, который завтра утромъ съ своимъ семействомъ покидаетъ Англiю.

— Кромвель? воскликнулъ дюжий мужчина, вскочивъ съ мѣста. Это не можетъ быть! Его будущность основана на пребыванiи въ отечествѣ.

— Ошибаетесь, сказалъ Фипшъ. Хотите, онъ самъ подтвердитъ вамъ это—вотъ онъ идетъ. Онъ почуветъ подъ своимъ кровомъ въ послѣднiй разъ въ Англiю.

Указанный Джономъ Фипшомъ мужчина направился къ буфету, протѣсняясь сквозь толпу, наполнявшую залъ. При его приближенiи незнакомецъ началъ ретироваться.

Кромвель подрешелъ къ хозяину.

— Гдѣ комната, назначенная мнѣ и моему семейству для ночлега? спросилъ онъ.

— На верху въ первомъ этажѣ, отвѣтилъ Фипшъ. Ваша милость можете сейчасъ занять ее. Ей, Томъ!

Кромвель обратился къ подослѣвшему слугѣ, которому поручено было указать гостю комнату.

Не оглянувшись, оставилъ Кромвель залъ.

— Нужно переговорить съ нимъ, сказалъ незнакомецъ, подойдя опять къ буфету. Упросить, предостеречь его.

Онъ протолкалъ себѣ дорогу сквозь толпу и исчезъ за парусиннымъ занавѣсомъ, отдѣлявшимъ обширный залъ отъ сѣней.

Тутъ онъ поднялся по широкой деревянной лѣстницѣ, ведущей въ первый этажъ, и прошелъ корридоръ, по сторонамъ котораго помѣщались номера. Но дойдя до одной изъ многихъ дверей, онъ остановился. Хоровое пѣнiе слышалось изъ запретной комнаты. Нѣсколько дѣтскихъ голосовъ вмѣстѣ съ голосами взрослыхъ пѣли церковную пѣсню. Пока длилось пѣнiе, незнакомецъ прислушивался, потомъ онъ постучалъ въ дверь.

— Войдите! послышался сильный, мужской голосъ и съ тѣмъ вмѣстѣ дверь растворилась.

Предъ незнакомцемъ стоялъ Кромвель.

— Ричмондъ! воскликнулъ Кромвель. Вы ли это? Войдите.

Ричмондъ обвелъ комнату глазами. Ему предстало семейство Кромвеля, жена, трое дѣтей и старый, сурово смотрящiй слуга.

— Другъ давно минувшихъ лѣтъ, сказалъ Кромвель, представляя Ричмонда супругѣ.

— Я желаю...

— Вы желали проститься со мною и моимъ семействомъ? перебилъ его Кромвель. Прекрасная черта съ вашей стороны, тѣмъ болѣе, что вы противники нашего исповѣданiя.

— Ошибаетесь, Оливеръ, сказалъ Ричмондъ. Я пришелъ просить васъ остаться, не покидать отечества, родину, вашему сердцу такъ близкую.

Кромвель горько усмѣхнулся.

— Съ приверженцемъ правительства, съ придворнымъ чело-вѣкомъ трудно спорить, сказалъ онъ. Я увѣренъ, вамъ известна участь, насъ ожидающая; какъ можете вы, Джонъ Ричмондъ, совѣтовать мнѣ остаться?

— Вы невѣрно судите о королѣ, перебилъ его Ричмондъ. Довѣрьтесь, вы и ваши единомышленники, великодушному сердцу Карла, и я увѣренъ, скорѣе настали бы лучшiя времена. Признайтесь, вѣдь ваше же упорство раздражило короля.

— Такъ зачѣмъ же эти паяскiя продѣлки? вспылилъ Кромвель: зачѣмъ преслѣдуютъ тѣхъ, кто желаетъ молиться какъ ему благорасудится? Нѣтъ, другъ, въ Англiю нѣтъ болѣе спасенiя для свободы. Мы, поневолѣ, принуждены искать ее по ту сторону океана; быть можетъ, она воцарится и здѣсь, но грозно потребуетъ отчета за притѣсненiя. Съ тѣхъ поръ, какъ мы возстали противъ деспотическаго насилiя Иакова I, мы въ постоянной борьбѣ съ Стюартами и ихъ союзниками; нынѣ мы уступаемъ деспотизму Карла. Ричмондъ! воскликнулъ онъ, положивъ руку на плечо своего собесѣдника: «Лойдъ лишилъ меня присутствiя короля, за то, что я стоялъ за Линкольнскаго епископа, я пророчилъ ему: Всевышнiй отвергнетъ васъ и назначитъ надъ вами судъ. И вы, вмѣстѣ съ другими, издѣвались надо мною, мнѣ известно это; но прыткiй насмѣшникъ самъ себя поноситъ».

— Именно эти слова, вами только что произнесенныя, возразилъ Ричмондъ, заставили нѣкоторыхъ изъ насъ призадуматься. Я изъ числа тѣхъ, которые желаютъ мира, а такому чело-вѣку, какъ вы, слѣдовало бы присоединиться къ намъ. Оливеръ, вы когда-то принадлежали къ благомыслящимъ, были преданы королю, какъ и я, не покидайте отечества, вамъ суждено творить много добра. Гунтингтонское графство желаетъ васъ вновь избрать, если будете содѣйствовать добродѣлю дѣлу.

— Поздно, глухо отвѣтилъ Кромвель. Взгляните туда! Онъ отвернулъ окно, выходящее на гавань. Ясно видѣлись корабли, паруса и снасти которыхъ отдѣлялись отъ наступающихъ сумерекъ.

— Въ распоряженiи обиженныхъ и угнетенныхъ до ста кораблей, сказалъ Кромвель. И быть можетъ, прибавилъ онъ, взглянувъ грозно, Стюарту въ добрый часъ, что мы переселяемся, подобно дѣтямъ Израиля изъ земли своихъ притѣснителей.

— А вы, госпожа Кромвель, обратился Ричмондъ къ супругѣ пуритана. Неужели и вы такъ легко разстаетесь съ родиной?

— Я слѣдую за мужемъ, какъ подобаетъ женѣ, съ покорностью отвѣтила она, мы не хотимъ долѣе быть свидѣтелями бѣдствiя нашихъ единомышленниковъ.

— Такъ вотъ что, воскликнулъ Ричмондъ, вставая съ мѣста, въ послѣднiй разъ обращаюсь къ вамъ Оливеръ. Я явился въ этотъ домъ, изъ желанiя спасти нѣкоторыхъ изъ заблужденныхъ — я здѣсь по порученiю лорда Страффорда, а до васъ, Оливеръ, въ особенности касается мое порученiе. Прошу васъ, воротитесь. Я явился къ вамъ, упираясь на дружбу, соединяющую насъ со временемъ нашихъ учебныхъ занятiй въ Сиднейскомъ училищѣ въ Кембриджѣ. Вамъ разрѣшается дѣйствовать на пользу вашихъ единомышленниковъ. Лордъ Страффордъ предлагаетъ вамъ отличное мѣсто въ общественномъ Совѣтѣ; вы назначаетесь ораторомъ для Кембриджа; вамъ поручается, на перекоръ Вильяму Лауду, ведене Горскихъ дѣлъ. Выбирайте.

— Мнѣ не труденъ выборъ, возразилъ Кромвель. Не будь этотъ разночинецъ, Страффордъ, я быть можетъ призадумался бы, но я ему не довѣряю. Изъ устъ его исходитъ ложь, онъ стоитъ за силу, и еслибъ даже я вновь рѣшился довѣриться, — не могъ бы: я поклялся не расставаться съ благовѣрными, съ которыми завтра покидаю вѣроломнаго Стюарта.

— Это ваше послѣднее слово?

— Мое послѣднее.

— Такъ желаю вамъ, никогда не раскаиваться, сказалъ Ричмондъ, вставая съ креселъ.

— Будьте счастливы въ новомъ отечествѣ, старое вы отвергнули.

— Не мы, родина насъ отвергаетъ, воскликнулъ Кромвель.

Со стороны города, въ это время, опять послышалось глухое пѣнiе. Оно приближалось; казалось, нѣсколько сотъ голосовъ слились во едино.

— Что это? спросилъ Ричмондъ.

— Вѣроятно, переселенцы, съ пѣнiемъ и молитвою направляющiеся къ гавани, сказалъ Кромвель, растворяя дверь и выходя на корридоръ, изъ оконъ котораго видѣлась улица.

Кромвель, и Ричмондъ подошли къ отпертому окну. По узкой, нѣсколько восходящей улицѣ тянулось длинное шествiе, мужчины, женщины, старцы, дѣти — всякаго возраста и пола.

Всѣ эти люди облечены были въ платья темнаго цвѣта, у мужчинъ на головахъ высокiя, широкополыя шляпы; коротко обстриженные волосы; длинныя взъерошенныя бороды; фанатическiя лица — такими предстали участники шествiя, идя тихими, шагами и освѣщаемыя факелами. Это зрѣлище казалось чѣмъ-то таинственнымъ, пѣнiе скорѣе походило на погребальное, чѣмъ на хоральное, въ глухихъ голосахъ слышалось что-то угрожающее, но временамъ изъ толпы раздавались потрескающiе душу звуки. Кромвель и его семейство съ благочестiемъ смотрѣли на толпу, Ричмондъ-же не могъ удержаться отъ нѣкотораго ужаса. Эти мрачныя святые казались ему не безъопасными; хсрошо что они покидаютъ почву Англiи. Вдругъ случилось что-то, но такъ скоро и внезапно, что стоявшiе у окна зрители не могли опомниться, какъ происшествiе почти уже миновало.

Въ то время, какъ шествiе загибало въ маленькую, ведущую въ гавань улицу, въ толпу нагрянуло чело-вѣкъ десять или двѣнадцать всадниковъ, выскочивше изъ ближайшаго прохода. Произшла страшная давка, участники шествiя съ крикомъ раздались, дѣти и женщины визжали, мужчины грозно проклинали всадниковъ, которые, внаско-ру выстроившись въ замкнутую фалангу, медленно подвигались впередъ, оттѣсня толпу.

— Что это? съ ужасомъ воскликнули стоявшiе у корридорнаго окна зрители. Со всѣхъ сторонъ, изъ домовъ, на улицу выдѣлали люди, шумъ и гвалтъ увеличился; изъ гостиницы «Золотой Анкерштокъ» выскочили гости, изъ которыхъ нѣкоторые были вооружены; раздались крики бѣшенства; участники шествiя, завидя помогъ, дали отпоръ всадникамъ, уже были нанесены дубинами нѣкоторые удары лошадаямъ, — вдругъ одинъ изъ всадниковъ, вахтмистеръ, приподнявшись, воскликнулъ: назадъ — ей вы, передовые, убирайтесь въ переулочъ, не то стрѣлять будемъ. Приказъ короля.

Вновь раздались крики бѣшенства, пустили въ ходъ булыжники, которымъ одна лошадь была поранена въ шею. На эту демонстрацiю всадники отвѣтили тѣмъ, что вооружили свои карбины. Въ этотъ моментъ изъ толпы пуританскихъ эмигрантовъ выпетъ высокаго роста мужчина и сталъ передъ всадниками. Господь Богъ говоритъ, началъ онъ въ суровомъ тонѣ, шествiе дѣла я не терплю, седьмымъ гнушаюсь, именно злоупотребленiемъ власти. Вамъ, злоупотребляющимъ властью, не пойдеть въ прокъ это сатанинское порожденiе; удалитесь изъ новаго Иерусалима и страшитесь гнѣва Господа Бога.

— Аминь! громко отвѣтила толпа, которая вслѣдъ затѣмъ начала расходиться. Молча, съ замкнутыми отъ бѣшенства устами, съ дикимъ, грознымъ взглядомъ, былъ свидѣтелемъ этой сцены Кромвель. Семейство его плакало, дѣти отъ страха, жена Кромвеля изъ состраданiя. Ричмондъ тяжело вздохнулъ.

— Вотъ милость вашего короля, почти задыхаясь, сказалъ Кромвель, послѣ нѣкотораго молчанiя. Даже выборъ мѣста для молитвы не дозволяется послѣдователямъ истинной вѣры. Имъ

запрещается составлять общины. И вы хотите уговорить меня остаться в этой Англии?

— Кромвель, вы в гнѣвѣ, быть можетъ и по справедливости, усюкопавъ его Ричмондъ.

— Ни слова болѣе, воскликнулъ Кромвель, мы расстаемся. Протягиваю вамъ руку на прощанье, ради государя вашего не хочу ссориться съ вами—прощайте. Изъ земли свободы донесется вамъ вѣсть, какъ счастливы благовѣрные поддѣ покровомъ Господа. Ступайте, ступайте; скажите вашему королю, вашему Страффорду, пону Лауду—я ихъ ненавижу. Онъ поспѣшно оставилъ корридоръ и скрылся съ своимъ семействомъ въ комнату.

Между тѣмъ въ этой части города водворилась нѣкоторая тишина. Ночь была теплая, майская, потому нѣкоторые изъ пуританъ, шестиве и ибнѣ которыхъ были такъ внезапно прерваны, остались почевать на улицѣ, но большая часть изъ нихъ нашла убѣжище у своихъ согражданъ. Шествуя по улицамъ, лордъ Ричмондъ могъ убѣдиться, какъ велико сочувствіе народонаселенія къ благовѣрнымъ, какъ нехотя они съ ними расстаются.

Медленно воротились всадники. На перекресткѣ, близъ гостиницы «Анкерштокъ» они слѣзли съ коней, приказавъ слугамъ отвезти ихъ подѣ крышу того прохода, изъ подѣ котораго они произвели нападеніе; сами же направились къ стѣнамъ набережной и помѣстились на широкихъ брустверахъ. Нѣсколько находящихся тутъ работниковъ замѣтили, какъ съ противоположной стороны приближался еще отрядъ солдатъ, который, вмѣстѣ съ прежде прибывшими, образовалъ вдоль набережной цѣпь и занялъ всѣ мѣста причала и ведущія на рѣку проходы.

— Скверная работа намъ поручена была, сказала всадникъ, принадлежавшій къ посту, расоложенному противъ гостиницы.

— Гм, замѣтилъ его товарищъ, въ сущности эти люди ни въ чемъ не повинны. Вѣдь итъ можетъ каждый, какъ ему вздумается. Странное дѣло.

— Завтра ожидается кое-что худшее. Я на все готовъ. Полагаю, вотъ вытаращить глаза народъ, какъ прочтеть королевскій приказъ.

— Проклятое порученіе, ворчалъ другой, ударивъ прикладомъ карабина о стѣну. Я желалъ бы..

— Тише, замѣтилъ первый, смотри, сосѣдъ услышитъ. Мы солдаты, должны повиноваться: могутъ настать и лучшія времена. А пока, уснемъ немного.

Опустившись на брустверь и скрестивъ руки на грудь, онъ закрылъ глаза.

III.

Наступило утро. Надъ остроконечной крышей гостиницы «Анкерштокъ» выглянуло солнце, и дѣйствіе луча его вскорѣ такъ сильно начало проявляться, что жители домовъ, корабельщики и сланице на часахъ солдаты стали просыпаться. Вскорѣ все оживилось, съ кораблей раздался свистки боцмановъ и однообразный напѣвъ матросовъ, подобранныхъ наруса; небольшие лодки начали шмыгать по ровной поверхности воды, и даже корабли большихъ размѣровъ, пользуясь угренимъ вѣтеркомъ, пришли въ движеніе.

Послѣ непродолжительнаго сна, караулъ, помѣщавшійся у стѣны лѣстницы, нѣсколько обоодрился, всадники закурили трубки.

— Въ городѣ пока еще довольно спокойно, сказалъ одинъ изъ нихъ, бѣглецовъ не видно.

— Ага, вотъ подъѣзжаетъ къ намъ лодка, сказалъ его товарищъ, карабинеръ.

Дѣйствительно, съ одного корабля спущена была лодка, которая поспѣшно начала приближаться къ берегу. Правиль ея юнга, и вскорѣ она причалила недалеко отъ того мѣста, гдѣ помѣщались наши собесѣдники.

— Ну? спросилъ одинъ изъ нихъ, оборачиваясь, что нужно?

— Я прѣхалъ за однимъ семействомъ, зубоскалилъ юнга, мнѣ нужно перевести его на корабль.

— Эдвардъ! Это благовѣрные, они эмигрируютъ. На кораблѣ багажъ ихъ уже со вчерашняго дня.

— Гм, замѣтилъ солдатъ, но дозволить ли имъ переселиться?

— Зачѣмъ же итъ? смѣясь отвѣтилъ юнга. Это люди, какъ мнѣ извѣстно, богатые. Имъ надобно здѣсь жить, какъ и многимъ. Сегодня переселяется около двухъ тысячъ человекъ — а вотъ и самъ баринъ идетъ, если не ошибаюсь.

Изъ гостиницы, въ сопровожденіи Фина, вышелъ мужчина. То былъ Кромвель, съ женою и тремя дѣтьми. Кромвель одѣтъ былъ просто, въ суконномъ камзолѣ и бархатномъ исподнемъ платкѣ, ноги до коленъ обуты были въ толстые штиблеты, какъ обыкновенно носили ихъ въ то время фермеры; на головѣ, окаймленной длинными волосами, круглая шляпа пуританскаго образца.

На лѣвое плечо наброшенъ былъ шерстяной плащъ, булатный офицерскій знакъ, на которомъ покоился бѣлый воротничекъ, обнималъ шею; къ широкой кожаной португелѣ прикрѣплена была тяжелая шпала, неоднократно бывшая съ Кромвелемъ въ битвахъ. Правая рука вооружена была длинною съ мѣднымъ набалдашникомъ тростью. Его жена и дѣти одѣты были просто, какъ требовало того ихъ исповѣданіе; на красивомъ маль-

чикѣ надѣта была дорожная сумка, а въ рукѣ несъ онъ замкнутую жестянку.

— Ага! ворчалъ всадникъ, наконецъ пожаловали.

Онъ обнажилъ шпалу и положилъ ее на коленъ, такимъ образомъ, что правую рукою легко могъ хватиться за рукоятку. Кромвель и его семейство прощались съ Финемъ. Мальчикъ подмигивалъ свѣдѣвшему въ лодкѣ юнгѣ. Спустившись по каменной лѣстницѣ, Кромвель и его жена въ послѣдній разъ обратились къ городу.

— Прости! тихо сказала Кромвель, прости, родимая земля! Судила ты мнѣ счастье, послѣ многихъ бурныхъ дней; сила изгоняетъ меня, нужно расстаться. Дѣти, взгляните еще разъ на этотъ уголокъ Лондона, прибавилъ онъ. Пройдетъ много времени, пока вамъ суждено будетъ вновь увидѣть эти башни, а теперь—съ Богомъ! заключилъ онъ, оборачиваясь. Онъ взялъ мальчика за руку, жена и дочери послѣдовали за нимъ.

Они двинулись—дѣти смѣялись, родители были серьезны.

До лѣстницы оставалось нѣсколько шаговъ.

— Эй, Виль! крикнулъ Кромвель юнгѣ, что, все ли готово?

— Все, сэръ.

— Хорошо; такъ спускайтесь же.

Онъ хотѣлъ шагнуть, но свѣдѣвшій на стѣнѣ солдатъ преградилъ ему дорогу, протянувъ шпалу не подобие шлагбаума.

— Стойте, сэръ, сказалъ онъ, dalje нельзя.

Кромвель смутился и отступилъ.

— Я не смѣю? спросилъ онъ въ изумленіи.

— Нѣтъ, взгляните туда, вдоль гавани, видите караульные посты? Имъ строго приказано, не допускать никого на корабли сегодня. Выѣздъ запрещенъ.

— Это вопіющее нарушеніе права, воскликнулъ онъ, хватаюсь за шпалу.

— Сэръ, сказала солдатъ,—не затѣвайте споръ. Это дѣлается по приказанію короля.

Въ это время, по ту сторону гавани, тоже поднялся шумъ. Подошла толпа переселенцевъ, ихъ не допускали къ лодкамъ; въ десяти, въ двадцати мѣстахъ затѣвался споръ, грозившій превратиться въ мятежъ; сбѣжались жители квартала на корабляхъ стояли экипажи.

— Гдѣ приказъ, покажите! воскликнулъ Кромвель.

— Да, да, гдѣ приказъ! вторили ему другіе, будучи также задержаны.

— Чортъ возьми, дѣло плохо, бормоталъ солдатъ.—I амъ данъ устный приказъ,—отвѣтилъ онъ.

— Это не стоить вниманія! Съ дороги! ревѣла толпа, готовить вновь пустить въ ходъ дубины и шпалы—вдругъ издали грохнулъ пушечный выстрѣлъ.

— Слышите? воскликнулъ солдатъ,—это сигналъ: гавань закрыта!

Нѣкоторые сошлись, не хотѣли вѣрить. Въ это время изъ города прискакали три всадника; одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ открытое письмо, которымъ еще издали махалъ.

— Приказъ короля! воскликнулъ онъ. Безъ дозволенія Его Королевскаго Величества, никто не смѣетъ покидать страну и городъ. Вотъ приказъ, сейчасъ онъ будетъ прибитъ къ перекресткамъ улицъ. Совѣтъ Его Величества запрещаетъ эмиграцію. Онъ посылалъ далѣе. Слова его должны были имѣть страшныя послѣдствія. Исчезла надежда избавиться отъ гоненія. Раздалась крики гнѣва и вопли печали. Пространство между причаломъ и гостиницею биткомъ было набито народомъ; сквозь эту толпу Кромвель и его семейство прокладывали себѣ дорогу. Серiously, мрачно, безмолвно ворожилъ Оливеръ въ только что оставленную имъ комнату. Онъ опустился въ кресло и руками подперъ голову.

Появленіе Ричмонда вывело Кромвеля изъ мрачнаго раздумья.

— По волѣ короля, сказалъ онъ, вы остаетесь въ отечествѣ. Покоритесь участи, не гнѣвайтесь.

— Вы видите, помолчавъ немного отвѣтилъ Кромвель, я спокоенъ. Противъ воли Всевышняго нельзя бороться. Это Господь Богъ повелѣваетъ мнѣ остаться, но знайте: по Его же волѣ горько придется сѣтовать тѣмъ, кто меня удерживалъ.

Онъ какъ бы выросъ стансмъ, произнося эти слова. Схвативъ руку Ричмонда, онъ глухимъ голосомъ прибавилъ.

— Ричмондъ! однажды, будучи еще ребенкомъ и лежа въ кровати, мнѣ предстало видѣніе: къ моему ложу подошла женщина-испелница и сказала, взглядываясь долго въ меня: со временемъ ты сбѣдзашься величайшимъ мужемъ въ Королевствѣ. Не желалъ я исполненія этого пророчества, но мнѣ предчувствуется, что оно сбудется—на погибель Карла Стюарта. Заявите, что съ сего дня я вновь вступаю съ нимъ въ борьбу и онаяскажес мечемъ.

IV.

Площадь передъ королевскимъ Вайтгальскимъ дворцомъ въ Лондонѣ была покрыта сплошною толпою народа. Куда не взгляни, страшная давка и суматоха. На обитыхъ чернымъ сукномъ подмосткахъ, сообщенныхъ съ дворцовымъ окномъ, лежить плаха; подлѣ нея два прислужника и замаскированный палачъ выжидали жертву.

Жертва эта—Карлъ Стюартъ, король Англии. Сегодня, 30-го

января 1649 года. Английский парламент собирается казнить его. Судья его—Оливер Кромвель, протектор республики. Глухо бьют дробь барабаны, колокола Св. Павла благоговѣя—окруженный тѣлохранителями, шествует по дворцовым залам Оливер Кромвель. Онъ хочетъ быть свидѣтелемъ казни, она его не ужасаетъ, совѣтъ его спокойна. Проходя по зеркальному залу, ему встрѣчаются придворные, проводившие короля до эшафота.

— Ричмондъ! воскликнулъ Кромвель, завидя одного изъ нихъ.

— Милордъ, милордъ! лепеналь тотъ, къ кому обращенъ былъ возгласъ.

Кромвель подошелъ къ нему.

— Памятна ли вамъ комната въ «Золотомъ Анкершоткѣ»? шепотомъ спросилъ онъ. Со дня моего пророчества миновало не болѣе 12 лѣтъ. Тотъ, голова котораго сегодня падетъ, нашь въ мнѣ свою судьбу—я хотѣлъ покинуть царство Стюартовъ, онъ принудилъ меня остаться, дабы воздвигнуть себѣ эшафотъ. Между нимъ и Оливеръ Кромвелемъ—единъ Богъ судья.

V.

Послѣ смерти короля, Кромвель сдѣлался протекторомъ Англїи, но протекторъ становился все болѣе и болѣе похожимъ на диктатора. Начались противъ него заговоры. Послѣдній парламентъ онъ разогналъ 4-го февраля 1658 г. Послѣ того ему пришлось еще разъ жестоко наказать заговорщиковъ вновь открытаго заговора. Но несмотря на это, неудовольствїе все болѣе и болѣе росло. Республиканцы называли его притѣсните-

лемъ такъ трудно достижимой свободы. Между войскомъ начали распространяться возмутительныя идеи и проявляться неповиновенїе. Даже его родственники охладѣли къ нему, когда узнали, что все его дѣйствїя были къ тому, чтобъ возвысить себя. Народъ началъ смотрѣть на Карла Стюарта какъ на своего спасителя. Все эти непрїятности были причиной того, что Кромвель вдругъ потерялъ все свое мужество и неустранимость, какъ человекъ нескрѣпный и умѣющій хорошо маскироваться. Онъ сдѣлался чрезвычайно подозрительнымъ, никому не довѣрялъ и думалъ, что каждый, кто съ нимъ ни говоритъ, имѣетъ постоянно заднія мысли. Думая, что хотѣтъ его убить, онъ окружилъ себя большою стражей и переимѣнилъ чуть ли не каждую ночь свою спальню. Послѣднїе дни Кромвель провелъ въ ужасныхъ нравственныхъ страданїяхъ. Совѣтъ его упрекала за все тѣ невинныя жертвы, которыя онъ приносилъ въ жертву своему честолюбію, стремясь возвыситься. Если онъ оставался одинъ въ комнатѣ, то его разстроенное воображеніе сейчасъ же рисовало ему различныя кровавыя сцены, и галлюцинаціи были такъ правдоподобны, что онъ даже слышалъ крики жертвъ его честолюбія. Постоянная боязнь за свою жизнь, отчужденіе друзей и смерть его любимой дочери подѣйствовали на него такъ сильно, что онъ серьезно заболѣлъ: по онъ все такъ не вѣрилъ, что конецъ его близокъ. Когда докторъ утѣрился въ его близкой смерти, то депутация отъ города потребовала, чтобы онъ назначилъ кого нибудь на свое мѣсто. На вопросъ, не назначить ли онъ своего сына Рихарда, Кромвель, уже лежавшїй почти безъ памяти, отвѣтилъ: да. Онъ умеръ 3-го сентября 1758 года, въ тотъ самый день, который онъ считалъ счастливейшимъ для себя.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Отъѣздъ въ Кишиневъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею Николая Николаевича Старшаго состоялся 19-го ноября при общемъ энтузіазмѣ петербургскаго населенїя.

Съ этимъ знаменательнымъ фактомъ дѣла на Востокъ вступаютъ въ новый фазисъ. Святое дѣло освобожденїя балканскихъ христіанъ, нашихъ соплеменниковъ, получило вѣрный залогъ обезпеченїя своего благоприятнаго исхода. Часть нашей арміи мобилизована — это теперь уже совершившїйся фактъ. Цѣль этого—добыть дѣйствительнаго, а не призрачнаго, улучшенїя быта восточныхъ христіанъ. Опасаться европейской войны теперь нѣтъ достаточныхъ основанїй, такъ какъ, общественное мнѣніе Европы расположено въ пользу освобожденїя балканскихъ христіанъ. Своекорыстный годосъ англїйскаго кабинета, въ виду протеста въ средѣ самой же англїйской націи, представляется ничтожнымъ. Въ прошломъ обозрѣнїи («Нива» № 47) мы упоминали объ аудїенціи, данной Государемъ Императоромъ лорду Лотусу въ Ливадїи, и о томъ, что лордъ Лотусъ послалъ въ Англїю депешу по поводу этой аудїенціи. Послѣ значительнаго промедленїя, депеша эта, теперь, наконецъ обнародована, и это обнародованїе весьма сомпроментировало, въ глазахъ англїйскаго общества теперешнїй его кабинетъ. Это обстоятельство вызвало много протестовъ на частныхъ митингахъ — протестовъ, изъ которыхъ самыми значительными, безъ сомнѣнїя, должно считать рѣчи Джона Брайта, Форстера и Гладстона.

Джонъ Брайтъ, Форстеръ и историкъ Кардвелъ произнесли почти тождественныя по общему духу и характеру рѣчи, въ которыхъ энергически порицается политика настоящаго англїйскаго кабинета.

По поводу мобилизаціи нашей арміи иностранныя газеты, особенно вѣнскія, пустились въ толки о нашемъ безденежїи и неготовности къ войнѣ; но не говоря уже о томъ, что наши отечественные капиталисты съ полною готовностью и наперерывъ помышляютъ свои капиталы подъ вновь выпущенные банковые 5% билеты (выпускъ сдѣланъ на 100 мил.) мы должны еще отмѣтить здѣсь слѣдующїй отрадный фактъ. С.-Петербургскїй биржевой комитетъ и общее собранїе гласныхъ С.-Петербургской биржи, вслѣдствїе выраженной здѣшнимъ биржевымъ купечествомъ готовности оказать содѣйствїе осуществленїю тѣхъ мѣръ, какія благоугодно будетъ принять Государю Императору при настоящемъ положенїи политическихъ дѣлъ, постановили: войдти съ ходатайствомъ о разрѣшенїи взимать въ видѣ добровольныхъ сборовъ для образованїя спеціального на случай войны фонда, въ размѣръ нынѣ взимаемаго съ купчества по свидѣтельствамъ государственнаго сбора, а именно: по 265 руб. съ купцовъ 1-й шлюди, и 65 руб. съ купцовъ 2-й шлюди, при обязательствѣ платежа этихъ сборовъ, и если правительство признаетъ необходимымъ, въ теченїе пяти лѣтъ, на основанїяхъ, подробности которыхъ будутъ утверждены министрами финансовъ. Такое ходатайство Министръ Финансовъ повергъ на Высочайшее Его Величества возвращенїе. Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: благодарить купчество и передать

оному, что когда сочтеть это нужнымъ, Его Величество выразитъ Монаршую волю къ призванїю всѣхъ сословїй, въ томъ числѣ и купчества, споспѣшествовать видамъ Его Императорскаго Величества.

Что же касается финансоваго положенїя Турціи, то до какой степени печально и безнадежно оно —доказывается тѣмъ, что турецкое правительство не въ состоянїи было выплатить къ сроку условленнаго взноса въ счетъ причитающейся суммы, за изготовленныя для него въ Америкѣ 400,000 ружей, и вслѣдствїе этого выдача ружей турецкимъ приемщикамъ была приостановлена, впрѣдъ до представленїя Оттоманскимъ правительствомъ надежнаго ручательства въ исправномъ соблюденїи контракта.

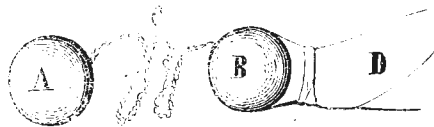
18 ноября главнокомандующїй Моравско-Тимокской арміей, генералъ М. Г. Черняевъ, выехалъ въ Вѣну, въ сопровожденїи штаба и шести тѣлохранителей. При отъѣздѣ генерала провожали до пристани все высшіе офицеры и народъ съ самыми сердечными пожеланїями. Пребыванїе Черяева въ Вѣнѣ будетъ не продолжительное.

Въ прошлую недѣлю въ обществѣ и литературѣ много говорили о поѣздкахъ лорда Салисбери по европейскимъ дворамъ, съ цѣлію расположить какую либо державу въ пользу политики Англїи. Многие сравнивали, хотя неудачно, эти разѣзды Салисбери съ извѣстнымъ дипломатическимъ путешественіемъ по Европѣ Тьера, во время франко-прусской войны. Салисбери ни гдѣ не приобрѣлъ друзей англїйской политикѣ и, что главнѣе, не приобрѣлъ въ Германїи. Объясненїе Салисбери съ княземъ Бисмаркомъ осталось безъ всякихъ благоприятныхъ результатовъ для Англїи. Лордъ Салисбери изъ всѣхъ значительнѣйшихъ европейскихъ столицъ не посѣтилъ только Петербурга, что и подало поводъ къ различнымъ предположенїямъ. Германскїй канцлеръ на записывающїя предложенїя Салисбери далъ ему категорическїй отвѣтъ, что *Германїя не присоединится ни къ какой политической комбинаціи съ враждебнымъ для Россїи характеромъ*. Вѣнскїй кабинетъ нѣсколько смутился отъ этого отвѣта, и даже чуть было не произошелъ министерскїй кризисъ.

Во французской палатѣ депутатовъ происходило 12 (24) ноября одно изъ самыхъ бурныхъ засѣданїй въ новѣйшей парламентской жизни Франціи. Пренїе было о бюджетѣ духовныхъ исповѣданїй. Члены крайней лѣвой, Буассе и Флоке, внесли поправки, требующїя совершеннаго упраздненїя бюджета исповѣданїй. Принцъ Жеромъ Наполеонъ говорилъ противъ ультрамонтанъ, но высказался также противъ отдѣленїя церкви отъ государства. Затѣмъ попеременно говорили на трибунѣ Келлеръ, Дреоль и Гамбетта. Во время рѣчи послѣдняго, нѣкто г. Тристанъ Ламберъ поднялся съ своего мѣста и дважды воскликнулъ: «Да здравствуетъ Императоръ!» Рѣчь Гамбетты вывела бонапартистовъ изъ себя, особенно въ томъ мѣстѣ рѣчи гдѣ онъ повторилъ мысль Жерома Наполеона, что если бы Франція въ 1870 г. неподдерживала свѣтской власти папы, то за нею обезпеченъ былъ бы могущественный союзникъ (намекъ на Италїю) и она не поплатилась бы Эльзасомъ и Лотарингіей.

ЧЕТЫРЕ ТУРЕЦКІЯ ПУЛИ.

Уже нѣсколько разъ изъ лагеря сербскихъ войскъ сообщалось, что турецкія войска употребляютъ разрывныя и ядовитыя пули. Генераломъ Черныевымъ была назначена коммисія изъ военныхъ врачей (русскихъ, сербскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и др.) для подтвержденія этого факта. Въ настоящее время «Московскія Вѣдомости» сообщаютъ, что послѣ битвы 6-го октября, у нѣсколькихъ взятыхъ въ плѣнъ турецкихъ солдатъ найдены слѣдующія пули:

- I. A. } Свинцовыя пули.
 - B. }
 - C. Проволока, связывающая пули, въ срединѣ утонченная.
 - D. Патронъ (бумажный снаружи и наполненный порохомъ).
- Обѣ пули, дѣлая полетъ одновременно, разрываютъ проволоку при встрѣчѣ сопротивленія и такимъ образомъ въ тѣлѣ человѣка производятъ двѣ раны.

- II. А. Свинецъ.
- В. Пустота внутри пули.
- С. За ж и г а т е л ь.

Такая пуля при встрѣчѣ съ сопротивленіемъ, такъ, напримѣръ, ударившись въ тѣлѣ человѣка о кость, разрывается на многія мелкія части.

III. Третья пуля имѣетъ точно такую же коническую форму, какъ и вторая, но

она обмазана ядомъ, такъ что малѣйшая рана, произведенная ею прикосновеніемъ, смертельна.

Что къ этому прибавить? Къ чему же, наконецъ, ведутъ международные договоры, если турки, не смотря на всѣ старанія ихъ ближайшихъ друзей, остаются все тѣми же дикими и несправимыми азиатами?

СОДЕРЖАНІЕ. Инженеръ полковникъ Аманъ Егоровичъ Струве (съ портретомъ и рисункомъ).—Горы Казбекъ и Эльбурсъ на Кавказѣ (въ 3-мъ рисункѣ)—Иванъ Острожская. Историческая повесть Вс. С. Соловьева. Часть 2-я. (Продолженіе).—Тысы Восточной Сибири. Желанна въ Иркутскѣ (съ рисункомъ).—Сингинская капелла и фрески: «Страшный Судъ» Микель Анджело (съ рисункомъ).—Городъ Пенза (съ рисункомъ).—Роковой приказъ (Историческій рассказъ Г. Гилья) (съ рисункомъ).—Политическое обозрѣніе.—Четыре турецкія пули (съ 3-мъ рисункомъ).—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ музыкальномъ магазинѣ Фр. Паздирекъ въ Москвѣ. (Лубянка д. Мазуриной) вышли изъ печати и продаются

НОТЫ

для ручной гармоникки въ дешевомъ изданіи.

Томъ I

100 лучшихъ пьесъ: арии изъ оперъ, попури, маршей и мелодій, избранныхъ изъ музыкальной литературы всѣхъ націй. Цѣна полному тому 1 руб. 50 коп., каждаго тетр. отдѣльно 1—4 по 50 н.

Томъ II

100 избранныхъ и современныхъ танцевъ: кадрили, вальсы, польки, польки-мазури, галопы и др. соч. Штрауса, Фауста и др.— Русскія національныя пляски. Цѣна полному томъ 1 р. 50 коп., отдѣльныя тетр. 1—4 по 50 коп.

Томъ III

100 избранныхъ русскихъ народныхъ пѣсень и романсовъ

Цѣна полному тому 1 руб. 50 коп., отдѣл. тетр. 1—4 по 50 коп.

Краткое Руководство въ чтенію нотъ, по штриховой системѣ Ц. 15 к. (При т. обзаваніи нотнаго тома, Руководство прилагается бесплатно).

Для ручной гармоникки, по нотной и штриховой системамъ, арранжированы и издаются:

Ф. РОМАНОВЪ.

Иногородные заказчики, выписывающіе всѣ 3 тома вмѣстѣ—за пересылку не прилагаютъ ничего.

При заказѣ каждаго тома отдѣльно, иногородные снабжаютъ прилагать на пересылку: 20 коп. на протяженіи до 1000 верстъ, и на болѣе дальнемъ разстояніи 30 к. с.

Музыкальнымъ и книжнымъ магазинамъ и торговцамъ ручными гармониками дѣлается громадная услуга.

Въ музыкальномъ магазинѣ Фр. Паздирекъ въ Москвѣ также находится большой выборъ ручныхъ гармоній отъ 5 до 30 рублей сер.

Нѣтъ другаго музыкальнаго инструмента, который бы небольшимъ трудомъ доставлялъ столько удовольствія и забавы, какъ ручная гармонія или аккордіонъ, почему именно, игра на этомъ инструментѣ и распространилась очень быстро по всей Россіи; но до сихъ поръ, употребленіе ручной гармоніи, расходилось только на разыгрываніе известнѣйшихъ уже пьесъ, которыя гдѣ нибудь слышались и кое какъ пробовали играть ихъ на ручной гармоніи, это по той причинѣ, что нотъ, для этого инструмента, до сихъ поръ, въ музыкальной торговлѣ не существовало. Малое количество нотныхъ примѣровъ въ школахъ для аккордіона Куликова и Хватага, суть болѣею частью всѣмъ знакомыя мелодіи и вообще тѣ пьесы, которыя у самихъ авторовъ этихъ школъ, остались только въ памяти.

Но я въ мои коллекціи напротивъ помѣстивъ всѣ, въ музыкальной литературѣ существующія, лучшія и современныя мелодіи,—какъ сочиненія разныхъ композиторовъ вообще, такъ и національныя пѣсни въ особенности, которыя въ моемъ переводѣ для ручной гармоніи не потеряли своего характера и красоты. Любимѣйшія, русскія народныя пѣсни я перевелъ для этого инструмента безъ всякихъ измѣненій.

Штриховая система, изобрѣтенная мною для легкаго и гравльнаго чтенія нотъ и примененная къ моимъ коллекціямъ, особенно рекомендуетъ своей простотой и тѣмъ обстоятельствомъ, что уже и при не совсемъ правильномъ и точномъ чтеніи передача пьесъ все таки возможна; между тѣмъ какъ въ другихъ системахъ безъ учителя подгадать за весьма трудное и даже просто невозможное дѣло.

Тѣ лица, которыя уже изучали какую нибудь школу и знакомы хотя поверхностно съ нотной системой, могутъ играть по моимъ коллекціямъ безъ всякаго затрудненія. Для незнающихъ же нотъ мои коллекціи сопряжены короткими, но для всѣхъ ясно и понятно изложеннымъ руководствомъ, заключающимся въ себѣ все необходимое для правильнаго и хорошаго игры на этомъ инструментѣ по штриховой системѣ.

Коллекціи мои арранжированы для гармоній нѣмецкаго строя въ 10 клавишъ; но въ руководствѣ объяснено, какъ можно играть на гармоникахъ въ 8, 12 клавишъ и болѣе, а также и на гармоникахъ французскаго строя.

Ф. РОМАНОВЪ.

Изданія А. Ф. МАРКСА.

для гг. подписчиковъ «НИВНЪ» продаются со слѣдующею свѣдѣніемъ:

- Москва и Тверь, истор. пов., Кельсева Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 50 к.
- При Петрѣ, истор. пов., Кельсева и Ключникова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подпис. 1 р.
- Въ намышахъ. Повесть Карзина. Ц. съ пер. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
- Богъ въ помощь, романъ Вернера. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
- Вторая жена, романъ Маршета. Ц. съ пер. 2 р., для подпис. 1 р. 40 к.
- Двуногий вольтъ. Романъ въ 2 частяхъ, съ 20 рис. Автора Н. Карзина. Цѣна 2 р. съ пересл. 2 р. 30 к. для подписчиковъ Нивнъ 1 р. 80 к.

При этомъ № предлагается для гг. иногородн. подписчиковъ объявленіе отъ книжнаго магазина А. П. Земскаго въ Москвѣ.

О продолженіи изданія въ будущемъ 1877 году духовнаго журнала «СТРАННИКЪ» Годъ восемнадцатый.

Журналъ «Странникъ» будетъ издаваться въ будущемъ 1877 году въ прежнемъ строго-православномъ направленіи и по прежней програмѣ, имѣющей въ виду удовлетворить потребностямъ большинства читающаго и публики. Въ составъ журнала входятъ: 1) Биографическіе очерки знаменитыхъ духовныхъ дѣятелей (съ портретомъ, по временамъ, ихъ портретовъ); 2) статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по исторіи отечественной Церкви; лучшія проповѣди; 3) Библиографія, въ предѣлахъ которой входятъ краткія разборы всѣхъ вновь издающихся духовно-православныхъ книгъ; 4) внутреннее и иностранное церковныя обозрѣнія; нравственно-нравственныя распоряженія и разныя извѣстія, и 5) Забѣлки.

Условія подписки на 1877 годъ остаются также прежнія: за 12 книжекъ «Странника»—4 руб. безъ пересылки, и пять руб. съ пересылкою въ всѣ почтовые мѣста имперіи. Адресоваться: Въ редакцію духовнаго журнала «Странникъ» — въ С.-Петербургѣ, съ подробнымъ и точнымъ обозначеніемъ, кому и куда послать книжки журнала. Петербургскіе подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи: Невскій проспектъ, домъ № 108, близъ Знаменнаго.

3—2

Редакторъ-издатель Священникъ С. Протопоповъ.

НАСТОЯЩАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскармленія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

Цѣна ЖЕСТИНКИ 85 н. безъ пересылки, въ сѣ 1 1/4 ф.

Измѣню честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестины, на которыхъ находится СИНИЙ ШТЕМЦЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННОГО агента моего для всей Россіи. № 2. ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Вевѣ (Швейцарія). 26—12

ИЗДАНИЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и рассказы В. В. Арестовскаго (автора «Петербургскихъ Трущобъ»), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересл. 1 р. 60 к., для подписчиковъ «НИВНЪ» 1876 года 90 к. съ пересл. 75 к.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повесть временъ Екатерины II. П. Петрова и В. Ключникова. Повесть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересл. 1 р. 50 к., для подписчиковъ «НИВНЪ» 1876 года 75 к. съ перес.

Про что щелбала ласточка. Сочиненіе Штильмана. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ «НИВНЪ» 1876 г. 1 р. съ пересл. 100 к.

КАРАМЕЛЬ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО
МОНПАНСЬЕ
ПАРОВОЙ
Ж. БОРМАНА
ИЗЪ ФАБРИКИ
СОЛОНЬ
НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ
ТОРГОВЦАХЪ
РОССІИ

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.

№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.

Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.

Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.

КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЬ:

- на текущій счетъ 7 1/2%
- на 3 мѣсяца 7 1/2%
- на 6 и до 12 мѣсяцевъ 8 1/2%

Страхуетъ билеты обонъ внутр. 5⁰ сѣ вынгр. займовъ по 20 коп., съ иногородныхъ по 30 коп. за билетъ. 10—10

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 49

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 6 Декабря 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕНЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1877 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины Г. Гр. Соловьева, А. Литт и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Въ виду того, что печатаніе около 15000 адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ составитъ громадный трудъ, непреодолимый въ теченіи короткаго времени, Редакція покорнѣйше проситъ, возбужденіе просрочки въ высылкѣ журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, возобновить подписку въ возможно скорѣйшемъ времени.

Подписка на 1876 г. продолжается и каждый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1876 г. номера и премію.
При этомъ № предлагаются «Парижскія Моды» за ДЕКАБРЬ съ 4-4 рисунками и большой листъ съ 30 чертежами и выкройки въ натуральную величину.

Нши деньги (Золотая и серебряная монета старого чекана). Рис. Катеначи, грав. Паццимакерь.

НАШИ ДЕНЬГИ.

Торговля наших предков, славян, была *мыновою*. Единицами для оцѣнки вещей были шкуры *куницы* и *бѣлокъ*. По этой причинѣ такъ называемыя *куны* у насъ служили въ древній періодъ представителями народного богатства. Но за тѣмъ оказалось для нашихъ купцовъ неудобнымъ носить съ собою для купли шкуры; они замѣнили эти шкуры *мордохами*, имѣвшими мѣншее значеніе въ нашемъ торговомъ Новгородѣ до XV вѣка. Кромѣ мордохъ мѣшное же значеніе приобрѣли и другіе пушныя доскуты, куньи и бѣлчьи. Затѣмъ уже появляются у насъ новыя монеты подѣ названіемъ *вѣкоши*, *погаты* и *рѣзаны*. Въ вѣкоши содержалось 4 рѣзаны; въ кунѣ было 20 вѣкошей, веверницъ, т. е. бѣлокъ; далѣе—въ кунѣ было 4 погаты. Затѣмъ *рѣзань* была первою нашею монетою; предпологають, что рѣзань имѣла форму серебряной рѣзной бляхи. Въ вѣкоши было четыре рѣзаны, а въ погаты двѣ.

Далѣе, у насъ въ старину обращались *рубли* и *полтины*. Это были просто куски серебра, въ видѣ прута длиною въ 1½ вершка, а толщиною въ перстъ, снабженные клеймами съ надписью и изображеніемъ нѣкоторыхъ знаковъ. Одинъ конецъ этого прута былъ толще другаго; серебро въ немъ было самое чистое и вѣсомъ почти 24 золотника. Куски эти разрубались или расплаивались *пополамъ*, оттого и произошло слово *полтина*, т. е. половина рубля. Иногда рубли имѣли призматико-пирамидальную форму и по концамъ округлены, на нѣкоторыхъ изъ нихъ видны клейма съ лицами святыхъ, головы которыхъ были окружены вѣнкомъ, на нѣкихъ изображенія птицъ и животныхъ, наконецъ, нѣкоторые были вовсе безъ клейма. Полагають, что такой формы рубан и полтины имѣли мѣшное значеніе, какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Киевѣ.

Съ другой стороны, мы знаемъ, что въ IX вѣкѣ радимичи платили хазарамъ дань такъ называемыми *шлагами*, монетами, образецъ которыхъ намъ неизвѣстенъ. Нужно прибавить также, что у насъ обращались въ старину и иностранныя монеты, золотыя и серебряныя *греческія* и *романскія* *) и солиды — *византийскія*. У новгородцевъ употреблялись въ XV вѣкѣ шведскія *оруты* и татарская *таши* (отсюда съ нѣкоторыми измѣненіями звукотъ, требуемыми нашимъ языкомъ, вышло слово—*денги*). При Святополкѣ и Ярославѣ Владиміровичѣ встрѣчаются монеты съ изображеніемъ. На монетѣ времени Святополка изображался князь съ крестомъ или скипетромъ, а на монетѣ времени Ярослава съ изображеніемъ Георгія, съ подицею на другой сторонѣ: «*Ярославе серебро*». Въ княженіе Олега, у насъ появились такъ называемыя *гривны*. Наши предки платили дань этой монетою варягамъ. Нашъ первый летописецъ, Несторъ, свидѣтельствуетъ, что дань гривнами варяги получали отъ славянъ до княженія Ярослава. Гривна размагнривалась въ двоякомъ отношеніи: и какъ вѣсъ, и какъ монета, въ первомъ случаѣ она равнялась вѣсу 1 фунта; съ другой стороны, подѣ гривною разумѣли известное количество драгоцѣннаго металла вѣсомъ 48 золотниковъ, что равнялось вѣсѣмъ одной лѣтѣ. Да и по вѣсу въ разныхъ мѣстностяхъ Руси гривны были различны: киевскія гривны напр. были меньше новгородскихъ,—послѣднія равнялись нашему современному фунту (96 золотн.).

При Ярославѣ I одна гривна серебра содержала въ себѣ двѣ гривны, а при Владимірѣ Мономахѣ семь съ половиною гривень кунями. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ мы можемъ заключить, что гривна серебра имѣла у насъ въ XII вѣкѣ вѣсу ½ фунта. Гривны, какъ мѣшныя знаки внутреннихъ сношеній, употреблялись у насъ до начала XIV вѣка, а потомъ ихъ мѣсто засунули *рубли* и *полтины*. Рубли раздѣлялись на *клевскіе*, *владимірскіе*, *московскіе* и *новгородскіе*.

Киевскій рубль былъ меньше новгородскаго, Московскій рубль состоялъ изъ денегъ 9-ти-дольныхъ съ дробью; далѣе былъ еще въ Москвѣ рубль 216-ти-денежный, вѣснвннй менше, нежели денга, которыхъ въ рублѣ было 200. Московскій 9-ти-дольный рубль имѣлъ оффиціальннй характеръ, а новгородскій и 216-ти-денежный московскій рубли были мѣшныя. Что касается до полтичь, то мы знаемъ, что въ XIV вѣкѣ ими сбиралась у насъ по деревнямъ подать.

На нашихъ *московскихъ* монетахъ дѣлались изображенія: всадника съ мечемъ или съ копьемъ, поражающаго змѣя; на *псковскихъ* монетахъ изображалась человѣческая фигура по грудь, въ княжеской коронѣ, а на другихъ дѣлавшихся позже, бычачья голова въ полукругѣ.

Нужно упомянуть еще, для характеристики нашего стариннаго торговаго обмѣна, о деньгахъ *кожаныхъ*. Это кожаные доскуты, имѣющіе видъ маленькихъ весьма правильно вырѣзанныхъ параллелограмовъ. Эти интересные образчики денегъ были у насъ въ употребленіи даже до Петра Великаго.

Право чеканки металлической монеты принадлежало у насъ въ XIV вѣкѣ удѣльнымъ князьямъ. Въ XV вѣкѣ, советвенно съ 1420—24 г., чеканка производилась въ городахъ, пока Великій Князь Иванъ Васильевичъ III, покоривъ Новгородъ, не запретилъ подобной чеканки (монету чеканили *псковскіе* и

проч. мастера), а Великій Князь Василій Ивановичъ III, уничтоживъ псковское вѣче, переимѣнилъ даже клеймо монеты, повелѣвъ вычеканивать вмѣсто псковскаго герба московскій, а на оборотѣ ставить строчную надпись «*денга псковская*»; затѣмъ, при этомъ же гербѣ, велѣно ставить окружную надпись около всадника: «*Государь всея Руси*»; наконецъ, около всадника съ окружной же надписью велѣно ставить: «*Божіею милостію, Государь всея Руси*», а на оборотѣ строчную надпись (*денга псковская*) и имя чеканщика—мастера.

Что касается до добыванія металловъ для чеканки монеты, то мы знаемъ, что въ концѣ XV вѣка были посланы съ этою цѣлью нарочные развѣдчики въ окрестности Печоры. Тамъ нашли они золотую, серебряную и мѣдную руды, на прострѣствѣ 10 верстъ на рѣкѣ Ицымѣ, эти руды и послужили матеріаломъ для приготовленія нашей монеты въ XVI вѣкѣ.

Исторію нашего монетнаго обращенія вообще раздѣляютъ на отдѣлы, существенно отличные между собою: отъ основанія Руси до монетной реформы, произведенной царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (862—1663 гг.); затѣмъ слѣдуетъ короткій періодъ неслучайнаго господства звонкой монеты до введенія бумажныхъ кредитныхъ знаковъ при Елисаветѣ Петровнѣ (1663—1769 гг.); далѣе идетъ періодъ господства нашихъ государственныхъ ассигнацій, до замѣны ихъ кредитными билетами въ 1843 г. (1769—1843 гг.) и, наконецъ, уже слѣдуетъ періодъ кредитныхъ знаковъ, включительно до настоящаго времени.

Императрица Елисавета Петровна ввела, въ видахъ нашихъ внутреннихъ торговыхъ сношеній, въ нашу монетную систему бумажные знаки, подѣ именемъ банковыхъ билетовъ; при ней же основанъ въ Москвѣ банкъ и даже возникла мысль объ основаніи государственнаго банка, въ настоящемъ смыслѣ слова, и тогда же учреждены у насъ вексельные обороты для купцовъ, устранены внутренній таможенн и заставы. Вообще денежная циркуляція въ нашей странѣ, при Елисаветѣ получила небывалую до тѣхъ поръ жизнь. Банковыхъ билетовъ падѣано было сначала на 5,000,000 рублей, «на парочку сдѣланной для того бумагѣ». Но что указываетъ на высокое государственно-экономическое значеніе этой мѣры Императрицы—такъ это слова ея указа: «нашрѣніе наше простирается всего больше на будущую государственную пользу, чѣмъ на настоящую кратковременную надобность».

Екатерина II, по примѣру другихъ европейскихъ державъ, ввела въ наше монетное обращеніе государственныя ассигнаціи, какъ удобные денежные знаки. Чтобы обезпечить довѣріе за этими ассигнаціями, Екатерина въ учрежденные два банка, въ Петербургѣ и Москвѣ велѣла положить по 500,000 рублей въ каждый и выдавать изъ разныхъ правительственныхъ мѣст государственныхъ ассигнацій не болѣе, какъ въ вышеозначенныхъ банкахъ будетъ состоятъ наличнаго капитала. Каждый изъ частныхъ лицъ могъ всегда обратитъ свои ассигнаціи въ наличныя деньги, представя московскія ассигнаціи въ московскій банкъ, а петербургскія въ петербургскій. Довѣріе къ ассигнаціямъ этимъ путемъ было обезпечено.

Характеризуя ассигнаціи Екатерининскаго періода времени, нужно сказать, что съ 1769 г.—по 1786 г. наши государственныя ассигнаціи были не болѣе ни менше какъ размѣнные билеты, совершенно обезпеченные наличностью звонкой монеты; слѣдовательно, въ обращеніи ассигнаціонный рубль имѣлъ значеніе серебрянаго рубля; но затѣмъ, при новыхъ выпускахъ ассигнацій, достоинство ихъ повысилось на *однѣ* или на *два* % сравнительно съ серебряною монетою.

Съ 1786 г. наши государственныя бумаги принимаютъ характеръ бумагъ *чисто-кредитныхъ*. Оба размѣнные банка соединяются, въ тоже время, въ одинъ, подѣ именемъ *ассигнаціонно*. На слѣдующій годъ (1787 г.) сумма обращающихся въ странѣ ассигнацій достигла 100,000,000 рублей, и размѣнъ ихъ на наличныя деньги уже встрѣчаетъ затрудненіе, хотя онѣ принимаются въ податяхъ и казенныхъ сборахъ. Съ 1788 г. достоинство ассигнацій уже положительнѣе падаетъ—съ 97 на 92, и по мѣрѣ ихъ возрастанія надѣ нормою выше 100 миллионв, онѣ быстро шли къ большому паденію, такъ что, въ концѣ царствованія Екатерины, когда ихъ обращалось у насъ на 157 миллионв, онѣ были уже на 30% ниже серебряной монеты.

Это то время составляетъ историческій рубежъ нашихъ финансовыхъ дѣлъ, потому что съ этого времени являются у насъ *два* денежные единицы: *серебряный* и *ассигнаціонный* рубль.

Императоръ Павелъ дѣлалъ все успія поднять достоинство нашихъ ассигнацій, но безуспѣшно.

Императоръ Александръ I, въ первые годы своего царствованія сдѣлалъ новыя и большіе выпуски ассигнацій, и отъ того достоинство ихъ понизилось, сравнительно съ серебряными рублемъ, на 67%. Это уже было передъ нашей отечественною войной. Видя денежное затрудненіе, увеличенное еще болѣе наполеоновскою континентальною системою, Александръ издалъ 2 февраля 1810 г. манифестъ, въ которомъ постановлено, что *все* государственныя *банковныя* ассигнаціи признаются дѣйствительными государственными долгомъ, обезпеченными всеми бо-

*) Отъ этого слова произошло названіе «нумизматика», сдѣлавшаяся важною частью исторіи.

гагетствами Империи. Въ тоже время массу государственных ассигнацій повелѣно ограничить круглымъ числомъ 577 миллионъ, а остальные уничтожить. Въ тоже время открытъ внутрѣнный заемъ въ 100 миллионъ рублей. Далѣе, для составления особаго капитала погашенія долговъ отдѣлена часть государственныхъ имуществъ для продажи въ частную собственность. Продажа эта открыта въ 1811 г.; мѣра была неудачна, потому что платежи поступали весьма несправно. Надо еще замѣтить, что съ 1812 г. у насъ впервые явился такъ называемый принудительный курсъ (course forcée) ассигнацій.

Затѣмъ, идетъ далѣе рядъ мѣръ для возвышенія государственныхъ ассигнацій, неудачныхъ потому, что война 1812 г. и слѣдующіе годы потребовали новаго выпуска ассигнацій въ небывалой дотолѣ массѣ на 836 миллионъ; курсъ ихъ въ 1815 г. дошелъ до 20 коп. противъ серебрянаго рубля!... Далѣе появилось множество фальшивыхъ ассигнацій, внесенныхъ, какъ говорили, въ Россію французскими войсками. Много нужно было усилій, чтобы утвердить достоинство ассигнацій на 25 копѣйкахъ. До нѣкоторой степени это утверждение упрочилось, такъ что народъ потомъ привыкъ считать серебряную монету 25-копѣчнаго достоинства или *четвертакъ* ассигнаціоннымъ рублемъ, потому что въ самомъ дѣлѣ, при переводѣ на мѣдъ онъ значилъ 100 мѣдныхъ копѣекъ, что обезпечивалось постояннымъ безпрепятственнымъ обмѣномъ ассигнацій на мѣдъ въ ассигнаціонномъ банкѣ и его копторахъ.

Но въ виду болѣе прочныхъ мѣръ для возвышенія нашихъ ассигнацій было учрежденіе въ 1817 г. комиссіи погашенія нашихъ государственныхъ долговъ и, вмѣстѣ съ нею, совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій. Эти учрежденія дѣлаютъ эпоху въ исторіи нашихъ финансовъ. Какъ всѣ наши учрежденія, комиссія и совѣтъ были копіями съ однородныхъ учрежденій запада. Вклады въ комиссію погашенія долговъ со стороны русскихъ и иностранцевъ полились охотно, такъ что въ кассы того и другаго уже на слѣдующій годъ внесено было на сумму 80.084,400 рублей; съ дѣлью же умноженія безрочныхъ вкладовъ сдѣланы заграничныя займы у братьевъ Берингъ въ Лондонѣ и у Голе въ Амстердамѣ. Обезпеченная достаточными суммами, комиссія, съ 1818—22 годы уничтожила сожженіемъ ассигнацій на 229.283,130 рублей. Съ слѣдующаго 1823 года государственныхъ ассигнацій оставалось въ обращеніи на 595.776,310 рублей, и на этомъ количествѣ онѣ неизмѣнно оставались до 1843 г., т. е. до замѣны ихъ *кредитными билетами*.

Съ этого времени, хотя финансовое искусство въ Европѣ вообще не ушло далеко впередъ въ главнѣйшихъ основаніяхъ, но сдѣлала замѣтные шаги техническая сторона, въ обработкѣ денежныхъ знаковъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посмотрѣть и сравнить разнообразныя характерныя формы чекановъ монетъ въ разные годы нашего столѣтія (преимущественно при Александрѣ). Наше вниманіе останавливаютъ сразу массивныя рубли царствованія Александра I и Николая I. Чеканъ ихъ далеко не изященъ; массивность стоитъ на первомъ планѣ. За то техническая выдѣлка кредитныхъ билетовъ доведена до истинной артистичности. Эта артистическая тонкость отчасти спасаетъ кредитные знаки, затрудняя ихъ поддѣлку. И въ самомъ дѣлѣ подобныя преступленія съ усовершенствованіемъ технической стороны кредитныхъ зна-

ковъ и монетъ уменьшились теперь на огромный процентъ, въ чемъ можно убѣдиться простымъ сравненіемъ нашей финансовой исторіи съ исторіей до исхода первой четверти текущаго вѣка. До какой степени у насъ возможны были въ прошломъ вѣкѣ самыя грубыя поддѣлки ассигнацій доказывается множественностью случаевъ, что 25 рублевую ассигнацію передѣлывали въ 75 рублевую! *)

Періодъ циркуляціи кредитныхъ билетовъ, начиная съ 1843 года до настоящаго времени, весьма богатъ разнообразными и рѣшительными финансовыми явленіями. Заграничныя сношенія наши увеличились, возросъ и внутрѣнный продуктъ, увеличилось и потребленіе; за все это время слабая сторона выпуска денежныхъ бумажныхъ знаковъ дала себя чувствовать; излишество ихъ производило постоянное давленіе на нашъ внутрѣнный рынокъ; отъ этой же причины особенно неудовлетворительны и нашъ торговый балансъ и отъ того низокъ и нашъ вексельный курсъ, неудовлетворительность котораго сдѣлалась уже хроническою въ послѣднее время, такъ что значительная часть нашихъ расходовъ идетъ для его поддержки. Теперешній нашъ вексельный курсъ упалъ даже ниже, чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ передъ Крымскою войною. Тѣмъ не менѣе, несмотря на недостатки нашей денежной системы этотъ періодъ весьма богатъ опытомъ предотвращенія разнообразныхъ денежныхъ и торговыхъ кризисовъ. Благодаря этой практикѣ въ палліативахъ, теоретическая сторона денегъ, законы ихъ обращенія, разныя комбинаціи кредита, выяснились и у насъ весьма удовлетворительно.

Важнѣйшими, составляющими интересъ два фактами нашего финансового хозяйства и денежнаго обращенія нужно назвать: а) совершенный на дняхъ внутрѣнный государственный заемъ *четвертаго выпуска въ 100 мил. рублей* и б) введеніе съ будущаго 1877 г. уплаты таможенныхъ пошлинъ золотомъ.

Что касается перваго, то результаты подписки на новыя 5% банковые билеты *четвертаго выпуска* превзошли ожиданія. Можно надѣяться, что подписанная сумма выйдетъ вдвое, т. е. 200 мил. рубл. Въ одномъ Петербургѣ подписано 106 мил. рубл. Дѣлю, однакоже, все таки въ томъ, что въ заемъ помѣстился болѣею частью капиталы капиталистовъ и банковъ обѣихъ столицъ; собственно народныя сбереженія представляются еще незначительными; но эти сбереженія несомнѣнно помѣстятся бы въ заемъ и увеличили бы подписную сумму его втрое, еслибы срокъ подписки былъ длиннѣе. Этотъ фактъ приводитъ насъ къ угнѣбительному выводу, что капиталовъ въ Россіи много, что эти капиталы относятся съ полнѣйшимъ довѣріемъ къ государственнымъ займамъ. Даже болѣе: народныя наши сбереженія охотнѣе помѣщаются въ государственныя бумаги, приносящія скромный процентъ, чѣмъ въ бумаги спекулятивныя, частныхъ обществъ съ высокимъ и часто колеблющимся процентомъ. Слѣдовательно, говоря вообще, эта послѣдняя наша финансовая операція весьма удачна и въ смыслѣ результатовъ и въ томъ смыслѣ, что выставила весьма осязательно обиліе нашихъ народныхъ сбереженій и значительность капиталовъ, ждущихъ своего обращенія.

М. Стр.

Изъ Гейне.

Послѣдніи лучъ зари багровой
Далеко отражался въ морѣ.
У ветхой хатки рыбакова
Сидѣли молча мы, и въ горѣ.

* * *

Туманъ густѣлъ, вздымались волны,
Крича, сновали чайки мимо;
Мы были оба муки полны —
Рыдала ты неуждержимо.

* * *

Олеза катилась за слезою
Къ тебѣ на руки,—я мгновенно
Паль на колѣни предъ тобою
И слезы пилъ съ руки бездѣльной.

* * *

Съ тѣхъ поръ, измученный, разбитый,
Совсѣмъ исчахъ я, истомился:
Тѣ слезы были ядовиты,
Мой другъ, я ими отравился.

П. В. В.

Его Императорское Высочество, Великій князь Николай Николаевичъ старшій, Главнокомандующій дѣйствующей арміи.

Главнокомандующій дѣйствующею арміею, Генераль-

*) Первые наши государственныя ассигнаціи вообще были слѣдующихъ достоинствъ: 100-рублевая, 75-рублевая, 50-рублевая и 25-рублевая, и раздѣлялись на *два* категоріи: *петербургскія*, по которымъ платежи производилъ петербургскій банкъ, и *московскія*, за которыхъ платилъ банкъ московскій. Сначала печатаніе ассигнацій производилось въ Сенатѣ, гдѣ въ особой экспедиціи хранилась бумага для нихъ и самыя ассигнаціи; затѣмъ въ 1785 году устроена была въ Царскомъ Селѣ казенная желѣзная фабрика спеціально для дѣланія ассигнаціонной бумаги, но печатаніе и изготовленіе ассигнацій производилось, по прежнему, все-таки въ Сенатѣ. Бумага для нихъ употреблялась бѣлая; ассигнаціи имѣли форму четырехугольника, по сторонамъ которыхъ шли просѣивающіяся прописи. Достоинство ассигнацій и число представляемыхъ ею рублей означалось церковными буквами.

Инспекторъ Кавалеріи и по инженерной части, Генераль - Адъютантъ, Инженеръ - Генераль, Его Императорское Высочество, Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, родился 27 іюля 1831 года. Со дня рожденія былъ назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка и зачисленъ въ гвардейскій Саперный батальонъ.

Съ 25 января 1856 г. Великій Князь состоитъ въ супружествѣ съ старшей дочерью Принца Петра Ге-

оргиевича Ольденбургскаго, Великой Княгиней Александрой Петровной.

Отъ этого брака Его Императорское Высочество имѣеть двухъ сыновей, Великихъ Князей: Николая (род. 6 Ноября 1856 г.) и Петра (род. 10 января 1864 г.) Николаевичей.

Страстно любя военное дѣло, Великій Князь съ раннихъ лѣтъ отдался ему всей душою, и по долгому опыту строеваго прохожденія службы, усвоилъ себѣ трудности настойчиваго и прочнаго способа усовершенствованія Высочайше ввѣренныхъ Ему частей какъ по строевому образованію войскъ, такъ и по Инженерному Вѣ-

конницы, которая обращаютъ ее во всевидящую, все-му помогающую и сокрушающую силу.

Но мы бы поступили весьма односторонне, не упомянувъ о заслугахъ и дѣятельности Его Высочества въ другихъ сферахъ русской жизни.

Такъ, на примѣръ, нельзя не упомянуть о той пользѣ, какую Его Высочество приноситъ дѣлу развитія въ Россіи сельскаго хозяйства. Его Высочество относится къ сельскому хозяйству съ большимъ вниманіемъ, сознавая вполне, что развитіе благосостоянія Россіи путемъ мирныхъ, полезныхъ и правильно проводимыхъ улучшеній есть дѣло первостепенной важности.

Наши деньги. (Кредитные билеты старой формы). Рис. Жерлиэ, грав. Паннемакеръ.

домству, коего состоитъ генераль-инспекторомъ съ 1852 года.

15 Августа 1864 г. Его Высочество назначенъ былъ Генераль-Инспекторомъ Кавалеріи. Одаренный всѣми качествами превосходнаго кавалериста и обладая глубокимъ знаніемъ этой, близкой Его сердцу, отрасли военнаго образованія, Великій Князь настойчиво проводилъ то убѣжденіе, что если конница не отвѣчаетъ высотѣ своего назначенія, то она, болѣе всѣхъ другихъ родовъ оружія, является бременемъ на войнѣ; а потому Его Высочество съ полнымъ увлеченіемъ занялся разработкою и примѣненіемъ на дѣлѣ тѣхъ неутомимыхъ свойствъ

Высочайшимъ приказомъ отъ 1 Ноября сего года, даннымъ въ Царскомъ Селѣ, Его Высочество назначенъ Главкомандующимъ дѣйствующей арміи со всѣми правами, властью и преимуществами, Главкомандующему въ военное время предоставленными, и съ оставленіемъ во всѣхъ настоящихъ должностяхъ и званіяхъ.

При этомъ считаемъ нужнымъ объяснить, что на основаніи того же Высочайшаго приказа отъ 1 Ноября, изъ дивизій, находящихся въ кievскомъ, одесскомъ и харьковскомъ военныхъ округахъ, образуется 6 армейскихъ корпусовъ, съ № 7 по 12 включительно, изъ коихъ

Его Императорское Высочество, Великий Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ Старшій,

Главнокомандующій дѣйствующей арміи.

Рис. Бокуръ, грав. Шалонъ.

8, 9, 11 и 12 должны составить вышесозначенную дѣйствующую армію.

19-го ноября Петербургъ проводилъ самымъ задушевнымъ, а потому и самымъ торжественнымъ образомъ, Главнокомандующаго южною арміею. Краса и цвѣтъ нашего военного общества явились на проводы и наполнили всѣ залы и корридоры вокзала Николаевской дороги. Благословіямъ и пожеланіямъ, конечно, не было конца. У насъ все это прекрасно совмѣщается въ одномъ короткомъ словѣ „ура!“ Но было произнесено и нѣсколько напутственныхъ рѣчей. Государь Наслѣдникъ встрѣтилъ Главнокомандующаго при входѣ въ вокзалъ съ дорогимъ золотымъ *складнемъ* отъ войскъ гвардіи, и сказалъ нѣсколько теплыхъ и задушевныхъ

словъ. Главнокомандующій приложился къ образу и принялъ его. Затѣмъ начальникъ 22 пѣхотной дивизіи, генераль Римаевъ, поднесъ походный образъ отъ армейскихъ частей петербургскаго округа. Сцена прощанія Главнокомандующаго съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и съ другими особами Царствующаго Дома, пожаловавшими на проводы, произвела на присутствовавшихъ весьма сильное впечатлѣніе. Громкое „ура!“ разразилось подъ высокими сводами вокзала, и затѣмъ уже не прерывалось до самаго отхода поѣзда.

Такихъ проводовъ давно не видалъ Петербургъ. Сравнить ихъ можно развѣ съ проводами Кутузова Московво въ 1812 году. Великій Князь увезъ съ собою не только наши благословія, но и наши надежды на блистательный успѣхъ святаго дѣла.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть В. С. Соловьева.

Часть вторая.

(Продолженіе).

VII.

Недѣли черезъ двѣ послѣ неудачнаго сватовства Гурки и Олельковича—Слущкаго, княгиня Беата собралась на богомолье, въ монастырь Св. Мартина, находившійся въ городѣ Вилкомирѣ. Эта поѣздка была ею предложена уже недѣли двѣ тому назадъ и всѣ о томъ знали въ домѣ. Монастырь Св. Мартина былъ построенъ въ концѣ XIV столѣтія, въ царствованіе Ягайло, который, женившись на Ядвига, сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы вводить католичество въ литовскомъ краѣ. Беата особенно почитала этотъ старый монастырь и дѣлала на него большія пожертвованія. Она ѣздила туда нѣсколько разъ въ годъ въ сопровожденіи Антоніо. Гальшка тоже сопутствовала ей, если княгиня ужь очень настаивала на этомъ. На поѣздку обыкновенно полагалось недѣли двѣ, а иногда и больше—ѣхали медленно и въ монастырѣ проводили съ недѣлю.

Экипажъ княгини сопровождала большая свита.

Теперь рѣшено было не брать Гальшки — она дѣйствительно кажется нездоровая, да и опасаться нечего. Изъ вѣрныхъ источниковъ извѣстно, что князь Константинъ въ Острогѣ. Княгиня не замѣшается въ дорогѣ, а вернувшись станетъ немедленно приготовляться къ переѣзду въ Краковъ. Да, Гальшка должна остаться дома, а то она слишкомъ утомится передъ большимъ предстоящимъ путешествіемъ.

Гальшка была очень довольна такимъ рѣшеніемъ. По крайней мѣрѣ, ее хотъ на недѣлю оставить въ покоѣ, ей можно будетъ запереться у себя и никого не видѣть, ничего не слышать.

Утромъ, передъ самымъ отъѣздомъ, княгиня призвала Зося, которая обыкновенно спала рядомъ съ комнатою Гальшки.

— Какъ провела эту ночь княжна? спросила она.

— Плохо, очень плохо, съ соболѣзнованіемъ отвѣтила Зося. Вотъ уже три ночи какъ княжна совсѣмъ почти не спитъ, а заснетъ, такъ во снѣ стонетъ.. Нынче два раза вставала, зажигала огонь, читаетъ принималась... только утромъ заснула—я и будить ее не велѣла..

„Нѣтъ, рѣшительно ей не слѣдуетъ ѣхать!“ подумала Беата, отходя отъ зеркала, передъ которымъ кончала свой туалетъ.

Зося почтительно и неподвижно стояла, ожидая приказаній.

Что-то выпало изъ рукъ княгини и покатилося по полу.

— Подними, пожалуйста, Зося, разсѣянно проговорила княгиня.

Дѣвушка быстро нагнулась, нашла кольцо и подала его Беатѣ.

Та взяла его даже не поблагодаривъ, машинально положила на маленькій столикъ и сама сѣла возлѣ.

— Ты, кажется, собиралась ѣхать съ нами, Зося? нѣтъ, ужь лучше останься съ княжною—и пожалуйста, чтобъ все было тихо, чтобъ никто ее не беспокоилъ...

Зося сама хотѣла просить позволенія остаться съ Гальшкой. Княжна не совсѣмъ здорова, скучать будетъ; она постарается развлечь ее, стануть вышивать вмѣстѣ... Княгиня Беата довѣряетъ Зосѣ больше, чѣмъ другимъ; но все же она болѣзненно мнительна, каждое слово взвѣшиваетъ, во всемъ какой-нибудь умыселъ подозреваетъ — съ ней нужно быть очень осторожной. А тутъ она сама избавляетъ отъ всякихъ затрудненій, сама велитъ остаться.

— Хорошо, я останусь, тихо произнесла Зося, дѣлая грустную мину, какъ будто-бы ей очень хотѣлось ѣхать и она теперь огорчена не на шутку.

Княгиня замѣтила эту мину.

— Ахъ, да поѣзжай, если такъ ужь тебѣ трудно исполнить мое желаніе! раздражительно замѣтила она.

— Развѣ я что нибудь сказала, княгиня? Я останусь, я очень рада остаться съ княжною... А теперь пойду къ ней, посмотрю—можетъ быть она проснулась.

И она послѣшно вышла изъ комнаты.

Черезъ часъ княгиня выѣзжала.

Отецъ Антоніо, встрѣтись съ Зосей, шепнулъ ей:

— Хорошо, что ты остаешься, не отходи отъ княжны... За Виліей въ лѣсахъ, говорятъ, стаи волковъ показались — княгиня весь отрядъ беретъ съ собою, въ замѣвъ остаются только слуги.

— Чего же намъ бояться, отецъ мой? пожалала Зося плечами, пристально глядя въ глаза іезуиту. Неужто же въ Вильнѣ нападать стануть—такъ вѣдь и двери крѣпки, и сосѣди услышать... А если кто захочетъ пробраться къ княжнѣ, чтобъ напугать ее, такъ опять я говорю: двери крѣпки... Благословите меня, отецъ мой!

Зося низко наклонила передъ нимъ свою хорошенькую голову.

Онъ, благословляя ее, не видѣлъ ее лица,—но если бы онъ теперь заглянулъ ей въ глаза — то навѣрно заставилъ бы Беату отложить поѣздку и остаться дома.

Княгиня передъ самымъ отъѣздомъ зашла проститься съ дочерью и нашла ее дѣйствительно очень блѣдной и слабой. Когда она, обнимая Гальшку, положила свою руку ей на плечо, то Зося, стоявшая возлѣ, такъ и

впиалась глазами въ эту руку. Какое-то неуловимое выражение пробѣжало у ней по лицу; но она тотчасъ же справиалась съ собою и снова казалась совершенно спокойной.

Экспажи были поданы. Вооруженный отрядъ, на коняхъ и въ красныхъ костюмахъ, выстроился на обширномъ дворѣ, приготовляясь провожать княгиню.

Минутъ черезъ десять всѣ выѣхали и сторожъ заперъ засовами тяжелыя ворота.

Зося стояла у окна, нетерпѣливо дожидаясь. Только что закрыли ворота, она поспѣшила въ уборную княгини.

Служанка еще не успѣла прибрать комнаты.

Зося подбѣжала къ маленькому столику. Кольцо, подаренное ею и въ разсѣянности позабытое княгиней, лежало на прежнемъ мѣстѣ. Она жадно схватила это кольцо и пристально, пристально разсматривала его. Глаза ея горѣли, она вся покраснѣла отъ волненія и тяжело дышала. Что-то рѣшительное, злое, торжествующее выражалось въ лицѣ ея.

Ей хотѣлось хохотать, пѣть. Она спрятала дрожащими руками кольцо въ свой корсажъ и, даже не зайдя къ Гальшкѣ, поспѣшно одѣлась и вышла изъ замка чернымъ ходомъ.

Глухими закоулками и задворками спѣшила Зося.

Въ одной изъ отдаленныхъ отъ центра улицъ Вильны стоялъ старшій домъ, окруженный высокимъ заборомъ и густо разросшимся садомъ. За угломъ, гдѣ начинался узенькій, грязный переулокъ, въ садѣ была продѣлана маленькая калитка, которую сразу даже трудно было примѣтить. Но Зося очевидно была здѣсь уже не въ первый разъ. Она оглянулась во всѣ стороны, убѣдилась, что кругомъ никого нѣтъ, вынула изъ кармана ключъ и отперла калитку. Шмыгнуть въ нее и плотно захлопнуть ее за собою было для нея дѣломъ одной секунды.

Она очутилась въ саду, среди высокыхъ глыбъ ярко горѣвшаго на солнцѣ снѣга. Отъ калитки шла прочищенная, но уже занесенная почною метелью тропинка. Снѣгъ забивался въ башмаки Зоси — она даже стала ворчать и браниться. Но вотъ тропинка вывела ее изъ сада и она очутилась передъ стѣной дома. Тутъ была запертая дверь. Зося постучалась. Никто не отворялъ ей. Она подождала немного и стала опять стучаться, но уже громче. „А вдругъ никого нѣтъ, а вдругъ онъ не дождался и уѣхалъ?“ подумала она и даже поблѣднѣла при этой мысли. „Въ послѣдній разъ онъ такъ сердился, что ему надоѣло ждать попусту.. Ну, ужъ человекъ! трудно съ нимъ поладить.. А вѣдь если уѣхалъ, такъ что-же теперь?! Вѣдь тогда все пропало!“ Она стала просто приходить въ отчаянье и принялась стучать еще громче.

Наконецъ ее услышали. Изнутри раздался шагъ. Кто-то спускался съ лѣстницы, повозился съ дверью. Дверь подавалась и отворилась.

— Кто тутъ? А, это вы, паненка,—пожалуйте!

— Чтожь не отпразднать? стучала, и стучала... тутъ у васъ можно замерзнуть и никто не услышитъ.. Графъ дома?

Голосъ ея дрогнулъ—а вдругъ скажутъ. нѣтъ его—уѣхалъ. Что тогда?

— Дома, дома—войдите.

Зося глубоко вздохнула и нетерпѣливо, радостно побѣжала по крутой каменной лѣстницѣ. Отворившій ей слуга литвинъ едва поспѣвалъ за нею.

Войдя на верхъ, она прошла рядъ пустыхъ, довольно плохо мебелированныхъ и пыльныхъ комнатъ. Литвинъ стукнулъ у запертой двери и, услыша голосъ, сказавшій: „можно!“, вошелъ Зосю.

Съ низенькаго восточнаго дивана ей на встрѣчу подылся графъ Гурко.

— А, наконецъ-то ты взглянула, моя милая пташка,

наконецъ то обо мнѣ вспомнила. Ну что? опять ждать? Да вѣдь пойми — ты сказала: дня три, четыре, а ужъ теперь двѣ недѣли прошло—и все нѣтъ никакого толку; вѣдь я въ это время успѣлъ бы съѣздить въ Краковъ и вернуться... Только воднишь ты меня за носъ и ничего больше..

Гурко началъ говорить съ большою досадою, но кончилъ довольно ласково и шуточно. Онъ взглянулъ на Зосю—разрумяненная, съ лицомъ еще застывшимъ отъ мороза, съ блестящими смѣлыми глазами, она показалась ему очень хорошенькой и заманчивой.

— Садись, садись, птичка; сказывай: съ чѣмъ пожаловала.

И онъ взялъ ее за руки, посадилъ на диванъ, и самъ сѣлъ рядомъ съ нею, не выпуская ее рукъ и пожимая ихъ своими худыми, жилистыми руками.

— Ишь вѣдь озябла—холодныя какія ручки

Онъ начиналъ глядѣть на нее очень нѣжно.

— Съ того бы начать надо, графъ, спросить: съ чѣмъ пожаловала, а не накидываться съ попреками, ничего еще не узнавши. Хорошую вѣсточку принесла и тебѣ, даже сама не чаяла, что такъ оно выйдетъ.

— Что такое?—говори скорѣе!

Зося была теперь почти увѣрена въ торжествѣ своемъ, въ полной возможности исполненія своего плана—недаромъ она его обдумывала и такъ и этакъ, ломала свою хитрую голову. А тутъ еще сама судьба даетъ ей оружіе въ руки, да такое оружіе, о которомъ она даже и не мечтала. Въ послѣднее время она рѣшительно не могла дать себѣ отчета въ томъ, что творилось съ ея сердцемъ. Ей казалось, что ея безумная любовь къ Антонию совсѣмъ прошла. Когда она встрѣчалась съ нимъ, она чувствовала только одно желаніе—измучить его, посмѣяться надъ нимъ, насладиться его отчаяніемъ.

Сознаніе, что она способствуетъ его горю, тайно и хитро разставляетъ ему сѣти въ то время, какъ онъ и не подозрѣваетъ объ этомъ и совершенно полагается на ея преданность—доставляло ей безконечное наслажденіе. Ея мученій, ея тоски какъ не бывало. Она вся, всѣми своими помыслами и чувствами, ушла въ интригу, и жила ею, и въ ея удачѣ находила счастье. Относительно Гальшки она успокоила себя тѣмъ, что та сама же объявила, что ей рѣшительно все равно, чтобы ни сдѣлали съ нею—хуже ей не будетъ.

Теперь, въ этой огромной, пыльной комнатѣ графа Гурки, на нее нашель какой-то припадокъ ребяческаго веселья. Ей хотѣлось шалить, хотѣлось исполнѣ насладиться предстоящей сценой, выдавать Гуркѣ свой планъ понемногу, подразнить его, поиграть съ нимъ..

— Нѣтъ, графъ, постой — я устала, дай отдохнуть сначала, рассказать все подробно еще неспѣю..

И она кокетливо прислонилась къ шелковой подушкѣ дивана.

— Ну, не дурачься, панночка, говори скорѣй!

— А чѣмъ отплатишь за это? я дорого цѣню каждое свое слово.

Она смѣялась, сверкала глазами и показывала на розовыхъ щекахъ самыя соблазнительныя ямочки.

Гурко просто заглядѣлся на нее.

„Да она прелесть какая хорошенькая!“ думалъ онъ. „Будь у этой дѣвочки милліона три, четыре приданого и не посмотрѣлъ бы я на то, что она простая плехтянка—сразу бы предложилъ ей и руку и сердце... Ну, а теперь не взыщи, коханка, только сердце и могу предложить тебѣ“..

— Чѣмъ отплатю? шуточно заговорилъ онъ, улыбаясь своимъ большимъ ртомъ съ перовыми, широкими зубами. Проси чего хочешь, только не томи, говори скорѣе.

— А мнѣ лѣнь придумывать плату — самъ придумай.

— Ничего я не пожалѣю для такихъ глазокъ.. Ну, скажи же, мой коханочка, свою новость.

Онъ наклонился къ ней, заглядывая ей въ глаза, опять взявъ ея маленькія, красивыя руки и сталъ цѣловать ихъ.

— Ого, графъ, такъ вотъ ты какъ! вскрикнула она, вырывая руки и смѣясь во весь голосъ. На мнѣ начинаешь учиться ухаживать за красавицей Гальшкой! Стыдись — ну, зачѣмъ ты цѣлуешь мои дрянные руки, когда скоро, можетъ быть, будешь цѣловать самыя прекрасныя ручки въ мірѣ... Или ты такъ влюбленъ, что тебѣ всюду мерещится твоя красавица. И теперь чудится, что передъ тобою не я, а она.

Гурко дѣйствительно начиналъ немного забываться, по своему обычаю. Онъ и думать забылъ о томъ, какую гадкую роль играетъ. Онъ нѣжно отвѣтилъ Зосѣ.

— Ничего мнѣ не чудится, птичка; а вижу я только одно — что ты прелесть, что ты ничуть не хуже Гальшки... Отчего же мнѣ и не цѣловать твои маленькія, славныя ручки.

Зосѣ даже стало неловко. Ей невольно было стыдно за него. Но это продолжалось только секунду. Онъ сравнилъ ее съ Гальшкой, сказалъ, что она ничуть ея не хуже. Она была большаго мнѣнія о своей красотѣ и тщательно и ежедневно изучала ее передъ зеркаломъ. Но все же ей никогда и во снѣ не снилось, чтобы кто нибудь могъ сравнить ее съ Гальшкой. Вѣдь Гальшка неслыханная, невиданная красавица, вѣдь на нее молятся, вѣдь хочется... Что-жь это онъ насмѣхается что-ли надъ нею? Нѣтъ, онъ не смѣется, онъ глядитъ такъ нѣжно и сладко — эгого противный Гурко... Вѣдь вотъ на шелемъ же человекъ, который считаетъ ее прелестной даже рядомъ съ Гальшкой!...

И Зосѣ невольно представился Антонио — и въ эту минуту она ненавидѣла не его одного, она ненавидѣла и Гальшку...

Она взглянула на Гурку, и Гурко показался ей далеко не такимъ противнымъ, какъ прежде. Сознательно или бессознательно, но ничего лучшаго онъ и не могъ придумать, какъ сказать ей, что она не хуже Гальшки.

— Зачѣмъ ты такъ зло смѣешься надо мною, проговорила Зося, надувая губки и граціозно притворяясь обиженной. — Только въ насмѣлку и можно сравнить меня съ такой красавицей. По всей Литвѣ и Польшѣ говорятъ, и говорятъ справедливо, что никогда не родилась еще такая красота на свѣтѣ Божій... Я ничего тебѣ не сдѣлала дурнаго, графъ; я за тебя же хлопотала изъ всѣхъ силъ моихъ... но послѣ обиды и насмѣшки, не взыщи — я для тебя ничего не стану дѣлать...

Она даже приподнялась съ дивана и сдѣлала видъ, что хочетъ уходить.

Гурко удержалъ ее и схватился за ея платье.

— Что ты, что ты — Господь съ тобою! Я надъ тобою насмѣхаюсь?! Видно мало ты глядишься въ зеркало, что такого плохого о себѣ мнѣнія.. Да, княжна Острожская, или какъ ты ее называешь — княгиня Сангушко (для меня это все одно) хороша; но, право, объ ней гораздо больше кричать, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Къ тому же у всякаго свои глаза и свой вкусъ — я, признаюсь, не очень люблю такихъ блѣдныхъ, святыхъ лицъ какъ у Мадонны... Я не молюсь хочу на женщину — я живой человекъ и жизнь люблю. По мнѣ то ли дѣло эти черныя хитрыя глазки, эти розовыя щечки и веселыя на нихъ ямки...

Гурко окончательно забылся. Иногда онъ дѣлался нахально, откровенно ципиченъ и теперь на него нашла именно такая минута.

Дмитрій Петровичъ Доктуровъ.
Рис. Веженинъ, грав. Боарскій.

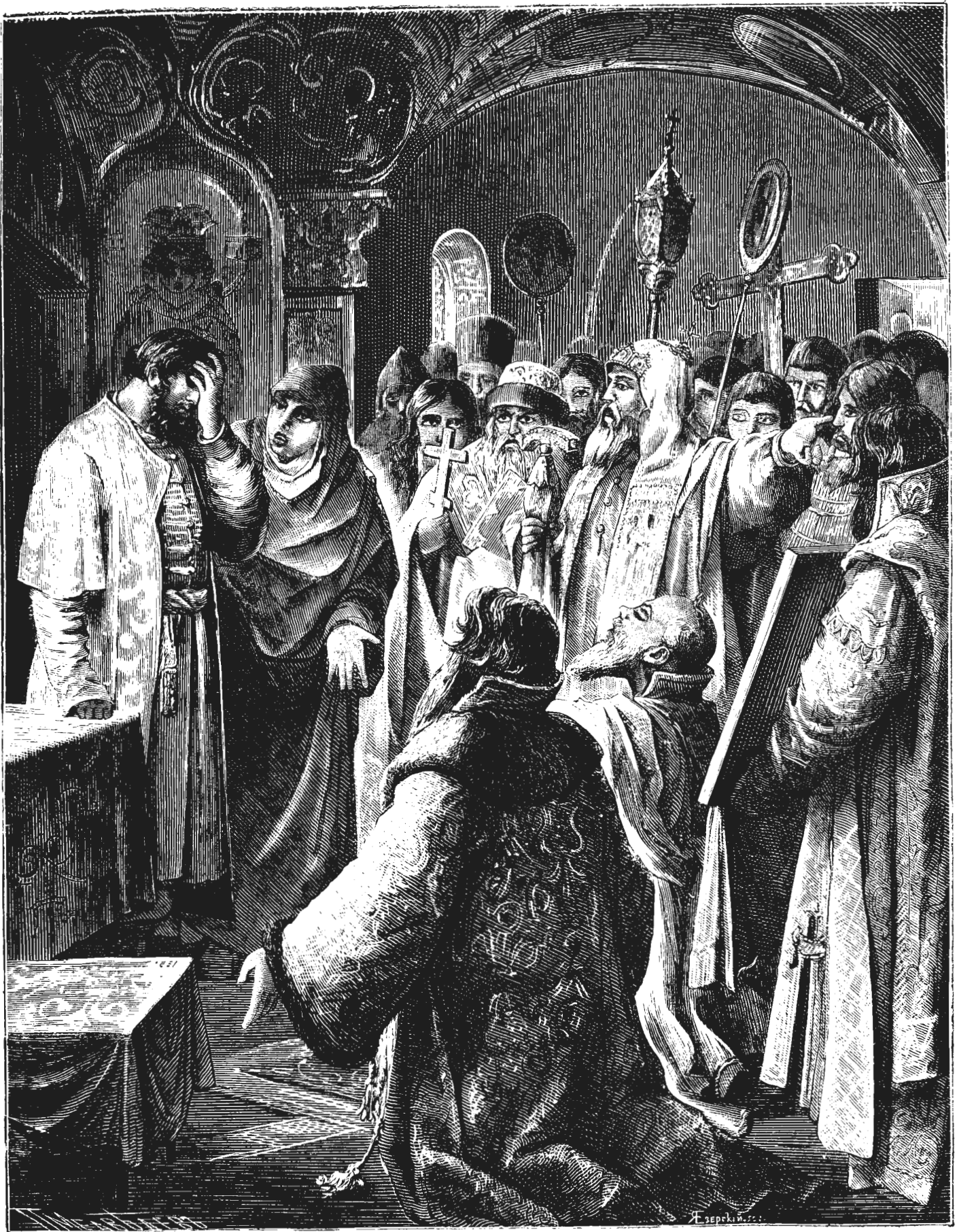
Зося далеко не прочь была выслушивать такіе комплименты. Онъ говорилъ такъ убѣдительно и краснорѣчиво. Ей самой ужъ начинало казаться, что пожалуй онъ и правъ. Точно — Гальшка слишкомъ похожа на святую, въ ней мало жизни... и теперь она такъ блѣдна и худая! И вотъ высокое мнѣніе о своей красотѣ съ необычайной быстротою разрослось въ Зосѣ. Она такъ хороша, она лучше знаменитой, всѣми прославляемой красавицы! У нея голова закружилась отъ гордости и счастья...

Но все же она оставила Гурку.

— Еслибъ даже это и была правда, что ты говоришь — а это неправда и ужасная, ужасная глупость! — то все же, развѣ ты смѣешь, графъ, говорить мнѣ

это?! Ты собираешься жениться на княгинѣ Гальшкѣ, я хлопочу для того, чтобы устроить тебѣ это дѣло, а ты вдругъ такой вздоръ болтаешь... Я думала — ты влюбленъ въ Гальшку — иначе не стала бы помогать тебѣ...

— Послушай, коханая Зося, отвѣтилъ Гурко. — Ты дѣвушка умная — разбери же хорошенько: развѣ я долженъ непременно быть влюбленнымъ, чтобы хотѣть жениться. Посмотри на всѣхъ магнатовъ нашихъ — развѣ они по любви жевятся? Женитба должна приносить богатство, упрочивать связи. Что же бы случилось со всѣми нашими старыми родами, еслибы мы женились безъ всякаго расчета. Въ какихъ нибудь сто лѣтъ ничего не осталось бы отъ родовыхъ богатствъ и всѣ мы превратились бы въ нищихъ. Нѣтъ — намъ бракъ не любовь сулитъ, да иначе и быть не можетъ, пока мы будемъ заботиться о себѣ и о дѣтихъ нашихъ, пока не захотимъ хлонскаго царства... Такъ не смотри же такъ сурово, моя ласточка; сердце не камень, а отъ твоихъ глазокъ и камень теплѣе станетъ...

Патріархъ Іовъ и Московскій народъ просятъ Бориса Годунова на царство. Оригінальний рисунокъ Медвѣдева, грав. Езерскій.

Хорошо и разумно говорилъ „панъ грабя“. Еслибъ онъ былъ красивѣй да помоложе, да еслибы сердце Зоси не устало теперь отъ всѣхъ своихъ волнений, не наполнено было жгучей, страстной ненавистью къ Антонию, онъ, пожалуй, побѣдилъ бы ее, сѣмѣлъ бы внушить ей свои мысли и чувства. Но въ настоящую минуту Зося могла плѣниться только однимъ — могуществомъ красоты своей — самъ же „панъ грабя“ и не существовалъ для нея.

Она вспомнила, что слишкомъ засидѣлась, что ей пора домой, къ Гальшкѣ.

Она рѣшительно поднялась съ дивана, оставляя Гурку на почтительномъ отъ себя разстоянн.

— Можеть быть ты и правъ, только бросимъ все это, серьезно сказала она. — Вотъ ты, кажется, совсемъ забылъ, что самъ же торопилъ меня говорить скорѣе мою новость. Миѣ ужъ и домой пора, а я еще не сказала ни слова...

На Гурку подѣйствовала ея серьезность. Онъ сообщилъ, что она права. Дѣло, дѣло, прежде всего дѣло! Передъ нимъ соблазнительно мелькнула цифра огромныхъ доходовъ Гальшки и возбудила всю природную его алчность, при которой немедленно замолкали остальные чувства... Вѣдь Зося не уйдетъ отъ него, будетъ еще время — она такая разсудительная, сговорчивая дѣвочка...

— Ну хорошо, хорошо, сказалъ онъ, откидываясь на подушку. — Въ чемъ же дѣло?

— Книгиня Беата уѣхала недѣли на полторы въ Вилькомиръ, на богомолье...

— А Гальшка?

— Гальшка осталась дома и я съ нею.

— А отецъ Антонио?

— Разумѣется съ княгиней, и на этотъ разъ ихъ сопровождаетъ весь нашъ отрядъ, да штукъ семь рыцарей, человекъ по шести въ каждомъ.

— Вотъ это хорошо, вотъ это хорошо! даже вскопчилъ и заволновался Гурко. — Такъ значить украсть можно невѣсту? да? ты миѣ въ этомъ поможешь, Зося?

— Не больно торопись, панъ грабя! Все же мы въ Вильнѣ, а въ домѣ остались люди. Тихо, безъ шуму и драки можно украсть невѣсту только тогда, когда она сама согласна, чтобъ ее украли. А развѣ ты сговорился съ княгиней Гальшкой, развѣ она потерпитъ новый срамъ и убѣжить съ тобою... плохо, видно, ты ее знаешь!

— Ну такъ какъ же? я и ума не приложу...

— А вотъ какъ: при тебѣ она сказала, что выйдетъ за того, за кого прикажетъ княгиня?

— Да.

— Она отъ своихъ словъ не отпрется. Ужъ больно измучила ее матушка родная, да и тоска-кручина. Не разъ она миѣ говорила: „прикажетъ матушка — за кого хочеть, за того и пойду, миѣ все равно, хуже не будетъ.“ Ну ужъ, графъ, отказалась бы я отъ такой невѣсты, невольно dokonчила Зося.

— А я не откажусь, рѣзко замѣтилъ Гурко.

— Твое дѣло... Ну, такъ вотъ что: значить ее надо увѣрить, благо уѣхала княгиня, что та поладила съ тобою и тебя выбрала въ мужья ей.

— А если она не повѣритъ? Нѣтъ это что-то неладно, Зося!

— Я и сама думала, голову ломала, какъ бы такое выдумать, чтобъ она не сомнѣвалась. Положимъ, она не то, что другая... Богъ ее вѣдаетъ, гдѣ иной разъ ея мысли: ясное, какъ день бѣлый, дѣло, всѣмъ видно, а ей и не въ домекъ, она и не замѣчаетъ... Увѣрить да обойти ее не трудно, а все же, въ такомъ случаѣ, и съ ней нужно ловко придумать...

— Вотъ то-то и есть, задумался Гурко. — Развѣ сказать ей...

— Ничего не сказать! Лучше и не придумывай — все

равно пустое скажешь. Все ужъ безъ тебя придумано, да такъ придумано, что лучше и быть не можеть... Не даромъ я бѣжала къ тебѣ, ногъ подъ собой не слыша...

И Зося опять стала кокетничать, дразнить Гурку.

Онъ бросился къ ней, силою ее обнялъ и прежде, чѣмъ она успѣла опомниться, звонко поцѣловалъ ее въ губы.

— Говори, говори, не томи — не то я теби на смерть зацѣлую, дьяволенокъ ты этакій!

— Что же это въ самомъ дѣлѣ! — возмутилась и даже отпихнулась Зося. — Если ты еще хоть пальцемъ меня тронешь, то — вотъ клянусь тебѣ Иисусомъ и Дѣвой Маріей — замолчу я, и не услышишь ты отъ меня ни одного слова...

— Ну, прости, не буду — и вѣдь сама же ты виновата — зачѣмъ меня мучишь...

— То-то! садись-ка, панъ грабя, смирно и слушай. Только вотъ что, напередъ уговоръ: дѣлать все такъ, какъ я знаю, и миѣ ни въ чемъ не перечить. Послушаешь меня, не станешь торопиться, такъ ровно черезъ полторы недѣли, слышишь — черезъ полторы недѣли не раньше, не позже, княгиня Гальшка будетъ твоей женою...

И она стала передавать ему свой планъ. Онъ слушалъ молча, я удивлялся ея хитрости, и любовался ею. „Вотъ такъ бѣсенокъ! думалъ онъ. Ну нѣтъ, такую Зосю и съ милліонами взять за себя страшно. Съ нею всякій день опасаться нужно... И обманеть, и провести, и отравить, чего добраго, если захочеть... а сама и бровью не поведеть! Бѣсенокъ“.

VIII.

Тихо стало въ домѣ княгини Беаты — никто не рѣшался посѣщать Гальшку въ отсутствіе матерп, да и трудно было предположить, что она кого-нибудь приметъ. Между женщинами у нея не было друзей, она ни съ кѣмъ не сближалась. Ея тоскливый, сосредоточенный видъ, полная апатія ко всему окружающему, избавляли ее отъ женской навязчивости. Объ ней было много толковъ и подъ конецъ всѣ рѣшили, что если такъ будетъ продолжаться, если что-нибудь не оживитъ ея, то врядъ ли она долго проживетъ на свѣтѣ. Она слишкомъ тоскуетъ, она чахнетъ, бѣдняжка! Почти всѣмъ, конечно, была подробно извѣстна ея исторія. Многие обвиняли Беату. Передавались даже розказни и слухи, что и теперь она всячески мучитъ дочь, бьетъ и запираетъ. Вообще княгиня не пользовалась почти ни чѣмъ расположеніемъ, да она, по правдѣ, и не заботилась объ этомъ. Если она поддерживала знакомства, то только по необходимости и иногда слишкомъ явно показывала что тяготится гостями.

Какъ бы то ни было, всѣ жалѣли Гальшку и считали ее жертвой. Но никому и въ голову не приходило серьезно вознегодовать на Беату и открыто выразить презрѣніе, котораго заслуживали ея поступки. Княгиня была слишкомъ знатна и богата и раздражать ее не приходилось. Почти каждый могъ ожидать отъ нея себѣ выгодъ и долженъ былъ бояться зла, на которое она была способна по общему мнѣнію. И всѣ какъ-то осторожно сторонились отъ Гальшки за исключеніемъ холостыхъ магнатовъ, видѣвшихъ въ ней необыкновенно богатую невѣсту...

По отъѣздѣ матери Гальшка заперлась въ своихъ комнатахъ и допускала къ себѣ только Зосю. Она чувствовала себя очень утомленной и тѣломъ, и душою. Страшная безнадежность и апатія, охватившія ее въ послѣднее время, успивались въ ней съ каждымъ днемъ, съ каждой минутой. Прежде она все-таки жила, отличала жизнь и время хоть бы по своимъ страданіямъ, слезамъ и грезамъ. Теперь же какъ будто жизнь для нея остановилась — не было уже ни грезъ, ни мученій. Она не плакала, ея сердце не тосковало по по-

гибшемъ мужѣ, ея мысль не возвращалась къ прошлому. Ничто ее не волновало и не тревожило. Она совершенно машинально пила, ѣла, читала и занималась какой-нибудь ручной работой. Высшее для нея благо было сонъ, еслибъ она могла только, она бы спала цѣлыми сутки; но сонъ ея не слушался — она часто и по почамъ страдала бессонницей. Она рада была если, проспавшись утромъ, замѣчала, что уже довольно поздно. Иногда по цѣлымъ днямъ единственной ея заботой было отсчитывать часы и ждать приближенія ночи. Но въ такіе дни, какъ нарочно, время тянулось ужасно долго. Сначала она часто думала о князѣ Константиинѣ и даже строила одно время планы какъ бы убѣжать къ нему или, по крайней мѣрѣ, тайно съ нимъ увидѣться. Теперь она и о немъ перестала думать. Она убѣдилась, что всѣ ея планы неосуществимы, что ее сторогутъ какъ дикаго звѣря и малѣйшая ея попытка будетъ сейчасъ же обнаружена. Если дядя не является, если онъ до сихъ поръ не увидался съ нею, значить и для него это невозможно — при первой же возможности онъ навѣрное будетъ здѣсь — въ этомъ она не сомнѣвалась. Но когда это будетъ?! Она ждала, ждала; но теперь и ждать перестала, какъ будто даже забыла своего любимаго дядю. Острогъ и ея жизнь тамъ представлялись ей чѣмъ то ужасно далекимъ, какъ будто даже и не бывшимъ совсѣмъ въ дѣйствительности.

Такое душевное состояніе, пожалуй, со стороны могло показаться лучше, чѣмъ слезы, мученія и острое отчаяніе.

Но что-то ужасное, что-то невыносимое было въ этомъ мертвомъ спокойствіи, въ этой безсознательно охватившей Гальшку жаждѣ смерти. Еслибъ не ея вѣра, еслибъ не молитва, вызывавшая иногда облегчающія слезы, она бы, не задумываясь, убила себя самымъ страшнымъ образомъ. Смерть была для нея высочайшимъ и, какъ ей казалось, недостижимымъ блаженствомъ...

Прошло ужъ полторы недѣли со дня отъѣзда княгини Беаты. Давно смерклося. Гальшка велѣла растопить большой очагъ въ одной изъ комнатъ, приѣхла къ огню, да такъ и замерла глядя на огонь, слѣдя за его движеніемъ и переливами. Зося, еще недавно бывшая съ нею, ушла куда-то. Вотъ мало по малу глаза Гальшки стали смыкаться. Ахъ, если-бы заснуть! — и она дѣйствительно скоро забылась въ полудремотѣ...

Между тѣмъ Зося скользнула узенькимъ, длиннымъ корридормъ, спустилась съ темной лѣстницы и почти неслышно отодвинула небольшие, но крѣпкіе засовы наружной двери. Большіе дома въ то время строились непременно съ разными замаскированными, потайными ходами. Мало ли что могло случиться, мало ли на что могли понадобиться такіе ходы.

Зося уже заранѣе подготовила все, что ей было нужно. Она озабоченнымъ голосомъ объявила всѣмъ, что княжна сегодня нездорова и проситъ не тревожить ея весь вечеръ, велѣла даже запереть двери, ведущія въ ея покои. Такимъ образомъ она могла быть совершенно спокойна, что никто ничего не услышитъ и не увидитъ, что бы ни творилось у Гальшки. Домъ былъ огромный, а „покоими княжны“ называлась цѣлая анфилада комнатъ. Потайной корридорчикъ шелъ именно отсюда, комнаты за четыре отъ той, гдѣ теперь сидѣла Гальшка — слѣдовательно въ него невозможно было проникнуть, не нарушая мнимаго, но весьма правдоподобнаго запрещенія княжны. Да и кто, за какую надобностью пойдетъ сюда!:

Одна только тревога и была у Зоси — это сторожъ въ дальнемъ закоулкѣ задняго двора, гдѣ находилась калитка, откуда можно было пробраться къ потайной дверкѣ. Но и со сторожемъ оказалось не много хлопотъ. Гурко разщедрился и вручилъ Зосѣ изрядную сумму денегъ. Сторожъ, увидѣвъ блестящія монеты въ огром-

номъ, по его мнѣнію, количествѣ, пришелъ въ дикій восторгъ. Онъ поклялся, что будетъ нѣмъ какъ рыба и выпуститъ въ калитку хоть цѣлую Вильну. Да лучше вотъ что: онъ отопретъ калитку, а самъ, чтобъ не быть въ отвѣтъ, убѣжитъ — земля велика, а съ такими деньгами онъ такъ запрячется, что и въ жизнь его не смѣтеть княгиня... Зося отперла дверку и прислушалась. Пусто на дворѣ, тихо. Ночь черная — зги не видно. Она кинулась къ калиткѣ — отворена. Сторожа нѣтъ. Издали донеслись мѣрные удары, каждый часъ отбиваемые съ вышки виленской ратуши. Условное время — теперь они скоро вяжутся...

И точно — за калиткой послышались тихіе голоса, скрипнула стѣна. Калитка отворилась. Зося тихонько кашлянула три раза, ей отвѣтили тѣмъ же... Они! Уже можно различить нѣсколько крадущихся фигуръ...

— Зося! гдѣ ты? прошепталъ голосъ Гурки.

— Здѣсь, здѣсь, тише...

И она одного за другимъ стала вводить таинственныхъ гостей въ открытую дверцу.

Съ Гуркой было семь человекъ. Въ числѣ ихъ находился и пасторъ.

Всѣ они медленно, безшумно поднимались по темной лѣстницѣ. Зося провела ихъ черезъ корридоръ и остановила въ слабо освѣщенной комнатѣ. Тяжелыя занавѣси были спущены на всѣхъ окнахъ. Двери, ведущія въ эту часть дома, были на запорѣ.

— Постой, я доложу Гальшкѣ, она здѣсь недалеко, шепнула Зося Гуркѣ.

Гальшка сидѣла по прежнему передъ огнемъ и дремала.

— Княгиня, ты спишь? вставай, вставай...

— Что такое? очнулась Гальшка, изумленно взглянувъ на нее своими чудными глазами.

Зося невольно потупилась передъ этимъ взоромъ. Что-то, похожее на упрекъ совѣсти кольнуло въ сердцѣ. Она не могла не сознавать, что коварно, безбожно предаетъ эту беззащитную, убитую горемъ женщину. Но другія побужденія заговорили сильнѣе совѣсти. Зося быстро справилась съ собою и начала тревожно и скоро.

— Я не знаю, что случилось, только графъ Гурко откуда-то приѣхалъ, прямо съ дороги къ намъ, говорить что встрѣтился съ княгиней и привезъ тебѣ отъ нея какое-то порученіе.

Она уже двѣ недѣли тому назадъ успѣла сообщить Гальшкѣ, что Гурко уѣхалъ изъ Вильны тотчасъ же послѣ своего неудачнаго сватовства и отправился, кажется, въ Краковъ.

— Гдѣ же онъ могъ видѣть матушку? какое порученіе? усталымъ голосомъ проговорила Гальшка.

— Онъ проситъ тебя принять его, сейчасъ все узнаешь...

— Ахъ, развѣ онъ не можетъ передать черезъ тебя... скажи ему, что я больна, что я раздѣта, что я никого не принимаю...

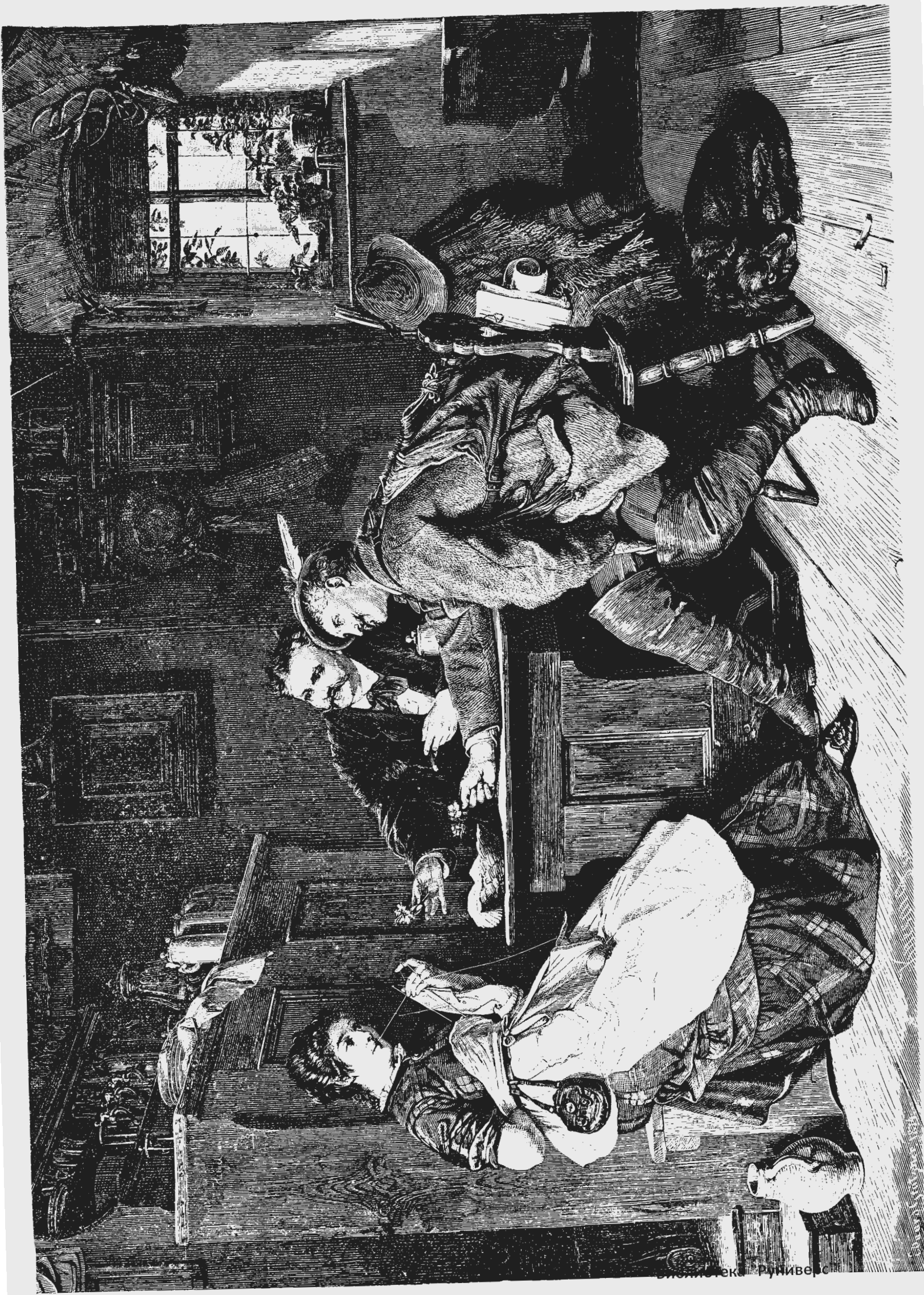
— Я такъ ужъ ему и сказала, — мнѣ не хотѣлось будить тебя, княгиня. Но онъ говоритъ, что долженъ объяснить все тебѣ самой и что дѣло спѣшное — иначе онъ бы не осмѣлился тревожить тебя вечеромъ, до завтрашняго дня бы дождался...

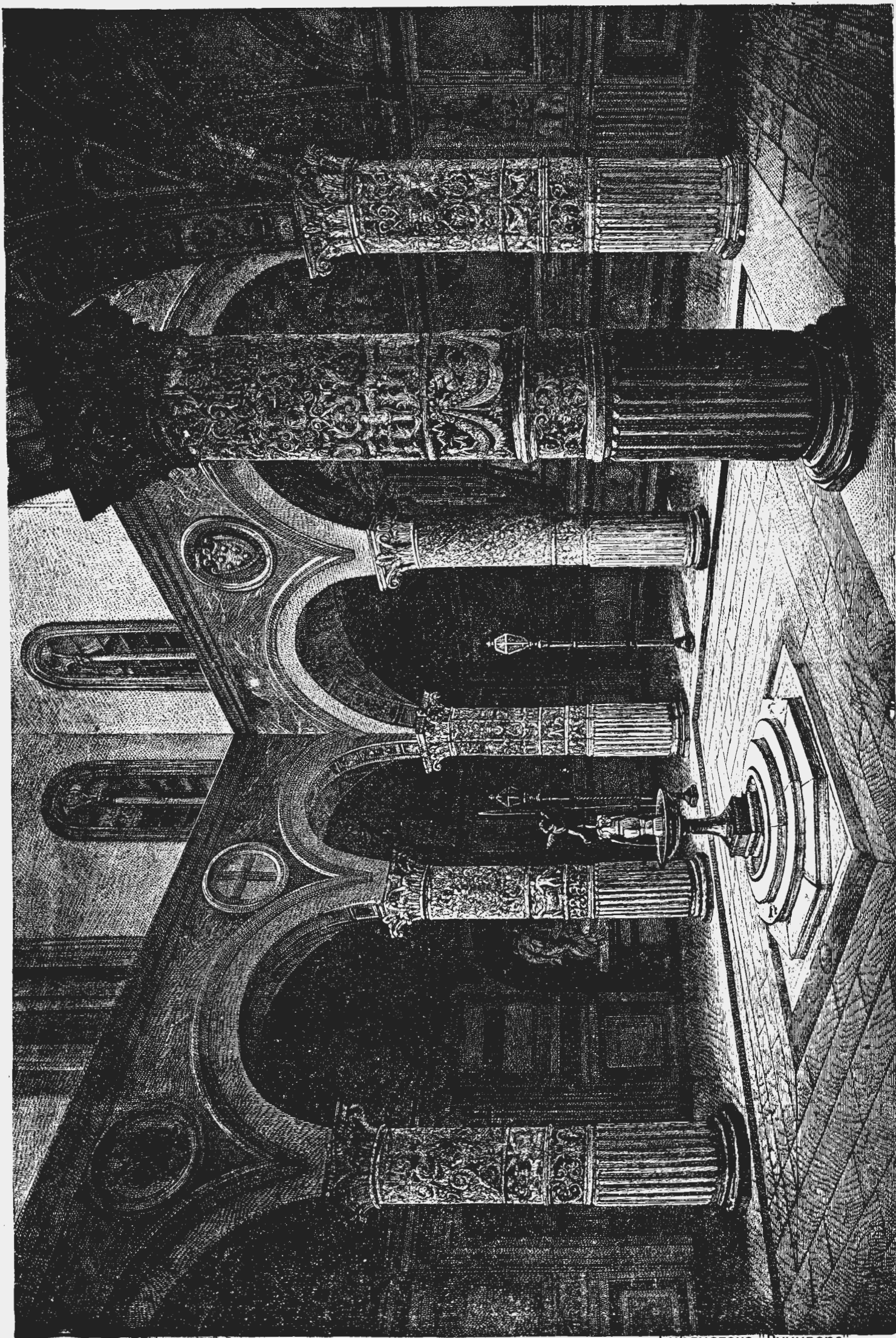
— Такъ неужели жъ я въ самомъ дѣлѣ должна принять его?...

— Что-же дѣлать!... вѣрно важное что-нибудь... еще княгиня, пожалуй, сердиться будетъ...

— Ну хорошо, попроси его въ голубую комнату — тамъ кажется свѣтло... Только, пожалуйста, будь тутъ же и не отходи отъ меня, Зося... Я сейчасъ выйду...

Гурко отослалъ четырехъ изъ своихъ сообщниковъ обратно въ темный корридоръ; пастора и двухъ другихъ оставилъ въ комнатѣ, а самъ послѣдовалъ за Зосей.

Дворъ Палаццо Веккіо во Флоренціи. Рис. Майно, грав. Самаровъ.

Гальшка встрѣтила его молча, однимъ только изумленнымъ взглядомъ.

Онъ почтительно къ ней приблизился и заговорилъ очень бойко, даже съ улыбкой:

— Княгиня, я расстался съ вами въ очень печальную для меня минуту—ваша матушка отказала мнѣ въ рукѣ вашей, а вы прямо объявили, что полагаетесь на ея выборъ...

— Да, и я опять повторяю это: если моя мать непременно будетъ настаивать, чтобъ я вышла замужъ—я выйду, но только по ея приказу... Да къ чему все это?! Вы, графъ, имѣете ко мнѣ порученіе отъ матушки?! Гдѣ и когда вы ее видѣли?

— Позвольте, княгиня—я даже не извиняюсь передъ вами за ту одежду, которую вы на мнѣ видите—я къ вамъ прямо съ дороги... мчался во весь духъ, лошадей загонялъ до смерти... я прямо изъ Кракова.

— Но матушка въ Вилькомирѣ... что все это значить?!...

Гальшка растерянно взглянула на Зосю и хотѣла выйти изъ комнаты.

— Ваша матушка не въ Вилькомирѣ, она въ Краковѣ, во дворцѣ королевскомъ, поспѣшно сказали Гурко. Выслушайте меня, княгиня... Когда мнѣ отказали въ рукѣ вашей, я сообразилъ только одно: не вы мнѣ отказали, а княгиня Беата Андреевна. Я зналъ, что все это оттого, что я не католикъ... католичество, прости меня, это печальная слабость княгини, но изъ-за такой слабости, смѣю сказать, каприза, я не могъ же отказаться отъ счастья всей моей жизни. Я рѣшился бороться. Я сейчасъ же отправился къ королю въ Краковъ. Нашъ добрый король принялъ во мнѣ горячее участіе и согласился помочь мнѣ. Онъ послалъ нарочнаго гонца къ княгинѣ съ приказомъ, чтобы она немедленно пріѣхала въ Краковъ. Онъ присоединилъ къ этому формальному приказу свою письменную, собственноручную просьбу. Гонецъ встрѣтилъ княгиню на дорогѣ, только случайно узналъ ее, вручилъ ей королевскій приказъ и письмо и она, вмѣсто Вилькомира, пріѣхала прямо въ Краковъ. Король былъ моимъ сватомъ, а княгиня Беата Андреевна не рѣшилась отказать его настоятельной просьбѣ и желанію...

(Продолженіе будетъ.)

ИЗБРАНІЕ БОРИСА ГОДУНОВА НА ЦАРСТВО.

Иванъ Васильевичъ Грозный, по примѣру отца и дѣда, любилъ жить по царски и окружалъ себя восточнымъ великолѣпиемъ и блескомъ. Великолѣпіе и блескъ сопровождали его въ могилу. Тѣло царя было выставлено въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ подъ богатымъ чернымъ покровомъ, унизаннымъ жемчугомъ; множество свѣчей и лампадъ горѣло передъ иконами, украшенными золотомъ и драгоценными камнями. Много оставилъ послѣ себя Иванъ Васильевичъ всякихъ сокровищъ: золототканыхъ одеждъ, драгоценныхъ камней, ожерелий, иконъ, дорогихъ сосудовъ, мѣховъ, всякаго оружія. Недаромъ гордился онъ при жизни своей казной, недаромъ щеголялъ ею передъ иностранцами; иностранцы удивлялись изобилію царскихъ сокровищъ и недоумѣвали, глядя на крайнюю нищету народа. Торжественность и азіатская роскошь дворцоваго обихода представляли странную противоположность съ грязной, бѣдной обстановкой жизни посадскихъ людей. Зубчатая стѣна Кремля съ стрѣльницами и башнями, ярко росписанные соборы и государевы палаты, съ позолоченными куполами и кровлями рѣзко выдѣлялись на темномъ фонѣ крошечныхъ деревянныхъ построекъ тогдашней Москвы.

Между тѣмъ, такой срой русской жизни былъ неизбежнымъ слѣдствіемъ историческихъ условий, сложившихся въѣками и получившихъ особенную силу въ послѣдніе годы царствованія Грознаго. Страшно обидѣлъ тогда русскій народъ отъ тяжелыхъ налоговъ и повинностей, непрерывныхъ войнъ, отъ произвола царскихъ любимцевъ и слугъ, взяточничества приказовъ въ столицѣ, воеводъ и дьяковъ за предѣлами ея. Внутренняя торговля стѣснялась множествомъ сборовъ и пошлинъ и конкуренціей правительства, вишняя — была связана запрещеніемъ ѣздить за границу иначе, какъ съ особаго царскаго дозволенія. Промышленность была въ младенчествѣ, городъ продолжалъ быть огороженнымъ селомъ; городскіе жители занимались земледѣліемъ. Рѣдкость населенія, разобщенность мѣстъ, затруднявшая общественное развитіе, постоянное выселеніе непокойныхъ и болѣе живыхъ элементовъ русскаго народа въ Литву, въ степи, за Уральскія горы—все это способствовало безпомощности народной массы. Потомки Рюрика и Гедимины, гордые своимъ родомъ и богатствомъ подняли было голову во время малолѣтства Грознаго, но мало по малу утратили всякое значеніе къ концу его царствованія и толь о вѣтнѣ занимались крамолами и доносами. Немало погибло ихъ въ пыткахъ и на плахахъ, немало томилось въ ссылкѣ и темницахъ; уцѣлѣли только боязливые и покорные послушники воли царской, пожертвовавшие не только всякимъ проявленіемъ своей личности, которой они никогда особенно не дорожили, но и тѣмъ, что дѣлили дороже всего на свѣтѣ—вѣнчаніемъ признаніемъ своего превосходства надъ людьми болѣе низкаго происхожденія. Не поатакалъ имъ и въ этомъ грозный царь, отдавалъ явное предпочтеніе людямъ низкаго происхожденія: жаловалъ мѣста, приближалъ къ себѣ. Роптали, гнѣвались родовитые люди про себя, но волей-неволей кланялись и уступали дорогу царскимъ любимцамъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Борисъ Фёдоровичъ Годуновъ, потомокъ татарскаго мурзы, Чета, принявшаго крещеніе въ XIV вѣкѣ.

Борисъ Фёдоровичъ, съ малолѣтства воспитанный при дворѣ, вмѣстѣ съ сестрой своей Ириней, приблизился къ царю, благодаря браку своему съ дочерью царскаго любимца, Малюты Скуратова, и браку царевича Фёдора на Иринѣ.

Могъ также Борисъ заслужить расположеніе царя и своими личными достоинствами: красивый собою, сладкорѣчивый, умный и хитрый, онъ рѣзко выдавался между тогдашними боярами. Но у Ивана Васильевича не было постоянныхъ любимцевъ: всѣ были равны передъ нимъ въ минуты его гнѣва. Подъ конецъ своей жизни онъ все чаще и чаще обращалъ немилостивые взоры на Годунова и вѣроятно раздѣлялся бы съ нимъ по своему, если бы не умеръ внезапно самъ.

Такимъ образомъ Борисъ не пользовался особеннымъ могуществомъ при жизни Грознаго, не имѣлъ силы и по смерти его и держался въ сторонѣ до самаго вѣнчанія на царствѣ Фёдора Ивановича, когда власть сама собою перешла въ его руки, благодаря дружбѣ, связывавшей его съ царицей Ириней, и полной неспособности царя Фёдора.

По уму и даже наружности, Фёдоръ Ивановичъ не имѣлъ ничего общаго съ сильными и дѣтельными московскими царями, собирателями земли русской. Онъ былъ небольшого роста, приземистый, опухлый; ястребинный носъ плохо гармонировалъ съ безмысленной улыбкой, не сходящей съ лица его. Тяжелый, недѣлительный, онъ велъ тихую и однообразную жизнь, не пропускалъ ни одной церковной службы. Вернувшись отъ заутрени, царь садился за столомъ въ *комнатѣ* *) и принималъ молча близкихъ бояръ или говорилъ съ ними нѣсколько словъ тихимъ, медленнымъ голосомъ. Около девяти часовъ начиналась во дворцѣ обѣдня, затѣмъ слѣдовалъ обѣдъ, послѣ котораго Фёдоръ Ивановичъ почивалъ часа три, иногда и меньше, въ томъ случаѣ, если отправлялся въ баню или смѣтрѣть кулачный бой или бой людей съ медвѣдами. Время между вечерней и ужиномъ царь проводилъ съ парней, забавляясь крикляніемъ и пѣніемъ шутовъ и карловъ обоего пола. Кромѣ того царь съ царицей еженедѣльно отправлялись на богомолье въ одинъ изъ ближайшихъ монастырей. Самый дворецъ сталъ походить на монастырь: то и дѣло раздавался колокольный звонъ; иногда самъ царь хаживалъ звонить на колокольню. Въ дворцовомъ обиходѣ водворилась небывалая простота, нарушаемая только въ торжественныхъ случаяхъ: особенныхъ праздникахъ, приемѣ пословъ и т. п. Ласковый, тихій, милостивый царь тяготился земнымъ своимъ царствіемъ и «избывая мірской суеты и докучки» отсылалъ челобитчиковъ къ большому боярину Годунову. Скоро провѣдалъ русскій народъ, кто царствуетъ именемъ Фёдора; не стало покою большому боярину отъ челобитчиковъ: ежедневно выжидали они его выхода изъ дворца и, низко кланяясь, молили о своихъ нуждахъ. Милостиво выслушивалъ ихъ Борисъ Фёдоровичъ, разбиралъ тяжбы, заступался за обиженныхъ, щедро надѣлялъ вдовъ и сиротъ; но иногда считалъ нужнымъ показать видъ, что тяготеетъ осаждавшими его челобитчиками, и скрывшись изъ дворца другимъ ходомъ, отправлялся на соколиную охоту или въ иное мѣсто, хотя новость власти нравилась и льстила ему. Хотѣлъ онъ также, чтобы объ этой власти провѣдали въ другихъ государствахъ, сталъ угощать пословъ отъ себя и посылать корми и богатые подарки, что не составляло для него большой тяжести, такъ какъ ежегодный доходъ его вмѣстѣ съ жалованьемъ простирался до 937,000 рублей. Въ своихъ письмахъ къ англійской королевѣ Елизаветѣ Годуновъ постоянно писалъ, что го-

*) Комната въ собственномъ значеніи была кабинетомъ или вообще домашнимъ помещеніемъ.

сударь оказалъ разныя милости англійскимъ купцамъ «любя тебя, сестру свою любительную, за моими челобитьемъ и жалованьемъ»... и обѣщать королевинныхъ гостей «держать подъ своею рукою въ великомъ береженьѣ»... Наконецъ и самъ царь приговорилъ съ боярами, чтобы ко всемъ государямъ отбѣтныя грамоты писать вмѣстѣ съ государевыми грамотами—«это царскому имени къ чести и прибавленію, что его государевъ конюшій и бояринъ ближній станетъ ссылаться съ великими государями».

Достигнувъ власти, Годуновъ сталъ отыскивать средства укрѣпить ее за собою. Какъ человѣкъ умный, онъ понималъ, что для него, случайно сдѣланнаго правителемъ государства, нѣтъ иного пути удержать свое высокое положеніе, какъ только расположить къ себѣ народъ, устроить и успокоить государство. Ввиду всеобщей бѣдности и тяжелаго положенія служилыхъ людей *) соборъ 1584 года рѣшилъ отменить такъ называемыя тарханныя грамоты, предоставлявшія монастырскимъ и владѣчнымъ землямъ разныя льготы и изытія отъ общихъ платежей и повинностей. Но Борису невыгодно было возстановлять противъ себя духовенство, имѣвшее непослѣднее значеніе въ государствѣ, и тарханы остались въ прежней силѣ; благочестивый царь постоянно раздавалъ новыя. Между тѣмъ необходимо было принять мѣры къ обезпеченію служилыхъ людей, необходимо было и Борису расположить ихъ къ себѣ; вслѣдствіе этого въ началѣ царствованія Федора изданы были постановленія о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ **). Старѣйшіе изъ бояръ сильно возстали противъ этой мѣры, такъ какъ они, наравнѣ съ духовенствомъ пользовались правомъ перезывать на свои земли крестьянъ мелкихъ помѣщиковъ. Но Борису нечего было щадить интересы бояръ; онъ зналъ, что никакими уступками не расположить ихъ къ себѣ и не заставить признать свое первенство, а въ случаѣ открытаго сопротивленія, съ ни-

ми всегда можно было расправиться, какъ расправлялся Грозный. Борисъ не считалъ, что въ данномъ случаѣ возстановляеть противъ себя и народную массу; не рассчиталъ и дальнѣйшихъ послѣдствій своей мѣры.

Крестьяне, лишившись права свободнаго перехода, спасались теперь бѣгствомъ отъ преслѣдованій помѣщиковъ. Число бѣглыхъ увеличивалось съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и разбои не только по дорогамъ, но и на улицахъ самой Москвы. Помѣщики искали бѣжавшихъ, преслѣдовали ихъ и хуже прежняго угнетали крестьянъ, оставшихся на ихъ земляхъ. Изданный въслѣдствіи законъ о насильственномъ обращеніи въ холопы вольныхъ слугъ послужилъ поводомъ къ новымъ злоупотребленіямъ и безпорядкамъ. Сдѣлавшись такимъ образомъ главной причиной зла, Борисъ принималъ противъ него разныя мѣры, но не могъ уничтожить его, какъ не могъ уничтожить взяточничества, которое также безпощадно искони преслѣдовалось русскимъ правительствомъ. Недовольство Борисомъ Годуновымъ увеличивалось со дня на день; ему приписывалъ народъ свои новыя бѣды и Борисъ не могъ не знать этого. Здоровье царя было ненадежное; дѣтей пока у него не было, не смотря на усердныя молитвы, возсылаемыя царицею о чадородіи. Со смертью царя власть должна была сама собою ускользнуть изъ рукъ Бориса: въ Угличѣ подросла царицынъ Дмитрій и жила была племянница Грознаго, вдова ливонскаго короля Магнуса, насильно постриженная Борисомъ въ монахиню, она имѣла малолѣтнюю дочь Евдокію. Наконецъ ханъ Симеонъ Бекбулатовичъ, царствовавшій одно время въ Москвѣ, по волѣ Грознаго. Только особыя обстоятельства могли выручить Бориса. Такими обстоятельствами можно считать: учрежденіе патриаршества въ Москвѣ и внезапныя несчастія, постигшія всѣхъ соперниковъ Бориса.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

Д. П. ДОХТУРОВЪ.

Молодымъ кавалергардскимъ офицеромъ Дмитрій Петровичъ Дохтуровъ поступилъ, въ 1857 году, въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Окончивъ курсъ наукъ съ отличнымъ успѣхомъ, онъ имѣлъ случай приложить къ дѣлу свои познанія, въ качествѣ боеваго офицера на Кавказѣ, гдѣ былъ раненъ. Вслѣдствіи онъ командовалъ шесть лѣтъ кавалерійскимъ полкомъ въ Виленскомъ военномъ округѣ. Такимъ образомъ и административная, и военная часть ему вполне извѣстны. Сверхъ того, г. Дохтуровъ обладаетъ такъ сказать, умѣньемъ покорять сердца, своими свѣтлыми воззрѣніями и сдержанными, скромными манерами, присущими всемъ истинно даровитымъ людямъ.

Недавнія событія на Балканскомъ полуостровѣ, приостановившія въ настоящее время, не могли конечно пройти безслѣдно для Дмитрія Петровича. Онъ не могъ остаться спокойнымъ наблюдателемъ ихъ издала, и рѣшился идти на помощь къ несчастнымъ. Его пріѣздъ въ главную квартиру генерала Черняева былъ привѣтствованъ съ радостью. Обладая большою военною опытностью, какъ человѣкъ, прошедшій трудный путь военной жизни отъ младшихъ чиновъ до чина генеральскаго, Дмитрій Петровичъ, былъ конечно тотчасъ же назначенъ на соответственный его способностямъ и положенію постъ. Назначеніе его начальникомъ штаба моравско-тимокской арміи составило событіе въ Делиградѣ и, по справедливости должно прибавить, событіе—отрадное.

Съ самаго прібытія своего въ штабъ означенной арміи, именно съ 18 августа, генералъ Дохтуровъ не только заявилъ себя

человѣкомъ, обладающимъ основательными военными познаніями, но и замѣчательною храбростью. Въ всѣхъ дѣлахъ по 18 сентября включительно, его можно было видѣть въ наиболѣе опасныхъ пунктахъ.

Въ памятный день 9 октября, когда турки овладѣли Криветомъ и смѣжными холмами и при восторженныхъ крикахъ двинулись впередъ по дорогѣ, ведущей въ Шельеговацъ, не встрѣчая сопротивленія, Генералъ Дохтуровъ, вернувшійся наканунѣ съ небольшого сраженія при Зайчарѣ, лично принялъ начальство надъ русскимъ резервнымъ батальономъ, повелъ его въ штыки противъ турокъ и прогналъ непріятеля съ горы, лежащей противъ Кривета. Въ этой битвѣ Дмитрій Петровичъ проявилъ замѣчательную храбрость и хладнокровіе подъ непрерывнымъ огнемъ и спасъ армію отъ рѣшительнаго пораженія.

Разсказываютъ, что въ битвѣ при Джунисеѣ онъ подвергался страшному турецкому огню, какъ будто, по словамъ очевидцевъ, у него было 10 жизней вмѣсто одной.

Въ настоящее время Дмитрій Петровичъ, по причинѣ приостановившихся военныхъ событій въ Сербіи, вернулся въ Петербургъ. На дняхъ въ Русскомъ Инвалидѣ напечатано: *опредѣляется въ службу*, по генеральному штабу: уволенный изъ полковниковъ, состоявшихъ по сему штабу, генералъ-майоромъ, Дохтуровъ—въ генеральный штабъ, съ зачисленіемъ по оному, прежнимъ чиномъ полковника и съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго дѣйствующею арміею.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Трудный выборъ. (Картина Грютцнера).

Фрейлейнъ Амалія попала въ затруднительное положеніе. Передъ нею два кавалера. Красивый живописецъ, веселый мужчина, съ бѣлыми изящными руками и карими глубокими глазами... Такого она едва-ли не въ первый разъ видитъ. Какъ галстукъ повязанъ у него благородно и какъ къ лицу ему брахатный пиджакъ! Право, онъ походитъ на странствующаго принца, а къ принцамъ вообще Фрейлейнъ Амалія питала особенное расположеніе съ того приснопамятнаго дня, когда высокооставленное лицо привѣтливо ей улыбнулось. А другой—сгерь Фридель? Тоже вѣдь статный мужчина, картинка, да и парень умный, дѣльный, только—онъ «свой человѣкъ», а потому и не имѣеть такого обаянія, какъ «чужой» красивый художникъ.

*) Въ тѣ времена основу войска составляли *служилые люди*, т. е. дворяне и дѣти боярскія, получавшія за свою службу помѣстья, съ которыхъ они должны были содержать себя и являться по призыву государя конны, пѣшие и оруженны. Обязательство это исполнялось или съ трудомъ, потому что крестьяне постоянно уходили отъ нихъ на земли болѣе богатыхъ помѣщиковъ.

**) До насъ дошелъ только позднѣйшій указъ 1597 года о всеобщемъ прикрѣпленіи крестьянъ.

— Н-да, все это такъ, размышляла Амалія,—но вѣдь Фридель не блестящій метеоръ, онъ не улечитися, ну, а тотъ, что въ бархатѣ, пожалуй, исчезнетъ, потомъ и не увидишь никогда. У егеря Фриделя въ сосѣднемъ приходѣ славный домикъ съ дворомъ... Молодой жень есть гдѣ развернуться, похозяйничать!

Вотъ, они ей предлагаютъ цвѣточки: живописецъ приподноситъ великолѣпную гвоздику, Фридель—розовый бутонъ и тоже гвоздику. Кого-же утѣшить? Какой *трудный выборъ!*

Дворъ палатцо Векіо во Флоренціи.

Флоренція лежитъ въ плодородной предестной равнинѣ по обѣимъ берегамъ рѣки Арно. Главная часть города, отстроенная на правомъ берегу, поражаетъ не столько оригинальностью зданій своихъ (какъ напр. другіе итальянскіе города—Венеція, Болонья и Генуя), сколько грандіозностью историческихъ и художественныхъ своихъ памятниковъ. Въ этомъ отношеніи только Римъ можетъ поспорить съ Флоренціей. Куда ни взглянешь—всюду видишь мраморные дворцы, бронзовыя статуи, колонны, фрески.

Вотъ, дворъ палатцо Векіо. Съ этимъ дворцомъ связано

столько событий, что можно было бы написать о нем цѣлую книгу. Палаццо Веккио—дворецъ, похожий на замокъ, строгой архитектуры, является памятникомъ борьбы за гражданскую свободу. Постройка его началась въ 1298 г. подъ руководствомъ Арнольфо ди Камбио. Зданіе это служило мѣстопребываніемъ законодательной и исполнительной власти Синоріи. Преступный дворецъ, въ видѣ правильного четырехугольника, неоднократно подвергался перестройкѣ. Въ башнѣ этого палаццо виситъ четыре колокола и тамъ же помѣщены городскіе часы. Палаццо Веккио—колыбель возрожденія итальянскаго искусства: тутъ оно открыло и развилось, достигло того баснословнаго великолѣпія, которое и теперь поражаетъ міръ. Начало возрожденія водчества положилъ здѣсь Арнольфо ди Лапо; послѣдователи его были Джотто и Брунеллески, расцвѣтившіе широкій путь Микель Анджело и Сансовино.—Дворъ палаццо Веккио самый грандіозный изъ всѣхъ дворцовыхъ дворцовъ въ Италіи. Колонны, окружающія его, украшены фресками удивительной работы, а статуи—произведенія лучшихъ мастеровъ эпохи возрожденія. Передъ дворцомъ, съ свѣршной стороны, стоитъ бронзовый левъ, работы скульптура Папи. Посрединѣ двора—фонтанъ съ порфирной чашей (по рисунку Вазари), надъ которымъ потрудились Тацца; бронзовый геній съ дельфиномъ—созданіе Андреа Верракио. Залы палаццо украшены картинами и скульптурными

произведеніями великихъ художниковъ—Леонардо да Винчи, Микель Анджело, Лигоцци, Чиголи и др.

ПОЧТОВЫЕ ЯЩИКЪ.

1) Петербургъ, Д. С. Н.—му. Повѣсть Княжна Острожская окончится печатаніемъ въ № 51 или 52.
2) Ивановъ Вознесенскъ. С. Г. Изъ присланнаго вами стихотворенія выписываемъ слѣдующіе строки: „Но мнѣ назначенъ рокъ судьбою

Тернисть и труденъ онъ,
Когда усну, и лягу я съ тобою
Тогда лишь, найду себѣ споконъ“.

Понятно, что автору такихъ стиховъ нечего говорить о правилахъ стихосложенія и грамматики и остается пожелать спокойной ночи.

3) Духовщина. М. П. Къ сожалѣнію, не можемъ вамъ дать благопріятнаго отвѣта.
4) Москва. А. П. Аст—вой. Фантазія „Подъ мракомъ ночи“ не будетъ напечатана.
5) Иркут. губ. фарф. заводъ Б.—ому. Неудобно. На новыя предложенія не можемъ согласиться по отсутствію матеріаловъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Наши деньги (съ 2-ми рисунками). М. Стр.—Изъ Гейне (стихотвореніе). Б. В. Н.—Его Императорское Высочество, Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, Главнокомандующій дѣйствующей арміи (съ портретомъ).—Княжна Острожская. Историческая повѣсть В. С. Соловьева. Часть 2-я. (Продолженіе).—Избраніе Бориса Годунова (съ рисункомъ).—Д. П. Доктуровъ (съ портретомъ).—Трудный выборъ (съ рисункомъ).—Дворъ палаццо Веккио во Флоренціи (съ рисункомъ).—Шахматная задача. Почтовый ящикъ.—Объявленія.—Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за ДЕНАБРЬ съ 44 рисунками и большой листъ выкроекъ въ натуральную величину съ 30 чертежами.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХЪЕВЪ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1877 ГОДУ

иллюстрированнаго журнала

„МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ“.

„МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ“—журналъ моды, литературы и общественной жизни, будетъ выходить, какъ въ прежніе годы, два раза въ мѣсяцъ, съ приложеніемъ раскрашенныхъ модныхъ картинокъ, листовъ съ выкройками и узорами и вырѣзанныхъ изъ бумаги патроновъ новѣйшихъ туалетовъ и верхнихъ одеждъ въ настоящую величину.

Въ теченіе года будетъ дано 48 №№: 24 номера техническихъ, съ великолѣпными иллюстраціями избранныхъ парижскихъ модъ, всѣхъ туалетныхъ аксессуаровъ и женскихъ работъ; 24 литературныхъ приложенія; 24 раскрашенныхъ модныхъ гравюры; 12 литографированныхъ листовъ выкроекъ и узоровъ; 12 вырѣзанныхъ выкроекъ.

Всѣ гравюры „Моднаго Магазина“, какъ раскрашенныя, такъ и политипажныя, будутъ исполняться лучшими парижскими художниками и печататься въ Парижѣ.

Цѣна годовому изданію, съ доставкою и пересылкой 7 руб., безъ доставки и пересылки 5 р. 50 к. За полгода, съ доставкою и пересылкою 4 руб., безъ доставки 8 руб., за границу 8 руб., на полгода 5 руб.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Толмаховъ пер., № 9.
№ 90 Редакторъ-издательница С. Г. МЕЙ.

„ГУСЕЛЬКИ“.

115 комедійныхъ, дѣтскихъ и народныхъ пѣсенъ и прибаутокъ, съ голосами и аккомпаниментомъ фортепiano. Собралъ П. Х. ВЕСЕЛЪ и Е. К. АЛЬБРЕХТЪ. Одобрены совѣтомъ профессоровъ слѣб. консерваторіи какъ „по тщательному выбору пѣсенъ, такъ и вполне музыкальному и правильному аккомпанименту фортепiano“ Цѣна 1 р. сер. Выпущено не менѣе 10 экз. прямо отъ издателя, Е. К. Альбрехта (Слѣб., Большая Подъяческая, домъ № 24), платя въ 75 к. за экземпляръ.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СТРЕКОЗА“.

Подписка на 1877 годъ.

Художественно-юмористическій журналъ „Стрекоза“, выходящій еженедѣльно, заключаетъ въ своей программѣ текущую хронику столицъ, провинціальную лѣтопись, театры, музыку, критику, беллетристику и проч. Въ каждомъ номерѣ, выходящемъ въ форматѣ большаго листа (8 страницъ), на хорошей полукалендарной бумагѣ, бываетъ не менѣе 3-хъ большихъ рисунковъ, посвященныхъ или тѣмъ изъ общественной жизни, или событіямъ и героямъ дня, и отъ 6 до 10 отдѣльныхъ каррикатуръ, смѣловъ, настрокъ въ жанрѣ Леонардо, Буша, Коцеви, и проч. Годичные подписчики на „Стрекозу“ будутъ получать еще въ предстоящемъ году особая безплатная премія, гравированная на камнѣ и печатанная на веленовой бумагѣ. Со временемъ премія эти составятъ одинъ общій каррикатурный „Альбомъ современныя дѣятели“ въ области литературы, науки, искусства и общественной жизни.

Подписка принимается:

Въ конторѣ редакціи, на углу Невскаго проспекта и Михайловской ул., въ зданіи Европейской гостиницы.

Иногородные подписчики благоволятъ присылать деньги по адресу редакціи: Лиговка, д. № 32.

Условія подписки:

въ С.-Петербургѣ:

безъ доставки на годъ . . . 8 р. —
" " на полгода 4 р. 50 к.
съ доставкою на годъ . . . 9 р. —
" " на полгода 5 р. —

въ Москвѣ:

черезъ книжные магазины И. Гр. Соловьева и А. Ф. Живарева,
безъ доставки на годъ . . . 8 р. 75 к.
" " на полгода 5 р. —
съ пересылкою какъ въ Москву, такъ и въ другіе города Россійской имперіи: на годъ 9 р. 50 к., на полгода 5 р. 50 к.

38-й годъ изданія

„НУВЕЛИСТЬ“

на 1877 годъ.

Съ будущаго года „Нувелисть“, вступающая въ свое 38-лѣтнее существованіе, будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ текущемъ году.

„Нувелисть“ будетъ выходить еженеѣдно тетрадями, заключающими въ себѣ: салонныя пѣси известныхъ композиторовъ, новыя любовныя танцы и русскіе романы. Кроме огромнаго количества избранныхъ музыкальныхъ пѣсенъ, подписчики получаютъ премію полную оперу по своему выбору изъ 50 номеровъ.

Подписная цѣна въ годъ 5 рублей.

Съ пересылкою или доставкою 6 рублей.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ музыкальномъ магазинѣ М. Бернарда, Невскій просп., № 10, и въ Москвѣ, у А. Гуткейла, Кузнецкій мостъ, домъ Юнкера.

При этомъ не прилагается для гг. иногородн. подписч. объявленіе отъ книжнаго магазина И. В. Смирнова въ Москвѣ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Д. Н. ВОГДАНОВИЧА,

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, № 46.

ПОКУПАЕТЪ и ПРОДАЕТЪ % бумаги, по порученію на биржѣ.
ПРОДАЕТЪ 5% вынр. билеты I и II займовъ съ разсрочкою платежей, задатокъ отъ 25 руб. на билетъ. Выигрышъ принадлежитъ покупателю.

ВЫДАЕТЪ подъ нихъ ссуду.
СТРАХУЕТЪ по 20 коп. на билетъ, для г-дъ иногородныхъ по 30 коп.; провинціальнымъ кредитнымъ учрежденіямъ дѣлается уступка, по предварительному согласенію.

ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЬГИ и платитъ за нихъ до востребованія 7% на срокъ отъ 7 1/2 до 9% годовыхъ и исполняетъ разнаго рода банкірскія операціи. На отвѣтъ слѣдуетъ прилагать 20 коп. почтовыхъ марками. № 79.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ВЪ 1877 ГОДУ ИЗДАНІЯ

ПОЛИТИКО-ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ

„СОВРЕМЕННОСТЬ“.

Газета „Современность“, вступающая въ седьмой годъ своего существованія, будетъ издаваться по древнему безъ предварительной цензуры три раза въ недѣлю. Въ программу ея входятъ слѣдующіе отдѣлы: I. Передовыя статьи по всѣмъ болѣе важнымъ вопросамъ церковно-общественной и политической жизни. II. Дѣйствія правительства, касающіяся всѣхъ вѣдомствъ. III. Хроника, въ которую войдутъ: заслуживающія довѣрія слухи изъ правительственныхъ сферъ, болѣе важныя и интересные факты изъ церковной и общественной жизни нашей столицы, библиографическія замѣтки, новости научныя, художественныя и т. д. IV. Провинціальныя извѣстія: корреспонденціи и извѣщенія изъ разныхъ газетъ и журналовъ. V. Судебная хроника, и VI. Иностранныя извѣстія, гдѣ съ особенною подробностью будутъ сообщены свѣдѣнія о событіяхъ, совершающихся на Балканскомъ полуостровѣ.

Подписная цѣна на „Современность“ шесть рублей, съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи и шесть рублей 30 коп. съ доставкою на домъ въ Петербургѣ. Подписка на одно первое полугодіе не принимается.

Адресоваться ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, въ РЕДАКЦІЮ ГАЗЕТЫ „СОВРЕМЕННОСТЬ“. (Адресъ редакціи извѣстенъ по газетамъ). Кроме того можно подписываться въ ПЕТЕРБУРГѢ, у книгопродавцевъ: Боряева и Сиракова, въ магазинѣ для иногородныхъ, въ картографическомъ заведеніи Ильина, у издателя Гоцке и др. 2—1

Въ конторѣ редакціи принимаются для напечатанія всякаго рода объявленія.

Сочиненія Д. СТАХЪЕВА:

Наслѣдники. Повѣсть 2 тома 670 стр. цѣна 2 руб.
Встрѣченный городъ. 1 томикъ 115 стр. цѣна 50 коп.
Въ Москвѣ у Соловьева и Живарева, въ Петербургѣ въ конторѣ Нивы и у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ.

Открыта подписка на 1877 годъ

еженеѣдльнаго юмористическаго журнала съ каррикатурами

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ“.

(годъ двѣнадцатый).

Журналъ будетъ выходить по той же программѣ и на прежнихъ условіяхъ, въ количествѣ 52 №№.

Цѣна его: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на годъ 4 р. с., на полгода 2 р. 50 к.; съ пересылкою въ города и доставкою на домъ, на годъ 5 р. с. на полгода 3 р. с.

Подписываться можно и въ всѣхъ болѣе известныхъ книгопродавцевъ обихъ столицъ. Гг. иногородные для болѣе вѣрности благоволятъ адресоваться исключительно въ редакцію журнала „РАЗВЛЕЧЕНІЕ“ въ Москву.

Для избѣжанія перерыва въ доставкѣ журнала, редакція покорнѣе проситъ гг. подписчиковъ заявлять свои требованія заблаговременно.

При переимѣнн адреса прилагается 20 к. с. и прежній печатный адресъ.
1—3 Издатель-редакторъ В. Миллеръ.

НОВАЯ КНИГА:

„ПО КРАЮ ПРОПАСТИ“.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ П. БЛИЖНЕВА.

Этотъ романъ, подъ заглавіемъ „Семейство Свѣжичныхъ“, былъ напечатанъ въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“. Теперь онъ является въ свѣтъ значительно исправленный и дополненный нѣсколькими новыми главами. Цѣна 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 руб. Издается у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ Петербурга, Москвы и Одессы. Складъ изданія въ С.-Петербургѣ, на углу Троицкаго и Графскаго переулковъ, въ книжномъ магазинѣ Александра Игнатьевича Боршнева, куда и проситъ обращаться гг. иногородныхъ. № 88.

НИВА

№ 50

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 13 Декабря 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕНЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 в.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 Р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины Г. Гр. Соловьева, А. Ламъ и А. Жигарева	4 Р. 50 К.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 Р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечка Имперіи	5 Р. 50 К.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Въ виду того, что печатаніе около 18000 адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ составитъ громадный трудъ, непреодолимый въ теченіи короткаго времени, Редакція покорнѣйше проситъ, возбъжаніе просрочки въ высылкѣ журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, возобновить подписку въ возможно скорѣйшемъ времени.

Подписка на 1876 г. продолжается и каждый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1876 г. нумера и премію.

Карль I, князь Румынскій

Если разрѣшеніе восточнаго вопроса невозможно безъ войны съ Турціей, то молодое румынское княжество нейтральнымъ остаться не можетъ, ибо таково географическое положеніе Румыніи, а потому ей предстоитъ, можетъ быть, играть довольно важную роль. Конечно, активное участіе ея въ войнѣ будетъ зависѣть отъ извѣстныхъ обстоятельствъ, т. е. правительство Молдаво-Валахскаго княжества будетъ держаться той-же политики, какой держалось оно въ продолженіи послѣднихъ 20 лѣтъ. Въ политическомъ чутьѣ ему нельзя отказать. Румыніи всегда искала поддержки у той изъ великихъ державъ, которая въ данное время оказывалась наиболее могущественной и вліятельной на востокѣ. Поступать такъ, а не иначе было для Румыніи естественною необходимостью. Какъ только началась сербско-турецкая война—колебаніе въ политикѣ румынскаго правительства стало особенно замѣтно. Сначала Румыніи соблюдала строгій нейтралитетъ, а потомъ почти готова была поднять свой мечъ на защиту Сербіи. Въ послѣднее

Карль I, князь Румынскій. Съ фотогр. рѣзалъ Боярскій.

время тамъ, говорятъ, идутъ военныя приготовленія, хотя князь Гика, вице-президентъ румынскаго сената, отправился зачѣмъ-то въ Лондонъ—можетъ быть, сыграть партію въ шахматы съ графомъ Биконсфильдомъ?... Словомъ сказать—Румыніи себя на умъ; она знаетъ, что дѣлаетъ, знаетъ къ чему стремится. Прежде всего—княжество это добивается самостоятельности; оно желало бы также присоединиться къ «великой конфедераціи» христіанскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ... Отдѣлаться разъ на всегда отъ «турка»—завѣтная мечта и румынъ, и сербовъ, и болгаръ вмѣстѣ съ герцоговинцами и босняками. Осуществятся ли она?...

Князь Карль, основатель наследственной княжеской династіи въ Румыніи, состоящей изъ придунайскихъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, — второй сынъ князя Карла-Антонна Гогенцоллерн-скаго и супруги его принцессы Жозефины Баденской. Князь Карль-Антонъ, находясь въ родствѣ съ прусскимъ королевскимъ домоу, занималъ должность президента министерства въ Пруссіи

(1858—1862 гг.) и, благодаря своим личным достоинствам и заслугам, играл там немаловажную роль. Сыновья такого благородного, энергичного, высокообразованного человека должны были внушать самые лучшие надежды. После того, как граф Фландрский отказался быть князем Румынии—румыны пожелали поставить князем у себя принца Карла, близкого родственника Гогенцолернского Дома. По плебисциту в апреле 1866 г. принцу Карлу предложена была княжеская румынская корона, а в мае месяца того-же года законодательное собрание провозгласило его под именем Карла I наследственным князем Румынии. Принц Карл, прибыв в Бухарест 22-го мая и был встречен с подобающею торжественностью. Восторженному приему много содействовала обаятельная лич-

ность принца, которому пошел тогда 27 годъ, (онъ родился 20 апреля 1830 г.). Первые годы его правления были довольно бурны, благодаря враждѣ партій и вообще внутренней безурядицѣ, влѣвавшей на частую перемену министерства и распущенные палаты. Финансовыя затрудненія особенно тревожили молодого князя (вспомните исторію съ румынскими желѣзными дорогами и г. Струсберга, обличеннаго впоследствии депутатомъ Ласкеромъ), но, не смотря на тяжелыя времена, Карл Румынскій не упалъ духомъ, проявилъ твердость и всегда поступалъ такъ, чтобы не нарушить конституціи. — 15-го ноября 1869 г. онъ вступилъ въ бракъ съ принцессою Елизаветой Видъ (род. въ 1843 г.). Дѣтей у нихъ нѣтъ: единственная дочь княжеской четы умерла въ 1874 г.

СПАССКІЯ ВОРОТА ВЪ МОСКОВСКОМЪ КРЕМЛѢ.

Черезъ Спасскія ворота, такъ сказать, прошла вся исторія древней столицы Русскаго Царства. Они находятся въ восточной стѣнѣ Кремля и обращены лицевою стороною къ лобному мѣсту и Красной площади. Построены они, какъ полагають, на мѣстѣ первой закладки Москвы, при великомъ князѣ Дмитріѣ Иоанновичѣ и служили стрѣльной Кремлевскаго Дѣтинца, имѣя въ стѣнахъ отверстія для лучныхъ, мушкетныхъ и пушечныхъ боевъ. Стрѣльня эта носила названіе Флоровской и Иерусалимской, по имени ближайшихъ тогда къ ней церквей. При Иоаннѣ III она была уже ветха и потому онъ выстроилъ новую. Объ этомъ такъ гласитъ сохранившаяся до сихъ поръ на Спасскихъ воротахъ двойная надпись, съ лицевой стороны латинская, а съ оборотной русская: «Въ лѣто 6997 Божією милостію сдѣлана сія стрѣльня повелѣніемъ Иоанна Васильевича, Государя и Самодержца всея Россіи и Великаго Князя Владимірскаго и Московскаго и Новгородскаго, Псковскаго и Тверскаго, Вятскаго, Оугорскаго, Пермскаго и иныхъ странъ, въ 30 же лѣто государственнаго своего сію башню повелѣлъ построить, а дѣлалъ Петръ Антоній Соларій Медиоланецъ, въ лѣто отъ воплощенія Господня 1491... На верху этой стрѣльни тогда было поставлено изъясненіе всадника, побивающаго копьемъ крылатаго дракона. При Василіѣ III, надъ пролетомъ стрѣльни, т. е. надъ воротами, съ лицевой ихъ стороны, былъ написанъ масляными красками по шпугатуркѣ образъ Спасителя, отъ котораго ворота впоследствии и получили свое теперешнее названіе. Образъ надъ воротами — это древне-принятый обычай. Образъ на Спасскихъ воротахъ представляетъ Спасителя съ предстоящими предъ нимъ на козлыиъ св. Сергіемъ и Варлаамомъ. Въ лѣвой рукѣ Спасителя, евангеліе, раскрытое на словахъ: «рече Господь ко пришедшимъ къ нему иудеямъ: азъ есмь дверь»; правая же рука опущена внизъ, знаменуя благословеніе на всѣхъ проходящихъ подъ воротами. Надъ Спасителемъ 2 паряшіе Ангела: одинъ съ крестомъ голгофскимъ, другой съ тростію и копьемъ. Съ оборотной стороны воротъ (т. е. изъ Кремля) образъ Божіей Матери съ предстоящими ей святителями Петромъ и Алексѣемъ; вверху этой иконы — изображеніе нерукотвореннаго образа. До Михаила Федоровича Флоровская стрѣльня имѣла кровлю шагробразную, низменную, на 4 ската. При немъ, въ 1526 г., выстроена на стрѣльнѣ архитекторомъ англичаниномъ Христофоромъ Головеемъ восьмигранная башня съ пирамидальнымъ шпилемъ, на вершинѣ котораго поставленъ мѣдный вызолоченный двуглавый орелъ. Такимъ образомъ Флоровская стрѣльня соединила въ себѣ и изящный вкусъ и солидную прочность. Представляя образецъ зодчества 15 и 17 вѣковъ, она можетъ быть отнесена къ готическому стилю. Въ 1655 году были поставлены на башнѣ стрѣльни новые громадные часы, бой которыхъ былъ слышенъ будто бы за 10 верстѣ. Когда же появились первые часы на Флоровской стрѣльнѣ, неизвѣстно. Троицкая лѣтопись повѣствуетъ только о первыхъ часахъ у Благовѣщенскаго собора, устроенныхъ въ 1404 году Лазаремъ Сербинкомъ. Вотъ какъ описываетъ ихъ удивляющійся лѣтописецъ: «Сія часникъ наречется часомърые; на всякъ часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, разиѣряя и расчитая часы ночные и дневные, не бо человекъ ударяше, но человеквидно, самозовно и замодвижно, страннолѣпно нѣкако сотворено естъ человекскою хитростію, преимечтано и преуширено». Считали тогда часы дня и ночи отъ восхожденія до захожденія солнца и обратно. Но громадные часы не долго украшали стрѣльню: какой-то злодѣй, вѣроятно суевѣрный врагъ чужеземныхъ введеній, поджегъ деревянную часть часовъ, — и они обрушились, пробивъ своимъ паденіемъ своды башни. Царь даже плакалъ, увидѣвъ разбившіеся часы, которые поправить уже было нельзя. При царевнѣ Софѣ башня возобновлена и въ пролетѣ воротъ устроена, кромѣ створъ, желѣзная рѣшетка, которая поднималась вверхъ во время проѣзда въ ворота. Она существо-

вала почти до 1812 года Петръ I, опасаясь послѣ Нарвской битвы Карла XII, укрѣпилъ Спасскія ворота по правиламъ фортификаціи. При немъ же мастеръ Гарно въ 1705 году передѣлалъ башенные часы на 12-часовой ходъ (т. е. какъ теперь всѣ часы) и устроилъ бой ихъ съ танцами, на манеръ амстердамскихъ. При Аннѣ Иоановнѣ, въ 1737 году, во время сильнаго троицкаго пожара (въ Духовъ день) сгорѣли кровли вокругъ башни, часы и створы воротъ. Образъ Спасителя надъ воротами «вельми опалился», но въ слѣдующемъ году былъ обновленъ и украшенъ жестяною кіотою съ вызолоченой рамой. Часы исправлены при Елизаветѣ Петровнѣ. При Екатеринѣ II, въ 1785 году, сдѣлана къ образу Спасителя новая кіота изъ двойной жести и рѣзная вызолоченная рама. Говорять, что въ 1812 году многіе изъ французовъ пытались достать эту раму, считая ее золотою, но каждый разъ падали. При Александрѣ I Спасскія ворота возобновлены и, кромѣ того, къ нимъ былъ пристроенъ порталъ съ колоннами коринфскаго ордена, что впоследствии было убрано, какъ несоответствующее стилю воротъ. Въ 1821 году, по обѣ лицевыя стороны воротъ выстроены новыя каменные часовни для служенія молебновъ благочестивыми посѣтителями святыхъ Кремля. Постройка самой первой часовни и воротъ относится еще къ XVII столѣтію. Теперешній видъ Спасскихъ воротъ вполне представляетъ приложенный рисунокъ. Въ часовнѣ справа отъ воротъ находится копія съ надворотнаго образа Спасителя, и въ другой часовнѣ—образъ Одигитріи (знач. путешествующей), Смоленской Божіей Матери, привезенной изъ Греціи еще Черниговскимъ княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ († 1198 г.). Нѣтъ башенные часы желѣзные, съ большимъ мѣднымъ цилиндромъ; бой ихъ производится 45 колоколами; играютъ они: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ» и любимый маршъ Петра I.

На страницахъ отечественной исторіи встрѣчаются Спасскія ворота какъ свидѣтели и какъ мѣсто достопамятныхъ событій изъ религіозной, государственной и народной жизни московскаго міра. Черезъ нихъ шли въ Кремль для принятія царскаго вѣнца и помазанія муромъ цари и императоры. Черезъ нихъ внесены въ Кремль многія чудотворныя иконы и мощи святыхъ угодниковъ. У нихъ, у этихъ воротъ, отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ, нѣкогда другъ и совѣтникъ царя Алексѣя Михайловича, гордый и въ самоуничженіи, патріархъ Никонъ. Этими воротами въ 1605 году торжественно, при радостныхъ крикахъ народа, вошелъ въ Кремль Дмитрій Самозванецъ, и этими же воротами, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, московская чернь вытащила обезображенный трупъ его. Черезъ эти ворота совершались разныя триумфальныя и торжественныя шествія, какъ напр., соблюдаемое до Петра I шествіе патріарха въ вербное воскресенье. У этихъ воротъ, по сказанію людей божьихъ, мучень и распять (въ 1734 г.) лжехристосъ Иванъ Тимофѣевъ Сусловъ. Противъ нихъ же, на Лобной площади (нынѣ Красная), повелѣно именнымъ указомъ въ 1686 году совершать казнь надъ преступниками. Осужденный молился съ помоста на образъ Спасителя и, кланяся на всѣ четыре стороны, прощался съ міромъ здѣсь, въ виду Спасскихъ воротъ. Въ этомъ отношеніи они напоминаютъ собою ворота судныя въ Иерусалимѣ, ведущія за городъ къ Голгофѣ, на лобное мѣсто.

При Петрѣ I у Спасскихъ воротъ вывѣшено было объявленіе о переѣзѣ русскаго платья на нѣмецкое съ образцами самаго платья. Тогда же была положена съ раскольниковъ пошла на за проходъ и проѣздъ черезъ ворота.

Много еще можно бы привести достопримѣчательныхъ событій, которыхъ Спасскія ворота были свидѣтелями, но и сказаннаго достаточно, чтобы вывести заключеніе о значеніи Спасскихъ воротъ для русскаго народа.

Н. К.—овъ.

УБОРКА ВИНОГРАДА ВЪ МЕДОКЪ.

(Картинки Ферталя).

Случалось-ли вамъ, читатель, быть хоть однажды въ Медокъ, въ этомъ очаровательномъ уголкѣ Франціи, и именно въ то

время, когда тамѣншій обыватель трудится надъ уборкой драгоценнаго винограда.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрѣть на *мысль*, какъ дѣлается это превосходное красное вино—развѣ не интересно? Виноградная влага миллионъ разъ была воспѣта, и старикъ Беранже говаривалъ:

Хотѣль-бы я вино съ любовью
Мѣшать, чтобъ жизнь была полна:
Но, говорить, вредить здоровью
Избытокъ страсти и вина.
Совѣтамъ мудрости внимая,
Я разсудилъ безъ дальнихъ словъ:
Прощай вино—въ началѣ Мая,
А въ Октябрѣ—прощай любовь!...

Медокъ—предѣльный уголокъ Франціи. Въ наилучшихъ мѣстностяхъ этой счастливой страны большія помѣстья принадлежатъ знатнымъ, богатымъ фамиліямъ, представители которыхъ почти безвѣздно пребываютъ въ Парижѣ, посѣщая лишь на короткое время свои медокскія палестины. «А вѣдь здѣсь, право, отлично!» восклицаютъ они. И дѣйствительно, въ Медокѣ все очень мило. Дороги, напр., такъ хороши, что напоминаютъ аллеи парка. Если-бы не повозки, влекомыя рыжими громадными волами, да не эти виноградники по обѣимъ сторонамъ дороги—можно было бы подумать, что прогуливаешься въ Булонскомъ лѣсу. Да, тутъ встрѣчаются вамъ и изысканныя экипажи, и красивыя кавалькады—длинноношеи амазонки, всадники почти безъ фалды—ну, словомъ, какъ въ Парижѣ! Но пронесется кавалькада, уляжется ниль—и вы видите вдали группы сборщиковъ винограда; до вашего слуха долетаютъ звонкія ибесенки, веселый смѣхъ и даже отдѣльныя слова... Вонъ тамъ, на повозкахъ, громадная кядка, въ которую сваливаютъ виноградъ; ниль уже переполнены, и волю увозятъ ихъ. Не подойти-ли поближе къ рабочимъ?... Сборщики и сборщицы винограда издали напоминаютъ балетныхъ пейзажъ и пейзажокъ, но за то вблизи—увви, ничего «балетнаго» не представляютъ они! Среди работницъ двѣ—три красивыя женщины, а остальные—и стары и некрасивы, да и большинство сборщиковъ подъ пару имъ. Правда, снаружи людъ этотъ непривлекателенъ, но за то—это хороший, честный, трудолюбивый народъ. Одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ говорилъ мнѣ, что всѣ эти рабочіе—люди пришлые, явившіеся сюда издалека для заработка во время виноградной жатвы; ведутъ они себя примѣрно, такъ что даже и «мелкой уголовщины» тутъ ни разу еще не было, не говоря уже о крупномъ преступленіи. Эти труженники «со стороны» здѣсь необходимы, потому что мѣстныхъ рабочихъ рукъ не хватаетъ для уборки винограда. Бѣдняки изъ Бордо и другихъ департаментовъ идутъ сюда, въ Медокъ, какъ на праздникъ: они знаютъ, что тутъ имъ весело будетъ, привольно, и ужъ голодать не придется: дадутъ и мяса, и вина—ѣшь, пей, работай! Работай, пей и ѣшь! А по вечерамъ—то? Заиграетъ дудочка, заанимаютъ скринки и пошла танцы—пляски! Парабатаются, патапцуются и спать—на ду-

Ягоду отдѣляютъ отъ стебельковъ.

шстое. свѣжее сѣно,—лучшей постели и не надо!—Такая хорошая жизнь продолжается дней десять. Работа кончена, и пришлый людъ, сытый, довольный, съ деньженками въ карманѣ, возвращается восвояси. А плата имъ такая: мужчина получаетъ за день работы 2 франка, женщина *одни* франкъ, дѣти тоже по франку. Значитъ, женщина немножко обижена!

Одинъ франтъ въ Медокѣ говорилъ мнѣ:

— Какія эти сборщицы винограда уроды! Понимаешь, ни одной хар-рошенькой пейзажки!... Ну, и эти «давилышки» винограда... Гм... неприятно!... Если-бы я могъ, реформировать самое производство вина... Тогда *топтать* виноградъ стали-бы хорошенькія ножки, а не мужичьи, какъ теперь. Талера можно-бы нанять, пусть себѣ играетъ, а онъ подъ музыку отпаясывали-бы голыми ножками по винограду...

Но пойдемъ за одной изъ повозокъ съ виноградомъ, которая медленно катится по дорогѣ къ «давилнѣ», гдѣ стоятъ тиски. Вотъ повозка въѣзжаетъ во дворъ шато (замка), гдѣ объемистые чаны, какъ солдаты, выстроены уже рядами. Рабочіе въ простыхъ рубахахъ и штанахъ, засученныхъ выше колѣна (ноги у нихъ выкрашены краснымъ винограднымъ сокомъ) принимаютъ одну повозку за другою, вырѣбаютъ виноградъ изъ кядокъ или корзинъ и бросаютъ его въ тиски. Это люди рослые, дюжие молодцы—горцы, съ здоровенными икрами, выпачканными давленными виноградомъ. — Виноградныя кисти прежде всего попадаютъ въ особыя машины, служащія для отдѣленія ягодъ отъ стебельковъ. Эти машины ставятся на время среди «давилни». Когда ягоды очищены и уже лежатъ внизу, у ногъ рабочихъ, скривачъ ударяетъ смычкомъ по струнамъ своего инструмента и—въ «давилнѣ» начинается пляска. Дюжина сильныхъ танцоровъ, выдѣлывая разные хитрые пѣ, быстро кружится по виноградной кашѣ. Темная, мутная влага обильно стекаетъ по жолобамъ въ приставленные къ нимъ кадки...

Хочется отвернуться, не смотрѣть... но, говорятъ, такъ велось испоконвѣвъ—и люди пили и будутъ пить сокъ, выдавленный такимъ *веселымъ образомъ*!... Утѣшаютъ еще тѣмъ, что впоследствии сокъ этотъ броженіемъ *совершенно* очищается... Ну, конечно, развѣ Шато-Марго было-бы такъ прозрачно, еслибы оно не было очищено броженіемъ?... Да здравствуетъ броженіе!

Когда виноградъ какъ сѣдуетъ *протамновать*, и сокъ сбжалъ въ чаны, то туда-же бросаютъ и всю мякоть, оставшуюся на рѣшетѣ. Чанъ, вмѣщающій обыкновенно двѣнадцать бочекъ закрываютъ герметически и уже дальнѣйшее предоставляютъ «высшей химіи» — химіи Бахуса, который и дѣлаетъ свое дѣло. Виноградный сокъ бурлитъ, кипитъ, бродитъ въ чанѣ, «букетъ» концентрируется, причѣмъ выдѣляется спиртъ. Необходимо наблюдать, чтобы сокъ, слитый въ бочки, доверху наполнял

ихъ, иначе вино будетъ киснуть. Въ продолженіи двухъ лѣтъ приходится постоянно доливать бочки; на третій вино уже годно къ потребленію.

Щ.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть В. С. Соловьева.

Часть вторая.

(Продолженіе).

Гальшка не казалась пораженной, услышавъ это—она только тихо проговорила:

— Но, графъ, я все же ничего не понимаю... гдѣ моя мать теперь? когда она пріѣдетъ? Если она прикажетъ мнѣ, я сказала ужъ, что не ослушаюсь ея воли... А до тѣхъ поръ я прошу васъ, графъ, меня оставить. Я не могу говорить съ вами, я не буду васъ видѣть до ея пріѣзда.

Гурко не смутился.

— Я снова прошу позволенія докончить, сказала княгиня хотѣла ѣхать за вами, но король удержалъ ее при себѣ. Мнѣ кажется онъ былъ правъ, полагая, что дорогой она снова поддастся убѣжденіямъ своего духовника, этого итальянца-іезуита, который возбуждаетъ въ ней такую... печальную ненависть ко

всему некатолическому. Княгиня уже не разъ доказывала королю, что отъ нея можно ожидать самыхъ быстрыхъ и непредвидѣнныхъ поступковъ. Однимъ словомъ—было рѣшено такъ: княгиня останется во дворцѣ, а я поѣду за вами. Но для того, чтобы вамъ не было неловко и неприлично со мной ѣхать, насъ должны немедленно обвинять тутъ же, у васъ въ домѣ (вѣдь лютеранское вѣнчаніе не требуетъ церкви и очень просто, а пастора я привезъ съ собою изъ Кракова). Такимъ образомъ мы явимся къ королю и княгинѣ уже мужемъ и женою...

Гурко и Зося впились глазами въ Гальшку. Что она скажетъ?!

Она вздрогнула и еще больше поблѣднѣла. «Что же это? мучительно подумала она. Неужели ужъ пришло

время, и теперь, сейчас ее будут приносить в жертву. Или все это обман безбожный и разставленный ей сѣти?!"

Она собрала все свои силы и дрожащимъ голосомъ сказала:

— Графъ, я не хочу сомнѣваться въ истинѣ словъ вашихъ; но все, что вы говорите, такъ неожиданно, такъ странно, что я не могу рѣшиться. Безъ самыхъ

лицъ Гурки. Зося притаила дыханіе и то блѣднѣла, то краснѣла. Приближалась роковая минута—сейчасъ все должно рѣшиться...

— Конечно, вы можете мнѣ не вѣрить, княгиня, съ достоинствомъ сказала Гурко. Вашъ отвѣтъ предвидѣлъ и я, и Беата Андреевна, и самъ король. Я просилъ вашу матушку дать мнѣ въ руки именно такое доказательство, чтобъ вы никакъ ужъ не могли сомнѣваться.

УБОРКА ВИНОГРАДА ВЪ МЕДОКЪ.

— Ну, подбавь, подсыпь еще! Ничего, сташу... Сегодня вечеромъ со мною первый танецъ... Да?

Дама. — Ну, какъ дѣло идетъ, Пьеръ?

Работ. — Вздано! Ягода нынче такая чудесная, что и сказать невозможно... Первое дѣло — нога, значить, чувствовать, какая подъ ней ягода. Да ислести присемя туда-съ... Сами увидите!...

— Ну, эти давящички винограда — гм... Непріятно.

— А? Вѣдь это прелестно! Топтать винограды будутъ подъ фортепiano хорошенькія ножки а не мужичьи, какъ теперь!...

вѣрныхъ доказательствъ, что такова именно голя матушки, я ни за что не выйду замужъ ни за васъ, ни за кого другого.. Если вы мнѣ даже письмо ея покажете—я и ему не повѣрю. Мнѣ нужно слышать этотъ приказъ изъ устъ ея или имѣть такое доказательство, которое подозрѣвать невозможно. Простите меня—но иначе говорить и поступать я не въ правѣ..

Выраженіе нескрываемаго торжества изобразилось на

И она дала мнѣ его...

Онъ протянулъ Гальшкѣ какой-то маленькій предметъ. Она взяла его, взглянула и слабо вскрикнула.

Это былъ завѣтный, старинный перстень ея матери.

Ей ли не признать его. Она помнила его еще маленькой дѣвочкой, сидя на колыбеляхъ у княгини, она любовалась этимъ перстнемъ. Потому мать не разъ рассказывала ей о его происхожденіи. Онъ былъ вывезенъ

Спасскія ворота въ Московскомъ Кремлѣ. Рис. Гильдебрандтъ, грав. Таронъ.

изъ турецкой земли какимъ-то ихъ предкомъ. Тамъ онъ считался талисманомъ, мусульмане думали, что въ немъ заключены сверхъестественныя чары. Кругомъ, на золотѣ, мелко были вырѣзаны непонятные знаки. По срединѣ былъ вдѣланъ большой камень, которому никто не зналъ названія. Это былъ чудный камень—онъ постоянно измѣнялъ цвѣтъ свой и казался то голубымъ, то розовымъ, то зеленымъ. Если человѣкъ, носившій его, былъ здоровъ, то камень свѣтился яснымъ, веселымъ блескомъ; коли человѣкъ заболѣвалъ — камень тотчасъ же тускнѣлъ и дѣлался темнымъ. Княгиня Беата необыкновенно дорожила имъ и всегда его носила. Гальшка не могла ее себѣ иначе представить, какъ съ этимъ кольцомъ на пальцѣ.

Бывало, давно ужь, въ Острогѣ, Беата говаривала Гальшкѣ: „Когда я умру, мнѣ кажется, въ этомъ кольцѣ я оставляю тебѣ частицу меня самой—оно будетъ говорить съ тобою обо мнѣ, передавать тебѣ мои мысли“.

Гальшка понимала и чувствовала, что теперь она уже никакъ не можетъ сомнѣваться. Это кольцо Гурко могъ получить только изъ рукъ ея матери, только это кольцо и могла прислать княгиня какъ неопровержимое, хорошо извѣстное дочери доказательство своего участія въ дѣлѣ.

Вѣдная Гальшка еще разъ взглянула на перстень. Онъ показался ей чѣмъ-то живымъ и страшнымъ. Таинственный камень былъ темень и мраченъ, слабо свѣтился синева-зеленымъ цвѣтомъ.

И такъ рѣшено! Она должна сдѣлаться женою этого чуждаго ей, производившаго всегда на нее такое томительное, неприятное впечатлѣнiе, человѣка.. Женою!.. Какая жестокая, послѣдняя насмѣшка надъ ея положенiемъ.. Но вѣдь все равно, вѣдь мать не оставитъ ее въ покоѣ, вѣдь рано или поздно, сегодня ли, черезъ двѣ ли недѣли, черезъ мѣсяць, а должно это случиться. Не онъ-такъ другой!.. У этого Гурки такое злое лицо—онъ не можетъ быть добрымъ, хорошимъ человѣкомъ!.. Вѣроятно ее ожидаютъ новыя муки!.. Да развѣ бракъ ужь самъ по себѣ не будетъ для нея жесточайшей, невыносимой мукой!.. Авось она не выдержитъ этого, авось Богъ скажется надъ нею и скорѣе пошлетъ смерть!.. Пусть же будетъ, чего они желаютъ!..

— Этотъ перстень для меня достаточное доказательство, сказала она Гуркѣ слабымъ голосомъ. — Я знаю, что его нельзя поддѣлать и что моя мать должна была послать именно его, чтобъ убѣдить меня!.. Я поклялась ей исполнить ея волю — теперь дѣлайте, что хотите. Но прежде, чѣмъ вы станете моимъ мужемъ, вы должны узнать, кого вы за себя берете. Садитесь и выслушайте меня, графъ..

И она сама сѣла, такъ какъ ноги отказывались держать ее.

— Но только одно—мы не можемъ терять времени, замѣтилъ Гурко, боявшійся, что ктонибудь или чтонибудь помѣшаетъ исполненiю его намѣренiя теперь, когда все устроилось такъ скоро и безъ всякихъ затрудненiй. Пасторъ и два моихъ свидѣтеля здѣсь, со мною, а послѣ вѣнчанья мы сейчасъ же и отправимся въ Краковъ. Экипажъ приготовленъ и, если вамъ угодно, васъ будетъ сопровождать панна Зося!..

— Ахъ, не бойтесь — я не задержу васъ, но я непременно должна сказать вамъ два слова!..

Гурко приготовился почтительно слушать.

— Здѣсь почти всѣ называютъ меня княжною, начала Гальшка, задыхаясь и едва выговаривая слова. Но вѣдь вы должны знать, что я вдова князя Сангушки. Моего мужа убили на моихъ глазахъ, мнѣ не дали умереть съ нимъ, связали мнѣ руки и полумертвую привезли къ матери. Я жива, но во мнѣ все умерло—знайте это!.. Жизнь мнѣ несносна, и люди несносны—мнѣ бы умереть только — вотъ все, чего я желаю. Посмотрите на меня — развѣ я гошусь вамъ въ жепы: я

больна, слаба, со мной вѣдь тяжело жить—я иногда по цѣлымъ днямъ не въ силахъ сказать слова!.. Мнѣ нечего говорить вамъ, что я не люблю васъ — вы это и такъ, я думаю, видите. Но знайте, что никогда, никогда я и не полюблю васъ, ни васъ, никого на свѣтѣ. Если въ васъ есть хоть капля жалости—вы откажетесь отъ меня и оставите меня въ покоѣ!.. Если у васъ нѣтъ ни сердца, ни совѣсти — берите меня и замучьте меня скорѣе!..

Она зарыдала!.. она кажется умерла бы на мѣстѣ, еслибъ не вылились эти слезы, которыя ее душили. Зося бросилась къ ней и обняла ее. Она сама дрожала и плакала. Она не въ силахъ была смотрѣть на несчастную Гальшку. Ей хотѣлось признаться во всемъ, молить себѣ прощенья, выгнать Гурку.

Но развѣ это возможно! А ея собственное горе, ея обида, жажда мести, сосавшая ей сердце!.. Отказаться! и теперь, теперь, когда все готово, все устроено такъ смѣло и ловко!.. Нѣтъ, это невозможно!

И она только плакала и покрывала поцѣлуями холодныя руки Гальшки.

— Успокойтесь, успокойтесь, моя дорогая Елена, вкрадчивымъ голосомъ заговорилъ Гурко. Я не могу отказаться отъ своего счастья!.. Вы теперь нездоровы и все вамъ кажется такъ мрачно. Новая жизнь спасетъ васъ!.. я сдѣлаю все, чтобы успокоить васъ, облегчить вашу недугъ, излечить васъ отъ него!.. вы такъ еще молоды, рано думать о смерти, нужно жить!.. успокойтесь!

— Я спокойна! вдругъ сказала Гальшка, отстранивъ Зосю и вставая.

Лицо у нея помертвѣло, глаза были сухи.

— Берите меня!.. ведите!

Она прощентала это какимъ-то страшнымъ, не своимъ голосомъ.

Гурко бросился къ ней и хотѣлъ обнять ее.

Она отшатнулась.

— Я еще не жена ваша!.. Вы сказали, что пасторъ здѣсь, съ вами, что по вашей религiи можно вѣнчаться безъ всякихъ приготовленiй, дома!.. Такъ зовите его сюда, зовите скорѣе!..

Гурко только этого и желалъ—онъ поспѣшилъ за пасторомъ.

Зося рѣшительно не понимала, что съ нею. Ее била лихорадка, зубы стучали, а неудержимыя слезы такъ и катились.

Гальшка это замѣтила.

— Ты плачешь, моя добрая Зося, сказала она. Тебѣ меня жалко!.. Не жалѣй!.. такъ лучше, все лучше. Развѣ ты не видѣла Гурки!.. да, ты правду говорила когда совѣтовала мнѣ выбрать его въ женихи!.. Онъ въ самомъ дѣлѣ самый лучший женихъ для меня!.. Теперь я вижу, чувствую, что съ нимъ скоро успокоюсь!.. Такъ чего же ты—не плачь, не жалѣй!.. поздравь меня!

Зося закрыла лицо руками и уже громко рыдала.

Гальшка подошла къ ней, обняла ее.

— Не плачь, не плачь, моя дорогая. Пойди, собери скорѣе что нужно для тебя и для меня. Вѣдь мы вмѣстѣ поѣдемъ, сегодня же, скоро!.. Вѣдь ты не оставишь меня, Зося, будешь со мною!.. не оставляй меня!..

Въ это время входилъ Гурко съ пасторомъ и своими двумя свидѣтелями.

Зося взглянула на нихъ страшными, покраснѣвшими отъ слезъ глазами и выбѣжала изъ комнаты.

IX.

Гальшка какъ будто преобразилась. Она не казалась ужь больше подавленной горемъ, безнадежной и безпомощной женщиной. Даже усталости и слабости въ ней не было замѣтно. Это было какое то неестествен-

ное спокойствіе. Если она что нибудь чувствовала, то развѣ только нетерпѣніе, чтобы скорѣе все кончилось, чтобы скорѣе вырваться отсюда и ѣхать — все равно куда, только чтобъ была ночь кругомъ, холодная черная ночь, съ завываніемъ вѣтра и снѣжной вьюгой. Ей отвратительны казались эти комнаты, стѣны ее какъ будто давили.

Только бы скорѣе отсюда!

Пасторъ, человѣкъ очень сдержанный и холодный, всецѣло преданный интересамъ Гурки, поразился, увидя Гальшку. Какъ и всѣ, онъ много слышалъ о красотѣ ея; но онъ не могъ себѣ и представить ничего подобнаго.

Она просто, съ врожденной ей величественной граціей, отвѣтила на его поклонъ и вопросительно взглянула на Гурку. Тотъ взялъ ее за руку и подвелъ къ столу, на которомъ пасторъ уже разложилъ бумагу для подписи и открылъ молитвенникъ.

Пасторъ началъ говорить мѣрнымъ голосомъ, съ заученными удареніями на нѣкоторыхъ словахъ. Гурко набожно склонивъ голову, казалось, внимательно слушала. Но это не мѣшало ему то и дѣло искоса взглядывать на Гальшку. Ему съ трудомъ вѣрилось, что все обошлось такъ благополучно. Онъ ожидалъ сценъ, слезъ, рыданій, боялся, что кто нибудь услышитъ ихъ и станетъ стучаться въ комнаты...

Но ничего этого не случилось—Гальшка только назвала его человѣкомъ безъ сердца и совѣсти, да и то въ такой приличной формѣ, что ему нечего было обижаться. Она сама торопила вѣнчанье, она такъ спокойна, такъ удивительно спокойна... И какъ хороша она! Нѣтъ, онъ до сихъ поръ, значитъ, еще не разглядѣлъ ее какъ слѣдуетъ. Ему казалось, что она подурнѣла послѣ болѣзни. Правда она очень худа и страшно блѣдна... но что это за чудная мраморная блѣдность, какъ къ ней идетъ это величавое спокойствіе и полное равнодушіе ко всему, которое такъ и бросается въ ней въ глаза съ перваго разу!..

Нѣтъ, изъ нея выйдетъ отличная жена.. О! онъ съумѣетъ заставить ее отказаться отъ всякихъ причудъ и капризовъ... Только бы ему вступить во всѣ права, такъ или иначе закрѣпить за собою ея огромное приданое. Она нездорова теперь; но это пройдетъ — она столько вынесла, у нея, должно быть, желѣзное здоровье. Онъ въ первое время будетъ заботиться объ ней... онъ заставитъ ее часто бывать при дворѣ... Съ такою женой можно многое сдѣлать: всѣ будутъ ему завидовать; для того, чтобъ онъ сквозь пальцы смотрѣлъ какъ у нея цѣлуютъ ручку, всѣ вліятельные люди станутъ исполнять всякое его желаніе. „Чтожь — пускай увиваются, пускай цѣлуютъ ручки — съ такой женой это неопасно: въ этомъ отношеніи, кажется, на нее можно положиться... А король-то, король — старый волокита—какъ увидитъ, такъ сейчасъ и обезумѣетъ... Да, за то только, чтобъ поглядѣть ей въ глаза, онъ готовъ будетъ всю Польшу отдать мнѣ въ аренду!.. Только отчего она такъ спокойна? это даже неестественно... А вдругъ она что нибудь замышляетъ?.. Но чтоже?! Вѣдь вотъ, минутъ черезъ пять, она станетъ моею законной женою и я ни на минуту не отпущу ее отъ себя... мы сейчасъ же уѣдемъ... Нѣтъ, мнѣ нечего бояться...“

Пасторъ продолжалъ говорить. Онъ перешелъ въ декламацию и съ театральными жестами обращался къ жениху и невѣстѣ.

Гальшка не слышала ни одного слова изъ того, что говорилъ онъ. Какъ ни велико было оцѣпленіе, въ которое она погружилась; по все же невольно припомнилось ей ея первое вѣнчанье, въ маленькой деревенской церкви, въ ясный душистый лѣтній вечеръ.

Вѣдь это было такъ еще недавно; но казалось ей такъ страшно давно, такъ безконечно далеко. Невыно-

симая боль и тоска заключались для нея въ этомъ воспоминаніи; но она не заплакала, не убѣжала въ ужасѣ и гнѣвѣ отъ этого отвратительнаго жениха, отъ декламирующаго и воздѣввающаго къ потолку руки пастора. Она продолжала стоять неподвижно, опустивъ голову и стиснувъ зубы.

На нее находило какое-то забвеніе, какой-то свинцовый сонъ охватилъ ея сердце.

Ей все продолжала мерещиться старая деревенская церковь. Но она не видѣла возлѣ себя любимаго, дорогого князя, не слышала за собою тяжелаго дыханія Галынскаго, не чувствовала надъ головой своей вѣнца, по временамъ вздрагивавшаго въ рукѣ Ееди. Не видѣла она и добродушнаго грубаго лица старика священника... Ей видѣлось только одно, видѣлось ясно, ясно, какъ будто бы это было теперь въ дѣйствительности передъ нею—ей видѣлся косою, вечерній лучъ солнца, перерѣзавшій пополамъ всю маленькую церковь и поднявшій столбъ безчисленныхъ пылинокъ... Пылинки сверкали, искрились и метались въ непрерывномъ движеніи.

Зачѣмъ это теперь такъ живо, такъ ясно вспомнилось? Зачѣмъ она такъ жадно слѣдитъ за игрою этихъ воображаемыхъ пылинокъ, какъ будто во всемъ мучительномъ, безконечно тяжеломъ воспоминаніи самое главное—мечущіяся пылинки... Какъ будто можно объ этомъ думать теперь, теперь!!..

Но она не задавала себѣ никакихъ вопросовъ, она просто, въ своей душевной дремотѣ, слѣдила за непрерывнымъ движеніемъ мертвыхъ пылинокъ, озаренныхъ солнцемъ...

Голосъ Гурки вывелъ ее изъ забытья. Вѣнчанье было кончено, пасторъ благословилъ новобрачныхъ и привѣтствовалъ ихъ высокопарной фразой. Все, что требовалось, было исполнено. Гальшка стала законной женой познанскаго воеводы, графа Луки Гурко.

Онъ былъ настолько уменъ, что, почтительно поцѣловавъ у нея руку, не сталъ ее тревожить разговоромъ. Она спросила, скоро ли они должны ѣхать и, получивъ въ отвѣтъ, что это отъ нея зависитъ, пошла въ дальнія свои комнаты поторопить Зосю.

Зося запыхавшись увязывала необходимыя вещи.

Увидя Гальшку и понявъ, что все кончилось, она не постыдилась подойти къ ней и ее поздравить. Она смущенно наклонилась надъ ящичкомъ, въ которомъ разбиралась.

— Поторопись, Зося, пора ѣхать; да что-жь ты одна, позови же кого нибудь помочь тебѣ, спокойнымъ голосомъ выговорила Гальшка и прошла въ маленькую комнату, гдѣ находилась ея образная.

Нѣсколько лампадъ горѣли передъ образами въ богатыхъ ризахъ, осыпанныхъ дорогими камнями.

Гальшка упала на колѣни и наконецъ зарыдала, горько и отчаянно...

Она не слышала какъ въ сосѣдней комнатѣ Гурко говорилъ Зосѣ:

— Нужно торопиться... мнѣ и во время вѣнчанья послышалось, что кто-то громко кричалъ въ дальнихъ комнатахъ и стучался... теперь опять стукъ... слышишь... можетъ быть, что нибудь случилось въ домѣ... Мѣшкать невозможно.

Зося поблѣднѣла. Она бросила свою работу и почти неслышно пробѣжала рядъ комнатъ.

— Да, стучатся.

Она чутко прислушалась къ голосамъ, говорившимъ у двери.

— Не слышитъ никто, да и полно! сказалъ мужской голосъ.—Доложи княгинѣ, что княжна еще въ сумерки приказала запереть эти двери... теперь она должно быть съ панной Зосей въ спальнѣ, можетъ снять объ, такъ гдѣ имъ услышать...

Отъ дверей отошли. Все смолкло.

У Зоси отъ ужаса подкашивались ноги. Она едва добѣжала до комнаты, гдѣ былъ Гурко.

— Княгиня, княгиня вернулась! задыхался проговорила она.

Гурко вскочилъ какъ ужаленный. Что теперь дѣлать?

— Что-жь ты, что-жь ты—продала меня что ли?! заскрежеталъ онъ на Зосю, сжимая кулаки и багровѣя отъ гнѣва.

Зося даже и вниманія на это не обратила. Ея мысль дѣятельно работала.

— Еще есть время, поспѣшно заговорила она сообщивъ.—Я слышала—пошли докладывать княгинѣ, что дверь залерта на ключъ. Покуда вернутся, мы еще успѣемъ сойти потайной лѣстницей...

И она бросилась къ Гальшкѣ.

— Пора, пора, все готово, ѣдемъ!

Гальшка поднялась вся въ слезахъ и шатаясь вышла изъ образной.

Зося поспѣшно подала ей мѣховую шубку. Гурко уже ждалъ у двери потайнаго хода.

— Зачѣмъ-же отсюда? удивленно спросила Гальшка. Зачѣмъ тайкомъ, какъ будто я бѣгу изъ дому?!...

Никто не предвидѣлъ подобнаго вопроса.

Гурко на минуту замаялся.

— Зачѣмъ-же терять время, сказалъ онъ.—Всѣ захотятъ прощаться, а ты и такъ утомлена. Выйдемъ скорѣе отсюда и поѣдемъ.

— Но я именно и хочу со всѣми проститься. Я не могу такъ уѣхать...

— Нѣтъ, рѣшительно не къ чему эти пустыя проволочки. Всѣ уже знаютъ въ домѣ, въ чемъ дѣло. Пасторъ еще до вѣнчанья объяснилъ все вашимъ домашнимъ... Ѣдемъ.

— Зося, позови мою мамку—я прощусь хоть съ нею...

Изъ дальнихъ комнатъ раздался сильнѣйшій стукъ въ дверь.

Гурко быстро обхватилъ Гальшку, и готовъ былъ силой увлечь ее въ корридоръ къ лѣстницѣ.

— Что это значить? Что? стучать?!... вотъ трещать двери! вскрикнула она, оттолкнула Гурку и бросилась на встрѣчу поразившимъ ее звукамъ.

Всѣ двери были настежъ. Княгиня входила въ комнату.

— Ты злѣсь! Меня обманули! простонала Гальшка и упала на полъ...

Въ это время Гурко съ пасторомъ и провожатыми былъ ужъ въ корридорѣ. Ихъ догоняла Зося. Они быстро, толкая другъ друга, спустились съ лѣстницы и выбѣжали на дворъ. Въ этой части двора никого не было, но близко раздавались голоса, скрипъ шаговъ по снѣгу. Мелькалъ свѣтъ отъ фонарей, съ которыми ходили люди.

За калиткой Гурку дожидались два крытыхъ рыдвана на полозьяхъ.

Зося подбѣжала къ Гуркѣ.

— Вѣдь я погибла, графъ, если ты меня оставишь... Возьми меня! прошптала она.

Онъ обернулся.

— А! вмѣсто одной жены другую!... Ну, да и та не уйдетъ—вотъ завтра еще увидимъ.. Поѣдемъ, Зося, поѣдемъ, я отъ тебя не отказываюсь.

Онъ посадилъ ее въ рыдванъ, вскочилъ самъ и велѣлъ кучеру скорѣе ѣхать къ своему дому...

Княгиня Беата пришла въ неописанную ярость, когда услышала отъ Гальшки о томъ, что случилось. Не даромъ она поспѣшила домой раньше срока. Чужло недоброе ея сердце. Она даже хотѣла вернуться съ дороги, спохватившись, что забыла дома перстень, съ которымъ никогда не разлучалась. Но потомъ сочла это малодушіемъ. Однако она все время не была спокойна,

да и отецъ Антоніо торопилъ ее... И все-таки они опоздали—опоздали нѣсколькими минутами!

Какое удивительное враждебное стеченіе обстоятельствъ, какой хитрый смѣлый планъ! И кто же, кто устроилъ это ужасное дѣло—дѣвченка, никому не внушавшая подозрѣній, втершаяся въ довѣріе и къ Гальшкѣ, и къ княгинѣ, и къ Антоніо! Счастлива она, что успѣла скрыться; но княгиня найдетъ ее, отдастъ въ руки инквизиціи. Пусть пытаются ее, пусть замучаютъ—нѣтъ такихъ пытокъ, которые были-бы достаточны для этой негодяйки...

Отецъ Антоніо не предавался гнѣву и казался спокойнымъ; но онъ лучше княгини понималъ всю серьезность ихъ общаго положенія. Онъ внутренно проклиналъ себя, онъ презиралъ

себя за свою позорную неосмотрительность. Молодецкая дѣвочка, воспользовавшись случайными, благопріятными обстоятельствами, разбила въ прахъ его долгую, мучительную работу, смѣло и самоувѣренно разстроила его планы!... И онъ не сумѣлъ понять этой дѣвочки, онъ, съ своимъ опытомъ и пониманіемъ людей, забылъ, что страстная, неразборчивая на средства женщина всегда отыщетъ самый дѣйствительный ядъ, чтобы отомстить человѣку, оскорбившему ея чувство и самолюбіе...

Кто отнял у него его умъ и наблюдательность, когда онъ осмѣливался пренебрегать Зосей?! Онъ долженъ былъ знать, что она не проститъ ему своихъ долгихъ и тщетныхъ усилій покорить его сердце. Но онъ поступалъ какъ глупецъ, поступалъ вопреки мудрымъ правиламъ тайныхъ іезуитскихъ наставленій и теперь долженъ нести тяжкую кару. Зося отомстила ему такъ ловко, такъ жестоко, что теперь врядъ ли удастся выпутаться изъ этихъ обстоятельствъ. Княгиня Беата въ

Карль Эрнстъ фонъ Беръ. Рис. Вожанинъ, грав. Боярскій.

Филиппъ II, король испанскій и его дочь. Картина Густава Барча; грав. Эд. Гальбергеръ.

своемъ необдуманномъ гнѣвѣ не видитъ и не понимаетъ, до какой степени серьезно это дѣло.

Взвѣсившая и соображая все, Антонію чувствовала, что онъ самъ готовъ дойти до полного отчаянія. Но онъ все же побѣдилъ свои чувства и рѣшился бороться до конца. А теперь слѣдовало дожидаться, что предприметъ Гурко.

Гурко не заставилъ себя долго ждать. На другой день онъ явился въ сопровожденіи цѣлой толпы своихъ сторонниковъ и единовѣрцевъ къ дому княгини.

Его не впустили.

Тогда онъ послалъ Беатѣ заранее составленное письмо, въ которомъ требовалъ выдачи ему его законной жены, графини Елены Гурко, вопреки всѣмъ правамъ и законамъ задерживаемой ея матерью.

Княгиня возвратила ему письмо и посоветовала удалиться.

Онъ дѣйствительно удалился; но скоро вернулся съ городскими властями. Княгиня должна была принять ихъ, а съ ними вмѣстѣ вошелъ въ домъ и Гурко. Власти объявили, что бракъ графа совершенъ законно, и что, не говоря уже о вѣнчавшемъ пасторѣ, онъ можетъ выставить свидѣтелей, какъ съ своей стороны, такъ и со стороны новобрачной (подразумѣвалась Зося) въ томъ, что здѣсь не было никакого принужденія, а, напротивъ, полное согласіе невѣсты.

Княгиня, подчинившись просьбамъ и совѣтамъ Антонію, сначала старалась говорить сдержанно и хладнокровно. Но скоро она стала раздражаться. На ея обвиненія Гурки въ обманѣ и насиліи, ей отвѣчали, что обманъ не доказанъ, и всѣ свидѣтели въ одинъ голосъ его отрицаютъ. Да, графъ Гурко сознается, что онъ вошелъ въ домъ чрезъ задній дворъ и провѣлъ съ собою настора, но такъ у него было заранее условлено съ невѣстой...

— Ты говоришь это? Повтори! вся поблѣднѣвъ и приближаясь къ Гуркѣ, проговорила княгиня.

— Да, я говорю, что такъ было, спокойно отвѣтилъ онъ.

— Негодай, лжецъ! дико вскрикнула Беата и прежде, чѣмъ кто-нибудь успѣлъ опомниться, изо всей силы ударила Гурку по лицу.

Онъ хотѣлъ на нее броситься, но его окружили со всѣхъ сторонъ и удержали.

— Вы видите, вы видите, въ безсильной ярости и задыхаясь, кричалъ онъ. Вы видите, что это звѣрь, а не женщина! Она помѣшана. Она всячески мучила свою дочь, запирала ее, отказывала всѣмъ женихамъ для того, чтобы силой упрятать ее въ католическій монастырь... Весь городъ, всѣ это знаютъ! Такъ развѣ можно вѣрить ей... Она почти до смерти запугала несчастную и, понятное дѣло, мы должны были обвиняться тайно... Во имя закона и справедливости заставьте ее выдать мнѣ жену мою!...

— Идите всѣ вонъ изъ моего дома, грозно и величественно сказала княгиня. Или вы забываете, кто я, что позволите себѣ такое безчинство. Я не только не отдамъ этому негодюю моей дочери, но и не покажу вамъ ее—она больна. И я посмотрю, кто рѣшится на насиліе, кто сганетъ выламывать мои двери.

— А ты—обратилась она къ Гуркѣ,—ступай и жалуйся королю. Я посмотрю, признаетъ ли онъ твое право. Если онъ самъ пріѣдетъ и потребуетъ ее у меня, чтобы отдать тебѣ, тогда другое дѣло, но иначе ты никогда ее и не увидишь!...

И она удалась, велѣла запереть всѣ двери и оставила почти по всѣмъ комнатамъ вооруженныхъ людей.

Городскія власти не рѣшились дѣйствовать силой, какъ ни упрашивали ихъ Гурко. Онъ въ тотъ же день помчался въ Краковъ, увѣренный, что его огромныя связи и личное расположеніе къ нему короля сдѣлаютъ

свое дѣло. Зося отправилась съ нимъ и ради собственной безопасности, и какъ могущая очень пригодиться свидѣтельница вѣнчанья...

Что же теперь оставалось дѣлать княгинѣ? Она чувствовала, что почва уходитъ у нея подъ ногами. Чѣмъ она согрѣшила, что на нее обрушиваются такія несчастія?! Наученная горькимъ опытомъ, она неотступно слѣдила за дочерью цѣлыхъ полтора года. И все-таки это ни къ чему не привело. Простой, глупый случай обратилъ въ ничто всѣ ея усилія. Она уже вернулась, была дома, въ своей комнатѣ и искала забытый перстень, а въ это самое время, тутъ-же, въ домѣ, обманутая съ помощью перстня, Гальшка вѣнчалась съ Гурко. Къ чему же всѣ усилія, хитрости, строгій, даже жестокий, надзоръ! Второй разъ отнимаютъ у нея дочь самымъ возмутительнымъ, неслышаннымъ образомъ. И ей приходится переживать не одно только горе, а стыдъ, позоръ предъ людьми, дѣлаться живою сказкой во всей Литвѣ и Польшѣ.

Зачѣмъ она рѣдилась ей на мученье, эта Гальшка, зачѣмъ у нея такой непокорный, упрямый характеръ! И прежде всѣ еще завидовали, говорили о томъ, какое счастье имѣть дочь красавицу... О, какъ бы она была счастлива, еслибъ Гальшка была безобразна—тогда ни чего бы не случилось... Но нѣтъ, и не въ красотѣ тутъ дѣло, а въ этомъ проклятомъ характерѣ, въ ненавистномъ вліяніи князя Константина. Боже! была-ли еще на свѣтѣ такая несчастная мать и дочь такая непокорная. Гдѣ это видано, чтобы молоденькая дѣвушка, едва выйдя изъ пеленокъ, ни во что не ставила матери, все дѣлала по своей волѣ, хотѣла распоряжаться своей жизнью на свою погибель?!

И вотъ Беата кончала тѣмъ, что во всемъ обвиняла только одну Гальшку. И она вдругъ почувствовала къ ней страшную злобу, даже почти ненависть.

Да, да, во всемъ виновата Гальшка! Это она нарочно срамить и себя и ее, чтобы причинить ей горе. Гурко сказалъ, что она сама была согласна съ нимъ тайно обвиняться, сама провела его чрезъ темную лѣстницу... Княгиня, возмущенная этимъ, назвала его лжецомъ и негодяемъ и ударила. Но почему она знаетъ—можетъ быть онъ сказалъ правду—дѣйствительно трудно предположить, чтобы безъ ея вѣдома все произошло такъ шито и крыто...

Беата не задумалась явиться съ этими подозрѣніями къ дочери.

Та выслушала ее молча, только взглянула на нее изумленными глазами.

— А! ты молчишь—значитъ это правда! закричала княгиня.

— Правда, если тебѣ нужно, чтобы это было правдой, если ты способна предположить, что это можетъ быть правдой,—упавшимъ голосомъ проговорила Гальшка. Она даже не ужаснулась словамъ матери—казалось, ничто уже не можетъ поразить ее.

— Оставь эти взгляды, эти ни къ чему неведущія хитрости! Говори мнѣ сейчасъ: ты имѣла уговоръ съ Гуркой, ты согласилась на вѣнчаніе, ты обманула меня?—бѣшено, даже съ какимъ-то шипѣньемъ спрашивала княгиня.

— Я ничего не скажу тебѣ, матушка;—я еще вчера все сказала...

— А! ты запираешься! Ну такъ знай же: какъ ни велика твоя хитрость—ты не будешь женой Гурки, ты не уйдешь изъ рукъ моихъ. Я не отдамъ тебя ему, хотя бы вы двадцать разъ были обвинены... слышишь—не отдамъ, хотя бы самъ Господь сошелъ съ неба и приказывалъ мнѣ это... Я отдамъ тебя за перваго встрѣчнаго, за перваго хлопа; но Гуркѣ ты не достанешься... А! тебѣ мало прежняго позору; ты хочешь на весь міръ осрамить родъ свой, ты хочешь свести меня въ могилу! Ты съ семнадцати лѣтъ стала всѣмъ вѣшаться на

шею, заводить любовныя исторіи! Тебѣ ни почемъ бѣгать изъ дому съ каждымъ нахаломъ. Позоръ, позоръ! скоро всё, во всемъ свѣтѣ, будутъ называть княжну Острожскую блудницей! Да вѣрно ужъ и называють! Но довольво, довольво... я не допущу тебя больше глумиться надо мною... я задушю тебя своими руками, если ты еще пикнешь, хоть шагъ сдѣлаешь безъ моего вѣдома...

И Беата разразилась истерическими рыданіями.

Гальшка упорно молчала, стараясь не слышать ужасныхъ, безумныхъ словъ матери. Она только съ отчаяніемъ помышляла о томъ, что видно смерть никогда не скалится надъ нею.

Очнувшись и нѣсколько успокоившись, Беата призвала отца Антонію. Ей бы хотѣлось и его упрекать, и его обвинять въ чемънибудь; но она не посмѣла этого.

Что теперь дѣлать, что онъ ей посоветуетъ?

— Мнѣ кажется, Гурко рассчиталъ вѣрно, сказалъ Антонію. У него при дворѣ большая сила, ему легко будетъ убѣдить короля и выставить все въ благопріятномъ для себя свѣтѣ. Остается одно—постараться предупредить его—пишите сейчасъ же королю—я продикую—и немедленно пошлите гонца въ Краковъ. Нужно будетъ написать еще нѣкоторымъ лицамъ... А куда я бы посоветовалъ вамъ переѣхать изъ дому въ нашъ монастырь... Я уже переговорилъ съ Варшевицкимъ и другими... мнѣ обѣщали дѣятельную поддержку ордена... Наши отцы и въ Краковѣ могутъ очень помочь, да и во всякомъ случаѣ, въ монастырѣ будетъ безопаснѣе... Теперь вы видите, что можно ожидать всего, самаго невѣроятнаго и неожиданнаго...

Не даромъ іезуитъ говорилъ это. Еще одна мысль, одна надежда мелькала въ немъ. Никакія ухищренія не помогли ему совратить Гальшку въ латинство, добровольно заставить ее перемѣнить вѣру и постричься въ монахини, а между тѣмъ это было его единственной цѣлью. Теперь же ужъ и невозможно было дѣйствовать убѣжденіемъ—она не позволитъ ему сказать и слова. Теперь въ случаѣ удачи Гурки, нужно сообща, соединенными усиліями іезуитовъ, уговорить княгиню допустить постриженіе Гальшки...

Пусть насиліе, пусть—но цѣль будетъ достигнута. Гальшка никому не достанется, а орденъ получитъ ея состояніе. Только бы уговорить княгиню, которая до сихъ поръ еще и слышать ничего не хочетъ объ этомъ, желаетъ самымъ блестящимъ образомъ выдать дочь замужъ.

Но въ крайнемъ случаѣ нужно обойтись и безъ согласія княгини. У себя, въ монастырѣ іезуиты съумѣютъ распорядиться. Быть можетъ даже и сама Гальшка, изъ всѣхъ золь, обрушившихся на ея голову, выберетъ католическій монастырь. Не онъ станетъ обясняться съ нею, онъ предоставитъ это другимъ...

И Антонію мучительно задумался о себѣ и о Гальшкѣ. Какая страшная судьба его преслѣдуетъ. Въ послѣдніе два года какое-то проклятіе легло на всѣ его замыслы, на всѣ поступки... Огромная интрига приведена въ дѣйствіе, совершенно не мало рѣшительныхъ дѣлъ, пролито не мало крови. Убитъ Сангушко, отстраненъ князь Константинъ, Беата въ Вильнѣ—ея состояніемъ распоряжаются іезуиты. Но къ чему повело все это—жизнь Гальшки разбита и еще удивительно, какъ выносить она свои страданія. Онъ имѣетъ возможность ежедневно видѣться съ нею, говорить безъ помѣхи. Не было такихъ приемовъ, не было такой хитрости, которую бы онъ не пустилъ въ ходъ съ нею. Не только слабая, измученная и запуганная женщина, а и всякій сильный человѣкъ давно подчинился бы его вліянію, давно былъ бы въ рукахъ его. Но ничего не могъ онъ сдѣлать съ Гальшкой. Всякое оружіе ломается объ ея непреступность. И чѣмъ тяжелѣе ея жизнь, чѣмъ ужаснѣе обстоятельства, чѣмъ невыносимѣе испытанія, тѣмъ

крѣпче и непоколебимѣе ея православіе... За всѣ эти два года онъ добился только одного: прежде она отпоспалась къ нему съ равнодушіемъ, теперь онъ ей страшенъ и ненавистенъ—она видитъ въ немъ не только своего врага, она видитъ въ немъ дьявола.

Вотъ что онъ сдѣлалъ, вотъ что онъ сдѣлалъ со всѣмъ своимъ умомъ и хитростью...

Такъ пусть же теперь конецъ всему—однимъ разомъ нужно разбить этотъ страшный, заматавшійся узелъ. Пусть гибнетъ она, пусть послѣднее, ужаснѣйшее насиліе совершится надъ нею; но онъ все же не отдастъ ея жизни, не отдастъ ее людямъ!

X.

Недавно возникшій, уже совершенно устроенный іезуитскій монастырь въ Вильнѣ, находился вблизи отъ замка епископа. Костель величественной итальянской архитектуры выходилъ на обширную площадь. За костеломъ начинались монастырскія строенія, расположенныя квадратомъ. Снаружи были видны только высокія, крѣпкія каменные стѣны безъ всякихъ признаковъ оконъ и воротъ. Очевиднымъ казалось, что проникнуть въ монастырь можно только черезъ ворота костела.

А между тѣмъ очень часто отецъ іезуитъ, вышедшій утромъ изъ монастыря, вечеромъ оказывался въ своей кельѣ и два сторожа, день и ночь стоявшіе у входа, могли чистосердечно поклясться, что они его не впускали. Это значило только, что для удобства сообщеній и разныхъ предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, іезуиты устроили подземный ходъ въ монастырь, куда проникать можно было съ нѣсколькихъ пунктовъ. Ходъ этотъ тянулся на значительномъ разстояніи и доходилъ до самаго рѣчнаго берега, гдѣ заканчивался небольшимъ отверстіемъ, тщательно скрытымъ въ глухомъ и никѣмъ не посѣщаемомъ оврагѣ. Остальные входы находились въ домахъ, принадлежавшихъ іезуитамъ.

Подземелье имѣло видъ узкаго корридора, выложеннаго камнемъ и заключало въ себѣ множество развѣтвленій. Слѣды его еще недавно находили въ Вильнѣ. Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ это было удобно и не представляло никакой опасности для сохраненія тайны, корридоръ сообщался съ поверхностью земли посредствомъ трубъ, проводившихъ въ него воздухъ и слабые проблески свѣта. По временамъ, на всемъ протяженіи подземелья, въ стѣнахъ попадались желѣзныя, окованныя дверки. Здѣсь помѣщались тоже кельи, но обитать въ нихъ приходилось, разумѣется, не сподвижникамъ ордена. Здѣсь висѣли тяжелыя цѣпи, большая часть которыхъ въ то время еще только ожидала несчастныхъ жертвъ іезуитской таинственной инквизиціи. Но все же нѣкоторыя изъ этихъ страшныхъ подземныхъ темницъ уже были оглашены человѣческими стенами.

Стоило человѣку узнать какую-нибудь тайну ордена или такъ, или иначе показаться опаснымъ виленскимъ отцамъ—его тотчасъ же заочно судили и черезъ нѣсколько дней онъ пропадалъ безслѣдно. Выслѣдивъ его гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ или заманивъ въ монастырь, его схватывали и съ завязанными глазами приводили въ судилище. Когда снимали съ его глазъ повязку, онъ невольно долженъ былъ помертвѣть отъ ужаса—іезуиты, всегда любившіе разные эффекты, постапались сдѣлать изъ своего судилища какое-то подобіе мрачной могилы. Оно помѣщалось подъ землею. Сводчатыя стѣны и полъ—все было черное. За чернымъ столомъ сидѣли судьи, какъ страшныя привидѣнія, скрывая свои лица подъ масками. Украшеніе склепа составляли только человѣческіе черепа да кости. На столѣ лежали цѣпи и орудія пытки. И все это озарялось тусклымъ свѣтомъ черныхъ восковыхъ свѣчей, вставленныхъ въ желѣзные канделябры.

Внутренний вид здания всемирной выставки в Филадельфии.

Угрозами, страхомъ, разнообразными пытками, изъ человѣка выжимали всё свѣдѣнія, какія онъ могъ до- сказать. Ему даже не говорили, въ чемъ его обвиня- ютъ, не давали права защищаться. Онъ долженъ былъ только отвѣчать правдиво на задаваемые ему вопросы. Когда вопросы истощались, желѣзная дверь скрипѣла на своихъ петляхъ; несчастнаго влекли въ подземный корридоръ, приковывали къ стѣнѣ въ душной, малень- кой темницѣ и огромными замками запирали ея двер- цу. Онъ оставался въ спертномъ, удушливомъ воздухѣ, на сыромъ каменномъ полу. Вокругъ него царствовала полнѣйшая темнота; онъ могъ ощущать только холод- ния, мокрая стѣны, могъ слышать только звукъ цѣпей, которыми былъ прикованъ. Его отчаянный вопль и сто- ны гулко оглашали низкій сводъ и замирали въ мерт- вомъ подземельѣ... Проходили долгіе, адекіе часы и

ни кто къ нему не являлся, не приносилъ ему питья и пищи. Проходили еще часы—и къ его душевнымъ му- камъ, къ его ужасу, начинались примѣшиваться стра- данья голода и жажды... Тщетно кричалъ онъ и звалъ къ себѣ на помощь—никто не могъ услышать его, ни- кто не могъ явиться на его зовъ, потому что голодная смерть была единогласно присуждена ему на судилищѣ отцовъ іезуитовъ...

И умиралъ человѣкъ въ лютыхъ мукахъ, и долго еще его семья и родные ожидали его возвращенія и ни- какъ не могли понять, куда это онъ дѣвался. Быть можетъ кто-нибудь изъ нихъ проходилъ надъ его го- ловой, быть можетъ въ глухую ночь, когда стихалъ дневной шумъ и движеніе, можно было слышать изъ глубины земли его тяжкіе, предсмертные стоны.

(Продолженіе будетъ).

Карлъ Эрнстъ фонъ Бэръ

Извѣстный естествоиспытатель, почетный членъ Петербург- ской академіи наукъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, док- торъ Карлъ Эрнстъ фонъ Бэръ скончался въ Дерптѣ, послѣ продолжительной болѣзни, 16-го ноября сего года. Весь ученый міръ встрѣтитъ, конечно, съ глубокою горестью вѣсть о кон- чинѣ этого знаменитаго представителя науки.

Вся жизнь покойнаго была посвящена наукѣ, вся дѣятельность его направлена была на пользу Россіи. Онъ родился 17 февраля 1792 г. въ отцовскомъ помѣстьѣ Пинъ, въ Эстляндіи, посвятилъ себя, будучи еще гимназистомъ въ Ревелѣ, ботаникѣ, изучалъ затѣмъ, съ 1810 по 1814 годъ медицину въ Дерптѣ и зимою 1812—13 годовъ имѣлъ случай пріобрѣсти необходимую практику въ больномъ военномъ лазаретѣ въ Ригѣ. Для дальнѣйшаго своего образованія онъ поѣхалъ въ Германію и въ Вюрцбургѣ зани- мался сравнительною анатоміею. Въ 1817 году Бэръ принялъ мѣсто прозектора и приватъ-доцента въ кенигсбергскомъ музеѣ, описаніе котораго онъ издалъ въ 1822 году. Здѣсь Бэръ защи- щалъ диссертацию объ ископаемыхъ остаткахъ млекопитающихъ въ Пруссіи, которая и доставила ему кафедру зоологіи. Въ 1824 году онъ издалъ лекціи антропологіи; въ 1827 году—письма о яичѣ животныхъ и эмбриологіи человѣка, въ 1828 году началъ издавать сочиненія по развитію животныхъ. Въ 1834 году онъ переселился совсѣмъ въ Петербургъ, будучи избранъ въ званіе академика, въ 1835 г. издалъ свое сочиненіе о развитіи рыбъ. Здѣсь онъ трудился не только какъ академикъ, но какъ членъ географическаго, вольно-экономическаго и другихъ ученыхъ об- ществъ.

Рыболовство Россіи обратило на себя вниманіе Бэра, и въ 1854 году имъ издано было сочиненіе историко-критическаго характера, въ которомъ онъ выставилъ рельефно наши богат- ства рыбою и недостаточность эксплуатаціи ихъ. Имъ изслѣдо- ваны также содержаніе солей въ Балтійскомъ морѣ, вопросъ о различіи береговъ у нашихъ рѣкъ, текущихъ на сѣверъ или на югъ, вопросъ о проходимости сѣверныхъ морей, Новая Зем- ля, Каспійское море, вопросъ о лѣсахъ нашего юга. Бэръ пи- салъ по вопросамъ о ледниковомъ періодѣ, о нефти, о мамонтахъ;

имъ описаны пальмы каспійскаго побережья и разобрано со- чиненіе профессора Мерклина о болѣзни картофеля. Зоологія, сравнительная анатомія, физиологія и антропологія обогащены его трудами; Бэръ признавался всѣми однимъ изъ выдающихся антропологовъ и эмбриологовъ. Извѣстный нашъ путешествен- никъ, П. Н. Миклуха-Маклай, получилъ отъ Бэра программу занятій. На конгрессѣ антропологовъ въ Геттингенѣ въ 1862 г. Бэръ обратилъ на себя вниманіе своими проектами и взгля- дами. Этнографія, исторія, археологія, лингвистика обогащены его трудами. Пятидесятилѣтнею ученою дѣятельностію Бэра, праз- новавшееся въ 1864 году, было ознаменовано между прочимъ учрежденіемъ при академіи наукъ премии его имени, стипен- діи въ дерптскомъ университетѣ и изданіемъ его автобіографіи на суммѣ эстляндскаго дворянства, а также сборника разныхъ рѣчей Бэра. Бэръ трудился до послѣдняго времени, и почти не было мѣсяца, въ которомъ-бы имъ не было представлено какого либо разсужденія. Говорятъ, что послѣ покойнаго осталась мас- са рукописей.

Вѣсть съ академикомъ Гельмерсономъ имъ предпринято было въ 1839 году изданіе на нѣмецкомъ языкѣ сборника матеріа- ловъ для познанія Россіи и прилежащихъ къ ней странъ Азіи.

Земля и ея обитатели составляли великое поле его изслѣдо- ваній, и онъ прилагалъ къ труду своему не только глубокое философское образованіе, но и такія основательнѣйшія свѣдѣ- нія по разнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ, какими не обладали многие великіе умы нашего времени. Великое, обшир- ное, но глубокое знаніе, которое онъ до самаго дня своей смерти неутомимо умножалъ и плодотворно прилагалъ къ дѣлу, наложили на всё его сочиненія монументальный характеръ, который они сохраняютъ и до самыхъ отдаленныхъ временъ. Имя Бэра, пользующееся всемірною извѣстностью, крупными чертами внесено въ книгу науки и ея исторіи. Россія, для ко- торой онъ трудился самоотверженно и съ величайшимъ успѣ- хомъ и изслѣдованіемъ которой особенно интересовался, лиши- лась въ немъ одного изъ своихъ замѣчательнѣйшихъ ревни- телей науки.

Филиппъ II, король Испанскій и дочь его.

(Картина Густава Барча)

Филиппъ II, король Испанскій, умершій въ 1598 году, оставилъ по себѣ весьма печальную память. Это былъ государь ха- рактера мрачнаго, нелюдима, мизантропъ и, пожалуй, такой-же «грозный», какъ и нашъ царь Иванъ IV. При Карлѣ V инквизиція уже проявляла свою дѣятельность достаточно хорошо, но при Филиппѣ II это страшное судилище превра- тилось въ сущій адъ. Филиппъ ставилъ задачею своей жизни достиженіе трехъ цѣлей: увеличенія королевской власти, унич- тоженія ереси (протестантизма) и всѣхъ привилегій и народ- ныхъ правъ. Чтобы достигнуть всего этого, онъ не затруднялся въ выборѣ средствъ, шелъ на проломъ, не обращая вниманія на благосостояніе государства. Во «славу Божию» онъ сжигалъ живьемъ «еретиковъ» цѣлыми сотнями. Эти сожженія (ауто- да-фе) имѣли обыкновенно праздничную торжественную обстановку. Дѣйствуя такимъ образомъ, запугивалъ, устрашая под- данныхъ своихъ, Филиппу удалось уничтожить въ Испаніи *еретическую заразу* и отнять у народа и ту частичку свободы, которою онъ пользовался. Такая политика подорвала благосо- стояніе подвластныхъ ему странъ, только Нидерланды, благода- ря собственной энергіи и мужеству, спасли себя, Филиппъ считалъ Нидерланды покоренною провинціею и довольно часто нарушалъ старинныя права ея жителей, а права эти и приве- деніи были для нихъ очень важны. Такъ, напр., нидерландцы,

имѣя своихъ представителей, могли изъяслять или не изъяслять согласіе на наложеніе новой подати; они пользовались незави- симымъ судомъ—поэтому, понятно, когда Филиппъ водворилъ инквизицію въ Нидерландахъ, сдѣлавъ Мехельнскаго архи- епископа, кардинала Гранвеллу, мѣстнымъ великимъ инквизи- торомъ—нидерландцы вышли изъ терпѣнія и во всемъ Брабантѣ вспыхнуло возстаніе. Испанскій король послалъ туда двуногаго тигра, герцога Альбу, съ порученіемъ какъ слѣдуетъ усмирить мятежниковъ. Альба постарался угодить Филиппу и повелѣ дѣло такъ, что король былъ принужденъ отозвать его. Затѣмъ, управленіе нидерландами было ввѣрено Александру Фарнезе, герцогу Пармскому. Но въ то время религиозная вражда между католиками и протестантами разгоралась все сильнѣе и силь- нѣе. Послѣднихъ поддерживала англійская королева Елизавета, которая даже отравила войско въ Нидерланды, чтобы помѣ- шать успѣхамъ герцога Пармскаго. Казнь Маріи Стюартъ при- вела въ ужасъ и пану, и Филиппа II. Пала прокляты еретичу- королеву, а Филиппъ отправилъ къ берегамъ Англій «великую армаду» (130 военныхъ кораблей), чтобы разомъ покончить съ Англіею и ужь ксати съ безпокойными нидерландами. Но, какъ извѣстно, вся эта «армада» погибла во время бури и это было страшнымъ ударомъ для Испаніи. Нидерланды ожили и, благодаря Моріцу Оранскому, стали энергичнѣе и успѣшнѣе

отстаивать свою независимость. Война эта продолжалась и послѣ смерти Филиппа. Наконецъ, по Вестфальскому миру признана была независимость соединенныхъ штатовъ Голландіи. Филиппъ, процарствовавъ сорокъ два года, оставилъ Испанію въ самомъ плачевномъ состояніи. Сынъ его (отъ первой жены), Донъ Карлосъ, умеръ въ темницахъ инквизиціи. Филиппъ подозрѣвалъ его въ любовной связи съ своею второю женою, Елизаветой. Эта любовь послужила Шиллеру каиною для драмы «Донъ-Карлосъ».

Припомнимъ нѣсколько сценъ:

Короля терзаетъ мысль, что жена его обманула, что она любитъ Донъ-Карлоса... Онъ не можетъ заснуть, а ужъ ночь давно наступила. Одинъ въ своей спальнѣ, полураздѣтый, король стоитъ передъ столомъ, облокотившись рукою на кресло, и говоритъ какъ-бы въ забытыя:

Она всегда мечтательна была—
Въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Я не могъ любви
Внушить ей никогда, а все же... все же—
Кто замѣчалъ, что въ ней она нуждалась?
И такъ, доказано—она коварна.

Подозрѣнія его усиливаются. Онъ становится еще мрачнѣе... У него есть дочь—Клара Евгения, прелестный ребенокъ, но ея-ли эта дочь?... Филиппъ сидитъ въ креслахъ, въ кабинетѣ

своемъ; возлѣ него маленькая инфанта, Клара Евгения.

Нѣтъ! (говоритъ онъ) Это все-же дочь моя. Какъ можетъ Природа лгать съ такою правдой? Эти Лазурные глаза—мои глаза!
Въ ея чертахъ я нахожу себя!
Да, ты дитя моей любви. Я жму Тебя къ груди своей—ты кровь моя!
(Вдругъ останавливается, пораженный мыслью)
Кровь?... Чего-жь могу я худшаго страшиться?
Мои черты—ея черты вѣдь также!

Онъ схватываетъ медальонъ съ портретомъ Донъ-Карлоса и смотритъ то на портретъ, то въ зеркало, стоящее напротивъ; наконецъ, бросаетъ медальонъ на полъ, быстро встаетъ и отталкиваетъ отъ себя инфанту.

— Прочь, прочь! Я въ этой пропасти теряюсь!..
(Донъ-Карлосъ. Трагедія Шиллера. Актъ IV, сцена VII. Перев. М. М. Достоевскаго).

Густавъ Барчъ, вдохновившись этой сценою, нарисовалъ Филиппа вмѣстѣ съ дочерью его. Король уже нахмурилъ брови: онъ только что отвелъ глаза отъ медальона и глядитъ на дѣвочку... Еще нѣсколько мгновений и—медальонъ полетитъ на полъ, Филиппъ вскопитъ съ кресла и оттолкнетъ дочь, воскликнувъ: «Прочь, прочь! Я въ этой пропасти теряюсь...»

ИЗБРАНІЕ БОРИСА ГОДУНОВА НА ЦАРСТВО.

(Олончание).

Русская церковь, по своей отдаленности, уже давно достигла самостоятельности; зависимость ея отъ восточныхъ патріарховъ послѣ покоренія Константинополя турками сдѣлалась чисто внѣшней; духовные соборы достаточно ограждали ее отъ произвола свѣтскихъ властей; но тѣмъ не менѣе русскіе давно желали имѣть особаго патріарха. Учрежденіе патріаршества давало блескъ не только церкви, но и самому государству. Борисъ понималъ, какое важное значеніе можетъ оно имѣть для него самого, если выборъ патріарха окажется удачнымъ. Власть патріарха равнялась власти государя; пышность и торжественность, окружавшая его, должна была обаятельно дѣйствовать на массу, каждое слово его имѣть силу закона, особливо вначалѣ. Нужно было только отыскать человѣка, который, достигнувъ патріаршества, сдѣлался бы послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Бориса, сложили къ ногамъ его всю власть и вліяніе, которыми онъ пользовался. Такимъ человѣкомъ явился бывшій ростовскій архіепископъ Іовъ, заступившій мѣсто московскаго митрополита Діонисія, «благодарный за превеликую милость» и неизреченныя благодѣянія, оказанныя ему Борисомъ Федоровичемъ, еще въ то время, когда онъ былъ смиреннымъ епископомъ коломенскимъ. Борисъ и въ настоящемъ случаѣ не оставилъ своего любимца, лично хлопоталъ за него и велъ переговоры съ византійскимъ патріархомъ Іеремією, пріѣхавшимъ въ то время въ Москву. Изъ трехъ кандидатовъ, представленныхъ царю по древнему обычаю избранія, царь выбралъ Іова. Всѣмъ обязанный Борису, Іовъ готовъ былъ на всякія сдѣлки со своею совѣстью, не гнавшись никакими средствами, когда пришлось послужить Борису. Такъ, въ 1591 году, когда вѣсть о внезапной смерти царевича Дмитрія разнеслась по государству, патріархъ торжественно объявилъ на соборѣ, что «царевичу смерть учинилась Божиимъ судомъ». Не повѣрилъ впервые народъ справедливости словъ патріарха, прямо обвинилъ Бориса въ убійствѣ царевича; не убѣдили его послѣдовавшіе затѣмъ пытки, казни, рѣзанія языковъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ сдѣлался страшный пожаръ въ Москвѣ: выгорѣлъ весь Бѣлый городъ; Годуновъ расточалъ милости и льготы погорѣвшимъ, но москвичи говорили, что онъ нарочно велѣлъ зажечь Москву, чтобы милостями привязать къ себѣ жителей и заста вить ихъ забыть о Дмитріи. Пришелъ ханъ Казы-Гирей подѣ Москву и по Украйнѣ понесся слухъ, что привелъ его Борисъ Федоровичъ «боясь земли за смерть царевича». Черезъ годъ ностъ углицкаго происшествія у царя родилась дочь Феодосія и черезъ годъ умерла. Царь сильно опечалился, приказалъ по монастырямъ, храмамъ и инымъ раздавать милостыню, для чиновъ придворныхъ было назначено *смирное платье* (трауръ) цвѣту темнозеленаго, вишневаго, багроваго, синяго, безъ саженья; патріархъ написалъ царю утѣшительное письмо. Въ Москвѣ толковали, что царскую дочь уморилъ Борисъ Федоровичъ; ему же пришлось народъ бывшую за три года передъ тѣмъ смертью маленькой дочери короля Магнуса. Подставной царь Симеонъ Бекбулаговичъ, жившій въ то время въ большой бѣдности, въ своемъ тверскомъ селѣ Кушалино, ослѣпъ на оба глаза; и въ этомъ обвиняли Бориса. Не было такого злодѣянія, котораго бы народъ по своей ненависти не готовъ былъ приписать правителю. Молчали только тѣ, которые были привязаны къ Борису личными выгодами. Заподозрилъ его Москвичи и въ смерти царя Федора, послѣдовавшей 7 января 1598 года.

На вопросъ патріарха и бояръ: кому царство, насъ спроть и свою царицу приказываешь? умирающій царь отвѣчалъ тихимъ голосомъ: «Во всемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ:

какъ ему угодно, такъ и будетъ; и въ царицѣ моей Богъ воленъ, какъ ей жить, и объ этомъ у насъ уложено».

Едва умеръ царь, всѣ единодушно присягнули Иринѣ. Но тринадцатилѣтняя полумонашеская жизнь съ слабоумнымъ супругомъ, смерть единственнаго, давно желаннаго ребенка, не прошли безслѣдно для Ирины. Она на отрывѣ отказалась отъ престола и заявила о своемъ желаніи постричься. Не соблазнило ее предложеніе Іова и бояръ, чтобы «она была на государствѣ, а править велѣла брату своему Борису Федоровичу» какъ было при покойномъ царѣ. На девятый день по кончинѣ царя Ирина удалась въ Новодѣвичій монастырь и постриглась подъ именемъ Александры. Тогда дьякъ Василій Шелкаловъ вышелъ къ собравшемуся въ кремлѣ народу и требовалъ присяги на имя думы боярской, но народъ завопилъ ему въ отвѣтъ: «не знаемъ ни князей, ни бояръ, знаемъ только царицу». Волей неволей пришлось пока царицѣ править государствомъ; дѣла производились по ея указу; бояре докладывали патріарху о дѣлѣ; патріархъ съ соборомъ и боярами составлялъ приговоръ и писалъ объ исполненіи приговора. Однако всѣ понимали что такое положеніе было временное; монахиня не могла остаться правительницей государства; всѣхъ занималъ вопросъ: кто будетъ избранъ на царство. Іовъ заранѣе заявлялъ, что въ дѣлѣ избранія ему принадлежитъ первый голосъ: «имамъ мы власть—писалъ онъ—какъ Апостольскіе ученики, сошедшіе съ соборомъ, поставявъ своему отечеству пасырга и учителя и царя достойно, кого Богъ избралъ». Догадывались москвичи на кого намекаетъ патріархъ; не по душѣ народу былъ этотъ избранникъ; по прежнему не терпѣли его бояре. Изъ нихъ Романовы и Шуйскіе считали себя болѣе вправѣ занять русскій престолъ, чѣмъ какой нибудь потомокъ татарскаго мурзы; сильно злились они на патріарха и всячески корчили его, но не смѣли открыто заявлять своихъ правъ. Зная, что власть по прежнему остается въ рукахъ Бориса, хотя по видимому патріархъ и царица правятъ государствомъ, они пріѣхали къ полумѣрѣ и предложили Борису избрать его на царство, но съ условіемъ, чтобы онъ избралъ крестъ на грамотѣ, ограничивающей его власть. Не этого желалъ Борисъ; онъ не привыкъ дѣлиться властью и потому скромно удался въ монастырь, увѣренный, что добродетельный ему Іовъ поведетъ дѣло, сообразно его цѣлямъ. Борисъ не ошибся. Патріархъ, сопровождаемый боярами и народомъ, отправился въ Новодѣвичій монастырь просить царицу чтобы она благословила брата на престолъ. Просили и самого Годунова принять царство. Годуновъ отвѣчалъ отказомъ, говорилъ, что пусть радѣетъ и промышляетъ о государствѣ и земскихъ дѣлахъ патріархъ съ боярами, а если и его работа погодится, то, за святая Божія церкви, за одну пядь Московскаго государства, за все православное христіанство и за грудныхъ младенцевъ радъ кровь свою пролить и голову положить. Много разъ послѣ того упрямивалъ Іовъ своего благодѣтеля наединѣ, долго совѣщались они и наконецъ рѣшили отложить дѣло до тѣхъ поръ, пока исполнится сорокъ дней по Федорѣ и соберутся выборники съ городовъ на соборъ для рѣшенія: кого должно возвести на царство. Борисъ рассчитывалъ, что будущіи избранъ вслею земли сядетъ на престолъ единовластнымъ государемъ. Расчетъ былъ вѣренъ. На соборѣ должны были участвовать 474 человѣка; но изъ нихъ большинство составляло духовенство и служилые люди; духовенство не смѣло противрѣчить патріарху; служилые были за Бориса: изъ бояръ, принадлежавшихъ къ думѣ, можно было пригласить тѣхъ, которыхъ за благоразсудитъ царицѣ. Неслужилые составляли меньшинство.

17 февраля, в пятницу перед масленицей соборъ по обычаю собрался въ столовой избѣ. За небольшоимъ четырехъ-угольнымъ столомъ помѣстился патриархъ съ духовенствомъ, нѣкоторыми изъ знатнѣйшихъ членовъ думы и двумя дьяками для записыванія; остальные размѣстились на скамьяхъ около стѣны. Одинъ изъ дьяковъ изложилъ собору по какому дѣлу созвали его. Патриархъ Іовъ заговорилъ первый и просилъ соборъ объявить и дать совѣтъ: кому на великомъ преславномъ государствѣ паремъ быть? Затѣмъ, не дожидаясь отвѣта, объявилъ, что мимо Бориса Ѳеодоровича нечего «искать и хотѣть» иного государя; и повелъ длинную витѣватую рѣчь о правахъ Бориса на престолъ; сообщилъ собору, что покойный царь Иванъ Васильевичъ еще при жизни своей дважды поручалъ Борису Ѳеодоровичу сына своего Ѳедора и царину Ирину. Патриархъ распространился также о мудромъ правленіи, милосердіи и заслугахъ Бориса, чести, какую ему оказывали иностранные государи, сіяніи святой русской церкви и прославленіи имени государя и государыни «отъ моря и до моря, отъ рѣкъ и до конецъ вселенной».

Соборъ единодушно избралъ Бориса Ѳеодоровича на царство. Въ слѣдующіе два дня, въ Успенскомъ соборѣ, по распоряженію патриарха служились торжественные молебны о томъ, чтобы Господь Богъ даровалъ христіанству, по его прошенію, царя Бориса Ѳеодоровича. Въ понедѣльникъ на масленицѣ патриархъ съ духовенствомъ и цѣлою толпою народа отправился въ Новодѣвичій монастырь; кланялись они въ землю Борису Ѳеодоровичу, молили принять царство. Но Годуновъ оставался непреклоненъ и отвѣчалъ: «Какъ прежде я говорилъ, такъ и теперь говорю, не думайте, чтобы я помыслилъ на превысочайшую царскую степень такого великаго и праведнаго царя»...

Москвичи были въ недоумѣніи; Шуйскіе, и за ними другіе бояре начали громко поговаривать, что непристойно просить болѣе Годунова и нужно выбрать другого царя. Патриархъ увидѣлъ, что мѣшкать не слѣдуетъ. На слѣдующій же день 21 февраля двинулся крестный ходъ въ Новодѣвичій монастырь съ иконой Владимірской Божьей Матери. Изъ монастыря при званіи колоколовъ вынесли икону Смоленской Божьей Матери; за иконою вышелъ Годуновъ. Преклонивъ колѣна передъ образомъ Владимірской Богородицы, Борисъ долго лежалъ на землѣ и молился: затѣмъ приложился къ другимъ иконамъ и подоидя къ патриарху, громко сказалъ: «Святѣйшій отецъ, и государь мой Іовъ патриархъ, затѣмъ ты чудотворныя иконы и честныя кресты воздвигнулъ и такой многотрудный подвигъ сдѣлалъ. Растроганный патриархъ отвѣчалъ, что сама Пречистая Богородица съ своимъ предвѣчнымъ Младенцемъ, возлюбивъ Бориса Ѳеодоровича, изволила прійти къ нему, и совѣтовала Годунову ослушаніемъ не наводить на себя праведнаго гнѣва Господня. Затѣмъ Іовъ пошелъ въ церковь, а Годуновъ къ сестрѣ въ келью, находившуюся у самой церкви; часть народа вошла въ монастырь; другая—въ слѣдствіе тѣсноты осталась около ограды. Послѣ обѣдни патриархъ съ духовенствомъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ и образами, пошли въ келью царицы, въ сопровожденіи бояръ и думныхъ людей; долго били они челомъ царю, стоя на колѣняхъ; дворяне же, приказные, гости и весь народъ, толпившійся у кельи и около монастыря, понуждаемые приставами, по данному знаку припадали къ мерзлой землѣ и громко вопили; «Благочестивая царица! помилосерди о насъ, пощади, благослови и дай намъ на царство брата своего Бориса Ѳеодоровича!» Смиловившаяся наконецъ царица и пожаловала народу своего единокровнаго брата въ государи царя. Борисъ кротко и со слезами упрекнулъ царицу и патриарха, что такое тяжелое бремя возложили на него и предали «на такой превысочайшій царскій престолъ, о которомъ и на разумъ у него не было» и въ заключеніе сказалъ, что готовъ повиноваться волѣ Господней. Затѣмъ всѣ отправились въ церковь, гдѣ Іовъ благословилъ Бориса «на всѣ великія государства Россійскаго царства».

По окончаніи поста и пасхи Борисъ торжественно переѣхалъ

на житье въ кремлевскій дворецъ. Патриархъ встрѣтилъ новаго царя крестнымъ ходомъ и въ Успенскомъ соборѣ, надѣлъ на него крестъ перваго московскаго митрополита, Петра. Борисъ обошелъ соборы съ сыномъ и дочерью. Затѣмъ устроенъ былъ большой обѣдъ для всѣхъ.

Не смотря на единодушное избраніе, Борисъ не довѣрялъ привязанности къ нему московскаго народа. Зная по примѣру прежнихъ лѣтъ, что москвичи не пойдутъ открыто противъ царя, Борисъ всего болѣе опасался тайной вражды; и эта вражда, по понятіямъ того времени, должна была неизбѣжно выразиться въ чародѣйствахъ и колдовствахъ. Постоянно окруженный вѣдунами и астрологами, Годуновъ вѣрилъ въ непреодолимую силу чародѣйствъ и требовалъ отъ народа помимо обычной присяги въ вѣрности особой подкрестной записи, по которой присягнувшій долженъ былъ клясться: царя царицу и ихъ дѣтей, въ ѣдѣ, питѣ и платьѣ не испортить, зелья лихого и корни не давать, вѣдуну и вѣдунѣй не добывать, на слѣду не испортить, по вѣтру лиха не посылать. Кромѣ того, отъ присягнувшаго требовалась клятва въ томъ, что онъ не будетъ хотѣть на московское государство царя Симеона и его дѣтей и иного иного; не станетъ ни дружить, ни ссылаться съ царемъ Симеономъ. Видно все еще страшнѣе казался Борису несчастный касимовскій ханъ. Тогда же сочинена была особая молитва о здравіи Бориса и его семейства, которую всѣ подданные должны были непременно произносить во время задравной чаши.

Обезпечивъ себя такимъ образомъ въ вѣрности и покорности подданныхъ, Борисъ могъ покойно принять вѣнецъ, патриархъ давно поговаривалъ о томъ, что «уже время молить намъ Бога, чтобы благочестиваго великаго государя царя нашего Бориса Ѳеодоровича сподобилъ облечься въ порфиру царскую». Но вѣнчаніе пришлось отложить поневолю, потому что проссели слухъ, что крымскій ханъ идетъ на Москву со всею ордою и турецкими полками. На берегахъ Оки собралась огромная рать: Борисъ съ дворомъ своимъ выѣхалъ изъ Москвы 2-го мая и остановился въ Серпуховѣ. Въ ожиданіи непріятели Борисъ устраивалъ ежедневные обѣды для ратныхъ и другихъ людей, разсыпалъ щедроты и милости. Но слухъ о походѣ ханскомъ оказался ложнымъ: изъ Крыма явились мирные послы; царь принялъ ихъ съ честью и отпустилъ съ богатыми дарами.

По возвращеніи Бориса въ Москву патриархъ встрѣтилъ его какъ побѣдителя, благодарилъ «за совершеніе великаго подвига, за освобожденіе христіанъ отъ кровопролитія и лѣтна!» Затѣмъ патриархъ, духовенство и весь народъ упали на землю и привѣтствовали Бориса.

1-го сентября, въ праздникъ Новаго года *) Борисъ вѣнчался на царство. Принимая благословеніе отъ патриарха, новый царь сказалъ ему во всеуслышаніе: «Отче великій, патриархъ Іовъ! Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ бѣднаго человека!»—и взявшись за воротъ рубашки продолжалъ: «и эту послѣднюю рубашку раздѣлю со всѣми».

Неизвѣстно насколько современники повѣрили, искренности этихъ словъ. Съ завистью должны были смотрѣть на Бориса бояре; но вѣнчаніе его не было для нихъ неожиданностью; еще въ предвѣдущее царствованіе, они имѣли много случаевъ убѣдиться въ смѣлости и честолюбіи Бориса. Жалки должны были казаться они самимъ себѣ, видя торжество ненавистнаго соперника и сознавая свое безсиліе передъ нимъ. Могли они сказать словами поэта:

«Не мало насъ, наслѣдниковъ Варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древнюю отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ,
Уже давно лишились мы удѣловъ,
Давно царямъ подручными служимъ;
А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать».

(Пушкинъ «Борисъ Годуновъ»).

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ФИЛАДЕЛЬФІИ.

(Общій обзоръ выставки).

Читатели наши уже знакомы съ американской выставкой по статьямъ и рисункамъ «Нивы» (см. 1874 г. № 11, 1875 г. № 44 и 1876 г. № 4). Теперь сдѣлаемъ общій ея обзоръ. Она имѣетъ до 170 павильоновъ. Главное зданіе выставки, занимаетъ пространство въ 936,000 кв. футовъ; на постройку ея пошло до 8,500,000 фунтовъ желѣза и болѣе 7,000,000 футовъ дерева; работа сдѣлана въ годъ тремя тысячами чел. Залы свѣтлы, просторны, и вентиляція вездѣ превосходная. Общая стоимость всѣхъ зданій выставки оцѣнивается въ 6 мил. доллар., стоимость выставленныхъ произведеній—105 мил. долл.

Въ 300 футахъ отъ главнаго зданія находится павильонъ художественной выставки, построенный во вкусъ Renaissance изъ бѣлаго камня. Онъ останется послѣ выставки, какъ памятникъ перваго столѣтія американской независимости. Постройка его оцѣнивается въ 1,500,000 долларовъ.

Зданіе цвѣточной выставки тоже останется. Оно сдѣлано изъ

разноцвѣтныхъ стеколъ, желѣза, цвѣтныхъ кирпичей и темнаго мрамора. Стиль его мавританскій XII столѣтія. Густолиственные деревья освѣняютъ его главные входы; съ широкой галереи, во все зданіе, открывается великолѣпный видъ: вдали—глубокая вода рѣки, пароходы и парусныя суда, ближе лѣсистое ущелье съ перекинутымъ черезъ него желѣзнымъ мостомъ. Съ юга—паркъ, съ павильонами и аллеями, фонтанами и статуями. Не подалеку отъ машиннаго зданія, среди поляны и виллы—голубое озеро, съ фонтаномъ по срединѣ. На сѣверо-западѣ, на опушкѣ лѣса цѣлый рядъ построекъ. Огромное зданіе сельско-хозяйственной выставки, красуется своими готическими башнями и арками среди темной зелени кедровъ.

*) Греческіе христіане въ Константинополѣ позлагали сотвореніе міра въ субботу 1 сентября 5509 г. до Р. Х. и отъ этой вѣхи вели свое лѣтосчисленіе. Русскіе оставили его въ 1700 году и ввели новый календарь, по которому годъ начинается 1-го января.

Правительство отдѣльных штатовъ, собственники и директоры промышленныхъ заведеній, соорудили множество своеобразныхъ павильоновъ: тутъ и замки въ стилѣ рококо и пестрый дворецъ купца изъ Марокко, и японскій храмъ, и кирпичный домъ съ кирпичною же крышей, построенный кирпичнымъ заводчикомъ.

Въ паркѣ много тѣсныхъ бесѣдокъ, фонтановъ, а въ главныхъ зданіяхъ—роскошныя уборныя, для отдыха. Для представителей прессы отведено дѣловое зданіе съ великолѣпными кабинетами; почтовое отдѣленіе, телеграфное бюро, мѣняльная лавка—все подъ рукою. Газеты и прохладительные напитки продаются на каждомъ шагѣ. Дорожки между павильонами асфальтовые; для перѣзда въ болѣе отдаленные павильоны—особая узкоколейная желѣзная дорога.

Главными оппонентами выставки являются граждане Америки: двѣ трети всего помѣщенія заняты ихъ произведеніями. Это не странно: выставка имѣетъ для американцевъ національное значеніе, а отдаленность разстоянія и расходы не позволили европейцамъ принять болѣе дѣятельное въ ней участіе. Главный интересъ представляетъ промышленная выставка и машинный отдѣлъ. Выставленные тутъ механизмы находятся въ непрерывной работѣ. Въ одномъ мѣстѣ фабрикантъ часовъ устроилъ мастерскую, гдѣ рабочіе (по большей части—дѣвушки) съ ловкостью

фабрикуютъ машинной части часоваго механизма, и потомъ собираютъ часы. Типографскіе станки печатаютъ газеты, раздаваемые тутъ же бесплатно публикѣ. Автоматическія машины выдѣлываютъ изъ длинной полосы бумаги конверты сразу цѣлыми пачками, брошюруютъ и переплетаютъ книги. Все это производится съ необыкновенной быстротой, и двѣ дамы, поставленныя къ этой машинѣ, только и дѣлаютъ, что подкладываютъ новые листы текста и обертки. Въ выставкѣ швейныхъ машинъ, тоже находящихся въ дѣйствиі, Англія и Америка являются равносильными соперницами. Фирма Зингеръ выставила цѣлый рядъ машинъ, отличающихся изяществомъ и прочностью. Фабрикантъ Госсей выставилъ швейную машину, приводимую въ дѣйствіе электрической батареей. Машинный отдѣлъ напоминаетъ громадную мастерскую. Гидравлическія машины, водокачалки, пожарные снаряды, машины для кройки сукна, для буренія камня и алмазовъ, ткацкіе станки, раздувальныя мѣха для вентиляціи рудниковъ и пр.—все это въ дѣйствиі, шумитъ и работаетъ, приводимое въ движеніе великолѣпной паровой машиной въ 1400 лошадиныхъ силъ. Машина—по срединѣ павильона; она тонкой отдѣлки и такъ тиха на ходу, что почти не слышно ея шума.

(Окончаніе будетъ).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ засѣданіи Германскаго Рейхстага, 24 ноября (5 декабря), Германскій Канцлеръ ясно высказалъ непоколебимый принципъ дружбы къ Россіи, при этомъ палата воспользовалась случаемъ вызвать канцлера на большую откровенность. Ему сдѣланъ былъ запросъ: что онъ думаетъ о русской таможенной политикѣ (т. е. объ оплатѣ пошлинъ золотомъ). На запросъ этотъ Бисмаркъ отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, можетъ быть, таможенная политика Россіи и ошибочна, но что какое-либо иноземное правительство, не можетъ повліять на нее. Попрехнувъ затѣмъ депутата, сдѣлавшаго запросъ, за несвоевременность подобныхъ запросовъ, князь Бисмаркъ высказалъ убѣжденіе, что между Англіей и Россіей послѣдуетъ соглашеніе.

Попытки англійскаго уполномоченнаго, Лорда Салисбери, оказались тщетны, безплодны, какъ мы уже упоминали въ прошломъ полит. обзорѣ (См. «Ниву» № 48), теперь это подтверждается категорическимъ и торжественнымъ заявленіемъ князя Бисмарка, что *поколебать дружбу Германіи къ Россіи никому не удастся*. Подобныя слова германскаго государственнаго канцлера рѣшительно опредѣляютъ современное направленіе политическихъ дѣлъ въ Европѣ.

Какъ скоро опасность общеевропейскаго столкновенія устраняется, конференція изъ представителей великихъ державъ въ Константинополѣ, очевидно, получаетъ важное значеніе, потому что она должна опредѣлить принципы улаженія восточныхъ дѣлъ и локализованія войны, если эта война дѣйствительно неизбежна.

Работы конференціи—пока только еще *предварительной*—начались уже формальнымъ образомъ прошлаго 29 ноября (11 декабря по новому стилу). Въ этотъ день состоялся у Генерала Игнатъева первое совѣщательное засѣданіе уполномоченныхъ великихъ державъ. Затѣмъ 2 (14) декабря снова происходило засѣданіе предварительной конференціи. Общее впечатлѣніе, полученное отъ результатовъ всѣхъ этихъ засѣданій, пока все еще можно назвать хорошимъ. Великій визирь посѣтилъ маркиза Салисбери и имѣлъ съ нимъ продолжительное совѣщаніе. Съ другой стороны, телеграфъ сообщилъ намъ, что члены конференціи, повидимому, признали необходимость назначенія въ возставшихъ провинціяхъ Турціи губернаторовъ изъ христіанъ. Что касается отношенія конференціи къ вопросу о производимыхъ на театрѣ войны демаркаціонныхъ работахъ, то нашъ посолъ генералъ Игнатъевъ уже увѣдомилъ по телеграфу русскаго члена демаркаціонной комиссіи о томъ, что по вопросу о демаркаціонной линіи для Босеніи ведутся въ Константинополѣ непосредственныя письменныя сношенія съ Портою. Въ виду этого, задача демаркаціонной комиссіи, по отношенію къ черногорскому театру военныхъ дѣйствій, представляется исчерпанною.

Отъ 3 (15) декабря телеграфъ принесъ намъ извѣстіе, что ежедневно засѣдающая предварительная конференція занята теперь выработкою проектовъ, подлежащихъ внесенію въ полное засѣданіе конференціи. Работы идутъ теперь *быстро и съ успѣшнымъ направленіемъ*. Слѣдовательно, мирныя намѣренія совѣщающихся державъ, въ лицѣ своихъ представителей до сихъ поръ не нарушены.

О пресловутой турецкой конституціи съ отвѣтственностью министровъ, носились-было слухи, что она уже готова, совершенно выработана и что остается только осуществитъ ее. Нѣкоторые подвергали турецкую конституцію справедливой критикѣ уже по самымъ ея общимъ основаніямъ. Въ самомъ дѣлѣ: наиболѣе депутатовъ въ турецкій парламентъ должна дать Азіатская Турція, потому что турецкій элементъ въ европейской Турціи, сравнительно говоря, ничтоженъ; но какіе же это депутаты—всякому понятно. Мусульманскій фанатизмъ, невежество и изувѣрство господствуютъ въ Азіатской Турціи въ сильнѣйшей степени. Какую роль будетъ играть христіанскій эле-

ментъ въ мусульманскомъ парламентѣ—опять какъ нельзя болѣе ясно; какъ ни кинь—все клинъ эта турецкая конституція. По этому-то становится понятнымъ въ высшей степени должное положеніе творцовъ этой новоиспеченной конституціи. Газеты недавно сообщили, что если когда-нибудь будетъ обнаружена оттоманская конституція, то въ *всѣмъ измѣненной формѣ* и самое слово «конституція» будетъ замѣнено другимъ, менѣе страшнымъ (?) выраженіемъ. Объ отвѣтственности министровъ и говорить нечего, и если ужъ въ европейскихъ конституціяхъ эта отвѣтственность практикуется весьма не удивлительно, то о Турціи-то что и толковать, но очевидно вообще, что турецкая конституція—громкая буфанада выдвинутая на передъ съ понятнымъ умысломъ—замазать и залакировать старческой недугъ разлагающагося государства.

Во Франціи положеніе дѣлъ продолжаетъ быть натянутымъ, но министерскій кризисъ пока не представляется неизбежнымъ. Читатели помнятъ (№ 48 «Нивы») бурный характеръ засѣданія, гдѣ бонапартизмъ и республиканизмъ повели свои счеты «на чистоту». Последняя рѣчь Бисмарка, гдѣ онъ категорически заявилъ, что у Германіи одинъ врагъ—Франція, можетъ быть напомнить Франціи, что ожесточенные раздоры партій должны поглотиться и ступеняться въ общемъ чувствѣ патриотизма.

Въ Америкѣ творится что-то недоброе и чуть-ли не угрожаетъ ей снова междоусобная война. Изъ Нью-Йорка отъ 2 (14 декабря) телеграфируютъ, что оба національные комитета, республиканскій и демократическій, издали прокламаціи, въ которыхъ каждый изъ нихъ объявляетъ своего кандидата избраннымъ въ президенты союза. Вчера вечеромъ Гэйсу (кандидату республиканской партіи; демократической партіи кандидатъ, какъ мы сообщали въ № 45 «Нивы»—Тильденъ) была устроена серенада, причемъ имъ заявлено, что онъ спокойно отнесется ко всякому результату выборовъ и полагаетъ, что такъ же поступитъ значительное большинство оппозиціи. «Никакая страна, сказалъ Гэйсъ, находящаяся въ такой степени возбужденія, въ какой въ данное время находится Америка, не представляла примѣра подобнаго порядка. Докажемъ міру силу республиканскаго правительства». Докажутъ-ли они эту силу—вотъ вопросъ.

РѢШЕНІЕ

Задачи въ «Нивѣ» № 47.

Бѣлые.	Черные.
1) Ферзь возьметъ Е 4 ×	1) Король возьметъ ферзь F5—E4
2) Конь F 7 — D 6 ×	
3) С 2 — С 4 ×	2) Король возьметъ коня ЕА—D5
4) Е 7 — Е 8 составятъ конь и ×	3) Король возьметъ коня D5—D6

ОПЕЧАТКА.

Въ № 47 Нивы, въ статьѣ «О чемъ говорятъ развалины Ассиріи и Вавилона», вкрадась опечатка. На стр. 781, во второмъ столбцѣ въ семнадцатой строкѣ сверху, сказано: «каждая плитка имѣетъ въ длину одинъ дюймъ, а въ ширину полдюйма». Слѣдуетъ читать: «каждая плитка имѣетъ въ длину одну четверть, а въ ширину полчетверти, т. е. два вершка».

СОДЕРЖАНІЕ: Карлъ I, князь Румынскій (съ портретомъ).—Спасскія ворота въ Московскомъ Кремлѣ (съ рисункомъ). Н. И.—овъ.—Уборка винограда въ Медонѣ (съ 4-мя рисунками) Щ.—Княгиня Острожская. Историческая повѣсть В. С. Соловьева. Часть 2-я. (Продолженіе).—Карлъ Эрнстъ фонъ-Бэръ (съ портретомъ).—Филипп II, король испанскій и дочь его (съ рисункомъ).—Избраніе Бориса Годунова на царство (окончаніе).—Всемирная выставка въ Филадельфіи (съ рисункомъ). Щ.—Политическое обозрѣніе.—Рѣшеніе шахматной задачи.—Опечатка.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

О В Ъ Я В Л Е Н И Я.

„РУССКИЙ МІРЪ“

въ 1877 году

будетъ выходить, ежедневно листамъ большого размера, Въсѣхъ Мѣсѣ въ продолженіе года выйдетъ 360.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ ВЪ РОССІИ:

На годъ. На 11 мѣс. На 10 мѣс. На 9 мѣс. На 8 мѣс. На 7 мѣс. На 6 мѣс. На 5 мѣс. На 4 мѣс. На 3 мѣс. На 2 мѣс. На 1 мѣс.
12 р. 11 р. 50 к. 11 р. 10 р. 9 р. 8 р. 7 р. 6 р. 5 р. 4 р. 3 р. 1 р. 50 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ пересылкою и доставкою за границу:

На годъ. 22 р. — к. На 3 мѣсяца 6 р. 50 к.
» полгода. 12 » — » 1 » 2 » 50 »

Сдѣлавъ нашу газету самой доступной по цѣнѣ изъ всѣхъ большихъ политическихъ газетъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать ее и самой полною и интересною по содержанию.

Особенное вниманіе обращено редакціею на политическій отдѣлъ. Съ мѣста событий на Балканскомъ полуостровѣ, мы получаемъ ежедневно особыя телеграммы и точныя, обстоятельныя свѣдѣнія отъ нашихъ собственныхъ корреспондентовъ. На дняхъ отправленъ нами туда еще нарочный корреспондентъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ конторѣ газеты, Большая Морская, д. № 11.
ВЪ МОСКВѢ: 1) въ московскомъ отдѣленіи газеты „Русскій Міръ“, на углу Дмитрова и Охотнаго ряда, домъ Благороднаго собранія, книжный магазинъ А. Ф. Зибарова; 2) въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соловьева, на Стрѣнномъ бульварѣ и у другихъ книгопродавцевъ. 3—1

ПОДПИСЫВАЮЩЕСЯ НА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

получать (7-го января 1877 г.) бесплатно купеческій календарь на 1877 годъ, а теперь выдается еще бесплатно

одна изъ слѣдующихъ премій

1. Руководство въ постройкѣ сельскихъ зданій съ 200 рисунковъ: школы, больницы, церкви, домовъ, ригъ, погребовъ, конюшенъ, бѣздокъ и проч. Содержаніе этой книги слѣдующее: Выборъ мѣста для усадьбы. Расположеніе построекъ. Выборъ и заготовка матеріаловъ. Возведеніе фундамента. Цоколь. Возведеніе деревянныхъ, каменныхъ и глинобитныхъ стѣнъ. Устройство каменныхъ, цементовыхъ и паркетныхъ половъ. Потолки, стропила и крыши разнаго рода.—Устройство печей и каминовъ. Штукатурка и окраска зданій. Устройство водоотводовъ. Какъ составлять сметы.

2. Сельская технологія въ двухъ частяхъ съ 74 рисунками, содержаніе которой слѣдующее: Приготовленіе бумаги изъ дерева.— Издѣлія изъ папье-маше.—Фабрикація толя и каменной бумаги.— Приготовленіе разнаго рода клея.—Фабрикація всевозможныхъ цементовъ и замазокъ.—Глицериновое производство.—Мыловареніе.—Фабрикація разнаго рода стеколъ.—Деготь изъ осины.—Добываніе скипидара.—Проволочное производство.—Лудильное мастерство.—Валяльно-войлочное производство.—Спичечное производство.—Приготовленіе уксуса.—Приготовленіе колбасъ.—Приготовленіе голландскихъ сировъ и масла.—Фабрикація сургуча и облатокъ.—Приготовленіе жидкаго стекла.—Фабрикація веревокъ и канатовъ.—Новыя усовершенствованныя машины.—Новости техники. Гг. иногородные за пересылку премій прилагаютъ 20 коп.

Въ будущемъ, въ 1877 году, отдѣлы: какъ и изъ чего извлекать наибольшій доходъ, сельскаго хозяйства, технологія и литературы будутъ значительно увеличены. „Русское Богатство“ будетъ выходить 1—10 и 20 числа каждаго мѣсяца тетрадами большого формата, въ три столбца убористаго шрифта, на хорошей проклеенной бумагѣ и въ продолженіи года дастъ болѣе 300 изящно исполненныхъ художественныхъ рисунковъ и особымъ приложеніемъ:

— ДВА ЛУЧШИХЪ ИНОСТРАННЫХЪ РОМАНА —

Цѣна «Русскаго Богатства» (съ безплатными преміями) пять руб. Желающіе получать всѣ преміи высылаютъ семь руб.

Контора помѣщается въ Петербургѣ, на углу Гороховой и Загороднаго проспекта, № 39.

Въ музыкальномъ магазинѣ «Сѣверная Лира» (Л. Фризе), на углу Невскаго проспекта и Троицкаго переулка (входъ съ Троицкаго), поступило въ продажу:

ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ

ДѢТЯМЪ ПИАНИСТАМЪ:

Новый Сборникъ музыкальныхъ пьесъ въ легкой аранжировкѣ для фортепіано:

L'ENFANT AU PIANO

PAR N. TIVOLSKY.

Собраніе самыхъ лучшихъ и извѣстныхъ мелодій и танцевъ въ легкой аранжировкѣ для фортепіано. Цѣна 1 р. 50 к. въ изящномъ переплетѣ 2 р. 50 к.

Это собраніе отличается въ свою пользу отъ всѣхъ подобныхъ во многихъ отношеніяхъ. Цѣна при большомъ объемѣ (69 страницъ) таже, какъ и другимъ. Пьесы выбраны болѣе современныя, напр. La Créole, Mandolinata, La Fille de M-me Angot, Aida de Verdi, Si vous n'avez rien à me dire, дѣтскіе изъ Фауста Гюлье, Roméo et Juliette de Gounod, Письмо изъ Неаполя, Зелѣный Островъ Гальса, Air de Louis XIII, Венгерскій Танецъ Браманса, Сербскій танецъ и т. д. Раздѣленіе по степени трудности болѣе посѣдовательно, и оплатура поставлена самымъ вѣрнымъ. Далеко прибавлено особенное отдѣленіе танцевъ: Дѣтскій Вальсъ, въ чѣстѣ 10. Вальсы, польки, кадрили и проч. (Любимая Кадриль Вьюхия, Вальсъ: Les Noces d'Heuloise и друг.) также легко аранжированы. Въ концѣ прибавлено 5 пьесъ въ 4 рубль. Изданіе печатано отглавно на хорошей толстой бумагѣ. № 96.

„Желаютъ купить 250—500 дес. земли въ Полтавской, Киевской или смежн. губ. близъ города съ водою, лѣсомъ и строеніемъ. Адресъ: Хвалынского уѣзда село Озерки, Владиміру Ивановичу Димбалю. (150—152 б.)“ № 94.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МОДНЫЯ ВЫКРОЙКИ“

(ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ)

Издаваемый торговымъ домомъ вѣной и бѣлья А. Торочешникова, ПОСТАВЩИКА ДВОРА ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ПЕТРОВНЫ.

Съ 1-го января 1877 года журналъ будетъ выходить 1-го и 15-го числа и заключать въ себя до тысячи литографированныхъ рисунковъ въ годъ дамскаго и дѣтскаго туалета, бѣлья и жепскихъ рукодѣлій. Всѣ эти рисунки берутся съ парижскихъ моделей и еще изъ 20 слѣдующихъ, самыхъ лучшихъ французскихъ изданій: Aquarelle-mode, Elegance parisienne, Mode artistique, Moniteur de la mode, Mode illustré, Revue de la mode, Haute nouveauté de Paris, Mode actuelle, Lingerie parisienne, Bon ton, Courrier de la mode, Gazette rase, Dernière mode, Printemps, Modes parisiennes, Journal de coiffeurs, Modes françaises, Journal des dames et des demoiselles, Mode de Paris, или Industrie des dames и спеціальный англійскій журналъ дѣтскихъ модъ Boys and Girls; изъ этихъ изданій набираются только тѣ рисунки, которые болѣе соотвѣтствуютъ нашему сезону, такъ какъ многіе туалеты парижскихъ изданій не подходятъ къ условіямъ русской жизни. Подъ каждымъ туалетомъ объясняется, какъ слѣдуетъ подбирать попонезы или тюники, и сколько надѣть аршинъ матеріи и гарнировки на весь туалетъ, а также назначена и цѣна его въ готовомъ видѣ. Кроме того, будутъ даны: 12 картинъ расправленныхъ анварелью, 12 вырѣзныхъ выкроекъ и до 300 выкроекъ, нарисованныхъ на отдѣльномъ листѣ—всѣ въ ростъ человѣка; 12 листовъ приложеній съ извѣтными рисунками въ русскомъ и малороссійскомъ стилѣ, для вышивки рубашекъ, полотенецъ, салфетокъ, скатертей, юбокъ, шторъ, драпир, кальсонъ, кофть и т. п. Въ журналѣ войдутъ туалеты для пожилыхъ и полныхъ особъ и новыя фасоны сарафановъ для кормилицъ, а также обратитъ особенное вниманіе на домашніе туалеты въ отношеніи ихъ экономіи. При заказѣ редакція высылаетъ образчики новыхъ матерій, за пересылку которыхъ прилагается двѣ марки по 8 коп. Между прочимъ въ журналѣ помѣщается полное руководство ко всемъ дамскимъ рукодѣльямъ, съ 105 рисунками въ текстѣ, объясняющими, какъ удобнѣе и какими инструментами слѣдуетъ работать. Гг. подписчики могутъ выписывать отдѣльный патронъ любой вещи, по своей талии, высылая для этого мѣрку по указанію нашихъ сигуръ; за каждый подобный патронъ платится 50 к., съ пересылкой. Два раза въ годъ выдается премія, рисунокъ вышивки, сдѣланный въ натуральную величину на самой выкройкѣ. 1-го числа помѣщается хозяйственный отдѣлъ, а 15-го модная хроника.

ЦѢНА ИЗДАНІЯ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:

за годъ 3 рубля 50 коп.

Контора редакціи: въ С.-Петербургѣ, Караванная, д. № 18, въ бель-этажѣ.

№ 92.

Редакторъ-издатель А. Торочешниковъ.

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ И РИМА.

Андрея Ткачева продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ С.-Петербурга.

ЦѢНА 2 Р.

Складъ въ Мал. Морск. № 19, кв. № 5.

Отзывы въ 1876 г. въ Сп. Бѣд. № 63, Новое Вр. 20 Вѣд. Бѣд. 94, Голосъ 178, Жѣнокъ. Образ. 1—2. Недѣля 13—14, Педагог. Муз. 8 и др. 3—1

ЖИЗНЬ ОТВѢТИЛА.

Повѣсть изъ современной жизни А. Т. Щегловитова. СПб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к. Складъ въ книжномъ магазинѣ Ал. Игн. Вороневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго переулковъ, въ С.-Петербургѣ. № 89.

ABONNEMENTS-EINLADUNG

auf den

„ST. PETERSBURGER HEROLD“

Der „St. Petersburg Herold“ ist das grösste in deutscher Sprache erscheinende politische Organ Russlands, denn der „St. Petersburg Herold“ erscheint täglich (mit Ausnahme Montags) in der Stärke von wenigstens zwei Bogen—Format der Wiener Presse—; auch ist der „St. Petersburg Herold“ das alleinige Blatt Russlands, welches regelmässige wöchentliche Gratis-Beilagen hat, und zwar

Donnerstag die Gratis-Beilage: Feuilleton-Beiblatt.

Freitags die Gratis-Beilage: Börsen-Kalender.

Sonntags die Gratis-Beilage: Land- und Hauswirtschaftliche Zeitung.

Die Montagsnummer des „St. Petersburg Herold“ von überwiegend feuilletonistischem Charakter mit interessanten Artikeln aus allen Gebieten, Plaudereien aus allen Hauptstädten, sowie aus den grösseren russischen Provinzial-Städten, Novellen, Humoresken, Kritiken, Biographien etc. etc. nebst politischer Wochenübersicht, neuester Post und neuesten Depeschen, hat wenigstens den Umfang von einem Bogen desselben Formats.

Laut der dem verantwortlichen Herausgeber des „St. Petersburg Herold“ erteilten Kaiserlichen Konzession erscheint der „St. Petersburg Herold“ ohne Präventiv-Censur. Das Programm des „St. Petersburg Herold“ ist das weitreichende eines internationalen Vermittlungsorganes; und zwar ist der „St. Petersburg Herold“ ein wahrheitsgetreter Berichterstatler über alle Vorgänge auf dem Gebiete der Politik und Gesellschaft, des Handels und der Industrie, der Kunst und der Wissenschaft, wie überhaupt aller Länder—besonders Deutschlands und Oesterreich-Ungarns—, so in erster Linie.

RUSSLANDS.

in welcher letzteren Hinsicht der „St. Petersburg Herold“ namentlich auch die Anschauungen der gesammten russischen Presse dem Auslande treu vermittelt und mit unparteiischer Kritik begleitet.

Der Abonnementspreis für den „St. Petersburg Herold“ mit Zustellung in St. Petersburg beträgt, 13 Rubel für das Jahr; 7 Rubel für 1/2 Jahr; 3 Rubel 75 Kop. für 1/4 Jahr; 1 Rubel 25 Kop. für den Monat. An allen anderen Orten Russlands mit zustellung: 14 Rubel für das Jahr; 7 Rubel 50 Kop. für 1/2 Jahr; 4 Rubel für 1/4 Jahr; 1 Rubel 50 Kop. für den Monat.

Zu recht zahlreichem Abonnement ladet ergebenst ein,

Die Administration des „St. Petersburg Herold“.

St. Petersburg, Wosnessenskij-Prospekt (Blaue Brücke) № 3.

Зубной врачъ ВАРСО.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болязней, Б. Морская д. 95. 26—23

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 51

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 20 Декабря 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1877 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины Г. Гр. Соловьева, А. Ламъ и А. Живарова	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

ГРАФЪ АНДРАШИ.

Графъ Юлій Андраши родился 8 Марта 1823 г. въ Землянѣ. По окончаніи университетскаго курса онъ выступилъ на политическое поприще. Увлеченный мыслію о полной венгерской автономіи, онъ сталъ въ ряды мадьярскихъ патриотовъ и приобрѣлъ огромную популярность. Блестящія дарованія, широкая образованность и основательное знакомство съ многими языками выдвинули его далеко впередъ. На 24 году своей жизни онъ уже явился на Пресбургскомъ сеймѣ депутатомъ въ землинскій комитетъ. Въ этомъ званіи онъ сталъ во главѣ землинской милиціи и когда вспыхнуло возстаніе въ Венгріи, онъ принялъ въ немъ дѣятельное участіе, сражаясь противъ имперскихъ войскъ. За это патриотическое участіе графъ Андраши едва не пошатился жизнью. Имперскій сеймъ приговорилъ его къ смертной казни. Въ Темешварѣ была воздвигнута висѣлища, на которой было уже написано имя Андраши. Но онъ, благодаря счастью, избѣгнулъ этой участи. Не задолго до этого, онъ было по-

сланъ Дербчинскимъ инсurreкціоннымъ правительствомъ въ Турцію, въ качествѣ представителя независимой Венгріи. Это посольство спасло графа, такъ какъ паденіе Кошута, капитуляція Грея и затѣмъ висѣлица — все это случилось въ то время, когда онъ былъ въ Константинополѣ, гдѣ и остался. Изгнаніе Андраши продолжалось до 1860 г. Большую часть времени онъ жилъ въ Парижѣ, гдѣ и женился на дочери графа Кендесри изъ Моловица. Неизвѣстно, сколько-бы времени продолжалось его изгнаніе, если-бы не старанія его матери, которая долгое время хлопотала предъ правительствомъ, о разрѣшеніи вернуться графу въ отечество. Благодаря этимъ стараніямъ, онъ возвратился въ Венгрію въ 1860 г., а въ слѣдующемъ уже является депутатомъ венгерскаго сейма и дѣлается однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ Деака. Въ 1866г. венгерская палата депутатовъ избрала его своимъ вице-президентомъ. Въ этомъ званіи онъ, вмѣстѣ съ другими членами комитета, образованнаго по

Графъ Юлій Андраши, канцлеръ Австро-Венгерской Имперіи.
Рис. Дювилье; грав. Шапонъ.

предложенію Деака, энергически работалъ надъ вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ земель венгерской короны. Но возникшая въ это время Австро-Прусская компанія прервала эту дѣятельность комитета, и открытіе венгерскаго сейма отложено. По окончаніи войны, началось преобразование венгерской монархіи по системѣ дуализма. Графъ Бейстъ получилъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ, а графъ Андраши былъ назначенъ первымъ министромъ Венгріи 16 февраля 1867 г., вмѣсто Деака, который отказался занять этотъ постъ. И теперь онъ обнаружилъ такую же энергію, такой же горячій патриотизмъ, какъ и прежде. Онъ снова сталъ во главѣ движенія, стремив-

шагося къ достиженію политической независимости Венгріи. Эта цѣль, благодаря дѣятельному участию Деака и Андраши, была достигнута въ 1867 г. Королевство Св. Стефана получило совершенно отдѣльное политическое существованіе, съ которымъ неразрывно связано имя Андраши. Послѣ отставки Бейста, графъ Андраши сталъ во главѣ управления Австріи, заручившись еще прежде довѣріемъ Императора Франца Іосифа. Въ настоящее время онъ стоитъ на сторонѣ мира и если активно не поддерживаетъ политики нашего правительства, то и не становится съ нею въ раздоръ, подобно министерству британскаго правительства.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть В. С. Соловьева.

Часть вторая.

(Окончаніе).

Рѣдко обезображенный, неузнаваемый трупъ всплывалъ на поверхность Вилии. Чаше же несчастныхъ такъ и забывали въ подземныхъ могилахъ, пока еще оставались свободныя цѣпи—всюду въ развалинахъ іезуитскихъ монастырей, на всемъ протяженіи Литвы и теперь еще, спустившись въ подземелья, можно видѣть цѣлыя груды человѣческихъ костей, сваленныхъ вмѣстѣ, и отдѣльные скелеты подъ ввинченными въ стѣны тяжелыми цѣпями...

А надъ страшнымъ мракомъ этихъ корридоровъ и склеповъ, гдѣ замирали предсмертные стоны и разлагались прикованные трупы, въ кельяхъ монаховъ царяла роскошь: обширный внутренній монастырскій дворъ былъ превращенъ въ прелестный цвѣтникъ. Кромѣ того, здѣсь были устроены оранжереи и парники, выращивались дорогія растенія и всевозможные фрукты.

Таковъ былъ монастырь, куда, по приглашенію отцовъ іезуитовъ, переселилась княгиня Беата съ Гальшкой и Антоніо.

Гонецъ отъ княгини уже мчался въ Краковъ; но невозможно было скоро ожидать его возвращенія.

Нѣсколько краснорѣчивыхъ монаховъ, пользовавшихся расположеніемъ Беаты, вполне одобрили планъ Антоніо и тотчасъ же приступили къ его исполненію.

Они неустанно, порознь и вмѣстѣ, старались убѣдить Беату, что самое лучшее, особенно при настоящихъ обстоятельствахъ и въ случаѣ успѣха Гурки, посвятить Гальшку Богу. Отдать ее лютеранину Гуркѣ—значить согласиться на ея вѣрную погибель. Если она сама такъ молода и неразумна, что не можетъ понять этого, то мать имѣетъ полное право рѣшить за нее, силой принудить принять католичество и постричься. Есть обстоятельства, когда Богъ разрѣшаетъ насильственные дѣйствія—совершая ихъ, нужно только постоянно имѣть въ мысляхъ ту благую цѣль, къ которой они приводятъ. Если Гальшка упорно откажется произносить обѣты и совершить все, что требуется правилами, то княгиня можетъ исполнить это за нее.

За этими совѣтами слѣдовали потоки самаго обольстительнаго краснорѣчія. Отцы іезуиты рисовали яркими красками послѣдствія такого добраго дѣла. Если княгинѣ тяжело отказаться отъ дочери, отъ своихъ материнскихъ надеждъ видѣть ее среди блестящей, свѣтской обстановки—то тѣмъ угоднѣе будетъ Богу эта великая ея жертва. Пусть она обдумаетъ все хорошенько, взглянется во всѣ обстоятельства: не видимо ли перстъ Божій указываетъ ей, что она должна поступить именно такъ, и что къ этому клонится судьба ея дочери. Другая дѣвушка вырастетъ, выйдетъ замужъ, и все это совершится естественнымъ порядкомъ. Съ Гальшкой не то: вотъ она въ короткое время уже два раза обвѣнчана, а между тѣмъ у нея нѣтъ мужа. Къ тому же она очевидно и не создана для свѣтской жизни—живя въ домѣ матери, окруженная блестящимъ обществомъ и толпой поклонниковъ и искателей, она не наслаждается жизнью, а тоскуетъ и вянетъ. Она сама

просится въ монастырь.. Но въ русскомъ схизматическомъ монастырѣ она не спасетъ свою душу. Княгиня, какъ ревностная и благочестивая католичка, сама знаетъ, что обязана привести дочь къ истинной церкви... Да и кто знаетъ, какія еще новыя испытанія судьба готовитъ Гальшкѣ, если она останется въ свѣтѣ, какое новое горе, быть можетъ, ожидаетъ и княгиню... Сколько ежедневныхъ волненій и опасностей! А въ монастырѣ, благословленная папою, Гальшка успокоится, успокоится на ея счетъ и княгиня. Неужели такъ же дорогъ весь этотъ мишурный блескъ, успѣхи при дворѣ, пороки, искушенія и ежеминутная вѣроятность паденія, что нельзя отдать всего этого за жизнь, посвященную только Богу, молитвѣ и святымъ помысламъ. Да и сама княгиня,—развѣ дорожитъ она свѣтомъ, развѣ давно ужъ не отказалась она отъ него, не отдала своей жизни дѣламъ благотворительности и молитвѣ?! Зачѣмъ же не хочетъ она того же и для своей дочери?!

Княгиня Беата вслушивалась въ эти рѣчи и сознавала ихъ справедливость. Вѣдь тоже самое давно ужъ и постоянно твердилъ ей и Антоніо. Но и тогда, и теперь, не возражая, она все же колебалась послѣдовать благочестивымъ совѣтамъ. Въ ея сердцѣ жили иногда самыя противоположныя чувства, въ ея головѣ гнѣздились противорѣчащіе другъ другу помыслы. Она искренно ненавидѣла свѣтъ и жила почти какъ монахиня, но въ тоже время она всякій разъ, упорно и невольно, гнала отъ себя мысль видѣть Гальшку въ монашеской одеждѣ. Все, о чемъ въ дни молодости она мечтала для себя самой, всѣ свои честолюбивыя планы, она перенесла на дочь—чуждую, изумлявшую всѣхъ красавицу... Нѣтъ, такая красота рождена не для монашеской кельи. Предъ такой красотой долженъ преклониться свѣтъ, она должна принести честь и славу всему ихъ роду. Гальшка не можетъ, не можетъ ограничиться глухой, будничной долей. Что бы тамъ ни было, что бы ни случилось въ прошломъ—все это пройдетъ, пройдетъ; и въ концѣ концовъ красавица Гальшка очутится на верху земной славы и земаго величія... Такъ еще недавно думала и чувствовала княгиня и не легко было ей разстаться съ этими мыслями.

Но послѣднія обстоятельства, неожиданныя и ужасныя, довели ее до высшей степени раздраженія. Она перестала мечтать о будущемъ Гальшки. Теперь въ ней была только ненависть къ дочери и Гуркѣ. Дойдя до убѣжденія, что дочь сама устроила все дѣло, чтобы причинить ей горе, она поклялась обуздать ее и показать ей свою силу... Но ненавистнѣе всѣхъ и всего была для нея Гурко. При одной мысли о немъ она доходила до бѣшенства и клялась, что не смотря ни на какіе приказы королевскіе, онъ никогда не увидитъ Гальшки...

Во время одного изъ разговоровъ съ отцемъ Антоніо она сказала ему:

— Вотъ ужъ и время было бы возвратиться гонцу

нашему, а его все пѣту... боюсь, что дѣла плохи... теперь пора дѣйствовать...

— Давно пора дѣйствовать, отвѣтилъ Антоніо. — Здѣшніе отцы только и ждутъ вашего разрѣшенія — скажите слово — и завтра княжна будетъ монахиней. Вы немедленно отправите ее въ Италію съ надежными друзьями нашего ордена, я самъ, наконецъ, берусь сопровождать ее. Тогда вамъ останется только устроить здѣсь свои денежные дѣла такъ, какъ уже было условлено между нами, и мы будемъ ожидать васъ въ Римѣ... Пора, пора, княгиня — для всѣхъ насъ должна начаться новая жизнь...

Беата заваливалась — въ послѣднее время она не могла говорить спокойно и благоразумно.

— Пѣть, отецъ мой, вѣтъ—мы могли такъ мечтать и строить планы... по теперь нечего и думать исполнять ихъ... Пусть Гальшку въ монастырь! Я думаю она будетъ рада этому—она знаетъ, что не къ тому я ее предназначала... Въ монастырь!—для чего? для того, чтобъ обмануть Бога?! Мы два года бились съ нею, всячески ее убѣждали; но вѣдь вы знаете теперь, понимаете, что никогда она не будетъ католичкой... И потомъ, и потомъ—развѣ вы не видѣли ее въ послѣднее время — вѣдь теперь она номышляетъ только объ одномъ, чтобъ отъ меня избавиться... я теперь знаю, до чего она хитра—она пожалуй для виду и приметъ католичество, и пострижется, а потомъ найдетъ способъ убѣжать изъ монастыря къ своимъ защитникамъ, къ тому же Гуркѣ... И будетъ кричать объ насиліи, и вооружить всѣхъ противъ насъ... и доведетъ меня до могилы...

Антоніо только пожалъ плечами. Онъ не могъ считать Гальшку способной на все это. Онъ зналъ, что вольно или неволью понавѣ въ монастырь, она уже не уйдетъ оттуда...

Княгиня продолжала волнуясь все больше и больше:

— Пѣть, мнѣ теперь дѣла пѣтъ никакого, до моей дочери... я забываю о ней, она сдѣлала все, чтобъ уничтожить во мнѣ материнскія чувства. Мнѣ теперь дѣло только до Гурки, я докажу ему, что безнаказанно нельзя глумиться надо мною! Я и королю покажу съ кѣмъ онъ пмѣетъ дѣло! А! они увидятъ, увидятъ, что и я способна быть рѣшительной, когда надо!...

И она остановилась сверкая глазами и задыхаясь. Антоніо понялъ, что въ головѣ ея внезапно созрѣлъ какой-то безумный планъ.

— Что вы еще задумываете? усталымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Что я задумываю?!—я задумываю такое, чего они никакъ не ожидаютъ! Я буду ихъ бить ихъ же оружіемъ... Пускай Гурко теперь является сюда съ приездомъ короля за своей законной женой! Онъ не найдетъ здѣсь графини Гурко — Гальшка ужъ будетъ тоже законной женой другого...

Антоніо взглянулъ на Беату какъ на сумасшедшую — этого даже отъ нее не могъ ожидать онъ.

Но она жадно ухватила за свою внезапную, сумасбродную мысль и съ каждою секундой находила ее все болѣе и болѣе плесообразной. Она чувствовала какое то наслажденіе въ сознаниі, что всѣхъ поразить своимъ поступкомъ, запутаетъ дѣло до невозможности... Чтожъ Гальшка!? пусть пропадаетъ теперь Гальшка, лишь-бы ей враги растерзали другъ друга.

— Да! быстро заговорила она,—я знаю человека, который будетъ здѣсь по первому моему знаку и обвиняется съ Гальшкой—вѣдь ей видно такъ ужъ суждено всю жизнь вѣнчаться! Это—Оленьковичъ—Слудскій... онъ православный... пусть... ничего... но у него знаменитое имя, богатство, родство съ нами — онъ все же лучший мужъ чѣмъ этотъ Гурко... да я этимъ поступкомъ заставлю лютаго врага моего, князя Константина, способствовать моимъ дѣламъ, онъ станетъ хлопотать

за Слудскаго... Они всѣ тамъ перегрызутся какъ собаки... Слудскій обожаетъ Гальшку и ненавидитъ Гурку... Я знаю, чѣмъ бы ни кончилось у нихъ тамъ въ Краковѣ, что бы ни постановили сенатъ и король—Гурко не увидитъ Гальшки. Если рѣшатъ дѣло въ пользу Слудскаго — Гурко долженъ будетъ замолчать и всю жизнь не забудетъ, что значить оскорбить Беату Острожскую. Если онъ добьется своего и ему велеть отдать Гальшку, то прежде, чѣмъ онъ ее увидитъ, Слудскій ужъ убьетъ его — я знаю Слудскаго, онъ не отдастъ Гальшки...

— Княгиня, да вѣдь это безумство! вскричалъ Антоніо. — Вы только погубите княжну и ничего не достигните...

Онъ даже испугался. Онъ видѣлъ, что Беата теперь неспособна ничего понимать. Уже не въ первый разъ, дойдя до такого состоянія, она во что бы то ни стало приводила въ исполненіе первую безумную мысль, приходившую ей въ голову. Отговаривать ее, убѣждать — значило только подливать масло въ огонь. Бывали минуты когда для нея не существовало ничего авторитета, ничего вліянія. Она не терѣла тогда посторонняго вмѣшательства и, несмотря на всю свою близость къ отцу Антоніо, вдругъ доказывала ему, что онъ далеко не всецѣло завладѣлъ ея душою. Какой-то упорный бѣсъ сидѣлъ въ этой женщинѣ и мучилъ иногда ей разумъ.

Антоніо замолчалъ. Онъ зналъ, что куда бы они въ монастырь, іезуиты не допустятъ ее до исполненія сумасброднаго плана. Но вѣдь нельзя было силой удерживать ее въ монастырь, если она пожелаетъ вернуться въ свой домъ. Княгиня Беата Острожская не могла пропасть въ іезуитскихъ подземельяхъ. Это значило-бы чезнуть ужъ рискованно и приготовить ордену много неприятностей и бѣдствій. Но и это бы еще ничего — изобрѣтательность и хитрость іезуитовъ пожалуй бы побѣдили всѣ улики и подозрѣнія, съумѣли бы тщательно и безопасно для себя скрыть новую свою тайну. Княгиня Беата не могла безслѣдно исчезнуть по инымъ соображеніямъ. Большая часть ея состоянія, равно какъ и состояніе Гальшки была еще въ ея рукахъ. Съ ея исчезновеніемъ орденъ долженъ бы былъ упустить это богатство—а оно всецѣло предназначалось въ его собственность.

Да, дѣлать нечего — придется обойтись безъ Беаты.

И вотъ, послѣ таинственнаго совѣщанія, одинъ изъ іезуитовъ — почтенный, сѣдовласый патеръ, пробрался въ небольшую, но очень удобную и красиво убранную келью, занимаемую Гальшкой.

Гальшка всѣ дни проводила почти не выходя отсюда. Сначала она чувствовала себя очень слабой. Ея забытіе и обычная апатія смѣнялись порывами отчаянья. Но потомъ она стала находить даже нѣкоторое успокоеніе въ никѣмъ не возмущаемой тишинѣ этой кельи.

Мать къ ней не показывалась. Молчаливая служанка, взятая изъ дому, поспѣшно исполняла свои обязанности и затѣмъ удалялась. Какой-то сгорбленный старикъ итальянецъ приносилъ ей изысканную пищу, на массивномъ серебряномъ подносі.

Долго ли будетъ продолжаться эта тихая жизнь и чѣмъ она кончится?! Вотъ, быть можетъ, скоро явится Гурко, заявить свои законныя права и увезетъ ее. При этой мысли она снова приходила въ себя и содрогалась. То, на что она согласилась нѣсколько дней тому назадъ, теперь представлялось ей чудовищнымъ и невозможнымъ. Все равно, все равно! — пусть дѣлаютъ со мною, что хотятъ! говорила она недавно въ полномъ упадкѣ нравственныхъ силъ. Но вотъ повне ужасы, случившіеся съ нею, не убили ее, а, напротивъ, возбудили въ ней всю жизнь, на какую еще была способна душа ея. Она въ первый разъ за всѣ эти тяжкіе полтора года взглянула на судьбу свою съ негодованіемъ и горечью.

Американская Выставка в Филадельфии. Русский отряд художествъ: Масляница; картина профессора Свєржкова.
Рис. на деревѣ Досевъ, грав. Сташковскій.

Брещеніе въ Батакомбахъ; картина профессора Чекарини. Рис. на деревѣ Бонаморе, граф. Чептенари.

До сихъ поръ она только мучилась, тосковала и молилась, чтобъ побѣдить сердечный ропоть. Она старалась никого не винить и подчинялась волѣ матери во всемъ, за исключеніемъ вопроса о православіи. Подъ конецъ ея апагія и жалкая покорность стали переходить почти въ тихое помѣшательство. Последнее потрясеніе, измѣна Зоси, страшныя рѣчи матери дали ей толчекъ—и она очнулась. Здѣсь, въ этой уютной кельѣ, она поняла что слабость, выказанная ею, была преступной, недостойной человѣка слабостью. У нея отняли все, что было ей дорого, ее отравили медленнымъ ядомъ, а она и не пробовала бороться! Когда-то она горячо любила мать, она хорошо понимала свои обязанности передъ нею; но въѣдъ та цѣлымъ рядомъ неслыханныхъ, ужасныхъ поступковъ доказала ей, что долженъ быть предѣлъ дочернему послушанію и смиренію. Кто же, наконецъ, ея злѣйшій врагъ, какъ не княгиня? Кто убилъ ея мужа, кто вытягивалъ всю ея душу, заставляя отказаться отъ вѣры, въ которой она была воспитана, кто страшно оскорбилъ ее, ни въ чемъ не повинную такими словами, что она даже боится повторить ихъ въ своихъ мысляхъ?! Боже, прости ее, но она не можетъ больше считать княгиню матерью...

И теперь она будетъ бороться, покуда смерть не положитъ конца ея усилямъ. Она не можетъ и не должна больше такъ жить, она, при первой возможности, убѣжитъ изъ дому. Она найдетъ добрыхъ людей, которые доставятъ ее къ князю Константину, а онъ дастъ ей возможность—все равно гдѣ, въ монастырѣ или у него въ домѣ—запереться навсегда отъ свѣта и отдаться одной молитвѣ... Какъ могла она не сдѣлать этого гораздо раньше? Что такое творилось съ нею? гдѣ былъ ея разумъ?!

Но что же теперь, если явится Гурко? Въѣдъ она не можетъ же быть его женою... Боже, что она сдѣлала! какъ могла она дойти до такого непонятнаго безумства?! Она не знаетъ какъ это будетъ, она знаетъ только одно, что не пойдетъ къ Гуркѣ, не опозоритъ себя его прикосновеніемъ... Развѣ возможно подобное супружество, развѣ оно не равняется самоубійству?!

Ей становилось страшно и она начинала горячо молиться.

Въ одну изъ такихъ минутъ кто-то постучался у ея двери.

Она отворила и увидѣла стараго монаха.

— Что вамъ нужно, отецъ мой? съ изумленіемъ спросила она.

Иезуитъ взглянулъ на нее добродушно и ласково и просилъ позволенія поговорить съ нею о дѣлѣ.

„Опять католичество!“ раздражительно подумала она и молча указала ему на ступль.

Онъ сѣлъ и началъ тихимъ, пріятнымъ голосомъ:

— Дочь моя, я знаю, что ты страдаешь, что жизнь твоя не радостна... и некому тебя утѣшить, и ты окружена врагами. Я знаю, что ты съ предубѣжденіемъ смотришь на религію, которую я исповѣдую и невольно должна глядѣть на меня какъ на недруга и навязчиваго, непрощеннаго гостя... Но если даже горе и несправедливости людскія ожесточили твое сердце, все же оно такъ еще молодо, что не можетъ не понять естественныхъ побужденій другого сердца. Прошу тебя, забудь, что я католическій монахъ и смотри на меня просто какъ на человѣка... Когда то у меня была тоже дочь, тамъ, далеко, въ Италіи... и я схоронилъ ее... Видя твою молодость, зная о твоихъ несчастіяхъ я не могу о тебѣ не думать, и не жалѣть тебя... И вотъ я пришелъ къ тебѣ, чтобъ поговорить съ тобою о твоёмъ тяжеломъ положеніи и поискать изъ него выхода...

И онъ остановился въ волненіи. Онъ глядѣлъ на Гальшку какъ добрый отецъ и очевидно съ трудомъ сдерживалъ слезы, уже блестящія на глазахъ его.

„У него такой искренній, добрый видъ, онъ даже

плачетъ... но, Боже, въѣдъ и Зося казалась искренней и плакала! подумала Гальшка.

— Благодарю васъ, отецъ мой: но я не вижу, чтобы вы могли для меня сдѣлать, сказала она.

— Сдѣлать я точно могу очень мало, отвѣтила иезуитъ: но позволь мнѣ откровенно высказать мои мысли...

— Я васъ слушаю.

— Чувствуешь ли ты влеченіе къ жизни въ свѣтѣ, къ земному блеску?

— Зачѣмъ вы меня спрашиваете объ этомъ?! Если вы знаете мое прошлое...

— Да, да, перебилъ иезуитъ: прости меня—мой вопросъ излишевъ... Слѣдовательно я не ошибаюсь, думая, что ты ищешь тишины и успокоенія, желалъ бы посвятить себя Богу?..

Блѣдныя щеки Гальшки слабо вспыхнули, въ лицѣ изобразилось раздраженіе. Она уже была не та, что прежде—теперь она умѣла пегодовать и возмущаться.

Она поднялась съ своего мѣста и довольно рѣзко отвѣтила иезуиту

— Я знаю, что вы хотите сказать мнѣ... Вы хотите предложить мнѣ это успокоеніе. Моя мать не пуститъ меня въ православный монастырь, такъ я должна перейти въ католичество и съ вашею помощью постричься... Въѣдъ такъ?! Но, отецъ мой, я уже давно все это слушаю, а новаго вы мнѣ не скажете!

Монахъ даже вздрогнулъ и невольно смутился отъ такой неожиданности. Онъ никакъ не могъ предположить отъ Гальшки подобнаго отвѣта—значитъ ему ее плохо списали. Но въѣдъ не уходитъ же:

Онъ горько вздохнулъ и печально взглянулъ на Гальшку.

— Да, и это самое и хотѣлъ сказать тебѣ, потому что никто другого тебѣ и сказать не можетъ. Но и хотѣлъ тебѣ сказать это, быть можетъ, иначе, чѣмъ ты до сихъ поръ слышала... Я католикъ и готовъ сейчасъ же принять мученія за свою вѣру... елибъ я родился и былъ воспитанъ въ православіи, я думалъ бы также, какъ и ты, и считалъ бы свой переходъ въ иную религію грѣхомъ великимъ. И знаю, что я не сталъ бы слушать никакихъ увѣщаній, точно также, какъ и ты это дѣлаешь. Но, дочь моя, Господь милосердъ и бываютъ въ жизни человѣка такія минуты, когда Онъ разрѣшаетъ невинный обманъ ради благой цѣли и спасенія... Какъ слуга Божій, прихожу я къ тебѣ, чтобъ внушить добрую мысль и разсѣять твои сомнѣнія. Ты равно будешь служить Богу молитвой, безгрѣшной жизнью и добрыми дѣлами, какъ въ русскомъ монастырѣ, такъ и въ монастырѣ католическомъ. Я настаиваю не на твоёмъ переходѣ въ нашу религію, я не стану доказывать теперь тебѣ твоихъ заблужденій. Я просто хотѣлъ бы помочь твоему спасенію. Подчинись только видимо волѣ твоей матери, только внѣшнимъ образомъ прійми католичество, а внутри себя, тайно обращаясь къ Богу, скажи, что остаешься при прежней вѣрѣ и вынуждена принять на себя словесный обманъ только въ силу тяжкихъ обстоятельствъ. И Господь разрѣшитъ тебѣ это, и не отратитъ отъ тебя лица своего. Католичка только по внѣшности, ты останешься православной въ душѣ своей... А крестъ и Евангеліе, и святая молитва одни и тѣ-же во всѣхъ монастыряхъ христіанскихъ—и вашихъ и нашихъ... Если въ моихъ словахъ ты видишь что-нибудь, кромѣ желанія помочь тебѣ и указать единственный, возможный для тебя выходъ—суди меня, а я удалюсь, сокрушаясь по тебѣ и моля за тебя Бога...

Онъ говорилъ съ Гальшкой на своемъ родномъ, прекрасномъ языкѣ и произнесъ эту рѣчь кроткимъ и нѣсколько грустнымъ голосомъ. Содержаніе ея было заманчиво, способъ дѣйствій, предлагаемый имъ, дѣйствительно могъ привести Гальшку къ ея цѣли. Но она

возмущалась всё своимъ сердцемъ, вслушиваясь въ слова его.

Онъ кончилъ. Что она отвѣтитъ? Неужели онъ не съумѣетъ убѣдить ее, неужели онъ не далъ своими послѣдними словами новаго толчка ея мыслямъ?!...

— Отецъ мой! отвѣтила Гальшка спокойно и просто. Я вѣрю въ ваше желаніе мнѣ добра и пользы. Но откуда вы знаете, что ложь и обманъ, что ложная клятва разрѣшаются Богомъ когда бы то ни было? Въ этомъ и не могу вамъ вѣрить—я знаю, что это неправда.

Иезуитъ постарался не смутиться. Онъ пробовалъ развивать свою мысль дальше, говорилъ долго, убѣдительно, краснорѣчиво. Но всё его доводы, основанные на сличкомъ житейской, практической точкѣ зрѣнія, не могли поколебать Гальшку.

Они не понимали другъ друга.

Онъ вышелъ изъ ея кельи такимъ же грустнымъ и соболѣзующимъ, какимъ и пришелъ, и только рассказывая въ собраніи отцовъ о своей неудачѣ, разразился негодованіемъ на неразумное упрямство Гальшки.

XI.

Но всему Острожскому замку быстро расходился, на разные лады повторяемый, рассказъ о приключеніяхъ Сангушки и вѣсть о его пріѣздѣ. Многие упорно отказывались вѣрить всему этому; но вотъ имъ удавалось взглянуть на князя—и сомнѣніямъ не оставалось мѣста. Да, это онъ, живой и невредимый... Но какъ же онъ постарѣлъ, какъ измѣнился! Видно не легко дались ему эти полтора года! Но слава Богу, слава Богу! Вотъ уже просвѣтлѣло мрачное лицо князя Константина и разомъ какъ будто новая жизнь прилила въ замокъ. Всё суетились, разговали и судили, что теперь будетъ...

Много было разнаго люду въ замкѣ—попадались и добрые люди, попадались и негодные. Много было разноголосицы, споровъ и перекоровъ. Но въ одномъ всё сходилось и стояли какъ одинъ человекъ—въ тепломъ, восторженномъ чувствѣ къ прекрасной Гальшкѣ. Она представлялась всёмъ добрымъ ангеломъ замка, вѣчной и всеобщей заступницей передъ княземъ Константиномъ. Ее никто не забывалъ, объ ней постоянно шли тихіе, грустные разговоры. Ея горькую судьбу оплакивали. „Что-то теперь съ нашей голубушкой, загубили ея друга милаго, загубили и ее, сердечную!“ со слезами на глазахъ говорили женщины. И мужчины не сбѣялись надъ такой чувствительностью, надъ жалкимъ словами, а сами задумывались и угрюмо молчали. Но Гальшкѣ всё полюбили и князя Дмитрія Андреевича, и его оплакивали. Среди населенія замка сложилась даже легенда о любви княжны прекрасной. Рассказывалось съ поэтическими прикрасами и подробностями о томъ, какъ она и князь Сангушко на балу открылись другъ другу—будто кто нибудь могъ знать это кромѣ душистой, лѣтней ночи, да подслушивавшаго въ кустахъ блѣднаго іезупта...

Теперь всё надѣялись на счастливую развязку страшной исторіи и съ нетерпѣніемъ ждали событій.

Тѣже самыя надежды питалъ въ себѣ и князь Константинъ, и Сангушко. Острожскій на время забывалъ всё свои дѣла и заботы. Онъ быстро снаряжалъ значительное войско и только что оно было готово, двинулся во главѣ его съ княземъ Дмитріемъ Андреевичемъ въ Краковъ.

Они остановились не въѣзжая въ городъ. Константинъ Константиновичъ отправился одинъ во дворецъ королевскій. Тамъ шло обычное ликованіе, дряхлѣющей Сигизмундъ-Августъ наполнялъ свою жизнь всякимъ вздоромъ. Однакоже онъ тотчасъ принялъ Острожскаго, просившаго аудіенціи съ глазу на глазъ. Князь повелъ рѣчь смѣло и рѣшительно. Онъ сразу рассказалъ въ чемъ дѣло и объявилъ, что Сангушко дожидается за городскими воротами съ отлично вооруженнымъ и зна-

чительнымъ войскомъ. Что нибудь одно—или король поступитъ какъ государь добрый и справедливый, уничтожитъ силу сенатскаго декрета и прикажетъ возвратити мужу законную жену, или онъ, князь Константинъ Острожскій, вмѣстѣ съ Сангушкою, тотчасъ же покинутъ предѣлы Польши и Литвы и перейдутъ на службу къ царю Московскому. Пусть король собираетъ свое войско и шлетъ его имъ въ погоню. Настигнуть ихъ—войска сразятся и неизвѣстно еще, за кѣмъ останется побѣда.. Пусть король задержитъ теперь же князя Константина—и черезъ нѣсколько часовъ огромное войско добудетъ его изъ дворца королевскаго, изъ-подъ замковъ и дверей тюремныхъ. Пусть король немедленно велитъ казнить его—но въ такомъ случаѣ вѣдь онъ знаетъ, чѣмъ можетъ кончиться дѣло.

Король былъ смущенъ и взволнованъ этой неожиданной рѣчью. Онъ дѣйствительно понималъ всю силу угрозъ князя Константина, а бороться съ нимъ ему почти не предстояло возможности. Волненіе въ Литвѣ, насильственные мѣры противъ ея главнѣйшаго представителя—допустить это было бы весьма неблагоприятнымъ шагомъ. Да и кромѣ того, несмотря на всю свою чистоту душевную, король еще способенъ былъ отзываться на человѣческія чувства. Онъ понималъ, что передъ нимъ не дерзкій наглець, а мужественный человекъ, требующій отъ него справедливости. Но видно Острожскій еще не знаетъ того, что случилось съ его племянницей. И король показалъ ему только что полученное письмо Беаты, передалъ о просьбѣ Гурки.

Князь Константинъ просто ошолбенѣлъ на мѣстѣ. Боже! еще нѣсколько дней и все было бы потеряно, и совершилось бы самое гнусное насиліе! О, что они сдѣлали съ его несчастной Гальшкой, до чего довели ее! Но, слава Богу, еще есть время. Гальшья не вдова, ея первый мужъ живъ—второе вѣнчанье незаконно.

Долго бесѣдовалъ онъ съ королемъ и подъ конецъ они совершенно поладили. Сигизмундъ-Августъ былъ тронутъ рассказомъ о несчастіяхъ Гальшки и приключеніяхъ Сангушки. Онъ обнялъ князя Константина и сказалъ, что отъ души прощаетъ ему его грубыя слова и угрозы. „Хорошо, что никто насъ не слышалъ—забудемъ и мы объ этомъ“. Онъ явился въ сенатъ, чего съ нимъ давно не бывало, и своими пріемами и рѣшительной рѣчью напомнилъ окружающимъ то время, когда онъ, забывъ всю свою природную слабость, энергично защищалъ страстно любимую имъ Варвару Гастольдъ и принудилъ признать ее королевой.

Послѣ долгихъ преній, сенатъ согласился на королевское требованіе: князь Сангушко объявлялся свободнымъ отъ всякаго преслѣдованія и законнымъ мужемъ Елены Острожской. Притязанія Гурки падали сами собою—ему оставалось только удалиться въ свое воеводство и постараться утѣшить себя нанной Зосей. Онъ такъ и сдѣлалъ. Зоси долго потомъ проклинала тотъ день, въ который она связала свою судьбу съ этимъ жестокимъ, безсердечнымъ человекомъ...

Скоро войско Острожскаго мчалось по дорогѣ въ Вильну. Князь Константинъ и Сангушко везли съ собою приказъ короля Беатъ; но не радостны были ихъ мысли. Какою еще застанутъ они Гальшку? До чего довела ее, что съ нею сдѣлала эта безумная мать—врагъ ихъ лютой. Князь Константинъ видѣлъ себѣ молчаливымъ упрекъ въ глазахъ Сангушки. Но что же могъ онъ сдѣлать? сколько разъ пытался хлопотать онъ въ Краковѣ, сколько разъ пробовалъ увидѣться съ Гальшкой. Законъ, холодный и неумолимый, заступалъ ему дорогу. Неисповѣдимы пути Божіи; тяжелое послалъ Онъ имъ испытаніе; но неистощимо Его милосердіе и положить Онъ конецъ всёмъ ихъ мукамъ и бѣдамъ.

Сангушко съ ужасомъ помышлялъ о томъ, что только день еще, быть можетъ,—и онъ навсегда бы лишился Гальшки. Мелькнула было въ немъ и еще одна

страшная мысль: а что если Гальшка забыла его и утѣшилась, что, если она добровольно, по влеченію сердца обвинчалась съ Гурко? Но съ негодованіем отогналъ отъ себя мысль эту Дмитрій Андреевичъ. Развѣ онъ не знаетъ Гальшку, развѣ онъ смѣетъ подозрѣвать ее! Нѣтъ, видно и вправду заслужилъ онъ тяжкія бѣды и горе, обрушившіяся на его голову, если допустилъ себя хоть на мгновеніе усумниться въ женѣ своей. Когда же, когда они, наконецъ, дойдутъ! Какъ они встрѣтятся? Жива ли она, здорова ли? Боже, сколько выстрадавала она за это время!...

Темно было и пустынно на улицахъ Вильны. Настный вечеръ давно загналъ жителей по домамъ. Лавки съ товарами были заперты. Только сторожа изрѣдка перекликались другъ съ другомъ да лаiali цѣпныя собаки. Съ утра еще началась сильная оттепель — по чернѣвшій снѣгъ таялъ и образовывалъ мутныя лужи. Теплый порывистый вѣтеръ стучалъ о ставни и забивался въ щели. Темной, унылой громадой глядѣлъ костель и монастырь отцовъ іезуитовъ. По длиннымъ, слабо освѣщеннымъ корридорамъ мелькали черныя фигуры. Иногда образовывались группы въ нѣсколько человѣкъ, оживленно разговаривали и передавали что-то другъ другу.

Въ монастырѣ готово было совершиться насильственное постриженіе Гальшки.

Княгиня Беата все время настаивала на своемъ планѣ и послала письмо къ Олельковичу — Слуцкому, объявляя ему, что соглашается выдать за него дочь, если онъ немедленно явится въ монастырь съ изряднымъ количествомъ людей и священниковъ. Сама же она боится вернуться домой, такъ какъ съ часу на часъ можетъ прѣхать Гурко и разстроить дѣло. Само собою, что письмо это не было передано князю. Іезуиты объявили Беатѣ, что его нѣтъ въ Вильнѣ. Но вмѣстѣ съ ложью они принесли и правдивое извѣстіе; ихъ шпионы, давно разосланные къ городскимъ воротамъ объявили, что въ городъ вѣзжаютъ многочисленное войско. Время мирное — откуда же это войско? Невозможно было сомнѣваться въ томъ, что это Гурко во всеоружіи закона и военной силы.

Княгиня поблѣднѣла. Она поняла, что времени терять нечего. Еще часть, другой — и ея врагъ ворвется сюда и силой отыметъ Гальшку.

— Можно ли постричь ее теперь же, сейчасъ? спро-

сила она унавшимъ голосомъ.

Для отцовъ-іезуитовъ рѣдко что казалось невозможнымъ. Они отвѣтили, что для этого нужно только привести Гальшку въ костель и черезъ полчаса все уже будетъ кончено.

Княгиня бросилась къ дочери.

— Слѣдуй сейчасъ за мною! грозно сказала она ей. Гальшка не шевельнулась.

Я не выйду отсюда! разлышала Беата ея тихій голосъ.

— Что? что! — ты не выйдешь — ну такъ я вытащу тебя силой.

Она стала звать Антоніо и другихъ монаховъ. Они были тутъ же, у двери.

— Моя дочь должно быть помѣшалась или она такъ слаба, что не можетъ сама двигаться. Пожалуйста возьмите ее и перенесите.

Нѣсколько человѣкъ подошло къ Гальшкѣ. Она теперь поняла, куда хотя тѣ увлечь ее. Она видѣла, что ей невозможно отъ нихъ вырваться, что только чудо можетъ спасти ее. Ей оставалось одно — рыдать, стонать и защищаться до послѣднихъ силъ, до самой смерти.

И вотъ эта слабая, запуганная женщина сдѣлалась страшной. Она вскрикнула дикимъ голосомъ и неестественнымъ усиленіемъ оттолкнула отъ себя двухъ монаховъ.

— Звѣри лютые, злодѣи! рыдала она. Оставьте меня! не прикасайтесь ко мнѣ. Боже, защити меня!...

Но ни одинъ изъ нихъ не остановился передъ

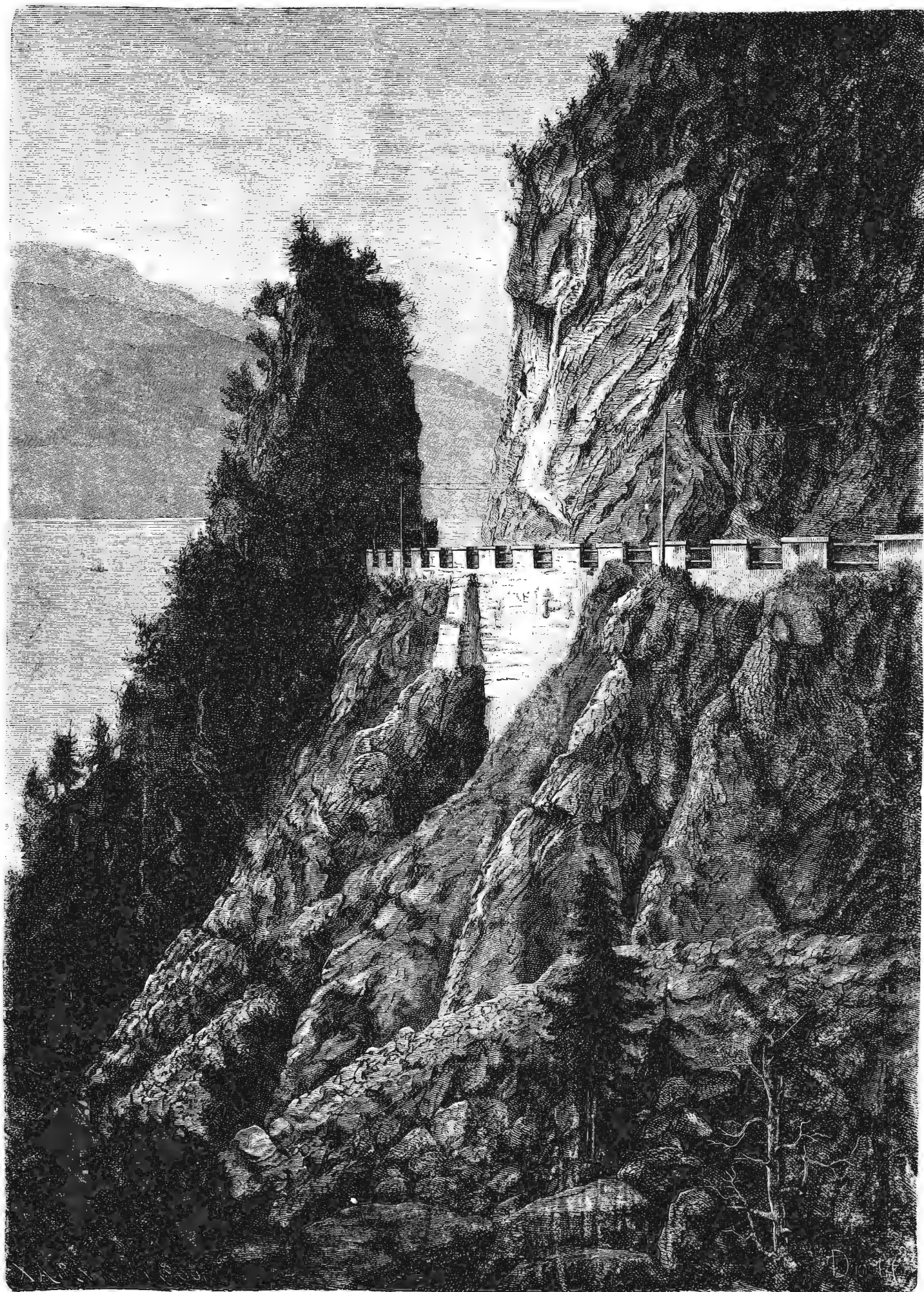
ея ужасомъ и беззащитностью. На ихъ лицахъ не выразилось ничего, кромѣ обычнаго, мрачнаго спокойствія — они дѣйствовали съ разрѣшенія орденскаго начальства, которому были обязаны безусловнымъ послушаніемъ. Они дерзко искушали Бога, призываемаго этой несчастной, они въ Него не вѣрили — они сдѣлали изъ Него только пустую вывѣску.

Гальшка не могла долго защищаться — ее схватили и понесли въ костель, гдѣ уже все было приготовлено для церемоніи.

Раздались торжественные и мѣрные звуки церковной музыки, слова латинской молитвы пронеслись и замерли въ глубинѣ темнаго купола. Гальшку крѣпко держали подъ руки, а она слабо билась и рыдала. Ей казалось, что ее опустили въ какую-то страшную могилу. Великолѣпный костель, свѣтлый и наполненный

Спб. Импер. итальянская опера. Паулина Лукка. Рис. Кольбъ, грав. Келлеръ.

Апенская горная дорога у Фирвальдштетского озера въ Швецарии. Рис. Дольтъ, грав. Брендамуръ.
Библиотека "Руниверс"

благоуханіемъ въ часы публичнаго богослуженія, теперь, при слабомъ мерцаніи свѣчей, представлялся мрачнымъ и говорилъ о смерти. Отъ стѣнъ его вѣяло холодомъ и сыростью; сквозь витрины высокихъ, узкихъ оконъ доносилось завываніе вѣтра.

Княгиня Беата, на колѣняхъ, напрасно силилась молиться. Она только жадно прислушивалась и мучилась продолжительностью службы. Рыданія Гальшки не производили на нее никакого впечатлѣнія—онѣ замирали, не выходя за предѣлы костела, и съ этой стороны она была спокойна. Никто ихъ не услышитъ.

Отецъ Антоніо прислонился къ холодной стѣнѣ и неотрываясь глядѣлъ на Гальшку своими сухими, блестящими глазами. Каждый звукъ ея рыданія, каждое ея конвульсивное движеніе, производили въ немъ дрожь, боль и ужасъ. Но его совѣсть молчала, молчали его мысли. Онъ находилъ какое-то наслажденіе, мучительное и страстное, во всемъ, что онъ теперь видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ...

Гальшка все рыдала и металась. Вотъ уже скоро, должно быть, приступать къ постриженію... вотъ уже что-то собираются дѣлать съ нею.

— Боже! громко воскликнула она. Пошли мнѣ смерть, жался надо мною!..

Но что это?! Кто-то снаружи потрясалъ тяжелыя двери костела.

— Именемъ короля! отворите! явственно разслышали всѣ и вздрогнули, музыка оборвалась, и патеръ опустилъ свои руки, воздѣтый къ небу.

Изъ-за маленькой ниши, гдѣ скрывалась невидимая дверка, появился іезуитъ и спѣшно что-то говорилъ своимъ.

Ни Беата, ни Гальшка не разслышали и не поняли того, что сказалъ онъ. Ихъ окружили монахи, повлекли въ глубину костела, за алтарь. Еще мгновеніе—приподнялся почти безъ звука каменный квадратъ пола, ихъ спустили съ лѣстницы и оставили въ темномъ подземельѣ. Беата поняла въ чемъ дѣло и свободно вздохнула. У Гальшки кружилась голова—она не могла больше ни рыдать, ни кричать, ни молиться.

А между тѣмъ надъ ихъ головами, въ костелѣ—продолжалась вечерняя служба. Нѣсколько монаховъ, и въ томъ числѣ Антоніо, отперли двери.

Передъ ними виднѣлась толпа вооруженныхъ людей, грозная фигура князя Острожскаго и блѣдное лицо Дмитрія Андреевича Сангушки.

Антоніо взглянулъ на это лицо—и что-то ужасное потрясло его. Его волосы встали дыбомъ. Съ искаженными чертами, дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ протянулъ впередъ себя руки, какъ бы желая защититься отъ страшнаго призрака.

Іезуиты, еще не зная кто передъ ними, не видя Гурки, съ дѣланымъ негодованіемъ изумлялись поступку людей, врывающихся въ церковь во время службы. Здѣсь нѣтъ никакой княгини Беаты, здѣсь нѣтъ ея дочери.

— Онѣ здѣсь! вотъ духовникъ ея! разомъ крикнуло нѣсколько голосовъ въ толпѣ воиновъ.

Однимъ движеніемъ и Острожскій и Сангушко хотѣли было кинуться на Антоніо, но побѣдили свой порывъ и взглянули на блѣднаго, потрясеннаго іезуита съ полнымъ презрѣніемъ. Нѣтъ, они не оскверняютъ своихъ рукъ, и къ тому же они въ церкви. Теперь только одно было въ ихъ мысляхъ и сердцѣхъ—скорѣе увидѣть, скорѣе обнять Гальшку.

— Моя племянница, жена князя Дмитрія Сангушко, княгиня Елена Ильинишна здѣсь, въ стѣнахъ этого монастыря, громко обратился князь Константинъ Константиновичъ къ іезуитамъ. Я навѣрное знаю это. Мы съ княземъ пріѣхали за нею. Съ нами приказъ короля и разрѣшеніе употребить въ дѣло военную силу, если княгиня не будетъ намъ добровольно выдана. Скажите

же намъ, гдѣ она, проводите насъ къ ней... Берегитесь, отцы іезуиты, вы вмѣшались не въ свѣдѣніе!.. Исполните немедленно наше законное требованіе, не глумитесь надъ королевской властью и подумайте о послѣдствіяхъ!..

Дѣлать было нечего. Іезуиты знали, что имъ нужно быть крайне осторожными и всѣми силами избѣгать огласки своихъ тайныхъ дѣйствій. Они еще недостаточно укрѣпились въ Литвѣ, они еще не смѣли пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ. Они знали, что Острожскій не задумается привести въ исполненіе свою угрозу, а безцеремонный осмотръ монастыря не будетъ говорить въ ихъ пользу. Нѣкоторые открытія возбуждаютъ противъ нихъ по меньшей мѣрѣ сильныя подозрѣнія. Дѣлать нечего—приходится выдать Гальшку. Но, во всякомъ случаѣ, въ ихъ рукахъ еще останется княгиня Беата...

И вотъ они стали хитрить и оправдываться передъ неожиданными гостями. Точно, двѣ знатныя княгини, мать и дочь, нашли въ ихъ смиренной обители пріютъ, но зачѣмъ же было такъ стучаться въ костелъ и нарушать тишину святаго мѣста. Они никогда не могутъ возстать противъ законныхъ требованій, они сейчасъ проведутъ князей въ отдѣленіе монастыря, гдѣ помѣщаются ихъ гости. Они не вмѣшиваются въ семейныя дѣла, но принимать у себя прибѣгающихъ подъ ихъ защиту—это священное ихъ право...

Такъ она здѣсь! она жива! слава Богу! скорѣе къ ней, скорѣе.

Но іезуиты подъ всякими предлогами мѣшкали. Имъ нужно было время для того, чтобы вывести Беату и Гальшку изъ подземелья! Наконецъ, послѣ долгихъ переходовъ и остановокъ, сопровождаемыхъ нѣсколькими монахами и сотнею своихъ воиновъ, Острожскій и Сангушко остановились у какой-то двери.

— Здѣсь! сказалъ чей-то голосъ.

Князь Дмитрій Андреевичъ съ замирающимъ сердцемъ отворилъ двери.

Передъ нимъ стояла княгиня Беата.

Она еще издали слышала голоса, слышала бряцаніе оружія. Приведшія ихъ сюда изъ подземелья монахи ничего ей не сказали. Она была увѣрена, что сейчасъ встрѣтится лицомъ къ лицу съ Гурко. Обезумѣвшая отъ ярости и злости, она готовилась на страшное дѣло. Уже давно она носила съ собою кинжалъ съ одной завѣтной мыслью. Судьба очевидно желаетъ исполненія этой мысли. Кинжалъ сверкнулъ въ рукѣ ея. Прежде чѣмъ Гурко скажетъ слово, прежде чѣмъ онъ увидитъ Гальшку, она позалитъ его мертваго передъ собою. А тамъ пусть будетъ, что угодно небу...

Дверь отворилась. Беата сдѣлала шагъ и яростно взглянула на входившаго...

И вдругъ она отшатнулась. Оружіе выпало изъ рукъ ея.

— Мертвецъ! дико взвизгнула она и упала навзничь, теряя сознаніе.

Но князь Дмитрій Андреевичъ не видѣлъ всего этого, не замѣтилъ Беаты.

Тамъ въ углу небольшой кельи, было что-то. Какое то блѣдное, блѣдное лицо, съ распухшими и потускнѣвшими отъ слезъ глазами, вдругъ выглянуло на него изъ полумрака.

Онъ вскрикнулъ и шатаясь, протягивая впередъ свои дрожащія руки, кинулся въ келью.

— Гальшка! Гальшка!

Она оставалась неподвижной, она глядѣла и не понимала.

— Гальшка! Гальшка! повторялъ онъ—прижимая ее къ груди своей и обливая ея чужое, помертвѣвшее лицо невольными слезами.

И вотъ судьба сжалилась надъ нею. Она очнулась и зарыдала, охвативъ его шею руками.

— Митя! Митя! Ты жив! ты со мною!

И она поняла наконецъ, что это не сонъ, что такое счастье можетъ быть только на яву, въ дѣйствительности.

Она рыдала, рыдала блаженными, спасающими слезами на плечѣ мужа. И сквозь слезы она видѣла, что чье-то еще другое, родное лицо склоняется надъ нею и знакомый голосъ, прерываясь, шепчетъ ей имя...

А въ это время въ глубокомъ мракѣ монастырскаго подземелья медленно подвигалась тѣнь и неровные, останавливающіеся шаги гулко отдавались подъ каменнымъ сводомъ.

Зачѣмъ зашелъ сюда этотъ человекъ, чего онъ ищетъ безъ огня во тьмѣ сырого корридора... Вотъ онъ остановился тяжело дыша. Только это дыханіе и можно было услышать среди невозмутимой тишины, наполняющей душное подземелье.

Прошло нѣсколько минутъ. Человекъ стоялъ неподвижно. Вдругъ онъ сдѣлалъ быстрое движеніе рукою и заставъ повалился на землю. И долго потомъ слышались стоны и страшное хрипѣнье...

На другой день одинъ изъ іезуитовъ, пробираясь подземнымъ ходомъ, наткнулся на какое-то лежавшее тѣло. То былъ трупъ отца Антоніо. На нѣсколько шаговъ виднѣлась широкая струя крови. Тутъ же нашли и кинжалъ, которымъ онъ нанесъ себѣ нѣсколько ранъ кровавой рукою.

Имя княжны Гальшки до сихъ поръ еще не забыто въ юго-западномъ краѣ. Ея красота и необычныя несчастія вызвали цѣлый рядъ народныхъ разсказовъ. Существуютъ свидѣтельства, судя по которымъ окончаніе ея приключеній было печально. Но народъ не любитъ печальныхъ окончаній. Онъ вѣритъ, что послѣ тяжкихъ бѣдствій, послѣ незаслуженнаго горя, приходитъ счастье. И вотъ онъ воскрешаетъ своихъ героев и надѣляетъ ихъ свѣтлой долей...

Исторія красавицы Гальшки, въ томъ видѣ, какъ она здѣсь разсказана, передается изъ рода въ родъ въ далекихъ уголкахъ Полѣсья. Ее можно слышать и на деревенскихъ посидѣлкахъ, и въ скучные сумерки, гдѣ нибудь въ маленькомъ домикѣ, на самомъ краю городской слободки...

„А что же случилось къ княгиней Беатой? спрашиваютъ обыкновенно слушатели по окончаніи разсказа.

„Что же съ ней другое и могло статься, какъ не то, что отправилась она къ своему папѣ римскому и стала раздавать деньги лысымъ патерамъ, пока еще у нея были деньги“, отвѣчаетъ разсказчикъ.

„А что случилось съ княземъ Острожскимъ, его сыновьями и всѣмъ его родомъ?“ На такой вопросъ не всегда можно дожидаться удовлетворительнаго отвѣта.

Но за полѣскаго разсказчика обстоятельно отвѣчаетъ исторія. Князь Константинъ еще долго боролся, словомъ и дѣломъ отстаивалъ православіе. Онъ учредилъ въ Острогѣ Академію, нѣсколько типографій, издалъ множество книгъ, въ томъ числѣ Новый Заветъ, Псалтырь и наконецъ Библию, извѣстную подъ названіемъ *Острожской*. Онъ умеръ столѣтнимъ старцемъ, послѣ дѣятельной и славной жизни, записанной въ исторіи. Много разнаго горя перенесъ онъ; но не было для него пущаго горя, какъ видѣть сыновей своихъ католиками. Никакія увѣщанія, никакія строгости не помо-

гали съ Янушомъ и Константиномъ. Сѣмя, посеянное іезуитомъ, созрѣло въ душѣ ихъ, и еще въ ранней молодости, оба они тайно перешли въ католичество. Особенно мучился и негодовалъ князь Константинъ глядя на Януша, обладавшаго блестящими способностями. Онъ возлагалъ на него такія надежды, онъ мечталъ увидѣть въ немъ дѣятельнаго себѣ помощника, сильнаго представителя русской народности и православія. Не мало пришлось вытерпѣть молодому князю Янушу отъ вольнаго и невольнаго родительскаго гнѣва. Но онъ остался твердъ въ своемъ отступничествѣ и ушелъ изъ Острога ко двору Сигизмунда III. Здѣсь его ожидала блестящая будущность. Еще молодымъ человекомъ онъ уже былъ назначенъ сенаторомъ и въ теченіи тридцати лѣтъ сидѣлъ въ сенатѣ выше отца своего. Безъ конца сыпались на него королевскія милости; но онъ мало дорожилъ ими и даже принималъ участіе въ возстаніи, предводимомъ Яномъ Радзивилломъ. Онъ скоро усвоилъ всѣ польскіе нравы и обычаи, позабылъ все русское и роскошно жилъ въ Краковѣ польскимъ магнатомъ. Онъ былъ женатъ три раза, но оставилъ послѣ себя только двухъ дочерей и ни одного сына. Его великолѣпный памятникъ еще до сихъ поръ можно видѣть въ Тарновѣ. Изъ трехъ дѣтей князя Константина одинъ младшій Александръ остался вѣренъ православію. Это былъ человекъ прямой и энергичный, скоро ставшій съ отцомъ во главѣ русской православной партіи. Но слишкомъ рано, еще при жизни отца, онъ былъ отравленъ любовнымъ зельемъ, поданнымъ ему въ стаканѣ съ медомъ влюбленной въ него дѣвушкой. Два его сына умерли тоже въ молодыхъ лѣтахъ и съ ними прекратилась мужская линия рода князей Острожскихъ.

Вдова князя Александра, Анна, ревностная католичка, поселилась въ Острогъ тотчасъ послѣ смерти Константина Константиновича. Острожскій замокъ, бывший еще такъ недавно центромъ литовскаго православія, превратился въ іезуитскій монастырь. Отцы іезуиты управляли всѣми дѣлами, пользовались всѣми доходами, владѣли всецѣло совѣстью княгини Анны и ея дочери Алонзы.

Содрогались кости князя Константина въ его родовомъ склепѣ—но іезуиты не боялись выходцевъ изъ могилъ. Они неустанно работали всѣми своими ужасными средствами и въ немногіе годы погубили и обезличили цѣлый прекрасный край русскій, подчинили его дряхлой и большой Польшѣ...

Однако пришелъ конецъ и ихъ владычеству. Они исчезли съ оскверненной ими земли русской. Быстрѣе и быстрѣе исчезаетъ и зло, посеянное ими. Въ развалинахъ стоятъ монастыри ихъ со всѣми своими страшными тайнами, съ цѣпями и грудями костей человѣческихъ, разбросанными въ подземельяхъ. А на этихъ развалинахъ создается православная церковь и звучитъ русское слово. Добродушный, забытый народъ полѣсскій мало по малу пробуждается отъ своей вѣковой спячки. Но все еще не тронута лѣсная глушь и въ ней до сихъ поръ живутъ въ первобытномъ невѣжествѣ тихіе, темные люди. Они продолжаютъ боготворить природу, поютъ свои грустные пѣсни, завиваютъ вѣнки свѣтлому Купалѣ и думаютъ, что Полѣсьемъ управляетъ королева Бона.

(Конецъ).

Вс. Соловьевъ.

ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ФИЛАДЕЛЬФИИ.

(Общій обзоръ выставки).

(Окончаніе).

Въ особомъ отдѣленіи—красивые американскіе модели лодокъ, судовъ и пароходовъ. Есть суда и въ настоящую величину, и веселая лодка длиною 34 фута, а весомъ 49 фунтовъ.

Въ англійскомъ отдѣлѣ—очень богатъ подвижной составъ же-

лезныхъ дорогъ и достойны замѣчанія брони военныхъ судовъ.

Германскій отдѣлъ въ машинномъ зданіи не богатъ. Германия выставила только предметы горнаго и металлургическаго промысловъ, изъ «зеркальнаго» желѣза сдѣлана цѣлая пирамида.

Петербургскій Императорскій Эрмитажъ: Пастбище (Дюжардена). Филиппъ IV (Рубенса). Иоаннъ Собѣскій (Рембрандта). Ванъ-Дейкъ, имъ самимъ писанный. Пастбище (А. Гюиппа). Рис. Делахарлеръ; грав. Паннемакеръ.

Ласна въ воронъемъ гнѣздѣ. Рис. и грав. Ф. Шпехтъ.

Крупнѣе прислалъ исполненное стальное орудіе.

Французское отдѣленіе представляетъ тоже немало интереснаго: тутъ есть машина для пресованія мыла и машина для печатанія литографическихъ картинъ.—Бразилія выставила военные вещи и предметы металлургическаго промысла. Въ Бельгійскомъ отдѣленіи замѣчательна только коллекція великолѣпнаго оружія.

Машинный отдѣлъ европейскихъ государствъ на выставкѣ бѣденъ, и не можетъ служить мѣриломъ машиннаго производства въ Европѣ. Американскія машины и инструменты не только сравнялись съ англійскими, но и превзошли ихъ. Топоръ, лопата, молотокъ, стругъ—все красиво; земледѣльческія орудія и повозки—тоже отличаются изящной отдѣлкой.

Американскія коляски, кареты, сани и дѣтскія коляски представляютъ такое разнообразіе фасоновъ, такъ изящны, прочны и легки, что ни чутъ не уступаютъ экипажамъ, присланнымъ парижскими фабрикантами. Американскіе столеры—краснодеревщики выставили преимущественно роскошную, дорогую мебель, сдѣланную болѣею частью по итальянскимъ образцамъ. Рѣзныя работы очень хороши, имъ не достаетъ только оригинальности. Хорошей и не дорогой мебели на выставкѣ мало, хотя въ очень многихъ частныхъ домахъ въ Филадельфіи и Нью-Йоркѣ можно видѣть красивую черную ореховую мебель отличной работы и удивительно дешую. Относительно механическихъ приспособленій американскіе столеры превзошли даже англійскихъ Тяжелый раздвижной столъ раздвигается очень легко помощью колдоворота, который можно вставлять и вынимать. Выставлена также кровать, которую при посредствѣ рычага можно превратить въ очень изящный шкафъ. Мебельный отдѣлъ другихъ государствъ не богатъ и не представляетъ ничего новаго. Австрія выставила извѣстную плетеную мебель; англійская мебель превосходна въ техническомъ отношеніи, только рисунки инкрустацій не отличаются изяществомъ.

Итальянская мебель щеголяетъ превосходною рѣзбовою, рисунки во вкусѣ Renaissance хорошо выполнены. Въ египетскомъ отдѣлѣ видное мѣсто занимаетъ шкафъ, изъ чернаго дерева, слоновою кости, перламутра и черепахи. Французская мебель самая изящная; есть мебель съ фарфоровыми и фаянсовыми украшениями, съ рисунками во вкусѣ прошлаго вѣка.

Американскія ковровыя издѣлія не страдаютъ пестротой, узоры ихъ составлены по образцамъ восточныхъ рисунковъ.—Голландскіе далеко ушли въ подражаніи индійскимъ, персидскимъ, мавританскимъ и турецкимъ ковровымъ рисункамъ. Англійскіе богаты индійскими и персидскими коврами.—Турція выставила емирскіе ковры; Японія—массу косматыхъ одѣялъ; рисункомъ ихъ состоитъ болѣею частью изъ простыхъ геометрическихъ фигуръ. Австрія не прислала ни одного ковра. Бельгія тоже, за то она щеголяетъ gobelеновыми обоями; но они все-таки уступаютъ gobelеновымъ обоямъ, французскимъ; послѣднимъ коммиссія выставки отвела мѣсто въ галлерей искусствъ.

Американскіе мраморные камины, вазы и пр.; по качеству матеріала, богатству украшеній и по красотѣ архитектуры не уступаютъ работамъ бельгійцевъ, англичанъ и французовъ. Въ Америкѣ въ большомъ ходу камины изъ разрисованнаго шифера, по цвѣту и блеску очень похожіе на мраморныя. Они дешевы и прочны.

Американскія глиняныя издѣлія, фарфоры и фаянсы плохи; американцы это сознаютъ и уже скупили лучшія фаянсовыя и фарфоровыя вещи другихъ государствъ.

Англія и Франція прислали богатую коллекцію издѣлій изъ фарфора и фаянса.—Датскія глиняныя издѣлія представляютъ болѣею частью подражанія древнимъ образцамъ.—Египетъ прислалъ свои темнокрасныя и черныя глиняныя сосуды.—Италія великолѣпныя майолики и деревенскую глиняную посуду.—Японія прислала огромное количество своихъ глиняныхъ издѣлій.

Стекляныя издѣлія болѣею частью американскихъ и австрійскихъ экспонентовъ. Венеція же, славящаяся своимъ стекломъ и хрусталемъ, прислала гораздо болѣе мозаичныхъ работъ, чѣмъ люстръ, зеркала и кубковъ.

Европейскіе серебряныхъ дѣлъ мастера почти не приняли участія во всемирной выставкѣ; только въ англійскомъ отдѣлѣ эта отрасль промышленности заняла довольно солидное мѣсто. Американская фирма Тиффани и К^о выставила серебряныхъ вещей на миллионъ руб. Между прочимъ Тиффани прислалъ вазу, имѣющую въ диаметрѣ 5 ф. 4 д., а въ вышину 4 ф. 2 д. Фигурами, украшающими вазу, изображена вся исторія Сѣверной Америки. Между массою изящныхъ вещей заслуживаетъ еще вниманія маленькій сервизъ въ персидскомъ вкусѣ, стоящій 20,000 долларовъ.

Такихъ изящныхъ бронзъ, какъ французскія, ни въ какомъ другомъ отдѣлѣ нѣтъ.

Венеція, Римъ и Флоренція прислали богатѣйшія мазанки. Французскія шелковыя матеріи конечно первенствуютъ предъ другими. Лучшія кружева—вѣнскіе и брусельскіе.

Бразильскій отдѣлъ, богатый сырыми продуктами выставилъ вѣера, гирляды, букеты изъ перьевъ колибри. Дамы мѣютъ отъ восторга, при видѣ такихъ соблазновъ.

Англія и голландскія колонія, кромѣ коллекцій рудъ, металловъ, шерсти, сала и т. п. выставили карты топографическія, геологическія, сельскохозяйственныя и промышленныя, стати-

стическія таблицы. Отдѣлъ искусствъ—самая слабая часть выставки. Лучшіе европейскіе живописцы и скульпторы ничего не прислали. Лучшія картины:—во французскомъ отдѣлѣ—картина Жоржа Беккера: «Ресфа, защищающая тѣла своихъ сыновей отъ хищныхъ птицъ» (рисункомъ ея помѣщенъ въ № 5 «Нивы»); въ австрійскомъ—картина Маккарта «Катерина Карнаро»; въ германскомъ—Штеффера «Кронпринцъ прусскій». Въ Скандинавскомъ нѣсколько превосходныхъ пейзажей сѣверной природы. Въ Испанскомъ только копія Веласкеса, Мурильо и др. Въ русскомъ видное мѣсто занимаетъ «Масляница» Сверчкова, помѣщаемая въ настоящемъ № «Нивы».

Интереснѣе всѣхъ павильонъ «правительственный», американскаго военнаго и морскаго министерствъ, патентнаго статистическаго бюро, главнаго управленія государственными имуществами и правительственной типографіи. Кромѣ громадныхъ орудій, масса предметовъ изъ арсеналовъ и интендантскихъ складовъ. Въ морскомъ отдѣлѣ много моделей по судостроенію и рыболовству.

Земледѣльческій отдѣлъ, одинъ изъ лучшихъ. Первое мѣсто принадлежитъ Америкѣ. Плоды, овощи и злаки необыкновенной величины, различные предметы скотоводства, образчики искусственныхъ удобреній достойны серьезнаго вниманія. Вся другія государства, принявшія участіе въ выставкѣ, прислали свои сельскохозяйственные продукты. Рядомъ съ павильономъ сельскохозяйственной выставки находится помѣщеніе для сельскохозяйственныхъ машинъ.

Павильонъ цвѣточной выставки, представляется волшебнымъ садомъ

Женскій павильонъ, произвелъ всеобщее разочарованіе: въ немъ массы вышивокъ, кошелекы, аяварельныхъ рисунковъ, плодовъ досуга. Эта выставка *даромъ затраченного времени*.

Русскій отдѣлъ, занимающій небольшое мѣсто, произвелъ самое благоприятное впечатлѣніе. Выставка русскихъ вещей указала на взыхнувшую въ Россіи любовь къ національнымъ формамъ и рисункамъ. И дѣйствительно, во всемъ виденъ слѣдъ національнаго, совершенно оригинальнаго вкуса и замѣтно стремленіе создавать свое, русское, а не подражать заграничнымъ образцамъ. Корреспондентъ одной солидной голландской газеты выразился такъ: «Русскій отдѣлъ долженъ быть безспорнымъ признанъ богатѣйшимъ по вышности и самымъ интереснымъ изъ всѣхъ по содержанію».—Выставлены работы Сизкова, Овчинникова, Постникова и др. золотыхъ дѣлъ мастеровъ.

Изъ бронзы замѣчательны работы Ф. Шопена и Штанге. Петербургскіе фабриканты, гг. Герсикъ и Верфель, выставили вещи изъ малахита, ляниса-лазури, яшмы и др. сибирскихъ камней. Русскіе мѣха г. Гринвальда изъ Риги (муфты, шапки, воротники и т. п.), и вещи изъ соболя фирмы «Одноушѣвскаго и сыновья» заслуживаютъ вниманія. Торговый домъ: «Ведерниковъ-Михайловъ» прислалъ русскій національный костюмъ боярыни.—По шляпной части отличилась фирма «Чуркина» изъ Петербурга, а по выставкѣ тяжелыхъ матерій (шарца, газетъ, бархатъ) братья Сыговы (петербургскіе) и Сапожниковы (московскіе). Русскіе сукна, драпъ, трико, одѣяла, шерстяные издѣлія, ситцы, миткали и бумажная пряжа обращали на себя вниманіе. Укажемъ фамиліи русскихъ экспонентовъ: баронъ А. Л. Штиглицъ, Гарелины (Иваново-Вознесенскъ), Я. Паль, Зимины, Гилле и Дитрихъ (Жирардовское село), Михайловы и Традеръ (Москва) и Коммихау изъ Бѣлостока. Мебель и вообще издѣлія изъ дерева могутъ считаться образцовыми по красотѣ рисунка и отдѣлки. Далѣе, образчики разной бумаги (писчей, почтовой, цвѣтной и т. д.) изъ фабрикъ варшавскихъ, финляндскихъ и отъ Товарищества Невской писчебумажной фабрики Варгуниныхъ. Рядомъ съ этой массой бумаги конторскія книги и хирургическіе наборы—издѣлія хирургическаго инструментальнаго завода военнаго министерства. Между этими инструментами обращаетъ на себя вниманіе аппаратъ для бальзамированія труповъ (д-ра Выводцова).

Похвалы заслужили карты и планы, фотографическія и гальваническія работы военнотопографическаго отдѣла Главнаго Штаба. Иностранцы—эксперты признали труды эти безукоризненными и лучшими на выставкѣ. Атласы и карты изъ мастерской А. Ильина въ С.-Петербургѣ занимаютъ также видное мѣсто.—Строгоновское центральное училище технического рисованія въ Москвѣ выставило работы своихъ питомцевъ, а также прислало нѣсколько великолѣпныхъ изданій своего музея. Эта выставка заслуживаетъ громкую похвалу.

Товарищество російско-американской резиновой мануфактуры въ С.-Петербургѣ выставило одежду, хирургическіе, дорожные и хозяйственные предметы изъ каучука. Эти вещи относительно внутренняго своего достоинства сѣбѣ могутъ поспорить съ произведеніями того-же сорта американскихъ и англійскихъ фирмъ.

Собраніе учебныхъ пособій педагогическаго музея Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній оставалось передъ собой массу публики. Классная мебель, напр., призвана экспертами наиболее практичною (по формѣ и конструкціи), т. е. менѣе другихъ вредно влияющею на здоровье молодого поколѣнія. Тутъ-же, въ особыхъ шкафахъ, выставлены образчики обмундированія и снаряженія нижнихъ чиновъ нашей армии. Не забыты бѣлая рубаха, кожаные штаны и бѣлая кепи героевъ Хивинскаго похода.

Воросомъръ Каттары, разрывомъръ капитана Смородинова и высотомъръ Менделъева, профессора С.-Петербургскаго университета—заинтересовали американцевъ, въ особенности послѣдній (Рисунки высотомъра и статья о немъ будутъ въ скоромъ времени помѣщены въ „Нивѣ“).

Горный институтъ представилъ обширную коллекцію рѣдкихъ минераловъ. Американцы сознаются, что эта коллекція богаче ихъ коллекцій минераловъ въ Вашингтонѣ.

Въ машинномъ и металлическомъ русскихъ отдѣлахъ первое мѣсто принадлежатъ издѣліямъ заводовъ князя Демидова-Санъ-Донато. Жельзо листовое, по качеству своему, особенно понравилось американцамъ, которые съ большой похвалой отозвались и о другихъ вещахъ, какъ напр., о рельсахъ, стали, мѣди, образцахъ золота и платино-содержащихъ песковъ, шпиховомъ золотѣ, коллекціи малахитовъ и образчиковъ разныхъ рудъ. Чугунъ заводовъ Уаймской и Пермской губерній, замѣчательныя издѣлія пермскихъ пушечныхъ заводовъ, жельзо и пѣпи воткинскаго адмиралтейскаго ижорскаго завода, приславшаго жельзные котельные листы—все это какъ слѣдуетъ оценено и компетентными людьми, и публикой. Общество путиловскихъ заводовъ въ С.-Петербургѣ, выставивъ массу замѣчательныхъ предметовъ, прислало еще модели зданій, построенныхъ по идеѣ г. Путилова, изъ старыхъ, негодныхъ рельсовъ. Эта новинка пришла въ вѣсусъ нашимъ заатлантическимъ друзьямъ; имъ очень понравилась мысль г. Путилова—воспользоваться старыми рельсами для возведенія построекъ.

Всеобщее вниманіе обратили на себя предметы нашихъ вѣдомствъ морского и артиллерійскаго. Модели военныхъ судовъ «Петръ-Великій» «Жемчугъ», императорской яхты «Ливадія» и парохода «Александръ II» положительно поразили иностранцевъ. Выставлены и пушки, и мортиры, и образцы брони, но этими предметами американцы мало увлекаются, зная, что старуха Европа чувствуетъ къ нимъ нѣкоторую слабость, впрочемъ, по ходу исторіи, извинительную.

Скоропечатный аппаратъ г. Алисова привлекаетъ любопытныхъ. О немъ уже появился отчетъ въ солидныхъ изданіяхъ Нью-Йорка и Филадельфіи. Американцевъ заинтересовали также различныя станки, учебной мастерской петербургскаго Технологическаго института, и коллекціи инструментовъ и образцовъ для обученія столярно-модельному, токарному, слесарному и кузнечному мастерствамъ. Большое вниманіе возбуждаютъ модели паровой машины съ параллелограмомъ и регуляторомъ академика П. Л. Чебышева.—Скажемъ въ заключеніе, что со времени открытія выставки общее число посѣтителей было 8,453,923 человекъ, входная плата дала сумму 3,279,484 долларовъ.

Общее число наградъ экспонентамъ (бронзовыя медали—другихъ отличій не было) на выставкѣ 447. Изъ этого числа Россія получила болѣе 2/3 наградъ и такимъ образомъ вышла съ великою для своей промышленности чстью изъ этого международнаго состязанія.

Щ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Крещеніе въ Катакомбахъ.

(Картина Чикарини).

Римскія катакомбы вызываютъ воспоминанія о томъ времени безмолвнаго и въ тоже время не обыкновеннаго, знаменательнаго по своей внутренней силѣ протеста христіанства противъ таиннаго въ себѣ самомъ зачатка разложенія, языческаго міра. Для знакомства съ этимъ замѣчательнымъ временемъ столкновеія двухъ міровъ смѣемъ указать на поэмѣ А. Н. Майкова «Два міра», достойную вниманія каждаго образованнаго человека, какъ по силѣ художественныхъ красотъ, такъ и по глубинѣ ея идеи. Картина, изображенная профессоромъ Чикарини, можетъ служить такъ сказать пополненіемъ того впечатлѣнія, которое даетъ чтеніе поэмѣ «Два міра» Сюжетъ картины—«Крещеніе въ Катакомбахъ». Не станемъ дѣлать къ ней объясненій, ибо изъ перваго взгляда на картину видно ея содержаніе.

Говоря о Чикарини, нельзя не упомянуть объ учрежденіи Санъ-Микели (въ Римѣ) въ которомъ онъ воспитывался (впоследствии сдѣлался тамъ же профессоромъ) и которое служить въ настоящее время предметомъ распрѣй между духовенствомъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія. Учрежденіе Санъ-Микели, какъ извѣстно, находится подъ управленіемъ графа Ловарелли и нѣсколько разъ совершенно распалось и снова возникало.

Принимаются туда старикн, юноши, женщины и мужчины. Плата взимается не болшая, но бесплатныхъ не принимаютъ. Юноши получаютъ художественно-ремесленное воспитаніе.

Въ этомъ учрежденіи, кромѣ обыкновенныхъ ремесленниковъ получили первоначальное художественное образованіе многие стяжавшіе впоследствии не малую славу, какъ т.э. Меркури и Каламата, замѣчательные граверы; Беттини, Котони, Бокарди—пѣвцы, достигшіе большой извѣстности. Кромѣ того, лучшіе римскіе золотыхъ дѣлъ мастера и литографички вышли изъ этого же заведенія. Ежегодная выставка устраиваемая въ немъ, привлекаетъ въ свои обширныя залы самый цвѣтъ столичнаго общества, чтобы любоваться замѣчательными произведениями искусства и ремесла.

Заведеніе это очень богато, но для поддержки бѣдныхъ получало огромную субсидію отъ папскаго правительства, которая, прекращена была въ 1871 году. Министерство народнаго просвѣщенія приняло это заведеніе подъ свое покровительство, и нельзя сказать, чтобы оно пострадало отъ этой благотворной перемѣны.

Паулина Лукка

Въ № 26-мъ «Нивы» за 1871 г. былъ помѣщенъ портретъ извѣстной пѣвицы Паулины Лукка и рассказъ (съ нѣмецкаго) подъ заглавіемъ «Петербургская примадонна Лукка на театрѣ военныхъ дѣйствій». Рассказъ этотъ, по словамъ автора, записанъ со словъ самой г-жи Лукка, отправившейся тогда во Францію, отгаскивать раненаго своего мужа, поручика Ф. Радена. Не безъ неприятностей (особенно въ то время) обшлась ей эта поѣздка въ Понт-а-Мусонъ, гдѣ лежалъ раненый поручикъ. Городокъ этотъ превратился тогда въ обширный лазаретъ; надъ каждымъ домомъ развѣвался печальный флагъ съ крестомъ. Трудно было молодой женщинѣ найти тамъ гвардейскаго поручика Ф. Радена, но она нашла его и увезла на родину тя-

жело раненаго. Обладая весьма счастливою, симпатичною наружностью, артистка эта на сценѣ очаровательна, особенно въ роляхъ Гретхенъ въ «Фаустѣ» Гуно Церлины въ «Донъ-Жуанѣ» Моцарта, Пажы въ «Свадьбѣ Фигаро» Моцарта, Еленоры въ «Трубадурѣ» Верди, Валентины въ «Гугенотахъ» Мейербера и Зелики въ «Африканкѣ» его-же. Паулина Лукка родилась въ Вѣнѣ 25-го апрѣля 1841 г. Родители ея были небогатыя евреи. Отчасти подъ вліяніемъ условій жизни, отчасти же благодаря прекрасному своему голосу (mezzo-soprano), она рано сдѣлалась пѣвицей. Первоначально училась она пѣть у Юсефа Рупрехта, а потомъ работала надъ своимъ голосомъ подъ руководствомъ профессоровъ Леви и Отто Усманиа. Рассказываютъ, что на первыхъ порахъ начальство столичной оперы тѣшило молодую пѣвицу, не давая ей даже самыхъ небольшихъ партитуръ, полагая сдѣлать изъ нея просто хористку. Достоверно то, что Паулина Лукка завоевала себѣ извѣстность, приобрѣла «имя», играя на сценахъ маленькихъ провинціальныхъ театровъ въ Ольмюцѣ и Прагѣ, гдѣ она много и усердно училась. Когда газеты уже достаточно протрубили о новой примадоннѣ—она была приглашена въ Берлинъ, занявъ мѣсто придворной оперной пѣвицы. Дебюты въ Берлинѣ упрочили славу ея. Мейерберъ принялъ въ ней живое участіе и въ продолженіи восьми мѣсяцевъ давалъ ей уроки «драматическаго пѣнія». Изъ рукъ такого мастера г-жа Лукка вышла настоящей артисткой. Въ настоящее время г-жа Лукка (теперь баронесса фонъ Вальгофенъ) находится въ Петербургѣ и посѣтителы итальянской оперы уже слушаютъ ея очаровательное пѣніе. Голосъ ея такъ-же прелестенъ, какъ и прежде.

Ласка.

Если вы, читатель, лѣто проводите за городомъ, напр., гдѣ нибудь въ деревнѣ, и любите бродить по полямъ, забираться въ лѣсную глушь, то вамъ, навѣрно, не разъ удавалось встрѣчать хорошенькаго звѣрка—ласку, этого хитраго, неутомимаго хищника, который по ловкости своей, находчивости и отвагѣ принадлежитъ къ самымъ интереснымъ животнымъ нашей фауны. Горностай и ласка пользуются такою всеобщю извѣстностью, что едва-ли нужно описывать наружность ихъ, но такъ какъ многие не отличаютъ горностая отъ ласки, хотя по размѣрамъ они далеко не одинаковы, то не мѣшаетъ указать на рѣзкій отличительный признакъ горностая. Этотъ звѣрекъ не такъ часто встрѣчается, какъ ласка; длина его 10—12 дюймовъ; конецъ хвоста *всегда* черный; у ласки-же (длина ея семь дюймовъ) хвостъ не имѣетъ такой отиѣтки, онъ только значительно темнѣе цвѣта шерсти остальной части тѣла. Зимомъ оба эти звѣрка одѣты въ шубку ослѣнительной бѣлизны; лѣтомъ цвѣтъ ихъ шерсти на синиѣ бурый, на брюшкѣ и лапкахъ бѣлый, иногда съ крапинками. Ласка встрѣчается и въ городахъ, вообще въ мѣстахъ человѣческаго жилья; гнѣздится гдѣ нибудь въ сараѣ, на дворѣ, въ подвалѣ; горностай рѣдко попадаетъ въ обитаемыхъ мѣстностяхъ—и то всегда въ одиночку. Вотъ что рассказываетъ о горностаяѣ одинъ наблюдатель, имѣвшій случай видѣть этого красиваго звѣрка въ городѣ.

«Жилъ я въ домѣ кожевника. Окна моей рабочей комнаты выходили на дворъ, гдѣ происходила выдѣлка кожи. На дворѣ была дубильная яма, аппараты для выварки клея и окраски кожаныхъ доскутовъ. Вблизи двора этого пролегалъ открытый каменный водосточный каналъ. Однажды—это было въ под-

день, рабочие ушли, дворъ опустѣлъ, и вотъ явилось откуда-то нѣсколько крысъ—очевидно съ дѣлю попользоваться мездрую. Пустивъ въ нихъ хорошій зарядъ дроби, я отвадилъ этихъ длиннохвостыхъ появляться на дворѣ среди бѣлаго дня. Разъ утромъ, въ воскресенье, сядя съ книгою у открытаго окна, я услышалъ какое-то странное пыхтѣнье, пискъ и шумъ возни въ кучѣ кожъ. Минуты спустя оттуда выскочили бойцы—горностаи и крыса. Последняя никакъ не хотѣла уступить первому схваченный ею кусокъ, но горностаи изловчился и, схвативъ крысу зубами за затылокъ, уложилъ на мѣстѣ».

Этотъ-же наблюдатель видѣлъ нѣсколько разъ ласокъ, охотившихся неподалеку отъ каменоломни за полевыми мышами и ящерицами. Ботанизируя однажды въ молодомъ буковомъ лѣсу, онъ вдругъ услышалъ отчаянный крикъ сойки, поднялъ голову и увидѣлъ на деревѣ ласку, которая успѣла вытаснить изъ гнѣзда птенцовъ этой пташки и умертвить ихъ. Сайка напала на хищника и началась драка. Ласка, не выпуская изъ заднихъ лапъ убитаго птенчика, ловко отбивалась отъ ударовъ клювомъ наносимыхъ ей разгнѣванной матерью.

Горностаи и ласка разбойничаютъ направо, убивая слабѣйшую тварь просто изъ кровожадности, а не потому, чтобы только утолить голодъ свой. Охотники безопасно истребляютъ этихъ маленькихъ хищниковъ (особенно горностаю), производящихъ свои баши-бузукские набѣги на птичьи гнѣзда.

Аксенская горная дорога у Фирвальдштетскаго озера.

Ни одно изъ швейцарскихъ озеръ не представляетъ въ такихъ сравнительно тѣсныхъ рамкахъ столько красоты и величія, какъ Фирвальдштетское. Горы-великаны — Риги, Пилотъ, Штанцеръ, Ури-Ротштокъ и Аксень, обрамляющие его, придаютъ берегамъ этого озера такой живописный видъ, какой врядъ ли найдется еще гдѣ-либо въ подлунномъ мѣрѣ. Изъ бухтъ самая красивая Урнерская (Урнер-зее), о которой упоминается въ драмѣ Шиллера «Вильгельмъ Тель». Озеро это довольно оживлено, благодаря плавающимъ по нему пароходамъ и паруснымъ судамъ. Но кто хочетъ вполне насладиться всѣми красотами Фирвальдштетскихъ водъ и самаго побережья — пусть найметъ лодку и прогуляется по всему озеру или, если ноги выносливы, — предприметъ путешествіе пешкомъ по берегу. Обойти озеро, не спѣша, можно въ четыре дня. Хорошій дороги и прекрасныя гостиницы много облегчатъ такое путешествіе, но наиболѣе удобствъ для такой прогулки представляетъ Аксенская дорога, идущая по склону Аксенберга. Съ этой дороги открывается обширная, очаровательная панорама Урнерской бухты, Грютля, Зеллиберга, Ури-Ротштокъ и др. прелестныхъ пунктовъ этой мѣстности. Аксенская дорога (часть ея изображена на нашей картинѣ) почти на всемъ своемъ протяженіи пробита въ скалахъ, а начинается она у мѣстечка Бруненъ, лежащаго среди великолѣпныхъ луговъ и ведетъ къ Флюэлену, который находится въ трехъ миляхъ отъ того мѣстечка. Эта прекрасная, широкая, провзкая дорога, продолженная лѣтъ десять тому назадъ и стоившая 570,000 фр., замѣнила крутую, опасную тропинку, по которой въ 1799 г. французскій генералъ Декурбъ, преслѣдуя русскую армию, бывшую подъ начальствомъ Суворова, прошелъ съ своими солдатами ночью при свѣтѣ факеловъ.

Картины Спб. Имп. Эрмитажа.

(Рембрантъ, Рубенсъ, Ванъ-Дейкъ, Дюжарденъ и Гюйпль).

Предъ нами нѣсколько картинъ художниковъ фламандской школы. Средняя—Рембрандтъ: «Иванъ Собѣскій».

Иванъ III Собѣскій, король польскій (род. въ 1629 г. † 10 іюля 1696 г.), въ исторіи своего времени занимаетъ весьма видное мѣсто. Онъ въ 1664 году спасъ Польшу отъ турокъ въ 1674 году онъ ходилъ на помощь Австріи, освободилъ Вѣну, разбивъ турокъ, и этимъ тогда спасъ отъ нихъ всю христіанскую Европу. Теперь, въ виду событий настоящаго времени, когда приходится «спасать славянъ» отъ турецкаго ига, не грѣхъ помянуть добрымъ словомъ этого короля.

Скажемъ два слова о Рембрандтѣ:

Рембрандтъ гениальнѣйшій изъ фламандскихъ художниковъ, стоитъ во главѣ такъ называемой «школы натуралистовъ», направленію которой онъ положилъ первое и прочное основаніе.

Сила красокъ и свѣто тѣни, могущественное волшебное освѣщеніе, необычайная сила висти въ картинахъ Рембрандта изумляютъ зрителя. Живые образы выдаются изъ полотна его, безобразныя лица подъ вліяніемъ волшебнаго освѣщенія преобразуются.

Быстрота работы Рембрандта была почти баснословна. Будучи скрупулезъ отъ природы, и съ лѣтами получивъ чуть ли не болѣзненную страсть къ золоту—Рембрандтъ, что бы не трагитиса на пріисканіе натураликовъ, безъ всякой церемоніи бралъ перваго попавшагося на улицѣ мужика, свою служанку, жену, вухарку, одѣвалъ ихъ во всевозможные костюмы, и схватывая ихъ лица со всѣми ихъ страстями, ощущеніями, передавая ихъ

душу на полотно свое, онъ передавалъ ихъ характеры часто не соответствующіе избранному предмету.

Съ себя самого онъ оставилъ болѣе 100 портретовъ.

Мастерская Рембрандта освѣщалась маленькимъ окошкомъ и отъ этого свѣтъ въ его картинахъ всегда сосредоточенъ на одной массѣ. На счетъ шероховатости своей кисти, Рембрандтъ остроумно замѣчалъ, что картины пишутся не за тѣмъ, чтобы ихъ нюхать. Кромѣ картинъ масляными красками, Рембрандтомъ много было сдѣлано гравюръ крѣпкой водкой (офортовъ), и эта работа одна сама по себѣ могла прославить и обезсмертить громкое его имя.

Павелъ Рембрандтъ родился 15 іюня 1606 года, близко отъ Лейдена, на мельницѣ своего отца на берегу Рейна.

Въ нашемъ Императорскомъ Эрмитажѣ отведена для его работъ цѣлая галлерей, такъ много и у насъ его произведеній.

Отъ средняго портрета Ивана Собѣскаго, перейдемъ къ двумъ другимъ, помѣщеннымъ по сторонамъ его. Одинъ слѣва—Филиппа IV, работы Рубенса и справа портретъ Ванъ-Дейка, писанный имъ самимъ.

Это работа учителя и ученика. Оба они—знаменности, хотя и представляютъ полную противоположность одинъ другому. Сходство ихъ ограничивается только въ стремленіи къ пластикѣ, но Рубенсъ выдвигаетъ на первый планъ наружность, внѣшній видъ живописуемыхъ имъ фигуръ, всякую мысль облекаетъ въ пыльное неудержимое дѣйствіе—Ванъ-Дейкъ же стремится въ изображаемыхъ картинахъ отмѣтить мысль и чувство.

Какъ живописецъ портретный, Ванъ-Дейкъ превосходитъ учителя и имѣетъ соперникомъ только Тициана.

Знаменитая коллекція «Ста портретовъ», написанныхъ рукою самого Ванъ-Дейка, въ позахъ и разнообразной обстановкѣ которыхъ онъ далъ полную волю своей роскошной фантазіи, сохраняется до сихъ поръ въ галлерейхъ и музеяхъ Европы, къ чести искусства, къ вѣчной славы творца ея.

Но силой и мощью таланта Рубенсъ стоитъ выше Ванъ-Дейка. Богатство воображенія и вымысла у Рубенса не имѣютъ предѣловъ. Съ необыкновенной легкостью пишетъ онъ громадныя историческія картины, смѣло и бойко накладываетъ на полотно ожесточенный пылъ яростной битвы. Разъяренные фуріи съ бичами изъ сплетшихся змѣй, громадные замки, неприступныя мѣстности, очаровательныя группы дѣтей, несущія цвѣтныя пирамиды; сюжеты изъ области мифологіи, исторіи и изъ обыденной жизни—все полно гениальностью и совершенствомъ, и болѣе полуротатисячъ картинъ, имъ написанныхъ, не истощили творчества его гигантскаго таланта.

Кисть-же Ванъ-Дейка въ картинахъ историческаго содержанія можно назвать нѣсколько женственной, хотя и его нѣкоторыя картины составляютъ чудо искусства. Но вообще, въ этомъ отношеніи талантъ его не былъ вполне самобытнымъ, и великій Рубенсъ не безъ основанія совѣтовалъ своему ученику посвятить себя преимущественно портретной живописи.

Петръ Павелъ Рубенсъ родился въ Кельнѣ, въ 1577 г. въ день Св. Апост. Петра и Павла. Отецъ его былъ докторомъ правъ. До 16-ти лѣтняго возраста великій художникъ не создавалъ въ себѣ своего назначенія. Умеръ онъ на 63 году своей шумной, славы жизни и былъ погребенъ со всевозможною пышностью при церкви Св. Іакова. Городъ Антверпенъ поставилъ на могилѣ его канелду и воздвигъ въ честь его колоссальную бронзовую статую. (Нѣкоторыя свѣдѣнія о Рубенсѣ помѣщены въ Нивѣ 1876 г. № 9).

Ванъ-Дейкъ былъ сынъ зажиточнаго торговца полотнами въ Антверпенѣ. Родился въ 1599 г. Любовь къ живописи имъ наследована отъ его матери, хорошей рисовальщицы и большой любительницы изящныхъ искусствъ. И на долю Ванъ-Дейка выпала завидная участь быть оцѣненному при жизни, при жизни пользоваться самымъ завиднымъ почетомъ, громкою славой.

Относительно портрета Рубенса «Филиппа IV», слѣдуетъ замѣтить, что это одинъ изъ шести испанскихъ королей (французскія королей, Филипповъ, какъ извѣстно, было тоже шесть). Филиппъ IV, сынъ Филиппа III и Маргариты Австрійской (род. въ 1605 † 1665 г.). Онъ вступилъ на престолъ 16 лѣтъ. Въ его царствованіе Испанія лишилась, въ пользу Франціи, Артоа и Эльзаса, и Португалія объявила себя независимой. Последникомъ послѣ него остался Карлъ II.

Верхняя картина—Пастбище, раб. Дюжардена. Дюжарденъ родился въ Амстердамѣ въ 1640 г. былъ ученикомъ Берхема.

Мягкость и нѣжность его колорита особенно обнаруживается въ его пейзажахъ. Написанныя имъ фигуры животныхъ, и карикатуры, отличаются рѣдкой легкостью и свободой висти. Лучшей картиной Дюжардена считаютъ написаннаго имъ «Шарлатана». Художникъ этотъ рано умеръ и велъ скитальческую жизнь.

Нижняя картина — также Пастбище. Принадлежитъ имени Альберта Гюйппа. Годы рожденія и смерти этого величайшаго живописца фламандской школы стигаютъ различно. Одни увѣряютъ, что Гюйппъ род. 1606 г. и † въ 1667; другіе, что онъ род. въ 1605 г. † въ 1691 г.

Мастерство Гюйппа изображать природу было изумительно. Онъ охватывалъ всю природу и съ равнымъ искусствомъ одинаково прекрасно писалъ портреты, птицъ, плоды, морскіе пейзажи.

(Продолженіе на стр. 867, 868, 869 и 870).

заяжи, свѣтъ луны. Плодовитость воображенія Гюинпа такъ велика, что художникъ разнообразяетъ свои картины до безконечности, хотя во всю жизнь онъ не видѣлъ другого неба, кромѣ неба Нидерландъ.

Альбертъ Гюинсъ почти единственный въ своемъ родѣ; соперникъ его Фанъ-Гоенъ болѣе поверхностенъ и болѣе монотоненъ.

Подробности жизни Гюинпа точно неизвѣстны. Его современники и самъ онъ долго не знали цѣну его таланта и только въ концѣ XVIII столѣтїя были оцѣнены картины этого великаго живописца. Онъ былъ ученикъ своего отца.

Л. К.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Засѣданїя предварительной конференціи, кончены. Общій результатъ этихъ работъ, повидимому, удовлетворителенъ, такъ какъ на дняхъ, т. е. 11 декабря въ субботу, должно состояться первое засѣданіе официальной конференціи. Сколько извѣстно, на официальной конференціи, сверхъ представителей шести великихъ державъ, будутъ участвовать *опа* представителя Порты: министръ иностранныхъ дѣлъ Савветъ-Паша и турецкій посолъ въ Берлинѣ Эджемъ-Паша, съ готовою программой, которая будетъ подлежать измѣненію и дополненію. Предметы обсуждения на официальной конференціи раздѣляются на три категорїи: а) Обсужденіе условій, на которыхъ имѣетъ быть заключенъ миръ между Портою, Сербїею и Черногорїею. б) Опредѣленіе реформъ для возставшихъ провинцій. в) Установленіе гарантїи въ дѣйствительномъ приведеніи въ исполненіе реформъ. Очевидно, что *последній* пунктъ самый главный и существенный и, при несогласїи въ немъ, конференція не достигнетъ своей цѣли.

Разумѣется, предвѣщать исходъ дѣла невозможно. Но при взвѣшиванїи прелестей, тормозящихъ желательный исходъ совѣщанїи на конференціи, нельзя не упомянуть, что на дняхъ, наканунѣ настоящихъ совѣщанїи, въ Константинополѣ совершился переворотъ. Великій визирь Махмедъ-Ружди-паша отрѣшенъ отъ должности и на мѣсто его назначенъ Митхадъ-паша, извѣстный авторъ пресловутой на скоро сострипанной турецкой конституціи и, по мнѣнію англійскихъ газетъ, будущїи реформаторъ Турціи. Съ этою переменою визиря, Турція начинаетъ почему-то возвышать свой голосъ. Телеграфъ отъ 8 (20) декабря принесъ извѣстіе, что Митхадъ-паша высказывается въ весьма воинственномъ духѣ, и ни подъ какимъ видомъ не допускаетъ занятїя турецкой территорїи. Надо замѣтить, что Митхадъ-паша — заклятый врагъ Россїи, энергически сопротивляющийся всякимъ уступкамъ и настаивающій на томъ, чтобы *все* осуществленіе реформъ было предоставлено Портѣ. Недавно, недлинные большаго курьеза, извѣстія, о похищенїи бывшаго султана Мурада и о покушенїи на жизнь президента турецкаго государственнаго совѣта, т. е. Митхада-паши, занимавшаго доселѣ этотъ постъ — суть только не болѣе какъ прелюдіи для вѣрнѣйшаго полученїя Митхадомъ поста великаго визиря. Нѣкоторыя газеты видятъ въ возвышенїи Митхада-паши, смѣлый вызовъ всей Европѣ со стороны Турціи. Конечно это преувеличеніе, но во всякомъ случаѣ положеніе дѣлъ значительно усложнилось. Въ самомъ Константинополѣ, однако, думаютъ, что назначеніе Митхада-паши великимъ визиремъ ускоритъ разрѣшеніе кризиса.

Инсургенты Боснїи и Герцеговины представили членамъ конференціи меморїю, въ которой изложены всѣ жалобы, выставленныя ими въ разные періоды великимъ державамъ, со времени военныхъ дѣйствїи на Балканскомъ полуостровѣ. Въ этой меморїи, составленной отъ имени Боснїи и Герцеговины, излагаются желанїя райи въ 6-ти пунктахъ. Что касается Сербїи и Черногорїи, то, въ виду того, что конференція не согласилась на допущеніе къ совѣщанїямъ специальныхъ представителей этихъ княжествъ, — князя Миланъ и Николай прислали свои меморїи, въ которыхъ излагаютъ свои желанїя, требованїя и условїя; со стороны болгаръ представлена записка, и всѣ эти документы будутъ представлены на обсужденіе конференціи нашимъ посломъ генераломъ Игнатьевымъ. Таковы въ общихъ чертахъ, отношенїя заинтересованныхъ въ дѣлѣ славянъ Балканскаго полуострова къ имѣющимъ открыться засѣданїямъ конференціи.

Что касается, въ частности, Сербїи, то и тамъ положеніе дѣлъ усложняется: произошелъ министерскїи кризисъ. Телеграфъ извѣстилъ насъ отъ 8 (20) декабря, что отставка сербскаго министра въ послѣдствїи по настоянію австрійскаго генеральнаго

консула, князя Вреде. Недоразумѣнїя начались съ того, что 7 (19) декабря два австрійскїе монитора на которыхъ находились австрійскїи и германскїи консулы, маневрировали *) передъ стѣнами бѣлградской цитадели. Караульный цитадели, безсмысленно напоминая мониторахъ объ удаленїи, — сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ изъ ружья. Князь Вреде приказалъ отвѣтить съ австрійскаго монитора на огонь караульнаго. Дѣйствительно, съ мониторовъ сдѣланы два пушечные выстрѣла въ стѣны Бѣлградской цитадели. Происшествїе это повело за собою несчастїе на одномъ изъ мониторовъ: вслѣдствїе воспламененїя патроновъ, ранено 14 человекъ. Князь Миланъ, по полученїи объ этомъ извѣстія, лично выразилъ австрійскому генеральному консулу свое глубочайшее сожалѣніе. Въ то же время стало извѣстно, что поданнымъ министерствомъ просьбы объ отставкѣ князь Миланъ принялъ, и сербское правительство, желая избѣжать затрудненїи, намѣрено дать Австрїи, по поводу этого случая, полное удовлетвореніе. Но австрійскїе монитора все-таки продолжаютъ маневрировать передъ Бѣлградскою крѣпостью, а сербскїи агентъ въ Вѣнѣ, Кучикъ, вызванъ оттуда княземъ Миланомъ по телеграфу. Посятся слухи также, что и самъ князь Вреде отозванъ съ своего поста. Что касается образованїя новаго министерства въ Сербїи, то говорить, что составленіе новаго Кабинета уже поручено Мариновичу (недавно вѣдшему въ Петербургъ по особымъ порученїямъ). Съ другой стороны, говорятъ о министерствѣ Каленича. На мѣсто теперешняго военнаго министра назначенъ Чолокантичъ, бывший начальникъ Ибарской арміи.

Недавно нѣмецкія официальные газеты, въ виду слуховъ о воинственныхъ приговорахъ Германїи, высказали, что Германія не имѣетъ никакого повода къ тому, чтобы подвергать опасности жизнь хотя-бы одного «померанскаго мушкетера», для достиженїя цѣлей, которыя до-нынѣ имѣютъ лишь второстепенную и даже третестепенную связь съ жизненными интересами германскаго народа. Англійскїя газеты, съ своей стороны высказываютъ мысль, что если Порты воспротивится постановленїямъ конференціи, то подобный образъ дѣйствїи изолируетъ ее и повлечетъ за собою прекращеніе дипломатическихъ сношенїи между Англїею и Портою, что хотя занятїе Болгарїи русскими войсками прискорбно для Ангаїи, но что тѣмъ не менѣе она этому занятїю препятствовать не будетъ, ибо интересы ея сосредоточены на Босфорѣ, и его будетъ она охранять, когда наступитъ опасность. И такъ покажетъ итъ, по видимому элементовъ, могущихъ нарушить локализованную войну. Телеграфъ извѣстилъ насъ, что лорду Силисбери даже формально приказано совѣтовать Портѣ *принять предложенїе о занятїи Болгарїи*, въ какой-бы формѣ оно ни было сдѣлано.

Въ Америкѣ продолжается ожесточенная борьба между республиканскою и демократическою партїями, вызванная событїями, о которыхъ мы сообщали въ предшествовавшемъ нашемъ полит. обозрѣнїи.

Но не на одномъ только сѣверѣ Новаго Свѣта положеніе тревожно. Въ Мексикѣ, получившей такую извѣстность междуусобными войнами, и въ послѣднее время — трагическою смертїю Максимилиана, положеніе дѣлъ также становится серьезнымъ. Тамъ началась междусобная война, сколько извѣстно до сихъ поръ — неудачная для правительства Мексиканскаго президента Лердо-Техада. Предводителемъ революціонныхъ войскъ является герой Порфиріо Дїасъ, прославившїи еще при Хуаресѣ, непреклонной стойкостью противъ занявшихъ Мексикку французовъ. Въ битвѣ, происходившей 16 ноября (нов. ст.) между правительственными и республиканскими войсками, войска прав. потеряли 2,700 чел., а Порфиріо Дїасъ 1.400.

Новыя сочиненїя о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

По случаю празднованїя въ нынѣшнемъ году столѣтїя существованїя Сѣверо-Американской республики, весьма понятно, должно было увеличиться число вновь вышедшихъ въ свѣтъ книгъ, трактующихъ о прошломъ и настоящемъ этой республики, о самомъ ея основанїи, о развитїи колонїи, о развитїи демократическаго принципа, имѣвшаго чисто-пуританское начало и т. д. Предметъ такъ богатъ, точекъ зрѣнїя, съ которыхъ можно разсматривать его, существуетъ такое множество, что представляется весьма важнымъ для читателя вопросомъ такъ сказать ориентироваться въ этомъ разнообразїи возрѣнїи, при помощи книги безпристрастно и съ большаго числа сторонъ изображающей исторїю Соединенныхъ Штатовъ.

Остановимся на книгѣ Гиггинсона, (изданїе на нѣмецкомъ

языкѣ) о Сѣвер. Американской республикѣ. Она имѣетъ твердую тенденцію быть популярною «народною», и этотъ характеръ выдерживаетъ отъ начала до конца. Правда, весьма подробныя объясненїя того, что должно, быть извѣстно всакому знакомому съ исторїей, дѣлаютъ многїя мѣста въ книгѣ Гиггинсона слишкомъ элементарно-поучающими, а потому и скучноватыми; но какъ скоро книга имѣетъ въ виду именно массу народа, то знакомїи съ исторїей читатель, конечно, претендовать не долженъ. Общїи планъ книги, однако, весьма хорошъ. Предъ читателемъ постепенно развертывается картина, сначала съ не-

*) Маневрированїе это, говорятъ, вызвано случаемъ съ пароходомъ «Раденскїи», съ котораго высадились на сербскую территорїю болгарскїе пассажиры, опасавшїися что австрійскїи пароходъ «Раденскїи» выдѣст ихъ въ Видинскїи турмакъ.

ясными, неопредѣленными чертами, но затѣмъ получающаяся грандиозность размѣровъ, строгость очертанія, яркость красокъ. Исторія колонизаціи сѣверной америки принадлежитъ къ самымъ интереснымъ мѣстамъ книги. Авторъ, конечно, пользовался для этого огромнымъ богатствомъ матеріаловъ заключающемся въ классическомъ и огромномъ по объему трудѣ *Банкрофта*, посвященномъ именно исторіи колонизаціи сѣверной америки, а также трудомъ *Тильби* (этотъ послѣдній авторъ «исторіи Сѣверо-Американскихъ колоній» замѣчательно высокоимъ мастерствомъ изложенія). Гиггинсону удалось въ общей картинѣ, не вдаваясь въ излишнія частности, схватить цѣлое въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ. Первоначальные обитатели сѣверной америки обыкновенно называются индѣйцами. На самомъ дѣлѣ, это названіе не точное, навязанное европейцами. Въ различныхъ частяхъ страны они носили различныя названія напр.: могикианы, пикоты, массакузетты, паррагензетты, гуроны, ваннаосги, но все эти народцы принадлежали только къ двумъ большимъ семействамъ: *алюкиновъ* и *ирокезовъ*. Европейцы всехъ ихъ застали одѣтыми въ звѣриныя шкуры. Обиліе украшеній, манера расписывать лицо яркими красками, столь возмущившая пуританскихъ проповѣдниковъ, дѣленіе на кланы, посредствомъ изображеній волка, оленя, жабы, бобра, медвѣдя, улитки, слѣды вѣрованія въ безсмертіе душъ, вѣра въ одушевленность вѣтровъ и небесныхъ свѣтилъ—все это, не представляя чего нибудь особенно типичнаго, служило, однакоже, обильнымъ матеріаломъ для поэтическихъ сказаній, переданныхъ намъ, напримѣръ, американскимъ поэтомъ Лонгфелло въ его «Пѣвѣ».

Къ числу интереснѣйшихъ страницъ исторіи сѣверо-американской республики принадлежитъ именно исторія ея колонизаціи испанцами, французами и, наконецъ, англійскими пуританами. Дѣло случилось такъ, что англійско-пуританскій элементъ заселилъ собою все другіе элементы и сдѣлался зерномъ, зародышемъ всей сѣверо-американской колонизаціи. Испанцы, пытавшіеся первые колонизировать сѣверную америку, дали ей общее названіе Флориды. Французы съ своей стороны, дали ей названіе «франчески», «канады» или «новой Франціи». Судя по стариннымъ глобусамъ, Канада или Новая Франція обнимала восточную половину береговъ Атлантическаго океана, вся же къ югу лежащая отъ нея часть называлась Флоридою и принадлежала испанцамъ. Между тѣмъ, между Канадою и Флоридою, еще широко поюсой вдавались поросшія первобытными лѣсами дѣвственные земли, требовавшія колоссальной энергіи, чтобы захватить ихъ и удержать за собою. Здѣсь схватилась за дѣло желѣзная рука англичанина. Вся эта обширная полоса земель названа Виргиніей (отъ латин. *Virgo*—въ честь дѣвственницы королевы Елизаветы). Борьба съ препятствіями юной колонизаціи въ этой полосѣ была безпримѣрная. Набѣги дикарей, дикихъ звѣрей, голодъ, землетрясенія и другія бѣдствія не сломали, однако, англійской настойчивости. Первый ребенокъ, рожденный въ этомъ мѣстѣ, отъ англійскихъ родителей былъ прозванъ «мужествомъ дѣвы» (*Virginin-Dare*).

Богъ знаетъ, однакоже, какая была бы судьба англійскихъ первыхъ колоній, если бы успѣху ихъ не содѣйствовалъ чисто внѣшній импульсъ—именно гоненіе на пуританъ въ Англій. Гонимые рѣшились переселиться въ Америку, и этотъ почти исключительный пуританскій наплывъ переселенцевъ въ Америку въ XVII вѣкѣ даетъ свою печать самой исторіи Великой Республики, даетъ ей характеръ, до такой степени типичный, что первый періодъ исторіи колонизаціи Сѣверо-Американскихъ штатовъ можетъ быть названъ «исторіей пуританъ, выселившихся въ сѣверную америку. Пуритане перенесли съ собою за океанъ принципъ демократической свободы, зерно развившихся впоследствии государственныхъ учрежденій. Сначала, конечно, проявлялось у нихъ много суровой нетерпимости, жестокостей, даже звѣрствъ относительно напримѣръ секты квакеровъ; но это уже было неизбежнымъ характеромъ тогдашняго вѣка, отразившагося даже на такомъ величественномъ и плодотворномъ для американскаго развитія явленіи, каковъ англійскій пуританизмъ. Желаніе познакомиться подробно съ исторіей колонизаціи пуританъ въ Америкѣ могутъ обратиться къ Банкрофту и Тильби. Интересъ и увлекательность общей картины вознаграждаетъ читателя за усиліе одолѣть объемистыя труды сейчасть названныхъ авторовъ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что переселившіеся въ Америку пуритане извѣстны были подъ именемъ «странниковъ», (*pilgers*). Это первый десантъ, высадившійся за океаномъ, за тѣмъ—сепаратисты поселенцы Плимута, наконецъ чистый, пуританскій элементъ. Тѣхъ, и другихъ, третьихъ перевозилъ за океанъ, получившій всемірно-историческую извѣстность корабль «*Mayflower*» (Майскій цвѣтъ).

Надо прибавить, что приложенныя къ книгѣ г. Гиггинсона карты и рисунки весьма много помогаютъ отчетливости представленія общей картины прошедшаго сѣверо-американскій республики, что, въ соединеніи съ популярностью изложенія, придаетъ книгѣ Гиггинсона большое достоинство. Въ русскомъ переводѣ книга эта пока еще не издана.

М. Стратилатовъ.

ПОЧТОВЫЯ ЯЩИКЪ.

1) Ахтырка, И. Марнову. Вы пишете, что при разсматриваніи фотографическаго снимка въ увеличительное стекло, увидѣли на этомъ снимкѣ натуральные цвѣта предметовъ. Для объясненія этого открытія необходимо изсѣдовать, при какихъ условіяхъ сдѣланы были фотографическіе снимки и заняться повтореніемъ снимковъ въ такихъ же условіяхъ. Мы охотно дадимъ мѣсто описанію такихъ опытовъ, если они удадутся, но описаніе должно точно указать въ подробности условія, при какихъ получались или потомъ получаются удачные опыты. Изъ присланнаго письма мы же знаемъ даже, на чемъ получились цвѣта: на негативѣ или на позитивѣ.

2) С.—ПБ—ургу. А. З.—ну. Хотѣли-бы мы все ваше стихотвореніе помѣстить въ «почтовомъ ящикѣ», но къ сожалѣнію, мѣста мало. Выписываемъ только послѣднія строки.

— Пусть будетъ такъ, какъ вы хотите;
Я предоставляю вамъ;
Но только вы меня не застрѣлите;
Я понажу, какъ стрѣлять умѣю самъ».

Ну, если вы такъ-же умѣете стрѣлять, какъ «сочинять стихи», то очень можетъ быть, что вамъ и не одоброватъ.

3) Павловскій посадь. Пол.—ву. Изъ объемистой пачки стиховъ, съ роковою правильностью каждодневно доставляемыхъ въ редакцію, ваши стихи болѣе другихъ достойны почтоваго ящика, а потому и помѣщаемъ изъ нихъ четыре строчки:

Въ полночь глухую
Объялъ рыбаковъ сомъ
Только лѣшій воюя
Прыгаетъ въ воду какъ сомъ.

Не спрашивая, съ кѣмъ воюетъ лѣшій и стада прыгаетъ сомъ, желаемъ только, чтобы поэты подобные Вамъ, по крайней мѣрѣ не съ такою роковою правильностью ежедневно осаждали насъ своими стихами, а по крайней мѣрѣ, хоть черезъ день.

4) Новгородъ. Учителю С. Бур.—ому. Биографія Рихтера и Виланда будутъ въ свое время помѣщены. На предложенія ваши не отвѣчали потому, что они для насъ неудобны. Присланныя вами новыя статьи спокойно ждутъ своей очереди.

5) Николаевскъ. В. П. Ши.—тону. Любовь къ искусству—достоинна одобрения, но рано вы рѣшаетесь выступить на полѣ дѣятельности. Лѣтъ черезъ десять, пятнадцать можетъ быть что нибудь изъ васъ и выйдетъ, а пока—одно маранье бумаги.

6) Лохвица. А. Мар.—у. Просимъ свѣдѣнія сообщаемъ письмомъ. Что касается вопроса о преміяхъ Нивы, то необходимо замѣтить, что замѣнить ихъ книгами нѣтъ возможности: на всѣхъ выборахъ не угодишь, переписать же очень затруднительно и къ цѣли не приведетъ. Указаніе ваше на другія изданія, обещающія книги, намъ кажется, напрасно: обещанія хороши, когда они исполнимы, а мы неисполнимыхъ обещаній давать не можемъ. Приложение посредственнаго романа или словаря мы не находимъ возможнымъ сдѣлать, потому что посредственный романъ прочтется и предлагается достойному забвенію, а словарь въ теченіи года можно довести не болѣе какъ до половины буквы и, следовательно подписчикъ долженъ выписывать журналъ лѣтъ 70. Такого упорнаго постоянства и въ особенности въ виду крайневременности человѣческой жизни на землѣ, трудно ожидать какъ отъ подписчиковъ, такъ и отъ издателей, по крайней мѣрѣ мы не надѣемся на такую долговременную жизнь. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ для премій остается все-таки только картины, всегда могущія служить лучшимъ украшеніемъ кабинета. Мы надѣемся, что въ будущемъ 1877 году наши преміи—картины заслужатъ даже большаго вниманія подписчиковъ чѣмъ премія 1876 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Графъ Андраши (съ портретомъ).—Ниянна Острожская. Историческая новѣсть Вс. С. Соловьева. Часть 2-я. (Окончаніе).—Всемирная выставка въ Филадельфіи (съ рисункомъ). Щ. (окончаніе).—Ирешеніе въ натакомбахъ (съ рисункомъ).—Паулина Лунка (съ портретомъ).—Ласка (съ рисункомъ).—Аксенская горная дорога у Фирвальдштетскаго озера (съ рисункомъ).—Картини Спб. Имп. Эрмитажа (съ рисункомъ).—Политическое обозрѣніе.—Новыя сочиненія о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРНСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О продолженіи изданія въ будущемъ 1877 году духовнаго журнала «СТРАННИКЪ». Годъ восемнадцатый.

Журналъ «Странникъ» будетъ издаваться въ будущемъ 1877 году въ прежнемъ строго-православномъ направленіи и по прежней программѣ, имѣющей въ виду удовлетворить потребностямъ большинства читающей публики. Въ составъ журнала входятъ: 1) Биографическіе очерки знаменитыхъ духовныхъ дѣятелей (съ приложеніемъ, по временамъ, ихъ портретовъ); 2) статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по исторіи отечественной Церкви; лучшія проповѣди; 3) Библиографія, въ предѣлахъ которой входитъ краткій *разборъ* всѣхъ вновь выходящихъ *духовно-наставительныхъ книгъ*; 4) внутреннее и иностранное церковныя обозрѣнія; правительственнаго распоряженія и разныя извѣстія, и 5) Замѣтки.

Условія подписки на 1877 годъ остаются также прежнія: за 12 книжекъ «Странника»—4 руб. безъ пересылки, и пять руб. съ пересылкою во все почтовае мѣста имперіи. Адресоваться: *Въ редакцію духовнаго журнала «Странникъ» — въ С.-Петербургѣ, съ подробнымъ и точнымъ обозначеніемъ, кому и куда посылать книжки журнала.* Петербургскіе подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи: *Невскій проспектъ, домъ № 108, близъ Зимельнаго.*

Открыта подписка на 1877 годъ еженедѣльнаго юмористическаго журнала съ карикатурами «РАЗВЛЕЧЕНІЕ» (годъ девятнадцатый).

Журналъ будетъ выходить по той же программѣ и на прежнихъ условіяхъ, въ количествѣ 52 №№.

Цѣна его: въ Москвѣ, безъ доставки на годъ 4 р. с., на полгода 2 р. 50 к.; съ пересылкою въ города и доставкой на домъ, на годъ 5 р. с. на полгода 3 р. с.

Подписываться можно во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книгопродавцевъ общихъ столицъ.

Гг. иногородные для болѣе вѣрности благоволятъ адресоваться *исключительно* въ редакцію журнала «РАЗВЛЕЧЕНІЕ» въ Москвѣ.

Для избѣжанія перерыва въ доставкѣ журнала, редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ заявлять свои требованія заблаговременно.

При перемѣнѣ адреса прилагается 20 к. с. и прежній печатный адресъ. Издатель-редакторъ В. Миллеръ.

ОБЪ ИЗДАНИИ „ПЕТЕРБУРГСКАГО ЛИСТКА“ НА 1877 ГОДЪ. „ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЛИСТОКЪ“

выходитъ пять разъ въ недѣлю: по Воскресеньямъ, Вторникамъ, Средамъ, Четвергамъ и Субботамъ. (БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ). (ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

«Петербургскій Листокъ» имѣеть главнѣйшею цѣлью служить органомъ общественной жизни. Согласно этой цѣли, «Петербургскій Листокъ» дѣлитъ свою программу на слѣдующіе отдѣлы:

- 1) ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ — касаются, какъ городского хозяйства, такъ и всѣхъ нуждъ и потребностей. Въ этомъ отдѣлѣ мы можемъ указать на статьи: «Счетъ Бурова», «Хлѣбный вопросъ», «Маринская система», «Отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ», «Демороченный Восточный вопросъ (статья о Пермскомъ трактѣ)», «Христіанскіе мученики XIX столѣтія», «Нашъ судъ и адвокатура», «Опытъ надъ системою Ларнура», «Лекція о спиритизмѣ», «Наглядное проявленіе спиритическихъ силъ», «По поводу спасительнаго торгаша», «Введеніе суда былыхъ дѣлъ» и жи. др.
- 2) ХРОНИКА — заключающая въ себѣ всѣ новости петербургскаго дня: сюда входятъ обзоръ дѣятельности всѣхъ существующихъ Обществъ, дневникъ происшествій, отчеты объ усовершенствѣннхъ школахъ, учебная жизнь столицы, распоряженія, всякаго рода Петербурга, слухи, слѣхи и проч. Назначеніе этого отдѣла состоитъ въ томъ, чтобы дать читателю полную картину жизни Петербурга.
- 3) ТЕАТРАЛЬНЫЙ КУРЬЕРЪ — заключающъ въ себѣ подробные отчеты о всѣхъ явленіяхъ театральнаго міра, какъ въ Петербургѣ, такъ въ провинціяхъ и за границею. (Отдѣлъ этотъ завѣдуетъ «Театральнымъ вѣстникомъ»). Съ 1877 года мы намерены обратить вниманіе на клубныя сценки.
- 4) СУДЕБНАЯ ХРОНИКА — совмѣщаетъ въ себѣ всѣ замѣчательнѣйшіе процессы, какъ въ уголовной, такъ и въ гражданской судебной практикѣ, издаваемые кратко, а также и списки у мировыхъ судей. Съ текущаго года мы приняли за правило на болѣе выдающихся процессахъ имѣть своихъ представителей-корреспондентовъ, дабы читатель могъ выносить не вчерашніе сухаго стенографическаго отчета, а впечатлѣніе живого разсказа. Въ нынѣшнемъ году, такимъ образомъ, мы передали всѣ дѣла московскаго судоваго банка, подъ заглавіемъ «Струсбергиды».
- 5) ВНУТРЕННЯЯ ПОЧТА — состоитъ изъ собственныхъ корреспонденцій (Москва и Кронштадтъ) имѣющихъ посюсторонніе корреспондентовъ) и выборовъ изъ другихъ газетъ. Для приданія болѣе полноты этому отдѣлу существуютъ фельетоны — Изъ провинціи — рѣдкости и диковинки, какъ характеристика нравовъ.
- 6) ЗАГРАНИЧНАЯ ПОЧТА — имѣеть два отдѣла: Иностранное обозрѣніе, заключающее въ себѣ общій отчетъ о ходѣ политическихъ событій и фельетоны «Заграничная общественная жизнь», представляющій, въ краткихъ очеркахъ, движеніе въ общественной жизни государствъ Европы и Америки.
- 7) ФЕЛЬЕТОНЪ — содержитъ въ себѣ романы, повѣсти, разсказы и очерки. На этотъ отдѣлъ редакція, оставшаяся почти безъ намѣненія съ 1868 г., всегда обращала особенное вниманіе. Въ теперешнее время, съмышляемъ слѣдующія произведенія:
Романы оригинальные: «Театральныя боюта», 3 части, «На судъ присяжныхъ», 3 ч., «Земное дѣло — семейное дѣло», 3 ч., «Селдо отрядное», 1 ч., «Брестникъ Петра Великаго», 1 ч., и «При крѣпостномъ ядрѣ», 2 ч.

- Романы переводные: Угодные: «Декотъ», «Адаская жизнь», «Статья 47-я», «Отравительница», «Милліонное наслѣдство», «Дважды два — пять», «Мщеніе», «Зачѣмъ» и «Получивши».
- Историческіе: «Сестра Короля», «Братья Шантессе», «Гостиница тринадцати козыминыхъ» и «Фурлианка».
- Романы нравовъ: «Тенной демонъ» и «Слабости хороменской двушки».
- Въ настоящее время печатается большой оригинальный романъ: «Сестра милосердія», изъ эпохи 50-хъ годовъ. Часть первая — «Въ Севастополѣ», часть вторая — «Въ обществѣ», часть третья — «На каторгѣ».
- Кромѣ этихъ романовъ, помѣщено было до тысячи повѣстей, разсказовъ и очерковъ. Воскресный фельетонъ, носящій названіе «Листка изъ альбома свистуновъ», представляющій импрессионистскіе отчеты, въ стихахъ и прозѣ, о всѣхъ курьезныхъ явленіяхъ въ теченіе недѣли, съ нынѣшняго года представлялъ болѣе широкіе размахъ и имѣлся до трехъ разъ въ недѣлю, сюда же относится и «Дневникъ прапорщика Власа Ловласова».
- Въ теченіе 1876 года, были помѣщены 2 части романа А. А. Соколова «Сестра милосердія» и большая повѣсть С. Никитина «Увлеченіе» и, кромѣ того, два большіе переводныхъ романа: «Нѣтъ за блондинки» и «Въ погонѣ за прираками».
- 8) ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ. Этотъ отдѣлъ составляетъ полную самостоятельность публики и открытъ для всевозможныхъ ей заявленій.
- 9) БИРЖА.
- 10) ЖУРНАЛИСТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.
- 11) ВОЕННЫЙ ЛИСТОКЪ.

Вызванный обстоятельствомъ, отдѣлъ «Военный Листокъ» представлялъ въ этомъ видѣ все ходъ сербско-турецкой войны и, для болѣе характеристики событій, печатались «письма русскихъ добровольцевъ».

Въ 1877 году, если того потребуютъ обстоятельства, мы будемъ имѣть своихъ корреспондентовъ на мѣстахъ военныхъ дѣйствій, имѣть собственные телеграммы и, въ случаѣ болѣе важныхъ и серьезныхъ извѣстій, разсылать особые прибавленія. Въ настоящее время, въ Кишиневѣ мы уже имѣемъ спеціальнаго корреспондента. Въ будущемъ 1877 году, въ литературномъ отдѣлѣ, помѣщены будутъ окончаніе романа «Сестра милосердія», повѣсти: историческія «Слово и Дѣло» (изъ царствованія Петра I), «Царь баба» (изъ царствованія Екатерины II); бытовыя: «Магдаліна», «Гуваранка», «Въ пеночномъ краю», и большая повѣсть С. Никитина: «Вѣрный товарищъ».

Въ распоряженіи редакціи имѣется еще рядъ очерковъ, и, кромѣ речисленныхъ оригинальныхъ фельетовъ, два большіе переводные романа.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ВЪ 1877 ГОДУ:

	на 1 мѣс.	на 3 мѣс.	на 4 мѣс.	на 6 мѣс.	на 12 мѣс.
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.	— р. 70 к.	2 р. 10 к.	2 р. 80 к.	4 р. — к.	6 р. 50 к.
Съ доставкою на домъ.	— р. 90 »	2 » 50 »	3 » 50 »	5 » — »	8 » — »
Съ пересылкою въ другіе города.	1 » 10 »	3 » 20 »	4 » 20 »	6 » — »	9 » — »

На основаніи положенія о гербовомъ сборѣ, лица, выписавшія болѣе 5-ти рублей и получающія подписной билетъ, уплачиваютъ за 5-ти копѣечную гербовую марку, которая наклеивается на билетъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, по Екатерининскому каналу, у Казанскаго моста, въ домѣ Ковалевскаго. Редакторъ Павелъ Зарубинъ. Издатели: Витгоръ Владиміровичъ, Александръ Соколовъ, Михайль Стопановскій.

РУКОВОДСТВО ГИМНАСТИКИ

для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Съ 227 гравированными полтинниками въ текстѣ и 6 анатомическими рисунками. Составлено инспекторомъ гимнастики при С.-Петербургскомъ совѣтѣ дѣтскихъ пріютовъ Н. А. Шмидтомъ. Съ дополненіемъ «Подготовку къ военной службѣ», съ 20 гравированными чертежами. Цѣна 1 р. 60 к.

Руководство гимнастики, для сельскихъ и народныхъ школъ и учительскихъ семинарій, съ 113 полтин. Сост. Н. А. Шмидтъ. Цѣна 75 к.

Дѣтъ стѣнныя таблицы политипажей, содержащія въ себѣ 113 фигуръ. Цѣна таблицамъ 50 к.

Гимнастика и ея польза. Цѣна 10 к. Шмидтъ, К. Руководство гимнастики для дѣтскихъ пріютовъ, народныхъ школъ и семинарій и для призывеній къ домашнему воспитанію дѣтей, съ 218 политипажями. Спб. 1873 года. Цѣна 1 р. 50 к.

Пять стѣнныхъ таблицъ политипажей. Продаются въ С.-Петербургѣ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и на квартирѣ автора въ Константиновскомъ Военномъ Училищѣ, кв. № 13, и въ книжномъ СКЛАДѢ Ф. ЮРГЕНСА, Гороховая ул., д. № 55, гдѣ требованія исполняются въ самое короткое время.

Въ Москвѣ у книгопродавца Сагаева и въ Московской Дѣтской Педагогической Библиотекѣ, на Воздвиженскѣ, въ д. Колокольниковъ.

Иногородные книгопродавцы могутъ обратиться за руководствами Гимнастики въ контору книжной торговли и редакціи журналовъ «Мужскія Моды» и «Женскія Руководства», Гороховая улица № 55 въ С.-Петербургѣ, съ уступкою 20 процентовъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“,

1877 г.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, гравированными на мѣди и на деревѣ, съ приложеніемъ ихъ при каждой книгѣ, съ снимками и рисунками — ВОСЕМЬ руб. съ пересылкою.

Подписка принимается для городовскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ „Русской Старинѣ“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиннаго двора, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонтова, д. № 46. Въ Москвѣ — въ отдѣльныхъ конторахъ при книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева и Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные подписчики благоволятъ присылать свои требованія, адресуя такъ: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Надеждинская улица, д. № 42, кв. № 12.

Также можно получить третье изданіе „Русской Старинѣ“ 1870 г., годъ первый, двенадцать книгъ въ трехъ большихъ томахъ, съ портретами и снимками. Цѣна 8 руб. съ пересылкою, и въ переплетѣ 11 руб. съ пересылкою.

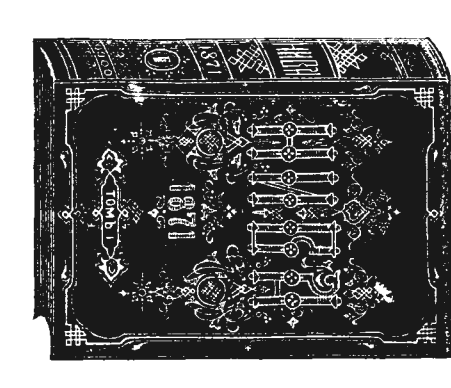
„Русская Старина“ 1876 г. съ портретами, гравированными на мѣди: Лжедмитрія I, Екатерины II, Михельсона, князя Платона Зубова, Алексѣя Петровича Ермолова, гр. Аракчеева, и гравированными на деревѣ: Емельяна Пугачева, Клугану и В. Р. Вѣлискаго, съ чертежами: крестьянина Телушкина на шифѣ Петропавловскаго собора, также со снимками и заглавными рисунками — цѣна за 12-ть книгъ съ пересылкою восемь рублей.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ 1877 г. (ГОДЪ ВОСЬМОЙ изданія), за 12-ть книгъ съ портретами 8 руб. съ пересылкою.

НАСТОЯЩАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ для вскормленія грудныхъ дѣтей. ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи Александръ Венцель

Цѣна ЖЕСТЯНКИ 85 к. безъ пересылки, въ переплетѣ 1 1/4 ф.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНИЙ ПТЕНЦЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННОГО агента моего для всей Россіи. ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Женевѣ (Швейцарія). 26—13 № 2.

НРИШКИ для переплета «Пяты» 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876 и 1877 г. по выписочнаму образцу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетимъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплести «Пяты» въ такую копировую крышку.

№ 52

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
 Выданъ 27 Декабря 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1877 г.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ:

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 Р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины
Г. Гр. Соловьева, А. Лавинъ и А. Живарова	4 Р. 50 К.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 Р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и
жѣстоты Имперіи	5 Р. 50 К.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Въ виду того, что печатаніе около 18000 адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ составить громадный трудъ, непреодолимый въ теченіи короткаго времени, Редакція покорнѣйше проситъ, возбѣжаніе просрочки въ высылкѣ журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, возобновитъ подписку въ возможно скорѣйшемъ времени.

ЕЛКА.

Елка. Оригинальный рисунокъ Гусева, грав. Боярскій.

ОБЪ ОБЫЧАЕ ПРАЗДНОВАНІЯ ЕЛКИ.

Сколько привлекательнаго для дѣтей въ словѣ «Рождественская елка!»—да и не для дѣтей. Развѣ и взрослые не сибшатъ въ ярко-освѣщенныя залы, вкусить удовольствій дѣтскаго праздника. При видѣ сіяющихъ дѣтскихъ личицъ, облитыхъ свѣтомъ множества свѣчей, мы вспоминаемъ и свое мнѣе прошедшее дѣтство и свои свѣтлыя впечатлѣнія, когда неожиданно растворившаяся дверь открывала предъ нами ярко-освѣщенное дерево, увѣенанное подарками. Счастливыя впечатлѣнія дѣтства. Вотъ прошло много лѣтъ, и они не забываются, а на дѣтскомъ праздникѣ, на елкѣ, воспроизводятся съ особой рельефностью.

Праздникъ елки на Руси далеко не вездѣ распространенъ. Какъ многое другое, мы заимствовали этотъ обычай у нѣмцевъ—конечно, прекрасный поэтический обычай, корящийся въ той глубокой склонности къ символизированію явленій, къ мистикѣ, какими проникнуто все міросозерцаніе германна. Затѣмъ въ Англіи существуетъ аналогичный съ этимъ обычай—украшать въ праздникъ Рождества дома и церкви вѣющими вѣтками омелы.

Еще въ доисторическія времена у тевтонскихъ племенъ и у друидовъ, жившихъ въ нынѣшней Франціи и Англіи, существовало мистическое благоговѣніе къ вѣчно-зелѣющимъ деревьямъ. Основаніе этого благоговѣнія, разумѣется, идея вѣчной непрестающей жизни. У друидовъ омела (чужездное растение, выходящее обыкновенно около дуба) пользовалось преимущественнымъ уваженіемъ. Въ первый день новаго года верховный друидскій жрецъ, идя впередъ торжественной процессіи, съ челою увѣнчаннымъ гирляндами дуба, сѣбывалъ таинственную омелу золотымъ ножомъ. Вокругъ на высотахъ пылали священные огни и, обливая багровымъ свѣтомъ всю картину, придавали ей величественный фантастическій характеръ. Затѣмъ начиналась ужасная церемонія принесенія человѣческихъ жертвъ, при медленномъ ибнн гимновъ «богу свѣта и дня». Какъ шумъ водопадовъ раздавался этотъ гимнъ, переливаясь волнами въ священной долині при крикахъ закалаемой жертвы.

Итаемое до сихъ поръ въ Англіи мистическое уваженіе къ омелѣ имѣетъ такимъ образомъ свое историческое основаніе. Даже и время, въ которое украшаются омелою церкви и дома, почти совпадаетъ съ древнедруидическимъ—время передъ

новымъ годомъ! Затѣмъ уже понятно, что тоже основаніе имѣетъ и праздникъ елки на Рождествѣ, сохраненный тевтонскими племенами отъ своихъ предковъ. Это доказываетъ могущественную силу обычая, свойственныхъ разнымъ племенамъ. Характеръ этихъ обычаевъ, основа ихъ остался въ теченіе многихъ вѣковъ, но сущность, основа ихъ осталась—съ ними тѣсно связано національное творчество каждаго народа. созданные имъ мѣны.

Вотъ этнмъ и объясняется та чарующая сила обычая, особенно носящихъ мистическій и символическій характеръ. Мы ихъ унаследовали, они проникнуты поэзіей, потому что непрерывно жили въ теченіи вѣковъ; творческая сила народа украсила ихъ все новыми и новыми вымыслами часто весьма наивными и, по логикѣ нецѣлыми; но мы не подвергаемъ подобныхъ явленій логическому анализу. Всякій обычай,—родственъ нашему чувству, вѣрованіямъ, а не логикѣ. Съ логической стороны даже трата денегъ на какую-нибудь елку—просто нецѣльность. Но попробуйте отнять этотъ обычай и жизнь утратить одну изъ своихъ высокопоэтическихъ сторонъ? Почему?—Дѣло опять не поддается анализу. Объясните ребенку, что вы оставите его нынѣшніе свѣтки безъ елки, и вознаградите за это конфетами—онъ расплатится и потребуетъ елки, елки во что-бы то ни стало! Дѣтское сердце требуетъ, стало-быть не конфетъ на елкѣ, а самой елки, съ ея многочисленными свѣчками, съ лепетомъ и хохотомъ другихъ дѣтей, съ веселыми разговорами взрослыхъ. Дѣтская душа, не будучи въ состояніи анализировать, чувствуетъ однакожъ поэзію этого праздника.

Не можемъ не припомнить здѣсь отличающагося высокими поэтическими достоинствами (напомнющими творчество Гофмановскаго гениа) рассказъ г. Достоевскаго «У Христа на елкѣ», помѣщеннаго въ одной изъ первыхъ №№ «Дневн. Писателя» за 1876 годъ. Бѣдному замерзавшему ребенку снится елка съ радужными огнями и плодами—у Христа. Этотъ трогательный рассказъ веденъ нашимъ талантливымъ писателемъ какъ разъ въ духѣ народнаго міросозерцанія и объясняетъ такъ наглядно внутреннее психологическое значеніе такого праздника для дѣтей.

УЪМЪ ПОКСРИЛА?

(Маленькая повѣсть о предметѣ большой важности).

Героиня этого рассказа недавно возвратилась изъ города въ деревню, гдѣ жила круглый годъ. Она ѣздила съ матерью, совершившею это путешествіе съ цѣлью привезти гувернантку, взамѣнъ недавно уѣхавшей. Эта послѣдняя оставила мѣсто по причинамъ, требовавшимъ подробнаго изслѣдованія, такъ какъ обѣ заинтересованныя стороны въ объясненіи ихъ совершенно расходились. Мы не рѣшаемся взять на себя такой щекотливый трудъ, а скажемъ только, что героиня нашего рассказа въ минуту отъѣзда своей воспитательницы вела себя такъ, какъ можетъ вести себя только человѣкъ, сорвавшійся съ цѣпи. Впрочемъ, это восторженное состояніе продолжалось недолго: извѣстіе, что вмѣсто уѣхавшей гувернантки будетъ нанята другая, подѣйствовало на дѣвочку такимъ же охлаждающимъ образомъ, какимъ дѣйствуетъ струя холодной воды на черезъ-чуръ заранпортовавшагося человѣка.

— Зачѣмъ же опять гувернантку нанимать? спрашивала дѣвочка, какъ видно до сихъ поръ еще несоставившая себѣ яснаго понятія о назначеніи гувернантокъ.

Мать постаралась разъяснить недоумѣніе дочери, но вѣроятно, разъясненіе это ничего не разъяснило, потому что вызвало у дѣвочки только слѣдующее восклицаніе:

— И кто выдумалъ этихъ гадкихъ гувернантокъ!

Разумѣется, дѣвочкѣ сейчасъ было поставлено на видъ все неприличіе подобной выходки и строго внушено не употреблять на будущее время черезъ-чуръ энергическихъ выраженій. Судя по выраженію лица провинившейся, нельзя было утвердительно сказать, чтобы внушеніе произвело на нее надлежащее дѣйствіе и заставило отказаться отъ употребленія энергическихъ выраженій, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о ненавистныхъ гувернанткахъ.

Люди обыкновенно стараются избѣгать того, что возбуждаетъ въ нихъ непріятное чувство и желаютъ какъ можно рѣже видѣть ненавистный предметъ, но героиня нашего рассказа поступала совсѣмъ наоборотъ. Она не премѣнно хотѣла ѣхать въ городъ выѣсть съ матерью, чтобы побывать съ нею въ институтѣ и такимъ образомъ раньше увидѣть свою будущую воспитательницу. Хотѣлось ли ей видѣть тотъ разсадникъ, гдѣ приготовлялись ненавистныя ей существа, или она надѣялась, какъ будто отворотить отъ себя грозившую бѣду, но только настояла на томъ, чтобы мать взяла ее съ собою.

— Неужели это всѣ гувернантки,—спросила дѣвочка, увидя толпу институтокъ.

— Можетъ быть и всѣ будутъ гувернантками, а можетъ быть только нѣкоторыя,—отвѣтила мать.—это зависитъ отъ обстоятельство.

— У, противныя! пропештала дѣвочка.

— Незабывайся, Нина,—замѣтила мать.

— Разумѣется, противныя.

Это была явная несправедливость со стороны Нины, потому что между будущими воспитательницами юныхъ поколѣній было много милыхъ созданій, а еще больше такихъ, которыя старались быть милыми, и старались не безъ успѣха; но ненависть ослѣпляла дѣвочку и потому она видѣла уродство тамъ, гдѣ его не было.

Выслушавъ условія нанимательницы, начальница вызвала одну изъ дѣвицъ и представила ее матери Нины, какъ вполне соответствующую тѣмъ условіямъ, которыя были предложены. Воспитаніе также имѣетъ различныя цѣны, какъ и всякій другой товаръ: подешевле, такъ похуже, а хочешь получше, такъ и плати подороже. Что изъ такой разпѣнки выходить—объ этомъ, безъ сомнѣнія, знаютъ педагоги.

Сколько любопытства и недоумѣнія выражалось во

взглядѣ Нины, когда она смотрѣла на молодую дѣвушку, подошедшую къ ея матери. Зорко выглядывали блестящіе глаза изъ-подъ нахмуренныхъ бровей и, казалось, хотѣли насильно пронизать кандидатку въ гувернантки! Они навѣрно это и сдѣлали бы, если бы могли, и Нина не почувствовала бы ни малѣйшаго сожалѣнія при видѣ сраженнаго на смерть молодого существа. Она объявила войну всѣмъ гувернанткамъ, а между врагами какое же можетъ быть сожалѣніе?

— Вы лучше бы отказались,—шепнула Нина своей будущей воспитательницѣ, когда мать занялась разговоромъ съ начальницей

Институтка удивленно взглянула на дѣвочку.

— Отъ чего я должна отказаться?

— Отъ мѣста у насъ.

— Почему же?

— Я не хочу, чтобы у меня была гувернантка.

Дѣвушка чуть-чуть улыбнулась.

— Ну, это причина неважная,—проговорила она.

— Такъ вы не откажетесь? спросила Нина.

— Нѣтъ.

Хорошо же; я васъ такъ измучу, что вы поневолѣ откажетесь.

— Рекомендую вамъ, это ваша будущая воспитанница,—сказала мать Нины, окончивъ разговоръ съ начальницей.

— Мы уже познакомились,—отвѣтила гувернантка!

Дѣвочка вызывающимъ взглядомъ смотрѣла на свою будущую воспитательницу, и когда она проговорила послѣднюю фразу, Нина какъ будто ждала продолженія и видимо удивилась, когда никакого продолженія не послѣдовало и гувернантка ограничилась только одной сказанной фразой. Удивленіе Нины было такъ велико, что она нѣсколько минутъ не сводила глазъ съ гувернантки, какъ будто та совершила что-то очень необыкновенное. Можетъ быть дѣвочка ожидала, что гувернантка расскажетъ матери о ея послѣдней выходкѣ, но гувернантка промолчала.

Быль назначенъ день, когда гувернантка можетъ пріѣхать въ деревню и мать съ дочерью отправились домой.

— Нравится ли тебѣ новая гувернантка? спросила мать Нину.

— Какая же это гувернантка? презрительно отвѣтила дѣвочка. Это дѣвочка, она сама-то еще недавно перестала учиться.

— Какая ты дерзкая! Но я тебя предупреждаю: если ты будешь позволять себѣ дерзости съ гувернанткой, я тебя буду строго наказывать; ты это знай!

Эта угроза не вызвала ни малѣйшаго страха на лицѣ Нины; погнулись только глаза да сжались губы.

Въ назначенный день пріѣхала гувернантка. Въ числѣ встрѣчавшихъ пріѣзжую Нины не было, хотя за нѣсколько минутъ передъ этимъ ее можно было видѣть въ саду на такомъ именно мѣстѣ, откуда открывалась дорога, по которой должна была пріѣхать гувернантка! Горничная нашла Нину за садомъ на лугу, повидимому очень занятою плетеніемъ вѣнка изъ полевыхъ цвѣтовъ.

— Чтожь вы встрѣчать не идете? сказала горничная.

— Кого? спросила Нина не поднимая головы.

— Да новую гувернантку.

— Чтожь она за важная такая особа, что я должна на нее встрѣчать?

— Всѣ встрѣчали.

— Мамаша послала меня за вами.

— Я не пойду.

— Какъ же не пойдете, когда мамаша приказала.

— Скажи, что ты меня не нашла.

— Я не стану этого говорить—все равно меня опять пошлютъ искать васъ.

— Ну такъ скажи, что я не хочу идти.

— Не хорошо, барышня, достанется вамъ за это.

— Пусть.

— Пойдемте лучше.

— Я сказала, что не пойду, и не пойду.

Горничная отошла нѣсколько шаговъ.

— А этой гувернанткѣ скажи,—крикнула ей вслѣдъ Нина: что я потому не иду домой, что не хочу ее видѣть.

Нельзя же было допустить такое своеволие въ ребенкѣ, и потому Нина была приведена домой самою матерью.

— Поздоровайся съ Настасьей Петровной,—приказала мать, вводя непокорную дочь въ комнату, гдѣ находилась гувернантка.

— Съ какой Настасьей Петровной? спросила дѣвочка, какъ будто не замѣчая той, которая отнынѣ становилась для нея источникомъ просвѣщенія.

— Развѣ ты не видишь, кто здѣсь сидитъ?

Дѣвочка взглянула куда слѣдовало, чтобы удостовѣриться, кто тутъ сидитъ, но ничего больше!

— Что же ты? Я тебѣ говорю, поздоровайся!

Нина и не шевельнулась; напротивъ, въ ней было замѣтно нѣкоторое напряженіе, какъ будто она боялась, что какъ нибудь неволью сдвинется съ мѣста, а зубы были крѣпко сжаты, также, вѣроятно, изъ боязни проговорить должное привѣтствіе.

— Выйди отсюда вонъ, упрямая дѣвочка и стань въ уголъ! крикнула раздосадованная мать.

Почтенная женщина была очень сконфужена неприличной выходкой дочери и почувствовала себя очень неловко въ присутствіи молодой особы, сидѣвшей съ нею въ комнатѣ. Молодой особѣ также было не по себѣ; она покраснѣла до ушей и потеряла всякую способность управлять движеніями своихъ членовъ: ея руки и ноги двигались безъ всякой надобности и цѣли. Одна только виновница этого скандала не чувствовала никакого замѣшательства. Она очень спокойно вышла изъ комнаты, бросивъ торжествующій взглядъ на гувернантку, и отправилась въ назначенное ей мѣсто.

— Извините, пожалуйста,—стала оправдываться мать Нины:—мнѣ очень совѣстно передъ вами за мою дочь. Я не понимаю, что съ ней сдѣлалось, отчего она стала такъ дерзка и упряма. Вы, пожалуйста, будьте съ нею поостроже.

Молодая дѣвушка что-то сказала, въ родѣ, вѣроятно того, что это ничего, но на лицѣ все-таки осталось выраженіе того непріятнаго и даже тяжелаго впечатлѣнія, какое произвела на нее выходка Нины. Къ подобнымъ выходкамъ она могла относиться снисходительно улыбкой въ институтѣ, гдѣ она чувствовала себя дома, но въ чужомъ мѣстѣ непріязнь дѣвочки отзывалась грустью въ ея сердцѣ.

Новая гувернантка оказалась существомъ добрымъ, тихимъ, готовымъ каждому оказать услугу. Скоро всѣ окружающіе полюбили ее, но Настасья Петровна часто задумывалась и въ эти минуты, казалось, улетала далеко далеко. О чемъ задумывалась дѣвушка, куда улетала въ своихъ мечтахъ? Никто этого не зналъ. На вопросъ: о чемъ задумались Настасья Петровна? она обыкновенно отвѣчала: такъ, ни о чемъ. Разумѣется, такую способность—уноситься изъ назначеннаго мѣстопребыванія Богъ вѣсть куда—нельзя было причислить къ числу добродѣтелей той, которая должна была ежеминутно надзирать.

Хотя я и выразился, что новую гувернантку полюбили всѣ, но въ числѣ всѣхъ я не подразумѣвалъ Нину. Дѣвочка въ этомъ отношеніи составляла крайнюю противоположность всѣмъ; какъ враждебно отнеслась она къ гувернанткѣ въ первый день, такъ продолжала относиться къ ней и въ послѣдующіе дни.

Ученье шло изъ рукъ вонъ плохо.

— Да вы знаете ли навѣрно, что это такъ? часто спрашивала ученица свою учительницу съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.

— Если бы не знала, такъ и не говорила бы вамъ.
— Ну, это ничего не значить, можно и вздоръ говорить.

Гувернантка рѣшительно не знала, что дѣлать съ непокорной воспитанницей. Она перебирала въ умѣ разныя педагогическія тонкости, преподаанныя въ институтѣ, но ничего изъ этого не выходило; въ головѣ былъ какой-то сумбуръ, въ которомъ и разобраться ни-

ству, къ которому, не мудрствуя лукаво, прибѣгаютъ и тѣ, кто о педагогіи и не слыхиваль, именно къ наказанію.

— Если вы будете продолжать такъ учиться, я стану васъ наказывать, сказала однажды молодая воспитательница, очутившаяся на распутіи безъ возжатаго.

Она старалась при этомъ принять возможно грозный видъ, но кроткіе глаза все смотрѣли кротко и тихій голосъ все звучалъ тихо.

На Елму. Савраска.

Рисунокъ по копоти на тарелкѣ. Оригиналъ составляетъ собств. издателя «Нивы». Съ фотогр. на деревѣ грав. Шутцъ.

какъ было вельзя. А между тѣмъ Настасья Петровна желала исполнять свою обязанность добросовѣстно, по всѣмъ правиламъ педагогическаго искусства; но воспитанница была такое странное существо, которое не допускало никакихъ правилъ и перескакивало черезъ нихъ, какъ дикій конь черезъ препятствія. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, Настасья Петровна рѣшилась прибѣгнуть къ самому простому сред-

Нина очень удивилась: видно было, что она никакъ не ожидала ничего подобнаго. Въ первую минуту она даже не знала, что сказать, что дѣлать и сидѣла неподвижно, уставивъ глаза на гувернантку, словно увидѣла въ ней что-то необычайное. Но потомъ пришла въ себя и въ темныхъ глазахъ блеснулъ огонекъ.

— Вы меня будете наказывать? спросила она.

— Да.

На елзу. Дѣтскіе силуеты. Оригин. рисунокъ Е. Вама. Рис. на дѣревѣ самъ авторъ, грав. Г. Бонгъ.

— Попробуйте.

И съ этимъ словомъ Нина быстро встала съ мѣста и вышла изъ комнаты, проговоривъ въ дверяхъ.

— Сама еще дѣвчонка, а хочетъ меня наказывать.

Все это произошло такъ быстро, такъ неожиданно, что гувернантка была рѣшительно ошеломлена и разсѣянно смотрѣла на дверь, въ которую скрылась ея воспитанница. Гроза, которую она собирала надъ головою воспитанницы, разразилась надъ нею самою. Изумленіе, почти испугъ, смѣнилось чувствомъ глубокаго горя и воспитательница, чувствуя себя безпомощной, безсильной, горько разрыдалась.

За обѣдомъ всѣ замѣтили, что гувернантка очень печальна, и что глаза ея заплаканы.

— Вы чѣмъ нибудь огорчены? вы плакали? спросила мать Нины.

— Нѣтъ,—отвѣтила Настасья Петровна, едва удерживаясь, чтобы снова не разрыдаться.

При первомъ словѣ матери, Нина низко потунилась и какъ-то вся собралась, точно готовилась выдержать чье-то нападеніе, но страха при этомъ не замѣчалось. Когда гувернантка проговорила свое отрывистое *нѣтъ*, и больше ничего не прибавила, Нина быстро вскинула глаза и взглянула на гувернантку; въ этомъ взглядѣ были и вопросъ и удивленіе. Минуту держался этотъ взглядъ на печальномъ лицѣ гувернантки, и вотъ по губамъ дѣвочки пробѣжала чуть-чуть замѣтная судорога, губы какъ-то особенно сжались, какъ бываетъ у дѣтей, готовыхъ заплакать. Нина опустила глаза и весь обѣдъ просидѣла молча, только взглядывая иногда на свою воспитательницу, также мало говорившую. Случилось, что взгляды гувернантки и воспитанницы встрѣчались, тогда глаза послѣдней быстро опускались, а лицо приняло сердитое выраженіе, кажется только для того, чтобы скрыть замѣшательство, овладѣвшее дѣвочкой.

Неопытная воспитательница, видя себя совершенно безсильной относительно своей непокорной, враждебно настроенной воспитанницы, усумнилась въ своихъ педагогическихъ способностяхъ, и такъ какъ обладала значительной долей добросовѣстности, то стала подумывать о томъ, честно ли будетъ съ ея стороны оставаться въ томъ домѣ, гдѣ она не могла приносить должной пользы. Кромѣ того, вражда воспитанницы производила на нее слишкомъ тяжелое впечатлѣніе: ей хотѣлось любви, тѣмъ болѣе, что она сама чувствовала привязанность къ своей воспитанницѣ, не смотря на всѣ ея злыя выходки. Послѣ долгаго раздумья, она стала склоняться къ тому рѣшенію, что ей слѣдуетъ отказаться отъ мѣста. Вести борьбу съ кѣмъ то ни было она не могла, у нея не было для этого ни силъ, ни энергій. Если она и могла побѣждать, то развѣ только одной кротостью, но этого она не знала, да притомъ же кротость и не побѣждаетъ, а только обезоруживаетъ, что возможно тогда, когда противникъ честенъ и великодушенъ.

Если бы Настасья Петровна не предавалась такой глубокой задумчивости, то, можетъ быть, она замѣтила бы, какъ ея воспитанница нѣсколько разъ проходила мимо окна ея комнаты и украдкой заглядывала въ него.

Въ этотъ день Нинѣ было какъ-то не по себѣ; пропала ея самоувѣренность и бойкость; замѣтно было, что въ ея дѣтскую голову запала какая-то мысль, которая не даетъ ей покоя, давить ее. Займется дѣвочка чѣмъ нибудь, но ничто у ней не клеится, ничто ее не забавляетъ; бросить все и идти къ окну гувернантки, заглядывать въ него украдкой и потомъ не знаетъ за что взяться.

Встрѣтились воспитательница съ воспитанницей вечеромъ, когда пришло время ложиться спать. Спали онѣ въ одной комнатѣ. И та, и другая не сказали другъ другу ни слова. Гувернантка, вѣроятно, считала

унизительнымъ для своего достоинства первой начать разговоръ послѣ полученнаго оскорбленія, а можетъ быть, и не знала о чемъ говорить. Нина, по обыкновенію, дулась, но, не по обыкновенію, часто взглядывала на гувернантку, когда надѣялась, что та не поймаетъ ея взгляда.

На другой день Нина долго ждала приглашенія гувернантки въ комнату, гдѣ обыкновенно происходили учебныя занятія. Время шло и приглашенія не было. Нина нарочно вертѣлась около окна своей воспитательницы, но та какъ будто и забыла о ней, что видимо и удивляло дѣвочку и безпокоило ее. Наконецъ она не выдержала и вошла въ комнату гувернантки.

— Мы будемъ сегодня учиться или нѣтъ? грубо спросила Нина.

— Какъ хотите, былъ отвѣтъ, произнесенный тихимъ голосомъ.

— Это ваше дѣло знать, вы вѣдь гувернантка, а не я

— Мое дѣло васъ учить, а учиться ваше дѣло.

— А если я не хочу учиться?

— Тогда не будемъ.

— Хороша гувернантка! насмѣшливо проговорила Нина и вышла изъ комнаты.

Когда она была у двери, зади ея носышася тихій, грустный вздохъ. Нина вышла на дворъ и пустилась бѣжать. Прибѣжала на лугъ, ничкомъ бросилась въ траву и горько зарыдала. Этотъ пароксизмъ нежданнаго горя продолжался недолго, какъ всякій сильный пароксизмъ, рыданія смѣнились всхлищиваніями, постепенно стихавшими. Вѣроятно, эти слезы были необходимы, чтобы вылить въ нихъ то, что накопило на сердцѣ, что давило его, потому что когда Нина поднялась съ земли, въ ней не было замѣтно той тревоги, которая овладѣла ею со вчерашняго дня; только покраснѣвшіе глаза выдавали пережитое ею никому невѣдомое горе.

Подходя къ дому, Нина встрѣтила старуху Спиридонову, которая нѣкогда принадлежала къ составу дворни, а теперь по дряхлости находилась не у дѣлъ. Но, вѣроятно, не желая быть даромъ барскій хлѣбъ, она по собственному желанію приняла на себя обязанность неумолимой и ревностной обличительницы всѣхъ новыхъ порядковъ, заводившихся въ ея родномъ гнѣздѣ и потому цѣлые дни ворчала и брюзжала. Разумѣется, никто на ея ворчанье и вниманія не обращалъ, по это несколько не охлаждало ревность неумолимой обличительницы. Нина всегда жила въ ладахъ со старухой и любила слушать ея неумолимую воркотню на всѣхъ и на все.

— Отчего же, барышня, не учишься сегодня? спросила Спиридонова.

— А тебѣ зачѣмъ знать? отвѣтила дѣвочка и разомъ выпрямилась, насторожилась, словно приготовилась къ отчаянной защитѣ.

— Такъ спрашиваю. Кажись, сегодня не праздникъ, а ты баклуши бьешь.

— Это не твое дѣло.

— Гувернантка у тебя очень молода, сама-то, вѣрно, мало смыслить, вотъ ты и балуешься,—продолжала старуха, не обращая вниманія на рѣзкій отпоръ. Она вообще не обращала вниманія ни на какіе отпоры и неуклонно исполняла обязанность обличительницы.

— Ты не смѣешь такъ говорить о ней! вскинула Нина! Это ничего не значить, что она молода; ты вотъ и стара, да глупа.

Повернулась и ушла.

— Какая это гувернантка! продолжала ворчать старуха, ничѣмъ не смущаясь.—У самой-то еще молоко на губахъ не обсохло, гдѣ же ей дѣтьми управлять.

Между тѣмъ, мать Нины полюбоществовала узнать, почему нѣтъ учебныхъ занятій. Гувернантка отвѣтила,

что у нея сильно болитъ голова.

— Ты бы хоть сама занялась,—сказала мать, встрѣтивъ празднопатающуюся дочь. Если Настасья Петровна больна, такъ ты ужь и займись не можешь. Старое бы повторила.

— Развѣ она больна? встрепенулась дѣвочка.

— Что-жъ ты меня объ этомъ спрашиваешь, точно и не знаешь, что отъ этого и занятій сегодня у васъ нѣтъ.

— Кто же, сказалъ, что она больна?

— Она сама мнѣ сказала... Да что съ тобой? Ты, кажется, совсѣмъ голову потеряла. Вѣдь говорила же тебѣ Настасья Петровна, почему она не можетъ сегодня съ тобой заниматься.

Дѣвочка сообразила, въ чемъ дѣло, и поторопилась отвѣтить.

— Да, говорила, только я забыла.

— Не понимаю, гдѣ у тебя голова,—замѣтила мать, вслѣдъ уходящей дочери, въ которой вдругъ снова появилась тревога и разбѣянность.

Черезъ минуту Нина была уже у окна своей воспитательницы и старалась заглянуть въ него. Гувернантка сидѣла за письменн. и, вѣроятно, по своему обыкновенію, куда-то улетѣла, потому что оставляя по временамъ работу, безцѣльно смотрѣла передъ собой, устремивъ глаза на одну точку. Нина прошла мимо окна разв., два и три, но видимо была не удовлетворена этимъ, тревожное состояніе не прекращалось. Но вотъ у ней явилась какая-то мысль. Она поспѣшно вошла въ домъ, вбѣжала въ классную комнату и схватила первую попавшуюся книгу, развернула ее, взглянула и отправилась въ комнату гувернантки.

— Мама мнѣ велѣла учиться, но я вотъ этого не понимаю,—сказала Нина, указывая на какое-то мѣсто въ книгѣ.

Глаза гувернантки опустились на книгу, а Нина воспользовалась этимъ и пытливо стала разсматривать свою воспитательницу. Она забылась въ этомъ занятіи и не отвела глазъ отъ молодой дѣвушки даже и тогда, когда та взглянула на нее. Гувернанткѣ показалось, что въ устремленныхъ на нее темныхъ глазахъ свѣтитъ ласка, но сейчасъ же пришлось сознаться, что это ошибка, когда владѣтельница этихъ глазъ спросила своимъ обыкновеннымъ рѣзкимъ тономъ:

— Что-же, вы можете мнѣ объяснить?

— Могу.

И гувернантка объяснила.

Нина стояла потупя голову, но, судя по выраженію ея лица, нельзя было сказать, чтобы она внимательно слушала объясненіе непонятнаго ей мѣста, да врядъ ли она нуждалась въ немъ.

— Вы поняли? спросила гувернантка.

— Да, поняла... Мнѣ кажется, если кто боленъ, тотъ въ постели лежить.

— Ну такъ что же?

— Отчего же вы не лежите?

— Я не больна.

— Зачѣмъ же вы мамѣ сказали, что вы больны?

— Что же я, по вашему, должна была сказать?

— Мнѣ все равно. Вы вѣрно для того притворились больной, чтобы васъ не заставили со мной заниматься, вамъ шить надо.

— Значитъ, я виновата въ томъ, что мы сегодня не занимаемся?

— Разумѣется вы.

— Какая вы справедливая дѣвочка! Отчего же вы не пойдете къ мамѣ и не скажете, что я обманула ее.

— Можетъ быть вы любите фискалить, а я не люблю.

И Нина вышла изъ комнаты, но уже безъ обычной самоувѣренности. Въ дверяхъ она остановилась на мгновеніе въ какой-то нерѣшительности, сдѣлала даже такое движеніе, какъ будто хотѣла воротиться, но въ

ту же мнуту переломила себя, быстро отворила дверь и потомъ сильно хлопнула ею.

Черезъ нѣсколько времени дверь опять отворилась и показалась голова Нины.

— Вы, пожалуйста, никакихъ милостей мнѣ не дѣлайте,—сказала дѣвочка:—я въ вашихъ милостяхъ совсѣмъ не нуждаюсь. Вы лучше жалуйте на меня, я буду очень рада.

Сказала и скрылась.

Капризамъ дѣвочки въ этотъ день конца не было; все ее раздражало, ничто ей не нравилось, никто и ничѣмъ угодить ей не могъ. Надоѣла она всѣмъ невыносимо.

Послѣ обѣда бывалъ обыкновенно урокъ музыки. Прежде Нина въ это время убѣгала, такъ что приходилось ее отыскивать, теперь же она осталась дома и стала очень заботливо ухаживать за цвѣтами, посаженными противъ окна гувернантки, на которые прежде никакого вниманія не обращала. Но и теперь они не вполне заняли ея вниманіе, потому что глаза, хотя и украдкой, но часто обращались на окно, и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще, а вмѣстѣ съ этимъ усердіе становилось и заботы о цвѣтахъ, такъ что многіе изъ послѣднихъ не могли выдержать слишкомъ усердныхъ заботъ, похоловшихъ иногда на вспышки досады и нетерпѣнія, и печально опустили свои пестрыя головки, а нѣкоторые и совсѣмъ ихъ потеряли.

Время шло, а изъ окна все не было слышно призывнаго голоса. Между тѣмъ у Нины вдругъ появилась небывалая любовь къ музыкѣ, которая заставила ее подойти къ окну и бросить въ него такой вопросъ:

— Когда же мы музыкой будемъ заниматься?

— Вѣроятно, никогда,—послышалось изъ комнаты.

— Почему же это?

— Вы такъ дурно, такъ лѣниво занимаетесь, что я нахожу совершенно бесполезными наши занятія.

— Это совсѣмъ не ваше дѣло разбирать, что полезно, что не полезно. Вы моя гувернантка и должны меня учить.

— Я не буду васъ учить.

— Такъ вы хотите даромъ деньги брать — это не очень честно.

— Успокойтесь, даромъ брать деньги я не стану, потому что намѣрена уѣхать отсюда.

— Вы хотите уѣхать?

— Да.

Одну минуту дѣвочка стояла неподвижно, словно окаменѣлая, глаза округлились, ротъ былъ полуоткрытъ.

— Я очень рада,—вдругъ проговорила Нина и отошла отъ окна.

Но радость не вызвала въ ней ни одного изъ тѣхъ проявленій, какими обыкновенно сопровождается чувство радости. Ни одного прыжка, ни одного веселаго крика не увидѣла и не услышала гувернантка, печально смотрѣвшая на свою воспитанницу, медленно идущую по дорожкѣ, потупя голову и судорожно перебирая оборки платья.

— Что съ тобой? Ты нездорова? спросила мать Нину, увидя дочь въ уединенномъ уголкѣ сада, необычно тихую и въ необычно печальной позѣ.

— Здорова.

— Такъ что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось.

— Отчего же ты такая невеселая?

— Ахъ, оставьте меня,—вскрикнула дѣвочка и вдругъ зарыдала.

Мать охватила ее руками, собиравшись утѣшать и успокоивать, но Нина вырвалась и убѣжала.

Мать обратилась за разъясненіемъ къ гувернанткѣ, но и отъ той ничего не добилась. Если бы почтенная дама обладала большею наблюдательностью, умѣла бы подмѣчать малѣйшее движеніе на лицѣ человѣка, то

увидѣла бы, какъ въ глазахъ гувернантки блеснулъ веселый свѣтъ и стала разливаться по лицу, сгоняя съ него тѣнь печали.

Оставшись вечеромъ вдвоемъ съ воспитанницей въ спальнѣ, Настасья Петровна какъ будто чего-то ждала и казалась взволнованной, но ничего особеннаго не случилось. Нина раздѣлась и легла въ постель, не промолвивъ ни слова. Прошелъ часъ, а дѣвочка все еще не спала, она не отрываясь смотрѣла на гувернантку, сидѣвшую у открытаго окна. Молодая дѣвушка печально глядѣла въ мягкій полумракъ лѣтней ночи, изъ ко-

— Зачѣмъ же вы гувернантка? Если бы вы не были гувернанткой, я любила бы васъ .. Я вѣдь и теперь васъ люблю, очень, очень люблю...

— За что же вы гувернантокъ не любите?

Нина побѣжала къ своей шкапулкѣ, достала изъ нея фотографическую карточку своей прежней гувернантки и подала ее Настасьѣ Петровнѣ.

— Вотъ кто виноватъ, что я васъ мучила. Эта злая, гадкая, противная женщина мучила меня, — говорила Нина, сильно волнуясь: — и на васъ хотѣла все выместить, потому что всѣ гувернантки опротивѣли мнѣ...

На Елку. Тоже своего рода Елка. Картина Б. грав. Брендамуръ.

тораго, дрожа и волнуясь, доносились въ комнату звонкія, густыя трели соловья. Рука съ бѣлымъ платкомъ часто поднималась къ глазамъ.

Тихій шорохъ и нѣжный голосъ, послышавшіеся сзади, вывели гувернантку изъ задумчивости.

— Зачѣмъ вы отъ насъ уѣзжаете? спрашивалъ нѣжный дѣтскій голосъ.

Настасья Петровна отвѣтила не оборачиваясь.

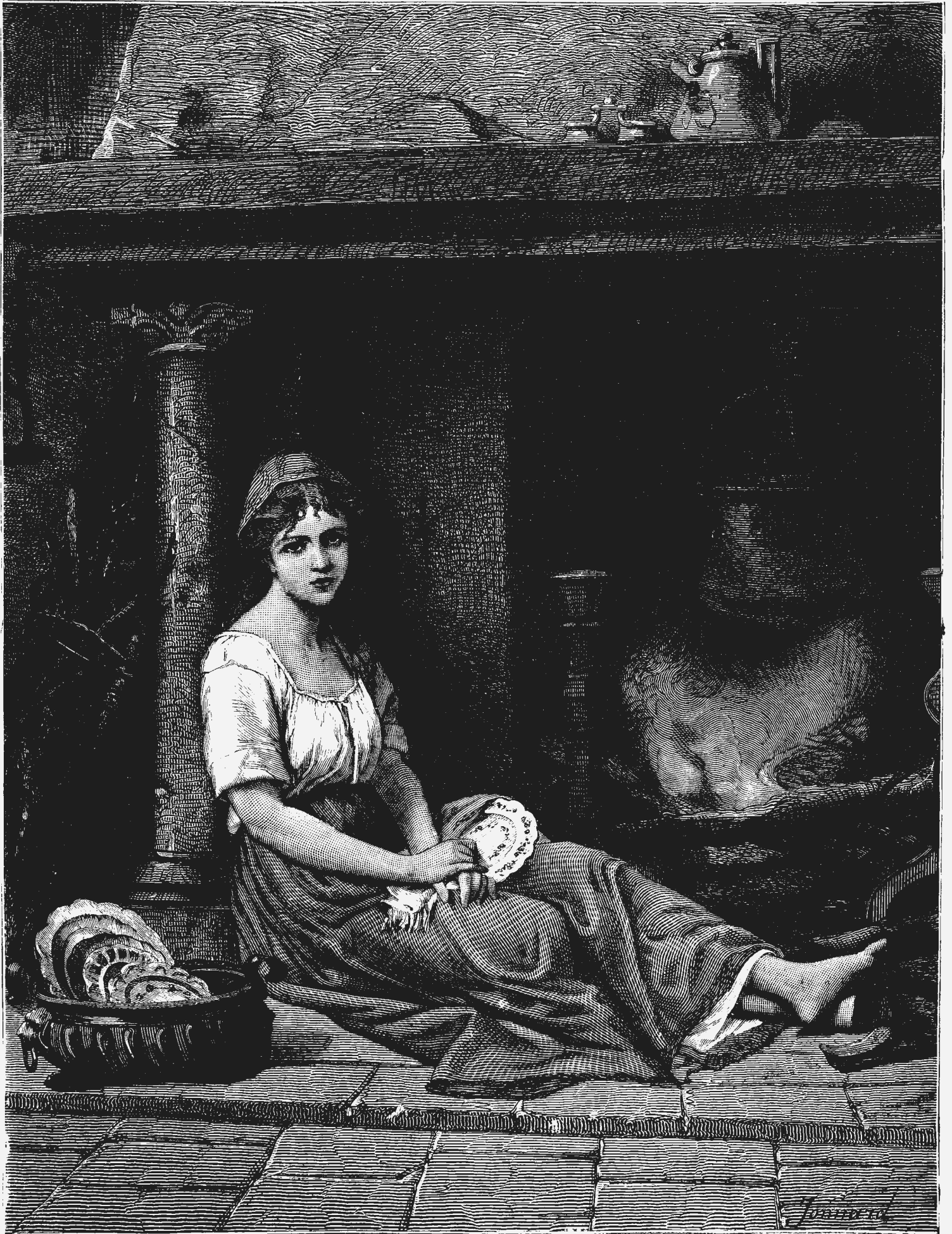
— Потому что вы ненавидите меня, а я не въ состояніи это переносить и не хочу жить тамъ, гдѣ не могу приносить пользы.

Видите, видите, какая злая, противная роза!—И Нина тыкала пальцемъ въ изображение своей бывшей воспитательницы.

— Дайте мнѣ ее, — продолжала дѣвочка и быстро вырвала фотографію изъ рукъ Настасьи Петровны.— Вотъ, вотъ, вотъ... проговорила она, разрывая фотографію на мелкіе клочки и рассыпая ихъ по полу.

Вся взволнованная, съ блестящими глазами, стояла Нина надъ разрушеннымъ, поруганнымъ изображеніемъ ненавистной женщины.

— Нѣтъ, этого мало! воскликнула она чрезъ нѣсколь-

На Елке. Сандрильона; картина Бертрана, грав. Жоннаръ.

ко времени и принялась подбирать разбросанные лоскутки! Инна занималась этимъ очень старательно и подобрала всё клочокъ до одного. Потомъ бросила ихъ въ печь, зажгла спичку и совершила торжественное сожженіе ненавистнаго изображенія.

Когда послѣдній клочокъ превратился въ пепель, Инна подошла къ гувернанткѣ, охватила ее обѣими руками и припала къ ея груди. Тихія слезы капали

изъ глазъ дѣвочки, возмущенная душа стихла; горячее чувство любви сильнѣе и сильнѣе охватывало ее и заставляло тѣснѣе припалать къ молодой воспитательницѣ, которая медленно проводила рукою по буйной головкѣ и не замѣчала, какъ у ней самой слезы одна за другой скатывались по щекамъ...

Ивановъ.

Къ рисункамъ на Елку.

Савраска.

У нашего хлѣбопашца-крестьянина есть неизмѣнный и вѣрный другъ—его лошадка. Съ нею онъ сживаетъ, смотритъ на нее, какъ на свою помощницу въ общемъ тяжеломъ трудѣ, и горько печалится, въ случаѣ ея утраты. Онъ лѣзетъ и бережетъ, какъ драгоценность, своего неуклюжаго, толстоногога и короткохвостаго Савраску, требуя отъ него лишь одного—быть конемъ ретивымъ и работающимъ. Посмотрите на эту типичную морду смиреннаго труженика, столь талантливо схваченную художникомъ.* Сейчасъ видно, что это не тогъ гордый, величавый городской конь, который красиво гарцуетъ по улицамъ, поднимая тучи пыли и иногда спшибая съ ногъ смиреннаго пѣшехода; это не герой разныхъ скачекъ, выигрывающій призы при рукопашескіяхъ любителяхъ спорта. Нѣтъ, это житель сѣль и захолустій; смиренный другъ столь же смиреннаго русскаго пахаря, его любимая *лошадка*. Не мудрено, что у нашихъ народныхъ поэтовъ, при описаніи крестьянскаго быта, часто встрѣчается какой-нибудь Савраска или Сивка и играетъ въ немъ не малую роль. И дѣйствительно, съ самаго своего рожденія такая лошадка дѣлается предметомъ особой любви и заботливости крестьянской семьи; жеребенкомъ она погрѣшаетъ ребятъ и возитъ ихъ на своемъ всклокоченномъ и неуклюжемъ хребтѣ, а потомъ мало по малу приучается къ домашнимъ работамъ и дѣлается правой рукою вскормившаго ее хозяина. Крестьянская семья глубоко понимаетъ такіа заслуги лошадки и обращается съ нею любовно и ласково. Возмутительныхъ истязаній не испытываетъ деревенскій Савраска, подобно своимъ городскимъ собратьямъ; исполняя честно свои прямыя обязанности, не предаваясь непозволительной лѣни во время крестьянской страды, онъ заслуживаетъ всеобщія похвалы и всеобщія ласки. Въ изобильные годы—благодать, но за то въ голодные, и коню, и хозяину, обомъ приходится жутко. Кто знакомъ съ крестьянскою жизнью, тотъ знаетъ, что не разъ бываюгъ въ этой многотрудной жизни тяжелые дни. Приѣзжаетъ, напримѣръ, крестьянинъ домой, усталый, взмученный нѣждою, непосильнаго труда, слѣдовало бы подкормить его пищей, но жена заявляетъ ему, что въ домѣ пусто: нѣтъ ни куска хлѣба, а ошачъ и говоритъ нечего. Мужикъ съ покорностью судьбѣ, столь свойственною нашему простолудину, мирится съ голодомъ, но не думая о себѣ, онъ думаетъ о своемъ Савраскѣ; ведетъ женѣ дать ему овсеца и подослать подъ него соломки. Онъ, вѣдь, сердечный,—скажетъ при этомъ со вздохомъ крестьянинъ, — побольше, чай, меня угомила: шугали конь въ зиму-то перевозилъ кладь.

Да, такіе заслуги и труды не могутъ оставаться безъ благодарности, и Савраска, получивъ должную мзду, съ наслажденіемъ погружаетъ свою морду въ грудь нахучаго, свѣжаго сѣна или оплетаетъ овесъ, который для него—невыразимо роскошное блюдо. Тако течетъ его трудовая жизнь; проходить годы, и вотъ Савраска уже хилѣетъ. Куда дѣвалась его прежняя сила и хотя тяжелая, но своеобразная рѣзвость; другіе, молодые кони, состоящіе съ нимъ въ самомъ ближайшемъ родствѣ, берутъ на себя выполнение его тяжелыхъ обязанностей, Савраскѣ же даюгся иногда легкія работы или ему поручается кого-нибудь отвезти въ недалекое мѣсто, но и то онъ выполняетъ шагомъ, чуть передвигая свои дряхлыя ноги. Да, конецъ его близокъ; онъ послужилъ людямъ довольно и можетъ, окончивъ жизнь, оставить по себѣ добрую память. Долго будутъ говорить въ крестьянской семьѣ:

— А вѣдь славный конь былъ нашъ Савраска!

А. Н.

Дѣтскіе силуэты Бема.

Мы уже имѣли случай помѣстить въ «Нивѣ» нѣсколько прекрасныхъ силуэтовъ Бема (см. «Ниву» 1875 г. № 35). Въ настоящемъ номерѣ помѣщаемъ двѣ живыя сценки: въ одной мальчики играютъ въ солдатики, въ другой—дѣвочки въ гости.

Какъ тѣ, такъ и другія видно, увлеклись и вошли въ свою роль. Попробуйте, напримѣръ, разувѣрить маленькаго командира, еле вскарабкавшагося на стулъ, что онъ сидитъ не на лошади, когда въ этомъ не могутъ убѣдить его собственные глаза.

Вы къ нему съ доводами, а онъ вамъ кричитъ: «берегись!»

Хорошъ и его братишка! Строгая дисциплина не позволяетъ

ему за карауломъ поправить съѣхавшій на затылокъ киверъ... Вотъ этакое бы послушаніе, да во время... Выправка, поза его, выраженіе, ну чистого солдата съ головы до ногъ! миниатюрень больно—да въ этомъ не виноватъ маленькій карауль, хоть и старается онъ подняться на цыпочки, да это стараніе мало горю помогаетъ... На нихъ смотритъ разумная мордочка щенка, этого *aide-de-camp malgré-lui*, въ диковинку видно ему тишь да гладь, да Божья благодать...

Полюбовавшись первой, перейдемъ ко второй, не менѣе прелестной сценкѣ. Двѣ дѣвочки, одна изъ нихъ самодовольная, разряженная, по своему, смотритъ въ туалетъ, другая—услужливой, некуспой горничной, завязываетъ ей сзади бантъ. Васька мягкій, бархатный, только бы ему на людскихъ рукахъ лежать да нѣжится, флегматично сидитъ въ отдаленіи, наслаждаясь привычнымъ покоемъ. На полу валяется кукла... И натурально и поучительно въ тоже время. Нѣкоторыя съ грустью, а нѣкоторыя со стыдомъ воспоминаютъ, можетъ быть, что такъ же, какъ эта кукла, бросаюгся иногда на произволъ дѣти выѣзжающихъ маменекъ! Картинка эта слишкомъ наивная по содержанию, была-бы, конечно, болѣе умѣтна въ какомъ-нибудь журналѣ, исключительно посвященномъ для дѣтскаго возраста, но помѣщеніе ея все таки не безцѣльно и въ «Нивѣ». Если она не возбудитъ въ читателѣ интереса своимъ содержаниемъ, то доставитъ ему большое удовольствіе, какъ художественно выполненное произведеніе и притомъ напоминающее знакомую, пережитую, незабвенную пору! Теперь-же, для «Елки» этотъ рисунокъ какъ нельзя болѣе кстатн.

Т. Р ая.

Тоже своего рода Елка.

Старушка давно уже живетъ одна одиноконька. А какаа большая семья была у ней прежде. Какъ было весело ей тогда смотреть на веселія дѣтскія личики, на ихъ игры, смѣхъ, прыганье! И сама она была тогда молода. У-у, сколько времени прошло съ той поры. Умеръ мужъ и оставилъ ее справляться съ кучей дѣтей. День и ночь она заботилась о нихъ. Дѣти подрастали, учились, она радовалась и считала себя счастливою. На праздникахъ, особенно на Рождествѣ, какъ было весело у ней! Какаа красивая и большая была у ней елка для дѣтей! Да, она считала себя счастливою. Она не знала, что ждетъ ее впередъ. Вотъ дѣти ея уже большія. Она мечтаетъ уже сдѣлаться бабушкой. По тугъ и повалились на нее несчастья за несчастьемъ. Въ одинъ годъ она лишилась двухъ сыновей. Въ слѣдующемъ году она выдала замужъ дочь и очень неудачно: мужъ оказался дурной человѣкъ, и дочь, настрадавшаяся съ нимъ, умерла въ чахоткѣ. Болѣло сердце матери. Пусто и тоскливо стало у ней въ комнатахъ. А тугъ еще несчастье: объявилъ себя банкротомъ банкиръ, у котораго хранились ея деньги! Все пропало, и несчастливая женщина стала часто испытывать нужду; ее всё забыли, никто къ ней ни зайдетъ, ни заѣдетъ. Собрала она тогда все, что имѣла поцѣннѣе, продала и помѣстилась въ крохотной квартиркѣ. Послѣдній сынъ ея находится въ кругосвѣтномъ плаваніи. О, какъ бываетъ рада она, когда получить отъ него письмо! Цѣлуетъ и конвертъ и листочки бумаги. Сколько разъ перечитываетъ она его письмо! Соскучитесь если когда, отвернуть свою шкатулочку, надѣньте очки и читаетъ снова то-же письмо, а изъ глазъ слезинка за слезинкой тихонько калятся по морщинистой ея щекѣ...

Такъ живетъ теперь старушка одна одиноконька!.. Но нѣтъ, она не одна: у ней есть нѣсколько четвероногихъ друзей. Она называетъ ихъ своими дѣтниками, разговариваетъ съ ними, сама кормитъ ихъ. Они любятъ ее, цѣлуютъ у ней послѣ обѣда ручку. Одному изъ этихъ друзей шила она къ Рождеству новыя суконныя башмачки: холодно его лапockамъ стунать по снѣгу; двумъ другимъ сдѣлала теплыя попонки для гулянья. На Рождествѣ каждый годъ она дѣлаетъ имъ елку. Закапаетъ свѣчи на маленькой елочкѣ, ставитъ кругомъ на блюдечкахъ разныя закуски изъ колбасы, мяса, сдобной булки и т. п. и любитъ, смотря какъ ея друзья справляются съ угощеніемъ. Можно-бы, казалось, найти себѣ друзей и въ другомъ, такъ сказать, высшемъ классѣ творенія; но старушка, почему-то находитъ, что окружающее ее общество, хоть и не высокаго полета, да ей какъ то, послѣ всѣхъ жизненныхъ невзгодъ, болѣе по душѣ. И среди этого общества у ней выходитъ тоже своего рода праздничная елка.

Н. К.—овъ.

* Первоначальный рисунокъ сдѣланъ иглой на закопченной тарелкѣ, а потомъ фотографическимъ способомъ перенесенъ на дерево.

Сандрильона.

(Картина Бертрана).

Кому неизвестна старая сказочка о Сандрильонѣ или, по нашему, Золушкѣ, сказочка, въ которой добрая фея приняла такое горячее участіе въ загнанной дѣвушкѣ, что она, эта замарашка, судомойка — вдругъ сдѣлалась женою королевскаго сына? Художникъ Бертранъ задумалъ изобразить Золушку наканунѣ ея свѣтлаго дня; наканунѣ счастья, веселья и радости, о чемъ бѣдная дѣвушка и помышлять не смѣла. Посмотрите, какъ она мила, граціозна, хотя и сидитъ около дымнаго очага, но собесѣдуетъ съ золою, угольями и прочею кухонною нечистью, въ холщевой рубашкѣ, грубой юбкѣ и босикомъ! На симпатичномъ личикѣ ея облачко грусти, большіе глаза задумчивы... Золушка замечталась, сложила свои хорошенькія ручки и забыла, что ей надо мыть и вытирать тарелки. Да и какъ ей не задуматься? Вѣдь сегодня въ королевскіи дворѣ балъ... Ея сердитыя сестры будутъ тамъ, а она — останется здѣсь, въ этой темной, запертой купѣ, одна... заброшенная, забытая, по... молодая, здоровая, съ жаждой жизни, повеселился, ходитъ въ нарядномъ платьицѣ... Но вотъ является крестная мать Золушки — добрая фея, съ своею чудесной палочкой; она махаетъ этою палочкой — и для Золушки являются необыкновенныя диковинки! Вѣдь и теперь, навѣрно, живутъ (и, можетъ быть, обокъ съ нами) несчастныя Золушки, къ которымъ — увы, никогда не явится добрая фея!

Добрая фея пропала...
Гдѣ она — нѣтъ и слѣда:
Плохо въ Америкѣ стало —
Въ Азіи плохо всегда.

Пропала эта фея, но за то существуетъ другая «злая», рыщетъ по бѣлу свѣту, заглядываетъ въ подвалы, на чердаки, и тамъ, передъ современной Золушкой, махаетъ своею губительной палочкой... Бѣдная Золушка вдругъ преобразается — и не узнать ее! Какая громадная разница въ характерѣ этого превращенія. Конечно, не все переходящее по волѣ судьбы изъ бѣдности въ роскошь измѣняется къ худшему, но увы, ко многимъ изъ нихъ примѣнимы слѣдующія строки:

Бриллианты, цвѣты кружева,
Довождая умъ до восторга...
И на лбу роковыя слова...

НА ВОЛОСОКЪ ОТЪ СМЕРТИ.

(Святочный рассказъ).

— Ишь, старые гуляки, насилу-то притащились; въ пуншѣ ужъ двѣ атмосферы давленія! воскликнулъ старый, выслужившій пенсію машинистъ Циммерманъ, мѣшая въ огромной пуншевой мискѣ. Привѣтствіе это было обращено къ нѣсколькимъ темнымъ, коренастымъ фигурамъ, которые, закутанные въ большущія шубы, оставившія на виду только ихъ красные носы да смѣющіеся глаза, отдуваясь и потопывая ногами, входили въ кондукторскую комнату въ Бюрленѣ.

Сегодня, для Сильверстова дня, столъ въ кондукторской накрытъ бѣлой какъ снѣгъ скатертью, а на верхнемъ концѣ, ближе къ печкѣ, стоитъ почтенныхъ размѣровъ миска, надъ которой усердно работаетъ старый Циммерманъ. И пары, выходящія изъ нея, равно какъ пустыя ромовыя бутылки, стоящія вокругъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, что приготавливаемый имъ напитокъ назначается для здоровыхъ глотокъ, однимъ словомъ, что это будетъ «крѣпкій кондукторскій пуншъ».

— Экая пропасть! Ну, отецъ Циммерманъ, тяжелое намъ сегодня досталось дежурство для Сильверстова дня! восклицаютъ входящія, отряхая снѣгъ и стаскивая съ себя шубы, куртки, шапки и высокіе сапоги.

— Знаете вы, сахарныя куклы, что значить тяжелое дежурство, какъ же! Невидаль вамъ сидѣть въ вагонѣхъ стеклянныхъ дворцахъ*, что построили вамъ теперь, да кататься на машинѣ, что убавливается вась ровно бы на мягкой перинѣ въ люлькѣ! Нѣтъ вотъ, постояли бы съ нами въ тридцать девятомъ да въ сороковомъ годахъ на тогдашнихъ машинахъ, — тѣ такія были трясушки, что каждый толчекъ отзывался отъ подошвы до теменн, а чуть немного снѣгу на рельсахъ, такъ и не шли вовсе. И на нихъ то стояли мы, бывало, безъ всякой защиты, день и ночь, въ декабрьскую вьюгу, въ июльскій жаръ на вѣтру, дождь и градъ — въ одномъ пальтишкѣ. Вотъ тяжелая была служба, такъ тяжелая! Вамъ то что! А что въ самомъ дѣлѣ значить самая ваша тяжелая служба въ сравненіи съ тѣмъ, что сегодня, для конца года, заставили продѣлать нашего Горнига. Внимательно сдѣлать онъ сегодня свой машинистскій экзаменъ! Подъ открытымъ небомъ, на машинѣ,

* В настоящее время почти вездѣ на локомотивахъ устроена родъ каюты съ стеклянными окнами, называемой для машинистовъ, гдѣ послѣдніе находятъ защиту противъ вѣтра и непогоды. До 1860 г. вездѣ почти не было ничего подобнаго, но большіе процентъ смертности желѣзно-дорожнаго персонала, заставилъ правительства обратить вниманіе на это гуманное приспособленіе, и между 1862 — 1866 годами они сдѣлали въ этомъ отношеніи.

Но мы не скажемъ этихъ роковыхъ словъ, и да сохранитъ Всевышній отъ нихъ тѣхъ, кто стоитъ на краю опасности.

Четвероногіе ребята.

(Картина мюнхенскаго художника Б. Адама).

Одухотворенное маленькое существо — ребенокъ-ли это, собачка, кошечка или даже поворожденный словъ — неволью привлекаетъ наше вниманіе, и мы, при случаѣ, не прочь поиграть, напр., съ младенцемъ, сдѣлать ему изъ пальцевъ правой руки своей «козу рогатую». Припомните, даже почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ Чичковъ игралъ съ Осиптоклоюсъ Манилова! Есть и такіе субъекты, которые куда пѣжише, сострадательнѣе относятся къ излюбленнымъ или животнымъ, чѣмъ къ людямъ. Кардиналъ Ришелье отвѣтилъ одному бѣдняку, просившему у него помощи: «Вы говорите, что вамъ жать нечѣмъ? Но *зачѣмъ* же вамъ жать?» И этотъ самый кардиналъ очень любилъ котятъ, игралъ съ ними и, конечно, котатамъ жилось у него хорошо. Ришелье зналъ, *зачѣмъ* живутъ его кошечки: онѣ должны забавлять правителя Франціи. Навѣрно, въ исторіи есть примѣры любви и къ щенкамъ. Что-жь, щенковъ много любить. Городничій Сквоздникъ-Дмухановскій прямо сказалъ судѣбѣ, что взята въ видѣ борзыхъ щенята — все же взятка. Вотъ, передъ вами три щеночка. Одинъ, должно быть, плотно наѣвшись, заснулъ, другіе два братца увлеклись игрой въ борьбу и взятыя напропаую. Если эти звѣрьки еще не розданы по знакомымъ, то навѣрно ихъ ужъ не утопятъ, и каждый изъ нихъ найдетъ своего добраго хозяина.

Дѣвочка съ мячикомъ.

Эти дѣтскіе глазки
Полны счастья и ласки,
Также смѣло глядятъ
Въ очи людямъ прохожимъ,
Какъ и ангеламъ Божиимъ,
Что намъ ними кружатъ..

Это стихотвореніе (А. Н. Майкова) такъ идетъ къ этой картинкѣ, такъ полно выражаетъ ее, что намъ отъ себя ничего и прибавить.

знаешь, что тебя хранитъ Богъ, а въ школѣ на экзаменѣ, отъ страху забудешь какъ призвать и имя то Божіе. Да вонъ онъ и самъ экзаменникъ-мученикъ — ура!

Въ комнату ворвался столбъ снѣжной пыли, изъ за которой выдѣлались высокія фигуры двухъ новыхъ гостей, давно ожидаемыхъ машинистовъ зачоздашаго товарнаго поѣзда.

— Bravo! Наконецъ-то! раздалось имъ на встрѣчу, ну, теперь примемся за пуншъ, да пошлемъ за праздничнымъ ужиномъ въ трактиръ!

— Вотъ вамъ еще жаркое на прибавку, воскликнулъ одинъ изъ вновь прибывшихъ, и поднялъ вверхъ полуобгорѣлаго зайца, трясая его за заднія ноги.

— Это у тебя откуда такая дичина, гдѣ Богъ послалъ?

— Господишь зайцъ самъ захотѣлъ имѣть честь служить на праздникѣ да, извольте-ли видѣть, погорячился немножко, да и подгорѣлъ раньше времени, да при томъ еще какъ есть съ кожей и волосами, засмѣялся владѣтель зайца. Красные огни моего «Плута», спугнули его изъ снѣжной ямки на скатѣ, гдѣ онъ преудобно прикурнулъ себѣ поджавши уши, и какъ пустится онъ бѣжать на перегонку съ поѣздомъ. Мила двѣ, три, видѣлъ я какъ маленькій дуралей мчался по снѣгу рядомъ съ машиной. Я даль свистокъ, что его еще больше испугало, онъ безъ памяти бросился впередъ, перегналъ поѣздъ, попалъ въ красный свѣтъ фонарей — вѣрно это его ослѣпило — онъ захотѣлъ обѣжать машину какъ собака, и бросился поперегъ рельсъ. Я выглянулъ, чтобы посмотреть, какъ онъ опять выбѣжитъ, однако его не было видно. Я думалъ, что мы его переѣхали, или что онъ пробѣжалъ назадъ подъ поѣздомъ, и позабылъ о немъ. Но когда мы переѣхали на станцію, и надо было чистить машинную рѣшетку, подземный духъ съ огненной кочергой кричитъ мнѣ изъ груды золы: господишь Горнигъ, господишь Горнигъ! Да вѣдь вы привезли съ собой жаркое! Я подумалъ ужъ не рехнулся ли нашъ молодецъ, однако сошелъ внизъ посмотреть. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ зайцъ-то мой лежитъ въ ящикѣ для золы, мертвый и на половину изжаренный. Вѣрно онъ подпрыгнулъ да какъ вилудъ и попалъ въ это время въ ящикъ*). Поторонился

* Подъ рѣшеткой локомотива находится по всю его ширину ящикъ для толстого листового желѣза; цель его — задерживать для предупрежденія опасности падающіе горячіе рѣшетку раскаленные уголья и выгарки. Изначъ этотъ ящикъ большей частью открытъ спереди и сзади: оба отвѣрсія закрываются въ случаѣ надобности задвижками. Этотъ ящикъ есть часть машины ближе всего касающаяся поверхности рельсовъ, такъ какъ онъ опускается довольно низко. Это надо помнить для уравниванія поѣздушаго.

ты, братъ, попасть на жаркое, проговорилъ разскащикъ, кивая головой на зайца, и произвелъ этимъ восклицаніемъ общій взрывъ смѣха.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, зубоскалы, надъ бѣднымъ животнымъ, проворчалъ Циммерманъ, наполняя стаканы, нѣтъ, не засмѣлись-бы вы, еслибы знали каково лежать подъ этимъ огненнымъ ящикомъ.

— А ты, небось знаешь, отецъ Циммерманъ? воскликнуло нѣсколько голосовъ тономъ сильнаго сомнѣнія.

— Вамъ, ребята, кажется хорошо извѣстно, что я все переиспыталъ на желѣзной дорогѣ, отъ нижняго края рельсовъ и до верхняго края локомотивной трубы, возразилъ Циммерманъ.

— Да, ужъ въ ящикъ-то съ золой, вѣрно ты не попадалъ? засмѣялась веселая компанія

— Совсѣмъ-то не попадалъ, очень серьезно возразилъ старій машинистъ, а подъ нимъ такъ былъ, да чуть было и въ него не попалъ. Признаюсь вамъ, видалъ я, какъ гордый поѣздъ съ великолѣпными вагонами, полными веселымъ народомъ—вдругъ—въ одно мгновеніе ока, превращался въ груды развалинъ, гдѣ все перемѣшано въ одну кучу: обломки ваго-

ло тогда, какъ теперь, величать «толстымъ Францемъ!».

— Отчего-же именно по этому, отецъ Циммерманъ? спросилъ кто-то.

— То-то вотъ, отчего?—Оттого, что мы видали виды, не чета вамъ, кукламъ, въ стеклянныхъ ящикахъ. Сюда стаканы! Да чтобы никто рта не развѣвалъ, пока я не кончу!

Было это на Сильверстовъ день, какъ сегодня, года 1845, тому назадъ ровношенько тридцать одинъ годъ; погода была дьявольская, и снѣгъ, и дождь хлестали на проналуку. Я, какъ самый молоденькій машинистъ, стоялъ при станціи въ главномъ вокзалѣ, и только годъ какъ женился. Вы знаете, станція, самое поганое мѣсто для службы. Стоитъ она на самомъ юру, посреди поля; вѣтеръ такъ и гуляетъ на ней. Къ городу шель поворотъ съ двумя путями рельсовъ; снѣгу на нихъ намететъ видимо-невидимо. Сейчасъ же, проѣзжая поворотъ, въ третьемъ домѣ, позади старой масляной мельницы, что мы еще такъ проклинали, за то, что проѣзжая мимо ея, должны всегда были выпускать пары, чтобы отъ искръ изъ трубы не загорѣлась ея гонтовая крыша, жилъ я съ моею Луизой и новорожденнымъ Францемъ, что теперь смотритель надъ работа-

На Елву. Четвероногіе ребята; картина Б. Адама, грав. Шпехтъ.

новъ, винты, оси, колеса, а изъ-подъ всего этого раздаются стenanія и отчаянные крики несчастныхъ о помощи; видалъ я, какъ локомотивы, словно разсвирѣпѣвшіе коты, вскакивали другъ на друга, или кувыркомъ скатывались внизъ съ насыпи, разь, два, три, колеса наверху, труба внизу, — все летитъ въ дребезги, дымъ, огонь, гвалтъ, воили... Но признаюсь вамъ, во всю мою тридцатипятилѣтнюю службу, никогда такъ не замрало у меня сердце, какъ подъ этимъ локомотивнымъ ящикомъ.

— Разскажи, отецъ Циммерманъ! Разскажи! закричала ба-систымъ голосомъ вся компанія, которой очевидно съ родни былъ разговоръ о разныхъ страстяхъ, продѣлываемыхъ грохочущей, шипящей и свистящей машиной.

— Такъ и быть, отвѣчалъ старикъ, медленно развязывая табачный кисетъ и набивая свою короткую трубку, хоть я и не очень-то люблю разсказывать эту исторію. Всякій разъ какъ я вспомню о ней, у меня все еще какъ будто что ѣкаетъ вотъ здѣсь, подъ третьимъ ребромъ.

Да, молодцы мои, та, что вязала мнѣ тогда вотъ этотъ кисетъ, чуть было не сдѣлалась вдовушкой, а моему Карду и Юльхену не увидѣть бы блага свѣта, еслибы меня можно бы-

ми въ Рюдрихъ.

Такъ вотъ въ Сильверстовскій вечеръ, въ 1845 г., пришелъ я изъ Гристала съ тяжелымъ товарнымъ поѣздомъ на главную станцію. Цѣлыхъ четырнадцать часовъ стоялъ я у машины, на шести градусахъ мороза. Закоченѣлъ я, какъ собака, и радовался Сильверстовскому пушу, какъ обезьяна. Ужъ смеркалось, когда мы подходили; сквозь снѣжную изморозь, видѣлась станція съ сотнями сотенъ огней на подѣздахъ и платформахъ, словно тамъ готовилось большое рождественное угощеніе. Славное досталось мнѣ угощеніе!—Тутъ еще послѣ рождественскихъ праздниковъ скопилось вагоновъ тьма-тьмушая, но крайней мѣрѣ штукъ пятьсотъ—всѣхъ ихъ надо было ранжировать, чтобы сейчасъ же послѣ новаго года, все было отправлено по мѣстамъ.

Не успѣлъ я сойти съ машины и пойтить обогрѣться, какъ подходить ко мнѣ начальникъ станціи и говорить:

— Циммерманъ, Гаузеръ захворалъ. Вы должны взять за него третью ранжирную машину.

— Какъ прикажете! сказалъ я, только Бога ради, господинъ начальникъ, не задерживайте меня до двѣнадцати часовъ—къ

На Елку. Дѣвочка съ мячкомъ; рис. Девисъ, грав. Жоннаръ.

этому часу мнѣ надо быть дома, не то новый годъ будетъ для насъ несчастливъ.

— Глупости, отвѣчалъ начальникъ, думайте только о томъ, чтобы поспѣть ко времени! и онъ повернулся и скрылся въ свѣтломъ вихрѣ.

Мнѣ почудилось что-то недоброе, мурашки такъ и пробѣгали по кожѣ, но я приписывалъ это погодѣ. Когда я выѣхалъ съ своей машиной, зги не было видно отъ свѣтлой пыли и холоднаго тумана; изъ-за бѣлыхъ клубовъ, взвившихся поперегъ рельсовъ, едва можно было различить трубу локомотива.

Сигнальные огни чуть-чуть мерцали кое-гдѣ красными, бѣлыми или зелеными точками; изъ-за воя вѣтра между вагонами и вагонными колесами нельзя было понять ни звона телеграфной проводки, ни грохота поѣзда и свиста машины, ни сигнальных свистковъ. Ни одного слова нельзя было разобратъ изъ криковъ ранжирчиковъ; видно только что они кричатъ, а что, хоть убей не разберешь.

И въ эдакое-то время, три машины за одинъ разъ передвигали по вѣтмъ направлениямъ сотни двѣ вагоновъ. Отовсюду выскакивали огни изъ тумана и свѣтлой мятелицы, и спать исчезали въ ней. Отъ глубокаго свѣту все было глухо: стука колесъ не слышно, они подкрадывались и уходили, какъ тати. Несчастные сигнальщики и ранжирчики, промокшие до костей, бѣгали, по колѣна въ свѣту, между передвигаемыми вагонами. Что вамъ говорить, сами знаете что значить ранжирная станція въ зимнюю ночь! Чудеса Господни, какъ только всѣхъ насъ не передавитъ тутъ въ кашу, и я всю мою жизнь удивлялся, когда на другой день не слышать было, что тотъ либо другой остался на мѣстѣ. А когда это случится, начальникъ, сидя за зеленымъ столомъ въ теплой комнатѣ, вынетъ только изъ кармана уставъ. Оно, конечно, иначе и быть не можетъ. Нѣтъ, посмотрѣди бы эти господа хоть *разъ* въ жизни, каково намъ въ это время!

Ну, ужъ выдалась же та ночка, нечего сказать. Сильверстовскій-то пуншъ должно быть заранѣе бродилъ у всѣхъ въ головахъ, потому что передвигаеиъ шло въ такой темнотѣ, какъ будто сю командовалъ самъ сатана. Вагоны перелегали съ мѣста на мѣсто, огни сверкали какъ молнии, тутъ звѣня цѣнами, приближали вагоны, тамъ отбѣгали, люди позали между буферами и колесами, словно они были игрушечные. Больные всѣхъ горячили одинъ маленький, угрюмый такой помощникъ начальника станціи,—я его еще терпѣть не могъ, онъ однажды мнѣ сильно всталъ поперегъ дороги въ одномъ сердечномъ дѣлѣ—но я не могъ не удивляться ему: вездѣ-то свѣтилъ его сигнальный фонарь; куда ни обернешь, вверхъ, внизъ, вправо, влево, онъ тутъ какъ тутъ, и пронзительный его голосъ, такъ и раздавался вездѣ среди бури.

Какъ-то окликнулъ онъ меня, глядя, черезъ нѣсколько минутъ, вижу, онъ опять проекальзываетъ между двумя буферами. Вѣдь это чертовская смѣлость въ такую погоду, когда ничего не видать и не слышать передъ самымъ носомъ, да еще вдобавокъ, поскольку можно каждую минуту. Онъ только засмѣялся надо мной, крикнулъ мнѣ: заботьтесь о своемъ дѣлѣ, Циммерманъ, а не обо мнѣ! Мы *должны* поспѣть къ двѣнадцати часамъ—живѣй, живѣй! и исчезъ. Я отъ всего сердца послалъ ему вслѣдъ: «Убирайся къ чорту!»—и во всю жизнь не забыть мнѣ этого, умирать буду, такъ буду каяться въ этомъ.—Здѣсь старый кондукторъ сдѣлалъ паузу, отеръ себѣ лобъ, хлѣбнулъ глотокъ пуншу, и потомъ продолжалъ:

— Я еще слышалъ, какъ онъ, на той сторонѣ, скомандовалъ моему товарищу «отпусти», потомъ загремѣли цѣпи, потомъ раздался звукъ—ну, какъ бы вамъ сказать, на что онъ былъ похожъ?—случалось вамъ слышать, какъ мясникъ перерубаетъ топоромъ толстую кость?—потомъ послышался глухой крикъ, и затѣмъ опять стукъ и звяканье сталкивающихся буферовъ. Морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ. Тутъ подали сигналъ двигаться впередъ, мѣшкать было некогда. Подай впередъ! Впередъ! Минуту спустя я былъ уже далеко отъ этого мѣста, на другомъ концѣ станціи; тамъ никто не могъ знать, что такое случилось.

Только я уже дѣлалъ все словно во снѣ; когда черезъ полчаса мы все справили, и я вошелъ въ сарай, начальникъ спрашиваетъ меня: вы, Циммерманъ, знаете? помощника Пориса вѣдь раздавили, онъ попалъ между двухъ буферовъ. Я ужъ ничего не спрашивалъ—ужасъ какъ скверно было у меня на душѣ, и не помню, какъ я убрался съ своей машиной, и пошелъ домой. Когда я проходилъ мимо подѣзда, такъ увидѣлъ только, что тамъ суетится кучка людей съ фонарями, и что-то завернутое въ шинель, лежитъ на свѣту; меня такъ передернуло всего. Знаете, ребята, что скажу я вамъ:—незнаю чего бы я не отдалъ тогда, чтобы вернуть проклятое слово, что сорвалось у меня съ языка полчаса тому назадъ, когда я отослалъ его къ чорту. Не могу вышибить этого у себя изъ головы, да и шабанъ, хоть вѣдь такъ-то сказать, и дурного тутъ ничего не было, не со злости вѣдь я это сказалъ, а ужъ обыкновенное дѣло, обычай у насъ такой скверный, черкаться каждую минуту. Вы, молодые ребята, чего добраго еще перецегаляиъ насъ въ этомъ, да только, скажу вамъ, бросили бы вы эту поганую привычку, кабы почувствовали, какъ тогда ковыряло меня всего внутри. Однако, мало по малу, какъ я сталъ отходить дальше отъ станціи, мысли мои поуспокоились не-

множко; представилась мнѣ моя свѣтлая, теплая горница, и мягкіе валенки, и Луиза моя съ снѣжкомъ, и котъ-наська у печки, а на печкѣ-то, мерещится мнѣ, кипитъ котелокъ, на столѣ стоитъ бутылка арака и сахарница, а подлѣ нихъ лежатъ лимоны. Отлегло у меня на душѣ, и я веселѣе зашагалъ впередъ.

Сами знаете, во время такой работы, какая у насъ тамъ шла, не очень-то обращаешь вниманіе на погоду; только тутъ замѣтилъ я, что ураганъ-то продолжается, вѣтеръ такъ и воетъ и свиститъ, какъ бѣшеный. Подошелъ я къ повороту у старой мельницы, откуда ужъ можно бы было видѣть окна моего домика, еслибы только вообще можно было съвозъ этого вихря разглядѣть что вибуду въ десяти шагахъ отъ себя. Я пошелъ по правымъ рельсамъ, потому что они были расчищены отъ свѣту, да и съ нихъ бы я прежде увидѣлъ свой домъ.

Иду я себѣ эдакъ преспокойно, потому что шелъ со станціи, а какъ вамъ извѣстно, это рельсы вѣздные, значитъ мнѣ нечего было опасаться поѣзда сзади, а спереди не ждали никакого. Да еслибы онъ и шелъ оттуда, такъ я долженъ бы былъ его услышать.

Дошелъ я такимъ манеромъ до середины поворота, гдѣ онъ дѣлаетъ дугу—въ эту ночь, тутъ на сажень отъ себя ничего нельзя было различить,—вдругъ слышу, свиститъ сзади, затѣмъ раздается стукъ колесъ медленно идущаго поѣзда. Я слышалъ, что локомотивъ идетъ сзади поѣзда, потому что стукъ машины слышался гораздо дальше, чѣмъ стукъ колесъ. Я подумалъ себѣ: а, это вѣрно двигаютъ на товарную станцію резервннй поѣздъ шгукъ изъ двадцати вагоновъ, что стояли давеча на этихъ рельсахъ. Но все это какъ-то не ясно пронеслось у меня въ головахъ, и собственно говоря, мнѣ и дѣла никакого до этого не было; поѣздъ долженъ былъ, по моему, сейчасъ пройти мимо меня по лѣвымъ рельсамъ. Между тѣмъ грохотъ колесъ по сильно намерзшимъ рельсамъ, все приближался да приближался; ужъ я слышалъ позвякиванье спасительной цѣпи у передняго вагона, рядомъ со мной по свѣту скользнулъ свѣтъ сигнальнаго фонаря. Я повернулъ голову, чтобы закричать молодцамъ «Счастливаго Нового года».

Но на лѣвыхъ рельсахъ не было никакого поѣзда—и въ эту самую минуту—чувствую я странный толчекъ въ спину. Искры посыпались у меня изъ глазъ—глядь, я пластомъ лежу между рельсами, и—тукъ-тукъ-тукъ, тукъ-тукъ-тукъ—надо мной начинаютъ проходить вагоны.

Старикъ опять остановился. Въ комнатѣ была мертвая тишина; сильные лица молодыхъ машинистовъ выдвинулись впередъ, съ широко-открытыми глазами, блѣдныя. взволнованныя.—Разсказчикъ еще наполнилъ стаканы, умялъ покрѣпче табакъ въ своей трубкѣ, и продолжалъ:

Видите-ли, дѣтки, когда мы сидимъ вокругъ стола, вотъ какъ теперь, или стоимъ у своей машины, или даже въ такихъ казусныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ пришлось быть сегодня бѣднягѣ Горниту, то есть постигнуть насъ напастъ держать экзаменъ, ну, такъ тогда въ нашихъ толстокожихъ лбахъ мысли чередуются одна за другой—съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, каждую изъ нихъ можно видѣть отдѣльно, съ каждой поздороваться и пожелать счастливаго пути. Господа наши учителя говорятъ даже будто мы, машинисты, думаемъ медленно остальныхъ людей, потому что вся скорость выходитъ изъ насъ въ машину.—Но, дѣтки, въ этотъ одинъ мигъ, между толчкомъ и паденіемъ моимъ ничкомъ между рельсами, столько я передумалъ, сколько, кажись въ другое время не передумать отъ Святой до Троицына дни.

Первымъ дѣломъ опять пришелъ мнѣ въ голову мой домъ, теплая комната со вѣтмъ, что въ ней есть, завтрашнй благовѣстъ къ обѣднѣ, то, какъ завтра, въ Новый годъ, пойдутъ всѣ въ церковь—потомъ перешли мои мысли на помощника, что лежитъ тамъ на свѣту, завернутый въ шинель, а потомъ принялся я, такъ отчетливо будто самъ распоряжался ранжированіемъ, считать количество вагоновъ, что мчались надо мной. Что за причина, что онъ идетъ не по тѣмъ рельсамъ какъ слѣдуетъ, а по вѣзднымъ, по тѣмъ, по которымъ я шелъ? Тутъ я все вспомнилъ—раньше-то это совѣтъ у меня изъ головы вышло. Вѣдь вѣздные-то рельсы не различены отъ свѣту, поэтому—я ѣдуть по правымъ рельсамъ. Я припомнилъ, какъ угрюмъ видѣлъ этотъ самый поѣздъ—онъ стоялъ на-готовѣ; въ немъ было не больше какъ отъ двадцати до двадцати двухъ товарныхъ вагоновъ. Это все были наши вагоны, они всѣ шли высоко надъ рельсами; ихъ мнѣ нечего было бояться—я лежалъ довольно плоско межъ рельсовъ. Но машины, золотые ящики при машинахъ! Три машины, что при мнѣ ужъ дымилась на станціи, зналъ я какъ свою табакерку. «Викторъ» прошелъ бы надо мной благополучно, будь я даже еще чуточку и поплотнѣе, чѣмъ былъ тогда; «Германъ» также былъ бы еще, пожалуй, молодистивъ ко мнѣ, если только въ котлѣ у него было не слишкомъ много воды, да огонь палилъ не чересчуръ, да если еще насыпъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ я лежалъ, была бы не высоко; но подъ «Сиріусомъ»,—это былъ слониче новой низкой конструкціи,—ждала меня неминуемая смерть. Да еслибъ смерть-то скорая, еще куда-бы не шло, а то вѣдь понемножку будетъ рвать тебя на куски. Какая же изъ этихъ машинъ шла тамъ, вотъ былъ вопросъ?

Все это передумалъ-то я, дѣтки мои, между толчкомъ и паденіемъ, а ужъ какъ свалило-то меня, такъ ужъ тутъ шабашъ, все изъ головы вылетѣло, я только инстинктивно вытянулся во всю длину, пригналъ дыханіе и старался сдѣлаться елико возможно топыше, какъ кунина, когда она хочетъ выскочить изъ западни. Каждый поворотъ колесъ какъ будто говорилъ мнѣ: скверная-смерть!—скверная-смерть! Вотъ задѣло меня что-то тяжелое, вѣтъ, это еще ничего; оно, звеня, проскальзываетъ мимо, только задѣвъ меня чѣмъ-то холоднымъ по затылку. Это спустившаяся цѣнь отъ вагона. Но вотъ начинается: земля подо мной начинаетъ дрожать, сначала тихо, потомъ все сильнѣе и сильнѣе, потомъ увидѣлъ я сбоку, хотя и сильно прижималъ голову къ землѣ, что рельсы и снѣгъ и катящаяся тѣни колесъ, все ярче и ярче освѣщаются краснымъ заревомъ; очевидно, это было отраженіемъ стѣи огня машины.—Вотъ ужъ стало моей головой гудѣть и затылку становиться жарко. Шпалы какъ будто придавливались къ землѣ, рельсы будто стонали и гнулись, земля такъ и трещала подо мной,—наконецъ—вотъ оно.—Въ это самое мгновеніе что-то какъ хватить меня по спинѣ, да какъ толкнетъ впередъ.—Царица небесная!—трр—что-то разорвалось на мнѣ и—нуфъ-нуфъ-нуфъ—съ гуломъ и грохотомъ прокатилась надо мной машина. Земля нѣсколько времени все еще дрожала. Съ открывшагося неба опять повалили на меня снѣжныя хлопья.

Какъ я всталъ на ноги, самъ не вѣдаю. Я стоялъ, шатаясь, и видѣлъ только, какъ исчезли за поворотомъ красные фонари локомотива, и мнѣ чудилось, что сама смерть смотритъ на меня огненными глазами.

Прійдя кое-какъ въ себя, я сталъ ошупывать, чтобы узнать, что такое сорвала съ меня машина, и какъ бы вы думали, что это такое было? На застежкѣ форменнаго пальто сзади, оторвало пуговицы. Я пошелъ въ ближайшую сторожку,

попросилъ тамъ фонарь, и отыскалъ въ снѣгу свои пуговицы. Когда-же мы дома сидѣли за пуншомъ, и я то бухалъ черезъ край араку, то не въ мѣру валилъ въ стаканъ сахару. Луиза спросила меня съ удивленіемъ:—послушай, да что съ тобой сегодня? Ты вѣдь какъ летишь дрожишь, и словечка не вымолвилъ еще,—тутъ только я опомнился, и языкъ вернулся ко мнѣ. И я показалъ Луизѣ пуговицы, и держа ихъ между пальцами, рассказалъ ей всю исторію.—Видишь-ли, говорю, вотъ на такую чутучку былъ сегодня твой муженекъ отъ ужасной смерти. Хотите посмотрѣть, вотъ тутъ и пуговицы, и я буду беречь ихъ, пока въ самомъ дѣлѣ не придетъ смерть.

Старый машинистъ растегнулъ сюртукъ и вынулъ двѣ форменныя пуговицы, которыя онъ носилъ на своей загрубѣлой груди.

Вотъ теперь вы знаете, отчего давеча я пожалѣлъ бѣдняка, понавшагося въ ящикъ. Я рассказалъ вамъ эту исторію такъ, что къ слову пришлось, а то не больно-то люблю я ее вспоминать. Пусть это только не отнимаетъ у васъ куражу! Вамъ надо, да и надо его. Вотъ бьетъ двѣнадцать часовъ. Съ Новымъ годомъ, дѣтки, счастливо и благополучно кататься вамъ съ вашими машинами еще многія сотни тысячъ миль.

СОДЕРЖАНІЕ: Объ обычѣ празднованія Елки (съ рисункомъ). — Чѣмъ покорилъ? Маленькая повѣсть о предметѣ большой важности (съ рисункомъ). — Савраска (съ рисункомъ). — Дѣтскіе силуэты (съ рисункомъ). — Тоже своего рода Елка (съ рисункомъ). — Сандрильона (съ рисункомъ). — Четвероногіе ребята (съ рисункомъ). — Дѣвочка съ мячикомъ (съ рисункомъ). — Наволосокъ отъ смерти. (Святочный рассказъ). — Отъ издателя. До пріятнаго свиданія въ Новомъ году (рисункомъ). — Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХЪЕВЪ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ будущемъ 1877 г., какъ мы уже имѣли честь своевременно заявить, «Нива» будетъ издаваться по программѣ предыдущихъ семи лѣтъ ея изданія. Говорить о томъ, какъ исполнялась эта программа въ продолженіи означеннаго времени значило-бы повторять давно извѣстное, ибо читатели наши знаютъ, какія художественныя и литературныя задачи, неуклонно преслѣдуются «Нивой» и какъ онѣ осуществляются, благодаря заботамъ о томъ, чтобы все помѣщаемое на ея страницахъ носило характеръ общепользнаго чтенія, способствующаго умственному и нравственному развитію.

Не перечисляя здѣсь тѣхъ многочисленныхъ рисунковъ, которые заготовлены нами для помѣщенія на страницахъ «Нивы», считаемъ нелишнимъ заявить, что въ наступающемъ году будутъ помѣщены: портреты нѣкоторыхъ изъ болѣе замѣчательныхъ пѣвцовъ русской оперы, портреты русскихъ писателей и замѣчательныхъ европейскихъ ученыхъ, виды живописныхъ мѣстностей какъ нашего отечества, такъ и другихъ странъ, рисунки по русской исторіи и археологій, рисунки къ русскимъ образцовымъ произведеніямъ литературы, копія съ картинъ, какъ нашихъ русскихъ, такъ и европейскихъ художниковъ, типы и сцены изъ народной жизни, рисунки по этнографіи, естественной исторіи и т. д. За сямъ, въ виду настоящаго положенія политическихъ дѣлъ, издателемъ приняты надлежащія мѣры для того, чтобы своевременно на страницахъ «Нивы» появились портреты современныхъ дѣятелей на военномъ поприщѣ, виды мѣстностей, и т. д. Для этого издателемъ уже сдѣлано соглашеніе съ однимъ изъ литераторовъ и съ однимъ изъ художниковъ, имѣющихъ своевременно отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, для доставленія оттуда надлежащихъ свѣдѣній и рисунковъ.

Изъ числа литературныхъ произведеній, приобретенныхъ «Нивою» и болѣею частію уже доставленныхъ авторами въ редакцію, въ 1877 году будутъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія.

Спусти рунава. Рассказъ изъ недавнаго прошлаго. Д. Стахъева.

Миленка. Рассказъ изъ современной жизни въ Сербіи. Н. Каразина.

Нападеніе турокъ. Рассказъ изъ современной жизни въ Черногоріи. Ремезова.

Кавказскія ночи. Рассказъ изъ жизни на нашемъ югѣ. Немировича Данченко.

Рассказы и повѣсти: Тернистый путь, Последнія минуты жизни, Современный женихъ, Герои нашего времени. Весенняя сказка. Избытокъ жизни. Первые шаги юноши. Двѣ капли воды, и т. д.

Изъ литературы европейской редакціею заготовлено нѣсколько замѣчательныхъ переводныхъ произведеній, которыя будутъ помѣщены, какъ и поименованныхъ рассказы и повѣсти, по мѣрѣ возможности.

За сямъ, напоминая объ отдѣлѣ по исторіи, этнографіи, естественнымъ наукамъ, путешествіямъ и т. д., для которыхъ въ «Нивѣ» всегда отводилось почетное мѣсто, считаемъ нужнымъ заключить наше прощаніе съ читателями надеждой на свиданіе въ будущемъ году, въ продолженіи котораго «Нива» надѣется заслужить ихъ вниманіе честнымъ, аккуратнымъ и неустанно, настойчиво добросовѣтнымъ веденіемъ дѣла.

Что касается преміи, предполагаемой къ выдачѣ подписчикамъ въ 1877 г., то по этому случаю смѣемъ увѣрить читателей что премія 1877 г. не только не уступитъ по своимъ достоинствамъ преміямъ прежнихъ лѣтъ, но даже превзойдетъ ихъ.

При первомъ № 1877 г. будетъ приложенъ Календарь на 1877 г., печатанный двумя красками.

А. Ф. МАРКСЪ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

ОБЪ ИЗДАНИИ „ПЕТЕРБУРГСКОГО ЛИСТКА“ НА 1877 ГОДЪ.

„ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЛИСТОКЪ“

выходитъ пять разъ въ недѣлю: по Воскресеньямъ, Вторникамъ, Средамъ, Четвергамъ и Субботамъ.

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ).
(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

«Петербургскій Листокъ» имѣетъ главнѣйшею цѣлью служить органомъ общественной жизни.

Согласно этой цѣли, «Петербургскій Листокъ» дѣлитъ свою программу на слѣдующіе отдѣлы:

1) **ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ** — касающіяся, какъ городского хозяйства, такъ и всѣхъ нуждъ и потребностей. Въ этомъ отдѣлѣ мы можемъ указать на статьи: «Система Бурова», «Хлѣбный вопросъ», «Маринская система», «Отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ», «Доморощенный Восточный вопросъ» (статья о Пермскомъ трактѣ), «Христіанскіе мученики XIX столѣтія», «Нашъ судъ и адвокатура», «Опытъ надъ системою Ларнура», «Лекція о спиритизмѣ», «Наглядное проявленіе спиритическихъ силъ», «По поводу спасительнаго тормоза», «Введеніе судебныхъ дѣлъ» и мн. др.

2) **ХРОНИКА** — заключающая въ себѣ всѣ новости петербургскаго дня: сюда входитъ обзоръ дѣятельности всѣхъ существующихъ Обществъ, дневникъ происшествій, отчеты объ увеселеніяхъ вообще, уличная жизнь столицы, распоряженія, касающіяся Петербурга, слухи, вѣсти и проч. Назначеніе этого отдѣла состоитъ въ томъ, чтобы дать читателю полную картину жизни Петербурга.

3) **ТЕАТРАЛЬНЫЙ КУРЬЕРЪ** — заключаетъ въ себѣ подробные отчеты о всѣхъ явленіяхъ театральнаго міра, какъ въ Петербургѣ, такъ въ провинціяхъ и за границею. (Отдѣломъ этимъ заведуетъ «Театральный наглядчикъ»). Съ 1877 года мы намерены обратить вниманіе на клубныя сцены.

4) **СУДЕБНАЯ ХРОНИКА** — совмѣщаетъ въ себѣ всѣ замѣчательнѣйшіе процессы, какъ въ уголовной, такъ и въ гражданской судебной практикѣ, излагаемые кратко, и также и сцену и вироуныхъ судей. Съ текущаго года мы приняли за правило на болѣе выдающихся процессахъ имѣть своихъ представителей-корреспондентовъ, дабы читатель могъ выносить не впечатлѣніе сухаго стенографическаго отчета, а впечатлѣніе живаго разсказа. Въ нынѣшнемъ году, такимъ образомъ, мы передали все дѣло московскаго ссуднаго банка, подъ заглавіемъ «Струсбергъ».

5) **ВНУТРЕННЯЯ ПОЧТА** — состоитъ изъ собственныхъ корреспонденцій (Москва и Кронштадтъ имѣютъ постоянныхъ корреспондентовъ) и выборку изъ другихъ газетъ. Для пріада болѣе полноты этому отдѣлу суместуетъ фельетонъ — Изъ провинціи — рѣдкости и диковины, какъ характеристика нравовъ.

6) **ЗАГРАНИЧНАЯ ПОЧТА** — имѣетъ два отдѣла: Иностранное обозрѣніе, заключающее въ себѣ общій отчетъ о ходѣ политическихъ событий и ослѣтотъ «Заграничная общественная жизнь», представляющей, въ краткихъ очеркахъ, движеніе въ общественной жизни государствъ Европы и Америки.

7) **ФЕЛЬЕТОНЪ** — содержитъ въ себѣ романы, повѣсти, рассказы и очерки. На этотъ отдѣлъ редакціи, остающіеся почти безъ измѣненія съ 1868 г., всегда обращалъ особенное вниманіе. Въ теченіе этого времени, были помѣщены слѣдующія произведенія:

Романы оригинальные: «Театральная болота», 3 части, «На судъ присяжныхъ», 3 ч., «Земское дѣло—сѣмейное дѣло», 3 ч., «Сельцо отрадное», 1 ч., «Крестникъ Петра Великаго», 1 ч., и «При крѣпостномъ правѣ», 2 ч.

Романы переводные: Уголовные: «Левоя», «Адская жизнь», «Статья 47-я», «Отра-вительница», «Милліонное наслѣдство», «Дважды два—пять», «Мщеніе», «Зачѣмъ» и «Полуночникъ», «Журналъ» и «Курганка».

Исторические: «Сестра Король», «Братья Шантмессъ», «Гостиница тринадцати повѣнчаныхъ» и «Курганка».

Романы нравовъ: «Лѣсной демонъ» и «Слабости хорошенковой двушныя». Въ настоящее время печатается большой оригинальный романъ: «Сестра милосердія», изъ эпохи 50-хъ годовъ. Часть первая—«Въ Севастополѣ», часть вторая—«Въ обществѣ», часть третья—«На каторгѣ».

Кромѣ этихъ романовъ, помѣщено было до тысячи повѣстей, рассказовъ и очерковъ. Воскресный фельетонъ, носящій названіе «Листка изъ альбома вистуновъ», представляющей юмористическіе отчеты, въ стихахъ и прозѣ, о всѣхъ курьезныхъ явленіяхъ въ теченіе недѣли, съ нынѣшняго года представлялъ болѣе широкіе размѣры и помѣщался до трехъ разъ въ недѣлю, сюда же относится и «Дневникъ прапорщика Власа Ловласова».

Въ теченіе 1876 года, были помѣщены 2 части романа А. А. Соколова «Сестра милосердія» и большая повѣсть С. Навитной «Увлеченіе» и, кромѣ того, два большіе переводныхъ романа: «Изъ-за блондинки» и «Въ погонѣ за призраками».

8) **ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ**. Этотъ отдѣлъ составлялъ полную собственность публики и открытъ для всевозможныхъ ея заявленій.

9) **БИРНА**.
10) **ЖУРНАЛИСТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ**.

11) **ВОЕННЫЙ ЛИСТОКЪ**.
Вызванный обстоятельствами, отдѣлъ «Военный Листокъ» представлялъ въ этомъ видѣ весь ходъ сербско-турецкаго войны и, для болѣе характеристики событій, печатались «письма русскихъ добровольцевъ».

Въ 1877 году, если того потребуютъ обстоятельства, мы будемъ имѣть своихъ корреспондентовъ на мѣстахъ военныхъ дѣйствій, имѣть собственные телеграммы и, въ случаяхъ болѣе важныхъ и серьезныхъ извѣстій, разсказывать особая приключенія. Въ настоящее время, въ Кишиневѣ мы уже имѣемъ спеціального корреспондента.

Въ будущемъ 1877 году, въ литературномъ отдѣлѣ, помѣщены будутъ окончанія романа «Сестра милосердія», повѣсти историческія «Слово и Дѣло» (изъ царствованія Петра I), «Царь баба» (изъ царствованія Екатерины II); бытовые: «Магдалина», «Гувернантка», «Въ непочатомъ краю», и большая повѣсть С. Навитной: «Вѣрный товарищъ».

Въ распоряженіи редакціи имѣется еще рядъ очерковъ и, кромѣ перечисленныхъ оригинальныхъ повѣстей, два большіе переводные романа.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ВЪ 1877 ГОДУ:

	на 1 мѣс.	на 3 мѣс.	на 4 мѣс.	на 6 мѣс.	на 12 мѣс.
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	— р. 70 к.	2 р. 10 к.	2 р. 80 к.	4 р. — к.	6 р. 50 к.
Съ доставкою на домъ	— » 90 »	2 » 50 »	3 » 50 »	5 » — »	8 » — »
Съ пересылкою въ другіе города	1 » 10 »	3 » 20 »	4 » 20 »	6 » — »	9 » — »

На основаніи положенія о гербовомъ сборѣ, лица, вносящіе болѣе 5-ти рублей и получающія подпной билетъ, уплачиваютъ за 5-ти копѣечную гербовую марку, которая наклеивается на билетъ.

Подписка принимается въ главную конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, по Екатерининскому каналу, у Казанскаго моста, въ домѣ Ковалевскаго.

Редакторъ Павелъ Зарубинъ.
Издатели: Викторъ Владимірсій.
Александръ Соколовъ.
Михаилъ Стопановскій.

3—2

РУКОВОДСТВО ГИМНАСТИКИ

для среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Съ 227 гравированными подлинниками въ текстѣ и 6 анатомическими рисунками. Составлено инспекторомъ гимнастики при С.-Петербургскомъ совѣтѣ дѣтскихъ приютовъ Н. А. Шмидтомъ. Съ дополненіемъ «Подготовна къ военной службѣ», съ 20 гравированными чертежами. Цѣна 1 р. 60 к.

Руководство гимнастики, для сельскихъ и народныхъ школъ и учительскихъ семинарій, съ 113 полит. Сост. Н. А. Шмидтъ. Цѣна 75 к.

Дѣтъ стѣнныхъ таблицъ политипажа, содержащія въ себѣ 113 фигуръ. Цѣна таблицамъ 50 к.

Гимнастика и ея польза. Цѣна 10 к. Шмидтъ, К. Руководство гимнастики для дѣтскихъ приютовъ, народныхъ школъ и семинарій и для прирѣженія въ домашнему воспитанію дѣтей, съ 218 политипажами. Спб. 1873 года. Цѣна 1 р. 50 к.

Пять стѣнныхъ таблицъ политипажа. Продаются въ С.-Петербургѣ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и на квартирѣ автора въ Константиновскомъ Военномъ Училищѣ, кв. № 13, и ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ Ф. ЮРЕНСА, Гороховая ул., д. № 55, гдѣ требованія исполняются въ самое короткое время.

Въ Москвѣ у книгопродавца Салаева и въ Московской Дѣтской Педагогической Библиотекѣ, на Водьянскій, въ д. Колокольцова.

Иногородные книгопродавцы могутъ обратиться за руководствами Гимнастики въ контору книжной торговли и редакціи журналовъ «Мужскія Моды» и «Женскія Руководія», Гороховая улица № 55 въ С.-Петербургѣ, съ уступкою 20 процентовъ.

3—2

Открыта подписка на 1877 годъ

еженедѣльнаго юмористическаго журнала съ карриатурами

РАЗВЛЕЧЕНІЕ.

(годъ девятнадцатый).

Журналъ будетъ выходить по той же программѣ и на прежнихъ условіяхъ, въ количествѣ 52 №№.

Цѣна его: въ Москвѣ, безъ доставки на годъ 4 р. с., на полгода 2 р. 50 к.; съ пересылкою въ города и доставкою на домъ, на годъ 5 р. с. на полгода 3 р. с.

Подписываться можно во всѣхъ болѣе известныхъ книгопродавцевъ общахъ столицъ. Гг. иногородные для болѣе вѣрности благоволятъ адресоваться исключительно въ редакцію журнала «РАЗВЛЕЧЕНІЕ» въ Москвѣ.

Для избѣжанія перерыва въ доставкѣ журнала, редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ ваявать свои требованія заблаговременно.

При перемѣнѣ адреса прилагается 20 к. с. и прежній печатный адресъ.

3—3

Издатель-редакторъ В. Миллеръ.

„РУССКІЙ МІРЪ“

въ 1877 году

будетъ выходить еженедельно листами большаго размѣра. Въсѣ №№ въ продолженіе года выйдеть 360.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ ВЪ РОССІИ:

На годъ. На 11 мѣс. На 10 мѣс. На 9 мѣс. На 8 мѣс. На 7 мѣс. На 6 мѣс. На 5 мѣс. На 4 мѣс. На 3 мѣс. На 2 мѣс. На 1 мѣс.
12 р. 11 р. 50 к. 11 р. 10 р. 9 р. 8 р. 7 р. 6 р. 5 р. 4 р. 3 р. 1 р. 50 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ пересылкою и доставкою за границу:

На годъ 22 р. — к. На 3 мѣсца 6 р. 50 к.
» полгода 12 » — » » 1 » 2 » 50 »

Сдѣлавъ нашу газету самой доступной по цѣнѣ изо всѣхъ болѣешихъ политическихъ газетъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать ее и самой полною и интересною по содержанию.

Особенное вниманіе обращено редакціею на политическій отдѣлъ. Съ мѣста событий на Балканскомъ полуостровѣ, мы получаемъ ежедневно особая телеграммы и точная, обстоятельная свѣдѣнія отъ нашихъ собственныхъ корреспондентовъ. На дняхъ отправленъ нами туда еще нарочный корреспондентъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ газеты, Большая Морская, д. № 11.
ВЪ МОСКВѢ: 1) въ московскомъ отдѣленіи газеты «Русскій Міръ», на углу Дмитровка и Охотнаго ряда, домъ Влагороднаго собрания, книжный магазинъ А. Ѳ. Живарева 2) въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ и у другихъ книгопродавцевъ.

3—3

НАСТОЯЩАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскармливанія грудныхъ дѣтей.

ВЕНЦЕЛЬ
МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Базковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи

Цѣна ЖЕСТЯНКИ 1 р. безъ пересылки, въсѣ 1 1/4 ф.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отъчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ПУГМЦЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННОГО агента моего для всей Россіи. № 2.

ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Базелѣ (Швейцарія). 26—14

ДЛЯ БИБЛИОТЕКЪ И НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ КАЖДОЙ СЕМЬИ
вышла вторымъ дополненнымъ изданіемъ книга
Руководство къ УХОДУ за больными, ранеными, беременными, родильницами, новорожденными дѣтьми и первая помощь до прибытія врача.
Съ 41 рис. Сост. Мик. Залуговскій.
Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к. Прод. въ Москвѣ, у автора и Пречистенскихъ воротъ, Лѣсной пер., д. Антошевскаго, адресу Михаилу Сампсоновичу Залуговскому и у книгопродавцевъ С.-Петербурга и Москвы.

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ.

Садовое Заведеніе въ Ригѣ,
 симъ имѣть честь довести до свѣдѣнія любителей, что
НАТАЛОГО СЪМЕНАМЪ и пр. **НА 1877 Г.**
 изданы и разсланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы.
 Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковыя, посылаются каталоги также безплатно, смотря по завѣщенію на языкахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, или же иллюстрированное изданіе, съ 240 политипажами, на одномъ русскомъ языкѣ.
 4-1

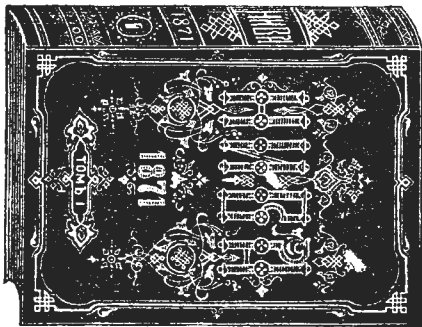
ИЗДАНИЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разказы В. В. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1876 года 90 к. съ пересылкою.
Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть времени Екатерины II. П. Петрова и В. Ключникова. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событиями и замѣчательнѣйшими дѣятелими Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1876 года 75 к. съ перес.
Про что щелбала ласточка. Сочиненіе Шиллингера. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1876 г. 1 р. съ пересылкой.

Крышки для переплета „НИВЫ“ 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876 и 1877 г. по вышеозначенному образцу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскаго города легко можетъ переплести „НИВУ“ въ такую колѣнокорую крышку.

ИСТОРИЯ ГРЕЦІИ И РИМА.

Андрей Ткачева продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ С.-Петербурга.
 Цѣна 2 р.
 Складъ въ Мал. Морск. № 19, кв. № 5.
 Отзаны въ 1876 г: въ Сп. Вѣд. № 63, Новое Вр. 20, Бирж. Вѣд. 94, Голосъ 178, Женск. Образ. 1-2, Недѣля 13-14, Педаг. Муз. 8 и др. 3-2

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА А. САФОНОВА.

Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 88.
 Выдаетъ ссуды подъ проц. бумаги и анціи
 Выдаетъ дополнительныя ссуды по банковымъ копиямъ съ обявательства, съ переваломъ бумагъ въ конторѣ.
 Учитываетъ до срока купоны и вышедшія въ тиражъ бумаги.
 Продана 5^я съ выигрыш. билет. съ разсрочкою платежей, съ задаткомъ по 20 р. на билетъ, страхованіе билетовъ обоимъ внутреннимъ съ выигрышами займовъ.
 По 25 коп. за билетъ.
 Отъ гг. иногородныхъ, включая почтовые расходы.
 По 35 коп. за билетъ.
 Гербовый сборъ, 5 коп., со страховой квитанціи уплачивается страхователями.
 Всѣ биржевыя и банкирскія операціи по покупке, продажѣ и залогу бумагъ отъ гг. иногородныхъ исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту.
 Подробную программу операцій можно получить въ Конторѣ. № 105.

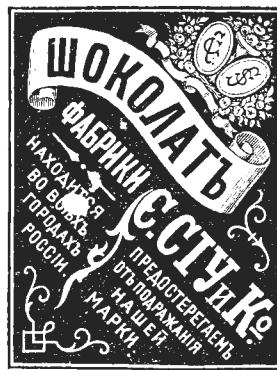
Продается въ Москвѣ домъ съ флигелемъ и службамъ; земли 280 кв. саж., за 21,000 р. с. или съ переводомъ долга и прилатоу 9.000 руб. сер. Адр.: въ Москвѣ, въ Большомъ Власьевскомъ пер. домъ № 501.

УЧИТЕЛЬ, оконч. курсъ матем. наукъ въ Университетѣ, даетъ уроки математики и русск. яз. Владимирская, д. № 8, кв. 14. Р. А.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ Н. Каразина, съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытвыя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ „НИВЫ“ на 1876 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

45-43

Сочиненія Д. СТАХЪЕВА:

Наслѣдники. Повѣсть 2 тома 670 стр. цѣна 2 руб.
 Встрѣженный городъ. 1 томикъ 116 стр. цѣна 50 коп.
 Въ Москвѣ у Соловьева и Живарева, въ Петербургѣ и въ конторѣ Нивы и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Изданія А. Ф. МАРКСА (издателя

пользуемся случаемъ обратить вниманіе читателей на слѣдующія наши изданія:
Въ Намышахъ, повѣсть Н. Н. Каразина, съ рисунками автора. Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкой 2 руб., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1876 г. 1 р. 40 к. съ пересылкой. Эта повѣсть рисуетъ туркестанскую жизнь такими живыми красками, что читатель чувствуетъ себя какъ бы присутствующимъ на мѣстѣ дѣйствія и среди описываемыхъ лицъ. Авторъ удостоился самыхъ лестныхъ отзывовъ, какъ русской, такъ и заграничной прессы. Повѣсть его переведена на англійскій, французскій и нѣмецкій языкъ. Въ Германіи Каразина называютъ «воистиннымъ Герштекеромъ».

„НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ:

ПРИ ПЕТРѢ, историческая повѣсть В. И. Кельсиева, съ рисунками Панова и Коверзнева.

Это чрезвычайно интересное сочиненіе, изображающее, въ формѣ повѣсти, Петровское время и его характеръ. Авторъ представляетъ героя, Петра Великаго, въ такомъ популярномъ и привлекательномъ видѣ, что каждый русскій читатель, развѣ начавшій чтеніе этой повѣсти, не положитъ ея, пока не окончитъ чтенія. Переводъ этого изданія на иностранныя языки гарантируетъ достоинство этой повѣсти. Цѣна 1 руб. сер., съ пересылкою 1 р. 40 к. для подписчиковъ „НИВЫ“ съ пересылкою 1 руб.

„НИВА“, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

- 1871 годъ
- 1872 годъ
- 1873 годъ
- 1874 годъ
- 1875 годъ
- 1876 годъ

Каждый годъ «Нивы» заключаетъ въ себѣ 20 — 25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, современной жизни и проч., и около 300 рисунковъ въ каждомъ томѣ. Помѣщенныя повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома «Нивы» за прошлые года — имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нимъ приложенныхъ бесплатныхъ премій (Эти шесть томовъ «Нивы» составляютъ самый лучший подарокъ). Покупатели «Нивы» 1876 года получаютъ премію: олеографическая картина «Спящая красавица», на деревянной скалкѣ.

Цѣна каждому тому, т. е. годовому изданію:

	Брошюрованному:	Въ простомъ переплетѣ:	Въ колѣнокоромъ переплетѣ съ золотомъ.
Безъ пересылки	4 р.	4 р. 75 коп.	5 р. 50 коп.
Съ пересылкою	5 "	5 " 75 "	6 " 50 "

Желающіе выписать сразу всѣ шесть лѣтъ: 1871, 1872, 1873, 1874 1875 и 1876 «НИВЫ» пользуются уступкой 25% съ цѣны изданія (но не съ цѣны за пересылку и за переплетъ) и высылаютъ за всѣ шесть томовъ:

Брошюрованнине:	Въ простомъ переплетѣ.	Въ колѣнокоромъ переплетѣ:
24 руб.	28 руб. 50 коп.	33 руб. 50 коп.

При этомъ не прилагаются для Гг. иногородныхъ подписчиковъ два объявленія: 1) отъ книжнаго магазина Сергѣя Александровича Манухина въ Москвѣ и 2) отъ редакціи журнала „Библиотечка для Чтенія“.

